

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1903.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

Р. И. С. К. С. Б. Р. Ж. С.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1903.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1903.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

ЯНВАРЬ.

№ 1903 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго. (Изъ бумагъ академика А. О. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ. 5—36	XI. Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина. (Окончаніе). 201—210
II. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина. 37—65	XII. Записная книжка „Русской Старины“: Послѣдствія ухаживания на Невскомъ проспектѣ въ ноябрѣ 1829 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (стр. 66).—Болѣзнь князя Г. Г. Орлова и назначеніе надъ нимъ опеки. Рескриптъ импер. Екатерины II братьямъ Орловымъ. 31-го дек. 1782 г. Сообщ. Д. П. Струковъ (94).—Оригинальная подписка. Сообщилъ В. Адамовичъ. — О считаніи оберъ-церемоніймейстера во второмъ классѣ. Высочайшее повелѣніе 16-го ноября 1827 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (122).—О сохраненіи нашивковъ нижними воинскими чинами въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (130).—Пробѣба француза Висто 22-го марта 1829 г. именовать-ся Безосновнымъ. Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій (186).
III. Разрытіе могилы кн. А. Д. Меншикова, спустя сто лѣтъ послѣ его кончины. 67—72	XIII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).
IV. Иванъ Сергѣевич Тургеневъ и Николай Алексѣевич Некрасовъ. Н. Гутьяра. 73—93	
V. Изъ прошлаго. Ужасные дни. П. Д. Паренцова. 95—121	
VI. Характерная ошибка. (По дѣлу всеподданнѣйшаго представленія намѣстника графа Берга о дополнительныхъ суммахъ вѣдомству просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ на 1865 г. Профессора Д. м. В. Цвѣтаева. 123—129	
VII. Записки Э. И. Стогова. 131—148	
VIII. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 149—164	
IX. Россія и палсній престоль. 1580—1601 гг. Извлечение В. В. Тимощукъ. 165—185	
X. Книгиня Д. Х. Ливень и ея переписка съ разными лицами. 187—200	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Сообщ. Б. Модзалевскій.
2) Портретъ Валеріана Александровича Панаева.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по повѣдѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъяческая, № 39.
1903.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1903 года.

Библиотека „Руниверс“

Библиографическій листокъ.

В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. Профессора Н. О. Сумцова. Харьковъ. 1902 г.

Въ разсматриваемой нами книгѣ, составляющей отдѣльный оттискъ изъ Сборника Историко-филологическаго общества (14-й томъ, 1902 г.), помѣщены статьи профессора Сумцова, обрисовывающія, главнымъ образомъ, личность В. А. Жуковского, какъ человѣка и художника, а также и статьи, касающіяся творчества Н. В. Гоголя.

Мы остановимся прежде всего на статьѣ «В. А. Жуковский, какъ филантропъ». В. А. Жуковский знаменитъ, какъ писатель и филантропъ. Его доброта, — говоритъ Н. О. Сумцовъ, — отличалась огромной устойчивостію и привлекала къ нему людей разныхъ положеній, отъ особъ царской фамилии до простыхъ крестьянъ. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ своему воспитателю генералу Мердеру (1833 г.) постоянно называлъ Жуковского «добрымъ», «безцѣпнымъ». «Записки» А. О. Россетъ-Смирновой — настоящей двоюродной доброты Жуковского: онъ «воплощеніе безконечной доброты, Пушкинъ говорилъ о немъ: «онъ почти слишкомъ добръ. Во всей его обширной особѣ не найдется достаточно желчи, чтобы убить зловредную муху».

Въ русскихъ историческихъ журналахъ, въ разныхъ историческихъ сборникахъ, въ мемуарахъ и письмахъ разныхъ дѣятелей первой половины XIX столѣтія разбросано множество сообщений о филантропической дѣятельности Жуковского. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ подробностями личной жизни Василія Андреевича, тѣмъ болѣе выступаетъ наружу несмѣтная сумма добра, накопленная имъ въ теченіе полувѣка на широкомъ просторѣ отъ Енисея до Рейна.

Встрѣчая у Жуковского на каждомъ шагу проявленія добраго чувства, въ его колоссальной частной перепискѣ, въ сочиненіяхъ, въ сферѣ личныхъ отношеній, въ кругу семейныхъ и общественныхъ отношеній, — естественно возникаетъ вопросъ: какія обстоятельства личной жизни поэта воспитали и развили вложенное въ его сердце отъ природы гуманное настроеніе? — Несомнѣнно, на Жуковского сильно повліялъ тотъ женскій кругъ, въ которомъ онъ провелъ свои молодые годы. Природные задатки сердечности и доброты выросли подъ мягкимъ воздѣйствіемъ его многочисленныхъ родственницъ Жуковский росъ, окруженный цѣлымъ роемъ милыхъ и добрыхъ дѣвушекъ. Оставляя дерзнуть, по желанію своей старшей сестры Протасовой, Василій Андреевичъ въ 1815 г. писалъ ея дочери, своей любимой племянницѣ, Марьѣ Андреевнѣ: «я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастіемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностію къ тебѣ, что, наконецъ, тебѣ же я былъ обязанъ самымъ

прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою».

Любовь къ Марьѣ Андреевнѣ была для Жуковского горестнымъ испытаніемъ, но она закалила его сердце въ стремленіи къ самопожертвованію ради блага ближняго, готовности поступаться личными интересами. Нельзя отрицать вліяніе другой его талантливой племянницы, Авдотьи Петровны Кирѣевской, по второму мужу Елагиной, — женщины высокихъ нравственныхъ качествъ и прекрасно образованной. Жуковский называлъ ее своей поэзіей. По отаву Кавелина, она участвовала въ движеніи русской литературы и русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу.

Въ числѣ лицъ, близкихъ къ Жуковскому, дружба съ которыми могла содѣйствовать развитію филантропическаго настроенія, — былъ старый пріятель и неизмѣнный другъ Василія Андреевича — Александръ Ивановичъ Тургеневъ унаслѣдовавшій отъ отца своего, славнаго со члена новиковскаго дружескаго ученаго общества, И. П. Тургенева, доброе сердце и дѣятельную любовь къ ближнимъ. Во многихъ благотворительныхъ дѣлахъ А. П. Тургеневъ шелъ рука объ руку съ Жуковскимъ, напримѣръ, въ хлопотахъ за Мещевскаго, Баратынскаго, Шевченка. Въ дѣлѣ сформированія въ Жуковскомъ нравственной личности и некоторую роль сыгралъ «Арзамасъ», дружеское литературное общество, возникшее въ Петербургѣ въ 1816 г.

В. А. Жуковский идею добра ставилъ всегда на первомъ планѣ и подчинялъ ей свою дѣятельность, свои помыслы и желанія. Въ 1832 г. въ письмѣ къ своему великому ученику, наслѣднику цесаревичу, позднѣе Царю-Освободителю Александру II, Жуковский говоритъ: «Примѣръ добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что мы можемъ даровать тѣмъ, кто живетъ вмѣстѣ съ нами; память добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что можемъ оставить тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ». Такимъ образомъ, въ идеѣ добра для Жуковского сливалось представленіе объ обязанностяхъ человѣка въ настоящей жизни и о правѣ на признательность потомства послѣ смерти.

Во многихъ стихотвореніяхъ пробивается человѣколюбивая тенденція, «да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ» («Къ поэзи» 1805 г.). Лучшая часть богатаго литературнаго наслѣдства, оставленнаго Жуковскимъ, — переводы его изъ Шиллера, Гербеля, Грея, построена на тепломъ, гуманномъ чувствѣ. Изъ оригинальныхъ стихотвореній къ этому теченію прямо примыкаютъ: «Свѣтлана», «Добра мать», «Воспоминаніе», «Письмо къ Александру Тургеневу» и прозаическія къ нему примѣчанія и мн. другія. Чисто филантропическій характеръ имѣетъ стихотвореніе «Сиротка».

Съ особенною яркостію благородная смѣлость и настойчивость въ достиженіи добрыхъ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 9 ДЕКАБРЯ 1902 Г.

ТИП. ТОВА. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“, Б. ПОДЪЯЧ.. 39.

ВАЛЕРІАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ПАНАЕВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1903 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

И С Т О Р И Я
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», СПБ. Большая

Подъяческая, № 39.

Александръ I

И ЕГО ПРИБЛИЖЕННЫЕ ДО ЭПОХИ СПЕРАНСКАГО.

Неизданная глава изъ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года преобразила судьбы Россіи. Мрачныя ея тайны возвели на престолъ молодого монарха, которому предстояло пройти черезъ тяжелую школу испытаній, ошибокъ и бѣдствій, но который, при всемъ томъ, будетъ занимать сабытное мѣсто въ нашей исторіи, даже и тогда, когда исторія въ Россіи перестанетъ быть однимъ безусловнымъ панегирикомъ.

Жизнь и судьбы Сперанскаго были тѣсно связаны съ жизнью и судьбами Александра. Описывая первыя, нужно непременно коснуться и послѣднихъ, восходя даже къ тому времени, когда онѣ были еще раздѣльны.

«Императоръ Александръ, блистательный участникъ достопамятныхъ событій первой четверти XIX-го вѣка, есть одинъ изъ тѣхъ монарховъ новѣйшаго времени, которые оставили по себѣ самое великое имя въ исторіи и положили неизгладимую печать свою въ лѣтописи европейскыхъ знаменитостей. Обширныя приращенія, которыми расширилась при немъ Россія; пожаръ Москвы; страшное пораженіе союзной арміи въ 1812 году; освобожденіе Германіи и низложеніе Наполеона,—все это вмѣстѣ даетъ его царствованію характеръ увлекательнаго интереса и изумительнаго величія. По массѣ и важности соединенныхъ въ немъ

происшествій, этому царствованію едва-ли можно найти подобное въ цѣлой исторіи рода человѣческаго».

Такъ начинается характеристика Александра I-го въ сочиненіи англичанина Алисона, изданномъ подъ заглавіемъ: «Исторія Европы отъ начала французской революціи до возстановленія Бурбоновъ». Эту книгу очень настойчиво рекомендовалъ намъ, именно по вѣрности изображенія въ ней русскаго монарха, человѣкъ, знавшій его, конечно, очень близко, но котораго мнѣніе было болѣе приговоромъ преданнаго сердца, нежели строго безпристрастнаго разсудка. Мы разумѣемъ здѣсь извѣстнаго лейбъ-медика Александра Wylie, звуки англійской фамиліи котораго переложились у насъ въ русскую форму Виліе. «Oh, quel homme, quel homme c' était qu' Alexandre!»¹⁾, говаривалъ онъ намъ часто, въ порывѣ сердечнаго восторга: чувство умиленное, но подъ вліяніемъ котораго трудно писать исторію. Портретъ Алисона весь почти составленъ изъ такихъ же восторженныхъ восклицаній. Сверхъ того, онъ болѣе общеповѣствовательный, нежели индивидуальный, и Александръ изображенъ въ немъ внѣ круга его приближенныхъ, которыхъ очертаніе столь важно для собственной его характеристики²⁾.

Обстоятельства и усердные поиски сосредоточили въ нашихъ рукахъ довольно значительное число такихъ матеріаловъ, которые до сихъ поръ существуютъ только въ рукописяхъ и, частью, совершенно неизвѣстны публикѣ. Сверхъ того, мы прислушивались—разумѣется, съ строгимъ критическимъ разборомъ—къ разсказамъ людей, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ ту эпоху, и перечитали съ такимъ же разборомъ, что только могли изъ напечатаннаго о ней въ Россіи и за границею. Несмотря на то, приступая къ біографической характеристикѣ императора Александра I-го, мы отнюдь не имѣемъ самолюбиваго притязанія составить что-нибудь полное, прагматическое, или произнести послѣднее слово. Мы старались достигнуть только того, чтобы наша компиляція—болѣе здѣсь читатель не найдетъ ничего—была, по возможности, точна, правдива и безпристрастна.

Въ царственной жизни Александра I-го ясно и рѣзко обозначаются три періода: первый—до послѣдней исполинской борьбы его съ Наполео-

¹⁾ Т. е. О, что за человѣкъ былъ Александръ!

²⁾ Не только у Алисона и въ сотняхъ общихъ историческихъ сочиненій, біографическихъ сборниковъ, энциклопедій, словарей и проч., но и въ книгахъ, исключительно посвященныхъ жизни и дѣяніямъ Александра, имена Новосильцова, Сперанскаго, Аракчеева и проч. упоминаются лишь вскользь, безъ цвѣта и безъ жизни. Но какова же правдивость, какова полнота, какова даже возможность біографіи императора Александра I, безъ включенія въ нее названныхъ нами лицъ? Это все равно, что исторія Генриха IV безъ Сюлли, или Людовика XIII безъ Ришелье!

номъ; второй—отъ начала этой борьбы до низверженія его соперника; третій—отъ общаго мира до кончины Александра. Настоящій очеркъ посвященъ одному первому, такъ сказать, подготовительному періоду, сколько, впрочемъ, подобное разграниченіе доступно въ общей характеристикѣ.

Императоръ Александръ не принадлежалъ, конечно, ни въ какомъ отношеніи, къ числу натуръ обыкновенныхъ. Съ самыми счастливыми природными способностями, съ блестящимъ даромъ бесѣды, съ необычайною находчивостью въ отвѣтахъ и рѣчахъ, съ изумительною памятью, онъ соединялъ въ себѣ рѣдкую воспримчивость къ совершенно разнороднымъ, иногда даже совершенно между собою противоположнымъ впечатлѣніямъ. Въ умственномъ отношеніи преобладающими его качествами были особенная тонкость и прозорливость. Сердцемъ и чертами лица онъ болѣе всѣхъ братьевъ походилъ на свою бабу. И онъ, какъ Екатерина II, былъ не безъ добродушнаго сочувствія къ ближнему, но въ обоихъ это сочувствіе, сверхъ внутренняго влеченія, немало возбуждалось и тщеславіемъ. Оба дарили охотнѣе тѣмъ, у которыхъ уже и безъ того было много, и оба болѣе любили оказывать милости, нежели воздавать за заслуги, хотя, впрочемъ, Александръ былъ вообще менѣе расточителемъ на награды, особливо денежныя, нежели Екатерина II¹⁾. И бабу, и внука легко составляли себѣ хорошее о комъ-либо мнѣніе, но такъ же легко и перемѣняли его, а послѣ уже неохотно прощали свою ошибку и не любили снова обращаться къ тому, кто имѣлъ несчастіе подпасть ихъ неудовольствію. «Государь такъ памятенъ,—говаривалъ Троцинскій²⁾, одинъ изъ ближайшихъ къ нему въ началѣ его царствованія,—что ежели о комъ разъ одинъ услышитъ худое, то уже никогда не забудеть». И бабу, и внука умѣли, по минутному вдохновенію, произносить сердечныя и умныя слова, которыя навсегда врѣзывались въ память слышавшаго ихъ. Наконецъ, и бабу, и внука въ высшей степени владѣли искусствомъ покорять себѣ умы и проникать въ душу каждаго, утаивая между тѣмъ отъ другихъ собственныя свои ощущенія и помыслы. Монархамъ вообще не трудно казаться умнѣе и любезнѣе другихъ людей; но въ Александрѣ и рѣчь, и привѣтъ, и вся наружность имѣли еще, въ

¹⁾ За кровопролитнѣйшую изъ битвъ, сраженіе Бородинское, Кутузову пожаловано было одновременно 100 тысячъ руб. ассигнаціями. Четыремъ братьямъ Васильчиковымъ, которые, всѣ въ генеральскихъ чинахъ, честно отслужили войны 1812—1814 гг., на просьбу о денежной ссудѣ, отвѣтствовано было, что она имъ выдается, если они, въ обезпеченіе ея, представятъ залогомъ имѣніе. Такихъ примѣровъ было много.

²⁾ Записки Н. С. Ильинскаго.—Этого мѣста нѣтъ въ печатномъ изданіи этихъ Записокъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 года.

добавокъ, видъ какой-то вкрадчивой откровенности, даже какого-то простосердечія, которыми тотчасъ привлекались сердца, какъ волшебнымъ взглядомъ прекрасной женщины. Онъ родился точно такъ же дипломатомъ, какъ Наполеонъ полководцемъ. Никто лучше его не умѣлъ тронуть и убѣдить, болѣе владычествовать надъ лицами и надъ массами. Читая газетныя извѣстія о восторгѣ, съ которымъ въ 1813 году принимали русскаго монарха въ Германіи, и объ упоеніи, съ какимъ, при каждомъ случаѣ, бѣжалъ ему навстрѣчу народъ, Сперанскій, во время своего заточенія въ Перми, говорилъ ¹⁾: «Вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи; будь чело-вѣкъ съ каменнымъ сердцемъ, и тотъ не устоитъ противъ обращенія государя: плѣнится и воспламенится. Это сущій прельститель...». Другой, повидимому, мало значущій, но одно время (въ 1812 г.) чрезвычайно близкій къ Александру чело-вѣкъ, правитель секретной канцеляріи министра полиціи Балашова де-Сангленъ, выражается о немъ въ своихъ Запискахъ подобнымъ же образомъ: «Одаренный необыкновеннымъ обаяніемъ и искусствомъ ослѣплять и приковывать сердца—пишетъ онъ ²⁾—государь умѣлъ, внѣшнимъ величіемъ чувствъ, облагораживать самыя свои недостатки».

Многіе любили Александра почти такую страстію, какую, казалось бы, можно вообразить себѣ только между лицами разнаго пола.

Все описанное нами было, впрочемъ, плодомъ не исключительно однихъ врожденныхъ наклонностей или дарованій. Воспитаніе и сила внѣшнихъ обстоятельствъ всегда имѣютъ важное вліяніе на чело-вѣка: въ Александрѣ они, такъ сказать, создали и опредѣлили весь его характеръ.

Судьба, съ самаго младенчества, поставила его между двумя противоборствовавшими началами: между бабкою, похитившею престолъ, и отцомъ, устраненнымъ отъ законнаго своего наслѣдія и стоявшимъ постоянно во главѣ оппозиціи. Первый наставникъ будущаго самодержца, умный и добродушный, но чрезъ мѣру восторженный швейцарецъ Лагарпъ, вращался болѣе въ мечтательныхъ теоріяхъ, нежели въ дѣйствительной жизни, и дотого преданъ былъ идеямъ своего времени, что, когда закипѣла французская революція, то славилъ первыми своими героями Барраса и аббата Сіеса ³⁾. Среднія степени въ умственномъ образованіи порфиророднаго отрока занимали люди съ неоспоримыми достоинствами: благоразумный, кроткій, посвящавшій себя болѣе литературѣ, нежели двору, Николай, ученый Эпинусъ, Остервальдъ, Палласъ, Крафтъ и другіе. Но за то, во главѣ воспитанія нравственнаго,

¹⁾ Записки пермскаго купца Попова.

²⁾ Записки де-Санглена.

³⁾ Слышано отъ великаго князя Михаила Павловича.

дѣйствовалъ Николай Ивановичъ Салтыковъ (послѣ графъ и наконецъ князь), одинъ изъ хитрѣйшихъ царедворцевъ своего вѣка. Пока Лагарпъ проповѣдывалъ своему питомцу либеральныя и филантропическія идеи, Салтыковъ воздѣлывалъ его характеръ совсѣмъ въ иномъ направленіи, уча его и въ теоріи и на практикѣ, какъ угождать въ одно и то же время властолюбивой бабкѣ и подозрительному отцу ¹⁾).

¹⁾ Салтыковъ, хотя и возведенъ былъ потомъ Александромъ на вершину почестей, не имѣлъ никакихъ выдающихся достоинствъ, ни какъ государственный человѣкъ, ни какъ частное лицо. Вотъ что пишетъ о немъ въ своихъ Запискахъ И. И. Дмитріевъ: «Въ обѣихъ столицахъ, особенно же въ Москвѣ, почитали его весьма дальновиднымъ и хитрымъ, несмотря на его наружное смиреніе. Это заключеніе основывалось болѣе на томъ, что онъ, при трехъ правленіяхъ, пользовался въ равной силѣ царскимъ благоволеніемъ. Не отрицаю приписываемыхъ ему достоинствъ, но, рассматривая его, какъ государственнаго человѣка, я не знаю, когда и чѣмъ онъ заслужилъ столь высокое о немъ мнѣніе. Въ лѣтахъ мужества, во время войны съ турками, оконченной Кайнарджинскимъ миромъ, онъ былъ, такъ сказать, рядовымъ генераломъ; ни въ одной реляціи не шумѣло имя его. Предсѣдательствуя потомъ въ Военной коллегіи, имѣя случай во всемъ пространствѣ развить способности государственнаго ума, онъ держался того хода въ дѣлахъ, какой былъ заведенъ предмѣстникомъ его, княземъ Потемкинымъ. Лучшаго было только то, что скорѣе подписывались имъ бумаги. Я не помню, чтобы онъ когда-нибудь сказалъ въ Совѣтѣ или Комитетѣ рѣшительное, собственное мнѣніе: брося нѣсколько словъ, ничего незначащихъ, онъ обыкновенно приставалъ къ тому, кто былъ, на его счету, важнѣе прочихъ, т. е. случайнѣе. Послѣ сего трудно ли было такъ долго держаться на своемъ мѣстѣ!» (И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь, Москва. 1866, стр. 203). Это было въ 1810—1812 гг. А вотъ что писалъ о томъ же Салтыковѣ въ своихъ Запискахъ статсъ-секретарь императрицы Екатерины А. М. Грибовскій, въ 1792 г.: «Салтыковъ почитался человѣкомъ умнымъ и проникательнымъ, т. е. весьма твердо зналъ придворную науку, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе не превосходное; однакожъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, всѣ почти государственныя дѣла были сообщаемы на его уваженіе, но я не помню, чтобы хотя по одному далъ онъ мнѣніе противное. Въ дѣлахъ же, собственно ему порученныхъ, управляемъ былъ своимъ писмоводителемъ, а въ домашнихъ графиню неограниченно. Писалъ, собственною рукою, по старинному, затруднительно. Свойства былъ нетвердаго и ненадежнаго: случайнымъ раболѣбствовалъ, а упавшихъ чуждался. Сей то человѣкъ представлялъ въ сіе время первое почти при дворѣ лицо, былъ генераль-аншефъ, имѣлъ всѣ россійскіе ордена, предсѣдательствовалъ въ Военной коллегіи, которая была въ полномъ своемъ дѣйствіи, и главнымъ образомъ при воспитаніи великихъ князей. Жилъ во дворцѣ со всею фамиліею, на всемъ придворномъ содержаніи, стоившемъ въ годъ 200 тысячъ рублей, въ которое время прибрѣлъ, черезъ сбереженіе своихъ доходовъ, около 10 тысячъ душъ, да жалованныхъ имѣлъ 6 тысячъ душъ и родѣвыхъ столько же; впрочемъ, былъ крайне скупъ» (Записки А. М. Грибовскаго, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года, книга первая, стр. 3—4).

То въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ—въ шитомъ кафтанѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ бантами, нерѣдкій свидѣтель распашныхъ бесѣдъ Екатерины съ Зубовымъ, сидѣвшимъ возлѣ нея въ халатѣ ¹⁾, то въ Гатчинѣ и Павловскѣ—въ солдатскомъ мундирѣ, въ ботфортахъ, въ жесткихъ перчаткахъ, съ ружьемъ, съ строгою военною выправкою, посреди маленькихъ гатчинскихъ героевъ,—юноша рано и скоро выучился являться, съ равнымъ приличіемъ и ловкостью, въ обѣихъ маскахъ. Товарищи его дѣтства и молодости и придворные кавалеры были также все люди съ совершенно различнымъ образованіемъ и самага различнаго направленія: оба Чарторыжскіе, князь Александръ Голицынъ, Новосильцовъ, графъ Павелъ Строгановъ, князь Александръ Салтыковъ (сынъ), Будбергъ, Ахвердовъ, наконецъ, Михаилъ Никитичъ Муравевъ—лучшій, послѣ Карамзина, писатель въ прозѣ того времени, но платившій дань своему вѣку и мечтавшій о народной свободѣ, пока она была еще прекрасною мечтою, а не ужасною истиной,—тутъ были перемѣшаны всѣ элементы. Не менѣе рѣзкія противоположности существовали и между обоими дворами: большимъ и тѣмъ, въ которомъ родился молодой великій князь. Въ первомъ, среди широкой роскоши и восточнаго великолѣпія, было царство вѣншей непринужденности и самыхъ разнообразныхъ общественныхъ удовольствій; каждый жилъ тутъ въ наслажденіяхъ и надеждѣ; на каждомъ болѣе или менѣе отражались лучи того блеска, которымъ сіяли Екатерина и ея любимцы; всѣ исповѣдывали одно ученіе: обожаніе Екатерины. При суровомъ дворѣ великаго князя Павла, напротивъ, господствовали скука бездѣйственной праздности, неудовольствіе, ропотъ, отреченія всякаго рода, а всѣ свѣтскія увеселенія замѣнялись парадными, ученіями и деспотическою военною дисциплиною—все въ миниатюрныхъ, разумѣется, размѣрахъ ²⁾. Императрица съ усмѣшкою смо-

¹⁾ Слышано отъ князя А. Н. Голицына.

²⁾ Извѣстно, что Павелъ, бывъ наслѣдникомъ, состоялъ генералъ-адмираломъ и президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Во флотѣ были баталіоны, которые назывались морскими и употреблялись на корабляхъ для десантовъ. Изъ нихъ-то составляемы были войска великаго князя въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Кадеты морскаго корпуса, оказавшіеся неспособными къ морской службѣ, поступали въ морскіе баталіоны, а оттуда переводились въ баталіоны гатчинскіе и павловскіе. И онѣ, и люди—при существовавшей въ прочихъ войскахъ другой совѣтъ формѣ—одѣты были совершенно на тогдашній прусскій образецъ: въ короткихъ мундирахъ съ лацканами, въ черныхъ штблетахъ, гренадеры въ шапкахъ такнхъ, какъ теперь у Павловскаго полка, а мушкетеры въ маленькихъ трехугольныхъ шляпахъ, безъ петлицъ, съ одною только пуговкою (См. Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1897 г., т. 69, стр. 343).

трѣла на эти нестрашныя ей игрушки; но Александръ и тутъ учился принаравливаться во всемъ и ко всему и вкрадываться въ довѣріе обѣихъ сторонъ, хотя въ душѣ, какъ увидимъ ниже, глубоко чувствовалъ тягость двусмысленнаго своего положенія. При воспитаніи, ограничивавшемся наиболѣе внѣшнимъ блескомъ и всестороннею угодливостью, внушеніе молодому человѣку высшаго религіознаго и нравственнаго чувства, было, конечно, оставлено совсѣмъ въ сторонѣ. Въ 1818 году, въ разговорѣ съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ, Александръ самъ сознавался ¹⁾, что только искупленію Европы отъ гибели обязанъ былъ своимъ собственнымъ нравственнымъ искупленіемъ. «Императрица Екатерина—говорилъ онъ—была проніцательная, умная, великая государыня, но, что касается воспитанія сердца въ духѣ истиннаго благочестія, при Петербургскомъ дворѣ было—какъ почти вездѣ. Я чувствовалъ въ себѣ пустоту, и въ душѣ моей неясно носилось какое-то предчувствіе, но я жилъ и разсѣвался. Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ Божій на обледѣнѣлыхъ поляхъ битвъ наполнилъ мое сердце такою теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ Его Священное Писаніе; съ тѣхъ только поръ я понялъ и понимаю Его волю и Его законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славы ²⁾». Съ другой стороны, какъ воспитаніе Александра, полуфранцузское и полурусское, не было ни вполне царскимъ, ни вполне филозофическимъ, то въ воспримчивой головѣ молодого человѣка образовалось странное смѣшеніе филозофскихъ и филантропическихъ повѣрій XVIII вѣка съ принципами прирожденнаго самовластія.

Екатерина разсудила за благо женить своихъ внуковъ въ самой еще нѣжной ихъ молодости. Такіе браки рѣдко бываютъ счастливы.

¹⁾ Charakterzüge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III.

²⁾ Это былъ первый шагъ. Извѣстно, что потомъ Александръ, отъ прежняго равнодушія, перешелъ даже къ піэтизму. Отношенія его къ г-жѣ Крюднеръ и къ Юнгу-Штиллингу знала вся Европа. Спутникъ первой, женеваскій пасторъ Эмпейтацъ, влагаетъ въ уста русскаго самодержца слѣдующія слова, сказанныя имъ, будто-бы, г-жѣ Крюднеръ: «Dans mes conférences avec mes ministres qui sont loin d'avoir mes principes, lorsqu'ils sont d'avis contraire, au lieu de disputer, je prie intérieurement, et je les vois se rapprocher peu à peu des principes de la charité et de la justice» (Notice sur Alexandre, empereur de Russie, par Empeytaz (Genève. 1828), p. 21). (Переводъ: При совѣщаніяхъ съ моими министрами, которые далеко не раздѣляютъ моихъ убѣжденій, въ случаѣ, если они не согласны съ моимъ мнѣніемъ, я, вмѣсто того, чтобы вступать съ ними въ споры, внутренно возношу молитвы, и вижу, какъ они мало-по-малу склоняются къ началамъ милосердія и справедливости).

18-тилѣтнему Александру дали кроткую и возвышенную духомъ, но только очень немногими понятую Елисавету Баденскую. Въ первое время молодая чета блаженствовала взаимною любовью; но Александръ скоро охладѣлъ къ своей супругѣ, наиболѣе, какъ говорили, отъ чрезвычайной холодности ея темперамента ¹⁾. Еслибъ онъ долѣе остался вѣренъ союзу, подѣйствовавшему на него, въ первое время, очень благотѣльно, то, быть можетъ, изгладилась бы, или, по крайней мѣрѣ, смягчилась бы та черта двуличія, которую всѣ начинали уже въ немъ замѣчать. Напротивъ того, обстоятельства направлялись какъ бы именно къ тому, чтобы еще болѣе ее развить. Даже въ началѣ своего союза, когда была еще вся супружеская вѣжность, великому князю нерѣдко приходилось попирать самыя высокія и драгоцѣнныя чувства подъ тяжкою личиною, чтобы только удалить отъ себя преслѣдованія. Такъ, на примѣръ, едва вѣрится, чтобы 19-тилѣтній юноша, въ которомъ кипѣніе крови, должно было, казалось, преодолевать всѣ расчеты, рѣшился изложить на бумагѣ то, что мы читаемъ въ письмѣ его къ одному изъ ближайшихъ тогдашнихъ его друзей, посланнику нашему въ Константинополь, Виктору Павловичу Кочубею:

«Nous aurions été bien heureux avec ma femme—писалъ онъ 15-го ноября 1795 года ²⁾—et nous le sommes toujours entre nous deux sans la comtesse Schouvaloff, qui est malheureusement placée auprès de ma femme. C'est un diable incarné avec ses éternelles intrigues. Elle a été cause du malheur de Rostopchine ³⁾ et elle nous cause bien des chagrins. Elle, le comte Golowkin, que vous connaissez, et M-r Miatleff ont tourné la tête au comte Souboff et l'ont fait entrer dans une passion, qui tôt ou tard lui cassera la tête. Il est amoureux de ma femme depuis le premier été de mon mariage, c'est à dire depuis un an et quelques mois. Jugez dans quelle position embarrassante cela doit mettre ma femme qui, réellement, se conduit comme un ange; mais pourtant vous avouerez que la conduite que l'on doit tenir avec lui est furieusement embarrassante, d'autant plus que tout le public en est informé. Si on le traite bien, c'est comme si on approuvait son amour, et si on le traite froidement pour l'en corriger, l'impératrice, qui ignore le fait, peut trouver mauvais qu'on ne distingue pas un homme, pour lequel elle a des bontés. Le milieu qu'il faut tenir est extrêmement difficile à garder, surtout dans un public aussi méchant et aussi prêt à faire des méchancetés que celui d'ici. Enfin

¹⁾ Слышано отъ князя А. Н. Голицына.

²⁾ Архивъ князя Кочубея.

³⁾ Расопчинъ въ то время, за какую-то ѣдкую насмѣшку надъ Бяртинскимъ и Шуваловымъ, былъ удаленъ отъ двора.

jusqu'à présent cela va bien, grâce aux conseils de bons amis et aux principes de ma femme, qui me rend bien heureux pour mon particulier, car je ne peux l'être totalement, à cause d'autres circonstances que je crains réellement de vous annoncer par des lettres»¹⁾).

Между тѣмъ посреди, или именно вслѣдствіе этихъ неудовольствій, молодой великій князь предавался и разнымъ мечтательнымъ планамъ, которые, безъ сомнѣнія, должно отнести болѣе къ какой-нибудь минутной вспышкѣ или къ воздушнымъ замкамъ его возраста, нежели къ точному и положительному намѣренію, хотя та же самая идея, видимая тутъ въ проблескѣ, проявлялась снова въ Александрѣ, какъ извѣстно, и подѣ

¹⁾ Переводъ: Мы съ женою могли бы быть вполне счастливы,—и, дѣйствительно, мы счастливы, оставаясь вдвоемъ,—если бы не было графини Шуваловой, которая, къ прискорбію, состоитъ при особѣ моей жены. Это олицетворенный дьяволъ съ вѣчными своими интригами. Она была причиною несчастья Растопчина и намъ причиняетъ немало огорченій. Она, графъ Головкинъ, котораго вы знаете, и Матлевъ вскружили голову графу Зубову, которымъ овладѣла страсть, что рано или поздно можетъ кончиться для него печально. Онъ влюбленъ въ мою жену съ перваго же года нашей женитьбы, т. е. вотъ уже годъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Судите сами, въ какое затруднительное положеніе это ставитъ мою жену, которая—надо отдать ей полную справедливость—ведетъ себя какъ ангелъ, но все-же, нельзя не сознаться, страшно затруднительно, какъ вести себя по отношенію къ Зубову, тѣмъ болѣе, что его влюбленность въ мою жену всѣмъ извѣстна. Хорошо относиться къ нему—это какъ-бы оправдывать его страсть, если же относиться къ нему холодно съ цѣлю отучить его, то императрицѣ, не знающей о страсти графа Зубова, можетъ быть неприятно, что не оказываютъ вниманія лицу, къ которому она благоволяетъ. Держаться золотой середины чрезвычайно трудно, особенно вращаясь въ обществѣ столь зломъ и столь способномъ дѣлать неприятности, каково здѣшнее. Но доселѣ все обстоитъ благополучно, благодаря совѣтамъ добрыхъ друзей и твердымъ нравственнымъ правиламъ моей жены, и въ частной, домашней жизни я весьма счастливъ; вполне же счастливымъ я не могу быть, вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ, по истинѣ, боюсь вамъ сообщать на письмѣ.

Въ концѣ этого письма, по случаю полученія Кочубеемъ какого-то ордена, будущій монархъ и раздаватель милостей, — вѣрный ученикъ Лагарповъ, — прибавляетъ: „A propos, je vous félicite avec la croix. Elle m'a fait assez de plaisir, mais je suis trop philosophe pour m'en réjouir infiniment, car il y a tant de gueux qui la portent“. (Переводъ: Кстати, поздравляю васъ съ полученіемъ ордена. Эта награда доставила мнѣ удовольствіе, но я слишкомъ философъ, чтобы чрезвычайно этому радоваться, такъ какъ столько бездѣльниковъ украшено орденами). Это убѣжденіе не измѣнилось въ немъ и послѣ. Спустя пятнадцать лѣтъ, на девятомъ году своего царствованія, Александръ (какъ говорится въ Запискахъ Логгина Ивановича Голенничева-Кутузова), отдѣляя въ себѣ человѣка отъ государя, говорилъ М. А. Нарышкиной: „Comme homme, je considère les cordons pour une sottise“. (Переводъ: Какъ человѣкъ, я смотрю на ордена какъ на глупость).

конецъ его царствованія. Въ этомъ отношеніи другое письмо къ тому же самому лицу, писанное нѣсколькими мѣсяцами позже (10 мая 1796 г.), еще примѣчательнѣе перваго. Оно, съ разныхъ сторонъ, бросаетъ новый свѣтъ на характеръ Александра и лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ боязливомъ притворствѣ, къ которому вынуждала его сила обстоятельствъ. Хотя почти ребяческое и въ мысли, и въ редакціи, и въ самомъ правописаніи, письмо должно быть сохранено для исторіи. Оно помѣщено отъ слова до слова, тоже во французскомъ подлинникѣ, въ книгѣ нашей «Восшествіе на престолъ императора Николая I-го»¹⁾. Приводимъ текстъ этого письма въ русскомъ переводѣ:

«Настоящее письмо, мой любезный другъ, вручить вамъ г. Гаррикъ, о которомъ я уже писалъ вамъ прежде. Это даетъ мнѣ случай поговорить съ вами откровенно о многомъ.

«Сознайтесь, дорогой другъ, что вы дѣйствительно дурно поступаете, не извѣщая меня ни о чемъ, лично васъ касающемся; только теперь я узналъ, что вы взяли отпускъ и ѣдете лѣчиться въ Италію, а оттуда на нѣкоторое время въ Англию. Отчего вы мнѣ объ этомъ не написали ни слова? Я начинаю думать, что вы или сомнѣваетесь въ моей дружбѣ къ вамъ, или не имѣете достаточнаго ко мнѣ довѣрія, которое, смѣло могу сказать, вполне заслуживаю моею безпредѣльною къ вамъ дружбою. Во имя ея, умоляю васъ, передавайте мнѣ все, что до васъ относится, чѣмъ, вѣрьте, доставите мнѣ самое большое удовольствіе. Впрочемъ, признаюсь, я восхищенъ, что вы разстались съ мѣстомъ, которое приносило вамъ только одніи неприятности, не вознаграждая за нихъ никакими наслажденіями.

«Г. Гаррикъ очень милый малой. Онъ провелъ здѣсь нѣсколько времени и ѣдетъ теперь въ Крымъ, откуда отправится въ Константинополь. Считаю его очень счастливымъ, потому что онъ будетъ имѣть случай видѣть васъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи завидую его положенію, тѣмъ болѣе, что отнюдь недоволенъ своимъ. Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія виш-

¹⁾ Восшествіе на престолъ императора Николая I-го, пятое изданіе, дополненное (третье для публики), Спб. 1857, стр. 3—7. То же письмо помѣщено въ трудѣ Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“, т. I (Спб. 1897), стр. 276—278, причѣмъ фамиліи упоминаемыхъ въ письмѣ лицъ, означенныя въ книгѣ Корфа лишь начальными буквами, приведены полностью.

нихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями; а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. Зубовъ, Пассекъ, князь Барятинскій, оба Салтыковы, Мятлевъ и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я даль себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.

«Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ бы за нее заплатить. Я просилъ г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.

«Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился, и что я не замедлилъ придти къ настоящему моему рѣшенію.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ немовѣрный беспорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не братья за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастье въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

«Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе несбыточное; но подождите исполненія и уже тогда произнесите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по своимъ силамъ. Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастнымъ, богатымъ или

бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію.

«Прощайте, мой дорогой и истинный другъ; увидѣть васъ было бы для меня, пока, самымъ счастливымъ событіемъ.

«Жена моя вамъ кланяется; ея мысли совершенно согласны съ моими».

То качество, которое въ частномъ человѣкѣ мы называли бы порокомъ, но которое монархамъ не вѣдѣно вѣняется въ укоризну, именно лукавое притворство, въ Александрѣ до высшей степени изощрилось по вступленіи на престолъ его отца.

Память Екатерины была ненавистна Павлу даже въ самыхъ ея дѣлахъ. Увлекаясь однимъ чувствомъ озлобленія ко всему прошлому, онъ хотѣлъ преобразовать Россію и устремился къ общей ломкѣ. Еще не погасли надгробныя свѣчи надъ тѣломъ его матери, какъ уже былъ разрушенъ и разсѣянъ волшебный ея дворецъ. И внутри дворца, и внѣ его, все вдругъ перемѣнилось. Траурныя платья дамъ, странный нарядъ, въ который одѣли мужчинъ, новый языкъ, которымъ всѣ заговорили, новые приемы, къ которымъ всякій старался поддѣлаться, наконецъ, ежеминутныя во всемъ перемѣны, такъ всѣхъ переурачили на другой ладъ, что, встрѣчаясь, не узнавали другъ друга, спрашивая; не получали отвѣта, говоря, не могли одинъ другого понять. А. С. Шишковъ, свидѣтель этого внезапнаго превращенія, въ Запискахъ своихъ пишетъ:

«Я вошелъ въ залу (въ день кончины Екатерины), и столько же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Перемѣна была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множествомъ разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно съ изображенною на лицахъ скорбію и безпокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость и важность двора исчезли; вездѣ въ немъ и вокругъ него появились солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли какъ бы лишенные уже должностей своихъ и званій, съ поникнутою головою, непримѣтны въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ, день тому назадъ, никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ, бѣгали, повелѣвали, учреждали. Въ одинъ часъ все такъ перемѣнилось, что, казалось, настала иная вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе»¹⁾.

Преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца и, извлекая его изъ могилы,

¹⁾ Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, Берлинъ. 1870, т. I, стр. 9—10.

вѣнчая во гробѣ, только воскресилъ неуваженіе къ давно забытому и ничѣмъ не заслужившему памяти государю. Во всемъ этомъ было болѣе печальнаго, нежели смѣшнаго.

Едва-ли существовалъ когда государь, въ которомъ соединилось бы столько разительныхъ противоположностей, какъ въ Павлѣ. То довѣрчивый, любящій, добрый, мягкосердечный, великодушный, настоящій рыцарь Среднихъ вѣковъ, то подозрительный до изступленія, исполненный ненависти къ людямъ, жестокій до свирѣпости, беспощадный и неумолимый, какъ восточный тираннъ,—онъ въ душѣ желалъ, однако, добро и только не умѣлъ его дѣлать. Бывъ надѣленъ отъ природы многими качествами для стяжанія любви, онъ обратился, напротивъ, въ предметъ общей ненависти, въ страшилище для всѣхъ, и самъ взаимно всѣхъ страшился: придворныхъ, министровъ, жены, дѣтей ¹⁾. Давно не виданная въ Россіи строгость, часто переходившая въ суровое жестоко-сердіе, заняла мѣсто многолѣтней снисходительности. Безсознательныя милости и опалы, незаслуженныя награды и наказанія, все это непрерывно смѣнялось одно другимъ. Никакая несправедливость не устрашала Павла и даже не казалась ему такою: помазанникъ Божій, онъ твердо вѣровалъ въ свою непогрѣшимость и во всѣхъ жестокихъ приказахъ своихъ видѣлъ — волю небесъ. Словомъ, все четырехлѣтнее царствованіе представляло одну длинную цѣпь опрометчивостей и нелѣпостей. Прежніе опытные государственные сановники были вытѣснены или сами удалились. Новые быстро выдвигались и, мелькнувъ, столь же быстро опять падали и исчезали. Держались постоянно только двое: одинъ—прежній камердинеръ государевъ, вознесенный имъ, безъ особыхъ заслугъ, на степень оберъ-шталмейстера, графа и андреевскаго кавалера; другой — человекъ тоже безъ генія и высшихъ дарованій, но съ большою распорядительностью, при томъ изумительно-дѣятельный,

¹⁾ Въ Запискахъ графа Евграфа Федотовича Комаровскаго, состоявшаго, въ первые годы царствованія Павла, адъютантомъ при цесаревичѣ Константинѣ, встрѣчается слѣдующій любопытный анекдотъ. Однажды цесаревичъ провинился противъ государя какою-то погрѣшностью по военной службѣ и на другой день, не посмѣвъ самъ явиться передъ раздраженнымъ родителемъ, поручилъ оправдать себя, въ возможности, своему адъютанту. Объясненіе это происходило въ петергофскомъ саду. „Государь—пишетъ Комаровскій—началь мнѣ при семъ разсказывать, какъ всѣ противъ него, т. е. императрица и наследникъ, и что онъ окруженъ шпіонами. Въ эту минуту прошелъ вдали парикмахерскій ученикъ. Государь, показывая на него, сказалъ мнѣ: Ты видишь этого мальчишку? Я не увѣренъ, что и ему повелѣно было тоже за мною присматривать; что его величество доселѣ полагался на привязанность одного только Константина Павловича, но наканунѣ сдѣланный имъ про-ступокъ заставилъ государя думать, что и онъ предался противной партіи“. (См. „Историческій Вѣстникъ“ 1897 года, т. 69, стр. 353—354).

твердый, выносливый—артиллерійскій офицеръ, рекомендованный нѣкогда генераломъ Меллисино ¹⁾ для образованія артиллерійской роты и стяжавшій милость устройствомъ нѣсколькихъ удачныхъ фейерверковъ, а еще болѣе страстью къ военнымъ ученіямъ и жестокою дисциплинарною строгостью къ подчиненнымъ. Мы говоримъ о Кутайсовѣ и Аракчеевѣ ²⁾. Впослѣдствіи къ нимъ присоединенъ былъ еще лифляндецъ Паленъ, получившій черезъ любимца Екатерины Зубова начальство надъ остзейскими губерніями. Павелъ, узнавъ его въ проѣздъ черезъ Ригу, возложилъ на него званіе втораго с.-петербургскаго военнаго губернатора ³⁾. Здѣсь онъ былъ осыпанъ милостями и облеченъ полнымъ довѣріемъ, но, одинаково со всѣми другими, безпрестанно находился подъ Дамокловымъ мечемъ.

Александрю, въ бытность великимъ княземъ, некогда было изучить законодательные и правительственные виды своей бабки, которой онъ лишился на 20-мъ году, слышавъ прежде и послѣ, въ родительскомъ своемъ кругу, почти одни противъ нея порицанія. Естественно, что, въ этомъ малозрѣломъ возрастѣ, онъ увлекся въ вихрь нововведеній своего отца и устремилъ главную свою дѣятельность на предпринятое новымъ императоромъ преобразование и совершенное переустройство военной части, представляя при немъ, такъ сказать, роль старшаго адъютанта.

Но необдуманность распоряженій Павла по внутреннему управленію; необдуманная его суровость въ сношеніяхъ съ иностранными дворами, наконецъ, оскорблявшіе чувство и нерѣдко противные здравому разуму поступки его, въ которыхъ и великій князь, по служебнымъ своимъ званіямъ, невольно долженъ былъ принимать непосредственное участіе или служить исполнителемъ,—все это болѣе и болѣе затрудняло положеніе молодого человѣка, отражаясь и на его характерѣ. Цѣлые четыре года онъ не смѣлъ имѣть ни личнаго убѣжденія, ни самостоятельно изъяслять свои мысли. Бывъ поставленъ въ ежедневное соприкосновеніе съ людьми столь различныхъ свойствъ, каковы были Кутайсовъ, Аракчеевъ и Паленъ, онъ, среди толпы ежедневно возвышавшихся и падавшихъ любимцевъ, находился въ состояніи вѣчнаго напряженія и, несмотря на то, уже искусясь въ дарѣ тапты истинныя свои чувства про одного себя, умѣлъ сберечь добрыя ко всѣмъ отно-

¹⁾ Masson's Geheime Denkwürdigkeiten, т. I, стр. 119.

²⁾ И Аракчеевъ, впрочемъ, дважды подвергся опалѣ: сперва онъ былъ лишенъ командованія Преображенскимъ полкомъ, а потомъ, въ званіи инспектора артиллеріи, за происшедшую въ арсеналѣ покражу, уволенъ отъ этого званія и, временно, совсѣмъ отъ службы.

³⁾ Первымъ былъ наслѣдникъ престола, цесаревичъ Александръ, назначенный на эту должность въ самую минуту воцаренія Павла, одновременно съ опредѣленіемъ Аракчеева с.-петербургскимъ комендантомъ.

шенія. Иногда, правда, и у него вырывался невольный вопль отчаянія, проглядывала даже снова прежняя мысль все бросить; но это была одна минутная вспышка, испарявшаяся въ планахъ, которыхъ несбыточность самъ онъ видѣлъ и создавалъ. Такъ, въ іюнѣ 1797 г. онъ писалъ Аракчееву: «Я долженъ сказать тебѣ, что меня очень хорошо сегодня приняли и ничего о прошедшемъ не упоминали. Еще вчера съ мнѣ милостивые отзывы были чрезъ мою жену, такъ какъ, напримѣръ, чтобы я не сердился на него (государя) и т. п. Впрочемъ, сіе не перемѣняетъ моего желанія идти въ отставку, но, по несчастію, мудро, чтобы оно сбылось». По словамъ Н. И. Тургенева ¹⁾, великій князь не скрывалъ своего неудовольствія и въ письмахъ къ Лагарпу. «Il voyait avec peine—пишетъ Тургеневъ—le gout de son père pour les parades militaires et peignait sous de tristes couleurs le séjour de St. Pétersbourg, où, disait-il, un caporal est préféré à un homme instruit et utile ²⁾».

Между тѣмъ ни внѣшнее усердіе и слѣпая покорность великаго князя, ни уничтоженныя его исканія не могли укротить ревниваго къ своей власти Павла. Другъ Александра, Адамъ Чарторыйскій, былъ удаленъ отъ двора; переписка великаго князя съ нимъ и другими приверженцами окружена надзоромъ еще строжайшимъ, нежели было при Екатеринѣ. Раздражительность государя становилась все необузданнѣе; мрачныя его подозрѣнія все тягостнѣе ³⁾, поступки все безумнѣе. Мѣра терпѣнія переполнилась...

Въ ночь на 12-е марта послѣдовала кончина Павла I... Когда Паленъ явился къ новому императору, то нашелъ его одѣтымъ ⁴⁾. При донесеніи ему о происшедшемъ, Александръ сказалъ Палену ⁵⁾:

— Monsieur, quelle page dans l'histoire! ⁶⁾.

¹⁾ La Russie et les Russes.

²⁾ Переводъ: Съ грустнымъ чувствомъ относился онъ къ любви своего отца къ военнымъ парадамъ и мрачными красками описывалъ пребываніе въ Петербургѣ, гдѣ, по его словамъ, капралу даютъ предпочтеніе передъ образованнымъ и полезнымъ человѣкомъ.

³⁾ „Надобно думать—пишетъ въ своихъ Запискахъ графъ Комаровскій,—что императоръ Павелъ имѣлъ уже нѣкоторое подозрѣніе объ нѣмѣнѣ: ибо за нѣсколько недѣль до плачевнаго событія велѣлъ Оболянинову привести обоимъ великимъ князямъ (т. е. Александра и Константина) къ присягѣ на вѣрность ему въ церкви Михайловскаго замка, что и было исполнено. Цесаревичъ (Константинъ Павловичъ) показывалъ мнѣ мѣсто въ церкви, гдѣ сіе происходило“ (См. «Историческій Вѣстникъ» 1897 года, т. 69, стр. 657, примѣчаніе).

⁴⁾ Lefebvre. Histoire des cabinets de l'Europe, t. I, p. 155. Прусская дипломатическая переписка въ Mémoires d'un homme d'état. t. II, p. 390.

⁵⁾ Histoire d'Alexandre I, par Rabbe, t. II, p. 34.

⁶⁾ Какая это печальная страница въ исторіи!

— Sire, les autres la feront oublier ¹⁾, отвѣчалъ Паленъ.

На другой день Александръ посѣтилъ графа Стединга, шведскаго (съ 1790 г.) посланника при нашемъ дворѣ, очень имъ любимаго, и бросился къ нему на шею съ восклицаніемъ: «Je suis l'homme le plus malheureux de la terre» ²⁾.

— Vous devez l'être, sire! ³⁾, отвѣчалъ Стедингъ ⁴⁾.

Манифестъ о восшествіи на престолъ (поднесенный Тропинскимъ) превознесъ правленіе бабки и умолчалъ о правленіи отца. «Воспріемля наслѣдственно императорскій всероссійскій престолъ,—сказано было тутъ—мы воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей, августѣйшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна».

Александръ вступилъ на престолъ съ самыми счастливыми предзнаменованіями. Никто еще не зналъ тогда—и изъ вышеизложеннаго довольно явствуютъ причины этого—истинныхъ его свойствъ, которыя могли обнаружиться только при дѣйстви самостоятельномъ; но масса всегда склонна обольщать себя надеждами и судить по внѣшнимъ противоположностямъ. Довольно было блестящей красоты новаго императора, его формъ, взгляда, привѣтовъ, кротости въ обращеніи и разговорѣ, чтобы, послѣ грознаго отца, сыну казаться ниспосланнымъ съ неба гениемъ благодати.

Россія вздохнула свободно отъ тяготѣвшихъ надъ нею страшныхъ дней. Всѣ готовились блаженствовать. «Радость (при восшествіи на престолъ Александра)—писалъ Шишковъ—была всеобщая. Безпрестанные слухи о заточеніяхъ и наказаніяхъ, всякаго рода страхи и опасности, чтобы нечаянно не провиниться, исчезли. Всѣхъ умы и сердца успокоились. Крѣпость опустѣла отъ заключенныхъ въ ней, и на вратахъ ея, неизвѣстною рукою, написано было, какъ пишется на обывательскихъ домахъ, уволенныхъ отъ постановленія солдатъ: свободенъ отъ постоя. Всѣ ожидали возстановленія прежняго въ правительствѣ духа и устройства. Въ тысячѣ стихотвореніяхъ и на разныхъ языкахъ повторялись восторги и похвалы общаю Александру (идти по стопамъ своей бабки). Самый поворотъ солнца отъ холодной зимы къ яснымъ и теплымъ днямъ весны, казалось, предвѣщало, съ уничтоженіемъ худоведенныхъ новизнъ, оборотъ на старій благотворный образъ правленія... ⁵⁾». Такихъ изображеній

¹⁾ Государь, послѣдующія страницы заставятъ о ней забыть.

²⁾ Я самый несчастный изъ людей.

³⁾ Да, государь, вы, дѣйствительно, должны себя чувствовать таковымъ.

⁴⁾ Mémoires du comte de Stedingk, t. II, p. 12.

⁵⁾ Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шипкова, т. I, стр. 81—82.

общаго ликоваія мы могли бы привести еще множество, но ограничимся здѣсь картиною изъ Записокъ лица совсѣмъ другого направленія, чѣмъ Шишковъ, и хотя не славившагося никогда своею правдивостью, но со стороны котораго въ настоящемъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ, нельзя предполагать ни лжи, ни лицепріятія. Мы говоримъ о Булгаринѣ. Вотъ что онъ пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» ¹⁾:

«Самому Тациту не достало бы красокъ для изображенія той живой картины общаго восторга, который овладѣлъ сердцама при вѣсти о воцареніи Александра.. Знакомые обнимались и цѣловались на улицѣ, какъ въ первый день Свѣтлаго праздника, поздравляя другъ друга съ новымъ государемъ, котораго обожали, прежде чѣмъ онъ взялъ въ руки бразды правленія и на которомъ опочивали всѣ надежды. Во всѣхъ семействахъ провозглашались тосты за его вождельнное здравіе; церкви наполнены были молеельщиками. Народъ толпился на Дворцовой площади, чтобы видѣть ангельскій ликъ своего государя, въ чертахъ котораго живо изображались кротость, милосердіе и человѣколюбіе. Радостныя восклицанія повсюду встрѣчали и сопровождали его. Во всей исторіи рода человѣческаго едва-ли есть нѣсколько примѣровъ подобной общей радости, и весьма немногіе государи вступали на престолъ при такихъ обильныхъ надеждахъ».

Между тѣмъ не могло быть перемены разительнѣе той, какая произошла въ Александрѣ съ его воцареніемъ. Забывъ прежнія идиллическія мечты объ отреченіи и пастушеской жизни, онъ всталъ твердою ногою на новомъ своемъ поприщѣ и превратился въ другого человѣка, сохранивъ отъ прежняго только свою скрытность. Одинъ изъ самыхъ старинныхъ и близкихъ его служителей, гардеробмейстеръ Гесслеръ ²⁾, рассказывалъ, что выраженіе и самыя черты лица молодого великаго князя, спустя нѣсколько лишь дней по восшествіи его на престолъ, такъ вдругъ переменялись, что прежніе портреты совсѣмъ перестали на него походить. Кто, по словамъ манифеста, ожидалъ, что Александръ дѣйствительно возвратится къ началамъ и правиламъ Екатерины, ошибался не менѣе тѣхъ, которые надѣялись имѣть вліяніе потому, что пользовались его милостью прежде, пока она была только, такъ сказать отблескомъ милости другихъ. Люди обоихъ предшешшихъ царствованій были ему почти одинаково неуютны. Одинъ только Аракчеевъ, приковавшій къ себѣ расположеніе отца, постигъ и сына, и умѣлъ пройти, невредимо и господствуя, чрезъ все его царствованіе ³⁾. Вскорѣ ока-

¹⁾ ч. II, стр. 2—4.

²⁾ Записки барона Г. А. Розенкампа.

³⁾ Еще Павелъ въ ночь передъ вступленіемъ своимъ на престолъ вложилъ руку Аракчеева въ Александрову, со словами: «Будте вѣчными друзьями»,

залось, что въ новомъ правленіи нѣтъ и не будетъ, въ существѣ, никакой системы, никакой путеводной нити, потому что характеромъ правителя ея была волнообразная измѣнчивость въ наклонностяхъ, безъ твердыхъ правительственныхъ началъ и безъ всякой постоянной цѣли стремленія, по крайней мѣрѣ, до той эпохи, когда онъ сдѣлался орудіемъ Провидѣнія въ міровой брани. Образъ его мыслей и дѣйствій представлялъ вѣчное колебаніе, вѣчное оцупываніе между системами противоположными, вѣчное передвиженіе отъ одного взгляда къ другому. Подъ вліяніемъ зоркой своей мнительности никому вполнѣ не доверяя, онъ, пока одержимъ былъ какою-нибудь идеею, не покорялся никакой силѣ убѣжденій, и только время и случайныя внезапныя впечатлѣнія обращали его къ другой мысли.

Вотъ нѣсколько замѣтокъ о немъ иностранныхъ писателей.

«Съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ, воображеніемъ почти восточнымъ, разумѣніемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, умомъ гибкимъ и тонкимъ (нѣкоторые прибавляютъ и лукавымъ)—Александръ соединялъ самыя изящныя манеры и весьма тщательное воспитаніе, но, къ несчастію, все это сопровождалось характеромъ самымъ подвижнымъ, безъ твердости, безъ выдержки, характеромъ, который заставляя его иногда принимать участіе въ злѣ, сколько оно ни было ему въ душѣ ненавистно ¹⁾».

«По кротости и нѣжности императора въ его обращеніи—писалъ своему королю упомянутый выше Стедингъ ²⁾—надо бы полагать, что все улаживается съ нимъ чрезвычайно легко; но на дѣлѣ выходитъ иное, и если его трудно въ чемъ-нибудь убѣдить, то еще гораздо труднѣе заставить отказаться отъ мысли, которая единожды имъ возобладала».

Это писано было въ 1806 г.; а вотъ что, семнадцать лѣтъ позже, графъ Лаферонё; долго бывший французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ, говорилъ о томъ же предметѣ, въ нотѣ своему министерству отъ 19 мая 1823 года ³⁾: «Я всякій день болѣе и болѣе затрудняюсь понять и узнать характеръ императора Александра. Едва-ли кто можетъ говорить съ бѣльшимъ, чѣмъ онъ, тономъ искренности и правдивости; бесѣда съ нимъ оставляетъ всегда самое благопріятное впечатлѣніе и, послѣ такой бесѣды, вы уносите твердую увѣренность, что онъ соединяетъ въ

Александръ сдержалъ этотъ завѣтъ своего отца. Извѣстно, что въ ту же ночь, когда Аракчеевъ пріѣхалъ во дворецъ изъ Гатчины, такъ промокнувъ отъ дождя, что принужденъ былъ перебраться даже бѣлье, Александръ далъ ему свою рубашку, въ которой Аракчеевъ, по своему завѣщанію, и былъ потомъ похороненъ.

¹⁾ Schnitzler, Histoire intime de la Russie, t. I, p. 46.

²⁾ Mémoires, t. II, p. 149.

³⁾ Въ книгѣ Шницлера, t. I, p. 62, 63.

себѣ качества сколько истиннаго рыцаря и великаго монарха, столько и искуснаго, притомъ самаго энергическаго государственнаго человѣка. Онъ разсуждаетъ превосходно, неослабно аргументируетъ, словомъ, изъясняется съ краснорѣчіемъ и жаромъ человѣка, глубоко убѣжденнаго. И между тѣмъ частые опыты, исторія его жизни, все то, чему я ежедневный свидѣтель, не позволяютъ ничему этому вполне довѣряться. Многочисленные акты слабости доказываютъ, что его твердость часто ограничивается одними словами, хотя, съ другой стороны, этотъ слабый характеръ можетъ вдругъ подвергнуться вспышкѣ энергіи и запальчивости, а такая вспышка можетъ внезапно вовлечь его въ самыя насильственныя мѣры, послѣдствія которыхъ нельзя впередъ предвидѣть. Сверхъ того императоръ до крайности подозрителенъ, — новое доказательство его слабости, и послѣдняя есть тѣмъ болѣе несчастіе, что онъ, по моему мнѣнію, честиѣйшій человѣкъ въ мірѣ; онъ, быть можетъ, часто сдѣлаетъ зло, но всегда будетъ одушевленъ желаніемъ сдѣлать добро». Наконецъ, по свидѣтельству Н. И. Тургенева, Александръ, въ письмахъ своихъ къ Лагарпу, наиболѣе жаловался на неограниченность своей власти: «Я никогда не привыкну—говорилъ онъ—царствовать деспотомъ» ¹⁾).

Скажемъ съ своей стороны, что круги идей, въ которыхъ вращался Александръ, были самыя разнородныя; но въ каждомъ онъ, на нѣсколько времени, непремѣнно доходилъ до конечной крайности, пока разочарованіе, недовѣрчивость, или случайное обстоятельство не перевлекло его въ другую сферу, которая точно такъ же начиналась и потомъ точно такъ же завершалась, чтобы опять уступить мѣсто новой. Только эту колеблемость можно объяснить переходы его отъ самаго пламеннаго рвенія въ исполненіи своего долга къ тому равнодушному охлажденію, которымъ наиболѣе возбуждены были замыслы 14 декабря 1825 года; отъ конституціонныхъ мечтаній и плановъ о прекращеніи рабства къ военнымъ поселеніямъ; отъ религіознаго хладнокровія къ восторженному мистицизму; отъ Чарторыжскаго и Сперанскаго къ Аракчееву и отъ Марьи Антоновны Нарышкиной къ г-жѣ Крюднеръ. Въ собраніи писемъ Александра къ Аракчееву есть два, на пространствѣ почти четверти столѣтія (1797 г. и 1820 г.), въ которыхъ онъ увѣрялъ своего друга, что не перемѣничивъ. Такія же увѣренія слышали отъ него и другіе; но самое повтореніе дѣлало ихъ подозрительными. Прощаясь въ Эрфуртѣ съ Савари (Duc de Rovigo), отъ тоже говорилъ ²⁾,

¹⁾ И между тѣмъ тотъ же Александръ впоследствии сослалъ въ заточеніе, безъ суда и почти безъ обвиненія, своего перваго министра (Сперанскаго) и учредилъ военныя поселенія со всею ихъ тиранническою организаціею.

²⁾ Mémoires du duc de Rovigo, t. 4, p. 6.

обнадеживая его въ своей дружбѣ: «Je ne change jamais quand j'ai une fois accordé mon estime» ¹⁾. Но Савари, приводя это слово, прибавляетъ: «J'y ai compté dans l'adversité et j'ai eu tort» ²⁾. Новосильцовъ, Чарторыйскій, Сперанскій, Н. А. Толстой, не упоминая о другихъ второстепенныхъ лицахъ, служили разительнымъ доказательствомъ его измѣнчивости. Аракчеевъ составлялъ не правило, а изыатіе, какъ составлялъ его и при Павлѣ.

О царяхъ нельзя судить по тому же мѣрилу, какъ о частныхъ людяхъ, и вмѣняемое однимъ прямо въ порокъ, въ другихъ обращается, косвенно, въ государственное достоинство. Не знаемъ, всегда ли можно и должно ставить въ ряду послѣдняго и упомянутое нами лицемѣрное притворство; но Александръ, воспитанный въ немъ съ дѣтства, всегда оставался ему вѣренъ. Отсутствие правдивости и прямоты сознаютъ въ немъ самые его панегиристы, напримѣръ и Алисонъ ³⁾, прибавляя лишь, въ видѣ довольно страннаго оправданія,—что это качество есть общее почти всей русской націи. Въ Александрѣ оно сдѣлалось второю природою и отзывалось вездѣ, какъ въ поведеніи его съ приближенными ⁴⁾, такъ и во внѣшней политикѣ. Одинъ умный иностранецъ, ко-

¹⁾ Переводъ: Разъ кого я удостоилъ своимъ уваженіемъ, къ тому я остаюсь неизмѣннымъ.

²⁾ Переводъ: Я рассчитывалъ на эти слова въ моемъ несчастіи, и ошибся.

³⁾ Такого же о немъ мнѣнія были и его союзники. „C'est un enfant“—говорилъ объ Александрѣ императоръ Францъ послѣ Тильзитскаго мира—„et je ne suis pas étonné que Napoléon lui ait fait faire tout ce qu'il a voulu, car il est capable de jouer tous les rôles“.—(Переводъ: Это ребенокъ, и меня не удивляетъ, что Наполеонъ заставлялъ его дѣлать все по своему желанію, такъ какъ онъ способенъ исполнять всѣ роли). (Депеша генерала Андреосси изъ Вѣны, отъ 5 августа 1807 года, у Lefebvre, Histoire des cabinets de l'Europe, t. 3, p. 174).

⁴⁾ Если притворство въ Александрѣ происходило нерѣдко и отъ побужденій благородныхъ, отъ деликатнаго желанія не огорчить людей старыхъ и заслуженныхъ, то и тутъ оно сопровождалось странными въ самодержцѣ дѣйствіями, которыя, съ одной стороны, ставили въ положеніе самое затруднительное лица посредствующія, а съ другой не могли не возбуждать всегдашняго къ нему недовѣрія и опасеній даже въ тѣхъ, кого онъ, по наружности, осыпалъ милостями. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Послѣ военнаго губернатора М. И. Голенищева-Кутузова главнокомандующимъ въ Петербургѣ назначенъ былъ фельдмаршалъ графъ Каменскій, а въ помощники къ нему, съ начальствомъ надъ полиціею, генералъ-адъютантъ Е. Ѡ. Комаровскій. „Государь—пишетъ послѣдній въ своихъ Запискахъ — скоро примѣтилъ, что Каменскій былъ слишкомъ торопливъ, чрезмѣрно вспылчивъ и переназначивалъ даже иногда приказанія, его величествомъ ему даваемыя. Въ отвращеніе сего послѣдняго, государь повелѣлъ мнѣ всякія послѣ-обѣда пріѣзжать къ нему за полученіемъ приказаній, а отъ фельдмаршала по утру принимать

ротко знавшій нашего императора, шведскій государственный совѣтникъ, а потомъ посолъ въ Парижѣ, Лагербиелке, говорилъ ¹⁾, что въ политикѣ своей русскій монархъ былъ тонокъ, какъ кончикъ булавки, остеръ, какъ бритва, и фальшивъ, какъ пѣна морская. Въ этомъ же смыслѣ и тѣ слова, которыя Александръ, при одномъ изъ своихъ разговоровъ съ извѣстною г-жею Сталь, влагалъ въ уста Наполеону, возбуждаютъ невольное примѣненіе на собственный его счетъ ²⁾. «Я всегда стараюсь — говорилъ ему Наполеонъ — содержать во взаимной между собою распрѣ моихъ министровъ и генераловъ, чтобъ они обличали мнѣ другъ друга въ своихъ грѣхахъ; сверхъ того, обхожденіемъ съ моими приближенными, я держу все вокругъ себя въ вѣчной ревности: сегодня считаетъ себя предпочтеннымъ тотъ, а завтра другой, и никогда ни одинъ не можетъ быть твердо увѣренъ въ моей милости». Какъ близокъ былъ къ этому образъ дѣйствія самого Александра! Другая женщина ³⁾, часто и на самой короткой ногѣ видѣвшая его въ позднѣйшую эпоху, при занятіи нашими войсками Парижа, справедливо замѣчаетъ, что онъ, по чувствамъ своимъ, былъ тѣмъ, что иногда въ насмѣшку называется с е н т и м е н т а л ь н ы м ъ; но едва-ли права, утверждая, будто бы онъ полагалъ счастье свое въ стяжаніи любви и почелъ бы верхомъ своихъ желаній быть горячо любимымъ не по своему сану, а для самого себя. Точно также едва-ли вполне можно признать справедливою первую часть слѣдующей фразы Шатобриана ⁴⁾: «Sincère comme homme en ce qui concernait l'humanité, Alexandre était dissimulé comme demi-grec en ce qui touchait à la politique» ⁵⁾. Аракчеевъ возобладалъ надъ нимъ преимущественно искуснымъ соединеніемъ вида

изволилъ только рапорты, и когда онъ о чемъ докладывалъ, то его величество ему отвѣчалъ: „Я послѣ вамъ дамъ знать, что сдѣлать должно“. Мое положеніе было самое затруднительное; когда фельдмаршалъ вздумаетъ самъ собою сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, а я знаю, что оно негодно будетъ государю, или я получилъ уже совсѣмъ противное тому повелѣніе, то и долженъ былъ представлять ему какъ отъ самого себя, что не лучше ли будетъ сдѣлать иначе: ибо государю негодно было, по сродной его величеству деликатности, огорчать фельдмаршала тѣмъ, что будто онъ не имѣетъ полной довѣренности императора. Между тѣмъ онъ, по времени, такъ, можно сказать, надоѣлъ государю, что его величество однажды мнѣ говорилъ изволилъ: „Не хочешь ли графъ Каменскій проситься прочь? Если бы сіе случилось, я бы поставилъ свѣчу Казанской Божіей Матери!“ (См. „Историческій Вѣстникъ“ 1897 года, т. 69, стр. 664 и 667).

¹⁾ Crusenstolpe, Carl - Johann und die Schweden, т. I, стр. 185.

²⁾ Dix années d'exil, p. 314.

³⁾ M-me Cochelet-Parquin, Mémoires sur la reine Hortense, т. I, p. 271.

⁴⁾ Congrès de Vérone, т. I, p. 186.

⁵⁾ Т. е. Будучи человекомъ чистосердечнымъ въ отношеніи людей, Александръ отличался византійскою скрытностью въ политикѣ.

слѣпой покорности съ нѣкоторою моральною независимостью, а Чарто-рыжскій, любившій своего императора, какъ любовницу, былъ оторванъ.

При необыкновенной мужественной красотѣ, природа одарила Александра величественностью стана, поступи и приемовъ и самою царственною, но при томъ кроткою, истинно обворожительною осанкою. По наружности онъ былъ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ, по тонкости ума, живости разговора и ловкости — однимъ изъ самыхъ блестящихъ мужчинъ не только въ своемъ царствѣ, но и въ цѣлой Европѣ. Ни въ комъ не было болѣе величаваго достоинства, ни въ комъ и болѣе плѣнительной граціи. И, несмотря на все это, никто болѣе его не страшился насмѣшки, никто болѣе не подозрѣвалъ ея во всякомъ словѣ, движеніи и взглядѣ, никто не былъ щекотливѣе ко всему, что имѣло признаки какого-нибудь порицанія, хотя бы въ самыхъ мелочахъ. Обнаруживаясь безпрестанно и бывъ извѣстна всѣмъ окружавшимъ ¹⁾, эта слабость не оставалась тайной и для иностранцевъ, впоследствии даже для самого Наполеона, который именно ей приписывалъ главную причину окончательнаго ихъ разрыва. «Si l'affection d'Alexandre a été sincère pour moi — говорилъ онъ на островѣ св. Елены ²⁾ — c'est l'intri-

¹⁾ Между близкими къ Александру сохранилось множество анекдотовъ въ этомъ родѣ. Вотъ для примѣра одинъ. Однажды въ Царскомъ Селѣ, при утреннемъ рапортѣ, дежурный генералъ А. А. Закревскій, вмѣстѣ съ флигель-адъютантами Орловымъ, Меншиковымъ и Киселевымъ, стоя въ кабинетѣ государя, посмѣивались между собою при видѣ лежавшихъ подъ столами, обвязанныхъ бичевкою чемоданчиковъ, въ которыхъ, какъ они знали, давно уже валялись, въ ожиданіи царскаго взгляда, меморіи Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Замѣтивъ это перешептываніе, государь отпустилъ ихъ очень коротко и сухо и тотчасъ закричалъ: „Волконскаго!“, который нашелъ его въ величайшемъ волненіи. Поправляя на себѣ галстухъ, оглядывая сюртукъ, оцупывая прочія принадлежности своего туалета, — „Посмотри, братецъ, — сказала онъ вошедшему — нѣтъ ли во мнѣ чего смѣшнаго, что эти господа такъ надо мною издѣвались?“ И напрасно Волконскій, указывая на зеркало и говоря, что въ цѣлой имперіи не найдется другого такого молодца, увѣрялъ, что молодымъ людямъ вѣрно и въ мысль не приходило насмѣхаться надъ своимъ государемъ, а толковали они о чемъ-нибудь совсѣмъ постороннемъ, Александръ предолго не могъ успокоиться. (Передано графомъ А. А. Закревскимъ). Орловъ (Алексѣй Ѳеодоровичъ) былъ у него особенно на примѣтѣ со стороны насмѣшливости. Прежде государь показывалъ ему знаки благосклоннаго расположенія, даже сердечной дружбы; но, по доносу, что какіе-то появившіеся въ то время насквиленные на царя стихи вышли изъ дома его, Орлова (что было несправедливо), вдругъ, безъ спроса и розыска, совсѣмъ къ нему перемѣнился. Такое же подозрѣніе въ насмѣшкахъ надъ собою Александръ имѣлъ и на брата своего Николая, такъ что, любивъ его сперва больше младшаго, послѣ очень къ нему охладѣлъ (Слышано отъ графа А. Ѳ. Орлова).

²⁾ Las-Cases, Mémorial de S-te Hélène, t. I, p. 451.

gue qui me l'a aliéné. Des intermédiaires, M.... ¹⁾ ou autres, à l'instigation de T..... ²⁾, n'ont cessé, en temps opportun, de lui citer les ridicules dont je l'avais accablé, disaient-ils, l'assurant qu'à Tilsit et à Erfurt il n'avait pas plutôt le dos tourné, que je m'égayais fort d'ordinaire à son sujet. Alexandre est fort susceptible, ils l'auront facilement aigri. Ce qu'il y a de certain, c'est qu'ils s'en est plaint fort amèrement à Vienne lors du congrès et, pourtant, rien n'était plus faux.... ³⁾».

Очень еще замѣчательны, въ этомъ родѣ, слова Александра, слышанныя нами отъ А. П. Ермолова.

— Поздравляю ваше величество съ побѣдою—сказалъ ему послѣдній на полѣ сраженія подъ Фершампенаузомъ,—теперь ворота Парижа для васъ отворены.

— Отъ всей души принимаю ваше поздравленіе—отвѣчалъ государь торжественнымъ тономъ;—двѣнадцать лѣтъ я слылъ въ Европѣ посредственнымъ человѣкомъ: посмотримъ, что-то они заговорятъ теперь.

Образованіе классическаго, тѣмъ болѣе ученаго, Александръ не имѣлъ, и имѣть не могъ. Сверхъ того, въ его молодости, уже одинъ раздвоенный образъ жизни между двумя дворами и стремленіе къ безпрестаннымъ угожденіямъ препятствовали воздѣлывать, какъ бы можно было, счастливыя его дарованія. Послѣ, въ правленіе Павла, время его наслѣдника, при разныхъ громкихъ титулахъ, было посвящено всего болѣе фронтовой части; а наконецъ, съ собственнымъ царствованіемъ, явились государственныя заботы, которыя учать опытомъ, но для теоріи и науки оставляютъ досугъ только геніямъ, подобнымъ Петру Великому. При всемъ томъ, Александръ имѣлъ, разумѣя въ свѣтскомъ смыслѣ, образованіе довольно блестящее.

Въ слогѣ его писемъ и дѣловыхъ актовъ были жизнь, движеніе и особенно тонкій тактъ; онъ очень много самъ писалъ ⁴⁾ и еще болѣе

¹⁾ Вѣроятно прежній посолъ нашъ въ Парижѣ Морковъ, или, можетъ быть, Меттернихъ.

²⁾ Вѣроятно Талейранъ.

³⁾ Переводъ: Если признъ ко мнѣ Александра была искренна, то только благодаря интригамъ я ея лишился. Посредники, М.... или другія лица, по наущеніямъ Т...., постоянно, въ благопріятныя минуты, твердили ему о моихъ будто бы надъ нимъ насмѣшкахъ, увѣряя его, что въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, едва онъ удалялся, я обыкновенно начиналъ потѣшаться надъ нимъ. Александръ очень обидчивъ, и они легко могли его озлобить. Вѣрно то, что во время вѣнскаго конгресса онъ горько жаловался на это, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было.

⁴⁾ При разборѣ оставшихся послѣ графа Аракчеева бумагъ, нашлось множество черновыхъ съ поправками Александра и немало также повелѣній, отвѣтовъ и пр., отправленныхъ отъ лица графа, но написанныхъ вчерніъ рукою государя. (Слышано отъ графа П. А. Клейнмихеля).

поправлялъ; но не надо было искать правильности въ его языкѣ, всего менѣе въ русскомъ, гдѣ и складъ рѣчи, исполненный галлицизмовъ, и правописаніе были у него совершенно своеобразны. Всего болѣе онъ любилъ и всего лучше зналъ военныя науки, и эту страсть переносилъ и на потѣшныя игрушки военного дѣла: разводы, парады, ученія и пр.,—одинъ вкусъ, которому онъ, какъ и всѣ братья его, оставался постоянно вѣренъ и который не остывалъ въ немъ до конца его дней, несмотря на тѣ укоры, которые самъ онъ, въ прежнее время, дѣлалъ за то своему отцу¹⁾. «C'est son faible—говорилъ о немъ Наполеонъ—de se croire savant dans l'art de la guerre et il n'aime rien tant qu'à s'entendre complimenté là dessus, bien que toutes les opérations militaires qu'il a dirigées lui même aient été jugées fausses et funestes»²⁾. Но, прозвоня этотъ рѣзкій приговоръ, Наполеонъ едва-ли не ошибался, или не грѣшилъ преднамѣренно. Составленный самимъ Александромъ планъ движенія войскъ въ тылъ союзной арміи къ Березинѣ; личныя его распоряженія, 4-го октября 1813 года, подъ Лейпцигомъ, когда онъ исторгъ побѣду изъ рукъ гениальнаго своего соперника; наконецъ, славное дѣло подъ Фершампенаузомъ,—свидѣтельствуютъ, что и на практикѣ стратегическія и тактическія его свѣдѣнія знаменовывались иногда блестящимъ образомъ. Многіе изъ спутниковъ его на полѣ битвы дивились—не изъ одной лести—его воинскому дарованію, его безстрашію и глубокому знанію военного дѣла.

Государственныя установленія и преобразованія Александра, внушенныя, болѣею частью, самыми благими намѣреніями, носили на себѣ однако, отпечатокъ его личнаго характера. Видно было желаніе добра, но желаніе невыдержанное, непостоянное въ своихъ направленіяхъ, колебавшееся въ своихъ цѣляхъ, безъ системы, безъ энергіи въ исполненіи, покорявшееся вѣншимъ обстоятельствамъ и случайнымъ впечатлѣніямъ. Онъ хотѣлъ дать своему народу конституцію, и только—заподозрилъ самодержавіе; хотѣлъ дать ему законы, и двадцать пять лѣтъ потерялъ въ тщетныхъ къ тому попыткахъ. «Хочу, но не могу, и не знаю ясно, чего хочу»—вотъ что могло бы быть общимъ почти девизомъ царствованія Александра I по внутреннему управленію. Представленная, въ 1811-мъ году, самому ему извѣстная записка Карамзина «О древней и новой Россіи»—отголосокъ тогдашнихъ московскихъ вѣстей и мнѣній—содержитъ въ себѣ подробный и строгій разборъ дѣйствій и распоряженій той эпохи. Для дополненія общей кар-

¹⁾ См. выше письмо къ Лагарпу у Тургенева.

²⁾ П е р е в о дъ: Это егослабость считать себя знатокомъ военного дѣла, и онъ очень любитъ, чтобы его въ этомъ отношеніи хвалили. Между тѣмъ, надо сознаться, что всѣ военныя дѣйствія, которыми онъ лично руководилъ были ошибочны и имѣли печальныя послѣдствія.

тины, приведемъ лишь слова одного иностранца, по нашему мнѣнію, довольно мѣтко характеризующія эту сторону государственной дѣятельности Александра и, сверхъ того, краткій очеркъ, заключающійся въ запискѣ, поданной нѣкогда императору Николаю княземъ В. П. Кочубеемъ. Тонкій царедворецъ, всегда осторожный, не только писалъ, но и говорилъ лишь полусловами, а потому и здѣсь не отважился слишкомъ открыто порицать одного самодержца передъ другимъ, но записка его, даже и въ этомъ сдержанномъ тонѣ, любопытна, какъ выраженіе взгляда умнаго современника, который видѣлъ и зналъ все изблизи.

«Въ самоувѣренности—пишетъ Шницлеръ—своихъ благородныхъ, хотя и переходчивыхъ намѣреній, Александръ торопился играть роль въ Европѣ, а для этого практически примѣнить къ дѣлу, на обширномъ театрѣ, тѣ теоріи, которыя были имъ порождены въ сообществѣ съ нѣсколькими молодыми друзьями, не болѣе его опытными, или имѣвшими, какъ, напр. князь Адамъ Чарторыжскій, свои затаенныя мысли. Осуществленіе этихъ предначертаній не могло не встрѣтить множества преградъ, безпрестанно вновь возникавшихъ, и не наткаться на сильное противодѣйствіе, потому что благо общественное рѣдко совпадаетъ со всѣми частными интересами; но чтобы восторжествовать надъ столькими трудностями, необходимы были терпѣніе и выдержка, а этихъ именно качествъ и недоставало кроткому характеру монарха, умѣвшаго больше любить, нежели карать».

Записку князя Кочубея мы приводимъ во французскомъ подлинникѣ, какъ она была подана ¹⁾, потому что въ ней каждое слово имѣетъ свое преднамѣренное значеніе. Вотъ что писалъ онъ преемнику Александра:

«Il est de fait qu'il n'a jamais existé de souverain dont les intentions pour le bien-être de ses sujets eussent été plus ardents et plus pures que celles de l'empereur Alexandre. Son règne, depuis le commencement, en fournit les preuves les plus palpables. Il a senti dès le principe que tout n'ayant été qu'ébauché en Russie avait besoin d'être

¹⁾ Здѣсь странность: отчего записка Кочубея была подана на французскомъ языкѣ? Онъ писалъ свободно и по-русски; но большую часть подобныхъ конфиденціальныхъ бумагъ, въ царствованіе и Александра и Николая, представлялъ по-французски. То же самое дѣлалъ и преемникъ его, князь Васильчиковъ, хотя самъ по себѣ былъ типъ истиннаго русскаго. Не должно ли думать, что русскій языкъ, въ ихъ мысляхъ, казался неспособнымъ къ выраженію такъ и хъ истинъ, или вообще истинъ въ высшемъ государственномъ значеніи, и что, обращаясь къ французскому, они искали избѣгнуть чрезъ то малѣйшаго даже вида официальности? Сперанскій дѣйствовалъ иначе. Онъ и по-русски писалъ Александру такія вещи, которыхъ никто другой не отважился бы написать самодержцу ни на какомъ языкѣ, и при томъ, находясь еще самъ въ такомъ положеніи, гдѣ не было у него другого союзника, кромѣ собственнаго генія.

achevé ou perfectionné. Il a senti que la Russie, ayant fait depuis un siècle d'immenses progrès dans sa civilisation et s'étant placée dans le rang des puissances européennes, devait nécessairement faire concilier ses institutions avec cet état de choses. Il a senti que les institutions qui pouvaient être bonnes il y a un siècle, il y a cinquante ans, ne pouvaient plus convenir à un pays, qui, prenant tous les jours un plus grand essor, avait des besoins inconnus dans ces temps reculés et exigeait en général des modifications dans d'administration et dans l'ordre judiciaire. Ces vérités, incontestables pour tous ceux qui, en déposant toute partialité de côté, ont été à même de voir de près tout le chaos dans lequel se trouvaient les différentes branches de notre administration, avaient vivement pénétré l'empereur; aussi ne perdit il point de temps pour s'occuper de réformes; mais soit que les guerres qui éclatèrent successivement ne lui permirent point de donner à ses projets toute la suite et toute l'attention qu'ils exigeaient, soit que la cabale ou des intrigues de gens pervers qui, couverts pour ainsi dire d'opprobre, craignaient que l'ordre ne revelât un jour leurs turpitudes et ne les empêchât de tirer leur profit habituel du désordre, il arriva, que l'ouvrage de Sa Majesté ébauché et n'ayant pas acquis la fixité qui était nécessaire, les abus se multiplièrent à l'infini, et l'absurdité, la vénalité, l'injustice se manifestèrent là, où devaient présider la sagesse, le désintéressement et la justice. Ces funestes effets se manifestèrent surtout à l'époque où éclata la guerre. On se persuada peut-être que ce grand intérêt et les embarras, qui lui étaient inhérents, cacheraient les actes les plus sordides et les plus illégaux. On se flatta que l'absence de l'empereur rendrait l'impunité plus facile et l'on se permit en conséquence les actes les plus criants. Les vols de toute espèce s'organisèrent partout, et s'organisèrent de manière qu'il n'y eût presque aucun profit à les découvrir, parce que les administrateurs et les juges se donnant la main, on n'a presque pas vu d'exemple qu'aucune prévarication ait été punie, et des fortunes immenses se sont formées aux dépens de l'état ou des particuliers, qui étaient vexés et pressurés d'une manière inouïe ¹⁾».

¹⁾ Переводъ: Нѣтъ сомнѣнія, что никогда ни одинъ изъ государей не былъ преисполненъ столь пламенныхъ и честныхъ намѣреній, направленныхъ ко благу подданныхъ, какъ императоръ Александръ. Все его царствованіе служитъ самымъ нагляднымъ тому доказательствомъ. Онъ съ самаго начала понялъ, что въ Россіи все устроено лишь вчера и что поэтому все это слѣдуетъ довершить или улучшить. Онъ понялъ, что для Россіи, сдѣлавшей въ теченіе столѣтія громадныя успѣхи въ цивилизаціи и занявшей подобающее мѣсто среди другихъ европейскихъ государствъ, является существенная необходимость согласовать всѣ ея учрежденія съ настоящимъ ея положеніемъ. Онъ

«Сердце Александра—говорить съ своей стороны Н. И. Тургеневъ— не позволяло ему закрывать доступъ внушеніямъ, исходившимъ отъ желанія общаго блага, и этимъ-то онъ и заслужилъ пріязнь и уваженіе людей благонамѣренныхъ. Это чувство, вмѣстѣ съ постояннымъ рвеніемъ къ общественному добру, несмотря на малый плодъ, принесенный ими въ дѣйствительности, усвоиваютъ ему почетное мѣсто въ исторіи. Александръ, конечно, умеръ деспотомъ, но, по природеннымъ своимъ качествамъ, достоинъ былъ лучшаго предопредѣленія».

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о частной жизни Александра. Охладивъ къ императрицѣ, бывъ лишенъ семейныхъ радостей, онъ предался влеченіямъ своей чувственности, хотя, впрочемъ, молва глаasila, что женщины имѣли болѣе повода любить въ немъ щедрого императора и плѣнительнаго собесѣдника, нежели мужчину. У него было множество привязанностей, между прочимъ, среди иностраннаго купе-

сознавалъ, что учрежденія, которыя были хороши лѣтъ сто или пятьдесятъ тому назадъ, не могутъ годиться для государства, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающагося и у котораго имѣются потребности, неизвѣстныя отдаленному прежнему времени, и что поэтому настоятельно нужны существенныя перемены въ управленіи и судѣ. Этими истинами, несомнѣнными для людей вполне безпристрастныхъ, которые имѣли возможность видѣть вблизи, въ какомъ хаотическомъ состояніи находились разныя части нашего государственнаго управленія, былъ всецѣло проникнуть и государь. Поэтому онъ, не теряя времени, приступилъ къ реформамъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Съ одной стороны слѣдовавшія одна за другою войны помѣшали государю провести задуманныя преобразованія съ должною послѣдовательностью и съ тѣмъ вниманіемъ, какого они заслуживали; съ другой стороны пошли въ ходъ козни и интриги людей развращенныхъ; покрытые, если можно такъ выразиться, позоромъ, они опасались, что съ упорядоченіемъ управленія и суда могутъ открыться ихъ безчестныя дѣянія и они могутъ лишиться тѣхъ выгодъ, которыми они пользовались при существовавшихъ ранѣе порядкахъ. Поэтому предначертанія государя, лишь начатыя осуществленіемъ, не получили должной устойчивости, а вслѣдствіе того злоупотребленія размножились до чрезвычайности, и тамъ, гдѣ должно было бы быть мѣсто мудрости, безкорыстію и справедливости, стали проявляться недѣлности, корыстолюбіе и несправедливость. Эти мрачныя явленія особенно обнаружались въ эпоху, когда возгорѣлась война (1812 года). Быть можетъ, надѣялись, что столь важное обстоятельство и сопряженные съ нимъ замѣшательства помогутъ скрыть самыя мерзкія и незаконныя дѣянія; льстили себя надеждою, что за отъѣздомъ государя (къ арміи) безнаказанность станетъ легче, и вслѣдствіе этого дозволяли себѣ самыя вопіющіе поступки. Воровство всякаго рода установилось повсюду и производилось при томъ такъ, что раскрытіе преступленія являлось почти совсѣмъ бесполезнымъ: чины администраціи и судебного вѣдомства дѣйствовали заодно; не было почти ни одного случая, чтобы преступленіе по должности было наказано; образовались громадныя богатства насчетъ казны и частныхъ лицъ, которыхъ тѣснили и у которыхъ вымогали деньги самымъ неслыханнымъ образомъ.

чества, общество котораго онъ чрезвычайно любилъ и посѣщать какъ совершенно частный человѣкъ. Если привязанности эти не выходили изъ границъ вѣшняго приличія, то не могли, однакоже, оставаться тайною для общества ¹⁾, тѣмъ болѣе для людей приближенныхъ къ нему своимъ положеніемъ, или силою особыхъ обстоятельствъ. Въ числѣ послѣднихъ необыкновенно замѣчательную роль въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, предназначено было играть дерптскому профессору Парроту ²⁾. Изобразивъ живыми красками характеръ и высокія достоинства императрицы Елисаветы Алексѣевны, вотъ что этотъ тайный менторъ писалъ (15-го октября 1810 г.) своему Телемаку: «Écoutez donc la voix austère et tendre de votre ami, de cet ami qui n'a jamais craint que votre malheur. Vous n'êtes plus à la hauteur morale où vous étiez il y a six ans. Sondez votre coeur et punissez mon audace si j'ai tort. D'indignes alentours dans votre vie privée et dans les affaires vous dégradent pour s'approcher de votre niveau, et vous le souffrez et vous ne savez pas que votre ennemi sait en profiter, que tout ce qu'on raconte de votre vie privée, vrai ou faux, part de cette source envénimée et tend à vous ravir l'estime de vos sujets. Dieu puissant! Donne à mes paroles l'expression de mon coeur, touche le sien; qu'il redevienne mon idole, mon héros! Vos écarts ne partent que d'un seul point. Vous avez méprisé les relations de père de famille; vous avez dédaigné la dignité qui y est attachée. Vous êtes tombé de là dans une frivolité qui ne vous est pas naturelle et que vous condamnez vous même. Sûrement votre coeur vous l'a reproché souvent. Oh, pourquoi n'aviez vous pas alors un ange tutélaire qui vous ranimât? Mon Alexandre! Vous avez pleuré la perte de vos enfants. Oh, c'était alors le moment de revenir à vous-même, de sentir ce que vous pourriez être. Ne vous aveuglez pas en croyant encore à l'idée d'une passion qui ne peut pas avoir duré si longtemps. Depuis longtemps ce n'est plus votre coeur qui vous a captivé; c'est l'artifice, un acte infâme et connu; j'en ai la preuve non par bruits publics, mais par moi-même. Ne vous aveuglez pas non plus par l'idée de froideur (со стороны императрицы, его супруги) dont vous m'avez parlé. Vous eussiez aisément vaincu cette froideur qui n'était pas plus naturelle que votre éloignement. Si j'ai pu vous aimer comme je vous aime, quelle femme eût pu résister à votre coeur? Rentrez dans l'état de la nature. Attachez vous à la seule personne digne de tout votre attachement. Vous êtes dans l'âge de sentir tout autre chose qu'une

¹⁾ Въ бытность нашу въ Царскосельскомъ лицѣѣ (1811—1817) мы, дѣти, знали всѣ частные дома въ Царскомъ Селѣ, которые посѣщала Александръ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, всѣ тамошнія сердечныя его связи.

(Примѣчаніе барона М. А. Корфа).

²⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 12 и 13.

passion ordinaire et fragile. Renoncez aux autres liaisons sérieuses que votre coeur doit condamner. Renoncez aux liaisons frivoles que vous avez trop affichées et que l'opinion publique désapprouve. Soyez homme, soyez souverain! Si ces liaisons n'ont pas d'influence immédiate dans les affaires, elles en ont d'autant plus sur vous. Elles vous distraient, vous éloignent de vous-même, elles détruisent l'ensemble de votre activité, elles affaiblissent votre capacité pour les affaires. J'ai été étonné de vous entendre parler avec sagesse et de voir le contraire exécuté. Le secret de cette contradiction frappante est dans cette frivolité où vos alentours vous précipitent. Mon Alexandre! Rappelez votre vigueur. Ce ne sont pas des sacrifices, non, c'est votre jouissance, votre sûreté, ce sentiment de force qui n'appartient qu'à l'homme absolument pur, c'est votre bonheur quotidien que je vous demande. Mon Alexandre! Mon ami unique! Si je réussis, concevez-vous tous le bonheur que vous versez sur moi? Oui, concevez le, et, s'il le faut, mettez le encore dans la balance. Mon coeur, mon amour pour vous le méritent. Faites le bonheur de votre Parrot» ¹⁾).

Это письмо осталось безъ всякаго дѣйствія, по крайней мѣрѣ видимаго. Парротъ стоялъ вдалекѣ и говорилъ голосомъ суроваго разсудка...

¹⁾ Переводъ: Прислушайтесь къ строгому, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжному призыву вашего друга, друга, который единственно страшится вашего несчастья. Вы теперь не на той нравственной высотѣ, на которой стояли тому шесть лѣтъ. Испытайте ваше сердце и накажите меня за смѣлость, если я не правъ. Недостойные приближенные въ вашей частной жизни и по государственному управленію васъ низводятъ (съ той высоты, на которой вы стояли), чтобы быть на одномъ съ вами уровнѣ, и вы это терпите и вы не знаете, что враги ваши умѣютъ этимъ воспользоваться; вы не знаете, что всѣ слухи о вашей частной жизни, справедливые или ложные, исходятъ изъ этого зараженнаго ядомъ источника и имѣютъ цѣлью лишить васъ уваженія вашихъ подданныхъ. Всесмогущій Боже, даруй настоящимъ словамъ моимъ всю силу моей сердечной къ нему (т. е. императору Александру) привязанности, пусть они тронуть его сердце; пусть онъ снова станетъ моимъ божествомъ, моимъ героемъ!

Единственная причина вашихъ заблужденій слѣдующая: вы пренебрегли вашими семейными обязанностями, вы пренебрегли достоинствомъ семейной жизни. Такимъ образомъ вы впали въ легкомысліе, которое вамъ несвойственно и которое вы въ душѣ сами осуждаете. Навѣрно въ душѣ вы часто себя въ томъ упрекали. Зачѣмъ не было въ то время съ вами ангела-хранителя, который бы васъ ободрилъ. Дорогой Александръ! Вы оплакивали потерю вашихъ дѣтей. Это и была благоприятная минута, чтобы придти въ себя и почувствовать, чѣмъ вы можете быть. Не ослѣпляйте себя увѣренностью въ существованіи страсти, которая не можетъ тянуться такъ долго. Уже давно не сердечное расположеніе влечетъ васъ, а коварство, поступокъ безчестный и всѣмъ извѣстный, и въ этомъ я убѣдился самъ, а не по однимъ только слухамъ. Не обманывайтесь также мыслями о холодности (со стороны

Все благородное, возвышенное способно было воспламенить Александра и растрогать, и превратное воспитаніе далеко не до корня истребило природную красоту его души. Множество анекдотовъ служило тому доказательствомъ, но мы не будемъ ихъ здѣсь повторять: все, что только могло быть сказано въ похвалу и въ честь Александру, уже слишкомъ исчерпано въ печати, чтобы опять здѣсь находить себѣ мѣсто.

Кончимъ нашъ очеркъ отзывами двухъ людей, двухъ монарховъ, имѣвшихъ всю возможность близко изучить Александра и между тѣмъ составившихъ себѣ совершенно противоположное о немъ мнѣніе. Въ бумагахъ бывшаго посла нашего при австрійскомъ дворѣ Д. П. Татищева мы нашли письмо его къ графу Нессельроде, отъ 1-го (13-го) января 1826-го года, въ которомъ онъ рассказываетъ разговоръ съ нимъ императора Франца при извѣстии о кончинѣ Александра. «Alexandre et moi—говорилъ австрійскій императоръ—nous n'avions rien de caché l'un pour l'autre. Quand il m'interrogeait, il était sûr que je lui dirai la vérité; quand je lui faisais une question, je savais qu'il me répondrait avec sincérité» ¹⁾.

императрицы Елисаветы Алексѣевны), о чемъ вы мнѣ говорили. Вы легко могли бы побѣдить эту холодность, естественно объяснимую вашимъ отдаленіемъ отъ семьи. Если я полюбилъ васъ столь сильно, то какая женщина была бы въ силахъ противостоятъ вашей добротѣ? Вернитесь къ естественному порядку жизни. Пусть ваша привязанность принадлежитъ той особѣ, которая одна ея достойна. Вы въ такихъ дѣлахъ, что можете жить настоящимъ чувствомъ, а не мимолетною заурядною страстью. Бросьте другія серьезныя связи, которыя совѣтъ ваша должна осуждать. Откажитесь и отъ легкомысленныхъ связей, которыхъ вы совсѣмъ не скрывали и которыя порицаются общественнымъ мнѣніемъ. Будьте настоящимъ человѣкомъ, будьте царемъ. Если всѣ эти связи и не имѣютъ непосредственнаго вліянія на дѣла государственныя, то на васъ лично онѣ сильно отзываются. Онѣ васъ отвлекаютъ отъ занятій, отдаляютъ васъ отъ себя самого, губятъ вашу дѣятельность въ ея цѣломъ, ослабляютъ вашу способность къ дѣламъ государственнаго управленія. Я былъ удивленъ противорѣчію между вашими мудрыми словами и вашими поступками. Это поразительное противорѣчіе проистекаетъ отъ того легкомыслія, въ которое увлекаютъ васъ окружающія васъ лица. Дорогой Александръ, будьте же мужественны. Я не прошу у васъ какой-нибудь жертвы, я хлопочу только о вашемъ спокойствіи, довольствіи собою, о томъ чувствѣ силы, которое свойственно лишь человѣку волюнѣ безупречному, о вашемъ постоянномъ счастіи. Александръ, мой единственный другъ! если слова мои возымѣютъ на васъ дѣйствіе, понимаете ли вы, какое счастье вы мнѣ доставите? Да, поймите это и, если нужно, примите это обстоятельство во вниманіе. Моя сердечная привязанность и любовь къ вамъ заслуживаютъ, чтобы вы исполнили мою просьбу. Осчастливьте вашего Паррота.

¹⁾ Переводъ: Между Александромъ и мною не было никакихъ тайнъ. Когда онъ меня о чемъ-либо спрашивалъ, онъ былъ увѣренъ, что я скажу ему истинную правду. Когда я къ нему обращался съ какимъ-нибудь вопросомъ, я зналъ, что получу отъ него чистосердечный отвѣтъ.

Въ то же время, по существовавшему тогда при Вѣнскомъ дворѣ этикету, иностранныя дамы представляемы были женами пословъ ихъ націй. Жена Татищева, описывая, въ письмѣ къ какому-то генералу (въ найденномъ нами черновомъ нѣтъ ближайшаго указанія кому именно: она называетъ его просто «mon cher général»), такое представленіе ея графини Сидоніи Потоцкой, прибавляетъ: «Comme d'habitude l'empereur me parla de son défunt ami les larmes aux yeux, disant qu'il ne pouvait pas encore se faire à l'idée de l'avoir perdu. Il dit: On a cherché plusieurs fois à nous brouiller, mais jamais on n'y a réussi; Alexandre n'avait pas de secret pour moi, nous nous consultations sur tout; dussé-je vivre encore cent ans, je ne pourrai me faire à l'idée de l'avoir perdu» ¹⁾.

А вотъ что говорилъ о нашемъ монархѣ другой судья, всегда почти отличавшіяся особенною мѣткостью своихъ приговоровъ—Наполеонъ ²⁾. «Alexandre a de l'esprit, de la grâce, de l'instruction; mais on doit s'en défier: il est sans franchise; c'est un vrai grec du bas empire. Toutefois il n'est pas sans idéologie, réelle ou jouée. Croira-t-on jamais ce que j'ai eu à débattre avec lui: il me soutenait que l'hérédité était un abus dans la souveraineté, et j'ai dû passer plus d'une heure et user mon éloquence et ma logique à lui prouver que cette hérédité était le repos et le bonheur des peuples. Peut-être aussi me mystifiait-il, car il est fin, faux, adroit. Si je meurs ici (на островѣ св. Елены), ce sera mon véritable héritier en Europe!» ³⁾.

Но Наполеонъ ошибся въ послѣднемъ своемъ пророчествѣ. Ему не было преемника. Александръ, совершивъ то назначеніе, къ которому

¹⁾ Переводъ: Императоръ, по обыкновенію, говорилъ со мною о своемъ почившемъ другѣ со слезами на глазахъ и сказалъ, что онъ не можетъ еще выкинуться съ мыслью о его кончинѣ. Вотъ его слова: „Нѣсколько разъ старались насъ посорить, но никогда это не удавалось. Александръ не пѣлъ отъ меня секретовъ. Мы обо всемъ другъ съ другомъ совѣтовались. Если бы даже мнѣ предстояло прожить еще сто лѣтъ, я не выкинусь съ мыслью о его кончинѣ“.

²⁾ M. Damas-Hinard, Napoléon, ses opinions et jugements, t. I, p. 34.

³⁾ Переводъ: Александръ обладаетъ умомъ, пріятностью и образованіемъ, но ему не слѣдуетъ довѣрять: онъ не искрененъ; это настоящій византиецъ. Во всякомъ случаѣ, онъ до извѣстной степени утопистъ, или представляется таковымъ. Никто не повѣритъ, какіе споры происходили между нами. Онъ утверждалъ, что наследственность верховной власти есть зло; и мнѣ въ теченіе болѣе часа пришлось употребить все мое краснорѣчіе и пустить въ ходъ всю мою логику, чтобы доказать ему, что на этой наследственности зиждется спокойствіе и благополучіе народовъ. Впрочемъ, быть можетъ, онъ меня лишь дурачилъ, потому что онъ уменъ, притворчивъ и хитеръ. Если мнѣ суждено умереть здѣсь, то онъ по праву будетъ моимъ преемникомъ въ Европѣ.

*

онъ былъ призванъ на землѣ, пересталъ быть мужемъ Провидѣнія и умеръ нравственно задолго до плотской своей смерти. Онъ упалъ отъ избытка счастья.

Нельзя говорить объ Александрѣ, не говоря о его приближенныхъ. Дѣйствительно, въ портретѣ его не доставало бы главныхъ красокъ, если не обрисовать, по крайней мѣрѣ широкою кистью, тѣ лица, которыя пользовались рѣшительнымъ на него влїяніемъ, пока не водворился въ его милости Сперанскій, временщикъ, хотя минутный, но далеко превзошедшій всѣхъ ихъ силою генія. Мы вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ слѣдить кратко и за ходомъ самыхъ событій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XXIV ¹⁾.

Воззваніе временнаго правительства Литовскаго края.—Бѣдственное положеніе населенія.—Формированіе войскъ.—Предложеніе генеральной варшавской кофедерациі жителямъ Литвы образовать сеймики и составить кофедерацию.—Пріемъ въ Варшавѣ депутаціи отъ Литвы.—Рѣчь Теленскаго.—Административная дѣятельность временнаго литовскаго правительства.

Вступая въ управленіе краемъ, верховная комиссія временнаго правительства великаго княжества Литовскаго заявила свою дѣятельность слѣдующимъ воззваніемъ, одобреннымъ Наполеономъ.

«Граждане! Болѣе двадцати лѣтъ слухъ вашъ поражали распоряженія и предписанія правительства на чуждомъ, неизвѣстномъ вамъ языкѣ.

«Поляки! Внимайте, наконецъ, голосу вашихъ соотечественниковъ, внимайте голосу и языку поляковъ, и благодаря Всевышняго, благодарите также второе Провидѣніе, проявляющееся въ героѣ сего столѣтія, великомъ Наполеонѣ. Одно его къ намъ приближеніе, подобно солнцу, возносящемуся надъ громадою льдинъ, расплвило и уничтожило всѣ препятствія, наполнивъ сердца наши сладкою надеждою и чувствами живѣйшей благодарности.

«Мы нижеподписавшіеся, назначенные приказомъ 1-го іюля сего года членами комиссіи временнаго литовскаго правительства, призы-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, декабрь 1902 г.

ваемъ васъ раздѣлить съ нами общія чувства наши. Какихъ еще нужно къ сему побужденій! Не довольно ли намъ вспомнить о величайшемъ для насъ благодѣяніи—возвращеніи самостоятельности нашего отечества? Изъ слѣдующихъ за симъ объявленій вы узнаете о всемілостивѣйшей заботливости и попеченіи на счетъ уменьшенія и облегченія, сколько возможно, несчастій, которыя война влечетъ за собою. Пожертванія же, которыхъ отъ васъ требовать будутъ, какъ бы ни были они велики, покажутся ничтожными въ сравненіи съ благодѣяніемъ возвращенной намъ самостоятельности. Поэтому нынѣ мы довольствуемся извѣщеніемъ всѣхъ властей и жителей Литовскаго княжества о назначеніи временной правительственной комиссіи и вступленіи нашемъ въ управленіе ея дѣлами, предписывая относиться въ оную во всякомъ случаѣ, касающемся управленія сего края» ¹⁾).

Вслѣдъ за тѣмъ появилось распоряженіе комиссіи, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ:

Всѣ крестьяне, жители городовъ или деревень, оставившіе свои дома, съ наступленіемъ смутнаго времени, должны возвратиться обратно, заниматься земледѣліемъ и отправленіемъ своихъ повинностей.

До объявленія новыхъ «общепринятыхъ» постановленій временное правительство требовало, чтобы всѣ земледѣльцы и крестьяне повиновались своимъ владѣльцамъ, арендаторамъ имѣній или ихъ повѣренными. Крестьянамъ было строго предписано не причинять ни малѣйшаго вреда помѣщичьей собственности, заниматься работами, исполнять повинности, возложенныя на нихъ инвентарями—словомъ, всѣ тѣ, которыя отправляемы были до пришествія непріятели. Неисполняющихъ своихъ обязанностей и людей дурнаго поведенія уѣздное начальство, по донесенію помѣщиковъ, обязано увѣщевать, наказывать и принуждать, съ употребленіемъ въ случаѣ надобности даже военной силы.

Уѣздному начальству поручено наблюдать за порядкомъ, разбирать жалобы, удовлетворять обиженныхъ, которымъ за нанесенную обиду опредѣлять вознагражденіе. Помѣщики должны были въ крестьянскихъ общинахъ назначить десятскихъ и сотскихъ и, по требованію военной команды, содѣйствовать къ задержанію бродягъ и мародеровъ.

Обращаясь къ литовскому духовенству, комиссія ставила ему въ обязанность склонять и уговаривать всѣхъ къ терпѣливому перенесенію всякихъ случайныхъ потерь и убытковъ, которые въ свое время будутъ непремѣнно возмѣщены. На духовенство же была возложена обязанность ободрять своимъ примѣромъ и наставленіемъ къ поддержанію полевыхъ работъ. «Постоянное отправленіе обыкновенныхъ дворовыхъ повинностей (барщины) должно немедленно возобновиться,

¹⁾ Воззваніе 6-го іюля 1812 г. „Litewski Kurjer“ 15-го іюля, № 52.

потому что отъ этого зависитъ обезпеченіе продовольствія и благосостояніе самихъ же крестьянъ въ будущемъ году»¹⁾.

Съ необыкновенною быстротою Литва покрылась сѣтью разнаго рода самозванныхъ управленій. Всѣ литовскія губерніи были подчинены генераль-адъютанту Наполеона Гогендорпу, а бѣлорусскими управлялъ генераль Шарпантье. Въ губернскихъ городахъ учреждены были верховныя правленія, а въ уѣздныхъ—коммиссіи, состоявшія въ завѣдваніи подпрефектовъ. Главное назначеніе губернскихъ и уѣздныхъ управленій состояло въ собираніи продовольствія и доставленіи его великой арміи. Судопроизводство было подчинено верховному управленію, находившемуся въ Вильнѣ. Это управленіе бездѣйствовало, и правосудія добиться было невозможно. На вопросъ, сдѣланный маршалу Даву въ Могилевѣ чиновниками новоучрежденнаго правленія, въ чемъ должна заключаться ихъ должность, какое установить судопроизводство, какими законами руководствоваться, онъ отвѣчалъ:

— Господа! Наполеонъ требуетъ отъ васъ трехъ вещей: хлѣба, хлѣба и хлѣба.

«Уголовное производство, — говоритъ Михайловскій-Данилевскій²⁾, — шло обычнымъ чередомъ, но гражданское было пріостановлено. Разсмотрѣніе тяжбныхъ дѣлъ допускалось не иначе, какъ съ разрѣшенія верховнаго управленія въ Вильнѣ. Начальниками въ каждомъ губерпскомъ городѣ были генералы, завѣдывавшіе всѣми воинскими командами. Они обходились съ членами правительственныхъ мѣстъ надменно, сажали ихъ подъ караулъ, рвали протоколы засѣданій, самовольно брали деньги изъ городскихъ и уѣздныхъ суммъ. Примѣру ихъ подражали толпы комиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, находившихся при войскахъ. Это былъ во французской арміи особый родъ людей, отличавшихся безнравственностію, выросших среди ужасовъ революціи и привыкшихъ, при многолѣтнихъ войнахъ республиканскихъ генераловъ и Наполеона, истощать всѣ средства къ своему обогащенію». Положеніе края было отчаянное. Онъ почти ежедневно наводнялся шайками мародеровъ, отставшихъ отъ арміи. Жители бѣжали кто куда могъ и скрывались по лѣсамъ. Крестьяне и шляхта, покинувъ сельскія работы, присоединились къ мародерамъ и грабежомъ добывали себѣ кусокъ хлѣба. Зерновой хлѣбъ остался неперемолотымъ за истребленіемъ мельницъ; хлѣбъ, стоявшій на корнѣ, былъ потоптанъ и не убранъ съ полей. Грабежи сопровождались убійствами и насиліемъ; приносимыя жителями жалобы оставались вновь установленнымъ начальствомъ безъ удовлетворенія.

¹⁾ „Litewski Kurjer“ 15-го іюля 1812 г. № 52.

²⁾ Описаніе Отечественной войны, ч. I, стр. 455.

При переправѣ Наполеона на правый берегъ Нѣмана, польское населеніе встрѣтило его съ восторгомъ, но, по мѣрѣ того какъ непріятель углублялся внутрь страны, восторгъ уступилъ мѣсто совершенному охлажденію. Помѣщики твердили о будущемъ благоденствіи и требовали отъ крестьянъ всякаго рода пожертвованій и поставокъ, совершенно ихъ разорявшихъ. Наряды подводъ превосходили всякую мѣру: иногда требовалось вдругъ до 10.000 подводъ. При проходѣ черезъ Гродно 3-го полка литовской гвардіи, состоявшаго всего изъ 444-хъ человекъ, была потребована 121 подвода, за которыя, конечно, не платили.

То же самое происходило въ Полоцкѣ и Витебскѣ. Значительное число домовъ въ Полоцкѣ было разрушено, цѣлыя деревни и помѣщичьи мызы сожжены.

Слухъ о приближеніи непріятеля къ Витебску навелъ, конечно, страхъ и ужасъ на всѣхъ жителей. Въ городѣ поднялась всеобщая суматоха: собирали вещи, укладывали ихъ въ ящики и вмѣстѣ съ ними и скотомъ удалялись изъ города по направленію къ Невелю. Туда прибыли: гимназія, семинарія, бѣлсе и черное духовенство и множество семействъ съ дѣтьми и съ самымъ малымъ продовольствіемъ, «едва имѣя насущные сухари, приправленные горькою судьбою».

Въ окрестностяхъ Витебска уже хозяйничали непріятельскіе мародеры: врываются въ дома, разбивали сундуки, шкафы, комоды и бюро, брали лошадей, запрягали ихъ въ экипажи, нагружали ихъ награбленными вещами и уѣзжали. Задержавъ Г. И. Добрынина, мародеры отняли у него 1.500 руб. и сняли сапоги, панталоны и рубашку. «Не трудно примѣтить,—говоритъ потерпѣвшій съ горькою ироніею,—что воинъ сей былъ человекъ съ расчетомъ. Онъ тотчасъ смѣтилъ, что ему нужнѣе рубашка и панталоны, нежели халатъ; мнѣ же, въ моемъ положеніи, халатъ былъ нужнѣе, нежели рубашка и панталоны. На семь благоразумномъ разсужденіи основалъ онъ свое рѣшительное опредѣленіе и его исполнилъ».

Вскорѣ послѣ вступленія непріятеля въ Витебскъ, городъ представлялъ безобразный видъ: въ домахъ не было стеколъ и дверей и ни одного цѣльнаго забора. Кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ евреевъ никого не было видно на улицахъ; лавки и винные погреба были пусты, дома разрушены, церкви, костелы и монастыри переполнены больными и ранеными. Во все время пребыванія непріятеля въ городѣ не было слышно ни колокола, ни пѣнія пѣтуха. Звонъ былъ запрещенъ, а пѣтухъ съѣденъ. Населеніе голодало: за фунтъ печенаго хлѣба платили по 1 р. 50 коп. ассигн.; за ведро водки—10 руб. То же самое происходило и въ окрестностяхъ города: сельскіе жители и помѣщики были ограблены и разорены. Называя всякаго благороднаго барономъ (вмѣсто барина),

французы «пропасть надѣлали босыхъ бароновъ». Французскій генералъ, квартировавшій въ Витебскѣ, съ насмѣшкою утѣшалъ ограбленныхъ ¹⁾:

— Вы будете разорены,—говорилъ онъ,—будете бѣдны, но будете имѣть свое отечество.

Тою же приманкою—возстановленіемъ отечества—пользовался и князь Экмюльскій при вступленіи своемъ въ Минскъ. Узнавъ о приближеніи его къ городу, жители-поляки занялись рѣшеніемъ вопроса, какія сдѣлать приготовленія «къ приличному принятію героя».

Предсѣдатель временнаго совѣта Каминскій и предводитель дворянства Монюшко отправились за двѣ мили для встрѣчи князя Экмюльскаго, а предсѣдатель Ходзко, минскій подкоморій, князь Пузына и Сѣраковский встрѣтили его за Раковскою заставой, поднося хлѣбъ-соль, для передачи его Наполеону.

— Непобѣдимая моя армія,—говорилъ очень естественно на все это Экмюльскій,—пришла для возвращенія полякамъ отечества. Несмѣтные отряды арміи Наполеона или покроютъ землю своими тѣлами, или самостоятельность вашему отечеству будетъ возвращена, и, такимъ образомъ, прекратится вліяніе Россіи на дѣла Европы.

Этихъ словъ было совершенно достаточно для удовлетворенія поляковъ.

«При въѣздѣ князя въ городъ, народъ толпился вокругъ него, а магистратъ и цехи привѣтствовали, подстилая знамена свои подъ стопы побѣдителя. Когда князь со штабомъ своимъ прибылъ на площадь, называемую «Высокій рынокъ», то граждане заступили ему дорогу, усыпавъ ее цвѣтами. Между народомъ раздавались радостныя восклицанія: «да здравствуетъ Наполеонъ, избавитель Польши!» Во время сего праздника на галлерей ратуши играла городская музыка» ²⁾.

Князь Экмюльскій незамедлил воспользоваться такимъ повинновеніемъ жителей. По его постановленію, учреждена коммисія временнаго правленія Минской провинціи, и назначены члены для засѣданія въ оной, подъ предсѣдательствомъ минскаго губернатора. Губернаторомъ назначенъ былъ сначала французскій генералъ Барбенегръ (Barbenègre), а впоследствии генералъ Брониковскій. Для извѣщенія о томъ жителей, издана была прокламація «о сей счастливой перемѣнѣ правительства».

«Граждане-поляки!—говорилось въ прокламаціи.—Настало счастливѣйшее для насъ время. Попеченіемъ величайшаго изъ монарховъ и мужествомъ непобѣдимой его арміи, мы возвращены отечеству. Временное правленіе, учрежденное по повелѣнію маршала Французской

¹⁾ Записки Г. И. Добрынина, изд. 1872 г., стр. 338—346.

²⁾ „Litewski Kurjer“ 5-го августа 1812 г. № 60.

имперіи князя Эмюльскаго, объявляетъ вамъ предписанныя ему правила и извѣщаетъ о семь событіи, радостномъ сердцамъ всѣхъ поляковъ, въ надеждѣ, что всѣ достойные поляки будутъ содѣйствовать всѣмъ ихъ намѣреніямъ, клонящимся къ счастью ихъ отечества и къ оправданію желаній великодушнаго нашего избавителя Наполеона».

Не помышляя теперь о возстановленіи Польши и нуждаясь всего болѣе въ военной помощи поляковъ, Наполеонъ приказалъ немедленно сформировать въ Литвѣ 5 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ полка, первые въ три баталіона, а вторые въ четыре эскадрона. Чтобы привлечь въ войска дворянъ, онъ назначалъ командирами полковъ лицъ, принадлежавшихъ къ стариннымъ польскимъ аристократическимъ фамиліямъ. Для составленія кадровъ вновь формируемыхъ частей, были вызваны офицеры и унтеръ-офицеры изъ варшавскихъ войскъ. Кромѣ этихъ полковъ, комплектовавшихся рекрутскою повинностью, были сформированы два полка охотниковъ, а въ городахъ учреждена народная стража и жандармскія команды.

«Литовскій Курьеръ» звалъ всѣхъ на службу. «Благородные юноши,— писалъ онъ,—спѣшите на открывающіяся вамъ почести. Идите кто, какъ и въ чемъ можетъ пѣшій или конный. Мундиръ, вооруженіе и латы, у кого нѣтъ ихъ, здѣсь получите. Не оставайтесь послѣдними на достославномъ поприщѣ, не забывайте блистательнаго назначенія вашего!»

Рядомъ съ этимъ приглашеніемъ ходило по рукамъ во множествѣ списковъ стихотвореніе, написанное на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Къ моимъ соотечественникамъ».

«Услыши древнихъ славянъ исполинское племя,—писалъ между прочимъ неизвѣстный авторъ ¹⁾. Похититель престоловъ вторгнулся въ землю твою, нищать людей, опустошаетъ села и грады и падшихъ въ его окопы получившими свободу называетъ. Кто онъ, иноплеменный ничего общаго съ нами ни въ обычаяхъ, ни въ языкѣ, ни въ вѣрѣ не имѣющій? Осьмнадцать лѣтъ уже минуло, какъ онъ, льстя призракомъ свободы и правъ отечественныхъ, для собственной корысти льетъ кровь собратій нашихъ въ Европѣ, въ Африкѣ и въ Америкѣ. Равнины зеленныя, горячіе пески и стремнины горъ костями нашими насыпаны, а воды италянскія, воды Рейна и Дуная, воды Ботническія кровью нашею окрасились, ибо всюду, гдѣ только хотѣлъ онъ сохранить французъ,—сарматовъ предавалъ погибели.

«Удивили мы страны полночныя и полуденныя, страны Востока и Запада легковѣріемъ нашимъ и совокупно храбростію, удивили тѣмъ,

¹⁾ Арх. Собствен. Его Величества канцеляріи. Военная опись 1812 г., д. № 68. Мы приводимъ его въ пересказѣ прозою.

что для единого призрака, для единой надежды возвращенія себѣ отечества, для оболъстителей злыхъ и коварныхъ, скитались по свѣту, сражались и за нихъ кровь проливали. И чѣмъ воздано намъ за столь важную заслугу, за труды, за слезы, за сиротство нашихъ женъ и дѣтей—насмѣшкою единой».

Авторъ обращаетъ вниманіе соотечественниковъ на то, что теперь и не большой участокъ земли (Литва) отечественной разграбленъ; что одни сироты его населяютъ; что отцы ихъ и супруги уведены войсками, «для оскорбленія вѣры и Бога отцовъ нашихъ, дабы до послѣдней капли источить кровь нашу. Грады и села наши опустѣли, поля вытоптаны, и Атилла воинствомъ своимъ ихъ наводняетъ; пламенные зарева и дымъ являютъ шествіе его, ибо онъ, при вступленіи своемъ, держалъ въ рукахъ не вѣтвь оливковую, но Божій бичъ, дабы счастливыя земли подъ правленіемъ Александра учинить мѣстомъ своей ловитвы, а для насъ безлюдною пустынею.

«Вонмите, именитые братья русскіе и поляки, что вы одинъ народъ, одна въ васъ кровь, одинъ языкъ, одни обычаи, одни добродѣтели и характеры, одно и то же геройское сердце, отважность неуступчивая и духъ воинственный. Боже! что за казнь... на что мы себя погубляемъ, служимъ общему врагу, который, обоихъ насъ поглотивъ въ ненасытную свою утробу, смѣяться будетъ, что его смѣдію сдѣлались два единоплеменные народа».

Предлагая прекратить вѣковую вражду, существовавшую между поляками и русскими, поэтъ призывалъ всѣхъ на защиту русскаго трона. «Благородное юношество,—писалъ онъ,—воздвигни новое знамя и да будетъ въ срединѣ его черный двуглавый орелъ; направо орелъ ляха, налѣво рысь—путь къ побѣдамъ и счастье тебѣ показующая... Правда Божія за вѣрность и любовь дастъ вамъ побѣду и лаврами увѣнчаетъ главы защитниковъ земли отечественной, и вы въ сей часъ на побѣдоносномъ полѣ славной битвы, собравъ полки, вложите въ длань монарха сей знакъ приношенія вашего, наибольшій изъ всѣхъ знаковъ, единогласно восклицая отнынѣ: Александръ король поляковъ».

Стихотвореніе это болѣе подходило къ настроенію большинства, чѣмъ воззванія «Литовскаго Курьера» и прокламаціи верховнаго правительства. Призывы послѣдняго къ поголовному ополченію не имѣли никакого успѣха. Формированіе войскъ шло очень туго. По словамъ де-Прадта, вся Литва и Бѣлоруссія поставили въ ряды войскъ не болѣе 2.000 человекъ, да и тѣ были не вооружены и не одѣты. Всякій одѣвался, какъ хотѣлъ и какъ могъ; вмѣнено только было въ обязанность носить на шляпѣ или фуражкѣ французскую кокарду.

Земледѣльческое населеніе, на которое пала вся тяжесть разоренія, не откликалось на призывъ и смотрѣло враждебно. Въ Виленской,

Гродненской и Минской губерніяхъ большинство жителей были русскіе восточнаго исповѣданія, смотрѣвшіе на торжество поляковъ какъ на еще большее порабощеніе ихъ личности и угнетеніе церкви. Одна шляхта съ ксендзами стояла за польское дѣло, но и та роптала на налоги и собираемыя пожертвованія.

Въ Бѣлоруссіи не только народъ, но и помѣщики остались вѣрными русскому правительству. Шарпантье требовалъ присяги Наполеону и формированія войска, но ни того, ни другаго не добился. Полоцкіе помѣщики отказались присоединиться къ конфедераціи, въ Могилевской губерніи повторилась то же самое. Непрiятель хотѣлъ произвести въ Могилевской губерніи рекрутскій наборъ, но крестьяне всѣ разбѣжались, и удалось набрать только до 400 шляхтичей. Въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ русское населеніе подавляло все прочее на столько, что Волынь, на которую такъ надѣялся Наполеонъ, поставила въ солдаты только двухъ человѣкъ. Шварценбергъ, вступившій съ своими войсками въ Волынь, не могъ даже найти надежныхъ лазутчиковъ и всюду, куда достигалъ только непрiятель, жители покидали свои дома и уходили. «Я тоже,—говоритъ де-Прадтъ,—хотя не щадилъ издержекъ, не могъ завести постоянной переписки съ Волынью».—Польскіе дворяне Кіевской губерніи принуждены были выразить императору Александру свои вѣрноподданническія чувства и представить по 5 ратниковъ съ 500 душъ.

Не смотря на все это, съ полученіемъ изъ Варшавы акта конфедераціи, польская аристократія Литвы и горячіе патріоты, все еще вѣрившіе въ Наполеона, думали устроить точно такую же конфедерацію у себя.

Съ этою цѣлю, временнымъ правительствомъ Литовскаго края было опубликовано воззваніе конфедераціи королевства Польскаго къ тѣмъ полякамъ, которые находились въ русской службѣ ¹⁾).

«Соотечественники!—сказано въ воззваніи.—Возстало отечество, а съ нимъ вмѣстѣ возобновились принятыя вами, съ первыми признаками жизни, святыя обязанности. Разсмотрите исторію сего міра, безсмертные примѣры предковъ и современныя дѣйствія соотечественниковъ вашихъ. Внемлите сердцамъ вашимъ, если они еще польскія, если они еще не совершенно искажены. Они вамъ скажутъ, что нѣтъ ничего славнѣе и доблестнѣе, какъ жить и умереть за отечество, такъ точно ничего не можетъ сравниться съ безчестіемъ служить и соединяться съ растерзавшими и облившими оною вашею кровью.

¹⁾ Воззваніе генеральной конфедераціи королевства Польскаго къ полякамъ, задержаннымъ въ гражданской и военной русской службѣ и принужденнымъ сражаться противъ отечества. „Litewski Kurjer“ № 54.

«Соотечественники! Неужели вы не чувствуете нанесенной вашему роду величайшей обиды, этого жестокаго удара? Подумайте, какіе носите знаки, какую кровью обогрены знамена, подъ которыми служите. Варварамъ только можетъ быть понятна эта святотатственная мысль, что вы почитаете благодѣтелями тѣхъ, которые васъ изъ побѣдителей и повелителей своихъ (?) сдѣлали невольниками и въ довершеніе жестокости допустили васъ къ безчестію (!), защищая ихъ, проливать кровь вашу и братьевъ вашихъ, въ которой они, накупавшись волюю, пролить до послѣдней капли не успѣли.

«Поляки! Пока еще не было отечества, дотолѣ могли быть терпимы связи, въ которыя вы вступили по необходимости, принужденію или для избѣжанія подозрѣвающихъ взоровъ незаконныхъ правителей вашихъ. Безъ сомнѣнія, нѣтъ такого изверга, который бы оныя терпѣлъ добровольно; никогда они не будутъ и не были столь крѣпки, чтобы ихъ не слѣдовало расторгнуть. Нынѣ же они болѣе не существуютъ, потому что отечеству возвращены права, коихъ оно требуетъ, во всей обширности. Здѣсь нѣтъ выбора: надо быть или его сыномъ, или предателемъ.

«Любезное отечество! Конечно, ты не испытаешь такого униженія, чтобы сыновья твои отъ тебя отпирались, чтобы хотя одинъ изъ нихъ, увлеченный нечистыми рѣчами притѣснителей нашихъ, осмѣлился называть долгомъ чести службу угнетателямъ нашимъ. Когда же было честию топить отцеубійственный мечъ въ лонѣ своей матери? Мужество и храбрость тогда только доблестны, когда защищаютъ правое дѣло, и вѣрность тогда только будетъ истинною добродѣтелью, когда не противятся первѣйшимъ, вмѣстѣ съ жизнію принятымъ обѣтамъ, начертаннымъ неизгладимо въ сердцахъ нашихъ природою и отечествомъ. Итакъ, пусть сердца ваши наполняются отвращеніемъ и омерзеніемъ ко всему, что происходитъ изъ рукъ тѣхъ, которые присягнули (?) погубить васъ. Слѣшите, докажите, кто вы такіе. Докажите, что вы поляки, и устрашится грабители вашего отечества.

«Сыны Ходкевичей, Собіескихъ и Жолкевскихъ! Сорвите съ себя эти унижающіе васъ знаки, бросьте отцеубійственные мечи, соединитесь съ нами и въ отыщеніе за нанесенныя вамъ обиды и поруганія обратите оныя противъ угнетателей вашихъ. Кровь, кровь враговъ, въ глазахъ отечества есть доблестнѣйшее украшеніе храбрыхъ. Идите по слѣдамъ тѣхъ добродѣтельныхъ соотечественниковъ, которые, восемнадцать лѣтъ назадъ, по призыву отечества, рѣшились разорвать цѣпи и, прорвавшись сквозь дикія толпы, проложили себѣ къ нему дорогу по тропамъ тѣхъ же невольниковъ, которые васъ нынѣ стараются задержать.

«Представлялось ли вамъ когда-либо попріще, славнѣе рядовъ

храбрыхъ собратьевъ вашихъ, которые, прославивъ польское имя на сушѣ и на морѣ, въ лестнѣйшую награду приносятъ вамъ отечество, призывая васъ раздѣлить съ ними славу—сражаться за оное? Вотъ истинное поле чести и долга; вотъ гдѣ достойные поляки желаютъ пролить кровь свою, для восстановления настоящей Польши въ глазахъ величайшаго героя, великодушнаго покровителя, подлѣ славнѣйшихъ рыцарей, возлѣ первѣйшаго въ мірѣ народа, наконецъ, возлѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, идущихъ поставить разъ навсегда непреоборимую преграду дикимъ толпамъ, стремящимся въ Европу.

«Придите! придите! Призываетъ васъ отечество, призываютъ братья ваши съ распростертыми объятіями. Васъ ожидаютъ любящія ихъ сердца, ожидаютъ совѣщательныя палаты, ожидаютъ національныя знамена. Придите! да порадуется величайшій изъ героевъ, да порадуется Европа этой неизмѣнной вѣрности поляковъ къ отечеству—этой любви, которая не должна имѣть границъ и обращать вниманія ни на какія обстоятельства или затрудненія. Словомъ, поступите такъ, чтобы отечество наше—прославленное по всему міру любовію и пожертваніями сыновей своихъ, и которое нынѣ, какъ нѣжная мать, призываетъ съ улыбкою разсѣянныхъ по лицу земли дѣтей своихъ,—не было принуждено на зарѣ своего существованія принять суровый видъ и показаться неумолимымъ для тѣхъ, которые въ преступномъ ослѣпленіи не устрашились отвернуться отъ него» ¹⁾).

Это воззваніе было составлено въ Варшавѣ на основаніи 6-й и 7-й статей приведеннаго нами акта конфедераціи Польскаго королевства. Оно было принято поляками Литовскаго края безъ всякой аппелляціи, какъ распоряженіе законнаго правительства восстановленной Польши. Читая его, поляки старались убѣдить самихъ себя и другихъ, что «всего можно достигнуть, дѣйствуя съ одушевленіемъ и самопожертвованіемъ». Они приводили примѣръ другъ другу изъ польской исторіи, объ избавленіи Польши въ 1665 году тишовецкою конфедераціею, отъ нашествія казаковъ, татаръ, русскихъ, пруссаковъ и шведовъ.

— Теперь,—говорили одни,—мы живемъ въ болѣе счастливое время, подѣ покровительствомъ великаго Наполеона.

— Отъ насъ зависитъ,—говорили другіе,—заслужить такую же славу, какую приобрѣли соотечественники наши въ послѣднихъ кампаніяхъ противъ Пруссіи и Австріи, и доказать, своими пожертвованіями и стараніями, величайшему изъ героевъ, что мы достойны самостоятельности. Подражая имъ, хорошій примѣръ подали тѣ, которые вступили въ литов-

¹⁾ Учнено въ Варшавѣ въ засѣданіи совѣта 23-го іюня (7-го іюля) 1812 года. Подписалъ маршалъ генеральной конфедераціи кн. Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій. См. „Litewski Kurjer“ 22-го іюля № 54.

скую гвардію, или опредѣляются въ польскіе полки. Болѣе 300 прекрасныхъ юношей отправились въ Гродно, гдѣ одинъ изъ альбукирскихъ побѣдителей, Конопка, оканчиваетъ формироваіе полка литовской гвардіи.

«Граждане Бѣлоруссіи! — писало между тѣмъ временное правительство Литовскаго княжества.—Земли, обитаемыя вами, имѣютъ то преимущество, что на нихъ происходили дѣйствія, славнѣйшія въ польской исторіи. Вы были путеводителями и соучастниками въ славѣ, пріобрѣтенной общими нашими прадѣдами. Связанные съ вами узами крови (коиими, по справедливости, мы можемъ гордиться), мы всегда почитали себя однимъ съ вами народомъ, несмотря на измѣненіе границъ и перемѣнъ въ политическихъ обстоятельствахъ. Чѣмъ долѣе продолжалась разлука, тѣмъ дороже была память роднаго семейства. Всѣ поляки бѣлорусскіе и литовскіе граждане—всѣ родные, и должны быть одушевлены тѣми же благородными и искренними чувствами. Надѣмся увидѣть васъ скоро достойными предковъ вашихъ.

«Присоединяйтесь къ общей всѣмъ провинціямъ польскимъ конфедерации, которая составила въ Варшавѣ подъ предводительствомъ вашего, нашего и польскаго соотечественника—князя Адама-Казимира Чарторыйскаго, и къ коей вся уже Литва приступила. И такъ въ скоромъ времени мы увидимъ васъ въ святилищѣ законовъ, занимающихъ сенаторскія кресла и разныя почетныя мѣста, такъ давно осиротѣлыя. Мы увидимъ васъ подающими отечеству руку помощи—совѣтами, а въ рядахъ арміи—мужествомъ. Вотъ несутъ опять знамена Ходкевичи, Радзивилы, Сапѣги и Сангушки. Соединяйте наши съ вашими, и скоро запрутса навсегда для наѣздниковъ врата земель нашихъ. Видите, какъ бѣгутъ ихъ отряды, какъ поражаетъ ихъ непобѣдимый, котораго уста изрекли: Польша существуетъ»¹⁾.

Временное правительство Литовскаго княжества предписало составить сеймики и приступить къ избранію делегатовъ или пословъ на сеймъ генеральной конфедерации Польскаго королевства. 15-е августа 1812 года было назначено днемъ повсемѣстнаго собранія сеймиковъ. Во второмъ параграфѣ инструкціи, изданной временнымъ правительствомъ, сказано было между прочимъ, что, по прочтеніи собранію различныхъ актовъ и официальныхъ бумагъ, будетъ немедленно открыта книга, съ прописаннымъ въ началѣ ея актомъ генеральной конфедерации, къ подписанію которой будутъ приглашены всѣ присутствующіе помѣщики безъ всякихъ условій или оговорокъ, а только въ удостовѣреніе того, что они соединяются въ одно политическое тѣло.

¹⁾ Постановленіе 21-го іюля 1812 г. См. „Litewski Kurjer“ № 55.

По § 9-му той же инструкціи, кромѣ патрістическихъ пожертвованій въ пользу отечества, никакихъ постановленій на сеймикахъ дѣлать не было дозволено, а потому, по избраніи делегатовъ, маршалъ долженъ былъ сейчасъ же объявить о закрытіи сеймика ¹⁾.

Кандидатами въ делегаты или послы могли быть выбраны только владѣльцы имѣній, не исключая и духовныхъ лицъ, а также записанные въ повѣтовой дворянской земской книгѣ.

Къ избранію же делегатовъ допускались всѣ дворяне, духовные, вотчинные и владѣльцы имѣній. Каждый сеймикъ долженъ былъ избрать только двухъ делегатовъ, для послыки въ Варшаву, съ представленіемъ тамошней генеральной конфедераціи подлиннаго акта о приступленіи къ конфедераціи того повѣта, отъ котораго посланы делегаты. «Хотя дозволяется помѣщикамъ каждаго повѣта избрать на сеймикахъ двухъ делегатовъ на вышеупомянутый предметъ, однако, одинъ только изъ нихъ, то-есть первый по старшинству, останется членомъ конфедераціоннаго сейма, потому что собравшійся уже сеймъ, къ которому эти члены присоединяться будутъ, составленъ изъ пословъ, избранныхъ по одному изъ каждаго повѣта».

Что же касается до мѣщанскаго сословія, то временное правительство постановило устроить собранія во всѣхъ городахъ, повинующихся магдебургскимъ законамъ. Въ назначенный день, городскіе владѣльцы должны были избрать двухъ депутатовъ на общіе выборы, въ окружныхъ городахъ, которые всѣ будутъ имѣть право участвовать въ избраніи «гражданами окружныхъ городовъ делегатовъ на конфедераціонный сеймъ Польскаго королевства». Но въ делегаты могли быть выбраны только граждане окружныхъ городовъ.

Черезъ восемь дней послѣ этихъ собраній, депутаты, выбранные отъ окружныхъ породовъ, должны были собраться въ главные окружные города ²⁾ для избранія двухъ депутатовъ, назначенныхъ къ отправленію въ Варшаву съ актомъ конфедераціи.

Многіе города и повѣты Литовскаго края немедленно приступили къ собранію сеймиковъ и къ генеральной конфедераціи. Обрядъ этотъ обставлялся всевозможными торжествами: колокольнымъ звономъ, паллобою изъ пушекъ и ружей, молебствіемъ за здравіе Наполеона и разными пиршествами. Въ эти дни бывали балы, обѣды, иллюминаціи; охотники произносили рѣчи и проповѣди въ прославленіе враговъ и поруганіе Россіи. «Литовскій Курьеръ» печаталъ самыя преувеличенныя извѣстія объ успѣхахъ Наполеона.

¹⁾ Инструкція сеймикамъ. „Литовскій Курьеръ“ № 66.

²⁾ Главными окружными городами были: Вильно, Ковно, Россіены, Гродно, Новогрудокъ, Брестъ, Минскъ, Пнаскъ и Бѣлостокъ.

«Никто здѣсь понять не можетъ,—сказано въ одномъ изъ номеровъ виленской газеты ¹⁾,—съ какою быстротою отряды великаго Наполеона пролетѣли отъ Нѣмана за Днѣпръ, и далеко за Двину. Потомки наши не будутъ вѣрить, что такая огромная армія могла въ теченіе одного мѣсяца пройти болѣе 70 миль, постоянно гнать передъ собою непріятеля и побѣждать всѣ препятствія. Между тѣмъ, знаемъ съ достовѣрностію, что императоръ съ главною квартирою прибылъ въ Витебскъ 15-го (27-го) іюля, а передовые отряды проникнули несравненно далѣе. Жители береговъ Двины, свидѣтели приготовленій русскихъ, равномѣрно удивляются скорости и мудрости военныхъ эволюцій, коими уничтожена вся линія укрѣпленныхъ мѣстъ, прежде нежели непріятель успѣлъ приступить къ защитѣ оной. Динабургская крѣпость, около которой десять тысячъ человѣкъ работали почти два года ²⁾, пала передъ побѣдителями, какъ стѣны Геригона. Двина, укрѣпленные берега которой казались недоступными, течетъ нынѣ среди французскихъ отрядовъ, какъ Вилія и Нѣманъ. Въ одинъ мѣсяць Наполеонъ сдѣлалъ то, на что нашимъ князьямъ и королямъ нужно было много столѣтій»

Унижая такъ своихъ правителей передъ Наполеономъ, а въ лицѣ ихъ унижая и самъ себя, представители прессы въ то же время старались чуть не каждый день напоминать полякамъ о далекомъ прошломъ ихъ отечества. То они говорили, что театръ военныхъ дѣйствій перенесенъ уже въ тѣ мѣста, на которыхъ Сигизмундъ III сражался съ русскими и шведами ³⁾, то объявляли, что непобѣдимыя силы великаго Наполеона прошли границы, «положенные въ 1772 г. измѣною и насиліемъ» ⁴⁾, и завладѣли частью земель и городовъ, «которые сорокъ лѣтъ тому назадъ Россія столь несправедливо отторгнула отъ Польши. Витебскъ и Могилевъ уже заняты. Польскія войска оказали чудеса храбрости при Мирѣ. По всѣмъ церквамъ совершаются благодарственные молебствія за ниспосланіе побѣды избавителю Польши, за успѣхъ его оружія. Народъ возсылаетъ теплыя молитвы Богу. Уже освобождены сыновья Соллогубовъ, Зиновичей, Лопацинскихъ, Калиновскихъ, Подѣевъ и многихъ другихъ, прославившихся мужествомъ и любовію къ отечеству» ⁵⁾.

«Вездѣ, гдѣ удаляется непріятель, возстаютъ жители, водворяется

¹⁾ См. „Litewski Kurjer“ 8-го августа 1812 г., № 61.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ „Kurjerъ“ увѣряетъ, что въ Динабургѣ работали въ теченіе двухъ лѣтъ болѣе 20.000 человѣкъ. См. № 62.

³⁾ „Litewski Kurjer“ 27-го іюля № 56.

⁴⁾ Подъ этими границами разумѣются губерніи Витебская и Могилевская, возвращенныя отъ Польши въ 1772 году.

⁵⁾ „Litewski Kurjer“ 27-го іюля, № 56.

порядокъ. По вѣзмъ окрестностямъ, гдѣ проходилъ князь Багратионъ, является множество русскихъ дезертировъ, которые на вопросъ: почему они бѣжали, отвѣчаютъ: насъ такъ долго поражали французы, что теперь лучше желаемъ сражаться съ ними, нежели противъ нихъ» ¹⁾.

На сколько поляки старались поднять въ глазахъ народа Наполеона, на столько, если не болѣе, они пытались выставить слабость Россіи.

«Юля 11-го (23-го),—было сказано въ «Литовскомъ Курьерѣ» ²⁾,—происходило при Могилевѣ сраженіе между княземъ Экмюльскимъ и Багратиономъ. Разбитый русскій предводитель поведетъ на помощь арміи развѣ только остатки своего корпуса, коего двѣ пѣхотныя дивизіи и одна кавалеріи отрѣзаны и блуждаютъ въ Пинскихъ болотахъ и близъ береговъ Буга, но въ скоромъ времени встрѣтятся съ союзниками Наполеона, съ саксонцами или австрійцами, которые постараются доказать, что они сражаются за столь великое дѣло.

«Армія, которою предводительствуетъ самъ императоръ (Александръ), потерявъ отъ 8-ми до 10-ти тысячъ человекъ, поражена при Витебскѣ, гдѣ всѣ передовые корпуса разбиты и послѣшно отступаютъ, оставляя край—равняющійся обширѣйшему государству.

«Наконецъ, и Рига увидала своихъ побѣдителей. Юля 7-го (19-го), прусскія войска подступили къ мостовымъ ея укрѣпленіямъ, вступили въ бой съ русскими, разбили ихъ, разогнали и, въ доказательство побѣды, взяли 300 человекъ въ плѣнъ.

«19-го (31-го) числа того же мѣсяца, осажденные покушались сдѣлать вылазку, но были разбиты и принуждены искать спасенія въ укрѣпленныхъ стѣнахъ города. Трудно описать замѣшательство, беспорядки и страхъ, въ какомъ находятся русскіе.

«По плану обороны, слѣдовало, можетъ быть, уничтожить нѣсколько домовъ одного предмѣстья,—но страхъ не знаетъ границъ,—и предмѣстья, лежація даже со стороны Петербурга, содѣлались жертвою пламени! Такимъ образомъ, толпы народа осажденнаго, но не атакованнаго, испытали уже такія потери, которыя обыкновенно бывають слѣдствіемъ продолжительной осады.

«Вотъ какое зрѣлище представляетъ недавно столь пышная и надменная Россія, непобѣдимому своему врагу—Европѣ».

Въ другомъ мѣстѣ «Курьера Литовскаго», при объявленіи о взятіи Смоленска, говорится между прочимъ: «очень прискорбно для насъ, что литовскіе полки не могутъ еще вступить на столь блистательное поприще и участвовать въ славѣ побѣдъ, перенесенныхъ въ самое сердце смертельныхъ враговъ нашихъ» ³⁾.

¹⁾ „Литовскій Курьеръ“ 18-го іюля, № 53.

²⁾ Отъ 9-го августа, № 58.

³⁾ См. „Litewski Kurjer“ 29-го августа 1812 г., № 69.

Извѣстіе о взятіи Смоленска, какъ равно и другія военныя свѣдѣнія о различныхъ побѣдахъ французской арміи, представляли жителямъ города Вильны прекрасный случай и предметъ къ устройству обѣдовъ и праздниковъ. Каждое торжественное благодарственное молебствіе, совершаемое не въ урочный часъ, «за избавителя польскаго народа и за успѣхи его оружія»—было лучшимъ вѣстникомъ и предлогомъ для празднествъ и иллюминацій. Въ такіе дни, по всѣмъ церквамъ служили парадныя обѣдни съ музыкою; говорили проповѣди о томъ, что «истинные сыны отечества не должны падить ни достоянія, ни крови своей, для освобожденія его изъ рукъ непріятеля, ибо таковая любовь къ отечеству добродѣтельна не только въ нравственномъ, но и въ духовномъ отношеніи».

Въ день извѣстія о взятіи Смоленска, вся Вильна была иллюминирована, и въ домѣ каноника Богуславскаго поставлена картина, изображающая Парижъ, и славу, возвѣщающую ему о взятіи Смоленска ¹⁾. Вечеромъ, въ виленскомъ театрѣ шла пьеса: «Возвращеніе отечества» (*Powrot Ojczyzny*), при каждой патріотической сценѣ которой раздавались громкія рукоплесканія. «Какое представляется прекрасное попріище, восклицали поляки:—мужеству, ревности и патріотизму литовцевъ. По той же дорогѣ, по которой слѣдуетъ великая армія на Вязьму и Можайскъ, предки наши нѣкогда Москву посѣщали...»

Въ такомъ настроеніи, поляки съ большимъ энтузіазмомъ принимали французскія войска. При первомъ извѣстіи о приближеніи ихъ къ городу, они выѣзжали имъ навстрѣчу вмѣстѣ съ духовенствомъ, магистратомъ и цеховыми старшинами.

Видя въ каждомъ солдатѣ, шедшемъ въ Россію—своего Мессію, поляки встрѣчали ихъ радостными восклицаніями; духовенство благословляло ихъ знамена; магистратъ и цеховые со своими знаменами встрѣчали ихъ съ хлѣбомъ-солью. Изъ окрестныхъ деревень съѣзжались помѣщики въ городъ—попраздновать, пообѣдать и поговорить о возстановленной Польшѣ. Вечеромъ зажигалась въ городѣ иллюминація. «Во всякомъ домѣ былъ пиръ, у всѣхъ обнаруживались одинаковыя патріотическія чувства. Итакъ, поляки вездѣ одни и тѣ же—всѣ заняты однимъ предметомъ—возстановленіемъ отечества» ²⁾.

Приступившіе къ генеральной конфедераціи жители г. Вильны отправили депутатовъ въ Варшаву, которые и представились конфедерационному сейму въ публичномъ засѣданіи 8-го (20-го) августа.

¹⁾ См. „Litewski Kurjer“ 29-го августа 1812 года, №№ 67 и 68.

²⁾ „Litewski Kurjer“ 19-го сентября 1812 г., № 76.

Въ посольской залѣ Варшавы, въ 12 часовъ, собрались всѣ власти; французскій посолъ и чиновники посольства были тутъ же.

Старшій депутатъ временнаго литовскаго правительства, подкоморій Еленскій обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой между прочимъ говорилъ ¹⁾:

— Народъ нашъ ласкаетъ себя надеждою, что Польша ожила и существуетъ. Поляки уже доказали всему міру свою ревность и любовь къ отечеству. Литва отъ нихъ на этомъ достославномъ поприщѣ не отстанетъ, ибо литовскій народъ одушевленъ тою же любовью къ отечеству, тѣмъ же желаніемъ освободиться и изгладить слѣды униженія, нанесеннаго Московскимъ государствомъ, котораго кровавая политика истребляетъ польское и литовское племя. Освобожденный отъ непріятельской силы и тиранства, литовскій народъ къ вамъ, поляки, обращается съ братскими объѣтами, возобновляетъ святую и нерасторгаемую унію и съ восторгомъ приступаетъ къ генеральной конфедерации Польши...

По окончаніи рѣчи Еленскаго, другой депутатъ, хорунжіи Тизенгаузенъ вручилъ совѣту конфедерации актъ приступленія къ оной членовъ временнаго правительства Литовскаго края и находившихся тогда въ Вильвѣ помѣщиковъ. Въ этомъ актѣ, подписанномъ почти всеми участниками, литовское правительство высказывало искреннѣйшее желаніе и обѣщало употребить всевозможныя старанія и мѣры къ тому, чтобы осуществить «столь священную и вождѣльную цѣль» варшавскаго конфедерационнаго сейма. Цѣль эта заключалась въ «добродѣтельномъ намѣреніи соединить въ одно политическое тѣло расторгнутыя части Польши и великаго княжества Литовскаго и возвратить отечеству нашему древнія его владѣнія, свободу, независимость, значеніе и благосостояніе ²⁾».

Членъ совѣта конфедерации, епископъ Галашевскій, и маршалъ сейма, старикъ князь Адамъ Чарторыйскій, въ произнесенныхъ ими рѣчахъ, изъявили свою благодарность литовскимъ депутатамъ. Вскорѣ послѣ такого приѣма депутатовъ и чрезъ нѣсколько дней по прибытіи ихъ въ Варшаву, генеральный совѣтъ конфедерации получилъ отзывъ временнаго правительства Литовскаго края, въ которомъ правители старались выказать свои патріотическія чувства.

«Мы руководствовались вашимъ просвѣщеннымъ опытомъ и слѣдовали данному вами примѣру гражданской ревности и самопожертвованія. Чувствуемъ, что мы теперь поставлены передъ судилищемъ всей Европы и грядущихъ поколѣній; но, принимая во уваженіе духъ, какимъ про-

¹⁾ „Dziennik Konfederacyi Jeneralney“, № 23.

²⁾ „Dziennik Konfederacyi Jeneralney“ 1812 г., № 23.

питаны всѣ жители Литвы (?), геройское одушевленіе, проявляющееся въ нашемъ юншестве, ласкаемъ себя надеждою, что въ исторіи возстановленія Польши Литва со славою можетъ занять вторую страну.

«Пусть пробьетъ скорѣе часъ совершеннаго нашего соединенія! Да содѣлаемся мы достойными вашей и предковъ нашихъ славы, временнымъ исправленіемъ порученной намъ правительственной и административной власти! Вотъ наши желанія, вотъ единственная цѣль всѣхъ нашихъ усилій. Съ радостію получаемъ воззванія ваши, съ радостію слѣдуемъ патриотическимъ и основаннымъ на опытѣ совѣтамъ вашимъ ¹⁾».

Одновременно съ приступленіемъ къ конфедераціи, временное правительство принимало мѣры и къ административному устройству края. Постановленіемъ отъ 26-го іюля (7-го августа) и 14-го (26-го) августа измѣненъ курсъ русской монеты, ходившей въ Литвѣ ²⁾. По предписанію временнаго же правительства, первый департаментъ вилненскаго главнаго суда, а также городскіе суды въ повѣтовыхъ городахъ Виленской и Гродненской губерній приступили, въ началѣ августа 1812 года, къ разсмотрѣнію и рѣшенію уголовныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ ³⁾.

Въ іюль стали вызывать желающихъ принять на себя содержаніе почтовыхъ станцій или нѣсколькихъ лошадей ⁴⁾, а потомъ главная дирекція почтъ объявила, 7-го (19-го) августа и 22-го августа (3-го сентября), объ открытіи почтовыхъ путей какъ между городами Литовскаго края, такъ и сообщеній съ заграничными пунктами ⁵⁾.

Дневнымъ приказомъ Наполеона ⁶⁾, были опредѣлены правила относительно почтъ и ихъ содержателей. Призывая необходимымъ хронее содержаніе почтъ для успѣховъ арміи, французскій императоръ воспретилъ, подъ опасеніемъ суда и наказанія, забирать войскамъ почтовыхъ лошадей и ихъ фуражъ. Маршалы и командующіе генералы обязаны были наблюдать за исправностію и цѣлостію почтъ. Для сохраненія содержателямъ станцій «почтенія», поставлены жандармы,

¹⁾ См. „Dziennik Konfederacyi Jeneralney“ 1812 г. № 24.

²⁾ Предписано русскую двухкопѣчную мѣдную монету принимать за три мѣдные гроша, а пятикопѣчную — за семь грошей. Въ изданномъ же 14-го (26-го) августа постановленіи о курсѣ иностранныхъ монетъ, курсъ этотъ измѣненъ такъ, что постановлено: пятикопѣчную монету принимать за 5 грошей; двухкопѣчную — за 2 гроша; копѣчную — за 1 грошъ; денежку — за 1/2 гроша. Русская же серебряная монета оставлена въ прежнемъ курсѣ. См. „Литовскій Курьеръ“ № 63 и 70.

³⁾ См. „Литовскій Курьеръ“ 1812 г. №№ 62, 65 и 91.

⁴⁾ См. „Литовскій Курьеръ“ 15-го іюля № 52.

⁵⁾ См. „Литовскій Курьеръ“ №№ 65 и 82.

⁶⁾ Въ Вильнѣ отъ 26-го іюня (8-го іюля) 1812 г.

на обязанности которыхъ было наблюдение за цѣлостію и исправностію почтовыхъ домовъ и лошадей. На каждой станціи должно было быть выставлено извѣстное число такъ называемыхъ императорскихъ лошадей и ямщиковъ. Лошади эти были подвѣдомственны только смотрителю почтъ и не могли быть требуемы никѣмъ, кромѣ тѣхъ, кои имѣли разрѣшеніе самого императора.

Издавъ постановленіе о взысканіи въ казну посплинныхъ денегъ при совершеніи купчихъ крѣпостей, духовныхъ завѣщаній и разныхъ другихъ актовъ, а также о гербовой бумагѣ со многими измѣненіями противъ существовавшихъ до того времени нашихъ узаконеній ¹⁾, временное правительство Литовскаго края нашло необходимымъ собрать и чрезвычайную подать.

«Необыкновенныя мѣры,—сказано въ постановленіи ²⁾,—пріятыя великимъ Наполеономъ къ возстановленію нашего отечества, требуютъ отъ насъ необыкновенныхъ усилій, дабы доказать, что мы достойны оныхъ. Особенно продовольствіе союзниковъ нашихъ, содержаніе и обмундировка молодыхъ людей, стремящихся подѣ отечественныя знамена, и формирующихся полковъ, которые по большей части уже существуютъ, требуютъ необыкновенныхъ и немедленныхъ издержекъ, которыхъ обезсиленная и безъ всякихъ запасовъ оставленная казна удовлетворить не можетъ безъ необыкновенныхъ пожертвованій, которыхъ отъ васъ имѣетъ право требовать».

Всѣ эти чрезмѣрные требованія и расходы заставили временное правительство назначать, кромѣ обыкновенныхъ податей, единовременную экстраординарную подать, которой подвергались всѣ жители, за исключеніемъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ, оберъ-офицеровъ до капитана, монастырей, содержащихся подаяніемъ и при коихъ находятся больницы, нищихъ и содержащихся въ тюрьмѣ, замужнихъ женщинъ, живущихъ вмѣстѣ съ мужьями, не занимающихся отдѣльно промыслами и не имѣющихъ собственнаго имѣнія, дѣтей всѣхъ разрядовъ, состоящихъ подѣ опекою родителей или попечителей и не имѣющихъ собственныхъ имѣній. Все населеніе раздѣлено было на одиннадцать разрядовъ, изъ коихъ первый разрядъ долженъ былъ внести по 15 грошей, а одиннадцатый (капиталисты), обязывался на честное слово внести седьмую часть получаемыхъ ежегодно доходовъ или процентовъ ³⁾.

¹⁾ См. „Литовскій Курьеръ“ 1812 г. № 66.

²⁾ Отъ 22-го августа 1812 года. Тамъ же № 71.

³⁾ Разряды эти составляли: 1-й разрядъ, вносящій 15 грошей—крестьяне не имѣющіе своихъ дворовъ; крестьянскіе служители по деревнямъ, служители городскихъ жителей 5 класса и мѣстечекъ, занимающихся хлѣбопашествомъ; 2-й разрядъ, вносящій одинъ золотой — крестьяне-барщеники, гнвуны, наемные работники, пастухи, лѣсничіе, ремесленники

Сверхъ того, основываясь на конституціи 1789 года, временное правительство постановленіемъ своимъ, обнародованнымъ 5-го (17-го) сентября 1812 года ¹⁾, предписало всѣмъ лицамъ духовнаго званія, занимающимъ разныя должности и почетныя мѣста, начиная съ архіепископа до приходскаго священника сверхъ этой единственной подати, внести въ казну, также одновременно, въ теченіе шестимѣсячнаго срока, пошлину отъ данныхъ имъ привилегій и пять процентовъ изъ суммы, равняющейся четырехлѣтнему, каждаго изъ нихъ, годовому доходу. Монашествующее духовенство обязано было внести только пять процентовъ. Все духовенство раздѣлено на восемь разрядовъ, изъ коихъ первый обязанъ былъ внести пошлины 1.000, а послѣдній — 2 червонца. Отъ этого налога избавлены только монастыри, содержавшіе училища и больницы, а также не имѣющіе постоянного опредѣленнаго дохода.

XXV.

Празднованіе поляками дня рожденія Наполеона.—Усиленный призывъ къ поступленію въ ряды французской арміи.—Занятіе Наполеономъ Москвы.—Восторгъ поляковъ.—Тревожныя извѣстія.—Отступленіе Наполеона.—Разочарованіе.

Долго литовскіе поляки завидовали варшавскимъ въ томъ, что не имѣли возможности выразить гласно поклоненіе Наполеону и устраивать въ честь его праздники. Наконецъ, время это наступило. 3-го (15-го) авгу-

по деревнямъ и проч.; 3-й разрядъ, два злотыхъ—оброчные крестьяне и чиншевая шляхта, служители помѣщиковъ обоего пола, лакеи, стрѣльцы, фореиторы, кучера, повара, кухарки и проч.; 4-й разрядъ, четыре злотыхъ—шляхтичи, служащіе у помѣщиковъ экономами, писарями, а также горничныя изъ этого сословія; владѣльцы деревянныхъ домовъ въ городахъ 3, 4 и 5 класса, мельники, органисты и проч.; 5-й разрядъ, десять злотыхъ—капитаны арміи, вотчинники и временные владѣльцы имѣній изъ 40 дворовъ, приходскіе священники, гувернеры, гувернантки, адвокаты, регенты и проч.; 6-й разрядъ, 30 злотыхъ — командиры баталіоновъ и эскадроновъ, владѣльцы и вотчинники имѣній отъ 40—80 дворовъ, прелаты, игумены; 7-й разрядъ, 60 злотыхъ — майоры, владѣльцы имѣній отъ 80—250 дворовъ; 8-й разрядъ, 100 злотыхъ—полковники и владѣльцы имѣній отъ 250 до 480 дворовъ; 9-й разрядъ, 300 злотыхъ—владѣльцы отъ 480—1000 дворовъ; 10-й разрядъ, 500 злотыхъ — владѣльцы болѣе 1000 дворовъ; 11-й разрядъ — капиталисты, обязанные внести $\frac{1}{7}$ часть дохода.

¹⁾ См. „Литовскій Курьеръ“ 1812 г. 23-го сентября № 77.

ста, Вильна праздновала день тезоименитства Наполеона. «Вчера исполнилось наше желаніе,—говоритъ «Литовскій Курьеръ»¹⁾),—и берега Валии загремѣли тѣми же радостными восклицаніями, которыя уже пять лѣтъ разлетались на берегахъ Вислы и скоро наполнять будутъ все пространство отъ Балтійскаго до Чернаго морей»...

Наканунѣ вечеромъ пушечные выстрѣлы возвѣстили жителямъ о наступающемъ праздникѣ. Движеніе въ городѣ примѣтно увеличилось; всю ночь продолжались соотвѣтствующія приготовленія. На другой день поутру, по пушечному выстрѣлу, собралась на площади пестрая толпа войскъ: тутъ были поляки, французы, баварцы и императорская гвардія. Пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо литовскаго генераль-губернатора, графа Гогендорпа, всѣ чины и войска отправились въ церковь, въ которой покоятся мощи польскаго королевича св. Казимира. Гвардія Наполеона построилась въ самой церкви въ два ряда, вокругъ алтаря стала вновь сформированная польская національная гвардія; вокругъ трона, назначеннаго для императора, расположилась почетная гвардія. Епископъ князь Пузына служилъ обѣдню, во время которой играла музыка и войска, по древнему польскому обычаю, отдавали почести. Прелатъ Длусскій въ своей проповѣди старался доказать, что поляки обязаны почитать «посланника небесъ» (Наполеона), любить свое отечество, а пожертвованіями и возвращеніемъ къ похвальнымъ обычаямъ предковъ загладить свою вину и преступленіе (?). Потомъ пѣто «Te Deum laudamus», во время котораго раздавались пушечные выстрѣлы и крики: «да здравствуетъ Наполеонъ, избавитель поляковъ!»

«Многіе, упавъ ницъ,—говоритъ очевидецъ,—передъ чудотворнымъ образомъ остробрамской Богородицы, съ умиленіемъ молились объ успѣхахъ французской арміи».

Изъ церкви президентъ города Вильны, Ромеръ, съ муниципалитетомъ и цеховыми старшинами обошелъ всѣхъ представителей виновника торжества, съ изъявленіемъ преданности поляковъ «избавителю угнетеннаго народа». Графъ Гогендорпъ, баронъ Виньонъ и виленскій губернаторъ баронъ Жомини, поочередно приняли отъ него поздравленіе. На площади для простаго народа былъ приготовленъ обѣдъ, на которомъ Ромеръ сказалъ рѣчь присутствовавшимъ.

— Граждане!—говорилъ онъ,—въ первый разъ Провидѣніе дозволило намъ праздновать сей торжественный день, который уже нѣсколько лѣтъ вся Европа празднуетъ съ величайшею радостію. День сей посвященъ непобѣдимому герою міра, великому Наполеону. Площадь, на которой мы теперь стоимъ, въ память сего дня, будетъ называться

¹⁾ Отъ 16-го августа 1812 г. № 65.

вѣчно Наполеоновскою. Мощною его десницею расторгнуты цѣпи, приготовленныя происками предателей отечества и внутренними несогласіями, а затѣмъ возложенныя на насъ русскою силою. Народъ! Эти цѣпи уже не существуютъ. Ты можешь свободно дышать отечественнымъ воздухомъ, свободно мыслить, чувствовать и дѣйствовать. Сибирь тебя уже не ожидаетъ, а русскій (moskal), угрожавшій оною, самъ принужденъ искать спасенія въ ея пустыняхъ. Побѣдоносные орлы преслѣдуютъ уже непріятели въ той странѣ, гдѣ нѣкогда оружіемъ предковъ нашихъ назначены были границы наши... Скоро смоленскіе и прочіихъ обширныхъ земель нашихъ граждане, присоединяясь къ союзу конфедераціи, подтвердятъ предсказанное соединеніе въ одно цѣлое польскаго народа»¹⁾).

Жареные быки, начиненныя дичиною, водка, пиво и прочія обѣденныя принадлежности оживили толпу, шпровавшую на площади съ 4-хъ до 9-ти часовъ. Тамъ и сямъ слышались восклицанія обѣдающихъ: да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ ея мститель и его непобѣдимая армія!

Герцогъ Бассано давалъ обѣдъ, на которомъ присутствовали болѣе пменитые граждане и военные, отправившіеся потомъ въ театръ на даровое представленіе пьесы: «Краковяки», которая, по выраженію корреспондента, «всегда бываетъ хорошо принята, потому что возбуждаетъ любовь къ отечеству и ненависть къ врагамъ народа».

Театръ кончился, и публика отправилась на балъ, устроенный дворянствомъ и продолжавшійся до шести часовъ утра. Весь этотъ день городъ былъ иллюминованъ. Среди плошекъ, покрывавшихъ фасады ратуши, поставлены были между колоннами пять транспарантовъ, изъ коихъ одинъ представлялъ двухъ уланъ: поляка и литовца, окруженныхъ толпою, указывающею на вензель Наполеона. Уланы соединили свои сабли на защиту двухъ обнимающихся женщинъ—символь Польшы и Литвы. Подобные транспаранты выставлены были во многихъ мѣстахъ города: на университетскихъ воротахъ, еврейской школѣ, «въ которой играла музыка, а евреи всю ночь молились», и на домахъ частныхъ лицъ. На домѣ каноника Богуславскаго транспарантъ былъ такъ затѣйливъ, что въ состояніи былъ изобразить со всѣми подробностями вступленіе Наполеона въ Вильну, а внизу его было написано: Вильна, освобожденная 28-го іюня 1812 года и *Vir-tus non territa monstris*.

«Литовскій Курьеръ» 1812 года наполненъ описаніями празднествъ, устроенныхъ въ честь Наполеона. На страницахъ его можно встрѣтить стихи особъ, посвятившихъ свои труды на хвалебные двенрамы фран-

¹⁾ „Litewski Kuryer“ 26-го августа 1812 г. № 65.

цускому императору. Оды и стихотворенія, обращенныя къ Наполеону, не замедлили появиться на свѣтъ. Не останавливаясь на нихъ, мы упомянемъ о празднествахъ, происходившихъ въ различныхъ городахъ Литовскаго края.

Такъ, жители города Лиды, въ тотъ же день, 15-го августа, по срединѣ церкви поставили транспарантъ съ вензелемъ Наполеона и съ надписью на латинскомъ языкѣ, которая въ переводѣ гласила слѣдующее: «великій государь, живи долго счастливъ и вкушай всѣ блага». На Виленской улицѣ того же города появилась треугольная пирамида, на которой съ одной стороны горѣлъ вензель императора въ лавровомъ вѣнкѣ съ надписью: «великому Наполеону, мощною его десницею освобожденный край мужественныхъ нѣкогда Ягеллоновъ, своему избавителю, 15-го августа 1812 года», а на другой сторонѣ пирамиды надпись въ стихахъ:

Ouczyzny naszej wsparıaly Mścicielu,
Hardey polnocy silny gromicielu!
Niech Orły Polskie i Litwy Pogonie
Służą zamiarom Twym Napoleonie

(Отечества нашего великодушный мститель. Мощный побѣдитель гордаго Сѣвера Наполеонъ! Пусть польскіе орлы и Литва споспѣшествуютъ благимъ твоимъ намѣреніямъ).

На третьей же сторонѣ пирамиды обращенной къ развалинамъ древняго замка, была также надпись въ стихахъ:

W naszych tu murach Jagiełońskie plemię,
W piętnastym wieku tryumf odnosiło,
Gdy dzicz Tatarska naszła Polską ziemię,
Jmię Litwinów, najezdzców gromiło.
Dzisiaj Bohatyr świata tu przychodzi,
Z Scytyyskich Kaydan wydobyć was męże
Bieżcie na pole chwaly Polska młodzi,
Odzyskać ziemię, prawa i orężę.
Wówczas Krwią obcych plynęła Lidzieia
Dziś się z nią miesza Niemen, Dniepr i Dzwina,
Dzieje się naszej Pogoni nadzieia,
Juz cierpień naszych minęła godzina.

(Здѣсь въ каменныхъ стѣнахъ ягеллонское племя, въ XV столѣтіи, одерживало побѣды, а когда дикіе татары вторгнулись въ Польшу, одно имя литовцевъ утрашало наѣздниковъ. Нынѣ пришелъ герой міра освободить васъ, мужи, отъ скинскаго ига. Стремитесь, польскіе юноши, на поле славы возвратить землю, права и оружіе. Тогда Лидзія плыла чужестранною кровью, нынѣ смѣшиваются съ нею Нѣманъ, Днѣпръ и

Двина. Сбывается надежда Литвы; прошелъ часъ нашихъ страданій ¹⁾).

На фасадѣ ратуши города Ковно помѣщена была картина, изображающая р. Нѣманъ, съ построеннымъ на ней французами мостомъ. Наполеонъ, сопровождаемый маршалами и польскими генералами, переходитъ на русскій берегъ и указываетъ на гробъ польской свободы, видимый въ отдаленіи и покрытый лаврами. Надъ гробомъ геніи плетутъ вѣнки для будущихъ героевъ. По знаку французскаго императора, нѣкоторые польскіе отряды уже окружили и покрыли гробъ, другіе же спѣшатъ и плывутъ съ выраженіемъ полной радости. Берега Нѣмана озаряются мгновенно лучами яснаго неба, и тучи, затемнявшія до сихъ поръ край—исчезаютъ. Вдохновенный поэтъ восклицаетъ:

Ci, który z życiem swą krew poświęcił,
 By grób znaleźli i matkę wskresili;
 Przebiegszy przestwor szeroki,
 Tu obaczyli jego zwłoki.
 Dusza mieszkała w jey Synach
 Nad Wisłą tchnęły nadz je,
 Ciało nad Niemnem w ruinach
 Zagrzebył nieszczęście koleje.
 Tu Mściciel krzywdy, co Zbawia Narody
 Zgromadził mężne różnych Kraiów Rody,
 Stał i wyrzekł: dalej! dzielne plemie
 Podnieście Matkę, osiągnącie Ziemię!

(Тѣ, которые пожертвовали жизнью и кровью, дабы найдти гробъ и воскресить мать-отечество, пройдя неизмѣримыя пространства, здѣсь увидѣли его бранные остатки. Душа его жила въ сынахъ. Берега Вислы дышали надеждою, а тѣло—рядомъ несчастій похоронено было на берегахъ Нѣмана. Здѣсь мститель обидъ нашихъ, избавитель народовъ, собравъ мужественныя всѣхъ земель племени, явился и сказалъ: впередъ! мужественное племя, воскреси мать твою и завладѣй землею).

По лѣвой сторонѣ ратуши, видна была другая картина, на которой воскресшее отечество представлено въ видѣ слабой женщины, поддерживаемой польскими уланами и бросающей цвѣты на шлемъ Наполеона. Вверху буква N и надпись: да здравствуетъ императоръ французовъ! ²⁾...*

Въ Новогрудкѣ былъ выставленъ на домѣ портретъ Наполеона; на доминиканской церкви была надпись: «Наполеонъ! Едва вступилъ ты въ нашъ край, какъ исчезъ двуглавый орелъ, а твой орелъ осыпалъ

¹⁾ См. „Litewski Kuryer“ 26-го августа 1812 г. № 68.

²⁾ „Litewski Kuryer“ 9-го августа 1812 г. № 62.

Литву. Силою твоего могущества, къ счастью Литвы, робкій москаль упустилъ свою жертву, даже не сражаясь».

Такія или почти такія празднества происходили въ Волковыскѣ ¹⁾, Свенцянахъ ²⁾, Россіенахъ ³⁾ и многихъ другихъ городахъ. Словомъ сказать, общество поляковъ Литовскаго края, и преимущественно дворянъ-помѣщиковъ, наѣхавшихъ въ города, пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обѣдами, балами, стихами и патристическими рѣчами соединить разрозненные части въ одно цѣлое на потребу и пользу французской арміи. Поляки собирали для нея хлѣбъ, шли въ ряды войскъ и дѣлали различныя пожертвованія.

«Граждане!—писало временное литовское правительство въ одномъ изъ воззваній.—Нѣтъ мѣры приношеніямъ и личнымъ жертвованіямъ, когда идетъ дѣло объ освобожденіи отечества. Примѣръ такого гражданскаго самопожертвованія составляетъ дражайшее наслѣдство. доставшееся намъ послѣ отцовъ нашихъ. Постараемся сравниться съ ними въ достоинствѣ. Защитники и избавители наши нуждаются въ продовольствіи, они прелнваютъ за насъ кровь, мы же должны подѣлиться съ ними остаткомъ нашего запаса, тѣмъ болѣе жертвовать тѣмъ, что, по удовлетвореніи дѣйствительныхъ нуждъ нашихъ, можетъ оказаться излишнимъ. Правительство приметъ все вмѣсто податей, а благородное соревнованіе будетъ въ семь случаевъ началомъ обывательскихъ заслугъ и неоспоримымъ доказательствомъ преданности отечеству; насъ же сдѣлаетъ достойными покровительства героя сего столѣтія» ⁴⁾.

Приглашая жителей жертвовать на пользу отечества всѣмъ, что кто имѣетъ, временное правительство не исключало изъ этого и личное пожертвованіе каждаго своею особою. Оно призывало молодежь къ поступленію въ ряды войскъ, уже сформированныхъ или формируемыхъ. Газеты разносили повсюду имена и фамиліи лицъ, поступившихъ въ полки, и всѣми силами старались поддержать энтузіазмъ и желаніе поступить въ ряды французскихъ войскъ.

«На равнинѣ, близъ Погулянки,—читали жители на столбцахъ газеты,—ежедневно мы видимъ примѣръ гражданской ревности и добродѣтели. Ежедневно видимъ увеличивающееся число вольноопредѣляющихся въ 18-й пѣхотный полкъ Ходкевича, который непрерывно занимаетъ ихъ военными ученіями. Еще не прошло пятнадцати дней, какъ началось формированіе этого полка, а уже въ немъ считается болѣе 600 рядовыхъ кромѣ унтеръ-офицеровъ. Многіе обмундировались на свой

¹⁾ См. „Litewski Kurjer“ 2-го сентября 1812 г. № 70.

²⁾ Тамъ же, отъ 26-го августа № 67.

³⁾ Тамъ же, отъ 2-го сентября № 70, 78, 98.

⁴⁾ „Litewski Kurjer“ 4-го іюля 1812 г. № 49.

счетъ; другіе же пожертвовали все то, что имѣли для приличнаго вооруженія» ¹⁾).

Литовскіе поляки поддавались приглашенію и охотно жертвовали въ пользу отечества. Кто обмундировывалъ и вооружалъ на свой счетъ новобранцевъ; кто жертвовалъ трудами, кто нѣсколькими червонцами ²⁾), а кто и хлѣбомъ, холстомъ и даже выростковыми кожами. Пожертвованія эти были однако же незначительны въ сравненіи съ тѣми потребностями и расходами, которые ежедневно возрастали. Это заставило нѣкоторыхъ лицъ обратиться отъ себя къ польскому населенію края съ просьбою о помощи. Такъ поступилъ бригадный генералъ и командиръ польской гвардіи, графъ Викентій Красинскій.

«Соотечественники!—писалъ онъ ³⁾).—Въ 1807 году, по счастливомъ окончаніи войны на берегахъ Нѣмана, его императорское величество, въ доказательство своего довѣрія, и для вознагражденія польскаго юношества, служащаго подъ побѣдоносными знаменами, приказалъ мнѣ сформировать польскій легко-кавалерійскій гродненскій полкъ. Въ то время литовскіе граждане, наравнѣ съ великопольскими, побуждая неисчислимыя препятствія, дѣлаемыя нецрїателемъ, спѣшили раздѣлить лавры съ соотечественниками и стремились подъ знамена великаго императора французовъ. Нынѣ тотъ же—монархъ, возвращающій намъ жизнь и самостоятельность, видя благородное одушевленіе литовскаго юношества, желаетъ увеличить состоящій подъ моимъ начальствомъ полкъ тысячею литовскихъ дворянъ. Лыщу себя надеждою, что тѣ, кои по долгу своему обязаны кровью и жизнью жертвовать для блага отечества, будутъ въ состояніи оцѣнить счастье служить въ свитѣ его величества.

«Литовскіе юноши!—Воины, обратившіе на себя вниманіе величайшаго изъ героевъ, постоянною своею храбростію, осыпаны его милостію, покрыты ранами.—Побѣдители при Ріеско, Самесіерѣ, сражавшіеся подъ Эслингомъ и Ваграмомъ, простираютъ къ вамъ братскія длани, желаютъ принять васъ въ ряды свои и раздѣлить съ вами прежніе лавры, не сомнѣваясь въ томъ, что, при первомъ случаѣ, вы будете споспѣшествовать къ приобрѣтенію новыхъ».

¹⁾ „Литовскій Курьеръ“ 1812 г. № 59.

²⁾ Донесеніе графа Юсіа Коссаковскаго. „Литовскій Курьеръ“ 15-го августа № 64; 21-го августа № 66, 6-го сентября № 72; 24-го октября № 86, 89, 90, 95, 96.

³⁾ „Литовскій Курьеръ“ 21-го августа № 66. Воззваніе это напечатано во второй разъ 25-го ноября № 95, при слѣдующемъ посланіи: „Мы, генералъ-губернаторъ, дивизионный генералъ де-Гогендорфъ, предписываемъ всѣмъ гражданскимъ властямъ опубликовать это воззваніе въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ для свѣдѣнія всѣхъ жителей Литвы. Оно было уже разъ опубликовано, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не имѣло желаемаго успѣха.

Желающіе опредѣлиться въ этотъ полкъ должны были явиться къ повѣтовымъ маршаламъ или вице-префектамъ, которые, по внесеніи ихъ въ списокъ, отправляли въ главный городъ департамента, а оттуда офицеры отводили ихъ въ главную квартиру полка, въ Бешеньковичи ¹⁾. Изъ числа такихъ же желающихъ была сформирована такъ-называемая «виленская національная гвардія», въ составѣ которой насчитывали до 1.220 человекъ. Августа 16-го (28-го) съ особеннымъ торжествомъ она заняла виленскую гауптвахту и потомъ имѣла назначеніемъ занимать караулы на гауптвахтахъ и въ городскихъ тюрьмахъ ²⁾.

Каждый день приносилъ новое воззваніе. Восторженные поляки не знали, куда поступать. Сегодня ихъ приглашалъ Красинскій въ легко-кавалерійскій полкъ; завтра—графъ Плятеръ звалъ ихъ къ себѣ въ егерскій пѣхотный баталіонъ; военная коммиссія приглашаетъ къ поступленію въ жандармскій корпусъ, а тамъ пишетъ Мустафа Мирза Ахматовичъ къ татарамъ, живущимъ въ Польшѣ, приглашая ихъ поступить въ ряды своего эскадрона—татарской кавалеріи. Онъ старается указать имъ, что татары нѣсколько столѣтій пользуются репутаціею храбрыхъ и вѣрныхъ сыновъ Польши, принявшей ихъ, какъ мать сыновей. Напоминая имъ то время, когда несчастное отечество клонилось къ упадку, подъ натискомъ державъ, рѣшившихся уничтожить Польшу, и когда они не щадили «благородной крови своей», Ахматовичъ надѣется, что теперь, когда возрождается Польша, татары, безъ сомнѣнія, готовы будутъ пожертвовать всѣмъ.

«Спѣшите, достойные, подъ польскія знамена, да докажутъ татарскіе отряды, что вы—потомки Корицкихъ, со временъ Іоанна Собѣскаго, Азюлевичей и многихъ другихъ извѣстныхъ въ исторіи мужей, которыхъ храбрость не разъ приводила въ ужасъ враговъ Польши».

«Братья! идите по слѣдамъ заслуженныхъ предковъ вашихъ, которые около пяти столѣтій въ семь краѣ проживали!—Почтенные отцы, присылайте сыновей вашихъ для снисканія славы. Благородные юноши, спѣшите на отверстое для васъ поле чести. Ступайте, кто, какъ и въ чемъ можетъ, пѣшкомъ или на посредственныхъ лошадяхъ, за которыхъ вамъ заплачено будетъ. Мундиръ, вооруженіе и лошадь, у кого не будетъ—здѣсь получите. Для принятія желающихъ въ службу, отправлены офицеры въ Новогрудскій, Минскій, Ошмянскій, Лидскій, Ковенскій и Кальварійскій повѣты. Кто любитъ отечество, пусть туда обратится».

Ахматовичъ просилъ всѣ власти опубликовать циркулярно его воз-

¹⁾ Впослѣдствіи всѣхъ желающихъ поступить въ этотъ полкъ отправляли въ Вильно.

²⁾ „Литовскій Курьеръ“ 2-го сентября № 70.

званіе по всеѣмъ мечетямъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проживали татары, потому что, какъ онъ выразился: «татары газетъ не читаютъ».

Ни одна секта, ни одна народность не была оставлена безъ вниманія. Польскія дамы, и тѣ получили воззваніе временнаго правительства. Поводомъ къ тому послужило требованіе во французскіе госпитали бандажей и корпіи. Правленіе города Вильны опубликовало 29-го сентября (11-го октября) постановленіе, по которому каждый владѣтель одноэтажнаго дома долженъ былъ доставить полфунта корпіи, двухэтажнаго дома—одинъ фунтъ, трехэтажнаго дома—полтора фунта. Жильцы же достаточные—по 1½ фунта, а бѣдные по полфунта.

Утромъ 9-го (21-го) сентября получено было въ Вильнѣ извѣстіе о занятіи Наполеономъ Москвы.—Вѣсть эта вызвала всеобщій восторгъ.— Въ тотъ же день, въ 11 часовъ утра, приемная герцога Бассано была переполнена народомъ, пришедшимъ поздравить его съ такимъ событіемъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ отиравился, въ сопровожденіи всеѣхъ собравшихся, въ церковь, на палерти который былъ встрѣченъ восклицаніями національной гвардіи. Виленскіе жители перечитывали письмо изъ Москвы, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «вслѣдствіе рѣшительнаго сраженія, происходившаго 7-го числа (26-го августа) ¹⁾, русскіе сдѣлались неспособными къ защитѣ Москвы и оставили эту столицу. Теперь половина четвертаго часа, и побѣдоносное войско вошло уже въ Москву. Въ настоящую минуту вступаетъ туда императоръ Наполеонъ съ своею главною квартирою». Какъ и во всеѣхъ подобныхъ случаяхъ, на виленскомъ театрѣ шло въ этотъ день даровое представленіе: «Студентъ въ Крожахъ или патриотизмъ въ Самогитіи», написанное для этого случая профессоромъ университета Словацкимъ.

Это были послѣднія торжества въ Вильнѣ.—Съ этихъ поръ стали получаться самыя ложныя корреспонденціи изъ Москвы, и населеніе по-немногу готовилось къ извѣстіямъ о неудачахъ Наполеона.

«Очень уменьшились запасы,—писалъ въ «Курьеръ» одинъ корреспондентъ изъ Москвы,—какіе тамъ армія найти надѣялась, однако же собрано много съѣстныхъ припасовъ. Погреба не потерпѣли отъ огня; жители же въ послѣднія сутки много спрятали туда продуктовъ. Солдаты имѣютъ довольно хлѣба, зелени, говядины, вина, водки, сахару и кофе. Найдено также много шубъ. Большая часть войска квартируетъ въ Москвѣ».

«Русскій губернаторъ Растончинъ хотѣлъ разорить этотъ огромный и прекрасный городъ—сказано въ «Литовскомъ Курьерѣ» ²⁾. Увидѣвъ, что русское войско оставляетъ древнюю столицу царей, онъ выпустилъ

¹⁾ Бородинскаго.

²⁾ См. „Литовскій Курьеръ“ 26-го сентября № 78.

изъ тюрьмы три тысячи преступниковъ, роздалъ имъ оружіе и сверхъ того вооружилъ шесть тысячъ чернаго народа, выдавъ имъ оружіе изъ арсенала. Когда передовыя войска вступили въ средину города, то ихъ встрѣтили выстрѣлами изъ кремлевской цитадели, и потому король неаполитанскій приказалъ поставить батарею изъ нѣсколькихъ пушекъ, разогналъ эту толпу и завладѣлъ Кремлемъ и арсеналомъ, въ коемъ найдено 60.000 ружей и 120 пушекъ»...

«Войска нашли въ немъ огромныя запасы всякаго рода. Императоръ поселился въ Кремль. Въ госпиталяхъ найдено 3.000 раненыхъ и больныхъ русскихъ, оставленныхъ безъ всякаго присмотра и пищи.

„Французская армія очень хорошо размѣщена; каждый солдатъ имѣетъ шубу. Магазины наполнены. Крестьяне возвращаются въ жилища; по средамъ и воскресеньямъ базары наполняются разными товарами и продуктами. Погода стоитъ прекрасная и теплая. Крестьяне говорятъ: видно, Богъ за царемъ Наполеономъ, ибо время такъ хорошо, какого давно не видали. Его величество ежедневно дѣлаетъ смотръ войскамъ въ Кремль, а вечеромъ объѣзжаетъ окрестности Москвы“¹⁾.

На самомъ дѣлѣ Наполеонъ нашелъ въ Москвѣ то, чего никакъ не ожидалъ. Въмѣсто столицы, полной всякаго рода запасами, онъ нашелъ пустыя стѣны и горѣвшіе хлѣбныя магазины. Войска его, за неимѣніемъ хлѣба въ самой Москвѣ, должны были утолять свой голодъ очень скудною пищею. Началось мародерство по окрестнымъ деревнямъ. Солдаты оставляли ряды, помирали отъ голоду, гибли подъ ударами крестьянъ и партизановъ, или попадались въ плѣнъ. Армія съ каждымъ днемъ уменьшалась. Видя необходимость отступать, Наполеонъ нуждался въ новыхъ силахъ, въ новыхъ подкрѣпленіяхъ. Ему необходимо было на пути отступления присоединить къ своей растерзанной арміи свѣжія войска. Кромѣ поляковъ, ихъ взять было неоткуда. Литовскій генералъ-губернаторъ Гогендорпъ, получивъ приказаніе формировать новыя полки, обратился къ полякамъ съ воззваніемъ.

„Непріятель разбитъ уже въ генеральномъ сраженіи при Можайскѣ,—говорилось въ одномъ изъ нихъ²⁾.—Столица его взята; цѣпи польскаго народа расторгнуты. Вы, мужественные нѣкогда литовцы, неужели хотите оставаться только равнодушными свидѣтелями столь чудесныхъ происшествій! Многіе изъ васъ помѣщены въ ново-сформированныхъ пяти полкахъ пѣхоты и четырехъ кавалеріи, но многіе, по полному уже комплекту тѣхъ полковъ, лишены возможности содѣйствовать возрожденію вашего отечества. Для отвращенія сего затрудненія и открытія вамъ

¹⁾ «Литовскій Курьеръ» 21-го октября № 85.

²⁾ Воззваніе къ гражданамъ великаго княжества Литовскаго. См. „Литовскій Курьеръ“ № 77.

способовъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ вашего отечества, литовскій генераль-губернаторъ графъ Гогендорпъ, вмѣстѣ съ правительственною комиссіею, приказали сформировать конно-егерскій полкъ изъ вольноопредѣляющихся, подъ командою полковника Монюшки и майора Абрамовича, которые получили таковыя чины въ награду за сдѣланныя ими значительныя пожертвованія по сформированію сего полка.

«Мужественные юноши!—спѣшите въ этотъ полкъ, формирующійся въ Вильнѣ. Пусть каждый изъ васъ подпишется по мѣрѣ возможности на обмундированіе и покупку лошадей или по крайней мѣрѣ явится самъ обмундированный и съ лошадыю. Штатъ и содержаніе сего полка обезпечены. Спѣшите, дабы по мѣрѣ готовности вашей и скорого сформирования кавалерійскаго полка, величайшій изъ монарховъ могъ судить о ревности вашей къ отечеству».

Частныя письма и извѣстія не скрывали истиннаго положенія дѣлъ, и въ жизни населенія произошелъ кругой поворотъ.—Литовскіе юноши не спѣшили уже болѣе приносить себя въ жертву, что и заставило правительственную комиссію отъ времени до времени вновь печатать это самое воззваніе въ газетахъ⁴⁾, но на него никто уже не обращалъ вниманія.

Наступила осень, и черезъ Вильну стали проходить жалкіе остатки «великой арміи», пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ изумлявшіе жителей своею многочисленностью и блестящимъ видомъ. Теперь шли они въ безпорядкѣ, безъ оружія, въ изорванной одеждѣ и прикрытые чѣмъ попало.—Они шли по той же дорогѣ, на которой не задолго передъ тѣмъ были встрѣчаемы радостными восклицаніями, а теперь провожаемые проклятіями за грабежи, мародерство и разбой.—Скоро жители Вильны узнали, что герцогъ Бассано, генераль Гогендорпъ и баронъ Биньонъ уѣхали изъ города, а съ ними скрылись и члены временнаго правленія: президентъ, подпрефектъ, интендантъ и комендантъ.—Офицеры и ратники новосформированныхъ польскихъ полковъ разошлись по домамъ и уничтожили свои мундиры, чтобы не осталось слѣдовъ того, что они служили Наполеону.—Въ опустѣвшую Вильну прибылъ генераль-фельдмаршалъ князь Кутузовъ-Смоленскій, а за нимъ и императоръ Александръ. Съ обнаженною сѣдою головой, имѣя въ рукахъ два французскихъ орла, побѣдитель Наполеона ожидалъ императора на крыльцѣ виленскаго дворца. Едва государь вышелъ изъ экипажа, какъ фельдмаршалъ повергъ орловъ къ стопамъ его. Къ тѣмъ же стопамъ пришлось повергнуться и полякамъ, прося помилованія...

Н. Дубровинъ.

⁴⁾ Это воззваніе напечатано во второй разъ 3-го октября въ № 80 и третій разъ 7-го октября въ № 81.

Послѣдствія ухаживанія на Невскомъ проспектѣ.

Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Правительствующему Сенату.

2-го ноября 1829 г.

Г. управляющій Главнымъ штабомъ его императорскаго величества сообщилъ мнѣ, что высочайшею его императорскаго величества конфирмаціею, послѣдовавшею въ 25-й день минувшаго октября на всеподданнѣйшій докладъ Аудиторіатскаго департамента по военно-судному дѣлу о служившемъ въ канцеляріи 2-го департамента Прав. Сената коллежскомъ секретарѣ Поспѣловѣ, повелѣно: его, Поспѣлова, за нанесеніе на Невскомъ проспектѣ женѣ чиновника 13-го класса Ольгѣ Кондратьевой, беременной, по лицу двухъ ударовъ съ окровавленіемъ за то, что она опровергнула предложеніе его, Поспѣлова, проводить ее, лишивъ чиновъ, написать въ рядовые до выслуги.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Прав. Сенату, присовокупляя къ тому, что о приведеніи онаго въ исполненіе, какъ видно изъ отношенія г. генераль-адъютанта графа Чернышева, писано г. с.-петербургскому военному генераль-губернатору.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Разрытіе могилы князя А. Д. Меншикова, спустя сто лѣтъ послѣ его кончины ¹⁾.

Въ мартѣ 1827 года было получено въ Петербургѣ свѣдѣніе, что въ Березовѣ, по приказавію тобольскаго гражданскаго губернатора Дмитрія Николаевича Вантышъ-Каменскаго, была разрыта могила свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова. Императоръ Николай I тотчасъ же повелѣлъ узнать, «по чьему повелѣнію и по какому поводу было вырыто изъ земли тѣло погребеннаго въ городѣ Березовѣ фельдмаршала князя Меншикова».

«Будучи усерднымъ почитателемъ сего знаменитаго полководца,—отвѣчалъ Вантышъ-Каменскій ²⁾,—пользовавшагося любовію Петра Великаго, и описавъ его дѣянія въ 1812 году, я поручилъ березовскому городничему г. Андрееву, отыскать мѣсто, гдѣ покоится прахъ Меншикова, чтобы поставить надъ нимъ простой памятникъ. Городничій исполнилъ возложенное мною на него порученіе и близъ сгорѣвшей церкви, самимъ Меншиковымъ построенной, нашель 30-го іюля 1825 года, въ землѣ гробъ, длиною въ сажень, совершенно сохранившійся; по снятіи же крыши оказалось, что тѣло усопшаго было въ томъ видѣ, въ какомъ положено, безъ малѣйшаго поврежденія. Грѣбъ Меншикова тогда же закрытъ и засыпанъ прежнею землею. Городничій не приказывалъ поднимать его на поверхность, и я то же сдѣлалъ въ проѣздъ мой къ Обдорску, чрезъ Березовъ, 6-го генваря, желая удостовѣриться, дѣйствительно ли найденное г. Андреевымъ тѣло было князя Меншикова.

¹⁾ Князь А. Д. Меншиковъ род. 6-го ноября 1673 г.; скончался 22-го октября 1729 года. Матеріалы для настоящей статьи доставлены редакціи Г. К. Рѣпинскимъ, которому и принссимъ искреннюю благодарность.

²⁾ Управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 10-го апрѣля 1827 г. № 1070.

*

При первомъ взглядѣ я узналъ его по фамильному портрету, бывшему у меня, и съ котораго снятый рисунокъ помѣщенъ въ изданныхъ мною біографіяхъ любимцевъ Петра Великаго. Сіе происходило безъ всякаго стеченія народа и не произвело никакого впечатлѣнія на жителей Березова. Та же насыпь покрыла въ тотъ же день, т. е. 6-го генваря, мѣсто, гдѣ покоятся остатки одного изъ ревностнѣйшихъ слугъ Петра Великаго, того любимца фортуны, который имѣлъ счастье, для славы Россіи, спасти жизнь монарха, благодѣтеля своего; побѣждалъ вмѣстѣ съ нимъ враговъ отечества и въ несчастіи побѣдилъ самого себя, умѣвъ сносить оное съ христіанскимъ терпѣніемъ. Вотъ, ваше высокопревосходительство, причины, побудившія меня отыскать мѣсто погребенія знаменитаго сего изгнанника! Никто, кромѣ меня одного, не виновенъ въ семь дѣлъ, и если я учинилъ какой-либо проступокъ, безъ умысла происшедшій, если обратилъ на себя посредствомъ онаго неблаговоленіе всемілостивѣйшаго государя, осмѣливаюсь повергнуть себя съ повинною къ священнымъ стопамъ его императорскаго величества».

Объясненіе это было признано не вполне точнымъ, и управляющій собственною его величества канцелярією, Николай Назарьевичъ Муравьевъ, писалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. Ланскому, что государь императоръ, разсмотрѣвъ донесеніе тобольскаго гражданскаго губернатора, «изволилъ найти, что въ семь донесеній нѣтъ чистосердечія, ибо Бантышъ-Каменскій умалчиваетъ, что снялъ шейный крестъ съ тѣла и прислалъ сюда къ генералу-адъютанту князю Меншикову ¹⁾, и сверхъ того дошло до свѣдѣнія его величества, что съ тѣла вырѣзаны бровь и глаза. Посему государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ, дабы всѣ обстоятельства сего происшествія были непременно дознаны и о томъ доложено его величеству».

В. Ланской обратился тогда къ товарищу министра юстиціи и просилъ его сдѣлать распоряженіе о собраніи на мѣстѣ «подробнѣйшихъ свѣдѣній о всѣхъ обстоятельствахъ, къ означенному происшествію прикосновенныхъ» ²⁾.

Въ то время въ Сибири находились сенаторы князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ и Василій Кирилловичъ Безродный, командированные для обревизованія Западной Сибири. Имъ и было поручено собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія. Съ своей стороны В. Ланской просилъ Бантышъ-Каменскаго, чтобы онъ чистосердечно и подробно описалъ, какъ происходило дѣло.

«Прежде, нежели приступлю я къ подробнѣйшему описанію сего со-

¹⁾ Князю Александру Сергѣевичу.

²⁾ Отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ товарищу министра юстиціи 8-го мая 1827 г. № 412.

бытія,—писалъ онъ ¹⁾),—священнымъ долгомъ поставляю оправдать себя передъ его императорскимъ величествомъ. Недоброжелатели мои совсѣмъ въ другомъ видѣ представили сіе происшествіе; ибо кто, кромѣ ихъ, осмѣлился бы клеветать на меня всемилостивѣйшему государю. Я уже объяснилъ въ первомъ донесеніи моемъ вашему высокопревосходительству отъ 10-го апрѣля № 1070, что не вырывалъ изъ земли тѣла бывшаго князя Меншикова; но, отвѣтствуя на два пункта вашего, милостивый государь, предписанія: по чьему повелѣнію и по какому поводу было вырыто сіе тѣло?—не могъ я воображать, чтобъ требовалось отъ меня его императорскимъ величествомъ подробнѣйшее описаніе всего найденнаго мною при открытіи гроба бывшаго князя Меншикова, да и не полагалъ оставлять сіе происшествіе въ безгласности, чему служить доказательствомъ письмо мое къ князю Александру Сергѣевичу, отправленное вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Березова. Еслибъ извѣстна мнѣ была священная воля его императорскаго величества, я, безъ малѣйшаго отступленія, исполнилъ бы оную въ первомъ донесеніи моемъ вашему высокопревосходительству. Я могу неумышленнымъ образомъ учинить проступокъ, но не въ состояніи утаить что-либо отъ государя императора, что законъ, совѣсть и правила, во мнѣ съ младенчества вкоренныя, воспрепятствуютъ. Покойный родитель мой болѣе пятидесяти лѣтъ безпорочно служилъ вѣрною и правдою тремъ монархамъ и меня примѣромъ своимъ научилъ предпочитать всему вѣрную и безпорочную службу. Сообщивъ князю Александру Сергѣевичу подробное описаніе всего найденнаго мною въ могилѣ знаменитаго его предка, препроводилъ снятый нашейный крестъ съ него, часть вѣнчика, оставшуюся отъ истлѣнія, и лоскутики отъ шелковой матеріи, покрывавшей покойнаго, также отъ сукна, коимъ былъ обитъ гробъ его, бантикъ изъ ленточки, найденный на груди, частицу позумента и самаго гроба. Я сдѣлалъ сіе не по секрету, а напротивъ, совѣтовалъ его сіятельству исходатайствовать позволеніе, чтобъ остатки любимца Петра Великаго были перенесены въ другое мѣсто и тѣмъ сохранены отъ угрожающаго имъ поглощенія рѣкою Сосвою, которая ежегодно подмываетъ берегъ, гдѣ покоятся сіи остатки.

« Приступаю къ самому дѣлу:

« Могила бывшаго князя Меншикова отыскана, по моему приказанію, березовскимъ городничимъ г. Андреевымъ 30-го іюля 1825 года, подлѣ бывшаго алтаря деревянной церкви, самимъ знаменитымъ симъ изгнанникомъ построенной и впоследствии сгорѣвшей, на косогорѣ, въ десяти саженьяхъ отъ берега рѣки Сосвы. Найденный гробъ длиною въ

¹⁾ Донесеніе Бавтышъ-Каменскаго управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 3-го іюня 1827 г. № 1765.

сажень находился въ землѣ глубиною на три аршина съ половиною, обить снаружи берестомъ, подъ коимъ покрытъ краснымъ сукномъ съ нашивнымъ крестомъ изъ серебрянаго позумента. При снятіи въ то время крыши, тѣло усопшаго оказалось покрытымъ на вершокъ льдомъ, подъ которымъ видны были: шелковое покрывало и на головѣ стеганая шелковая шапочка, а сверхъ оной вѣничикъ; прочихъ вещей нельзя было различить. Городничій, засыпавъ прежнюю землю гробъ бывшаго князя Меншикова, донесъ мнѣ о исполненіи даннаго ему порученія, препроводивъ дослутки: сукна, шелковой матеріи и позумента, тогда жъ мною отправленные въ Москву къ г. Неелову, женатому на княжнѣ Меншиковой; а въ августѣ мѣсяцѣ того же 1825 года сдѣлалъ на могилѣ въ полтора аршина возвышеніе изъ дерна и обнесъ сіе мѣсто деревянною рѣшеткою.

«6-го генваря сего 1827 года на возвратномъ пути моемъ изъ Обдорска (куда я ѣздилъ для уничтоженія возникшаго неудовольствія со стороны остяковъ и самоѣдовъ противъ правительства по случаю требуемыхъ повинностей съ первыхъ и распространившагося между послѣдними слуха о крещеніи ихъ, о чемъ донесено мною г. генералъ-губернатору и сибирскому комитету), я пожелалъ лично удостовѣриться: найденное въ Березовѣ тѣло дѣйствительно ли извѣстнаго князя Меншикова или другое чье, и въ тотъ же день приказалъ снять землю ¹⁾, не вынимая гроба на поверхность оной. При семъ находились: 1) протоіерей березовскій Вергуновъ. 2) Городній г. Андреевъ, женатый на дочери сего протоіерея. 3) Жена городничаго. 4) Статскій совѣтникъ и инспекторъ врачебной управы г. Альбертъ. 5) Начальникъ 2-го отдѣленія моей канцеляріи г. Никольшинъ. 6) Окружный березовскій судья г. Скорняковъ. 7) Соляный приставъ г. Катинъ и 8) купецъ березовскій г. Струнинъ. Кромѣ ихъ и работниковъ, употребленныхъ на снятіе земли, не могу припомнить, чтобъ тутъ еще кто находился. По раскрытіи гроба, я узналъ въ усопшемъ знаменитаго полководца времянь Петра Великаго, по фамильному портрету, прежде бывшему у меня. При семъ г. городничій Андреевъ объявилъ мнѣ, что тѣло бывшаго князя Меншикова перемѣнилось противъ прежняго, почернѣло; сукно, позументъ, шелковое покрывало подверглись тлѣнію. По моему просбѣ г. Альбертъ спустился въ могилу, и я поручилъ ему снять найденный нашейный крестъ съ усопшаго, бантикъ изъ ленточки, находившійся на груди его; желалъ имѣть и нѣсколько волосъ для отправленія ихъ къ князю Александру Сергѣевичу; но какъ волосъ съ го-

¹⁾ По моему приказанію городничій березовскій во время поѣздки моей въ Обдорскъ велѣлъ снять насыпную землю съ могилы, для скорѣйшаго, по возвращеніи моемъ въ Березовъ, открытія гроба.

ловы усопшаго нельзя было достать по той причинѣ, что она была обернута бѣлымъ платкомъ, который примерзъ къ ней, то г. Альбертъ снялъ частицу ихъ съ брови и положилъ оную въ маленькую скляночку со спиртомъ. Она хранится у г. Альберта по причинѣ, что жидкость сію нельзя было отправить по почтѣ, а я намѣревался впоследствии лично вручить сію скляночку князю Александру Сергѣевичу. Глазъ же никогда не былъ вынутъ, и въ мысль о семъ никому не приходило! Ссылаюсь на бывшихъ тутъ свидѣтелей вышеименованныхъ. Тогда жъ, по отдѣленіи топоромъ замерзшей земли, около усопшаго ногъ находившейся, руками снятъ работникомъ, тутъ бывшимъ и имя котораго я не спрашивалъ, одинъ башмакъ съ ноги Меншикова. Башмакъ сей я также намѣревался отправить къ князю Александру Сергѣевичу; но отъ сырости и чрезвычайной мокроты, оный развалился и истлѣлъ. Лоскутки сукна, покрывала, истлѣвшаго позумента, мною, какъ выше упомянуто, отправлены къ князю въ Санктпетербургъ вмѣстѣ съ крестикомъ. Усопшій, по сдѣланному измѣренію, оказался двухъ аршинъ 12-ти вершковъ. Гробница въ тотъ же часъ и въ моемъ присутствіи засыпана землею. Тогда же отправлена была литія протоіереемъ Вергуновымъ, соотвѣтственно моей просьбѣ.

«Изложивъ вашему высокопревосходительству со всевозможною подробностію и безъ малѣйшаго отступленія отъ истины все то, что происходило въ Березовѣ при открытіи гроба бывшаго князя Меншикова,— я всепокорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, довести до высочайшаго свѣдѣнія: что мысль всемилостивѣйшаго государя о нечистосердечномъ моемъ объясненіи для меня убійственнѣ всякаго наказанія; ибо, по моему мнѣнію, кто дерзаетъ скрывать что-либо отъ помазанника Божія, тотъ недостоинъ именоваться сыномъ отечества, вѣрно-подданнымъ. Я могу, какъ человѣкъ, неумышленно сдѣлать проступокъ, но съ цѣлію — никогда и въ вѣрноподданствѣ, въ преданности моей къ государю не уступлю ни одному изъ моихъ соотечественниковъ».

Черезъ пять дней Бантышъ-Каменскій писалъ В. Ланскому ¹⁾:

«Мысль государя императора, что объясненіе мое не чистосердечно, безпрестанно тревожитъ меня, и потому я, и послѣ отправленія 3-го іюня, за № 1765 донесенія моего къ вашему высокопревосходительству, написаннаго въ двадцать четыре часа, неоднократно съ особеннымъ вниманіемъ прочитывалъ черновой отпускъ, въ которомъ нашель, что при всемъ стараніи моемъ описать малѣйшія подробности бытности моей въ Березовѣ 6-го генваря, двѣ статьи означеннаго донесенія мо-

¹⁾ Донесеніе Бантышъ-Каменскаго В. Ланскому отъ 8-го іюня 1827 года № 1825.

гуть показаться несовершенно ясными. Сіе самое заставило меня по-полнить ихъ нижеслѣдующимъ:

1) Хотя я и объяснилъ вашему высокопревосходительству: что инспекторъ врачебной управы г. Альбертъ, по моей просьбѣ, спустился въ могилу и соотвѣтственно данному мною ему порученію снялъ съ усопшаго нашейный крестъ и бантикъ изъ ленточки; но далѣе, при описаніи святой г. же Альбертомъ частицы волосъ съ брови бывшаго князя Меншикова, какъ не повторено мною, что сіе сдѣлано имъ по моей просьбѣ, то симъ и пополняю сію статью.

2) Статья о положеніи въ скляночку со спиртомъ волосъ можетъ возродить вопросъ: почему сіе сдѣлано? Я обратился для сего къ г. Альберту и полученное мною отъ него объясненіе честь имѣю представить при семъ въ подлинникъ вашему высокопревосходительству ⁴⁾).

Кромѣ сихъ двухъ статей, требовавшихъ, по моему мнѣнію, поясненій, по внимательномъ соображеніи, я ничѣмъ не имѣю болѣе пополнить донесеніе мое къ вашему высокопревосходительству отъ 3-го іюня.

Съ своей стороны сенаторъ кн. Куракинъ и В. Безродный донесли министру юстиціи князю Д. И. Лобанову-Ростовскому, что губернаторъ «въ своихъ донесеніяхъ ничего не скрылъ изъ происходившаго при двухратномъ вскрытіи гроба кн. Меншикова; но всѣ подробности помѣнены точно какъ, какъ сіе дѣйствительно было» ²⁾).

⁴⁾ Инспекторъ врачебной управы Альбертъ 7-го іюня писалъ Бантышъ-Каменскому:

„Генваря 6-го сего года спустился я, по просьбѣ вашего превосходительства, въ глубокую могилу. Въ то же время вы изволили меня просить достать частицу волосъ съ головы праха; но по невозможности исполнить сіе, не трогая тѣло, ваше превосходительство просили меня снять хоть частицу волосъ съ брови, что я исполнилъ по возможности маленькими ножницами, которыя я всегда ношу съ собою. Волосы не можно было иначе срѣзать, какъ смѣшанные съ приставшею къ нимъ мерзлою землею. Опасаясь положить ихъ въ бумажку, чтобъ они не растерялись въ дальней дорогѣ, опустил я ихъ въ скляночку, наполненную спиртомъ, во-первыхъ: чтобъ они отъ земли отдѣлились, и во-вторыхъ, чтобъ сохранить въ цѣлости скляночку; ибо при самомъ сильномъ морозѣ спиртъ не замерзаетъ.

„Въ продолженіе времени земля и волосы распустились въ семъ спиртѣ и лежать на днѣ склянки, въ которой все сіе сохраняется запечатанное съ 6-го генваря моею печатью“.

²⁾ Письмо кн. Куракина и В. Безроднаго кн. Лобанову-Ростовскому отъ 2-го іюля 1827 года № 256.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

И. С. Тургеневъ познакомился съ Н. А. Некрасовымъ лѣтомъ 1843 года у Бѣлинскаго, въ то именно время, когда—по выраженію Ивана Сергѣевича—критикъ «делѣялъ и всюду рекомендовалъ и выводилъ въ люди» ¹⁾ будущаго издателя «Современника». Горячее отношеніе Бѣлинскаго къ Николаю Алексѣевичу было достаточнымъ основаніемъ для Тургенева, чтобы скоро сблизиться съ Некрасовымъ.

Эти отношенія смѣнились вполне дружескими, когда Некрасовъ сталъ во главѣ журнала, долженствовавшаго, по мнѣнію Ивана Сергѣевича, быть первымъ органомъ русской періодической печати. Восьмого ноября ²⁾ 1846 г. Тургеневъ писалъ П. Віардо: «Скажу вамъ еще, что намъ (кружку Бѣлинскаго) удалось организовать свой собственный журналъ, который начнетъ выходить съ новаго года и, повидимому, при благоприятныхъ предзнаменованіяхъ. Я участвую въ немъ только въ качествѣ сотрудника» ³⁾. Иванъ Сергѣевичъ выразился однако здѣсь съ обычной своей скромностью. Знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла высказывались гораздо рѣшительнѣе о роли автора «Записокъ охотника» въ новомъ предпріятіи. «Многіе изъ его (Тургенева) товарищей», рассказывалъ впоследствии Анненковъ: «видѣвшіе возникновеніе «Современника» 1847 г., должны еще помнить, какъ хлопоталъ Тургеневъ объ основаніи этого органа, сколько потратилъ онъ труда, помощи совѣтомъ и дѣломъ на его распространеніе и укрѣпленіе. Первые номера «Современника» содержатъ, кромѣ начала «Записокъ охот-

¹⁾ Собр. сочин., т. XII, 49. (Всѣ ссылки на изд. „Нивы“ 1898 г.).

²⁾ Хронологическія данныя по старому стилю.

³⁾ Письма къ П. Віардо, изд. 1900 г., стр. 9.

ника», еще нѣсколько историческихъ и критическихъ замѣтокъ Тургенева, не попавшихъ въ полное собраніе его «Сочиненій» ¹⁾. Своихъ горячихъ заботъ о журналѣ Иванъ Сергѣевичъ не оставлялъ и въ послѣдующіе годы до самаго выхода своего изъ «Современника». Такъ онъ писалъ, напримѣръ, въ 1856 г. изъ Франціи соиздателю Николаю Алексѣевичу—И. И. Панаеву: «Объщаю тебѣ, что употреблю всѣ усилія, чтобы поддержать «Современникъ» и собственными трудами и общеніемъ разныхъ новостей, извѣстій, названій книгъ для переводовъ и т. д.».

«Напиши Григоровичу, что я ему кланяюсь и жму руку и также прошу сдѣлать что-нибудь къ XI нумеру», писалъ Иванъ Сергѣевичъ тому же пріятелю въ другой разъ.

«Благодарю тебя за твое хорошее мнѣніе о моей дѣятельности и любви къ «Современнику», читаемъ въ третьемъ письмѣ: «могу тебя увѣрить, что я—какъ говорится—при добрыхъ прістязныхъ постройкахъ не опущу ни на минуту, только вы со своей стороны тяните дружно» ²⁾.

Тѣ же слѣды непрерывныхъ заботъ о журналѣ встрѣчаемъ въ каждомъ письмѣ Тургенева къ Некрасову. «Гончаровъ прочелъ намъ съ Боткинымъ своего оконченнаго «Обломова»,—есть длинноты, но вещь капитальная, и весьма было бы хорошо, если бы можно было приобрести ее для «Современника».... Не упускай его изъ виду, а я ужъ запустилъ нѣсколько словъ, все дѣло будетъ въ деньгахъ», писалъ Иванъ Сергѣевичъ главному издателю журнала 9-го сент. 1857 г. «Жду высылки «Современника» сюда, если только это возможно. Хотѣлось бы видѣть «очима своими», будутъ ли въ немъ приведены въ исполненіе тѣ усовершенствованія, о которыхъ мы толковали», читаемъ въ слѣдующемъ письмѣ отъ 22-го ноября ³⁾ и т. д. Значительное большинство своихъ произведеній въ 50-хъ годахъ Тургеневъ напечаталъ въ «Современникѣ» и между ними такія капитальныя вещи, какъ «Записки охотника», «Муму», «Постоялый дворъ», «Рудинъ», «Фаустъ», «Дворянское гнѣздо», «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ». Въ 1856 году редакция журнала даже сдѣлала извѣщеніе, что съ 1857 г. четыре первоклассныхъ литератора (Тургеневъ, Григоровичъ, Л. Толстой и Островскій), во избѣжаніе неудобствъ конкуренціи, согласились печатать свои произведенія исключительно въ журналѣ «Современникъ» ⁴⁾. Недаромъ въ іюлѣ 1862 г., т. е. уже послѣ своей размовки съ Некрасовымъ, Иванъ Сергѣевичъ писалъ Анненкову по поводу временной пріостановки жур-

¹⁾ Воспом. и критическ. очерки. III, 193.

²⁾ Собраніе сочин. И. И. Панаева, VI, 402, 403, 404.

³⁾ „Русск. Мысль“, 1902 г., кн. I, стр. 122, 123.

⁴⁾ „Вѣстн. Евр.“, 1885 г. мартъ, стр. 7.

нала: «Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочелъ о прекращеніи «Современника». Вспомнилось его основаніе, Бѣлинскій и многое» ¹⁾).

Къ числу фактовъ, сильно привлекавшихъ къ Некрасову всегда чуткаго и отзывчиваго Тургенева, надо отнести и рассказы Николая Алексѣевича о матеріальныхъ невзгодахъ своей студенческой жизни, неизмѣнно начинавшіеся словами: «Ровно три года я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ». Рассказы эти вообще сослужили великую службу Некрасову, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти. Упрекнуть ли его въ черствости, нравственной нечистоплотности, — сейчасъ на выручку: «Ровно три года я чувствовалъ себя голоднымъ». Являлась ли необходимость тяжелыя послѣдствія ненормальной жизни издателя «Современника» объяснить болѣе возвышенными причинами — поможетъ все тотъ же спасительный рассказъ о голодовкѣ, и т. д. Рассказъ этотъ въ біографіяхъ Некрасова составляетъ чуть ли не центральный пунктъ всѣхъ восхваленій по адресу Николая Алексѣевича. И всѣ біографы, приводя его, тутъ же сообщаютъ, что пресловутое голоданье Некрасова началось въ 1839 году и кончилось въ 1840 г., при чемъ, по ихъ же словамъ, въ 1839 году у него передъ началомъ голодовки было въ карманѣ 150 р., т. е. рублей 300 по теперешнимъ условіямъ жизни, да если прибавить къ этому «грошовые уроки» и «черный трудъ журналиста», то выйдетъ матеріальное положеніе, которому позавидовала бы значительная часть нынѣшняго студенчества ²⁾). Неудивительно поэтому, что въ 1840 году Некрасовъ могъ издать на собственный счетъ книжку своихъ стихотвореній.

Крайнее преувеличеніе своихъ матеріальныхъ невзгодъ, далеко не достигавшихъ такихъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, бѣдствія Бѣлинскаго, было замѣчено Тургеневымъ и было одной изъ причинъ охлажденія его къ Николаю Алексѣевичу. Недаромъ въ своихъ воспоминаніяхъ о великомъ критикѣ, Иванъ Сергѣевичъ помѣстилъ слѣдующія строки: «Онъ (Бѣлинскій) вообще неохотно распространялся о самомъ себѣ, о своемъ прошедшемъ и т. п. Мнѣ много разъ случалось наводить его на этотъ разговоръ, но онъ всегда отклонялъ его, онъ словно стыдился, словно не понималъ, что за охота толковать о личныхъ дрязгахъ, когда существуетъ столько предметовъ для бесѣды, болѣе важныхъ и полезныхъ. Если же онъ касался своего прошедшаго, то почти всегда съ юмористической точки зрѣнія: такъ, напр., онъ рассказалъ мнѣ, какъ,

¹⁾ „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., январь, стр. 8.

²⁾ См., напр., Скабичевскаго „Истор. нов. русск. литер.“, изд. 1897 г., стр. 426—428; Венгерова, — статья въ энциклопедич. словар. Брокгауза и Ефрона, полутомъ 40, стр. 858. Энгельгардта — „Истор. русск. литер.“, изд. 1902 г., стр. 593.

будучи удаленъ изъ университета и не имѣя буквально чѣмъ жить, онъ взялся перевести романъ Поль-де-Кока за 25 руб. ассиг., и какихъ онъ надѣлалъ промаховъ. Бѣдность онъ, очевидно, испыталъ страшную, но никогда впоследствии не услаждался ея расплываньемъ и размазываньемъ въ кругу друзей, какъ то дѣлаютъ весьма часто люди, прошедшіе эту тяжелую школу»¹⁾. Пріятеля же своего, Полонскаго, Тургеневъ впоследствии не разъ предупреждалъ не довѣряться «элегическому плачу» Некрасова и «держатъ камень за пазухой»²⁾. Но такого рода недостатки Иванъ Сергѣевичъ легко прощалъ Николаю Алексѣевичу.

Точно также безъ серьезныхъ послѣдствій для ихъ дружескаго общенія осталось и разочарованіе Бѣлинскаго въ Некрасовѣ, явившееся на почвѣ заботъ по изданію «Современника». «Исторія основанія этого журнала представляетъ много поучительнаго»,—писалъ позднѣе Тургеневъ: «довольно сказать, что Бѣлинскій былъ постепенно и очень искусно устраненъ отъ журнала, который былъ созданъ собственно для него, его именемъ пріобрѣлъ сотрудниковъ и пополнялся въ теченіе цѣлаго года капитальными статьями, пріобрѣтенными Бѣлинскимъ для большаго затѣяннаго имъ альманаха. Бѣлинскій для «Современника» разорвалъ связь съ «Отечественными Записками», а оказалось, что въ новомъ журналѣ онъ, вмѣсто хозяйскаго мѣста, на которое имѣлъ полное право, занялъ то же мѣсто посторонняго сотрудника, наемщика, какое было за нимъ и въ старомъ»³⁾.

Исторіи эта началась на глазахъ Тургенева и закончилась во время его отсутствія за границею. Бѣлинскій писалъ о ней Ивану Сергѣевичу 19-го февраля 1847 г. между прочимъ слѣдующее: «При объясненіи со мною онъ (Некрасовъ) былъ нехорошъ: кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснить, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ,—и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки,—видно, что доволенъ мною вполне! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ бѣшенствѣ и не въ преувеличеніи. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него—за него, а не за себя. Мнѣ трудно переболѣть внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ, а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости, я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки

¹⁾ Сочинен., XII, 51.

²⁾ Первое собр. писемъ, 216.

³⁾ Сочин., XII, 47.

вовсе для меня лично безвредны. Я и теперь высоко цѣню Некрасова; и тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ—а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ»¹⁾.

Гораздо сильнѣе повліяли на Тургенева сужденія о Некрасовѣ А. И. Герцена. Послѣдній имѣлъ серьезныя основанія быть очень дурного мнѣнія объ издателѣ «Современника», впутавшемся въ денежные тяжбы Н. П. Огарева. Дѣло заключалось въ томъ, что Огаревъ, разойдясь со своей женой, женщиной весьма сомнительной нравственности, «предоставилъ ей часть доходовъ съ единственнаго оставшагося у него еще имѣнія въ 500 душъ (въ Пензенской губерніи) и обѣщалъ даже, на первыхъ порахъ, составить ей капиталъ по продажѣ имѣнія. Когда, около 1848 года, конечное разореніе Огарева и запутанность всѣхъ его дѣлъ остановили правильную выдачу пенсіона, котораго никогда не было и достаточно для ненасытныхъ аппетитовъ почтенной дамы, то она впала въ нищету посреди такъ знакомаго и такъ любимаго ею Парижа. Тогда одна пріятельница ея и почти ея двойникъ по вкусамъ и характеру внушила ей мысль, что она имѣетъ право на имѣніе Огарева, и заставила ее формальнымъ актомъ передать себѣ всѣ эти права, а сама снабдила бѣднаго еще поэта Некрасова довѣренностью на веденіе всего дѣла, и онъ горячо принялся за него, оболоченный мыслью сдѣлаться довольно крупнымъ землевладѣльцемъ или, по крайней мѣрѣ, порядочнымъ капиталистомъ по милости одной только счастливой аферы. Приманка была слишкомъ сильна, и, благодаря ей, Некрасовъ очутился въ распрѣ и въ неблагоприятномъ столкновеніи съ друзьями Огарева, возмущенными всею этой затѣей. Когда, въ 1849 г., при содѣйствіи Грановскаго, Н. А. Тучкова и другихъ, предпринята была ликвидація дѣлъ Огарева и уплата его долговъ, спорное мнѣніе отошло къ Н. М. Сатину, взявшему на себя и уплату всѣхъ обязательствъ, на немъ лежавшихъ. Некрасовъ выказалъ много печальной изворотливости, настойчивости и пзобрѣтательности, чтобы добиться своей цѣли—дарового захвата имѣнія, и разъ сказалъ въ глаза Грановскому: «Вы пріобрѣли такую репутацию честности, что можете безвредно для себя сдѣлать три, четыре подлости». Не смотря однакожъ на все развитіе адвокатскаго таланта у Некрасова, дѣло не имѣло за себя не только легальнаго основанія, но и приличнаго повода, а потому и сорвалось, окончательно замаравъ доброе имя поэта и, вѣроятно, наполнивъ его душу угрызеніями со-вѣсти»²⁾. Герценъ послѣ этого часто корилъ Тургенева его «близостью

¹⁾ Сочпнен., XII, 56.

²⁾ „Аппенковъ и его друзья“, стр. 115—116.

съ такимъ шулеромъ и воромъ, какъ Некрасовъ» ¹⁾. А въ № 83 «Колокола» (15-го октября 1860 г.) посвятилъ издателю «Современника» слѣдующія строки: «Мы не привыкли къ барышнякамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы, о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію обреченную статью... Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и заустѣніе и въ то же время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности—вредяще и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчныхъ и слезливыхъ!» Предостереженія и укоризны издателя «Колокола» стали оказывать свое воздѣйствіе уже въ 1857 г.. Въ письмѣ къ Герцену отъ 10-го іюля, сообщая объ одной не совсѣмъ чистой денежной операціи Некрасова, Иванъ Сергѣевичъ выражается, напримѣръ, такъ по адресу Николая Алексѣевича: «Нѣтъ, рѣшительно, безъ честности нельзя, какъ безъ хлѣба». Но только черезъ два года появились вполне зловѣщіе признаки приближающейся бури. Отъ 1859 года мы имѣемъ первое письмо Тургенева, съ рѣзкими отзывами о Некрасовѣ. Для пониманія его необходимо, впрочемъ, привести слѣдующія строки воспоминаній Фета: «Изъ подлинныхъ писемъ Тургенева можно было видѣть его привычку пародировать иногда очень забавно не нравящіяся ему стихи. Такъ между прочимъ, во время чтенія въ пріятельскомъ кругу моего перевода «Юлія Цезаря» Тургеневъ, пародируя нѣкоторые стихи, придумалъ:

„Брыкни, коль могъ, большаго пожелавъ

Стать имъ, коль нѣтъ и въ меньшемъ безъ препонъ“.

Конечно, такіа пародіи предназначались для пріятельскаго круга, а никакъ не для публики, чего конечно не могъ не понимать Некрасовъ, а между тѣмъ въ разборѣ моего «Цезаря» онъ напечаталъ эту пародію, нисколько не стѣсняясь ²⁾. Узнавъ объ этомъ отъ Фета, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ ему 1-го августа 1859 года: «Я не читалъ статьи о вашемъ «Цезарѣ», но фактъ допущенія въ статьѣ, подписанной незнакомымъ именемъ, пріятельскихъ шутокъ, въ родѣ «Брыкни» и т. д. достоинъ господина Некрасова и его вонючаго цинизма. Кажется, легко было понять, что ни мнѣ, ни вамъ (въ особенности мнѣ) это не могло быть пріятно. Да и наконецъ, какое имѣютъ эти господа право покушаться на частныя дѣла? Да вѣдь этому злобно зѣвающему барину, сидящему въ грязи, все равно... «Она умерла...» Но мнѣ это очень досадно». Послѣднія слова заключаютъ въ себѣ намекъ на другую вы-

¹⁾ Письмо Герцена къ Тургеневу отъ 10-го апрѣля (новаго стиля) 1864 г. въ изд. Драгоманова.

²⁾ Феть. „Мои воспоминанія“. I, 307.

ходку Николая Алексѣевича, разсердившую Тургенева. Громко зѣвая надъ корректурой длинной повѣсти одного своего пріятеля, Некрасовъ вдругъ на самомъ патетическомъ мѣстѣ, не предупредивъ ни словомъ автора, подписалъ: «она умерла» и сдалъ въ печать ¹⁾).

Въ сентябрѣ того же 1859 года, остановившись на нѣсколько дней въ Петербургѣ, проѣздомъ изъ-за границы, Иванъ Сергѣевичъ далъ уже ясно понять издателю «Современника» о желаніи своемъ оставить журналъ. Про это свое пребываніе въ сѣверной столицѣ Иванъ Сергѣевичъ писалъ между прочимъ Анненкову (23-го октября) слѣдующее: «во время проѣзда чрезъ Петербургъ, Некрасовъ явился ко мнѣ и, сказавъ, что знаетъ, что моя повѣсть ²⁾ будетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», просилъ хоть чего-нибудь и позволенія напечатать, что я имъ дамъ что-нибудь: новое какое-нибудь произведеніе. Къ этому онъ прибавилъ мѣстоименіе: свое, и вышло, что я имъ даю свое новое произведеніе. Но кромѣ этихъ трехъ словъ они отъ меня ничего не получаютъ» ³⁾. Но Некрасовъ не могъ, конечно, этимъ ограничиться. При Островскомъ и Е. Колбасинѣ онъ предложилъ Ивану Сергѣевичу 8.000 р. за повѣсть, запроданную «Русскому Вѣстнику». Тургеневъ и въ этотъ разъ отринулъ предложеніе, прибавивъ, что повѣсть уже обѣщана другому, и онъ самъ не имѣлъ на нее никакихъ правъ. «Наканунѣ» появилась въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» слѣдующаго 1860 г. Но, чтобы рѣшительнѣе освободиться отъ просьбъ Некрасова, Иванъ Сергѣевичъ потребовалъ въ конторѣ «Современника» полнаго расчета за все старое время. Надо замѣтить, что съ года основанія журнала (1847 г.) и даже прежде существовали между ними счеты дружескаго характера, которые потомъ возрасли и запутались дотого, что Тургеневъ уже и не зналъ, подъ бременемъ какого долга онъ состоитъ у Некрасова или журнала. Въ теченіе 12—13 лѣтъ онъ бралъ у нихъ деньги, выплачивая то своими сочиненіями, то налчными суммами, и не сирваляясь о равновѣсіи уплатъ съ займами ⁴⁾).

Въ отвѣтъ на рѣшительныя мѣры Тургенева «Современникъ» открылъ литературный походъ противъ своего прежняго сотрудника. Въ январѣ 1860 года была напечатана въ этомъ журналѣ рѣчь Тургенева «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», а уже въ апрѣльской книжкѣ «Современника» находимъ насмѣшливыя замѣчанія по поводу успѣха новаго разсказа Ивана Сергѣевича «Первая любовь» ⁵⁾. За ними въ слѣдующихъ

¹⁾ Фетъ. „Мои воспоминанія“. I, 308, 306.

²⁾ „Наканунѣ“.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1855 г., мартъ, стр. 33.

⁴⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1855 г., мартъ, стр. 32—33; 1857 г. янв., стр. 9.

⁵⁾ „Современникъ“ 1860 г., апрѣль, стр. 376—77.

номерахъ журнала явились довольно многочисленные уколы и шпильки. Они относились и къ почитателямъ таланта Тургенева, о которыхъ «Современникъ» иронически говорилъ, что они желаютъ прилагать къ твореніямъ Ивана Сергѣевича непремѣнно «шекспировскую или дантовскую мѣрку»¹⁾, и относились къ самой личности писателя. На одну изъ выходовъ послѣдняго рода ссылается въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Тургенева Анненковъ, который указываетъ на то мѣсто «Свистка», образовавшагося при журналѣ, гдѣ говорилось о модномъ писателѣ, слѣдующемъ въ хвостѣ странствующей пѣвицы и устраивающемъ ей оваціи на подмосткахъ провинціальныхъ театровъ за границей²⁾. Вылазки такого сорта должны были особенно возмущать Ивана Сергѣевича, такъ какъ онъ, насколько это можно прослѣдить въ настоящее время, одному Некрасову высказывался болѣе откровенно о своихъ отношеніяхъ къ П. Виардо. Только въ письмахъ Тургенева къ нему встрѣчаются такіе строки. «Ты видишь, что я здѣсь (въ Куртавнелѣ у Виардо), т. е., что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты предостерегалъ меня... Но поступить иначе было невозможно. Впрочемъ, результатомъ этой глупости будетъ, вѣроятно, то, что я раньше приѣду въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ. Нѣтъ, ужъ точно: этакъ жить нельзя. Полно сидѣть на краюшкѣ чужого гнѣзда. Своего нѣтъ—ну и не надо никакого!»³⁾.

Но Некрасовъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы въ своихъ нападеніяхъ дѣйствовать мелкимъ оружіемъ и безъ опредѣленнаго плана. Читая опубликованныя письма В. П. Боткина къ Фету за 60-ые годы, невольно останавливаешься на фактѣ двойной игры издателя «Современника» съ лицами, призванными такъ или иначе служить карьерѣ Николая Алексѣевича. «Сегодня былъ у меня Некрасовъ и просидѣлъ три часа», писалъ Боткинъ 20-го марта 1865 года: «дѣло въ томъ, что его вонючая лавочка «Современника» дѣлается самому ему гадкою». «Некрасовъ началъ похаживать ко мнѣ», читаемъ въ другомъ письмѣ Боткина отъ 1-го февраля 1866 года: «и протестуетъ противъ гадкихъ тенденцій своего журнала»⁴⁾. То же самое находимъ и въ воспоминаніяхъ Анненкова: «Однажды возвращаясь поздно ночью отъ кого-то, онъ (Некрасовъ) мнѣ неожиданно сказалъ: «я васъ уважаю особенно за то, что вы не сердитесь, какъ другіе, за выходы «Свистка» противъ нашихъ литераторовъ. Могу васъ увѣрить, что я серьезно думаю положить имъ конецъ». «Но «Свистокъ», — замѣчаетъ дальше

1) 1860 г., июль, стр. 41 отдѣла „Русской литературы“.

2) „Вѣстникъ Европы“, 1885 г., мартъ, стр. 37.

3) «Русская Мысль» 1902 г., январь, стр. 121.

4) Фетъ. «Мои воспоминанія», II, 62, 82.

Анненковъ:—«процвѣталъ и послѣ того еще пуще, кажется, чѣмъ прежде»¹⁾).

Манера Николая Алексѣевича прятаться за другихъ, сваливать на нихъ вину свою, прикидываясь въ то же время невиннымъ и безпомощнымъ младенцемъ,—хорошо была извѣстна Тургеневу. Отвѣчая однажды Полонскому на его жалобу по поводу какой-то продѣлки съ нимъ Некрасова, Иванъ Сергѣевичъ писалъ 22-го февраля 1868 г.: «Штука, которую выкинулъ съ тобой Некрасовъ, нимало не удивила меня: я его слишкомъ хорошо знаю. У этого м.... есть между прочимъ привычка взваливать все неприятное на кого-нибудь изъ сотрудниковъ... Я—моль-бы радъ, да вотъ такой-то (тебѣ онъ говоритъ—Елисѣевъ, мнѣ говоритъ—Антоновичъ) несогласенъ. Великая д.... этотъ господинъ»²⁾. Вотъ этотъ-то ловкій приемъ, только въ обширныхъ размѣрахъ, и примѣнилъ издатель «Современника» въ своемъ позорномъ походѣ противъ прежняго сотрудника и друга.

Въ виду слишкомъ крупной извѣстности и большого авторитета Тургенева, Некрасову необходимо было спрятаться за самаго популярнаго представителя молодой литературы—Добролюбова, пользовавшагося къ тому же такой репутаціей честности, «что онъ могъ бы безвредно для себя сдѣлать три, четыре подлости». Ссора Тургенева съ Добролюбовымъ легко, конечно, уронила бы престижъ Ивана Сергѣевича въ глазахъ молодежи и развязала бы руки «Современнику» въ нападкахъ на автора «Дворянскаго гнѣзда», но Добролюбовъ, какъ нѣкогда Грановскій, не былъ способенъ «на три, четыре подлости», и планъ былъ проведенъ нѣсколько иначе. Въ июньской книжкѣ «Современника» 1860 г. въ отдѣлѣ «Русской литературы» появился разборъ сочиненія американскаго писателя Готорна «Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ мифологіи. Изданіе для дѣтей». Критикъ отличаетъ два существенныхъ недостатка въ разбираемомъ сочиненіи: 1) щепетильное желаніе Готорна очистить перерабатываемый матеріалъ даже отъ малѣйшихъ намековъ на физическую любовь, и 2) излишнюю болтливость въ описаніяхъ въ погоню за художественной отдѣлкой. Первая особенность является недостаткомъ потому, что дѣти по природѣ своей достаточно чисты, чтобы пропустить безъ вниманія даже случай значительной откровенности мифологическихъ рассказовъ. Такъ какъ по собственному признанію рецензента, онъ «взялся за книжку Готорна, чтобы побесѣдовать съ нашими лучшими беллетристами», а не ради самой книжки, то на стр. 239—40 онъ и продолжаетъ такъ: «Иные люди могутъ имѣть свой расчетъ, когда утаиваютъ и искажаютъ факты,

¹⁾ «Вѣстникъ Европы» 1885 г., мартъ, стр. 38.

²⁾ Первое собраніе писемъ, 133—134.

какъ Готорнъ искажаетъ греческіе мифы; но какая надобность можетъ заставлятъ художника искажать психологическую истину въ своихъ произведеніяхъ? Вѣдь ему отъ этого нѣтъ никакой выгоды, онъ тутъ поступаетъ чисто по слѣпому предубѣжденію. Мы припомнимъ одиень примѣръ, не называя именъ. Есть одна прекрасная повѣсть, героемъ которой, какъ по всему видно, слѣдовало быть человѣку, мало писавшему по-русски, но имѣвшему самое сильное и благотворное вліяніе на развитіе нашихъ литературныхъ понятій, затмевавшему величайшихъ ораторовъ блескомъ краснорѣчія,—человѣку, не безславными чертами вписавшему свое имя въ исторію, сдѣлавшемуся предметомъ эпическихъ народныхъ сказаній. Кажется, такой человѣкъ могъ быть изображень, какъ человѣкъ серьезный. Авторъ повѣсти, кажется, и хотѣлъ такъ сдѣлать; но вдругъ ему вздумалось: «а что же скажутъ мои литературные совѣтники, люди такіе разсудительные, умѣющіе такъ хорошо упрочивать свое состояніе, если получили его въ наслѣдство, или по крайней мѣрѣ съ такимъ достоинствомъ держать себя въ кругу людей съ состояніемъ, если сами не получили большого наслѣдства? Человѣкъ, который такъ разстроилъ свои семейныя отношенія, что остался безо всего при существованіи значительнаго родового имѣнія, который занималъ деньги у богатыхъ пріятелей, чтобы раздавать ихъ бѣднымъ пріятелямъ—нѣтъ, такой человѣкъ не можетъ считаться серьезнымъ по суду моихъ благоразумныхъ совѣтниковъ». И вотъ авторъ сталъ передѣлывать избранный имъ типъ, вмѣсто портрета живого человѣка рисовать каррикатуру,—какъ будто левъ годится для каррикатуры. Разумѣется, такое странное искаженіе не удалось, да и самому автору по временамъ, кажется, было совѣстно представлять пустымъ человѣкомъ историческаго дѣятеля. Повѣсть должна была бы имѣть высокій трагическій характеръ, посерьезнѣе Шиллерова Донъ-Карлоса, а вмѣсто того вышла винигреть сладкихъ и кислыхъ, насмѣшливыхъ и восторженныхъ страницъ, какъ будто сшитыхъ изъ двухъ разныхъ повѣстей».

Въ приведенной выпискѣ даже средній читатель того времени могъ узнать подъ «историческимъ дѣтелемъ», разстроившимъ свои семейныя отношенія, мало писавшимъ по-русски, отлчавшимся блестящимъ краснорѣчіемъ—знаменитаго Бакунина. А въ «каррикатурѣ на льва»—легко увидали отзывъ о «Рудинѣ» Тургенева, такъ какъ послѣдній не скрывалъ, что для Рудина онъ много взялъ изъ характера своего университетскаго товарища Бакунина. Читатели поняли намеки, поняли ихъ и «благоразумные совѣтники», понялъ ихъ и Иванъ Сергѣевичъ. Выходка эта была дѣломъ пера Чернышевскаго, который однако не подписалъ своего слишкомъ запоздалаго разбора Рудина. «Современникъ» же пустилъ слухъ, что авторъ этой статьи не кто иной, какъ Добролюбовъ. Слухъ этотъ, равно, какъ и названная статья дошли до Тургенева, на-

ходившагося тогда въ Парижѣ, и послѣдній 1-го октября написалъ Анненкову: «Сообщите прилагаемую записку Ивану Ивановичу Панаеву. Еслибъ онъ хотѣлъ узнать настоящую причину моего нежеланія быть болѣе сотрудникомъ «Современника»,—попросите его прочесть въ юньской книжкѣ нынѣшняго года въ «Современномъ Обзорѣнн» стр. 240, 3 стр. сверху, пассажъ, гдѣ г. Добролюбовъ обвиняетъ меня, что я преднамѣренно изъ «Рудина» сдѣлалъ карикатуру для того, чтобы поправиться моимъ богатымъ литературнымъ друзьямъ, въ глазахъ которыхъ всякій бѣднякъ мерзавецъ. Это ужъ слишкомъ—и быть участникомъ въ подобномъ журналѣ уже не приходится порядочному чело-вѣку».

Записка Панаеву была слѣдующаго содержания: 1-го (13-го) октября 1860 г.—Любезный Иванъ Ивановичъ! Хотя, сколько я помню, вы уже перестали объявлять въ «Современникѣ» о своихъ сотрудникахъ, и хотя, по вашимъ отзывамъ обо мнѣ, я долженъ предполагать, что я вамъ больше не нуженъ, однако, для вѣрности, прошу тебя не помѣщать моего имени въ числѣ вашихъ сотрудниковъ тѣмъ болѣе, что у меня ничего готоваго нѣтъ, и что большая вещь, за которую я только-что принялся теперь и которую не окончу раньше будущаго мая, уже назначена въ «Русскій Вѣстникъ». Я, какъ ты знаешь, поселился въ Парижѣ на зиму. Надѣюсь, что ты здоровъ и веселъ, и жму тебѣ руку. Преданный тебѣ Иванъ Тургеневъ. Парижъ «Rue de Rivoli» ¹⁾.

Анненковъ не передалъ этой записки, соображая, что при разгоравшейся ссорѣ не слѣдуетъ подкладывать еще дровъ и раздувать пламя, но отъ этого вышло лишь хуже. Въ письмѣ къ Герцену отъ 9-го января 1861 г. Иванъ Сергѣевичъ пишетъ: «Съ «Современникомъ» и Некрасовымъ я прекратилъ всякія сношенія, что, между прочимъ, явствуется изъ ругательствъ à mon adresse почти въ каждой книжкѣ: я велѣлъ имъ сказать, чтобы они не помѣщали моего имени въ числѣ сотрудниковъ, а они взяли и помѣстили его въ самомъ концѣ, въ числѣ прохвостовъ. Что тутъ дѣлать?» Некрасовъ помѣстилъ Тургенева въ числѣ своихъ сотрудниковъ все еще въ надеждѣ вернуть его къ «Современнику», особенно въ виду слуховъ о новомъ крупномъ произведеніи, приготавливаемомъ Иваномъ Сергѣевичемъ («Отцы и дѣти»). Чтобы примириться съ Тургеневымъ, Некрасовъ однажды въ началѣ того же 1861 г. пріѣхалъ утромъ къ лучшему другу Ивана Сергѣевича Анненкову и цѣлый часъ говорилъ въ кабинетѣ его о постоянномъ присутствіи образа Тургенева передъ глазами его днемъ и особенно ночью, во снѣ, о томъ, что воспоминанія прошлаго не даютъ ему, Некрасову, покоя, и что пора кому-нибудь взяться за ихъ примиреніе и тѣмъ покончить эту

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1865 г., мартъ, стр. 36—37.

безобразную (такъ онъ выразился) ссору. Въ такомъ же родѣ, съ прибавленіемъ лишь выгодныхъ для Тургенева условий сотрудничества, написалъ вслѣдъ затѣмъ Некрасовъ и самому Ивану Сергѣевичу. Но всѣ эти попытки были уже слишкомъ запоздалыми. Когда Анненковъ передалъ Тургеневу въ письмѣ весь происходившій у него съ Некрасовымъ разговоръ, Иванъ Сергѣевичъ ствѣчалъ ссылкой на новую выходку противъ него въ «Современникѣ» и болѣе не заикался о предметѣ; Некрасову же Тургеневъ отвѣтилъ положительнымъ отказомъ, сообщивъ ему, что не намѣренъ участвовать болѣе въ «Современникѣ»¹⁾.

Между тѣмъ публика успѣла обратить вниманіе на переѣну въ отношеніи популярнаго журнала къ популярному романисту. Въ 1-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1861 годъ въ статьѣ «Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи» было сказано про журналы, подобные издаваемому Некрасовымъ и Панаевымъ, что въ нихъ «современные писатели, отличающіеся какимъ-либо художественнымъ достоинствомъ, потому только осыпались лъстивыми похвалами, что успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ выгоденъ для этихъ журналовъ, помѣщавшихъ у себя ихъ произведенія, но гдѣ немедленно измѣнялся тонъ отзывовъ съ прекращеніемъ расчетовъ на сотрудничество», при этомъ «Русскій Вѣстникъ» сослался на отношенія «Современника» къ Тургеневу. Въ июньской книжкѣ послѣдняго журнала за тотъ же годъ Чернышевскій помѣстилъ возраженіе на эти строки (стр. 452—456 отдѣла Современнаго Обзорѣнія), гдѣ увѣдомлялъ, что нападки на Тургенева явились слѣдствіемъ выяснившейся разности убѣжденій, а не вслѣдствіе отказа Тургенева сотрудничать въ «Современникѣ». «Намъ стало казаться», писалъ Чернышевскій: «что послѣднія повѣсти Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого Тургенева». Такое заявленіе очень разсердило Ивана Сергѣевича, имѣвшаго въ рукахъ всѣ доказательства противнаго и отлично знавшаго, что для «Современника» никогда не было тайной разногласіе Тургенева съ редакціей по многимъ вопросамъ, что эта «разность убѣжденій» не мѣшала Ивану Сергѣевичу сотрудничать въ журналѣ. Третьяго октября 1861 года Тургеневъ писалъ Ѳ. М. Достоевскому: «Современникъ» плюется и сознательно жетъ, но вѣдь это не въ первый разъ; у меня есть письмо отъ Некрасова, писанное въ началѣ этого года, въ которомъ онъ мнѣ дѣлаетъ самыя блестящія предложенія. Я ему отвѣтилъ, что сотрудничать «Современника» болѣе не буду, ну и выходитъ, что надо сказать публикѣ, что меня прогнали»²⁾.

¹⁾ „Вѣстн. Евр.“, 1835 г., мартъ, стр. 38.

²⁾ Первое собр. пис., 96.

Въ это время, какъ уже мы сказали, Иванъ Сергѣевичъ былъ въ Парижѣ, гдѣ у него, кромѣ друзей, собирались иногда и молодые люди, такъ или иначе связанные съ редакціей «Современника». Среди оживленныхъ разговоровъ, касавшихся и вылазокъ журнала Некрасова противъ Тургенева, послѣдній естественно высказывался не стѣняясь, перемеживая серьезныя замѣчанія съ веселой шуткой. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ, попавшихъ въ дословныя записи интересныхъ воспоминаній Щербаня ¹⁾, Иванъ Сергѣевичъ полусердито, полшутливо назвалъ Чернышевскаго змѣемъ, Добролюбова—очковой змѣей, а Писарева, какъ возмущающаго о своемъ приближеніи,—гремучей. Эти замѣчанія были немедленно переданы въ Петербургъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ тогда еще только приготовленнаго къ печати романа «Отцы и дѣти», съ которымъ Тургеневъ знакомилъ своихъ парижскихъ друзей по рукописи. Сообщенныя въ «Современникѣ» свѣдѣнія были немедленно пущены въ дѣло для лучшаго выполненія все того же плана кампаніи: представить въ концѣ концовъ читателямъ нападки журнала, лишь какъ защиту несправедливо обижаемаго Добролюбова. Тою же осенью въ некрологѣ Добролюбова были прибавлены слѣдующія строки: «Мы,—или, что все равно, нѣкоторые изъ насъ (т. е. современники Бѣлинскаго),—рѣшили, что новое поколѣніе, несмотря на свой дѣйствительно замѣчательный умъ и свѣдѣнія, поколѣніе сухое, холодное, черствое, безсердечное, все отрицающее, вдавшееся въ ужасную доктрину—въ н и г и л з м ѣ!.. Нигилисты! Если мы не рѣшились заклеить этимъ страшнымъ именемъ все поколѣніе, то, по крайней мѣрѣ, увѣрили себя, что Добролюбовъ принадлежалъ къ нигилистамъ изъ нигилистовъ» ²⁾. Такимъ образомъ въ печати первый разъ были произнесены слова: нигилисты и нигилизмъ въ этой крайне грубо льстившей молодому поколѣнію статьѣ Панаева (новаго поэта) «По поводу похоронъ Добролюбова». А въ февральскомъ номерѣ слѣдующаго 1862 года появилась статья: «Въ изъясненіе признательности» (по поводу отношеній Чернышевскаго къ Добролюбову). Въ ней авторъ между прочимъ писалъ, что въ началѣ 1860 года на первомъ литературномъ чтеніи въ пользу «общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» произошелъ слѣдующій случай между нимъ и Тургеневымъ: «Члены комитета этого общества и лица, участвовавшія въ чтеніи, собрались въ галлерейхъ, окружающихъ залу Пассажа, гдѣ происходило чтеніе. Въ одной изъ нихъ случилось какъ-то остаться тремъ или четверымъ изъ насъ, въ томъ числѣ г. Тургеневу и мнѣ. Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: «васъ

¹⁾ „Русск. Вѣст.“, 1890 г., кн. VII и VIII.

²⁾ „Соврем.“ 1861 г., ноябрь, стр. 75—76 „Соврем. Обзор.“.

я могу еще переносить, но Добролюбова не могу». «Это оттого», сказалъ я: «что Добролюбовъ умнѣе, а взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже». «Да», отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ, «да, вы—простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя» ¹⁾. Для правдоподобности тутъ введены Чернышевскимъ и галлерей Пассажа, и «добродушная шутливость», и «трое или четверо»—не одинъ, молъ, я съ нимъ былъ.

Въ мартовской же книжкѣ журнала за тотъ же годъ напечатанъ былъ пресловутый критическій разборъ «Отцовъ и дѣтей» подъ вызывающимъ заголовкомъ «Асмодей нашего времени» того самаго Антоновича, котораго Чернышевскій передъ этимъ рекомендовалъ читателямъ, какъ критика болѣе передового и свѣжаго, чѣмъ онъ самъ, Чернышевскій, и относительно котораго впоследствии Некрасовъ, поссорившись съ этимъ «первымъ критикомъ», высказался, такъ, что, молъ, «Современникъ» смотрѣлъ на Антоновича, лишь какъ на простую полезность ²⁾. Въ названной критической статьѣ авторъ доказываетъ, что Тургеневъ, котораго онъ иронически называлъ «нашимъ художественнымъ Несторомъ, нашимъ поэтическимъ корифеемъ», въ своемъ романѣ преслѣдовалъ «другія цѣли, чуждыя искусству». Онъ хотѣлъ высказать въ художественной формѣ свой взглядъ на современное молодое поколѣніе и разъяснить свои отношенія къ нему. Каковы же эти отношенія? Онъ питаетъ къ представителямъ молодого поколѣнія, «какую-то личную ненависть и неприязнь, какъ будто они лично сдѣлали ему какую-нибудь обиду и пакость, и онъ старается отмстить на каждомъ шагу, какъ человекъ лично оскорбленный; онъ съ внутреннимъ удовольствіемъ отыскиваетъ въ нихъ слабости и недостатки, о которыхъ и говоритъ съ дурно скрываемымъ злорадствомъ и только для того, чтобы унижить героя въ глазахъ читателей: «посмотрите, дескать, какіе негодяи мои враги и противники»... «Во всѣхъ современныхъ вопросахъ, умственныхъ движеніяхъ, толкахъ и идеалахъ, занимающихъ молодое поколѣніе, г. Тургеневъ не находитъ никакого смысла и даетъ понять, что они ведутъ только къ разврату, пустотѣ, прозаической пошлости и цинизму». Тургеневъ, по мнѣнію Антоновича, въ «дѣтяхъ» каррикатурно изображаетъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія. Героя же романа собственно Иванъ Сергѣевичъ старается выставить «мелкимъ хвастунишкой и пьянчужкой» и хочетъ увѣрить читателей, что Базаровъ «систематически ненавидитъ и преслѣдуетъ все, начиная отъ своихъ добрыхъ родителей, которыхъ онъ терпѣть не можетъ, и обанчивая лягушками, которыхъ онъ рѣжетъ съ беспощадной жестокостью». «Ав-

¹⁾ Стр. 393.

²⁾ Венгеровъ. „Критико-біографич. словарь“ I, 681.

торъ дотога золь на своего героя, что не хочетъ простить его и примириться съ нимъ даже передъ его смертью». «У автора поворачивается языкъ говорить о всепримиряющей любви, о безконечной жизни послѣ того, какъ его самого эта любовь и мысль о безконечной жизни не могли удержать отъ безчеловѣчнаго обращенія со своимъ умирающимъ героемъ, который, лежа на смертномъ одрѣ, призываетъ свою возлюбленную для того, чтобы видомъ ея прелестей въ послѣдній разъ поцекотать свою потухающую страсть».

Въ заключеніе своей статьи критикъ обращается съ слѣдующими словами къ автору разбираемаго романа: «Извините, г. Тургеневъ, вы не умѣли опредѣлить своей задачи; вмѣсто изображенія отношеній между «отцами» и «дѣтьми», вы написали панегирикъ «отцамъ» и обличеніе «дѣтямъ», да и «дѣтей» вы не поняли, и вмѣсто обличенія у васъ вышла клевета. Распространителей здравыхъ понятій между молодымъ поколѣніемъ вы хотѣли представить развратителями юношества, сѣятелями раздора и зла, ненавидящими добро,—однимъ словомъ асmodeями. Попытка эта не первая и повторяется весьма часто». Въ другомъ мѣстѣ своей статьи Антоновичъ пишетъ: «На основаніи послѣдняго романа г. Тургенева можно положительно сказать, что критика ошибалась въ объясненіи прежнихъ его произведеній». Романъ Тургенева «хорошъ въ томъ отношеніи, что въ немъ г. Тургеневъ обнаружилъ себя ясно и вполнѣ и тѣмъ раскрылъ намъ истинный смыслъ своихъ прежнихъ произведеній, сказалъ безъ околичностей и напрямки то свое послѣднее слово, которое въ прежнихъ его произведеніяхъ было смягчено и затушевано разными поэтическими прикрасами и эффектами, скрывавшими его истинное значеніе». На этой статьѣ Антоновича мы оставляемъ выходки «Современника» противъ Тургенева, хотя онѣ не прекращались и дальше. Въ слѣдующемъ же томѣ журнала появилась, на примѣръ, статья «по поводу женскихъ характеровъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ», гдѣ критикъ, подписавшійся буквами А. О., старается развѣчивать женскіе типы Тургенева, подобныя Еленѣ въ «Наканунѣ», Маріи Павловнѣ въ «Затишьѣ», Софьѣ въ «Яковѣ Пасынковѣ».

Некрасовъ ловко выигралъ кампанію и долго торжествовалъ побѣду. И самъ Тургеневъ нѣсколько лѣтъ спустя съ недоумѣніемъ еще писалъ по поводу «Отцовъ и дѣтей»: «Мои критики называли мою повѣсть «памфлетомъ», упоминали о «раздраженномъ», «уязвленномъ» самолюбіи; но съ какой стати сталъ бы я писать памфлетъ—на Добролюбова, съ которымъ я почти не видался, но котораго высоко цѣнилъ, какъ человѣка и какъ талантливаго писателя? Какого бы я ни былъ скромнаго мнѣнія о своемъ дарованіи—я, все-таки, считалъ и считаю сочиненіе памфлета, «пасквиля» ниже его, недостойнымъ его. Что же касается до «уязвленнаго» самолюбія—то замѣчу только, что статья Добро-

любова о послѣднемъ моемъ произведеніи передъ «Отцами и дѣтьми» — «Наканунѣ» (а онъ по праву считался выразителемъ общественнаго мнѣнія), что эта статья, явившаяся въ 1861 г., исполнена самыхъ горячихъ — говоря по совѣсти — самыхъ незаслуженныхъ похвалъ. Но господамъ критикамъ нужно было представить меня оскорбленнымъ памфлетистомъ: «leur siège était fait» и еще въ нынѣшнемъ (1869) году я могъ прочесть въ Приложеніи № 1-й къ «Космосу» (стр. 96) слѣдующія строки: «Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что пьедесталь, на которомъ стоялъ г. Тургеневъ, былъ разрушенъ главнымъ образомъ Добролюбовымъ», а далѣе (стр. 98) говорится о моемъ «ожесточеніи», которое г. критикъ, впрочемъ, понимаетъ и «пожалуй, даже извиняетъ»¹⁾. Ларчикъ просто открывался: Некрасову необходимо было популярное имя Добролюбова для прикрытія своихъ собственныхъ неблагоприятныхъ продѣлокъ.

Въ томъ же 1862 г. договорился до послѣдняго слова и Иванъ Сергѣевичъ.

Въ № 334 «Сѣверной Пчелы» появилось слѣдующее письмо къ издателю: «М. Г. Въ фельетонѣ вашей газеты отъ 22 ноября (№ 316), подписанномъ буквами А. Ю., находится слѣдующая фраза: «Пусть Некрасовъ жертвуетъ г. Тургеневымъ, Дружининимъ, Писемскимъ, Гончаровымъ и Авдѣвымъ и издастъ «Современникъ!» Мнѣніе, выраженное г. А. Ю., встрѣчалось мною въ печати не разъ. Оно проникло даже въ программу журнала, издаваемого г. Некрасовымъ. Я до сихъ поръ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на подобныя «заявленія»; но такъ какъ изъ словъ г. А. Ю. я долженъ по неволѣ убѣдиться, что молчаніе, особенно продолжительное, дѣйствительно почитается знакомъ согласія, то позвольте мнѣ изложить передъ вами въ короткихъ словахъ, какъ совершилось на самомъ дѣлѣ собственное мое отчужденіе отъ «Современника». Я не стану входить въ подробности о томъ, когда и почему оно началось, но въ январѣ 1860 года «Современникъ» еще печаталъ мою статью («Гамлетъ и Донъ-Кихотъ»), и г. Некрасовъ предлагалъ мнѣ, при свидѣтеляхъ, весьма значительную сумму за повѣсть, запроданную «Русскому Вѣстнику», а весной 1861 года, тотъ же Некрасовъ писалъ мнѣ въ Парижъ письмо, въ которомъ съ чувствомъ, жалуясь на мое охлажденіе, возобновлялъ свои лестныя предложенія и, между прочимъ, доводилъ до моего свѣдѣнія, что видитъ меня почти каждую ночь во снѣ. Я тогда же отвѣчалъ г. Некрасову положительнымъ отказомъ, сообщая ему мое твердое рѣшеніе не участвовать болѣе въ «Современникѣ». и тутъ же прибавилъ, что «относительно этому журналу не для чего стѣсняться въ своихъ сужденіяхъ обо мнѣ».

¹⁾ Собран. сочин. XII, 93—94.

И журналъ г. Некрасова немедленно пересталъ стѣсняться. Недоброжелательные намеки явились тотчасъ же и съ свойственной всякому русскому прогрессу быстротой перешли въ явныя нападенія. Все это было въ порядкѣ вещей, и я, вѣроятно, заслуживалъ эти нападенія, но предоставляю вашимъ читателямъ самимъ судить теперь, насколько справедливо мнѣніе г. А. Ю. Увы! г. Некрасовъ не принесъ меня въ жертву своимъ убѣжденіямъ и, вспоминая имена другихъ его жертвъ, перечисленныхъ г. А. Ю., я готовъ почти пенять на г. издателя «Современника» за подобное исключеніе. Но, впрочемъ, точно ли г.г. Дружининъ, Писемскій, Гончаровъ и Авдѣевъ пали подъ жертвеннымъ его ножомъ? Мнѣ сдается, что въ теченіе своей карьеры г. Некрасовъ былъ гораздо менѣе жрецомъ, чѣмъ предполагаетъ г. А. Ю.

«Примяте и пр. Иванъ Тургеневъ».

10-го декабря н. с. 1862 г. Парижъ.

Тургеневъ называлъ впослѣдствіи свою ссору съ «Современникомъ»— «бурей въ стаканѣ воды» ¹⁾. Онъ былъ бы, пожалуй, правъ, если бы эта исторія касалась только его и Некрасова. Къ сожалѣнію, она имѣла серьезныя послѣдствія, сказывающіяся даже теперь, черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти великаго писателя. Прежде всего слѣдуетъ указать, что та разнь между поколѣніями 40-хъ и 60-хъ годовъ, которую отмѣтилъ Тургеневъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ», была усилена именно злобнымъ походомъ «Современника». Иванъ Сергѣевичъ справедливо считался и тогда и позднѣе—лучшимъ представителемъ 40-хъ годовъ, журналъ Некрасова—наиболѣе яркимъ представителемъ 60-хъ годовъ. Къ нападкамъ «Современника» присоединилась значительная часть тогдашней молодежи; среди нея и зародилось настолько презрительное и несправедливое отношеніе къ поколѣнію Тургенева, что она готова была даже приписать себѣ подготовку и проведеніе на практикѣ великихъ реформъ царствованія императора Александра II-го, которыя отъ начала до конца были именно результатомъ дѣятельности людей 40-хъ годовъ.

Въ статьѣ своей по поводу «Отцовъ и дѣтей» Тургеневъ кается, между прочимъ, въ двухъ своихъ мнимыхъ грѣхахъ: «Вся причина недоразумѣній», пишетъ онъ: «вся, какъ говорится, «бѣда» состояла въ томъ, что воспроизведенный мною Базаровскій типъ не успѣлъ пройти чрезъ постепенныя фазисы, чрезъ которые обыкновенно проходятъ литературные типы. На его долю не пришлось—какъ на долю Онегина или Печорина—эпоха идеализаціи, сочувственнаго превознесенія. Въ самый моментъ появленія новаго человѣка—Базарова—авторъ отнесся къ нему критически... объективно. Это многихъ сблдо съ толку—

¹⁾ Собр. сочин. XII. 99.

и кто знает! въ этомъ была—быть можетъ—если не ошибка, то несправедливость. Базаровскій типъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, столько же права на идеализацію, какъ предшествовавшіе ему типы» ¹⁾. «Съ другой стороны», говоритъ Иванъ Сергѣевичъ дальше: «я понимаю причины гнѣва, возбужденнаго моею книгой въ извѣстной партіи. Онѣ не лишены основанія, и я принимаю—безъ ложнаго смиренія—часть падающихъ на меня упрековъ. Выпущеннымъ мною словомъ «нигилистъ» воспользовались тогда многіе, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движеніе, овладѣвшее русскимъ обществомъ. Не въ видѣ укоризны, не съ цѣлью оскорбленія было употреблено мною это слово, но какъ точное и умѣстное выраженіе проявившагося—историческаго—факта; оно было превращено въ орудіе доноса, безповоротнаго осужденія—почти въ клеймо позора» ²⁾. Если для тогдашняго средняго читателя необходима была извѣстная идеализація Базаровскаго типа, то какого рода услугу публикѣ оказала «Современникъ» своимъ великодушнымъ разборомъ «Отцовъ и дѣтей», разборомъ, впечатлѣніе отъ котораго не въ состояніи былъ ослабить даже такой кумиръ тогдашней молодежи, какъ Писаревъ! Далѣе: мы видѣли, кто именно впервые придалъ дурной оттѣнокъ слову «нигилистъ». Передъ самымъ появленіемъ романа Ивана Сергѣевича «Современникъ» пустилъ въ оборотъ это слово и пустилъ его именно, какъ «орудіе доноса, безповоротнаго осужденія, почти какъ клеймо позора».

Обратимся, наконецъ, къ третьему послѣдствію «бури въ стаканѣ воды». Эта «буря» въ значительной степени породила ту печальную и, къ несчастью, довольно распространенную теорію, по которой служеніе литературѣ не требуетъ чистыхъ рукъ и возвышеннаго характера. «Замѣтьте, какая у насъ опять странность», говоритъ Тургеневъ устами Потугина въ «Дымѣ»: иной, напримѣръ, сочинитель что-ли, весь свой вѣкъ и стихами и прозой бранилъ пьянство, откупъ, укорялъ... да вдругъ, самъ взявъ да два винные завода купилъ и снялъ сотню кабаковъ,—и ничего! Другого бы съ лица земли стерли, а его даже не упрекаютъ» ³⁾. Само собою разумѣется, что именно отъ послѣдователей этой теоріи и раздавались обвиненія въ сторону Ивана Сергѣевича, будто у него, болѣе чѣмъ у другихъ писателей, слово расходилось съ дѣломъ. Насколько же подобныя обвиненія подтверждаются отношеніями его къ Некрасову, показываетъ трогательное стихотвореніе въ прозѣ, написанное Тургеневымъ подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Николая Алексѣевича ⁴⁾. «Мы были когда-то короткими, близкими

¹⁾ Собр. сочин. XII, 96.

²⁾ Тамъ же, 98—99.

³⁾ Тамъ же, III, 30.

⁴⁾ „Послѣднее свиданье“. Собр. сочин. IX, 89.

друзьями... Но насталъ недобрый мигъ—и мы разстались, какъ враги. Прошло много лѣтъ. И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ—и желаетъ видѣться со мною. Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату... Взоры наши встрѣтились. Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ! Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ... Онъ не могъ сносить давления самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно-худую, словно обглоданную руку, усленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ—привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли—кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась—и на съѣженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки. Сердце во мнѣ упало... Я сѣлъ на стулъ возлѣ него—и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку. Но мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая, блѣлая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотря ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы... Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила насъ. Да... Смерть насъ примирила»...

Въ заключеніе нашей статьи изложимъ взгляды Тургенева на литературное творчество издателя «Современника».

Съ самаго начала своего знакомства съ Некрасовымъ, Иванъ Сергѣевичъ, не отказывая его стихотвореніямъ въ извѣстномъ общественномъ значеніи, не признавалъ ихъ однако за поэтическія произведенія. «Я всегда былъ одного мнѣнія о его (Некрасова) сочиненіяхъ, и онъ это знаетъ», писалъ Тургеневъ Полонскому 29-го января 1870 года: «даже когда мы находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ, онъ рѣдко читалъ мнѣ свои стихи, а когда читалъ ихъ, то всегда съ оговоркой: «я—моль—знаю, что ты ихъ не любишь». Я къ нимъ чувствую нѣчто въ родѣ положительнаго отвращенія: ихъ *arrière goût*—не знаю какъ сказать по-русски—особенно противенъ: отъ нихъ отзывается тиной, какъ отъ леща или карпа» ¹⁾. Дѣйствительно, въ письмахъ къ Некрасову (1852—1858 гг.), напечатанныхъ въ январской книгѣ «Русской Мысли» за 1902 г., Тургеневъ только разъ отозвался на одно стихотвореніе Николая Алексѣевича. «Скажу тебѣ, что твои стихи хороши (какіе?), хотя не встрѣчается въ нихъ того энергическаго и горькаго взрыва, котораго невольно отъ тебя ожидаешь; при томъ конецъ кажется прищипывающимъ» ²⁾. Но открыто или печатно до своей размолвки съ Некрасо-

¹⁾ Письма, 170.

²⁾ Стр. 118.

вымъ Тургеневъ избѣгалъ высказывать порицаніе или похвалы произведеніямъ Николая Алексѣевича. Только весною 1854 года, когда Иванъ Сергѣевичъ носился съ мыслью привлечь въ сотрудники «Современника» С. Т. Аксакова и дѣлалъ автору «Семейной хроники» соотвѣтствующія письменныя предложенія, Тургеневъ измѣнилъ себѣ. Въ статьѣ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева, онъ, хотя и ставилъ послѣдняго «рѣшительно выше» Некрасова, не давая Николаю Алексѣевичу при томъ никакихъ преимуществъ даже передъ Майковымъ и Фетомъ, однако высказался въ своемъ бѣгломъ замѣчаніи о творчествѣ Некрасова довольно сочувственно. Аксакову же Иванъ Сергѣевичъ писалъ (31-го мая): «Некрасовъ, котораго вы такъ не любите, написалъ нѣсколько хорошихъ стихотвореній, особенно одно—плачъ старушки-крестьянки объ умершемъ сынѣ»¹⁾. Но, повторяемъ, Тургеневу въ то время очень хотѣлось привлечь Аксакова въ «Современникъ», т. е. прежде всего побороть антипатію Сергѣя Тимофеевича къ издателю журнала, а отзывъ о Некрасовѣ въ рецензій на стихотворенія Тютчева былъ помѣщенъ въ журналѣ того же Николая Алексѣевича (кн. 4).

Послѣ своего разрыва съ «Современникомъ» Тургеневъ высказывался въ письмахъ уже вполне откровенно, особенно въ перепискѣ съ Полонскимъ: «г-нъ Некрасовъ—поэтъ съ натугой и штучками; пробоваль я на-дняхъ перечестъ его собраніе стихотвореній... нѣтъ! Поэзія и не почевала тутъ—и бросилъ я въ уголь это жеванное папье-маше съ полвкой изъ острой водки» (письмо отъ 13-го января 1868 года). «Поэзія-то я въ Некрасовѣ не признаю,—а увлекать массу, дѣйствовать на своихъ современниковъ можно и другими вещами—либерализмомъ и т. д.» (письмо отъ 29-го января 1870 года). «Его (Некрасова) поэма «княгиня Волконская», по-моему, противнѣйшая, слащаво-либеральная... «Кому на свѣтѣ (Руси) жить хорошо»—лучше; но и тутъ все избытка темы, въ двадцать разъ лучше обработанныя другими» (письмо отъ 22-го марта 1873 г.). Когда послѣ смерти издателя «Современника» надъ свѣжей его могилой вспыхнулъ странный споръ о томъ, кто выше: Некрасовъ или Пушкинъ, Тургеневъ такъ высказался по поводу этого въ письмѣ къ тому же Полонскому (11-го января 1878 г.): «Ты знаешь мое мнѣніе о Некрасовѣ, и потому говорить о немъ не стану. Пускай молодежь носится съ нимъ. Оно даже полезно, такъ какъ, въ концѣ концовъ, тѣ струны, которыя его поэзія (если только можно такъ выразиться) заставляетъ звенѣть—струны хорошія.—Но, когда г. Скабичевскій, обращаясь къ той же молодежи, говоритъ ей, что она права, ставя Некрасова выше Пушкина и Лермонтова—и говоритъ это «не обвиняясь», я съ трудомъ удерживаю негодованіе и только повторяю стихи Шиллера:

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“ 1894 г., февраль, 485 и 486.

«Ich sah des Ruhmes schönste Kränze
Auf der gemeinen Stirn entweicht» ¹⁾.

Откровенное мнѣніе о Некрасовѣ Ивану Сергѣевичу приходилось высказывать и печатно послѣ выхода своего изъ «Современника». Въ рецензій на произведенія Полонскаго онъ писалъ между прочимъ: «Я убѣжденъ, что любители русской словесности будутъ еще перечитывать лучшія стихотворенія Полонскаго, когда самое имя г. Некрасова покроется забвеніемъ. Почему же это? А просто потому, что въ дѣлѣ поэзіи живуча только одна поэзія, и что въ бѣлыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно-высиченныхъ измышленіяхъ «скорбной» музы г. Некрасова—ея-то, поэзія-то и нѣтъ на грошъ, какъ нѣтъ ея, на примѣръ, въ стихотвореніяхъ всѣми уважаемаго и почтеннаго А. С. Хомякова, съ которымъ, спѣшу прибавить, г. Некрасовъ не имѣетъ ничего общаго» ²⁾. Намъ нечего, конечно, придавать односторонній смыслъ выраженію «любители русской словесности», такъ какъ мы знаемъ, какое видное мѣсто отводилъ Тургеневъ въ народной жизни поэзіи и искусству: «Дикарь каменнаго періода, начертившій концомъ кремня на приспособленномъ обломѣ кости медвѣжью или лосиную голову, уже перестаетъ быть дикаремъ, животнымъ. Но только тогда, когда творческою силою избранниковъ народъ достигаетъ сознательно полнаго, своеобразнаго выраженія своего искусства, своей поэзіи—онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свое окончательное право на собственное мѣсто въ исторіи»,—такъ выразился Иванъ Сергѣевичъ въ своей прекрасной рѣчи на Пушкинскихъ празднествахъ 1880 года ³⁾. Въ этой же рѣчи онъ разъ навсегда опредѣляетъ и положеніе, какое заняло творчество Некрасова въ ходѣ нашего литературнаго развитія. Муза «мести и печали» знаменовала собою во всякомъ случаѣ болѣзненный, переходный періодъ въ прогрессѣ русскаго искусства, который необходимо было пережить съ благоразумной твердостью и спокойствіемъ, такъ какъ появленіе переходной полосы въ литературѣ оправдывалось возникновеніемъ новыхъ, вполне законныхъ и неотразимыхъ потребностей и вопросовъ. «Изъ бѣломраморнаго храма, гдѣ поэтъ являлся жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь... но на алтарѣ—и сожигалъ... одинъ еиміамъ—люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно нужна метла... и метла нашлась» ⁴⁾.

Н. Гутьяръ.

¹⁾ Первое собр. писемъ, 130, 171, 215, 327.

²⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1870 г. № 8-й.

³⁾ Соч. Тургенева XII, 334.

⁴⁾ Тамъ же, 338.

Болѣзнь князя Г. Г. Орлова и назначеніе надъ нимъ опеки.

Рескриптъ императрицы Екатерины II братьямъ Орловымъ.

31-го декабря 1782 г.

Графъ Иванъ Григорьевичъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ, графъ Федоръ Григорьевичъ и графъ Владиміръ Григорьевичъ! Болѣзненное состояніе брата вашего князя Григорія Григорьевича тѣмъ чувствительнѣе меня оскорбляетъ, поколику превосходныя его душевныя качества, отличное усердіе ко мнѣ и къ Отечеству и знаменитыя заслуги не могутъ никогда быть забвенны. Я принимаю истинное участіе въ печали, которую причиняетъ вамъ подобное состояніе брата и друга вашего, но когда всѣ старанія, доселѣ къ исцѣленію его употребленныя, были безплодны, и когда успѣха въ томъ не инако, какъ отъ времени ожидать можно, то и нахожу я лучшимъ средствомъ особу и мнѣніе его препоручить вашему присмотру и попеченію до совершеннаго его исцѣленія. Извѣстныя мнѣ между всѣми вами братская любовь и дружба служатъ мнѣ надежною порукою, что вы приложите всемѣрное стараніе къ сохраненію его, къ доставленію ему всего нужнаго въ настоящемъ его положеніи и къ исцѣленію его. Отъ васъ зависитъ избрать мѣсто, для пребыванія его способное, гдѣ бы онъ чистымъ воздухомъ и всякими свойственными выгодами пользоваться могъ. Что касается до соблюденія имѣнія его, въ томъ я совершенно на васъ полагаюсь, предоставляя распоряжать онымъ сообразно государственнымъ узаконеніямъ, особливо же наставленіямъ опекунамъ въ Моихъ учрежденіяхъ даннымъ. Долги на немъ имѣющіеся вы можете уплачивать изъ его пенсіи, жалованья и другихъ доходовъ¹⁾.

Сообщ. Д. П. Струковъ.

¹⁾ Д. Ген. Пов. св. 640, д. № 11.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Ужасные дни ¹⁾.

VII.

Корреспонденція В. Россоловскаго.—Письмо генерала Крылова генералу Куропаткину.—Параллельная таблица дѣйствій лѣваго фланга, центра и праваго фланга.—Нѣсколько словъ вообще.—Конецъ „ужасныхъ дней“.—Заключеніе.

Весьма интересную и живую корреспонденцію о 31-мъ августа прочиталъ я впоследствии въ № 563 (1877 г.) «Новаго Времени», вышедшую изъ подъ пера уже помянутаго мною корреспондента, почтеннѣйшаго В. Россоловскаго. Привожу изъ нея отрывокъ.

«Четвергъ 22-го сентября (4-го октября) 1877 г. Около часу дня прѣзжаютъ на мѣсто, гдѣ стояла осадная батарея (которую ночью увезли и какъ бы теперь она пригодилась!), генералы Зотовъ и Крыловъ, помощникъ начальника штаба Новицкій, весь штабъ.—Все это со вниманіемъ смотритъ въ бинокли на Зеленяя горы, гдѣ у Скобелева идетъ кровавый бой за ключъ къ Плевненскимъ позиціямъ. Впрочемъ кромѣ Скобелева, князя Имеретинскаго, генерала Крылова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, мало кто и сознаетъ, что это дѣйствительно **к л ю ч ь!** ²⁾. Подкрѣпленій не шлютъ, только полевая артиллерія наша,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, декабрь 1902 г.

²⁾ Тутъ В. Россоловскій ошибается: генераль Зотовъ въ реляціи своей о штурмѣ Плевны 30-го августа признаетъ, что это былъ тактическо-стратегическій ключъ.

выдвинувшись сильно впередъ на отрогахъ Радишевской возвышенности, упирающихся въ Тученицкій оврагъ, помогаетъ, насколько можетъ, Скобелеву, поражая лѣвый флангъ непріятеля. Въ это время узнаю, что и подкрѣпленіе, посланное генераломъ Крыловымъ, не дошло въ полномъ составѣ; батальонъ Ярославскаго полка вернули, за то немного спустя послали Серпуховскій полкъ ¹⁾. Во все это время солнце сіяетъ, день совсѣмъ разгулялся. У Скобелева какъ будто стихаетъ бой, а между тѣмъ не видать, чтобы турки подвигались впередъ. У всѣхъ, наблюдающихъ за ходомъ дѣлъ на Зеленой горѣ, дѣлается легче на сердцѣ: глазамъ и чувству дается нѣкоторый отдыхъ, всѣ переглядываются между собою радостно и какъ бы не вѣря дѣйствительности. Увы! не долго продолжалась тишина: вдругъ турки выростають изъ кустовъ, изъ траншей, лѣзутъ точно муравьи на отнятыя у насъ позиціи: открывается жестокой огонь, затѣмъ какъ будто стихаетъ, но не надолго — опять возобновляется огонь съ новою силою... а съ нашей стороны, на лѣвомъ флангѣ (т. е. въ центрѣ), все тихо, хоть бы малѣйшая попытка отвлечь силы непріятеля отъ Скобелева! — Кто-то вдругъ замѣчаетъ дрожащимъ голосомъ: «Господи, наши никакъ отступаютъ!» — «Вы ошибаетесь, быть этого не можетъ, отступаютъ турки». Опять всѣ бинокли направляются на Зеленныя горы... убѣждаемся, что наши дѣйствительно отступаютъ. Отступление полное по всей линіи». — А затѣмъ, по словамъ В. Россоловскаго, въ центрѣ получается донесеніе Скобелева: «отбивъ пять атакъ отступаю прикрываясь Шуйскимъ полкомъ».

Въ сочиненіи «Ловча и Плевна» приведенъ въ высшей степени интересный и важный документъ — письмо бывшаго командира четвертаго корпуса генерала Крылова къ генералу Куропаткину отъ 18-го марта 1884 года, изъ коего я привожу здѣсь выдержки ²⁾.

«29-го августа утромъ пріѣхалъ на Радишевскую позицію М. Д. Скобелевъ и, сообщивъ мнѣ о предстоящей ему атакѣ редутовъ, предложилъ поддержать его атаку движеніемъ 4-го корпуса на Плевну по берегу Тученицкаго оврага.

«Совершенно раздѣляя съ нимъ мнѣніе, что только усиленнымъ ударомъ на одинъ избранный пунктъ...» и т. д. — «я отвѣтилъ генералу Скобелеву, что одновременно съ его атакой на редутъ двинусъ на Плевну, по пути, который онъ указалъ...»

«Въ ночь на 30-е августа получила диспозиція общей атаки, въ которой отъ 4-го корпуса назначались 2 бригады для штурма редутовъ центра.

«Эта диспозиція отнимала возможность совокупнаго дѣйствія 4-го

¹⁾ Коломенскій?

²⁾ „Ловча и Плевна“. Генералъ-маіора Куропаткина. Часть II, стр. 663.

корпуса и для приведенія въ исполненіе плана Скобелева оставалось только одно средство—принять въ свое начальство общій резервъ и, одновременно съ атакой въ центрѣ, двинуться хоть съ частью его въ Шлевну.

«Преждевременная атака въ центрѣ разрушила всѣ планы...

«Поэтому, когда въ 9 часовъ утра 31-го августа поручикъ Карамышевъ ¹⁾ сообщилъ мнѣ, что изъ взятыхъ двухъ редутовъ отрядомъ Скобелева не можетъ быть отступленія, если не будетъ прислано немедленно подкрѣпленія, я тотчасъ же отправилъ къ Скобелеву Шуйскій и Ярославскій полки, считая долгомъ чести прежде всего подать помощь тамъ, гдѣ она необходима.

«Въ то время когда Шуйскій полкъ у мельницы переходилъ Тученицкій оврагъ, ординарецъ генерала Зотова, поручикъ Аничковъ, привезъ мнѣ приказаніе «немедленно вернуть посланныхъ на выручку войска въ виду опаснаго положенія артиллеріи 4-го корпуса».

«Я отказался исполнить подобное приказаніе: Шуйскій полкъ скрылся изъ виду, но когда стали подходить ярославцы, подѣхалъ съ своимъ штабомъ генераль Зотовъ и отдалъ личное приказаніе отправить ихъ къ общему резерву».

«Чтобы исполнить уговоръ мой со Скобелевымъ и ввести въ дѣло резервъ атакой на Шлевну, казавшеюся мнѣ въ ту минуту безусловно необходимою, я лично потребовалъ въ свое распоряженіе тѣ полки 4-го корпуса, которые были въ составѣ резерва: генераль-маіоръ Богацѣвичъ сообщилъ мнѣ, что имѣетъ приказаніе исполнять только личные приказанія начальника штаба отряда» ²⁾.

«На мою неотступную просьбу и настояніе, генераль Зотовъ отвѣтилъ отказомъ, присовокупивъ, что имъ подана записка, съ изложениемъ его мнѣнія, что слѣдуетъ отвести войска за р. Осму и ожидать подкрѣпленій на позиціи у Булгарени».

Все это происходило 31-го августа задолго до 4^{1/2} часовъ, когда Скобелевъ былъ выбитъ изъ редутовъ ³⁾.

Оставляя въ сторонѣ совершенно непостижимое по своему неумѣстному излишеству опасеніе за батареи 4-го корпуса ⁴⁾ и рядомъ съ этимъ еще болѣе непостижимое равнодушіе къ Скобелеву и его отряду, именно въ эти часы умиравшимъ на Зеленогорскихъ реду-

¹⁾ Офицеръ 3-й стрѣлковой бригады, состоявшій ординарцемъ при Скобелевѣ. П. П.

²⁾ Т. е. генерала Зотова.

³⁾ Шуйскій полкъ пришелъ на второй гребень въ третьемъ часу дня.

⁴⁾ Опасеніе за батареи было чрезвычайное; для прикрытія батарей отъ Гривницы до Радешева и осадной батареи назначено было 5 полковъ, т. е. болѣе дивизіи. П. П.

тахъ,—интересна эта записка Зотова: отступить за р. Осьму. Очевидно, что она была уже подана имъ; очевидно также, что она была подана имъ послѣ неудачныхъ результатовъ дѣйствій праваго фланга и центра 30-го августа, т. е. наканунѣ. Ясно, что начали уже господствовать оборонительныя тенденціи, такъ какъ на позицію за рѣку, подъ ея прикрытіе, становятся только для обороны. Очевидно, что насъ снова угнетало то чувство, о которомъ я упомянулъ уже однажды сказавъ: «врагъ выросъ, а мы умалились» ¹⁾. И не въ томъ горе, что турки выросли и осмѣлились, а въ томъ, что мы-то почувствовали, что мы умалились, что явилось опасное сознание: ничего не подѣлаешь. Отъ хвастливаго и пренебрежительнаго: «впередъ и впередъ» ²⁾, мы, пройдя различныя стадіи барометрическаго паденія и повышенія, переходимъ очевидно къ движенію назадъ, боязливому и въ данномъ случаѣ унизительному отступленію за естественную преграду—р. Осьму. Сознание, что «ничего не подѣлаешь», проявившееся на верху, естественно передавалось внизъ, да еще увеличенное въ большей степени, а отъ этого до сложенія рукъ, до катастрофы—рукой подать.

Тяжко, когда плоть немощна при бодромъ духѣ, но совѣмъ конецъ, когда духъ упалъ!

Слава Богу, этого не случилось; за р. Осьму мы не отступили, а остались на своихъ позиціяхъ, лицомъ къ лицу съ врагомъ и этимъ самымъ вселили въ немъ убѣжденіе, да и сами-то прониклись убѣжденіемъ, что мы приостановились только на время, что мы сторожимъ Плевну и что не въ далекомъ будущемъ—ее все таки возьмемъ. Удержаніе старыхъ позицій было весьма важно въ нравственномъ отношеніи; мы вновь начали жить надеждой, что конецъ будетъ и что онъ будетъ нашей побѣдой.—Принявъ за основаніе дѣйствій обложеніе Плевны, т. е. въ принципѣ систему выжиданія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не только не исключили идею наступленія, но мѣстами энергично повели его впередъ (Горній Дубнякъ, Телишъ), чтѣ и дало сейчасъ же блистательные результаты: безкровное занятіе Дольняго Дубняка, сомкнутіе непроницаемаго вокругъ Плевны кольца и наконецъ ея паденіе.

Слѣдующая за симъ таблица, надѣюсь, наглядно покажетъ дѣйствія 30-го и 31-го августа праваго фланга, центра и лѣваго фланга, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснитъ, можно-ли было, при другомъ распредѣленіи войскъ, поддержать или выручить Скобелева 31-го августа на Зеленыхъ горахъ.

¹⁾ Изъ прошлаго, часть I. На войнѣ, стр. 345.

²⁾ Тамъ же, стр. 284.

Выписка изъ диспозиціи для штурма Плевны 30-го августа.

«Завтра, 30-го августа, назначается общая атака укрѣпленнаго Плевневскаго лагеря, для чего: 1) съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 8-ми часовъ утра. Въ 9 часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю. Въ 11 часовъ дня вновь открыть усиленный артиллерійскій огонь и продолжать его до часа по полудни. Съ часа до 2¹/₂ часовъ опять прекратить огонь на всѣхъ батареяхъ, а въ 2¹/₂ часа вновь начать усиленную канонаду и т. д.

2) Въ 3 часа по полудни начать движеніе для атаки».

Пряступая къ печатанію, я хотѣлъ провѣрить нѣкоторыя цифры въ моихъ запискахъ и въ случайно попавшемся мнѣ «журналѣ военныхъ дѣйствій IX армейскаго корпуса» ¹⁾ прочиталъ диспозицію на 30-е августа въ изложеніи, различествующимъ отъ того, которое приведено мною, а именно, у меня сказано: ²⁾ «I. Съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 8-ми часовъ утра. Въ 9-ть часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю», а въ упомянутомъ «журналѣ» IX-го корпуса сказано: продолжать его до 9-ти часовъ утра. Въ 9-ть часовъ одновременно и вдругъ и т. д.». Часы эти поставлены у меня и въ «журналѣ» цифрами. Это разногласіе побудило меня тщательно провѣрить мои цифры и вотъ, что я нашелъ. Въ статьяхъ генерала Куропагина, помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» ³⁾, часы показаны какъ у меня; въ отдѣльномъ изданіи этихъ статей ⁴⁾, изданіи несомнѣнно пересмотрѣнномъ и исправленномъ, тоже согласно со мной, часы обозначены 8 и 9, цифрами. — Въ «журналѣ военныхъ дѣйствій IV армейскаго корпуса» — тоже ⁵⁾. Для окончательнаго рѣшенія вопроса я обратился, такъ сказать, къ первоисточнику, а именно досталъ «Военный Сборникъ» 1877 года № 12, гдѣ въ отдѣлѣ: «русское военное обозрѣніе» помѣщены подъ рядъ различные современные официальные документы, рапорты, реляціи, диспозиціи и т. п. съ обѣихъ театровъ войны и тамъ на стр. 378 нашелъ эту диспозицію, написанную совершенно такъ, какъ у меня, при чемъ часы напечатаны не цифрами, а прописью, исключаяющей всякое сомнѣніе въ вѣрности редакціи.

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ. Выпускъ 3, стр. 117.

²⁾ „Русская Старина“ 1902 г. № 11.

³⁾ „Воен. Сб.“ 1881, 1882 и 1883 г. Ловча, Плевна и Шейново.

⁴⁾ Ловча и Плевна. Часть II, стр. 375.

⁵⁾ Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ. Выпускъ 13, стр. 125.

30-е августа.

Часы.	Лѣвый флангъ.	Центръ.	Правый флангъ.
	22 батальона ¹⁾ .	30 батальоновъ ²⁾ .	48 батальоновъ ³⁾ .
	80 орудій.	152 орудій.	118 орудій.
	8 эск. 18 сотень.	4 полка кавалеріи	
	18 конныхъ орудій.	русской и румынской ⁴⁾ .	
	Всего приблиз. 14.000	24.500	29.400
	Потеря приблиз. 6.380	4300	4.000
	—————	—————	—————
	45 ⁰ / ₀	18 ⁰ / ₀	12 ⁰ / ₀

Разсвѣтъ. Открытіе артиллерійскаго огня.

10 ч. у. Начало наступленія
для занятія 3-го гребня.

Часы.	Лѣвый флангъ.	Центръ.	Правый флангъ.
11 ч. у.	Переходъ турокъ въ наступленіе на 3-й гребень. Начало рас- ходования резерва 1-й линіи.		
12.	Продолженіе боя.	Преждевременная ата- ка Углицкаго и Во- ронезскаго полковъ противъ редута Омарь- бей-табин.	
2 ч.	Суздальцы, владимір- цы, 9 и 10 стр. бат. сбрасываютъ турокъ съ 3-го гребня въ ре- дуты. Ревельцы дви- нуты на 3-й гребень; Либавцы, 11 и 12 стр. бат. на второй гре- бень. Осталось въ ре- зервѣ соединенныхъ отрядовъ кн. Имере- тинскаго и Скобелева: 2 бат. эстляндцевъ, 2 бат. калужцевъ.	Отступленіе этихъ пол- ковъ.	

¹⁾ Изъ нихъ Калужскій полкъ, 3 батальона—весьма слабые. Вся 2-я ди-
визія насчитывала 8.000 чел.

²⁾ Изъ этого числа 9 батальоновъ и 30 орудій считались въ главномъ
резервѣ.

³⁾ Русскихъ 6, румынскихъ 42.

⁴⁾ Остальная кавалерія была за р. Видъ.

1 бат. эстляндцевъ прикрывалъ лѣвый флангъ Скобелева отъ Кришина, а 1 бат. калуждцевъ въ д. Брестовацъ, тоже противъ Кришина; слѣдовательно, свободнаго резерва — 4 батальона.

3 ч. Штурмъ редутовъ вламирцами, суздальцами, 9 и 10 стр. бат. Введенъ въ бой Ревельскій полкъ, а изъ резерва переведены на 3-й гребень, въ распоряженіе Скобелева 12 ротъ либавцевъ и 5 ротъ 11 и 12 стр. бат. (всего 5 бат.). Введены въ бой и эти 5 батальоновъ. Переходъ турокъ въ наступленіе противъ праваго фланга Скобелева.

Атака Казанскаго и Шуйскаго полковъ на позиціи у редута Омаръ-бей-таби и на Омаръ-самый редутъ. Воронежскій и Галицкій полки двинуты на подкрѣпленіе.

Атака 4-й румынской дивизіи полковника Александра Ангелеско Гривицкаго № 1-го редута; 3-й румынск. див.; полковн. Георгія Ангелеско--Гривицкаго редута № 2. Атаки эти отбиты.

Часы. Лѣвый флангъ.

Центръ.

Правый флангъ

4¹/₂. Взятіе редута № 1-го.

5 ч. Переходъ турокъ въ наступленіе съ фронта и съ лѣваго нашего фланга. Смерть генерала Добровольскаго. Наступленіе турокъ изъ редута № 2-го на редутъ № 1-го. Вылазка изъ редута № 1-го капитана Куропаткина. Очищеніе турками соединительной между редутами траншеи, затѣмъ переходъ ихъ изъ редута № 2-го въ наступленіе и отбитіе нашей вылазки.

5¹/₂. Отправленіе кн. Имеретинскимъ семи сбор-

Атака Архангелогородскаго и Воло-

ныхъ ротъ подполк. Мосцегова и 2¹/₂ ротъ владимірцевъ Горталова на подкрѣпленіе Скобелева.

годскаго полковъ вмѣстѣ съ частями 4-й румынской дивизіи редута № 1-го (Гривицкаго) и взятіе его.

6 ч. Взятіе редута № 2. Сумерки. Посылка кн. Имеретинскимъ къ Скобелеву двухъ батальоновъ Эстляндскаго полка, занявшихъ соединительную траншею, между редутами №№ 1-го и 2-го.

Отступление этихъ полковъ. _____

Совершенное прекращеніе боя.

Совершенное прекращеніе боя.

Часы. Лѣвый флангъ. Центръ. Правый флангъ.

Осталось не введенными въ бой:

2 слабыхъ батальона Калужскаго полка ¹⁾).

17 батальоновъ. (Полки: Пензенскій, Тамбовскій, Коломенскій, Серпуховской, Козловскій и 2 батальона Ингерманландскаго).

24 батальона. (2-я румынская дивизія—17 батальоновъ и 2-я бригада 3-й румынской дивизіи полк. Грамона—7 бат.

Всего свободныхъ для дѣйствія на 31-е августа 41 батальонъ.

Ночь. Ружейный огонь турокъ по всей позиціи на Зеленыхъ горахъ отъ редутовъ до перваго гребня.

Попытка турокъ прорвать нашъ лѣвый флангъ. (Большинство нашихъ не спало вторую ночь, нѣкоторые третью, а въ Эстляндскихъ ротахъ четвертую ночь).

11 ч. вечера. Наиболѣе сильная за всю ночь попытка турокъ атаковать. Посылка княземъ Име-

Первая попытка турокъ возвратитъ взятый нами редутъ Гривицкій № 1-го.

¹⁾ Одинъ батальонъ Эстляндскаго полка, прикрывавшій весь нашъ лѣвый флангъ со стороны Кришина, былъ посланъ около 10 ч. веч. къ Скобелеву, а 1 батальонъ Калужскаго полка, занимавшій д. Врестовацъ, для прикрытія тыла, тоже отъ Кришина, не могъ быть выведенъ оттуда.

ретинскимъ къ Скобелеву двухъ сотенъ Владикавказскаго казачьяго и двухъ взводовъ Донскаго казачьяго полка.

Попытки повторились ночью еще два раза, но были отбиты защитниками редута, русскими и румынами.

31-го августа.

- 6 ч. у. Усиленное обстрѣливаніе турками нашихъ позицій.
- 7-й часъ. Первая атака турокъ на нашъ лѣвый флангъ, на редуть № 1-го.
8. Вторая, болѣе сильная, въ томъ же направленіи. Одновременная попытка противъ редута № 2-го.
- 10¹/₂. Одновременная атака турокъ съ фронта и лѣваго нашего фланга. Атака отбита личнымъ вмѣшательствомъ Скобелева въ дѣло.

Часы.	Лѣвый флангъ.	Центръ.	Правый флангъ.
11—12.	Переходъ турокъ въ наступленіе съ праваго берега Тученицкаго оврага, со стороны редута Омаръ-бей-табиа, въ тылъ редутовъ и 3-го гребня. Атака отбита.		
2-й часъ.	Взрывъ ящика въ редуть № 1. Смерть ген. Тебякина. Атака турокъ на редуть № 1-й. Турки отбиты. Посылка княземъ Имеретинскимъ къ Скобелеву послѣднихъ 2-хъ батальоновъ Калужскаго полка и сборнаго батальона стрѣлковъ. Въ резервъ не осталось за нимъ ничего ¹⁾ .		

¹⁾ Кромѣ батальона калужцевъ (350—270 ч.) въ д. Брестовацъ.

2 ч. Атака турокъ съ фронта и съ обоихъ фланговъ.

Отступление турокъ.
Приготовленія Скобелева къ встрѣчѣ новой ожидаемой атаки турокъ.

Обходъ имъ редутовъ.
Прибывшіе шуйцы поставлены на 3-й гребень.

4¹/₂. Послѣдняя атака турокъ.

Смерть маіора Горгалова.

Оставленіе нами редута № 1-го. Атака турками редута № 2-го съ трехъ сторонъ. Отступление подп. Мосцевого изъ этого редута послѣ повтореннаго приказанія о семъ Скобелева.

Движеніе шуйцевъ впередъ съ 3-го гребня на выручку; начавшееся было отступление шуйцевъ. Турки продвигаются къ 2-му гребню.

Новый и послѣдній переходъ Скобелева въ наступленіе всѣмъ, что было подъ рукой. Турки отбиты.

Отступление Скобелева.

Осталось въ резервѣ свѣжихъ войскъ, не бывшихъ въ дѣлѣ:

0.	17 бат.	24 бат.
----	---------	---------

41 бат.

Все разсказанное выше, вмѣстѣ съ таблицей, приводитъ къ весьма печальнымъ размышленіямъ. — 41 свѣжихъ, не бывшихъ въ дѣлѣ батальоновъ бездѣйствуетъ все 31-е августа, когда рядомъ за оврагомъ, куда, рукой подать, — ручьи крови льются, изъ труповъ бруствера дѣлаютъ, чтобы закрыться отъ губительнаго огня, гдѣ тру-

повь навалено столько, что по весьма картинному описанію участника-очевидца ¹⁾: «одинъ мертвый солдатъ до пояса торчалъ къ сторонѣ турокъ, стоямя изъ груды убитыхъ товарищей. Красивое молодое лицо его безъ шапки, съ открытыми глазами, казалось издали живымъ. Хотѣлось сказать ему, чтобы онъ перешелъ на другое мѣсто. Только вблизи оказывалось, что уже никакія приказанія не дѣйствительны для этого солдата. Восковое лицо его было странно спокойно и этимъ спокойствіемъ производило подавляющее впечатлѣніе». А это было еще 30-го августа въ 6-мъ часу вечера, т. е. за сутки до конца. Или слѣдующее: «На редутъ № 2-го часть бруствера, обращенная къ Плевнѣ, была сложена изъ труповъ» ²⁾...

Но оставимъ эти скорбныя чувства; каждая война состоитъ изъ ряда боевъ, и въ каждомъ бою являются трупы, восковыя лица и т. п. Посмотримъ съ другой стороны.

На правомъ флангѣ бой кончился въ 6—7 часовъ вечера 30-го августа, а въ центрѣ—въ сумерки, слѣдовательно, тоже, приблизительно, въ это время. Введено было въ бой на правомъ флангѣ и въ центрѣ 42 батальона, понесшихъ болѣе или менѣе значительныя потери, но еще существовавшихъ и не уничтоженныхъ; не введено въ бой—41 батальонъ. Какая же причина побудила считать бой конченнымъ?

Какъ бы то ни было, такъ какъ съ восточной стороны Плевны 31-го августа мы не наступали, то ясно, что рѣшеніе не продолжать бой послѣдовало въ ночь съ 30-го на 31-е; какъ же не сообщить объ этомъ на лѣвый флангъ своихъ же войскъ? Казалось бы дѣломъ первостепенной важности тотчасъ же сообщить: «бой рѣшено окончательно прекратить»... Это бы несомнѣнно повліяло на образъ дѣйствій Скобелева. Хотя въ западномъ отрядѣ и не было точныхъ свѣдѣній о мѣстности на Зеленыхъ горахъ, но все же положеніе южныхъ редутовъ Плевны, т. е. нахожденіе ихъ на южной оконечности города, было извѣстно и было также извѣстно о взятіи ихъ Скобелевымъ, а потому легко было сообразить, что оставаться на занятыхъ позиціяхъ, т. е. держаться въ редутахъ, соприкасающихся съ строеніями Плевны—нельзя. Очевидно, что, рѣшившись прекратить атаку Плевны (и даже предполагая отступить за р. Осьму), слѣдовало предписать Скобелеву отступить изъ редутовъ. Количество свободныхъ войскъ было велико, а потому, смѣю думать, надлежало написать: «штурмъ Плевны рѣшено окончательно прекратить. Посылаются вамъ №№ полки, прикрываясь которыми, предписываю вамъ безотлагательно отступить на позицію,

¹⁾ Генераль Куропаткинъ. Ловча и Плевна. Часть II, стр. 467.

²⁾ Рапортъ генерала Скобелева отъ 3-го сентября генералу Зотову о боѣ 30-го и 31-го августа.

избравъ таковую на Плевно-Ловченскомъ шоссе по вашему усмотрѣнію, но съ непремѣннымъ условіемъ совершеннаго прекращенія наступательныхъ дѣйствій», а не писать поздно вечеромъ 30-го августа условно: «предписываю вамъ и генералу Скобелеву укрѣпиться и держаться на нынѣ занятыхъ позиціяхъ, впредь до особаго приказанія» ¹⁾, или въ 8½ часовъ утра 31-го августа: «если вы не можете удержаться на занятыхъ вами позиціяхъ, то начните, но по возможности отнюдь не ранѣе вечера, медленное отступленіе» и далѣе въ той же запискѣ: «Гривицкій редутъ у насъ въ рукахъ, но продолжать наступленіе не съ чѣмъ, а потому рѣшено медленное отступленіе» ²⁾, и наконецъ послѣдняя записка, полученная княземъ въ 2 часа дня, съ приказаніемъ передать Скобелеву: «держаться до невозможности; рассчитывать на подкрѣпленія сегодня нельзя» ³⁾.

Въ приказаніи Скобелеву надлежало: 1) ясно и опредѣлительно указать, что атака безусловно прекращена, 2) категорически приказать отступить и 3) обязательно подкрѣпить для прикрытія отступленія; и при томъ все это слѣдовало сдѣлать своевременно.—Нужно было имѣть достаточно гражданскаго мужества и, рѣшивши, что все уже сдѣлано, что больше «ничего не подѣлаешь»—выразить это опредѣленно, не ждать, чтобы турки насъ выбили, а уйти самимъ, т. е. сдѣлать добровольно то, что было сдѣлано съ напрасной потерей около 2.000 человекъ ⁴⁾. Казалось, легко было понять, что турки не могутъ оставить Скобелева чуть не вплотную къ самой Плевнѣ; ясно было, что турки будутъ выбивать Скобелева изъ редутовъ и что, освободившись отъ насъ съ восточной стороны, они, усилившись на югѣ Плевны, кончатъ тѣмъ, что одолѣютъ. Турки все равно торжествовали побѣду, торжествовали, что выбили насъ, такъ не лучше ли было, сознавъ необходимость... отступить самимъ.

Барклай-де-Толли и Кутузовъ не хуже насъ были, но, сознавъ необходимость,—отступили, да еще какъ: отъ Смоленска и даже отъ Москвы.

Отчего въ оба дня—30-го и 31-го августа на лѣвый флангъ не пріѣхалъ никто изъ авторитетныхъ лицъ штаба западнаго отряда?.. То были такія минуты, дѣло такой первостепенной важности, что если не самому генералу Зотову, то довѣренному отъ него и при томъ свѣдущему лицу приличествовало: «во очію убѣдиться»... «посмотрѣть на мѣстѣ по-

¹⁾ Записка эта была адресована князю Имеретинскому.

²⁾ Адресована Скобелеву и привезена ему 31-го августа въ 10½ часовъ утра полковникомъ Орловымъ.

³⁾ Адресована князю Имеретинскому.

⁴⁾ Къ вечеру 30-го августа потеря лѣваго фланга была около 4.000 чел., а 31-го къ концу боя 6.390.

ложеііе дѣль».—Скобелева нельзя винить за то, что онъ самовольно не отступилъ; не такой это былъ человекъ, да и указанія получались иныя; наконецъ, если бы Скобелевъ зналъ навѣрное, что штурмъ безповоротнo конченъ, то вѣроятно и онъ поступилъ бы иначе. Какъ ни обидно и какъ ни горько было бы покинуть облитые нашей кровью редуты, но все же, получи Скобелевъ опредѣленные свѣдѣнія и категорическое приказаніе—онъ отступилъ бы; присылка подкрѣпленій, конечно не въ видѣ пострадавшаго наканунѣ Шуйскаго полка, а примѣрно свѣжихъ 2 полка дала бы ему на то возможность, а что Михаилъ Дмитріевичъ сумѣлъ бы это сдѣлать—сомнѣнія быть не можетъ.

Поражаетъ это неимвѣрное опасеніе за артиллерію; опасеніе это видно уже изъ диспозиціи, по которой 5 полковъ, т. е. 15 батальоновъ припшты къ батареямъ, а затѣмъ опасеніе это становится еще болѣе очевиднымъ изъ приказаній, данныхъ генералу Крылову 31-го августа ¹⁾. Ясно, что боялись перехода турокъ въ наступленіе, а между тѣмъ надо было считать себя счастливымъ, если бы турки перешли въ наступленіе; до такой степени было это намъ на руку, что надо было стараться выманить ихъ въ поле, а не бояться этого.—Выходъ турокъ изъ Плевны на востокъ долженъ былъ бы составлять завѣтную мечту начальника западнаго отряда.—Стоитъ только подумать: оставляя свои укрѣпленія, за которыми турки считали себя, да и признаны были нами—неуязвимыми, они лишались одного изъ главныхъ факторовъ своей силы—окоповъ; покидая ихъ, они оставили бы тамъ огромные запасы жестянокъ съ неизсякаемымъ количествомъ патроновъ, дѣлавшихъ ихъ огонь столь губительнымъ. Лишившись этихъ двухъ факторовъ, 35 т. турокъ ²⁾ выступило бы при равныхъ мѣстныхъ и огневыхъ (ружейныхъ) средствахъ, въ бой съ 75 т. русскихъ, имѣвшихъ болѣе 350 орудій противъ 60—70 турецкихъ.

Далѣе: выходя изъ Плевны въ поле на свой восточный фронтъ, не могли же турки обнажить свой южный фронтъ, на которомъ, такъ сказать, сидѣлъ Скобелевъ. Михаилъ Дмитріевичъ конечно сумѣлъ бы воспользоваться оплошностью турокъ и если бы они оставили противъ него мало войскъ, онъ ворвался бы въ Плевну, въ тылъ наступавшамъ, а чтобы приковать Скобелева къ его позиціи, туркамъ надо было бы пожертвовать значительными силами; съ чѣмъ же выступили бы они тогда на востокъ? Во всѣхъ случаяхъ, выходъ турокъ изъ окоповъ, для дѣйствія противъ насъ въ полѣ, былъ бы для нихъ роковой ошибкой. Тутъ былъ бы и конецъ, такъ что надо было желать того, чего опасались.

¹⁾ Письмо генерала Крылова генералу Куропаткину.

²⁾ Считая все, что было въ Плевнѣ и даже вооруженныхъ жителей мусульманъ.

Выходъ турокъ въ поле былъ бы для насъ той счастливой минутой ошибки противника, про которую знаменитый Морицъ Саксонскій сказалъ: «*et quand il trouve sa belle*», т. е. когда полководецъ усмотритъ счастливую минуту¹⁾ «свою красоту»—онъ, со всѣмъ, что у него есть, обрушивается на оплошавшаго противника!

Турки не сдѣлали этой колоссальной оплошности, этого неимовѣрнаго шага въ нашу пользу, а мы боялись ихъ наступленія и держали безъ дѣла массу войскъ...

Еще Суворовъ сказалъ, что «каждый воинъ долженъ знать свой маневръ», почему передъ боемъ, при малѣйшей къ тому возможности, дополняютъ словесными указаніями краткія, писанныя диспозиціи. Думается мнѣ, что это же было крайне необходимо при дѣйствіи отряда въ 75 т. человекъ по линіи въ 16 верстъ, отряда, раздѣленнаго на три самостоятельныхъ группы и при такой сложной операціи, какъ: «общая атака укрѣпленнаго Плевненскаго лагеря»²⁾. Почему, думаю я, начальнику западнаго отряда не созвать къ себѣ, до 30-го августа, главныхъ начальниковъ для сообщенія имъ словесныхъ указаній? ³⁾ Не говоря уже о томъ, что эти словесныя указанія освѣтили бы многое, одухотворили бы мертвую диспозицію,—на этомъ собраніи можетъ быть многое выяснилось бы, были бы выслушаны заявленія и все, взятое вмѣстѣ, принесло бы несомнѣнную пользу. Приходится очень пожалѣть, что этого не сдѣлалъ генералъ Зотовъ, «который, облеченный полной мочью и довѣріемъ, уже въ теченіе цѣлаго мѣсяца готовился къ рѣшительному бою съ турками⁴⁾».

Кончились ужасные дни, кончаю и я мою повѣсть о нихъ.

Наступило затишье. Новые лавровые вѣнки, украсившіе наши доблестныя войска, были далеко еще впереди.

Оглядываясь на прошлое и на все изложенное выше, во мнѣ закрадывается сомнѣніе: не слишкомъ ли энергично перенесъ я на эти страницы тѣ волненія, скажу болѣе: тѣ возмущенія, которыми я и другіе были обуреваемы, видя подготовленія къ третьему штурму Плевны, читая диспозицію и видя ея исполненіе? Ищу себѣ оправданія и думаю, что нахожу его въ цифрахъ потерь нашихъ 30-го и 31-го августа: изъ 70.000 приблизительно участниковъ боя убито и ранено около

¹⁾ Ошибку противника.

²⁾ Начало диспозиціи на 30-е августа.

³⁾ Можетъ быть генералы баронъ Криденеръ и Крыловъ совѣщались съ генераломъ Зотовымъ—мнѣ это неизвѣстно; но что ни князь Имеретинскій, ни Скобелевъ не были вызываемы—это я знаю вѣрно. П. П.

⁴⁾ Ловча и Плевна. Часть II, стр. 399.—Подчеркнуто нами. П. П.

14.500 человекъ, т. е. 20⁰/₀; на Зеленыхъ же горахъ изъ 14.000 убито и ранено 6.380 человекъ, т. е. болѣе 45⁰/₀.

О боевомъ результатѣ не говорю.

Это былъ еще урокъ, но, слава Богу, послѣдній.

Нельзя не пожалѣть, что главное руководство операціями западнаго отряда арміи 30-го и 31-го августа не было вложено въ руки самого главнокомандующаго. Великій князь былъ любимецъ всей арміи; онъ былъ добръ, былъ доступенъ: къ нему бы охотно поѣхали, и онъ бы выслушалъ. Великій князь одаренъ былъ замѣчательнымъ военнымъ чутьемъ, у него былъ глазъ: почему знать, можетъ быть, у него для лѣваго фланга и поддержки нашлись бы...

А теперь, въ заключеніе, воздадимъ должное памяти отшедшихъ: князь Имеретинскій, 29-го августа, зная уже о неизбежности штурма и не имѣя основанія сомнѣваться въ томъ, что главное руководство дѣйствіями на Плевно-Ловченскомъ шоссе будетъ въ его рукахъ, знакомый со всею обстановкой южной стороны Плевны, князь Имеретинскій признавалъ безусловно необходимость вести атаку одновременно на Кришинскій редутъ и на Плевненскіе, признавалъ это настолько, что вечеромъ, долго не получая диспозиціи, принялъ мѣры и сдѣлалъ отъ себя распоряженія, соответствовавшія этой основной идеѣ, хотя и зналъ, что для вѣрнаго успѣха у него недостаточно войскъ; но все же и при этомъ условіи, не отрѣшился отъ своего взгляда, сложившагося у него до 30-го августа.

Генералъ Скобелевъ въ рапортѣ своемъ отъ 1-го сентября генералу Зотову написалъ: «Необходимость одновременно атаковать Кришинскій редутъ и Плевненскій редутъ выяснена опытомъ».

VIII.

Позднѣйшія примѣчанія. — Изъ біографіи короля Карла Румынскаго. — Реляція генерала Зотова о 30-мъ и 31-мъ августа. — Турецкій источникъ объ оборонѣ Плевны. — Нѣкоторыя свѣдѣнія о силахъ турокъ въ Плевнѣ и о нашихъ потеряхъ.

Такъ какъ отрывки изъ моихъ воспоминаній объ «ужасныхъ дняхъ» появляются въ печати черезъ 25 лѣтъ послѣ событія, въ нихъ описаннаго, то, я думаю, не будетъ лишнимъ дополнить ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя я узналъ впоследствии.

Мнѣ пришлось слышать мнѣніе одного лица, еще въ рукописи читавшаго мои записки, о направленіи, избранномъ Скобелевымъ для

атаки 30-го августа на Зеленыхъ горахъ; впечатлѣніе, вынесенное изъ чтенія написаннаго мною, сводилось къ тому, что какъ будто я признаю болѣе правильнымъ вести атаку на Кришинскую группу, а не на Скобелевскіе редуты, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы не влѣзали въ тотъ мѣшокъ, о которомъ я говорилъ.

Можетъ случиться, что и у читателей, помимо моей воли, сложится такое же впечатлѣніе; поэтому вернусь къ вопросу о направленіи атаки.

И прежде, 29-го августа, и позже, приводя въ порядокъ мои записки, ознакомившись съ многими источниками, нашими и иностранными, я держался одного мнѣнія: признавалъ одновременную атаку Кришинскаго редута (въ томъ видѣ, какимъ мы его тогда знали) и Скобелевскихъ редутовъ—безусловно единственнымъ, вполне соответствующимъ рѣшеніемъ задачи: атаки южнаго фронта Плевны; единственнымъ способомъ достигнуть прочнаго успѣха на основаніи свойствъ мѣстности, ея искусственныхъ усилій и положенія нашего лѣваго фланга по отношенію ближайшихъ къ этому флангу другихъ нашихъ войскъ—нашего центра. Но эта одновременная атака по двумъ расходящимся направленіямъ, на два взаимно дѣйствующіе и взаимно обороняющіеся района, обѣщала прочный успѣхъ только при соответствующемъ для сего количествѣ войскъ, которое можетъ быть приблизительно выведено изъ слѣдующихъ разсужденій. Въ теченіе дня 30-го августа Скобелеву пришлось вести фронтальныя атаки, имѣя дѣло съ непріателемъ, непосредственно оборонявшимъ два редута и ихъ резервами. Группа Кришинскихъ редутовъ, т. е. Юнусъ-бей-табія, Миласъ-табія, Тель-ата-табія (укрѣпленіе Талаатъ-бея) и въ особенности сильный, сомкнутый редутъ Баглыкъ-Сырты (Багларъ-баши, Садовое), дѣйствуя огнемъ, уменьшали у Скобелева число борющихся единицъ и угнетали нравственно. До 6-ти часовъ вечера 30-го августа, одинъ только разъ, около 5-ти часовъ, турки вышли изъ редута Багларъ-баши и двинулись въ атаку на нашъ лѣвый флангъ, противъ занятаго уже нами редута № 1. Атака эта отбита огнемъ, при чемъ смертельно раненъ генераль Добровольскій. Не смотря на то, что, какъ сказано выше, Скобелевъ имѣлъ непосредственное дѣло только съ двумя редутами, онъ былъ вынужденъ ввести въ бой до 6-ти часовъ вечера,—время когда былъ взятъ редутъ № 2,—16 батальоновъ изъ 22-хъ, при чемъ, для того чтобы разобраться и хотя бы какъ-нибудь въ нихъ укрѣпиться, князю Имеретинскому пришлось, скоро по взятіи редутовъ, въ сумерки, двинуть туда сперва два батальона эстляндцевъ, а затѣмъ въ 10—11-ть часовъ вечера еще одинъ, послѣдній батальонъ того же полка.

Такимъ образомъ, для овладѣнія двумя редутами потребовалось, при

напряженія всѣхъ силъ и съ такимъ предводителемъ, какъ Скобелевъ— 16 батальоновъ. Сколько же требовалось бы для взятія Кришинской группы при совмѣстной атакѣ и ихъ? Атакую ихъ одновременно, мы конечно избѣгали флангового и тыльнаго обстрѣла Зеленогорскихъ позицій ¹⁾, но за то имѣли бы дѣло не съ двумя редутами, расположенными на одной высотѣ и открытыми съ одной стороны, а еще съ четырьмя, взаимно обороняющимися, другъ за другомъ расположенными укрѣпленіями, при чемъ Юнусъ-бей-табія, а въ особенности Багларъ-баши были очень сильной профили. Допустимъ, что для этой атаки достаточно было бы тоже 16 батальоновъ. Въ общій резервъ этихъ двухъ атакующихъ группъ надо было назначить не менѣе трети всѣхъ силъ, принявъ во вниманіе обособленность всей этой операціи, удаленіе отъ нашего центра и существованіе Тученицкаго оврага. Всего, слѣдовательно, требовалось не менѣе 48 батальоновъ.—Если же принять во вниманіе, что утромъ 30-го августа, на этомъ участкѣ было 19 турецкихъ батальоновъ Эмина-паши, а къ вечеру—22, то цифра 48 батальоновъ, является болѣе чѣмъ скромною. Ловченскій штурмъ, длившійся съ 6-ти часовъ утра до 5-ти вечера и весьма упорный, увѣнчавшійся блестящимъ успѣхомъ, направляемый княземъ Имеретинскимъ и въ большей его части веденный тѣмъ же Скобелевымъ,— что въ толкованіи означаетъ: высшее напряженіе войскъ и отвага ихъ предводителя—потребовалъ съ нашей стороны 25 свѣжихъ батальоновъ противъ 8 регулярныхъ, тоже свѣжихъ, турецкихъ батальоновъ (съ черкесами и башибузуками 8.000) и съ потерю нами убитыми и ранеными 46 офицеровъ и 1.637 нижнихъ чиновъ. Еще рельефнѣе относительно цифръ представляеть намъ взятіе Гривицкаго редута № 1, состоявшееся въ тотъ же день 30-го августа, на нашемъ правомъ флангѣ. Этотъ редуть (Канды-табія) былъ занятъ однимъ батальономъ и 2 орудіями; сосѣдній съ нимъ Гривицкій № 2 (Башъ-табія), на который атака не предполагалась, былъ занятъ 2 батальонами съ 4 орудіями. Въ траншеяхъ и батареяхъ, возведенныхъ длинной линіей въ 6 верстъ позади этихъ редутовъ, было 7 батальоновъ и 9 орудій. Для дѣйствій на нашемъ правомъ флангѣ было сосредоточено три румынскихъ дивизіи и одна наша бригада, всего 48 батальоновъ и 19 батарей въ 118 орудій; для атаки же редута № 1 изъ этого числа было назначено: двѣ румынскихъ дивизіи (3-я и 4-я) въ составѣ 25 батальоновъ и два нашихъ батальона; въ резервъ была 2-ая румынская дивизія въ 17 батальоновъ, а 4 нашихъ батальона обезпечивали лѣвый флангъ атакующихъ; въ атакѣ Гривицкаго редута № 1 приняли непосредственное участіе 13 румынскихъ

¹⁾ Кромѣ огня съ праваго (восточнаго) берега Тученицкаго оврага.

и 6-ть нашихъ, всего 19 батальоновъ ¹⁾). Допуская, что дѣлая половина турецкихъ резервовъ (3¹/₂ батальона) поддержала защитниковъ Гривицы № 1, мы получимъ, что 4¹/₂ батальона выдерживали натискъ 13 батальоновъ румынъ и уступили только тогда, когда въ дѣло были введены и 6-ть нашихъ.

Возвращаясь къ Зеленымъ горамъ, замѣтимъ, что западный отрядъ, силою въ 106 батальоновъ, смѣло могъ выдѣлить указываемые мною 48 батальоновъ для дѣйствія на нашемъ лѣвомъ флангѣ, этомъ стратегическо-тактическомъ ключѣ ²⁾). Не имѣя такихъ силъ, Скобелеву нельзя было думать о наилучшемъ рѣшеніи поставленной задачи, а надо было рѣшиться на возможно лучшее; оставалось выбрать одно изъ двухъ: атаковать Кришинскую группу, или атаковать Скобелевскіе редуты. Рѣшаясь 22-мя батальонами атаковать Кришинскую группу, надлежало прежде всего заслониться отъ турокъ, расположенныхъ по Плевно-Ловченскому шоссе, гдѣ на третьемъ гребнѣ у Эмина-паши было 11 батальоновъ, сверхъ 8, назначенныхъ для обороны различныхъ укрѣпленій южнаго фронта. Спрашивается, что могли бы мы удѣлить изъ нашихъ 22-хъ батальоновъ для заслона противъ этихъ 11-ти, совершенно свободныхъ (а съ батальонами изъ Скобелевскихъ редутовъ—13) батальоновъ и что осталось бы, за выдѣленіемъ этого заслона, для штурма, грозныхъ по своей силѣ и по мѣстности, Кришинскихъ редутовъ? Предпринимая атаку только Кришинской группы, мы удалялись бы отъ нашего центра, отрѣшались вполнѣ не только отъ совмѣстныхъ съ нимъ дѣйствій и его поддержки, но и совершенно теряли съ нимъ связь, такъ какъ сообщаться съ нимъ, имѣя Эмина-пашу на Зеленыхъ горахъ, мы могли бы только кружнымъ путемъ черезъ Тученицу; мы отходили бы отъ нашего естественнаго пути отступленія (Плевно-Ловченскаго шоссе) и временной базы (Боготъ и Боготскій логъ), подвергали бы свой флангъ и тылъ ударамъ Эмина-паши, рисковали быть совсѣмъ отрѣзанными. Наконецъ по общей программѣ предполагалось содѣйствіе различныхъ частей всего отряда другъ другу, посредственно или непосредственно; мы могли рассчитывать на содѣйствіе нашего центра и не далѣе, какъ 29-го августа утромъ, Скобелевъ лично уговаривался съ Крыловымъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ при наступленіи; нельзя же было впередъ загадывать, что ни помощи, ни содѣйствія мы ни откуда не получимъ; нельзя было Скобелеву самому добро-

¹⁾ 3-я румынская дивизія должна была атаковать редутъ съ сѣвера; она наткнулась на неизвѣстный прежде редутъ № 2, атаковала его и была отбита, но во всякомъ случаѣ отвлекла на время его огонь и участіе 2-хъ батальоновъ, его занимавшихъ, отъ содѣйствія редуту № 1.

²⁾ Добавивъ 26 батальоновъ къ тѣмъ 22, которые были у Скобелева.

волью отрѣзывать себя отъ остальныхъ нашихъ войскъ, на помощь которыхъ онъ рассчитывалъ, даже уговоръ держалъ...

Такимъ образомъ изъ двухъ тяжелыхъ предстоявшихъ положеній приходилось естественно выбрать то, при которомъ, не смотря на трудность исполненія, мы сохраняли надежду на поддержку центра и при успѣхѣ достигали наибольшихъ результатовъ; мы разрѣзали турецкія позиціи и войска, ихъ занимавшія, били въ самое больное мѣсто непріятели, отрѣзывали всю Кришинскую группу, достигали и дѣйствительно достигли невѣроятнаго успѣха. Скобелевъ избралъ этотъ путь, всесторонне его обдумалъ и блистательно привелъ его въ исполненіе. Результаты, отъ него зависѣвшіе, вполнѣ оправдали его рѣшеніе: вечеромъ, 30-го августа, по взятіи редутовъ, на основаніи свидѣтельства турецкихъ же авторовъ, ихъ армія чувствовала себя разрѣзанною и поставленною въ критическое положеніе; намъ было тяжело, но мы чувствовали побѣду и чрезвычайный подъемъ духа, а у турокъ была паника; слѣдовательно, для вѣнчанія успѣха, достигнутаго Скобелевымъ, не доставало одного: того, чего у него не было и чего не могъ дать ему князь Имеретинскій—недоставало поддержки.

Въ 1897 году появилась, напечатанная въ Штутгартѣ, книга неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: «Изъ жизни короля Карла Румынскаго. Замѣтки очевидца» ¹⁾. Въ этой книгѣ (выпускъ третій) сказано, что король Карль, тогда еще князь, былъ противъ штурма Плевны, находя силы, для того собранныя, недостаточными. На стр. 264 встречаемъ слѣдующее интересное мѣсто: «князь Карль питалъ ограниченную надежду на то, что сегодняшній день завершится побѣдой». «Штурмъ назначенъ только въ три часа по полудни,—назначеніе (въ 3 часа ппд.), происшедшее изъ того, что князь Карль имѣлъ въ виду скорѣе неблагопріятный, чѣмъ благопріятный исходъ и что при неудачѣ позднее время дня не дастъ противнику возможности развить его успѣхъ».

Также значительно позже прочиталъ я реляцію генерала Зотова о сраженіи 30—31-го августа ²⁾. Тамъ сказано, между прочимъ, слѣдующее: «28-го августа рѣшено было: подвѣдя батареи еще ближе къ непріятели, гдѣ мѣстность позволяла, продолжать артиллерійскій бой еще день, два, три. На рѣшеніи этомъ, можемъ только увеличивать шансы предполагаемой эскалады непріятельской лагера, тѣмъ болѣе можно

¹⁾ Aus dem Leben Karls von Rumänien. Aufzeichnungen eines Augenzeugen

²⁾ „Военный Сборникъ“ 1877 г. № 12-ый, стр. 367. Донесеніе, представленное начальнику штаба арміи при рапортѣ генералъ-лейтенанта Зотова отъ 9-го октября.

было остановиться, что потери наша, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ артиллеріи, за всѣ предшествовавшіе три дня собственно артиллерійскаго боя, были, можно сказать, ничтожны и не превосходили 300 человекъ.

«Но 29-го августа оказалось, что при той усиленной стрѣльбѣ, которую вела артиллерія, легко могъ оказаться недостатокъ въ снарядахъ, на правильную подвозку которыхъ тѣмъ менѣе можно было рассчитывать, что прекрасная погода, стоявшая до сихъ поръ, къ вечеру 29-го вдругъ рѣзко перемѣнилась: нависли тучи, пошелъ дождь, дороги портящіяся здѣсь съ удивительной быстротой, сдѣлались худо проходимыми для повозокъ. Къ тому же отъ усиленной и непрерывной трехсуточной стрѣльбы нѣкоторые лафеты осадной артиллеріи, а также многія изъ 9-ти фунтовыхъ орудій полевой артиллеріи начали приходить въ негодность. При подобныхъ обстоятельствахъ, могущихъ имѣть естественнымъ слѣдствіемъ постепенное ослабленіе артиллерійскаго огня, продолжать артиллерійскій бой дѣлалось уже неудобнымъ, ибо легко можно было утратить приобретенные уже этимъ боемъ результаты, не достигая большихъ. Далѣе медлить становилось прямо невыгоднымъ и приходилось либо отказаться отъ штурма, либо произвести его безотлагательно. Рѣшено было послѣднее, и 29-го августа вечеромъ была разслана диспозиція, опредѣлявшая порядокъ штурма 30-го августа.

«Штурмъ согласно диспозиціи по волѣ его высочества князя румынскаго, долженъ былъ начаться, одновременно, на всѣ три избранныхъ для атаки пункта, въ три часа по полудни. Атака послѣ полудня была предпочтена атакѣ на разсвѣтѣ: съ одной стороны, чтобы избавить войска отъ необходимости вести тяжелый бой въ теченіе всего долгаго дня (?)¹⁾, а съ другой, чтобы предоставить артиллеріи возможность, дѣйствуя съ разсвѣта до трехъ часовъ по полудни, разрушить тѣ починки и поправки, которыя непріятель, не смотря на стрѣльбу, все-таки производилъ въ своихъ укрѣпленіяхъ въ теченіе ночи».

Изъ сказаннаго видно, что одной изъ побудительныхъ причинъ произвести штурмъ Плевны 30-го августа было то, что артиллерія, какъ бы сдѣлавъ уже свое дѣло, при дальнѣйшей стрѣльбѣ могла разстроиться, не принеся новыхъ существенныхъ результатовъ. На дѣлѣ же оказалось, что стрѣльба днемъ, хотя и въ теченіе трехъ дней, но съ перерывами ночью, по землянымъ, хорошо расположеннымъ насыпямъ и по резервамъ, не принесла ожидаемой пользы; въ насыпяхъ ночью исправлялись поврежденія, нанесенныя нами днемъ, а войска были укрыты отъ выстрѣловъ. Артиллерія непріятельская отъ нашего бомбардированія пострадала также мало. Наиболѣе пострадалъ редутъ Гри-

¹⁾ Подчеркнуто нами. П. П.

вицкій № 1, прозванный турками Канлы, т. е. редуть крови, для насъ, какъ сказано выше, совсѣмъ ненужный.

Изъ вышеизложеннаго также видно, что назначеніе штурма въ 3 часа объяснялось княземъ Карломъ ожиданіемъ неудачи, а его начальникомъ штаба—нежеланіемъ утомлять войска продолжительнымъ боемъ. Первое—грустно, но понятно; второе же—совсѣмъ не понятно. Далѣе въ реляціи говорится: «Атака на этотъ редуть (Гривицкій) производилась въ видахъ облегченія атаки на главный пунктъ¹⁾, а именно на укрѣпленія, прикрывающія Плевну со стороны Ловче-Плевненскаго шоссе, составлявшія, по своему положенію, стратегическо-тактической ключъ лагеря»²⁾.

Если генераль Зотовъ, заявляя это въ реляціи, помѣченной 9-го октября, былъ такого же мнѣнія о Гривицѣ и 29-го августа, когда вѣроятно писалась диспозиція, то становится совершенно непонятнымъ, почему, при этихъ условіяхъ, для атаки Гривицкаго редута было назначено 48 батальоновъ, а на южныя укрѣпленія только 22 и при томъ въ значительномъ числѣ разстроенныхъ предшествовавшими боями?—Кажется, было бы правильнѣе не только не удѣлять въ помощь румынскимъ войскамъ бригаду нашей пѣхоты (Архангелогородскій и Вологодскій полки) съ двумя батареями, а наоборотъ, перевести часть румынской арміи на южную сторону Гривицкаго ручья для совмѣстныхъ дѣйствій съ нашими IX и IV-мъ корпусами въ центрѣ, а изъ центра (IV-й корпусъ) отдать двѣ дивизіи³⁾ и при томъ сразу, лѣвому флангу. Такое усиленіе было бы уже не простой поддержкой ослабленныхъ частей 2-ой пѣхотной дивизіи и 3-й стрѣлковой бригады, а было бы дѣйствіемъ, при которомъ являлась возможность одновременной атаки Кришинскихъ и Скобелевскихъ редутовъ, другими словами, являлось цѣлесообразное распределеніе силъ, соответствовавшее важности намѣченныхъ цѣлей,—осуществленіе мысли князя Имеретинскаго, подтвержденной авторитетнымъ заявленіемъ Скобелева и позволю себѣ сказать отъ себя—вѣнчавшейся несомнѣннымъ успѣхомъ⁴⁾.

¹⁾ Слѣдовательно, по смыслу реляціи, атака на Гривицкій редуть была только демонстраціей? П. П.

²⁾ Подчеркнуто нами. П. П.

³⁾ Происходившее при этомъ ослабленіе нашего праваго фланга, расположеннаго на пути наступленія турокъ въ Систову, не было опаснымъ, такъ какъ, въ случаѣ этого наступленія, турки, задерживаемые съ фронта нашимъ правыхъ флангомъ, подставляли свой флангъ ударамъ нашего центра, а тылъ ударамъ Скобелева и всей кавалеріи.

⁴⁾ Въ крайности, помощь одной дивизіи если не давала возможности атаковать сразу Скобелевскіе и Кришинскіе редуты, позволила бы Скобелеву удержаться въ редутахъ, что и требовалось, какъ увидимъ дальше, при разсмотрѣніи турецкихъ источниковъ.

Еще далѣе читаю въ той же реляціи: «Съ ранняго утра, 30-го августа, густой непроницаемый туманъ покрывалъ все поле сраженія. Почва растворилась до крайности. Не только по пахатной землѣ, окружающей Плевненскій лагерь, но даже по дорогамъ съ трудомъ могли двигаться люди (!) и верховые кони, скользя по грязи и нерѣдко падая (!). Трудно вообще было представить себѣ болѣе неблагоприятный, по погодѣ, день, каковъ былъ день, назначенный нами для атаки. Мысль объ ея отмѣнѣ невольно приходила въ голову; но какъ уже выше замѣчено, положеніе нашей артиллеріи не допускало таковой отмѣны, да и кто могъ поручиться, что въ послѣдующіе дни наступитъ лучшая погода, вообще не отличающаяся здѣсь частой переменчивостью, а особенно въ августѣ ¹⁾).

Сопоставляя сказанное выше о взглядѣ начальника западнаго отряда князя Карла на предстоявшій штурмъ съ мыслями, изложенными его начальникомъ штаба въ реляціи, видно, что еще до штурма въ умъ и сердце главныхъ распорядителей предстоявшаго боя не только закрался духъ сомнѣнія въ успѣхѣ, но уже утвердился въ нихъ и въ нихъ господствовалъ. Не только допускается мысль о неудачѣ, но она является преобладающею и гнетущею, вслѣдствіе чего князь Карлъ назначаетъ начало штурма въ 3 часа, а его начальникъ штаба невольно думаетъ объ отмѣнѣ атаки! Естественно, что воцарившійся пессимизмъ долженъ былъ пагубно отразиться на веденіи наступательнаго боя, на предпріятіи, которое, будучи задумано, обдуманно и рѣшено—можетъ привести къ успѣху только при неограниченномъ господствѣ безповоротной рѣшимости довести дѣло до конца всѣми имѣющимися для сего силами ²⁾).

Вообще реляція 9-го октября для меня, очевидца и участника, представляется документомъ, не разъясняющимъ положеніе и объясняющимъ причины, а производящимъ удручающее впечатлѣніе.

Предположенія о предстоящей продолжительности дурной погоды не оправдались: 31-го августа, уже съ полудня, сіяло солнце и сіяло безъ перерыва еще много дней послѣ.

Въ 1889 году издано въ Парижѣ на французскомъ языкѣ турецкое описаніе обороны Плевны: «Оборона Плевны, на основаніи оффиціальныхъ и частныхъ документовъ, собранныхъ подъ наблюденіемъ Мушира

¹⁾ Подчеркнуто нами.

П. П.

²⁾ Таковъ былъ знаменитый зимній переходъ генерала Гурко черезъ Балканы.

гази Османъ-паша, дивизионнымъ генераломъ Музафферъ-пашой и подполковникомъ генеральнаго штаба Талаатъ-беемъ» ¹⁾. Талаатъ-бей былъ адъютантомъ Османъ-паши, принималъ дѣятельное участіе въ оборонѣ Плевны и велъ журналъ обороны. Музафферъ-паша перевелъ трудъ Талаатъ-бея на французскій языкъ, дополнивъ его официальными и частными источниками. Османъ-паша предпослалъ этому сочиненію заявленіе объ его точности и правдивости.

На стр. 109 находимъ слѣдующую характеристику Гривицкаго редута и Скобелевскихъ, нами взятыхъ: «Вечеромъ (30-го августа) сдѣлана была (турками) попытка атаковать укрѣпленіе № 8-й (Гривицкій № 1-го). Не смотря на то, что укрѣпленіе это было обстрѣливаемо орудіями изъ редута № 7 (Гривицкій № 2) и батареи изъ главной квартиры, штурмъ не удался. Такъ какъ непріятель (русскіе) не могъ извлечь изъ обладанія этимъ укрѣпленіемъ большой пользы, то временно отказались отъ новыхъ попытокъ отбить этотъ редутъ». Стр. 101: «Потеря редута № 8 (Гривицкій № 1) не представляла для арміи особой опасности. Это укрѣпленіе обстрѣливалось редутомъ № 7 (Гривицкій № 2) и сверхъ того артиллеріей главнаго резерва, въ виду чего Османъ-паша былъ менѣе озабоченъ этой неудачей, въ сущности неважной, чѣмъ неполученіемъ извѣстій съ его праваго фланга» ²⁾.

Тамъ же, стр. 90, читаемъ и видимъ иную картину: «Взятіе этихъ двухъ укрѣпленій (Скобелевскіе редуты), доставшихся русскимъ, поселило всеобщую панику въ рядахъ турецкихъ войскъ; бѣглецы искали убѣжища въ городѣ Плевнѣ, въ нѣкоторыхъ редутахъ и даже въ главной квартирѣ» (т. е. въ главномъ резервѣ); и далѣе, стр. 91: «Нельзя было думать въ эту минуту отнять укрѣпленія №№ 18 и 19 (Скобелевскіе); но нужно было во что бы то ни стало помѣшать русскимъ въ нихъ утвердиться и получить подкрѣпленія» ³⁾.

Изъ этого же сочиненія видно, что послѣ отраженія Скобелевымъ четвертой атаки Тахиръ-паша, на котораго возложено было выбить насъ изъ редутовъ, пришелъ къ заключенію о невозможности этого достигнуть и написалъ Осману-пашѣ, что «возобновляя атаку, онъ подвергалъ бы армію большой опасности, имѣя въ то же время мало шансовъ на успѣхъ» (стр. 105).

Османъ-паша собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено сдѣлать еще одну попытку для овладѣнія Скобелевскими редутами съ

¹⁾ Défense de Plevna d'après les documents officiels et privés, réunis sous la direction du Muchir ghasi Osman-pacha par le général de division Mouzaffer pacha et le lieutenant colonel d'état major Talaat-bey.

²⁾ Телеграфъ, соединяющій группу Кришинскихъ редутовъ съ главной квартирой, былъ нами испорченъ.

³⁾ Подчеркнуто нами. П. П.

цѣлю ободренія упавшихъ духомъ войскъ и для обезпеченія безопасности арміи. Въ этихъ видахъ, кромѣ войскъ, принимавшихъ участіе въ предшествовавшихъ атакахъ, было назначено еще нѣсколько батальоновъ, взятыхъ съ наименѣе угрожаемыхъ пунктовъ и веденіе новой контръ-атаки вручено было полковнику генеральнаго штаба Тевфикъ-бею. — Стр. 97: «Потеря обоихъ редутовъ (Скобелевскихъ) разрѣзывала турецкую армію на двѣ части, не имѣвшія между собой ни сообщеній, ни связи и открывала русскимъ доступъ къ Плевнѣ».

Такимъ образомъ все сказанное мною выше о ничтожномъ для насъ значеніи Гривицкаго редута и о томъ, что «успѣхъ былъ возможенъ» ¹⁾ — оправдывается даже турецкими авторами.

Но рядомъ съ этимъ почерпнулъ я изъ той же книги свѣдѣнія, меня огорчившія. Оказывается, что 30-го августа турки, защищавшіе укрѣпленія Кришинской группы, также переживали трудныя минуты. Солдаты были до крайности утомлены продолжительнымъ боемъ и терпѣли отъ голода и жажды; нравственныя силы войскъ были подорваны настолько, что на большинство изъ нихъ нельзя было серьезно рассчитывать; къ тому же ощущался недостатокъ въ снарядахъ и патронахъ. Вечеромъ (30-го августа) Риза-бей донесъ Осману-пашѣ о томъ положеніи, въ которомъ находились западныя укрѣпленія ²⁾.

Османъ-паша, не располагая свободными силами, но сознавая важность своего праваго фланга и не придавая особаго значенія потерѣ Гривицкаго редута, поспѣшилъ успокоить Риза бея, написавъ ему: «я намѣреваюсь атаковать завтра (31-го августа) непріятеля 15-ю или 20-ю батальонами, которые я собираю въ главной квартирѣ (главномъ резервѣ); вслѣдствіе чего предлагаю вамъ употребить всѣ усилія удержаться на вашихъ позиціяхъ». По полученіи этого ободряющаго сообщенія, Риза бей, командовавшій войсками противъ Скобелевскихъ редутовъ, сообщилъ его Юнусу бею, въ Кришинскую группу, и принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы удержаться до утра.

Турки удержались—подкрѣпленія пришли....

Изъ этого видно, что если намъ было тяжело на Зеленыхъ горахъ, то и туркамъ въ Кришинѣ было не сладко, а слѣдовательно: попытка атаковать Кришинъ вечеромъ 30-го августа была весьма желательна, но конечно не слабой командой въ 270 человекъ.

Чтобы покончить съ турецкимъ источникомъ, интересно привести слѣдующее. Въ концѣ книги помѣщенъ разборъ различныхъ сочиненій о русско-турецкой войнѣ, въ томъ числѣ и труда генерала Куропаткина,

¹⁾ „Русская Старина“ 1902 г. № 10-й, стр. 63.

²⁾ Défense de Plevna. Page 98 et 99.

«Ловча и Плевна». Разбирая послѣдній, турецкіе авторы говорятъ: «авторъ не вводитъ въ дѣло 9 батальоновъ, поставленныхъ въ резервъ у Пелишата; положительно нельзя допустить, чтобы послѣ неудачи первой атаки непріятель не притянулъ бы подкрѣпленій, столь близко расположенныхъ» ¹⁾.

Далѣе, оспаривая сказанное нашимъ авторомъ о томъ, что у генерала Скобелева было только 22 батальона и что во время боя на Зеленыхъ горахъ, 42 (41) батальона праваго фланга и центра русскихъ и румынскихъ, еще не бывшихъ въ дѣлѣ,—бездѣйствовали, тѣ же турецкіе авторы заключаютъ: «мало вѣроятія, чтобы русскій штабъ не послалъ какихъ-нибудь подкрѣпленій генералу Скобелеву» ²⁾.

Существовавшія у насъ свѣдѣнія о силахъ турокъ, обороняющихъ Плевну, сильно расходились. Генераль Зотовъ, значительно преувеличивая эти силы, полагалъ, что въ Плевнѣ находятся 80 тысячъ (отъ 110 до 130 батальоновъ) и отъ 120 до 150 орудій. По свѣдѣніямъ штабъ-офицера надъ вожатыми, генеральнаго штаба полковника Артамонова, у котораго сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о непріятель, турокъ въ Плевнѣ было около 33 тысячъ, что и слѣдовало считать наиболѣе близкимъ къ истинѣ; можетъ быть нѣсколько меньше дѣйствительности. По турецкимъ и нѣкоторымъ иностраннымъ источникамъ въ Плевнѣ было отъ 45 до 49 батальоновъ, 7 эскадроновъ регулярной кавалеріи, 1 конный полкъ Салоникской милиціи въ 8 эскадроновъ, небольшое число черкесовъ и 70 орудій, что и совпадаетъ приблизительно съ цифрами полковника Артамонова, т. е. около 35 тысячъ. У насъ было до 75 тысячъ человекъ и болѣе 350 орудій. По тѣмъ же турецкимъ и иностраннымъ источникамъ, къ концу дня 30-го августа противъ нашего лѣваго фланга дѣйствовало не менѣе 22 батальоновъ, а 31-го августа, къ концу боя на Зеленыхъ горахъ, было введено въ бой со стороны турокъ 37 батальоновъ изъ 45—49. Такимъ образомъ, къ вечеру 30-го августа турки выставили противъ нашего лѣваго фланга почти половину всѣхъ своихъ силъ, оставивъ на восточной сторонѣ, весьма большаго протяженія (считая въ томъ числѣ и Опанецкіе редуты), всего около 23—25 батальоновъ противъ 100 нашихъ (русскихъ и румынскихъ), а 31-го августа сосредоточили на Зеленыхъ горахъ болѣе $\frac{3}{4}$ своихъ силъ, оставивъ противъ насъ, на восточномъ фронтѣ, приблизительно 10—12 батальоновъ противъ тѣхъ же 100 ³⁾.

¹⁾ Defense de Plevna. Page 240.

²⁾ Defense de Plevna. Page 242.

³⁾ Въ это число включены всѣ батальоны западнаго отряда арміи, дѣйствовавшего противъ Плевны, за исключеніемъ Костромскаго полка, находившагося въ Никополѣ.

Указывая выше, что къ 31-му августа у насъ осталось на правомъ флангѣ и въ центрѣ 41, не введенныхъ въ бой, батальоновъ, надо къ нимъ прибавить еще, хотя и пострадавшіе, но все же существовавшіе остальные батальоны. Потеря частей праваго фланга и центра собственно-русскихъ войскъ за время съ 26-го по 31-е августа убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти нижними чинами представляется въ такомъ видѣ; наиболѣе пострадали полки: Углицкій—1.142, Ярославскій—1.021, Воронежскій—791, Казанскій—534, Вологодскій—551; наименѣ пострадали: Староингерманландскій—3, Тамбовскій—13, Козловскій—23, Пензенскій—25, Галицкій—188 человекъ; слѣдовательно, было еще 15 почти не пострадавшихъ батальоновъ.

Изъ всего состава русскихъ войскъ всего болѣе пострадали: на лѣвомъ флангѣ Эстляндскій полкъ 1.300 человекъ, а на восточномъ фронтѣ Углицкій 1.142 ¹⁾).

Весьма интересныя цифры приводитъ генераль Куропаткинъ въ концѣ своего труда на стр. 524.

Составъ отрядовъ князя Имеретинскаго и Скобелева послѣ 31-го августа:

Н а л и ц о:

Калужскій	п. 2	шт.-оф.	9	об.-оф.	1.066	нижн. чиновъ.
Либавскій	» 2	»	12	»	1.201	»
Ревельскій	» 1	»	6	»	1.015	»
Эстляндскій	» 4	»	7	»	627	»
Суздальскій	» 2	»	16	»	906	»

3-я стрѣлковая бригада переформирована изъ 4-хъ батальоновъ въ два; офицеровъ осталось въ строю 16. Во Владимірскомъ полку было изъ строя въ два дня, 30-го и 31-го августа, 1.530 человекъ и 14 ротныхъ командировъ изъ 15.—Убиты: командиры бригады ген.-м. Добровольскій и ген.-м. Тебякинъ, командиръ 9-го стр. бат. полк. Салингре. Ранены: командиры полковъ: Либавскаго—полк. Коль, Ревельскаго—полк. Писанко, Суздальскаго—полк. Длотовскій и командующій 11 стр. бат. майоръ Переяславцевъ. Контужены: командиръ Калужскаго полка полковникъ Эльжановскій, 27-го августа; командиръ Эстляндскаго полка полк. Головинъ, командиры стрѣлковыхъ батальоновъ

¹⁾ Поражаетъ огромная цифра безъ вѣсти пропавшихъ Ярославскаго полка—392 человекъ, а также отношеніе въ этомъ полку нижнихъ чиновъ убитыхъ къ раненымъ: первыхъ—305, вторыхъ—324, т. е. почти равное количество, тогда какъ потеря убитыми по сравненію съ ранеными всегда гораздо меньше; только въ Углицкомъ полку она доходитъ до $\frac{1}{3}$ и въ Воронежскомъ до $\frac{1}{2}$.—Надо думать, что въ числѣ безъ вѣсти пропавшихъ было много убитыхъ и тяжело раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія.

10-го—Бородинъ, 12-го—полк. Курсель и начальникъ штаба генерала Скобелева капитанъ Куропатбинъ.

30-го августа все было ужасно,—начиная съ тумана; но посреди этихъ мрачныхъ картинъ былъ и свѣтлый лучъ: ничѣмъ несокрушимая доблесть нашихъ войскъ отъ мала до велика, отъ князя Имеретинскаго, Скобелева, Добровольскаго, Горталова, Мосцевого и Эрна до послѣдняго солдата; войскъ, которыя служили не только при жизни, но и по смерти: будучи сложены трупами на Скобелевскихъ редутахъ, они выручали товарищей, прикрывая тѣлами своими оставшихся въ живыхъ.

Не въ видахъ укоризны было мною написано все, изложенное выше: въ картинахъ и урокахъ прошлаго почерпнемъ указанія для будущаго. Всѣмъ намъ, оставшимся, а тѣмъ болѣе тѣмъ, которые приведены судьбою къ начальствованію и допущены къ руководству, надлежитъ, изучая прошлое—непрестанно работать; трудясь не покладая рукъ—готовиться встрѣтить несомнѣнно грядущія, хотя еще невѣдомыя намъ великія событія и борьбы, чтобы во всеоружіи знаній и труда, съ спокойной совѣстью, по мѣрѣ силъ и разумнѣня исполненнаго долга, предстать на эти новыя испытанія.

Если же конецъ нашъ наступитъ раньше, то да не получимъ упрека въ сокрытіи того, что знали, что видѣли и чему научились въ эти «ужасные» дни.

П. Паренсовъ.

Оригинальная подписка.

(Изъ Миргородской старшины).

1791 года сентября 3-го дня, дана сія подписка отъ меня казаку села Петровиць Марку Макаренку втомъ, что за причиненной мною ему бой я съ нимъ мирился въ удовольствіе ево, Макаренка, и впредь болѣе ему, Макаренкѣ, отъ меня никакихъ обидъ и притѣсненій чинено не будетъ, а въ случаѣ каковыхъ отъ меня ему, Макаренку, нападеній и обидъ, то подвергаю себя затое достойному взысканію, вчемъ и подписуюсь.

Корнетъ Михайло Шмаковъ.

Сообщ. Б. Адамовичъ.

О счтаніи оберъ-церемоніймейстера во второмъ классѣ.

Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

16-го ноября 1827 г. № 12812.

Г. министръ императорскаго двора сообщилъ мнѣ, что государь императоръ въ 12-й день сего ноября высочайше повелѣтъ сонзволилъ: отнынѣ впредь оберъ-церемоніймейстера считать въ числѣ вторыхъ чиновъ двора и брать ему шагъ по старшинству назначенія его въ сіе званіе.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя къ тому, что объ ономъ, какъ увѣдомляетъ меня г. министръ императорскаго двора, объявлено уже г. управляющему придворною конторою гешмаршалу Нарышкину, оберъ-церемоніймейстеру графу Потюцкому и управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Характерная ошибка.

(По дѣлу всеподданнѣйшаго представленія намѣстника графа Берга о дополнительныхъ суммахъ вѣдомству просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ на 1865 годъ).

о начала 60-хъ годовъ прошло вѣка, учебное дѣло въ царствѣ Польскомъ далеко отстояло отъ общаго государственнаго русла. Даже для русскихъ, проживавшихъ въ Царствѣ и въ самой Варшавѣ, не было ни одной свѣтской школы, гдѣ ихъ дѣти могли бы учиться на своемъ родномъ языкѣ. Произведенная учебная реформа (при маркизѣ Велепольскомъ) имѣла, какъ возвѣщалось въ Высочайшемъ рескриптѣ, цѣлю сдѣлать образованіе доступнымъ «для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій», но въ утвержденномъ уставѣ школъ царства Польскаго 8-го (20-го мая) 1862 г., по мѣткому указанію одного изъ современниковъ ¹⁾, не только не упоминалось о школахъ русскихъ, но не полагалось и штатныхъ законоучителей для русскихъ воспитанниковъ. Языкъ преподаванія былъ польскій, со всѣми выходящими отсюда послѣдствіями. Давать образованіе на родномъ языкѣ и воспитывать въ національныхъ началахъ русскіе могли, отправляя дѣтей лишь въ школы, находившіяся внѣ предѣловъ Царства, внутри Имперіи, преимущественно въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, что доступно было немногимъ. Положеніе русскихъ дѣтей, учившихся въ мѣстныхъ школахъ, оказалось особенно тяжелымъ въ періодъ польскаго возстанія, когда съ нихъ производились даже сборы въ пользу инсургентовъ, а не сочувствовавшихъ возстанію под-

¹⁾ Записки доктора Орлова, учредителя первой русской школы, потомъ директора первой русской гимназіи въ Варшавѣ. Архивъ Первой Варшавской мужской гимназіи, дѣло № 25: Бумаги объ открытіи Русской школы въ Варшавѣ съ 1863 по 1865 гг.

вергали насмѣшкамъ и преслѣдованіямъ. Дѣти бѣдныхъ русскихъ родителей—низшихъ военныхъ чиновъ и т. п.,—обыкновенно совсѣмъ оставались безъ образованія ¹⁾).

Возбужденіе національнаго чувства, вызываемое печальными событіями польскаго возстанія, собрало кружокъ русскихъ людей, постаравшихся завести въ Варшавѣ свою небольшую школу для дѣтей обоюго пола. Она была открыта въ ноябрѣ 1863 года, на средства частной благотворительности, и имѣла характеръ начальной школы. Послѣдовавшія затѣмъ широкія преобразованія въ краѣ обняли собою и сферу народнаго образованія. Рядомъ со школами съ преподаваніемъ на польскомъ и нѣмецкомъ языкѣ создавались школы русскія. Высочайшимъ указомъ отъ 30-го августа 1864 года узаконялось: «Учрежденная въ г. Варшавѣ, частною благотворительностію, русская школа преобразовывается въ Варшавскую русскую гимназію», семиклассную, съ годичнымъ курсомъ для каждаго класса. «При Варшавской русской гимназій состоятъ: Русское Начальное (элементарное) училище для дѣтей обоюго пола и Русская женская прогимназія», которая впоследствии должна быть преобразована «въ русскую женскую гимназію». Въ эти училища «принимаются преимущественно дѣти русскихъ, находящихся въ Царствѣ безъ различія званій и сословій. Преподаваніе всѣхъ предметовъ въ Варшавской русской гимназій и въ состоящихъ при ней учебныхъ заведеніяхъ производится на русскомъ языкѣ». Они «ввѣряются особому покровительству и попеченію архіепископа варшавскаго и новогоріевскаго» ²⁾

Отношенія къ этимъ вновь учреждаемымъ русскимъ школамъ со стороны русскихъ и со стороны мѣстнаго польскаго общества, соотвѣтственно съ тогдашними обстоятельствами, понятно, не были одинаковыми. На почвѣ даннаго различія въ отношеніяхъ и возникла любопытная переписка по случаю служебнаго просмотра намѣстника графа Берга, очень характерная для исторіи употребленія въ западныхъ окраинахъ Россіи официальныхъ документовъ на русскомъ государственномъ языкѣ съ переводомъ ихъ на мѣстные.

Учебная реформа вводилась въ Царствѣ постепенно. Новыя школы создавались не одновременно; новые классы открывались по мѣрѣ перехода учащихся въ классы старшіе. Русская гимназія торжественно открыта была лишь въ январѣ 1865 года, и пока въ четырехъ-клас-

¹⁾ Тамъ же, въ томъ же дѣлѣ и въ дѣлѣ 31: Буааги объ открытіи русской мужской гимназій въ Варшавѣ.

²⁾ Высочайшіе указы о народномъ образованіи въ царствѣ Польскомъ, 78—82. См. также сборникъ административныхъ постановленій царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія. IV, № 64.

сному составу¹⁾. Расходование сумм возрастало, постоянно требуя дополнительных ассигнований. Предварительные расчеты обыкновенно оказывались не отвечающими наличности определенных сумм. О добавочных средствах по ведомству просвещения надобно было наместнику делать особые представления на Высочайшее имя. И вот, когда графъ Бергъ сдѣлалъ, казалось, по всемъ правиламъ тогдашняго дѣлопроизводства, подобное представление о дополнительныхъ суммахъ на первый же по изданіи указа гражданскій годъ, 1865-й²⁾, то вдругъ, неожиданно для себя, получилъ изъ С.-Петербурга отъ министра статей-секретаря царства Польскаго Платонова такое отношеніе:

Милостивый государь,
графъ Федоръ Федоровичъ.

„Государь императоръ, по рассмотрѣніи изложенныхъ въ отзывѣ вашего сіятельства отъ 28 января (10 февраля) за № 10698 объясненій относительно дополнительныхъ къ росписи расходовъ по учебному ведомству въ царствѣ Польскомъ на 1865 годъ, обративъ вниманіе на обстоятельства, давшія поводъ къ настоящей перепискѣ, позволилъ найти, что при переводѣ на польскій языкъ дополнительнаго бюджета комиссіи народнаго просвѣщенія допущены такія измѣненія, которыя извращаютъ значеніе нѣкоторыхъ статей подлинника. Измѣненія эти заключаются въ томъ, что названія русскихъ учебныхъ заведеній или вовсе выпущены въ переводѣ (Русская гимназія и Русская женская прогимназія), или замѣнены другими названіями (именно: Русское Начальное училище переименовано въ Главную Россійскую школу). Подобной же перемѣнѣ названія подверглись элементарныя училища, преобразованныя указомъ 30 августа. Во всемъ прочемъ переводъ совершенно согласенъ съ подлинникомъ. При настоящемъ настроеніи нѣкоторой части польскихъ чиновниковъ нельзя не подозрѣвать въ лицахъ, допустившихъ такія перемѣны, извѣстнаго направленія, несогласнаго съ видами правительства. Представленіе же на Высочайшее усмотрѣніе искаженнаго перевода, взявъ подлинной смѣты, если и сдѣлано не предвѣрительно, то во всякомъ случаѣ составляетъ весьма важное упущеніе, которое обнаруживаетъ нерадѣніе исполнителей къ своимъ обязанностямъ и отсутствіе должнаго канцелярскаго порядка.

Вслѣдствіе сего его императорскому величеству благоугодно было повелѣть: за представленіе означеннаго перевода, взявъ подлинной смѣты, сдѣлать замѣчаніе заведывающему канцеляріею совѣта управленія, подтвердивъ, чтобы на будущее время, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, не были отнюдь допускаемы никакія искаженія въ смыслѣ или буквѣ постановленій, на которыя дѣлаются ссылки.

¹⁾ Напѣ трудъ: „Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ“, т. II, кн. 2, докум. № 173. (Подъ гимназію отвели домъ, выстроенной въ мѣстности бывшей усыпальницы Шуйскаго).

²⁾ Къ первоначально исчисленной на этотъ годъ суммѣ въ 779.797 рубл. 81 коп. испрашивалось теперь дополнительныхъ 495.795 рубл., „по случаю введенія въ дѣйствіе преобразованій, постановленныхъ Высочайшими указами 30-го августа (11-го сентября) 1864 года“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, его величеству угодно знать, кто именно участвовалъ въ переводѣ на польскій языкъ дополнительной смѣты по учебной части на 1865 годъ.

О сихъ Высочайшихъ повелѣнiяхъ имѣю честь сообщить вашему сіятельству, покорнѣйше прося принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и истинной преданности.

В. Платоновъ.

№ 4566.

С.-Петербургъ, 16 (28) февраля 1865 г. ¹⁾.

Даннымъ документомъ ясно давалось понять графу намѣстнику, что за тенденція относительно русскихъ школъ скрывается въ представленной имъ смѣтѣ.

Научной историко-юридической критикой мало-по-малу выясняется теперь, какъ многое, въ созиданіи обособленности, было сдѣлано въ Финляндіи путемъ подобныхъ представленій и дальнѣйшими ссылками на Высочайшія утвержденія такихъ актовъ. Но въ царствѣ Польскомъ и въ отношеніяхъ къ нему было иное, особенно въ ту пору, когда во главѣ статсъ-секретаріата Царства стало русское лицо и ко всему, получавшемуся изъ Варшавы, относились въ С.-Петербургѣ съ усиленнымъ, даже недоувѣрчивымъ вниманіемъ, почему всѣ неточности и упущенія польскаго перевода смѣты были тотчасъ же замѣчены.

Поятно, какое впечатлѣніе произвело на графа Берга, славившагося аккуратностію и всезнаніемъ, полученное имъ отношеніе статсъ-секретаря Платонова... Отвѣтъ, написанный отъ его имени, является образцомъ канцелярскаго искусства того времени въ составленіи официальныхъ бумагъ ²⁾.

Варшава, марта 1865 года, № 11531.

Намѣстникъ его императорскаго—царскаго величества въ царствѣ Польскомъ по Совѣту управленія господину министру статсъ-секретарю царства Польскаго.

Отзывомъ 16 (28) февраля с. г. № 4566, ваше превосходительство сообщили мнѣ, что его императорскому величеству благоугодно было повелѣть:

1) Завѣдывающему канцеляріею совѣта управленія Царства, за представленіе взамѣнъ подлинной смѣты расходамъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія на 1865 годъ польскаго перевода, сдѣлать замѣчаніе;

¹⁾ Архивъ старыхъ дѣлъ при канцеляріи варшавскаго генераль-губернатора, Ш, 3, vol. 127h Akta Rady Administracyjnej Królestwa Polskiego.

²⁾ Тамъ же. Сохраняется въ двухъ экземплярахъ: бѣловомъ, предложенномъ было къ поднесу Бергу, и черновомъ, исправленномъ завѣдывавшимъ канцеляріею Заборовскимъ. Данный бѣловой экземпляръ не былъ отправленъ въ С.-Петербургъ, такъ какъ въ немъ сдѣланы дополнительные поправки самимъ Бергомъ, послѣ чего отношеніе было снова переписано, въ исправленномъ видѣ, и тогда подписано и послано. Издаемъ по этому сохраняющемуся здѣсь бѣловому экземпляру, съ отиѣткою поправокъ и дополненій на немъ графа Берга.

2) донести его величеству, кто именно участвовалъ въ переводѣ на польскій языкъ упомянутой выше дополнительной смѣты.

Во исполненіе таковыхъ высочайшихъ повелѣній, имѣю честь сообщить вашему превосходительству:

По 1-му:

Что всѣ приложенія къ проекту росписи казны царства Польскаго на 1865 годъ представлены были мнѣ бывшимъ главнымъ директоромъ правительственной коммисіи финансовъ и казначейства вечеромъ наканунѣ отправления курьера къ вашему превосходительству съ сказаннымъ проектомъ.

Какъ въ то время всѣ подробныя статьи бюджета были уже разсмотрѣны мною и совѣтомъ управленія и отзывъ мой къ вашему превосходительству отъ 25 ноября (7 декабря) прошлаго года № 9157 былъ уже приготовленъ, то означенныя приложенія перепечатаны были въ моемъ кабинетѣ ¹⁾ безъ пересмотра оныхъ и слѣдующаго дня утромъ отправлены къ вашему превосходительству. Посему завѣдывающій канцелярією совѣта управленія и. д. статсъ-секретаря Заборовскій не имѣлъ возможности ²⁾ удостовѣриться, были ли въ порядкѣ всѣ приложенія къ проекту росписи.

По 2-му:

И. д. главнаго директора финансовъ и казначейства увѣдомилъ, что дополнительную смѣту расходамъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія составлять на польскомъ языкѣ, на основаніи переданной главнымъ директоромъ народнаго просвѣщенія русской смѣты, рахимстръ отдѣленія казначейства Космовскій.

Къ сему упомянутый и. д. главнаго директора Кошелевъ присовокунилъ: что смѣта эта составлена была исключительно для канцелярской надобности коммисіи финансовъ, доказательствомъ чему служить изготовленіе оной на польскомъ языкѣ, а только по ошибкѣ, вслѣдствіе чрезвычайной поспѣшности, приложена она была вмѣсто подлинной смѣты на русскомъ языкѣ, доставленной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Витте, какъ это доказываетъ употребленное въ означенномъ представленіи выраженіе: „что препровождается въ подлинникѣ составленная главнымъ директоромъ народнаго просвѣщенія смѣта расходамъ на сумму 459.795 руб.“;

что въ составленной на польскомъ языкѣ смѣтѣ сказанный Космовскій употребилъ слово „россійскій“ вмѣсто „русскій“ по незнанію въ то время, что слово „русскій“ слѣдуетъ употреблять, а равно потому, что прежде слово „россійскій“ вообще всего чаще употреблялось какъ въ разговорномъ, такъ и въ официальномъ польскомъ языкѣ ³⁾.

что въ выше означенной вѣдомости сказанный чиновникъ употребилъ слово „Главное училище“ вмѣсто „Начальное“ по недостаточному знанію русскаго языка. Къ ошибкѣ этой было также поводомъ то обстоятельство, что въ Высочайше утвержденномъ 8 (20) мая 1862 г. Положеніи о воспитаніи, на-

¹⁾ Краснымъ карандашемъ, рукою намѣстника, это поправлено: „означенныя приложенія распечатаны были въ моемъ кабинетѣ, присоединены были мною къ означенному отзыву моему“.

²⁾ Краснымъ карандашемъ тою же рукою вписано тутъ: „повѣрить и“.

³⁾ Такъ какъ названіе „россійскій“ на мѣстномъ нарѣчій употреблялось обыкновенно въ смыслѣ „великорусскій“, „московскій“, а „русскій“ — въ смыслѣ остальныхъ русскихъ народностей, преимущественно южнорусской, то повелѣно было употреблять официально одно названіе.

печатанномъ въ 60 томѣ „Дневника Законовъ“, на стр. 252 и 260, употреблено въ русскомъ текстѣ названіе „элементарныя училища“, а вслѣдствіе того „Начальное училище“ считалъ оны „Главнымъ училищемъ“.

Въ заключеніе и. д. главнаго директора финансовъ и казначейства счелъ долгомъ засвидѣтельствовать, что чиновникъ Космовскій отличается трудолюбіемъ и примѣрною ревностію къ службѣ и никогда ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ.

О всемъ вышеизложенномъ имѣю честь просить ваше превосходительство довести до Высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія“.

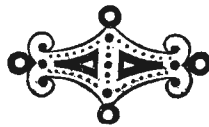
Представить все дѣло въ такой совершенно невинной формѣ было желаніемъ исполнѣ естественнымъ для гр. Берга и его ближайшихъ чиновниковъ, оказавшихся лицами, исполнѣ въ немъ заинтересованными. И нѣтъ ничего неожиданнаго, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ объясненія зашли они уже слишкомъ далеко. Такъ, явно искусственна вся ссылка, будто переводившій смѣту Космовскій употребилъ «Главное училище» вмѣсто «Начальное», вслѣдствіе того, что въ Положеніи о воспитаніи 1862 года имѣлось названіе «элементарныя училища». Сомнительно, чтобы скромный чиновникъ финансовъ былъ такой «юристъ», что при составленіи смѣты, имѣвшей частный характеръ, «исключительно для канцелярской надобности», справлялся съ текстомъ «Дневника Законовъ». Этотъ пунктъ объясненія приписывается и-му д. главнаго директора финансовъ и казначейства; на самомъ же дѣлѣ оны созданъ въ самой канцеляріи совѣта управленія и въ черновикъ отношенія внесень послѣ (Заборовскимъ). Да едва-ли и требовалось Космовскому или иному кому справляться съ положеніемъ о воспитаніи 1862 года, когда смѣта касалась выполнения Высочайшихъ указовъ о народномъ образованіи отъ 30 августа 1864 года, а въ этихъ указахъ названіе «начальное» училище сопровождается даже пояснительнымъ словомъ «элементарное», и это въ русскомъ, и въ польскомъ текстахъ ¹⁾, такъ что, при снесеніи съ ними, нѣтъ никакихъ внѣшнихъ основаній или поводовъ къ замѣнѣ «Начальнаго» «Главнымъ». Затѣмъ, что касается, напримѣръ, Высочайшаго повелѣнія о замѣчаніи завѣдывавшему канцелярію, то оно полагалось главнымъ образомъ за представленіе собственно и с ка ж е н н а г о польскаго перевода смѣты замѣнѣ подлинной. Въ черновомъ проектѣ отвѣта повелѣніе сначала формулировалось ближе къ этому, именно «за отправленіе къ вашему превосходительству въ польскомъ переводѣ, вмѣсто подлинной, и съ

¹⁾ Высочайшіе указы о народномъ образованіи въ царствѣ Польскомъ, стр. 14—15, статья 1 Высочайшаго указа отъ 30-го августа 1864 г. объ устройствѣ и управленіи начальныхъ (элементарныхъ) училищъ; стр. 80—81, статья 3 такого же указа отъ 30-го августа 1864 г. о Русской гимназій и состоящихъ при ней Русской женской прогимназій и русскомъ начальномъ (элементарномъ) училищѣ.

и въ которыми ошибочными измѣненіями, дополнительной смѣты расходамъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія на 1865 годъ». Завѣдывавшій канцелярією Заборовскій измѣнилъ это, давъ ту формулировку, которая вошла и въ бѣловой экземпляръ, т. е. что повелѣвалось сдѣлать замѣчаніе «за представленіе взамѣнъ подлинной дополнительной смѣты расходамъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія на 1865 годъ польскаго перевода». (Сначала имъ было написано даже только «перевода» безъ прибавки «польскаго»). Завѣдывавшимъ канцелярією было произведено въ черновикѣ немало и другихъ подобныхъ измѣненій, поправокъ и дополненій, вошедшихъ потомъ въ бѣловой экземпляръ. Словомъ, бумага была составлена уже со всѣмъ вниманіемъ и тщательностію.

Какъ ни искусно былъ скомпонованъ отвѣтъ статей-секретарю, подпisałъ гр. Берга подъ нимъ предназначилась простая, безъ означенія служебныхъ его званій. Для переписчика сдѣлано было указаніе: «Nie pisać: Намѣст. ген.-ад.».

Сообщилъ профессоръ Дм. В. Цвѣтаевъ.

О сохраненіи нашивокъ нижними воинскими чинами при переходѣ ихъ на службу въ гражданское вѣдомство.

Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

16-го ноября 1827 г. № 12813.

Г. начальникъ Главнаго штаба его императорскаго величества сообщилъ мнѣ, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: изъ числа нижнихъ чиновъ, поступающихъ изъ военнаго въ гражданское вѣдомство въ полицейскія и пожарныя команды, въ счетчики, присяжные, курьеры, почталіоны, таможенные объѣзчики, досмотрщики, тюремные и лѣсные надзиратели, сторожа, служители по заведеніямъ и въ другія должности, всѣмъ тѣмъ, кои въ воинскихъ командахъ награждены, по удостоенію ихъ начальства, за безпорочную выслугу установленныхъ сроковъ нашивками на рукавъ мундира изъ желтой тесьмы, и кои имѣютъ на службѣ въ гражданскомъ вѣдомствѣ соответственное обмундированіе, дозволить носить таковыя нашивки и въ семъ вѣдомствѣ, но за службу продолжаемую по части гражданской нашивокъ имъ не прибавлять.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату къ надлежащему исполненію.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Записки Э. И. Стогова¹⁾.

I.

Прошлое фамилин Стоговыхъ. — Характеристика дѣда и отца. — Рождение Э. Стогова. — Строгость воспитанія. — Тогдашнее общество. — Семейный бытъ. — Свадебные обряды. — Князь Потемкинъ въ г. Рузѣ. — Луицкій монастырь. — Примѣты и цовѣрья.

Фамилія моя двойная: Стоговъ-Можайскій, а по какой причинѣ Можайскій, я добратся не могъ. Дѣдушка мой сначала подписывался Стоговъ-Можайскій, послѣ ему показалось трудно, онъ сталъ подписываться Стоговъ, и съ тѣхъ поръ Можайскій потерялось. Вотъ что я знаю о нашей фамиліи. Мы были жителями Новгорода, и должно быть богатыми. Отъ старожиловъ Новгородскихъ я узналъ, что нѣсколько мѣстностей — теперь пустырей заросшихъ лѣсомъ, носили названіе Стоговы пустоши, Сто-

¹⁾ Эразмъ Ивановичъ Стоговъ былъ постояннымъ и можно сказать дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русской Старины“ почти съ самаго начала ея изданія. Такъ въ журналѣ, въ разное время были напечатаны его статьи: „Ссылно-кагоржные въ Охотскомъ солеваренномъ заводѣ“ („Рус. Стар.“ 1878 г. т. 22); „Бунтъ архіепископа Иринея“ (1878 г. т. 23); „Спераанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ“ (1878 г. т. 23); „Служба въ Симбирскѣ“ (1878 г. т. 23); „Семеновъ и Бунина. Памятный день въ Иркутскѣ“ (1878 г. т. 24); „Романъ Медоксъ“ (1880 г. т. 28) и „Посмертныя записки“ (1886 г. т. 52). Всѣ эти статьи составляли извлеченіе изъ переданныхъ впоследствии въ редакцію обширныхъ записокъ, которыя нынѣ и печатаются на страницахъ журвала. Въ нихъ встрѣяются нѣкоторыя повторенія того, что уже было напечатано, но въ общемъ записки даютъ очень много новаго и такія подробности, которыя весьма интересны и важны для эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ самъ авторъ. Э. И. Стоговъ родился 24-го февраля 1797 г. и скончался 17-го сентября 1880 года.

*

говы озера и проч. Еще дѣдушка мой владѣлъ имѣніями на Бѣлоозерѣ, получалъ оброкъ и рыбу ежегодно; подѣ старость дѣда кто-то завладѣлъ его имѣніемъ; отецъ и дяди мои ходили въ походы съ Суворовымъ, дѣдъ былъ малограмотенъ, махнулъ рукой и отступился отъ имѣнія, такъ оно и пропало. Иванъ Васильевичъ Грозный, творя послѣдній судъ Новгороду, всѣхъ умоводителей лишилъ имѣній въ Новгородѣ, выселилъ въ Московскую губернію и роздалъ маетности. Четыре фамиліи были поселены рядомъ: Стоговы, Муравьевы, Мураши, Огарковы. Эти фамиліи и теперь сидятъ сосѣдями. Муравьевы разбогатѣли посредствомъ браковъ, а Стоговымъ дана была маетность Золотилово ¹⁾ съ 6-ю душами крестьянъ. Нашей же фамиліи Стоговы, и тоже бѣдняки, отдѣлились въ Тверскую губернію, и я зналъ полковника, который увѣрилъ меня, что его фамилія происходитъ отъ Стоговыхъ новгородскихъ. Теперь въ Новгородѣ Стоговыхъ нѣтъ.

Изъ всѣхъ Стоговыхъ были знаменитости только при Алексѣѣ Михайловичѣ: стольники, спальники, что теперь камергеры, камеръ-юнкеры, грамоты на эти знаменитости хранятся въ Золотиловѣ. Дѣдъ мой, Дмитрій Дементьевичъ, гдѣ-то числился въ судѣ, съ первымъ чиномъ вышелъ въ отставку и проживалъ въ Золотиловѣ. Онъ былъ средняго роста, какъ всѣ Стоговы, но былъ очень силенъ и бодръ до старости. Золотилово отъ Москвы 125 верстъ, дѣдъ всегда ѣздилъ верхомъ и одинъ; отецъ мой показывалъ мнѣ долинку у Поклонной горы, въ которой дѣдъ пускалъ свою лошадь кормиться на все время пребыванія своего въ Москвѣ, и такова была честность тогда, что лошадь безъ надзора паслась и не пропадала.

— Тогда, братецъ ты мой, не воровали лошадей,—говорилъ мнѣ отецъ.

Дѣдъ мой былъ въ большемъ уваженіи въ своемъ округѣ и слылъ колдуномъ. Однажды была дворянская свадьба, на которую почему-то дѣда не позвали. Дорога въ приходскую церковь была чрезъ Золотилово, поѣзжане въ нѣсколько саней подѣхали къ воротамъ околицы, лошади захрапѣли и не пошли въ ворота, вывели впередъ другія сани и сколько ни перемѣняли, лошади храпятъ, а не идутъ. Кто-то вспомнилъ, что не позвали на свадьбу Дмитрія Дементьевича, вотъ онъ и надѣлалъ хлопотъ. Пошли къ дѣду, онъ спалъ, а проснувшись, не хотѣлъ и говорить, пока всѣ поѣзжане не поклонились по три раза въ землю. Въ нагольномъ тулупѣ, подпоясанный полотенцемъ, въ валенкахъ и теплой шапкѣ, дѣдъ взялъ метлу, лопату, уголь, соль и святую воду, пришелъ къ воротамъ, легъ и началъ шептать и приговаривать, взялъ метлу и сталъ сражаться съ нечистыми; долго боролся съ ними, про-

¹⁾ Въ 20-ти верстахъ отъ Можайска по Смоленской дорогѣ.

гналъ нечистыхъ, размель тщательно дорогу между воротами, лопатой посыпалъ новымъ снѣгомъ, обошелъ три раза поѣздъ по солнцу, въ каждыя сани бросилъ по лопатѣ снѣга, а жениха съ невѣстой опрыскалъ съ уголька, сѣлъ на первыя сани, проѣхалъ, а за нимъ весь поѣздъ, но на свадьбу не пошелъ.

— Какъ же, батюшка, наколдовалъ дѣдушка?—спрашивалъ я.

— Если, братецъ ты мой, пересыпать дорогу порошкомъ изъ желчи и печени медвѣдя, лошади слыша запахъ звѣря—пугаются и не идутъ.

Разъ пріѣхалъ къ дѣду изъ Вятки старинный пріятель и гостилъ двѣ недѣли; друзья пили три дня полной душой. Гость собирался домой, дѣдъ упрашивалъ погостить еще денекъ, гость не соглашался. Приходить гость въ конюшню и видитъ, что коренная лошадь лежитъ безъ движенія. Что ни дѣлали, лошадь не шевелится; гость даже заплакалъ, дѣдъ началъ торговаться, и гость согласился еще погостить. Дѣдъ заперся въ конюшнѣ, шумѣлъ, брачился, боролся съ чертомъ, наконецъ, по зову дѣда вошли въ конюшню, лошадь была здорова и веселѣе прежняго. Гость изъ благодарности прогостилъ недѣлю, были оба безъ просыпа пьяны, благо водка была не купленая.

— Какъ же это, батюшка, съ лошадыю-то?

— А если, братецъ ты мой, языкъ ядовитой змѣи завернуть въ шарикъ воска и положить въ ухо лошади, то лошадь упадетъ и останется безъ движенія, пока не вынуть шарикъ; тогда лошадь дѣлается веселѣе прежней.

Разсказывалъ отецъ, что разъ съ дѣдомъ шли они по слободѣ Колоцкого монастыря, въ одномъ домѣ богатаго мужика была свадьба и пировало много народа. Дѣдъ съ отцомъ присѣли на завалинкѣ; дѣдъ сказалъ: «надобно, чтобы они поссорились», и дѣйствительно скоро началась драка. Ушелъ дѣдъ, и драки конецъ.

— Какъ же это, батюшка?

— Этого, братецъ ты мой, я не долженъ объяснять тебѣ.

— Почему же, батюшка?

— Грѣхъ дѣлать зло людямъ.

Дѣдъ много зналъ заговоровъ, отговоровъ, напримѣръ: заговаривалъ сильное кровотеченіе, отговаривалъ головную боль. Какъ же съ такими познаніями не быть почитаемымъ, уважаемымъ!

У дѣда было три сына: Михайль, Иванъ и Федоръ. Всѣ служили въ военной службѣ во времена Суворова. Михайль, по отзывамъ родныхъ и моего отца, былъ необыкновеннаго ума, честенъ, серьезенъ и очень почитаемъ. Онъ, какъ и всѣ братья, служилъ въ пѣхотѣ, былъ капитаномъ, въ Варшавѣ женился на полькѣ, жена на третій день бѣжала отъ мужа, а чрезъ недѣлю сдѣлалась публичной проституткой; это такъ поразило мужа, что онъ сошелъ съ ума и въ ти-

хоть сумашествіи былъ до конца жизни. Я какъ теперь его вижу: стройный, серьезный, молчаливый. Онъ постоянно жилъ у моего отца и очень любилъ мою мать. Отецъ мой былъ вспыльчивъ и строгъ; бывало, раскричится на мать мою; Михаилъ, молча, укажетъ дверь отцу и если тотъ не послушается, возьметъ за воротникъ сюртука и вытолкаетъ за дверь. Первое мое сознаніе младенчества представляется мнѣ не иначе, какъ я на рукахъ дяди Михаила. Однажды вообразилось ему, что я заяцъ; онъ ласкалъ и гладилъ зайчика и подносилъ уже къ печкѣ, полной жара, чтобы меня изжарить, и только хотѣлъ положить на уголья, какъ случайно вошелъ въ комнату Никита, камердинеръ отца, крикнувъ на дядю и отнявъ меня. Дядя опомнился, очень тревожился тѣмъ, что чуть было меня не изжарилъ.

Отецъ мой былъ совершенно нравственный человекъ, всю жизнь не зналъ вкуса въ водкѣ и винѣ, не дотрогивался до карты, былъ до крайности богомоленъ, посты соблюдалъ до аскетизма; всѣ знали его какъ честнѣйшаго и совершенно безкорыстнаго человекъ. Воспитаніе мновало его, церковную печать онъ читалъ свободно, ну, а гражданскую—не очень быстро, да и считалъ грѣховнымъ читать гражданскую книгу, писалъ тоже по старинкѣ, на примѣръ: императоръ и тому подобное. Написать письмо даже ко мнѣ ему нужно было не менѣе двухъ трехъ черновыхъ и чтобы во всемъ домѣ была ненарушимая тишина; помню, когда дѣлалъ конвертъ, и тогда никто не смѣлъ пройти по сосѣдней комнатѣ. Нрава былъ серьезнаго, улыбка была рѣдкою гостьей, и тогда непривыкшее лицо дѣлало какую-то страдальческую гримасу. Въ опасныхъ случаяхъ былъ крайне смѣлъ, должно быть, былъ храбръ. Характера былъ чрезвычайно вспыльчиваго, надъ зависящими отъ него былъ неумолимо строгъ, даже жестокъ, передъ людьми, на вершокъ выше его стоящими въ іерархіи—уничжался до послѣдней степени—класть земные поклоны,—таково было время его юности.

Родился онъ въ 1766 или 1767 году, умеръ въ 1852 году. Будучи въ отставкѣ, до старости служилъ по выборамъ: городничимъ, судьей, казначеемъ, и помню, разъ былъ содержателемъ соляныхъ магазиновъ. Вѣрилъ отецъ, не разсуждая: молитва, постъ, всѣ постановленія церкви—исполнялъ неотступно, строго, но вѣрилъ въ колдовство и въ постоянную дѣятельность чорта; надѣтъ жилеть, галстухъ, сапоги, не перекрестясь, онъ не рѣшился бы, но, исполнивъ все по своему убѣжденію, онъ уже ничего не боялся. Изъ многихъ случаевъ могу разсказать одинъ. Въ Можайскѣ, за московской заставой, по лѣвую сторону большой дороги, было кладбище колдуновъ, которыхъ хоронили не иначе, какъ забивая большой осиновой колъ въ спину покойнику. Этого кладбища очень боялись ночью. Разъ были у насъ гости, заговорили о злыхъ продѣлкахъ колдуновъ, и среди странныхъ разсказовъ, когда всѣхъ про-

нимала дрожь, кто-то сказалъ, что едва-ли найдется смѣльчакъ сходить въ полночь на кладбище.

— Развѣ сумасшедшій рѣшится на такую штуку,—говорили присутствующіе.

— Съ молитвой можно сходить,—отвѣчалъ отецъ.

Ему предложили пари. Отецъ, помолясь, отправился одинъ. Его упрашивали вернуться, мать плакала, но отецъ вернулся со щепкою, срубанною съ одного осинового кола. На другой день приложили щепку къ колу и убѣдились, что отецъ былъ дѣйствительно на кладбищѣ. Живя въ деревнѣ, помню, рѣдкій день не приходили казенные и разные поссорившіеся крестьяне на судъ къ отцу; сосѣдніе крестьяне такъ почитали его, что судъ его признавался безъапелляціоннымъ. Замѣчательно, что отецъ никогда не творилъ суда даромъ, судящіеся обязаны были привести хотя что-нибудь, хотя чашку меда, хотя кусокъ холста на полотенце, но даромъ не судилъ, видно, это былъ древній народный обычай. Отца такъ уважали, что въ голодные годы бывало сильное воровство хлѣба, у отца амбары были удалены и почти не запирались, но ни разу никто не покусился украсть. Существовало повѣрье: кто у Ивана Дмитріевича украдетъ хотя зерно, тотъ въ теченіе года умретъ и непременно обнищаетъ. Отецъ рассказывалъ, что при Екатеринѣ было генеральное межеваніе, и Золотилово должно было быть отмежевано къ Смоленской губерніи, но дѣдъ мой упросилъ комиссію, отмежевать Золотилово къ Московской губерніи; комиссія, исполняя просьбу дѣда, нѣсколько деревень отмежевала къ Москвѣ. Золотилово составило границу и клиномъ врѣзалось въ Смоленскую губернію.

Земля въ Золотиловѣ дотога безплодная, что безъ навоза не производитъ никакой сорной травы, а если рожь на удобренной землѣ родится самъ-третій, то считается хорошимъ урожаемъ. Посѣву было всего 11-ть десятинъ. Трудно понять, какъ отецъ жилъ отъ такого скуднаго хозяйства? Долговъ никогда не имѣлъ, были всѣ сыты, одѣвались по-дворянски и на все доставало. Правда, болѣе 200 дней въ году было постныхъ, но все-таки трудно свести концы при такихъ скудныхъ средствахъ—однако жили и кормили дѣтей, да и бѣдный не уходилъ голоднымъ, особливо странники. Именины, рожденія отца и матери справлялись со многими гостями. Дѣлались ежегодно приношенія въ монастырь Колоцкой Божіей Матери въ двухъ верстахъ отъ Золотилова. Попала мышь въ горшокъ или посуду, утонула курица въ колодезь, ни ѣсть изъ посуды, ни пить изъ колодца нельзя, пока не освятитъ монахъ. Какъ припоминаю, жили прилично; ѣздили великимъ постомъ ежегодно въ Москву для годовыхъ закупокъ. Въ Золотиловѣ сохранились записки расходовъ дѣда, изъ которыхъ видно, что на ежегодную покупку запасовъ въ Москвѣ издерживалось десять руб: за ночлегъ на постояломъ

дворѣ съ прислугой и лошадьми платили денежку, за копѣйку кормили прислугу и давали сѣна лошадямъ—вотъ было время!

Отецъ рассказывалъ мнѣ, что когда родители рѣшили его женить, то выбрали ему невѣсту въ городѣ Рузѣ у тамошняго помѣщика Максима Кузьмича Ломова, у котораго было душъ десять крестьянъ; онъ былъ 55 лѣтъ казначеемъ въ Рузѣ, умеръ 115 лѣтъ отъ горя, что французъ взялъ Москву.

— Батюшка, какъ вы познакомились съ моею матушкою?

— Зачѣмъ, братецъ, знакомиться: покойный батюшка сказалъ: Иванъ, поѣзжай въ Рузу къ Максиму Кузьмичу Ломову, у него одна дочь, Прасковья, ты на ней женись, я уже все сладилъ и пріѣзжай съ женой.

Отецъ мой не хотѣлъ жениться, но его послали къ невѣстѣ. Чтобы не понравиться ей, отецъ разорвалъ дорогою платье свое на колѣнахъ и локтяхъ, пріѣхалъ нечесанымъ и невытымъ, нюхалъ табакъ и не утиралъ носа. Между родителями было однако же заранѣе условлено, и ничто не помогло, отца женили на Прасковьѣ Максимовнѣ и дали двѣ семьи крестьянъ въ приданое.

Мать моя слыла первою красавицею въ уѣздѣ, и я хорошо помню ее: блондинка, румянецъ во всю щеку, добрая, ласковая, пріятливая, веселая, была очень образована, даже знала грамотъ, что тогда считалось рѣдкостью между женщинами. Мать ея, Настасья Ивановна, — была неграмотна. Дѣдушка говорилъ, что въ его время грамотная дѣвушка не нашла бы жениха.

— На что знать грамотъ женщинѣ?—спрашивалъ онъ.—Писать любовныя письма? болѣе не для чего.

Мать моя писала печатными буквами, она говорила и писала, не умѣя у мѣста поставить буквы п и б;—всегда ихъ смѣшивала. Она славилась хозяйкою и рукодѣльницею на весь уѣздъ. Мнѣ помнится, ее всѣ очень любили, только отецъ мой былъ жестокъ съ нею, бранилъ часто и хотя рѣдко, но бивалъ. Мнѣ было четыре года, мы были въ Можайскѣ, гдѣ отецъ былъ судьей. Лѣтомъ, около полдня, мать сидѣла у открытаго окна, а я стоялъ около нея; она работала. Домъ былъ на главной улицѣ, по которой проходилъ городничій Василій Яковлевичъ панъ Поляровскій,—это былъ великій щеголь своего времени, небольшого роста, черенъ, какъ негръ, съ курчавыми черными волосами. Онъ былъ въ новомъ сюртукѣ и круглой новой шляпѣ. Панъ Поляровскій (русскій чедовѣкъ) остановился передъ окномъ и разговаривалъ съ матерью. Отецъ въ это время шелъ изъ присутствія и видѣлъ разговаривающаго пана Поляровскаго, который, не долго постоявъ, ушелъ, не выдавъ отца. Пришелъ отецъ въ гнѣвѣ, красный, сильно началъ бранить мать, зачѣмъ сидѣла у окна и разговаривала съ паномъ Поляровскимъ, вытолкалъ

мать въ дѣвичью, а самъ заперся въ спальню. Мать плакала, молила—ни одного звука изъ спальни; такъ отецъ, трое сутокъ не пивши, не ѣвши и не сдѣлавъ движенія, пролежалъ на кровати; мать молилась на колѣнахъ и меня заставила молиться. Черезъ трое сутокъ, отецъ вышелъ молча и пошелъ молча въ судъ—вотъ характеръ! Мать была страдальцей. Беременная семнадцатымъ ребенкомъ, она упала съ дрожекъ и въ родахъ умерла.

Я родился въ 1797 году 24-го февраля въ Золотилковѣ и былъ первый сынъ у матери, которой было всего 16 лѣтъ.—У отца моего былъ слуга Никита. Онъ былъ неразлученъ съ отцомъ всю его службу; былъ преданный, честный и трезвый человѣкъ; въ одинъ часъ со мною у Никиты родился сынъ Иванъ и былъ назначенъ мнѣ въ слуги.

Мать рассказывала мнѣ, что я родился въ голодный годъ, жить было очень трудно, у ней не было молока, но она была рукодѣльница, дѣлала изъ разноцвѣтной бумаги, сплетая въ узелки, корзинки, коробочки, посылала продавать и покупала для меня молоко.

Отецъ мой былъ другаго характера, онъ былъ ростомъ 2 аршина 7 вершковъ, сложенія сухоощаваго, мускулистый, замѣчательно силенъ и необыкновенно переносливъ въ физическихъ трудахъ; до конца жизни держался прямо; вспыльчивъ, въ домѣ и даже между близкими родными—властитель; мнѣ говорили, что онъ никогда не сказалъ лжи. Старшимъ по службѣ, богатымъ по состоянію не только не кланялся, унижаясь, но былъ крайне подозрителенъ, какъ говорится—былъ щекотливъ, малѣйшее чванство осуждалъ, несмотря на лицо. Отецъ обращался со мною очень строго, за всякую малость сѣкъ меня изъ своихъ рукъ со всѣмъ усердіемъ на козлѣ, т. е. кто-нибудь бралъ меня за ручонки на свои плечи. Помню, очень часто терпѣлъ я это истязаніе. Слезы матери, просьбы родныхъ только усиливали наказаніе. Лѣтъ пяти, дѣдушка Михаилъ Кузьмичъ взялъ меня къ себѣ въ Рузу, у него на площади былъ свой домъ, а другой—нанимался подъ уѣздный судъ. Бабушка Настасья Ивановна души не слыхала въ первомъ своемъ внучкѣ. Жизнь у дѣдушки съ бабушкой была счастливѣйшая въ моей жизни; бабушка меня кормила цѣлые дни. Помню, я очень любилъ моченый горохъ; бабушка купила мнѣ узорчатый кувшинчикъ и съ вечера насыпала въ него горохъ и наливала водою. Поутру горохъ вылѣзалъ изъ кувшинчика. Эта прибавка гороха (неповятная для меня) и красота глинянаго росписнаго кувшинчика приводили меня въ восторгъ. Я жевалъ цѣлый день съ утра до вечера медъ съ хлѣбомъ, мороженыя сливки съ хлѣбомъ, моченыя яблоки, моченую бруснику, пирожки съ морковью, пряничные коньки и человѣчки, украшенные золотомъ и проч. Бабушка непремѣнно укладывала меня сама спать, читала долго молитвы, крестила и цѣловала безъ конца; потомъ придеть дѣдушка, сядеть на кровать,

шепчетъ молитвы, гладить мнѣ грудь и спину и уйдетъ, когда я засну. Дѣдушка, какъ казначей, имѣлъ гербовую бумагу на дому, и продажа была поручена мнѣ; крестьяне, покупая бумагу, платили мнѣ лишній грошикъ или копѣечку. Сколько я перекупилъ пряниковъ съ золотомъ и гречневиковъ на эти грошаки!

Вдругъ, неожиданно пріѣхалъ отецъ. Я, конечно, перепугался, спрятался въ кухнѣ подъ печкою въ самый задъ и заставилъ себя какимъ-то коробомъ. Слышу, меня ищутъ, разумѣется, хотятъ сѣчь, отецъ для того и пріѣхалъ. Искали меня долго, весь домъ поднялся, и, наконецъ, нашли. Я въ слезы, дѣдъ удивился и спрашиваетъ, о чѣмъ плачу; я разсказалъ ему, какъ отецъ часто и больно сѣчетъ меня.

— Иванъ, правду говоритъ внукъ?—спросилъ дѣдъ.

Отецъ признался; тогда дѣдъ повелъ отца въ свою маленькую спальню, заперъ дверь, и мы слышали, какъ онъ усердно хлесталъ ремнемъ отца, просившаго прощенія.

Дѣдъ былъ высокаго роста, очковъ не носилъ до смерти, въ курчавыхъ черныхъ волосахъ не было ни одного сѣдаго волоса. Онъ считалъ грѣхомъ имѣть часы.

— Грѣхъ повѣрять Бога,—говорилъ онъ.

Въ какое бы время дня и ночи, даже разбуженный, дѣдъ безошибочно говорилъ, который часъ.

Живя у дѣда, помню нѣсколько случаевъ старинны. Около дома былъ небольшой садъ и флигель, въ которомъ жилъ какой-то женатый родственникъ, служившій въ уѣздномъ судѣ. Одинъ разъ, жена его повалилась въ ноги къ дѣдушкѣ и, горько плача, жаловалась, что мужъ не любитъ ее, что она ни дѣлаетъ на зло мужу, онъ не бьетъ ее. Дѣдушка принялъ жалобу серьезно, сказалъ: худо такое дѣло и отпустилъ ее домой. Послѣ обѣда, дѣдъ позвалъ мужа, долго его бранилъ за хладнокровіе къ женѣ и пострадалъ самого наказать. Мужъ просилъ прощенья, обѣщалъ исправиться и ушелъ домой. Слышавъ этотъ разговоръ, я побѣжалъ къ флигелю, взобрался на завалинку и давай смотрѣть въ окно. Мужъ, не говоря ни слова, взялъ полотенце, свилъ крѣпкій жгутъ, такъ что, держа за конецъ, жгутъ стоялъ, какъ палка. Жена что-то ворчала, мужъ схватилъ жену за косу, бросилъ на полъ и началъ возить жгутомъ по чему ни попало, жена молила о прощеніи, но мужъ продолжалъ свое дѣло, она доползла до ногъ, начала цѣловать ихъ и просила простить ее. На другой день утромъ, пришла жена къ дѣдушкѣ, кланялась въ ноги, цѣловала руки и благодарила, говоря, что теперь она счастлива. Слышалъ я, какъ дѣдушка и бабушка говорили послѣ: какому же быть согласію и любви между супругами, если мужъ не бьетъ своей жены, значить, не любитъ ее. Послѣ при мнѣ жена не приходила болѣе жаловаться. Вотъ нравы—гдѣ они?

У дѣдушки былъ одинъ сынъ—Гаврила, молодецъ собою. Пришла пора его женить; невѣста, дочь помѣщика Можайскаго уѣзда, была привезена въ домъ дѣда ко дню брака, и я былъ шаферомъ. Дядя привезъ изъ Москвы первые смазные сапоги, которымъ всѣ дивились. Сапоги чистились ваксою изъ воска и сажн съ сахаромъ; я залѣзъ подъ столъ, находилъ вкуснымъ лизать сапоги и перепачкалъ себѣ лицо; всѣхъ это насмѣшило. Помню, какъ укладывали молодыхъ спать. Дѣдушка съ бабушкой сидѣли чинно и шептали молитвы, молодой сѣлъ на кровать, молодая, ставши на колѣна, снимала сапоги и чулки съ мужа; потомъ, я подаль молодой плетку (изъ ленточекъ сплетенную), какъ эмблему власти. Молодая подала покорно плетку мужу, который серьезно положилъ ее подъ подушку. Затѣмъ молодые сдѣлали по три земныхъ поклона, поцѣловали руки родителей и поцѣловались со мною. Старики прочитали молитву, перекрестили молодыхъ, заперли спальню на ключъ, и у дверей снаружи легла спать няня. По утру, дѣдъ съ бабушкой и старшими родными поднимали молодыхъ, и затѣмъ начался пиръ. Дѣду было около ста лѣтъ, но, подвыпивъ, въ восторгѣ, онъ проплясалъ русскую въ присядку. Бабушка, толстая, плыла, какъ лебедь, манила и отталкивала дѣда, который увивался около нея, а она и плечикомъ вела, и платочкомъ махала и, наконецъ, позволила себя обнять и поцѣловать. Вся пляска происходила подъ пѣни дворовыхъ дѣвушекъ. Обѣдъ былъ болѣе чѣмъ изъ 40 кушаньевъ, напр.: щи, лапша, каша съ курицей, ботвинья, уха, къ каждой похлебкѣ—особый пирогъ: съ мясомъ, съ кашей, морковью, рыбой и съ курицей; жаркихъ столько же: говядина, телятина, индѣйка, гуса, утки, дичина, разныхъ кашъ не менѣе пяти, разные кисели, сладкій пирогъ и много разнообразнаго здобнаго тѣста. Послѣ каждаго блюда угощеніе водкою; квасъ, медъ, пиво, пили кто чего желалъ; вино красное и бѣлое на концѣ обѣда. Пили, какъ подумаю, очень много, но безобразно пьяныхъ не было, народъ былъ крѣпкій. Обѣдали съ 10-ти часовъ утра до трехъ по полудни, потомъ поѣхали по городу: молодые съ бабушкой въ рогожномъ возкѣ, я сидѣлъ на козлахъ и разбрасывалъ въ народъ, то направо, то налево, по очереди, мелкія серебряныя деньги и бумажныя клѣтчатыя платки. Ъхали шагомъ, народъ ликовалъ, кланялся, поздравлялъ. За возкомъ ѣхалъ дѣдушка со сватомъ въ пошевняхъ, а за нимъ всѣ гости въ саняхъ. Такъ мы ѣздили до сумерокъ. По возвращеніи пошла опять попойка, угощали множествомъ варенья, пастилами, пряниками, изюмомъ, мочеными яблоками, моченою брусникою и ягодными квасами, плясали русскую по одной парѣ, потомъ мятелицу, закрути вавилонъ (въ родѣ польскаго, ломаными линиями). Помнится, никто трезвымъ не легъ спать.

Новая тетка моя, молодая Елена Яковлевна, была первая танцовка,—русскую она плясала съ мужемъ болѣе часа и какихъ колѣнъ не вы-

дѣлывала, а дядя Гаврила Максимычъ, въ восторгѣ, пошелъ въ присядку со звѣздочкою. Это такъ было хорошо, что многіе прослезились. Ужинъ былъ почти такой же, какъ и обѣдъ. Такъ пировали трое сутокъ. Пили, ѣли невѣроятно много, но всѣ были здоровы, ссоръ не было, только видно и слышно было, какъ всѣ цѣловались.

Руза—маленькій городокъ, извѣстенъ отвѣтомъ городничаго, когда путешествовалъ князь Потемкинъ, котораго повелѣно было встрѣчать съ царскими почестями. При вѣздѣ князя, въ Рузѣ не стрѣляли изъ пушекъ.

— Почему не стрѣляли?—спросилъ князь городничаго.

— На это я имѣю тысячу причинъ (это была привычная его поговорка),—отвѣчалъ городничій:—въ Рузѣ нѣтъ пушекъ и пороха.

— Довольно и одной,—отвѣчалъ Потемкинъ.

Онъ приказалъ подать вѣдомости о дѣлахъ въ судѣ.

— Не могу исполнить,—отвѣчалъ робко судья.

— Почему?

— Нѣтъ ни одного дѣла въ судѣ.

Въ Рузѣ, много сохранилось преданій о набѣгѣ Литвы. За рѣчкой, въ березовой рошѣ, указывали на выкопанныя ямы подъ корнями, куда прятали жители имущество при набѣгѣ. Я во многія лазилъ и нашелъ серебряную копѣечку.

Года полтора я жилъ у дѣдушки и послѣ того уже не видалъ его. Тетка моя Елена Яковлевна много лѣтъ спустя была у меня въ Кіевѣ, выпила 45 чашекъ чаю и очень была довольна.

Младшій братъ моего отца, а мой дядя, Ѳедоръ Дмитріевичъ, былъ умнѣе отца; это уже былъ грамотный, онъ былъ моимъ любимцемъ изъ всѣхъ Стоговыхъ; онъ былъ веселонравенъ, любилъ шутить; бывало, какъ ни больно выѣчетъ отецъ, какъ бы горько я ни плакалъ, но придетъ дядя и представитъ, какъ пьяные мужики валяются, я утѣшусь и расхожусь. Отецъ рассказывалъ: Ѳедоръ Дмитріевичъ былъ большой шалунъ, онъ былъ уже прапорщикомъ и чѣмъ-то провинился; старшій братъ Михаилъ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ отлучено отодрали розгами прапорщика; но это тогда не было странно, старшій братъ, въ отсутствіе отца, имѣлъ права родителя, а извѣстно, что графъ Каменскій своего сына полковника предъ фронтомъ наказалъ палками.

Послѣ жизни моей у дѣда, меня отдали въ Лужицкій монастырь (около Можайска), гдѣ былъ монахъ Константинъ, о которомъ шла слава, что онъ знаетъ французскій языкъ; онъ долженъ былъ выучить меня всему. Я уже сказалъ, что въ одинъ часъ со мною родился сынъ у камердинера моего отца, Никиты, а жена его Устинья была женщиною весьма близкая къ моей матери. Сына ихъ называли Иваномъ и со дня рожденія назначили его ко мнѣ камердинеромъ. Росли, шалили, учились, сѣ-

кли насъ все вмѣстѣ, только Ивана несравненно меньше. Вмѣстѣ съ Иваномъ мы гостили у дѣдушки, вмѣстѣ были отданы и въ монастырь. Монахъ Константинъ, кажется, незаслуженно слылъ за ученаго, — это былъ лицемѣръ, ругавшійся со всѣми. Меня ничему не училъ и въ полтора года жизни въ монастырѣ я выучилъ только: ла-фуршетъ и лакутонъ. Была для меня въ верхнемъ этажѣ келья, и къ намъ съ Иваномъ никто не входилъ, не сказавши: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа»; когда мы отвѣтимъ: Аминь, тогда входили. Насъ будили рано, ходили мы въ церковь и обыкновенно, черезъ минуту, выбѣгали шалить: лѣтомъ бѣгали въ саду, воровали ягоды, яблоки, а зимою — въ слободу къ мальчикамъ. Кормили насъ скверно за общей трапезой, гдѣ во время обѣда одинъ читалъ громко священныя книги. Послѣ обѣда всѣ монахи собирались въ особую комнату для бесѣды, и тутъ я постоянно слышалъ только перебранку и укоризны другъ другу. Впослѣдствіи я спросилъ отца: для чего онъ отдавалъ меня въ монастырь?

— А чтобъ ты, братецъ, узналъ монастырскую жизнь.

— Почему же вы не отдавали меня въ тюрьму?

— Потому, братецъ, что ты дуракъ.

Послѣ монастыря, я бѣгалъ въ Можайскѣ въ народную школу, гдѣ тоже ничему не учили, а все-таки сѣкли за лѣность.

По Золотилову былъ сосѣдъ, богатый помѣщикъ, Борисъ Карлычъ Бланкъ; предки его зашли въ Россію изъ Голландіи въ званіи архитекторовъ, еще при Петрѣ. Бланкъ былъ женатъ на тамбовской помѣщицѣ Буниной, у него было много деревень въ разныхъ губерніяхъ. Онъ жилъ въ селѣ Присловѣ, верстъ 6—7 отъ Золотилова, по-тогдашнему очень роскошно, у него были музыканты, устраивались иллюминаціи и фейерверки. Однажды, лѣтомъ, отецъ съ матерью пошли пѣшкомъ въ Прислово. Отецъ пошелъ впередъ, мать, ведя меня за руку, догнала отца, отецъ очень сердился, зачѣмъ мать взяла меня, и сказалъ: «неси сама, какъ онъ устанетъ, а я не понесу». Прошли мы версты двѣ-три, какъ я сѣлъ на землю и говорю: усталъ. Мать взяла меня на руки, но, будучи беременна, нести не могла, отецъ очень бранилъ ее. Очень хорошо помню, что мы шли по тропинкѣ между орѣховыхъ кустовъ; отецъ сказалъ мнѣ: вставай, братецъ, я дамъ тебѣ коня, ты садись верхомъ и поѣдешь. Вырѣзалъ орѣховый пруть, очистилъ головку и другой пруттикъ вмѣсто кнута, я сѣлъ верхомъ, отецъ сказалъ: смотри, хорошенько держи коня, а не то онъ разобьетъ тебя, видишь какой горячій. Я хлестнулъ коня прутикомъ, и онъ понесъ меня такъ, что я удержать не могъ, конь унесъ меня впередъ и возилъ галопомъ между кустовъ. Отецъ кричалъ: держи, братецъ, коня, а я отвѣчалъ: не могу держать, да такъ галопомъ и добѣжалъ до Прислова. Все это живо сохранилось въ моей памяти; уже въ Кіевѣ я рассказалъ отцу этотъ случай. Отецъ крайне

удивился, едва вѣрилъ, что я могъ это помнить, потому что мнѣ былъ только третій годъ. Я разсказалъ теперь, какъ удивительный случай впечатлительности младенческой памяти; у меня была няня Прасковья, сухая, длинная, серьезная старуха. За поясомъ у нея висѣлъ крашенинный снѣй съ бѣлыми крапинками платокъ, которымъ она часто утирала мнѣ носъ, но платокъ былъ такого грубаго полотна, что послѣ утиранья долго сыпались у меня искры изъ глазъ; замѣтя движеніе платка, я прятался подъ столъ или подъ кровать. Я былъ еще очень малъ, когда няня захворала, это было въ Можайскѣ, она лежала въ амбарѣ и ее соборовали. Впослѣдствіи я разсказалъ отцу, какъ умерла няня и какъ ее соборовали.—Отецъ сказалъ:—Ты, братецъ, помнить этого не можешь.

Но когда я разсказалъ подробно расположеніе нашей квартиры и того амбара, гдѣ соборовали, и какъ дьяконъ гадалъ по евангелію, будетъ ли жива, и на вопросъ протопопа тихо отвѣчалъ—нѣтъ, разсказалъ всѣ подробности церемоніи, отецъ изумился, слушая меня. Послѣ я уже не видалъ соборованія, но и теперь помню всѣ порядки. Няня кончалась, мы всѣ стояли тихо, какъ вдругъ пришла дѣвка Катька и шепнула Устинѣ:

— Прасковьюшка уже умерла, я видѣла, какъ ея душенька пролѣзла по углу черной кошкой.

Это такъ сильно на меня подѣйствовало, что я до офицерскаго чина не могъ отбиться отъ убѣжденія, что душа человѣка послѣ кончины должна отдѣлиться чѣмъ-нибудь видимымъ: кошкой, ласточкой и пр. Такъ сильны впечатлѣнія младенчества къ народнымъ повѣрьямъ.

II.

Жизнь Э. Стогова въ семействѣ Влжковъ.—Семейство Бунинныхъ.—Поэтесса А. П. Бунина.—Отправленіе Стогова въ Петербургъ.—Поступленіе его въ морскую кадетскій корпусъ.—Адмиралъ Ханьковъ.—Сенаторъ Бакуинъ и его семейство.—Императоръ Александръ I и Нарышкины.—Остроты послѣдняго.

Мнѣ было лѣтъ 8-мъ, какъ, не имѣя дѣтей, Бланкъ взялъ меня къ себѣ. Это были люди важныя, носили шелковые чулки, говорили постоянно по-французски, отчего и я выучился говорить на этомъ языкѣ. Деликатное обращеніе, важность даже прислуги, такъ на меня подѣйствовали, что я присмирѣлъ и пересталъ шалить. Комната моя была на антресоляхъ, а въ другой жилъ, по бѣдности, князь Шаликовъ. Онъ только-что кончилъ университетъ, и его обязанностью было сочинять

стихами надписи на транспарантахъ, въ иллюминацію. Это былъ армянинъ средняго роста, худощавый брюнетъ, съ огромнымъ носомъ, ему было за 20 лѣтъ, и я не могъ быть ему товарищемъ.

Князь Шаликовъ, впоследствии издававшій дамскій журналъ, былъ любимцемъ дамъ, ходилъ въ бланжевыхъ чулкахъ и никогда въ сапогахъ. Надъ тощимъ журналомъ смѣялись, а Шаликовъ жилъ отъ журнала. Воейковъ, въ «Сумасшедшемъ домѣ» характеризуюя всѣхъ литераторовъ, не забылъ и Шаликова.

Жизнь моя у Бланка сохранила въ памяти: празднества, много гостей, торжественность и парадъ. У Бланка жила теща Варвара Петровна Бунина, которая приходилась намъ какъ-то родней. Пріѣхалъ въ отпускъ Иванъ Петровичъ Бунинъ. Онъ былъ извѣстенъ всему Питеру, какъ неисчерпаемый весельчакъ, игралъ на всѣхъ инструментахъ, пѣлъ пѣсни на всѣхъ языкахъ, былъ удивительный гримасникъ, умѣлъ двигать ушами, жужжалъ мухой въ паутинѣ, представлялъ удивительно вѣрно, какъ дрались кошка съ собакой и много разныхъ штукъ. Какъ весельчакъ, острякъ, шуткарь, танцоръ, пѣвецъ, музыкантъ и пр. и пр., Бунинъ самъ называлъ себя на визитныхъ и приглашительныхъ билетахъ: «Кумъ свахи Аполлона», былъ необходимый членъ всѣхъ собраній общества. Онъ былъ учредитель «Общества пробки», такъ много надѣлавшаго шума въ свое время. Теща Бланка была родная сестра Бунину. Явился Бунинъ блестящимъ шеголемъ, весь бомондъ Можайскаго уѣзда взбаламутился; у Бланка не прерывались праздники, и пребываніе Бунина составило эпоху веселья въ уѣздѣ. Одинъ разъ, Бунинъ подозвалъ меня къ себѣ, взялъ за ухо, посмотрѣлъ на пальцы и спросилъ моего отца, куда я назначаюсь служить? Отецъ отвѣчалъ, что онъ небогатый человекъ и еще не рѣшилъ.

— Если вашего сына,—сказалъ Бунинъ,—не будетъ укачивать на кораблѣ, то отдайте его въ Морской корпусъ.

Отецъ затруднялся, но Бунинъ прибавель:

— Пришлите его только въ Питеръ, я берусь опредѣлить его, это уже мое дѣло

Съ этой минуты мое назначеніе служить во флотъ было рѣшено.

Послѣ Бунина, пріѣхала меньшая сестра его, извѣстная дѣвица-поэтъ Анна Петровна Бунина. По неизвѣстнымъ мнѣ связямъ, Бунины были близки къ Ахвердову, бывшему учителю или кавалеру великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Онъ жилъ въ Михайловскомъ замкѣ, въ которомъ скончался императоръ Павелъ. Будучи 17 лѣтъ, А. П. Бунина пріѣхала погостить у Ахвердова, и онъ, видя бѣдность дѣвушки, посоветовалъ просить милости у вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и написать ей письмо. Деревенская дѣвушка, конечно, затруднялась сочиненіемъ письма, сидѣла около окна и сочиняла.

Ахвѣрдовъ подошелъ сзади, взглянулъ и удивился, увидавъ, что дѣвушка пишетъ письмо стихами. Этотъ первый трудъ Буниной былъ представленъ Маріи Ѳеодоровнѣ. Бунина получила 500 руб. пенсіона. Это ободрило дѣвушку, она написала посланіе къ императору Александру и получила отъ него тоже пенсіонъ. Тогда Бунина стала писать ко всей царской фамилии. Знаю, что даже Константинъ Павловичъ и тотъ далъ ей 150 руб. пенсін, такъ что бѣдная дѣвушка была обеспечена въ жизни. Подобный успѣхъ въ стихотворствѣ ободрилъ Бунину, и она стала сочинять басни, оды, элегіи и пр. Сочиненій ея набралось на два томика съ разгонистой печатью. Стихи стояли страшнаго труда Аннѣ Петровнѣ, но за то и читать ихъ можно только за большое преступленіе. Можетъ быть, ихъ никто и не читалъ, но всѣ хвалили Бунину, называли ее—«десятая муза».

На святкахъ отецъ съ матерью послали меня съ Василисою послухать, что со мною сбудется? Противъ насъ жилъ купецъ Жаркихъ; мы подошли къ его окну и услышали, что хозяинъ дома говорилъ сыну:

— Нечего откладывать, постомъ поѣзжай въ Москву.

Этого было довольно, и судьба моя рѣшилась, отецъ отвезъ меня въ Москву. Тамъ была Анна Петровна Бунина и, собираясь ѣхать въ Питеръ, она взяла меня съ собою. Дома были молебны, прощанія, благословенія; мать заливалась слезами и приговаривала, что меня болѣе не увидитъ; всѣ плакали, одинъ я радовался, что избавлюсь отъ розогъ. При выѣздѣ изъ Москвы, отецъ провожалъ, сидя на облучкѣ, и, прощаясь на заставѣ, обратясь ко мнѣ, строго сказалъ:

— Похоронилъ я своего отца и мать и не плакалъ, а провожая тебя, не удержалъ слезъ—такъ помни же это. Боже тебя сохрани, если услышу о тебѣ что-нибудь худое,—задеру!

При этомъ, какъ теперь вижу страшный его указательный палецъ, которымъ онъ грозилъ мнѣ.

Путешествіе съ А. П. Буниной мы совершали на долгихъ, въ рогожной кибиткѣ. Останавливались въ Твери, гдѣ жила сестра государя, Екатерина Павловна, бывшая замужемъ за принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, котораго вся Россія звала: «Принцъ шишка» по опухоли, бывшей у него на лбу. Провожая тетку Бунину во дворецъ, я одинъ разъ видѣлъ великую княгиню, помнится, она была красавица. Герцога не было дома, онъ былъ въ Новгородѣ.

По пріѣздѣ въ Гатчину, гдѣ жила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, насъ помѣстили во дворецъ, и отвели двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ, съ окномъ въ садъ. Я влѣзъ на окно, усѣлся спустивъ ноги наружу и, колотя ими о стѣну, смотрѣлъ на вычищенную и усыпанную пескомъ аллею. День былъ прекрасный; смотрю, идутъ двѣ дамы: одна

тетка моя Бунина, а другая толстая, круглолицая старуха, подарившая мнѣ конфетъ и оказавшаяся императрицею.

Бунина была небольшого роста, но прехорошенькая, говорятъ, она имѣла много жениховъ, но такъ дорожила славою своего имени, что не рѣшилась лишиться извѣстности, и умерла дѣвицей.

А. П. Бунина передала меня брату, а тотъ на другой день отвезъ меня въ Морской корпусъ, и я въ первый же день поступления отлично подрался съ кадетомъ Слезовымъ, таковъ былъ обычай: новичковъ сводили драться со старшими кадетами, и когда я повалилъ Слезова, то мнѣ велѣли бить, пока не скажетъ: «покоренъ», что я исполнилъ, и сдѣлался старымъ кадетомъ. Бунина по праздникамъ брала меня изъ корпуса, возила съ собою ко всей аристократіи, часто мы бывали у сенатора Бакунина, Архарова, Шишкова, и другихъ. Когда же братья меня Бунинъ, то я постоянно былъ въ домѣ адмирала Ханыкова, такъ какъ Бунинъ былъ у него адъютантомъ. Тогда пѣли:

Ванька Бунинъ негодяй,
Ванька Бунинъ не зѣвай,
Твоя Анна ¹⁾ хороша,
У ней добрая душа.

Адмиралъ Ханыковъ—извѣстенъ исторіи русскаго флота и былъ знаменитостью; въ это время онъ былъ уже въ параличѣ, но въ общемъ уваженіи. Параличъ его разбилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: во время войны съ англичанами, два непріятельскіе корабля напали на нашъ корабль «Всеволодъ», Ханыковъ далъ сигналъ не помню какому кораблю: идти на помощь «Всеволоду», но капитанъ этого корабля, получивъ сигналъ, схватился за голову, крикнулъ: «моя жена, мои дѣти!» и не пошелъ съ кораблемъ на помощь. «Всеволодъ» такъ сражался съ двумя кораблями, что изъ 800 человѣкъ команды осталось 60 человѣкъ и когда ихъ взяли всѣхъ ранеными, то англичане отдали всѣ почести храбрецамъ, а командира Руднева встрѣтили съ обнаженными головами и вмѣсто плѣна отпустили всѣхъ. Ханыковъ, какъ всѣ высокостоящіе, имѣлъ много враговъ, его обвинили передъ государемъ, онъ приказалъ назначить судъ. Судъ приговорилъ Ханыкова разжаловать въ матросы, но государь написалъ: «разжаловать на 12 часовъ и Ханыкову не объявлять». Старикъ Ханыковъ имѣлъ обыкновение каждое утро гулять два часа; у воротъ, одинъ врагъ его уже дожидалъ и спросилъ, почему онъ не въ платѣ матроса? При этомъ показалъ ему приказъ. Это такъ поразило Ханыкова, что съ нимъ сдѣлался параличъ. Государь очень любилъ старика и очень жалѣлъ. Ханыковъ былъ старикъ средняго роста, толстый, добродушный, простой и очень умный. О Ханыковѣ ходило мно-

¹⁾ Анна Петровна—супруга Ханыкова.

жество анекдотовъ, когда онъ былъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Онъ всякій день повѣрялъ самъ цѣны на базарѣ и доброту провизіи, всякій день самъ покупалъ себѣ сухари, крендели; завтракъ его состоялъ почти всегда изъ яичницы. Разъ приходитъ мичманъ съ рапортомъ; адмирала не было дома, мичманъ соблазнился, съѣлъ яичницу и ушелъ. Ханыковъ узналъ, но не сказалъ ни слова, а за тѣмъ всякое утро къ мичману являлся ординарецъ и приглашалъ къ адмиралу кушать яичницу. Такъ прошло болѣе мѣсяца. Однажды осенью въ дурную погоду, ординарецъ, по обычаю является къ мичману.

— Пожалуйте къ адмиралу, — докладываетъ онъ.

— Сегодня я не хочу ѣсть яичницы — не пойду, — отвѣчалъ мичманъ.

Тогда явилось шесть матросовъ съ ружьями и отвели его подъ карауломъ къ Ханыкову. Старикъ объявилъ, что его звалъ не Ханыковъ, а адмиралъ, посадилъ его подъ арестъ и продержалъ тамъ столько дней, сколько онъ съѣлъ яичницъ. Императоръ Александръ I очень любилъ Ханыкова и часто пріѣзжалъ къ нему обѣдать въ Кронштадтъ. Государь очень любилъ портеръ, ввозъ котораго въ Россію былъ строго запрещенъ. Ханыковъ за обѣдомъ призываетъ камердинера и говорить, что въ углу подвала, кажется должна быть одна бутылка портера, привезенная самимъ Ханыковымъ изъ Англіи; бутылка является. Послѣ многихъ обѣдовъ, на которыхъ всегда подавалась послѣдняя бутылка, государь позвалъ камердинера и повторилъ приказаніе Ханыкова поискать послѣднюю бутылку портера. И на этотъ разъ бутылка явилась. Посмѣявшись императоръ, попросилъ подарить ему дюжину послѣднихъ бутылокъ портера, и Ханыковъ исполнилъ желаніе гостя. Адмиралъ имѣлъ привычку каждаго называть душенька; говорятъ, онъ часто и государя называлъ «душенька ваше величество».

Тетка Бунина часто ѣздилъ ко дворцу, и я присутствовалъ при ея туалетѣ. Замѣтивъ, что она румянится и бѣлится, я по простотѣ спросилъ ее:

— Вы, тетенька, такая бѣленькая и румянецъ во всю щеку, для чего же вы бѣлитесь и румянитесь?

— Глупенькій, — отвѣтила она, — этого требуетъ этикетъ двора, я могу сконфузиться, поблѣднѣть или покраснѣть и тѣмъ поставить другихъ въ неловкое положеніе, а набѣдившись и нарумянившись, я не перемигнуся, хотя бы и сконфузилась.

Чаще другихъ вельможъ тетка возила меня къ сенатору Бакунину; онъ былъ важенъ и жилъ великолѣпно. Семейство Бакунина состояло изъ жены, пяти дочерей и одного сына. Порядокъ былъ всегда одинъ: передъ обѣдомъ все семейство разряженное собиралось въ гостиной; самъ Бакунинъ Михаилъ Михайловичъ — въ бѣломъ галстухѣ, бѣломъ жилетѣ, во фракѣ, въ короткихъ брюкахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ

съ большими серебряными пряжками, украшенными драгоценными камнями, завить и напудрять. Мужъ церемонно бралъ подъ руку жену и вель ее въ столовую, гдѣ всякій день накрывалось 30 приборовъ. Приходилъ обѣдать, кто хотѣлъ, только дворецкій наблюдалъ, чтобы каждый былъ прилично одѣтъ, да еще новый гость не имѣлъ права начинать говорить съ хозяевами, а только отвѣчать. Мнѣ помнится, что лица большею частью были новыя. За столомъ была большая чинность, говорили только хозяева и близкіе гости. Послѣ обѣда и кофе, незнакомые кланялись и уходили.

Въ то время, во многихъ домахъ у вельможъ накрывалось лишнихъ 30, 20 и 15 приборовъ для бѣдныхъ приходящихъ, фамилій которыхъ хозяинъ и хозяйка не старались никогда узнавать. Я помню званый и парадный обѣдъ у Нарышкина; обѣдало, думаю, человекъ 150. Послѣ обѣда всѣхъ гостей развозили въ хозяйскихъ каретахъ и каждому гостю дарили полный приборъ со стола; серебряный ножъ съ вилокъ, ложку, ложечку, фарфоровыя тарелки и остатки фруктовъ и конфетъ. Такіе обѣды давались немногими и въ рѣдкихъ случаяхъ. Аристократы всѣ имѣли свои большіе дома и въ наемъ ихъ не отдавали, а всѣ лишнія комнаты многіе предоставляли раненымъ офицерамъ, вдовамъ офицеровъ и другимъ немущимъ. У Бакуниныхъ и Архарова отдавалось квартиры по 20 и болѣе—бѣднымъ. Чуть какой-нибудь праздникъ, бѣдныхъ жильцовъ приглашали обѣдать. Помню, я подемотрѣлъ за двумя вдовами, какъ онѣ зимою, за обѣдомъ, когда подавали, какъ рѣдкость, на десертъ груши, дѣлали складку на краю скатерти, клали на складку грушу и когда никто не смотрѣлъ, дергали за скатерть и груша падала въ подставленный и раскрытый на колѣнахъ ридикюль. Я рассказалъ это теткѣ и спросилъ:

— Для чего онѣ это дѣлають?

— Онѣ бѣдны,—отвѣчала она; эту грушу снесутъ въ Милютины лавки и продадутъ за 50 коп., а купцы продають по рублю; бѣдная же вдова купить себѣ необходимое.

Послѣ обѣда, тетка похвалила искусство повара. Бакунина расхвалила его и какъ человекъ. Она рассказала, что однажды, когда опоздали оброки изъ деревень, поваръ не обезпокоилъ Михаила Михайловича, а содержалъ весь домъ на свои деньги, а послѣ Бакунинъ заплатилъ ему 45 тысячъ рублей.

— Поваръ, вѣдь, крѣпостной, откуда онъ взялъ столько денегъ?—спросилъ я тетку.

— Конечно, нажилъ отъ своихъ господъ,—отвѣчала она, смѣясь, и замѣтила: богатые господа живутъ и даютъ жить другимъ.

У Бакуниныхъ былъ одинъ сыночекъ, Вася, мнѣ ровестникъ. Хотя я былъ уже гардемаринъ, но удивлялся знаніямъ Васи, чего, чего, онъ

не зналъ: языки древніе и новыя, исторію, географію, отличный былъ математикъ, физикъ, химикъ, и проч. и проч. Васѣ Бакунину предстояла блестящая карьера по службѣ въ Россіи. Воспитаніе, богатство, связи, всѣ пути были ему открыты, только выбирай, а онъ выбралъ дорогу заговорщика, отдался коммунизму, сдѣлался отчаяннымъ республиканцемъ и радикаломъ; былъ сосланъ въ Сибирь, обжалъ за границу и сдѣлался заклятымъ врагомъ Россіи. Было много у меня ровесниковъ изъ дѣтей вельможъ, и ви одинъ не пошелъ далеко по службѣ. Мнѣ припомнился отвѣтъ Нарышкина. Какъ-то разъ у него обѣдалъ императоръ Александръ I и съ чувствомъ неудовольствія сказалъ Нарышкину:

— Я стараюсь поддержать старыя фамиліи, но, къ удивленію, дѣти вельможъ не оправдываютъ надеждъ.

— Это не должно удивлять ваше величество,—отвѣчалъ Нарышкинъ;—наши дѣти всѣ въ воспитательномъ домѣ, а законныя, которыя живутъ при насъ, все дѣти нашихъ лакеевъ и кучеровъ.

За этимъ же обѣдомъ, государь жаловался, что у него становится слабо зрѣніе, и спрашивалъ, гдѣ бы найти хорошія очки. Нарышкинъ указалъ на обѣдавшаго на другомъ концѣ стола Пестеля, который былъ въ очкахъ.

— Я лучшихъ очковъ не знаю,—сказалъ Нарышкинъ,—Пестель постоянно живетъ въ Петербургѣ и видитъ все, что дѣлается въ Сибири.

Эта острота много повредила Пестелю, онъ былъ генераль-губернаторъ Сибири и не выѣзжалъ 13 лѣтъ изъ Петербурга.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXIII ¹⁾.

Назначеніе генераль-адъютанта графа Граббе наказнымъ атаманомъ войска Донскаго. — Его отношенія къ дѣятельности своего предшественника. — Столбовеніе В. А. Панаева съ графомъ Граббе. — Приговоръ объ уничтоженіи желѣзной дороги. — Командированіе изъ Петербурга на Дѣнь генерала барона Дельвига. — Путешествіе наслѣдника Николая Александровича по Волгѣ и Дону. — Пребываніе его въ Царицынѣ, Цимлянскій станицѣ и въ Новочеркасскѣ.

Н адо сказать, что въ концѣ 1861 года, когда Хомутовъ былъ еще атаманомъ, онъ получилъ, секретно, записку военнаго министра о преобразованіи, которое предполагается сдѣлать въ войскѣ, при чемъ долженъ былъ быть уничтоженъ особый бюджетъ войска, которое по этому случаю лишалось винныхъ и селянскихъ доходовъ. Зимой 1862 г. князь Дондуковъ былъ въ Петербургѣ и передъ отъѣздомъ своимъ подалъ, помимо министра, частную записку государю, гдѣ высказывалъ пагубныя послѣдствія реформы и возможные волненія въ донскомъ казачествѣ. Секретная записка была переписана во многихъ экземплярахъ и распространена между простымъ казачествомъ, и тамъ распространился слухъ, что казаковъ хотятъ обратить въ государственныхъ крестьянъ.

Съ отозваніемъ Хомутова, Дондуковъ не былъ назначенъ атаманомъ, а исправлялъ только эту должность. Онъ ежеминутно ожидалъ назначе-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ декабрь 1902 г.

нія, но таковое не явилось. По войску полетѣли адъютанты и чиновники особыхъ порученій для того, чтобы успокаивать впрочемъ не волновавшееся казачество, которые главнымъ образомъ и разнесли то, чего простое казачество не могло и знать.

И вотъ, по отъѣздѣ атамана стали непрерывно являться изъ разныхъ станицъ депутаціи къ Дондукову. Онъ принималъ эти депутаціи торжественно по воскресеньямъ и объявлялъ имъ, чтобы онѣ были покойны и что, пока онъ будетъ на Дону, не допустить преобразованій, а на другой день доносили объ этихъ депутаціяхъ, говоря, что онъ успокаиваетъ ихъ.

Министръ, конечно, понялъ интригу и послалъ въ Новочеркасскъ флигель-адъютанта Мезенцова, какъ бы для рекрутскаго набора по тѣмъ немногимъ селамъ, которыя находятся въ землѣ войска Донскаго. Никто, конечно, не подозрѣвалъ миссіи Мезенцова. Это былъ человекъ веселый, общительный, чрезвычайно умный и очень образованный.

Онъ бывалъ во всѣхъ обществахъ и черезъ два мѣсяца вернулся въ Петербургъ, съ запасомъ наблюденій того, что творилось въ Новочеркасскѣ.

Между тѣмъ, приказа о назначеніи князя Дондукова атаманомъ не появлялось. Въ Новочеркасскѣ затѣяли дать ему обѣдъ, на которомъ онъ сказалъ, что если не будетъ назначенъ атаманомъ, то не останется начальникомъ штаба.

Наконецъ, былъ назначенъ атаманомъ старикъ Граббе. Тогда нашли нужнымъ дать опять обѣдъ Дондукову, чтобы онъ имѣлъ приличный поводъ отказаться отъ своихъ словъ. И, дѣйствительно, на этомъ второмъ обѣдѣ, Дондуковъ объявилъ, что онъ почтетъ за честь служить подъ начальствомъ такого высокопочтеннаго и храбраго генерала, и на другой же день поѣхалъ къ нему навстрѣчу.

Граббе, по своей дряхлости, непрактичности и незнанію всѣхъ условій края, попалъ подъ влияніе Дондукова.

Во всякомъ случаѣ, наблюденія, которыя могъ вынести Мезенцовъ изъ Новочеркасска, должно быть, порѣшили вопросъ объ удаленіи оттуда Дондукова.

Въ это время я собрался ѣхать въ Петербургъ и пошелъ откланяться Граббе.

— Вы когда ѣдете?—спросилъ онъ.

— Завтра или послѣ завтра,—отвѣтилъ я.

— И попрошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе ѣхать сегодня же. Я пришлю вамъ сейчасъ конвертъ и курьерскую подорожную. Этотъ пакетъ прошу васъ, не передѣваясь, прямо съ поѣзда, доставить лично военному министру. Дѣло не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства и касается назначенія начальника штаба.

По приїздѣ въ Петербургъ, на третій день утромъ въ 9 часовъ, я отправился прямо на квартиру къ военному министру и заявилъ фельдъегерю, что я привезъ пакетъ отъ Граббе, который приказалъ мнѣ лично доставить министру, прямо съ поѣзда.

Министръ вышелъ, и я подалъ ему пакетъ. Онъ прочелъ, смялъ бумагу въ клубокъ, бросилъ ее на полъ и сталъ спрашивать, въ какомъ положеніи постройка дороги.

Вечеромъ того же дня, ко мнѣ на квартиру приѣхалъ генераль-адъютантъ Орловъ-Денисовъ.

— Я получилъ сейчасъ высочайшее повелѣніе, сказалъ онъ, отправиться немедленно въ Новочеркасскъ и везу приказъ о назначеніи начальникомъ штаба генераль-маіора Оомина.

Дондуковъ былъ назначенъ начальникомъ кавалерійской дивизіи въ Воронежѣ, но туда не поѣхалъ и вышелъ въ отставку.

Нѣтъ сомнѣнія, что Граббе былъ достойнѣйшій и образованнѣйшій человекъ, имѣвшій репутацію храбраго генерала; но не практичный, трудно понимающій все до его специальности не относящееся, имѣлъ взгляды либеральнаго пошиба первой четверти нынѣшняго столѣтія, постоянно проповѣдывалъ о необходимости самоуправленія, былъ склоненъ къ громкимъ фразамъ и человекъ уже слишкомъ дряхлый.

Граббе приѣхалъ на Донъ съ большимъ предубѣжденіемъ противъ Хомутова, подобно тому, какъ мнѣ обрисовали его передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Онъ не скрывалъ этого предубѣжденія и очень рельефно проявлялъ его на каждомъ шагу. Обидно было для уважавшихъ и любившихъ искренно благороднѣйшаго Хомутова быть свидѣтелями разныхъ эпизодовъ, въ которыхъ высказывалось неделикатное отношеніе новаго атамана къ своему предшественнику.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ этой неделикатности. Надо сказать, что наказному атаману отводилось отъ войска значительное количество земли, которая сдавалась въ аренду на торгахъ. Арендаторъ слѣдующія съ него деньги приносилъ прямо Хомутову. Послѣдній любилъ аренду получать большею частью серебряными цѣлковыми для того, чтобы носить ихъ съ собою для раздачи разнымъ обращавшимся къ нему бѣднымъ лицамъ. Арендаторъ, простой торговый казакъ, принесъ слѣдующую съ него аренду въ мѣшкѣ цѣлковыми и вошелъ съ нимъ въ кабинетъ Граббе, находившійся рядомъ съ общей пріемной залой.

Граббе разразился неистовымъ крикомъ, вынесъ мѣшокъ съ цѣлковыми въ залу, бросилъ его и приказалъ адъютантамъ сосчитать серебро и, при этомъ обращаясь къ арендатору, сказалъ:

— Какъ вы смѣете приносить деньги прямо ко мнѣ, а не въ войсковое правленіе. Я васъ не знаю и знать не хочу. Прошу отвыкнуть отъ прежнихъ порядковъ, теперь уже не то!

И вслѣдъ за тѣмъ торжественно возвратился въ кабинетъ.

Вернувшись недѣли черезъ три изъ Петербурга въ Новочеркасскъ, я, разумѣется, не нашель уже Дондукова. Въ тотъ же день явился ко мнѣ старшій техникъ, десять лѣтъ служившій у меня на Николаевской дорогѣ, человѣкъ испытанный, знающій работы и въ особенности честный, и сообщил мнѣ, что сынъ его, одинъ изъ многихъ младшихъ десятниковъ, находился на работахъ для надзора за мощеніемъ камнемъ откосовъ, спускающихся къ рѣкѣ Аксаю. Подѣхали три казака, остановились на работахъ и спрашиваютъ его: Что онъ здѣсь дѣлаеть?

— Мощу камнемъ откосы.

— Для чего это дѣлаешь, вѣдь весной вода все смоетъ въ рѣку, только деньги наши изводите.

— А вамъ какое дѣло, я исполняю приказаніе начальства, убирайтесь отсюда вонъ.

— Какъ какое дѣло, и какъ ты смѣешь гнать насъ. Самъ атаманъ приказалъ намъ осмотрѣть работы и донести, что не ладно. Не мы уберемся отсюда, а ты убирайся.

И казаки стали бить его нагайкой.

— Сынъ мой, — говорилъ техникъ, — бросился бѣжать съ откоса на рѣку, гдѣ былъ тонкій ледъ и провалился; казаки за нимъ съ нагайкамп, избили его и потащили въ полицію, гдѣ онъ и сидать уже пять дней.

Я былъ убѣжденъ въ вѣрности сообщеннаго мнѣ разсказа отцомъ и написалъ сейчасъ письмо полицеймейстеру, прося его сообщить, что за люди, приведшіе десятника съ желѣзной дороги, и просилъ немедленно выпустить его, чтобы узнать, въ чемъ заключается дѣло.

На это я никакого отвѣта не получилъ, и десятникъ не былъ выпущенъ. На слѣдующій день я написалъ другое письмо уже съ категорическимъ требованіемъ выпустить подчиненнаго мнѣ десятника. Это письмо тоже осталось безъ отвѣта. Меня это крайне удивило.

Вечеромъ, не получивъ отвѣта на второе мое письмо, я отправился къ Граббе, разсказалъ ему о томъ, что мой подчиненный десятникъ взятъ съ работъ и сидятъ пятый день въ полиціи, и что полицеймейстеръ не отвѣтилъ мнѣ на два письма и десятника не выпускають.

Выслушавъ мой разсказъ, Граббе, потрясая кулакомъ, сказалъ:

— О, я ему покажу!

Я принялъ этотъ возгласъ за обращенный къ полицеймейстеру и удивился такой энергіи. Но вслѣдъ за тѣмъ Граббе началъ ругать десятника и безпрестанно повторять: «я ему покажу, я ему покажу». Тогда я сказалъ Граббе, что у меня до 20 человѣкъ десятниковъ, что я не знаю ихъ всѣхъ въ лицо, что если десятникъ сдѣлалъ какое-либо преступленіе или проступокъ, такъ его надо отдать подъ судъ, но что я не могу допустить, чтобы посторонніе люди брали десятника съ работъ,

гдѣ онъ приставленъ для наблюденія, чтобы они при этомъ били его и затѣмъ посадили въ полицію, гдѣ десятникъ до сихъ поръ находится, и что мой авторитетъ, какъ начальника желѣзной дороги, будетъ абсолютно уничтоженъ.

Мояхъ поясненій Граббе не понялъ. Видя его въ раздраженномъ положеніи, причину котораго я тогда не понялъ, я ушелъ, не достигши никакого результата.

На другой день, надѣвъ уже мундиръ, я пріѣхалъ къ Граббе и подалъ ему рапортъ съ требованіемъ о назначеніи форменнаго слѣдствія. Граббе поморщился и, подержавъ рапортъ нѣкоторое время въ рукахъ, положилъ его передо мной и сказалъ:

— Я прошу взять рапортъ назадъ.

Я категорически и рѣшительно отвѣтилъ, что рапорта назадъ не возьму.

— Такъ до вашей дороги, — сказалъ Граббе, — точно до святыни дотрогиваться нельзя.

Послѣ такихъ словъ, я конечно сейчасъ же уѣхалъ.

Спустя часъ времени, ко мнѣ пріѣхалъ одинъ господинъ и разъяснилъ мнѣ обстоятельство, случившееся съ десятникомъ. Три казака, пріѣхавшіе на работу, были станичные атаманы города Новочеркаска. Въ административномъ отношеніи Новочеркасскъ считался не городомъ, а совокупностью трехъ станицъ, съ выборными атаманами. Эти атаманы, подогрѣтые членами войсковаго правленія, явились къ Граббе съ жалобой на стѣсненія, которыя причинила будто бы городу желѣзная дорога. Граббе, бредившій самоуправленіемъ, отвѣтилъ имъ:

— Поѣзжайте, осмотрите дорогу и донесите мнѣ о вашихъ претеязіяхъ.

Тогда мнѣ сдѣлалось понятнымъ раздраженіе Граббе на неизвѣстнаго десятника и попытка его возвратитъ мнѣ рапортъ, требовавшій слѣдствія. Понятно, что слѣдствіе должно было обнаружить, что работы осматривали атаманы по приказанію самого Граббе. Я немедленно поѣхалъ къ нему и рассказалъ, что станичные атаманы ссылаются на приказаніе, полученное ими будто бы отъ самого наказнаго атамана, и потому, принимая это во вниманіе, я готовъ взять мой рапортъ обратно.

Граббе не понялъ моей деликатности и сказалъ:

— Такъ они ссылаются на меня, мы посмотримъ!

Прошла недѣля, но по моему рапорту однако не послѣдовало назначеніе слѣдствія.

Тогда я свезъ ему прошеніе объ отставкѣ и длинное письмо, объяснивъ при этомъ лично, что буду въ необходимости объяснить главноуправляющему путями сообщенія и военному министру причину моей

отставки, за три мѣсяца до окончанія дороги, которою они оба сильно интересовались. Въ тотъ же день, Граббе возвратилъ мнѣ прошеніе объ отставкѣ и сообщилъ, что онъ назначилъ слѣдствіе по дѣлу о десятникахъ.

Слѣдствіе постаралось, конечно, скрыть, что станичные атаманы объѣзжали работы съ согласія Граббе, и приказомъ по войску былъ сдѣланъ имъ выговоръ.

Я былъ удовлетворенъ. Но члены войскового правленія, которые и подослали станичныхъ атамановъ, потерпѣвшихъ пораженіе, затѣяли другую интригу. Составленъ былъ приговоръ будто бы отъ всѣхъ жителей Новочеркасска, который разносили по домамъ, для подписей; ихъ набралось до 400.

Когда этотъ приговоръ былъ врученъ Граббе съ просьбою посланки его въ Петербургъ къ министру, онъ передалъ приговоръ въ свою канцелярію и приказалъ составить рапортъ по этому предмету. Правитель дѣлъ нашего желѣзнодорожнаго комитета доложилъ членамъ комитета, что въ канцеляріи атамана заготовленъ рапортъ къ министру съ приложеніемъ приговора; что сущность приговора состоитъ въ томъ, что желѣзная дорога, строящаяся на ихъ деньги, не приноситъ войску никакой пользы, а принесла лишь вредъ, и потому просятъ скрыть дорогу, отнести ее верстъ на 12 отъ города, и для разбирательства ихъ претензій прислать генерала.

Комитетъ состоялъ изъ наказнаго атамана, какъ предсѣдателя, начальника штаба, члена отъ военнаго министерства, трехъ штабъ-офицеровъ отъ войска и меня.

Услыхавъ о готовящемся рапортѣ, всѣ удивились, что предсѣдатель не обратился въ комитетъ для разъясненія приговора. Даже члены отъ войска оскорбились такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ Граббе къ комитету, въ которомъ онъ, сверхъ того, ни разу и не былъ.

Всѣ члены комитета, за отсутствіемъ начальника штаба, жалѣя старика, рѣшились пойти къ Граббе и предупредить его о послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти отъ посланки приговора; при этомъ я предупредилъ всѣхъ членовъ, что я, какъ заинтересованное лицо, ни единого слова не скажу атаману. Объяснить ему дѣло взяли на себя подполковникъ Полушкинъ, маіоръ Ѳоминъ, братъ начальника штаба и членъ отъ военнаго министерства, подполковникъ Геригроссъ.

Когда ему стали объяснять дѣло, то Граббе приподнялся и объявилъ торжественно:

— Это бунтъ, прошу васъ удалиться.

На другой же день приговоръ и рапортъ Граббе были отосланы въ Петербургъ.

Въ это время, члену отъ военнаго министерства Гернгроссу надо было представить полугодовой отчетъ о ходѣ работъ, и онъ успѣшилъ въ Петербургъ, но не успѣлъ доложить военному министру о приговорѣ. Приговоръ былъ доложенъ государю, и вслѣдствіе этого былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, инженеръ генераль-лейтенантъ Дельвигъ для разобранія претензій жителей Новочеркасска, изложенныхъ въ приговорѣ.

Приведу здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ писемъ ко мнѣ Гернгросса.

«Изъ вчерашней моей депеши вы уже знаете, добрыйшій Валер. Александр., что дѣло наше приняло хорошей оборотъ. Сегодня хочу передать вамъ подробности послѣдняго моего разговора съ министромъ, который приказалъ мнѣ остаться здѣсь еще на нѣсколько дней и сказалъ слѣдующее: «государь узналъ обо всѣхъ казацкихъ продѣлкахъ, очень недоволенъ и приказалъ мнѣ написать атаману сильное письмо; я увѣренъ, что письмо это подѣйствуетъ и что всѣ глупости прекратятся».

«Все къ лучшему, если бы я не заболѣлъ воспаленіемъ въ боку, то давно уже выѣхалъ бы въ Черкасскъ и письмо привезъ бы не я, а получили бы по почтѣ. По моему мнѣнію, въ томъ-то и заключается вся суть, что письмо съ нахлобучкой привезу я, т. е. членъ комитета, противъ котораго атаманъ вздумалъ интриговать.

«Министръ мнѣ сказалъ, что ему показалось, что я упалъ духомъ, а потому, и проситъ меня выдержать характеръ до конца, ужасно расхвалилъ васъ и вообще былъ все время удивительно внимателенъ и любезенъ. Возраженіе на приговоръ, въ такомъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ войсковыхъ вѣдомостяхъ, не можетъ быть помѣщено въ «Инвалидъ», на за то будетъ перепечатано въ тѣхъ журналахъ, которые перепечатали приговоръ».

Далѣе Гернгроссъ пишетъ:

«Государь узналъ обо всемъ и приказалъ написать письмо, которое я съ удовольствіемъ вручу недѣли черезъ двѣ атаману. Гр. Строгановъ думаетъ везти наслѣдника изъ одной изъ прибрежныхъ станицъ въ Грушевку въ экинажѣ, но я сказалъ ему, что вѣроятно движеніе откроется въ половинѣ августа, и, вслѣдствіе этого, онъ рѣшилъ, что наслѣдникъ доѣдетъ до Аксая на пароходѣ, а изъ Аксая въ Черкасскъ и Грушевку по желѣзной дорогѣ. Это обстоятельство также для насъ очень важно, потому-то я и рѣшился сказать графу, что движеніе откроется къ ихъ прїѣзду.

«Дельвигъ выѣхалъ 2-го числа, но онъ пробудетъ два дня въ Москвѣ и день въ Самарѣ».

Вскорѣ прїѣхалъ баронъ Дельвигъ. Онъ былъ знакомъ съ Граббе, имѣлъ порученіе разобрать претензію жителей Черкасска, выраженную въ протоколѣ, представлявшемъ образецъ невѣжества, наглаго

вранья, но не менѣ того санкціонованномъ атаманомъ рапортомъ, въ которомъ онъ просилъ о назначеніи компетентнаго инженера. Порученіе Дельвига было щекотливаго свойства, и онъ, желая разрѣшить вопросъ такъ, чтобы «волки были сыты и овцы цѣлы», сталъ уговаривать меня построить въ удовлетвореніе претензіи жителей Черкасска хоть одинъ подъѣздной мостикъ.

На это я ему отвѣтилъ категорически и рѣшительно, что не построю ни одного болѣе. Во-первыхъ, потому, что онъ будетъ стоить все-таки до 7.000 руб.; во-вторыхъ, потому, что подъѣздныхъ мостовъ построено около города 19, тогда какъ по смѣтѣ полагалось всего 9; въ третьихъ, потому, что подъѣздные мосты поставлены не только противъ всѣхъ спусковъ съ горы, но и противъ тѣхъ улицъ, гдѣ въ послѣдствіи могли бы потребоваться спуски; въ четвертыхъ потому, что постройкою одного подъѣзднаго моста, мы, т. е. я и прежній атаманъ, сознали бы свой недосмотръ, вызвавшій пресловутый протоколъ.

— Если же вы, сказалъ я, порѣшите дѣло устройствомъ новаго подъѣзднаго моста, то прошу дать мнѣ на то предписаніе, къ исполненію котораго я, однако, не приступлю, а донесу прежде военному министру, съ представленіемъ плана города Черкасска и съ обозначеніемъ всѣхъ проѣздовъ подъ дорогу.

Услыхавъ мой категорическій отвѣтъ, Дельвигъ долженъ былъ измѣнить свою политику, вызвалъ на другой день депутацію отъ жителей Черкасска и назначилъ осмотръ дороги.

Вечеромъ, окончивъ осмотръ, онъ подозвалъ къ себѣ депутацію и сказалъ:

— У васъ столько сообщеній подъ дорогой, что ихъ гораздо больше, чѣмъ было бы нужно, и потому считаю вашу претензію вздорной, и ни еднаго подъѣзднаго моста къ постройкѣ не назначаю.

На другой день Дельвигъ вызвалъ опять депутацію для осмотра дороги въ другую сторону, къ Грушеvkѣ. Отѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ остановился для осмотра одного сооруженія. Депутація обступила его, и одинъ изъ депутатовъ обратился къ нему въ дерзкомъ тонѣ съ слѣдующими словами:

— Если вы, ваше превосходительство, не хотите исполнить наши претензіи и послушать насъ, то не зачѣмъ намъ и ѣхать, и отпустите насъ по домамъ.

Какъ ни воздержанъ и ни хладнокровенъ былъ по характеру баронъ Дельвигъ, онъ вспылилъ и возвысилъ голосъ.

— Я пріѣхалъ сюда, — сказалъ онъ. — по волѣ государя, выслушать, а не слушать васъ! и вотъ второй день я выслушиваю отъ васъ одніи глупости и одніи вздоръ.

Депутація тутъ же вернулась, а мы поѣхали дальше.

Дельвигъ дня четыре писалъ длинѣйшій рапортъ; всѣ претензіи, изложенныя въ приговорѣ, были имъ опровергнуты, и, въ концѣ концовъ, онъ заключилъ свой рапортъ слѣдующими словами. «Признавая всѣ претензіи, изложенныя въ приговорѣ жителей Черкаска, неосновательными, я могу объяснить ихъ только тѣмъ, что для южныхъ степныхъ жителей и верстовой столбъ считается стѣсненіемъ».

Такъ кончилось дѣло не совсѣмъ пріятнымъ образомъ для Граббе, исходъ котораго мы и хотѣли предотвратить, обратившись къ нему цѣлымъ составомъ комитета, и заслужили тогда отъ него названіе бунтовщиковъ.

Въ то же время въ Черкасскѣ получено было увѣдомленіе, что наслѣдникъ Николай Александровичъ предпринимаетъ путешествіе по Россіи, спустится по Волгѣ до Астрахани и оттуда обратно до Царицына, а потомъ по Волго-Донской желѣзной дорогѣ до Калача и затѣмъ на пароходѣ по Дону, гдѣ будетъ заѣзжать въ разныя станицы, осматривать табуны и вообще знакомиться съ бытомъ казаковъ; путешествіе по Дону должно было занять до 10 дней. Изъ Аксайской станицы предполагалось везти наслѣдника въ экипажѣ до Черкаска, гдѣ передъ въѣздомъ онъ долженъ былъ сѣсть на коня и проѣхать къ собору, гдѣ соберется казачій кругъ, который и вручитъ ему всѣ атрибуты атамана казачьихъ войскъ. Маршрутъ былъ согласованъ съ путешествіемъ императрицы Маріи Александровны, которая должна была спуститься до Царицына и Дономъ до Ростова и оттуда ѣхать въ Ливадію.

Я принялъ всѣ мѣры, чтобы Грушевско-Донская желѣзная дорога была окончена къ пріѣзду наслѣдника. Въ это время, въ виду натянутыхъ отношеній съ Граббе, я не посѣщалъ его. Въ одинъ день, въ 9 ч. утра, я отправился къ Граббе и доложилъ ему, что дорога окончена въ такомъ видѣ, что я сегодня около 4-хъ часовъ пріѣду въ Новочеркасскъ на паровозѣ, который привезетъ цѣлый поѣздъ, и, слѣдовательно, онъ можетъ доложить наслѣднику, что, если онъ захочетъ, то можетъ ѣхать въ Черкасскъ и въ Грушевку по желѣзной дорогѣ, а не на лошадахъ.

Пріѣхавъ съ паровозомъ въ Черкасскъ въ 3¹/₂ часа, я былъ встрѣченъ тысячами народа, кричавшаго «ура!». Граббе не выѣхалъ навстрѣчу поѣзду. Сойдя съ него, я сейчасъ поскакалъ на тройкѣ къ дому Граббе; но, къ великому моему удивленію, дежурный казакъ сказалъ, что уже четверть часа, какъ атаманъ уѣхалъ въ Калачъ навстрѣчу наслѣднику.

— Развѣ атаманъ не вдалѣ идущаго поѣзда?

— Какъ же, съ балкона было давно видно, что поѣздъ идетъ.

Было очевидно, что Граббе уѣхалъ раньше прихода поѣзда, для того чтобы не доложить наслѣднику о томъ, что по желѣзной дорогѣ уже есть ѣзда.

Я, не раздумывая ни минуты, приказалъ гнать въ догонку. Не смотря

на то, что я пустился, быть можетъ, 20 минутами позднеѣ отъѣзда Граббе, я подѣхалъ къ первой станціи вмѣстѣ съ его коляской. Онъ оставался въ экипажѣ; я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я прибылъ въ 4-мъ часу съ поѣздомъ въ Новочеркасскъ, какъ я васъ предупредилъ сегодня утромъ, и потому вы можете сказать, что дорога для ѣзды готова.

— Хорошо, хорошо,—отвѣтилъ Граббе и ничего больше мнѣ не сказалъ. Но моя цѣль была достигнута.

Въ ту же ночь я поѣхалъ въ Царицынъ навстрѣчу наслѣдника, такъ какъ я состоялъ директоромъ распорядителемъ Общества Волго-Донской желѣзной дороги и пароходства по Дону. На третій день, пріѣхавъ въ Калачъ, этотъ первый пунктъ Донской области, я уже нашелъ тамъ Граббе остановившимся въ домѣ Общества.

Я, понятно, отправился къ нему, такъ какъ онъ являлся гостемъ въ домѣ Общества, которымъ я распоряжался. Граббе, увидавъ меня, былъ совершенно изумленъ.

— Какъ вы здѣсь?—спросилъ онъ меня, ибо не зналъ, что я былъ директоромъ Общества.

— Я ѣду въ Царицынъ навстрѣчу наслѣдника и для сопровожденія его по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ по Дону.

Онъ былъ всѣмъ этимъ такъ озадаченъ, что, повидимому, не довѣрялъ моимъ словамъ.

Въ тотъ же день я пріѣхалъ въ Царицынъ, а въ 5 часовъ прибылъ наслѣдникъ на пароходѣ и оттуда прямо отправился въ городъ на обѣдъ, даваемый, кажется, царицынскимъ городскимъ обществомъ.

Вечеромъ, около 8 часовъ явился ко мнѣ придворный служитель и, освѣдомившись, что я Панаевъ, сказалъ:

— Его высочество проситъ васъ къ чаю, на пароходѣ въ 10¹/₂ часовъ.

Я спросилъ его, не ошибка ли это, не въ половинѣ ли десятаго?

— Никакъ нѣтъ, мнѣ сказано въ 10¹/₂ часовъ.

Между тѣмъ въ 10 часовъ явился уже другой придворный офиціантъ и сказалъ:

— Его высочество ожидаетъ васъ на пароходѣ.

— Служитель, который приходилъ ко мнѣ, объявилъ, что его высочество назначилъ 10¹/₂ часовъ.

— Никакъ нѣтъ, онъ давно уже за чаемъ, и васъ всѣ ждутъ.

Я тотчасъ пошелъ на пароходѣ, гдѣ наслѣдникъ и вся свита сидѣли около чайнаго стола на палубѣ. Великій князь имѣлъ уже нѣкоторое свѣдѣніе обо мнѣ отъ моего брата Людора, который служилъ унтеръ-штабмейстеромъ при его высочествѣ. Я началъ рассказывать о цѣли постройки Грушевской дороги, о богатствѣ залежей Донецкаго бассейна,

о его важномъ значеніи для нашего государства. Объяснилъ наслѣднику, что Грушевская дорога проведена подь прямымъ угломъ къ первоначально утвержденному направленію черезъ Новочеркасскъ къ Аксайской станицѣ на Дону, что такимъ образомъ столица земли Войска Донскаго можетъ современемъ войти въ связь съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

На другой день надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Калачь. У меня была изготовлена довольно обширная записка, излагавшая то, что могло интересовать наслѣдника о желѣзной дорогѣ и Донецкомъ бассейнѣ и проч. Я отдалъ эту записку О. Б. Рихтеру, тогда полковнику, сопровождавшему наслѣдника, и сказалъ:

— Постарайтесь передать эту записку графу Строганову и, если онъ одобритъ ее, то записка эта можетъ занять отчасти время 4-хъ часовъ ѣзды до Калача.

О. Б. Рихтеръ вошелъ въ вагонъ и черезъ минуту вернулся въ тотъ вагонъ, гдѣ сѣлъ я.

— Его высочество просить васъ перейти въ его вагонъ-салонъ,—сказалъ онъ.

Когда я вошелъ, то увидаль наслѣдника, держащаго уже въ рукахъ мою записку. Свистокъ раздакъ, и мы тронулись.

— Садитесь,—сказалъ онъ, показалъ мѣсто подлѣ себя на диванѣ и сталъ читать записку.

На каждомъ шагѣ онъ останавливался и просилъ поясненій. Между прочимъ, онъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ было упомянуто о новой системѣ дѣленія пара.

— Здѣсь трудно, сказалъ я, безъ чертежа изложить это вашему высочеству, а если вамъ угодно будетъ поѣхать по желѣзной дорогѣ, то я передъ паровозомъ объясню вамъ.

— Такъ не забудьте же дать мнѣ это объясненіе.

Окончивъ чтеніе записки, онъ передалъ ее гр. Строганову и сказалъ:

— Прочтите, графъ, записка очень интересна.

Графъ сталъ читать записку. Такимъ образомъ она пошла не съ низу въ верхъ, какъ я предполагалъ, а съ верху въ низъ.

Вскорѣ пріѣхали въ Калачь, гдѣ наслѣдника встрѣтилъ Граббе со всѣми чинами.

На квартирѣ у Граббе былъ приготовленъ завтракъ, какъ бы даваемый имъ, но онъ былъ сдѣланъ на счетъ Общества, въ которомъ я былъ директоромъ.

Всѣ лица были приглашены Граббе, даже всѣ офицеры парохода, на которомъ долженъ былъ ѣхать наслѣдникъ; но я приглашенія не получилъ. Дѣлать нечего, отправился на пароходъ и тамъ перекусилъ.

Въ этотъ день пароходъ долженъ былъ остановиться на два дня на Нижнечирской станціи. Въ первый день давался обѣдъ на счетъ вой-

ска, т. е. подь распоряженіемъ Граббе. Всѣ лица и офицеры парохода, мнѣ подчиненные, были приглашены, а меня приглашеніемъ не удостоили. Въ этотъ день наслѣдникъ не возвращался на пароходъ; на другой день давался обѣдъ отъ дворянства. Никто не являлся ко мнѣ для приглашенія.

Вдругъ вижу: подъѣзжаетъ къ пароходу тройка, и оттуда выскакиваетъ какой-то казачій штабъ-офицеръ, обращается ко мнѣ съ извиненіемъ и проситъ ѣхать сейчасъ же съ нимъ на обѣдъ.

— Ёдь теперь четверть четвертаго и будетъ поздно, — сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ, наслѣдникъ еще не сѣдился.

Я надѣлъ мундиръ и поѣхалъ. Изъ передней въ полурастворенную дверь, я увидаль, что человекъ обноситъ уже блюдо съ рыбой.

— Какъ же вы увѣрили меня что наслѣдникъ не сѣдился еще за столъ, — сказалъ я и, не входя въ комнату, повернулся, чтобъ уходить.

Штабъ - офицеръ схватилъ меня за полы мундира и умоляющимъ образомъ просилъ меня остаться и войти въ столовую. Я отдернулъ его руку и уѣхалъ.

Вѣроятно, наслѣдникъ, не видя меня ни на завтракъ въ Калачѣ, ни на обѣдъ наканунѣ, спросилъ обо мнѣ. Тогда-то дворянскій предводитель и поскакалъ ко мнѣ на пароходъ.

Къ вечеру подъѣхалъ наслѣдникъ со всей свитой, взошелъ быстро на пароходъ, подошелъ прямо ко мнѣ, подаль руку и приказалъ сервировать чай. Всѣ усѣлись около стола, и завязалась общая бесѣда какъ на пароходѣ въ Царицынѣ. Графъ Строгановъ былъ особенно любезенъ со мною въ этотъ вечеръ.

На другой день явился ко мнѣ придворный лакей и сказалъ, что его высочество проситъ къ завтраку въ каютъ-компанію. За завтракомъ, наслѣдникъ былъ веселъ и разговорчивъ. Выйдя на палубу, всѣ усѣлись около рубки пить чай и кофе.

Я рѣшался поставить наслѣднику вопросъ, пожелаетъ ли онъ ѣхать изъ Аксая по желѣзной дорогѣ.

— Конечно, — отвѣтилъ онъ; но графъ Строгановъ замѣтилъ ему, что по высочайше утвержденному маршруту онъ долженъ изъ Аксая ѣхать въ Новочеркасскъ и Грушевку на лошадахъ.

— Въ такомъ случаѣ, пошлите телеграмму съ вопросомъ о перемѣнѣ маршрута, — сказалъ наслѣдникъ и пошелъ отдыхать.

Передъ обѣдомъ явился опять придворный лакей съ приглашеніемъ къ обѣду.

Послѣ обѣда мы вышли на палубу, и наслѣдникъ, взявъ меня подь руку, сталъ со мной ходить.

— Что за исторія — спросилъ онъ меня, — по которой былъ удаленъ

князь Дондуковъ, и что это за протоколъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ государю?

Я, по возможности, деликатно объяснилъ всю эту исторію и старался выгородить Граббе, незнакомаго еще съ лицами, устроившими эту интригу.

На слѣдующіе дни, все шло тѣмъ же порядкомъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ бесѣды становились нятяжѣе, и каждый день наслѣдникъ спрашивалъ:

— Не получена ли отвѣтная телеграмма отъ государя?

Но государь былъ въ это время тоже въ путешествіи, и телеграмма не являлась.

На Дону начались перекаты.

Противъ cadaго переката на обоихъ берегахъ рѣки стояли многія сотни казаковъ. По первому сигналу съ парохода казаки бросались въ воду и подходили пѣшкомъ къ пароходу, подпирая корпусъ его плечами, и такимъ образомъ проводили его черезъ перекатъ. За каждое такое перетаскиваніе я выдавалъ казакамъ по 100 руб., какъ директоръ Общества, везшаго наслѣдника. Картина была оживленная, всѣ находились на палубѣ, и когда пароходъ послѣ переката вступалъ въ плѣсъ, казаки оглашали воздухъ громкими криками «ура!».

Наконецъ, приближалась станица Цимлянская, въ которой наслѣдникъ долженъ былъ остановиться на два дня.

— Если ваше высочество пожелаете ѣхать изъ Аксая на желѣзной дорогѣ,—сказалъ я,—то отъ Цимлянской станицы идетъ почтовый трактъ, по которому я въ сутки доѣду до Черкасска для того, чтобы приготовить все къ вашему приѣзду.

— Получена ли телеграмма? —спросилъ онъ графа.

Графъ отвѣчалъ, что не получена и вѣроятно получится въ Цимлянской станицѣ.

По приѣздѣ въ станицу, вся каютъ-компанія отправилась въ домъ, приготовленный для наслѣдника. Когда, послѣ передѣванія, наслѣдникъ вышелъ къ чайному столу, онъ первымъ словомъ спросилъ:

— Что, графъ, получена ли телеграмма?

Графъ отвѣчалъ: нѣтъ.

— Такъ я рѣшаю, что во всякомъ случаѣ я изъ Аксая поѣду по желѣзной дорогѣ.

Такимъ образомъ недоумѣніе кончилось къ моему вѣщему удовольствію.

Въ это время хозяинъ-казакъ принесъ двѣ бутылки цимлянскаго, которое онъ берегъ для выдающагося случая и которое выдерживалось, какъ онъ сказалъ, 50 лѣтъ. Всѣ вышли на крыльцо и разсѣлись по ступенькамъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ. Вино оказалось чистымъ нектаромъ,

имѣло цвѣтъ коричневый, вкусъ мягкій, по виду масленистое и подходило къ превосходному венгерскому. Несмотря на его мягкость, вино было крѣпкое, такъ что всѣ мы не могли выпить и полторы бутылки.

Наслѣдникъ въ 12-мъ часу пошелъ спать. Граббе, начальникъ канцеляріи Боковъ, адъютантъ Граббе и я вернулись въ комнату. Боковъ сѣлъ писать начальнику штаба о послѣдовавшей перемѣнѣ маршрута и о новомъ церемоніалѣ для вѣзда, а Граббе оставался, чтобы подписать бумаги. Когда все было готово, Граббе отдалъ мнѣ пакетъ для немедленнаго врученія его начальнику штаба Ѳомину.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ ночью, я, не заѣзжая домой, свезъ пакетъ на квартиру Ѳомина, сказавъ, что я пріѣду въ 9 часовъ утра. На другое утро, я не засталъ Ѳомина. Братъ его, членъ комитета, сказалъ, что начальникъ штаба поѣхалъ въ одну изъ станицъ по Дону навстрѣчу наслѣднику.

— Развѣ онъ не получилъ пакета, который я привезъ отъ Граббе сегодня ночью?

— Нѣтъ, получилъ, и потому-то онъ и поѣхалъ навстрѣчу къ наслѣднику объявить ему, что церемоніала измѣнить нельзя, что если наслѣдникъ пожелаетъ непременно ѣхать по желѣзной дорогѣ, то надо остановиться верстахъ въ 7-ми отъ города, въ Мышкинѣ пересѣсть въ экипажи и затѣмъ вѣхать въ городъ по утвержденному церемоніалу.

— Вашъ братъ,—сказалъ я,—должно быть, рехнулся. Развѣ можно на каждомъ мѣстѣ спустить людей изъ вагона,—для этого нужна платформа или надо устроить сходныя лѣстницы, для чего нѣтъ времени. Гдѣ же онъ вздумалъ помѣстить экипажи для принятія наслѣдника и его свиты? Тамъ, гдѣ онъ назначаетъ, кругѣйшая гора и не можетъ повернуться и телѣга. Какъ же онъ, не дождавшись меня, поѣхалъ докладывать такую невозможность наслѣднику!

— Ничего не знаю,—отвѣчалъ Ѳоминъ съ улыбкой и насмѣшливымъ тономъ:—и такъ вотъ сѣлъ да и поѣхалъ.

Въ этомъ отвѣтѣ слышалось злорадство, что вотъ тебѣ пилюля, и своего ты все-таки не достигнешь.

Между тѣмъ я сдѣлалъ всѣ распоряженія. Приказалъ обить коврами вагоны, поставить въ нихъ мебель: диваны, кресла, стулья, сдѣлать крышу, повѣсить синяго казацкаго цвѣта занавѣси, вездѣ разукрасить ихъ орлами и, на всякій случай, если наслѣдникъ исполнитъ то, что предлагалъ Ѳоминъ, заготовилъ сходныя лѣстницы.

Я пріѣхалъ въ Аксай за нѣсколько часовъ до прихода парохода. Въ Аксаѣ Граббе обратился ко мнѣ со словами:

— Вы все еще сердитесь на меня?

— Нисколько,—былъ отвѣтъ.—Я ничѣмъ не выразилъ этого, но если, по необходимости, защищалъ свое положеніе, то ради того, чтобы имѣть

возможность завершить дѣло, порученное мнѣ по особому ко мнѣ до-
вѣрію.

Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился, но по самому вопросу и тону его
можно было заключить, что Граббе хотѣлось загладить тѣ непріятности,
которыя онъ мнѣ доставилъ.

Вечеромъ, я опять былъ приглашенъ къ чаю. Наслѣдникъ еще не
выходилъ, и между свитой шелъ разговоръ по поводу того, что пред-
лагалъ Ѳоминъ.

Когда наслѣдникъ вышелъ, то обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Развѣ дорога не кончена до Черкаска?

— Нѣтъ, кончена,—отвѣтилъ я,—не только до Черкаска, но и до
Грушевки.

— Зачѣмъ же мы останавливаемся за шесть верстъ отъ Черкаска
и ѣдемъ оттуда на лошадахъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ графу
Строганову.

— Чтобы сохранить порядокъ церемоніала, назначенный по марш-
руту, и проѣхать по городу верхомъ къ собору, гдѣ будетъ казачій
кругъ.

— Гдѣ стоитъ въ городѣ станція и далеко ли отъ собора?—спро-
силъ меня его высочество.

— Она стоитъ противъ самой широкой улицы, около версты отъ
собора, который и виденъ со станціи.

— О! цѣлая верста, этого слишкомъ достаточно для церемоніала.
Слѣдовательно: я вѣду въ городъ по желѣзной дорогѣ. Пожадуйста,
Павель Христофоровичъ, распорядитесь церемоніаломъ сообразно этому.

Тогда Ѳоминъ тотчасъ же отправился на лошадахъ, чтобы изгото-
вить новый порядокъ церемоніала, и интриги его разлетѣлись въ прахъ.

Послѣ чая Граббе захотѣлось тоже ѣхать въ Черкасскъ, чтобы тамъ
встрѣтить наслѣдника, и онъ просилъ меня отправить его ночью на
поѣздѣ. Я не могъ этого сдѣлать потому, что у меня было только два
готовыхъ паровоза. Одинъ подъ поѣздъ наслѣдника, а другой запасный,
и потому Граббе для удовлетворенія своего намѣренія пришлось ѣхать
25 верстъ въ 11 часовъ ночи въ экипажѣ, на лошадахъ.

На другой день наслѣдникъ, подѣхавъ къ поѣзду, направился къ
вагону.

— Вы хотѣли,—сказать онъ,—показать и объяснить мнѣ новую
систему дѣленія пара.

Я повелъ его къ паровозу и показалъ всю систему, которая была
расположена снаружи. Затѣмъ мы тронулись въ путь.

Дорога извивалась, какъ змѣя, между рѣкой и высокой горой, покрытой
деревьями и виноградниками, между которыми виднѣлись дачи. Путь
былъ очень живописный. Всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа.

*

Подъѣзжая къ Новочеркаску, я сказалъ наслѣднику:

— Вотъ сейчасъ въ городѣ пойдутъ подъѣздные мосты, гдѣ на протяженіи съ небольшимъ версты построено 7 штукъ, и всѣхъ около города 19, на недостатокъ будто-бы ихъ и были жалобы въ известномъ государю протоколѣ. Вотъ первый мостъ.

Послѣ седьмага моста поѣздъ сейчасъ подъѣхалъ къ станціи. На платформѣ ожидалъ его Граббе съ разными чинами. Подавъ руку Граббе, наслѣдникъ сказалъ:

— Какая прекрасная дорога!—дальше я уже ничего не слышалъ.

Вечеромъ былъ назначенъ такъ называемый пикникъ. Это музыка и танцы, на открытомъ воздухѣ, на платформѣ въ саду, увѣшанномъ разноцвѣтными фонарями.

Дня черезъ два его высочество поѣхалъ по желѣзной дорогѣ на Грушевскія копи. Послѣ осмотра шахтъ, назначенъ былъ обѣдъ отъ углепромышленниковъ. Для этого былъ устроенъ большой павильонъ изъ столбовъ, сложенныхъ изъ антрацита; на столбы упирались легкія стропила, которыя были покрыты клеенкой, и между столбами висѣли занавѣси. Все это прекрасно оборудовалъ военный инженеръ Врангель, переведенный въ войско изъ горныхъ инженеровъ. Обѣдъ былъ сервированъ на 200 слишкомъ человекъ.

На этотъ разъ Граббе, сидѣвшій рядомъ съ наслѣдникомъ, пригласилъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ.

Когда наслѣдникъ провозгласилъ тостъ за наказнаго атамана, Граббе подсунулъ свою руку съ бокаломъ подъ мою, въ которой я держалъ тоже бокалъ, и сказалъ мнѣ:

— Выпьемте брудершафтъ.

Наслѣдникъ слышалъ слова Граббе.

Послѣ обѣда я почувствовалъ, что кто-то сзади стиснулъ пальцами мою руку повыше локтя; я обернулся и увидалъ наслѣдника, отходящаго отъ стола.

Онъ наклонился къ моему уху и сказалъ съ улыбкой:

— Вы скоро помирились съ атаманомъ.

Это слово вѣнчало все дѣло, въ немъ выразился умъ, тактъ, деликатность, сердечность, задушевность и тонкая политичность.

Положеніе мое въ войскѣ радикально измѣнилось послѣ проѣзда наслѣдника, и я сталъ дышать легко, какъ было при Хомутовѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россія и папекій престолъ ¹⁾).

1580—1601 гг.

Въ исходѣ шестнадцатаго вѣка, сношенія между Россіей и папскимъ престоломъ приобрѣтають чрезвычайно важное значеніе. Былъ моментъ, когда дальнѣйшая судьба славянскаго міра находилась въ рукахъ тѣхъ лицъ, кои возсѣдали на папскомъ престолѣ, и когда папская политика оставила въ русской исторіи глубокой слѣдъ.

Въ 1579 г., король польскій, Стефанъ Баторій предпринялъ свой первый походъ на Москву, который былъ для него побѣдоносенъ, такъ же точно, какъ и два послѣдующіе похода, и Иоаннъ IV, видя, что его войско разстроено, и многіе города взяты поляками приступомъ, прибѣгнувъ къ папѣ Григорію XIII съ просьбою о посредничествѣ. Этотъ шагъ имѣлъ, во всѣхъ отношеніяхъ, огромное значеніе.

Баторій, гордый своими успѣхами, не хотѣлъ вначалѣ и слышать о мирѣ, но когда побѣда начала измѣнять ему, онъ съ радостью согласился принять услуги безпристрастнаго посредника, и уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣхались въ Запольскомъ Ямѣ, заходустномъ городкѣ Россіи, гдѣ 6-го (15-го) января 1582 года было заключено ими перемиріе на десять лѣтъ.

Нѣкоторые ставятъ папамъ въ вину, что они задержали Польшу въ ея побѣдоносномъ шествіи и тѣмъ самымъ обезпечили побѣду ея соперницѣ—Москвѣ. Въ дѣйствительности, обѣ стороны были утомлены войною и жаждали мира, хотя не могли придти къ соглашенію отно-

¹⁾ Извлеченіе изъ сочиненія П. Пирлинга «La Russie et le Saint Siège. Etudes diplomatiques». P. Pierling, t. II.

сительно его условій. Надобно было приложить къ дѣлу много энергіи, терпѣнія и необычайной проникательности, чтобы примирить интересы обѣихъ сторонъ и удовлетворить ихъ требованія.

Григорій XIII возложилъ это дѣло на іезуита, итальянца, Антонія Поссевина, благодаря которому до насъ дошли нѣкоторыя подробности переговоровъ, происходившихъ въ это время, хотя большинство документовъ утеряно безвозвратно¹⁾.

I.

Политическое положеніе Московскаго государства въ концѣ XVI столѣтія.— Сношенія Іоанна Грознаго съ папою. — Его предложеніе поднять Европу противъ турокъ. — Цѣль такого предложенія. — Отправленіе посольства въ Прагу и Римъ. — Аудиенція и приемъ русскаго посла. — Подложное письмо его венеціанскому дожу. — Результаты посольства.—Взятіе Великихъ Лукъ Баторіемъ.—Заключеніе перемирія.—Поссевинъ у Баторія.—Отзывъ Тедальди объ Іоаннѣ.

16-го (25-го) августа 1580 г., Іоаннъ Грозный созвалъ своихъ совѣтниковъ въ мрачномъ дворцѣ Слободы, который сталъ его обычнымъ мѣсто-пребываніемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался грозой своего народа и своихъ враговъ. На горизонтѣ появились въ то время мрачныя тучи; пораженія, понесенныя на полѣ битвы, не предвѣщавшія ничего добраго, побудили царя обратиться за совѣтами къ боярамъ и къ своему сыну Ивану.

Второй походъ Баторія начался при такихъ же блестящихъ для по-

¹⁾ Увлекаясь своею страстью къ собранію документовъ и не боясь суда потомства, Поссевинъ тщательно сохранялъ свою переписку и снималъ копія съ официальныхъ актовъ, а затѣмъ, поселившись въ 1604 г. въ Венеціи, при монастырѣ, чтобы отдохнуть отъ своей трудной и бурной дипломатической дѣятельности, онъ составилъ, въ тишинѣ, опись собранному имъ рукописному матеріалу и передалъ его на храненіе генералу Аквавивѣ. Въ числѣ этихъ документовъ былъ цѣлый томъ *Acta Moscovitica*, письма Стефана Баторія, Замойскаго и большой ящикъ съ русскими документами, полученными Поссевиномъ въ Кремлѣ изъ рукъ самого Іоанна IV.

Изъ всего этого сокровища удѣлала только самая ничтожная часть. Къ счастью Поссевинъ поспѣшилъ напечатать главнѣйшіе документы своей *Moscovitica*; его письма къ разнымъ лицамъ и ихъ отвѣты хранятся въ Ватиканѣ, и въ венеціанскихъ архивахъ существуетъ цѣлое собраніе документовъ, носящее названіе *Affare di Moscovia maneggiato — dal P. Possevino, Gesuita, 1581—1582 (Sen. Rel. t. XXV)*. Эти, частью неизданные, документы вмѣстѣ съ тѣми, которые были въ свое время обнародованы, даютъ возможность прослѣдить ходъ переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію мира 1582 г.

ляковъ предзнаменованіяхъ, какъ и его первый походъ. Великимъ Лукамъ угрожала судьба Полоцка и Сокола, коими поляки овладѣли въ предъидущемъ году. Съ паденіемъ Великихъ Лукъ непріятель могъ проникнуть въ самое сердце страны. При томъ, король польскій былъ не единственный врагъ, котораго царь могъ опасаться: шведы, коимъ Іоаннъ нанесъ пораженіе, снова ободрились и заявляли свои права на Эстляндію; Данія только и ждала случая объявить условія перемирія, заключеннаго ею съ царемъ въ 1578 г., слишкомъ тягостными. Съ другой стороны, Іоанну угрожали на востокъ татары, которые были тѣмъ страшнѣе, что они были всегда вооружены: среди нихъ ежеминутно могло вспыхнуть возстаніе, и Россія могла потерять прибрѣтенныя ею Казань и Астрахань—лакомый кусокъ для крымскаго хана, за спиною котораго развивалось грозное знамя пророка. Положеніе дѣлъ осложнялось серьезными внутренними смутами. Царя обуяла жажда крови, которую онъ утолялъ періодически человѣческими жертвами; самые родовитые бояре пали жертвою его незаслуженной кары; изъ нихъ многіе, обезумѣвъ отъ страха и ненависти, направлялись, по примѣру князя Курбскаго, въ Польшу, между тѣмъ какъ люди, окружавшіе Іоанна и пользовавшіеся его довѣріемъ, были не болѣе какъ товарищи его оргій и его палачи: напрасно сталъ бы онъ искать среди нихъ доблестнаго полководца.

Поэтому неудивительно, что въ совѣтѣ, созванномъ царемъ, одержали верхъ миролюбивыя стремленія. Но можно ли было добиться почетныхъ условій мира отъ противника, который не думалъ отказываться отъ плодовъ своихъ побѣдъ? Баторій поклялся, что онъ не сложитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не покоритъ всей Ливоніи; а Іоаннъ упорно желалъ сохранить хотя бы часть этой провинціи, которая открывала ему путь на западъ. Не зная на что рѣшиться, объятый страхомъ, царь вздумалъ вступить на путь политики, дотолѣ неслыханной въ Кремлѣ: онъ рѣшилъ торжественно объявить себя заклятымъ врагомъ турокъ и побудить папу и императора поднять Европу противъ нихъ крестовымъ походомъ. Само собою разумѣется, что этотъ планъ не могъ быть осуществленъ до тѣхъ поръ, пока Баторій и Іоаннъ не заключили бы мира. Такого рода выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ придуманъ ловко: польскія дѣла утратили ли бы свое значеніе, коль скоро ихъ заслонилъ бы Восточный вопросъ; такимъ образомъ дѣло улаживалось и вмѣстѣ съ тѣмъ царь могъ прибрѣсти симпатіи Австріи и Рима. Турціи принадлежали въ то время двадцать пять санджаковъ въ Венгріи; а между тѣмъ Габсбурги явно стремились къ тому, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ все королевство св. Стефана; слѣдовательно, между этими двумя соперниками не могло существовать прочнаго мира, и Австрія всегда была рада, когда у

Турція появлялся лишній врагъ. Что касается папы, то московскій царь предлагалъ ему выполнить исконную программу папскаго престола: стремясь противодѣйствовать распространенію владычества мусульманъ, папы всегда дѣлали мысль о союзѣ христіанскихъ державъ и обращали, съ этой цѣлью, свои взоры на Москву.

Не трудно было понять тайныя цѣли въ предложеніи царя: прежде всего ему надобно было выиграть время и, если окажется возможнымъ, остановить побѣдоносное шествіе Баторія. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовали и русскіе агенты, посланные въ Польшу, чтобы приготовить почву для заключенія мира; имъ было строго-на-строго приказано отвѣчать на «лазанье» поляковъ кротко, и если дѣло дойдетъ до самоуправства, терпѣливо сносить всякія оскорбленія, лишь бы переговоры не были прерваны. Перемиливъ тояъ, царь написалъ собственноручно письмо Стефану Баторію, котораго онъ называлъ теперь «братомъ», предлагая ему выгодныя условія мира,—ни болѣе ни менѣе, какъ уступку всей Ливоніи, за исключеніемъ четырехъ крѣпостей¹⁾. Последнее условіе уничтожало, конечно, всякую надежду на миролюбивый исходъ переговоры. Царь это понималъ и хотѣлъ только выиграть время: одновременно съ этимъ была предпринята дипломатическая кампанія въ Прагѣ, Мадридѣ и Римѣ въ надеждѣ, что это могло измѣнить положеніе дѣлъ къ лучшему.

28-го августа (6-го сентября) на совѣтѣ, въ Слободѣ, было рѣшено отправить посольство въ Прагу и Римъ.

Русскіе были въ то время уже не новички въ дипломатіи, какъ во времена Іоанна III, и ихъ дипломаты раздѣлялись на нѣсколько категорій. Для исполненія важнѣйшихъ порученій посылались къ иностраннымъ дворамъ великіе послы. Блескъ, коимъ они окружали себя, ихъ многочисленная свита, драгоценныя мѣха, кои они раздавали въ подарки, давали за границей всѣмъ высокое понятіе объ ихъ монархѣ; но такія дорого стоявшія посольства посылались только въ сосѣднія страны. Въ большинствѣ посылались посланники, которые окружали себя меньшимъ блескомъ и роскошью, хотя они точно также посвящались въ дѣла и уполномочивались вести переговоры отъ имени царя. Последнюю категорію среди дипломатовъ составляли гонцы, которымъ поручалось только передать письма и привезти отвѣтъ и которые не посвящались обыкновенно въ тайны политики.

Во главѣ посольства, отправленнаго въ Прагу и Римъ въ 1580 г., стоялъ такой именно скромный дипломатъ, гонецъ Шавригинъ, типичный представитель служилыхъ людей стараго закала, изворотливый, грубый, алчный до наживы, въ высшей степени хитрый и коварный,

¹⁾ Книга посольская, т. II, стр. 136.

но одаренный въ достаточной степени здравымъ смысломъ, чтобы исполнить рабски приказанія своего монарха и понять практическую сторону дѣла. Ему было строго-на-строго приказано, если его остановятъ въ пути и будутъ допрашивать: «плюнуть тѣмъ, кто будетъ говорить съ нимъ» въ глаза, не говоря ни слова. Его преданность не доходила до самоотверженія; во время путешествія онъ былъ все время озабоченъ мыслию, какъ бы извлечь изъ него наибольшую пользу. Какъ истый москвичъ, онъ говорилъ только по-русски, поэтому съ нимъ ѣхалъ переводчикъ нѣмецъ, Вильгельмъ Поплеръ, уроженецъ Ливонія, по происхожденію литовецъ и католикъ, принявшій лютеранство, и зѣтѣмъ перешедшій въ православіе. Въ Любекѣ къ нимъ присоединился второй переволчикъ, Франческо Паллавичини, уроженецъ Милана, торговавшій ранѣе въ Москвѣ и превратившійся изъ торговца въ дипломата. Трудно было этимъ тремъ, совершенно чуждымъ другъ другу лицамъ, ужиться между собою въ согласіи; Поплеръ и Паллавичини не могли терпѣть другъ друга, но они сошлись въ своей ненависти къ Шавригину и не стѣсняясь высказывали о немъ самыя предосудительныя вещи.

Избѣгая поѣздки по Польшѣ и Литвѣ, московскій гонецъ отправился моремъ изъ Пернова. Высадившись въ Копенгагенѣ, онъ поѣхалъ въ Любекъ, оттуда въ Лейпцигъ и прибылъ въ первыхъ числахъ января 1581 г., въ Прагу, гдѣ императоръ Рудольфъ II велъ среди пышнаго и блестящаго двора уединенную жизнь, предаваясь научнымъ занятіямъ.

Мало интересуясь государственными дѣлами, коими руководили по своему усмотрѣнію его министры, Рудольфъ не охотно отрывался отъ своихъ книгъ, цвѣтовъ и тигелей и отъ своихъ лошадей, чтобы бесѣдовать съ иностранцами, и рѣдко давалъ имъ аудіенціи; но Шавригину была оказана эта честь.

1-го (10-го) января 1581 года за нимъ явился шталмейстеръ, который повезъ его на аудіенцію. Согласно даннымъ ему инструкціямъ, Шавригивъ долженъ былъ передать императору два письма и сорокъ соболіныхъ шкуръ. Въ отвѣтъ на вопросы, которые могли быть ему предложены, онъ долженъ былъ сказать, что ему не дано никакихъ словесныхъ порученій. Очевидно, царь возлагалъ бѣольшую надежду на свое перо, нежели на дипломатическія способности своего гонца; въ письмѣ Іоанвъ распространялся о своей дружбѣ съ императоромъ Максимилианомъ, о планахъ относительно Польши, которые они лелѣяли съ нимъ, и о необходимости заключить союзъ противъ турокъ. Упомянувъ имя Баторія, царь писалъ, что воинственный король польскій, союзникъ и посаженникъ султана, возведенный на престолъ султаномъ, былъ единственнымъ препятствіемъ къ союзу христіанскихъ монарховъ и непримиримымъ врагомъ Москвы, по причинѣ дружбы, существовавшей

между нимъ, царемъ и императоромъ. Говоря это, царь имѣлъ въ виду, что Австрія должна была негодовать на Баторія за то, что онъ овладѣлъ короною Ягеллоновъ. Но, съ другой стороны, Ливонія могла явиться помѣхою къ соглашенію между Рудольфомъ и Іоанномъ: въ Прагѣ ее считали своимъ леннымъ владѣніемъ, а Іоаннъ настаивалъ на ея возвратѣ, смотря на нее какъ на удѣль, унаслѣдованный имъ отъ предковъ.

Второе письмо московскаго царя касалось торговыхъ сношеній: царь горько жаловался на нѣкоторыя запретительныя мѣры и требовалъ ихъ отмѣны. Шавригину было объяснено, на всякій случай, какія вины Іоаннъ считалъ за Баторіемъ и въ какомъ положеніи находился вопросъ о Ливоніи; на случай, еслибы рѣчь зашла о татарахъ, ему велѣно было сказать, что завоеваніе Казани и Астрахани было совершившимся фактомъ, что тамъ введена христіанская вѣра, что жившіе тамъ народы могутъ выставить войско по первому требованію, что царь часто обмѣнивается посольствами съ крымскимъ ханомъ, но что ему, Шавригину, неизвѣстно, какую цѣль имѣли эти посольства.

Когда Шавригинъ выразилъ желаніе имѣть какое-либо доказательство оказаннаго ему въ Прагѣ хорошаго приема, то ему было дано письмо за императорскою подписью (помѣченное 2-мъ (11-мъ) января 1581 г.), написанное однако въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ. О Турціи и Польшѣ въ немъ не упоминалось ни слова, о Ливоніи, зависѣвшей отъ сейма, также говорилось сдержанно, а въ торговыхъ сношеніяхъ не предполагалось никакой перемѣны. Такимъ образомъ русскій дипломатъ не могъ похвастать особеннымъ успѣхомъ. Вопросы политики не подверглись обсужденію въ Прагѣ, а существовавшее запрещеніе вывозить оружіе не было отмѣнено. Это особенно возмущало царя и вызывало съ его стороны жалобы; но министры императора Рудольфа дѣлали видъ, что они этого не понимаютъ.

Не смотря на аудіенцію, данную Шавригину императоромъ, дипломатическій корпусъ, какъ сказали бы въ наше время, не сближался съ нимъ. Папскій нунцій первый прислалъ ему своего секретаря, привѣтствовать съ пріѣздомъ; затѣмъ у него установились сношенія съ представителемъ Венеціанской республики. Везя письмо, адресованное «великому правителю и правителямъ великой Венеціи», Шавригинъ потребовалъ паспорта для вѣзда въ Венецію. Венеціанскій посланникъ Бадеръ поспѣшилъ удовлетворить его просьбу, а переводчикъ Шавригина, Паллавичини, сдѣлалъ при этомъ посланнику весьма любопытныя для него сообщенія. Онъ открылъ Бадеру истинную цѣль русскаго посольства, планы царя относительно торговли и разсказалъ ему о только-что бывшемъ въ Москвѣ случаѣ съ турками, состоявшемъ въ томъ, что на запросъ, сдѣланный султаномъ по поводу завоеванія Казани и

Астрахани, царь приказалъ, вмѣсто отвѣта, бросить въ тюрьму прибывшаго въ Москву несчастнаго чауша и снарядилъ гонцовъ, чтобы проповѣдывать монархамъ крестовый походъ противъ Турціи.

Въ Прагѣ заподозрѣли, что подъ Восточнымъ вопросомъ скрывалось желаніе заключить миръ съ Баторіемъ. Выслушавъ Паллавичини, венеціанскій посланникъ въ Прагѣ возымѣлъ было желаніе пригласить русскихъ дипломатовъ къ столу, но раздумалъ, побоявшись, что это могло вызвать неудовольствіе Порты.

16-го (25-го) января посольство выѣхало изъ Праги и прибыло въ Венецію 4-го (13-го) февраля.

Шавригинъ былъ пораженъ при видѣ этой блестящей парицы Адриатическаго моря съ ея золотыми куполами и мраморными дворцами, построенными въ стилѣ Возрожденія, съ ажурными каменными украшеніями и порфиоровыми колоннами, съ ея каналами, по которымъ безшумно сплываютъ гондолы. Въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ чудесъ, изумленный обиліемъ богатства и роскоши, Шавригинъ не могъ утѣшиться по поводу того, что ему не былъ извѣстенъ подробный титулъ дожа. Каково же было его удивленіе, когда, едва поселившись въ скромномъ домикѣ Маріетты Галетта, онъ сдѣлался вдругъ предметомъ всеобщаго вниманія; къ нему отнеслись какъ къ лицу, облеченному оффиціальной миссіей, и ему было предложено переселиться въ великолѣпный монастырь Санто-Джіованни и Паоло, гдѣ онъ былъ принятъ, какъ гость Венеціанской республики. Одного извѣстія о присутствіи въ Венеціи московскаго посланника было достаточно, чтобы вызвать эту любезность со стороны дожа, который былъ уже предувѣдомленъ изъ Праги о дѣли прибытія русскаго посольства.

Два дня спустя, 15-го февраля, Шавригинъ былъ принятъ дожемъ съ обычнымъ церемоніаломъ въ залѣ іезуитской коллегіи.

Не смотря на неоднократно повторенное приглашеніе сѣсть, Шавригинъ стоялъ во время аудіенціи съ непокрытой головою, произнесъ торжественно царскій титулъ и при помощи своихъ переводчиковъ сказалъ рѣчь, которую Поплеръ переводилъ съ русскаго на нѣмецкій языкъ, а Паллавичини—съ нѣмецкаго на италіанскій. Держа въ рукахъ письмо царя, которое онъ поцѣловалъ, Шавригинъ разсыпался въ извиненіяхъ по поводу того, что ему не былъ извѣстенъ титулъ дожа. Формулы этикета играли всегда большую роль въ Кремлѣ; Іоаннъ IV, не желавшій, чтобы его называли болѣе великимъ княземъ, былъ въ этомъ отношеніи особенно щепетилень. Поэтому, понятно, замѣшательство гонца: малѣйшая неловкость съ его стороны могла навлечь неудовольствіе царя, всегда грознаго въ своемъ гнѣвѣ. Русскій дипломатъ поспѣшилъ наивно объяснить причину своего затруднительнаго положенія.

— Иностранные языки изгнаны изъ Москвы,—сказалъ онъ,—такъ

какъ царь боялся бы измѣны, еслибы онъ не могъ понимать своихъ подданныхъ; а за отсутствіемъ частыхъ сношеній съ Италіей, въ Посольскомъ приказѣ не сохранилось употребительнаго въ этомъ случаѣ титула. Венецію считали даже принадлежащею къ папскимъ владѣніямъ; поэтому царь писалъ подробно о войнѣ противъ турокъ и татаръ, что составляло главную цѣль посольства только въ письмѣ къ папѣ.

Что же касалось торговли, которую царю желательно было завести съ Венеціанской республикой, то Шавригинъ высказалъ, что царь горячо желалъ этого, и совѣтовалъ венеціанцамъ, въ довольно сбивчивыхъ выраженіяхъ, избрать путь на Москву чрезъ Каспійское море и Волгу. Вопросъ о пути обсуждался во время аудіенціи двукратно, пока присутствующіе не убѣдились окончательно, что свѣдѣнія московскихъ людей по части географіи были чрезвычайно смутны и сбивчивы.

Дождь Николо да - Понте привѣтствовалъ прибывшихъ, обѣщалъ предложить вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ на обсужденіе совѣта и дать царю отвѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

По окончаніи аудіенціи, русскіе дипломаты осматривали достопримѣчательности дворца, коллекцію оружія, большое зало совѣта и зало совѣта Десяти. Послѣдующіе дни были посвящены осмотру города: русскихъ заинтересовалъ болѣе всего арсеналь, съ его бассейнами, верфями и службами,—безмолвное, но краснорѣчивое доказательство военнаго могущества Венеціи.

Переводъ царскаго письма былъ сдѣланъ секретаремъ Франческо, который воспользовался случаемъ, чтобы проникнуть тайны Кремля, которыя царь оберегалъ такъ ревниво. Въ разговорѣ съ нимъ Шавригинъ и его спутники не преминули повторить общія мѣста о Баторіи и его кровожадныхъ стремленіяхъ, и о великодушіи Іоанна IV, который готовъ былъ выставить на помощь императору въ его борьбѣ съ турками сто-тысячное войско. Но нѣсколько необдуманныхъ словъ, вырвавшихся у Шавригина во время этого разговора, который Франческо умышленно старался затянуть, объяснили ловкому секретарю истинное положеніе дѣла. Франческо понялъ, что царь, окруженный врагами, ничего такъ не желалъ, какъ заключить почетный миръ съ Баторіемъ, и что его положеніе было бы весьма затруднительно, если бы Польша не согласилась сложить оружіе, но, проникнувъ эту тайну, онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно другаго обстоятельства. Въ рѣчи Шавригина можно было подмѣтить нѣкоторыя несообразности. Ему было поручено передать письмо царя къ дожу, а между тѣмъ онъ заявлялъ, что ему неизвѣстенъ титулъ дожа; выходило, какъ будто царь, обращаясь къ иностраннымъ владѣтельнымъ особамъ, не зналъ хорошенько, что они изъ себя изображали. Эта несообразность объясняется между тѣмъ весьма просто: письмо, переданное Шавригинымъ дожу, было подложное.

Чтобы объяснить себѣ этотъ фактъ, надобно забѣжать нѣсколько впередъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1581 г. іезуитъ Поссевинъ, которому папа поручилъ проводить русскихъ посланцевъ въ Москву, былъ свидѣтелемъ довольно бурной сцены, разыгравшейся между ними въ Венеціи. Шавригинъ обвинялъ Паллавичини въ воровствѣ; а тотъ, выйдя изъ себя, воскликнулъ:

— Такъ вотъ какъ ты обращаешься со мною, нанявъ меня за нѣсколько рублей; дай мнѣ только приѣхать въ Москву, я донесу на тебя царю: всѣ узнаютъ, что ты сочинялъ подложныя письма для венеціанцевъ.

Эти слова были откровеніемъ для Поссевина. Онъ приложилъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы разузнать истину, и оказалось, что Шавригинъ, желая заставить дожа расщедриться, безъ всякаго стѣсненія написалъ собственноручно дожу письмо якобы отъ царя и для того, чтобы въ подлинности его не могло быть сомнѣнія, приложилъ къ нему печать, снятую съ письма къ курфюрсту Саксонскому. Сдѣлавъ это открытіе, Поссевинъ сообщилъ о немъ одному изъ кардиналовъ, присовокупивъ въ видѣ успокоенія, что письма царя къ папѣ и императору были подлинныя.

Обвиненіе, взведенное имъ на Шавригина, было весьма серьезное, а между тѣмъ нельзя не признать, что оно было вполне основательное. Въ самомъ дѣлѣ, Шавригину были даны при отъѣздѣ изъ Россіи письма не только къ императору Рудольфу II и къ папѣ Григорію XIII, но онъ получилъ также охранные листы или опасныя грамоты, какъ ихъ называли въ то время, къ королю Датскому и курфюрсту Саксонскому. Всѣ эти документы были должнымъ образомъ зарегистрированы въ Кремлѣ; къ венеціанскому же дожу ему не было дано ни письма, ни охраннаго листа. Была ли это случайная ошибка? По свидѣтельству самого Шавригина, Венеція была въ глазахъ московскихъ людей простой провинціей Папской области, и Іоаннъ IV, предвидя возможность, что Григорій XIII захотѣлъ бы послать въ Москву купцовъ изъ Риги или Венеціи, далъ своему посланному соответственныя инструкціи.

По возвращеніи въ Москву, гонецъ сообщилъ Іоанну точныя свѣдѣнія о республикѣ, какъ о владѣніи, вполне самостоятельномъ и независимомъ.

Трудно допустить, чтобы царь далъ Шавригину, на всякій случай, письмо къ управителю одной изъ провинцій Папской области, каковымъ онъ считалъ дожа, а изъ этого ясно, что письмо, представленное дожу 6-го (15-го) февраля 1581 г., было подложное и что подлогъ былъ совершенъ тѣмъ, кто подалъ это письмо.

Это подтверждается еще и тѣмъ, что Шавригинъ былъ простымъ гонцомъ; таковымъ онъ названъ во всѣхъ официальныхъ документахъ; въ одномъ только письмѣ къ венеціанскому дожу онъ названъ пять разъ

посланникомъ. Между тѣмъ въ древней Москвѣ разница между гонцомъ и посланникомъ была огромная. Кромѣ того въ данныхъ ему охранныхъ листахъ говорится кратко о посылкѣ Шавригина, а въ упомянутомъ письмѣ говорилось, что на него возложено важное дѣло, въ коемъ заинтересованъ весь христіанскій міръ.

И такъ, титулъ, присвоенный гонцу въ письмѣ къ дожу, и вся редакція этого письма наводятъ на мысль, что оно не могло быть писано въ Москвѣ.

Этимъ объясняется вѣроятно и то обстоятельство, что Шавригинъ постарался уничтожить отвѣтъ дожа на это письмо.

Когда онъ доѣхалъ, на обратномъ пути, до Любека, то имъ овладѣла боязнь быть ограбленнымъ въ дорогѣ; чтобы спасти корреспонденцію, которую онъ везъ въ Москву, онъ зашилъ ее въ одежду, но письмо дожа, ради вящей предосторожности, было имъ поручено особому гонцу, который, какъ и надобно было ожидать, былъ ограбленъ по пути разбойниками, такъ что компрометирующее Шавригина письмо не было доставлено по назначенію.

Все это было настолько правдоподобно, что царь легко могъ повѣрить разсказу своего гонца. Вдобавокъ, Шавригинъ умолчалъ о своемъ свиданіи съ дожемъ Николо да-Понте, въ февралѣ мѣсяцѣ 1581 г., и мысль завести торговля сношенія Венеціи съ Москвою была приписана папѣ и Поссевину.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ странныхъ совпаденій и данныхъ, которыя были извѣстны Поссевину, онъ заподозрилъ, что письмо, предъявленное дожу, было подложное и подозрѣвалъ даже, что италіанскій переводчикъ, скончавшійся въ дорогѣ, былъ убитъ своими сотоварищами, чтобы онъ не могъ сдѣлать въ Москвѣ какихъ-либо неблагопріятныхъ Шавригину разоблаченій.

Шавригинъ успѣшилъ уѣхать изъ Венеціи. Единственныя свѣдѣнія, которыя онъ собралъ объ этомъ городѣ и которыя передалъ впоследствии царю, заключались въ томъ, что Венеція построена на водѣ, а не на землѣ, что она не находится въ зависимости ни отъ папы, ни отъ императора, что, сѣвъ въ этомъ городѣ на корабль, можно проѣхать по «Гишпанскому морю» до Константинополя и Іерусалима, и наконецъ, что венеціанцы дѣлаютъ ежегодно великолѣпные подарки туркамъ, не смотря на то, что они разбили ихъ съ помощью испанцевъ.

24-го февраля русскій посланецъ вѣхалъ въ Римъ. Въ XVI вѣкѣ прибытіе иностраннаго посла волновало официальный міръ не менѣе частныхъ лицъ и народа, всегда жаднаго до зрѣлищъ. Москва была менѣе знакома жителямъ Рима, нежели Китай и Японія. Уже много лѣтъ ни одинъ москвитянинъ не переступалъ порога Вѣчнаго города. Поэтому появленіе Шавригина возбудило весьма естественно всеобщее

любопытство, и ему былъ оказанъ болѣе торжественный пріемъ, нежели подобало простому гонцу. Его встрѣтили за городомъ двѣ депутаціи. Онъ пересѣлъ въ папскій экипажъ и окруженный блестящей свитою двинулся во дворецъ, находящійся на площади Двѣнадцати Апостоловъ, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе. Въ этомъ дворцѣ жилъ Джіакомо Бонкомпанья, начальникъ папскаго войска и управитель замка св. Ангела, которому папа поручилъ принять посольство, что онъ и исполнилъ въ совершенствѣ. По словамъ Шавригина, списокъ кушаньямъ, которыя имъ подавались, былъ не только роскошный, но прямо чудовищный по количеству блюдъ и угощень, которыя подавались въ строго опредѣленный часъ два раза въ день.

Аудіенція въ Ватиканѣ состоялась 17-го (26-го) февраля. Петръ Вольскій, епископъ Плоцкій, представитель Польши въ Ватиканѣ, настаивалъ на томъ, чтобы аудіенція была обставлена какъ можно проще. По его ли просьбѣ или по какой иной причинѣ, гонцу была дана частная аудіенція. Шавригинъ поцѣловалъ папѣ туфлю и произнесъ свою рѣчь, стоя на колѣняхъ,—на что до него не соглашался никто изъ русскихъ. Впрочемъ, Шавригинъ не упомянулъ объ этомъ обстоятельстве въ своемъ донесеніи царю. Онъ писалъ только, что, передавъ папѣ письмо и соболей, просилъ его отправить въ Москву посольство. Онъ дѣйствовалъ согласно приказанію, полученному въ Кремлѣ: не входить ни въ какія объясненія и держаться строго сказаннаго въ официальномъ письмѣ Іоанна.

На слѣдующій день, 18-го (27-го) февраля папа Григорій XIII объявилъ собравшимся членамъ консисторіи о прибытіи русскаго посланнаго съ письмомъ, которое было имъ передано переводчикомъ.

Въ своемъ посланіи къ папѣ Іоаннъ ссылался на дружественныя сношенія съ Римомъ своего отца Василя III и на свои лично къ папскому престолу; «стоитъ только протянуть руку,—говорилъ онъ,—и общими усилиями Исламъ будетъ побѣжденъ. Но прежде всего надобно устранить одно препятствіе: князь Трансильванскій (Баторій) завладѣлъ польскимъ престоломъ и заключилъ двойственный союзъ съ султаномъ Мурадомъ и съ крымскимъ ханомъ.—Надѣясь на своихъ новыхъ союзниковъ и презрѣвъ данныя имъ клятвы, онъ проливаетъ русскую кровь потоками». Царь просилъ папу приказать королю Стефану (Баторію) отказаться отъ союза съ мусульманами и прекратить войну съ христіанами. Письмо кончалось просьбою, чтобы посланникъ, который будетъ посланъ въ Москву и прійдетъ туда вмѣстѣ съ Шавригинымъ, извѣстилъ царя о томъ, какія дѣлаются приготовленія къ войнѣ съ турками.

Какъ тонко и хитро ни было написано это письмо, но въ Римѣ такъ же точно, какъ въ Венеціи и Прагѣ, сразу поняли, что царь только

прикрывался походомъ противъ турокъ, но что главною его заботою было добиться мира съ Польшею. На папу и кардиналовъ произвело неблагоприятное впечатлѣніе то обстоятельство, что царь не обмолвился ни словомъ на счетъ религіи. Не смотря на это, св. отецъ и его совѣтники сочли долгомъ откликнуться на предложеніе Іоанна, въ надеждѣ, что политика откроетъ широкое поприще для католической пропаганды въ Россіи.

6-го марта, Григорій XIII объявилъ собравшимся кардиналамъ, что письмо Іоанна переведено, рассмотрѣно, и что въ Москву будетъ отправленъ папскій посоль.

Для этой цѣли былъ избранъ Антоній Поссевинъ, іезуитъ, соединившій всѣ необходимыя качества для столь важнаго порученія: выдающійся умъ, обширныя познанія, наблюдательность, опытность въ дѣлахъ, дипломатическія способности и твердый, но въ то же время вкрадчивый характеръ и умѣнье ладить съ людьми. Желѣзное здоровье, почти никогда ему не измѣнявшее, позволяло Поссевину работать безъ усталы, удовлетворяя этимъ своей ненасытной жаждѣ къ дѣятельности. Но у него былъ одинъ недостатокъ, вытекавшій изъ самыхъ свойствъ его характера. Зная себѣ цѣну и вполнѣ полагаясь на свои силы, онъ овладѣвалъ всецѣло тѣмъ дѣломъ, которое ему поручалось, и считалъ себя въ правѣ вести его вполнѣ самостоятельно, не обращая вниманія на тѣхъ лицъ, коимъ приходилось работать вмѣстѣ съ нимъ. Поэтому нунціи, съ коими онъ имѣлъ дѣло, находили его не особенно покладистымъ сотрудникомъ.

Шавригинъ пробылъ въ Римѣ довольно долго, до Пасхи; но торжественное богослуженіе, совершаемое католической церковью въ дни Святой недѣли, не произвело на него, какъ рассчитывалъ папа, особеннаго впечатлѣнія, точно такъ же, какъ его «варварское ухо» не оцѣнило дивной гармоніи композитора Палестрины и великолѣпнаго пѣнія въ Сикстинской часовнѣ.

Его замѣчанія о великолѣпномъ Римѣ, родинѣ Рафаэля и Микель Анджело, ограничиваются сухимъ перечисленіемъ церкви, мощей, религіозныхъ церемоній, названіемъ странъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, и монарховъ, имѣвшихъ своихъ представителей при папскомъ престолѣ.

Лично его интересовало главнымъ образомъ одно обстоятельство, — подарки, которые онъ получить при отъѣздѣ. Григорій XIII полагалъ, что онъ будетъ вполнѣ удовлетворенъ, получивъ великолѣпный *Agnus Dei*, золотую цѣпь и кошелекъ съ шестьюстами экю. Венеціанскій посланникъ, все время пристально слѣдившій за Шавригиннымъ, доносилъ своему двору, что гонецъ уѣхалъ изъ Рима вполнѣ довольный щедростью

папы; но впоследствии всё убѣдились, что алчность его нельзя было ничѣмъ удовлетворить.

18-го (27-го марта) 1581 г. русское посольство, въ сопровожденіи Поссевина, пустилось наконецъ въ обратный путь въ Москву, пробывъ въ Римѣ болѣе мѣсяца.

II.

Отправленіе папою посольства въ Россію. — Цѣль посольства. — Рѣчь Поссевина въ Венеціи. — Характеристика членовъ посольства. — Показанія Поплера о состояніи Московскаго государства. — Возвращеніе посольства въ Россію. — Сцена ревности, окончившаяся смертью Паллавичини. — Поссевинъ и его характеристика. — Побѣды Баторія. — Посредничество папы къ заключенію мира между враждующими сторонами. — Аудиенція Поссевина у Баторія. — Замойскій и его значеніе. — Флорентійскій купецъ Тедалди. — Свиданіе его съ царемъ Иоанномъ. — Положеніе евреевъ въ Москвѣ.

Путешествіе папскаго посла вмѣстѣ съ русскими дипломатами было прекраснымъ случаемъ дать москвитянамъ высокое понятіе о могуществѣ, богатствѣ и военныхъ силахъ папы. Сообразно съ этимъ, было отдано приказаніе мѣстнымъ властямъ производить до границы папскихъ владѣній всё путевые расходы изъ папской казны.

Въ то время, путешествіе по Италіи было сопряжено со всевозможными случайностями. Страна была наводнена разбойниками, ѣхать приходилось съ большими неудобствами, большею частію верхомъ; по пути нигдѣ не было хорошихъ гостиницъ, гдѣ можно было бы удобно отдохнуть; путешественнику приходилось то и дѣло имѣть недоразумѣнія съ таможенными чиновниками и съ врачами, которые постоянно были подѣ страхомъ, что пріѣзжіе занесутъ какую-нибудь заразу. Впрочемъ, во время управленія областью Григоріемъ XIII въ ней произошли большія улучшенія: въ различныхъ мѣстахъ были сооружены прочныя и изящныя каменные мосты и улучшены дороги.

По приказанію папы, русскому посольству оказывали всюду почетный пріемъ, его привѣтствовали власти, а войска выстраивались, чтобы отдать имъ честь.

Первая большая остановка была въ Венеціи, гдѣ Поссевинъ держалъ, 11-го апрѣля, въ совѣтѣ Десяти, рѣчь, въ которой изложилъ цѣль, преслѣдуемую папой, при послыскѣ его въ Россію. Перечисливъ успѣхи, достигнутые католической пропагандой въ разныхъ странахъ, онъ указалъ на необходимость воспользоваться случаемъ, для сближенія съ Москвою, которая искала новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ. Для торговцевъ католиковъ было необходимо, по его словамъ, добиться такихъ же льготъ, какія были дарованы въ Московскомъ государствѣ лютеранамъ и магометанамъ, пользовавшимся полною свободо-

дой исповѣдывать свою религію; затѣмъ, можно будетъ привлечь царя къ союзу противъ турокъ,—сказалъ онъ,— и мало-по-малу можно будетъ подготовить путь къ соединенію церквей.

Поссевинъ заявилъ во всеуслышаніе о желаніи папы, чтобы Іоаннъ заключилъ съ Баторіемъ союзъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ и чтобы вопросъ политической обсуждался въ Москвѣ совмѣстно съ вопросомъ о религіи.

Рѣчь Поссевина произвела большое впечатлѣніе на дожа и на всѣхъ присутствующихъ и была дважды перечитана и подвержена обсужденію въ сенатѣ.

9-го (18-го апрѣля) Поссевинъ и Шавригинъ были приглашены въ іезуитскую коллегію. Русскому гонцу было вручено письмо съ золотою печатью, для передачи царю Іоанну; ему была пожалована дожемъ золотая цѣпь съ медалью съ изображеніемъ на ней св. Марка, стоимостью въ 500 экю; Поплеръ получилъ въ подарокъ всего сто экю. Дождь выразилъ при этомъ свое удовольствіе по поводу присылки папскаго посла.

Во время пребыванія въ Венеціи, Поссевинъ счелъ нужнымъ обезпечить себя, относительно тѣхъ лживыхъ донесеній, какія Шавригинъ могъ представить царю по пріѣздѣ въ Кремль. Съ этой цѣлью, онъ заставилъ его написать подъ свою диктовку письмо къ царю и, снявъ съ него копію, сохранилъ ее для собственнаго употребленія. Въ этомъ оригинальномъ посланіи было высказано столько похвалъ по адресу папы и іезуитской коллегіи, что это обстоятельство невольно выдавало его автора. Предательскимъ пунктомъ этого письма было упоминаніе о томъ, что письмо царя (которое было, какъ выше сказано, подложнымъ) передано венеціанскому дожу; такимъ образомъ Шавригинъ самъ написалъ противъ себя обвинительный документъ. Крайне этимъ встревоженный, онъ тщетно старался въ бытность свою въ Прагѣ измѣнить текстъ этого письма, или вовсе уничтожить его. Впрочемъ, кажется, оно не было представлено царю; во всякомъ случаѣ, оно не подало повода къ какимъ-либо неприяностямъ или недоразумѣніямъ.

Какъ оскорбительны ни были предосторожности, принятыя Поссевинымъ, но онъ вполнѣ оправдывался характеромъ и личными свойствами трехъ дипломатовъ, совершавшихъ вмѣстѣ путь въ Москву. Шавригинъ и Поплеръ въ особенности выказали себя въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ. Движимые корыстолюбіемъ, они платили за гостепрѣмство оскорбленіями и занимались постоянно самаго сомнительнаго свойства коммерческими сдѣлками: золотыя цѣпи, полученныя ими въ Римѣ и Венеціи, были тщательно взвѣшаны и едва не проданы, чѣмъ Поссевинъ былъ глубоко возмущенъ. По его понятію, это изобличало черную неблагодарность по отношенію къ папѣ и большую низость души.

Какъ только дѣло заходило о торговлѣ, Поплеръ всегда дѣйствовалъ заодно съ Шавригинымъ, хотя самъ зорко слѣдилъ за нимъ. Опасаясь, что Шавригинъ могъ обокрасть его, онъ хотѣлъ даже отдать Поссевию на храненіе покупки, сдѣланныя имъ съ цѣлю перепродать ихъ съ барышемъ въ Москвѣ, но это предложеніе было отклонено; точно также Поссевицъ отвѣчалъ ему отказомъ на всѣ его просьбы одолжить ему денегъ. Несмотря на такія натянутыя отношенія, нунцій съумѣлъ заставить Поплера разговориться и получилъ отъ него весьма важныя свѣдѣнія.

По словамъ болтливаго Поплера, положеніе Московскаго государства было весьма плачевное: въ 1571 г. крымскій ханъ Девлетъ-Гирей двинулъ на Москву татарь, которые опустошили страну, отмѣтивъ пройденный путь кровавымъ слѣдомъ; самая столица едва не попала въ ихъ руки. Только одинъ Кремль былъ пощаженъ; съ высоты его стѣнъ можно было видѣть пожаръ предмѣстій и Китай-города, страшный грабежъ, который производился въ окрестностяхъ, дымившіяся развалины, груды труповъ, а на горизонтѣ виднѣлись очертанія татарь, носившихся на своихъ быстрыхъ лошадяхъ по равнинѣ. Московское государство избѣгло окончательнаго разоренія только цѣною унижительнаго мира. Съ тѣхъ поръ призракъ татарь не давалъ покоя Іоанну; боязнь новаго нашествія не позволяла ему сосредоточить свои силы противъ Польши. Покинутый боярами, напуганный побѣдами Баторія, царь унизился до послышки пословъ къ своему сопернику и даже прибѣгнулъ къ посредничеству папы: Поплеръ видѣлъ въ этомъ небесную кару за безумную гордость Іоанна.

Изъ этихъ откровенныхъ бесѣдъ Поссевицъ могъ почерпнуть гораздо больше, чѣмъ изъ официальныхъ документовъ. Онъ понималъ это какъ нельзя лучше, но когда разузналъ все, что ему было необходимо, то расстался со своими докучливыми спутниками безъ малѣйшаго сожалѣнія. Они простились въ Виллахѣ, въ Каринтіи, съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться вновь въ Вѣнѣ или Прагѣ.

Шавригинъ поѣхалъ со своими спутниками кратчайшимъ путемъ, а Поссевицъ заѣхалъ въ Грацъ, гдѣ остановился на короткое время: 4-го мая онъ уже былъ въ Вѣнѣ.

Два дня передъ тѣмъ, Хевригинъ проѣхалъ черезъ столицу Австріи, не останавливаясь въ ней даже для того, чтобы представиться эрцгерцогу Эрнесту. Эта поспѣшность объясняется весьма прискорбною исторіей, случившейся съ нимъ по пути. По словамъ Поплера, съ коими почти во всемъ согласуется рассказъ самого Шавригина: отдѣлавшись въ Виллахѣ отъ стѣснительнаго для нихъ надзора Поссевина, москвитяне начали вести веселую жпзнь. Случайно, въ одномъ экипажѣ съ ними оказалась женщина, и между спутниками, отуманенными страстью

и виновными парами, завязался споръ изъ-за ѣхавшей съ ними австрійской красавицы. Паллавичини, схвативъ шпагу, бросился на Шавригина; Поплеръ сталъ защищать его и смертельно ранилъ итальянца. Они поѣхали дальше, но дня черезъ полтора состояніе раненаго внушило такія опасенія, что его пришлось оставить на попеченіи сельскаго священника, въ 26 верстахъ отъ Вѣны.

Поссевину этотъ рассказъ показался весьма неправдоподобнымъ.

Онъ заподозрилъ, что это была продѣлка Шавригина съ цѣлью замѣять дѣло о подложномъ письмѣ, которое Паллавичини могъ обнаружить въ порывѣ откровенности. Извѣстіе о смерти Паллавичини, полученное въ скоромъ времени, подтвердило эту догадку.

По пріѣздѣ Поссевина въ Прагу, гдѣ его поджидалъ Шаврингъ, по желанію послѣдняго были написаны и отправлены письма Иоанну, боярину Никитѣ Романову, брату покойной царицы Анастасіи и дяку Щелкалову. Шаврингъ далъ, въ свою очередь, Поссевину, охранный листъ и письмо къ царю и просилъ его, хотя безуспѣшно, уничтожить письмо, написанное въ Венеціи. Вообще, въ Прагѣ онъ былъ любезенъ и предупредителенъ, быть можетъ, желая заставить позабыть прискорбный случай съ Паллавичини.

Вѣрный своей привычкѣ почерпать гдѣ только можно новыя свѣдѣнія, Поссевинъ разузналъ отъ Венгерскаго канцлера Пернштейна, что въ Прагѣ не были довольны русскими, которые упорно настаивали на союзѣ противъ турокъ. У Австріи были въ то время иныя заботы, и отвѣтъ на предложеніе царя былъ отложенъ до болѣе удобнаго времени. Золотая цѣпь стоимостью въ сто флориновъ, подаренная Шаврингу, была слабымъ вознагражденіемъ за неудачу его дипломатическаго порученія. Что касается аудіенція у императора, которая была главною цѣлью поѣздки Поссевина въ Прагу, то онъ ея не получилъ; Рудольфъ, поглощенный астрономическими наблюденіями, избѣгалъ общества.

Скоро пришлось подумать объ отъѣздѣ. Шаврингъ, желая избѣгнуть польскихъ провинцій и сберечь деньги, поѣхалъ на Любекъ, а Поссевинъ, въ сопровожденіи четырехъ іезуитовъ, двинулся черезъ Польшу.

Дипломатическая кампанія, предпринятая въ Римѣ и Прагѣ, не остановила хода событій на театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ счастье по-прежнему благоприятствовало полякамъ. Продолжая свое побѣдоносное шествіе, Баторій овладѣлъ Велижемъ и нѣкоторыми другими крѣпостями въ бассейнѣ Двины. Чтобы добраться до Великихъ Лукъ, пришлось прокладывать себѣ съ топоромъ въ рукахъ путь черезъ дремучіе лѣса и сооружать наскоро мосты черезъ болота. Послѣ невозможныхъ трудовъ, которые истомили бы менѣе выносливое войско, поляки подошли къ неприступной крѣпости. Можно было ожидать энергическаго сопротивленія, такъ какъ русскіе, менѣе искусные и менѣе стойкіе въ

открытомъ полѣ, защищались за крѣпостными стѣнами всегда до послѣдней возможности.

27-го августа (5-го сентября) 1580 г. пожаръ, причиненный взрывомъ пороховаго погреба, пришелъ на помощь осаждающимъ; воспользовавшись имъ, поляки пошли на приступъ и овладѣли пылающими развалинами. Не смотря на приказаніе Баторія, всѣ жители Великихъ Лукъ были перебиты.

Въ то время какъ обѣ воюющія стороны сражались съ такимъ ожесточеніемъ, изъ Рима раздался голосъ, призывавшій ихъ къ миру.

Надобно замѣтить, что Польша смотрѣла не особенно благосклонно на сношенія, происходившія между Римомъ и Москвою. Сигизмундъ Августъ ни разу не позволилъ папскому нунцію проѣхать въ Москву черезъ свои владѣнія; Баторій поступилъ въ предъидущемъ году точно такъ же. Что же могло повліять на него, что заставило его внезапно измѣнить свою политику?

Безъ сомнѣнія, никто не слѣдилъ въ Европѣ такъ внимательно за Шавригинымъ, какъ Баторій; его посланники сообщали ему о немъ малѣйшія подробности. 2-го февраля 1581 года король завелъ о немъ рѣчь съ нунціемъ Калигари и заявилъ, что онъ готовъ опровергнуть клеветы, которыя москвитяне, по его словамъ, навѣрно распустятъ на его счетъ. Сообщая объ этомъ папѣ, Калигари писалъ, что онъ болѣе заботится о будущемъ, нежели о настоящемъ. Предвидя, что въ Россію будетъ посланъ Посевинъ, онъ писалъ: «лишь бы между нами установились сношенія, мы будемъ дѣйствовать такъ, что въ этой странѣ двери откроются для истины». Затѣмъ этотъ вопросъ обсуждался неоднократно между Баторіемъ и Калигари.

Въ глубинѣ души Баторій былъ доволенъ шагомъ, сдѣланнымъ Іоанномъ, такъ какъ онъ изобличалъ его слабость и былъ, очевидно, предвѣстникомъ мира, котораго сеймъ страстно желалъ. Но питая надежду на миръ, Баторій не прекращалъ своихъ вооруженій. «Я не отступлю ни на шагъ», сказалъ онъ нунцію. Какъ только папою было обѣщано содѣйствіе Шавригину, нунцію Калигари было сообщено объ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено получить паспорта для проѣзда русскихъ и Посевина чрезъ Польшу.

Просьба эта объяснялась желаніемъ избавить путешественниковъ отъ необходимости ѣхать моремъ; въ сущности, папа хотѣлъ этимъ располжить Баторія къ своей новой политикѣ и заставить его косвенно принять свое посредничество.

При этомъ Григорій XIII велѣлъ успокоить Баторія относительно того, что его побѣдоносное шествіе на Москву не будетъ остановлено, и что если начнутся переговоры, то содѣйствіе его, папы, обезпечено королю; ему сулили даже увеличеніе его владѣній. «Обстоятельства

благопріятствуютъ рѣшенію Восточнаго вопроса,—говорилось въ депешѣ изъ Рима,—Турецкая имперія обречена на погибель, а Валахія находится на границѣ Польши» и слѣдовательно легко можетъ быть присоединена къ ней.

Этой депешей возлагалось на нунція Калигари весьма щекотливое порученіе, не особенно подходившее къ нему по его природнымъ дарованіямъ. Человѣкъ не далекаго ума, мало предпріимчивый, не стремившійся расширить своихъ свѣдѣній, онъ не сумѣлъ завоевать себѣ виднаго положенія среди гордыхъ польскихъ магнатовъ; былъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ со всемогущимъ Замойскимъ и не пользовался никакимъ вліяніемъ у Баторія. Посылка въ Москву Поссевина была для него непріятна; онъ самъ имѣлъ право рассчитывать на это назначеніе, которое казалось ему блестящимъ и не труднымъ. Тѣмъ не менѣе онъ принялъ дѣло близко къ сердцу и не пожертвовалъ общественными интересами ради личныхъ счетовъ.

Его хлопоты увѣнчались успѣхомъ. 29-го апрѣля онъ изложилъ королю свою просьбу письменно и затѣмъ отправился на свиданіе съ нимъ въ Вильно, но уже по пути получилъ отвѣтъ короля и желаемые паспорта; Баторій, не заблуждаясь на счетъ истинныхъ цѣлей Іоанна, хотѣлъ выказать этимъ свое уваженіе къ папѣ. Это было сдѣлано весьма ловко, ибо въ то время какъ Шавригинъ хлопоталъ въ Римѣ о посредничествѣ со стороны папы, другіе русскіе посланцы, предлагавшіе королю всю Ливонію, за исключеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей, отказались мало-по-малу отъ этого условія и завели рѣчь о свиданіи короля съ Іоанномъ.

Поэтому Баторій полагалъ, что либо миръ будетъ заключенъ съ уступкою Ливоніи, и въ такомъ случаѣ посылка Поссевина въ Москву сама собою сдѣлается излишней; либо возникнутъ новыя осложненія, и тогда посредничество папы могло быть полезно, ибо Баторій, не смотря на одержанныя имъ побѣды, былъ не прочь заключить миръ; побѣды обошлись ему не дешево, убыль, происшедшую въ войскѣ, пополнить было трудно, а сеймъ желалъ какъ можно скорѣе уменьшить чрезвычайные расходы, вызванные войною.

Король скоро раскаялся въ поспѣшности, съ какою онъ исполнялъ просьбу относительно паспортовъ; ему представили въ ложномъ свѣтѣ участіе кардинала Мадруччи въ дѣлѣ Шавригина и остановку Поссевина въ Венеціи, Грацѣ, Вѣнѣ и Прагѣ; этого было достаточно для Баторія, чтобы подумать, что императоръ Рудольфъ строилъ противъ него козни. Кромѣ того зная, какъ враждебно относился Іоаннъ къ католической церкви, онъ не могъ понять, какимъ образомъ возникли надежды на успѣшную проповѣдь католицизма въ Московскомъ государствѣ. Его подозрѣнія усилились, когда онъ узналъ, что Шавригинъ не поѣхалъ

черезъ Польшу, а избралъ благоразумно путь на Любекъ. Онъ отдалъ строгое приказаніе во что бы то ни стало задержать его по пути, но опытный гонецъ не мѣшкалъ, и догнать его не удалось.

Поэтому не удивительно, что когда нунцій Калигари пріѣхалъ въ Вильно, то первая аудіенція его у Стефана Баторія была довольно бурная.

Сообщивъ нунцію о ходѣ военныхъ дѣлъ, Баторій жаловался на своихъ враговъ и на ихъ интриги, выразилъ сожалѣніе по поводу выдачи паспортовъ и заявилъ, что впредь будетъ дѣйствовать осторожно.

Къ Поссевину Баторій выразилъ полное недовѣріе и, считая его преданнымъ русскимъ, хотѣлъ, для наблюденія за нимъ, приставить къ нему переводчика въ видѣ шпіона.

Но когда іезуитъ пріѣхалъ, то къ великому удивленію нунція, который надѣялся руководить имъ и покровительствовать ему, оказалось, что онъ не только не нуждался въ его покровительствѣ, но быстро и довольно успѣшно обдѣлалъ все дѣло одинъ.

Въ три дня онъ успѣлъ подружиться съ Замойскимъ, съ которымъ онъ составлялъ вмѣстѣ донесенія въ Римъ.

Когда, 8-го (17-го) іюня, состоялась наконецъ официальная аудіенція Поссевина у Баторія, то іезуитъ, въ искусно импровизированной рѣчи, настаивалъ на томъ, что, посылая его въ Москву, папа имѣлъ въ виду главнымъ образомъ обезпечить торжество католической церкви въ Ливоніи и подготовить почву къ религіозному сближенію съ Москвою. Чтобы разсѣять всякія подозрѣнія короля, Поссевинъ изъявилъ согласіе взять съ собою такихъ спутниковъ и такихъ переводчиковъ, какихъ пожелаетъ Баторій.

Рѣчь Поссевина произвела на короля сильное впечатлѣніе; она разсѣяла составленное имъ ошибочное мнѣніе, что Шавригинъ былъ посланъ въ Римъ не Іоанномъ, а императоромъ Рудольфомъ.

Изложивъ въ своей отвѣтной рѣчи причины своей распри съ Москвою и ходъ военныхъ дѣйствій, король сказалъ:

— Пушкинъ, посланникъ Іоанна, пріѣхалъ просить мира и предлагаетъ за исключеніемъ Нарвы всю Ливонію и небольшое военное вознагражденіе, съ условіемъ, что ему будутъ возвращены Великіе Луки и двѣ другія крѣпости.

Для выясненія этихъ вопросовъ къ Іоанну было отправлено два посланца, и при данныхъ обстоятельствахъ король не считалъ возможнымъ предпринять что-либо, не получивъ отвѣта изъ Кремля. Собираясь ѣхать въ Дисну, крѣпость, расположенную при впаденіи Десны въ Двину, онъ предложилъ Поссевину сопровождать его съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, отправиться въ Москву черезъ Великіе Луки, вмѣсто обычнаго пути на Смоленскъ.

По желанію короля путешествіе изъ Вильны въ Дисну совершилось въ обществѣ Замойскаго. Ѣхали медленно, цѣлыхъ девять дней, и въ

это время между могущественным канцлеромъ и іезуитомъ установились весьма близкія отношенія.

Для Поссевина это было чрезвычайно важно. Замоискій, ревностный патріотъ, былъ другомъ и совѣтникомъ Баторія; снискать его довѣріе было равносильно получить довѣріе короля и многочисленной и вліятельной королевской партіи. Поссевинъ вскорѣ убѣдился въ этомъ: король становился съ нимъ все болѣе и болѣе сообщителемъ и благоклоненъ. Одна бесѣда его съ королемъ была тому блестящимъ доказательствомъ.

Это было въ Диснѣ; 26-го іюня (5-го іюля), по настоятельной просьбѣ Поссевина, онъ согласился познакомиться съ граматой папы къ Іоанну. Завязалась бесѣда. Король говорилъ между прочимъ о Полоцкой коллегіи, основанной имъ, и которая была предметомъ его особенныхъ заботъ, затѣмъ о Германіи, о Рудольфѣ II, о Богеміи, наконецъ, о Москвѣ и о Восточномъ вопросѣ съ точки зрѣнія славянства. Хотя московскій царь выступалъ въ роли освободителя христіанскаго міра, но Баторій полагалъ, что Іоаннъ не предприметъ ничего противъ турокъ, отъ которыхъ его отдѣляли громадныя степи, и по пути къ которымъ находились враждебные ему крымскіе татары. Единственный слабый пунктъ Турціи представлялъ, по мнѣнію Баторія, Азовъ, имѣвшій чрезвычайно важное стратегическое значеніе. Любопытно, что Стефанъ Баторій, какъ прозорливый полководецъ, намѣтилъ этими словами планъ кампаніи, который впоследствии безуспѣшно пытался осуществить Василій Голицынъ въ правленіе Софьи и который былъ выполненъ Петромъ I, утвердившимся такимъ образомъ на берегахъ Чернаго моря.

Пока въ Диснѣ ожидали отвѣта изъ Москвы, тамъ появился одинъ флорентійскій купецъ, по имени Джіованни Тедальди. Ему было 78 лѣтъ, онъ давно уже уѣхалъ изъ отечества и между прочимъ провелъ три года въ Москвѣ, посетилъ Астрахань, Грузію, Персію и наконецъ поселился въ Данцигѣ. Это былъ человекъ богатый опытомъ, и Поссевинъ, со своимъ обычнымъ умѣньемъ, узналъ отъ него не мало интересовавшихъ его новостей.

По словамъ Тедальди, онъ долго не рѣшался ѣхать въ Москву, но воевода полоцкій Станиславъ Довойна разсѣялъ его страхъ относительно жестокости Іоанна.

Дѣйствительность оправдала его слова.

Царь принялъ Тедальди какъ нельзя болѣе милостиво, и ему было дозволено нѣсколько разъ уѣзжать изъ Москвы и возвращаться туда; поэтому Тедальди принадлежитъ къ числу весьма немногихъ современниковъ Іоанна, которые отзываются о немъ съ похвалою.

Въ одно изъ своихъ свиданій съ Тедальди царь предложилъ ему вопросъ, какого мнѣнія о немъ «христіане», на что ловкій флоренти-

нецѣ отвѣчалъ, что его считаютъ великимъ монархомъ; а когда Іоаннъ сталъ настаивать, чтобы онъ высказался опредѣленнѣе, то онъ сказалъ, что царю ставятъ въ вину его жестокость.

— Я жестокъ,—отвѣчалъ Іоаннъ,—по отношенію къ злымъ людямъ, но не по отношенію къ добрымъ.

Это былъ его обычный отвѣтъ на подобнаго рода обвиненія.

Когда разговоръ коснулся иностранцевъ, съ которыми обращались въ Москвѣ, какъ съ плѣнными, то Іоаннъ сказалъ:

— Если я ихъ отпущу, то мой дорогой братъ Сигизмундъ (это было около 1551 г.) не впуститъ ихъ обратно въ Польшу.

Мало-по-малу, становясь откровеннѣе, Іоаннъ показалъ Тедальди письма Климента VII къ Василію III и сказалъ, что онъ принялъ бы папскихъ посланцевъ съ большою готовностью.

Іоаннъ прекрасно понималъ выгоды сношеній съ западными державами и былъ не прочь ими воспользоваться.

Бесѣда Поссевина съ Тедальди коснулась между прочимъ только что передъ тѣмъ появившагося сочиненія Гваньини (Guagnini), уроженца Вероны, который писалъ о Москвѣ. По отзыву Тедальди, многіе факты, приводимые имъ, были преувеличены, и оцѣнка ихъ невѣрна. Такъ напр. все, что Гваньини говорилъ о преслѣдованіи евреевъ въ Московскомъ государствѣ, было невѣрно; въ сущности имъ было воспрещено только торговать, при томъ эта мѣра была вызвана слѣдующимъ довольно оригинальнымъ случаемъ.

Нѣкто Адрианъ, полякъ, торговавшій въ Москвѣ, желая отдѣлаться отъ конкуренціи евреевъ, выдумалъ провезти въ тюкъ одного еврея мумію и затѣмъ предупредилъ властей, что еврей везетъ контрабанду. Велико было всеобщее изумленіе, когда увидѣли этотъ странный трупъ. Самъ царь не зналъ, какъ отнестись къ этому факту. Виновникъ этой продѣлки, бывъ спрошенъ, заявилъ, что этими чудовищами околдовываютъ людей. Услыхавъ это, Іоаннъ пришелъ въ бѣшенство и хотѣлъ отдать повелѣніе перевѣшать всѣхъ жидовъ, но Адрианъ убѣдилъ его, что достаточно конфисковать ихъ товары и воспретить имъ торговлю, а самъ радовался тому, что благодаря этой хитрости онъ навсегда скомпрометтировалъ своихъ соперниковъ.

Поссевинъ, какъ человѣкъ ловкій, старался разузнать у Тедальди разныя мелочи, даже о томъ, какой цвѣтъ и покрой надобно было соблюдать въ Москвѣ въ одеждѣ. Тедальди успокоилъ его на счетъ чернаго цвѣта, но настаивалъ на томъ, что платье должно быть длинное, восточнаго покроя; короткое платье, какія носили въ Італіи, и высокіе шелковые чулки, плотно обрисовывавшіе икры, могли, по его словамъ, произвести самое неблагоприятное впечатлѣніе при дворѣ строгаго и богобоязненнаго царя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Просьба француза Виста переименовать свою фамилию и именоваться Безсоновымъ.

Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Правительствующему Сенату.

22-го марта 1829 г. № 2873.

Г. министр народнаго просвѣщенія сообщилъ мнѣ, что учитель французскаго языка Екатеринославской гимназій Александръ де-Висто, въ присланномъ къ нему чрезъ начальство Харьковскаго учебнаго округа прошеніи на высочайшее имя изъяснилъ, что, бывъ подданнымъ Франціи, служилъ онъ во французской арміи и, во время вторженія непріятеля въ предѣлы Россіи, взятъ былъ въ плѣнъ и отведенъ во внутреннія губерніи, потомъ въ 1814-мъ году учинилъ присягу на вѣчное подданство Россіи, и изучась русскому языку, въ 1823-мъ году вступилъ въ службу учителемъ въ сказанную гимназію и по внутреннему убѣжденію совѣсти, принялъ православное грекороссійское исповѣданіе въ февралѣ мѣсяцѣ 1825 года, а впоследствии сочетался бракомъ съ дочерью дворянина Черняка. Чувствуя въ полной мѣрѣ пощеченія его императорскаго величества о благѣ вѣроподанныхъ и почитая особеннымъ счастіемъ и честью быть русскимъ именемъ и дѣломъ, онъ пожелалъ переименовать фамилію французскую на фамилію русскаго значенія и потому просилъ дозволить ему принять съ нисходящимъ отъ него потомствомъ фамилію Безсоновъ.

О семъ онъ, г. министр народнаго просвѣщенія, вносилъ записку въ Комитетъ гг. министровъ, который выпискою изъ журналовъ своихъ 26-го февраля и 12-го марта далъ ему знать, что, не находя препятствія удовлетворить просьбу учителя де-Висто, полагалъ дозволить ему съ нисходящимъ отъ него потомствомъ именоваться, вмѣсто нынѣшней его фамиліи, фамилію Безсоновъ, но съ такимъ ограниченіемъ, что чрезъ сіе не предоставляется ему никакихъ правъ и преимуществъ по роду и наслѣдію въ фамиліи другихъ Безсоновыхъ, а въ засѣданіи 12-го марта объявлено Комитету, что государь императоръ положеніе сіе высочайше утвердить соизволилъ.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Прав. Сенату для зависящаго къ исполненію онаго распоряженія.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЬ

и ея переписка съ разными лицами¹⁾

I.

Рожденіе, юность и выходъ въ замужество.—Жизнь въ Берлинѣ и Лондонѣ.— Положеніе, занятое княгинею среди лондонскаго общества.—Пребываніе въ Англіи великаго князя Николая Павловича.—Поѣздка княгини Ливень въ Ахенъ во время конгресса.—Встрѣча съ Меттернихомъ и ея послѣдствія.—Пребываніе въ Веронѣ въ 1822 году.—Заявленіе англійскаго короля парламенту объ отклоненіи нѣкоторыхъ постановленій Веронскаго конгресса.—Посылка въ Лондонъ гр. Ожаровскаго благодарить короля за посредничество въ разрѣшеніи греческаго вопроса.—Положеніе императора Александра I въ Европѣ и впечатлѣніе, произведенное его кончиною.—Мнѣніе иностранцевъ о первыхъ дняхъ царствованія императора Николая I.

Дарья Христофоровна Ливень родилась 17-го декабря 1785 г. въ Ригѣ, гдѣ ея отецъ, генералъ-отъ-инфантеріи Христофоръ Ивановичъ Бенкендорфъ былъ военнымъ губернаторомъ. Ея мать, рожденная баронесса Анна-Юліанна Шеллингъ фонъ-Канштадтъ, была другомъ императрицы Маріи Феодоровны. Скончавшись въ 1797 г., она оставила двухъ сыновей и двухъ дочерей на попеченіе императрицы, которая заботилась о нихъ до самой смерти своей, обезпечивъ ихъ матеріально, дала приданое дочерямъ и, въ свою очередь, просила императора въ

¹⁾ Letters of Dorothea, princess Lieven, during her residence in London 1812—1834. Edited by Lionel G. Robinson. London 1902.

La princess de Lieven Ernest Daudet. „Revue des deux Mondes“. Paris. 15 Septembre 1901.

Изъ переписки княгини Ливень съ графомъ Греемъ. В. Н. Александренко. „Варш. Унив. Изв.“ 1891. № 4.

своемъ завѣщаніи оказать покровительство четыремъ дѣтямъ особы, которая была «ея ближайшимъ другомъ и память которой была ей всегда дорога».

Старшая изъ дочерей Бенкендорфъ, баронесса Марія Христофоровна, вышла замужъ за ген.-лейт. Шевича, а младшая, Дарья Христофоровна, окончивъ курсъ въ Смольномъ институтѣ, была пожалована въ 1799 г. во фрейлины, но уже въ слѣдующемъ году выдана императрицею замужъ за генералъ-лейтенанта князя Христофора Андреевича Ливена, который, не смотря на свой чинъ и на занимаемый имъ постъ, былъ всего на двѣнадцать лѣтъ старше своей жены. Впрочемъ, супруги составляли во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность.

Генералъ Ливенъ, точный и исполнительный по службѣ, былъ по отзыву всѣхъ современниковъ чловѣкъ скучный, неинтересный, вполнѣ ничтожный, онъ стоялъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно ниже своей жены и безъ сомнѣнія обязанъ ей всей своей дипломатической карьерой.

Жена скоро оцѣнила его по достоинству, пріобрѣла надъ нимъ верхъ и руководила имъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Въ 1809 г. княгиня Ливенъ послѣдовала за мужемъ въ Берлинъ, куда онъ былъ назначенъ посланникомъ. Придя въ соприкосновеніе съ государственными людьми и дипломатами, въ то время, когда политика и дипломатія были дѣломъ нелегкимъ, и столь же капризнымъ, какъ своенравенъ былъ чловѣкъ, диктовавшій въ то время законы Европѣ, княгиня Д. Х. Ливенъ завоевала себѣ, въ двадцать шесть лѣтъ, репутацію женщины выдающагося ума и прекрасно ознакомленной съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ. Благодаря ей, мужъ преуспѣвалъ на новомъ поприщѣ, и посольство, во главѣ котораго онъ стоялъ и которымъ руководила его жена вмѣсто него, сдѣлалось вскорѣ однимъ изъ самыхъ видныхъ на материкѣ Европы.

Этотъ дипломатическій успѣхъ былъ причиною перемѣщенія кн. Ливена въ 1812 г. посланникомъ въ Англію. Война съ Наполеономъ только-что вачалась, и императоръ Александръ счелъ нужнымъ возобновить сношенія съ Англіей, прерванныя Тильзитскимъ миромъ; это было не трудно, такъ какъ англійскіе министры и лондонское общество были готовы привѣтствовать возвратъ дружественныхъ отношеній съ своими бывшими союзниками. Ливены были приняты въ Лондонѣ съ распростертыми объятіями.

Молодая женщина, отличавшаяся умѣніемъ вести домъ и быть гостепріимной хозяйкой, въ томъ возрастѣ, когда ея сверстницы нерѣдко сидятъ еще за класснымъ столомъ, имѣла полную возможность проявить въ Лондонѣ свои природныя способности и заняла вскорѣ выдающееся мѣсто среди дипломатическаго корпуса, соперничая только съ супругою австрійскаго посланника, княгинею Эстергази.

Англійскій дворъ былъ въ то время самымъ экцентричнымъ и распущеннымъ дворомъ въ Европѣ. Подъ именемъ короля Георга III, неизлѣчимо больного и впаваго въ дѣтство, царствовалъ его сынъ, принцъ-регентъ, не пользовавшійся любовью подданныхъ, вслѣдствіе своей развратной жизни.

Онъ нѣсколько лѣтъ не жилъ со своей супругой, принцессой Каролиной Брауншвейгской, замѣнивъ ее фаворитками, сначала леди Гертфордъ (Hertford), а затѣмъ леди Конингамъ (Coningham). Чтобы оправдать ихъ присутствіе подлѣ себя, онъ приглашалъ зачастую во дворецъ дамъ дипломатическаго корпуса и чаще другихъ супругу русскаго посланника. Это послужило основаніемъ крайне неблагоприятныхъ толковъ, которые распространялись по поводу чуть не каждодневныхъ ея посѣщеній принца-регента, но эти слухи не имѣли никакого основанія.

По отзывамъ современниковъ, Д. Х. Ливень была женщина высокаго роста, очень худощавая, но искусно сшитыя платья скрывали до нѣкоторой степени ея худобу; въ обществѣ она была въ высшей степени привлекательна, говорила сжато и кратко, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, увлекательно, пикантно, подъ часъ шуточно, но всегда кстати. Она была первоклассная музыкантша, но не знала самыхъ элементарныхъ вещей, извѣстныхъ всякому школьнику.

По свидѣтельству лицъ, ее знавшихъ, ничто не могло сравниться съ прелестью и непринужденностью ея бесѣды, украшенной блестками самаго тонкаго остроумія, а ея письма были настоящія образцовыя произведенія; она была очень умна, проникательна и умѣла быть очаровательной, когда захочетъ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ она была доброжелательна, но «нерѣдко блистала умомъ на счетъ другихъ», умѣя пользоваться ими; обладала удивительной способностью все понимать и все усвоивать, умѣла хранить тайны и могла быть вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, но и сама много требовала отъ дружбы».

Талейрантъ, встрѣчавшійся съ княгиней Ливень въ Лондонѣ послѣ 1830 г., отзываясь о ней въ своихъ мемуарахъ такъ:

«У нея много врожденнаго ума, но она мало образована, впрочемъ она пишетъ восхитительно, характеръ у нея повелительный, она некрасива, но держится съ большимъ достоинствомъ. Удивительно, что при живомъ, пытлимомъ умѣ и богатыхъ способностяхъ, Ливень не имѣла ни малѣйшаго влеченія къ чтенію, не любила отвлеченныхъ споровъ и бесѣдъ о литературѣ, за то чрезвычайно интересовалась всѣми вопросами политики, всѣми злобами дня. Обладая ненасытимою жаждою новостей, она весьма естественно не любила уединенія, постоянно искала общества—она принимала у себя каждый вечеръ. Личныя качества и свѣтское воспитаніе помогли ей быстро завоевать симпатіи высшаго англійскаго общества и освоиться съ нимъ».

«Въ скоромъ времени послѣ своего прибытія въ Англію, она могла считать въ числѣ своихъ поклонниковъ многихъ выдающихся государственныхъ людей; и ей удалось сблизиться съ выдающимися представителями важнѣйшихъ политическихъ партій».

Ея салонъ сдѣлался центромъ политической дѣятельности и интригъ; въ немъ принимали съ одинаковымъ радушіемъ министровъ и членовъ оппозиціи.

Кажется, никогда еще личныя чувства и интересы не играли столь видной роли въ политикѣ, какъ во время пребыванія князя Ливена посломъ въ Лондонѣ. Греческій, португальскій и бельгійскій вопросы, возникшіе вслѣдствіе народнаго движенія, которое началось въ этихъ странахъ, волновали умы и были предметомъ оживленныхъ толковъ въ дипломатическомъ мірѣ.

Въ этихъ толкахъ принимала живое участіе «русская посланница». Не примкнувъ ни къ какой партіи, она старалась воспользоваться тѣми орудіями, которыя находились у нея подъ рукою, чтобы дѣйствовать на пользу своей страны. Она была готова дѣйствовать заодно съ Каннингомъ, такъ какъ онъ поддерживалъ виды Россіи относительно Греціи и не довѣрялъ Турціи; а послѣ его смерти она всячески старалась поколебать вліяніе герцога Веллингтона на короля и его партію и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы возстановить противъ него Георга IV.

Неудивительно, что все это, вмѣстѣ взятое, создало ей репутацію интриганки.

«Я вполне увѣренъ,—писалъ о ней герцогъ Веллингтонъ,—что эта дама готова причинить нашей странѣ всевозможное зло, въ признательность за доброту и любезность, съ какою здѣсь относились къ ней во время ея многолѣтняго пребыванія въ Англіи» ¹⁾.

Мѣсяць спустя онъ писалъ тому же лицу: «Никто лучше меня не знаетъ той дамы, о которой вы упоминаете; она способна обмануть всякаго и обманетъ всякаго, если это будетъ соотвѣтствовать ея цѣлямъ» ²⁾.

Лордъ Пальмерстонъ отзывался о ней въ томъ же духѣ въ своихъ письмахъ къ брату, Вилліаму Тэмплю, бывшему одно время повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ. Она хорошо знала, какой опасности она подвергала свою репутацію.

Въ число ея обязанностей входило писать еженедѣльно вдовствующей императрицѣ и сообщать ей всѣ новости и всѣ сплетни, ходившія при англійскомъ дворѣ; весьма возможно, что многіе изъ ея мѣткихъ и быть можетъ не особенно лестныхъ отзывовъ объ англичанахъ повто-

¹⁾ Письмо къ Т. Raikes, отъ 23-го ноября 1840 г.

²⁾ Тоже отъ 23-го декабря 1840 г.

рялись въ Петербургъ и возвращались обратно въ Англiю, изукрашенные и искаженные, какъ всякая сплетня. Кромѣ того, послѣ конгресса въ Веронѣ (1822 г.) княгиня Ливенъ вела постоянную переписку съ графомъ Нессельроде, и онъ слѣдилъ по ея письмамъ за настроенiемъ общественнаго мнѣнiя въ Англiи и взглядами ея политическихъ дѣятелей. Аккуратныя и кропотливыя донесенiя князя Ливена не могли бы служить руководящей нитью русской дипломатiи, если бы ихъ не дополняла его жена, давая въ своихъ письмахъ болѣе тонкую оцѣнку событiй и людей, стоявшихъ во главѣ англiйскаго министерства и оппозицiи.

Что касается отзывовъ княгини Ливенъ о государственныхъ людяхъ Англiи, то надобно замѣтить, что на нихъ влiяло обыкновенно то обстоятельство, какъ высоко стояла въ данное время извѣстная личность во мнѣнiи общества и насколько прочно было ея политическое положенiе. Эту характерную особенность посланницы можно прослѣдить въ оставленной ею обширной перепискѣ. Она любила писать, писала интересно, и въ своихъ письмахъ, не предназначавшихся для печати и поэтому писанныхъ откровенно, касалась всевозможныхъ вопросовъ, такъ или иначе волновавшихъ политическiй мiръ; поэтому понятенъ интересъ, какой представляютъ эти письма не только для характеристики ея личности, но и для изученiя эпохи.

Что касается роли, которую княгиня Ливенъ играла въ Англiи при дворѣ и въ дипломатическомъ мiрѣ, то надобно замѣтить, что она не представляла въ этомъ отношенiи исключительнаго явленiя, ибо въ то время, когда еще не существовало телеграфа, личныя качества посланниковъ имѣли несравненно болѣе значенiя, нежели теперь, и ихъ жены принимали нерѣдко видное участiе въ дѣятельности своихъ мужей.

Переписка княгини Ливенъ представляетъ собою поразительное доказательство перемѣны, происшедшей въ теченiе послѣднихъ 50 лѣтъ въ положенiи представителей иностранныхъ державъ при великобританскомъ дворѣ и въ средѣ лондонскаго общества. Въ царствованiе Георга IV и Вильгельма IV иностранные представители Россiи, Австрiи, Францiи и Пруссiи жили въ близкихъ отношенiяхъ къ этимъ государямъ и составляли при дворѣ ихъ излюбленное общество. Она занимали тамъ равное мѣсто со старинными фамилиями, пользовавшимися въ странѣ наибольшимъ почетомъ и влiянiемъ, и въ свою очередь сами составляли часть той замкнутой аристократiи, господство которой въ настоящее время составляетъ достоянiе историческаго прошлаго. Отсюда понятно, почему извѣстнѣйшiе представители старыхъ аристократическихъ фамилiй, попеременно смѣнявшiеся у кормила государственнаго правленiя, охотно завязывали связи съ представителями тогдашней дипломатiи, дорожили ихъ мнѣнiемъ, какъ лицъ, стоявшихъ

внѣ борьбы политическихъ партій, хотя и внимательно слѣдившихъ за ея ходомъ и результатами.

И такъ Ливены, какъ свидѣтельствуютъ письма Дарьи Христофоровны, встрѣтили въ Лондонѣ самый радушный пріемъ; не было праздника и увеселенія, въ которомъ они не принимали бы участія.

Любопытно, какое впечатлѣніе произвела на молодую женщину Англія и какъ она чувствовала себя на первыхъ порахъ въ чуждой ей странѣ, среди общества, во многомъ отличавшагося отъ того, какое она встрѣчала въ Петербургѣ и Берлинѣ.

Отвѣтъ на это мы находимъ въ одномъ изъ ея писемъ къ А. Х. Бенкендорфу. Говоря о своемъ препровожденіи времени и описывая брату свои впечатлѣнія спустя нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Лондонъ, княгиня Ливенъ пишетъ ¹⁾:

«Прекрасная Англія однообразна, эта безконечная цѣпь совершенствъ, которыя говорятъ уму, но не трогаютъ воображенія. Мѣсяца два можно быть очарованной этой страной, такъ какъ вначалѣ все кажется прекрасно и столь необычно, что по неволѣ всѣмъ восторгаешься, но когда все перевидѣлъ и устанешь удивляться, то захочется чувствовать, Англія же не есть страна, которая говорила бы чувству».

Восторженная поклонница императора Александра I, душою вполне преданная Россіи, Дарья Христофоровна всѣмъ сердцемъ радовалась славному окончанію войны 1812 г. и побѣдоносному шествію русскихъ войскъ «отъ Москвы до береговъ Эльбы» и восхищалась умѣренностью, выказанною императоромъ послѣ столькихъ побѣдъ.

«Это ставить императора выше всѣхъ его предшественниковъ на престолѣ, какъ бы ни было достойно ихъ царствованіе, и Европа счастлива тѣмъ, что ея судьба находится въ рукахъ Александра».

«Императоръ великолѣпенъ,—читаемъ въ другомъ письмѣ ²⁾,— я могу засвидѣтельствовать, что всѣ восхищаются имъ; умѣренность хорошо согласуется съ могуществомъ. Его слава вполне упрочена.

Я содрогаюсь при мысли, что бѣдный Моро ³⁾ раненъ подлѣ императора. Императоръ не долженъ забывать, что спасеніе міра зависитъ въ настоящее время отъ его жизни. Если бы онъ вполне сознавалъ это, то онъ не подвергалъ бы себя опасности».

¹⁾ Письмо изъ Лондона отъ 6-го апрѣля 1813 г.

²⁾ Письмо къ А. Х. Бенкендорфу отъ 16-го (28-го) сентября 1813 г.

³⁾ Генералъ Моро, командовавшій съ отличіемъ французской армію на Рейнѣ въ 1796 и 1799 г., участвовалъ впоследствии въ заговорѣ противъ Наполеона и долженъ былъ удалиться въ Америку. Когда началась война 1812 г., онъ возвратился въ Европу и принялъ участіе въ походѣ союзной арміи. Въ битвѣ подъ Дрезденомъ, находясь верхомъ подлѣ императора Александра, онъ былъ смертельно раненъ ядромъ, пущеннымъ изъ батареи, которую направлялъ самъ Наполеонъ.

Въ числѣ русскихъ, съ которыми княгиня Ливенъ встрѣтилась въ Лондонѣ вскорѣ послѣ войны, она упоминаетъ особенно сочувственно о Маріи Антоновнѣ Нарышкиной и отмѣчаетъ успѣхъ, который имѣла Нарышкина въ тамошнемъ обществѣ, не столько по своей красотѣ, сколько по причинѣ своего привѣтливаго и любезнаго обхожденія. Ею чрезвычайно увлекался принцъ-регентъ, отзывавшійся о ней въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. «Я нахожу ее очень милой, писала Ливенъ ¹⁾. Такъ какъ я всегда готова сойтись со всѣми русскими, которые выразить къ тому малѣйшее желаніе, то мы очень быстро сблизились съ нею, и я нахожу, что она много выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ; она очень тактична, разсудительна, безъ всякихъ претензій и очень сговорчива, умѣетъ ко всему приворовиться и благоразумна во всѣхъ отношеніяхъ».

Въ исходѣ 1816 года посѣтилъ Лондонъ великій князь Николай Павловичъ, путешествовавшій по Европѣ. «Онѣ всѣмъ нравятся,—послѣшила сообщить княгиня Ливенъ А. Х. Бенкендорфу ²⁾,—и по истинѣ очарователенъ; единственный его недостатокъ—это пристрастіе къ мундирамъ, но я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы показать, что въ людяхъ не можетъ быть совершенства.

«Онѣ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ принцемъ-регентомъ, и это надобно приписать всецѣло великому князю, ибо онѣ очаровываетъ своимъ обхожденіемъ. Онѣ имѣетъ даръ держать себя такъ, что всѣ чувствуютъ себя съ нимъ безъ стѣсненія, а это необходимо для того чтобы сдѣлать болѣе развязными натянутыхъ англичанъ. Съ женщинами онѣ робокъ; но онѣ одаренъ вкусомъ и ухаживаетъ за ними съ отѣнкомъ почтительности. Вообще, великій князь имѣетъ успѣхъ въ обществѣ, и я этимъ горжусь; въ настоящее время онѣ уѣхалъ въ Шотландію и вернется въ Лондонъ черезъ мѣсяць. Онѣ далъ большой официальный обѣдъ въ честь принца-регента, но онѣ не любитъ обѣдовъ, предпочитая имъ вечернія собранія».

«Сюда (въ Лондонъ) возвратился (изъ Россіи) ³⁾ герцогъ Девонширскій; онѣ въ восторгѣ отъ пріема, оказаннаго ему царской фамиліей, но не особенно доволенъ отношеніемъ прочихъ лицъ. Я понимаю, какъ это произошло; надъ нимъ смѣялись,—и напрасно, такъ какъ, не смотря на его сумрачный видъ, онѣ очень уменъ и остроуменъ, и оказанный ему пріемъ дастъ англичанамъ плохое понятіе о любезности русскихъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ неловкостью иностранцевъ, вы бы не посылали за границу русскихъ, которые возбу-

¹⁾ Письмо къ А. Х. Бенкендорфу отъ 30-го октября 1816 г.

²⁾ Письмо изъ Лондона отъ 1-го (13-го) декабря 1816 г.

³⁾ Писано 12 го (26-го) ноября 1817 г.

ждають здѣсь ненависть; я встрѣчала подобныхъ лицъ въ Парижѣ, и они вызывали мое негодованіе».

Въ 1818 г. состоялся, какъ извѣстно, конгрессъ въ Ахенѣ; въ числѣ дипломатовъ, бывшихъ на этомъ конгрессѣ, находился князь Ливенъ съ супругою.

Эта поѣздка имѣла въ ея личной жизни особо важное значеніе.

«Мы только-что вернулись изъ Ахена,—писала она брату изъ Лондона 3-го (15-го) января 1819 г. Мой мужъ въ восторгѣ отъ милости и довѣрія, оказанныхъ ему императоромъ, а я въ восторгѣ отъ всего видѣннаго. Ахенскій конгрессъ есть, безъ сомнѣнія, событіе, выдающееся по результатамъ, какіе оно будетъ имѣть, и весьма замѣчательное по тому, какъ просто и согласно обсуждалось на немъ столько важнѣйшихъ вопросовъ. Я, со своей стороны, сдѣлала нѣсколько интересныхъ знакомствъ, о которыхъ я всегда сохраню пріятное воспоминаніе.

«Вдовствующая императрица была, по обыкновенію, весьма милостива. Я увидѣла снова весь русскій дворъ, возобновила дружескія отношенія съ великимъ княземъ Константиномъ. Покончивъ съ конгрессомъ мы поѣхали освѣжиться въ Парижъ, гдѣ происходила въ это время ожесточенная борьба партій.

«Мы ожидаемъ Михаила Воронцова, онъ предполагаетъ провести въ Англіи полъ-года. Въ Парижѣ я видѣлась съ г-жею Нессельроде; это умная особа, съ которой весьма пріятно проводить время».

Въ Парижѣ было множество русскихъ. «Вся Россія говорила мнѣ о вашей женѣ, дорогой Александрѣ; всѣ находятъ ее очаровательной, умной, чувствительной—словомъ, приписываютъ ей всѣ качества, которыя могутъ составить ваше счастье».

Въ числѣ «интересныхъ знакомствъ», сдѣланныхъ княгинею Ливенъ въ Ахенѣ, о чемъ она упоминаетъ въ вышеприведенномъ письмѣ было одно, оставившее въ ея жизни глубокой слѣдъ. Она встрѣтилась на конгрессѣ съ Меттернихомъ. Между ними быстро завязались дружественныя отношенія, которыя перешли вскорѣ съ той и другой стороны въ глубокое чувство. Связь, которая завязалась въ Ахенѣ, поглотила ее всецѣло, составила горе и радость ея жизни и сдѣлала ее нечувствительной ко вниманію окружающихъ.

Въ февралѣ 1819 г. англичанинъ Древилъ, издавшій княгиню Ливенъ въ Лондонѣ, записалъ о ней въ своемъ дневникѣ, что она глубоко разочарована (*blasé*) и что ее снѣдаетъ тоска.

Въ это время, мѣсяць спустя по возвращеніи изъ Ахена въ Лондонъ, она дѣйствительно жестоко скучала и не могла примириться съ мыслию о разлукѣ съ Меттернихомъ.

Нѣсколько строкъ, писанныхъ ею Меттерниху 30-го октября, изъ

зѣмка Мадлетонъ, гдѣ она гостила у лэди Джерси, вполне объясняютъ причину ея тоски.

«... Ничто не приноситъ мнѣ такую пользу, какъ путешествіе, писать она. Я чувствую себя сегодня вечеромъ прекрасно, потому что я проѣхала семьдесятъ миль. Если бы я проѣзжала по столько же каждый день, то я была бы скоро подлѣ тебя. Но, другъ мой, не смотря на все мое стараніе, я должна остаться тутъ. Скажи мнѣ, что будетъ съ нами далѣе? Можешь ли ты примириться съ мыслию о дальнѣйшей разлукѣ? и если мы примирились съ этой мыслию въ 1819 г., считаешь ли ты это возможнымъ въ 1820 году? Скажи мнѣ, Клементій, что будетъ съ нами? Думалъ ли ты объ этомъ?»

«Я должна быть тутъ! Что будетъ съ нами?» Эти слова, вырвавшіяся изъ глубины души, объясняютъ причину ея тоски, и ея мрачное настроеніе объясняется всецѣло той душевной мукой, которую она испытывала въ это время. Разлука съ Меттернихомъ была для нея тяжкимъ испытаніемъ; хотя онъ и писалъ ей: «Я люблю тебя въ Карлсбадѣ не менѣе, чѣмъ у подошвы Везувія, у развалинъ Пестума и въ Елисейскихъ поляхъ», но она не могла помириться съ необходимостью жить вдали отъ него

Ея отношенія къ Меттерниху, начавшіяся въ томъ возрастѣ, когда у нея уже не было иллюзій молодости (ей было уже 34 года), доставили ей болѣе горя, нежели радости.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1822 г. Ливенъ видѣлась съ нимъ послѣдній разъ.

«Я рада, что пріѣхала сюда,—писала Дарья Христофоровна брату (изъ Вероны 23-го октября 1822 г.). Мое любопытство вполне удовлетворено; этотъ конгрессъ пожалуй самый любопытный изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ. Какъ долго онъ продлится, пока неизвѣстно; говорятъ — недѣли четыре, но по моему мнѣнію этого будетъ мало. Мы не сстанемся по всей вѣроятности до конца, мужъ мой принимаетъ участіе въ засѣданіяхъ, очень занятъ, поэтому я сильно сомнѣваюсь, что намъ удастся увидѣть прелестную Италію.

«Здѣсь много русскихъ, дипломатовъ и другихъ лицъ; всѣ они смотрятъ на меня какъ на иностранку».

«Европа очень интересна ¹⁾; кружокъ, въ которомъ я вращаюсь, даетъ мнѣ полную возможность удовлетворить мое любопытство и мои вкусы. Конгрессъ собирается каждый вечеръ у меня. Графъ Нессельроде и князь Меттернихъ просили меня о томъ, какъ объ удобствахъ для нихъ; и я нахожу это весьма пріятнымъ, ибо я сталкиваюсь такимъ образомъ ежедневно со всѣми людьми, выдающимися либо по роли, которую они играютъ въ Европѣ, либо по ихъ личнымъ качествамъ. Я и

¹⁾ Письмо къ А. Х. Бенкендорфу отъ 1-го дек. н. ст. 1822 г.

раньше знала князя Меттерниха, такъ какъ неоднократно имѣла случай встрѣчаться съ нимъ, но здѣсь я сошлась съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ. У меня бываетъ также постоянно герцогъ Веллингтонъ, наиболѣе близкій изъ знакомыхъ мнѣ англичанъ. Эти двѣ звѣзды, на которыхъ приближенные императора косятся, совершенно лишаютъ меня общества моихъ соотечественниковъ, такъ что я вижу въ Веронѣ всю Европу, за исключеніемъ Россіи. Впрочемъ, надобно сдѣлать исключеніе относительно Нессельроде, который всегда остается истиннымъ джентльменомъ и относительно Поццо-ди-Борго и Татищева (русскій посланникъ въ Вѣнѣ), которые, какъ члены конгресса, бываютъ у меня ежедневно. Грустно видѣть, что тѣ, кои должны бы быть со мною въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, удаляются отъ меня какъ отъ врага. Они смотрятъ на меня, какъ на англичанку, потому что я провела десять лѣтъ въ Англии, и считаютъ меня преданной Австріи, потому что я вижу съ ежедневно съ княземъ Меттернихомъ. Подобнаго рода заключенія, выведенныя безъ всякаго основательнаго къ тому повода, не дѣлаютъ особенной чести уму вашихъ коллегъ. Я имѣю основаніе думать, что императору хорошо извѣстно недоброжелательство, съ какимъ ко мнѣ относятся, и что онъ это не одобряетъ. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторыя лица пытались вселить въ него предубѣжденіе противъ меня, но это имъ не удалось; онъ относится ко мнѣ весьма доброжелательно, и я льщу себя надеждою, что онъ вполне меня понимаетъ. Что касается меня, то могу сказать, что я относилась къ русскимъ очень предупредительно, но они отвѣтили на всѣ мои любезности вышеописаннымъ образомъ».

Въ это время княгини Ливенъ начала тяготиться своимъ пребываніемъ въ Англии и, желая быть ближе къ своему другу, мечтала о перемѣщеніи мужа въ Вѣну или хотя бы въ Парижъ, о чемъ она просила брата похлопотать со своей стороны.

«Въ исходѣ будущей недѣли всѣ разъѣзжаются изъ Вероны, — писала она брату 7-го декабря, — я буду скучать по Веронѣ, гдѣ я провела время весьма пріятно. Мы возвращаемся въ Лондонъ, надолго ли — неизвѣстно; вотъ уже десять лѣтъ, какъ мы тамъ живемъ постоянно, это чрезчуръ долго. Я сказала графу Нессельроде, что по моему мнѣнію мы засидѣлись тамъ и были бы весьма благодарны, если бы онъ далъ намъ другое назначеніе, какъ только польза службы это дозволить. Выборъ, правда, невеликъ, ибо приходится выбирать между Парижемъ и Вѣною. Въ Вѣну ѣдетъ посланникомъ Татищевъ, человѣкъ весьма способный, а Поццо-ди-Борго великолѣпно исполняетъ свои обязанности въ Парижѣ.

«При свиданіи съ Нессельроде поговорите обо мнѣ. Онъ очень нравится мнѣ, и я вполне ему довѣряю, какъ самому искреннему и предан-

ному другу. Мнѣ также очень нравится его жена, и я сожалѣю, что ея не было тутъ, это умная женщина!»

Пріѣхавъ съ конгресса въ Лондонъ, Ливенъ продолжала вести прежнюю жизнь, на взглядъ блестящую, но въ сущности пустую, свыкаясь мало-по-малу съ мыслию о разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ и о томъ, что ихъ отношенія должны были прерваться, такъ какъ они не могли преодолѣть препятствій, которыя ихъ разъединяли.

Глубоко разочарованная, она часто не могла скрыть удручавшей ее тоски, стала озлоблена и раздражительна, что многіе несправедливо приписывали ея характеру, и старалась наполнить жизнь, еще пристальнѣе слѣдя за политикой. Въ это время вниманіе Европы приковывали весьма тревожныя событія: борьба Греціи съ Турціей, междоусобія въ Испаніи и во Франціи. Ливенъ внимательно слѣдила за ходомъ этихъ событій и за направлениемъ внѣшней политики Сентъ-Джемскаго кабинета, коей руководилъ тогда талантливый Георгъ Каннингъ.

По открытіи сессіи англійскаго парламента въ 1823 г., король заявилъ въ своей тронной рѣчи, что онъ отклоняетъ отъ себя всякое участіе въ постановленіяхъ Веронскаго конгресса ¹⁾, которыя могли бы имѣть характеръ вмѣшательства во внутреннія дѣла Испаніи со стороны иностранныхъ державъ, и что онъ употребитъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы успокоить раздраженіе, возникшее между Франціей и Испаніей, и предотвратить войну, которая могла бы возгорѣться между этими двумя державами. Во время оживленныхъ преній, вызванныхъ этой рѣчью, нѣкоторыми членами парламента были высказаны рѣзкія обвиненія противъ Россіи за ея стремленіе играть въ Европѣ руководящую роль и вмѣшиваться во внутреннія дѣла державъ.

«Первое засѣданіе парламента ознаменовалось весьма бурными преніями обѣихъ сторонъ,—писала княгиня Ливенъ брату, 2-го (14-го) февраля 1823 г., — т. е. на насъ (русскихъ) нападали со всѣхъ сторонъ. Браугамъ энергично нападалъ на правительство за то, что оно не счумѣло противустоять желанію Россіи вмѣшаться въ дѣла Испаніи. Но когда первый взрывъ негодованія прошелъ, то всѣ начали мало-по-малу успокоиваться, и я надѣюсь, что въ скоромъ времени всѣ благоразумные люди окончательно успокоятся. Матеріально, Англія можетъ только потерять въ случаѣ войны, а что касается нравственной стороны, то мысль быть поддержкою всѣхъ якобинцевъ въ Европѣ можетъ прельщать только радикаловъ».

«Англійская публика начинаетъ выказывать немного здраваго

¹⁾ Этотъ конгрессъ былъ созванъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ для обсужденія мѣръ, клонившихся къ прекращенію революціоннаго броженія въ Европѣ и въ особенности въ Испаніи.

смысла—писала она мѣсяцъ спустя ¹⁾, и что гораздо важнѣе—сознаетъ свои собственные интересы, которые имѣютъ всегда особенное значеніе въ глазахъ англичанъ. Они не истратятъ ни одного шиллинга на интересы испанцевъ, которымъ они посылаютъ столько добрыхъ пожеланій. Симпатіи публики несомнѣнно на сторонѣ испанцевъ, но самое большее, что могло бы сдѣлать якобинское министерство—это обѣщать нейтралитетъ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1824 г. прибылъ въ Лондонъ графъ Ожаровскій, присланный императоромъ Александромъ I, чтобы выразить его благодарность английскому королю Георгу III за посредничество въ рѣшеніи греческаго вопроса.

«Всѣ взоры пристально обращены къ Петербургу,—писала Ливенъ своему брату 19-го (31-го) декабря 1824 г.,—всѣ слѣдятъ за тѣмъ, что сдѣлаетъ императоръ. Надобно признаться, что онъ имѣетъ огромное вліяніе на Европу и что онъ высоко поднялъ значеніе Россіи.

«Всѣ прочіе интересы имѣютъ второстепенное значеніе по сравненію съ его волей, отъ которой зависитъ быть миру или войнѣ. Императора боятся, но вмѣстѣ съ тѣмъ это единственный монархъ, котораго дѣйствительно уважаютъ. Всѣ безъ исключенія считаютъ его самымъ глубокимъ политикомъ Европы; по сравненію съ нимъ всѣ прочіе знаменитости кажутся безцвѣтны».

Смерть отняла Александра у Россіи прежде, чѣмъ онъ успѣлъ покончить съ труднымъ греческимъ вопросомъ. Письма княгини Ливенъ къ графу Грею ²⁾, съ которымъ, незадолго передъ тѣмъ, у нея завязалась дружеская переписка, свидѣтельствуютъ о той глубокой скорби, съ какой она встрѣтила это извѣстіе.

«Во всей Англии вы одни, дорогой милордъ, поняли мою печаль», писала она Грею изъ Брайтона 15-го (27-го) декабря 1825 г. Ваши выраженія глубоко трогаютъ меня... Благодарю васъ за ваши симпатіи и за форму, въ которой онѣ выражены...

«Императоръ Александръ былъ наилучшимъ изъ государей—наиболѣе гуманный, благородный и справедливый изъ людей. Въ теченіе своего двадцатипятилѣтняго самодержавнаго правленія онъ пользовался этой властью только для того, чтобы дѣлать добро. Его память будетъ благословляема долгое время, пока существуетъ русскій народъ... Подробности о смерти императора, взятая изъ «Etoile»—вѣрны. Къ г. Ли-

¹⁾ Письмо отъ 15-го (27-го) апрѣля 1823 г.

²⁾ Лордъ Грей, р. 1764, умеръ 1845 г., былъ съ 1830—1834 г. главою кабинета, которому было суждено осуществить великое дѣло избирательной реформы и провести извѣстный билль 1832 г. (Reform bill). Эта важная законодательная мѣра, объ осуществленіи которой Грей мечталъ еще въ молодости, сдѣлала его имя популярнымъ въ странѣ.

вену прибылъ курьеръ изъ Петербурга, выѣхавшій оттуда 9-го декабря и привезшій ему депеши съ тѣми же сообщеніями. Я получила кромѣ того письмо отъ моего сына, адресованное ко мнѣ изъ императорскаго дворца. Онъ прибавляетъ только, что императоръ находился въ состояніи сна въ теченіе трехъ послѣднихъ дней жизни и произнесъ всего нѣсколько словъ, и то съ большими перерывами. Онъ тихо скончался и при полномъ сознаніи».

Для поздравленія императора Николая Павловича съ восшествіемъ на престолъ былъ посланъ изъ Англіи герцогъ Веллингтонъ; на этотъ выборъ имѣли вліяніе политическія соображенія, такъ какъ ему было поручено между прочимъ обсудить совмѣстно съ русскимъ правительствомъ дальнѣйшій образъ дѣйствій державъ по отношенію къ Греціи и Турціи.

Въ Англіи полагали, что Николай I будетъ слѣдовать относительно Греціи иной политики, нежели его предшественникъ, не задолго до своей кончины созвавшій, въ Петербургѣ, конференцію, на которой было рѣшено потребовать отъ султана, чтобы онъ принялъ посредничество державъ. Какъ извѣстно, конференція эта не имѣла практическаго результата.

«Посылаю тебѣ нѣсколько строкъ съ герцогомъ Веллингтономъ, дорогой Александръ», писала княгиня Ливень. «Я чрезвычайно довольна тѣмъ, что онъ ѣдетъ въ Россію, и увѣрена, что императоръ и всѣ русскіе будутъ довольны его посѣщеніемъ. Это самый свѣтски образованный и благородный изъ современныхъ людей Англіи; трудно было бы избрать человѣка, болѣе достойнаго быть посланнымъ въ этомъ случаѣ въ Россію.

«Онъ, также какъ и весь міръ, преклоняется передъ изумительнымъ поведеніемъ нашего императора. Какія крупныя событія свершились! Сколько характера выказалъ императоръ! Онъ снискалъ уваженіе всего міра, всѣ восторгаются имъ! Какъ доблестны наши монархи! И какъ ничтожны по сравненію съ ними всѣ прочіе монархи Европы! Какая разница съ нашими!

«Я до глубины души страдала отъ всего пережитаго! Всѣ мои думы были обращены къ Россіи! Мы страстно ожидаемъ окончанія дѣла, возложеннаго на слѣдственную комиссію.

«Кто могъ предвидѣть, когда мы бесѣдовали прошлымъ лѣтомъ о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ, что все, что мы предугадывали въ немъ, осуществится такъ быстро? Мы предвидѣли въ немъ въ будущемъ великаго человѣка, и онъ выказалъ себя дѣйствительно вторымъ Петромъ».

«Ты не обмолвился ни словомъ о кончинѣ нашего дорогаго императора Александра, между тѣмъ ты легко можешь понять, какъ мы жа-

ждемъ извѣстій изъ Петербурга въ настоящее время. Что дѣлаетъ наша прелестная и очаровательная императрица?»

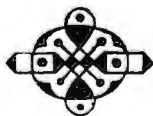
Во время пребыванія въ Россіи Веллингтона, въ Петербургъ былъ вызванъ изъ Лондона нашъ посланникъ князь Ливень. Онъ вернулся, по словамъ княгини Ливень, «безъ ума отъ императора»¹.

«Я приписываю себѣ заслугу, что я предугадала въ великомъ князѣ Никлаѣ Павловичѣ великаго человѣка,—писала она брату; какъ видишь, я приписываю это себѣ, хотя не отрицаю и вѣрности твоего сужденія, ибо я помню, какъ часто мы говорили о немъ. Онъ уже пользуется большою славою за границей, со временемъ она конечно увеличится и упрочится. Мой мужъ, обыкновенно весьма сдержанный, въ совершенномъ восторгѣ отъ него. По возвращеніи сюда, онъ былъ принятъ всеми особенно любезно; его приглашали король, министры и многія другія лица, желавшія поговорить съ нимъ. Такъ какъ, надобно признаться, я довольно любопытна, то и я не давала ему покоя.

«Мнѣ было весьма пріятно и интересно слышать о новыхъ обязанностяхъ, возложенныхъ на тебя довѣріемъ императора. Твое положеніе весьма трудное²), но я вполне понимаю, что можно отдаться всею душою такому монарху, а когда что-либо дѣлаешь отъ души, то дѣло становится легкимъ».

«Я въ восторгѣ отъ всего, что ты мнѣ пишешь объ императорѣ», писала Ливень нѣсколько мѣсяцевъ спустя³), «онъ уже пользуется за границей выдающеюся славою. Принимая во вниманіе, какъ трудно упрочивается слава вообще, можно подумать, что онъ царствуетъ уже лѣтъ двадцать, такое составилось о немъ громкое мнѣніе. Европа признала за нимъ умъ, твердость характера и справедливость—это сдѣлалось ея credo⁴).

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹) Письмо ея къ брату отъ 13-го августа 1826 г.

²) Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ только-что передъ тѣмъ назначенъ шефомъ жандармовъ и начальникомъ главной квартиры императора.

³) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу, изъ Брайтона отъ 6-го (18-го) января 1827 г.

⁴) Символь вѣры.

Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

V 1).

Протесты епископовъ.—Нота кардинала Антонелли.—Принятіе монастырскихъ имѣній въ казну и свѣдѣнія о финансовой сторонѣ этой реформы.

Исполненіе монастырской реформы не встрѣтило со стороны епархіальныхъ властей прямого фактическаго противодѣйствія. Епископы августовскій и подляскій и администраторы калишско-куявскій и люблинскій воздержались отъ всякаго рода представленій по сему предмету, другіе же обратились къ папѣ.

Замѣчательно впрочемъ, что администраторъ варшавской епархіи епископъ Ржевускій не порицалъ реформу; онъ между прочимъ писалъ:

«Указъ вовсе не уничтожаетъ у насъ учрежденій иноческой жизни, но уменьшаетъ только число монастырей и конгрегацій, и остается еще много монастырей мужскихъ и женскихъ.

«При церквахъ, находящихся при упраздненныхъ монастыряхъ, правительство оставило по одному, по два и даже по три ксендза для отправленія богослуженія, такъ что ни одна изъ церквей не закрыта, и вездѣ богослуженіе совершается.

«Нынѣ на 120.000 католическихъ жителей въ Варшавѣ состоитъ—только пять приходовъ. Они будутъ раздѣлены на 12 съ должнымъ числомъ викаріевъ, считая по одному на каждыя двѣ тысячи душъ. Правительство будетъ содержать ихъ на свой счетъ.

1) См. „Русскую Старину“, декабрь 1902 г.

«Отъ такого устройства приходоѡ ожидается не мало пользы въ управленіи архіепархіею.

«Имѣнія монастырей, правительство принимая въ свое вѣдѣніе, взаи́мнъ оныхъ, назначаетъ изъ казны содержаніе для монаховъ и монахинь».

Вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ Ржевускій заявлялъ сильное убѣжденіе, «что остающіеся монастыри, подчиняясь непосредственно епархіальному начальству, принесутъ большую пользу въ отношеніи благочинія между монахами; ибо затрудненія, встрѣчавшіяся донныѣ генеральными настоятелями въ посѣщеніи монастырей въ Царствѣ, равно дальнее разстояніе отъ Рима много способствовали ослабленію монашескихъ правилъ¹⁾).

Администраторъ Кѣлецкой епархіи епископъ Маерчакъ, епископъ сандомірскій Юшинскій и въ особенности плоцкій епископъ дозволили себѣ выдти изъ предѣловъ должныхъ отношеній къ правительству, выражая свои представленія къ папѣ не въ видѣ просьбъ, но въ смыслѣ жалобъ на верховную власть, отъ коей исходилъ указъ 27-го октября и дополнительныя къ нему правила. Первый изъ нихъ говорилъ, что все имущество, принадлежащее не только шести упраздненнымъ въ Кѣлецкой епархіи, но и другимъ оставшимся монастырямъ, отнято правительствомъ; оти́знена всякая зависимость монастырей отъ ихъ генеральныхъ начальниковъ, равно упразднено званіе провиціаловъ и т. п. Юшинскій испрашивалъ разрѣшеніе папы «на право одобрить и принять назначенное монахамъ жалованье, а равно увеличенное содержаніе бѣлаго духовенства насчетъ помонастырскихъ доходовъ».

Наконецъ, плоцкій епископъ Попель просилъ папу «дать епископамъ Царства временно особыми уполномочіями необходимую власть надъ монашескими орденами впрѣдъ до окончательнаго разрѣшенія этого дѣла, благополучнаго исхода коего можно достигнуть, безъ сомнѣнія, лишь при участіи св. апостольской столицы».

Вообще сущность представленій епископовъ къ папѣ по поводу монастырской реформы сводилась къ слѣдующему—они просили уполномочить ихъ:

Принять монастыри мужскіе и женскіе въ непосредственное епархіальное вѣдѣніе съ прекращеніемъ зависимости ихъ отъ провиціаловъ мѣстныхъ и генеральныхъ начальниковъ въ Римѣ;

¹⁾ Дѣлая подобное представленіе, епископъ Ржевускій поступалъ подъ впечатлѣніемъ очевидности фактовъ и въ виду тѣхъ выгодъ, которыя монастырская реформа предоставляла епархіальному начальству вообще и бѣлому духовенству въ Варшавѣ въ особенности. Основывать на подобномъ образѣ дѣйствій Ржевускаго его преданность, а тѣмъ болѣе солидарность правительству было бы совершенно неосновательно. Это и было имъ доказано впоследствии, когда пришлось удалить его изъ предѣловъ царства Польскаго.

и з б р а т ь изъ свѣтскихъ духовныхъ лицъ визитаторовъ для наблюденія за исполненіемъ монастырской дисциплины съ тѣмъ, чтобы о преступленіяхъ всякаго рода, совершаемыхъ въ монастыряхъ, они доносили епархіальному начальству, для прекращенія злоупотребленій и взысканія съ виновныхъ лицъ;

п р и н я т ь назначенное правительствомъ для монаховъ и монахинь содержаніе, взамѣнъ поступившихъ въ казну монастырскихъ имѣній; принять также новое содержаніе, назначаемое правительствомъ для свѣтскаго духовенства насчетъ помонастырскихъ доходовъ;

п р и н я т ь въ епархіальное вѣдѣніе церкви и строенія, оставшіяся послѣ упраздненныхъ монастырей, и обратить эти церкви въ філіальныя или приписныя къ приходамъ, равно назначить въ оныя священниковъ для совершения богослуженія;

м о н а х о в ъ какихъ бы то ни было орденовъ, по случаю недостатка духовенства и уменьшенія числа монастырей, назначить для исполненія приходскихъ требъ и другихъ духовныхъ обязанностей.

Наконецъ, р а с п р о с т р а н и т ь помѣщеніе состоящей при варшавскомъ митрополитальномъ соборѣ семинаріи, какъ соединяемой съ семинаріею, бывшею при упраздненномъ орденоѣ миссіонеровъ, предоставленіемъ ей дома, принадлежащаго варшавскому суффрагану, а въ вознагражденіе за этотъ домъ принять тотъ, который правительство назначить епископу-суффрагану.

Такимъ образомъ, въ своихъ представленіяхъ напѣ епископы отвергали право правительства на тѣ мѣры, которыя были постановлены закономъ 27-го октября (8-го ноября) 1864 г. и повсюду безпрепятственно уже исполнялись въ Царствѣ. Ни одинъ, рѣшительно ни одинъ монахъ, потомъ ни одинъ ксендзъ не отказались отъ назначеннаго правительствомъ жалованья, а напротивъ получали его съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

Поглубже взглянувъ на дѣло и сущность этихъ представленій, нельзя не остановиться на мысли, что они просто играли глупую комедію, рассчитывая на возможность запугать правительство и поймать его въ ловушку. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что римскій дворъ подробно зналъ о всемъ происходившемъ и самъ поощрялъ всѣ эти подчасъ грубыя и вообще ребяческія выходки епископовъ. Не вдаваясь въ неотносящіяся до настоящаго предмета подробности, я не могу не сказать, что римская курія была крайне неразборчива въ доставленіи епископамъ своихъ распоряженій, и нерѣдко папскія бреве и распоряженія, за подписью самыхъ высокопоставленныхъ кардиналовъ, приходили въ Царство черезъ посредство людей, вовсе несоотвѣтствовавшихъ такимъ порученіямъ.

Протестовали хотя и косвенно епископы, протестовалъ также и римскій дворъ. Рука руку мыла, и одинъ другаго поддерживалъ по зара-

нѣе, разумѣется, составленному плану, но такъ какъ планъ тщательно маскировался, то выходила трогательная, но для насъ мало убѣдительная солидарность во взглядахъ и убѣжденіяхъ.

Отъ имени папы, противъ закрытія монастырей протестовалъ кардиналъ Антонелли, нотою весьма задорнаго содержанія. Задорность и неясность ея становились тѣмъ бѣльшими, что именно въ то время курія нисколько не церемонилась съ нами и папа неоднократно позволялъ себѣ публично дѣлать самыя неприличныя выходки противъ русскаго правительства.

Епископскія представленія и нахальство римскаго двора были оценены нашимъ правительствомъ по достоинству. Первые не были отправлены въ Римъ, а нота кардинала Антонелли осталась безъ послѣдствій.

Хозяйственная часть монастырскаго реформы, т. е. пріемъ въ вѣдѣніе казны монастырскихъ имѣній—шелъ канцелярскимъ порядкомъ. По указу оный былъ порученъ правительственнымъ коммиссіямъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и финансовъ при содѣйствіи епархіальнаго духовенства и мѣстныхъ губернскихъ учрежденій. Для пріема имѣній по распоряженію губернаторовъ, назначались особыя коммиссіи, состоявшія изъ чиновниковъ, командированныхъ отъ губернскаго и уѣзднаго управленій, военно-участковыхъ начальниковъ, декановъ (благочинныхъ) и мѣстныхъ войтовъ гминъ и бургомистровъ городовъ.

Пріѣхавъ въ 1865 году въ Радомъ губернаторомъ, я нашелъ массу пріемныхъ актовъ съ цѣлыми томами приложеній. Въ Радомской губерніи стараго состава (т. е. до раздѣленія ея въ 1867 г.) было двѣ епархіи — Сандомірская и Кѣлецкая, а потому губернскому управленію предстояло рассмотреть и рѣшить около 400 приходовъ и монастырей. Всѣ эти дѣла были просто свалены въ кучу. Къ разбору ихъ не приступали, и винить въ томъ мѣстныхъ чиновниковъ было трудно. Они совершенно не были знакомы съ этой работой, не имѣли никакихъ указаній отъ коммиссіи финансовъ, занятой въ то время другими болѣе серьезными работами, и, сверхъ того, просто страшилась массы предстоящей работы, привалившей совершенно неожиданно. Пришлось мнѣ самому сдѣлать починъ дѣлу. Я приказалъ выбрать изъ массы дѣлъ три—особенно сложное, очень легкое и среднее. Не мало я провозился съ ними, но все-таки одолѣлъ и составилъ собственноручно проекты трехъ журналовъ для внесенія на коллегіальное разсмотрѣніе губернскаго правленія. Проекты эти были тѣмъ важны, что ясно и точно распредѣляли порядокъ изложенія, опредѣляли, что именно должно быть изложено по каждому приходу или монастырю, и наконецъ давали ключъ къ разрѣшенію встрѣчавшихся вопросовъ. Пріемъ въ казну домовъ, земель и наличныхъ капиталовъ, разумѣется, не представлялъ особыхъ

затрудненій. Точно также легко было дать этому имуществу и должное назначеніе съ цѣлью извлеченія дохода для казны, но не то было съ капиталами ипотекованными, по которымъ тѣ или другія имѣнія платили проценты въ пользу духовныхъ учреждений. Не мало также затрудненій представляли вопросы о сервитутахъ и записяхъ въ пользу монастырей и приходоѡ. Съ капиталовъ ипотекованныхъ потребовано было внесеніе процентовъ въ казну и предложены всѣмъ владѣльцамъ вопросы объ условіяхъ погашенія самыхъ долговъ. Сервитуты натуральные были замѣняемы по взаимному соглашенію денежными взносами и одновременнымъ выкупомъ. Земли временно отдавались въ аренду на годъ, съ обѣщаніемъ продолжить этотъ срокъ еще на годъ, если до того времени не выйдетъ окончательныхъ правилъ о распредѣленіи этихъ земель. Работа, уже исполненная лично мною, не могла затѣмъ считаться недолимою для чиновниковъ. Формы журналовъ, опредѣляя веденіе работы, значительно облегчали и упрощали разсмотрѣніе представленій экономическихъ ассессоровъ, т. е. чиновниковъ губернскаго правленія, принимавшихъ имѣнія. Для бѣльшаго еще его ускоренія я вызвалъ желающихъ и за каждый заготовленный журналъ положилъ опредѣленную плату. При такомъ порядкѣ дѣло пошло очень быстро и окончилось весьма удовлетворительно.

Впослѣдствіи, секретарь губернскаго правленія А. К. Зентковскій составилъ по моему порученію особую статью, которая подъ заглавіемъ «Обзоръ духовныхъ имуществъ Радомской губерніи, занятыхъ въ вѣдѣніе казны и исключенныхъ изъ занятія въ силу высочайшихъ указовъ 27-го октября 1864 и 14-го декабря 1865 г.»— напечатана въ «Памятной книжкѣ Радомской губерніи 1872 г.» Въ «Обзорѣ» приняты были во вниманіе границы новой, уменьшенной съ 1867 г. Радомской губерніи и за малыми исключеніями соотвѣтствующей предѣламъ Сандомирской епархіи.

Главною цѣлью этой статьи было фактически доказать, что принятіе въ вѣдѣніе казны духовныхъ имуществъ въ царствѣ Польскомъ было сдѣлано для полученія источниковъ къ болѣе правильному и соразмѣрному обезпеченію постояннымъ содержаніемъ всего духовенства края, которое послѣ этой операціи не только не лишилось своихъ прежнихъ доходовъ, но стало получать больше.

Подъ дѣйствіе указовъ о монастыряхъ и бѣломъ духовествѣ, въ Радомской губерніи подошли 13 монастырей и 183 прихода, въ которыхъ считалось сверхъ приходскихъ еще 7 филиальныхъ (приписныхъ) костеловъ.

Духовенство Радомской губерніи, какъ оказалось изъ пріемныхъ вѣдомостей, имѣло:

1. Собственно ему принадлежавшихъ.

а) капиталовъ безспорныхъ	373.744 р. 97 к. ¹⁾
" спорныхъ	58.343 " 51 "
б) строеній каменныхъ	381.
" деревянныхъ	2.247.
в) земель	41.451 м. 19 ¹ / ₄ пр.
г) лѣсовъ	8.926 " 51 "
д) инвентаря fundi instructi, служившаго для веденія хозяйства продано на	17.161 р. 27 к.
е) посѣвовъ продано на	5.606 " 13 ¹ / ₄ "
ж) разныхъ недоимочныхъ платежей за время до принятія имѣній въ казну поступило	20.602 " 43 ¹ / ₄ "
з) компетенцій и чиншей	13.789 " 3 ¹ / ₄ "
и) пособия отъ казны	21.123 " — ²⁾

2. принадлежавшихъ братствамъ:

а) капиталовъ	12.922 р. 56 к.
б) чиншей	14 " 57 "

3. принадлежавшихъ богоугоднымъ заведеніямъ.

а) капиталовъ	9.211 руб. 72 ¹ / ₂ коп.
б) строеній	22.
в) земли	156 мор. 189 пр.
г) чиншей на сумму	178 руб. 5 коп.

4. принадлежавшихъ начальнымъ училищамъ.

а) строеній	2
б) земли	3 морга.
в) чинша	22 р. 50 к.

Кромѣ того описаны были разные сервитуты, стоимость которыхъ даже приблизительно не могла быть опредѣлена въ 1872 г. Доходы съ десятины и jura stolae отъ занятія въ казну были изъяты.

Вышеприведенныя цифры о средствахъ римско-католическаго духо-

¹⁾ Изъ этихъ суммъ 58.343 руб. 51¹/₂ коп. были обезпечены на ипотеку, остальные капиталы въ наличныхъ деньгахъ хранились въ банкахъ или были въ распоряженіи правительства, платившаго духовенству проценты. Эти оплачиваемые казною капиталы составились: во-первыхъ, изъ суммъ, отданныхъ духовенствомъ въ ссуду революціонному правительству 1831 г. (36.715 руб. 52¹/₂ к.) и во-вторыхъ—изъ вознагражденія духовенству за имущества, отобранныя отъ него австрійскимъ правительствомъ. Часть стоимости, соответствующая имуществамъ, отобраннымъ Австріею, въ предѣлахъ настоящей Радомской губерніи, возвращена Россіи по конвенціи 1815 г. и правительство выплачивало съ нея духовенству ежегодно 19.219 р. 24¹/₂ к.

²⁾ На содержаніе епископа, капитула, семинаріи и другихъ духовныхъ учрежденій.

венства чрезвычайно характерны. Онѣ показываютъ, куда устремлены были всѣ усилія римско-католическаго духовенства при обезпеченіи себѣ различныхъ пожертвованій. Духовенство ухищрялось такъ, что все почти шло въ его полное распоряженіе подъ видомъ «средствъ на содержаніе духовенства». Такъ на этотъ предметъ въ Сандомірской епархіи приобрѣтено было болѣе 430 тысячъ рублей, а на благотворительныя заведенія менѣе 10.000 и наконецъ для народнаго образованія всего 22 р. 50 к. Эти цифры вполне краснорѣчивы.

Вообще ежегодные доходы римско-католическихъ монастырей и приходовъ Сандомірской епархіи составляли:

1) процентовъ съ капиталовъ, а также чиншей и компетенцій	14.344 р. 15 ³ / ₄ к.
2) десятины	49.087 " 38 ¹ / ₂ "
3) съ хозяйства	45.247 " 36 ³ / ₄ "
4) Jura stolae	16.880 " 8 ³ / ₄ "
5) кружечнаго сбора	395 " 15 "
6) случайныхъ пожертвованій	54 " 72 "
<u>Итого</u>	<u>126.008 р. 86³/₄ к.</u>

На эти доходы упали слѣдующіе ежегодные расходы:

1) на содержаніе причтовъ	26.555 р. 3 к.
2) на содержаніе церковной утвари	13.526 " 44 ¹ / ₄ "
3) на уплату податей	19.399 " 21 ¹ / ₄ "
4) мелкіе расходы	318 " 11 ¹ / ₂ "
<u>Итого</u>	<u>59.798 р. 80 к.</u>

Слѣдовательно, ежегодные доходы превышали обязательные расходы на 66.210 р. 6³/₄ к. Прибавляя же сюда 21.123 р., отпускавшіеся казною на содержаніе епископа и капитула, получимъ, что всего духовенство римско-католическое Сандомірской епархіи до отобранія отъ него имѣній получало въ годъ доходовъ до 87.333 р. 6³/₄ к., которые и составляли личныя средства духовенства.

Въ силу указовъ 27-го октября 1864 и 14-го декабря 1865 г. то же духовенство на свое содержаніе получаетъ изъ казны:

1) Монашествующее	9.650 р. —
2) Бѣлое	88.605 " —
<u>Итого</u>	<u>98.255 р. —</u>

вычитая изъ этого прежнее доходы 87.333 р. 6³/₄ к.
Получимъ 10.921 р. 93³/₄ к.

которые и составляютъ увеличеніе средствъ духовенства въ силу примѣненія названныхъ указовъ.

Но такъ какъ при занятіи въ казну имѣній и доходовъ римско-католическаго духовенства, отъ этого занятія изъяты были нѣкоторыя

доходы, въ сущности и нынѣ поступающіе въ пользу духовенства, то къ 10.921 р. 93¹/₄ к. слѣдовало бы причислить:

а) десятиву	49.087 р. 38 ¹ / ₂ к.
б) jura stolae	16.880 „ 8 ³ / ₄ „
в) кружечный и случайный доходъ	449 „ 87 „
т. е.	66.417 р. 27 ¹ / ₂ к.

Но если послѣ указовъ доходы римско-католическаго духовенства въ Привислинскомъ краѣ значительно увеличились противъ прежнихъ, то изъ этого не слѣдуетъ выводить заключенія, что казна приплачиваетъ на содержаніе духовенства. Это едва-ли справедливо, потому что въ вышеприведенные расчеты не введены средства, полученные казною отъ продажи подуховныхъ земель, отъ податей, уплачиваемыхъ крестьянами съ надѣленныхъ имъ подуховныхъ же земель, доходы съ домовъ и проч. Мы не ошибемся, если скажемъ, что взятіе имѣній римско-католическаго духовенства въ вѣдѣніе правительства не увеличило средствъ казны, но дало возможность болѣе справедливаго и равномернаго распредѣленія между членами духовенства получавшихся доходовъ.

Въ заключеніе для полноты картины и для уясненія, какъ именно правительство распорядилось съ поступившими въ его вѣдѣніе капиталами и имѣніями духовенства, приведу нѣсколько не безынтересныхъ данныхъ по этому предмету, тоже по Радомской губерніи, отсылая любопытныхъ за болѣе подробными свѣдѣніями къ вышеуказанной статьѣ «Обзоръ и пр.».

Капиталы. Всѣ капиталы, принадлежавшіе римско-католическому духовенству, находившіеся какъ въ наличности, такъ и обезпеченные на ипотекахъ—сосредоточены въ рукахъ казны.

Строенія: а) Зданія монастырей—бернардиновъ въ Казановѣ (около г. Конска) и доминикановъ въ Сандомірѣ отданы въ собственность Конской и Сандомірской городскихъ кассъ.

б) Зданіе реформатскаго монастыря въ Сандомірѣ передано въ вѣдѣніе таможеннаго вѣдомства, устроившаго въ нихъ православную церковь и квартиры для чиновниковъ.

в) Зданіе монастыря того же ордена въ посадѣ Солецъ—передано учебному округу, помѣстившему тамъ педагогическіе курсы съ образцовымъ начальнымъ училищемъ.

г) Изъ помонастырскихъ зданій францискановъ въ Завихостѣ и Смардзевичахъ часть отдана въ пользу начальныхъ училищъ, часть отдана подъ помѣщеніе приходскаго викарія и причта, и часть передана въ вѣдомство министерства финансовъ.

д) Зданіе монастыря филиппиновъ въ Студзявѣ распределено между

начальнымъ училищемъ, гминнымъ управленіемъ, церковнымъ причтомъ и финансовымъ вѣдомствомъ.

е) Въ помонастырскомъ зданіи бернардиновъ въ г. Радомѣ устроена казарма земской стражи, а отдѣльный флигель съ обширнымъ садомъ переданъ женской гимназіи.

ж) Зданія штатныхъ монастырей: реформатовъ въ Высокомъ Коло и бенедектинокъ въ Сандомірѣ оставлены монастырямъ вполнѣ, кромѣ флигеля послѣдняго монастыря, который сперва самими монахинями отдавался въ наймы подѣ помѣщеніе мѣстнаго уѣзднаго управленія, а послѣ указовъ поступилъ на ту же надобность безплатно.

з) 381 каменныхъ и 2.271 деревянныхъ зданій бѣлаго духовенства поступили:

	зданій...	
	кам.	дер.
Для помѣщенія причта и вообще духовенства	312	1.227
Передано совѣтамъ общественнаго приархія	—	22
Передано въ собственность крестьянамъ по закону 19-го февраля 1864 г.г.	—	47
Отведено сельскимъ училищамъ	—	2
Отдано подѣ помѣщеніе Таможеннаго училища и Сандомірской женской прогимназіи	—	2
Занято въ казну	69	971
	<u>381</u>	<u>2.271</u>

Земли. Собственно земель занято 41.618 мор. 208¹/₄ пр. и лѣсовъ 8.926 мор. 51 пр. Всѣ лѣса поступили въ казну, а земли распределены такъ:

а) въ собственность приходовъ подѣ строеніями, подѣ огороды и кладбища отдано	1.616 мор.	208 ¹ / ₂ пр.
б) признано собственностью крестьянъ и имъ передано	23.347	„ 5 „
в) отдано подѣ благотворительныя за- веденія	156	„ 189 „
г) дано одному начальному училищу .	3	„ — „
д) занято въ казну и предполагено въ продажу	16.495	„ 105 ³ / ₄ „

Инвентарь и посылы: на принятыхъ отъ духовенства земляхъ были проданы, первый за 17.161 р. 27 к., а вторые—за 5.606 р. 13¹/₄ к.

Сервитуты: въ казенныхъ лѣсахъ уничтожены, а въ частныхъ имѣніяхъ предполагены къ обращенію въ деньги по взаимному соглашенію казны съ владѣльцами.

Выше было сказано, что всего подуховныхъ земель въ одной Радомской губерніи поступило въ казну 41.618 мор. 208¹/₄ пр. Во всея же царствѣ Польскомъ количество подобныхъ земель было очень велико. Возникла мысль отдать ихъ подѣ поселеніе старообрядцамъ изъ Пруссіи.

Глава или уполномоченный этихъ старообрядцевъ Павелъ Прусскій пріѣзжалъ въ Варшаву и просилъ о переселеніи Н. А. Милютина. Графъ Бергъ вполнѣ одобрилъ эту мѣру, но отъ нея пришлось отказаться, во-первыхъ, вслѣдствіе упорнаго несогласія со стороны варшавскаго архіепископа Іоаннікія, а во-вторыхъ, потому, что еще болѣе упорнаго сопротивленія ожидали со стороны высшихъ духовныхъ властей въ Петербургѣ. Если предположить, что всѣхъ земель могло быть до 400 тысячъ морговъ, то, образуя участки отъ 10 до 15 морговъ, можно было бы поселить отъ 2.600 до 4.000 семей, а это во всемъ краѣ образовало бы сѣтъ изъ самыхъ благонадежныхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ людей. Православное духовенство въ Царствѣ было въ то время не только противу допущенія старообрядцевъ, но и дѣятельно хлопотало о запечатаніи молельнъ, Муравьевымъ украшенныхъ и снабженныхъ колоколами.

Д. Г. Анучинъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

въ 1903 году

(22-й годъ изданія)

будеть издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналь выходитъ книгами, въ 14 и болѣе листовъ, въ началѣ каждого мѣсяца, заключаая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библиографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна **10** руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—**8** руб. **50** коп.; за границу—**12** руб. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по **1** руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала «Кіевская Старина» (Маріинско-Благовѣщенская, № 60), въ книжной торговлѣ редакціи «Кіевская Старина» (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ «Кіевская Старина».

Редакторъ-издатель **В. Науменко.**

на 1903 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 г.
на еженедельный литературно-художественный журнал

РОДНАЯ РЪЧЬ

(седьмой годъ изданія).

издающийся въ Москвѣ А. А. Петровичемъ, подъ редакціей Ф. Н. Берга, бывш. 10 лѣтъ редакторомъ журнала „Нива“, при участіи проф. Н. Н. Овсянникова, Н. Д. Кашкина, С. Ф. Шаронова, графа А. А. Голенищева-Кутузова, графа Е. А. Салиаса, В. К. Туренина, Н. И. Мердеръ, А. А. Осипова и др.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1903 ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

50 №№ иллюстр. журнала, свыше 1600 ст. текста, до 300 рис., множество романовъ, повѣстей и т. д. | 50 №№ политической общественной газеты.

Независимо отъ этого подписчики получаютъ ● **БЕЗПЛАТНО** ● слѣдующія цѣнныя изданія:

12 книгъ **ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО** сочиненія перваго русскаго историка **Н. М. КАРАМЗИНА** съ иллюстр. выдающихся событій

3 книги **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ** знаменитаго писателя **Н. А. ПОЛЕВОГО** съ біографіей и портр. автора.

3 Р. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:** ГАЗЕТЫ, 12 КН. ИСТОРИИ, и 3 КН. РОМАНОВЪ **3 Р.**
съ пересылкой на годъ

Подписку просимъ адресовать въ Москву, въ конт. журн. „РОДНАЯ РЪЧЬ“, Рождественка, Варсонофьевскій пер., домъ № 4. 3—1.

Налож. платеж. и въ кред. подписка не приним., марки вообще въ уплату не принимаются.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1903 году.

Программа изданія: Развитие живыхъ силъ нашей родины на основѣ историческихъ законовъ, отвѣчающихъ истинному русскому строю. Отсутствие партійныхъ и обособленныхъ интересовъ и стремленій. Самобытная основы русской культуры. Объединеніе духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Жизненное опредѣленіе русской національной задачи во всей ея широтѣ. Ознакомленіе съ выдающимися произведеніями иностранной литературы.

Полнота содержанія. Разнообразіе статей.

Въ первыхъ книжкахъ журнала въ 1903 году будутъ помѣщены романы: *Князя Д. П. Голицына, Н. А. Энгельгардта, Князя М. Н. Волконскаго, В. Л. Величко* (историческая драма въ стихахъ „Меншиковъ“ и др.).

Цѣна изданія. Въ С.-Петербур. и Москвѣ и За границей. во всѣхъ город. Россіи.

На годъ **16 —** **19 —**
На полгода **8 —** **10 —**

Для церковнослужителей и учителей народныхъ училищъ по прежнему льготныя условія подписки.

Редакт. и издат.

В. В. Комаровъ.

Ред. **В. Л. Величко.**

Адресъ: С.-Петербургъ. Невскій 136-138. Редакція „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“
въ 1903 году
(41-й годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовъ и въ Покровской сл.:		Съ пересыл. въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ	6 » 50 »	» 11 мѣсяцевъ	7 » — »
» 10 »	6 » 50 »	» 10 »	6 » 50 »
» 9 »	5 » 50 »	» 9 »	6 » — »
» 8 »	5 » — »	» 8 »	5 » 50 »
» 7 »	4 » 50 »	» 7 »	5 » — »
» 6 »	4 » — »	» 6 »	4 » 50 »
» 5 »	3 » 50 »	» 5 »	4 » — »
» 4 »	3 » — »	» 4 »	3 » 50 »
» 3 »	2 » 50 »	» 3 »	3 » — »
» 2 »	2 » — »	» 2 »	2 » 40 »
» 1 »	1 » — »	» 1 »	1 » 20 »

Чтобы дать возможность подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ, редакция допускаетъ **разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ**, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ. Первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезоре; въ г. Вольскѣ у И. Ѳ. Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ 20 к. за строку петита; на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя пользуются особой уступкой. Иногороднія объявленія принимаются по цѣнѣ 10 коп. за строку позади текста, на первой страницѣ цѣна двойная. Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, *кромя Саратовской, Тамбовской, Пензенской и Приволжск. губ.*, принимаются исключительно въ **центральной конторѣ объявленій Торг. Дома Метцль**, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Сытова.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ*.
Издатель *И. П. Горизонтовъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 г.

XXIII годъ.

ОСКОЛКИ

годъ XXIII.

Юмористическій и иллюстрированный журналъ съ карикатурами.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Журналъ «ОСКОЛКИ» издается непрерывно уже двадцать два года! За двадцать два года многіе изъ нашихъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ подписчиковъ обратились изъ вѣжныхъ жениховъ въ примѣрныхъ мужей, изъ мужей въ отцовъ и изъ отцовъ въ дѣдушекъ, а многія подписчицы, когда-то хорошенькія дѣвушки, сдѣлались любящими женами, симпатичными тещами и милыми бабушками. Такимъ образомъ журналъ «ОСКОЛКИ» воспиталъ уже два поколѣнія и готовится воспитывать третье! Заслуга не малая!

Журналъ «ОСКОЛКИ», несмотря на свой довольно преклонный возрастъ, не старѣетъ! Онъ все такъ же наряженъ съ виду, такъ же бодръ и жизнерадостенъ. Онъ смѣется и шутитъ, остритъ и балагуритъ, поддѣваетъ на зубокъ, рассказываетъ веселыя сценки и смѣшныя анекдоты, обозрѣваетъ въ легкой фелетонной формѣ текуція событія, сыплетъ юмористическими стихотвореніями, откликается на всѣ злобы дня. За двадцать два года не было случая, чтобы журналъ «ОСКОЛКИ» прозѣвалъ свой выходъ или захандрить, сбился съ тона, впалъ въ мерзлхлюндію и уныніе. Петербургъ и провинція, Россія и «заграница», всѣ части свѣта и сѣверный полюсъ, земля и вода, настоящее, прошлое и будущее, политика и спиритизмъ, общественная жизнь и домашнее хозяйство, любовь и городская дума, адвокатура и музыка, медицина и театръ,—на все, рѣшительно на все журналъ «ОСКОЛКИ» откликается въ веселой, живой, шутиливой формѣ.

Въ годъ 52 номера большого формата. Текстъ убористымъ шрифтомъ въ три столбца. Четыре страницы большихъ и мелкихъ рисунковъ, карикатуръ, черныхъ и въ краскахъ. Карикатурные портреты писателей, артистовъ, героевъ дня и др. Въ общемъ, за годъ огромный томъ in folio. Остерегаться уронить этотъ томъ на голову маленькаго ребенка!

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой: На годъ 9 руб. На полгода 5 руб. На три мѣсяца 3 руб. За границу: на годъ 10 руб.; на полгода 6 руб.

Безъ доставки и пересылки: На годъ 8 руб. На полгода 4 руб. 50 к. На три мѣсяца 2 руб. 50 к.

Допускается разсрочка подписной платы по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала «Осколки».

Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала «Осколки» въ С.-Петербургѣ, Николаевская улица, д. № 66.

Редакторы-Издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голине.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

1903 Г. ШУТЪ XXV Г.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На годъ съ доставкою . 7 р.	! На годъ безъ доставки. 6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ съ дост. 4 р.	! На 6 мѣсяцевъ безъ дос. 3 р. 50 к.
На три мѣсяца съ > 2 р. 50 к.	! За границу. 10 р.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Николаевская, 66.

ЖУРНАЛЬ ПОМЪЩАЕТЪ:

Всѣ злобы дня, карикатуры на нихъ перомъ и въ краскахъ. Политическія карикатуры. Русскую живопись стараго письма. Юмористическія критики выставокъ и пьесъ. Разказы юмористическіе и беллетристическіе. Стихотворенія юмористическія и лирическія, побасенки, басни, куплеты на злобы дня, интервью, юмористическіе слухи и вѣсти изъ провинціи, съ рисунками. Раешникъ. Разборъ новыхъ книгъ. Юмористическія письма изъ Москвы. Телеграммы. Портреты героевъ дня и замѣтки о нихъ.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала примутъ участіе: Арцыбашевъ, Бальковъ, Н. Н. Брешко-Брешковскій, А. С. Грузинскій, И. Н. Герсонъ, В. С. Карцевъ, Д. В. Каррикъ, В. А. Мазуркевичъ, С. А. Патаракіи, Н. И. Ставскій, В. А. Шуфъ, В. В. Языкова, Е. В. Яковлева, А. М. Федоровъ и мн. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимали участіе и будутъ продолжать сотрудничать до 60 с.-петербургскихъ и иногородныхъ художниковъ, а также карикатуристъ „OLD JUDGE“.

Редакторъ-Издатель Р. Голике.

Годъ изданія **XX.** **Открыта подписка** Годъ изданія
 на 1903 годъ
 двадцатый годъ изданія **XX.**

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“

Большое общественно-литературное изданіе, выходитъ ежедневно,
 за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Оставаясь вѣрною прежнимъ своимъ задачамъ и стремленіямъ, «Са-
 марская Газета» и въ 1903 г. задается цѣлью прежде всего освѣщать
 въ возможной полнотѣ мѣстныя нужды Самарской, Казанской, Орен-
 бургской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Уфимской губ. и въ
 то же время «Самарская Газета» по-прежнему будетъ носить характеръ
 большого ежедневнаго изданія, замѣняющаго для провинціи столичные
 органы.

Составъ редакціи тотъ-же, что и въ 1902 году.

П О Д П И С Н А Я Ц ѣ н а :

Въ городѣ съ достав.: на 12 мѣсяцевъ 6 руб.—11 м. 5 р. 50 к.—
 10 м. 5 р.—9 м. 4 р. 50 к.—8 м. 4 р.—7 м. 3 р. 50 к.—6 м. 3 р.—
 5 м. 2 р. 50 к.—4 м. 2 р.—3 м. 1 р. 50 к.—2 м. 1 р.—1 м. 60 к.

Иногород. съ пересыл.: на 12 мѣсяцевъ 7 руб.—11 м. 6 р. 60 к.—
 10 м. 6 р.—9 м. 5 р. 60 к.—8 м. 5 р.—7 м. 4 р. 60 к.—6 м. 3 р.
 50 к.—5 м. 3 р.—4 м. 2 р. 60 к.—3 м. 2 р.—2 м. 1 р. 20 к.—1 м. 70 к.

Подписка на газету отъ иногороднихъ принимается съ 1-го числа,
 а отъ городскихъ 1-го и 15-го каждого мѣсяца.

Редакція «Самарской Газеты» и контора редакціи помѣщаются на
 Алексѣевской площади, въ собственномъ домѣ.

Въ розничной продажѣ номеръ 5 коп.

Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 годъ.

Журналъ политическій, литературно-художественный и сатирический
СЪ КАРРИКАТУРАМИ

XLV-годъ
изданія.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

XLV-годъ
изданія.

Таковъ у насъ ДЕВИЗЪ: За штуку не сердись,
Въ обиду не вдавайся,
А впрочемъ... берегись!
Въ дурномъ не попадайся!

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“—единственный журналъ по силѣ своего изумительнаго воображенія, по неистощимости замысловъ, по остротѣ, юмору, свѣжести мысли и по блеску изложенія. Всегда сочетаетъ изящное съ интереснымъ и занимательнымъ. Безпошадно бичуетъ пороки, борется со зломъ и неправдой и вышучиваетъ мелкія людскія страсти и увлеченія.

Въ теченіе года журналъ „Развлечение“ помѣщаетъ: болѣе 800 прекрасно исполненныхъ рисунковъ перомъ, карандашемъ и въ краскахъ извѣстныхъ каррикатуристовъ-художниковъ. Литературный отдѣлъ будетъ вмѣщать въ себѣ массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ и юмористическихъ мелочей, дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества столицъ и провинціи (провинціальныя злобы дня и курьезы будутъ помѣщаться въ текстѣ и рисункахъ). Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ произведеніямъ болѣе извѣстныхъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей, каррикатуры политическаго характера, каррикатуры-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ, каррикатуры на художественныя выставки, маскарады, гонки, скачки и т. п. Портреты-каррикатуры выдающихся дѣятелей, артистовъ, художниковъ и т. п.

Количество подписчиковъ на журналъ „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ продолжаетъ неувѣротно увеличиваться. Въ настоящемъ году подписка дошла до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что современная печатная техника не въ состояніи исполнить заказы редакціи.

Ожидаемое на 1903 годъ баснословное количество подписчиковъ заставляетъ редакцію „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“, не шадя издержекъ и не возвышая подписной платы, отказаться отъ выдачи БЕЗПЛАТНОЙ преміи.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ предоставляется право только за одинъ руб. приобрести одно изъ слѣдующихъ изданій журнала «РАЗВЛЕЧЕНІЕ».

1) „Царь Федоръ Іоанновичъ“, трагедія графа А. Толстого. Художественный альбомъ (12 картинъ въ краскахъ). 2) Юбилейный альбомъ „Развлечения“. Альбомъ въ изящной обложкѣ заключаетъ въ себѣ портреты всѣхъ сотрудниковъ журнала, 8 картинъ, исполненныхъ красками, разсказы, сцены, очерки, стихотворенія, мелочи и т. п. „Смѣхъ и слезы“. С. А. Елифанова. Смѣшныя разсказы, сцены, шутки и лирическія стихотворенія. 3) Полное собраніе юмористическихъ сочиненій А. Педро (А. П. Подурова) (два тома). 4) „Русскія пѣсни въ лицахъ“ (большой художественный юмористическій альбомъ, заключающій въ себѣ около 100 каррикатуръ въ краскахъ). 5) „На родной землѣ“, Е. Опочинина, 1. Очерки и разсказы, 2. Поездка въ село Михайловское. 6) Юмористическая хрестоматія (для дѣтей старшаго возраста, отъ 40 до 100 лѣтъ).

Годовая цѣна журнала ШЕСТЬ рублей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ три руб. въ мартѣ два р., въ апрѣлѣ одинъ р. и маѣ одинъ руб. (Пробный № высылается за три семипоечныхы марки).

Адресъ редакціи: Москва, Петровка. Богословскій пер., домъ Кабанова (противъ театра Корша).

Редакторъ Н. Н. СОВДОВЪ.

Открыта подписка на 1903 годъ (изд. XVIII годъ)
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакціею

А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

Отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

1 руб. за 2 мѣсяца съ дост. и перес. 6 руб. за годъ съ дост. и перес.

52 №№ журн. до 2000 столбц. текста и до 300 иллюстр. Очерки, рассказы, стихотворенія, статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія, воспоминанія и пред. русск. старины, отклики на вопросы современной жизни.

12 книгъ до 2400 стран. убористой печати, заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, и рассказы изъ исторіи библейской, общей и церковной, описаніе святынь и т. п.

и кромѣ того БЕЗПЛАТНО будетъ выдано:

6 книгъ до 1000 страницъ всемірно-извѣстнаго труда досточтимаго автора отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.

Это сочиненіе, переведенное почти на всѣ европейскіе языки, служитъ прекраснымъ руководствомъ къ духовной жизни для всѣхъ, кто стремится приблизить и свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій папъ апостольскимъ завѣтомъ: „Подражайте мнѣ, какъ и я Христу“.

2 книги (болѣе 400 страницъ, 105 фотогравюръ, карта и 3 плана)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА.

Составилъ А. А. Павловскій, специально въ началѣ 1902 года командированный отъ редакціи „Русскаго Паломника“ на Афонъ и въ Палестину.

Двѣнадцать книгъ «Русск. Пал.» будутъ содержать:

1) Отецъ Герасимъ. Пов. изъ жизни сербскаго народа подъ турецк. игомъ. Д. Илчича. 2) За братьевъ-славянъ. (По поводу 25-л. войны 1877—1878 гг.). И. В. Преображенскаго. 3) Старецъ Серафимъ и Саровская пустынь. С. А. Архангелова. 4) Минувшія судьбы Петербургскаго края. Церковно-истор. оч. Ф. В. Четверкина. 5) Федосеевскій владыка. Повѣсть изъ исторіи раскола XVIII в. Н. Н. Алексѣева-Купгурцева. 6) Адскій годъ (Лезуиты въ Россіи). Церковно-историческ. хроника. Н. О. Лихарева. 7) Богомъ отмѣченный. Быль изъ жизни старца-подвижника. Г. Т. Сѣверцева. 8) Жизненные вопросы (по сочиненію Фомы Франка). Н. П. Двигубскаго. 9) На стражѣ православія. Повѣсть изъ жизни украин. духовенства XVIII в. В. А. Радича. 10) Сонъ великаго хана. Историческая повѣсть. М. Н. Лебедева. 11) „Господь воздастъ“. Десять картинъ славы Господа Иисуса Христа. В. Моно. Перев. С. Моложаваго. 12) Подъ гнетомъ уни. Истор. пов. изъ быта Бѣлоруссін XVIII в. Н. Стрѣшневъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Спб. пять р., съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи шесть р., за границу 8 р.

Допускается разсрочка: при подискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные.

Главная Контора: СПБ., Стремянная ул., 12, собств. домъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА 1903 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященные обзорнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнія преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 р. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Годъ изд. XIV.—Подписной годъ считается съ 1 ноября.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

на журналъ для семейнаго чтенія

ПРИРОДА И ЛЮДИ.

Всѣ подписчики получаютъ за ШЕСТЬ рублей ПЯТЬ изданій съ пересылкою и доставкой:

1) еженедѣльное

52

№№ ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТ. ЖУРНАЛА
Въ журналѣ помѣщаются: очерки, романы,
повѣсти, разск., популярно-научн. статьи.

Природа и люди

2) ежемѣсячное

12

КНИГЪ СЪ РИС. болѣе 2400 стран.
Будетъ дано собраніе сочиненій из-
вѣстнаго соврем. авт. Райдера Хаггарда

Библіотека романовъ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ НА СУШѢ И НА МОРѢ.

3) ежемѣсячное

12

КНИГЪ БОЛЬШ. ФОРМ.
800 стран. и до 200 гравюръ,
портретовъ и рисунковъ.

Библіот. для самообразов.

Давая новое бесплатное приложение, редакция имѣетъ цѣлью дать подписчи-
камъ возможность, не затрачивая денегъ, приобрести цѣнныя сочиненія по
всѣмъ отраслямъ знанія, изложенныя вполне популярно и доступно для всѣхъ.

Въ 1903 г., въ виду предстоящаго торжественнаго празднованія 200-лѣтія
основанія Петербурга Петромъ Великимъ, редакція рѣшила дать въ
„БИБЛОТЕКЪ для САМООБРАЗОВАНІЯ“

ИЛЛЮСТРИРОВ. ИСТОРИЮ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

сочин. всемірно-извѣстнаго профессора русской исторіи А. Г. Бриннера.
Первое изданіе (А. С. Суворина) стоило 15 р., а въ настоящее время со-
ставляетъ библиографическую рѣдкость и стоитъ до 25 р.

4) ежемѣсячное

12

КНИГЪ СОЧИН.
1600 страницъ, зна-
менитаго писателя

Вас. Ив. Немировича - Данченко

Стоимость 12 книгъ его сочин. значительно превышаетъ подписную цѣну всего журнала.
Только благодаря тому обстоятельству, что издатель журнала является въ
то же время издателемъ всѣхъ произведеній Вас. Ив. Немировича-Данченко,
и можно давать такія цѣнныя приложенія.

5) настольное роскошно-иллюстрир. изданіе

Поэма Гете „РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ“

12

пѣсень до 20 печ. лист., 160 стр. больш. форм. Полный переводъ (безъ
сокращеній М. Достоевскаго. съ 36 рис. худож. Каульбаха. Загранич-
ное пѣмецкое изданіе стоило около 30 р., русское—(А. Ф. Маркса)—12 р.

МЫ ДАЕМЪ „РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ“ БЕСПЛАТНО.

Уплатившіе сполна подписную сумму получаютъ „РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ“
НЕМЕДЛЕННО (съ № 1 журнала)

Подписавшіеся въ разсрочку—по уплатѣ послѣдняго взноса.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., къ 1 марта 1 р., къ 1 мая
1 р. и къ 1 июля 2 р. Безъ доставки въ СПб. 5 р.

Подписка принимается у издателя П. П. Сойкина, СПБ.
Стремянная, 12, собств. д.

Открыта подписка на 1903 годъ
на новый ежемѣсячный литературный, историческій и научный журналъ
„ВСЕМІРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“.

Общее направленіе журнала остается тѣмъ же, что было въ „Вѣстникѣ всемірной исторіи“ (т. е. общественно-прогрессивнымъ), полнымъ правопреемникомъ котораго явится „Всемирный Вѣстникъ“. Литературно-историческія заочныя изданія настолько выяснились за 2½ годовою періодъ существованія журнала, что намъ, которые вели „Вѣстникъ всемірной исторіи“ въ продолженіе этого періода, нѣтъ необходимости повторять о нихъ. Не рекламируя изданія и не указывая на его предполагаемое содержаніе, Редакція всегда стремилась къ тому, чтобы книги журнала представляли собой значительный литературный интересъ. Мы не будемъ указывать на то, что дадимъ, напомнимъ лишь о томъ, что мы уже напечатали. Изъ трудовъ, помѣщ. въ „Вѣстникѣ всемірной исторіи“, позволимъ себѣ переименовать слѣд.: проф. Максимъ Ковалевскій: „Эволюція собственности“, „Рабочій вопросъ въ средніе вѣка“, „Почитаніе предковъ у Кавказскихъ народовъ“; проф. М. А. Рейснеръ: „Изысканія Римъ и христіанская совѣсть“, „Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка“; проф. А. С. Трачевскій: „Наполеонъ І— истор.-биогр. оч.“, „Міръ Ислама“, „Французскіе интенданты“; проф. Н. П. Дихачевъ: „Автопій Посевинъ и Истома Шеврингъ“; проф. Н. М. Коржуновъ: „Четыре проекта преобразованія Сената“; проф. С. Э. Платоновъ: „О тигуль „думный дьякъ““; проф. Г. А. Комаровскій: „Англія и Трансвааль“; проф. П. И. Ковалевскій: „Христіана, королева Шведская“—ист.-психолог. оч.; проф. Э. Маррьсъ: „Королега Елизавета Англійская и ея время“; проф. И. И. Ждановъ: „Пушкинъ о Петрѣ Великомъ“; проф. М. Грибовскій: „Алмазъ изъ рода Гиреевъ“—романъ, „Продессъ братьевъ Пушкиныхъ“, „Деревенскій Грозный старыхъ временъ“; проф. Э. О. Зелинскій: „Первое свѣтопреставленіе“; Д. Л. Мордовцевъ: „За всемірное владычество“—ист. ром.; В. Я. Свѣтловъ: „Даръ слезъ“—ром., „Венеційская лагуна“—ром.; Д. Э. Кобеко: „Директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы“, Н. К. Шильдеръ: „Къ исторіи шкловской командировки Г. Р. Державина въ 1709 г.“; Э. Вестермаркъ: „Патріархатъ“; Л. Е. Оболенскій: „Механизмъ идеала въ исторіи“; А. А. Хахановъ: „Прошлое Грузіи“; П. О. Пирлингъ: „Сорбонна и Россія“; Ватуриновскій: „Герценъ и Тургеневъ“ (Переписка Г. съ Т.); В. С. Соловьевъ: „Воскресное письмо“. Гюсibuми Куроно: „Принцъ Мвая до“—оч. изъ ист. Японіи; К. Каутскій: „Очерки по исторіи культуры“, „Парламентаризмъ и партія въ Англии“; „Общественныя отношенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка“; Г. Г. Ясинскій: „Очерки захолустной жизни“; В. Смоленскій: „Исторія польскаго народа“—и мн. др. Редакція главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на интересъ содержанія и художественность воспроизведенія беллетристическихъ, историческихъ и научныхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ. Общали свое участіе многіе выдающіеся писатели, ученые и другіе художественные и общественныя дѣятели. Въ портфель Редакціи имѣется нѣсколько интересныхъ произведеній, съ которыми она предполагаетъ ознакомить своихъ подписчиковъ, между ними рядъ статей: И. К. Арабажина, кн. В. В. Вяткинскаго, Ватуринскаго, А. М. Вобрищева-Пушкина, В. П. Вурдеса, Н. А. Гастфрейндъ, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, проф. Максима Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, В. Н. Никитина, Н. К. Никифорова, проф. В. П. Перетца, Н. А. Попова, Г. В. Радзивилловича, проф. М. А. Рейснера, Н. Фалъева, Н. В. Хвостова, Вс. Чешихина и мн. др. Затѣмъ будетъ данъ рядъ художественныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ, подъ ред. А. М. Вобрищева-Пушкина. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы и науки всего міра и по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Подписчики получатъ въ теченіе года двѣнадцать книжекъ (около 300 стр. въ каждой) съ иллюстраціями; при каждой книжкѣ будетъ дано не менѣе двухъ приложеній съ особой послѣдовательной нумераціей страницъ. Никакихъ особыхъ премій не будетъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 р., на полгода 3 р., за границу на годъ 9 р. Допускается разсрочка по 50 к. въ мѣсяцъ. Для ознакомленія съ журналомъ высылаются книжка за 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Редакція и Контора: Спб., Дмитровскій пер., 15

6-ый годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

6-ый годъ
изданія.НА ЕЖЕДНЕВНУЮ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ
И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ подь редак-
ціей Ѳ. А. Духовецкаго.

„Приднѣпровскій Край“ стоитъ внѣ узкихъ рамокъ партійности, какъ независимый органъ краевыхъ интересовъ, и отводитъ обширное мѣсто во-просамъ общегосударственнымъ, по внѣшней и внутренней политикѣ и въ области экономической, особенно же по отдѣламъ горной промышленности и сельскаго хозяйства.

Собственныхъ корреспондентовъ газета имѣетъ во всѣхъ городахъ края въ крупныхъ центрахъ Имперіи, въ обѣихъ столицахъ и за границей: въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ и Софіи.

Особые отдѣлы посвящены вопросамъ философскимъ и этическимъ, искусству и литературѣ.

Въ газетѣ печатаются иллюстраціи въ текстѣ и приложеніяхъ.

Подписная цѣна:

	На 12 м.	На 11 м.	На 10 м.	На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.									
	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.	р. р. к.									
Съ доставкой въ Екатеринославѣ . . .	8	7	50	7	6	50	6	—	5	50	5	4	25	3	25	2	50	1	75	1	—
Съ пересылкой иностранцамъ . . .	10	9	50	9	8	25	7	50	6	75	6	5	25	4	50	3	50	2	40	1	25
За границей . . .	23	21	—	19	17	—	15	—	13	50	13	10	50	9	—	7	—	4	50	2	50

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной платы допускается: для служащихъ по третямъ, черезъ нихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Вносы по разсрочкѣ производятся гг. ивангородскими подписчиками: при подпискѣ—4 руб., къ 1 апрѣля 3 руб. и къ 1 сентября—3 руб., для городскихъ—при подпискѣ—3 руб., къ 1 апрѣля—3 руб. и къ 1 іюля—2 руб.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

За перемѣну адреса гг. ивангородніе подписчики платятъ 40 к., прилагая печатный старый адресъ.

Отдѣльные номера въ продажѣ по 5 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ: Екатеринославѣ, Проспектъ,
домъ Копылова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита или ея мѣста въ 1 столбецъ на 1 страницѣ плата по 20 коп., послѣ текста 10 коп. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается уступка.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИЗДАНИЕ
РУССКАЯ МЫСЛЬ И РѢЧЬ
СВОЕ И ЧУЖОЕ.
ОПЫТЪ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.

Сборникъ образныхъ словъ и иносказаній.

М. И. МИХЕЛЬСОНА.

Трудъ въ рукописи удостоенъ (19 сентября 1901 г.) Императорской Академіей Наукъ преміи Митрополита Макарія.

Подъ фразеологіей слѣдуетъ понимать свойственную какъ каждому отдѣльному народу особенность оборотовъ его рѣчи (латинская, греческая фразеологія), такъ равно и особенность оборотовъ отдѣльныхъ писателей (фразеологія или слогъ Ломоносова, Пушкина, Гоголя и др.).

Привода въ сборникѣ „Русская мысль и рѣчь“ въ видѣ примѣровъ иносказаній—цитаты нашихъ писателей, авторъ попутно знакомитъ читателей и съ фразеологіей послѣднихъ.

Помимо указаннаго значенія фразеологія, въ тѣсномъ смыслѣ, у насъ, какъ и у иностранцевъ, имѣетъ еще и другое значеніе.

Существуетъ двойной способъ выраженія мыслей: мы опредѣляемъ понятіе или облакаемъ мысль словами въ прямомъ ихъ смыслѣ (я голоденъ, *надо постъ*) или же иносказательно (*надо червяка заморить*)—обиньяками, намеками, сравненіями съ подходящими по слову ходячими словами или даже цѣлыми изреченіями, въ видѣ поговорокъ, пословицъ и общезвѣстныхъ цитатъ.

Эти-то образныя слова и пословичныя выраженія, а также поговорки, пословицы и изреченія, свойственныя языку народа, съ объясненіемъ ихъ смысла и иносказательнаго примѣненія и составляютъ предметъ русской фразеологіи. Тутъ, конечно, не обхдится безъ примѣси и иностранныхъ, иногда контрабандою къ намъ внесенныхъ словъ и всякими правдами и неправдами усѣвшихся между аборигенами и получившими у насъ право гражданства. Принимая во вниманіе, что въ сочиненіяхъ нашихъ писателей, вмѣсто имѣющихъ чисто-русскихъ словъ, часто употребляются иностранныя слова, истинное значеніе и примѣненіе, а также происхожденіе которыхъ—многимъ неизвѣстно, авторъ, для возможной полноты свравокъ, нашелъ не лишнимъ включить въ предлагаемый сборникъ эти слова.

Изданіе „Русская мысль и рѣчь“ будетъ выходить выпусками (не мене 20) отъ 5 до 6 лист. каждый, цѣною по 90 к. за выпускъ.

Пересылка по дѣйствительной стоимости.

По выходѣ въ свѣтъ цѣна за все изданіе будетъ повышена.

Условія подписки: при подпискѣ вносится 2 р. 50 к., изъ конхъ 90 к. въ уплату за 1-ый выпускъ, а остальные деньги—въ задатокъ, каковой и зачисляется при высылкѣ послѣднихъ двухъ выпусковъ.

Цѣна на все изданіе по подпискѣ 18 руб.

Подписка на изданіе принимается въ Товариществѣ „Общественная Польза“, С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, 39, с. д.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ
ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА
СОЛОВЬЕВА

(Дополнительный томъ къ „ИСТОРИИ РОССИИ“).

Предлагаемый томъ составляетъ какъ бы продолженіе и дополненіе къ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ того же автора и изданъ въ ея форматѣ.

Содержаніе: Исторія паденія Польши. Императоръ Александръ I. Начало Русской земли. Древняя Россія. Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго. Историческія письма. Восточный вопросъ. Прогрессъ и религія. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ. Писатели Русской исторіи XVIII вѣка. Н. М. Карамзинъ. А. Л. Шлецеръ. Шлецеръ и антиисторическое направленіе.

Дополнительный томъ заключаетъ въ себѣ 51 листъ (808 страниць текста, напечатаннаго четкимъ, убористымъ шрифтомъ).

Цѣна 4 р. безъ пересылки, на веленовой бумагѣ 5 р. Въ переплетѣ 5 р.; на веленовой бумагѣ 6 р. Пересылка по разстоянію и вѣсу. Съ требованіями обращаться въ книжный складъ Товарищества „Общественная Польза“. С.-Петербургъ, Б. Подъяческая, 39.

ВОСПОМИНАНІЯ

АННЫ ЕВДОКИМОВНЫ

ЛАБЗИНОЙ.

Наша историческая литература вообще не богата воспоминаніями о XVIII вѣкѣ, принадлежащими перу русскихъ женщинъ. Записки императрицы Екатерины II, княгини Е. Р. Дашковой, княгини Н. Б. Долгоруковой, графини В. Н. Головиной, Г. И. Ржевской, графини А. Д. Блудовой, М. С. Николевой ¹⁾,—вотъ, если не ошибаемся, все, наиболѣе крупное, что сохранили для потомства русскія женщины изъ запаса своей памяти. Всѣ перечисленные авторы, касавшіеся въ мемуарахъ своихъ XVIII вѣка, принадлежали исключительно къ высшему кругу русскаго общества; но у насъ до сихъ поръ не было обнаружено воспоминаній женщины средняго дворянскаго семейства, которая, на подобіе А. Т. Болотова, С. Т. Аксакова и многихъ другихъ бытописателей нашихъ, откровенно и безхитростно, съ своей точки зрѣнія, рассказала бы намъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, воспитаніи, окружающей обстановкѣ и т. под. Поэтому-то, какъ намъ кажется, особенный интересъ должны представлять впервые публикуемыя здѣсь воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной, жены одного изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Александровой эпохи, извѣстнаго мистика, писателя, издателя «Сіонскаго Вѣстника» и вице-президента Академіи Художествъ Александра Ѳедоровича Лабзина ²⁾.

Воспоминанія А. Е. Лабзиной, къ сожалѣнію, ею не законченныя, а обрывающіяся на полусловѣ, сохранились, по счастливой случайности, среди довольно жалкихъ остатковъ когда-то обширнаго и богатаго архива, находившагося въ имѣніи И. Е. Великопольскаго—селѣ Чука-

¹⁾ Не упоминаемъ „Разказовъ бабушки“, собр. Д. Д. Благово (С.-Пб. 1885 г.), какъ носящихъ спеціально-генеалогическій характеръ.

²⁾ О немъ см. изслѣдованіе Н. Ѳ. Дубровина: „Наши мистики-сектанты“—въ „Русской Старинѣ“ 1894 г., т. 82 и 1895 г., т. 83.

*

винѣ, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи¹⁾, и переданы въ наше распоряженіе дочерью Ивана Ермолаевича—Надеждой Ивановной Чаплиной.

Біографія А. Е. Лабзиной во многихъ отношеніяхъ любопытна, и мы постараемся изложить ее съ наибольшими подробностями, насколько это удалось намъ сдѣлать.

Анна Евдокимовна Лабзина родилась 28-го ноября 1758 года. Отецъ ея—Евдокимъ Яковлевичъ Яковлевъ (род. въ 1692 г., ум. въ 1764 г.) почти всю жизнь свою провелъ на разныхъ горныхъ заводахъ. Онъ вступилъ въ службу въ 1721 году «къ приказнымъ дѣламъ»²⁾, былъ подканцеляристомъ и канцеляристомъ, въ 1732 г. былъ опредѣленъ генераль-лейтенантомъ Вил. Ив. Де-Геннинымъ и В. Н. Татищевымъ въ Сибирскій Оберъ-Бергъ-Амтъ протоколистомъ, въ 1733 г. былъ назначенъ «за-секретаря», въ 1739 г., по указу Генераль-Бергъ-Директоріума, занялъ мѣсто секретаря въ Канцеляріи Главнаго Правленія Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ, 4-го ноября 1754 г. произведенъ въ оберъ-цегентеры, а затѣмъ состоялъ, въ чинѣ ассессора, присутствующимъ въ Екатеринбургской заводской канцеляріи³⁾. Въ началѣ 1760 года Яковлевъ сопровождалъ молодого графа С. Р. Воронцова въ поѣздкѣ по горнымъ заводамъ, только-что пожалованнымъ его отцу графу Роману Ларіоновичу императрицей Елизаветой Петровной. Очевидно, Евдокимъ Яковлевичъ былъ хорошо знакомъ старику-графу, такъ какъ сынъ въ письмахъ своихъ упоминаетъ о немъ, какъ о человѣкѣ, близкомъ къ ихъ семейству; кромѣ того, самъ Яковлевъ писалъ къ его отцу—графу, сообщая ему о состояніи его заводовъ⁴⁾, а тотъ, въ отплату за труды, выхлопоталъ ему, при отставкѣ, слѣдующій чинъ. «Вчерась по вечеру», пишетъ отцу графъ Семенъ Романовичъ изъ Симбирска 27-го марта 1760 г.:» получилъ я письмо отъ Евдокима Яковлчича Яковлева, котораго я оставилъ на Ягошихѣ⁵⁾, гдѣ онъ и по нынѣ обрѣтается. Онъ ко мнѣ пишетъ, что, по старанію вашему, милостивый

¹⁾ Нѣкоторые документы изъ этого архива сообщены нами въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., № 6, 7 и 8 и въ другихъ журналахъ

²⁾ У Яковлева въ 1760 г. была недвижимая собственность въ Московскомъ уѣздѣ, куда и былъ онъ отпущенъ при выходѣ въ отставку (Арх. Минист. Юст. Книги Герольдмейстерской Канторы, № 494, л. 303); но было ли это родовое имущество, или приобрѣтенное—неизвѣстно.

³⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣла Герольдмейстерской Канторы, кн. № 423, л. 546 и кн. № 494, л. 302—303.

⁴⁾ Архивъ кн. Воронцова, т. XVI, стр. 19, 20.

⁵⁾ Или Ягошиха,—мѣдные заводы, пожалованные въ 1754 г. графу Мих. Лар. Воронцову (Научно-историч. сборникъ, изданный Горнымъ Институтомъ, С.-Пб. 1873, стр. 9).

государь батюшка, онъ отставленъ съ награжденіемъ ранга¹⁾ и что повелѣно ему жить на Егошихѣ, объ чемъ осмѣлюся представить я свое мнѣніе: Евдокиму Яковличу лучше жить на Верхъ-Исецкомъ²⁾ заводѣ, для того, что всѣ заводскія требованія въ Екатеринбургѣ рѣшатся, какъ, напримѣръ, чтобы удовольствовать заводы слободами, также для отведенія новопріисканныхъ рудниковъ, также для приѣма въ Екатеринбургѣ Егошинской мѣди; да и сверхъ того, одинъ желѣзный заводъ болѣе требуетъ труда и попеченія, нежели шесть мѣдныхъ... А Евдокиму Яковличу можно будетъ каждой годъ мѣсяца три или четыре побывать на Егошихѣ³⁾. Изъ этого видно, что отецъ Анны Евдокимовны пользовался большимъ довѣріемъ у гр. Воронцовыхъ и предназначался ими въ управляющіе ихъ богатѣйшими заводами. Мы не знаемъ дальнѣйшихъ отношеній его съ Воронцовыми; впрочемъ, скоро (въ 1764 г.) Евдокимъ Яковлевичъ скончался, оставивъ послѣ себя жену и троихъ дѣтей, изъ которыхъ дочь, Анна, была первенцемъ; ей тогда было всего пять лѣтъ, а потому она почти не помнила своего отца, но всегда сохраняла о немъ благоговѣйное воспоминаніе, при выкнувъ уважать его изъ рассказовъ матери. Дѣтство Анны Евдокимовны, о которомъ она съ такой теплотою рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, протекло въ мирной деревенской обстановкѣ, на собственномъ хуторѣ, гдѣ-то на границахъ тогдашнихъ Пермскаго и Уфимскаго намѣстничествъ, между Екатеринбургомъ и Челябинскомъ, подъ нѣжнымъ надзоромъ родителей, которые любили ее, по собственному ея признанію, больше, чѣмъ двоихъ другихъ дѣтей. Едва минуло Аннѣ Евдокимовнѣ 13 лѣтъ,—она была выдана замужъ. Александръ Матвѣевичъ, мужъ ея, съ которымъ читатель хорошо познакомится въ «Воспоминаніяхъ», былъ А. М. Карамышевъ, извѣстный уже тогда ученый, горновѣдъ и минералогъ. Онъ родился въ 1744 году, происходилъ изъ «сибирскихъ дворянъ»⁴⁾ и имѣлъ, какъ значится въ формулярномъ спискѣ, «13 мужеска пола душъ въ Челябинскомъ уѣздѣ, Екатеринбургской области, да въ Тобольскомъ уѣздѣ 6 душъ»⁵⁾; вы-

¹⁾ По указу Сената отъ 23-го февраля 1760 г. Е. Я. Яковлевъ былъ уволенъ въ отставку съ производствомъ въ чинъ надворнаго совѣтника (Арх. М. Ю., Книги Герольдмейстерской Конторы, № 494, л. 302—303).

²⁾ Лежить на р. Исети, между Екатеринбургомъ и Кунгуромъ; до пожалованія его гр. Р. А. Воронцову принадлежалъ казніи и назывался Анненскимъ (И. И. Лепехинъ. Продолженіе дневныхъ записокъ въ 1770 году. С.-Пб. 1772 г., стр. 208).

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, т. XVI, стр. стр. 23—24.

⁴⁾ Статья С. Н. Кулибина о Карамышевѣ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“. С.-Пб. 1897, стр. 514—515.

⁵⁾ Формулярный списокъ въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи, Дѣла Герольдмейстерской Конторы, за 1788 г., кн. № 762, л. 296—297.

росъ и воспитался онъ въ домѣ Е. Я. Яковлева, который въ 1756 году отдалъ его въ Московскую Университетскую Благородную Гимназію, гдѣ Карамышевъ, за успѣхи въ разныхъ наукахъ, неоднократно получалъ награды¹⁾; въ 1759 году (19-го апрѣля) онъ произведенъ былъ въ студенты Московскаго Университета и въ 1761 году былъ посланъ въ Швецію «для обученія горныхъ и плавильныхъ наукъ»²⁾, а также наукъ естественныхъ и химіи. Въ 1768 году, находясь еще за-границей, онъ былъ зачисленъ на службу въ вѣдомство Бергъ-Коллегіи. Научныя занятія свои въ Швеціи Карамышевъ велъ подъ руководствомъ знаменитаго Линнея и Валеріуса въ Упсальскомъ Университетѣ; Линнею же онъ представилъ написанную подъ его наблюденіемъ диссертацию свою, озаглавленную «Dissertatio academica, demonstrans necessitatem promovendae historiae naturalis in Rossia», особенно богатую свѣдѣніями о сибирской флорѣ³⁾. Ее Карамышевъ напечаталъ въ 1766 году въ Упсалѣ и въ томъ же году, 16-го мая, защитилъ передъ медицинскимъ факультетомъ Упсальскаго Университета. Въ 1771 году онъ вернулся въ Россію⁴⁾ и 7-го декабря этого года былъ пожалованъ въ званіе маркшейдера «капитанъ-поручичья ранга»⁵⁾, а 23-го декабря—командированъ, по приказанію оберъ-прокурора Сената и главнаго правителя Бергъ-Коллегіи Мих. Оед. Соймонова, въ Петрозаводскъ, въ Канцелярію Олонецкихъ Петровскихъ заводовъ, на которыхъ долженъ былъ производить какія-то починки⁶⁾. Здѣсь онъ пробылъ, однако, не долго, и, вскорѣ же, въ первыхъ мѣсяцахъ 1772 года, былъ отправленъ Соймоновымъ въ Екатеринбургъ, въ Канцелярію Главнаго Правленія Сибирскихъ, Казанскихъ и Оренбургскихъ заводовъ, для спеціальнаго осмотра золотыхъ промысловъ («для вѣрнаго свѣдѣнія о золотыхъ рудникахъ», какъ сказано въ документѣ), получить, между тѣмъ (23-го марта 1772 г.) «за отличное въ горномъ искусствѣ знаніе и отиѣнное усердіе»⁷⁾, чинъ бергмейстера. Приѣхавъ въ родные края въ началѣ апрѣля, послѣ 16-ти-лѣтняго отсутствія, Карамышевъ уже не засталъ въ живыхъ своего воспитателя и посва-

¹⁾ См., напр., „Моск. Вѣдомости“ 1758, приб. къ № 38 (въ этомъ году Карамышевъ былъ уже въ 4-мъ классѣ).

²⁾ Формулярный списокъ въ Архивъ Горнаго Департамента, сообщенный намъ благодаря любезнымъ разысканіямъ Алекс. Конст. Монастырева.

³⁾ В. Лагусъ, „Эрикъ Лаксманъ“, С.-Пб. 1890 г., стр. 24.

⁴⁾ Еще будучи въ Швеціи, Карамышевъ написалъ латинскую оду на востество на престолъ Екатерины II: „In publica solemnibus coronationis Augustae Catharinae Alexiewnae...“, Upsaliae, 1762.

⁵⁾ Формулярный списокъ.

⁶⁾ Архивъ Горнаго Департамента, Дѣла Бергъ-Коллегіи 1771 г., № 1321.

⁷⁾ Арх. Мин. Юст., Журналы и протоколы Правит. Сената Общаго Собранія за апр.—сент. 1776 г., кн. № 24 6313, лл. 178—179.

тался на его дочери, Аннѣ Евдокимовнѣ Яковлевоѣ. Со стороны матери послѣдней и своей ¹⁾ онъ встрѣтилъ согласіе,—и 21-го мая 1772 года состоялась уже ихъ свадьба. Аннѣ Евдокимовнѣ было въ это время, какъ сказано выше, всего 13 лѣтъ. Выросши въ глухой деревнѣ, въ полномъ незнаніи жизни, подъ надзоромъ любящей, но строгой матери, она безпрекословно отдалась во власть своего мужа, который въ самомъ непродолжительномъ времени, сбросивъ съ себя личину почтительно-скромнаго жениха, началъ тиранить свою беззащитную жену. Строгія наставленія матери о подчиненіи мужней власти, твердая вѣра въ высшую справедливость и надежда на лучшее будущее и исправленіе супруга заставляли Анну Евдокимовну съ кротостью и безропотно переносить всѣ страданія и оскорбленія со стороны мужа и поправіе имъ самыхъ лучшихъ движеній сердца. Правда, этотъ безхарактерный человекъ временами, хотя и очень не на долго, перемѣнялся къ лучшему—и тогда Анна Евдокимовна бывала счастлива; но эти періоды просвѣтленія были слишкомъ рѣдки и кратковременны. Прочтя «Воспоминанія», читатель легко представитъ себѣ трагическое положеніе кроткой, богобоязненной и совсѣмъ неопытной молодой женщины, попавшей въ неограниченное распоряженіе мужа буйнаго, безправственнаго, подчасъ жестокаго; по свидѣтельству хорошо знавшаго А. Е. Лабзину А. Л. Витберга, Карамышевъ «былъ человекъ безъ вѣры», онъ «сомнѣвался въ безсмертіи души» и вообще «принадлежалъ къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ» ²⁾. Но все это стало извѣстно, къ сожалѣнію, уже нѣсколько поздно, когда сдѣланнаго нельзя уже было поправить. Между тѣмъ, мать Анны Евдокимовны черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы Карамышевыхъ скончалась (21-го іюля 1772 г.), лишивъ свою дочь послѣдней поддержки и защиты, которая у нея была. Около года еще провели молодые въ Екатеринбургѣ, а въ мартѣ или началѣ апрѣля 1773 г. отправились въ Петербургъ, но вскорѣ же должны были ѣхать оттуда въ Петрозаводскъ. Въ октябрѣ того же года Карамышевъ былъ посланъ изъ Петрозаводска въ ученую экспедицію на Медвѣжьи острова, «для разработки рудныхъ мѣстъ», гдѣ и провелъ 9 мѣсяцевъ ³⁾, при чемъ молодая жена раздѣляла съ нимъ всѣ трудности и лишенія этой командировки, а затѣмъ, въ серединѣ іюня 1774 года, былъ внезапно вытребованъ Соймоновымъ въ Петербургъ «по особому дѣлу», которое состояло въ томъ, что ему предложено было занять мѣсто преподавателя химіи въ только-что передъ тѣмъ основан-

¹⁾ О ней извѣстно только, что звали ее Авдотей и что до этого времени проживала она въ Екатеринбургѣ.

²⁾ „Русская Старина“ 1872 г., т. V, стр. 567—568.

³⁾ Архивъ Горнаго Департамента, Дѣла Бергъ-Коллегіи 1772 г., № 1324.

номъ Горномъ Училищѣ (нынѣ Институтъ). Должность эту Карамышевъ занялъ фактически съ начала іюля 1774 г. ¹⁾, — и при ближайшемъ же экзаменѣ горныхъ студентовъ обнаружилось, что онъ оказался весьма способнымъ преподавателемъ, хорошо обучившимъ своихъ питомцевъ ²⁾.

По прїѣздѣ въ Петербургъ (30-го іюня 1774 г.) ³⁾, Карамышевы поселились въ домѣ вице-президента Бергъ-Коллегіи Михаила Матвѣевича Хераскова ⁴⁾, съ которымъ они, очевидно, были знакомы раньше. Михаилъ Матвѣевичъ, извѣстный своею добротой и ласковымъ сердцемъ, принялъ Анну Евдокимовну, какъ родную дочь, искренно полюбилъ ее за кроткій нравъ и заботился объ ея образованіи и воспитаніи (ей было тогда всего 15 лѣтъ отъ роду). Жена Хераскова — Елизавета Васильевна (рожд. Неронова), женщина просвѣщенная и извѣстная своею образованностью ⁵⁾, также приняла сердечное участіе въ судьбѣ своей новой питомицы и окружила ее нѣжными попеченіями. Такимъ образомъ, жизнь Анны Евдокимовны рѣзко перемѣнилась къ лучшему, и время, проведенное ею въ семьѣ Херасковыхъ, осталось навсегда свѣтлымъ для нея воспоминаніемъ. Карамышевъ, занятый службой и, быть можетъ, побаивавшійся Хераскова, какъ начальника, не обижалъ больше своей жены, а всѣ родные и домочадцы полюбили кроткую и привѣтливую молодую женщину; но, къ глубокому сожалѣнію ея, М. М. Херасковъ, уволенный 10-го іюля 1775 г. отъ должности вице-президента Бергъ-Коллегіи, въ скоромъ времени переѣхалъ на житье въ Москву, — и она опять оказалась во власти своего жестокаго и безпутнаго мужа; онъ, между тѣмъ, продолжалъ преуспѣвать по службѣ, былъ отличенъ всесильнымъ Потемкинымъ; начальство было на его сторонѣ, быть можетъ, дорожа его знаніями. Занимая, одновременно со службой въ Горномъ Училищѣ, мѣсто маркшейдера при Бергъ-Коллегіи ⁶⁾, Карамышевъ въ то же время принималъ участіе въ учрежденномъ при названномъ Училищѣ «Ученомъ Собраніи» ⁷⁾. Кромѣ того, онъ производилъ въ училищной лабораторіи химическіе опыты, а

¹⁾ Определеніе его состоялось 26-го іюня 1772 г. (тамъ же).

²⁾ Арх. Мин. Юст., Журналы и протоколы Правит. Сената и Общаго Собранія за апр.—сент. 1776 г., кн. № 24/6313, лл. 178—179.

³⁾ Архивъ Горнаго Департамента, д. № 1324.

⁴⁾ Этимъ объясняется сообщенное П. И. Бартеневымъ („Русскій Архивъ“ 1866 г., ст. 845) и повторенное М. Н. Лонгиновымъ (тамъ же, 1873 г., т. II, стр. 1464) преданіе о томъ, будто-бы Анна Евдокимовна „воспитывалась“ у Хераскова, не имѣвшаго своихъ дѣтей.

⁵⁾ О ней см. статью В. В. Сиповскаго въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, С.-Пб. 1901 г.

⁶⁾ Мѣсяцесловъ на лѣто 1775, стр. 108.

⁷⁾ Ученый сборникъ Горнаго Института, С.-Пб. 1873 г.

въ 1778 г. вмѣстѣ съ сослуживцемъ своимъ И. И. Хемницеромъ (извѣстнымъ баснописцемъ) проредактировалъ сдѣланный В. Безпаловымъ переводъ книги Брикмана «Сочиненіе о драгоцѣнныхъ камняхъ», изданный въ Петербургѣ въ 1779 году. Несомнѣнно, что это былъ способный и образованный человѣкъ, могшій, при желаніи и подъ хорошимъ вліяніемъ, успѣшно работать на пользу науки. Это доказывается и статьями его по химіи, технологіи, естествознанію и сельскому хозяйству, напечатанными въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества», какъ, напр.: «О пользѣ копченія ржи передъ посѣвомъ» (1774 г., ч. XXVII), «О причинѣ плодородія земли» (тамъ-же) и др., а также избраніемъ его въ члены ученыхъ обществъ. Такъ, въ 1774 г. Вольно-Экономическое Общество, членомъ котораго онъ состоялъ, присудило ему медаль, а въ 1779 году (21-го іюня) онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ¹⁾, состоя, кромѣ того, членомъ Берлинскаго Общества любителей естествознанія и корреспондентомъ (*adscriptus*) Стокгольмской Королевской Академіи Наукъ. Получивъ, еще 12-го іюля 1776 года²⁾, чинъ оберъ-бергмейстера, Карамышевъ до 1779 года состоялъ преподавателемъ Горнаго Училища³⁾, а 28-го мая 1779 года былъ назначенъ директоромъ Банковой Конторы «для вымѣна государственныхъ ассигнацій» въ Иркутскѣ⁴⁾, будучи одновременно съ тѣмъ пожалованъ въ надворные совѣтники⁵⁾. Находясь въ Иркутскѣ и продолжая свою безпутную жизнь, Карамышевъ, однако, не прерывалъ своихъ научныхъ работъ⁶⁾; онъ состоялъ въ это время въ перепискѣ съ академикомъ П. С. Палласомъ⁷⁾ и вообще принадлежалъ къ числу лучшихъ представителей мѣстной умственной

¹⁾ „Протоколы засѣданій Конференціи Импер. Академіи Наукъ“, т. III, С.-Пб. 1900, стр. 415, 423 и 433.

²⁾ Въ этомъ же году онъ, съ января по октябрь, находился, по приказанію Соймонова, въ командировкѣ въ Москвѣ; въ Горномъ же Училищѣ его временно замѣняли, какъ преподавателя химіи, гиттенфарвальтеръ Шурлинъ и оберъ-бергъ-пробиреръ Реновацъ (Архивъ Горнаго Департамента, 1. с.).

³⁾ Мѣсяцесловъ на лѣто 1779, стр. 123.

⁴⁾ Мѣсяцесловъ на лѣто 1780, стр. 174; также — „Протоколы засѣданій Конференціи Импер. Академіи Наукъ“, т. III, стр. 415 и „Списокъ чинамъ первыхъ 8 классовъ, въ статской службѣ находящимся на 1780 годъ“.

⁵⁾ Арх. Мин. Юст., Дѣла Герольдмейстерской Конторы 1788 г., кн. 762, лл. 296—297.

⁶⁾ Такъ, на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, Г.И. Спасскій позже составилъ статью „Забайкальскія геогностическія замѣчанія“ („Сибирскій Вѣстникъ“ 1820 г., ч. XVI, стр. 406—418), заявивъ, что она заимствована имъ „большою частію изъ записокъ покойнаго А. М. Карамышева“.

⁷⁾ „Nova acta Acad. Scientiarum Petropolitanae“, t. III, 1783, p. 57 и 58; см. также P. S. Pallas. Neue nordische Beyträge“, t. V, St.-Petersb. 1793, S. 301—301.

жизни¹⁾. Вскорѣ же по приѣздѣ въ Иркутскъ, онъ былъ назначенъ временно-завѣдующимъ Нерчинскими рудниками, на которые требовался ревностный и свѣдущій начальникъ, такъ какъ заводы Нерчинскіе были сильно запущены послѣ отъѣзда въ 1775 году завѣдывавшаго ими В. И. Суворова (отца генералиссимуса)²⁾. Здѣсь, въ Нерчинскѣ, Карамышевы пробыли полтора года; но и въ это сравнительно короткое время Александръ Матвѣевичъ достигнулъ кое-какихъ результатовъ: такъ, онъ развилъ производительность серебра на заводахъ съ 406 до 450 пудовъ, исправилъ рудники и открылъ 5 новыхъ мѣсторожденій³⁾. Затѣмъ Карамышевъ снова вернулся въ Иркутскъ (въ серединѣ 1781 г.), гдѣ прожилъ до 1789 года⁴⁾, когда, съ упраздненіемъ Банковой Конторы, возвратился въ Петербургъ; немедленно же онъ былъ опредѣленъ, для исполненія различныхъ порученій, въ Горную по Колывано-Воскресенскимъ заводамъ Экспедицію, состоявшую въ вѣдѣніи Кабинета Его Величества, подъ управленіемъ П. А. Соймонова⁵⁾. Однако, Карамышевъ послѣ этого прожилъ уже не долго: 22-го ноября 1791 года онъ скончался⁶⁾, а 26-го былъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ⁷⁾.

По смерти мужа Анна Евдокимовна, не имѣвшая дѣтей, проживала, по всей вѣроятности, въ Петербургѣ, гдѣ у нея, безъ сомнѣнія, были знакомые и друзья, недостатка въ которыхъ она, благодаря своему характеру, никогда не имѣла. Вдовѣла она всего около 3-хъ лѣтъ, такъ какъ, познакомившись съ молодымъ чиновникомъ Секретной экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта Александромъ Ѳеодоровичемъ Лавзинымъ⁸⁾, она, не смотря на большую разницу въ лѣтахъ (ему было тогда 27, а ей—уже 35 лѣтъ), вышла за него замужъ. Свадьба ихъ

¹⁾ В. Лагусъ. Э. Лаксманъ. С.-Пб. 1890, стр. 170.

²⁾ Тамъ же; см. также у P. S. Pallas. Neue nordische Beyträge, St. Petersburg. 1783, t. IV, S. 205 и В. Лагусъ, назв. соч., стр. 152—153

³⁾ „Русскій Біографическій Словарь“, С.-Пб. 1897, стр. 515, статья С. Н. Кулибина.

⁴⁾ 22-го декабря 1784 г. онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и около того же времени (нѣсколько ранѣе)—орденъ Владиміра 4-й степени.

⁵⁾ Въ 1790 году онъ помѣстилъ нѣсколько статей по химіи и технологіи въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества“ и въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ (см. А. Н. Неустроевъ. Указатель къ Историческому розысканію о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, С.-Пб. 1898).

⁶⁾ „Nova acta Acad. Scientiarum Petropolitanae“, t. IX, 1795, p. 12.

⁷⁾ П. П. Каратыгинъ. Описаніе Смоленскаго кладбища:—рукопись въ бібліотекѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

⁸⁾ Въ эту экспедицію Лавзинъ былъ опредѣленъ 6-го декабря 1789 года, а до того времени воспитывался и служилъ въ Москвѣ.

состоялась 15-го октября 1794 года¹⁾. Анна Евдокимовна сблизилась съ Лабзинымъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ и на почвѣ тѣхъ мистическихъ идей и настроеній, къ которымъ она была всегда расположена и по воспитанію, ею полученному дома и у Херасковыхъ, и подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда лѣтъ жизни съ Карамышевымъ, исполненныхъ для нея тяжелыхъ нравственныхъ терзаній, и которыя въ Лабзинѣ, зародившись, вѣроятно, подъ вліяніемъ Новикова, въ Москвѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ достигли такихъ рѣзкихъ крайностей. Мужъ и жена вполне подошли одинъ къ другому, и супружество ихъ, продолжавшееся 30 сликомъ лѣтъ, можно назвать вполне счастливымъ. Когда Лабзинъ основалъ масонскую ложу²⁾, въ которой былъ великимъ мастеромъ, Анна Евдокимовна явилась ревностною его сторонницею, ученицею, помощницею и участницею во всѣхъ дѣлахъ «братства», искренно и глубоко печалась о всякихъ его неудачахъ, привлекая новыхъ членовъ, укрѣпляя колеблющихся и негодуя на отпадающихъ. Настроеніе ея и весь внутренній строй души ея прекрасно рисуется въ сохранившемся отрывкѣ изъ ея дневника за часть 1818 года, который мы печатаемъ, въ извлеченіяхъ, въ приложеніи къ настоящимъ воспоминаніямъ.

Общезвѣстенъ фактъ отставки Лабзина отъ должности вице-президента Академіи Художествъ и высылки его изъ Петербурга въ 1822 году за предложеніе избрать въ почетные любители Академіи, наравнѣ съ гр. Д. А. Гурьевымъ, гр. Аракчеевымъ и гр. В. П. Кучубеемъ—кучера Александра I Илью Байкова, какъ лицо, если не болѣе, то и не менѣе близкое къ государю, чѣмъ названные вельможи. Когда разжалованный вице-президентъ 13-го ноября 1822 г. покинулъ Петербургъ и отправился на жительство въ уѣздный городокъ Симбирской губерніи—Сенгилей,—престарѣлая Анна Евдокимовна послѣдовала за мужемъ, чтобы дѣлать съ нимъ всѣ тяжести ссылки³⁾. «На дорогѣ къ Москвѣ», рассказываетъ П. А. Безсоновъ въ біографіи Лабзина, «съ нимъ сдѣлался припадокъ [падучей болѣзни], а жена, при несчастномъ случаѣ, попортила ногу. М. Я. Мудровъ, нѣкогда обязанный ему помощію въ сту-

¹⁾ Число устанавливается изъ дневника Анны Евдокимовны, а годъ—изъ формулярнаго списка Лабзина, найденнаго нами въ архивѣ С.-Петербургскаго Почтамта (форм. списки 1795 г., связка 5), и изъ числа лѣтъ замужества А. Е., записаннаго ею въ дневникѣ подъ 15-мъ октября 1818 г.

²⁾ Изъ пишущихся у насъ рѣчей, произнесенныхъ въ этой ложѣ разными лицами въ теченіе 1819 и 1820 г. видно, что ложа была основана 15-го января 1800 года.

³⁾ См. любознательные и трогательные стихи Лабзина „Къ женѣ моей“, написанные имъ въ Симбирскѣ 28-го ноября 1823 г.; они напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 года и въ статьѣ Н. П. Лихачева о „Казанскомъ Вѣстникѣ“ въ журн. „Книговѣдніе“ 1894 г. (№ 6, прилож., стр. 67—72).

дечествѣ¹⁾ и занятіяхъ за границей, кромѣ того—воспитаніемъ племянницы..., принявъ своего благодѣтеля въ Москвѣ²⁾, не побоявшись того, что Александръ Ѳедоровичъ былъ въ опалѣ, и испросилъ у московскихъ властей позволенія пріютить путешественниковъ у себя на три дня и даже иллюминировалъ по этому случаю свой Прѣсенскій домъ³⁾.

«Плохо было изгнанникамъ въ Сенгилеѣ», говоритъ М. А. Дмитриевъ: «въ этомъ городѣ не находили они самонужнѣйшихъ потребностей жизни; но одинъ Симбирскій помѣщикъ, Петръ Петровичъ Тургеневъ, братъ Ивана Петровича⁴⁾, по старинной масонской связи, прислалъ имъ возъ домашнихъ припасовъ и другой—съ лѣкарственными травами, безъ которыхъ они были бы въ большомъ затрудненіи и по недостатку денегъ, и по неимѣнію никакихъ средствъ въ небольшомъ и бѣдномъ городѣ». Впрочемъ, въ половинѣ мая 1823 года Лабзину разрѣшено было переѣхать въ Симбирскъ, гдѣ онъ вскорѣ же снискалъ къ себѣ общее расположеніе и уваженіе. Здѣсь, на рукахъ своей жены и воспитанницы С. А. Мудровой⁵⁾, Ламбзинъ и умеръ—26-го января 1825 года.

Похоронивъ мужа, Анна Евдокимовна пріѣхала на время въ Петербургъ⁶⁾, а затѣмъ, по приглашенію М. Я. Мудрова, поселилась у

¹⁾ См. объ этомъ „Словарь профессоровъ Московскаго Университета“, ч. II, М. 1855, стр. 120.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г., ст. 836; по словамъ М. А. Дмитриева, Мудровъ, „принявъ при посредствѣ Лабзина ученіе истиннаго благочестія, почиталъ его своимъ благодѣтелемъ“ (тамъ же, стр. 833).

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г., ст. 838.

⁴⁾ Извѣстнаго масона, отца братьевъ Андрея, Александра, Николая и Сергѣя Тургеневыхъ, столь извѣстныхъ въ исторіи нашего Обществен. развитія.

⁵⁾ Своихъ дѣтей Лабзины не имѣли; у нихъ было двѣ воспитанницы: 1) родная племянница Александра Ѳедоровича—Екатерина Степановна Микулина (умерла 21-го декабря 1872 г. на 73 г., погребена на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ), дочь его сестры Надежды Ѳедоровны отъ брака ея съ инженеръ-генераль-маіоромъ Степ. Данил. Микулинымъ (Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. VIII, М. 1901, стр. 422—423), въ началѣ 1819 г. вышедшая замужъ за Юрія Никитича Бартенева (род. 16-го февраля 1792 г., ум. 27-го ноября 1866 г., погребенъ съ женою) и 2) Софья Алексѣевна Мудрова, родная племянница извѣстнаго доктора М. Я. Мудрова (дочь брата его Алексѣя Яковлевича, умершаго въ 1801 году), раздѣлявшая со своими воспитателями ихъ ссылку. Она около 1830 г. вышла замужъ за Николая Петровича Лайкевича (тоже масона), проживала въ с. Глазовѣ, Можайскаго уѣзда, и въ Москвѣ и здравствовала еще въ 1866 году; см. статью нашу: „Изъ архива И. Е. Великопольскаго,“ („Русск. Стар.“ 1901 г., № 7, стр. 178, а также „Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 845—846 и 1892 г., т. III, стр. 376.

⁶⁾ Архивъ Академіи Художествъ, дѣло 1825 г., № 60.

него въ семьѣ, въ Москвѣ¹⁾, вмѣстѣ со своей пріемной дочерью Софьей Алексѣвной, передавъ Матвѣю Яковлевичу, по завѣщанію мужа, всё его бумаги²⁾. Въ этой патріархальной семьѣ Анна Евдокимовны мирно доживала свои дни и скончалась 3-го октября 1828 года³⁾, до послѣдней минуты окруженная глубокимъ уваженіемъ всѣхъ ее знавшихъ.

Воспоминанія А. Е. Лабзиной, какъ значится на подлинной рукописи, написаны были въ 1810 году, когда мужъ ея былъ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ и директоромъ Департамента министра морскихъ силъ и находился на верху своей извѣстности, какъ писатель и въ полной силѣ своего вліянія, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ, энергичнѣйшихъ и образованнѣйшихъ представителей нашего мистицизма. Судя по почерку, вездѣ ровному, спокойному и твердому, Анна Евдокимовна писала свои воспоминанія не торопясь, но въ теченіе небольшого промежутка времени, отдавшись единственно желанію вспомнить тяжелое прошлое и, откровенно рассказавъ о немъ, сравнить его съ счастливымъ настоящимъ. Потому-то, нося на себѣ отпечатокъ исповѣди, воспоминанія Лабзиной и дышутъ откровенностью, простотой и безыскусственностью, придающими имъ особую прелесть и цѣнность. Безхитростный рассказъ Анны Евдокимовны, мѣстами, правда, нѣсколько растянутый, но вездѣ одинаково чисто-сердечный, невольно привлекаетъ читателя и заставляетъ его сочувствовать ей и дѣлать съ ней ея богатую горестями и бѣдную радостями жизнь. Лабзина, повидимому, думала только о томъ, чтобы возможно полнѣе обрисовать свою внутреннюю жизнь, останавливаясь преимущественно на изложеніи своихъ и чужихъ разсужденій, разговоровъ по тому или иному случаю; поэтому-то воспоминанія ея такъ бѣдны фактами, совсѣмъ лишены хронологическихъ датировокъ и почти не называютъ дѣйствующихъ лицъ; даже своихъ родныхъ и себя она

¹⁾ У Мудровыхъ она была уже въ сентябрѣ 1825 года (неизд. письмо Андрея Харит. Чеботарева къ С. Х. Мудровой). Пребываніемъ у Мудровыхъ и объясняется причина нахождения воспоминаній Анны Евдокимовны въ архивѣ И. Е. Великопольскаго, который былъ женатъ на дочери М. Я.—Софьѣ Матвѣевнѣ Мудровой (ум. въ 1897 г.).

²⁾ Большая часть ихъ погибла вмѣстѣ со многими бумагами архива Н. Е. Великопольскаго.

³⁾ „Русск. Архивъ“ 1866 г., ст. 836; въ „Биографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета“, въ біографіи М. Я. Мудрова, написанной однимъ изъ его питомцевъ и друзей—П. Л. Страховымъ, сказано, что А. Е. Лабзина умерла въ октябрѣ 1827 года; мы принимаемъ болѣе позднюю и точную, а потому и болѣе вѣроподобную дату, сообщаемую П. А. Безсоновымъ

не называетъ нигдѣ по фамиліи и запискамъ своимъ, въ первомъ ихъ наброскѣ, даетъ заглавіе «Описаніе жизни одной благородной женщины», а во второмъ—просто начинаетъ: «Опишу всю мою жизнь, сколько могу вспомнить». Установить хронологію воспоминаній оказалось очень трудно, тѣмъ болѣе, что иногда память измѣняла пятидесятидвухлѣтнему ихъ автору, и историческая послѣдовательность событій оказывалась не всегда вѣрно въ нихъ сохраненной. Но, повторяемъ, воспоминанія Лабзиной цѣнны, главнымъ образомъ, съ бытовой точки зрѣнія, какъ памятникъ эпохи давно миновавшей, какъ матеріалъ для исторіи русской культуры середины XVIII вѣка,

Портретъ А. Е. Лабзиной, прилагаемый при настоящемъ изданіи воспоминаній, воспроизводится съ рѣдчайшей гравюры, исполненной съ портрета, написаннаго А. Л. Витбергомъ¹⁾ въ 1810 году, то-есть, какъ разъ въ годъ составленія настоящихъ воспоминаній. Возможность воспроизвести его мы получили только благодаря любезности А. И. Киричничкова, сообщившаго намъ, по просьбѣ Н. О. Дубровина, фотографическій снимокъ съ экземпляра гравюры, хранящагося въ коллекціяхъ Д. А. Ровинскаго въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеяхъ. Портретъ А. Е. Лабзина, писанный В. Л. Боровиковскимъ, хранится въ картинной галлерей Румянцевскаго Музея.

В. Модзалевскій.

1810 года.

Опишу всю мою жизнь, сколько могу вспомнить.

Я осталась отъ отца²⁾ моего пяти лѣтъ, слѣдовательно, почти и не помню его. Имѣла я двухъ братьевъ³⁾ еще меньше меня: меньшого я страшно любила, а большого не такъ—по его жесткому характеру. Мать моя⁴⁾, оставшись отъ отца моего на тридцать второмъ году и

¹⁾ А. Л. Витбергъ, многимъ обязанный Лабзинымъ, и хранившій о нихъ благодарное воспоминаніе, написалъ портреты обоихъ сугруговъ, которые одновременно и были награвированы П. И. Масловскимъ („Записки“ А. Л. Витберга въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., т. V, стр. 520).

²⁾ Евдокимъ Яковлевичъ Яковлевъ, родившійся въ 1692 г. и умершій въ 1764 году, въ чинѣ надворнаго совѣтника.

³⁾ Одинъ изъ нихъ, младшій—Александръ Евдокимовичъ, въ 1773 г. сопровождалъ Карамышевыхъ въ поѣздкѣ въ Петрозаводскъ, а затѣмъ воспитывался въ I-мъ (тогда Шляхетномъ) корпусѣ и былъ затѣмъ офицеромъ.

⁴⁾ Она родилась въ 1732 г., ум. 21-го іюля 1772 г.

любя его страстно, была въ отчаяніи, потерявши его ¹⁾. И сколько она роптала на Бога въ своей горести,—это она сама сказывала; и наконецъ до того отчаяніе ее довело, что ей стало мечтать (sic), и отецъ мой ей сталъ являться и сказалъ ей, чтобъ она ни подѣ какимъ видомъ изъ деревни не выѣзжала и никого къ себѣ не пускала, даже и дѣтей, а иначе онъ къ ней ходить перестанетъ. Она все ему общалась и лежала въ комнатѣ съ закрытыми окошками и все разговаривала съ нимъ и была въ удовольствіи, забыла совсѣмъ о насъ и не думала, есть ли у нея дѣти. И мы тогда были у тетки на рукахъ, которая за нами смотрѣла; и долго не примѣчали ужаснаго состоянія матери моей и считали, что она въ бреду. Наконецъ, стала примѣчать моя няня и подозрѣвать, что она никого къ себѣ не впускаетъ и просить всѣхъ, чтобъ ее оставили одну: «а что мнѣ будетъ надо, то я позволю». Наконецъ она стала прислушиваться у дверей и усышала разговоръ, даже имя отца моего услышала, какъ мать моя его кликала и садилась подлѣ себя и говорила: «Ты меня никогда не оставишь? я для тебя все оставила, даже и дѣтей», но его отвѣта не было слышно. Узнавши, моя няня въ ужасѣ пришла къ теткѣ моей и рассказала. Она

¹⁾ Приводимъ первоначальную редакцію начала воспоминаній А. Е. Лавзиной, представляющую нѣкоторыя небезынтересныя подробности, опущенныя вполнѣдствіи.

1810 года.

Описаніе жизни одной благородной женщины.

Я родилась отъ честныхъ и благородныхъ родителей. Рожденіе мое принесло великую радость моимъ родителямъ: у нихъ хотя и были до меня дѣти, но живыхъ не было; я—первая, которая жизнью своею дѣлала удовольствие; а сколько молитвъ приносили къ Богу, чтобъ Онъ оставилъ имъ меня на утѣшеніе! И я была для нихъ очень драгоценна; родители праздновали день моего рожденія не балами и обѣдами, а подаваніемъ нищимъ и помощію всѣмъ бѣднымъ и дѣлали по три дни обѣды для нищихъ. И самъ отецъ мой имъ служилъ, самъ ходилъ по тюрьмамъ и разносилъ имъ нужное, и которые содержались за долги, тѣхъ выкупалъ, взялъ двухъ сиротъ на воспитаніе. Вотъ чѣмъ ознаменовалъ почтенный мой родитель мое рожденіе! Послѣ меня еще было два брата, но родитель мой меня болѣе любилъ, говоря, что это первый даръ отъ Господа и „его рожденіе мнѣ дало новую жизнь и новое чувство, и другія дѣти—дары Господа моего на старости лѣтъ моихъ, данныя мнѣ, но дочь мнѣ любезнѣе, и я на нее призываю милосердіе Отца небеснаго, чтобъ Онъ устроилъ ея благо и утверждалъ въ добродѣтеляхъ и далъ бы ей кроткое и смиренное сердце и любовь къ ближнимъ, а паче—къ бѣднымъ“.

Недолго я пользовалась счастіемъ и любовію родителя моего... Лишь только минуло мнѣ 5 лѣтъ—смерть похитила сего благодѣтельнаго отца и друга бѣдныхъ. Братъ мой остался одинъ 2-хъ лѣтъ, а другой—10-ти лѣтъцевъ. Мать моя потеряла съ нимъ все свое счастье и спокойствіе. Она оста-

не повѣрила ей, сама пошла и увѣрилась въ правдѣ. Не знали, что начать. Сколько ее ни уговаривали, чтобъ она позволила кому-нибудь съ собой быть, но не могли сдѣлать. Наконецъ, явно сама стала говорить и сказывать, что она не одна: «я съ мужемъ». Ей стали говорить, что этому быть нельзя,—мертвые не ходятъ, и симъ самымъ ее привели въ бѣшенство. Родныхъ не было никого, всѣ были въ отдаленности. И продолжалось сіе около трехъ лѣтъ; всѣ люди за нее молились; насъ заставляли, но мы не знали, за кого молить, потому что ее не видали. Она насъ возненавидѣла и имени нашего слышать не могла, только и говорила: «Они больше всѣхъ мнѣ мѣшаютъ». Наконецъ, къ счастью нашему и ея, возвратился изъ Петербурга дядя и тотчасъ пріѣхалъ въ деревню и увидѣвъ мать мою въ семъ страшномъ положеніи, сталъ ее звать, велѣлъ открыть окна и не хотѣлъ ее оставить. Она, видя все сіе, въ такое пришла бѣшенство и силу, что, бросаясь на дядю и браня его, хотѣла царапать и кусать, но дядя велѣлъ приготовить лошадей и людей, сказалъ ей, что онъ непременно ее увезетъ. И она пробовала его умолять, чтобъ онъ не разлучалъ ее съ супругомъ. Однако, дядя мой, взявши ее на руки, вынесъ и положилъ въ коляску,

лась отъ него 31-го года, а отецъ мой скончался на 73-мъ году, бывши боленъ только 8 дней. До сей болѣзни онъ не зналъ никакихъ болѣзней и вкуса въ лѣкарствахъ не зналъ, и мать моя тоже была крѣпкаго и здороваго сложенія и болѣзни ея были только, когда она была беременна и родила. Жизнь ихъ была самая счастливая, и Богъ ихъ во всемъ благословлялъ. Любимы они были всѣми, имѣли друзей вѣрныхъ, родственниковъ добрыхъ, въ домѣ—видимое благословеніе было Божіе. Не было ни одного человека ни вора, ни пьяницы и не было распутныхъ женщинъ, и всѣ рабы любили своихъ господъ, какъ дѣти отца, и были вѣрны. И смерть такого добраго и благодѣтельнаго друга, отца и мужа, оставила горестъ несказанную, какъ въ друзьяхъ его, а въ семействѣ—отчаяніе. При смерти своей, чувствуя ея приближеніе, позвалъ мою няню, которую сердечно любилъ, да она и стояла того. „Послушай, мой другъ: я близокъ къ концу и чувствую, что умираю. Съ женой моей говорить не могу, видя ее въ скорбномъ состояніи, но тебя прошу, какъ друга: скажи послѣ оставшейся моей женѣ и другу: воспитаніе моихъ дѣтей чтобъ было таково, чтобъ они познавали Бога и научались съ самаго младенчества любить Его всѣмъ сердцемъ; мать свою чтобъ любили и почитали и повиновались, къ старшимъ чтобъ имѣли почтеніе и уваженіе, не только кровнымъ, но и къ рабамъ добрымъ. Не допускайте ихъ, чтобъ они были въ худыхъ обществахъ, а показывайте имъ примѣры добрые и христіанскіе. Болѣе всего—пріучайте ихъ любить бѣдныхъ и несчастныхъ и заставляйте ихъ все съ ними дѣлать пополамъ. Бога ради къ роскоши не пріучайте ихъ и къ нѣжной пищѣ, а пріучайте къ суровой пищѣ и погодѣ и къ небогатуму платью. Особливо прошу тебя, моего друга, о питомицѣ твоей, которая мнѣ столь была драгоценна и которая при самомъ ея рожденіи поручена тебѣ. Обѣщай мнѣ при послѣднихъ минутахъ...“

самъ сѣлъ на облучекъ, на другую сторону посадилъ людей. Она такъ кричала, что страшно было слышать. Привезъ ее въ городъ,—прямо къ себѣ въ домъ; тутъ шесть недѣль не отлучались отъ нея дядя и тетка и протопопъ; говорить съ ней было нельзя: она не слушала и не отвѣчала, то безпрестанно читала Евангеліе и между собой разговаривала. Четыре недѣли она ничего не говорила и глазами не смотрѣла, но вдругъ въ одну ночь вскочила и начала молится и просить протопопа, чтобъ онъ ее поскорѣй причастилъ, что и исполнили съ радостью. Послѣ сего она стала плакать и просить, чтобъ насъ привезли и дали бы видѣть. Это такъ обрадовало всѣхъ, ее окружающихъ, что тотчасъ послали за нами. Между тѣмъ, она рассказывала, что ей во снѣ приснился старичекъ и сталъ ей выговаривать, какое она страшное дѣлаетъ преступленіе противъ Бога, и какъ она могла думать, чтобъ мужъ ея къ ней ходилъ. «Ежели бы ты знала, съ какимъ ты духомъ бесѣдовала, то ты бы сама себя ужаснулась. Я тебѣ его покажу»,—и я увидѣла страшное чудовище. «Вотъ твой собесѣдникъ, для котораго ты забыла Бога и первый твой долгъ—дѣтей». И она упала ему въ ноги и закричала: «Помоги мнѣ, грѣшной, и исходатайствуй прощеніе моему преступленію. Я обѣщаюсь съ сей минуты служить Господу моему, стану нищихъ, больныхъ, страждущихъ утѣшать и имъ помогать». Онъ отвѣчалъ: «Смотри же:—исполни, и тѣмъ заглуши свое преступленіе. Сейчасъ проси добраго пастыря, чтобъ онъ тебя приобщилъ святыхъ тайнъ. Помнишь ли ты, сколько времени ты себя лишила сего драгоценнаго дара? Знай, что еще были такія добрыя дѣла твои, которыя вспомнялись предъ престоломъ Отца небеснаго, и молитвы ближнихъ твоихъ и невинныхъ, оставленныхъ сиротъ твоихъ взошли къ престолу Его, и ты еще возвращаешься для покаянія и для услугъ несчастныхъ». И наконецъ она увидѣла въ семь старцѣ своего отца, закричала и проснулась. Насъ привезли, и мы тутъ увидѣли нѣжную мать, которая насъ слезами обливала и подвела насъ къ дядѣ и сказала: «Вотъ вашъ отецъ и благодѣтель: онъ вамъ мать возвращаетъ, и вы теперь не сироты. И такъ переѣхала она въ свой домъ и не нашла въ немъ никакого безпорядка, потому что люди тѣ, на которыхъ возложена была какая должность, точно исполняли такъ же, какъ бы и при ней. Въ деревнѣ своей, по доброму и усердному смотрѣнію приказчика, мать моя нашла столько всякаго запасу, скота и птицъ, чего никакъ не ожидала. И такъ, распорядя дѣла свои въ городѣ, поѣхала съ нами въ деревню, и тутъ началось наше воспитаніе. Мнѣ ужъ было семь лѣтъ и грамотѣ уже была выучена, и сама мать моя учила писать, и начала образо(вы)вать сердце мое, сколько словами, а вдвое примѣрами. Она посвятила себя для содѣланія счастливыми своихъ крестьянъ, которые ее боготворили. У насъ въ деревнѣ когда бывали

больные, то мать моя, не требуя лѣкарской помощи, всё болѣзни лѣчила сама, и Богъ ей помогаль. У отчаянныхъ больныхъ просиживала по цѣлымъ днямъ, гдѣ и я съ ней бывала и служила по ея приказанію больнымъ, сколько могла по лѣтамъ моимъ; на ночь отправляла мою няню, которая съ охотою дѣлала все то, что ей приказывали. У умирающихъ всегда бывала, и я съ ней, и все это время страданія умирающаго она, стоя на колѣняхъ передъ распятіемъ, съ рыданіемъ молилась, и сжеле умирающей въ памяти, то подкрѣпляла его и утѣшала надеждой на Спасителя нашего,—и такъ больной дѣлался покоенъ, что не съ такимъ ужасомъ ожидалъ конца своего. Часто въ такихъ случаяхъ заставляла меня читать о страданіяхъ Христа Спасителя, что больныхъ чрезвычайно улаждало. И куда она приходила—вездѣ приносила съ собой миръ и благословеніе Божіе. И какъ сосѣди узнали, что мать моя лѣчитъ, то приваживали къ ней больныхъ, и она никакъ не отказывала и съ радостію принимала всѣхъ къ себѣ, и очень рѣдко случалось, чтобъ умирали. Между тѣмъ, меня учила разнымъ руководіямъ и тѣло мое укрѣпляла суровой пищей и держала на воздухѣ, не глядя ни на какую погоду; шубы зимой у меня не было; на ногахъ, кромѣ нижнихъ чулокъ и башмаковъ, ничего не имѣла; въ самые жестокіе морозы посылавала гулять пѣшкомъ, а тепло мнѣ все было въ байковомъ капотѣ. Ежели отъ снѣгу промокнуть ноги, то не приказывала снимать и перемѣнять чулки: на ногахъ и высохнуть. Лѣтомъ будили меня тогда, когда чуть начинаетъ показываться солнце и водили купать на рѣку. Пришедши домой, давали мнѣ завтракъ, состоящій изъ горячаго молока и чернаго хлѣба; чаю мы не знали. Послѣ этого я должна была читать Священное Писаніе, а потомъ приниматься за работу. Послѣ купанья тотчасъ начиналась молитва, оборотаясь къ востоку и ставши на колѣни; и няня со мной,—и прочитаю утреннія молитвы; и какъ сладостно было тогда молиться съ невиннымъ сердцемъ! И я тогда больше Создателя моего любила, хоть и меньше знала просвѣщенія; но мнѣ всегда было твержено, что Богъ вездѣ присутствуетъ, и Онъ видитъ, и знаетъ, и слышитъ, и никакое тайное дѣло сдѣланное не останется, чтобъ не было обнаружено; то я очень боялась сдѣлать что-либо дурное. Да и присмотръ моей благодѣтельной и доброй няни много меня удерживаль отъ шалостей. Мать моя давала намъ довольно времени для игры лѣтомъ и пріучала насъ къ бѣганью; и я въ десять лѣтъ была такъ сильна и проворна, что ночью и въ пятнадцать лѣтъ не вѣжу, чтобъ была такая крѣпость и въ мальчикѣ. Только рѣзвость моя много огорчала мою почтенную мать. У меня любимое занятіе было бѣганье и лазить по деревьямъ, и какъ бы высоко дерево ни было,—то непременно влѣзу. А какъ меня за это наказывали, то я уходила тихонько въ лѣсъ и тамъ дѣлала свое удовольствіе; и братьевъ съ собой уведу

и ихъ учу также лазить; и учительницѣ много за это доставалось! Пища моя была: щи, каша и иногда кусокъ солонины, а лѣтомъ — зелень и молочное. Въ постъ, особливо въ Великій, и рыбы не было. И самая грубая была для насъ пища; а вмѣсто чаю поутру—горячее сусло, или сбитень. Говаривали многіе моей матери, для чего она меня такъ грубо воспитываетъ, то она всегда отвѣчала: «Я не знаю, въ какомъ она положеніи будетъ; можетъ быть и въ бѣдномъ, или выйдетъ замужъ за такого, съ которымъ должна будетъ по дорогамъ ѣздить: то не наскучить мужу и не будетъ знать, что такое прихоть, а всемъ будетъ довольна и все вытерпѣть: и холодъ, и грязь, и простуды не будетъ знать. А ежели будетъ богата, то легко привыкнетъ къ хорошему». Она какъ будто предвидѣла мою участь, что мнѣ надо будетъ все это испытать! Важивали меня верстѣ по двадцати въ крестьянской телѣгѣ, заставляли и верхомъ ѣздить, и на поле пѣшкомъ ходить—тоже верстѣ десять. И пришедши, гдѣ жнуть,—захочется ѣсть: то прикажетъ дать чернаго хлѣба и воды, и я съ такимъ вкусомъ наймся, какъ будто за хорошимъ столомъ. Она и сама мнѣ покажетъ примѣръ, со мной кушаетъ и назадъ пойдетъ пѣшкомъ.

Бывали у насъ въ деревнѣ праздники для крестьянъ: столы посреди двора, и она сама ихъ потчивала и насъ заставляла имъ поднести пиво и вино; и когда пойдутъ по домамъ, то я ихъ провожаю за ворота и желаю имъ доброй ночи, а они меня благословляютъ. Часто очень сама мать моя ходила со мной на купанье и смотрѣла съ благоговѣніемъ на восходъ солнца и изображала мнѣ величество Божіе, сколько можно было по тогдашнимъ моимъ понятіямъ. Даже учила меня плавать въ глубинѣ рѣки и не хотѣла, чтобъ я чего-нибудь боялась,—и я одиннадцати лѣтъ могла переплывать большую и глубокую рѣку безо всякой помощи; плавала по озерамъ въ лодкѣ и сама весломъ управляла; въ саду работала и гряды сама дѣлывала, полола, садила, поливала. И мать моя со мной раздѣляла труды мои, облегчала тягости тѣ, которыя были не по силамъ моимъ; она ничего того меня не заставляла дѣлать, чего сама не дѣлала.

Зимой мы ѣзжали въ городъ. Тамъ была другая наука: всякую недѣлю ѣзжала или хаживала въ тюрьмы, и я съ ней относила деньги, рубашки, чулки, колпаки, халаты,—вашими руками съ ней сработанные. Ежели находила больныхъ, то лѣчила, принашивала чай, сама ихъ пошла, а болѣе меня заставляла. Раны мы съ ней вмѣстѣ промывали и обвязывали пластырями. И какъ скоро мы показывались въ тюрьму, то все кричали и протягивали руки къ намъ, а особливо больные. Пища въ тюрьмы всякій день съ насъ шла, а больнымъ — особо легкая пища. Всякую недѣлю нищихъ кормили дома, и она сама съ нами имъ служила у стола; и какъ расходятся, то одѣляла всехъ деньгами.

нами, чулками, башмаками, или—лучше сказать—кто въ чёмъ нужду имѣлъ. И ни одинъ бѣдный не остался безъ ея помощи. У насъ былъ человекъ, на котораго возложена была должность отыскивать бѣдныхъ и страждущихъ, который вѣрно исполнялъ свою должность. Мать моя часто бывала больна, то въ это время бѣдныхъ и тюрьмы посѣщала и съ нянькой и отправляла должность ея и въ лѣченіи по предписанію ея. Когда умирали въ тюрьмахъ, то наши люди посланы были тѣло обмывать, и похороны были отъ насъ. Къ труднымъ больнымъ въ тюрьму ѣздила съ тѣмъ пастыремъ, который ее спасъ; и дѣлали долгъ христіанскій. Она часто съ пастыремъ просиживала въ тюрьмѣ до глубокой ночи,—и читали, и разговаривали съ больными; и часто случалось, что несчастные исповѣдывали при всѣхъ грѣхи свои и успокоивали совѣсть свою. Тогда-то у ней радость сіяла на лицѣ ея, и она меня обнимала и говорила: «Ежели ты будешь въ состояніи дѣлать добро для бѣдныхъ и несчастныхъ, то ты исполнишь законъ Христовъ, и миръ въ сердцѣ твоёмъ обитать будетъ, и Божіе благословеніе сойдетъ на главу твою, и умножится богатство твое, и ты будешь счастлива. А ежели ты будешь въ бѣдности, что и нечего тебѣ дать будетъ, то и отказывай съ любовью, чтобъ и отказъ твой не огорчилъ несчастливаго; и за отказъ будетъ тебя благословлять; но и въ бѣдности твоей ты можешь дѣлать добро,—посѣщать больныхъ, утѣшать страждущихъ и огорченныхъ; и помни всегда, что они есть ближніе твои и братья, и ты за нихъ будешь награждена отъ Царя небеснаго. Помни и не забывай, мой другъ, наставленія матери твоей».

Случается тамъ часто, что на канатѣ приведутъ несчастныхъ, въ желѣзахъ на рукахъ и на ногахъ, — то матери моей всегда дадутъ знать изъ тюрьмы, что пришли несчастные, и она тотчасъ идетъ, насъ съ собой [беретъ], несетъ для нихъ все нужное и обшиваетъ холстомъ желѣза, которыя имъ шертируютъ ноги и руки до костей. А ежели увидитъ, что очень въ дурномъ положеніи несчастные и слабы, то проситъ начальниковъ на поруки къ себѣ и залѣчиваетъ раны. Начальники никогда ей не отказывали, потому что всѣ ее любили и почитали. И сколько бѣдныхъ домовъ у ней было на содержаніи, сколько бѣдныхъ сиротъ выдавала замужъ! Словомъ сказать—она всю свою жизнь посвятила на дѣла христіанскія. Братъ ея отдала въ ученіе къ одному своему искреннему пріятелю; но большого брата упрямый идравъ ее очень огорчалъ и она его жестоко наказывала. И онъ былъ девяти лѣтъ, какъ пріѣхалъ въ городъ одинъ нашъ благодѣтель, генераль Ирманъ¹⁾, который ѣхалъ главнымъ начальникомъ въ Барнауль. Онъ,

¹⁾ Андрей Абрамовичъ Ирманъ, состоявшій въ военной службѣ съ 1742 г., участвовалъ, въ чинѣ полковника Вологодскаго пѣхотнаго полка, въ Семі-

любя мою мать много, уговорилъ ее отдать ему брата моего, и она тотчасъ согласилась и ввѣрила ему, какъ другу, и не ошиблась: ему они замѣняли отца и мать и любили какъ сына и сдѣлали его человѣкомъ; но ндравъ его все оставался жестокъ, хотя и меньше противъ прежняго. А меньшей былъ самаго кроткаго и тихаго ндрава и былъ всѣми любимъ, особливо мною. Мнѣ казалось, что у меня съ нимъ одна душа и одно сердце. Когда онъ былъ чѣмъ недоволенъ или урокъ свой не выучить и тѣмъ огорчить мать мою и учителя, то я такое мученіе чувствовала въ сердцѣ моемъ, что и сама за себя, кажется, столько не страдала. Вся моя радость была въ его радости, и онъ мнѣ тѣмъ же платилъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза и узнавалъ, чего я хотѣла. Я же о себѣ скажу, что мсей собственной воли ни мало не было: даже желанія мои были только тѣ, которыя угодны были моей милой и почтенной матери. Я не помню, чтобъ я когда не исполнила ея приказанія съ радостью. За то я была ею любима, хотя она и не показывала часто большихъ ласкъ; но ужъ за то сколько я цѣнила ея ласки, когда она меня ласкала за сдѣланное какое-нибудь доброе дѣло: у меня отъ радости слезы текли, и я цѣловала руки моей матери и обнимала колѣни ея; а она благословляла и говорила: «Будь, мое дитя, всегда такова».

Я не меньше и почтенную мою няню любила, такъ какъ я съ ней чаще бывала: потому, что управленіе деревней зависѣло отъ одной моей матери, то и занятія ея требовали много времени и отнимали часто ее у меня; но ее замѣняла нянька. Своими добрыми примѣрами и неусыпнымъ смотрѣніемъ не только что замѣчала мои дневныя дѣйствія, даже и сонъ мой, какъ я сплю; и на другой день спрашивала меня: «Почему вы сегодня спали безпокойно? Видно, вчера душа ваша не въ порядкѣ была, или вы не исполнили изъ должностей вашихъ чего-нибудь? Подумайте, моя милая, и скажите мнѣ; то вмѣстѣ помолимся и попросимъ Отца Небеснаго, чтобъ Онъ спасъ ото всего того, что бы могло васъ довести къ пагубѣ! И я тотчасъ ей со слезами во всемъ признавалась и просила ее скорѣй за меня вмѣстѣ со мной молиться и просить Создателя нашего о прощеніи меня. По окончаніи молитвы я обнимала ее и говорила, что мнѣ очень теперь весело и легко, а она мнѣ давала наставленія остерегаться отъ всего того,

лѣтней войнѣ; 19-го марта 1764 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Гороблагодатскихъ и Камскихъ заводовъ, съ производствомъ въ генераль-маіоры, а съ 13-го января 1769 г. до 7-го марта 1779 г. состоялъ начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, будучи 21-го апрѣля 1773 г. произведенъ въ генераль-поручики. О немъ см. статью С. Н. Кулибина въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, С.-Пб. 1897, стр. 137.

что может совѣсть мою тягчить, и показывала многіе примѣры несчастные, которые много на меня дѣйствовали. И она умѣла изъ меня сдѣлать, то, что не было ни одной мысли, которая бѣ не была ей открыта. На многое она давала мнѣ рѣшенія, а съ нѣкоторыми мыслями отсылала, чтобъ я сказала матери моей; и для меня не было тяжело и сіе сдѣлать. Сія неопѣченная моя благодѣтельница и своихъ имѣла дѣтей, но она не оставляла возложеннаго на нее долга воспитывать меня. У дѣтей ея были даны женщины, которыя смотрѣли за ними, и сама моя мать за ними присматривала и держала ихъ возлѣ своей комнаты.

Хаживала я съ ней въ роцѣ съ работой, и она у меня часто спрашивала: «Удивляетесь ли премудрости Божіей и съ почтеніемъ ли смотрите на все Его твореніе? Видите, какъ Онъ любитъ человѣка, что все сіе сотворено для него: и въ пищу, и для удовольствія. Да и самъ человѣкъ сотворенъ по образу Его и по подобію; то можно ли же намъ жить такъ, чтобъ не стараться во всемъ Ему быть подобными? И можно ли Его не любить болѣе всего и не благодарить за всѣ тѣ милости, которыя Онъ намъ оказываетъ? А особливо тебѣ надо благодарить за Его неизреченныя къ тебѣ милости, что Онъ тебѣ далъ такую мать, которая тебя любитъ и добрыми примѣрами и наставленіями хочетъ сдѣлать тебя счастливой. Только повинуйся ей и исполняй ея волю, а я—ея помощница въ твоёмъ воспитаніи и хочу тебѣ всякаго добра. И сколько силъ моихъ есть — съ помощію Божією, даю тебѣ наставленія, сколько разумѣю. И слава Богу, что ты меня слушаешь и любишь: а это одна моя награда, которую я отъ васъ ожидаю. Нѣтъ блага для меня болѣе, какъ видѣть васъ подобною вашей матушкѣ. Ты не помнишь родителя своего; и онъ былъ рѣдкій въ добродѣтеляхъ и, умирая, говорилъ: «Воспитаніе моихъ дѣтей чтобъ было то, чтобъ они познавали Бога и научались съ самаго младенчества любить Его всѣмъ сердцемъ, мать свою чтобъ любили и почитали; къ старшимъ чтобъ они имѣли почтеніе и уваженіе, не только къ равнымъ,—и къ рабамъ добрымъ. Приучайте ихъ любить бѣдныхъ и несчастныхъ; къ роскоши ихъ не приучайте, а болѣе—къ нуждѣ», и, повернувшись ко мнѣ, сказалъ: «Другъ мой, Константиновна, общай мнѣ при концѣ жизни моей, что ты будешь все это выполнять и дай мнѣ спокойно умереть; дочь моя ввѣрена тебѣ съ самаго ея рожденія, то, конечно, ты ея не оставишь и заплатишь намъ за любовь нашу къ тебѣ». Я упала къ нему на колѣни и цѣловала руки его, ужъ половину охладѣвшая, и поклялась, что все сіе исполню. А матери вашей тутъ не было; она ужъ лежала въ другой комнатѣ. Онъ сѣлся привстать, чтобъ меня обнять, и сказалъ: «Благодарю тебя, мой другъ, что ты успокоила послѣднія мои минуты. Еще тебя прошу о дочери моей; ей предстоятъ

великія трудности въ жизни ея: молись за нее. Жѣну побереги; я въ васъ во всѣхъ увѣренъ, что вы успокоите ее. Теперь выйдите и дайте мнѣ успокоиться; принесите дѣтей, чтобъ я ихъ благословилъ». Я пошла и, погода немного, привела васъ; и онъ благословилъ и, испрашивая отъ Отца небеснаго на васъ благословія, сказалъ: «Господи мой! Ежели они будутъ жить въ добродѣтеляхъ, то не оставь ихъ своею помощію. Но ежели не будутъ хороши,—то возьми ихъ въ то время, когда они еще невинны». И, окончивши сіе, сказалъ: «Я все исполнилъ; теперь самому надо приготовиться въ путь: оставьте меня». И такъ мы съ рыданіемъ вышли. И онъ послѣ этого жилъ сутки и ужъ больше ни о чемъ не думалъ, какъ о приготовленіи себя; и до послѣдней минуты жизни своей былъ въ совершенной памяти; и на лицѣ его было спокойствіе: ни страха, ни ужаса не было въ немъ видно. И послѣднее его слово было: «Повергаюсь въ Твое неизреченное милосердіе, Спаситель мой! прими духъ мой и помилуй меня; и подкрѣпи оставшихся моихъ и дай имъ силы, по потерѣ моей, чтобъ они не скорбѣли и не прогнѣвляли Тебя!»—перекрестился и что-то еще говорилъ, но такъ тихо, что мы не слышали, — и скончался¹⁾. Потеря сія для насъ для всѣхъ была велика: онъ былъ намъ отецъ и другъ, и съ нимъ, казалось, умерли всѣ наши надежды и радости».

Кончивши сіе, она горько заплакала и прижала меня къ себѣ и сказала: «Будь, мое дитя, такъ добродѣтельна, какъ родители твои, и поддержи труды мои, чтобъ я могла тебя представить и сама съ тобой предстать предъ Отца небеснаго безъ трепета и съ радостію сказать: «Вотъ мнѣ ввѣренный залогъ родителями ея».—Когда она учила меня вышивать, то говорила: «Учись, матушка, можетъ быть, труды твои будутъ въ жизни твоей нужны. Ежели угодно будетъ Богу тебя испытать бѣдностью, то ты, зная разныя рукодѣлія, не будешь терпѣть нужды и будешь доставать хлѣбъ честнымъ образомъ и еще будешь веселиться. Ежели сердце твое будетъ невинно и совѣсть будетъ ничѣмъ не отягчена, то и труды будутъ казаться легки, и за все будешь благодарить Господа твоего».

И такъ протекала моя счастливая жизнь до тринадцати лѣтъ, и я всѣми родными была чрезвычайно любима. Я въ тринадцать лѣтъ была,—и никто не вѣрилъ, а всѣ говорили, что мнѣ ужъ шестнадцать лѣтъ.

Мать моя жила чрезвычайно спокойно. Одно-было ее потревожило: татары противъ ея возстали и хотѣли землю отнять, будто ей не принадлежашую. Жилъ возлѣ насъ въ пяти верстахъ одинъ помѣщикъ

¹⁾ 1764 г.

Клеопинъ⁴⁾, который, пріѣхавши, сказалъ матери моей, чтобъ она поспѣшила въ городъ уѣхать. Она сказала: «Что мнѣ отъ Бога опредѣлено, отъ того не уйду никуда; имѣніе мое и земля по всѣмъ правиламъ мнѣ принадлежить и дѣтямъ, и меня не обидятъ и татары, когда Богъ—мой защитникъ: я давно ему предалась». Итакъ, онъ не могъ ее уговорить ѣхать, и она осталась въ деревнѣ. Между тѣмъ, стала приготовляться къ принятію гостей, хотя и неприятныхъ: велѣла варить пива какъ можно больше; вино у насъ было свое, наливки разныхъ родовъ. И такъ, недѣли черезъ двѣ, точно, пріѣхали башкирцевъ чело-вѣкъ двѣсти, всѣ верхами, и старшина ихъ съ пятьюдесятью чело-вѣками вѣхали прямо на дворъ. Мать моя призвала въ помощь Бога, взяла насъ за руки и вышла ихъ встрѣтить на крыльцо; привѣтствовала ихъ какъ наивозможно ласково. Это было лѣтомъ, то они въ комнаты идти не хотѣли; то мать моя усадила всѣхъ на ковры на дворѣ и приказала выкатить бочки съ пивомъ, виномъ и наливками и приказала готовить обѣдъ. Между тѣмъ, стала съ старшинокъ говорить, за что они ее, вдову, хотятъ обидѣть съ малыми дѣтьми. «У меня нѣтъ другого защитника, кромѣ Бога, котораго и вы знаете; Онъ одинъ нашъ отецъ, Онъ какъ меня сотворилъ, такъ и васъ, то не страшитесь ли вы Его правосудія? Куда жъ вы меня сгоните съ земли? Я у васъ же буду жить и посвящу вамъ же себя на услуги. Есть и между вами любящіе Бога, я я вездѣ буду спокойно жить. Меня не могутъ устрашить чело-вѣки, мнѣ равные, я всѣхъ считаю ближними моими». И взяла насъ за руки и сказала: «Судьба сихъ сиротъ у васъ въ рукахъ: хотите ихъ сдѣлать несчастными или счастливыми?» Они начали между собой говорить, чего мать моя не разумѣла. Между тѣмъ, обѣдъ приготовили; мать моя начала сама ихъ потчивать и сказала: «Я васъ потчиваю, какъ друзей моихъ и ближнихъ сосѣдей; покушайте хлѣба-соли вдовы, которая всегда готова быть вамъ другомъ». И при концѣ обѣда старшина и со всѣми подчиненными встали и подошли къ матери моей и со слезами сказали: «Будь спокойна, наша добрая сосѣдка и другъ: мы теперь не враги твои, а защитники; вся наша волость къ твоимъ услугамъ, требуй отъ насъ за причиненный тебѣ страхъ и безпокойство, что хочешь». Мать моя подошла къ старшинѣ, обняла его, заплакала и сказала: «Мнѣ ничего не надо, кромѣ дружбы вашей и вашихъ доб-

⁴⁾ Съ какимъ то коллежскимъ совѣтникомъ Клеопинимъ, находившимся въ 1760 году при Нерчинскихъ заводахъ, у Е. Я. Яковлева были недоразумѣнія передъ выходомъ его въ отставку (Арх. Мин. Юст., Дѣла Герольдмейстерской Конторы, кн. № 494, л. 302). Не былъ ли это оберъ-бергмейстеръ Григорій Ниепфоровичъ Клеопинъ (род. въ 1720 г., ум. послѣ 1790 г.), женатый на Натальѣ Александровнѣ Мордвиновой и въ 1774 г. находившійся уже въ отставкѣ?

рыхъ сердець». Они всё въ голосъ закричали и открыли свои груди: «Вотъ они здѣсь!» И такъ, пировавши цѣлый день, уѣхали ужъ ночью. И съ тѣхъ поръ мать моя жила съ ними въ добромъ согласіи, и онъ со своей стороны дѣлали всевозможныя ей ласки. Всякій праздникъ пріѣзжали къ ней въ гости, привозили къ ней гостинцы и ее къ себѣ звали, особливо на свадьбы. И мать моя никогда не отказывала имъ.

Еще въ то же лѣто былъ случай. Приходитъ вечеромъ приказчикъ и рассказываетъ, что пришелъ въ деревню какой-то человѣкъ и просится ночевать, и что-то ему онъ показался подозрителенъ. А въ самое это время кругомъ насъ ходили славные два атамана съ партіями и грабили деревни и сжигали. Послѣднюю выжгли деревню отъ насъ въ двѣнадцать верстахъ. Но мать моя ничего не страшилась и была очень спокойна. По рапортѣ приказчика, она приказала мужика позвать къ себѣ, и онъ пришелъ. Мать моя спросила: «Откуда ты, мой другъ, и куда идешь?» Онъ отвѣтилъ, что «въ городъ съ Демидова завода, а теперь-де идти поздно, то я прошу позволить у васъ ночевать». Мать моя сказала: «Ночуй, мой другъ, у меня: избы крестьянскія всё пусты, хозяйева на работѣ, то прохожаго человѣка не накормятъ такъ, какъ должно». Призвавши мою няню, сказала: «Вотъ тебѣ, Константиновна, гость; накорми его и напои, чѣмъ Богъ послалъ, и постель ему дай; да пьешь ли ты водку, мой другъ?» И онъ сказалъ: «Пью». И мать моя встала и поднесла ему водки. И такъ онъ отправился съ няней въ ея комнату. Накормили его и постель постлали, и няня ему предложила ложиться спать. Онъ сказалъ: «Я на часъ схожу и скоро приду». Какъ онъ ушелъ, няня пришла и говоритъ: «Магушка, полно, добрый ли человѣкъ, котораго пустили ночевать? Онъ куда-то ушелъ». Мать моя сказала: «Мнѣ и самой онъ подозрителенъ, да что жъ дѣлать? Ежели бы я его не пустила, то могло бъ быть хуже. Молись, мой другъ: Онъ насъ защититъ; когда Онъ спасъ отъ двухсотъ человѣкъ, то отъ одного вѣрно спасетъ». Между тѣмъ, гость нашъ пришелъ и легъ спать; а мать моя по началу мало очень спала, однако легла, чтобъ намъ не дать знать о своемъ подозрѣніи. Поутру рано приходитъ мужикъ благодарить за хлѣбъ - за соль и за покой и просить, чтобъ при случаѣ его не оставить. Мать моя отвѣчала: «Да управитъ Господь путь твой, я никогда не отрекусь служить, чѣмъ могу». И такъ онъ отправился. И на дорогу ему дали, что ему было нужно.

Зимой мы пріѣхали въ городъ и услышали, что атаманы оба пойманы, и, такъ какъ мать моя хаживала въ тюрьмы, то, по пріѣздѣ изъ деревни, тотчасъ пошла навѣстить друзей своихъ — такъ она ихъ называла — и за нами повесели нужное для несчастныхъ. Входимъ въ тюрьму и видимъ человѣка, который кланяется и благодаритъ за хлѣбъ - за соль: мать моя узнаетъ въ немъ того, ко-

торый у насъ ночеваль, и съ удивленіемъ спрашиваетъ, какимъ манеромъ онъ сюда попалъ. Онъ отвѣчаетъ: «По дѣламъ моимъ: я атаманъ; а что я къ тебѣ зашелъ, то я тебя спасаль,—боялся, чтобъ другая партія къ тебѣ не пришла, и чтобъ ты не была разорена: безъ тебя не будетъ угѣшителя несчастнымъ, и я выходилъ въ то время на дорогу, которою я зналъ, что партія другого товарища будетъ проходить,—и не ошибся. Я ихъ отправилъ въ другое мѣсто, чтобъ тебя только сохранить. Да и впередъ не бойся, добрая питательница бѣдныхъ: пока жива,—тебя будутъ и самые разбойники и злодѣи щадить и хранить». Мать моя, пришедши домой, принесла Богу благодареніе за Его къ ней милосердіе и сказала мнѣ: «Не забывай, мой другъ, сего случая никогда и знай, что сдѣланное добро наградится не только что въ будущей жизни, но еще и въ здѣшней. Будь, моя дочь, добродѣтельна и люби дѣлать добро; избѣгай всѣхъ пороковъ, береги свое сердце отъ не позволенной любви. А когда тебя Богъ благословитъ супружествомъ, то чти своего супруга, какъ главу, повинуйся ему, люби его всѣмъ сердцемъ, хотя бъ онъ и дурень былъ противъ тебя. И знай, что онъ тебѣ данъ будетъ отъ Господа: добрый—для содѣланія тебя счастливой, а дурной—для испытанія терпѣнія твоего. Ежели ты все снесешь съ кротостью, то ты покоряться будешь волѣ Божіей, а не человѣческой; и не осмѣливайся никогда дѣлать упреки мужу твоему: изъ этого можетъ выйти раздоръ между вами. На всякаго злодѣя кротость можетъ подѣйствовать больше, нежели строптивость».

И мать моя начала чувствовать разныя болѣзни и частыя припадки, такъ что видимо приближалась ко гробу. И наконецъ ужъ и ходить съ нуждою могла, чтѣ меня чрезвычайно страшило, -- и потеря сія для меня была ужасна. Въ самое это время пріѣзжаетъ Александръ Матвѣевичъ¹⁾, и такъ какъ онъ воспитанъ былъ у моего отца, то за долгъ счелъ къ первой моей матери пріѣхать въ первый день своего пріѣзда. И мать моя очень была ему рада, увидя его черезъ шестнадцать лѣтъ. И онъ просилъ познакомить его и съ нами, и я съ маленькимъ братомъ была позвана и представлены были. И я, увидя его, очень обрадовалась и такъ, что ноги подо мной дрожали. И я очень была довольна, что мнѣ позволено было идти къ себѣ въ комнату. Онъ, посидя немного, ушелъ, испрося позволенія бывать чаще. Его же почтенная мать была совершенный другъ моей матери, и ей всегда хотѣлось меня имѣть за сыномъ. Онъ, пришедши домой, сказалъ своей матери, что онъ бы былъ счастливъ, ежели бы меня за него отдали. Она, услышавъ сіе, чрезвычайно обрадовалась и сказала, что она ничего такъ не хочетъ, какъ имѣть меня дочерью. Между тѣмъ, онъ далъ препорученіе

¹⁾ Карамышевъ, будущій мужъ Анны Евдокимовны.

своей племянницѣ-дѣвушкѣ, чтобъ она меня спросила, съ удовольствіемъ ли я бы пошла за него и не противенъ ли онъ мнѣ. Она пріѣхала къ намъ на третій день его пріѣзда и, выбравши время, когда мы остались однѣ, мнѣ начала объ этомъ говорить и его хвалить. Я ей отвѣчала, что удивляюсь, какъ она взялась за сіе посольство, бывши сама дѣвушка молодая. «И какъ вы могли думать, чтобъ я вамъ отвѣчала безъ вѣдома матери, безъ которой я ничего въ мірѣ не предприиму. А ежели бы у меня и отнялъ Господь ее, то у меня еще останется другъ—моя няня, то я и безъ нея бы не могла ничего сдѣлать. Или вы хотѣли воспользоваться моею молодостью, и неопытностью? То вы знайте, что мнѣ даны правила, какъ мнѣ поступать, и я отъ нихъ никогда не отступлю. А что вы его достоинства превозносите,—я не знаю, можно ли человѣка узнать въ три дни. Стало, вамъ только такъ угодно говорить и меня такъ, какъ ребенка, обманывать. Впрочемъ, скажу вамъ, что еще и лѣта мои таковы, что объ этомъ мнѣ и думать нельзя. А болѣе всего, что мать моя лежитъ больна,—и это скорбь сердца моего. И въ совершенныя лѣта не позволила бы думать о замужествѣ. И такъ, прошу васъ покорно мнѣ ничего не говорить, а теперешній нашъ разговоръ будетъ извѣстенъ моей нянѣ: матери моей потому не скажу, что это ее потревожитъ и увеличитъ болѣзнь ея». Наконецъ, она меня стала спрашивать, чтобъ я никому не говорила, но я твердо ей сказала, что не привыкла ничего тайть отъ тѣхъ, которые меня воспитали. И такъ она уѣхала отъ меня. Я, послѣ ея, сказала весь разговоръ моей нянѣ, которая, меня обнявши, сказала: «Будь всегда, моя милая, такъ искренна и не скрывай въ сердцѣ твоёмъ ничего. А когда она къ тебѣ опять пріѣдетъ, то старайся не быть съ ней наединѣ, чтобъ она не имѣла случая тебѣ говорить какихъ-нибудь вздоръ. Вы теперь видите причину, для чего вамъ было запрещено выбирать знакомство по своему вкусу, и для чего васъ рѣдко матушка вывозила въ гости и жила съ вами въ деревнѣ: чтобъ усовершенствовать ваше сердце и предохранить отъ всего неприятнаго. Научайтесь и будьте осторожны въ выборѣ друзей вашихъ и тогда, когда вы замужемъ будете. Никогда не думайте, чтобъ женщина была ужъ избавлена тѣхъ правилъ, которыя она имѣла въ дѣвушкахъ: они во всякое время хороши и отъ многого сохранять». Я, послѣ этого, обнявши мою няню, пошла къ матери и сѣла возлѣ ея кровати и, смотря на нее, почувствовала въ сердцѣ моемъ сильное трепетаніе и горько заплакала, думая, что мать моя спитъ. Но она увидѣла мои слезы и, протянувши руку, которую я цѣловала и обмывала слезами, сказала: «Я чувствую, мой другъ, твою любовь ко мнѣ и знаю, какъ горько тебѣ со мной расставаться; но сей предѣлъ необходимъ для всѣхъ. Я не буду тебя обманывать, что чувствую: силы мои истощаются и я приближаюсь

ко гробу». Я зарыдала и упала къ ней на грудь. Она меня обняла и дала мнѣ успокоиться, но сама такъ была тверда, что я и горести не примѣтила на ея лицѣ. Она опять стала говорить: «Развѣ ты не надеешься на Того, Который тебя сотворилъ и хранилъ тебя до сихъ поръ? Онъ твой отецъ, мать, покровитель и другъ; Онъ тебя не оставитъ, только ты Его не забывай и прибѣгай къ Нему во всѣхъ нуждахъ. У тебя остается еще другъ истинный—твоя почтенная нянька, которая тебя любитъ, и ни ты, ни я въ этомъ не сомнѣваемся. Только будь къ ней откровенна и безъ нея ничего не предпринимай. Остаются у тебя дяди и тетки, которыхъ ты должна любить и почитать, но не жить у нихъ, хотя бѣ они тебя и звали. Не оставляй своихъ упражненій и не нарушай того порядка, къ которому ты приучена. Помни мать твою, которая тебя любила и наставляла быть доброй христіанкой. Не забывай тюрьмы и бѣдныхъ и замѣни меня собой, чтобъ они не чувствовали потери. Да снидетъ на тебя Божіе благословеніе». Помолчавши немного, сказала: «Нонче наступаетъ Страшная недѣля: поиди съ няней въ кладовую и приготовьте, что должно, для несчастныхъ». Я пошла и сказала нянѣ матери моей приказаніе; пошли въ кладовую и цѣлый день занимались приготовленіемъ вещей. Приготовивши все, я опять пришла къ ней и нашла у ней Александра Матвѣвича и съ матерью его, которая подошла ко мнѣ, обняла меня и спросила: «Здоровы ли вы, и что у васъ красные глаза?» Я не могла ей ничего выговорить, а только показала на мать мою. Она сама заплакала и сказала: «Богъ милостивъ, мое любезное дитя, успокойся: у тебя останутся друзья, которые тебя любятъ». Я сказала: «Но матери моей не будетъ, и могутъ ли мнѣ замѣнить ее друзья?» И такъ разговоръ сдѣлался общій; и они у насъ обѣдали и цѣлый день сидѣли.

Мнѣ очень захотѣлось уйти въ свою комнату: какую-то я чувствовала неприятность, смѣшанную со страхомъ. Но нельзя было оставить мать мою, которой я давала лѣкарство и питье. Братъ мой пришелъ изъ школы, и Александръ Матвѣвичъ очень его ласкалъ; онъ былъ самъ ласковаго характера, и моя любовь къ нему была безпредѣльна, то мнѣ чрезвычайно было приятно видѣть, какъ его ласкали. И послѣ этого всякій день былъ у насъ Александръ Матвѣвичъ; но мнѣ его посѣщенія были неприятны, а отчего—я и сама не знала.

Пришла Страшная недѣля, — и я съ няней отправилась въ пятницу вечеромъ въ тюрьмы, и за нами на лошади повезли все то, что приказано было раздать. Но пропорція была во всемъ двойная. Какъ будто предчувствовала мать моя, что это ужъ послѣдній разъ было дѣлано. Какъ скоро мы вошли въ тюрьму, то несчастные всѣ въ голосъ зарыдали и спрашивали, жива ли ихъ мать, и есть ли надежда къ выздоровленію. Я, зарыдавши, имъ сказала, что моя мать

опасна. «Молитесь, друзья мои, чтобъ Богъ ее спасъ!» Они всѣ замолкли и головы свои внизъ повѣсили. Одинъ со стовомъ сказалъ: «Боже и Господи нашъ, неужто ты захочешь ее отъ насъ отнять и оставишь насъ, сирыхъ, безъ призрѣнія?» И, повернувшись ко мнѣ, спросилъ: «Будешь ли ты, милое дитя, подобна твоей матери и не оставишь ли насъ безъ нея?» Я со слезами сказала, что приказаніе ея и волю буду за законъ почитать и буду такъ же ихъ посѣщать съ моимъ другомъ, какъ и мать моя. Они всѣ сказали: «Богъ тебя благословитъ и дастъ тебѣ временное и вѣчное счастье». Наступило и Воскресеніе Спасителя нашего,—и мать моя, казалось, была въ этотъ день покрѣпче. Родные всѣ у насъ обѣдали, и Александръ Матвѣевичъ сказалъ: «Примите и меня въ ваши родные и позвольте съ вами провести день».

Всю Святую недѣлю мы провели не весело въ разсужденіи болѣзни матери моей; я не отходила отъ нея, читала ей Священное Писаніе; ночь спала возлѣ ея кровати, но и сонъ отъ меня убѣгалъ. А когда засыпала, то сны страшные меня безпокоили, и я опять просыпалась. На Оуминой недѣлѣ пріѣзжаетъ его сестра къ намъ и проситъ матушку, чтобъ позволила съ ней одной поговорить. И какъ я вышла отъ нея, она сдѣлала предложеніе отъ Александра Матвѣевича, что онъ желаетъ быть принятъ сыномъ. Мать моя отговаривалась моею молодостью, но сестра говорила, что ея молодость будетъ сохранена ото всего: у нея будетъ другая мать, которая ее любить и удержать въ тѣхъ правилахъ, которыя ей даны. Но страшила ее еще разлука со мной, зная, что ему нельзя долго жить; и тотчасъ она ничего рѣшительнаго не сказала. Оставшись одна, она позвала мою няню и бывши съ ней долго, которая вышла отъ матери моей вся въ слезахъ. Я, увидя ее въ такомъ положеніи, бросилась къ ней и спрашивала ее: «Видно, мы лишаемся ея, и ты вѣрно видишь, что она близка ко гробу?» Няня моя сказала: «Молись, матушка, Богу и испрашивай Его милости». Я вошла опять къ матери моей, которая показалась мнѣ встревоженной. И она велѣла послать за дядей, чтобъ онъ съ теткой пріѣхалъ. И по пріѣздѣ ихъ очень долго съ ними говорила. А мое сердце словно билось, не зная отъ чего, и тосковало, видя ихъ тайные переговоры. Я понять не могла, что это значило. Кончивши разговоръ, вышли дядя и тетка расплаканы. И все сіе меня удивляло и страшило, но изъ почтенія я у нихъ не смѣла спрашивать.

И такъ дѣло было рѣшено безъ меня, и черезъ три дня дано было п Александру Матвѣевичу слово, но мнѣ не сказывали. И положено было ѣхать въ деревню, а ему, между тѣмъ, объѣзжать было надо рудники, и, объѣхавши, — быть къ намъ въ деревню и тамъ все совершить. Черезъ недѣлю повезли мою мать въ деревню въ такой слабости, что, я думала, мы ее не доведемъ. Сколько я ни упрашивала

ее, чтобъ не ѣздить и остаться въ городѣ для лѣченія, но никакъ не успѣла. Пріѣхавши въ деревню, пошли разныя пріуготовленія, и на вопросъ мой: для чего это все дѣлается, отвѣчали, что будутъ гости изъ Челябины. И такъ мы прожили половину апрѣля.

Насталъ май ¹⁾, и 13-го числа пріѣхалъ Александръ Матвѣевичъ съ матерью и съ родными и остановился у дяди и тотъ день у насъ обѣдалъ. На другой день, поутру, мать моя позвала меня къ себѣ и начала говорить: «Другъ мой! Выслушай отъ меня все спокойно, что я буду тебѣ говорить. Ты видѣшь, что я такъ больна, что нѣтъ надежды къ моему выздоровленію, да и лѣкаръ самъ мнѣ сіе объявилъ. Я не страшусь смерти и надѣюсь на милосердіе Спасителя моего, но горько мнѣ было тебя оставить въ такихъ лѣтахъ; но теперь есть у тебя другая мать и покровитель, только не откажи ихъ признать за таковыхъ. Согласіе твое мнѣ можетъ продолжить нѣсколько жизнь мою, и ты дашь мнѣ спокойно умереть». Я, никакъ не подозрѣвая, чтобъ это было мнѣ замужество, со слезами ей отвѣчала, что я никогда ея воли не противилась и всегда ставила закономъ ей повиноваться, — то можетъ ли она во мнѣ сумнѣваться? «Ну, такъ знай, что я тебя помолвила за Александра Матвѣевича и ты будешь скоро его женой». Я такъ одеревенѣла, что выговорить ничего не могла, и мать моя опасалась худыхъ слѣдствій. Наконецъ, я сказала: «Кто будетъ за вами ходить?» Она мнѣ отвѣчала: «Тебя со мной не разлучать, и ты будешь жить со мной». — «Ежели это такъ, то пусть ваша воля исполнится. Я повинуюсь вамъ во всемъ, но я — молода, не буду умѣть угождать имъ». — «Конечно, молодость твоя меня страшитъ; и ежели бы я не видѣла приближенія смерти моей, — я никакъ бы не помыслила тебя отдать. Но ты будешь счастлива за повповеніе твое, и ты своимъ правомъ найдешь къ себѣ ихъ любовь. Мать же его ты знаешь: она тебя любитъ, а тебѣ только остается ей повиноваться и ничего безъ ея совѣтовъ не дѣлать. И я увѣрена въ тебѣ, что ты съ охотою сіе и безъ тягости исполнишь». Слушая мою мать, — у меня духъ спирался; и она, примѣтивши мою тягость, перестала со мной говорить, обняла меня, заплакала и сказала: «Необходимость меня заставляетъ сіе сдѣлать. Будь же спокойна и знай, что безъ воли Божіей ничего не дѣлается».

И я пошла отъ нея съ стѣсненнымъ сердцемъ; слезъ у меня не было, а только въ груди было тяжело, и сія тягость продолжалась до самаго того дня, въ который моя участь совершилась. Впрочемъ, могла ли я и знать еще сей великій шагъ къ моей новой жизни? — Мнѣ было тринадцать лѣтъ. Меня одно только и страшило — разлука съ моей почтенной матерью, а прочаго я ничего не видѣла и ни о

¹⁾ 1772 г

чемъ не думала. И такъ, положена была свадьба 21-го мая. Въ это время я видѣла всѣхъ моихъ родныхъ унылыми, а друга моего— няню — всякій день въ скорби и слезахъ; и меня это чрезвычайно огорчало, но я думала, что она не будетъ отъ меня отлучена. И такъ, ласки моего назначеннаго мужа стали ко мнѣ открываться. Но онѣ меня не веселили, и я очень холодно ихъ принимала, а была больше съ матерью моею; и сердце мое не чувствовало ни привязанности, ни отвращенія, а больше страхъ въ немъ дѣйствовалъ. И онъ, видя это, нѣсколько разъ спрашивалъ, по волѣ ли я иду за него, и не противень ли онъ мнѣ? Мой отвѣтъ былъ: «я исполняю волю моей матери»,— и убѣгала, чтобъ не быть съ нимъ безъ свидѣтелей.

Наконецъ, насталъ тотъ день, въ который была назначена наша свадьба. И поутру рано мать моя посадила меня возлѣ себя и начала говорить: «Теперь, мой другъ, тотъ день, въ который ты начнешь новую совсѣмъ и для тебя неизвѣстную жизнь. И ты ужъ не отъ меня будешь зависть, а отъ мужа и отъ свекрови, которымъ ты должна безпредѣльнымъ повиновеніемъ и истинною любовью. Ужъ ты не отъ меня будешь принимать приказанія, а отъ нихъ. Моя власть надъ тобою кончилась, а осталась одна любовь и дружескіе совѣты. Люби мужа твоею чистой и горячею любовью, повинуйся ему во всемъ: ты не ему будешь повиноваться, а Богу,—онъ тебѣ отъ Него данъ и поставленъ господиномъ надъ тобою. Ежели бы онъ и дурень бы былъ противъ тебя, но ты все сноси терпѣливо и угождай ему, и не жалуйся никому: люди тебѣ не помогутъ, а только ты откроешь его пороки и черезъ это его и себя въ стыдъ приведешь. Веди себя всегда такъ, чтобъ совѣсть твоя была всегда чиста. Не предпочитай ему другого мужчину, хоть бы онъ въ коронѣ былъ; не слушай ласкательствъ мужчинъ: они никогда истинны не бываютъ. Кто прямо тебя любитъ—тотъ не станетъ въ глаза хвалить. Веди себя такъ, чтобъ никакой мужчина не могъ и не смѣлъ тебѣ сказать никакой неблагопристойности, и не имѣй въ молодости твоей тѣснаго обхожденія съ мужчиной тѣмъ, котораго тебѣ мужъ не одобритъ; но и тутъ будь осторожна. Въ выборѣ друзей не надѣйся на себя, а предоставляй выбирать новой твоей матери, которая, изъ любви къ сыну и тебѣ, дастъ тебѣ друзей добрыхъ и опытныхъ, отъ которыхъ ты будешь научаться. Не скрывай отъ нея ничего, что будетъ происходить въ сердцѣ твоёмъ,—черезъ что ты избавишься отъ многихъ бѣдъ, могущихъ случиться съ тобой. Даже и того не скрывай, кто съ тобой что говорить будетъ: она будетъ изъ этого познавать людей и показывать тебѣ, съ кѣмъ ты можешь быть вблизи и съ кѣмъ не можешь. Сія твоя искренность отъ многого тебя избавитъ. Ежели ты, по молодости твоей, и проступокъ какой сдѣлаешь—не стыдись его открыть: черезъ открытіе въ другіе не попадешь. Люби мать мужа твоего—она

есть и твоя: она—другая я. Обѣщаешь ли ты мнѣ, другу твоему, все сіе дѣлать?» Я бросилась къ ней на колѣни и зарыдала. «Все исполню, хотя бы они врагамъ и мучителями моими сдѣлались!»—«О братъ твоимъ я ничего не говорю; любовь твоя его не оставитъ, и ты ему будешь мать и нѣжный другъ, а онъ тоже тебя любитъ и будетъ тебя слушать. Ежели ты будешь жить въ большомъ свѣтѣ, то во всѣхъ своихъ удовольствіяхъ не забывай дѣлать помощи бѣднымъ и несчастнымъ; не будь въ праздности: праздность—есть мать пороковъ. Гордости избѣгай, будь ко всѣмъ ласкова и снисходительна. Избѣгай случаевъ, чтобъ съ кѣмъ ссориться: я во весь мой вѣкъ не имѣла враговъ и ни съ кѣмъ не была въ ссорѣ». Послѣ сего она обняла меня и благословила, призывая въ помощь Отца небеснаго, чтобъ меня укрѣпилъ и утвердилъ въ терпѣніи и добродѣтели: она предвидѣла, что мнѣ должно много вытерпѣть. И такъ, день сей свершилъ мою участь мая 21-го числа ¹⁾).

И жили мы въ деревнѣ недѣлю послѣ свадьбы, но болѣзнь увеличивалась моей матери и принудила ее везти въ городъ: разстояніе не велико—90 верстъ. Но она была такъ слаба, что всякое малое движеніе причиняло ей жестокое мученіе. И тутъ началась первая моя горестъ, что мнѣ мужъ мой не позволилъ съ ней сѣсть въ карету, и я съ горестными слезами повиновалась ему, ни слова не говоря. И сія дорога была для меня мучительна: умерли во мнѣ всѣ радости, и я, кромѣ скорби душевной, ничего не чувствовала, и мысли мои безпрестанно были при больной. Кто ее теперь успокаиваетъ? Она привыкла быть со мной, и я облегчала ея болѣзнь. Этотъ жестокой человѣкъ лишаетъ ее сего послѣдняго утѣшенія при концѣ дней ея. Я такъ тогда мыслила. Одиѣ слезы облегчали мою тягость; мужъ мой и за слезы на меня сердился и говорилъ: «Теперь твоя любовь должна быть вся ко мнѣ, ты теперь для меня живешь, а не для другихъ». Я спросила: «Развѣ можно кончиться моей любви къ той, которая мнѣ дороже всего въ мірѣ? Меньше ли ты любишь мать свою съ тѣхъ поръ, какъ женился? Все въ свѣтѣ для тебя сдѣлаю, кромѣ сего!» Онъ отвѣчалъ, что: «Ты еще не знаешь тѣхъ великихъ обязанностей, которыя ты должна имѣть къ мужу, то я тебя научу!» И сказалъ такимъ голосомъ, что у меня сердце замерло отъ страха. И я замолчала, но слезъ остановить не могла. Съ нами сидѣла его любимая племянница, которая смѣялась моей горести и ему говорила: «Я удивляюсь, что вы не уймете ее: мнѣ ужъ скучно смотрѣть на ея пустыя слезы!» Онъ сказалъ: «Погоди, мой другъ, будетъ еще время. Я въ дорогѣ не хочу начинать ничего». Что жъ я должна была ожидать послѣ сихъ разговоровъ? Но положила въ сердцѣ моемъ никому не сказывать и не жаловаться; а болѣе,—

¹⁾ 1772 года.

цѣлей обнаруживается въ его многократныхъ просьбахъ и ходатайствахъ объ амнистии декабристовъ. Настоятельность Жуковского вызвала, было, даже грозное неудовольствие императора Николая Павловича. «Слушай! — сказал однажды императоръ Жуковскому, — знаешь ли пословицу: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты». Ее можно примѣнить къ тебѣ. Не смотря на то, что Тургеневъ осужденъ, ты безпрестанно за него вступаешься и не только мнѣ, но и вездѣ говорилъ, что считаешь его невиннымъ... Ты навлекъ на себя нареканіе. Тебя называютъ главою партіи, защитникомъ всѣхъ тѣхъ, кто только худъ съ правительствомъ»... И послѣ такой, какъ самъ Жуковский выразился, «головомойки», Жуковский записалъ въ своемъ дневникѣ: «Я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгариннымъ, ни Венкендорфу⁴⁾: у меня есть другой вожатый — моя совѣсть, моя вѣрность государю».

Въ заключеніе Н. О. Сумцовъ говоритъ: «Жуковский оставилъ послѣ себя прекрасную память, какъ человекъ, писатель, педагогъ; выше всего стоялъ онъ, какъ человекъ, и всѣ прочія его достоинства были лишь отраженіемъ его прекраснаго добраго сердца».

Въ отношеніи къ крѣпостничеству В. А. Жуковский шелъ въ рядъ съ лучшими людьми своего времени. Правда, онъ не высказывался такъ рѣзко, какъ, напримѣръ, Н. И. Тургеневъ, который сѣтовалъ, что «русскіе не имѣютъ права говорить о невинности рабствѣ крестьянъ, не смѣютъ показывать всю его мерзость и незаконность». Жуковский отрицалъ крѣпостничество и не мало потрудился для уврачеванія нѣкоторыхъ язвъ его, для спасенія его жертвъ. Въ 1822 г. онъ отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ Поповымъ; это стоило ему 2.400 руб. «Дѣло лежитъ у меня на душѣ, и я виню себя очень, что давно его кончилъ». Вскорѣ онъ далъ свободу лично ему принадлежавшему семейству крѣпостныхъ, бѣлвскому Максиму съ дѣтьми.

Въ статьѣ «В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь» профессоръ Сумцовъ выясняетъ взаимныя отношенія этихъ двухъ писателей, жившихъ одновременно и сошедшихъ въ могилу въ одномъ и томъ же году. Гоголь довѣрялся вполне Жуковскому, а послѣдній платилъ ему живымъ сочувствіемъ, покровительствомъ и ходатайствами въ его пользу передъ высшей властью, вообще, самой широкой нравственной и матеріальной поддержкой. Жуковский просилъ своего пріятеля Плетнева оказать Гоголю поддержку, и П. А. Плетневъ въ 1831 г. пристроилъ Гоголя учителемъ исторіи въ Патриотическомъ институтѣ и, кромѣ того, доставилъ ему частныя занятія. Благодаря ходатайству Жуковского и Вильгорскаго, рукопись «Ревизора» была прочитана императору Николаю I и по-

⁴⁾ Напечатано: «Венкендорфу»; къ сожалѣнію, въ книгѣ слишкомъ много опечатокъ.

лучено высочайшее разрѣшеніе на изданіе и представленіе комедіи. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ, отъ 2-го февраля 1832 г., Гоголь говоритъ, что молится за Жуковскаго, и добавляетъ: «горячѣй бы гораздо мнѣ слѣдовало о тебѣ молиться, какъ о человекѣ, которому я много, много долженъ».

Жуковский помогъ Я. К. Гроту сдѣлаться ученымъ и оказалъ, такимъ образомъ, услугу русской наукѣ. Вотъ что говорить объ этомъ самъ Гротъ: «въ то время (1839 г.) я еще служилъ въ Государственной канцеляріи, но страстно желалъ перейти на ученые поприще, именно въ Финляндію, гдѣ открывались виды на университетскую кафедру по русской литературѣ. Узнавъ о томъ, Жуковский вытребовалъ у меня записку о планѣ будущихъ моихъ занятій и самъ отвезъ ее къ тогдашнему министру статсъ-секретарю княжества Финляндскаго, барону Ребиндеру. Такимъ образомъ, Жуковский помогъ мнѣ сдѣлаться изъ чиновника ученымъ».

Любовь къ живописи Жуковский обнаруживалъ съ малыхъ лѣтъ. По словамъ А. П. Зонтага, онъ 4 или 5-ти-лѣтнимъ мальчикомъ забрался въ пустую комнату и мѣломъ еписовалъ на полу стоявшій тамъ образъ Боголюбской Божіей матери. Обученіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ отведено было значительное мѣсто искусству, знакомство съ любителями искусства, русскими и иностранными художниками и западными картинными галереями, — все это поддерживало и развивало въ Жуковскомъ любовь къ живописи. Пробовалъ онъ свои силы въ рисованіи и живописи въ однихъ случаяхъ въ видѣ шутки, въ другихъ — съ серьезными цѣлями. Когда Владовъ завелъ злую комнатную собаку, В. А. боялся къ нему ходить. Въ письмѣ къ Владову онъ говоритъ, что заказанное имъ платье для защиты отъ зубастаго врага еще не готово, для наглядности приложилъ рисунокъ, на которомъ изобразилъ себя рыцаремъ въ латахъ и шлемѣ, съ забраломъ, съ огромнымъ копьемъ въ рукѣ⁴⁾. Известно до 20 альбомовъ его собственноручныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ почти всѣ его путешествія по Россіи и за границей. Въ 1824 г. въ Петербургѣ вышелъ альбомъ изъ 6-ти вѣдвъ Павловска, списованныхъ съ натуры Жуковскимъ, имъ же и Кларою награвированныхъ въ Дерптѣ; милыми гравюрками Василія Андреевича украсивъ рѣдкая брошюра Шторха «Путеводитель по саду и городу Павловску». Жуковскому принадлежатъ 8 вѣдвъ Царскаго Села и 23 вида Павловска.

Въ концѣ книги помѣщена интересная статья «Къ вопросу о творчествѣ Н. В. Гоголя» и обзоръ Жуковско-Гоголевской выставки.

Н. К-ш-ъ.

⁴⁾ Юмористическіе рисунки Жуковскаго къ письмамъ его къ графинѣ Ю. О. Барановой воспроизведены въ нашемъ журналѣ (апрѣль 1902 г., стр. 121—127).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

ФЕВРАЛЬ.

1903 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго. (Изъ бумагъ академика А. Ф. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ. 211—234	IX. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщилъ В. В. Щегловъ. 335—356
II. Марина Мишиенъ послѣ майскаго погрома. П. Пирлинга. 235—258	X. Князь Бисмаркъ и его «Тирась». (Изъ жонхъ воспоминаній). П. Д. Стремухова. 357—358
III. Николай Алексѣвичъ Полевой. Его сторонники и противники по «Московскому Телеграфу». Сообщилъ Н. Д. 259—270	XI. Письма митрополита Филарета. Сообщилъ И. А. Бычковъ. 359—362
IV. Записки Э. И. Стогова. . 271—284	XII. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 363—388
V. Изъ записокъ Ивана Анимовича Никотина. 285—300	XIII. Россія и палсній престоль. 1580—1601 гг. Извлечение изъ сочиненія П. Пирлинга, В. В. Тимошукъ. 389—410
VI. Гоголь въ Оптиной пустыни. П. Матвѣева. 301—304	XIV. Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александра къ полянамъ. Сообщилъ П. М. Майковъ. 411—417
VII. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. 305—328	XV. Поправка. Къ мартовской книгѣ «Русской Старины» за прошлый 1902 годъ. Влад. Раевскаго. . . 418
VIII. Изъ моихъ воспоминаній о жизни въ Варшавѣ въ 60-хъ годахъ. (По поводу записокъ Паткуль). С. фонъ-Дерфельдена. 329—334	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Сообщ. Б. Модзалевскій.
2) Портретъ Анны Евдокимовны Лабзиной.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотря 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣлажъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Польская, № 39.
1903.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1903 года.

Библиографическій листокъ.

Aventino. По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. Съ 5 фотографическими снимками. (Къ пятидесятилѣтію по кончинѣ Гоголя). Москва. 1902 г.

Въ числѣ книгъ, приуроченныхъ къ 21-му февраля, дню чествованія памяти Н. В. Гоголя, заслуживаетъ вниманія и разсматриваемая нами книга; въ ней говорится о пребываніи нашего великаго писателя въ Римѣ.

Недаромъ Риму присвоено названіе «вѣчнаго города»; онъ не любитъ переменъ и, несмотря на старанія итальянскихъ патриотовъ новаго покроя превратить его возможно скорѣе въ современную столицу, — онъ сохранилъ еще много стариннаго; въ немъ сохранились почти безъ измѣненія тѣ дома, гдѣ жилъ Гоголь, и особенно то знаменитое кафе Греко, куда онъ ходилъ почти ежедневно, какъ и большинство артистовъ, жившихъ тогда въ Римѣ.

Дома, въ которыхъ жилъ Николай Васильевичъ во время пребыванія въ Римѣ, найти не трудно, такъ какъ въ своихъ письмахъ онъ указываетъ на нихъ: «Выхожу я изъ дому Strada Felice 126, иду я дорогою къ Monte Pincio». Въ этомъ домѣ жилъ Гоголь въ 1838—1842 г., о чемъ гласитъ надпись на мраморной доскѣ, которой русская колонія почтила память писателя весной миновавшаго года. Каждый русский, проходящій теперь мимо этого стараго дома, съ удовольствіемъ прочтетъ скромную надпись:

«Здѣсь жилъ въ 1838—1842 году
Николай Васильевичъ Гоголь;
Здѣсь писалъ «Мертвыя души»»).

Улица Strada Felice, гдѣ находился вышеупомянутый домъ, уже переимѣнила свое названіе и теперь называется Via Sistina. Чистая и веселая, въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ Рима, она вся переполнена магазинами старыхъ картинъ, гравюръ фотографій и разныхъ художественныхъ «ricordi», которыми такъ обилуетъ этотъ городъ-музей. Здѣсь пріютился художническій элементъ, и одинъ изъ подъѣздовъ Гоголевскаго дома, 123-й, ведетъ въ студию художниковъ. Слѣдующая дверь съ улицы, какъ здѣсь говорятъ «portone», веда въ квартиру Гоголя въ третій этажъ, который въ то время былъ послѣднимъ; теперь надъ нимъ уже надстроенъ новый. Номеръ надъ portone остался тотъ же 126-й; можно предположить, что и внѣшній видъ этого небольшого стараго дома, какихъ такъ много въ Римѣ, тоже не измѣнился.

Въ квартирѣ, гдѣ жилъ Николай Васильевичъ, теперь живетъ инженеръ-итальянецъ. Входъ въ

portone подъ номеромъ 126-мъ, съ длиннымъ переходомъ, — довольно грязный. На веревкѣ, вмѣсто лампы, виситъ старый фонарь съ разбитымъ стекломъ; налѣво ведетъ крутая и неудобная лѣстница съ высокими неуклюжими ступенями изъ сѣраго камня, какихъ еще много въ старыхъ римскихъ домахъ.

Другой домъ, въ которомъ жилъ Гоголь въ первый свой пріѣздъ въ Римъ въ 1837 году, находится на углу улицы Sant Isidoro e degli artisti, противъ церкви Sant Isidoro. Домъ этотъ до сихъ поръ имѣетъ тотъ же семнадцатый номеръ, указанный Гоголемъ въ письмахъ, и въ немъ въ настоящее время живутъ монахини-доминиканки, посвятившія себя уходу за больными «suore infermiere dominicane», какъ гласитъ доска надъ дверью. Къ этому дому часто подъѣзжаютъ экипажи и фіакры, привозящіе и увозящіе монахинь, такъ какъ онѣ считаются лучшими сидѣлками больныхъ.

Существуетъ также и тотъ домъ, въ которомъ жилъ Гоголь въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Римѣ, въ 1845—1846 г. Это — старое палаццо Полятовскаго на улицѣ Via della Croce № 81, недалеко отъ Испанской площади. Его грязный, непривлекательный видъ указываетъ на то, что онъ давно не ремонтировался, и, по всему вѣроятію, такимъ онъ былъ и въ Гоголевское время.

У самой площади Латеранской базилики св. Іоанна (San Giovanni in Laterano), въ одной изъ живописнѣйшихъ окрестностей стараго Рима, находится знаменитая вилла кн. Волконскихъ. Великолѣпный видъ на римскую Кампанью и остатки вѣковыхъ акведуковъ, заросшіе плющемъ, составляютъ настоящее очарованіе этой виллы. Она была куплена княгиней З. А. Волконской въ 1822—23 г. и принадлежитъ теперь маркизѣ Кампанари, дочери ея пріемнаго сына, бывшаго нѣкоторое время посломъ въ Римѣ. Княгиня Волконская, которую еще многіе помнятъ въ Римѣ, хорошо знала Гоголя. Онъ не только часто посѣщалъ ее, но даже жилъ нѣкоторое время на ея виллѣ въ комнатѣ съ террасой, предназначавшейся для друзей. Въ этой комнатѣ, кромя Гоголя, жили Вильгельмскій, умершій въ Римѣ на его рукахъ, аббатъ Жербе, Мицкевичъ и другіе знаменитые люди. Домъ этотъ еще существуетъ, хотя былъ подвергнутъ передѣлкамъ. Въ немъ происходило также и чтеніе Гоголемъ «Ревизора», устроенное съ благотворительною цѣлью, дабы помочь одному нуждавшемуся художнику.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гоголь упоминаетъ и о кафе Греко, близъ Испанской площади, куда онъ ходилъ, такъ же, какъ и другіе художники того времени, о которыхъ онъ писалъ Данилевскому въ 1838 году, рассказывая о томъ, какъ они проводили свое время: «Къ двѣнадцати и къ двумъ къ Лепре, потомъ въ кафе Греко, потомъ на Монте-Пинчио,

*) Итальянская надпись: «Il grande scrittore russo Nicolo Gogol in questa casa, dove abito 1838—1842 pensò e scrisse il suo capolavoro».

АННА ЕВДОКИМОВНА

ЛАБЗИНА.

Александръ I

И ЕГО ПРИБЛИЖЕННЫЕ ДО ЭПОХИ СПЕРАНСКАГО. ¹⁾

Неизданная глава изъ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Норфа).

(Изъ бумагъ академика А. Ф. Бычкова).

II.

Вѣтло и благодатно началось утро новаго царствованія. Оно, съ самыхъ первыхъ поръ, ознаменовалось длиннымъ рядомъ благотворныхъ постановленій, и каждое изъ нихъ должно было возбуждать восторгъ и надежды народа, хотя, отмѣняя собственно только нелѣпыя или тираническія распоряженія послѣднихъ четырехъ лѣтъ, каждое содержало въ себѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ, очевидный укоръ, явное порицаніе окончившагоса царствованія. Не далѣе, какъ на слѣдующее утро по своему воцареніи, Александръ указалъ всѣхъ исключенныхъ изъ военной службы считать только отставленными и, черезъ день, то же самое распространилъ и на чиновниковъ гражданскихъ, съ безусловнымъ притомъ прощеніемъ всѣхъ содержавшихся по дѣламъ Тайной Канцеляріи. Потомъ, въ теченіе перваго полугодія, восстановлены имъ были, въ полной своей силѣ, Дворянская Грамота и Городовое Положеніе (марта 15, апрѣля 2, мая 5 и іюня 3) ²⁾; уничтожены стѣсненія и ограниченія въ пропускѣ вѣдущихъ въ Россію и изъ Россіи (марта 22); уничтожена

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1903 г., январь.

²⁾ Всѣ эти указы и манифесты напечатаны въ XXVI-мъ томѣ Полнаго собранія законовъ.

Тайная экспедиція (апрѣля 2); уничтожены висѣлицы, которыя при Павлѣ поставлены были въ городахъ (апрѣля 8); изданы разныя постановленія къ облегченію внутренней и внѣшней торговли; освобождены священнослужители отъ тѣлеснаго наказанія (мая 22); возстановлены права Сената (іюня 5); открыты подсудимымъ отнятыя у нихъ право и средства представлять всѣ нужныя къ ихъ оправданію доказательства (августа 8); уничтожены сборы съ отъѣзжающихъ изъ С.-Петербурга (августа 13); учреждена коммиссія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ (сентября 15); уничтожена и строго запрещена пытка со всѣми ея ужасами (сентября 27), и проч. Вездѣ и во всемъ дышали благость, уваженіе къ правамъ человѣчества, уваженіе къ законамъ, которые монархъ ставилъ выше своей власти.

«Послѣ четырехъ лѣтъ — писалъ Вигель — воскресаетъ Екатерина отъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена. Но нѣтъ, даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ объята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ею управляла, и свобода, вмѣстѣ съ порядкомъ, водворялись въ ней. Не знаю, какъ описать то, что происходило тогда; всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступъ смѣлѣе, дыханіе свободнѣе» ¹⁾.

Первымъ, по времени, сотрудникомъ и наперсникомъ Александра въ этихъ мѣрахъ, какъ послѣ Палена, такъ еще и при немъ, былъ Дмитрій Прокофьевичъ Тропинскій. Самаго низкаго происхожденія (родился въ 1754-мъ году), не зная ни одного иностраннаго языка, учившись и русской грамотѣ, какъ онъ нисколько того не скрывалъ, только у приходскаго дьячка ²⁾, Тропинскій началъ службу съ нижнихъ чиновъ, въ бывшей Малороссійской коллегіи; но хорошею головою, прилежаніемъ, большою дѣятельностію и самообразованіемъ посредствомъ чтенія всего, что только въ то время можно было читать по-русски, вскорѣ проложилъ себѣ путь къ возвышенію. Приобрѣта покровительство Репнина и потомъ Безбородки, онъ, въ 1793-мъ году, уже былъ секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ.

«Всѣ доклады сенатскіе по тяжбымъ и уголовнымъ дѣламъ, — го-

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, изданіе „Русскаго Архива“, часть II, Москва. 1892, стр. 180.

²⁾ „Вы смѣтаетесь — писалъ онъ Л. И. Голенищеву-Кутузову 7-го марта 1821 года, — приписывая мнѣ способность ѣздить рысью на семь крылатомъ конѣ (Пегасѣ), а я и подходить къ нему не смѣю; да и какое я право могъ бы на него имѣть, когда и русской грамотѣ (признаюсь, не стыдись) учился только у приходскаго дьячка“.

ворить Грибовскій ¹⁾, — коихъ разрѣшеніе отъ государыни зависѣло, онъ (т. е. Трошинскій) разсматривалъ и по онимъ указы заготовлялъ, которые Безбородко только къ подписанію ся подносилъ. Во время поѣздки сего послѣдняго въ Яссы на мирный конгрессъ, всѣ бывшія у него дѣла препоручены были Трошинскому для поднесенія чрезъ П. А. Зубова; при мирномъ же торжествѣ получилъ онъ въ бывшей Польшѣ 1700 душъ, а при томъ велѣно ему находиться при императрицѣ у принятія прошеній... Онъ былъ (въ 1792-мъ году) около пятидесяти лѣтъ, но казался сего старѣе; роста средственнаго, имѣлъ видъ нѣсколько угрюмый. Друзьямъ былъ другъ, а врагамъ былъ врагъ. Онъ никогда не измѣнялъ прежнему своему начальнику и имѣлъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ комнатахъ государыни сильную партію, состоявшую изъ Марьи Савишны (Перекусихиной), ея племянницы Торсуковой, Маріи Степановны Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ рожденіе и именины графъ (т. е. Безбородко) твердо помнилъ и никогда безъ хорошихъ подарковъ въ сіи дни ихъ не оставлялъ».

Въ царствованіе Павла, Трошинскій состоялъ президентомъ Главнаго почтоваго правленія и, по вступленіи на престолъ Александра, былъ назначенъ главнымъ директоромъ почтъ, сенаторомъ и—что было всего важнѣе—докладчикомъ и главнымъ редакторомъ при лицѣ государя. Участвовалъ ли онъ, и въ какой степени, въ заговорѣ 12-го марта, еще не разъяснено. Извѣстно, однакожь, что въ роковую ночь Трошинскій, вопреки общему тогдашнему обычаю ²⁾, именно велѣлъ не заперать воротъ своего дома ³⁾ и, когда, въ ту же самую ночь за нимъ прискакалъ фельдъегерь, онъ поѣхалъ во дворецъ. Александръ, въ первые мѣсяцы своего царствованія, употреблялъ его перо по всѣмъ почти частямъ управленія. По его же мысли былъ упраздненъ (26-го марта) Совѣтъ, существовавшій дотолѣ при дворѣ въ видѣ временнаго установленія, и учрежденъ, вмѣсто того, Совѣтъ непремѣнный, для разсмотрѣнія—какъ сказано было въ указѣ (30-го марта)—«важныхъ государственныхъ дѣлъ». Бывъ назначенъ членомъ этого Совѣта, Трошинскій имѣлъ, вмѣстѣ, и главное завѣдываніе его канцелярією, правителемъ которой опредѣлили тайнаго совѣтника Вейдемейера. Но милость къ Трошинскому была очень кратковременна. Въ публикѣ стала

¹⁾ Записки А. М. Грибовскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года, книга первая, стр. 14.

²⁾ Передано Павломъ Ивановичемъ Аверинимъ, находившимся тогда при Трошинскомъ.

³⁾ Онъ жилъ близъ Синяго моста, въ домѣ, гдѣ потомъ помѣщалось правленіе російско-американской компаніи.

*

носится молва о лихоимственныхъ поступкахъ¹⁾, не столько его самого, сколько жившей у него женщины Прасковьи²⁾, и онъ, вѣроятно вслѣдствіе этихъ наговоровъ, хотя и не былъ прямо удаленъ, но лишился довѣрія и вліянія. При учрежденіи въ 1802-мъ году министерствъ³⁾, Троцинскій не только уже не участвовалъ нисколько въ этой мѣрѣ, но и былъ пораженъ ею какъ совершенною нечаянностію⁴⁾. Планъ сказаннаго установленія⁵⁾ былъ предложенъ государю нѣсколькими молодыми людьми занявшими, въ дѣятельности государственной и въ довѣрїи императора, мѣсто падшаго Троцинскаго. То были: Новосильцовъ, князь Чарторыжскій и Строгановъ, и, вмѣстѣ съ ними, графъ Кочубей. Мы постараемся очертить портреты ихъ по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ я, частію, по личному знакомству.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ⁶⁾, племянникъ стараго графа Александра Сергѣевича Строгонова (президента Академіи художествъ), человекъ съ свѣтлымъ умомъ, образованный, даже въ нѣкоторой степени ученый, долго жилъ въ Англии и изучилъ технику и механизмъ тамошняго управленія, но совсѣмъ почти не зналъ Россіи, никогда ничѣмъ не управлялъ и въ характерѣ своемъ имѣлъ много легкомысленной вѣтренности. Тѣ, которые знавали Новосильцова въ позднѣйшее время, съ его монархическими идеями и убѣжденіями, очень ошибаются, думая, что онъ прежде, подъ вліяніемъ своей англomanіи, былъ либераломъ въ западномъ смыслѣ и уже только впоследствии, пройдя черезъ школу опыта, перемѣнилъ свой образъ мыслей. Онъ, напротивъ, въ понятіяхъ своихъ о благѣ Россіи, всегда былъ рѣшительнымъ абсолютистомъ, хотя и въ лучшемъ, конечно, значеніи этого слова. Стараясь отклонять молодого императора отъ Лагарповскаго ультралиберализма, Новосильцовъ стремился къ тому, чтобы основать управленіе на общей централизаціи и всѣхъ національностей Россіи спаять въ одну. Освобожденіе низшаго класса отъ рабства также было совершенно чуждо его желаніямъ. Тѣмъ страннѣе и необъяснимѣе казалась тѣсная его дружба съ Чарторыжскимъ, котораго понятія и взглядъ на эти предметы были діаметрально

¹⁾ Передано графомъ Н. Н. Новосильцовымъ.

²⁾ Отъ этой связи онъ имѣлъ дочь, бывшую впоследствии за княземъ Хилковымъ.

³⁾ Слышано отъ Петра Сергѣевича Кайсарова.

⁴⁾ Нѣкоторыя объ этомъ подробности см. въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. I, стр. 95.

⁵⁾ Слышано отъ Якова Александровича Дружинина.

⁶⁾ Умеръ въ 1838-мъ году, графомъ и председателемъ Государственнаго Совѣта.—Разказы Я. А. Дружинина. Записки Н. С. Ильинскаго. Записки барона М. А. Корфа. Записки барона Розенкампа. Разказы великаго князя Михаила Павловича.

противоположные. Тутъ дѣйствовала, очевидно, случающаяся, въ нѣкоторыхъ натурахъ, симпатія контрастовъ. Впрочемъ, по чувствамъ своимъ, свѣдѣніямъ и рвенію къ общему благу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ его понималъ, Новосильцовъ, въ то время, пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ въ публикѣ, кромѣ, однако, такъ называвшейся французской партіи, которая безусловно вооружалась противъ союза съ Англіею, находившаго себѣ въ Новосильцовѣ самаго усерднаго и неутомимаго сподвижника. Приверженцы этой партіи ¹⁾, называя его, въ насмѣшку, *le grand homme, le grand ministre, l'homme universel, le génie à toute sauce, le prétendu philosophe, l'anglomane fieffé* ²⁾ и пр.; издѣваясь и надъ тѣмъ, что онъ не хотѣлъ принимать никакихъ наградъ и презиралъ знаки отличія, и надъ его универсальностію, дивились только, какъ не поставятъ его еще—во главу арміи.

Въ самомъ дѣлѣ ³⁾, въ портфель его—съ скромнымъ титуломъ дѣйствительнаго камергера и однимъ маленькимъ владимірскимъ крестикомъ въ петлицѣ—стекались: 1) проекты (въ началѣ царствованія ихъ всегда много, а Александръ, напитанный мыслию, что въ Россіи все исполнено несовершенствъ, самъ вызывалъ къ предложенію нововведеній); 2) Академія наукъ, которой Новосильцовъ былъ президентомъ, 3) докладъ дѣлъ по составленному изъ попечителей учебныхъ округовъ (самъ Новосильцовъ былъ попечителемъ Петербургскаго) Главному правленію училищъ и, чрезъ это, контроль дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія; 4) докладъ всѣхъ дѣлъ, восходившихъ къ государю по Сенату, Синоду и рекетмейстерской части; 5) управленіе дѣлами Комитета министровъ, гдѣ, сначала, государь самъ постоянно присутствовалъ, и, наконецъ, 6) всѣ безчисленные дѣла, которыя особо возлагались на него стѣ государя или о которыхъ, по частнымъ просьбамъ, самъ онъ брался ему докладывать, на что имѣлъ всегдашнее и неограниченное уполномочіе. Нѣсколько позже, Новосильцовъ былъ еще назначенъ товарищемъ министра юстиціи и начальникомъ Комmissіи составленія законовъ. Хотя онъ жилъ въ самомъ Зимнемъ дворцѣ и, сверхъ частыхъ свиданій по мѣрѣ надобности, имѣлъ четыре постоянные докладные дня въ недѣлю, но все едва вѣрится, чтобы такая масса дѣлъ, столь разнородныхъ и часто слѣпныхъ, могла сосредоточиваться въ однихъ рукахъ, въ одномъ разумѣ. За то современники—не тѣ, которые надъ нимъ смѣялись,—уподобляли его Атласу, несущему на головѣ своей земной шаръ, хотя и позволено думать, что при такой энциклопедической дѣятельности и при извѣстныхъ свойствахъ вѣтрен-

¹⁾ Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

²⁾ Т. е. великій человекъ, великій министръ, всезнающій человекъ, гений во всемъ, самозванный философъ, отъявленный англоманъ.

³⁾ Разказы Я. А. Дружинина. Записки И. И. Дмитріева.

наго нашего Атласа, случалось часто и много такихъ вещей, которыя могли и должны были идти иначе.

Князь Адамъ Чарторыжскій, сынъ того Адама-Казимира, который, вмѣстѣ съ двоюроднымъ своимъ братомъ Станиславомъ Понятовскимъ, былъ предложенъ къ избирательному престолу Польши, въ первой молодости адъютантъ и ближайшій другъ Александра,—тотъ самый, который, впоследствии, стяжалъ себѣ такую извѣстность, какъ глава польской революціи 1830-го года,—Чарторыжскій управлялъ, въ званіи товарища министра, иностранными дѣлами ¹⁾, во главѣ которыхъ, государственнымъ канцлеромъ, былъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, но только по имени, потому что всѣ дипломатическія дѣла устраивались непосредственно между Чарторыжскимъ и царственнымъ его другомъ. Съ высшимъ, изъ всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ людей нашихъ, ученыхъ образованіемъ, князь не обладалъ, однако, даромъ блистать своими познаніями, вообще мало говорилъ, казался разсѣяннымъ, и если металлъ иногда искры, обличавшія высшее разуміе, то эти мимолетныя вспышки надо было ловить на-лету. При устныхъ преніяхъ онъ держался всегда одного главнаго предмета, одной существенной цѣли, и, обходя всѣ обстоятельства побочныя, выражался очень сжато и не могъ выдерживать пренія съ словообильнымъ Новосильцовымъ. Въ письменныхъ его мнѣніяхъ и изложеніяхъ было много силы, но также безъ внѣшнихъ прикрасъ и блескокъ. Исповѣдуя, какъ уже сказано, совершенно противоположное съ Новосильцовымъ политическое ученіе, онъ таилъ его болѣею частью про себя, понимая всю трудность, равнявшуюся полной почти невозможности, возвести идеи свои въ Россіи въ силу государственнаго догмата.

Вообще одаренный большою проницательностью и дальновидностью, самъ онъ, съ пламенною душою подъ холодною наружностью, рѣдко кому открывался. Всѣ его стремленія, всѣ самыя горячія надежды уже и въ то время были обращены къ будущности польской его родины. Въ публикѣ говорили, будто бы Александръ, до вступленія на престолъ, обязался передъ своимъ другомъ обѣщаніемъ дать свободу Польшѣ ²⁾, и не любившіе Чарторыжскаго—а къ числу ихъ принадлежала вся собственно-ультрарусская партія—утверждали, что у послѣдняго въ мысляхъ только одно: сдѣлаться когда-нибудь—польскимъ Пожарскимъ. Иностранные дипломаты съ своей стороны цѣнили его болѣею частью весьма высоко. Они видѣли ³⁾ въ князѣ Адамѣ ученаго и скромнаго молодого министра, исполненнаго благородства и правдивости, искренно

¹⁾ Записки барона Розенкампа.—Разказы Я. А. Дружинина.

²⁾ Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

³⁾ Mémoires du comte de Stedingk, t. II, p. 163 et 183.

привязаннаго къ своему монарху и къ своимъ обязанностямъ, безъ всякихъ расчетовъ своекорыстія или личныхъ видовъ. Но и между этими дипломатами не всё были одного мнѣнія. Дюрокъ, напримѣръ, пріѣзжавшій въ Петербургъ, въ первое время царствованія Александра, съ секретною миссією отъ Наполеона, описывалъ Чарторыжскаго, въ письмѣ къ Фушѣ, слѣдующимъ образомъ ¹⁾: «La naissance de Czartorisky l'aurait porté au trône de Pologne sans l'impératrice Catherine. Il ne l'a pas oublié; il a voué une haine éternelle aux russes qu'il exècre, à l'empereur qu'il trompe, à ses ministres qu'il méprise; mais, renfermé en lui-même, lui seul sait ce qu'il sera et ce qu'il fera ²⁾».

Тьеръ ³⁾, напротивъ, изливается въ большихъ похвалахъ Чарторыжскому за время управленія его нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, утверждая, между прочимъ, что онъ—«le plus honnête des hommes»—былъ неспособенъ обманывать Александра. Прибавимъ къ этому, что и Александръ, съ своей стороны, неспособенъ былъ вдаваться въ обманъ, если самъ, по видамъ своимъ, не хотѣлъ иногда представляться обманутымъ.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, сынъ упомянутаго выше Александра Сергѣевича, былъ человекъ съ прекрасною, истинно благородною душою, при томъ начитанный и пріятный собесѣдникъ ⁴⁾. Получивъ исключительно французское воспитаніе, онъ принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо и былъ вообще приверженецъ разливавшагося тогда отъ Запада свободнаго образа мыслей; въ дипломатической перепискѣ того времени ⁵⁾ увѣряли даже, что послѣ смерти Павла, онъ хвасталъ передъ всѣми, будто бы написалъ Новосильцову въ Лондонъ: «Arrivez, mon ami; nous allons avoir une constitution ⁶⁾». Между тѣмъ, при молодыхъ лѣтахъ Строганова, этотъ мнимый ультра-либерализмъ былъ, впрочемъ, болѣе какимъ-то малодушнымъ стремленіемъ поддѣлаться подъ тонъ эпохи, нежели выраженіемъ глубокихъ, истинныхъ его вѣрованій и чувствъ. Въ званіи

¹⁾ Mémoires d'un homme d'état, t. II, p. 393.

²⁾ П е р е в о д ъ: По своему происхожденію Чарторыжскій могъ бы стать польскимъ королемъ, не будь императрицы Екатерины. Онъ этого не забылъ, онъ поклялся въ вѣчной ненависти къ русскимъ, которыхъ онъ гнушается, къ императору, котораго онъ обманываетъ, къ его министрамъ, которыхъ онъ презираетъ; но, будучи скрытень, одинъ лишь онъ знаетъ, чѣмъ онъ будетъ и что онъ сдѣлаетъ.

³⁾ Histoire du consulat et de l'empire, t. VI, p. 40, 221, и др.

⁴⁾ Разказы графа Нессельроде, графа Блудова, Я. А. Дружнина.

⁵⁾ Письмо къ министру Гарденбергу въ Mémoires d'un homme d'état, t. II, p. 391.

⁶⁾ Т. е. Пріѣзжайте, мой другъ; у насъ будетъ конститудія.

товарища министра внутреннихъ дѣлъ, при дорожившемъ своею властью министръ (графъ Кочубей), онъ и не имѣлъ большого непосредственнаго значенія; сила его заключалась, преимущественно, въ тѣсномъ союзѣ съ Новосильцовымъ и Чарторыжскимъ и въ особенной къ нему пріязни Александра ¹⁾. Не проходило почти дня, чтобъ государь не посѣщалъ дома Строгановыхъ. Любовь его къ прежнему соученику подкрѣплялась еще необыкновенною дружбою императрицы Елисаветы Алексѣевны къ женѣ послѣдняго, графинѣ Софіи Владиміровнѣ, урожденной княжѣ Голицыной, одной изъ умѣйшихъ, образованнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ женщинъ своего времени. Она была горбата, почти карлица, и между тѣмъ увѣряють, будто бы Александръ, еще великимъ княземъ, почувствовалъ къ ней живую склонность; но Строганова мужественно противостояла его страсти, обратившейся черезъ то въ постоянную, почтительную дружбу. Этимъ же положено было начало и привязанности къ ней императрицы, которой, разумѣется, все сдѣлалось извѣстнымъ.

Наконецъ отношенія, въ которыхъ Александръ, также еще великимъ княземъ, находился къ графу Виктору Павловичу Кочубею, достаточно уже видны изъ приведенныхъ выше писемъ. Общая во всемъ перемѣна Александра-императора отозвалась, болѣе или менѣе, и здѣсь; но если не было уже прежней теплой любви и безграничной, какъ казалось, искренности, если и самыя воспоминанія о прежнихъ мечтахъ, сообщенныхъ въ порывахъ этой искренности, не могли, иногда, не наводить краски на лицо новаго монарха,—то все, однакожъ, онъ сохранялъ уваженіе и пріязнь къ прежнему своему другу—по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ: ибо позже, частью отъ собственной щекотливости Кочубея, которому трудно было забыть прошедшее, и отъ его алчности къ почестямъ, которыя никогда не шли въ уровень съ его ожиданіями, между нимъ и Александромъ бывали безпрестанныя размолвки, что-то въ родѣ обоюднаго кокетства. Впрочемъ, Кочубей, племянникъ и воспитанникъ славнаго Безбородки, былъ человекъ съ умомъ смѣтливымъ и тонкимъ, съ отличнымъ образованіемъ, благородными чувствами, лучшими намѣреніями, съ самыми свѣтскими и блестящими манерами, наконецъ съ искреннею привязанностью къ своему государю, которому во всемъ искалъ добра и славы. Перемѣнивъ дипломатическую карьеру,—въ которой онъ, при Павлѣ, 27 лѣтъ отъ роду, былъ уже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и вице-канцлеромъ—на гражданскую службу, Кочубей, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ Александра, былъ назначенъ сенаторомъ, потомъ членомъ новаго Совѣта и

¹⁾ Разказы: Алексѣя Алексѣевича Логгинова; П. С. Кайсарова; Я. А. Дружинина; Андрея Аванасьевича Никитина по разказу Неплюева.

наконецъ, 8-го сентября 1802 года—слѣдовательно, едва чрезъ годъ—при первомъ образованіи министерствъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Охотникъ до всякихъ нововведеній, онъ, при близкихъ отношеніяхъ къ Новосильцову, Чарторыжскому и Строганову, не принадлежалъ, однакоже, прямо къ составу ихъ союза, который въ публикѣ всѣ знали триумвиратомъ и которому самъ государь давалъ иногда, въ шутку, собрикеть: «Comité du salut public».

Таковы были первые приближенные, первые сотрудники Александра. Въ сущности, конечно, ни одинъ изъ нихъ не стоялъ вполне на истинной высотѣ своего призванія, преимущественно по малому знанію Россіи и по столь же малой опытности въ дѣлахъ управленія, которыя, для всѣхъ четырехъ, были совершенно новыми. Довѣріе къ нимъ монарха основывалось болѣе на прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ, нежели на высшихъ государственныхъ ихъ достоинствахъ. Гевія, даже особенно яркаго таланта, не было между ними ни одного. Съ хорошими намѣреніями, съ благородными чувствами, молодые любимцы вполне раздѣляли неосторожную склонность къ нововведеніямъ своего, столь же благонамѣреннаго, но столь же молодого, неопытнаго и мало знавшаго Россію государя.

Люди, изъ которыхъ могли бы выйти порядочные ученики, сами вдругъ были призваны учить и руководствовать; управленіе было для нихъ школою; но въ этой школѣ шла рѣчь не объ отвлеченной наукѣ, а о жизни, о бытіи, о счастіи огромной имперіи.

Прочими министрами были: малоспособный къ дѣлу поэтъ Державинъ (юстиціи); умный и болѣе другихъ свѣдущій и опытный Васильевъ (финансовъ); бездарные Вязмитиновъ (военный) и Румянцовъ (коммерціи и путей сообщенія); Мордвиновъ (морской), котораго популярность возникла уже позже; наконецъ Завадовскій (народнаго просвѣщенія), умная украинская голова, нѣкогда столь же славившійся красотою, какъ и умомъ.

Ни одинъ изъ нихъ не находился ни въ какихъ ближайшихъ соотношеніяхъ съ вышеприведенными союзниками. Еще менѣе питали къ нимъ расположеніе: Трошинскій, который, послѣ потери милости, оставался только при управленіи удѣлами и почтами; Гурьевъ, въ то время еще праздный, но сильный свѣтскими своими связями товарищъ министра финансовъ; графъ Христофоръ Андреевичъ Ливень, завѣдывавшій докладами по военной части, и синодальный оберъ-прокуроръ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, также одинъ изъ друзей дѣтства Александра, оставшійся домашнимъ повѣреннымъ его и на престолѣ,—человѣкъ, который умѣлъ занимать и разсѣвать своего

государя, какъ никто другой. Наконецъ, въ явной оппозиціи триумвирату стоялъ оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой, который, всегда находясь при государѣ и видясь съ нимъ ежедневно, такъ сказать, ежеминутно, былъ въ тѣсной дружбѣ съ Голицынымъ и Гурьевымъ. Человѣкъ безъ всякихъ высшихъ видовъ, даже довольно ограниченный, Толстой съ самаго начала, а впоследствии еще болѣе, умѣлъ достигнуть величайшей милости средствами, противоположными обыкновеннымъ: вмѣсто колѣнопреклоненія и рабства, онъ былъ дерзокъ и грубъ со всѣми ¹⁾.

Но, какъ же шель и двигался государственный механизмъ съ этими разнородными, частью и враждебными, элементами?

Отвѣтимъ на это сперва словами двухъ современниковъ: Шишкова и Дмитріева:

«Участвовавшіе и не участвовавшіе въ сей перемѣнѣ (т. е. событіи 12-го марта)—писалъ первый—сблизились съ дворомъ и заступили важныя должности. Всѣ ожидали возстановленія прежняго въ правительствѣ духа и устройства... Можетъ быть, не взирая на трехлѣтнюю, при неопытной молодости, привычку къ новизнамъ, и сбылось бы сіе ожиданіе, еслибъ окружающіе юнаго царя пожилые люди и старики составили единодушную окрестъ его стражу, не отлучаясь отъ него, а особливо при самомъ началѣ, ни на одну минуту; еслибъ, сравнивая два послѣдніа царствованія, твердили ему, какъ первое изъ нихъ долговременно процвѣтало и величіемъ, и славою, и благоденствіемъ, и какъ, напротивъ, второе, оставившее пути великой Екатерины и устремившееся съ любовью по путямъ предшествовавшаго ей царствованія Петра Третьяго, продолжалось столь же кратко-временно, еще болѣе мятежно, еслибъ, говорю, истребляя мало по малу всѣ нововведенныя худости, прежде нежели онѣ возрастуть и усилятся, и приведа все гражданское и нравственное въ прежній порядокъ и устройство, приучили они государя, еще неискуснаго и молодого, обращать вниманіе свое на важныя государственныя дѣла и занятія, а не на тѣ, которыхъ существенная часть состоитъ въ одной только наружности и увеселеніи зрѣнія: тогда бы, вѣроятно, принесли они великую пользу ему и царству. Но вмѣсто сего, обуянные радостью перемѣны и безопасностью своею, пустились они въ многоядныя пиршества, на которыхъ, за пышными столами, съ шумомъ и крикомъ

¹⁾ Слышано отъ графа Л. А. Закревскаго — *Mémoires du comte Stedingk*, t. II, p. 257.

распивали шампанскія и венгерскія вина, били рюмки и стаканы, читали стихи, прославляли, при всѣхъ служителяхъ, гласно и громко, низверженіе тиранства и возстановленіе спокойствія. Шумныя празднества сіи устрашили дворъ и дали время оставленному царю сблизиться съ подобными себѣ молодыми людьми, заступившими мѣсто веселящихся и празднующихъ. Чарторыжскій, Строгановъ, Новосильцовъ, Чичаговъ и другіе сдѣлались его наперсниками.

«Окруженный ими, вскорѣ почувствовалъ онъ власть свою, и чрезъ нѣсколько дней пирующіе, и при томъ же не имѣвшіе должнаго между собою единодушія, увидѣли въ немъ повелителя, не требовавшаго болѣе руководства ихъ, и одинъ изъ главныхъ дѣйствовавшихъ въ сей перемѣнѣ лицъ, военный градоначальникъ Паленъ отрѣшенъ былъ отъ своей должности и высланъ изъ города. Другіе должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новымъ понятіямъ, возникшимъ изъ хаоса чудовищной французской революціи. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ прежніе въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными. Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ, имѣвшимъ, по несчастію, наставникомъ своимъ француза Лагарпа, внушавшаго ему таковыя же понятія ¹⁾. Избранные по сходству мыслей, любимцы сіи, поставляя главнѣйшее достоинство свое въ презрѣніи къ чинамъ и знакамъ отличія, вздумали, безъ нихъ и безъ всякихъ заслугъ, по одной къ нимъ привязанности монаршей, сдѣлаться и законодателями, и вельможами, и полководцами; равнялись со всѣми, хотѣли быть выше всѣхъ. Такимъ образомъ торжественное обѣщаніе царское—идти по стопамъ бабки своей—не исполнилось; все то, чего при ней не было и что, въ подражаніе пруссакамъ, введено послѣ нея, осталось ненарушимымъ: тѣ же по военной службѣ приказы, ежедневныя производства, отставки, мелочныя наблюденія, вахтъ-парады, экзерциргаузы, шлагбаумы, и пр.; та жъ раздача орденовъ лекарямъ и монахамъ. Однимъ словомъ, Павлово царствованіе, хотя не съ такою строгостію, но съ подобными же иностранцамъ подражаніями и нововведеніями, еще продолжалось ²⁾».

«Ни одно царствованіе—говоритъ съ своей стороны Дмитріевъ ³⁾—не имѣло столь блистательнаго начала. Между тѣмъ, какъ два корабля

¹⁾ „Тогда—пишетъ въ своихъ Запискахъ Державинъ—всѣ окружающіе государя были набиты французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ“ (Сочиненія Державина, изд. Я. К. Гротомъ, т. VI, стр. 787).

²⁾ Записки, мѣтвія и переписка А. С. Шишкова, т. I, стр. 81—86.

³⁾ И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь. Москва, 1866 г., стр. 179—181.

«Нева» и «Надежда» полетѣли вокругъ свѣта собирать сокровища наукъ и природы, устраивать счастье подданныхъ новыхъ Россіи на островахъ Восточнаго океана и заключать торговые договоры съ Японіей, внутри имперіи государственное управленіе раздѣлилось на министерства; старый Совѣтъ, имѣвшій одинаковое значеніе при Екатеринѣ и Павлѣ, возведенъ на степень первенствующаго трибунала; возникло еще пять университетовъ; въ С.-Петербургѣ открыта гимназія для юношества всякаго состоянія и педагогическое училище для образованія учителей. Въ то же время оживотворилась давняя Коммиссія законовъ; усовершенія оныя, равно какъ и управленіе Академіею наукъ, педагогическимъ институтомъ и гимназіей, ввѣрено было камергеру и товарищу министра юстиціи Новосильцову, бывшему тогда еще въ мужествѣ лѣтъ и только лишь возвратившемуся изъ чужихъ краевъ. Ему же предоставлено было разсмотрѣніе всѣхъ проектовъ, представляемыхъ правительству, и покровительство Филантропическому Вольному Обществу и всякимъ полезнымъ изобрѣтеніямъ. (За симъ слѣдуетъ исчисленіе лицъ, назначенныхъ въ министры, по первому образованію министерствъ 1802 года).

«Такимъ образомъ новыя министерства находились подъ вліяніемъ двухъ партій, изъ коихъ въ одной господствовали служивцы вѣка Екатерины, опытные, осторожные, привыкшіе къ старому ходу, нарушеніе коего казалось возстаніемъ противъ святыни. Другая, которой главою былъ графъ Кочубей, состояла изъ молодыхъ людей, образованнаго ума, получившихъ слегка понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованій и улучшеній.

«Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предприимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы, изъ предлагаемыхъ средствъ, надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе ⁴⁾».

Дѣйствительно, по мѣрѣ того какъ подвигалось впередъ новое царствованіе, все болѣе и болѣе былъ потрясаемъ и измѣнялся прежній порядокъ вещей. Переменялись не только составъ двора и всѣхъ правительственныхъ установленій, но и всѣ направленія. Люди старые и новые шли, одинаково, ощупью. Видѣли, какъ сказано уже, что нѣтъ ни продолженія Павловской системы, ни возврата къ системѣ Екатери-

⁴⁾ Здѣсь, въ Запискахъ Дмитріева, переходъ къ другому предмету, и дальнѣйшаго, фактическаго развитія этой мысли въ нихъ нѣтъ.

нинской; но никто не зналъ, чего собственно хотеть и къ чему идти Александръ, и самъ онъ не болѣе другихъ могъ дать себѣ въ томъ отчетъ. Явственнаго, очевиднаго было въ его дѣйствіяхъ только смѣшеніе странной слабости съ упорною иногда настойчивостью: первой—тамъ, гдѣ нужно бы было повелѣвать и поставить на своемъ, послѣдней—тамъ, гдѣ ничто не препятствовало уступить. При простотѣ вкусовъ государя и отвращеніи его отъ всякаго этикета и принужденности, дворъ утратилъ все празднественное свое величіе, и одна только вдовствовавшая императрица держалась еще старинныхъ дворскихъ преданій и обрядовъ. На улицѣ, въ салонѣ, нельзя было различить императора отъ его генераловъ; вмѣсто Екатерининскаго великолѣпія и Павловскаго колѣнопреклоненія стало водворяться какое-то общее равенство.

«On remarque en lui (l'empereur Alexandre), — писала одна иностранка ¹⁾, — une exagération de simplicité qui dénote sa répugnance pour le cérémonial du trône; on dirait que, sous ce rapport, il veut être empereur le moins possible . . . Enfin on peut dire que c'est l'homme de la cour qui va le moins à la cour» ²⁾. Отъ исканія популярности все болѣе и болѣе помрачались то сіяніе, тотъ ореолъ, которыми издревле были окружены наши самодержцы и цѣну которыхъ такъ знала и умѣла поддерживать Екатерина. Если вѣкъ Павла прикоснулся уже ко всѣмъ боярскимъ и аристократическимъ идеямъ и превратилъ основы стараго русскаго общества, то Александръ, хотя и изъ совсѣмъ противоположныхъ побужденій, шелъ въ этомъ отношеніи еще далѣе, испровергая собственнымъ примѣромъ и образомъ дѣйствія, существовавшую до него дисциплинарную связь общественнаго устройства. Но случалось, по временамъ, и такъ, что онъ вдругъ—при столь частомъ въ немъ противорѣчьи съ самимъ собою—возвращался къ самымъ крутымъ приемамъ самодержавія. Родясь въ Россіи и дотошъ еще никогда ее не оставляя, онъ былъ напитанъ русскимъ воздухомъ самовластиа и любилъ свободу болѣе какъ забаву ума. Съ другой стороны, съ образованіемъ министерствъ и упраздненіемъ коллегій, во всѣхъ частяхъ управленія стали постепенно возрастать бюрократія и умаляться уваженіе къ властямъ. Несмотря на внѣшній видъ централизаціи, все, въ сущности, разрознивалось и, нѣкоторымъ образомъ, распадалось. Общественнымъ

¹⁾ Mémoires historiques sur Alexandre, par la comtesse de Choiseul-Gouffier, p. 314.

²⁾ Переводъ: Въ немъ замѣтна чрезмѣрная простота, которая явно доказываетъ его отвращеніе къ царской пышности или этикету. Можно сказать, что, въ этомъ отношеніи, онъ желалъ бы какъ можно менѣе быть императоромъ. Словомъ, про него можно сказать, что это придворный, который рѣже всего бываетъ при дворѣ

мнѣніемъ уже не руководствовали, какъ, бывало, при Екатеринѣ, вліянія, свыше исходившія: оно приобрѣло собственныхъ двигателей и собственное направленіе. Если, конечно, прекратились жестокости и общій ужасъ Павлова царствованія, то въ дѣйствіяхъ властей посредствующихъ было столько же, можетъ статься, даже еще болѣе неправильности и беспорядковъ, ибо безстрашіе ихъ усиливалось надеждою на кротость и снисходительность государя, и злоупотребленія, на которыя нѣкогда такъ горько жаловался великій князь, нисколько не были умѣрены или истреблены императоромъ. Все это вмѣстѣ не могло не повлечь за собою сперва охлажденія, потомъ ропота, наконецъ, полного разочарованія. На Александра уже перестали смотрѣть такъ, какъ въ первые дни его царствованія. Время золотыхъ надеждъ прошло очень скоро, и очень также скоро убѣдились, что вѣкъ Траяновъ—какъ тогда желали, въ политическомъ самообольщеніи, называть это царствованіе—существовалъ въ одномъ воображеніи. Любимцы государевы, возбудивъ, своими нововведеніями и своею неопытною, многія трудности, должны были и сами бороться съ другими еще затрудненіями, менѣе доходившими до свѣдѣнія публики. Съ одной стороны личность Александра, съ другой—вражда ихъ противниковъ и начинавшее уже проявляться народное неудовольствіе полагали препону свободному ихъ дѣйствію. Новосильцовымъ и его союзниками постепенно стали овладѣвать пресыщеніе, усталость, родъ отчаянія, которымъ нерѣдко подпадаютъ государственные люди, когда, сдѣлавъ много разныхъ преобразованій, они не видятъ никакого отъ нихъ плода. Связь ихъ съ государемъ еще держалась; но они менѣе прежняго вѣрили его постоянству, а онъ менѣе вѣрилъ—ихъ способности къ дѣлу.

Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ ярко уже блистала звѣзда Наполеона, или, какъ мы въ то время еще его называли, Бонапарта. У насъ еще не было прямыхъ съ нимъ столкновеній; но убійство герцога Англенскаго внушило крайнее омерзеніе Александру. На всякій случай представлялся необходимымъ тѣснѣйшій союзъ съ Англіею. Чарторыйжскій предложилъ для этого важнаго дипломатическаго порученія Новосильцова. Подъ предлогомъ ученой цѣли ¹⁾ будто бы собранія матеріаловъ для законодательства—предлогомъ, мало, однако, кого обманувшимъ,—Новосильцовъ отправился въ Лондонъ въ глубокую осень 1804 года и возвратился весною 1805 г. Союзъ былъ заключенъ, и разрывъ съ Франціею сталъ неизбеженъ ²⁾. Привычка государя къ тремъ

¹⁾ Lefebvre, Histoire des cabinets de l'Europe, t. II, p. 170.

²⁾ Михайловскій-Данилевскій, Описаніе войны 1805 г., стр. 67 и 154.—Thiers, Histoire du consulat et de l'empire, t. VI, p. 217—225.—Разказы Я. А. Дружинина, М. А. Балугьянскаго, X. А. Бека.

друзьямъ была еще такъ сильна, что, отправляясь въ армію, онъ взялъ ихъ всѣхъ съ собою. Война кончилась, какъ извѣстно, бѣдственнымъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, которое, помрачивъ нашу военную славу, косвенно нанесло и первый ударъ вліянію Новосильцова и Чарторыжскаго. Оба, вмѣстѣ съ Кутузовымъ, всячески старались удержать государя отъ сраженія, виды котораго представлялись столь неблагопріятными; но юношескій порывъ Долгорукаго и собственное желаніе молодого монарха испытать впервые свое военное счастье одержали верхъ надъ ихъ предостереженіями. Жестокій урокъ, данный Наполеономъ неопытному воителю на кровавыхъ поляхъ Аустерлица, оправдалъ благоразуміе ихъ мнѣнія; но Александръ, въ душѣ своей, не могъ простить этимъ содѣйникамъ, что они были—предусмотрительнѣе его.

Несчастливая кампанія и самая посѣбшность, съ которою Александръ оставилъ театръ войны, еще болѣе охладили расположеніе къ нему умовъ. Вмѣстѣ съ арміею ¹⁾, громко роптало и уязвленное самолюбіе великой имперіи, издавна оглашавшейся одними побѣдными кликами. Особенно въ Москвѣ неудовольствіе обнаруживалось совершенно гласно ²⁾. Князю Багратиону, пріѣхавшему туда изъ арміи, давали множество праздниковъ, на которыхъ всячески славили его мужество и личныя дѣйствія въ минувшую войну; но въ честь Александра не было во всемъ этомъ, какъ бы по общему уговору, ни одного слова, ни одного движенія. Съ возвращеніемъ государя въ Петербургъ уже и въ публикѣ начали замѣчать, что Новосильцовъ и Чарторыжскій не пользуются прежнимъ довѣріемъ. Первый, однако, еще былъ избранъ для переговоровъ съ Франціею, къ которой отношенія наши, послѣ Аустерлицкаго дѣла, оставались въ положеніи совершенно неопредѣлительномъ. Въ 1805 году онъ ³⁾, въ сопровожденіи друга и бывшаго наставника Чарторыжскаго, итальянца Пиатоли, уже поѣхалъ въ Парижъ, какъ вдругъ вѣсть о присоединеніи Генуэзской республики къ Франціи побудила Александра отозвать его еще съ пути, изъ Берлина. На мѣсто Новосильцова, по предложенію Чарторыжскаго, былъ отправленъ въ Парижъ статскій совѣтникъ П. Я. Убри, подъ предлогомъ обмѣна плѣнныхъ, но съ тайнымъ уполномочіемъ, въ случаѣ небезвыгодныхъ условій, заключить и самый миръ. Это порученіе, въ послѣдствіяхъ своихъ, должно было нанести новый ударъ значенію нашихъ друзей. Извѣстно, что Петербургскій дворъ отказалъ въ ратификаціи подписаннаго Убри мирнаго трактата, хотя условія его были—особенно по сравненію съ со-

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій, Описание отечественной войны 1812 г., ч. I, стр. 140.

²⁾ Mémoires du comte Stedingk, t. II, p. 150 et 151.

³⁾ Записки барона Розенкампфа.

стоявшимся годомъ позже миромъ Тильзитскимъ—такъ выгодны и почетны, какъ только позволяли тогдашнія обстоятельства. Ни Чарторыйскій, ни Новосильцовъ не находили, съ своей стороны, никакого препятствія согласиться на эти условія; но загадка отказа объяснялась тѣмъ, что государь, еще при самомъ отправленіи Убри, рѣшился, втайнѣ отъ своихъ министровъ, не утверждать никакихъ мирныхъ условій. Вслѣдствіе того, когда Убри возвратился съ трактатомъ, Александръ, представаясь крайне недовольнымъ его содержаніемъ, объявилъ, что такое важное дѣло необходимо обсудить сперва въ Совѣтѣ. Здѣсь, несмотря на личное убѣжденіе нѣкоторыхъ изъ членовъ, масса искусно умѣла угадать истинные виды государя. Чарторыйскій и Убри тщетно защищали трактатъ: Совѣтъ призналъ его вреднымъ и предосудительнымъ для Россіи, замѣтивъ притомъ, что Убри превзошелъ предѣлы своего уполномочія; словомъ, трактатъ былъ отвергнутъ, и Убри удаленъ на время въ деревню, не потерявъ, впрочемъ, ничего, а напротивъ, вскорѣ затѣмъ получивъ награду. Но такая двойственность Александра глубоко уязвила Чарторыйскаго ¹⁾. Подобно тому, какъ государь выдалъ его въ этомъ случаѣ, онъ и въ разныхъ другихъ не только не слѣдовалъ, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, предложеніямъ своего министра, но и дѣйствовалъ—какъ бы лишь наперекоръ ему—совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Чарторыйскій не могъ долѣе переносить такого двусмысленнаго положенія и подалъ въ отставку. Тутъ государь вдругъ прикинулся чрезвычайно удивленнымъ, даже пораженнымъ, упрасивалъ его остаться, возражалъ невозможностью кѣмъ-либо его замѣстить и, наконецъ, когда Чарторыйскій остался непреклоненъ въ своемъ намѣреніи, потребовалъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ рекомендовалъ кого-нибудь на свое мѣсто. Чарторыйскій назвалъ министра коммерціи графа Румянцова; Александръ отвергнулъ это предложеніе, почти какъ насмѣшку: Румянцова всѣ знали за слѣпого обожателя Наполеона, а Александръ былъ тогда весь пропитанъ ненавистью къ императору французовъ. Онъ снова сталъ настаивать, чтобъ Чарторыйскій оставался на своемъ мѣстѣ, и Новосильцовъ, вмѣстѣ съ Строгановымъ, тоже всячески старались его удержать. Они подали даже о томъ государю очень сильное письмо и, наконецъ, убѣдили самого Чарторыйскаго заявить, что онъ отмѣняетъ прежнее намѣреніе. Тѣмъ огорчительнѣе было для всѣхъ ихъ, когда, вмѣсто ожиданнаго изъясненія удовольствія, Александръ, пожавъ плечами, холодно отвѣчалъ, что такая перемѣна мыслей пришла, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, потому что онъ, между тѣмъ, рѣшился уже на другого. Вслѣдствіе того, Чарто-

¹⁾ Mémoires du comte de Stedingk, t. II, p. 183.—Разсказы Я. А. Дружинина.—Записки близкаго тогда къ Чарторыйскому барона Розенкампфа.

рыжскій, въ июлѣ 1806 года, уволенъ былъ отъ министерства, при непремѣнномъ, впрочемъ, требованіи, чтобъ онъ сохранилъ прочія свои должности и оставался всегда при государѣ въ качествѣ совѣтника и друга. Вигель, касаясь этой эпохи и этого событія, пишетъ: «Одного изъ послѣдователей англійской системы не щадило тогда общее мнѣніе. Князь Адамъ Чарторыжскій, управляющій иностранными дѣлами и находившійся, во время путешествія и Аустерлицкаго сраженія, при государѣ, сдѣлался всѣмъ ненавистенъ. Въ среднихъ классахъ называли его просто измѣнникомъ, а тайная радость его при видѣ неблагопріятныхъ для насъ событій не избѣжала также отъ глазъ высшей публики. Императоръ, въ это время, дорожилъ еще мнѣніемъ Россіи, которая громко зывала къ нему объ удаленіи предателя, и Чарторыжскій, къ концу лѣта, долженъ былъ оставить министерство, сохранивъ только званіе попечителя Виленскаго университета»¹⁾. — Все это едва ли вполнѣ вѣрно. Чарторыжскій былъ слишкомъ скрытенъ и остороженъ, а ходъ дипломатическихъ дѣлъ былъ покрытъ слишкомъ большою тайною, чтобъ публика могла много знать и объ управляющемъ, и объ его управленіи. Мы не находимъ, притомъ, никакихъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ, чтобъ «Россія громко зывала къ Александру объ удаленіи предателя». Русскіе могли не любить поляка Чарторыжскаго, какъ потомъ не любили нѣмца Канкринна, но никто не былъ предметомъ такой горькой и явной ихъ ненависти, какъ, впоследствии, коренной русский—Сперанскій.

Какъ бы то ни было, но, спустя нѣсколько дней послѣ разговора съ Чарторыжскимъ, управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было передано генералу барону А. Я. Будбергу, прежде и громче всѣхъ кричавшему противъ заключеннаго Убри трактата²⁾. Государь зналъ и любилъ его еще въ бытность свою великимъ княземъ; но Будбергъ, болѣзненный и чуждый всякихъ государственныхъ видовъ, не былъ ни дипломатомъ, ни вообще дѣловымъ человѣкомъ, и не имѣлъ даже и приличныхъ его посту вѣшнихъ формъ. Состоявъ сперва посланникомъ при шведскомъ дворѣ и потомъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, онъ не умѣлъ удержаться ни на которомъ изъ этихъ постовъ. Всѣ были увѣрены, что и новое назначеніе его можетъ быть только промежуточнымъ, а иностранные дипломаты, тотчасъ замѣтивъ его ничтожество, не сомнѣвались, что онъ будетъ слѣпымъ игралищемъ въ рукахъ подчиненныхъ³⁾.

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II, Москва. 1892, стр. 206.

²⁾ Отказъ въ ратификаціи этого трактата сообщенъ былъ французскому министерству, въ августѣ 1806 г., также ужъ Будбергомъ.

³⁾ Mémoires du comte Stedingk, t. II, p. 189.

Отношенія государя къ Новосильцову становились также все холоднѣе. Послѣ увольненія Чарторыжскаго, онъ просилъ отставки, но не получилъ ея. Тогда (въ ноябрѣ 1806 г.) онъ, вмѣстѣ съ друзьями своими, рѣшился еще на одинъ шагъ, внушенный имъ плачевнымъ прозрѣніемъ въ будущее. Въ поданной государю отъ имени всѣхъ трехъ запискѣ¹⁾ они изобразили, живыми, но не преувеличенными красками, трудности и опасность политическаго положенія Россіи, особенно настанвая на необходимости смѣнить неспособныхъ и слабыхъ Будберга и военнаго министра Вязмитинова. Записка эта осталась въ то время безъ прямого результата (Будбергъ былъ смѣненъ уже во второй половинѣ 1807 г., а Вязмитиновъ замѣненъ Аракчеевымъ въ 1808 г.); но государь еще явилъ Новосильцову послѣдній, хотя и нѣсколько странный²⁾, знакъ довѣрія: по случаю несогласій, происшедшихъ, послѣ Пултускаго сраженія, между Беннигсенемъ и Буксгевденомъ, онъ былъ посланъ въ главную квартиру, для развѣданія истины, и дѣло было рѣшено, по его донесенію, въ пользу Беннигсена³⁾. Потомъ государь, въ сопровожденіи Новосильцова и Будберга, самъ отправился въ армію и оставался при ней до мира, вынужденнаго несчастнымъ Фридландскимъ дѣломъ⁴⁾ и бездѣйствіемъ нашихъ союзниковъ,—мира, столь невыгоднаго и позорнаго для Россіи, окончившаго войну передачею во власть Наполеона большей части Западной Европы, утвердившаго мысль о его непобѣдимости и, наконецъ, причинившаго разрывъ нашъ съ Англіею, а чрезъ то остановку въ торговлѣ, затрудненіе въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ ассигнацій. Переговоры объ этомъ мирѣ, заключенномъ, какъ извѣстно, въ Тильзитѣ, 25-го іюня 1807 г., ведены были, впрочемъ, безъ всякаго участія Новосильцова, князьями Куракинъ и Лобановымъ-Ростовскимъ; но и они оба представляли только исполнителей тѣхъ рѣшеній, которыя постановлялись между Наполеономъ и Александромъ въ вечернихъ бесѣдахъ ихъ въ Тильзитѣ, оставшихся покрытыми, навѣки, непроницаемою тайною. Между тѣмъ этотъ миръ, столь быстро послѣдовавшій за торжественными проклятіями, которыя возглашались у насъ передъ алтарями противъ Наполеона, совершенно измѣнилъ политику нашего кабинета. Перекинувшись, какъ обыкновенно, изъ одной крайности въ другую, Александръ, изъ непримиримаго врага императора французовъ, обратился вдругъ въ самаго жаркаго его почитателя и поборника. «Je suis comme vous

¹⁾ Черновая записка читана была нами у Я. А. Дружинина.

²⁾ Странный, потому что Новосильцовъ былъ чиновникъ гражданскій, ничего не разумѣвшій въ военномъ дѣлѣ.

³⁾ Записки барона Розенкампа и Л. И. Голенищева-Кутузова.

⁴⁾ Михайловскій-Данилевскій, Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ, стр. 359, 372, 382, 404 и 405.

l'ennemi de l'Angleterre» ¹⁾—сказалъ онъ Наполеону на историческомъ нѣманскомъ паромѣ ²⁾, и потомъ, увидѣвъ Новосильцова, встрѣтилъ его словами ³⁾: «Eh bien, j'ai asseré la Légion d'honneur!» ⁴⁾. Александръ очень хорошо зналъ, что новая его политическая система совершенно противна убѣжденію и желаніямъ прежняго его любимца, отъ котораго потому все и было ведено въ тайнѣ; но и Новосильцовъ, съ своей стороны, слишкомъ коротко зналъ своего государя и права свои на его довѣренность. «Теперь—отвѣчалъ онъ, не скрывая своего огорченія,—я могъ бы только повредить новому союзу вашего величества и новой вашей политикѣ. Наполеону извѣстна и личная моя къ нему вражда, и моя пріязнь къ Англіи; слѣдственно, покаместъ я при лицѣ вашемъ, онъ не можетъ вполне полагаться на искренность вашихъ чувствъ, а потому, чтобы утвердиться въ довѣрїи новаго вашего союзника, вамъ никакъ нельзя долѣе держать меня при себѣ: вы, напротивъ, должны меня прогнать, и прогнать гласно, торжественно». Александръ не сдѣлалъ этого, но привелъ обстоятельства почти къ такому же исходу, если не по формѣ, то въ сущности. Сперва у Новосильцова былъ отнятъ портфель духовныхъ дѣлъ, съ передачею его князю А. Н. Голицыну, человѣку, который, не имѣвъ никогда собственнаго мнѣнія, умѣлъ очень искусно поддѣлываться подъ мысли государя. Новосильцовъ переѣхалъ изъ дворца, сталъ уклоняться отъ личныхъ докладовъ, посылая, вмѣсто себя, правителя своей канцелярїи Дружинина, и, когда государь принималъ это съ неудовольствіемъ, то уѣхалъ въ деревню къ очень извѣстной, въ то время, своею оппозиціею нашему правительству графинѣ Софьѣ Потоцкой. По возвращенїи оттуда, одинъ изъ его докладовъ сталъ постепенно отпадать за другимъ, и хотя—вѣроятно для нѣкоторой благовидности его удаленія—онъ былъ пожалованъ въ сенаторы, но и ему, и Чарторыжскому совѣтмъ пресѣкъся прежній свободный доступъ въ государевъ кабинетъ. Причину окончательнаго паденія прежнихъ любимцевъ Александра не слѣдовало ли, впрочемъ, искать менѣе въ переиѣнѣ внѣшней его политики, чѣмъ въ томъ переломѣ, который тильзитское свиданіе произвело въ немъ самомъ?—Ежедневныя, въ продолженіе трехъ недѣль, бесѣды съ тѣмъ, котораго современники провозглашали величайшимъ изъ смертныхъ, не могли не показать русскому императору, какъ мало самъ онъ до тѣхъ поръ былъ самостоятеленъ. Послѣ столькихъ ночей, проведенныхъ лицомъ къ лицу съ Наполеономъ, онъ болѣе узналъ и собственную свою цѣну,

¹⁾ Т. е. Какъ и вы, я врагъ Англіи.

²⁾ Napoléon et Marie-Louise par Ménéval, t. I, p. 347.

³⁾ Разсказы Я. А. Дружинина. Записки Розенкампфа.

⁴⁾ Т. е. Вотъ, я принялъ знаки Почетнаго Легіона.

и цѣну тѣхъ благородныхъ, но не всегда дальновидныхъ совѣтниковъ, которые прежде казались ему умами столь превосходными. При такой перемѣнѣ во взглядѣ, министры Александра не могли не упасть въ его глазахъ, пока надъ слабымъ его характеромъ не возобладали вновь два другія лица: Аракчеевъ, съ великими своими заслугами въ преобразованіи арміи, и Сперанскій, съ тѣмъ обаятельнымъ дарованіемъ, которое привлекало Александра къ его бесѣдѣ даже и послѣ Наполеона. Но теперь мы говоримъ еще только объ ихъ предметникахъ. Чарторыжскій, признавъ недостойнымъ себя испускаться къ какимъ-нибудь оправданіямъ или объясненіямъ передъ измѣнчивымъ своимъ другомъ, сталъ искать развлеченія въ ученыхъ занятіяхъ. Новосильцовъ былъ менѣе выносчивъ. Считая себя обиженнымъ, онъ вездѣ гласно порицалъ Александра, понося и Тильзитскій миръ, и податливость нашего двора къ Наполеону, и неизбѣжность разрыва съ Англіею. Нѣсколько неосторожныхъ словъ, сказанныхъ имъ, съ обычнымъ его легкомысліемъ, гдѣ-то на публичномъ обѣдѣ, переполнили мѣру. Онъ принужденъ былъ уѣхать за границу. Кочубей, съ своей стороны, въ ноябрѣ 1807 г., былъ уволенъ, подъ предлогомъ болѣзни, въ безсрочный отпускъ, съ замѣщеніемъ его, въ постѣ министра внутреннихъ дѣлъ, княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ. Наконецъ, Строгановъ былъ слишкомъ чистосердеченъ и прямъ, чтобы, послѣ всего происшедшаго и предвидимаго, оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ государю: онъ предпочелъ, еще при началѣ кампаніи 1807 года ¹⁾, перемѣнить свой портфель на мечъ, явился къ дѣйствующей арміи и, за блестящее дѣло въ авангардѣ Платова, получилъ, въ гражданскомъ чинѣ тайнаго совѣтника, Георгія 3-й степени; по заключеніи же Тильзитскаго мира былъ переименованъ въ генераль-маіора и пожалованъ въ генераль-адъютанты. Такимъ образомъ тотъ союзъ, который, несмотря на добрыя намѣренія его участниковъ, произвелъ, по личнымъ качествамъ и ихъ, и, отчасти, самого Александра, едва-ли не болѣе вреда, нежели пользы, окончательно рушился.

В послѣдствіи Новосильцовъ и Чарторыжскій были снова призваны къ разнымъ государственнымъ постамъ, но высшее, прежнее значеніе ихъ при лицѣ Александра уже никогда болѣе не возобновлялось, а Строгановъ умеръ въ 1817-мъ году. Кочубей въ послѣдующіе годы царствованія Александра является уже не какъ другъ, а какъ простой министръ своего монарха. Паденіе союзниковъ ²⁾ и новый видъ внѣшнихъ нашихъ сношеній естественно усилили на первое время преобладаніе графа Николая

¹⁾ Слышано отъ П. С. Кайсарова. Михайловскій-Данцлевскій, Военная галлерей Зимняго дворца.

²⁾ Бекъ.—Mémoires du comte Stedingk, t. II, p. 189, 257, 436.

Александровича Толстого и его приверженцевъ. Вліяніе ихъ стало косвенно простирается на самыя важныя дѣла, и предводительствуемая Толстымъ партія, преданная Франціи, одержала рѣшительный верхъ. Министерству ничтожнаго Будберга, котораго не могли свергнуть Чарторыйскій и Новосильцовъ, положенъ былъ конецъ усиленіемъ болѣзненнаго его положенія. Портфель иностранныхъ дѣлъ, послѣ краткаго управленія князя Александра Николаевича Салтыкова, былъ ввѣренъ, сперва (въ сентябрѣ 1807 г.) временно, а потомъ (въ февралѣ 1808 г.) и окончательно, тому человѣку, самое предложеніе котораго къ этому посту Александръ, такъ еще недавно, принималъ за насмѣшку, именно графу Румянцову. Послѣдній уже давно желалъ этого званія; но ни другимъ, ни ему самому не вѣрилось, чтобъ такое желаніе могло когда-нибудь осуществиться. Вдругъ Александръ самъ явился къ нему съ просьбою принять министерство иностранныхъ дѣлъ ¹⁾. Показавъ сперва видъ нѣкотораго уклоненія, Румянцовъ наконецъ поддался, будто бы уступая только убѣжденіямъ государя; но единственно на условіи сохранить, вмѣстѣ, и прежнее свое министерство коммерціи. Назначеніе его было новымъ торжествомъ для французской партіи и для всѣхъ тѣхъ, которые одобряли перемѣнившуюся политику нашего кабинета. Система ихъ, кромѣ пріязни къ Франціи ²⁾ и почтенія къ Наполеону, утверждалась еще болѣе на томъ соображеніи, что для насъ, ограниченныхъ одними собственными средствами, всякая борьба съ этимъ исполиномъ, располагавшимъ ресурсами цѣлаго Запада, принадлежитъ къ области невозможнаго. Но число думавшихъ такъ было не велико. «Возгорѣвшая съ Франціею война—писалъ Шишковъ—воспламенила всѣхъ молодыхъ людей гордостью и самонадѣяніемъ. Поскакали всѣ, и самъ государь, на поле сраженія; боялись, что французы не дождутся и уйдутъ, но, по несчастію, они не ушли и доказали намъ, что въ подобныхъ случаяхъ лучше терпѣливая опытность, нежели неопытная опрометчивость. Послѣдовавшій вскорѣ за снѣмъ Тильзитскій миръ уничижилъ чело могущественной Россіи принятіемъ самыхъ постыднѣйшихъ для нея условій, превратившихъ презираемаго доселѣ и страшившагося насъ Бонапарта въ грознаго Наполеона ³⁾». Масса желала новой войны; желала, почти требовала, чтобъ смыто было пятно тильзитскихъ уступокъ, принятыхъ въ Россіи съ горькими насмѣшками и съ чувствомъ оскорбленнаго народнаго достоинства. При такомъ расположеніи умовъ, передача нашихъ иностранныхъ сношеній въ руки человѣка, который былъ извѣстенъ совершенно противнымъ тому направленіемъ, не могла

¹⁾ Mémoires du comte Stedingk, t. II, p. 338, 339, 343, 403 и 457.

²⁾ Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

³⁾ Записки, мѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. I.

не возбудить большого негодованія. Сверхъ того, многіе знали, что Румянцовъ,—которому судьба предопредѣляла, впоследствии, такую почтенную роль въ качествѣ щедрого мецената и поощрителя ученыхъ трудовъ,—какъ государственный человѣкъ стоялъ ниже посредственности и, обладая однѣми формами, не имѣлъ высшихъ, необходимыхъ для его важнаго поста качествъ. Незадолго передъ тѣмъ (11-го апрѣля 1807 г.) Новосильцовъ писалъ Кочубею ¹⁾: «Le comte Roumanzoff est un fou qu'on mystifie, qui voit dans l'Angleterre un rival très dangereux pour le commerce des Indes, de la Chine et du Japon; tout ce qu'il dit est parfaitement d'accord avec l'idée, qu'on doit avoir de lui; mais je ne conçois pas l'aveuglement de ceux qui ne voyent pas qu'il n'a pas le sens commun et que, si on le laissait faire, il ne se contenterait pas de perdre notre commerce, mais aussi tout l'empire avec ²⁾».—Это письмо было выраженіемъ почти общаго, въ то время, мнѣнія высшей публики о Румянцовѣ ³⁾.

Въ званіи министра коммерціи онъ никогда не умѣлъ оцѣнить истинныхъ потребностей нашей торговли, а въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ видѣлъ положеніе Россіи въ совершенно превратномъ свѣтѣ. Такъ, сравнивая Наполеона съ огнедышащею горою, которой только надо дать выкпѣть, чтобъ она сама собою потухла, онъ былъ убѣжденъ, что необходимо уступать, покамѣсть, всеѣмъ его требованіямъ, лишь бы оставаться съ нимъ въ мирѣ.

Въ быстромъ нашемъ очеркѣ мы уже видѣли, сколько произошло перемѣнъ и внутри и внѣ Александра со времени его воцаренія; но мы видѣли также, сколько онѣ были не въ его пользу. Колеблемость и безуспѣшность внутреннихъ мѣръ и преобразованій; неудачные выборы и замѣщенія; несчастныя войны; еще болѣе несчастный Тильзитскій миръ; наконецъ, слабая, прекословившая общему мнѣнію и общимъ пользамъ политика внѣшняя,—все это болѣе и болѣе возбуждало умы противъ правительства и, разумѣется, преимущественно противъ его главы. Связывая эту эпоху съ нѣсколько позднѣйшею, Карамзинъ, въ отважномъ чистосердечіи, писалъ самому государю ⁴⁾: «Рос-

¹⁾ Архивъ князя Кочубея.

²⁾ Переводъ: Графъ Румянцовъ — безумецъ, котораго дурачать, который видитъ въ Англіи опаснаго соперника для Россіи въ отношеніи торговли съ Индією, Китаемъ и Японією. Все, что онъ говоритъ, вполне отвѣчаетъ тому понятію, которое должно имѣть о немъ. Но я удивляюсь ослѣпленію тѣхъ, которые не хотятъ понять, что въ немъ нѣтъ здраваго смысла, и что если ему будетъ дана полная свобода дѣйствій, то онъ погубитъ не только всю пашу торговлю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все государство.

³⁾ Mémoires d'un homme d'état, t. XI, p. 313 et 347.

⁴⁾ Въ запискѣ „О древней и новой Россіи“. См. А. Н. Пыпинъ, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, изд. 3-е, Спб. 1900, стр. 499.

сія наполнена недовольными. Жалуются въ палатахъ и хижинахъ. Не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію; строго осуждаютъ его цѣли и мѣры... Не будемъ обманывать себя и государя, твердя, что люди обыкновенно любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ: сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ цѣломъ государствѣ». Шведскій посланникъ. Стедингъ, который передъ своимъ монархомъ, могъ быть, въ этомъ отношеніи, еще откровеннѣе, доносилъ ему, въ письмѣ отъ 23-го сентября 1807 года: «Неудовольствіе противъ императора все возрастаетъ, и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать».

И Вигель въ своихъ Запискахъ долго останавливается на перемѣнѣ въ расположеніи умовъ, произведенной Тильзитскимъ миромъ, хотя и извиняя Александра и болѣе порицая его народъ. «На Петербургъ— писалъ онъ,—даже на Москву и на всѣ тѣ мѣста въ Россіи, коихъ просвѣщеніе болѣе коснулось, миръ сей произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что иное можетъ быть, какъ порабощеніе ему, какъ признаніе его надъ собою власти. Я не хвалюсь великою мудростію, но въ этомъ я увидѣлъ жестокую несправедливость русскихъ; мнѣ за нихъ стало стыдно».

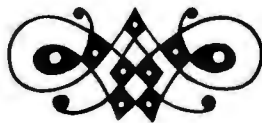
Все, что человѣкъ, не рожденный полководцемъ, можетъ сдѣлать, все то сдѣлалъ императоръ Александръ: что оставалось ему, когда онъ увидѣлъ безчисленную рать неприятельскую, разбитое свое войско, подкрѣпленное одною только свѣжею, новосформированною дивизіею князя Лобанова, и всѣмъ ужаснаго Наполеона, стоящаго уже на границѣ его государства? Что сказали бы русскіе, если бъ за нее впустилъ онъ его? И въ этомъ тяжкомъ для его сердца примиреніи развѣ не сохранилъ онъ своего достоинства? Развѣ не умѣлъ онъ, побѣжденный, стать совершенно наравнѣ съ побѣдителемъ и тутъ явиться еще покровителемъ короля Прусскаго? Такимъ ли бѣдствіямъ, такимъ ли униженіямъ подвергалъ себя императоръ Францъ II? Чтѣ дѣлали его подданные? Дѣлили съ нимъ горе и, съ каждымъ новымъ несчастіемъ, крѣпче тѣснились къ нему и сыновнѣе его любили¹⁾.

Будемъ, однакоже, справедливы. Если въ то время разрушилось очарованіе; если порвалась цѣпь взаимнаго довѣрія, связывавшая народъ съ царемъ; если Россія измѣнила любви своей къ Александру,—то всѣ ея вины были потомъ искуплены кровью въ годину 1812 года, а Александръ въ дни своей славы вспомнилъ только прежнее.

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II, Москва. 1892, стр. 232—233.

Въ описываемое нами теперь время, при такомъ броженіи умовъ, при разрывѣ между народомъ и царемъ и потерянной довѣренности къ правительству, при такихъ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ въ жизни государства, и выступилъ на высшее поприще—Сперанскій...

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома.

Вопреки скуднымъ извѣстіямъ, оставшимся о Маринѣ, можно смѣло утверждать, что она была не заурядная женщина. Только сильный характеръ можетъ, не сломившись, перенести такія превратности, какъ мгновенное величіе, внезапное несчастіе, долгое плѣненіе и бурная казацкая жизнь.

На русскомъ языкѣ не имѣется особой монографіи о Маринѣ. Между поляками нашелся графъ Артуръ Потоцкій, написавшій о ней цѣлую книгу, довольно, впрочемъ, пустую. Несравненно научнѣе и содержательнѣе статья Шуйскаго, но онъ говоритъ въ ней о самозванцахъ гораздо больше, чѣмъ о Маринѣ.

Упрекать его за это было бы несправедливо, ибо фактическаго матеріала ему дѣйствительно не доставало. Съ тѣхъ поръ, появилось въ печати кое-что новое, какъ-то полныя изданія Велевицкаго и Діаментовскаго, дневники Яна-Петра Сапѣги и Нѣмоевскаго ¹⁾; стали доступны показанія Юрія Мнишка, депеши нунція Симонетты, извѣстія Николая Мело, дневникъ Мартына Стадницкаго, другія мелкія бумаги ²⁾. Конечно, можно пожалѣть, что и въ этихъ источникахъ нѣтъ бѣльшаго обилія, но они все-таки дозволяютъ вернуться снова къ старому вопросу, ибо освѣщаютъ нѣкоторыя, до сихъ поръ не разъясненныя событія, послѣдовавшія за майскимъ погромомъ.

¹⁾ Wielewicki, Historici Diarii, т. II.—Hirschberg, Polska a Moskwa (содержитъ дневники Діаментовскаго и Сапѣги).—Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego (изд. Гиршберга).

²⁾ Перечисленные здѣсь памятники, за малыми отрывками, еще не изданы.

I.

Роковой день грянулъ для Марины совершенно неожиданно-негаданно. Увлекаясь кремлевскими торжествами, среди ежедневныхъ заботъ и увеселеній, она едва-ли сознавала близость и крайность опасности; не замѣтно также, чтобы кто-либо ее предупредилъ. Въ ночь 27-го мая 1606 г., услышавъ отчаянный крикъ Дмитрія, понявъ, что ей грозитъ недоброе, она сперва скрылась въ подвальныхъ помѣщеніяхъ; но, спохватившись, вернулась въ свои покои, гдѣ ее окружилъ весь ея женскій штатъ. Наступили геройскія сцены. Разсвирѣпѣвшая толпа тѣснилась со всѣхъ сторонъ, добираясь до внутреннихъ покоевъ, не находя препятствій, пока не наткнулась на молодого Яна Осмолевскаго. Онъ стоялъ въ дверяхъ и, въ данную минуту, былъ единственнымъ защитникомъ Марины и ея подругъ. Узкіе проходы облегчали ему оборону. Обнаживъ мечъ, онъ храбро отстаивалъ натискъ черни, которая лишь по его трупъ переступила черезъ порогъ. Выбѣтъ съ нимъ отстранили панну Хмѣлевскую и такъ тяжело ее ранили, что она вскорѣ скончалась отъ нанесенныхъ ударовъ.

Проникнувъ въ царскіе покои, заговорщики увидѣли передъ собою толпу испуганныхъ и полуодѣтыхъ полекъ, и стали требовать «Маринку». Никто ея лично не зналъ, да и узнать ее въ данныхъ условіяхъ было бы трудно. Одно предательское слово, и она пропала: ее ожидала лютая смерть. Къ счастью, измѣнницы не нашлось. Вслѣдъ за чернью, въ-время подоспѣли бояре и выручили несчастную царицу. Своимъ спасеніемъ она обязана вѣрности подругъ и мужеству Осмолевскаго. Чернь была задержана, а задержка отклонила опасность. Что при этомъ творились безобразія, это очень можетъ быть, хотя польскіе источники ничего о нихъ не знаютъ. Къ числу неудачныхъ анекдотовъ слѣдуетъ отнести разсказъ Буссова, будто Марина спряталась подъ платье своей полногѣлой охмистжины¹⁾. Ужь если прятаться, такъ лучше выбрать тощую.

Единовременно съ своею дочерью, Юрій Мнишекъ также подвергался опасности, но, миновавъ ее, остался цѣль и невредимъ, подъ стражею московскихъ стрѣльцовъ, поплатившись только утратою своего имущества. Въ самый день погрома, князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ навѣстили сендомирскаго воеводу. Ему даже дозволили свидѣться съ Мариною, и онъ отправился къ ней по окровавленнымъ улицамъ и не страшась заговорщиковъ²⁾.

¹⁾ Ochmistrzyni—эгономка, ключница.

²⁾ Діаментовскій и Нѣмоевскій расходятся въ хронологіи свиданій Марины съ отцомъ. Предпочтеніе дано первому.

Мало-по-малу своеобразныя отношенія установились между нимъ и московскими властями. Стало очевидно, что имъ хотятъ воспользоваться, и не доводить его до ожесточенія. Въ день своего избранія на царство, Василій Шуйскій успѣшилъ увѣрить Мнишку, что ему нечего бояться и что все уладится. Позаботились также о Маринѣ, снабжая ее припасами, и такъ какъ она не жаловала московской кухни, то ей приносили польскія блюда изъ дома ея отца. Наконецъ, высылая немедленно изъ Москвы военныхъ и челядь, Мнишку и его дочери оставили около трехъ сотъ человекъ для охраны и службы, хотя по официальному списку ихъ насчитывалось только двѣсти тридцать. При этомъ, Шуйскій, вѣроятно, руководился двойнымъ соображеніемъ: ему слѣдовало считаться съ горючими элементами, которые еще таплись въ Москвѣ, и такъ обходиться съ польскимъ сенаторомъ, чтобы не нашлось предлога для войны.

Юрій Мнишекъ также не растерялся. Разлука съ дочерью продолжалась не долго. Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, Марину привели къ ея отцу, задержавъ въ Кремлѣ все ея добро. Нѣмовскій передаетъ характерное ея восклицаніе при этой грустной встрѣчѣ, когда обнаружилось ея бѣдственное положеніе. «Я бы желала, говорила она, чтобы мнѣ отдали моего маленькаго негра, а прочее такъ и быть, хотя было у меня не мало драгоценностей». На другой день, ей однакожь выдали кое-что изъ платья и пустые ящики; все цѣнное, изящныя кареты, дорогія лошади, упряжь осталось на мѣстѣ, не исключая и того, что Марина привезла съ собою, и что составляло ея не отъемлемую собственность.

Молодое, безпечное сердце легче переносило невзгоду, чѣмъ дряхлый старикъ. Однако же, не смотря на свое огорченіе, сендомирскій воевода все-таки не унывалъ. Преклоняясь передъ своею дочерью, онъ воздавалъ ей царскія почести и мечталъ о сохраненіи для нея московской короны. Арсеній Элассонскій передаетъ слухъ, будто онъ домогался выдать замужъ Марину за Василя Шуйскаго: она бы передала своему супругу добытое присягою и вѣнчаніемъ право на царство, а супругъ даровалъ бы ей фактическую власть. Сама-по-себѣ такая развязка была возможна, хотя и не легко осуществима. Во всякомъ случаѣ, если Мнишекъ и сдѣлалъ такое предложеніе, то оно было отклонено: Шуйскій женился впоследствии на княжѣ Маріи Буйносовой-Ростовской.

Весь іюнь мѣсяцъ прошелъ въ допросахъ и совѣщаніяхъ. Мнишку не трудно было доказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ главную и рѣшающую роль играли сами же русскіе. Его слушали, обнадеживали, но не поддавались его разсужденіямъ и не соглашались на отъѣздъ въ Польшу. Отказаться отъ такого заложника было бы не политично. Въмѣстѣ съ Мариною его перевели, 8-го іюля, въ домъ Аванасья Власьева, сосланнаго,

послѣ паденія Димитрія, на воеводство въ Сибирь. Въ слѣдующіе дни ему дозволили свиданія съ ближайшими родственниками—сыномъ, братомъ, княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, Сигизмундомъ Тарло. 17-го августа Станиславъ Мнишекъ даже переселился къ отцу на жительство.

При этихъ перемѣщеніяхъ сендомирскій воевода тѣшился надеждою, что до отъѣзда въ Польшу его не вышлютъ изъ Москвы. Пребываніе въ столицѣ, гдѣ находились хоть нѣкоторыя медицинскія средства, было необходимо для его здоровья, и Шуйскій обѣщаль удовлетворить его желаніе, но не сдержалъ своего слова.

Уже въ началѣ августа, въ связи съ политическими событіями и внутренними раздорами, начали отправлять поляковъ въ болѣе отдаленные города. Такъ, князя Вишневецкаго сослали въ Кострому, Стадницкихъ, Нѣмоевскаго и Вольскаго въ Ростовъ, Сигизмунда Тарло съ женою въ Тверь, а другихъ еще гораздо дальше. 20-го августа, очередь дошла до Мнишка. Вопреки данному обѣщанію, его предупредили о предстоящей ссылкѣ въ Ярославль, мѣсто, назначенное для его пребыванія. Туда же направлялась бывшая царица Марина и всѣ члены ея семейства: Янъ, братъ Юрія, съ сыномъ, Станиславъ, сынъ Юрія, и Павелъ, его же племянникъ. Ихъ сопровождали бернардины, пріѣхавшіе съ Мариною къ Москву, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые. Объ отцѣ Анзеринѣ положительно извѣстно, что онъ не отлучался отъ Мнишекъ. Кромѣ того за ними слѣдовали шляхтичи и разнаго рода служителя. Всѣхъ отъѣзжающихъ набралось до 375. Въ этомъ числѣ заключались не только женщины и подростки, но и 58 челоуѣкъ, которые жили на дворѣ Глинскихъ подъ опекою Запсрскаго и Двоицкаго и которыхъ, въ послѣднюю минуту, по просьбѣ Мнишка, Шуйскій согласился отпустить съ нимъ.

Выѣздъ состоялся 26-го августа подъ охраною трехсотъ стрельцовъ. Недавней пышности, при майскомъ вѣздѣ, не было никакихъ слѣдовъ. Поляки передвигались медленно, только днемъ, съ остановками для ночлега. Такимъ образомъ она достигли Ярославля лишь 3-го сентября.

Раскинутый на обоихъ берегахъ Волги, этотъ древній, но тогда невзрачный городъ, произвелъ на нихъ грустное впечатлѣніе. Нѣкогда столица удѣльнаго княжества, Ярославль, начиная съ XV вѣка, часто служилъ мѣстомъ изгнанія. Ссылались туда и русскіе князья, и татарскіе царевичи, и опальные бояре. Еще недавно проживалъ тамъ бывший женихъ Ксеніи Годуновой, Густавъ, побочный сынъ Эрика XIV, короля шведскаго. Теперь же нахлынуло цѣлое ссыльное населеніе.

Не удивительно, что ему было трудно устроиться и размѣститься. Для Мнишекъ нашлись однако же четыре двора. Три изъ нихъ были

смежны. Въ первомъ поселился самъ воевода, въ другомъ—Марина съ своимъ женскимъ штатомъ, въ третьемъ—Станиславъ Мнишекъ съ Павломъ; дальше отъ нихъ, въ четвертомъ — Янъ Мнишекъ съ сыномъ. Впослѣдствіи они перешли въ другое помѣщеніе.

Такъ прошло около двухъ лѣтъ. Жили они въ Ярославль безвыѣздно, оберегаемые стрѣльцами и подъ надзоромъ особо для нихъ назначенныхъ приставовъ. Отрѣшенные отъ вѣшняго міра, они только украдкою, но съ большимъ искусствомъ, заводили сношенія съ посторонними. За то, между собою они обращались безъ всякаго стѣсненія. Имъ было даже разрѣшено прогуливаться, а лѣтомъ—купаться.

Вообще, обхожденіе съ ними отличалось нѣкоторыми особенностями. Въ качествѣ сенатора и воеводы, Мнишекъ былъ окруженъ почетомъ. Онъ служилъ какъ бы посредникомъ между правительствомъ и поляками. Ему передавали порученія и тайны, оказывали изрѣдка мелкія царскія милости; однажды позволили писать женѣ, въ другой разъ предложили лѣкарство. Пристава его навѣщали, а онъ ихъ одаривалъ или приглашалъ къ столу, когда не было между ними разлада. Среди поляковъ онъ также сохранилъ свою власть, и нельзя отрицать его вліянія. Такъ, ему удалось предупредить не разъ возникавшіе беспорядки; бѣгство изъ Ярославля, о которомъ многіе мечтали, не состоялось вслѣдствіе его сопротивленія. Былъ даже такой случай, что, задержавъ татарина, бывшаго на его службѣ и хотѣвшаго перебѣжать къ москвичамъ, онъ его заковалъ и посадилъ на цѣпь.

При всемъ томъ, непріятностей было вдоволь. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что поляки, по дороговому для нихъ обычаю, были вооружены. А пристава побаивались, какъ бы не произошелъ бунтъ, и не причинилось бы кровопролитіе. Потому-то они неоднократно требовали выдачу оружія, то по собственному почину, то во имя московскаго правительства. Вслѣдъ за упорнымъ отказомъ, они предлагали сложить оружіе у Мнишка, который взялъ бы на себя всю отвѣтственность. Но и на эту сдѣлку поляки не пошли. Они объявили, что скорѣе положить жизнь, чѣмъ отдать оружіе, и дружно его отстояли.

Другое затрудненіе, чисто-матеріальнаго свойства, касалось насущнаго хлѣба. Такъ какъ они были на казенныхъ харчахъ, то имъ выдавались припасы и деньги на пищу. Въ два года, по счету самого Мнишка, на нихъ израсходовали 20.000 злотыхъ. Кромѣ того, они имѣли свои собственныя, конечно, ограниченныя средства; да въ дообавокъ имъ позволялось продавать остатки ихъ имущества.

Но все это было не надежно, неупорядочено и подвергалось неслыханнымъ колебаніямъ. Подъ часъ дѣло улаживалось кое-какъ, но вообще поляки много и часто терпѣли отъ голода. Однажды имъ сократили безъ того скромную пищу на одну треть, и это продолжалось

долгое время. Случалось и такъ, что нѣсколько дней подъ рядъ имъ выдавали только хлѣбъ и пиво, то за неприбытіемъ обоза, то за повсемѣстнымъ будто-бы недостаткомъ. Поляки сердились, жаловались, неистовствовали, а въ концѣ-концовъ должны были все перевоспитать и подчиняться.

Еще чаще, чѣмъ съ приставами, были столкновения и ссоры съ стрѣльцами. Непрерывныя сношенія съ ними давали къ тому поводъ. Однако, при всей свирѣпости этихъ стражей, нашлась у нихъ и слабая сторона. За ничтожный посулъ они передавали полякамъ извѣстія и ходячіе слухи о военныхъ дѣйствіяхъ, о неудачахъ Шуйскаго, объ успѣхахъ Дмитрія II. Они же, вѣроятно, служили посредниками для тайной переписки, ибо плѣнники какъ-то ухитрились сноситься между собою и съ Польшею. Имъ даже удалось получить письма отъ Николая Мело, августинскаго монаха, сосланнаго Шуйскимъ въ Борисоглѣбскій монастырь близъ Ростова. Эти продѣлки доходили до начальства, дѣлались взысканія, стрѣльцовъ приводили къ крестному цѣлованію, что они будутъ молчать, но, вопреки присягѣ, они соблазнялись копѣйками, и сообщенія съ посторонними не прекращались.

Между поляками также не все было ладно. Семейный духъ, кажется, одушевлялъ Мнишковь, и взаимная любовь соединяла ихъ. Самъ воевода постоянно заботился не только о своихъ дѣтяхъ и родныхъ, но и о своихъ спутникахъ и подчиненныхъ. Большое и благотворное вліяніе на всѣхъ имѣлъ отецъ Анзеринъ. Когда онъ скончался въ Ярославлѣ, 6-го августа 1607 года, Діаментовскій посвятилъ ему нѣсколько прочувствованныхъ строкъ. Послѣ него, для исполненія требъ, остались его товарищи, между которыми своею преданностью Маринѣ отличался отецъ Антоній изъ Люблина. Для молитвы поляки собирались въ маленькой домовою церкви. Даже, такъ называемый сорокъ-часовникъ отбывался у нихъ. Онъ состоитъ въ томъ, что Священные Дары выставляются на поклоненіе въ теченіе двухъ сутокъ.

Среди свѣтлыхъ сторонъ были и темныя. Діаментовскій объ этомъ не распространяется, но есть намеки на разнаго рода соблазны, пьянство, непокорность, ссоры раздоры. Нашлись также перебѣжчики.

Впрочемъ, надо признаться, что имѣются также смягчающія обстоятельства. Положеніе поляковъ было безотраднo. Лишь изрѣдка сверкала надежда на свободу, на возвращеніе въ милую отчизну; гораздо чаще ихъ стращали заговорами противъ нихъ, какъ будто хотѣли ихъ зарѣзать или утопить. Такія вѣсти не мало смущали ихъ и тревожили. При томъ домашній ихъ обиходъ былъ самый жалкій: они нуждались въ необходимомъ, боролись съ бѣдностью, переживали пожары, ужасно терпѣли отъ сильныхъ морозовъ. Иногда между ними свирѣпствовали бо-

лѣзни, которыми они заражались одинъ отъ другого. Янъ Мнишекъ такъ опасно захворалъ, что сдѣлалъ свое духовное завѣщаніе. Онъ вскорѣ выздоровѣлъ, но бывали и смертныя случаи. Такія обстоятельства не могли не воздѣйствовать на нравственное расположеніе плѣнниковъ, наводи на нихъ печаль и уныніе. Не обошлось также безъ видѣній и бѣсовскихъ прельщеній. Не разъ приводятся у Діаментовскаго чудесныя явленія на небесахъ: кто-то прочелъ стихи на лазурномъ сводѣ, другой видѣлъ саблю съ метлою; особенно волновала поляковъ луна, которая мерещилась имъ окровавленною. Другого рода происшествія приписывались всецѣло нечистому духу: страшный шумъ, неожиданный крикъ, произвольное перемѣщеніе предметовъ и внезапное ихъ паденіе.

Въ такой-то обстановкѣ молодая, жизнерадостная Марина провела около двухъ лѣтъ. Почти никакихъ особыхъ свѣдѣній о ней за это время не сохранилось, но можно полагать, что въ это именно время въ ней произошелъ переломъ. Сначала, потрясающія московскія событія, повидимому, произвели на нее лишь легкое впечатлѣніе; но въ долгомъ и скучномъ уединеніи, при полномъ отрѣшеніи отъ внѣшняго міра, при жизненныхъ тревогахъ, въ неизвѣстности будущаго, конечно, многое переварилось въ ея головушкѣ, характеръ ея могъ измѣниться, и ею могла овладѣть несбыточная мечта. Были съ нею и другія женщины, но какія именно, неизвѣстно ¹⁾. Впослѣдствіи оказалась при ней панна Казановская; очень вѣроятно, что она была также въ Ярославлѣ.

Въ теченіе этого двухлѣтія встрѣчается одинъ только фактъ, который бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на Марину, да и онъ достовѣренъ только въ общемъ, а не въ подробностяхъ. Дѣло въ томъ, что уже 1-го іюля 1606 года, если не раньше, дошли до Мнишекъ странныя слухи: рассказывали, будто Димитрій избѣгнулъ смерти и вскорѣ опять появитсѣ. Какъ извѣстно, эти слухи упорно и долго держались въ Польшѣ и въ Москвѣ. Въ связи съ ними является побѣгъ изъ Ярославля Яна Бильчинскаго. Сосланный вмѣстѣ съ Мнишками, онъ, подкупивъ стражу и переодѣвшись въ мужика, бѣжалъ 24-го ноября 1606 года. Узнавъ объ этомъ, пристава не на шутку перепугались и устроили погоню, которая возвратилась ни съ чѣмъ. Тогда они стали увѣрять, что Бильчинскій погибъ дорогою, но на дѣлѣ было иначе.

Замѣтимъ, прежде всего, что самый фактъ побѣга внѣ всякаго сомнѣнія. Его передаетъ Діаментовскій, и его же подтверждаетъ письмо Андрея Лавицкаго къ Децію Стривери отъ 12-го января 1607 года ²⁾.

¹⁾ Послѣ убіенія Димитрія польскіе послы изъявили желаніе отвезти въ Польшу дѣвицъ Декчинскую, Войцеховскую, двухъ Заблчанозъ и панну Разводовскую съ дочерью, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Мариною въ Москву.

²⁾ Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II. 499.

Андрею же Лавицкому Бильчинскій представлялся самолично во Львовѣ, 5-го января, наканунѣ Богоявленія. Мнѣе достовѣрны тѣ извѣстія, которыя исходятъ отъ самого бѣглеца и не поддаются провѣркѣ. Онъ выдавалъ себя за посланца Марины, которая, говорилъ онъ, совершенно увѣрена, что Димитрій живъ, и, обѣщавъ щедрое вознагражденіе, поручила его разыскать, передать ему нѣкоторыя тайны и умолять, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, явился на помощь. Такое настроеніе не удивительно у Марины: болѣе блестящаго исхода нельзя было себѣ представить, и въ ея измученную душу могли зарониться самыя смѣлыя надежды. Къ сожалѣнію, Бильчинскій утверждалъ далѣе, что видѣнный имъ на Лобномъ мѣстѣ трупъ якобы Димитрія былъ трупъ другого человека. Онъ клялся, что видѣлъ въ Путивлѣ хорошо ему знакомыхъ лошадей Димитрія, на которыхъ онъ будто бы спасся изъ Москвы. Такія утверженія подрываютъ авторитетъ Бильчинскаго. Ясно, что на него положиться нельзя, и сказанное о Маринѣ приходится принять только къ свѣдѣнію. Впрочемъ, эта посылка канула безслѣдно въ неизвестности.

Пока плѣнники томилась въ Ярославлѣ, о нихъ заботились въ Польшѣ и Римѣ. Есть слѣды переписки Сандомирской воеводиши съ краковскимъ нунціемъ Рангони, въ которомъ она искала защитника для своего мужа. Въ 1607-мъ году, 5-го іюля, Павелъ V обратился самъ къ польскому королю, упрашивая его вступиться за Марину и ея отца. Онъ признавался, что возлагалъ на Димитрія большія надежды, и послѣ ихъ крушенія утѣшался соизволеніемъ Всевышняго. Въ слѣдующемъ, 1608-мъ, году, два младшіе сына воеводы, Николай и Сигизмундъ, пріѣхавъ въ Римъ, увѣряли, что Димитрій живъ и ходатайствовали за своего отца. Въ виду ихъ настояній, папа возобновилъ, 1-го іюля, свою просьбу при польскомъ дворѣ ¹⁾.

Съ своей стороны, и не дожидаясь римскихъ внушеній, Сигизмундъ III безустанно хлопоталъ о несчастныхъ плѣнныхъ. Между Москвою и Варшавою велись переговоры, обмѣнивались посылки, и непременно требовалось освобожденіе задержанныхъ поляковъ. Наконецъ и до Ярославля сталъ доходить слухъ, что пріѣхало въ Кремль великое польское посольство, и что вскорѣ настанетъ давно желанный день возвращенія на родину. Дѣйствительно, 22-го мая 1608 года послѣдовалъ приказъ готовиться къ отъѣзду въ Москву, и три дня спустя, 25-го мая, Мнишекъ спѣшно выѣхалъ изъ Ярославля съ Мариною, своею роднею и 110 спутниками, преимущественно жѣнщинами, подростками и прислугою. Изъ оставшихся пока на мѣстѣ 162 поляковъ большая часть принадле-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, шкафъ 45, т. III, п. 73, т. IV, п. 46.—Отдѣлъ Боргезе, II, 499, письмо воеводиши къ Рангони, 13-го ноября 1606-го года.

жала къ шляхтѣ. Мнишекъ ихъ не забывалъ и заботился объ ихъ участи.

Въ Москвѣ сендомирскій воевода пробылъ немного болѣе двухъ мѣсяцевъ. Тамъ находились съ октября предыдущаго года новые польскіе послы—панъ Витовскій и князь Друцкій-Соколинскій. Переговоры съ Василиемъ Шуйскимъ подвигались туго; однакожь, подъ давленіемъ внѣшнихъ событій и внутренней возрастающей смуты, 25-го іюля 1608 г. было заключено перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ. Въ числѣ условій значилось освобожденіе Мнишка, Марины и вообще всѣхъ задержанныхъ поляковъ. Самому же воеводѣ вмѣнялось въ обязанность не признавать зятемъ Димитрія II, не выдавать за него своей дочери, а Маринѣ не называться московской царицей. Этотъ договоръ дошелъ до насъ только въ русскомъ источникѣ, но сомнѣваться въ его подлинности нѣтъ никакой причины ¹⁾.

Въ виду послѣдующихъ событій, важно было бы опредѣлить, какъ держалъ себя Мнишекъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, скудость матеріаловъ не позволяетъ этого сдѣлать въ желаемой мѣрѣ. Намъ доступна только внѣшняя сторона того, что происходило. Послѣ двухлѣтняго заключенія отрядно было свидѣться съ соотечественниками, получить извѣстія изъ Польши, прочесть доставленные письма. При всемъ томъ Мнишекъ не упустилъ случая свести свои денежные счета съ московскимъ правительствомъ. Во время майскаго погрома, онъ былъ, какъ извѣстно, обобранъ, и Марина также. Понятно, что она желала вернуть себѣ свое имущество. Съ этою цѣлью сендомирскій воевода сдѣлалъ роспись понесенныхъ имъ убытковъ. Московское правительство представило также двѣ росписи: одну лошадямъ, богатой збруѣ и винамъ, а другую драгоценностямъ, захваченнымъ у бывшей царицы и ея отца. Всѣ эти показанія сосредоточивались въ рукахъ пословъ, которымъ, вѣроятно, удалось устроить дѣло къ лучшему, ибо въ этомъ отношеніи Василій Шуйскій оказывался сговорчивымъ. 2-го августа состоялся отъѣздъ изъ Москвы.

II.

Неожиданный поворотъ, о которомъ будетъ вскорѣ рѣчь, находится въ связи съ самыми сокровенными замыслами Юрія Мнишка. Не лишне

¹⁾ Бутурлинъ, *Исторія Смутнаго Времени*, т. II, стр. 59, и VIII.

будеть вдуматься, по мѣрѣ возможности, въ его настроеніе, и заранѣе отмѣтить его подозрительныя выходки.

Главное недоразумѣніе сводится къ тому, что онъ съ начала признавалъ Тушинскаго вора за истиннаго Дмитрія и мужа Марины. Воевода и бывшая царица переписывались изъ Ярославля съ Дмитріемъ II, а онъ пересылалъ ихъ собственноручныя письма въ Самборъ и утѣшалъ воеводу¹⁾. Въ 1608-мъ году, Мнишекъ писалъ въ томъ же смыслѣ королю Сигизмунду III и, заботясь о своемъ освобожденіи, обращался къ прежнимъ своимъ планамъ общаго похода противъ турокъ и распространенія римской вѣры, мечтая только, вмѣсто союза съ Москвою, о какомъ-то подчиненіи послѣдней въ пользу Дмитрія и съ помощью Рѣчи Посполитой²⁾. Даже послѣ заключенія перемирія, несмотря на московскіе доводы, въ душѣ Юрія не угасала надежда, искренняя или напускная, свидѣться съ бывшимъ своимъ самборскимъ гостемъ. Въ Тушинѣ поведеніе его таинственно и замысловато; на сеймѣ же 1611 года, онъ выступилъ, какъ постоянный и безпристрастный обличитель Тушинскаго вора³⁾. Что касается до Марины, то она увлекается своимъ правомъ на московскій вѣнецъ: въ ея глазахъ оно неотъемлемо, и почему же не стремиться къ его осуществленію? Имѣя въ виду эти соображенія, легче будетъ вникнуть въ ходъ послѣдующихъ событій.

Освобожденные поляки выѣхали всѣ вмѣстѣ, какъ уже сказано выше, 2-го августа 1608 года. Къ нимъ присоединились бывшіе послы при Дмитріѣ, Николай Олесницкій и Александръ Госѣвскій. Последняго сопровождалъ іезуитъ Савицкій, авторъ утраченнаго дневника, которымъ пользовался Велевицкій. Охрану отъѣзжающихъ поручили князю Владиміру Тимоѣевичу Долгорукому съ нѣсколькими сотнями ратныхъ людей, ибо дорога была ненадежная: Дмитрій II стоялъ въ Тушинѣ, и въ Москвѣ опасались, какъ бы онъ не захватилъ Марину. Само собою казалось ясно, что для него завладѣть личностью бывшей царицы и прослать за ея мужа было важнѣе, чѣмъ взять любую крѣпость. Поэтому, для болѣе безопасности, оставивъ въ сторонѣ

¹⁾ 2-го іюня 1608 года, Дмитрій II писалъ къ воеводѣ изъ Калуги: *Noverit Dominatio Vestra Illustrissima Dominum Palatinum Sendomiriensem unacum serenissima et dilectissima conjuge nostra optime valere, quorum litteras proprias ad nos scriptas D. V. mittimus.*—Ватиканскій архивъ, огдѣлъ Боргезе, IV, 79.

²⁾ Львовъ, Библиотека Оссолинскихъ, 2431.

³⁾ Краковъ, Ягеллонская библиотека, 102, л. 457.

Смоленскъ, поляковъ направили къ границѣ окольными путями, черезъ Тверь, гдѣ подѣ-часъ приходилось прорубать проходъ топорами, ночевать подѣ открытымъ небомъ и подвергаться всякаго рода лишеніямъ.

Поляки уже приближались къ Волгѣ, какъ вдругъ, 6-го августа, произошла тревога. Развѣдчики донесли, что явилась погоня Дмитрія. Московская охрана совѣтовала свернуть съ пути или обождать минованія опасности. Между поляками возникло, по этому поводу, непримиримое разногласіе. Госѣвскій, стороны котораго придерживался Савицкій, довѣряя русскимъ, соглашался на ихъ предложеніе. Напротивъ того, главный посолъ Олесницкій настаивалъ на проѣздѣ по болѣе краткой, но опасной дорогѣ. Того же мнѣнія были Юрій Мнишекъ, его дочь Марина и бѣольшая часть шляхтичей. Они разсуждали такъ: единственная угрожающая опасность была бы встрѣча съ погонею Дмитрія, но, такъ какъ его войско состоитъ преимущественно изъ поляковъ, то отъ соотечественниковъ бояться нечего, отъ нихъ укрываться не стоитъ. Цѣлыхъ два дня прошло въ препирательствахъ. Обѣ стороны съ жаромъ отстаивали каждая свой взглядъ. Соглашеніе не состоялось. Противники окончательно разошлись ¹⁾. Госѣвскій поѣхалъ обходнымъ путемъ, встрѣтилъ отрядъ, высланный Шуйскимъ, для защиты противъ Дмитрія, добрался до границы и, 27-го августа, благополучно достигъ Велижа, хотя и не безъ затрудненій. Иная участь ожидала Олесницкаго и его спутниковъ. 11-го августа они переправились черезъ Волгу. Отрядъ Шуйскаго, узнавъ отъ Госѣвскаго о намѣреніяхъ Олесницкаго, пустился за нимъ, догналъ его и умолялъ не ѣхать на Смоленскъ. Посолъ не сдавался; насиловать его не рѣшились. Такъ онъ и поѣхалъ далѣе по большой дорогѣ.

Случилось то, что можно было предвидѣть и чего надо было опасаться. Погоня Дмитрія, нагнавъ Олесницкаго, привела его въ Тушино вмѣстѣ съ Юріемъ Мнишкомъ и Мариною. Въ этомъ вся суть дѣла, не подлежащая сомнѣнію; но каковы были подробности, на комъ лежитъ отвѣтственность и какъ она распредѣляется—рѣшить гораздо труднѣе. Въ источникахъ являются противорѣчія, и нѣтъ желаемаго безпристрастія. Въ самомъ дѣлѣ, главная цѣль Мнишка не чтѣ иное, какъ собственное оправданіе, Сапѣга страдаетъ пробѣлами, едва-ли не преднамѣренными, а тушинецъ Мархоцкій не достаточно посвященъ въ тайныя продѣлки. Такимъ образомъ, провѣрка усложняется, но она все-таки необходима.

¹⁾ Эти пререканія изложены Велевпцкимъ по утраченному для насъ дневнику Савицкаго. *Historici Diarii*, т. II, стр. 276.

И такъ, на сеймѣ 1611 года, Мнишекъ разсказывалъ слѣдующее: на нихъ напало трехтысячное войско, посланное Димитріемъ, оно побило челядь, отобрало нѣкоторыхъ женщинъ, обращалось съ ними жестоко, и, чтобы заманить ихъ въ Тушино, клялось, что тамъ находится истинный Димитрій. Не смотря на ихъ сопротивленіе, ихъ насильно повели въ Царево-Займище, гдѣ стоялъ Янъ-Петръ Сапѣга. Онъ хотѣлъ было ихъ уволить, но не могъ, имѣя мало войска и бывъ связанъ обѣщаніями. А настроеніе было такое, что даже простые ратники грозили смертью въ случаѣ упорства. Такъ ихъ и довели до Тушиана.

Надо признаться, что Мархоцкій подтверждаетъ фактъ насилія. По его разсказу, въ лагерѣ Самозванца не всѣ были одинаковаго мнѣнія. Одни хотѣли непременно завладѣть Мариною, другіе этого вовсе не желали и довольствовались притворствомъ, ибо слишкомъ странно показалось бы, что мужъ не заботится о своей женѣ. Какъ бы то ни было, Димитрій выслалъ сперва Вацлавскаго, а послѣ его неудачи, Зборовскаго съ Стадницкимъ, которые, съ оружіемъ въ рукахъ, принудили отъѣзжающихъ вернуться ¹⁾.

Но если Мархоцкій обѣяетъ Мнишка, то другія показанія крайне для него неблагоприятны. Ужъ то обстоятельство, что онъ, зная опасность, не хотѣлъ свернуть съ пути, очень подозрительно. Еще болѣе вѣскою уликою служить его переписка съ Димитріемъ. Правда, писемъ самого Мнишка не имѣется на лицо, но въ Московскомъ архивѣ хранятся перехваченныя или другимъ путемъ добытыя посланія къ нему Димитрія. Изъ нихъ можно заключить, что между самозванцемъ и воеводою была, по крайней мѣрѣ, попытка соглашенія. Димитрій не скрывалъ, что высылаетъ погоню; а въ другой разъ, предлагалъ Казимірскаго для всякаго рода услугъ. Послѣдующія письма, какъ увидимъ, также предосудительнаго содержанія.

А что думать о пребываніи въ Тушинѣ? Король Сигизмундъ прямо говорилъ нунцію Симонеттѣ, что Мнишекъ сидѣлъ тамъ, ожидая у моря погоды, что онъ сперва предлагалъ свою дочь въ царицы, и, получивъ отказъ, мечталъ теперь о томъ, какъ бы выдать замужъ за Димитрія, если онъ взойдетъ на престолъ ²⁾. На сеймѣ же 1611 года, въ присутствіи короля Сигизмунда, Мнишекъ толковалъ свое поведеніе совершенно иначе. Выдавая себя за безпощаднаго обличителя самозванца, онъ увѣрялъ, что пытался вырваться изъ Тушина, проводить Марину въ Ду-

¹⁾ Marchocki, *Historya Wojny Moskiewskiéj*, стр. 38.

²⁾ Pierling, *La Russie et le Saint-Siège*, т. III, 450.

бровну и тамъ отдаться на монаршую волю. Казалось, за скромный уголокъ въ Польшѣ онъ промѣнялъ бы все Московское Царство! При томъ оправдывать Марину онъ не брался. Въ своихъ письмахъ она будто бы признавала Тушинскаго вора за истиннаго Димитрія. Этого Мнишекъ не одобрялъ; но когда были пущены письма въ ходъ, передъ свиданіемъ или послѣ свиданія подь Москвою, онъ не говоритъ,—а разнища въ этомъ огромная.

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ вытекаетъ такое заключеніе, что Мнишекъ сперва не имѣлъ твердыхъ убѣжденій, а потомъ колебался и вель себя двусмысленно, хотя заднимъ числомъ, на сеймѣ 1611 года, и хвастался своею выдержкою. Иначе трудно понять противоположные отзѣвы о немъ, и при этомъ переписка съ Димитріемъ теряетъ всякій смыслъ.

Вернемся теперь опять къ Маринѣ, чтобы установить хоть бы хронологическую послѣдовательность ея перемѣненій до пріѣзда въ Тушино. Первое важное свиданіе послѣ задержки на дорогѣ было съ Сапѣгою, который навѣстилъ Юрія Мнишка и его дочь въ Любеницахъ, 29-го августа. На другой же день, Марина прибыла въ Царево-Займище, гдѣ Сапѣга стоялъ лагеремъ, и гдѣ ее приняли съ подобающею честью. Замѣчательно, что съ этихъ поръ Сапѣга является какъ бы посредникомъ и покровителемъ Марины. Усвоивъ себѣ тушинскую фикцію, онъ постоянно говоритъ о царицѣ и царѣ, какъ будто никакое уже сомнѣніе было немыслимо. Оставалось только отправиться въ Тушино. Сапѣга шелъ впереди съ войскомъ. За нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовала Марина и была предметомъ его постоянныхъ заботъ. 1-го сентября, посѣтивъ ее въ селѣ Добромъ, онъ присутствовалъ при обѣдѣ, а потомъ былъ приглашенъ къ столу. При немъ, Заблоцкій привезъ письма отъ Димитрія и вручилъ ихъ воеводѣ и его дочери. Марина и всѣ ее окружающіе якобы очень обрадовались. Объ этомъ свидѣтельствуеъ Сапѣга.

Дѣйствительно, переписка съ Тушиномъ продолжалась, и кажется, къ обоюдному удовлетворенію. Характерно письмо Димитрія отъ 8-го сентября. Онъ изъявляетъ желаніе, чтобы его «пресвѣтлѣйшая и любезнѣйшая супруга» отправилась въ Звенигородскій монастырь «для положенія одного святого». Религіозное чувство здѣсь было ни при чемъ, вмѣлисъ въ виду совсѣмъ другія выгоды. Димитрій глухо напоминалъ, «въ разсужденіи чего» онъ претерпѣлъ величайшую «ненависть и пагубу» въ своемъ государствѣ, а теперь, угождая православнымъ, надѣялся заслужить «почтеніе и удивленіе» въ Москвѣ ¹⁾. Здѣсь бро-

¹⁾ Собраніе госуд. грамотъ и дог., т. II, стр. 339 и 763.

сается въ глаза внушительное совпаденіе. Сапѣга отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, подъ 8-мъ числомъ сентября, что Марина ночевала въ Звенигородскомъ монастырѣ и тамъ же провела весь послѣдующій день. Что она тамъ дѣлала, онъ съ обычнымъ лаконизмомъ просто замалчиваетъ. А письмо Димитрія возбуждаетъ подозрѣніе.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ Мнишки приближались къ Тушину, все болѣе и болѣе навязывался вопросъ о личности Димитрія. Былъ ли онъ истинный или подставной? Въ цѣляхъ окончательнаго разъясненія, Юрій Мнишекъ дважды отправлялся въ Тушино, 11-го и 15-го сентября. О поѣздкахъ упоминаетъ Сапѣга, но о вынесенномъ впечатлѣніи онъ опять-таки ни словомъ не обмолвился. Здѣсь говорятъ за себя самыя факты, ибо въ послѣдующіе пять дней, вопреки нѣкоторымъ колебаніямъ, все уладилось, и уладилось въ пользу Димитрія.

16-го сентября, онъ пріѣхалъ къ Мариинѣ. Сапѣга признается, что бывшая царица приняла его не охотно и не выказала благодарности. Важность такого показанія нельзя отрицать. Другой свидѣтель, служитель Олесницкаго, подробно описываетъ первую встрѣчу. Марина будто бы съ ужасомъ отвернулась отъ Димитрія, ножъ засверкалъ въ ея рукахъ, и она воскликнула: «лучше умереть!»¹⁾ Понятно ея глубокое разочарованіе, если она надѣялась встрѣтиться съ первымъ Димитріемъ. Второй Димитрій былъ человекъ грубый, порочный, не имѣвшій ничего привлекательнаго для относительно образованной женщины, да къ тому же явный обманщикъ, ибо, послѣ свиданія съ нимъ, отождествлять его съ самборскимъ гостемъ было невозможно.

А задержать ходъ событій никто уже не смѣлъ. Они шли быстрымъ ходомъ, не давая передышки дѣйствующимъ лицамъ. 17-го сентября велись переговоры между тушинцами и москвичами. Въ нихъ участвовали Юрій Мнишекъ и оба Вишневецкіе, Адамъ и Константинъ. Исходъ былъ отрицательный, но подробности остались неизвѣстными. Только на сеймѣ 1611 года, ссылаясь на Василя Шуйскаго, Мнишекъ утверждалъ, что московскіе люди его спрашивали: тотъ ли или не тотъ Димитрій? и что онъ откровенно и безстрашно отвѣтилъ: не тотъ. Такое заявленіе не могло бы не произвести глубокаго впечатлѣнія на окружающихъ. А съ другой стороны, оно еще болѣе затрудняетъ пониманіе того, что послѣдовало.

Олесницкій откланялся Димитрію 19-го сентября, вмѣстѣ съ нимъ навѣстилъ Марину и на другой день выѣхалъ въ Польшу. Его сопро-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 226, 1608, 8-го ноября, депеша Симонетты.

вождали Павелъ Мнишекъ, Сигизмундъ Тарло и многіе другіе, особенно женщины, нѣкогда прѣхавшія въ Москву на свадьбу самборскаго Дмитрія. Того же числа, 20-го сентября, Сапѣга проводилъ Марину въ Тушино и передалъ ее Дмитрію II.

Тогда рѣшилась участь бывшей царицы. По всему кажется, что она не согласилась быть любовницей Дмитрія, а сочеталась съ нимъ бракомъ. Анонимный журналъ нунціатуры говоритъ, что ихъ обвинялъ бернардинскій монахъ сопутствовавшій Маринѣ ¹⁾. Въ томъ же смыслѣ выразился Мнишекъ на сеймѣ, но съ оговоркой, что бракъ былъ заключенъ въ плѣну и по неволѣ. Такимъ образомъ, Марина поступала вполне сознательно, и не трудно угадать ея соображенія. Почитая себя московскою царицею, она, обладая правомъ на престолъ, своимъ бракомъ съ самозванцемъ возводила его на степеня царицына мужа и законнаго царя.

Конечно, это только предположенія. Размолвка между отцомъ и дочерью и отношенія Дмитрія къ Мнишку еще болѣе усложняютъ сами по себѣ сложный вопросъ. Въ началѣ 1609 года, Мнишекъ уѣхалъ въ Польшу, не простившись съ Мариною и не благословивъ ее. Чтѣ же случилось между ними? Пустое разногласіе не могло имѣть такихъ послѣдствій. Надо предположить, что Марина не пошла на условія отца, не послѣдовала его увѣщаніямъ. Ужъ не осталась ли она самовольно въ Тушинѣ вопреки отцовской волѣ? Съ этимъ предположеніемъ, однако жъ, какъ-то не клеится то обстоятельство, что Дмитрій постоянно благоволилъ Мнишку, высылалъ къ нему своего канцлера, общалъ 300.000 рублей и обширныя области по вступленіи на престолъ. Здѣсь чувствуется недостатокъ достаточныхъ свѣдѣній.

Сендомирскій воевода покинулъ Тушино 17-го апрѣля 1609 года ²⁾. 28-го декабря 1608-го года, Станиславъ Мнишекъ давалъ еще обѣдъ, вѣроятно прощальный, на которомъ присутствовалъ Сапѣга. Продолжительные переговоры произвели, по словамъ Мархоцкаго, неблагоприятное впечатлѣніе на тушинцевъ. Казалось, что истиннаго мужа немедленно соединили бы съ его супругой, а долго сговариваться можно было только съ чужимъ и самозваннымъ. Въ такихъ-то затрудненіяхъ Марина осталась въ Тушинѣ одинокой.

¹⁾ Тамъ же, IV, 274, л. 95 v.

²⁾ Эту дату выставляетъ Діаментовскій (Hirschberg, Polska a Moskwa, стр. 104) и на него можно положиться.

III.

Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, съ приходомъ Дмитрія и его отрядовъ, Тушино оживилось и отстроилось. Необходимое для войска продовольствіе привлекло туда много торговцевъ; для жительства и обороны возведены были избы и укрѣпленія.

Составъ этихъ таборовъ былъ самый разношерстный. Дмитрія окружали польско-литовская вольница, казацкіе удалцы и московскіе перелеты. Между поляками самое видное мѣсто занималъ князь Романъ Рожинскій, возведенный въ санъ гетмана. Отдѣльными отрядами предводительствовали Янъ-Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, выступавшій какъ мститель польской чести, и Александръ Лиссовскій, отчаянный рубака, бандитъ, не признаваемый своимъ отечествомъ. Изъ казацкихъ атамановъ самымъ извѣстнымъ былъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій, который впоследствии еще болѣе прославился и совершенно проворовался. Среди русскихъ выдавался нѣкоторое время митрополитъ ростовскій и «нареченный» патріархъ Филаретъ Никитичъ; да кромѣ того были представители всѣхъ слоевъ московской знати.

При такой наличности трудно было для Марины найти подходящее для себя общество. Съ начала она, кажется, всего ближе сошлась съ Сапѣгою, который, какъ уже сказано, и привелъ ее въ Тушино. И вотъ какимъ онъ заявилъ себя въ обыкновенномъ обращеніи: 25-го сентября, онъ посѣтилъ Марину, бывъ въ нетрезвомъ видѣ, и просидѣлъ у ней съ полчаса; потомъ же онъ такъ напился, что дорогой упалъ съ лошади и расшибъ себѣ голову. Если Сапѣга такъ безчинствовалъ, можно себѣ представить, каковы были другіе тушинцы, съ которыми приходилось уживаться. А изъ бывшихъ спутниковъ и спутницъ Марины, окружавшихъ нѣкогда счастливую царицу, остались при ней лишь очень немногія, пожалуй только двое. Положительно извѣстно, что въ Тушинѣ находился бернардинъ Антоній изъ Люблина; то же, вѣроятно, должно предположить о Варварѣ Казановской, которую мы встрѣтимъ въ Астрахани.

Очень скоро выяснилось, что положеніе Марины было во всѣхъ отношеніяхъ безотрадное. Сначала для нея выстроили новую избу, и общали озабоченному отцу, что съ его дочерью будутъ обходиться хорошо. Но едва прошло нѣсколько недѣль, какъ все измѣнилось къ худшему: ей не оказывали должнаго уваженія и она подвергалась многимъ лишеніямъ. Немедленно послѣ отъѣзда Юрія Мнишка ею овладѣла

горькая печаль, она стала заливаться слезами, письменно просила прощенья у своего отца, общала слѣдовать его совѣтамъ, заручалась его ходатайствомъ, чтобы имѣть «почтеніе и милость» у Дмитрія. Въ томъ же письмѣ, какъ бы въ доказательство ея дѣтскаго легкомыслія, встрѣчается такое пожеланіе: «Прошу васъ, милостивый государь мой батюшка, чтобы я, по милости вашей, могла получить чернаго бархату узорчатаго... двадцать локтей, прошу усильно» ¹⁾).

Отвѣты изъ Польши рѣдко доходили до Марины. Она жалуется, что не получаетъ никакихъ извѣстій; жалѣеть, что не имѣетъ средствъ для посылки нарочныхъ. Ея мысль часто переносится въ Самборъ. Она вспоминаетъ о семейномъ кругу, какъ имъ привѣтливо жилось, какъ они пили вмѣстѣ старое вино и лакомились рыбою, и, предвидя, вѣроятно, наступающій постъ, она проситъ, чтобы ея не забывали и подѣлились съ ней. Такія просьбы и мечтанія можно было смѣло поручать бумагѣ, но въ письмахъ Марины есть намеки, что она многое утаивала изъ осторожности, и конечно самое важное. Религіозное чувство, какъ увидимъ, ея никогда не покидало. Въ 1609 году, несмотря на свое бѣдственное положеніе, она послала бернардинамъ въ подарокъ серебряныя паникадалы для большого алтаря самборской церкви ²⁾).

До сихъ поръ предъ нами являлась только полу-забытая, полу-заброшенная женщина; но въ ней скрывается царица. Вопреки плѣневію и невздамъ, царскій духъ не угасалъ въ Маринѣ. Всегда мечтающая о престолѣ, она не поступаетъ своими, по ея мнѣнію, непоколебимыми правами. Даже въ письмахъ къ отцу она подписывается «сзагова». Она заботится, чтобы посланцамъ Дмитрія оказывались почести въ Варшавѣ. Она обращается къ папѣ, къ папскому нунцію, къ королю, но безъ всякаго раболѣпія, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства.

Сношенія съ Павломъ V относятся къ 1609 году. Одинъ изъ ея приближенныхъ, Абрамъ Рознятовскій, отправлялся въ Римъ для исполненія даннаго обѣта. Вспомнивъ, вѣроятно, о римской перепискѣ при своемъ бракосочетаніи въ Краковѣ и пользуясь случаемъ, Марина написала, 4-го января, посланіе къ папѣ. Отправленіе Рознятовскаго служило только предлогомъ. О своемъ положеніи она также не распространяется и смѣло общается выслать посольство въ Римъ, коль скоро

¹⁾ Большая часть писемъ Марины напечатана во II-мъ томѣ Собранія госуд. гр. и дог.

²⁾ Самборъ, Архивъ Бернардиновъ, Acta seu Monumenta.

ея правое дѣло восторжествуетъ. Въ настоящее же время, въ Тушинѣ, она предлагаетъ исполнить всѣ порученія, клонящіяся къ славѣ папской и благу христіанства, которыя папа соблаговолилъ бы ей сообщить письменно или чрезъ посредника. Все это было приправлено обычными просьбами о молитвахъ и благословеніи. Вообще, письмо какъ будто написано по схемѣ, унаслѣдованной отъ самборскаго Димитрія, который такъ искусно умѣлъ вызывать къ себѣ благосклонность. Но не тѣ были уже времена. Письмо дошло до своего назначенія, и въ римской куріи на оборотѣ сдѣлали помѣтку: «не нуждается въ отвѣтѣ» ¹⁾.

Такого исхода Марина, вѣроятно, не предвидѣла, ибо 15-го января она обращается съ тѣми же предложеніями къ варшавскому нунцію Симонеттѣ. Лично она его не знала, но его предшественникъ, Клавдій Рангони, былъ къ ней очень милостивъ, и она рассчитывала на продолженіе такихъ же отношеній съ новымъ нунціемъ.

Царскій духъ Марины еще нагляднѣе выразился въ письмахъ къ королю. Предварительно надо замѣтить, что ея положеніе усложнилось въ 1609 году, когда Сигизмундъ III объявилъ войну Москвѣ и осадилъ Смоленскъ. Онъ нападалъ на страну, которую Марина считала своимъ государствомъ. При томъ, король выступалъ не только противъ Шуйскаго, но и противъ Димитрія, съ которымъ, однако жъ, не хотѣлъ имѣть прямыхъ сношеній, желая только перетянуть на свою сторону тушинскихъ поляковъ. Что касается до Марины, то онъ старался, кажется, привлечь ее также къ себѣ, какъ свою подданную, не дѣлая никакихъ обѣщаній и не предлагая никакихъ условій.

На такое намѣреніе указываетъ самый выборъ комиссаровъ, отправленныхъ въ Тушино. Въ ихъ главѣ находился родственникъ Марины, Станиславъ Стадницкій, кастелянъ przemyslski, прозванный ангеломъ, въ противоположность другому Станиславу Стадницкому, котораго именовали дьяволомъ. Въ родствѣ съ Мариною и съ ея спутницею Варварою былъ еще другой комиссаръ, Мартынъ Казановскій. Кровныя связи облегчали взаимныя сношенія. Стадницкій первый обратился къ Маринѣ съ письмомъ, предлагая свои услуги и увѣдомляя о вступленіи короля въ Россію. Она его отблагодарила письмомъ 10-го сентября 1609 года, развивая мысль, что невзгоды проходятъ, а что за правое дѣло вступается Богъ ²⁾. Не иначе отвѣтила бы истинная царица: въ каждой строчкѣ внушалось Сигизмунду, что на мѣстѣ есть другой

¹⁾ Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 499.

²⁾ Macchowski, стр. 161.

хозяинъ. Вскорѣ наступившій новый переворотъ не поколебаль твердости Марины.

Уже давно поговаривали о томъ, что Димитрій обдумываетъ бѣгство изъ Тушина. Въ январѣ 1609 года предупреджали даже Сапѣгу, чтобы онъ остерегался. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе мнимаго царя было невыносимо. Никто его не слушался, къ нему относились съ презрѣніемъ; съ Сигизмундомъ велись переговоры безъ его участія. Димитрій не выдержалъ. 6-го января 1610 года онъ удалился тайкомъ въ Калугу, гдѣ надѣялся найти безопасность, матеріальное изобиліе и стратегическія выгоды.

Марина отдавалась такимъ образомъ на произволъ судьбы. Что ей было дѣлать? Для нея представлялся только двойкій исходъ: или передаться Сигизмунду, что повлекло бы за собою отреченіе отъ московскаго престола, или бѣжать въ Калугу, гдѣ еще можно было защищать свои права. Марина выбрала послѣднее, при чемъ выказала большую смѣлость характера.

Предпріятіе было трудное. За покинутой супругой Димитрія зорко слѣдили. Гетманъ Рожинскій былъ не прочь доставить ее въ королевскій лагерь подь Смоленскъ. Марина ему не довѣряла, и ей приходилось отъ него укрываться. Она прибѣгнула къ хитрости. Переодѣвшись въ мужское платье, въ сопровожденіи женщины, вѣроятно, Казановской, и одного подростка, она тайно бѣжала въ Калугу презъ Дмитровъ, гдѣ стоялъ Сапѣга, а куда она прибыла 26-го февраля. Немедленно было созвано генеральное коло. Оно очень обрадовалось, услышавъ неожиданную новинку, и уполномочило нѣкоторыхъ товарищей изъяснить Маринѣ всеобщую благодарность. Извѣстили также тушинцевъ объ ея пріѣздѣ, которымъ она, впрочемъ, сама оставила очень странное, приводимое Кобежицкимъ дословно, письмо ¹⁾. Около того же времени, 16-го января, она писала королю Сигизмунду, жалуясь на свою горькую участь, и только условно поступаясь своими правами ²⁾.

Въ Дмитровѣ Марина оставалась недолго. По свидѣтельству Мархоцкаго, она тамъ отличилась: узнавъ, 1-го марта, что сапѣжинцы замялись въ стычкѣ съ русскими, она выскочила изъ своего помѣщенія, добралась до вала, и ей удалось одушевить ратниковъ. Сапѣга умалчиваетъ этотъ

¹⁾ Kobierzycki, Vita Vladislai, стр. 203. Письмо это вращалось въ польскомъ обществѣ, ибо нунцій Симонетта переслалъ копію съ него въ Римъ 4-го марта 1610 года. Ватиканскій архивъ, Polonia, 37, A, л. 234.

²⁾ Римъ, архивъ Бонкомпанья, E, 35.

фактъ и отмѣчаетъ только, что Марина уѣхала въ Калугу 7-го марта. По другимъ источникамъ, онъ старался всѣми силами, хотя и тщетно, задержать ее ¹⁾).

Между тѣмъ смута все росла и росла. Тушино мало-по-малу опустѣло. Въ іюнѣ 1610 года Жолкѣвскій отпраздновалъ Клушинскую побѣду. Москва оставалась безъ защиты. Это подало Димитрію новую надежду; онъ опять приблизился къ столицѣ, его приверженцы встрепенулись, нѣкоторые города цѣловали ему крестъ, и онъ дошелъ до села Коломенскаго. Но подъ стѣнами Москвы уже стоялъ Жолкѣвскій, русскій вѣнецъ предназначался Владиславу, а Димитрію, въ лучшемъ случаѣ, уступили бы Самборъ или Гродно. Димитрій понялъ, что въ данныхъ условіяхъ борьба становилась ему не по силамъ и, взявъ съ собою Марину, бѣжалъ опять въ Калугу, въ августѣ 1610 года. Съ своей стороны, Марина не бездѣйствовала; она чего-то домогалась, ибо послала преданнаго себѣ бернардина Антонія къ Сапѣгѣ для переговоровъ, которые длились нѣсколько дней, отъ 28-го ноября до 4-го декабря. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, въ чемъ они состояли.

Пока Жолкѣвскій торжествовалъ въ Москвѣ, присягая Владиславу, Димитрію грозила трагическая смерть. Извѣстно, что онъ былъ зарѣзанъ Петромъ Урусовымъ 11-го (22-го) декабря 1610 года. Въ данную минуту эта потеря была для Марины неожиданнымъ ударомъ. Какъ она при этомъ вела себя, мы узнаемъ только изъ польскихъ источниковъ, которые вообще ея не жалуютъ. Вѣрный отголосокъ ходячихъ слуховъ слышится въ депешахъ нунція Симонетты. По его словамъ, Марина, тогда уже беременная, предалась большому горю, почти отчаянію, требуя, чтобъ ее также лишили жизни. По другой депешѣ она будто-бы сама нанесла себѣ раны, хотя и не смертельныя ²⁾). Какъ бы то ни было, но отъ царской мечты она, кажется, не отказалась. Узнавъ объ убіеніи Димитрія, Сапѣга подступилъ съ войскомъ къ Калугѣ. Въ Польшѣ надѣялись, что, завладѣвъ Мариною, Сапѣга упразднитъ самозванство. Дѣйствительно, гетманъ обмѣнялся письмами со вдовою Димитрія, вызывалъ калужскихъ бояръ и весь міръ на совѣщаніе, но въ назначенный день никто не явился. Сапѣга такъ и ушелъ, вичего не сдѣлавъ. Вскорѣ Марина родила сына, котораго бояре окрестили по греческому обряду,

¹⁾ 17-го іюня 1610 года Марина обратилась къ Сапѣгѣ съ письмомъ, гдѣ возлагала на него всю свою надежду. Kognowicki, Zycia Sapiehow, т. II, стр. 9 и VII.

²⁾ Римъ, архивъ Бонкампаньл, Е, 37, депеши 9-го января 1611 года.

назвали Иваномъ Дмитріевичемъ и провозгласили царевичемъ. Это была уже только тѣнь самозванца.

Здѣсь является около Марины новая личность, о которой мелькомъ упоминалось выше—Иванъ Мартыновичъ Заруцкій, красивый и статный мужчина, типичный казацкій удалецъ. По свидѣтельству Мархоцкаго, лично его знавшаго, онъ былъ родомъ изъ Тарнополя. Плѣненный въ юности татарами, онъ бѣжалъ отъ нихъ къ донскимъ казакамъ и такъ отличился между новыми товарищами, что его выбрали въ атаманы. Въ смутное время онъ рыскалъ съ своими шайками по всей Россіи. И кому онъ только не служилъ? И Дмитрію II-му, и Сигизмунду III-му. Теперь онъ перешелъ на сторону Марины и сдѣлался приверженцемъ ея сына Ивана. На такое рѣшеніе повліяли, конечно, виѣшнія обстоятельства, но могло заговорить и личное чувство. Не разъ выражалось предположеніе, что Заруцкій былъ въ связи съ Мариной, а по испанскимъ источникамъ она просто вышла за него замужъ. Такой бракъ былъ для нея выгоденъ, ибо доставлялъ ей не малое число защитниковъ. Но время самозванщины и казацкаго своеволія уже клонилось къ концу. Не долго Заруцкій держался во главѣ движенія вмѣстѣ съ Трубецкимъ и Ляпуновымъ. Пожарскій рѣшительно возсталъ противъ «Маринкина сына»; населеніе тяготилось казацкими грабежами и насиліями. Заруцкій, послѣ многихъ перемѣненій и окончательной неудачи, скрылся въ 1611 году въ Рязанской крайнѣ.

О дѣятельности Марины въ это время намъ почти ничего не извѣстно. Въ 1613 году мы ее встрѣчаемъ въ Астрахани, куда она должна была удалиться вмѣстѣ съ Заруцкимъ. Несмотря на тогдашнія тяжелыя обстоятельства, она и здѣсь выступаетъ съ своими характерными чертами.

При Маринѣ находился въ качествѣ духовнаго отца, какъ выше уже сказано, бернардинъ Антоній, котораго она употребляла когда-то для переговоровъ съ Сапѣгою. Дозволительно предположить, что онъ былъ ея довѣреннымъ человѣкомъ. Кромѣ отца Антонія, Марину въ то время окружали еще два другіе монаха. Послѣ убіенія Дмитрія II, проѣздомъ чрезъ Нижній Новгородъ, она, при содѣйствіи Заруцкаго, освободила изъ темницы и приняла на свою службу Николая Мело, который когда-то переписывался съ сендомирскимъ воеводою въ Ярославлѣ. Какимъ образомъ прежній узникъ Борисоглѣбскаго монастыря перешелъ въ Нижній, опредѣлить довольно трудно, но о пребываніи его въ Астрахани нельзя сомнѣваться. Тамъ же случайно находился кармелитъ Иванъ Ѳаддей, посланный Аббасомъ II въ Польшу и почему-то задержанный на пути. Эти три монаха жили мирно и дружно между

собою, и были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Мариною. Для нихъ она устроила домовую церковь, посвященную Божіей Матери, которую отецъ Николай обновилъ 28-го августа 1613 года, въ день святого Августина, отслуживъ въ ней обѣдню. Какъ члену августинскаго ордена, этотъ праздникъ былъ ему особенно дорогъ. Отецъ Николай восклицаетъ усердіе и набожность Марины. Но болѣе съ нимъ сблизилась ея родственница Варвара Казановская. Она даже вступила въ такъ называемый третій августинскій орденъ, установленный для мірянъ. Такимъ образомъ, въ татарскомъ городѣ, среди казаковъ образовался маленькій католическій кружокъ.

Между тѣмъ внѣшнія грозныя обстоятельства ставили неотложно на очередь вопросъ о самосохраненіи. Пока Заруцкій отчаянно боролся съ своими врагами въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ, Марина задавалась обширными соображеніями: она помышляла о привлеченіи къ своему дѣлу шаха Аббаса II. Такіе планы созрѣли у нея, вѣроятно, вслѣдствіе обмѣна мыслей съ отцами Иваномъ и Николаемъ. Оба были въ Персіи, знали лично Аббаса, высоко его цѣнили и заботились объ его союзѣ съ христіанскими государствами противъ турокъ. Уже Димитрій I пытался завести сношенія съ Персіею, и вотъ Марина предлагаетъ теперь обоимъ монахамъ ѣхать къ Аббасу и просить у него помощь. Они посовѣтовались между собою и рѣшили, что въ виду угрожающихъ опасностей имъ не слѣдуетъ удаляться. Но Марина не согласилась съ такимъ рѣшеніемъ и, упорно настаивая на своемъ, увѣряла отцовъ, что они принесутъ ей больше пользы въ Персіи, чѣмъ въ Астрахани. Оба монаха изъявили тогда полную готовность исполнить ея волю. Спрашивалось только: кому ѣхать? отцу Ивану или отцу Николаю? Выборъ палъ на перваго, который и пустился въ дорогу. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ также порученіе приготовить убѣжище для Марины въ случаѣ ея бѣгства изъ Россіи.

Такія предосторожности вполне оправдывались возрастающими затрудненіями и дѣйствіями московскаго правительства. Вслѣдъ за избраніемъ Михайла Ѳедоровича и умротовореніемъ страны, рѣшено было покончить съ Заруцкимъ. Царскія и соборныя грамоты на него не подѣйствовали; но высланные противъ него отряды и возстаніе въ Астрахани сдѣлали его болѣе податливымъ. Въ концѣ мая 1614 года онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Мариною на Янкъ. Ихъ сопровождали нѣсколько сотенъ казаковъ. Московскіе воеводы устроили немедленно погоню за ними, которая очень скоро настигла ихъ на Медвѣжьемъ островѣ. Стрѣльцы осадилъ бѣглецовъ, и на другой день, 25-го іюня, смекнувъ, что имъ не устоять, казаки выдали Заруцкаго, Марину и Николая

Мело, а сами цѣловали крестъ Михаилу Ѳеодоровичу. Бывшая московская царица находилась опять и, на сей разъ, ужъ въ окончательномъ плѣну. Ей не было суждено возвратиться въ Польшу.

Какова была послѣдняя судьба Марины, съ достовѣрностью неизвѣстно. По русскимъ источникамъ, плѣнники были скованы, отправлены въ Астрахань, а оттуда въ Казань съ такимъ наказомъ, чтобы, въ случаѣ нападенія, ихъ «побили до смерти», а живыхъ никакъ бы не выдавали. Такъ ихъ довели до Москвы, гдѣ Заруцкаго посадили на колъ, Ивашку повѣсили, а Марину или умертвили, или держали въ заключеніи.

Между польскими бернардинами сохранилось преданіе, что Марину утопили вмѣстѣ съ отцомъ Антоніемъ. Сынъ же ея, по словамъ Ростовскаго, сданный на попеченіе Сигизмунда III-го и Льва Сапѣги, былъ помѣщенъ въ виленскую іезуитскую коллегію, гдѣ и числился между хорошими учениками.

Испанскіе источники, исходящіе отъ кармелита Ивана Ѳаддея, упоминаютъ также о гибели Марины, и утверждаютъ, кромѣ того, что Николай Мело и Варвара Казановская были взяты вмѣстѣ и вмѣстѣ сожжены живыми. Такое жестокое обращеніе приписывается ненависти русскихъ къ католической вѣрѣ.

Подводя геперь итоги, надо признаться, что окончательный приговоръ надъ Мариной пока едва-ли можно сдѣлать. Въ ея жизни есть слишкомъ много темнаго и еще не разъясненнаго. Въ общемъ выносятся такое впечатлѣніе, что воспитаніе въ набожномъ Самборѣ наложило на Марину неизгладимую печать. Церковная обстановка была для нея необходима.

Съ религіозной идеей сочеталась мечта о царской коронѣ. Если и отбросить недоказанный анекдотъ о Краковѣ и Варшавѣ, то все-таки у Марины повсюду пробивается стремленіе къ защитѣ своего права на московскій престоль.

Было ли честолюбіе единственнымъ поводомъ ея брака съ самборскимъ Димитріемъ, это подлежитъ еще сомнѣнію. Вѣдь Андрій Бульба съумѣлъ же завоевать сердце Ковенской воеводзянки, и глубокой знатокъ русской души прекрасно описалъ весь процессъ такого сближенія. Исторія же часто развивается на романтической подкладкѣ.

Что касается до брака съ Тушинскимъ воромъ, то можно, кажется, предположить, что онъ состоялся не безъ нѣкотораго насилія. И кто знаетъ, что при этомъ было наговорено несчастной Маринѣ? Вспомнимъ, что, 22-го февраля 1608 года, князь Рожинскій писалъ папѣ Павлу V-му,

будто Димитрій II католикъ и жаждетъ соединиться съ римской церковью ¹⁾. Съ Мариной обходились, вѣроятно, еще безцеремоннѣе. Въ виду этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, она заслуживаетъ хоть нѣкоторое снисхожденіе.

П. Пирлингъ.

¹⁾ Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 12, С, л. 73

Николай Алексѣевичъ Полевой,

его сторонники и противники по «Московскому
Телеграфу».

Въ 1827 году Н. А. Полевой отправился въ Петербургъ, чтобы выхлопотать разрѣшеніе издавать въ Москвѣ политическую газету. Узнавъ объ этомъ, безъимянные противники его тотчасъ же отправили А. Х. Бенкендорфу слѣдующее сообщеніе:
«Издатель журнала: «Московскій Телеграфъ», купецъ Полевой старается пріобрѣсть позволеніе на изданіе въ Москвѣ частной политической газеты, съ будущаго 1828 года. По сему случаю осмѣливаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

«1) Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ повѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностію къ правительству, опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой, голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не можетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія, или говорить, гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя.

«Г. Полевой по происхожденію своему принадлежитъ къ среднему сословію, которое по натурѣ вещей всегда болѣе склонно къ нововведеніямъ, общающимъ имъ уравненіе въ правахъ съ привилегированными классами: сей образъ его мыслей обнаруженъ въ подачномъ министру финансовъ мнѣніи московскаго купечества, въ концѣ царствованія блаженной памяти императора Александра. Мнѣніе сіе сочи-

нено г. Полевымъ и въ свое время произвело большіе толки: тамъ и Вольтеръ и Дидеротъ выведены на сцену, для защиты правъ московскаго купечества.

«Въ «Московскомъ Телеграфѣ» безпрестанно помѣщаются статьи, запрещаемыя с.-петербургскою цензурою, и разборы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году помѣщались тамъ письма А. Тургенева изъ Дрездена, гдѣ явно обнаружено сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ и прошедшихъ златыхъ временахъ. Вообще духъ сего журнала есть оппозиція, и все, что запрещается въ Петербургѣ говорить о независимыхъ областяхъ Америки и ея герояхъ, съ восторгомъ помѣщается въ «Московскомъ Телеграфѣ». Сіе замѣчено уже и генераломъ Волковымъ¹⁾.

«2) Г. Полевой, по своему рожденію не имѣя мѣста въ кругѣ большаго свѣта, ищетъ протекціи людей высшаго состоянія, занимающихся литературою, и, само по себѣ разумѣется, одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Главнымъ его протекторомъ и даже участникомъ по журналу есть извѣстный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Образъ мыслей Вяземскаго можетъ быть достойно оцѣненъ по одной его стихотворной піесѣ: «Негодование», служившей катихизисомъ заговорщиковъ, которые чуждались его единственно по его безхарактерности. Сей-то Вяземскій есть Меценатомъ Полеваго и надумилъ его издавать политическую газету.

«3) Москва есть большая деревня. Тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ, нежели въ Петербургѣ, и цензура тамъ никогда не имѣла ни постоянныхъ правилъ, ни ограниченнаго круга дѣйствія. Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя, нынѣ находящіяся въ оборотѣ, напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже Думы Рыльева и его поэма Войнаровскій, запрещенныя въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ. Все запрещаемое здѣсь печатается безъ малѣйшаго затрудненія въ Москвѣ. Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ. Всѣ политическія новости и внутреннія происшествія иначе понимаются и иначе толкуются въ Москвѣ, даже людьми просвѣщенными. Москва, удаленная отъ центра политики, всегда превратно толковала происшествія и журналы, выбирая даже статьи изъ петербургскихъ газетъ, помѣщаютъ ихъ часто столь неудачно и съ пропусками, что дѣла представляются въ другомъ видѣ. Вообще, московскіе цензоры, не имѣя никакого сообщенія съ министерствами, въ политическихъ предметахъ поступаютъ наобумъ и часто дѣлаютъ непозволительные промахи. По связямъ Вяземскаго они почти безусловно ему повинуются.

¹⁾ Начальникомъ Московскаго жандармскаго округа.

«4) Г. Полевой, какъ сказано, состоитъ подъ покровительствомъ князя Вяземскаго, который по родству съ женою покойнаго исторіографа Карамзина находится въ связяхъ съ товарищемъ министра просвѣщенія Блудовымъ. Изъ угожденія Блудову, можно въ крайности позволить Полевому помѣщать политику въ своемъ двухнедѣльномъ журналѣ, «Московскомъ Телеграфѣ», но выдавать особую политическую газету въ Москвѣ невозможно, по причинамъ вышеизъясненнымъ и для предупрежденія зла, которое послѣ гораздо труднѣе будетъ истребить.

«Весьма полезно было бы, чтобы вообще позволеніе вновь издавать политическія газеты даваемо было не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, какъ сіе дѣлается во Франціи».

По полученіи этого общенія, А. Бенкендорфъ поручилъ собрать точныя справки какъ о самомъ Полевомъ, такъ и о журналѣ «Московскій Телеграфъ».

«Янаугадъ выбралъ, сказано въ безымянной запискѣ, по одной книжкѣ изъ первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1827 года. Въ прошлыхъ годахъ есть гораздо сильнѣйшія вещи, именно политическія.

1) Если со вниманіемъ прочесть замѣченныя мѣста въ первой статьѣ № 1-го, то ясно обнаружатся желанія издателя дать почувствовать читателямъ, что письмо сіе пишется къ Николаю Тургеневу подъ вымышленными буквами. Явный ропотъ противу притѣшенія просвѣщенія, которое называютъ запретною розою, и сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ на страницѣ 9, было всѣми понято и доставило большой ходъ журналу. Въ статьѣ все жалуются на два послѣдніе года, т. е. 1825 и 1826 г. — время отлучки Тургенева и ссылки бунтовщиковъ ¹⁾. Все такъ ясно изъяснено, что не требуетъ поясненій.

2) Въ № 4 (февраль). Статья «Путешествіе въ Эрменонвиль» написана въ такомъ духѣ, что сочинитель *Contrat social* представленъ первымъ и величайшимъ философомъ. Извѣстно, сколько зла уже надѣлалъ Руссо своими мечтаніями, а ему велятъ вѣрять! Стоитъ прочесть всю статью, что отмѣчено.

3) Въ № 6 (мартъ). Статья «Философія исторіи» наполнена революціонныхъ правилъ. Стоитъ прочесть замѣченныя мѣста. Особенно достойно примѣчавія мѣсто въ концѣ 113 и переносъ на 114 страницу. Спрашивается, что значить ученіе средины послѣдняго вѣка, которое на вѣки пребудетъ убѣжищемъ избранныхъ душъ? Каждый школьникъ знаетъ, чему учили энциклопедисты въ половинѣ XVIII столѣтія.

4) Въ № 7 (апрѣль). Приведено доказательство, какъ издатель

¹⁾ Декабристовъ.

умѣть въ рецензіи поэзіи примѣшивать политику. Замѣченныя мѣста содержать въ себѣ самый явный карбонаризмъ.

«Издатель «Московского Телеграфа», Полевой, самъ пріѣхалъ сюда хлопотать о позволеніи издавать съ будущаго 1828 года политическую газету «Компасъ», т. е. указатель и руководитель мнѣній. Полеваго покровительствуютъ всѣ такъ называемые патріоты и даже Мордвиновъ. Всѣ замѣченныя въ якобинизмѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій,—сотрудники «Телеграфа». Покровители онаго князь Вяземскій и бывшій профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ. Если свыше не взято будетъ мѣръ, то якобинство пріобрѣтетъ величайшую силу для дѣйствованія на умы. Дѣло о «Компасѣ» уже въ ходу, и всѣ русскіе такъ называемые патріоты торжествуютъ. Здѣсь ходатаемъ Полеваго нѣкто Нечаевъ, принадлежавшій къ «Союзу Благоденствія», какъ то оказалось изъ добровольнаго признанія тульскаго почтмейстера. Нечаевъ возилъ его (Полеваго) къ Мордвинову, и онъ уже похваляется согласіемъ Блудова и министра, и говоритъ, что для него будетъ разрѣшено печатать извѣстія безъ сношенія съ министерствами.

«Я счелъ непремѣннымъ долгомъ еще разъ обратить вниманіе на сей предметъ; ибо по всѣмъ извѣстіямъ духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ¹⁾.

«Извѣстный Соболевскій (молодой человекъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь, какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ и его легко увлечь. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы — князь Вяземскій и Полевой, а пріятели: Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и другіе москвичи. Соболевскій водится съ кавалергардами».

При такихъ условіяхъ Н. А. Полевой не получилъ разрѣшенія на изданіе политической газеты.

«Достоинно замѣчанія, писалось въ одной анонимной запискѣ послѣ отъѣзда Николая Алексѣевича, что за Полевымъ, намѣревавшимся издавать «Компасъ» и «Энциклопедію» въ Москвѣ, кромѣ своего «Телеграфа», пріѣхала въ Петербургъ цѣлая когорта москвичей, изъ коихъ самый дурной—сотрудникъ его Соболевскій, а самый безтолковый и подозрительный—цензоръ его Свигиревъ, который, имѣя порученіе визитировать школы въ Новгородѣ, заѣзжалъ въ Петербургъ. Полеваго сильно протезировали такъ называемые русскіе патріоты, или какъ ихъ въ насмѣшку называютъ: «Русскіе думники». Первымъ протекторомъ былъ Н. С. Мордвиновъ. Блудовъ протезировалъ лишь по связи съ

¹⁾ Записка неизвестнаго, полученная 23-го августа.

Вяземскимъ. Возилъ повсюду Полеваго извѣстный журналистъ Свининъ, который слыветъ подъ именемъ мѣднаго лба, и Кикинъ сильно дѣйствовалъ въ его пользу. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, и всѣ крайне удивились, когда Шишковъ объявилъ въ свое оправданіе, что запрещено съ выше. Впрочемъ, Шишковъ вѣроятно видѣлъ предосудительныя мѣста въ Телеграфѣ, ибо онъ былъ раздосадованъ на Полеваго и даже сказалъ: «Еслибъ мнѣ порядочно досталось за этотъ журналъ, то въ первый разъ было бы подѣломъ!» Жена Шишкова говорила, что Н. С. Мордвиновъ сильно нападалъ на ея мужа, зачѣмъ онъ не отстоялъ Полеваго, ибо онъ купецъ и патріотъ, а намъ должно поддерживать русскія дарованія.

«Литераторы здѣшніе и даже многіе москвичи чрезвычайно рады этому запрещенію. Полевой приписываетъ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну сіе запрещеніе ¹⁾. Патріоты, такъ называемые думники, повѣсили носъ.

«Здѣсь получено извѣстіе, что Вяземскій переходитъ къ другой партіи и научаетъ молодыхъ людей Михайлу Дмитріева, Писарева молодого и еще нѣсколькихъ испросить позволеніе на изданіе политической газеты въ Москвѣ. Ему непременно хочется имѣть въ Москвѣ частную политическую газету».

Прошло два года. За «Телеграфомъ» тщательно слѣдили, и вотъ въ № 14 журнала 1829 года явилась статья: «О новомъ начальникѣ» ²⁾. По прочтеніи ея, императоръ Николай приказалъ начальнику Московскаго жандармскаго округа генералу Волкову призвать къ себѣ издателя журнала Полеваго и цензора С. Н. Глинку, пропустившаго статью, и узнать отъ нихъ, кто сочинилъ статью, и объявить имъ, что «при первомъ случаѣ, когда появится вновь такого рода статья, то поступлено будетъ съ ними по закону, и сверхъ сего сдѣлать Глинкѣ строгій выговоръ за дозволеніе напечатать оную». Принявъ съ покорностью сдѣланный имъ выговоръ, Полевой и Глинка просили разрѣшенія Волкова представить свои объясненія.

«Съ чувствіемъ глубокой скорби внималъ я,—писалъ Полевой ³⁾,—объявленное вами мнѣ высочайшее повелѣніе. Какъ святому долгу, какъ первой обязанности моей повинуюсь волѣ моего великаго государя.

«Да будетъ мнѣ стыдно, если я покушался на чью-либо личность въ статьѣ, помѣщенной въ № 14-мъ «Телеграфа», если я, писавши

¹⁾ Кн. Голицынъ былъ въ то время Московскимъ генералъ-губернаторомъ

²⁾ Въ дѣйствительности статья имѣла заглавіе „Привазные анекдоты“. Въ ней рассказывалось, какъ приказные чиновники обманываютъ ничего не знающихъ губернаторовъ.

³⁾ Въ письмѣ генералу Волкову отъ 26-го сентября 1829 года.

ее, имѣлъ въ виду что-либо другое, кромѣ общественной пользы и славы монарха русскаго!

«Покорно прошу ваше превосходительство оказать мнѣ благодѣтельное участіе, доведя до свѣдѣнія высшаго начальства нижеслѣдующее.

«Въ № 17 «Телеграфа», стр. 121—127, помѣщена статья, которую писалъ я въ дополненіе и поясненіе всѣхъ прежде помѣщенныхъ статей сего рода ¹⁾. Я страшусь подумать, что ее могутъ почестъ возраженіемъ или оправданіемъ, писаннымъ послѣ объявленной мнѣ Высочайшей воли, и, слѣдственно, предположить, что я осмѣлился изъяснять и толковать, вмѣсто безпрекословнаго повиновенія, которое почитаю моимъ долгомъ. Когда ваше превосходительство объявили мнѣ полученное вами предписаніе, 17-я книжка «Телеграфа» была уже отпечатана и раздавалась, такъ что я не могъ остановить ее. Благоволите обратить на сіе вниманіе ваше.

«Чтобы извлечь надлежащую пользу для общества изъ критическихъ статей о нравахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣйствовать сообразно намѣреніямъ и волѣ правительства, да позволено мнѣ будетъ отнынѣ прежде обыкновенной цензуры подвергать статьи сего рода, кромѣ мелочныхъ и ничтожныхъ по содержанію своему статей, цензурѣ особенной, доставляя ихъ для разсмотрѣнія къ вашему превосходительству. Я осмѣливаюсь думать, что тогда ревность моя дѣйствовать сочиненіями къ исправленію нравовъ, и тѣмъ споспѣшествовать благодѣтельнымъ видамъ правительства, не вовлечетъ меня въ неумышленную ошибку, которая можетъ дѣлать виновнымъ въ виду онаго.

«Во всемъ этомъ, ваше превосходительство, изволите видѣть искреннее желаніе: согласить пользу посильныхъ трудовъ моихъ съ сохраненіемъ порядка общественнаго. Какъ русскій, пламенно любящій славу монарха, выдающій въ немъ не только моего государя, но и великаго, гениальнаго человѣка нашего времени, я увѣренъ, что его свѣтлый умъ знаетъ и цѣнитъ всѣ, даже и малѣйшія средства дѣйствовать на подвластный ему народъ, сообразно мудрымъ его предначертаніямъ».

«Съ благоговѣніемъ вѣрноподданническимъ выслушалъ я, — писалъ С. Н. Глинка ²⁾, — высочайшій выговоръ, прочитанный мнѣ вами; но какъ цензоръ, долгомъ поставляю предложить мои объясненія.

«Сообразно новому, мудрому уставу о цензурѣ, въ подкрѣпленіе благодѣтельныхъ параграфовъ, седьмаго, пятнадцатаго и сорокъ седьмаго, параграфъ шестьдесятъ четвертый строго запрещаетъ цензору дѣлать какія-либо примѣчанія или толкованія.

¹⁾ Статья подъ заглавіемъ «Новый живописецъ общества и литературы».

²⁾ Генералу Волкову отъ 25-го сентября 1829 года.

«Слѣдственно цензоръ не судья, а только ревностный исполнитель Устава; ибо, въ силу двадцатаго параграфа, одна высочайшая воля можетъ запретить существующее уже изданіе.

«Смерть легче для меня неблаговоленія отца отечества. Жизнь мою повергаю къ подножію его престола: да преданъ буду суду или да сниметь съ меня выговоръ.

«А потому, какъ горестный отецъ многочисленнаго семейства, не имѣющій въ Россіи ничего, кромѣ жалованья, прошу васъ, ваше превосходительство, препроводить объясненіе мое, куда слѣдуетъ.

«Почитая счастиемъ, что отношусь съ сею просьбою къ чиновнику, извѣстному постояннымъ благородствомъ души, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ».

Оба письма вмѣстѣ съ № 17 журнала были препровождены къ А. Х. Бенкендорфу, для всеподданнѣйшаго доклада. Слѣдомъ за ними было послано и второе письмо С. Н. Глинки генералу Волкову.

«Вамъ извѣстно, — писалъ онъ¹⁾, — по какому случаю палъ на меня высочайшій выговоръ.

«Истомляясь нѣсколько лѣтъ съ бѣднымъ моимъ семействомъ подъ тягостнымъ бременемъ нищеты, я мирился еще иногда съ жизнію; но теперь плачу о томъ, что живу на свѣтѣ.

«Я не имѣю ничего въ Россіи, ибо родовое мое наслѣдство отдалъ я сестрѣ по словесному завѣщанію матери моей, а вступя въ бракъ, уступилъ около сорока тысячъ рублей дядямъ жены моей, ибо надлежало тягаться. Отъ правительства никогда не получалъ никакой пенсіи, слѣдственно, я питалъ мое семейство одними моими трудами. Но когда отечество призывало сыновъ своихъ, я всегда отдавалъ ему и жизнь, и трудовое мое имущество. 1806 года, бывъ уже безпомѣстнымъ дворяниномъ, я служилъ по Смоленской милиціи на собственномъ иждивеніи. 1812 года, я первый записался въ Москвѣ ратникомъ и все, что у меня было, возложилъ на алтарь отечества. Александръ Благословенный собственною рукою скрѣпилъ, что онъ награждаетъ меня крестомъ Св. Владиміра 4-й степени, за любовь мою къ отечеству, доказанную моими сочиненіями и дѣяніями. Священная его воля отверзла мнѣ тогда уста на все полезное для отечества и возложила на меня въ Москвѣ и въѣ города тѣ особенныя препорученія, отъ которыхъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, жизнь моя подвергалась ежеминутнымъ опасностямъ. Я не щадилъ себя; я отдавалъ жизнь престолу и отечеству, и не просилъ никакихъ за то наградъ.

«Но теперь, прибѣгая къ великодушному ходатайству вашего высокопревосходительства, прошу за все рвеніе мое къ отечеству или быть

¹⁾ Въ письмѣ отъ 12-го октября 1829 года.

предану суду, или быть освобождену отъ выговора, котораго, какъ я уже объяснилъ, не желалъ бы пережить.

«На пятьдесятъ второмъ году моей жизни, когда другимъ правительствомъ дасть пенсіи для подкрѣпленія ихъ трудовъ, я принужденъ былъ сѣсть на безпокойный цензорскій стулъ отъ того единственно, что мнѣ нечѣмъ стало питать многочисленное мое семейство. Но, если, какъ вамъ извѣстно, мнѣ всегда будетъ предстоять судъ за исполненіе мудраго и благодѣтельнаго Устава, то я лучше пойду по міру съ семействомъ моимъ, нежели изнемогать постоянно подъ бременемъ отвѣтственности.

«Не писалъ бы я съ такою откровенностію, если бы не былъ убѣжденъ, что голосъ праводушнаго россиянина не оскорбитъ монарха, въ лицѣ котораго вижу и великаго человѣка. Не писалъ бы я съ такимъ сердечнымъ изліаніемъ, если бы не зналъ, что сердце ваше слышитъ каждый отголосокъ сердецъ злополучныхъ.

«А потому, какъ сладостно будетъ отцу отечества, посредствомъ васъ оживить души двухъ страдальцевъ и возстановить ихъ на попріицѣ новаго бытія. За сей христіанскій подвигъ Провидѣніе Небесное наградитъ и отца отечества, и царство его новою славою и новыми дарами благодати своей.

«И Петръ Петровичъ Бекетовъ и я, мы счастіемъ почитаемъ уже и то, что въ руки ваши препровождаемъ наше прошеніе.

«Жизнь моя нужна только одному моему семейству; жизнь Петра Петровича нужна всѣмъ тѣмъ, которымъ необходимо пособіе людей благодѣтельныхъ. Уклоняясь отъ большаго свѣта и чуждаясь всѣхъ искательствъ, онъ жилъ всегда для блага людей.

«Какъ горестнѣйшій отецъ семейства, умоляю васъ удостоить меня отвѣтомъ; ибо, видя, сколь трудно дѣйствовать даже и въ силу мудраго и благотворнаго новаго Устава о цензурѣ, я рѣшился проситься въ отставку, не взирая на то, какъ я имѣлъ уже честь доложить, что лишеніе мѣста подвергнетъ меня состоянію нищенскому.

«Петръ Первый любилъ правду; Николай Первый идетъ по слѣдамъ его; слѣдовательно, священный долгъ каждаго россиянина состоитъ въ томъ, чтобы повергать къ престолу чувствованія, внушаемыя вѣрностію и совѣстію».

На все это Бенкендорфъ отвѣчалъ ¹⁾, что государь соизволилъ, чтобы критическія статьи, помѣщаемыя въ «Московскомъ Телеграфѣ», прежде представленія ихъ цензурѣ, были передаваемы на разсмотрѣніе генерала Волкова. О снятія же высочайшаго выговора съ С. Н. Глинки ничего не говорилось. Тогда онъ рѣшился обратиться съ просьбою къ самому А. Х. Бенкендорфу.

¹⁾ Въ письмѣ Волкову отъ 14-го октября 1829 года.

«Уважаю, — писалъ онъ ¹⁾, — въ лицѣ императора Николая Перваго и великаго государя и примѣрнаго отца семейства; взирая и на васъ какъ на ангела благотворнаго, поставленнаго Провидѣніемъ, чтобы передавать отцу народа наши скорби душевныя, снова прошу васъ: «или о преданіи меня суду или о снятіи съ меня выговора».

«Слово не стрѣла, а пуще убиваетъ. Это истина вѣковая. Высочайшій выговоръ, прочитанный мнѣ его превосходительствомъ Александромъ Александровичемъ Волковымъ, поразилъ меня до глубины души, до глубины сердца, до уничтоженія бытія моего.

«Мнѣ предписано было заградить уста печатью тайны. Но можетъ ли молчать горестный отецъ семейства? Можетъ ли онъ, стоя подь непрестанною угрозою суда, не сказать близкимъ его сердцу, что ему предстоитъ опасность, и чтобы они, укрѣпляясь надеждою на Провидѣніе, готовились на слезы и скорбь? Бѣдная моя жена пала на одръ болѣзни. Вы можете приказать изслѣдовать, правду ли я говорю.

«И такъ повергните къ освященнымъ стопамъ великаго государя мое слезное прошеніе: чтобы я преданъ былъ суду или чтобы я освобожденъ былъ отъ выговора, изнуряющаго мое бытіе. Я отжилъ для нравственнаго существованія; я живу для одного страданія. Сперва тяготила меня нищета; теперь все меня тяготитъ».

На это письмо отвѣта не послѣдовало, такъ какъ вообще были недовольны московскою цензурою. Въ 1832 году А. Бенкендорфъ писалъ министру народнаго просвѣщенія князю Ливену ²⁾: «Разсматривая журналы, издаваемые въ Москвѣ, я неоднократно имѣлъ случай замѣтить расположеніе издателей оныхъ къ идеямъ самаго вреднаго либерализма. Въ семъ отношеніи особенно обратили мое вниманіе журналы: «Телескопъ» и «Телеграфъ», издаваемые Надеждинымъ и Полевымъ. Въ журналахъ ихъ часто помѣщаются статьи, писанныя въ духѣ весьма недобронамѣренномъ, и которыя, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ поселить вредныя понятія въ умахъ молодыхъ людей, всегда готовыхъ, по неопытности своей, принять всякаго рода впечатлѣнія.

«О таковыхъ замѣчаніяхъ моихъ я счелъ долгомъ сообщить вашей свѣтлости и обратить особенное ваше вниманіе на nepозволительное послабленіе московскихъ цензоровъ, которые, судя по пропускаемымъ ими статьямъ, или вовсе не пекутся о исполненіи своихъ обязанностей, или не имѣютъ нужныхъ для сего способностей. По симъ уваженіямъ, я осмѣливаюсь изяснить вашей свѣтлости мое мнѣніе, что не излишне было бы сдѣлать московской цензурѣ строжайшее подтверж-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 2-го ноября 1829 года.

²⁾ Отъ 9-го февраля 1832 года.

деніе о внимательномъ и неослабномъ наблюденіи ея за выходящими въ Москвѣ журналами».

Спустя два года въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1834 года появилась критическая статья о трагедіи Н. Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла». Бенкендорфъ писалъ московскому военному генералъ-губернатору¹⁾: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, дабы издатель журнала «Московскій Телеграфъ», Полевой, немедленно прибылъ въ С.-Петербургъ и дабы, для скорѣйшаго его прибытія, отправленъ былъ съ нимъ жандармскій унтеръ-офицеръ.

«Сообщая вашему сіятельству сію высочайшую волю, для вашего по оной исполненія, я покорнѣйше прошу васъ объявить г. Полевому, чтобъ онъ тотчасъ по прибытіи его сюда явился ко мнѣ».

31-го марта 1834 года Н. А. Полевой былъ уже въ Петербургѣ и писалъ графу Бенкендорфу оправдательную записку.

«Во исполненіе объявленной мнѣ высочайшей воли: объяснить, въ какомъ смыслѣ сказано было мною, въ началѣ библиографической статьи о трагедіи: «Рука Всевышняго отечество спасла», что сія трагедія «опечалила рецензента», и проч., чего теперь, не имѣя подъ рукою статьи моей, припомнить въ точности не могу—симъ честь имѣю донести, что я судилъ о трагедіи по чтенію, не выдавъ ее на сценѣ, и говорилъ объ ней чисто въ литературномъ смыслѣ, какъ о поэтическомъ изданіи. Сочинитель ея прежде напечаталъ драму: *Торквато Тассъ*, исполненную красотъ, хотя и далекую отъ совершенства. Послѣ *Тассъ*, его новая трагедія казалась мнѣ—повторяю, судя о ней, какъ о произведеніи поэтической фантазіи — прыжкомъ назадъ. Это было объясняемо мною въ рецензіи; къ этому относились и слова въ началѣ оной. Мнѣ казалось, что сильный духъ русскій могъ быть выраженъ въ драмѣ не только словами, но и дѣйствіемъ; что великія событія 1612 года могли быть выставлены вѣрно, и произвѣсть сильнѣйшее дѣйствіе и впечатлѣніе; что трагедія обезображена ненужными вставками, характеры въ ней не выдержаны, и самое избраніе царя Михаила должно было представить не слѣпымъ случаемъ какаго-то, по жеребію, но тайною, глубокою мыслью русскихъ душъ, провидѣвшихъ спасеніе и счастье отечества въ державномъ юношѣ и мудромъ старцѣ, его родителей. Такъ я думалъ и писалъ. Готовъ сознаться въ ошибкахъ. Но смѣю увѣрить всѣмъ, что есть для меня святаго и драгоцѣннаго, что никогда въ мысль мнѣ не приходило что-либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора. Душевно радовался я потомъ, что каждое слово, близкое роднаго всѣмъ намъ чувства къ царю и отечеству, доходило до сердець зрите-

¹⁾ Отъ 21-го марта 1834 года.

лей. По этому участию можно уже судить, что произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Шекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковского, передъкоторыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою—не болѣе...»

Объясненіе это было признано не вполне удовлетворительнымъ, и хотя Полевому разрѣшено было возвратиться въ Москву, но 3-го апрѣля послѣдовалъ высочайшее повелѣніе о прекращеніи изданія «Московского Телеграфа»¹⁾. Въ тотъ же самый день графъ Бенкендорфъ писалъ начальнику жандармскаго округа генераль-лейтенанту Лесовскому²⁾: «Вашему превосходительству, конечно, извѣстно, что издатель журнала «Телеграфъ», Полевой, былъ по высочайшему повелѣнію потребованъ въ С.-Петербургъ, для нѣкотораго объясненія по одной статьѣ его журнала, а нынѣ онъ снова возвратился въ Москву.

«По случаю сего покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ о томъ, какія будутъ въ Москвѣ сужденія на счетъ сей поѣздки Полеваго, и что онъ самъ будетъ о семъ говорить».

На это генераль Лесовскій отвѣчалъ³⁾: «По отъѣздѣ Полеваго, многіе благомыслящіе имѣли сужденіе, что давно пора бы унять подобныхъ вольнописцевъ, и что правительство бдитъ о всенародномъ спокойствіи! Въ разговорахъ же о семъ, со смѣхомъ говорили: «хорошо, если бы постѣкли его порядочно». Одни писатели, товарищи его, сожалѣли о немъ, исключая врага его Надеждина, распустившаго слухъ, будто бы Полевой отданъ въ солдаты.

«Наконецъ, неожиданное скорое возвращеніе Полеваго удивило всѣхъ и дало поводъ къ заключенію о невинности его, что породило разные сужденія и толки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ говорятъ: «если онъ невиненъ, то зачѣмъ же было поступать такъ жестоко съ человѣкомъ, облагороженнымъ правительствомъ?», и что употребленная надъ Полевымъ мѣра влечетъ къ невольному заключенію о небезопасности личности каждаго. Если-же обнаружены преступныя намѣренія, то слѣдовало бы его примѣрно наказать. И какъ бы изъ сожалѣнія къ нему соглашаясь, что Полевой только злой сатирикъ; но что гораздо опаснѣе сочинители: о Годуновѣ, Дмитріѣ Самозванцѣ, Биронѣ и прочихъ. А потому заключаютъ, что запрещеніе издавать «Телеграфъ» обнаруживаетъ слабость правительства и огорчаетъ публику, и что лучше бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать въ духѣ правительства.

¹⁾ Письмо министра народнаго просвѣщенія С. Уварова графу Бенкендорфу 5-го апрѣля 1834 года. № 516. Этотъ эпизодъ изъ жизни Н. А. Полеваго подробно разсказанъ братомъ его Ксенафонтомъ Алексѣевичемъ (см. Записки его изд. 1888 г. стр. 331—347) но въ иномъ видѣ.

²⁾ Отъ 3-го апрѣля 1834 года.

³⁾ Отъ 13-го апрѣля 1834 г. № 294.

При чемъ винятъ не сочинителя, а повѣряющую его цензуру, и что издатель «Телескопа» гораздо рѣшительнѣе открываетъ мысль о равенствѣ, но сего какъ будто-бы не замѣчаютъ.

«Всѣ сіи слухи и толки собраны изъ отголосковъ разныхъ сужденій и разговоровъ, по множеству которыхъ нельзя съ довѣренностію положить основательнаго заключенія, и одно лишь время можетъ обнаружить истину оныхъ».

Сообщилъ Н. Д.

Записки Э. И. Стогова¹⁾.

III¹⁾.

Отечественная война. — Назначение М. И. Кутузова главнокомандующимъ арміями. — Его характеристика. — Канунъ Бородина. — Партизаны: Сеславинъ, Давыдовъ и Фигнеръ. — Отправленіе морскаго корпуса въ Свеаборгъ и возвращеніе въ Петербургъ. — Масонскія общества. — Кутежи и попойки. — Выпускныя экзамены. — Производство въ офицеры. — Товарищъ Дюмутье и его пріключенія. — Командировка въ Камчатку. — Прибытіе въ Омскъ. — Тамошніе порядки. — Прибытіе въ Иркутскъ. — Губернаторъ Трескинъ и его семейство. — М. М. Сперанскій. — Г. С. Батенковъ. — Характеристика Сперанскаго. — Сибирскій король Кузнецовъ.

Наступилъ 1812-й годъ; только и было говора, что о войнѣ. Высшее общество уныло и принялось за Апокалипсисъ. Это была общая манія: куда ни придешь, вездѣ разбираютъ Апокалипсисъ, добираются до смысла, превращая буквы въ цифры. Наконецъ, какъ-то нашли, что звѣрь Апокалипсиса долженъ носить имя Аполеонъ и приписали это имя Наполеону Побѣдить его, говорили, — князь Михаилъ.

Какой же это князь? Общій голосъ назвалъ князя Михаила Иларионовича Кутузова. Молва объ этомъ была такъ сильна, что императоръ Александръ, не любившій Кутузова, принужденъ былъ назначить его главнокомандующимъ. Общество успокоилось, вѣруя, что Наполеонъ будетъ побѣжденъ. Даже отдачу Москвы французамъ общество приняло безъ огорченія, потому что это сдѣлалъ Кутузовъ. О немъ говорили, что это человѣкъ глубоко ученый, благороднаго характера, но

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1903 года, январь.

никогда и никому не сказалъ правды; мысли его принадлежали ему одному. Всю жизнь былъ онъ поклонникомъ женщинъ, влюблялся до глубокой старости и во всю жизнь не любилъ ни одной женщины искренно. Обращеніе Кутузова выставялось какъ образецъ любезности въ обществѣ. Про Кутузова говорили, что во всю жизнь онъ былъ тонкій политикъ, въ штабѣ своей арміи не противоѣйствовалъ интригамъ и, будучи умнѣе всѣхъ, управлялъ ими какъ музыкальнымъ инструментомъ; повидимому, онъ слушался всѣхъ и соглашался, а дѣлалъ по своему. Въ 1812 году Кутузовъ былъ старъ, дряхлъ, но скрытность не оставила его, и онъ не говорилъ правды даже государю.

Онъ принялъ армію, утомленную, и понялъ, что долженъ поднять упавшій ея духъ. Приближенные просили дать сраженіе, Кутузовъ притворялся неслышающимъ, спящимъ, а просыпаясь, отдавалъ приказаніе отступать. Онъ далъ сраженіе подъ Бородинымъ, но передъ боемъ говорилъ: «Я не долженъ давать сраженія, но долженъ удовлетворить требованіе всей Россіи; потеря 40 тысячъ — успокоить русскій народъ». По стеченію обстоятельствъ, мѣстность будущаго сраженія указалъ мой отецъ. Это было такъ: когда Наполеонъ былъ уже въ Гжатскѣ, отецъ мой отправилъ свою семью и всѣхъ крестьянъ къ роднымъ въ Тамбовскую губернію, весь скотъ пожертвовалъ въ армію, а самъ оставался караулить домъ. Главная квартира была въ Бородинѣ, въ 11-ти верстахъ отъ нашего имѣнія Золотилова. Когда приблизились аванпосты французовъ, отецъ поѣхалъ въ Бородино, чтобы получить билетъ на проѣздъ. Билеты выдавалъ Толь, но его не было дома; отецъ нашелъ его на Бородинскомъ полѣ. Узнавъ, что отецъ мѣстный помѣщикъ и сослуживецъ Суворова, Толь спросилъ.

— Знаете ли вы хорошо эту мѣстность?

Отецъ отвѣчалъ утвердительно. Тогда Толь приказалъ дать отцу казацкую лошадь и поѣхалъ съ нимъ; отецъ указывалъ, гдѣ поставить батареи и укрѣпленія. Толь молча записывалъ. Отецъ говорилъ мнѣ впоследствии, что редуты и прочіе были устроены по его указанію. Толь былъ очень доволенъ, далъ отцу открытое предписаніе и подарилъ казацкую лошадь. Исторія никогда не упомянетъ имени моего отца, описывая Бородинское побоище.

Наполеонъ занялъ Москву. Мнѣ много рассказывалъ Давыдовъ, какъ онъ, Сеславинъ и Фигнеръ бывали въ Москвѣ передѣтыми иностранными офицерами и выѣдывали о непріятельской арміи. Послѣ войны, Сеславинъ, изранный, обвѣшанный орденами, жилъ постоянно въ своей Тверской деревнѣ, собирался нѣсколько разъ писать записки, но не твердое знаніе грамоты остановило его, и онъ, гордый сознаниемъ своего славнаго служебнаго поприща, жилъ тихо, почти ни съ кѣмъ не видясь, и умеръ, не найдя біографа по достоинству. Давыдовъ Денисъ

оставилъ хвастливую память дѣль своихъ въ напечатанныхъ запискахъ и стихахъ. Это былъ ловкій человекъ, онъ, при жизни, приобрѣлъ въ 10 разъ болѣе славы, чѣмъ заслужилъ. Давыдовъ какъ-то приходится намъ родней, я дитятей катался на его сѣдлѣ, когда онъ былъ произведенъ въ гусарскіе корнеты, и онъ это вспомнилъ, встрѣтись со мною въ Симбирскѣ. Давыдовъ былъ много меньше меня ростомъ, широкоплечъ, брюнетъ, на срединѣ лба имѣлъ природный бѣлый клокъ волосъ, лицо круглое, носъ съ маленькую пуговку, страшный былъ говорунъ. Фигнеръ — былъ геніальный партизанъ, это былъ храбрѣйшій человекъ и неистощимъ на выдумки—дурачить и истреблять непріятеля. Хладнокровіе его было неподражаемо, французы ужасались его имени, много разъ бывалъ онъ почти въ рукахъ французовъ, но они узнавали его тогда, когда онъ ускользалъ отъ нихъ. Было много партизановъ, но эти трое были въ славѣ, о нихъ много говорили.

Какъ только французы миновали нашу деревню, отецъ слѣдомъ за ними явился домой. Въ новомъ домѣ нашемъ были выбиты окна и двери, въ залъ было втащено бревно, которое отъ дверей діагонально упиралось въ уголь потолка и горѣло; бревно потушили и вытащили. На полѣ Золотилова была стычка, и осталось названіе одной долинкѣ—французская могила.

Когда Наполеонъ занялъ Москву, нашъ морской корпусъ на корабляхъ перевезли въ Свеаборгъ, гдѣ мы и зимовали. Кроватьей не было, намъ повѣсили офицерскія корабельныя койки, мы въ нихъ и спали. Была одна койка, въ которую, кто ложился спать, тотъ просыпался въ горячкѣ, такъ случилось съ четырьмя кадетами, это было любопытно, и я захотѣлъ попробовать, легъ здоровый, а проснулся въ горячкѣ, послѣ меня койку сожгли. Очень слабымъ вышелъ изъ лазарета; въ Рождество, за обѣдомъ дали намъ рябчиковъ, я обѣлся и новая горячка.

По уходѣ Наполеона изъ Москвы, насъ на повозкахъ перевезли въ Питеръ; меня везли въ закрытомъ возкѣ. Тогда побѣда за побѣдой реляція за реляціей занимали все общество; тогда я узналъ о существованіи масонскихъ ложъ, которыхъ было много въ Россіи. Попасть въ масоны было трудно; рассказывали страсти объ испытаніяхъ и клятвахъ, вѣрили, что кто измѣнитъ масонамъ, то главные масоны стрѣляютъ въ портретъ виновнаго, и онъ умираетъ. Вообще вѣрили, что масоны совершаютъ какія-то чары въ своихъ собраніяхъ,—басенъ было множество. Всѣ, кто имѣлъ значеніе или хотѣлъ его имѣть, притворялись масонами, и я по общей глупости, будучи офицеромъ—прикидывался таинственнымъ и даже съумѣлъ прослыть масономъ.

Въ 1812 и 1813 годахъ было порядочное пьянство, во всѣхъ аристократическихъ домахъ, послѣ чая, необходимо подавался пуншъ и не по

одному стакану. Ромъ былъ строго запрещенъ къ привозу, и бутылка его стоила 5 руб., а это тогда были не малые деньги. Онъ доставлялся морскими офицерами изъ Кронштадта. Занимались этимъ промысломъ очень многіе, и это не осуждалось обществомъ. Тысячи тонкихъ хитростей придумывались для обмана таможенныхъ, бывали и убійства, но провозили, потому что было выгодно. Тогда во многихъ домахъ были попойки, общество было неприхотливо, удовольствій публичныхъ — почти никакихъ. Дядя Бунинъ рассказывалъ, какъ они частенько пьянствовали у Нарышкина, кто прежде всѣхъ напьется до безчувствія, того непременно хоронятъ; одѣваются въ простыни, одѣла — кто попомъ, кто дякономъ, а прочіе, со свѣчами и пѣніемъ, выносятъ пьянаго и хоронятъ въ снѣгу. Невѣроятная простота нравовъ для нынѣшняго времени. Былъ такой случай: статскій совѣтникъ Гориковъ, говорятъ, былъ дѣльный человѣкъ, дружески принятый у Нарышкина. Послѣдній увѣрялъ, что какъ увидитъ фізіономію Горикова, то страшно захочетъ пуншу, и потому, когда входилъ Гориковъ, Нарышкинъ кричалъ: «Горикову пуншу» — хотя бы это было утро. Государю захотѣлось имѣть поугая, у Нарышкина былъ отличный поугай, и онъ подарилъ его государю. Наступило представленіе къ наградамъ передъ Пасхою; государь приказалъ прочитатъ себѣ списокъ представляемыхъ, и между ними Гориковъ былъ представленъ къ чину. Лишь только читающій списокъ упомянулъ фамилію Горикова, какъ поугай закричалъ: «Горикову пуншу!» и повторилъ нѣсколько разъ. Александръ вычеркнулъ Горикова изъ списка, сказавши, что онъ, должно быть, пьяница. Говорятъ, много надобно было хлопотъ разувѣрить Александра. Сколько я ни припоминаю случаевъ, то, оказывается, жизнь того времени — не похожа на жизнь общества нынѣшняго. То же скажутъ и о насъ будущія поколѣнія.

Въ морскомъ корпусѣ, я выдержалъ экзаменъ изъ кадетъ въ гардемарины. Они каждый годъ, три мѣсяца ходили въ море для практики. Экзамены были необыкновенно строги, не по билетамъ, а отъ доски до доски. Въ офицеры было четыре экзамена. Первый — учителя экзаменуютъ гардемаринновъ чужаго класса и дѣлаютъ отмѣтки. Потомъ, корпусные офицеры по 5, 6 человѣкъ экзаменуютъ на своихъ квартирахъ и дѣлаютъ отмѣтки. Потомъ, созываются изъ Кронштадта всѣ командиры кораблей и экзаменуютъ, удостовѣряясь въ достаточномъ знаніи будущихъ ихъ помощниковъ. Послѣдній экзаменъ назывался публичный, потому что публиковалось, кому угодно экзаменоватъ, и приглашались адмиралы, министры, сенаторы и митрополитъ съ архіереями. Этотъ экзаменъ былъ легкій, для парада.

На этомъ экзаменѣ была большая забота архимандриту или іеромонаху изъ Лавры, который училъ насъ закону Божію. Этому предмету —

никто не учился, и никто ничего не зналъ; бывало іероманахъ спрашиваетъ каждаго Христа-ради выучить одинъ параграфъ и отмѣчаетъ его въ спискѣ противъ фамиліи; но и при этомъ не всё хорошо отвѣчали. На экзаменъ нашего выпуска явился какой-то фракъ (штатскій), еще молодой. Инспекторъ спросилъ: «изъ какого предмета угодно экзаменовать?»

— Изъ дифференціаловъ и интеграловъ,—отвѣчалъ онъ.

Всѣ удивились, ему дали лучшихъ учениковъ: Николаева и Врангеля. Оказался знатокомъ, и послѣ мы узнали, что это былъ Остроградскій. Произведенному въ мичманы корпусъ дарилъ бѣлье, но надобно было экипироваться самому, а отецъ не могъ мнѣ дать денегъ. Дали 100 рублей въ счетъ жалованья, и я сшилъ себѣ дешевенькое платье. Пожилъ я у тетки Буниной съ мѣсяць, ѣздилъ съ ней по гостямъ уже какъ членъ общества. Затѣмъ отправился въ Кронштадтъ почти прямо на корабль, такъ какъ тогда флотъ посылали за войсками, остававшимися во Франціи. Тетка и дядя дали мнѣ немного денегъ, да остались отъ экипировки, и я, не помню отъ кого, узнавъ, что русскія мѣдныя деньги очень дороги во Франціи сравнительно съ серебромъ, всё свои деньги размѣнялъ въ церквахъ на мѣдныя. Будучи во Франціи, я накупилъ бездѣлицъ, но которыя были новостью въ Петербургѣ. Возвратясь, я подарилъ нѣкоторыя теткѣ и дядѣ, за что они меня экипировали хорошо. Остальныя всё вещи я продалъ въ модный магазинъ и получилъ 400 руб. Жалованье поручика въ то время было 180 руб. ассигнаціями, и мы жили на эти деньги. Можно представить, какимъ громаднымъ богатствомъ казались эти 400 рублей въ моихъ рукахъ! Я съ любовью много разъ пересчитывалъ эту громадную сумму и думалъ, что съ прибавленіемъ жалованья — жизнь моя обезпечена. Какъ вдругъ явился, остававшійся на берегу мой товарищъ Дюмутье. Это былъ сынъ эмигранта, бѣлокурый красавецъ; онъ былъ адъютантомъ въ экипажѣ и объяснилъ мнѣ, что завтра смотръ и у него недостаетъ 400 руб., которые онъ роздалъ офицерамъ въ долгъ. Если завтра, говорилъ онъ, не окажется всѣхъ денегъ, то онъ пойдетъ подъ судъ и будетъ матросомъ. Онъ говорилъ, что ему нужны деньги только показать начальству, а послѣ обѣда, онъ привезетъ ихъ мнѣ назадъ.—Говорилъ Дюмутье со слезами на глазахъ, я самъ чуть не расплакался, обнялъ его и радостно отдалъ ему мои драгоценныя 400 руб. И теперь не понимаю, какъ могъ этотъ плутъ узнать, что у меня ровно 400 руб. По уходѣ Дюмутье, я впалъ въ самое сладкое настроеніе, радовался, что могъ спасти товарища. Что же оказалось? Дюмутье все солгалъ, деньги мои промоталъ на извѣстную тогда красавицу Медвѣдеву, и я денегъ этихъ не видалъ и до сего часа. Возвратясь изъ Камчатки и посѣтивъ изъ любопытства монастырь въ Стрѣльнѣ, за вечернею, между монахами —

узналъ Дюмутъе. При выходѣ изъ церкви, я окликнулъ: «отецъ Дюмутъе». Онъ шелъ смиренно, но, услышавъ свою фамилію, положилъ палецъ на губы и пригласилъ знакомаго слѣдовать за собою. Узнавъ меня, онъ тоже обрадовался и разсказалъ свою біографію: накутивши въ Кронштадтѣ, онъ бѣжалъ, забрался въ Тамбовскую губернію; влюблялся онъ и влюблялись въ него, чуть-ли не былъ два раза женатъ, скрывался въ Москвѣ, ходилъ собирать на монастыри и церкви. Извѣдавъ всѣ пути мошенничества, онъ, наконецъ, подъ чужимъ именемъ, поступилъ въ монахи и говорилъ, что лучшаго положенія онъ не знаетъ. И правда, келья его была полна работы барынь, бѣлье носилъ прекрасное—тоже подарокъ барынь, въ деньгахъ нужды не имѣлъ, послѣ чаю, онъ подчивалъ меня прекрасными сладостями, предложилъ ужинъ, изъ секретнаго шкапика въ стѣнѣ досталъ серебряную паровую кастрюлю, тамъ готовый былъ бифстексъ, явились сыры, колбасы и разное вино. Я посмѣялся надъ нарушеніемъ монашескаго обѣта, онъ тоже смѣялся и сказалъ: «монахъ долженъ быть чистъ, какъ голубь и хитръ, какъ змій». Разсказывалъ, что онъ часто ѣздитъ въ Петербургъ и имѣетъ тамъ много знакомыхъ барынь и купчихъ и прибавилъ, смѣючись: «житъе хорошее, пожаловаться не могу». О моихъ деньгахъ не было ни слова.

Безъ походовъ (т. е. плаванія) и оставшейся морской провизіи, на маленькомъ жалованьи жить было почти невозможно; для экономіи мы всѣ жили по-двое и по-трое на одной квартирѣ. Кронштадтъ — маленькій городокъ; въ немъ мѣстятся до 4 тысячъ офицеровъ, вся провизія дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, потому что оттуда привозится. Какъ я ни передумывалъ выбиться изъ нужды, но въ будущемъ видѣлъ только ее одну. Вдругъ послѣдовалъ вызовъ желающихъ отправиться въ Камчатку. Не зная Камчатки, я не зналъ, хорошо или дурно тамъ, но въ первую минуту рассуждалъ такъ: положимъ, въ Камчаткѣ дурно, но и здѣсь очень худо, если я не найду въ Камчаткѣ лучшаго, то все-таки увижу что-нибудь новое. Рѣшено,—ѣду въ Камчатку. Но общество мичмановъ въ Кронштадтѣ таково, что предложи экспедицію въ адъ—найдется много охотниковъ. Въ Камчатку требовалось всего два офицера, а объявили желаніе 40 человекъ. Въ назначеніи меня помогъ своими связями дядя Бунинъ, и мнѣ завидовали очень многіе.

Я проѣхалъ не далеко отъ Золотилова, но не заѣхалъ къ отцу и увѣдомилъ о своей командировкѣ только изъ Иркутска. Хотя я и любилъ мать, но страхъ къ отцу превозмогъ, и я матери моей не видалъ. Насъ по дорогѣ въ городахъ принимали прекрасно,—мы были молоды, въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, хорошіе танцоры и, въ провинціальной глуши, намъ были рады. Почти вездѣ я слышалъ слова сожалѣнія: такіе молоденькіе, такъ умны и любезны—за что это ихъ ссылаютъ въ Сибирь?!

Насъ было трое: капитанъ-лейтенантъ Вороновъ, совершенно ни къ чему неспособный человѣкъ. Другой товарищъ Николай Повалишинъ, мы съ нимъ вмѣстѣ опредѣлились въ корпусъ, въ одномъ классѣ проходили науки и вмѣстѣ на кораблѣ дѣлали первый походъ. Повалишинъ учился очень хорошо, поведения прекраснаго, былъ стройный брюнетъ и недуренъ, онъ проигрывалъ противъ меня тѣмъ, что не имѣлъ общественной ловкости и находчивости съ дамами, т. е. не имѣлъ смѣлой самонадѣянности, а я все это пріобрѣлъ, шатаюсь по гостиннымъ вельможъ, съ теткою и дядей. Повалишинъ, при выгодной наружности—былъ замѣчательный флегматикъ, онъ часто задумывался, мечталъ, какъ бы составить себѣ обезпеченное состояніе, но не былъ скупъ и былъ совершенно честный человѣкъ, трезвъ, какъ и я. Съ нами ѣхала команда изъ 25 матросъ-охотниковъ, молодецъ къ молодцу, люди, душой и тѣломъ намъ преданные.

Празднуя по вѣсѣмъ попутнымъ городамъ, а иногда и у помѣщиковъ на пути, гдѣ два, гдѣ три дня танцовали, волочились, были сыты и веселы. Остановлюсь нѣсколько на описаніи Омска. Это крѣпость на границѣ киргизскихъ степей; тамъ была главная квартира командира сибирскаго корпуса войскъ, должность котораго исправлялъ генералъ Клодтъ. Это былъ нѣмецъ отъ головы до пятокъ, сынъ его—знаменитый скульпторъ. Баронъ Клодтъ — былъ страшно разсѣянъ: выходилъ изъ дома иногда въ мундирѣ, но въ подштанникахъ, часто носилъ шляпу въ рукахъ на улицѣ. При мнѣ, онъ пошелъ гулять и ушелъ за крѣпость верстъ 8-мъ и возвратился на навозномъ возѣ. Всѣ привыкли къ его странностямъ и всѣ любили его; онъ былъ рѣдкой доброты и весельчакъ. Намъ отвели цѣлый домъ корпуснаго командира. Комендантомъ былъ полковникъ Ивановъ, онъ и семья были любезнѣйшіе люди, но какъ комендантъ, Ивановъ не имѣлъ понятія о службѣ до того, что я училъ его ходить рундомъ. Въ Омскѣ были комиссіи: комиссаріатская, провіантская, аудиторіатъ и главная квартира атамана казачьихъ линейныхъ полковъ. Атаманомъ былъ генералъ Броневскій—жившій роскошно. Жизнь въ Омскѣ тогда была вполнѣ азіатская, довольно сказать, что женщинъ держали въ комнатахъ окнами на дворъ и съ желѣзными рѣшетками, двѣицъ запирали на ночь ключемъ. При корпусномъ штабѣ были все пожилые и старики. Молодежь состояла изъ казачьихъ офицеровъ, это были — все красавцы, молодцы, но необразованные и малограмотные. Въ Омскѣ обрадовались нашему пріѣзду, и такъ какъ у насъ заболѣло два матроса, то мы сочли законною причиною пожить въ Омскѣ до ихъ выздоровленія. Насъ носили на рукахъ, каждый день баль, обѣдъ и все содержаніе — отъ коменданта. Меня полюбилъ баронъ Клодтъ, самъ возилъ съ визитами.

*

Изъ Омска я поѣхалъ въ Иркутскъ—городъ прекрасный, много богатаго купечества и хорошо образованнаго. Иркутскъ—столица Сибири. Я остановился въ адмиралтействѣ, начальникъ, лейтенантъ Кутыгинъ, былъ прелюбезный человекъ. Я пріѣхалъ слѣдомъ за Сперанскимъ, который былъ посланъ государемъ для исправленія злоупотребленій по управленію. Генераль-губернаторомъ былъ Пестель, кажется, во всѣ 13 лѣтъ губернаторства не бывшій въ Сибири. Иркутскимъ губернаторомъ былъ Трескинъ, это былъ царекъ Сибири. Дамы и мужчины не подходили къ нему иначе, какъ цѣлуя его руку, чиновники—также. Этотъ жестокой деспотъ водворилъ удивительный порядокъ въ Сибири. Если проѣзжіи забывалъ на станціи кошелекъ или часы, то его догоняли и отдавали, ни убійствъ, ни воровства не было, хотя всѣ селенія полны были ссылными. Я расскажу, какъ я являлся къ губернатору Трескину. Я былъ предупрежденъ, что въ залѣ его садиться не дозволяется. Пріѣхалъ я въ 10 часовъ утромъ. Трескинъ еще не выходилъ; въ залѣ: предсѣдатели, совѣтники и проч. чины стояли каждый на опредѣленномъ мѣстѣ: у стѣны или у печки; все это стояло безмолвно и не шевелилось. Я пришелъ и сѣлъ на стулъ—всѣ переглянулись и удивились, какъ вещи небывалой. Пріѣхалъ съ рапортомъ комендантъ, полковникъ Цейдлеръ, и видя меня сидящимъ, рѣшился сѣсть. Молчаніе гробовое. Вдругъ растворились обѣ половинки двери кабинета, и я увидѣлъ тучнаго старика въ бѣломъ халатѣ, въ бѣломъ колпакѣ, съ висящими бѣлыми волосами. Эта бѣлая фигура двигалась тихо, точно на колесахъ, но глаза черные, свѣтящіеся и быстро двигающіеся. Трескинъ прямо двинулся ко мнѣ. Я всталъ, не торопясь.

— Ты уже усѣлся?—сказалъ онъ.

— Усталъ, ваше превосходительство съ дороги.

— Какъ тебя зовутъ?

— Эразмъ Иванычъ.

— Гдѣ ты учился?

— У дьячка на мѣдныхъ деньги,—отвѣчалъ я на этотъ странный вопросъ.

— Сколько у тебя душъ?

— Одна своя, но прекрасная.

— Сколько у тебя денегъ?

— Императорская (бумажка) въ карманѣ.

Онъ взялъ меня за руку, вывелъ на середину и, повертывая, сказалъ:—«не велика птичка, да носокъ остеръ». Трескинъ кликнулъ чиновника и приказалъ отвести меня къ дочерямъ его,—ихъ было три: я отрекомендовался и усѣлся чинно, онѣ работали въ пальцахъ и молчали. Я съ намѣреніемъ спуталъ у одной шерсть, а у другой уронилъ палецъ, хохоталъ и болталъ; всѣ вскочили и стали смѣяться, знакомство

сдѣлано. Одна пошла въ комодъ, я увидаль тамъ много конфетъ и сталъ ѣсть, онѣ—бросились отнимать, я отъ нихъ, они за мной, я вскочилъ на столъ, и вдругъ отворяются двери, въ дверяхъ отецъ. Вижу, плохо, но не потерялся. Дочери хохочутъ и жалуются отцу, а я жалуясь, что онѣ щиплются. Удивленный старикъ расхохотался, велѣлъ намъ помириться, пригласилъ меня обѣдать у него, но не обижать дочерей. За обѣдомъ, Трескинъ посадилъ меня противъ себя; я ѣлъ всегда очень много и скоро. Онъ любовался и говорилъ, что онъ лучше ѣсть, глядя на меня. Послѣ обѣда Трескинъ увелъ меня въ кабинетъ и спросилъ: умѣю ли читать?

— Умѣю и отлично,—отвѣчалъ я.

— На, читай,—и далъ мнѣ какую-то книгу, а самъ легъ на диванъ. Я хотѣлъ читать съ толкомъ, съ разстановкой, но старикъ остался этимъ недоволенъ.

— Что-же, ты не умѣешь скорѣй читать?—спросилъ онъ.

Я началъ читать, какъ пономарь, и онъ былъ доволенъ. Весь Иркутскъ дивился моему поведенію и успѣху у Трескина, но онъ уже былъ не тотъ, что прежде. Въ Иркутскѣ былъ уже Сперанскій, и каждый чувствовалъ высшую власть и другое направленіе. Сперанскій такъ извѣстенъ въ Россіи, что описывать его не нужно, но надо сказать, что онъ былъ наружности красивой, стройный и непобѣдимо привлекательный—я много видѣлъ его портретовъ лучшихъ художниковъ, но ни одинъ портретъ не передаетъ и тѣни его удивительныхъ глазъ, а другихъ подобныхъ глазъ я не видѣлъ во всю жизнь. Голосъ у него былъ теворъ, движенія мягки и тихи.

Являясь къ Сперанскому, я былъ ласково принятъ и, конечно, не паясничалъ. Съ нимъ была огромная канцелярія—всѣ изъ Питера и люди дѣльные, образованные. Между многими былъ капитанъ путей сообщенія, Гаврило Степановичъ Батенковъ, этотъ, кажется, былъ всѣхъ умѣе. Исторія его слѣдующая: онъ былъ артиллерійскій офицеръ, въ 1812 году, подъ Смоленскомъ, наши войска, ретируясь, не успѣли уничтожить мостъ. Кутузовъ послалъ двухъ офицеровъ, каждаго съ двумя пушками обстрѣливать мостъ и умереть тамъ, но не ретироваться. Батенковъ рассказывалъ:

— Мы стрѣляемъ картечью, массы французовъ валятся, но идутъ, подходятъ близко, у меня канонеры перебиты, самъ я прикладываю фитиль, и въ это время меня повалили штыкомъ, помню, какъ штыкомъ прокололи колѣнку, это было такъ болѣзненно, что я потерялъ память.

Товарищъ Батенкова, видя приближеніе французовъ и желая спасти пушки—ускакалъ. Батенкова, какъ убитаго, исключили изъ списковъ. Опомнился Батенковъ въ лазаретѣ французовъ и послѣ былъ отправленъ на югъ Франціи, гдѣ и жилъ до взятія Парижа. Тогда онъ явился

въ главную квартиру, но ему сказали: Батенковъ убитъ и исключень изъ списковъ. Документовъ онъ никакихъ не имѣлъ, и ему много было хлопотъ, чтобы доказать, что онъ дѣйствительно поручикъ Батенковъ; товарищи и солдаты помогли ему. Батенковъ получилъ прямо капитана, Георгія и Владиміра, но, не желая служить въ военной службѣ, онъ безъ экзамена перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія.

Не помню, какъ узналъ его Сперанскій, но я нашелъ Батенкова занимающагося составленіемъ новаго положенія о ссыльных. Онъ былъ отличный говорунъ—о чемъ угодно, остеръ, саркастиченъ, и Сперанскій любилъ слушать болтовню Батенкова. Послѣ мы очень полюбили другъ друга, хотя онъ былъ много старше меня.

Я и теперъ не пью, но тогда совершенно не пилъ, даже не пилъ шампанскаго за здоровье Сперанскаго, а вмѣсто шампанскаго наливалъ въ бокаль превкусный медъ и пилъ, но и медъ дѣлалъ меня краснымъ. Однажды зашелъ у Батенкова разговоръ съ Сперанскимъ обо мнѣ. Батенковъ хвалилъ меня, Сперанскій назвалъ меня способнымъ мальчикомъ, но съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что я еще юноша, а, какъ морякъ, привыкъ пить, жалко видѣть, какъ онъ отъ обѣда выходитъ красный. Батенковъ расхохотался и объяснилъ Сперанскому, что я въ жизни еще не попробовалъ вина и за здоровье его пью только медъ и отъ того краснѣю.

Пріѣхали наконецъ и мои товарищи: Повалишинъ съ Вороновымъ. При Сперанскомъ находился родной его племянникъ, Жоржъ Вейкардъ, мнѣ ровесникъ, хорошо образованный, и мы скоро подружились. Я, Повалишинъ, Вейкардъ и Ивановъ порядочно танцовали на частыхъ балахъ, и Сперанскій видимо любовался нами. Онъ зналъ мою дружбу съ Вейкардомъ и пропускалъ намъ многія шалости. Разъ, передъ сумерками, въ адмиралтейство является офицеръ-ординарецъ Сперанскаго, и, называя меня по фамиліи, объявляетъ приказаніе генераль-губернатора явиться къ нему немедленно. Я надѣлъ полную форму и отправился къ Сперанскому. Онъ ходилъ по комнатѣ въ старенькомъ сюртукѣ, встрѣтилъ меня ласково и прежде всего спросилъ: зачѣмъ я въ мундирѣ? Я отвѣчалъ, что считалъ себя не въ правѣ явиться иначе по приказанію генераль-губернатора.

— Это перевралъ посланный офицеръ, — сказалъ онъ, — а я приказалъ просить васъ къ Михаилу Михайловичу Сперанскому. Прошу на будущее время отличать приглашеніе, къ Михаилу Михайловичу можно и прилично являться въ сюртукѣ. Свободны ли вы на два часа времени?

— Я, разумѣется, поклонился и отвѣчалъ, что совершенно ничего не дѣлаю.

— Ну, такъ походимте со мною.

Вотъ нашъ разговоръ:

- Вы, конечно, воспитанникъ Морскаго корпуса?
 — Точно такъ.
 — Вашъ курсъ преимущественно математическо-астрономическій?
 — Да-съ, всёхъ наукъ, входящихъ въ мореплаваніе, а такъ же стратегіи и фортификаціи.
 — Это для чего же?
 — На случай дѣйствій десантомъ на сухомъ пути.
 — Но все-таки, главное—астрономія?
 — Дѣйствительно, эта часть науки въ большомъ развитіи.
 — Скажите, какой вы системы держитесь?
 — Коперника.
 — Вполнѣ ли вы довольны этой системой?

Этотъ вопросъ мнѣ показался чрезвычайно страннымъ. Первый моментъ я не зналъ, что и отвѣчать, но сообразилъ, что такому умному человѣку хочется шутить съ юношею, и отвѣчалъ.

— По приказанію, я обязанъ признавать эту систему непогрѣшимою, но самъ по себѣ я не признаю вѣрными положенія Коперника.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да-съ, я имѣю свою систему.

— Право? Много обяжете, объяснивъ мнѣ свою систему. Сперанскій добродушно улынулся и прибавилъ: — будьте откровенны и выскажитесь свободно, я васъ слушаю.

Положеніе было затруднительное, попасть въ дураки не хотѣлось, я началъ смѣло, долго, очень долго говорилъ, но должно быть вздоръ, потому что Сперанскій слушалъ и нѣсколько разъ улыбался.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — теперь мнѣ время заняться, подайте мнѣ руку и просите въ свободное время посѣщать его въ сумерки.

— Прощайте,—прибавилъ онъ, — надѣюсь поучиться у васъ, когда вы будете въ скортучкѣ; прощай, молодой мой другъ.

Черезъ нѣсколько дней, Сперанскій развилъ мою систему передъ Батенковымъ. Послѣдній мнѣ признался, что онъ, слушая Сперанскаго, не зналъ, что и думать, но Сперанскій сказалъ:

— Я чужаго не присвоиваю, эта система твоего молодого друга Эразма, онъ насмѣшилъ меня, болталъ часа два и развеселилъ меня на цѣлый вечеръ. Молодое воображеніе увлекло его, онъ искренно высказывался; это мнѣ очень нравилось, теперь и я увѣренъ, что онъ неиспорченнаго сердца, и потомъ началъ передразнивать мою походку и голосъ, но просилъ не передавать мнѣ; оба усердно хохотали надъ моею ребяческою изобрѣтательностію.

Послѣ этого, я еще разъ былъ у Сперанскаго. Онъ хотѣлъ знать мелкія подробности о мореплаваніи. Я рассказывалъ ему какъ можно

популярнѣе, и онъ, казалось, былъ доволенъ, а я дѣйствительно удивлялся способности глубоко постигать и быстро соображать совершенно незнакомый ему предметъ. Безпрестанно дѣлаемые имъ вопросы убѣждали меня, что онъ слушалъ внимательно. Въ концѣ разговора, Сперанскій вдругъ неожиданно спросилъ:

— Знали ли у васъ въ корпусѣ о моей ссылкѣ?

— Знали весь корпусъ и, можетъ быть, въ тотъ же день.

— Что же говорили?

— Говорили, что вы измѣнникъ, и я васъ вѣшалъ.

— Какъ же это, расскажите, пожалуйста?

— Вырѣжу бывало изъ бумаги человѣка, подпишу Сперанскій, на шею привяжу ниточку, а на другой конецъ нитки жеваную бумагу и брошу въ потолокъ. Жеваная бумага пристанетъ къ потолку, и человѣчекъ виситъ.

— Кому же я измѣнилъ?

— Разумѣется, подкупилъ васъ Наполеонъ.

— Многіе меня вѣшали?

— Всѣ.

Сперанскій, мнѣ показалось, былъ удивленъ.

— Я никакъ не полагалъ,—сказалъ онъ,—что у васъ въ корпусѣ такъ развитъ патриотизмъ.

— Ну, а теперь какъ вы думаете?

— Въ корпусѣ послѣ прошелъ слухъ, что вы пострадали невинно, и мы всѣ сожалѣли о васъ.

— Я не помню морскихъ кадетъ мнѣ знакомыхъ, кто же меня зналъ?

— Въ корпусѣ всѣхъ знаютъ, мы часто знаемъ, что тайно дѣлается во дворцѣ, а какъ всѣ знаютъ—я не умѣю доложить.

— Очень благодаренъ вамъ за откровенность, у васъ хорошее начальство, когда умѣло такъ сильно внушить вамъ любовь къ Россіи.

— Мы о Россіи мало думали, мы всей душой любили государя, и кто былъ виноватъ передъ государемъ, того мы готовы были казнить. Мы и Барклая де Толли вѣшали, когда въ обществѣ говорили, что онъ измѣнникъ, но послѣ и его простили.

— Хорошій духъ въ вашемъ корпусѣ.

Сперанскій и этотъ разговоръ передалъ Батенкову. Скоро послѣ того Батенковъ предложилъ мнѣ остаться на службѣ у Сперанскаго. Батенковъ очень совѣтовалъ перемѣнить морскую службу на статскую и увѣрялъ, что я пойду хорошо,—но я тогда презиралъ статскую службу. Кромѣ того, я любилъ морское дѣло на столько, что разстаться съ моремъ я и подумать не могъ. Я отказался, и болѣе объ этомъ разговора не было. Дружба моя съ Батенковымъ все болѣе скрѣплялась, но это не была дружба ровесниковъ: Батенковъ былъ много старше меня, и я со-

знавалъ его превосходство ума, опытность и чувствовалъ къ нему уваженіе. Жоржъ Вейкардъ—это другое дѣло, съ нимъ мы были ровесники, онъ былъ ученѣе меня, но юность не обращаетъ на то вниманія; мы оба были веселовравны, жизнь у обоихъ просилась изъ рамокъ приличія, и мы хотѣли жить. Сперанскій очень любилъ Вейкарда, и узнавши во мнѣ неспорченнаго юношу, ласково смотрѣлъ на нашу дружбу. Какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что молодость требуетъ жизни безъ благоразумія, и на шалости наши смотрѣлъ сквозь пальцы. Сперанскій принялъ одну мѣру ограничить наши шалости: онъ ни копѣйки не давалъ Жоржу денегъ, а я кромѣ жалованья — ничего не имѣлъ. Тогда въ Иркутскѣ былъ обычай: всякій пріѣзжающій чиновникъ или офицеръ получалъ въ свое распоряженіе на цѣлый день пару лошадей съ санями и кучеромъ — на все время пребыванія въ Иркутскѣ. Это давалъ откупщикъ, и у него былъ всякій день обѣдъ для пріѣзжающихъ. Въ первый же день явилась и ко мнѣ пара лошадей, и я пользовался ими до выѣзда изъ Иркутска. Обѣдомъ я не имѣлъ нужды пользоваться у откупщика, потому что всякій день былъ на званомъ обѣдѣ.

Въ правленіе Трескина исправники — были полные властители, отлично платили Трескину и сидѣли на мѣстахъ десятки лѣтъ. Жалобъ на исправниковъ были тысячи, все за взятки. Сперанскій принималъ всѣ жалобы и дѣло велъ въ тишинѣ. Обыкновенно, за преступленія ссылали изъ Россіи въ Сибирь, а Сперанскій всѣхъ виновныхъ чиновниковъ ссылалъ изъ Сибири въ Россію, и это считалось жестокимъ наказаніемъ.

Замѣчательнымъ человѣкомъ въ Иркутскѣ былъ откупщикъ Иванъ Ефимычъ Кузнецовъ, онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «Короля». Дѣйствительно, наружности былъ королевской; прекраснаго роста, красавецъ въ полномъ смыслѣ, богатъ безъ счета и роскошенъ, какъ откупщикъ. Онъ былъ послѣдній любовникъ жены Трескина, этой сибирской Мессалины. Въ домѣ Кузнецова и жилъ Сперанскій. Чтобы кончить объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ и не обращаться къ нему, я скажу о немъ нѣсколько словъ. Въ 1830-мъ году, «Король» Кузнецовъ уже постарѣлъ, но еще былъ хорошъ и бодръ, я нашелъ его бѣднякомъ и всѣми забытымъ, хотя онъ жилъ еще въ домѣ, гдѣ прежде жилъ Сперанскій, но домъ былъ описанъ за долги. По старой памяти, я посѣтилъ бывшаго «Короля». Я нашелъ его въ изорванномъ халатѣ, онъ сидѣлъ въ бывшемъ кабинетѣ Сперанскаго и своими руками промывалъ песокъ съ золотой россыпи.

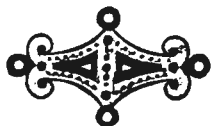
— Что это вы дѣлаете, Иванъ Ефимычъ?—спросилъ я.

— А вотъ пробую, можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ.

Былъ по-старому любезенъ, пріятливъ, радъ былъ моему посѣщенію. Я, конечно, не напоминалъ ему о прежней его славѣ, а онъ не

казался огорченнымъ своимъ положеніемъ; я съ нимъ пріятельски простился, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «дѣлаетъ честь вашему сердцу, что не забыли старой дружбы». Я искренно пожелалъ ему, чтобы вышло изъ его труда что-нибудь хорошее. А вотъ что вышло: въ 40-ыхъ годахъ, «Король» не зналъ куда дѣвать денегъ. Дѣтей у него не было, онъ швырялъ сотнями тысячъ во всѣ стороны на всякія благотворенія, даже положилъ огромный капиталъ, процентами съ котораго должны оплачиваться подати мѣщанъ г. Иркутска. Онъ былъ пожалованъ статскимъ совѣтникомъ, имѣлъ много орденовъ и до конца жизни, обѣими руками дѣлалъ добро и не могъ истратить своихъ капиталовъ. Какимъ случаемъ разбогатѣлъ этотъ бѣднякъ? А именно исполнилось мое желаніе при прощаньи. Одинъ ссыльный былъ долго въ бѣгахъ и случайно нашель богатую золотую розсыпь. По старой памяти, онъ принесъ пудъ этого песку и подарилъ Кузнецову. Вотъ за работой этого песка я и засталъ горемыку «Короля». Оказалась эта розсыпь столь богатою, что изъ ста пудовъ песку добывалось около фунта золота. Какое же богатство попало Кузнецову? За то онъ и не зналъ счета своимъ деньгамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

X¹⁾.

Депутація къ М. Н. Муравьеву отъ крестьянъ сосѣднихъ уѣздовъ царства Польскаго. — Адресъ, поданный ему депутатами Маріампольскаго уѣзда. — Подчиненіе Муравьеву части Августовской губерніи. — Мѣры къ усмиренію въ ней мятежниковъ и къ водворенію спокойствія. — Отправленіе туда отряда генерала Я. П. Бакланова и его дѣйствія. — Положеніе крестьянъ Августовской губерніи. — Командированіе Никотина въ Сувалки. — Возвращеніе его въ Вильну. — Встрѣча съ Н. А. Милютинимъ.

Въ то самое время, когда дѣло умиротворенія Сѣверо-Западнаго края быстро подвигалось впередъ и всеподданнѣйшій адресъ виленскаго дворянства сталъ совершившимся фактомъ, въ сосѣднихъ уѣздахъ Августовской губерніи, находившейся въ царствѣ Польскомъ, царилъ полнѣйшая анархія, много мѣшавшая дальнѣйшимъ успѣхамъ распоряженій М. Н. Муравьева. Но вотъ какъ-бы само Провидѣніе, благословляя неусыпные труды его, подъятые имъ, по священной волѣ Государя императора, во славу Россіи, послало ему свою помощь въ депутаціяхъ крестьянъ сосѣднихъ уѣздовъ царства Польскаго и проживавшихъ тамъ старообрядцевъ, искавшихъ защиты отъ звѣрства мятежниковъ. «Гласъ народа-гласъ Божій» говоритъ пословица; къ нему нужно прислушиваться, дабы не ошибаться въ своихъ дѣйствіяхъ. Не желая утомлять вниманіе читателя подобнымъ описаніемъ всего, происходившаго по этому поводу, считаю нужнымъ сообщить, на выдержку, одно прошеніе отъ пяти тысячъ крестьянъ, Маріампольскаго уѣзда, объ

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1902 г.

огражденіи ихъ отъ мятежниковъ, поданное главному начальнику края двадцатью пятью депутатами. Оно наглядно объяснитъ тогдашнее положеніе дѣла.

«Мы, крестьяне Общества Зыпле, царства Польскаго, Августовской губерніи, Маріампольскаго уѣзда, прибѣгаемъ со всепокорнѣйшею просьбою къ тебѣ, генераль, спаси насъ! Плачевное положеніе наше достойно сожалѣнія. Настоящій мятежъ и волненія въ край приписываютъ полякамъ; это клевета! Мы, поляки, всегда были и будемъ вѣрными подданными нашего всемилостивѣйшаго государя; нарушителями же спокойствія суть низкіе люди, которыхъ можно найти въ каждомъ народѣ. Крайность заставляетъ насъ обратиться къ тебѣ, генераль; знаемъ, что наша губернія принадлежитъ къ другому управленію; но что же остается намъ дѣлать несчастнымъ, когда край нашъ, вмѣсто того чтобы смириться, еще болѣе волнуется. Слыша, что край, вѣренный тебѣ, генераль, твоею работою уже успокоенъ и въ немъ водворенъ порядокъ, мы еще разъ повторяемъ нашу покорнѣйшую просьбу: прими насъ подъ свое покровительство.

«Пусть дадутъ намъ войско, и мы пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ, будемъ сражаться до послѣдней капли крови и докажемъ на дѣлѣ нашу любовь и приверженность къ всемилостивѣйшему нашему монарху и ненависть нашу къ мятежникамъ.

«Мятежники, зная нашу привязанность къ государю, будутъ стараться отомстить намъ, а потому просимъ тебя, генераль, удостой принять насъ подъ свое покровительство и пришли войско для нашей обороны. Еще разъ умоляемъ тебя, генераль, возьми насъ къ себѣ, тогда и нашъ край успокоится, какъ Литва. Мы вѣрны нашему государю и не желаемъ безпорядковъ».

Подобнаго рода депутаціи являлись одна за другою. По доведеніи о томъ до свѣдѣнія государя, послѣдовало въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 года высочайшее повелѣніе подчинить Маріампольскій, Кальварійскій, Сейнинскій и Августовскій уѣзды подъ управленіе главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края; въ декабрѣ мѣсяцѣ подчиненъ былъ ему же и Ломжинскій уѣздъ.

Крестьянскія и старообрядческія депутаціи царства Польскаго къ М. Н. Муравьеву придавали еще болѣе торжества нашему святому и правому русскому дѣлу. Съ какимъ вниманіемъ, съ какою любовью относился къ депутатамъ нашъ великій государственный дѣятель; и надобно было видѣть то воодушевленіе, которое возбуждали въ крестьянахъ его мѣткія слова.

Громогласное «ура!» бывало обычнымъ заключеніемъ cadaго пріема крестьянскихъ депутацій. Мнѣ обыкновенно доставалось на долю быть переводникомъ при этихъ представленіяхъ.

— Поговорите-ка съ ними по-польски, говорилъ обыкновенно Муравьевъ, они, можетъ-быть, не вполне понимаютъ нашу русскую рѣчь. Польскій языкъ ихъ родной, ихъ неотъемлемая собственность... Вѣрные поляки также дороги нашему великому государю, какъ и мы, русскіе. Правительство преслѣдуетъ одинъ только мятежъ, а не вѣрноподданныхъ поляковъ и ихъ вѣру. Польщизны только быть не должно и быть не можетъ въ здѣшнемъ искони русскомъ краѣ. Она тутъ преступленіе первостепенной важности. Польская пропаганда, и она только одна должна быть здѣсь строго преслѣдуема и караема, безо всякаго снисхожденія, не взирая ни на какое лицо, ни на какое состояніе. Слѣдя неуклонно этимъ путемъ, правительство можетъ быть увѣрено, что достигнетъ полнѣйшаго умиротворенія края и сольетъ его съ остальной Россією. Послабленія же тутъ, иначе миръ съ польщизною и панствомъ, рано или поздно а приведутъ неукоснительно къ плачевнымъ результатамъ.

16-го сентября М. Н. Муравьевъ меня потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ. Пробылъ часъ по полудни, когда я переступилъ порогъ этой комнаты.

— Здравствуйте, любезный Никотинъ,—привѣтливо встрѣтилъ меня начальникъ. Садитесь, я хочу васъ послать въ Августовскую губернію, гдѣ царствуетъ полнѣйшій терроръ; вамъ извѣстно, что государь подчинилъ ее мнѣ..

Сознаюсь чистосердечно, что предстоявшее порученіе обдало меня холодомъ.

— Вы отправитесь,—продолжалъ Муравьевъ, при отрядѣ генерала Бакланова, для устройства тамъ военно-гражданскаго управленія. Въ особенности вы должны будете обратить вниманіе на тамошнихъ крестьянъ; пора освободить ихъ отъ ига польскихъ пановъ. Не опасайтесь, вы будете вполне обезпечены отъ всякой опасности; но берегитесь и не рискуйте.

Вслѣдъ за этимъ вступленіемъ, онъ началъ давать мнѣ указанія, что и какъ дѣлать. Я молча за нимъ записывалъ карандашомъ, какъ записывалъ бывало лекціи въ дорогомъ Московскомъ университетѣ. Долго длилась наша служебная бесѣда, и когда она подошла къ концу, то М. Н. Муравьеву доложили, что подавъ обѣдъ.

— Ну когда же вы мнѣ принесете исполненныя бумаги?—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ, поспѣшно вставая и застегивая лѣвою рукою свой сюртукъ на верхнюю правую пуговицу. Нельзя ли поторопиться?..

Взглянувши на часы, которые показывали пять часовъ безъ пяти минутъ, я попросилъ у него позволенія придти попозднѣе въ особую его канцелярію, обѣщая ему приготовить все его распоряженіе къ десяти часамъ вечера.

— Сегодня?.. посмотримъ, посмотримъ, какъ вы успеете все это сдѣлать, — отвѣчалъ мнѣ съ улыбкою Михаилъ Николаевичъ, подавая руку, до свиданія же до 10 часовъ.

Сказавши эти слова, онъ довольно поспѣшно вышелъ въ другую комнату, а я отправился домой, гдѣ, вѣсково пообедавши, принялся за работу. Не пробило за тѣмъ и девяти часовъ, когда я поставилъ послѣднюю точку на шестнадцатомъ листѣ, и въ половинѣ десятаго входилъ уже съ портфелемъ изъ большой верхней залы дворца въ красную гостиную, въ которой прислонясь къ столу, читалъ «Московскія Вѣдомости» генералъ Н. Г. Ложкаревъ. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ же оставилъ чтеніе и на мое привѣтствіе, подавая руку, спросилъ:

— Неужели вы все приготовили?

— Какъ видите, — отвѣчалъ я, показывая работу.

Вошедшій на эти слова дежурный адъютантъ В. И. Павловъ, пригласилъ меня въ кабинетъ съ докладомъ, который и прошелъ блестящимъ образомъ. Михаилъ Николаевичъ былъ видимо очень доволенъ мною; не было сдѣлано ни одной поправки, все было имъ одобрено; были добавлены только еще два новые пункта по крестьянскому вопросу, о которыхъ онъ не успѣлъ мнѣ утромъ сказать и записалъ ихъ уже послѣ обѣда на особой бумажкѣ. По окончаніи доклада, я получилъ приказаніе передать бумаги въ особую канцелярію для переписки и приготовиться къ скорому отъѣзду, и затѣмъ приглашеніе къ обѣду на завтрашній день, въ который были именины его дочери, Софіи Михайловны Шереметевой.

Выходя изъ кабинета, я встрѣтилъ генерала И. С. Ганецкаго, который командовалъ д.-гв. Финляндскимъ полкомъ.

— О чемъ вы такъ призадумались? — спросилъ онъ меня, — или получили головомойку?

— Напротивъ, благодарность; да вотъ предстоитъ мнѣ походъ при отрядѣ Я. П. Бакланова, а у меня жена напоследѣяхъ... Хочу попросить отстрочки.

— И не думайте!.. что вы докторъ или повитуха? — отвѣчалъ онъ мнѣ. Положитесь-ка во всемъ на Господа, да и маршъ въ походъ, отъ этого отказываться стыдно русскому...

— Правду вы говорите, Иванъ Степановичъ; да будетъ воля Господня; поѣду, не заикнувшись...

— Съ Богомъ, кланяйтесь брату, если встрѣтите его въ Гроднѣ, продолжалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.

Само собою разумѣется, что дома я скрылъ отъ жены предстоящій мнѣ походъ и объявилъ ей только то, что, можетъ быть, мнѣ придется ѣхать скоро въ Гродну съ порученіемъ. Дѣйствительно 19 сентября я получилъ командировку, но, явившись вечеромъ за приказаніями, въ то

время, когда я былъ уже въ кабинетѣ, дежурный адъютантъ подалъ Михаилу Николаевичу телеграмму отъ князя Барятинскаго, который просилъ его обождать съ движеніемъ войска дня два, чтобы предоставить возможность его отряду сосредоточиться, что и было ему разрѣшено; а я получилъ приказаніе отдохнуть и обождать съ отъѣздомъ. Эта отсрочка доставила мнѣ возможность хорошо подготовиться для исполненія возложеннаго на меня весьма серьезнаго порученія, о чемъ и поведу разсказъ.

Въ виду тогдашнихъ смуть въ царствѣ Польскомъ и необходимости усиленія въ немъ войскъ, а также принявъ во вниманіе географическое положеніе сѣверныхъ уѣздовъ Августовской губерніи, на значительномъ разстояніи прилегающихъ къ Ковенской и Гродненской губерніямъ, полное спокойствіе въ которыхъ нарушалось вторженіемъ мятежничихъ шаекъ изъ этихъ уѣздовъ, Маріампольскій, Кальварійскій, Сейнинскій и Августовскій уѣзды были подчинены, по повелѣнію государя, въ административномъ отношеніи графу М. Н. Муравьеву, на время существованія военнаго положенія, съ тѣмъ, чтобы остальные отрасли управленія: судебная, финансовая, духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и прочія относились попрежнему къ правительству царства Польскаго. Введеніе въ сказанныхъ уѣздахъ полицейскаго управленія и подчиненіе гражданской администраціи военнымъ начальникамъ предоставлялось ему же съ правомъ контролированія дѣйствій—судебной, финансовой и прочихъ частей управленія; при чемъ всѣ служащіе въ край по какимъ бы то ни было учрежденіямъ, и всѣ его обитатели какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія, поставлены подъ наблюденіе военной власти, которая, по распоряженію главнаго начальника края, имѣла право карать ихъ за всѣ политическія преступленія. Для очищенія сказанныхъ уѣздовъ отъ шаекъ мятежниковъ, отправленъ былъ отрядъ изъ войскъ Виленскаго военнаго округа, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Бакланова, который затѣмъ должны были смѣнить части второй пѣхотной дивизіи, занимавшія тѣ уѣзды и получившія другое назначеніе, по распоряженію начальства царства Польскаго. Въ распоряженіе генерала Бакланова были назначены: два батальона л. гв. Преображенскаго и два батальона л. гв. Измайловскаго полковъ; л. гв. Драгунскій и Донской № 30 полки. Войска эти были направлены въ Августовскую губернію тремя колоннами: первая подъ личнымъ начальствомъ генерала Бакланова, изъ 7 ротъ л. гв. Измайловскаго полка, 5 ротъ л. гв. Преображенскаго полка, двухъ эскадроновъ л. гв. Драгунскаго полка и трехъ сотенъ казаковъ, перевезена изъ Вильны по желѣзной дорогѣ въ Гродну, а оттуда должна была слѣдовать черезъ Августовъ въ Суwalkи. По вступленіи этой колонны въ предѣлы Августовской губерніи, генералу Бакланову предоставлено было дать ей частямъ то направле-

ніе, которое онъ сочтетъ нужнымъ, по ближайшемъ соображеніи обстоятельствъ. Вторая колонна, подъ начальствомъ свиты его величества генераль-маіора князя Барятинскаго, изъ 5 ротъ л. гв. Преображенскаго полка, одного эскадрона л. гв. драгунъ и одной сотни казаковъ, перевозилась изъ Вильны по желѣзной дорогѣ до станціи Ораны, а оттуда должна была слѣдовать черезъ м. Меречь на г. Сейны. Третья колонна, подъ начальствомъ свиты его величества генераль-маіора Дуббельта, изъ трехъ ротъ л. гв. Измайловскаго полка, эскадрона л. гв. драгунъ и одной сотни казаковъ, по доставленіи изъ Вильны до станціи Козлова-Руда, слѣдовала черезъ Маріампольскій уѣздъ, въ г. Кальварію; при чемъ, этой колоннѣ поручалось очищать и сѣверную часть Кальварійскаго и Маріампольскаго уѣздовъ съ содѣйствіемъ войскъ, находившихся въ распоряженіи военнаго начальника Маріампольскаго уѣзда. Остальная сотня Донскаго № 30 полка направлена черезъ Трокскій уѣздъ въ отрядъ, который, по распоряженію генераль-маіора Дрентельна, долженъ былъ быть составленъ изъ частей л. гв. Егерскаго полка, расположенныхъ въ Трокскомъ уѣздѣ, и направленъ въ Маріампольскій уѣздъ, для очищенія отъ мятежниковъ Превскихъ и Бальвержинскихъ лѣсовъ; впоследствии колонна эта должна была присоединиться къ колоннѣ генераль-маіора Дуббельта. По прибытіи въ Гродну, генералу Бакланову поручено было условиться съ генераль-лейтенантомъ Ганецкимъ 1, чтобы отъ своихъ войскъ, которыя у него окажутся свободными для этого движенія, онъ направилъ въ ту часть Августовскаго уѣзда, которая составляетъ узкій перешеекъ между Гродненскою губерніею и Пруссіею. Войска наши, по вступленіи въ Августовскую губернію, должны были не допускать мятежническія шайки уходить въ Ломжинскій уѣздъ, а отбрасывать ихъ къ сѣверу, гдѣ они могли быть окончателно истреблены совокупными дѣйствіями разныхъ отрядовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Баклановъ долженъ былъ войти въ сношеніе съ генераль-лейтенантомъ Манюкинымъ, условиться съ нимъ, когда можно будетъ смѣнить его войска тѣми, которыя придутъ туда съ Баклановымъ. Къ тому времени М. Н. Муравьевъ обѣщаль прислать въ Августовскую губернію изъ Вильны еще четыре роты. По окончательномъ очищеніи уѣздовъ отъ мятежниковъ, должны были послѣдовать распоряженія о введеніи военно-полицейскаго управленія, съ назначеніемъ военныхъ начальниковъ, и объ устройствѣ сельскихъ карауловъ. Въ руководство генералу Бакланову была указана инструкція военнымъ начальникамъ уѣздовъ, съ тѣми лишь измѣненіями, чтобы не взимать 10% сбора съ имѣній и не налагать на нихъ секвестръ. Помѣщики и лица другихъ сословій, за участіе въ мятежѣ, должны были высылаться подъ арестомъ въ Гродну и Ковну, для преданія тамъ полемому военному суду; имущество такихъ лицъ

не продавалось съ публичнаго торга, но на него налагался секвестръ; хлѣбъ изъ имѣній лицъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, забирали въ войска, на основаніи инструкціи, съ веденіемъ ему правильнаго учета. Вообще генералу Бакланову поручалось: принимать всюду рѣшительныя мѣры къ прекращенію мятежа, смѣнять гминныхъ войтовъ и лицъ полицейскаго управленія, содѣйствовавшихъ инсургентамъ; сельскому же населенію оказывать вездѣ надлежащую защиту. Въ распоряженіе его былъ командированъ штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Жевановъ, а въ отрядъ князя Барятинскаго, того же штаба, капитанъ баронъ Врангель.

Такъ какъ возстановленіе порядка и спокойствія въ Августовской губерніи не было возможно безъ устройства тамъ правильнаго военно-гражданскаго управленія и безъ содѣйствія сельскаго населенія, то мнѣ и поручено было, находясь при отрядѣ генерала Бакланова, войти въ ближайшее разсмотрѣніе: 1) въ какой мѣрѣ инструкція 24-го мая, для введенія военно-гражданскаго управленія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и дополнительныя къ ней постановленія могли быть примѣнены къ Августовской губерніи и составить соображенія о томъ, какія въ нихъ измѣненія и дополненія необходимы по мѣстнымъ обстоятельствамъ; 2) какія могли быть приняты мѣры къ устраненію сильнаго и вреднаго вліянія въ царствѣ Польскомъ помѣщиковъ на крестьянское сословіе и къ огражденію послѣдняго отъ произвола и насилій со стороны землевладѣльцевъ, и не признается ли, съ этою цѣлю, полезнымъ замѣнить въ Августовской губерніи гминное устройство началомъ выборнымъ отъ сельскаго населенія; 3) какимъ образомъ оградить крестьянъ отъ неправильностей тогдашняго очиншеванія; 4) какія принять въ основаніе нормы для обложенія римско-католическаго духовенства, помѣщиковъ, шляхты и городскихъ жителей 10 % сборомъ съ ихъ доходовъ; 5) сообразить, какимъ порядкомъ могли быть примѣнены къ Августовской губерніи высочайше утвержденныя правила для секвестра имѣній, такъ какъ, съ введеніемъ строгаго военно-гражданскаго управленія, необходимо будетъ подвергать секвестру имѣнія виновныхъ въ содѣйствіи мятежу и преимущественно войтовъ гминныхъ, болѣе другихъ виновныхъ въ допущеніи мятежныхъ дѣйствій; 6) на какомъ основаніи и въ какихъ мѣстностяхъ могли быть съ пользою учреждены сельскіе обывательскіе караулы и какимъ порядкомъ руководствоваться при ихъ учрежденіи.

По всѣмъ вопросамъ и другимъ, которые могли возникнуть на мѣстѣ, мнѣ было поручено составить подробныя соображенія. Вопросы, касательно военно-полицейскаго устройства, должны были быть предварительно обсужены генераломъ Баклановымъ. Въмѣстѣ со мною отправи-

лись въ эту экспедицію адъютантъ М. Н. Муравьева, В. О. Самаринъ, и чиновникъ особыхъ порученій П. А. Мясоѣдовъ.

По выступленіи изъ Гродны, войска остановились на ночлегъ въ имѣніи Де-Ласси, который принялъ генерала Бакланова со всѣмъ штабомъ и насъ всѣхъ съ отличнымъ радушіемъ и гостепримствомъ. На другой день, послѣ очень ранняго чаю съ разнообразной закуской, мы при отрядѣ отправились къ г. Липску, гдѣ войска расположились на ночлегъ. Мы втроемъ остановились на квартирѣ уніатскаго священника. Пройденная мѣстность скорѣе напоминала Россію, чѣмъ Польшу, на пути встрѣчались селенія—Борки, Конюхи, Богатыры и т. п., въ которыхъ жили уніаты, говорящіе бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Движеніе отряда было такъ рассчитано, что отдѣльныя части войска, идя эшелонами, очищали мѣстность по нѣсколько разъ; при подобномъ наступленіи, мятежники не могли уже слѣдовать за отрядомъ, какъ случилось прежде, когда они останавливались отдыхать на бивуакѣ, съ котораго не за долго передъ тѣмъ снялся русскій отрядъ.

Въ этотъ день было уничтожено нѣсколько этаповъ жандармовъ-вѣшателей.

На другой день, рано утромъ, бесѣдуя за чаемъ съ уніатскимъ священникомъ, я коснулся вопроса объ уніи.

— Неужели, батюшка, вы послѣ всѣхъ безобразій ксендзовъ, поощряемыхъ изъ Рима, можете подчиняться подобной главѣ церкви?

— Что же намъ дѣлать?—отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Возвратиться къ прародительскому благочестію, какъ сдѣлали уніаты въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ въ 1839 году.

— Знаете ли, что я вамъ скажу,—продолжалъ мой собесѣдникъ.—Если бы мы знали навѣрное, что Августовская губернія никогда уже не возвратится въ царство Польское, мы всѣ бы поголовно, ни минуты не думая, присоединились бы къ православной церкви.—Безъ того—подобный шагъ не только не возможенъ, но и опасенъ. Намъ и теперь живется съ бѣдой пополамъ... Посмотрите на наши бѣдныя церкви, на наши убогія жилища; сравните ихъ съ костелами, домами пробощей, и вы увидите сами, что мы терпимъ нужду, лишенія; а попробуйте-ка присоединиться къ православію, такъ и простись съ жизнію,—сживуть со свѣту... особенно въ настоящее тяжелое время.

Памятна осталась мнѣ эта бесѣда; искренностію убѣжденія звучали слова уніатскаго священника... Чѣмъ бы помочь бѣдѣ, думалъ я часто въ послѣдствіи; но увы: открывалось ясно, что бороться истинѣ съ ложью въ нашъ злосчастный вѣкъ не приходилось.

Изъ Липска, на другой день, отрядъ двинулся на Ястржембину, куда всѣ части благополучно собрались еще засвѣтло... Только два развѣдочные разъѣзда, по 30 драгунъ въ каждомъ (при одномъ поѣхалъ

Самаринъ, при другомъ Мясоѣдовъ) замѣшкались возвратомъ... Обѣдъ назначенъ былъ у генерала Бакланова въ пять часовъ; между тѣмъ пробило семь, а ихъ еще не было. Жалко было смотрѣть на Якова Петровича, что сдѣлалось съ нимъ; появились лихорадочные припадки, наконецъ и рвота. Онъ надѣлъ свою лисью шубку и сталъ ходить скорыми шагами по комнатѣ.

— Что съ вами, Яковъ Петровичъ?—спросилъ я его.

— Старый я дуракъ,—отвѣчалъ мнѣ кавказскій герой;—послалъ два разъѣзда драгунъ и при нихъ все молодежь...

— Такъ что же, приѣдутъ... Вѣроятно, сбился съ дороги, или что-нибудь ихъ задержало..—продолжалъ я, желая его успокоить.

— Сбиться съ дороги они не могутъ; указанія даны имъ ясныя; а вотъ боюсь, чтобы ихъ не задержали или еще хуже, чтобы они не попали въ засаду; слышно, что шайка Острога (Вавра) была недалеко...

Проговоривши это, генераль Баклановъ быстрыми шагами вышелъ на крыльцо. Я послѣдовалъ за нимъ.

— Эй, молодцы!—закричалъ онъ къ находившимся на дворѣ казакамъ;—двадцать пять рублей тому, кто первый принесетъ вѣрную вѣсть объ отрядѣ.

Не успѣлъ генераль кончить еще фразы, какъ уже двое казаковъ, вскочивъ на коней, быстро помчались по двумъ направлѣнiямъ. Мы возвратились въ комнату. Около получаса прошло въ томительномъ ожиданiи. Богъ знаетъ, какiя думы, одна мрачнѣй другой, ворочались въ моей головѣ; но, вотъ послышался конскiй топотъ... Кто-то подскакалъ къ крыльцу... Дверь отворилась, и казацкiй урядникъ быстро вошелъ въ комнату...

— Отрядъ идетъ полною рысью, ваше превосходительство; минутъ черезъ двадцать будетъ здѣсь...

— Спасибо за добрую вѣсть,—отвѣтилъ казаку генераль Баклановъ, подавая ему двадцати-пяти-рублевку.—Теперь можно пообѣдать; милости прошу, господа,—продолжалъ онъ къ своимъ гостямъ,—пожаловать къ закускѣ...

— Ну, а какъ урядникъ-то ошибся,—проговорилъ я, шутя;—тогда, пожалуй, мы снова будемъ безъ обѣда.

— Презакладываю голову, что отряды будутъ здѣсь въ назначенное время.

Дѣйствительно, не прошло и 15 минутъ, какъ драгунскiе разъѣзды возвратились на бивуакъ...

Веселый, хотъ и нѣсколько позднiй обѣдъ, продолжался болѣе часу; затѣмъ генераль Баклановъ поручилъ штабсъ-капитану Жеванову сдѣлать распоряженiе о дальнѣйшемъ наступленiи отряда по направлѣнiю къ Августову; часа два продолжалось это занятiе. Я. П. Баклановъ, все

*

это время, молча ходилъ по комнатѣ и, покуривая трубку, лишь изрѣдка смотрѣлъ на карту. Когда всѣ приказанія были уже отданы, подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Молодецъ Жевановъ! отлично понимаетъ дѣло; я все время слѣдилъ за нимъ; толковъ и ясенъ.

Въ заключеніе вечера отданъ былъ имъ приказъ, чтобы, послѣ сытнаго ранняго завтрака, весь отрядъ былъ бы готовъ выступить въ 6 часовъ. Послѣ этого мы всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, и холодно-спокойная ночь осѣнила своимъ покровомъ военный бивуакъ, кругомъ котораго зажжены были сторожевые костры. На этомъ бивуакѣ я лично убѣдился, какъ любилъ генераль Баклановъ русскаго солдата и какъ заботился о немъ. Не смотря на утомительный переходъ, когда отрядъ расположился на отдыхъ, Яковъ Петровичъ, не сходявшій цѣлый день съ коня, самъ купилъ трехъ быковъ, приказалъ ихъ убить и только тогда, когда мясо было роздано по котламъ, отправился на квартиру.

Ясное, осеннее утро смѣнило собою холодную ночь... Когда я вышелъ на крыльцо,—большая часть отряда двинулась уже по назначенію; оставалась наготовѣ только та часть, которая должна была наступать въ центрѣ, при Баклановѣ. Походъ предстоялъ по густымъ лѣсамъ, идущимъ вдоль прусской границы. Кавказскій герой былъ сильно чѣмъ-то озабоченъ. Увидѣвши меня, онъ тотчасъ же обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ идти съ ними вмѣстѣ, въ цѣпи.

— Мнѣ не приказано рисковать собою, Яковъ Петровичъ,—отвѣчалъ я ему.—Я долженъ собирать по пути указанныя мнѣ свѣдѣнія. Да и чѣмъ я вамъ могу быть полезнымъ?

— Намъ нуженъ языкъ... Оказалось, что по-польски-то всѣ мы мало маракуемъ; выручай...

Видя мое молчаніе, онъ съ усмѣшкой добавилъ:

— Видно по всему, что статскій, трусу празднуетъ...

— Если такъ вы думаете, то вамъ и отвѣчать за все могущее произойти со мною. Прикажите дать мнѣ коня,—отвѣтилъ я Якову Петровичу.

Генераль Баклановъ самъ выбралъ мнѣ донца, и, когда я былъ уже въ сѣдлѣ, прибавилъ съ добродушіемъ: «рядомъ поѣдемъ — буду щитомъ».

Не стану описывать нашъ походъ; скажу только, что отрядъ шелъ густымъ лѣсомъ; длинная стрѣлковая цѣпь растянулась далеко; часа черезъ два на лѣвомъ флангѣ открыли шайбу и началась перестрѣлка, которая продолжалась не долго, такъ какъ повстанцы загнаны были въ Пруссію, гдѣ сложили оружіе.

На одной полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, генераль

Баклановъ приказалъ остановиться встрѣченному нами тамъ военному обозу, шедшему по большой дорогѣ, все прикрытіе котораго состояло не болѣе какъ изъ восьмидесяти солдатъ, а самъ пригласилъ меня вѣхаться на небольшой курганъ вправо отъ дороги. Слѣзши съ коня, онъ прилегъ грудью на землю. Я присѣлъ подлѣ него. День выдался очень теплый. Мѣстность представляла великолѣпный ландшафтъ, обрамленный со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ, на которомъ осеннее солнце отражало разные переливы цвѣтовъ.

— Вотъ если бы поляки были поумнѣе,—проговорилъ Баклановъ,—они могли бы намъ задать здѣсь славную трепку; вѣдь при насъ всего только человекъ 80. Впрочемъ, ничего не смогли бы сдѣлать... Теперь уже 9 часовъ, а въ началѣ десятаго, вонъ направо—изъ той части лѣса, должна показаться колонна на поддержку; съ наличнымъ же числомъ солдатъ, огорожая обозомъ, можно съ часъ придержаться и не противъ этого сброда... Да, вонъ, посмотрите,—прибавилъ Яковъ Петровичъ, указывая рукою направо въ лѣсъ—показался уже и казацкій значекъ. Молодцы пришли въ-время...

Признаюсь откровенно, какъ ни напрягалъ я свое зрѣніе въ указанномъ мнѣ направленіи, однако, ровно ничего не видѣлъ. Минутъ пять прошло, пока, наконецъ, при помощи бинокля, могъ я различить движеніе казацкихъ пикъ среди лѣсной зелени, а между тѣмъ генераль Баклановъ видѣлъ ихъ простыми глазами.

— Орлинные у васъ глаза, Яковъ Петровичъ,—сказалъ я ему.

— Привычка и болѣе ничего,—отвѣчалъ онъ мнѣ; сорокъ годковъ на Кавказѣ отбарабанилъ; не въ такихъ трущобахъ доводилось побывать; поневолѣ пріучишься глядѣть далеко не только днемъ, но и ночью...

На ночлегъ нашъ отрядъ остановился въ городѣ Августовѣ.

На другой день, въ четвертомъ часу по полудни отрядъ вступилъ съ музыкою въ городъ Сувалки, который составлялъ конечную цѣль нашего военного странствованія. Во главѣ колонны шли преображенцы, подъ звуки полковаго марша.

Пропустивши мимо себя войска, Я. П. Баклановъ пригласилъ меня, Самарина и Мясоѣдова вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ въ фотографическое заведеніе, чтобы снять на память общую группу. Военнымъ начальникомъ Августовскаго отдѣла былъ тогда генераль-лейтенантъ Манюкинъ, проживавшій въ Сувалкахъ, съ которымъ Я. П. Баклановъ и вступилъ въ переговоры по военной части; я же занялся немедленно порученнымъ мнѣ дѣломъ по части гражданской.

Весьма печальную картину представляла пройденная походомъ мѣстность отъ Гродны до Сувалокъ; во многихъ мѣстахъ крестьяне были разорены въ пухъ и прахъ. Шайки мятежниковъ рѣзали и гра-

били ихъ безошадно, за уклоненіе отъ рухавки; забирали ихъ имущество, провизію и выдѣлывали надъ ними разные звѣрства. Мѣстность эта, большею частію, населена уніатами. Особенно поразили меня своею нищетою: Черный бродъ, Миклашевка, Горчица, Грушки и Жиланы, такъ что крестьянамъ выдано было пособіе на прокормленіе ихъ съ семьями.

По приведеніи въ извѣстность всѣхъ пострадавшихъ отъ мятежниковъ, о которыхъ были собраны мною самыя подробныя свѣдѣнія, имъ выдано было пособіе, по распоряженію М. Н. Муравьева, изъ контрибуціонныхъ суммъ Августовской губерніи.

Недѣли полторы пришлось мнѣ крѣпко поработать въ Сувалкахъ; наконецъ, 30-го октября, въ виду окончанія возложеннаго на меня порученія, я просилъ по телеграфу разрѣшенія у главнаго начальника края возвратиться въ Вильну и въ тотъ же день получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Вслѣдствіе депеши вашей ожидаю васъ въ скоромъ времени съ отчетомъ по возложенному мною на васъ порученію. Прошу доставить вмѣстѣ съ тѣмъ свѣдѣніе о тѣхъ чиновникахъ, которые должны быть немедленно замѣнены другими». На слѣдующій за тѣмъ день, пообѣдавши въ часъ по полудни съ моими спутниками Самаринымъ и Мясоѣдовымъ у Я. П. Бакланова, мы втроемъ, по его совѣту, поѣхали въ Вильну черезъ Пруссію на Филиповскую таможенку, которая незадолго передъ тѣмъ была совершенно разграблена и опустошена мятежниками; этимъ путемъ намъ пришлось проѣхать только тридцать верстъ съ конвоемъ, чрезъ Маріамполь же на Пильвишки считалось восемьдесятъ верстъ и путь былъ еще не совсѣмъ безопасенъ. Простаясь съ гостепримнымъ хозяиномъ и пожелавъ ему успѣха на новомъ посту начальника военнаго отдѣла, въ сопровожденіи тридцати казаковъ, мы втроемъ покатали въ гости къ вѣмцамъ... На половинѣ пути отъ Сувалокъ насъ ожидала новая казачья смѣна конвоя; не прошло затѣмъ и двухъ часовъ, послѣ нашего отъѣзда, какъ мы прикатили въ прусское пограничное мѣстечко Мирунхенъ; военный караулъ, узнавши кто мы такіе, принялъ насъ дружелюбно.

Около четырехъ часовъ по полудни, мы прибыли на почтовую станцію, гдѣ, въ ожиданіи почтовыхъ лошадей, напились отличнаго кофе. До Гумбинена, гдѣ проходила желѣзная дорога на Вержболово, оставалось отъ м. Мирунхенъ съ небольшимъ пятьдесятъ верстъ.—Первый поѣздъ отправлялся оттуда въ два часа ночи,—и 9 часовъ времени, казалось, слишкомъ было достаточно, чтобы успѣть пріѣхать къ цѣли нашего путешествія; но, увы! на почтовыхъ лошадяхъ, по увѣреніямъ станціоннаго сторожа, нельзя было никакимъ образомъ поспѣть къ отходу поѣзда, а потому и пришлось взять тройку курьерскихъ лошадей. Никогда не забуду я этой нѣмецкой курьерской ѣзды.

Дали намъ четырехъ-мѣстную желтаго цвѣта карету, и взяли съ насъ двадцать пять талеровъ за пятьдесятъ съ небольшимъ верстъ пути, при чемъ везли насъ словно съ кислымъ молокомъ! Ни просьбы, ни обѣщанія на водку—ничего не помогало.

— Wir haben noch Zeit,—отвѣчалъ на наши приглашенія ѣхать скорѣе невозмутимый возница, флегматически покуривая коротенькую трубку.

Къ довершенію нашего томленія, тихо катившаяся карета останавливалась по временамъ; ямщикъ слѣзаль съ своихъ высокихъ козелъ, подходилъ къ фонарю экипажа, такъ какъ ночь была «тюрьмы чернѣй», наводилъ справку по часамъ, сколько времени онъ ѣхалъ, и иногда стоялъ минутъ пять на одномъ мѣстѣ, чтобы не попасть на станцію раньше положеннаго времени. Обычай отличный, безспорно, но несроденъ намъ, русскимъ, сроднившимся съ залихвацкой курьерской ѣздой. То ли дѣло, когда бывало валдайскій колокольчикъ издавалъ какое-то однообразное бряцаніе, а быстрота ѣзды захватывала духъ...

Но, вотъ, наконецъ, послѣ двухъ перемѣнъ лошадей, мы все-таки дотащились кое-какъ на нѣмецкихъ курьерскихъ до Гумбинена и остановились перекусить въ гостиницѣ. Первый заграничный поѣздъ привезъ насъ въ Вержболово, откуда мы благополучно пріѣхали въ Вильну.

Спустя недѣли три, послѣ того, какъ Августовская губернія была подчинена главному начальнику Сѣверо-Западнаго края, спокойствіе въ ней было восстановлено на столько, что стали ѣздить по ней русскіе служащіе безъ вооруженнаго конвоя. Энергическая дѣятельность М. Н. Муравьева принесла и здѣсь въ самое короткое время благодѣтельные плоды; вліяніе мятежниковъ окончателно рушилось, и преступное бездѣйствіе мѣстныхъ польскихъ гражданскихъ властей прекратилось.

Едва только мѣстное крестьянское населеніе увидѣло распоряженія законнаго правительства, клонящіяся къ огражденію безопасности его отъ неистовства мятежниковъ, какъ стало содѣйствовать съ полною готовностью нашимъ войскамъ къ водворенію порядка. Во время кровавыхъ смуть и неурядицы, помѣщики совмѣстно съ римско-католическимъ духовенствомъ прибѣгали ко всевозможнымъ мѣрамъ и средствамъ, чтобы заставить крестьянъ содѣйствовать преступнымъ ихъ замысламъ; они не останавливались ни передъ чѣмъ; всѣ средства пущены были ими въ ходъ, чтобы поколебать священный долгъ вѣрноподданнической присяги въ сердцахъ простосердечныхъ поселянъ и привлечь ихъ на сторону мятежниковъ. Не говоря о томъ, что для устраненія крестьянъ народовой ржондѣ учредилъ по деревнямъ правильныя команды жандармовъ-вѣшателей, которые истязали ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ,

даже за одно только слово сочувствія къ законному порядку,—мятежные помѣщики не забыли и слабыхъ сторонъ человѣческаго сердца: они во многихъ мѣстахъ простили чиншъ крестьянамъ и подарили имъ землю, подъ условіемъ ратовать совмѣстно съ ними за отчизну; но здравый смыслъ поселянъ восторжествовалъ надъ всѣми ухищреніями, крестьяне чинша не платили, а мятежниковъ выдали законному правительству. Римско-католическое духовенство, въ своемъ преступномъ стремленіи ниспровергнуть законный порядокъ, пошло еще далѣе пановъ. Мѣстному военному начальству неоднократно приносимы были жалобы, что ксендзы не допускаютъ къ причастію не только тѣхъ лицъ, которыя вступили въ бракъ съ православными, но даже и тѣхъ, которыя находятся въ служеніи у русскихъ. Мѣра сильная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая безопасная: уличить виновныхъ нельзя, такъ какъ исповѣдь не поддежитъ контролю. Когда крестьяне стали подавать адреса, агитаторы пустили слухъ, что лица, которыя подпишутъ адресъ, тѣмъ самымъ будутъ обращаемы въ православіе; этимъ думали они удержать ихъ отъ открытаго заявленія преданности законному государю; но и эта выходка имъ не удалась. Крестьяне, прибывшіе съ всеподданнѣйшими ходатайствами въ Вильну, на сдѣланный депутаціей вопросъ по поводу слуховъ объ обращеніи римско-католиковъ въ православіе, услышали отъ начальства, что государь императоръ отнюдь не желаетъ подвергать насилію чью-либо совѣсть и родившіяся въ католицизмѣ можетъ и долженъ ходить въ костель и исповѣдывать свободно свою родную вѣру. Обрадовавшись подобнымъ отвѣтомъ, крестьяне тутъ же заявили, что они и прежде сомнѣвались въ истинѣ распускаемыхъ злоумышленниками слуховъ, а въ настоящее время непременно будутъ доставлять къ правительственнымъ властямъ всѣхъ лицъ, занимающихся распространеніемъ подобной лжи.

Вскорѣ по присоединеніи Августовской губерніи къ Сѣверо-Западному краю, тамошній губернаторъ-полякъ былъ смѣщенъ и исправленіе его должности было поручено жандармскому штабъ-офицеру подполковнику Зигмунтовскому, который и поселился въ губернаторскомъ домѣ. Когда подготовительныя работы по крестьянскому вопросу въ Августовской губерніи были окончены, я получилъ 27-го октября туда командировку, для разныхъ мѣстныхъ распоряженій.

Отправляясь въ Сувалки, я снова взялъ съ собою П. А. Мясоѣдова; 2-го ноября мы были уже съ нимъ на мѣстѣ и остановились у новаго губернатора на квартирѣ. Въ эту поѣздку мнѣ было поручено: 1) составить предположенія о новомъ распредѣленіи гминь, сообразно мѣстнымъ потребностямъ, такъ какъ существовавшій дотолѣ порядокъ былъ крайне вреденъ для сельскаго населенія, и избрать для мѣстопробыванія гминныхъ войтовъ большія селенія и вообще центральныя пункты; 2) примѣняясь, по возможности, къ Положенію 19-го февраля 1861 года,

составить соображенія, какимъ образомъ устроить сельскія общества; 3) впредь до окончательнаго распоряженія правительства по устройству быта крестьянъ въ царствѣ Польскомъ, немедленно принять мѣры, чтобы помѣщики отнюдь не осмѣливались переселять крестьянъ съ ихъ усадьбъ, лишать ихъ земли, увеличивать чиншъ, заставляя отбывать барщину, брать разнаго рода данину и т. п...

Съ полнымъ усердіемъ принялся я за работу, и святое дѣло подвигалось быстро впередъ. Въ виду того обстоятельства, что на должность гминныхъ войтовъ стали выбирать исключительно только крестьянъ, я спросилъ по телеграфу, что дѣлать? 3-го ноября получена мною изъ Вильны отвѣтная телеграмма отъ М. Н. Муравьева, что «при выборахъ войтовъ гминныхъ должны быть выбираемы лица, способныя исполнять эту обязанность, не изъ однихъ крестьянъ, но и изъ другихъ сословій. Прошу наблюсти, чтобы избранные и войты могли съ пользою для дѣла занимать эту должность». Все это и было достигнуто однимъ только прочтеніемъ этой телеграммы избирателямъ;—такъ велико было обаяніе у крестьянъ имени этого великаго государственнаго дѣятеля. Выборы войтовъ и устройство сельскаго управленія и судоустройства прошли блестящимъ образомъ; помѣщицъей власти въ Августовской губерніи былъ нанесенъ смертельный ударъ. Въ прежнее время крестьяне имѣли право судить дѣла, не превышающія ста золотыхъ (15 р.), такъ что вся выгода была на сторонѣ пановъ; тутъ имъ было предоставлено право суда до 100 рублей, уменьшенное впоследствии по положенію до 30 руб. Такимъ образомъ дѣло получало совершенно другой оборотъ; панскіе суды по крестьянскимъ дѣламъ канули въ вѣчность. Когда порученная мнѣ работа близилась уже къ концу, я получилъ 15-го ноября предложеніе главнаго начальника края, въ которомъ выразилось полнѣйшее его довѣріе къ моимъ трудамъ.

Выше мы видѣли, что вскорѣ за подчиненіемъ Августовской губерніи главному начальнику Сѣверо-Западнаго края тамъ водворенъ былъ законный порядокъ, но такъ какъ въ Ломжинскомъ уѣздѣ продолжала царить еще кровавая неурядица, мѣшавшая окончательному успокоенію смежныхъ съ нимъ уѣздовъ, то, по ходатайству крестьянъ-депутатовъ, представлявшихся М. Н. Муравьеву 2-го декабря, послѣдовало вскорѣ повелѣніе государя о подчиненіи ему и этого уѣзда. Военнымъ начальникомъ туда былъ назначенъ генеральнаго штаба капитанъ М. Е. Врангель, впоследствии лифляндскій губернаторъ, который въ самое короткое время сумѣлъ возстановить тамъ совершенное спокойствіе и началъ свое управленіе тѣмъ, что пригласилъ на балъ польское общество, которое такимъ образомъ нарушило жалобу по ойчизнѣ...

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, проѣздомъ въ Варшаву, сенаторъ Н. А. Милютинъ остановился въ Вильнѣ, былъ у главнаго начальника края и про-

бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько часовъ. Позванный Михаиломъ Николаевичемъ въ кабинетъ, для сообщенія нѣкоторыхъ свѣдѣнй по крестьянскому дѣлу въ Августовской губернй, я былъ имъ представленъ Николаю Алексѣвичу. Рекомендацй Михаила Николаевича сдѣлана была въ самыхъ лестныхъ для меня выраженйяхъ, въ заключенйе онъ сказалъ своему собесѣднику, указывая на меня:

— Если вы захотите, Николай Алексѣвичъ, знать о томъ, что будетъ сдѣлано по Августовской губернй относительно крестьянскаго вопроса, обращайтесь къ нему—я ему далъ *carte blanche*; онъ специалистъ по этому дѣлу и вамъ услужитъ.

Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году, когда крестьянская реформа въ царствѣ Польскомъ была въ полномъ ходу, у меня возникла довольно оживленная переписка съ Николаемъ Алексѣвичемъ.

(Продолженйе слѣдуетъ).

Гоголь въ Оптиной Пустыни.

еперь, когда уже не мало сдѣлано по части собиранія матеріаловъ, для давно ожидаемой біографіи Гоголя, желательно пополнить нѣкоторыя, извѣстныя пробѣлы по этой части.

Послѣдніе годы жизни Гоголя, послѣ возвращенія его изъ Иерусалима, наименѣе изслѣдованы и освѣщены. Не такъ давно было напечатано его письмо Жуковскому изъ Москвы, въ концѣ 1850 года, содержащее описаніе Палестины и впечатлѣній Иерусалима—отвѣтъ на просьбу друга-поэта дать ему матеріалъ для его поэмы—«Вѣчный Жидъ».

Это письмо обличаетъ нелѣпыя толки объ упадкѣ таланта Гоголя; въ немъ виденъ могучій художникъ, въ немногихъ словахъ, двумя-тремя чертами мастерски набросавшій великолѣпныя картины, представляющія художественный комментарий къ библейскому повѣствованію. Но мы до сихъ поръ очень мало знаемъ объ отношеніяхъ Гоголя къ Оптиной Пустыни, весьма извѣстному и чтимому народомъ монастырю на рѣкѣ Жиздрѣ, близъ гор. Козельска ¹⁾, который Гоголь посѣтилъ лѣтомъ 1850 года во время своей извѣстной поѣздки изъ Москвы въ Малороссію на долгихъ, черезъ Калугу. Объ этой поѣздкѣ мимоходомъ упоминаетъ Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя», именно во II томѣ, указывая, что Гоголь выѣхалъ изъ Москвы съ проф. Максимовичемъ, послѣ завтрака у Аксаковыхъ, ночевалъ въ Подольскѣ, гдѣ встрѣтился съ А. С. Хомяковымъ, въ бесѣдѣ съ которымъ провелъ весь вечеръ и т. д.

Всякіе, даже мелкіе факты объ отношеніяхъ Гоголя къ Оптиной

¹⁾ Калужской губерніи. О пребываніи Гоголя въ Оптиной Пустыни помѣщены только двѣ небольшія замѣтки одна въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ за 1901 г. И. Л. Щеглова и другая его же въ „Торгово-Промышленной газетѣ“ за 1900 г. № 24—это все, что мнѣ извѣстно въ нашей печати по этому предмету.

Пустыни имѣють цѣну для біографіи нашего великаго писателя, на котораго Оптиный монастырь произвелъ сильное впечатлѣніе. Въ письмѣ къ гр. А. П. Толстому ¹⁾, писанномъ изъ Васильевки, имѣнія его матери, отъ 10-го іюля 1850 года, авторъ «Мертвыхъ Душъ» передаетъ то глубокое впечатлѣніе, какое произвелъ на него этотъ монастырь, «воспоминаніе о которомъ осталось въ немъ навсегда». «Я думаю,— писалъ Гоголь въ этомъ письмѣ,—что на самой Афонской горѣ не лучше. Благодать видимо тамъ присутствуетъ, это слышится въ самомъ богослуженіи, хотя не можемъ объяснить почему». По рассказамъ иноковъ, богослуженіе въ скитской церкви приводило Гоголя въ глубокое умиленіе.

Оптина Пустынь весьма своеобразный монастырь. Она привлекала толпы богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи, хотя въ ней не было чудотворныхъ мощей, какъ въ другихъ монастыряхъ—она славилась въ народѣ духовными подвигами и жизнью иноковъ не прошедшаго, а настоящаго. Гоголь называлъ эту обитель «близкой къ небесамъ», въ письмѣ къ одному изъ ея монаховъ, отцу Петру Григорову, посланномъ съ племянникомъ его Н. П. Трушковскимъ, захватившимъ въ монастырь на пути въ Казанскій университетъ. Въ собраніи писемъ Гоголя, изданномъ подъ редакцію В. И. Шенрока, напечатано также интересное письмо Гоголя къ старцу обители отцу Филарету, съ которымъ былъ въ перепискѣ и нашъ извѣстный славянофилъ-философъ, И. В. Кирѣевскій. Какъ извѣстно, Оптиная Пустынь оказала не малое вліяніе на образъ мыслей этого послѣдняго, который, по совѣту «оптинскихъ старцевъ», занялся изученіемъ твореній св. отцевъ, учителей иноческой жизни.

Оптина Пустынь извѣстна своими переводами и изданіями твореній учителей-иноковъ Аввы Дорошея, Варсонофія Великаго и психолога-отшельника Исаака Сирина.

Я имѣлъ случай близко знать одного изъ монаховъ Оптиной Пустыни, о. Климента, въ мірѣ Константина Карловича Зедергольмъ, сына лютеранскаго пастора въ Москвѣ. Въ годы моей юности, я не разъ бывалъ и подолгу жилъ въ Оптиной Пустыни, гдѣ похоронены мои отецъ и мать, усердные почитатели этого монастыря. Я бывалъ въ Оптиной Пустыни студентомъ университета и пользовался расположеніемъ о. Климента, нитавшаго, какъ онъ самъ говорилъ, нѣкоторую слабость къ университетской молодежи и любившаго потолковать о литературѣ и наукѣ; о. Климентъ былъ большою знатокъ классической филологіи ²⁾.

¹⁾ Оно напечатано В. И. Шенрокомъ въ IV томѣ изданнаго подъ его редакціей «Собранія писемъ Гоголя».

²⁾ Отецъ Климентъ былъ магистръ Московскаго университета, ученикъ Грановскаго и Кудрявцева. П. М. Леонтьевъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, желалъ оставить его при университетѣ, но онъ поступилъ на служ-

Онъ былъ очень близокъ, до и послѣ постриженія въ монахи, къ гр. А. П. Толстому, котораго я также видалъ въ Оптиной Пустыни, и слышалъ отъ о. Климента не мало разказовъ графа о Гоголѣ, но, къ сожалѣнію, только отчасти мною записанныхъ ¹⁾.

Вопросъ «объ оздоровленіи народныхъ корней», какъ принято теперь выражаться, много занималъ Гоголя, въ послѣдніе годы его жизни. «Горе писателямъ, которые станутъ своими легкомысленными писаніями извращать и развращать душу народа—лучше бы имъ съ мельничнымъ жерновомъ на шеѣ броситься въ воду»,—говорилъ онъ. Въ Оптиной Пустыни Гоголь прилежно читалъ книгу Исаака Сирина—не знаю, въ рукописи или въ печатномъ изданіи—и она произвела на него большое впечатлѣніе. Я видѣлъ у о. Климента первый томъ «Мертвыхъ Душъ» (I-аго изданія). Экземпляръ этотъ принадлежалъ гр. Толстому—съ замѣтками Гоголя карандашомъ, на поляхъ XI-й главы. Замѣтки эти любопытны, и я приведу ихъ здѣсь. Въ XI-й главѣ I-й части, посвященной характеристикѣ Чичикова, Гоголь, говоря о при ро ж д е н н ы х хъ ч е л о в ѣ к у страстяхъ, придавалъ имъ высокое значеніе. Въ сдѣланной Гоголемъ карандашомъ на поляхъ замѣткѣ было написано: „Это я писалъ въ „п р е л е с т и“ ²⁾, это вздоръ—прирожденные страсти—зло, и всѣ усилія разумной воли чело в ѣ к а должны быть устремлены для искорененія ихъ. Только дымное надменіе чело в ѣ ч е с к о й гордости могло внушить мнѣ мысль о высокомъ значеніи при ро ж д е н н ы х хъ страстей—теперь, когда сталъ я умнѣе, глубоко сожалью о «гнилыхъ словахъ», здѣсь написанныхъ. Мнѣ чуялось, когда я печаталъ эту главу, что я путаюсь, вопросъ о значеніи при ро ж д е н н ы х хъ страстей много и долго занималъ меня и тормозилъ продолженіе «Мертвыхъ Душъ». Жалью, что поздно узналъ книгу Исаака Сирина, великаго душевѣдца и прозорливаго инок а. Здравая психологія, и не кривое, а прямое пониманіе души встрѣчаемъ лишь у подвижниковъ-отшельниковъ. То, что говорятъ о душѣ запутавшіеся въ хитро сплетенной вѣмецкой діалектикѣ молодые люди,—не болѣе какъ призрачный обманъ. Чело в ѣ к у, сидящему по уши въ житейской тинѣ, не дано пониманія природы души“.

бу въ св. Синодѣ, былъ командированъ въ Константинополь, во время греко-болгарской церковной распри, и провелъ нѣкоторое время на Афонѣ, а вернувшись въ Россію, пошелъ въ монахи. Его жизнеописаніе, составленное извѣстнымъ К. Н. Леонтьевымъ, помѣщено въ „Рус. Вѣстникѣ“, а также издава отдѣльно книжкой.

¹⁾ Гр. Ал. Петровичъ Толстой, бывши оберъ-прокуроромъ Синода, въ первые годы царствованія Александра II-го, въ квартирѣ котораго, на Никитскомъ бульварѣ въ Москвѣ, скончался Гоголь, умеръ въ 1874 г. Библіотека его разошлась во всѣ руки и пропала безслѣдно.

²⁾ Прелесть—монашескій терминъ—означаетъ почти то же, что и слово обольщеніе.

Во время посѣщенія Гоголемъ Оптиной Пустыни, игуменомъ ея былъ отецъ Моисей, старецъ высокой жизни, мудрый и любвеобильный, какъ сказано въ его жизнеописаніи, составленномъ вышеуказаннымъ отцомъ Климентомъ ¹⁾.

Отношенія Гоголя къ Оптиной Пустыни представляютъ интересъ въ томъ смыслѣ, что тамъ онъ встрѣтилъ мудрыхъ иноковъ, благодушныхъ и согрѣтыхъ истинно христіанской любовью и глубокимъ смиреніемъ души. Они не пугали впечатлительнаго художника потрясающими картинами вѣчныхъ мукъ за его авторскую дѣятельность, они не считали служеніе искусству тяжкимъ грѣхомъ, какъ Ржевскій священникъ о. Матвій Константиновскій, котораго надо признать едва ли не однимъ изъ главныхъ виновниковъ сожженія втораго тома «Мертвыхъ Душъ».

Я слышалъ въ началѣ 60 годовъ отъ одного инока Оптиной Пустыни, сколько помню о. Павлина, завѣдывавшаго монастырской бібліотекой и лично знавшаго Гоголя, поразившее меня указаніе на настоящее содержаніе «Мертвыхъ Душъ» — духовное возрожденіе «Мертвыхъ Душъ» первой части въ послѣдующихъ томахъ.

То же мнѣ говорилъ о. Климентъ, посвященный разсказами гр. А. П. Толстаго въ дѣйствительное содержаніе поэмъ Гоголя. Промыслу Божію не угодно было, по нашимъ грѣхамъ, чтобы Николай Васильевичъ докончилъ свое недоконченное и, какъ онъ самъ говорилъ, и писалъ „и е до н о ш е н н о е“ произведеніе, — а въ цѣломъ оно конечно должно было быть добрымъ и душеспасительнымъ дѣломъ.

— Размышляя о кончинѣ Ник. Вас. Гоголя, я всегда повторяю мысленно, — говорилъ мнѣ не разъ о. Климентъ: «Узрять кончину праведника и не уразумѣютъ, что усвѣтова о немъ Господь».

Это изреченіе св. писанія начертано на гробницѣ И. В. Кирѣевского въ Оптиной Пустыни.

Гоголь несомнѣнно унесъ съ собой въ могилу нѣкоторую тайну, которую мы безъ него должны разгадывать. Его глубоко удручаль сложный и трудный вопросъ, поставленный имъ въ послѣдней (XI гл.) первой части «Мертвыхъ Душъ», отчего въ безпредѣльномъ пространствѣ Русской земли, гдѣ все такъ широко и крупно, обнаруживается такая духовная пустота жизни и такъ мелки и ничтожны люди. Вопросъ объ оскудѣвіи духа жизни на Руси, послѣ Великаго Петра, занималъ Гоголя не менѣе его московскихъ друзей — славянофиловъ, хотя, по его мнѣнію, высказанному въ перепискѣ, онъ рѣшалъ вопросъ менѣе односторонне и нѣсколько иначе, чѣмъ они.

П. Матвѣевъ.

¹⁾ Въ одномъ изъ писемъ Гоголя, напечатанномъ въ «Рус. Старинѣ», Гоголь съ умиленіемъ отзывался объ игуменѣ о. Моисѣѣ, косившемъ сѣно въ страдную пору вмѣстѣ съ прочими иноками монастыря.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

V 4).

Вліяніе на цензуру политическихъ событій 1831 года.—Жалобы на цензуру министровъ и другихъ правительственныхъ лицъ.—Особыя мѣры противъ журналовъ.—Николай Полевой и его „Московскій Телеграфъ“.—И. Кирѣевскій и его журналъ „Европеецъ“.—Строгость цензуры относительно книгъ.—Увольненіе Аксакова отъ должности цензора.—М. П. Погодинъ и его трагедія „Петръ I“.—Олинъ и его повѣсть „Эшафотъ“.—Запрещеніе печатать нѣкоторые историческіе документы и политическія статьи.—Жалобы частныхъ лицъ на оскорбленіе ихъ въ печати.—Н. И. Гречъ—защитникъ Ѳ. В. Булгарина.—Излишнія старанія цензоровъ.

Политическія обстоятельства въ отношеніи къ Польшѣ и взглядъ на нихъ императора Николая I до того затрудняли цензуру, что цензоръ (и извѣстный литераторъ) Сенковскій просилъ попечителя С.-Петербургскаго округа и предсѣдателя С.-Петербургскаго цензурнаго комитета Бороздина принять на себя послѣ просмотра цензора чтеніе корректурныхъ листовъ двухъ польскихъ газетъ: «Tygodnik» и «Balmut», такъ какъ,—говорилъ Сенковскій,—«многія статьи могутъ казаться непозволительными только по причинѣ нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, хотя бы эти послѣднія и не были извѣстны цензору». Это предположеніе было одобрено Главнымъ управленіемъ цензуры и министромъ.

Но особенное вліяніе на министра народнаго просвѣщенія и на весь вообще ходъ цензуры имѣлъ исходъ одного дѣла, доходившаго, въ началѣ 1831 года, до самого государя. Въ половинѣ 1830 года, въ

4) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

журналъ «Сѣверный Муравей», составленномъ почти исключительно изъ краткихъ извѣстій о промышленности въ Россіи и за границей, а также изъ статистическихъ свѣдѣній по части торговли, фабрикъ, заводовъ и ремеслъ, была напечатана, въ № 22 статья, гдѣ авторъ, разсуждая о росписи товаровъ 1830 года, высказывалъ неудовольствіе на обложеніе привозныхъ шелковыхъ лентъ 8-ми-рублевою пошлиною вмѣсто прежнихъ 4-хъ рублей, и въ концѣ прибавлялъ: «Смотрите, гг. фабриканты прозрачныхъ лентъ, иностранное соревнованіе можетъ подорвать ваши фабрики. Вообще, при учрежденіи фабрикъ надобно внимательно разсчитывать, не могутъ ли предполагаемыя произведенія ихъ быть унижены совмѣстничествомъ иностранцевъ, въ случаѣ дозволенія ихъ къ привозу, котораго при заведеніи фабрикъ въ виду не было: ибо таковое дозволеніе можетъ разрушить сіи предпріятія. Благодаря попеченіямъ г. министра финансовъ, у васъ есть мануфактурный и коммерческій совѣты».

Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, прочитавъ эту статью, нашелъ ее оскорбительною для правительства и немедленно вопелъ по этому предмету въ Комитетъ министровъ съ запискою, гдѣ жаловался на статью «Сѣвернаго Муравья», какъ нарушающую постановленія цензурнаго устава 1828 г. и ни въ какомъ государствѣ не терпимую. Канкринъ съ особеннымъ негодованіемъ указывалъ на то, что авторъ статьи говоритъ о пошлинѣ на левты, какъ будто о чемъ-то новомъ, тогда какъ она существуетъ уже съ 1822 года, и вслѣдъ затѣмъ продолжалъ: «статья эта явно направлена къ тому, чтобы поселить въ фабрикантахъ недоувѣрчивость къ мѣрамъ правительства; а ироническое обращеніе къ совѣтамъ: мануфактурному и коммерческому или даетъ мысль объ ихъ бесполезности, когда они не могли отвратить столь вреднаго, по мнѣнію сочинителя, распоряженія, или заключаетъ вызовъ обратиться къ совѣтамъ съ протестами. Какъ возвышеніе пошлины на левты сдѣлано именно по желанію ленточныхъ фабрикантовъ, то, безъ сомнѣнія, статья сія на нихъ не можетъ имѣть вліянія; да и другія перемѣны, заключающіяся въ росписи 1830 года, сдѣланы по совѣту съ фабрикантами. Но вліяніе сіе на публику вообще, которая не знаетъ въ частности положенія дѣла, и на прочихъ фабрикантовъ, можетъ быть весьма невыгодно. Для исправленія сего вреда оставался бы тотъ способъ, чтобы министерство финансовъ, а въ случаѣ и другія министерства, помѣщали въ публичныхъ листахъ опроверженія таковыхъ статей; но сіе вовлекло бы ихъ, подобно Франціи, въ газетную войну, непременно ведущую къ неприличію, къ потерѣ уваженія и къ умноженію дерзости журналистовъ; кромѣ того, защищеніе черезъ газеты изданныхъ высочайшею властью законовъ вовсе не было бы согласно съ достоинствомъ монархическаго правленія».

Поэтому министр просилъ Комитетъ подтвердить цензурному вѣдомству, чтобы оно наблюдало данныя ему правила, или дополнило ихъ, «если они недостаточны къ отвращенію подобныхъ дерзостей»; а равно подтвердить ему, чтобы писатель статьи былъ обязанъ объявить о невѣрности сообщеннаго имъ факта.

Комитетъ министровъ нашелъ, что, по существующему уставу, цензура не имѣетъ права входить въ разборъ основательности или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только они не противорѣчатъ общимъ правиламъ цензуры, и потому въ настоящемъ случаѣ нѣтъ повода принимать никакихъ особенныхъ мѣръ; но такъ какъ въ статьѣ «Сѣвернаго Муравья» дѣйствительно говорено съ недостаточнымъ почтеніемъ о мѣрахъ правительства, то Комитетъ полагалъ: подтвердить цензурнымъ комитетамъ, чтобы въ статьяхъ, заключающихъ въ себѣ разсужденія о мѣрахъ и постановленіяхъ правительства, была, сколько возможна, наблюдаема вѣрность фактовъ, а въ изложеніи охраняемо должное уваженіе и приличіе. Издателю же «Сѣвернаго Муравья», уже напечатанному «Исправленіе недосмотра въ № 22», но сдѣланному это не довольно опредѣлительно, поставить въ обязанность объявить вторично о невѣрности сообщеннаго имъ факта, чтобы вывести изъ того заблужденія, въ которое читатели его газеты могли быть поставлены статьею № 22-го. За симъ дѣло это было внесено на высочайшее усмотрѣніе, и 10-го января 1831 года Комитету министровъ была объявлена слѣдующая высочайшая резолюція: «Министру народнаго просвѣщенія велѣтъ подтвердить цензорамъ быть осторожнѣе, ибо съ нѣкоторыхъ поръ во всѣхъ журналахъ, не исключая даже «Академическихъ Вѣдомостей», проскакиваютъ неприличныя и даже часто весьма дерзкія статьи. Впредь министръ просвѣщенія за сіе отвѣчаетъ».

Такое строгое замѣчаніе самого императора объ общемъ направленіи всей русской журналистики, соединенное съ возложеніемъ на министра народнаго просвѣщенія личной отвѣтственности, и съ исключеніемъ его изъ комитета, назначеннаго для дополненія цензурнаго устава правилами объ отвѣтственности сочинителей и издателей, конечно, должно было подвигнуть князя Ливена къ бѣдшей, противъ прежняго, строгости и, слѣдственно, къ измѣненію, въ нѣкоторой мѣрѣ, прежней снисходительности и расположенія къ авторамъ и литераторѣмъ.

Когда новый тонъ былъ единожды заданъ цензурѣ, разные начальства тотчасъ же начали находить обидными для своего достоинства и неприличными множество вещей, на которыя они прежде, вѣроятно, не обратили бы вниманія. Никто не обращалъ вниманія на то, справедливы или несправедливы указанія литературы; до сущности дѣла

Никто не касался, и всякій жаловался только на «дерзость». Дерзость была любимымъ обвинительнымъ словомъ того времени. Князь Ливень былъ поставленъ въ необходимость безпрестанно дѣлать выговоры и внушенія. Въ числѣ первыхъ и любопытнѣйшихъ заявленій противъ излишней свободы и распушенности печати можно считать заявленіе Академіи Наукъ. Исправлявшій должность ея президента, Шторхъ, писалъ Ливену 28-го января 1831 года: «Съ нѣкотораго времени въ частныхъ журналахъ: «Сѣверной Пчелѣ» и «Московскомъ Телеграфѣ», встрѣчаются весьма неприличныя выходки противъ издаваемыхъ отъ Императорской Академіи Наукъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», выходки, которыя впрочемъ легко было бы и уничтожить, если бы Академія, обращая на оныя какое-либо вниманіе, или забывъ свое достоинство, дозволила редакціи сихъ вѣдомостей вступитъ въ состязаніе съ издателями помянутыхъ журналовъ; но какъ таковое молчаніе лишь болѣе возбуждаетъ привязчивость сихъ послѣднихъ, и поелику статьи ихъ выходятъ наконецъ изъ границъ благопристойности, какова напри- мѣръ была послѣдняя въ № 11-мъ «Сѣверной Пчелы», то я, для чести Академіи, вмѣняю себѣ въ долгъ обратитъ на сіе благосклонное вниманіе ваше, съ покорнѣйшею просьбою положить предѣлъ подобнымъ дерзостямъ. Отнюдь не желая отклонять основательной, съ безпристрастіемъ и скромностью излагаемой, критики, я утруждаю только васъ о принятіи справедливой мѣры, дабы цензурою не было пропускаемо къ печатанію статей противъ академической газеты, написанныхъ безъ должнаго уваженія, которымъ даже по самому уставу о цензурѣ, всякій писатель обязанъ въ отношеніи къ частному лицу, а не токмо къ императорскому мѣсту и первому ученому сословію въ государствѣ».

Поводомъ къ такимъ жалобамъ Академіи послужили: статья «Телеграфа», въ которой рѣчь шла только о редакціи вѣдомостей, а не о самой Академіи, и статья «Сѣверной Пчелы», просто перепечатавшей отзывъ «Телеграфа». Вотъ главнѣйшія мѣста изъ этой рецензіи:

«С.-Петербургскія Вѣдомости», старѣйшее періодическое изданіе въ Россіи, издаются въ пользу Академіи Наукъ. Сіи вѣдомости, пользующіяся всѣми пособіями правительства и всѣми правами оффиціальной газеты, отличаются удивительною неисправностью своей редакціи. Въ нихъ неправильность языка, неточность въ переводахъ и въ ученыхъ извѣстіяхъ и неисправность въ печатаніи доставляемыхъ редакціи статей непостижимы! «С.-Петербургскія Вѣдомости» доведены до того, что, читая ихъ, вы не увѣрены ни въ чемъ, ибо въ нихъ все бываетъ перепутано. Напримѣръ, если на гулянье съѣхалось 1.000 каретъ, то «Вѣдомости» говорятъ 700 или 1.700; если былъ дождь, то онѣ пишутъ о бурѣ или засухѣ; если предлагали гдѣ-нибудь тосты за здоровье знаменитыхъ особъ, то онѣ говорятъ, что предполагали пить тосты. Если

былъ концертъ въ пользу бѣдныхъ, то онѣ пишутъ—въ пользу Фильда. Въ этихъ «вѣдомостяхъ» корабли ѣздятъ и чуть не плаваютъ экипажи. Въ извѣстіяхъ о пріѣзжающихъ въ Петербургъ и отъѣзжающихъ, по крайней мѣрѣ третья часть именъ пли званій бываетъ напечатана неправильно. Напримѣръ, если пріѣхалъ Рыбниковъ, то напечатываютъ Рыбаковъ; Свенске—Свенскій; полковникъ — подпоручикъ и проч. Объ иностранныхъ извѣстіяхъ и говорить нечего. Вотъ одинъ образчикъ: «Гр. Кергорле, Брианъ и Женудъ (издатель газеты de France) приговорены за оклеветаніе королевскаго правленія и особы короля, первый къ 6-ти мѣсячному посаженію въ тюрьму и 500 франкамъ денежной пени, оба другіе къ содержанію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць и 150 франковъ штрафа, всѣ же трое къ уплатѣ законныхъ проторовъ». Во-первыхъ, графъ Кергорле приговоренъ не за оклеветаніе, а за оскорбленіе особы короля. Во-вторыхъ, какой грамотный человѣкъ скажетъ: газета de-France, вмѣсто «Gazette de-France»? Въ третьихъ, посаженіе, да еще и 6-ти мѣсячное въ тюрьму — не по-русски. Говорится посаженіе на колъ, а въ тюрьму заключеніе, заточеніе. Въ четвертыхъ, къ уплатѣ законныхъ проторовъ — бессмыслица. Что это за проторы? Впрочемъ, на эти строчки и на правописаніе редакторовъ надо издать цѣлый листъ замѣчаній. Читатели видятъ сами, а мы представимъ имъ еще образчикъ: «Сочинитель статьи субботничнаго номера «Сѣверной Пчелы» о приведенной опять въ жизнь «посредствомъ врачебной помощи упавшей въ Мойку работницы Егоровой заключаетъ оную желаніемъ, къ которому и мы отъ всего сердца присоединяемся, а именно»... Но довольно. Возрадуйся, тѣнь Тредьяковскаго! Твои послѣдователи перещеголяли тебя! Въ заключеніе, совѣтуемъ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые любятъ смѣяться надъ смѣшнымъ, выписывать себѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Они найдутъ тамъ обильный запасъ самаго невѣроятнаго смѣшнаго».

Въ прежнее время, Главное управленіе цензуры и князь Ливенъ по всей вѣроятности, не придали бы большаго значенія жалобѣ Шторха, а отвѣчали бы ему, что въ статьѣ «Телеграфа», перепечатанной «Сѣверною Пчелою», нѣтъ ничего оскорбительнаго для достоинства самой Академіи. Но въ настоящее время Ливенъ отвѣчалъ на требованіе Академіи предписаніемъ петербургскому и московскому попечителямъ сдѣлать выговоры цензорамъ, пропускающимъ «Сѣверную Пчелу» и «Телеграфъ», такъ что, когда нѣсколько недѣль спустя, въ цензуру поступили двѣ статьи, назначенныя для «Сѣверной Пчелы» и содержащія въ себѣ замѣчанія на неисправность мѣсяцеслова на 1831 г., то цензоръ и Петербургскій комитетъ не рѣшились сами собою пропустить или запретить такія статьи, и представили ихъ въ Главное управ-

вление цензуры. Последнее нашло неприличными насмѣшки (по его мнѣнію находящіяся въ тѣхъ статьяхъ) надъ цѣлымъ ученымъ сословіемъ, какова Императорская Академія Наукъ, и потому не дозволило напечатанія тѣхъ статей.

Въ слѣдующемъ году, уже настоящій президентъ Академіи Уваровъ снова жаловался на оскорбленіе Академіи: 19-го іюля 1832 г. онъ представилъ Ливену записку, гдѣ было сказано: «Въ № 7 издаваемаго въ Москвѣ «Телескопа», г. Надеждина, говоря о статистическихъ замѣткахъ г. Андропова, сказано: Дай Богъ, чтобы Академія Наукъ, пишущая и читающая до сихъ поръ, къ стыду нашему, только по-французски и по-нѣмецки, оцѣнила по достоинству это русское сочиненіе и увѣнчала бы его Демидовскою наградою». Столь неблагопріятныя и неосновательныя выраженія насчетъ Академіи побуждаютъ меня обратить на таковое упущеніе цензора Цвѣтаева вниманіе его свѣтлости г. министра народнаго просвѣщенія». Князь Ливень, послѣ этой записки, поручилъ московскому попечителю сдѣлать въ полномъ присутствіи Московскаго цензурнаго комитета, строгое внушеніе цензору Цвѣтаеву, замѣтивъ, что по-настоящему онъ подлежалъ бы отрѣшенію отъ должности.

Вслѣдъ затѣмъ, Главное же управленіе запретило на довольно странныхъ основаніяхъ нѣсколько статей, назначавшихся для «Сѣвернаго Меркурія» (хотя справедливость требуетъ сказать, не по собственной инициативѣ, а по мысли Петербургскаго цензурнаго комитета). Одна изъ этихъ статей «Обелискъ» запрещена потому, что тутъ говорилось о памятникѣ, воздвигнутомъ неизвѣстно гдѣ и по какому случаю. «Можетъ быть, говорилъ цензурный комитетъ, сочинитель разумѣетъ подъ онымъ какой-либо обелискъ во Франціи, въ память послѣднихъ переворотовъ: въ такомъ случаѣ статья подлежитъ запрещенію на томъ же основаніи, на какомъ начальство признало непозволительными стихи Казиміра Делавиня». Другія же статьи: «Вальсеръ—начальникъ», «Гореваніе чиновника», «Вицъ-мундиръ или посланіе чиновника къ печкѣ» и т. п. запрещены Главнымъ управленіемъ потому, что въ «Сѣверномъ Меркуріи» «неоднократно замѣчено было намѣреніе описывать дѣйствительные случаи и извѣстныя лица подъ вымышленными именами, и настоящія статьи, повиднмому, содержатъ въ себѣ такіе намеки на дѣйствительно случившіяся происшествія».

6-го апрѣля, Главное управленіе запретило также печатать назначенную для «Литературной Газеты» статью, подъ названіемъ: «Замѣчанія на статью, помѣщенную въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1831 г., № 1, подъ заглавіемъ «Обозрѣніе XVIII вѣка, сочиненія Тиханова» потому, что тутъ разсуждается о предметахъ высокыхъ съ такою неясностью, что она можетъ быть поводомъ къ превратнымъ толкованіямъ.

Самъ государь, разсмотрѣвъ, между прочими свѣдѣніями, относящимися до Рижскаго старобрядческаго общества и представленнымъ ему министромъ внутреннихъ дѣлъ, напечатанный въ Ригѣ, съ дозволенія цензуры, въ 1829 г., отчетъ о состояніи и управленіи богадѣльни, больницы, сиротскаго отдѣленія и школы Рижскаго старобрядческаго общества, въ апрѣлѣ 1831 года приказалъ запретить цензорамъ дозволять печатаніе подобныхъ отчетовъ.

Но главное вниманіе было обращено въ это время на журналы. При тогдашнемъ тревожномъ состояніи Европы, они казались всего болѣе опасными проводниками для зажигательныхъ мыслей и разрушительнаго направленія, и, вслѣдствіе того, всѣ мѣры предосторожности распространялись и на наши туземныя періодическія изданія. Въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры 4-го мая 1831 года, Уваровъ, въ качествѣ президента Академіи Наукъ, словесно изложилъ свое мнѣніе, что необходимо усилить надзоръ цензуры за журналами при настоящихъ обстоятельствахъ времени, когда происшествія во многихъ земляхъ Европы, и даже въ самыхъ предѣлахъ Имперіи, обращаютъ на себя вниманіе и производятъ столь сильное волненіе умовъ. Допуская, что вредная цѣль періодическаго изданія можетъ быть прикрыта до такой степени, что трудно и почти невозможно явно изобличить злонамѣренность издателя какою-либо отдѣльною статьею или однимъ номеромъ журнала, Уваровъ полагалъ, однако, что въ опасномъ направленіи и вредномъ духѣ изданія можно убѣдиться, наблюдая внимательно ходъ всего его въ цѣлости, сближая и сличая статьи, разсѣяныя въ разныхъ номерахъ, соображая господствующія мнѣнія, наконецъ, замѣчая отношеніе сихъ статей и мнѣній къ тѣмъ обстоятельствамъ и къ тому времени, при которыхъ они были напечатаны. Находя такое неблагонамѣренное стремленіе въ «Московскомъ Телеграфѣ», президентъ Академіи предполагалъ впослѣдствіи внести въ Главное управленіе извлеченіе изъ замѣченныхъ имъ статей, которое послужитъ очевиднымъ убѣжденіемъ въ томъ, какого рода вліяніе можетъ производить въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ этотъ журналъ, особливо на тотъ кругъ читателей, въ которомъ онъ обращается. Выслушавъ это мнѣніе, князь Ливенъ ограничился только тѣмъ, что пригласилъ и другихъ членовъ Главнаго управленія доставить съ своей стороны замѣчанія на «Московскій Телеграфъ», а между тѣмъ, по рѣшенію Главнаго управленія, на первый разъ предложилъ попечителю Московскаго округа поставить тамошней цензурѣ въ обязанность упогреблять особенную осмотрительность при цензурованіи какъ вообще періодическихъ изданій, такъ въ особенности вышеупомянутаго журнала, и не дозволять никакихъ статей, которыя могутъ производить вредное впечатлѣніе на чи-

тателей и внушить непріязненное расположеніе къ правительству и вообще къ высшимъ сословіямъ и званіямъ въ государствѣ.

Впрочемъ, каковы ни были истинныя побужденія президента академіи Наукъ, внушенія его противъ издателя «Телеграфа» Полеваго, одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей нашей литературы, не остались безъ успѣха, и если не первые возбудили подозрѣніе на его счетъ въ умахъ начальства, то по крайней мѣрѣ несомнѣнно усилили и утвердили возникавшее противъ него предубѣжденіе. Когда, въ концѣ того же года, Н. Полевой ходатайствовалъ о дозволеніи ему сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ планѣ и содержаніи его журнала, а именно выдавать его съ 1832 г. въ видѣ трехъ отдѣльныхъ повременныхъ изданій: «Московскій Телеграфъ», «Прибавленіе» къ нему и «Journal des modes», то московскій попечитель, князь Сергій Голицынъ, представляя объ этомъ въ Главное управленіе цензуры, присоединилъ тутъ же свое мнѣніе, что на будущее время «Телеграфу» слѣдовало бы ограничиться одною только литературою, потому что «неоднократно въ немъ помѣщались такія статьи, которыя не совсѣмъ-то были одобряемы высшимъ начальствомъ, а издатель, купецъ Николай Полевой, не пользуется совершенною довѣренностью правительства». Главное управленіе рѣшило было представить по этому дѣлу согласный съ представленіемъ попечителя докладъ государю, но одинъ изъ членовъ, тайный совѣтникъ Блудовъ, заявилъ, что ему неудобно подписать журналъ о томъ, такъ какъ онъ еще въ 1827 году сообщалъ министру Шишкову высочайшую волю о непздаваніи Полевымъ трехъ журналовъ, («Телеграфъ», «Компасъ» и «Энциклопедическія лѣтописи»), и когда такое заявленіе было упомянуто, во всеподданнѣйшемъ докладѣ 7-го ноября 1831 г., то послѣдовала высочайшая резолюція: «Не дозволять, ибо и нынѣ ничуть неблагонадежиѣе прежняго».

Но на этомъ дѣло не кончилось. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 9-го февраля 1832 г., графъ Бенкендорфъ писалъ князю Ливену: «Разсматривая журналы, издаваемые въ Москвѣ, я неоднократно имѣлъ случай замѣтить расположеніе издателей оныхъ къ идеямъ самаго вреднаго либерализма. Въ семъ отношеніи особенно обратили мое вниманіе журналы: «Телескопъ» и «Телеграфъ», издаваемые Надеждинымъ и Полевымъ. Въ журналахъ сихъ часто помѣщаются статьи, писанныя въ духѣ весьма недобронамѣренномъ и которыя, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ поселить вредныя повятія въ умахъ молодыхъ людей, всегда готовыхъ, по неопытности своей, принять всякаго рода впечатлѣнія. О такихъ замѣчаніяхъ я счелъ долгомъ сообщить вашей свѣтлости и обратить особенное ваше вниманіе на непозволительное послабленіе московскихъ цензоровъ, которые, судя по пропускаемымъ ими статьямъ, или вовсе не пекутся объ исполненіи своихъ

обязанностей, или не имѣютъ нужныхъ для сего способностей. По симъ уваженіямъ, я осмѣливаюсь изъяснить вашей свѣтлости мое мнѣніе, что не излишнимъ было бы сдѣлать московской цензурѣ строжайшее подтвержденіе о внимательномъ и неослабномъ наблюденіи ея за выходящими въ Москвѣ журналами».

Ливенъ поспѣшилъ передать требованіе III-го отдѣленія московскому попечителю, но Голицынъ, вопреки тому, что еще такъ недавно самъ высказывался противъ Полеваго, нашелъ на этотъ разъ обращенное къ нему требованіе настолько несправедливымъ и неосновательнымъ, что немедленно написалъ министру: «Разсматривая правила устава о цензурѣ, какъ главное руководство при одобреніи сочиненій къ печатанію, я нахожу, что правила сіи, содержація не многія общія обязанности цензоровъ, неопредѣленные случаями частными, при обоюдности своей, поставляютъ оныхъ въ затруднительное положеніе, подвергая ихъ, по одному и тому же дѣлу, двумъ противоположнымъ отвѣтственностямъ: или за упущеніе должности со стороны свисходительнаго разсматриванія сочиненій, или за употребленіе неприсвоенной власти и стѣсненіе писателей, когда сочиненія будутъ разбираемы строго. Таковыя обстоятельства легче и удобнѣе встрѣчаются при одобреніи цензурою журналовъ, какъ изданій срочныхъ. А потому я искреннѣйше желалъ бы, чтобы ваша свѣтлость, черезъ сношеніе съ г. генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, изволили означить тѣ статьи въ московскихъ журналахъ, которыя признаются неблагонамѣренными и вредными по духу либерализма, для назиданія и руководства цензорамъ на будущее время. Наконецъ, въ предотвращеніе всѣхъ возможныхъ неблагопріятныхъ слѣдствій, я почитаю обязанностью покорнѣйше просить вашу свѣтлость, не угодно ли будетъ содѣйствіемъ вашего сана устроить изданіе журналовъ и вообще повременныхъ сочиненій такимъ образомъ, дабы оныя являлись въ свѣтъ подъ надзоромъ и бдительностью полиціи жандармовъ».

Князь Ливенъ, вѣроятно, не желавшій снова входить въ непріятныя столкновенія съ графомъ Бенкендорфомъ, оставилъ это представленіе безъ послѣдствій и ничего не отвѣчалъ московскому попечителю.

Однако же, «Телеграфъ» просуществовалъ еще полтора года и закрытъ былъ уже во время послѣдующаго министерства Уварова. Въ описываемое же нами время преслѣдованіе журналовъ, усиленное мнѣніемъ и внушеніями Уварова, обрушилось всею своею тяжестью на другомъ періодическомъ изданіи. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей начавшей тогда успливатъсѣ партіи славянофиловъ, Иванъ Кирѣевскій, человекъ очень образованный, воротившійся изъ чужихъ краевъ, гдѣ онъ преимущественно употреблялъ все время на слушаніе лекцій Гегеля о философіи, началъ въ 1832 году изданіе журнала «Европеецъ». Первая статья,

которою открылся новый журналъ, была написана самимъ издателемъ, подъ названіемъ «Девятнадцатый вѣкъ». Здѣсь страннымъ образомъ соединились чисто славянофильскія или, точнѣе сказать, руссофильскія тенденціи со стремленіями новой, современной Европы, и отставаніе самыхъ консервативныхъ началъ съ проповѣдываніемъ нѣкоторыхъ идей интеллектуальной свободы, наполнившихъ въ ту минуту почти всю Западную Европу. Во всякомъ случаѣ, статья Кирѣвскаго, довольно смѣлая и написанная съ жаромъ убѣжденія, очень краснорѣчиво, могла казаться выраженіемъ недовольства существующимъ въ Россіи порядкомъ, не столько въ отношеніи политическомъ, сколько умственномъ и народно-образовательномъ, и потому судьба какъ статьи, такъ и ея автора и всего изданія не могла быть сомнительна. На другой же день послѣ предыдущаго отношенія, 7-го февраля 1831 г. графъ Бенкендорфъ писалъ князю Ливену: «Государь императоръ, прочитавъ въ № 1 издаваемого въ Москвѣ Иваномъ Кирѣвскимъ журнала подъ названіемъ «Европеецъ», статью «Девятнадцатый вѣкъ», изволилъ обратить на оную особое свое вниманіе. Его величество изволилъ найти, что вся статья сія есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобъ видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ «просвѣщеніе» онъ понимаетъ «свободу», что «дѣятельность разума» означаетъ у него «революцію», а «искусно отысканная середина» не что иное какъ «конституція». Посему его величество изволилъ находить, что статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ воспрещается помѣщать что-либо о политикѣ, и какъ, сверхъ того, она статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ, то и не слѣдовало цензурѣ оной пропускать. Далѣе, въ той же книжкѣ «Европейца» государь императоръ изволилъ замѣтить въ статьѣ «Горе отъ ума» самую неприличную и непристойную выходку на счетъ находящихся въ Россіи иностранцевъ, въ пропускѣ которой цензура уже совершенно виновна. Его величество о сихъ замѣчаніяхъ своихъ повелѣлъ мнѣ сообщить вашей свѣтлости съ тѣмъ, чтобъ вы изволили обратить законное взысканіе на цензора, пропустившаго означенную книжку «Европейца», и дабы изданіе онаго журнала было на будущее время воспрещено, такъ какъ издатель, г. Кирѣвскій, обнаружилъ себя человекомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ его величеству угодно, дабы на будущее время не были дозволяемы никакіе новые журналы, безъ особаго высочайшаго разрѣшенія, и дабы, при испрашиваніи таковаго разрѣшенія, было представляемо его величеству подробное изложеніе

предметовъ, должествующихъ входить въ составъ предполагаемаго журнала, и обстоятельныя свѣдѣнія объ издателѣ».

Передавъ это высочайшее повелѣніе всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ, князь Ливень въ то же время предписалъ сдѣлать строгое замѣчаніе цензору, пропустившему № 1 «Европейца».

Тѣ же мѣры, которыя принимались въ отношеніи къ журналамъ, одновременно были обращаемы и на отдѣльныя книги и сочиненія. Спустя десять дней послѣ предыдущаго, графъ Бенкендорфъ сообщилъ князю Ливену еще новое высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Въ недавнемъ времени появилась въ Москвѣ книжка подъ названіемъ: «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ», пропущенная въ печать цензоромъ Аксаковымъ. Государь императоръ, прочитавъ эту книжку, изволилъ найти, что она заключаетъ въ себѣ описаніе дѣйствій московской полиціи въ самыхъ дерзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ; что, будучи написана самымъ простонароднымъ площаднымъ языкомъ, она приновлена къ грубымъ понятіямъ низшаго класса людей, изъ чего видимо обнаруживается цѣль распространить чтеніе ея въ простомъ народѣ и внушить оному неуваженіе къ полиціи. Наконецъ, предисловіе сей книжки, равно какъ и слѣдующее за онымъ обращеніе къ цензурѣ, писаны съ явнымъ нарушеніемъ всякаго приличія и благопристойности. Государь императоръ о такихъ замѣчаніяхъ своихъ относительно вышеозначенной книги, пропущенной московскою цензурою, повелѣлъ мнѣ сообщить вашей свѣтлости съ тѣмъ, что его величество заключаетъ изъ сего, что цензоръ Аксаковъ вовсе не имѣетъ нужныхъ для званія его способностей, и потому высочайше повелѣваетъ его отъ должности сей уволить».

Но цензурная строгость, сверхъ современности, была обращена и на давно прошедшія событія и личности русской исторіи. Такъ, наприм., когда въ 1831 г. извѣстный нашъ писатель М. П. Погодинъ сочинилъ трагедію: «Петръ I-й», цензоръ Семеновъ нашелъ невозможнымъ пропустить ее, потому что тутъ на сцену выводятся самъ Петръ I, Екатерина I, Меншиковъ (двое послѣднихъ съ очень невыгодной стороны) и заговорщики въ пользу царевича Алексѣя Петровича, съ очень дерзкими рѣчами; сверхъ того, происходятъ фамильярные разговоры князя Долгорукаго съ Петромъ, при чемъ князь рѣзко возражаетъ Петру; пытки царевича Алексѣя выведены послѣдовавшими по приказанію самого Петра и т. д. Сомнѣнія цензора не осмѣлились разрѣшить не только цензурный комитетъ, но даже и Главное управленіе цензуры. Былъ поднесенъ всеподданнѣйшій докладъ, и на немъ императоръ Николай положилъ 22-го декабря 1831 года слѣдующую свою резолюцію: «Лицо императора Петра Великаго должно быть для каждаго русскаго предметомъ благоговѣнія и любви; выводить оное на сцену было бы почти

нарушеніе святни, и по сему совершенно неприлично. Не позволять печатать».

Сообразно со всѣми этими высочайшими повелѣніями, естественно стало дѣйствовать и само Главное управленіе. Нѣкто Олинъ, писавшій въ тѣ времена и издавшій на свой счетъ какъ отдѣльныя книги, такъ и цѣлыя повременныя изданія, представилъ въ цензуру, въ началѣ 1832 года, повѣсть свою: «Эшафотъ, или утро вечера мудренѣе». Она была займствована изъ временъ императрицы Анны Ивановны и представляла многія сцены изъ дѣятельности тогдашней тайной канцеляріи, картинно рассказывала пытки, напрасно совершенныя надъ капитаномъ О., главнымъ дѣйствующимъ лицомъ повѣсти, и столь жестокия, что онъ, хотя и совершенно невинный, самъ себя обвинилъ въ взводимомъ на него убійствѣ и едва не былъ казненъ на эшафотѣ рукою палача: лишь счастливый случай раскрылъ его невинность въ послѣднюю минуту и спасъ ему жизнь. Императрица, послѣ того, для возвращенія ему чести, велѣла прикрыть его бѣлымъ знаменемъ и выдать ему 500 червонцевъ; но, прибавлялъ авторъ, онъ уже былъ съ тѣхъ поръ самъ для себя живымъ указаніемъ измѣненій погоды. Цензоръ Семеновъ, разсматривавшій эту рукопись, не нашелъ возможнымъ пропустить ее въ печать, такъ какъ, по его словамъ, «авторъ постоянно старается дать повѣсти какое-то особенное направленіе; дѣйствія власти и правительства выставляетъ въ смѣшномъ или гнусномъ видѣ, слишкомъ часто упоминаетъ о злоупотребленіяхъ власти, пророческуетъ счастливѣйшую, по его мнѣнію, переменѣ состоянія Россіи и весьма нерѣдко дѣлаетъ болѣе или менѣе явные намеки на обстоятельства нынѣшнія. Неумышленные, можетъ быть, но слишкомъ быстрые переходы отъ ужасовъ тайной канцеляріи и тюремнаго заключенія къ пышности двора невольно бросаются въ глаза читателю и придаютъ повѣсти какой-то особенный, неумѣстный цвѣтъ. Описанія тайной канцеляріи и пытокъ заключаютъ въ себѣ, какъ кажется, не одно историческое изложеніе, но, соединены будучи съ разсужденіями автора, служатъ доказательствомъ или подтвержденіемъ безпрестанныхъ выходокъ его противъ злоупотребленія власти и насилія». Поэтому, цензоръ считалъ возможнымъ допустить эту повѣсть къ напечатанію лишь въ такомъ случаѣ, если авторъ исключить изъ нея, или измѣнить въ ней все то, что можетъ казаться «примѣненіемъ къ нѣкоторымъ недавнимъ обстоятельствамъ», и приложить къ повѣсти небольшое предисловіе, гдѣ приведи манифестъ Петра III и мнѣнія Екатерины II о тайной канцеляріи и пыткѣ, скажетъ, что пытка существовала не въ одной Россіи, но и въ остальной Европѣ, и, наконецъ, покажетъ, «сколько Россія должна быть благодарна августѣйшему дѣду нынѣ благополучно царствующаго государя за уничтоженіе пытки, и сколько вообще мы обязаны вели-

кимъ его наслѣдникамъ, которые кроткими и человѣколюбивыми мѣрами и распространеніемъ просвѣщенія изгладили изъ законовъ и нравовъ нашихъ всѣ слѣды сихъ старинныхъ жестокостей, а также покажетъ всю разницу тогдашняго суроваго съ нынѣшнимъ человѣколюбивымъ обращеніемъ властей съ обвиненными, коихъ преступленіе не доказано еще законнымъ производствомъ и явными уликами».

Петербургскій цензурный комитетъ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ цензора Семенова, внесъ его въ Главное управленіе цензуры. Если бы оно приняло представленное ему мнѣніе, то рѣшительно нарушило бы этимъ уставъ 1828 года и возвратилось бы къ уставу и системѣ адмирала Шишкова, который предписывалъ цензурѣ не довольствоваться однимъ критическимъ отношеніемъ къ написанному авторомъ, а указывать ему, что и какъ онъ долженъ написать и прибавить къ своему сочиненію. Главное управленіе этого, однако же, не сдѣлало и ограничилось признаніемъ, что сочиненіе Олина по содержанію и духу ни коимъ образомъ не можетъ быть дозволено къ напечатанію и подлежить запрещенію въ цѣлости. Но, день спустя, 3-го марта 1831 г., князь Ливень писалъ начальнику III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, что въ повѣсти Олина замѣчено «особенное вредное направленіе и недовольный духъ», и далѣе прибавлялъ: «хотя нравственныя качества автора мнѣ неизвѣстны, и я слышалъ объ г. Олинѣ отзывъ, что онъ человѣкъ неспособный къ злымъ умышленіямъ, однако, принимая въ соображеніе обстоятельства времени, при которыхъ г. Олинъ предполагаетъ издать въ свѣтъ свою повѣсть, я считаю нужнымъ препроводить означенную рукопись къ вамъ: можетъ быть, вы изволите признать, что на оную надлежитъ обратить особенное вниманіе».

Въ настоящемъ случаѣ, цензурное вѣдомство основывалось, при запрещеніи подробностей историческихъ, на томъ соображеніи, что тутъ замѣчалось примѣненіе къ современнымъ обстоятельствамъ. Но, тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ, оно запретило опубликованіе и еще нѣкоторыхъ другихъ историческихъ свѣдѣній, хотя на этотъ разъ уже подъ другими предлогами.

Въ началѣ 1832 года, печаталось сочиненіе Вейдемейера: «Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны». Цензоръ Гаевскій не осмѣлился пропустить назначенные для прибавленій два указа: одинъ Анны Иоанновны, по случаю казни Волинскаго и его друзей, а другою о ссылкѣ Бирона, на томъ основаніи, что обоихъ указовъ нѣтъ въ полномъ собраніи законовъ. Главное управленіе цензуры обратилось къ главному въ то время начальнику II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, М. М. Сперанскому, съ просьбою

сообщить: можно ли, по его мнѣнію, позволить напечатаніе этихъ указовъ? Сперанскій отвѣчалъ, что они и не могли войти въ собраніе законовъ, потому что содержатъ въ себѣ частные случаи и проществія, а не законы. Потому, не зная ихъ содержанія, онъ, Сперанскій, и не можетъ сообщить своего мнѣнія, до какой степени они могутъ или не должны быть предаваемы тисненію. Несмотря, однако же, на такой отзывъ, князь Ливень все-таки написалъ (29-го марта 1832 г.) петербургскому попечителю, что онъ признаетъ за лучшее не дозволять печатаніе тѣхъ двухъ указовъ, «такъ какъ они не помѣщены въ полномъ собраніи законовъ».

Въ мартѣ же, цензоръ Крыловъ представилъ цензурному комитету, что сомнѣвается пропустить въ печать «Секретнѣйшее наставленіе князю Александру Вяземскому» (назначенное для повременнаго изданія подъ названіемъ «Воспоминанія»), считая, что едва-ли можно подобную официальную бумагу, относящуюся ко времени царствованія Екатерины II, принять въ настоящее время за историческій актъ, позволительный для обнародованія. Главное управленіе постановило (22-го марта), что статья эта не можетъ быть позволена «потому что принадлежитъ ко времени еще слишкомъ близкому, а также и потому, что не была сдѣлана извѣстною официальнымъ образомъ».

Въ сентябрѣ 1832 года, тотъ же цензоръ не хотѣлъ пропускать въ печать «Исторіи Петра Великаго», Бергмана, въ переводѣ съ нѣмецкаго, Аладьина, потому что одни изъ мѣстъ, отмѣченныхъ имъ, могутъ вести къ неблагопріятнымъ заключеніямъ о событіяхъ церкви, состояніи духовенства и нижняго класса народа, другія могутъ быть обращены въ предосужденіе имени Петра I:—куда въ особенности относится описаніе казни стрѣльцовъ съ замѣчаніями изъ «Дневника Корба», а между тѣмъ послѣднее сочиненіе было запрещено, даже въ Австріи, еще при Петрѣ I, по сношенію русскаго правительства. Цензурный комитетъ нашелъ большую часть замѣчаній цензора неосновательными и пропустилъ многое изъ того, чѣмъ онъ затруднялся, но нашелъ непозволительными слѣдующія мѣста: 1) историческое изложеніе, какимъ образомъ крестьяне въ Россіи дѣлались въ разныя времена приписными къ землѣ и снова получали свободу, такъ какъ это изложеніе можетъ имѣть важное вліяніе на народное мнѣніе; 2) рѣчь Никиты Пустосвята, заимствованную переводчикомъ изъ романа Масальскаго «Стрѣльцы», и письмо возмущившихся стрѣльцовъ къ генералу Гордону, заимствованное изъ Голкова, такъ какъ рѣчь могла быть терпима въ романѣ лишь въ общей связи съ цѣлымъ проществіемъ, а письмо, заключающее оправданіе мятежниковъ, приведено издателемъ безъ всякаго опроверженія и въ подлинникѣ не находится; 3) слова, что царевна Марѳа Алексѣевна заключена въ монастырь «за обн а р у ж и в ш і я с я лю-

бовныя интриги». Сверхъ того, 4) цензурный комитетъ призналъ необходимымъ измѣнить одно мѣсто сочиненія, а именно, гдѣ было сказано: «4-го февраля легли на Преображенскомъ полѣ 150 бунтовщичьихъ головъ, уже не отъ сѣкиры, но отъ меча казни; десница царева не срубила 84 головы, какъ утверждали нѣкоторые иностранные писатели, не взирая на то, что ревность къ правосудію, что духъ вѣка извиняли бы и даже совершенно оправдывали сей поступокъ. Такая ручная работа превышаетъ силы всякаго человѣка». Въмѣсто этого, положено было напечатать: «4-го февраля легли на Преображенскомъ полѣ 150 бунтовщичьихъ головъ, уже не отъ сѣкиры, но отъ меча казни; нѣкоторые иностранные писатели утверждаютъ, будто царь собственною рукою срубилъ 84 преступныя головы. Извѣстіе нелѣпое, не взирая на то, что ревность къ правосудію, что духъ вѣка извиняли бы и даже совершенно оправдывали сей поступокъ»; 5) такъ какъ примѣчанія изъ Корба описываютъ казни съ подробностью, простирающеюся до оскорбленія нравственнаго чувства, то комитетъ положилъ допустить эти примѣчанія въ текстъ лишь на латинскомъ языкѣ, безъ перевода на русскій. Когда это дѣло, по протесту переводчика, перешло въ Главное управленіе цензуры, послѣднее, найдя справедливыми всѣ замѣчанія комитета, прибавило еще съ своей стороны нѣсколько новыхъ замѣчаній (имѣвшихъ цѣлью смягченіе разныхъ выраженій) и велѣло исправить всю статью о стрѣleckихъ бунтахъ, съ исключеніемъ всѣхъ вообще рассказовъ, представлявшихъ дѣйствіе императора Петра I въ невыгодномъ видѣ.

Такимъ образомъ, Главное управленіе и здѣсь дѣйствовало вопреки цензурному уставу, не дозволявшему цензурѣ вмѣшиваться въ то, что должно быть сказано въ сочиненіи, и ограничивавшему ея обязанность лишь указаніемъ того, чего не должно быть допущено въ печать.

Точно такой же случай былъ по поводу «Обозрѣнія царствованія и свойствъ Екатерины Великія», сочиненія сенатора Сумарокова. Государь принялъ, отъ автора этой книги, ея посвященіе, но такъ какъ цензурѣ было предписано рѣшить напередъ, «не представляетъ ли сочиненіе Сумарокова чего-либо противнаго цензурнымъ правиламъ», то комитетъ цензурный, занявшись этимъ вопросомъ, нашелъ, что не всѣ мѣста книги могутъ быть освящены высочайшимъ именемъ государя императора, хотя они уже были многократно напечатаны по-русски, и теперь даже могли бы быть выпущены въ публику, если бъ авторъ не подносилъ своего сочиненія его величеству. Сюда относились: 1) описаніе переворота, лишившаго Петра III престола; 2) выраженія: «Но миръ съ мусульманами никогда не проченъ, п есть только отсрочкою новой вражды»; «прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, замѣнившій

дружество своего предшественника коварствомъ»; «не избѣгли рукъ палача и первѣйшіе изверги: Орлеанскій (Philippe Egalité) съ Робеспьеромъ». Согласно съ этими замѣчаніями, сенаторъ Сумароковъ сдѣлалъ множество измѣненій, но Главное управленіе нашло и ихъ недостаточными; члены его, статсъ-секретарь Оленинъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Бутковъ, писали отдѣльныя обширныя мнѣнія по этому предмету, и результатомъ всего были слѣдующія измѣненія, предписанныя Главнымъ управленіемъ цензуры: 1) къ слову «п о н ы н ѣ» (въ выраженіи: «возрастающаго понынѣ блаженства дворянства») прибавить слово «и», чтобъ нельзя было перетолковать, что возрастающее блаженство дворянъ дошло только до нынѣшняго времени; 2) измѣнить слова «въ замѣну своей праздности», которыя неясны, потому что не видно, къ кому они относятся: къ крестьянамъ, или къ монахамъ? А въ послѣднемъ случаѣ, оно было бы оскорбительно для духовенства; 3) послѣ слова «пытка» сказать въ примѣчаніи, что «сей способъ доискиваться истины посредствомъ пытокъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, былъ тогда въ обычаѣ во всей Европѣ, и особенно во Франціи, чему много имѣется доказательствъ въ исторіи правовѣдѣнія сего образцоваго, какъ многіе полагаютъ, государства, но нигдѣ такъ, какъ въ Испаніи и въ Венеціи»; 4) въ разсказѣ о сверженіи Петра III, слово «наутріе» показываетъ весьма быстрый переходъ отъ горестнаго къ радостному событію и подаетъ поводъ догадываться о причинѣ сего происшествія; было бы лучше замѣнить то словомъ «вскорѣ». Выраженіе: «Клики веселья не умолкали», какъ относящееся ко второму дню послѣ кончины Петра III, должны быть исключены, тѣмъ болѣе, что далѣе сочинитель говоритъ, что въ первые дни царствованія Екатерины II забавъ при дворѣ, по причинѣ траура, не было; 5) говорится, что «Петръ III совершилъ три безсмертныхъ учрежденія»; это надо измѣнить, потому что онъ не имѣлъ времени исполнить одного изъ трехъ этихъ предположеній, именно—отобранія крестьянъ отъ монастырей; 6) причиною возвращенія Бирону Курляндскаго герцогства были важныя политическія обстоятельства, а потому лучше изложить это не такъ, какъ сказано у Сумарокова, а слѣдующимъ образомъ: «Бирону, возвращенному изъ ссылки, вручили, по весьма важнымъ политическимъ обстоятельствамъ, прежнее его Курляндское герцогство»; 7) Разговоръ Екатерины II съ графомъ Минихомъ, открывающій то происшествіе (сверженіе Петра III), на печатаніе котораго цензура не дала позволенія — исключить.

Далѣе, когда на рѣшеніе Главнаго управленія цензуры была представлена статья «Чиновникъ», назначенная для «Сѣверной Пчелы», то статсъ-секретарь Оленинъ отозвался, что изображенная въ этой

статья картина—забавная и справедливая, но въ печать пустить не можно, ибо цѣлое, и довольно многолюдное сословіе описывается не съ весьма выгодной стороны; всѣ же его недостатки происходятъ отъ недостаточнаго состоянія, а русская добрая пословица говоритъ: «Бѣдность не порокъ». Если бъ это было обращено на одно выдуманное изъ сего сословія лицо, то можно бы пропустить, а на всѣхъ *in globo*—нельзя». Главное управленіе утвердило (31-го октября 1832 года) это мнѣніе, и статья была запрещена.

Одновременно со всѣми этими запрещеніями шли другія еще иного характера, именно: политическаго и религіознаго.

Такъ, на примѣръ, съ одной стороны, въ сентябрѣ 1831 года запрещенъ былъ переводъ на русскій языкъ романа Виктора Гюго «Бюгъ-Жаргаль», ибо, говорило Главное управленіе цензуры, «при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя допускать печатаніе сочиненій, гдѣ главныя дѣйствующія лица возмущеній выставляются благородными и добродѣтельными людьми»; въ октябрѣ дозволено напечатать сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ: «*Einige Worte in inserer vielbewegter Zeit*», Виттенберга, но съ пропускомъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ съ похвалою отзывается о французской революціи 1830 года, а въ ноябрѣ слѣдующаго года запрещено печатать переводъ, на русскій языкъ, трагедіи Гёте «Эгмонтъ», ибо въ оной яркими красками представлено возмущеніе нидерландцевъ противъ власти испанскаго короля; дѣлать же въ трагедіи какія-либо значительныя переимѣны цензурный комитетъ не почелъ себя въ правѣ, такъ какъ сочиненіе это относится къ классическимъ произведеніямъ словесности. Съ другой стороны, по предложенію цензора (и извѣстнаго литератора) Сенковскаго, запрещена въ сентябрѣ 1831 г. рукопись: «Ключъ къ еврейской кабалѣ», потому что тутъ, между прочимъ, излагается, безъ всякихъ опроверженій, ученіе Спинозы (пантеизмъ), «что можетъ подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ». Наконецъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ октябрѣ, не позволено печатать переводъ баллады Гёте: «*Der Gott und die Bayadere*», «чтобъ избѣжать могущихъ произойти неприличныхъ примѣненій».

Ободренные новою строгостью и новымъ направленіемъ цензуры, многія частныя лица нашли, въ это время, для себя выгоднымъ и умѣстнымъ поднять и свои жалобы на непозволительные, по ихъ мнѣнію, нападки, противъ нихъ устремленные, и требовали наказанія своихъ противниковъ. Но Главное управленіе цензуры мало обращало вниманія на эти требованія и отказывалось удовлетворять ихъ. Такъ, на примѣръ, въ концѣ 1830 г., нѣкто Исидоръ Салмоновичъ, главный опекунъ надъ имѣніемъ Радзивилловъ въ западныхъ губерніяхъ, написалъ князю Ливену огромное письмо (на французскомъ языкѣ), гдѣ жаловался, что въ польскомъ журналѣ «Баламутъ Петербургскій», какой-то ано-

нимъ обезчестилъ и оклеветалъ его, и предалъ на посмѣяніе цѣлой провинці, подъ вымышленнымъ именемъ Мехесовича, что имѣло цѣлью представить его человѣкомъ жидовскаго происхожденія (такъ какъ въ Польшѣ простой народъ называетъ перекрещенцевъ мехесами); что въ статьѣ «Баламута» онъ представленъ ябедникомъ, лихоимцемъ, самая наружность его изображена въ каррикатурѣ и, наконецъ, клейменнымъ каторжникомъ. Главное управленіе цензуры признало (9-го сентября 1830 г.), что въ этой статьѣ подъ общими чертами представлены нѣкоторыя злоупотребленія, дѣлаемые управляющими имѣній и повѣренными въ дѣлахъ, безъ всякихъ указаній и намековъ на какое-нибудь лицо, мѣсто и городъ, и потому не нашло въ вышеозначенномъ сочиненіи ничего, что бы оскорбляло личную честь г. Салмоновича.

Точно такъ же началъ было жаловаться и извѣстный въ свое время Н. И. Гречъ, но на этотъ разъ дѣло приняло такіе размѣры, что доходило даже до высочайшаго воззрѣнія. 10-го іюня 1831 года Гречъ написалъ московскому попечителю, князю С. М. Голицыну слѣдующее любопытное письмо:

«Позвольте мнѣ обратить вниманіе вашего сіятельства на происходящее въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ злоупотребленіе власти и совершенное выпущеніе изъ виду правилъ высочайше утвержденного устава о цензурѣ. Въ Москвѣ нѣкто, Надеждинъ, издаетъ журналъ подъ заглавіемъ «Телескопъ», разсматриваемый и одобряемый къ печатанію цензоромъ Аксаковымъ. Въ семъ журналѣ, подъ именемъ критикъ, помѣщаются самыя гнусныя и непозволительныя ругательства на сотрудника моего, VIII класса Ѳ. В. Булгарина, который, не зная издателя «Телескопа», никогда не выдавъ его и не имѣвъ съ нимъ никакихъ сношеній, не могъ подать ему ни малѣйшаго повода къ оскорбленію его лица и характера. Потрудитесь, ваше сіятельство, прочесть статью въ IX-й книжкѣ «Телескопа» на стр. 98—110, и извольте рѣшить: можно ли позволить печатаніе подобныхъ статей въ благоустроенномъ, не-революціонномъ государствѣ? Г. Булгаринъ, писатель, пользующійся справедливо заслуженною извѣстностью въ Россіи, приносящій честь русской литературѣ и въ чужихъ краяхъ, удостоенный за свои сочиненія неоднократнаго благоволенія государя императора, обруганъ въ сей книжкѣ самымъ площаднымъ и постыднымъ образомъ. Онъ живетъ теперь въ деревнѣ своей, въ Лифляндской губерніи, и не имѣетъ возможности, бывъ окруженъ холерными карантинными, прибыть сюда для преслѣдованія сего дѣла. Но я, какъ сотрудникъ и товарищъ его, долгомъ поставлю за него вступить. Въ первую минуту справедливаго негодованія, я написалъ было жалобу на высочайшее имя, всеподданнѣйше прося правосуднаго монарха о дарованіи честнымъ литераторамъ благотворной его защиты, и былъ твердо увѣренъ, что просьба моя бу-

деть услышана; но, разсудивъ потомъ, что сіе нарушение закона произошло отъ незнанія или злоупотребленія цензорскихъ правилъ устава, и что у цензора есть непосредственное свое начальство, рѣшился обратиться къ вашему сіятельству, какъ предсѣдателю Московскаго цензурнаго комитета, и всепокорнѣйше васъ просить о прекращеніи сихъ непозволительныхъ ругательствъ надъ честными людьми, силою высочайше предоставленной вамъ власти. Что будетъ съ просвѣщеніемъ и литературою Россіи, если всякій наглець, всякій дерзкій неучъ будетъ имѣть право всенародно ругать и безчестить писателей, достойныхъ уваженія и благодарности отечества? Сдѣлайте милость, сіятельнѣйшій графъ, прекратите сіе зло въ самомъ корнѣ, ибо если помянутыя ругательства дойдутъ до свѣдѣнія самого г. Булгарина, онъ станетъ искать правосудія выше и, конечно, найдетъ его. Тогда раскаются гнусные клеветники и друзья-покровители ихъ, цензора, забывающіе долгъ свой, но это будетъ уже поздно. Утруждая ваше сіятельство симъ письмомъ, я исполняю сугубую священную для меня обязанность: во-первыхъ, вступаю за друга и товарища; во-вторыхъ, обращаю вниманіе благонамѣреннаго начальства на непростительное упущеніе долга подчиненными».

Московскій цензурный комитетъ, которому князь Голицынъ передалъ на разсмотрѣніе жалобу Греча, нашель, что въ статьѣ «Телескопа» нѣтъ никакихъ гнусныхъ и непозволительныхъ ругательствъ, какъ выражается г. Гречъ, на сотрудника, друга и товарища его *Θ. В. Булгарина*, никакихъ оскорбленій лицу и характеру сего писателя, пользующагося справедливо заслуженною извѣстностью въ Россіи, потому что, говорилъ онъ, въ упомянутой статьѣ заключается одно только сужденіе о сочиненіяхъ *Θ. В. Булгарина*, и не упоминается даже о имени сего достойнаго мужа; а § 15-й устава о цензурѣ гласитъ, что «цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или несправедливости частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры», что сія послѣдняя, по § 147-у охраняетъ личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія», и что г. министръ народнаго просвѣщенія, по поводу жалобы статскаго совѣтника Каченовскаго на цензора Глинку, весьма ясно изобразилъ (въ отношеніи 7-го марта 1829 г.). Раздѣляя съ Московскимъ цензурнымъ комитетомъ желаніе, чтобъ вообще литературныя критики въ повременныхъ изданіяхъ русскихъ приняли сколько можно лучшей и приличнѣйшей тонъ, и чтобы въ нихъ соблюдаемы были все условія вѣжливости и учтивости; но не находя въ уставѣ о цензурѣ постановленія, дающаго цензурнымъ комитетамъ права воспрещать по симъ только уваженіямъ литературныя сужденія о книгахъ и ученыхъ изда-

ніяхъ, не выходяція изъ предѣловъ благопристойности и необходимыя для нравственности и чести, Главное управленіе цензуры признало, что исправленіе сего недостатка въ литературѣ надлежитъ предоставить вліянію читающей публики и дѣйствию общаго вкуса». Такимъ образомъ, Московскій комитетъ «съ чувствомъ справедливаго негодованія усматривалъ въ дерзкихъ выраженіяхъ письма г. Греча не истинную жалобу, а одну только тяжкую обиду для комитета», а потому просилъ передать все дѣло на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Князь Ливенъ, въ докладѣ о томъ государю императору, соглашаясь съ Московскимъ цензурнымъ комитетомъ и княземъ Голицынымъ, высказывалъ мнѣніе свое, что статья, на которую жалуется Гречъ, относится не къ его сочиненіямъ, а къ сочиненіямъ другаго лица, и не заключаетъ въ себѣ никакого личнаго оскорбленія Булгарину и потому не нарушаетъ устава о цензурѣ. При томъ Гречъ, почитая себя въ правѣ жаловаться на цензуру, долженъ былъ бы принести жалобу узаконеннымъ порядкомъ, не позволяя себѣ дерзкихъ выраженій, нарушающихъ должное уваженіе къ членамъ Московскаго комитета и его предсѣдателю. По прочтеніи этого доклада, «самой статьи «Телескопа» и письма Греча въ подлинникѣ, государь положилъ 29-го іюля 1831 г. слѣдующую резолюцію: «Читалъ и нашель, что кромѣ глупой, скучной нелѣпицы ничего въ сей статьѣ нѣтъ; она подобна тому, что въ нашихъ журналахъ считается умомъ, а должно бы было почитаться глупымъ вздоромъ. Напрасно г. Гречъ изволить симъ обижаться; на это лучшей отвѣтъ презрѣніе: *mais qui se sent morveux se mouche*. Вы призовите его къ себѣ, вымойте голову и объясните, что ежели впредь осмѣлятся дерзко писать, то вспомнилъ бы, что журналисты сиживали уже на гауптвахтахъ, и что за подобныя дерзости можно и подѣ судѣ отдать».

Замѣтимъ впрочемъ, что, соображаясь съ лившимися на цензоровъ, учашеннымъ дождемъ, предписаніями объ усиленіи строгости и справедливо опасаясь неминуемой кары за всякое послабленіе и недосмотръ, они, во вторую половину управленія князя Ливена, очень часто простирали свою осторожность и опасливость до того, что Главное управленіе цензуры, министръ и даже иногда самъ императоръ Николай находили ихъ осторожность излишнею и позволяли безъ затрудненія то, что цензорамъ казалось вполне предосудительнымъ и недозволеннымъ.

Такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1831 г., цензоръ Бутырскій затруднился пропустить стихотвореніе: «Россійскому воинству, по случаю выступленія въ походъ 1831 г.». Главное управленіе цензуры не нашло въ стихахъ ничего предосудительнаго (они выражали только самыя напыщенныя и очень бездарно выраженныя патріотическія чувства), но все-таки положило представить стихи на усмотрѣніе государя императора, «такъ какъ они относятся къ политическимъ обстоятельствамъ

настоящаго времени»; 26-го февраля 1831 г. послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: «Въ сихъ стихахъ ничего непозволительнаго нѣтъ».

Въ мартѣ, цензоръ Гаевскій, разсматривая рукопись подъ названіемъ: «Замѣчанія на бранчивую статью въ 17-й и 18-й книжкахъ «Московского Телеграфа» на 1830 годъ, помѣщенную по случаю изданія г. Бантышъ-Каменскимъ малороссійской исторіи, ст. Руссова», затруднился пропустить ее. С.-Петербургскій цензурный комитетъ, съ своей стороны, нашелъ, что хотя эта рукопись, какъ антикритика, изложена въ самомъ благонамѣренномъ духѣ и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, но нельзя ее дозволить, потому что авторъ, оспаривая мнѣніе «Московского Телеграфа», приводитъ подлинными словами многія мѣста изъ опровергаемой имъ статьи, а эта послѣдняя, по духу своему, можетъ имѣть вредное вліяніе на умы читателей многихъ областей, съ XVII-го столѣтія возвращенныхъ Россіи. Авторъ утверждаетъ, что малороссіяне, бѣлоруссы, казаки и проч. не русскіе; видитъ въ нихъ особенную народность и мѣстность, называетъ Разина и Пугачева страшными, но тщетными усиліями казачьей свободы; говоритъ о парижанахъ, подъ трехцвѣтною кокардою бравшихъ въ 1789 г. Бастилію и въ 1830 г. Лувръ, и тотчасъ послѣ того о Сѣверо-Американскихъ штатахъ, сражавшихся за гражданскую свободу, какъ бы сравнивая первыхъ съ послѣдними и т. д. Разсматривая это постановленіе, Главное управленіе цензуры признало (9-го марта 1831 г.), что мѣста, несогласныя съ правилами о цензурѣ, приводятся въ статьѣ для опроверженія и показанія несправедливости ихъ, а потому рукопись г. Руссова можетъ быть напечатана.

Московскій попечитель, князь Голицынъ, сдѣлавъ, по просьбѣ какого-то «Общества, состоящаго изъ благородныхъ особъ», распоряженіе по Московскому округу, чтобы въ московскихъ газетахъ ничего не было напечатано о спектакляхъ этого общества въ пользу бѣдныхъ, просилъ (6-го мая 1831 г.) князя Ливена, чтобы подобное же распоряженіе было сдѣлано и относительно петербургскихъ журналовъ. Главное управленіе цензуры нашло, что эти представленія даются общенародно, на публичномъ театрѣ, и сужденія о такихъ зрѣлищахъ дозволены цензурнымъ уставомъ, а потому признало (18-го мая 1831 г.) неудобнымъ сдѣлать просимое распоряженіе.

Въ маѣ 1831 г., цензоръ Семеновъ представилъ на разрѣшеніе Петербургскому цензурному комитету стихотвореніе Ѳ. Глинки, назначенное для журнала «Гирлянда», подъ заглавіемъ: «На обращеніе государемъ императоромъ воинской чести къ графу Паскевичу-Эриванскому». Послѣдніе два стиха:

Кто болѣе великимъ сталъ:
Кто принялъ честь, или... кто далъ?

*

цензоръ находилъ неприличными, потому что въ нихъ «сдѣлано сравненіе между государемъ и подданнымъ, которое можетъ подлежать произвольнымъ толкованіямъ». Комитетъ призналъ такое мнѣніе совершенно правильнымъ и представилъ стихи въ Главное управленіе цензуры; но послѣднее не нашло въ нихъ ничего могущаго представлять затрудненіе къ дозволенію ихъ печатать (18-го мая 1831 г.).

Петербургскій цензурный комитетъ, обративъ вниманіе на мѣста, указанные цензоромъ Семеновымъ въ переводѣ академикомъ Устряловымъ, сочиненія Боплана «Описаніе Украйны», нашель, что въ одномъ изъ этихъ мѣстъ описывается жалкое положеніе крестьянъ, которыхъ не только имѣніе, но и самая жизнь находится во власти помѣщиковъ; въ другомъ, при описаніи пасхальнаго обряда, пронически говорится, что епископъ во время цѣлованія очень хорошо умѣеть отличать хорошенькихъ дѣвушекъ отъ несмазливыхъ рожницъ, давая послѣднимъ цѣловать только руку свою; далѣе, что въ статьѣ «Объ избраніи королей польскихихъ» говорится о частныхъ сеймахъ дворянъ въ каждомъ воеводствѣ; о депутатахъ, выбирающихъ государя на общемъ сеймѣ послѣ предварительнаго между собою соглашенія, дабы право, выражаемое словомъ «не позволяемъ», не могло остановить избранія; что въ статьѣ «О вольностяхъ польскаго дворянства» содержатся мысли, показывающія, что дворяне, особенно сильные и богатые, пользуются почти неограниченною властью; наконецъ, что въ статьѣ «О нравахъ польскаго дворянства» оно представлено съ отлично хорошими качествами; сочинитель называетъ польскихъ дворянъ похожими на французовъ и нравами, и врожденною откровенностью, и веселостью; что они вообще добры, щедры, безъ лукавства, не мстительны, устроумны, память имѣютъ отличную и по образованію способны къ великимъ дѣламъ. Поэтому, комитетъ хотя и находилъ, что послѣднія статьи, какъ довольно безпристрастныя и представляющія предметъ съ разныхъ сторонъ, могутъ быть допущены въ печати, но первыхъ двухъ мѣстъ не должно пропускать, ибо первое изъ нихъ «можетъ быть примѣнено къ состоянію нашихъ крестьянъ, а во второмъ обнаруживается неуваженіе къ церковному обыкновенію». Главное управленіе, разсматривая сомнѣнія комитета, рѣшило (13-го октября 1831 г.), что съ предположенными переводчикомъ, Устряловымъ, объясненіями и примѣчаніями, сочиненіе Боплана, какъ твореніе, принадлежащее къ историческимъ памятникамъ, можетъ быть дозволено къ напечатанію въ цѣлости.

Московскій цензоръ Цвѣтаевъ, въ февралѣ 1832 г., не считалъ возможнымъ пропустить въ печать нѣмецкую трагедію «Аттила», потому что тутъ представляется приходъ въ лагерь Аттилы римскаго епископа Льва съ церковною процессією, т. е. священниками и діаконами, съ хоругвями; епископъ самъ держитъ чашу со святыми дарами, священ-

ники и діаконы поютъ церковные стихи по-латыни, какъ-то: *Veni Creator, Gloria Deo in excelsis*, и проч., между тѣмъ епископъ совершаетъ чудотвореніе прикосновеніемъ св. чаши. По всему этому цензоръ считалъ пьесу неприличною, какъ изображающую на театрѣ церковные обряды и таинства. Московскій цензурный комитетъ, не принявъ протеста, противъ такого мнѣнія, отдѣльнаго цензора Аксакова, представилъ дѣло въ Главное управленіе цензуры, которое признало (1-го марта 1832 г.), согласно съ мнѣніемъ Аксакова, что представленіе на сценѣ священнѣхъ дѣйствій, церковнѣхъ лицъ и обрядовъ, конечно, не можетъ быть дозволено; но наблюденіе за симъ принадлежитъ особой театральной цензурѣ, изображеніе же церковнѣхъ обрядовъ и лицъ въ драматическѣхъ сочиненіяхъ, если оно согласно съ общими цензурными правилами, можетъ быть дозволяемо точно такъ же, какъ и въ сочиненіяхъ другихъ литературнѣхъ родовъ.

Наконецъ, здѣсь же надобно упомянуть объ одномъ любопытномъ примѣрѣ излишней ревности низшаго цензурнаго вѣдомства. Въ февралѣ 1833 г. Московскій цензурный комитетъ просилъ предписанія отъ Главнаго управленія: не пропускать сочиненій безграмотнѣхъ и худо, въ литературномъ отношеніи, писаннѣхъ. Главное управленіе, основываясь на цензурномъ уставѣ, отказало въ такомъ ходатайствѣ, исполненіе котораго, конечно, снова придало бы цензурѣ тотъ деспотическій и произвольный характеръ, который она имѣла при прежнемъ уставѣ.

При этомъ краткомъ обзорѣ главнѣйшихъ между запрещенными книгами, необходимо указать на два интересныя предмета. Первый изъ нихъ—опредѣленіе собственными словами одного изъ членовъ главнаго управленія цензуры, въ чемъ именно состояли главныя побудительныя причины запрещеній при оцѣнкѣ иностранныхъ книгъ. Въ концѣ 1831 г. Главное управленіе положило запретить романъ Бальзака «*Peau de chagrin*», за «опасный его духъ и странныя, дерзкія и непристойныя выраженія и мысли». Статсъ-секретарь Оленинъ протестовалъ противъ этого. Въ запискѣ отъ 21-го ноября 1831 г. онъ писалъ правителю канцеляріи Главнаго управленія, Комовскому: «мнѣ помнится, что мы положили запретить «*Peau de chagrin*». Между тѣмъ я узналъ, что мы дозволили другой романъ, гораздо хуже перваго, въ которомъ, какъ я его нынѣ пробѣгалъ, ничего нѣтъ революціоннаго, безбожнаго или слишкомъ скромнаго. Итакъ, прошу удержаться вносить эту статью до будущаго засѣданія». Въ слѣдующемъ же засѣданіи, Главное управленіе согласилось съ Оленинымъ, и романъ Бальзака былъ пропущенъ. Въ заключеніе этого періода, любопытно привести три слѣдующіе факта: первый тотъ, что въ февралѣ 1831 г. запрещена высшею цензурою назначенная для «С.-Петербургскаго Вѣстника» статья объ игрѣ актеровъ въ знаменитой

комедіи «Горе отъ ума» на томъ основаніи, что «рукопись этой комедіи еще не напечатана и составляетъ частную собственность», а между тѣмъ въ Главное управленіе тѣтено поступали просьбы о напечатаніи «Горе отъ ума», и даже самъ цензоръ Сенковскій представлялъ (въ февралѣ 1831 г.) о возможности напечатать ее не только въ томъ видѣ, какъ она дается на театрѣ, но даже вполнѣ. Главное управленіе отклоняло и то и другое подъ разными предлогами. Второй фактъ тотъ, что одинъ изъ членовъ Главнаго управленія цензуры, дѣйствительный статскій совѣтникъ Катакази, предложилъ въ декабрѣ 1831 г., по указанію книгопродавцевъ, чтобы впредь не вырѣзывали, а вымарывали въ иностранныхъ книгахъ тѣ мѣста, которыя сочтено было невозможнымъ пропустить въ публику. Предложеніе было принято, и съ тѣхъ поръ положенъ (по крайней мѣрѣ отчасти) конецъ тѣмъ безобразнымъ операціямъ, которыя совершались дотолѣ надъ печатными книгами. Третій фактъ состоялъ въ томъ, что когда въ февралѣ 1833 г., незадолго до выхода князя Ливена изъ министерства, пасторъ Асмуть просилъ о дозволеніи издавать на ревельско-эстонскомъ нарѣчій журналъ подъ названіемъ «Извѣстія изъ царства Божія», и просьба эта, по закону, представлена была на высочайшее воззрѣніе, то императоръ Николай написалъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ слѣдующую резолюцію: «Не вижу въ семъ никакой пользы, а названіе журнала нахожу даже совершенно неприличнымъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ моихъ воспоминаній о жизни въ Варшавѣ въ 60-хъ годахъ.

(По поводу записокъ Паткуль).

Въ 1865 году въ июнѣ мѣсяцѣ я былъ произведенъ изъ Воронежскаго кадетскаго корпуса въ корнеты Елизаветградскаго гусарскаго полка. По обычаю того времени передъ выпускомъ изъ корпуса намъ предлагали записаться въ одинъ изъ трехъ полковъ по нашему выбору. Зная, что моя матушка можетъ мнѣ давать въ годъ отъ 500—600 рублей, я записался въ три драгунскихъ полка, выбравъ тѣ, которые расположены были ближе къ нашему имѣнью.

Но, не взирая на это, я былъ назначенъ въ Елизаветградскій гусарскій полкъ, расположенный въ то время въ Конинѣ Калишской губерніи. Это было въ самый разгаръ польскаго возстанія, и, очевидно, начальство имѣло въ виду пополненіе офицерскаго состава въ полкахъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ.

Приѣхавъ въ отпускъ къ матушкѣ въ ея имѣніе, я засталъ тамъ старшаго брата, офицера лейбъ-гвардіи Уланскаго его величества полка, находившагося по болѣзни въ одиннадцати-мѣсячномъ отпуску. Между тѣмъ во время нахождения его въ отпуску уланы его величества были переведены изъ Новгородской губерніи въ Варшаву, и намъ обоимъ пришлось ѣхать вмѣстѣ въ царство Польское. Мою мать и брата осѣнила мысль о прикомандированіи моемъ для совмѣстнаго служенія съ братомъ, смотрѣвшимъ тогда уже въ эскадронные командиры, къ Уланскому его величества полку. Матушка говорила, что я очень молодъ, и что мнѣ легче будетъ начать свою службу подъ руководствомъ старшаго

брата и что намъ, какъ людямъ не богатымъ, дешевле будетъ стоять совмѣстная жизнь. Жалованье въ то время корнеты получали—279 руб. въ годъ, а при 500—600 рубляхъ изъ дому, и совершенно не зная счета денегъ, я считалъ себя чуть не Крезомъ. Увы!! Какъ скоро я въ этомъ разочаровался!

Мы пріѣхали въ Варшаву въ началѣ августа 1863 года. Благодаря содѣйствію генерала барона Стюрлера, состоявшаго въ то время при великомъ князѣ—намѣстникѣ Константинѣ Николаевичѣ, мое прикомандированіе къ Уланскому его величества полку, который незадолго передъ тѣмъ сданъ былъ барономъ Стюрлеромъ графу Крейцу, состоялось очень скоро, такъ что я въ Елизаветградскій полкъ вовсе не являлся и представлялся командиру полка Фелькерзаму.

Свободныхъ квартиръ въ казармахъ лейбъ-гвардіи Уланскаго его величества полка въ то время не оказалось, и мы съ братомъ наняли квартиру въ Варшавѣ на Журавой улицѣ.

Непривлекательна была жизнь офицеровъ: въ то время офицерскаго собранія не существовало вовсе. Была скромная столовая, и при ней маленькая читальная комната; но кухня была ниже всякой критики, такъ что приходилось послѣ утреннихъ занятій въ полку торопиться въ городъ, гдѣ можно было бы хорошо поѣсть; но это обходилось дорого. Большимъ удовольствіемъ для офицеровъ были прогулки въ Лазенковскомъ паркѣ, Ботаническомъ и Саксонскомъ садахъ. Но знакомствъ въ семейныхъ домахъ заводить было почти невозможно: польское общество отъ насъ совсѣмъ отворачивалось. Говорили, что въ провинціальныхъ городахъ польское общество допускало въ свои дома офицеровъ, но приемы эти дѣлались или по какимъ-либо соображеніямъ съ цѣлью эксплуатаціи знакомствъ съ офицерами, или же въ видахъ матримоніальныхъ, такъ какъ небогатая шляхта, или чиновничество не прочь были выдать смазливенькую паненку за пана-офицера. Русскихъ чиновниковъ тогда въ Варшавѣ было очень мало и только съ 1866 года, т. е. со времени введенія въ царствѣ Польскомъ реформъ по гражданскому вѣдомству, въ Варшавѣ появились русскія семьи. Жены офицеровъ гвардейскаго отряда, прибывшаго въ Варшаву въ 1862 году, оставались по большей части еще на прежнихъ мѣстахъ, во-первыхъ, по затруднительности переѣзда, а, во вторыхъ, потому, что возстаніе было еще въ полномъ разгарѣ, а въ самой Варшавѣ происходили время отъ время жуткія, кровавыя событія. По неволѣ офицерамъ приходилось вести жизнь бульварную и ресторанныю. Но безцѣльное шатаніе по садамъ, да посѣщенія кондитерскихъ съ ихъ неизбѣжными бильярдами, наводили страшную тоску. Были, правда, театры; но опера въ то время, исключительно польская, была поставлена крайне неудовлетворительно.

Балетъ не имѣлъ замѣтныхъ балеринъ, но кордебалетъ былъ очень

не дуренъ. За то драматическій театръ былъ вполне хорошъ, такъ какъ въ то время на немъ подвизались такіе корифеи, какъ Жуковскій, Крулковскій, Рапацкій, Моджеевская, Бакаловичъ и Попель. Не зная хорошо польскаго языка, офицеры чаще всего посѣщали балетъ и по принятому обычаю занимали мѣста только въ первыхъ рядахъ креселъ, а потому частыя посѣщенія театровъ обходились дорого и для очень многихъ были недоступны. Слѣдовательно, молодежь всё-таки принуждена была вращаться въ общественныхъ садахъ да усердно посѣщать цукерни.

Хотѣлось бы душу отвести въ хорошемъ семейномъ домѣ, но такового у меня не было, а я очень любилъ общество. Хотя воспитывался въ закрытомъ учебномъ заведеніи, но ѣзжалъ въ отпускъ къ матушкѣ, гдѣ былъ окруженъ многочисленной и веселой семьей. Въ сосѣдствѣ было много помѣщиковъ, отчасти родственниковъ, отчасти хорошихъ знакомыхъ и друзей, которые усердно навѣщали насъ, а мы ихъ и весело проводили время. Кромѣ того, и въ корпусѣ въ старшихъ классахъ я имѣлъ возможность вращаться въ обществѣ. Незабвенный нашъ директоръ корпуса Александръ Ивановичъ Ватаца меня очень ласкалъ, бралъ къ себѣ въ отпускъ, и онъ и его супруга относились ко мнѣ, какъ родные. У нихъ всегда можно было встрѣтить хорошее общество. Тогдашній губернаторъ Михаилъ Ивановичъ Чертковъ постоянно приглашалъ къ себѣ и въ Дворянское собраніе кадетъ хоронихъ танцоровъ, и мы имѣли возможность пріобрѣтать новыя знакомства и бывать во многихъ семейныхъ домахъ.

Въ то время въ Варшавѣ было много русскихъ семей, но это были все варшавскіе старожилы, которые, вслѣдствіе продолжительнаго общенія съ польскою аристократіей, не очень были расположены близко сходитья съ прибывающими изъ внутреннихъ губерній русскими. Семьи эти держали себя крайне чопорно и недоступно. Наконецъ, счастье мнѣ улыбнулось. Въ С.-Петербургскомъ гренадерскомъ полку, входившемъ въ составъ гвардейскаго корпуса, было нѣсколько моихъ товарищей по выпуску. Полкомъ этимъ командовалъ Павелъ Петровичъ Карцовъ. Онъ и его супруга Александра Петровна (рожденная Чайковская) были страстными театрами. Они постоянно устраивали любительскіе спектакли и у себя въ полку и впоследствии въ русскомъ собраніи. Мои товарищи рекомендовали Карцовымъ меня, какъ отличавшагося еще въ Воронежскомъ корпусѣ игрою на любительскихъ спектакляхъ. Благодаря этому я сталъ бывать у Карцовыхъ, участвуя въ спектакляхъ. Карцовы оказались радушными, обходительными людьми, у которыхъ въ ихъ громадной квартирѣ, въ Сапезинскихъ казармахъ, всегда можно было найти большое общество. Тамъ бывали офицеры разныхъ полковъ и масса лицъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ.

Непринужденность и веселье всегда поддерживались радушными хозяевами. Пользуясь этимъ знакомствомъ, да еще постоянно участвуя въ любимомъ моемъ развлеченіи, любительскихъ спектакляхъ, я ожилъ душой, освѣжился, чувствуя себя какъ нельзя лучше.

Такъ продолжалось года два.

П. П. Карцовъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи и перѣхалъ съ семьей въ Радомъ. Для меня опять начались безцѣльныя шатаванья по садамъ, ресторанамъ, да изрѣдка посѣщеніе театра. Въ концѣ концовъ я сталъ опасаться, что совсѣмъ отвыкну отъ общества и окончательно одичаю. Значительно развлекала меня охота съ собакой. Я былъ страстнымъ охотникомъ; а въ то время нашему брату офицеру почти не было запрета охотиться во всехъ окрестностяхъ Варшавы, и я скитался по полямъ очень усердно.

Такъ тянулось время до 1866 года. Въ царствѣ Польскомъ начали вводить реформы по разнымъ отраслямъ гражданскаго управленія. Стало появляться много русскихъ чиновниковъ съ семьями. Устроился и Русскій клубъ въ домѣ Замойскаго, который былъ конфискованъ послѣ покушенія на графа Берга.

Въ 1866 году я былъ переведенъ въ лейбъ-гвар. Уланскій его величества полкъ, но, къ своему крайнему огорченію, недостатокъ матеріальнаго обезпеченія съ одной стороны, а съ другой слабое здоровье, заставили меня скоро выдти въ отставку, но къ счастью я получилъ должность въ самой же Варшавѣ, дававшую мнѣ весьма приличное содержаніе.

Осенью 1865 года въ Русскомъ собраніи начались балы. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, войдя въ залъ, я увидѣлъ въ небольшомъ кружкѣ дамъ,—женщину большаго роста, пожилую, красивую собой и прекрасно сохранившуюся. Одѣта она была нарядно, но безъ излишнихъ украшеній. Всѣ ея движенія, манеры были полны достоинства и спокойствія. Выраженіе лица было самоувѣренно-спокойно и нѣсколько горделивое. Но, при всемъ этомъ, какъ ея манеры, такъ и выраженіе лица были необыкновенно естественны, такъ что, при самомъ внимательномъ наблюденіи, въ немъ невозможно было замѣтить ничего дѣланнаго, натянутаго. Дама эта производила большое впечатлѣніе и невольно привлекала къ себѣ. Вскорѣ ко мнѣ подошелъ мой бывшій товарищъ по лейбъ-гвар. Уланскому полку и предложилъ мнѣ быть представленнымъ нѣкоторымъ дамамъ и барышнямъ. Между прочимъ онъ представилъ меня, заранѣе спросивъ на то разрѣшеніе, и m-lle Паткуль.

Послѣ тура вальса и короткаго разговора m-lle Паткуль сказала мнѣ:

— Пойдемте, я васъ представляю моей мамѣ.

Я слѣдовалъ за ней, а она шла прямо къ той дамѣ, которая ме-

ня поразила при входѣ въ залъ. Признаюсь, чувство не то что робости, а какъ бы нѣкотораго смущенія овладѣло мною въ то время, когда меня представляли. Но при первыхъ же звукахъ голоса м-те Паткуль я уже совсѣмъ успокоился, и поддаваясь чарующей привѣтливости и непринужденности, незамѣтно проговорилъ съ нею долѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ при первомъ знакомствѣ. Она просила меня бывать у нихъ. Былъ я въ тотъ же вечеръ представляемъ и воспитанницѣ м-те Паткуль Августинѣ Ивановнѣ Лявдрось.

На другой же день отправился къ нимъ. Они занимали громадную квартиру въ томъ же домѣ Замоискаго, только въ другомъ дворѣ.

Я былъ принятъ просто, любезно и тотчасъ, завязался непринужденный разговоръ.

— Пойдемте я васъ познакомя съ мужемъ!—сказала Марія Александровна,—и ввела меня въ кабинетъ, гдѣ и представила Александру Владиміровичу Паткуль.

Когда я откланивался, Марія Александровна просто и любезно сказала:

— Пожалуйста, посѣщайте насъ запросто. Не ожидайте особыхъ приглашеній,—исключая экстренныхъ случаевъ. Мы особыхъ пріемовъ не дѣлаемъ, но очень любимъ, когда насъ посѣщаютъ запросто, не ожидая приглашеній. Сами мы рѣдко бываемъ въ гостяхъ и, во всякомъ случаѣ, кто-нибудь изъ семьи находится дома. По вечерамъ вы можете быть увѣрены, что найдете у насъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Будемъ очень рады, если вамъ понравится бывать у насъ, а мѣриломъ этого будетъ ваше частое посѣщеніе нашего дома.

Я не только не могъ отказать себѣ въ удовольствіи часто бывать у Паткуль, но положительно сталъ ощущать въ этомъ непреодолимую потребность. Да и не я одинъ получилъ такую привязанность и влеченіе къ этой превосходной семьѣ.

Жили они просто, никакихъ роскошей себѣ не позволяли, а между тѣмъ я не помню случая, чтобы, зайдя къ Паткуль, я не нашелъ тамъ нѣсколько человѣкъ гостей.

Причиной этому было все то же радушіе хозяевъ, все та же безыскусственная любезность, съ которыми они безразлично относились ко всѣмъ, какъ высокопоставленнымъ, такъ и къ мелкимъ сошкамъ, какъ къ старикамъ, такъ и къ молодымъ людямъ.

Время проводилось въ домѣ Паткуль очень разнообразно. Пѣли, играли на роялѣ, часто устраивались танцы, чтенія и любительскіе спектакли.

По временамъ устраивались чуть не форменные концертные вечера.

Знакомства и связи Паткуль были громадны. Въ Варшавѣ, гдѣ

Паткуль командовалъ дивизіей, его постоянно навѣщали всевозможные высокопоставленные сановники, которымъ приходилось бывать въ Варшавѣ.

Случалось мнѣ видѣть Марію Александровну на парадныхъ балахъ у графа Берга въ замкѣ, гдѣ бывали сливки польской аристократіи и высшее русское общество.

Интересно было наблюдать дамъ, когда съ ними заговаривалъ графъ Бергъ. Польки-аристократки неизмѣнно сохраняли жеманно-горделивый видъ и, послѣ разговора съ графомъ, надменно обводили глазами публику. Ихъ вѣчно натянутыя манеры производили непріятное впечатлѣніе. Русскія дамы, за немногимъ исключеніемъ, казались совершенно очастливленными обращеніемъ съ ними графа-намѣстника. Совсѣмъ иначе держала себя Марія Александровна Паткуль. Отвѣчая на любезное обращеніе къ ней графа-намѣстника съ почитательною привѣтливостію, она сохраняла полное достоинство; но все это было у нея необыкновенно естественно, такъ что не выдержка виднѣлась въ этомъ, а просто вкоренившаяся съ малолѣтства привычка къ такому тону.

Домъ Паткуль, вся ихъ семья были не только безконечно симпатичны, но и дороги тѣмъ, кто у нихъ бывалъ и пользовался ихъ вниманіемъ и лаской.

Скажу болѣе, для молодыхъ людей, знакомство съ семьей Паткуль имѣло даже воспитательное значеніе, особенно на чужбинѣ, каковой была для насъ Варшава. Въ семьѣ Паткуль мы отдыхали душой. Проводя вечеръ въ этомъ домѣ, каждый находилъ нравственное удовлетвореніе и переставалъ чувствовать вкусъ къ бурнымъ, беспорядочнымъ развлеченіямъ. Я знавалъ такихъ молодыхъ людей, которые имѣли довольно дурныя наклонности, но, попавъ въ домъ Паткуль, совершенно измѣняли свои вкусы и становились вполне людьми общества.

Вотъ почему и теперь, если встрѣтишься со старыми знакомыми, бывавшими со мной въ домѣ Паткуль, невольно вспоминаешь тогдашнее житье-бытье и съ безграничной благодарностью вспоминаешь эту достойную семью.

С. фонъ-Дерфельденъ.

Письма императрицы Маріи Феодоровны
къ великимъ князьямъ
Николаю и Михаилу Павловичамъ¹⁾.

Num. 14.

Ce 29 Mai 1815. Samedi.

Voici deux mots par la poste, mes bons amis, pour vous dire le bonjour et me rappeler à votre souvenir, car je crains que vu toutes les distractions qui vous entoureront vous aurez peu de moments à donner à nous autres. Il fait un temps des dieux, et nous avons passé immédiatement de la gelée aux chaleurs des canicules. J'ai monté à cheval ce matin, et ma bête m'a fait grand plaisir, car elle allait à merveille; j'ai vu avant-hier votre joli cheval, cher Nicoche, et Witte m'en a dit grand bien. La soirée d'hier s'est passée à nous promener en ligne, la chaleur étant extrême, et nous avons soupé au Pavillon des roses; le comte Miloradovitch était notre seul cavalier, et Nélédinski: le premier nous quitte ce soir, les régiments partant demain: ce sont les chevaliers-gardes et le régiment Araktchéief. J'ai dit hier à la comtesse Orlof que je vous avais fait ses compliments; elle m'a parlé de vous avec bien de l'intérêt; c'est une bien aimable personne qui gagne de plus en plus à être connue: elle a un comme-il-faut qui captive. Rien au monde à vous mander du reste, mes bons amis: je vous ai écrit hier soir par le fils de Villamof. Il me paraît que quand vous n'êtes pas avec nous, tout est mort autour de nous: rien n'est animé, et mon petit jardin surtout; mes appartements,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, декабрь 1902 г.

où je distinguais si bien vos voix, surtout celle du patriarche, me donnent mille souvenirs qui me vont au cœur. Enfin cet heureux temps reviendra, s'il plaît à Dieu, et nous en jouirons alors avec d'autant plus de bonheur que nous oserons espérer que la paix sera établie solidement. Adieu, chers et bons enfants, je vous embrasse de tout, tout mon cœur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf et mes compliments à vos messieurs. Dites au bon Rühl que j'ai commencé le petit-lait aujourd'hui.

29-го мая 1815 г., суббота.

(Переводъ). Пишу вамъ нѣсколько словъ по почтѣ, добрые друзья мои, чтобы привѣтствовать васъ и напомнить о себѣ, такъ какъ я боюсь, что правозможныхъ развлеченійхъ, коими вы окружены, у васъ найдется не много свободныхъ минутъ для насъ. Погода стоитъ божественная; послѣ морозовъ у насъ сразу наступили чисто лѣтнія жары. Я каталась сегодня утромъ верхомъ и была очень довольна своей лошадыю, такъ какъ она скакала превосходно. Я видала третьяго дня вашу хорошенькую лошадку, дорогой Никошъ. Виттъ очень хвалилъ мнѣ ее. Вчера вечеромъ мы катались въ линейкахъ, было очень жарко, и мы ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Единственными нашими кавалерами были гр. Милорадовичъ и Нелединскій: первый покидаетъ насъ сегодня вечеромъ, такъ какъ кавалергарды и полкъ Аракчеева выступаютъ завтра. Я сказала вчера графинѣ Орловой, что я передала вамъ ея поклонъ. Она говорила о васъ съ большимъ участіемъ. Это прелестная особа, которую цѣнишь все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ узнаешь ее ближе; въ ней есть какое-то благородство, которое плѣняетъ. Впрочемъ, добрые друзья мои, я не имѣю ничего сообщить вамъ: я писала вамъ вчера вечеромъ съ сыномъ Вилламова. Когда васъ нѣтъ съ нами, все вокругъ насъ кажется мнѣ мертвымъ: ничто не оживлено, въ особенности мой садикъ и мои комнаты, гдѣ мнѣ такъ и слышатся ваши голоса, въ особенности голосъ патріарха; они вызываютъ во мнѣ тысячу воспоминаній, которыя трогаютъ меня до глубины души. Но, Богъ дастъ, это счастливое время вернется, и мы будемъ наслаждаться имъ съ тѣмъ большимъ восторгомъ, что у насъ будетъ надежда на прочный миръ. Прощайте, добрыя и дорогія дѣти мои, цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Передайте сердечный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Скажите доброму Рюлю, что я начала сегодня пить сыворотку.

Num. 15.

Ce Dimanche, 30 Mai 1815.

J'ai beaucoup à vous mander ce soir, mes chers et bons amis, mais en premier lieu laissez moi vous embrasser et vous presser contre mon cœur. J'ai prié Dieu pour vous avec ardeur à la messe; toutes mes pensées sont tournées vers vous, et je vous avoue que bien souvent dans la journée les larmes m'ont sauté aux yeux à votre souvenir. Ma lettre d'hier est partie par la poste. La soirée n'a rien offert d'intéressant. Le comte Litta et M-r Willey (?) ont été des nôtres; nous nous sommes promenés à pied et avons soupé au Pavillon des roses. Pour la matinée d'aujourd'hui nous l'avons commencée à aller, la comtesse, Annette, Auguste et moi, au Pavillon d'Élisabeth, où nous avons déjeuné et jασé en portant nos pensées sur le présent et l'avenir. Il m'est arrivé beaucoup de monde pour la messe et davantage encore pour le dîner: j'ai vu le prince Lopukin, M-r Popof, Chischkof, Mordwinof, le marquis de Traversé; Uvarof et sa femme, Betencourt et sa famille, Tufäkin père et fils, Adodourof, Donaourof, Démidof et sa femme, le prince Galitzin, Olénin; en généraux M-r d'Arak-tchéief, Potemkin, Chrapowitzki, Bistrom, Knägenin, Richter, Tschalikof, Dépréradovitsch, Rosen, un général Lövenstern, d'artillerie, et M-r de Taube de l'artillerie. Mes enfants, que j'ai pensé à vous! j'ai distribué vos compliments. Chrapovitzki prend sa femme avec lui: il se porte bien et a bonne mine; Taube m'a remis le paquet ci-joint pour vous, cher Michel, et m'a beaucoup parlé de vous. Je verrai encore ces messieurs; mais j'ai pris congé après le dîner dans ma chambre de Tschalikof, de Bistrom, de Richter, de Knägnin; les trois premiers, surtout Bistrom, étaient très émus, et j'avoue qu'étant moi-même peinée de ce congé, son émotion m'a beaucoup touchée. Le régiment des chevaliers-gardes a quitté la ville et est arrivé à sa première couchée à Czarskoe Sélo: demain ils seront à Gatschina et y resteront une journée. Le g(énéral) Dépréradovitsch m'a conté un accident fächeux arrivé à un de mes anciens pages, M-r Ivaschin, qui ce matin au Te Deum en tirant son épée eut son cheval effarouché qui le jeta à bas, et il se cassa le bras. Il m'a assuré cependant que d'après les nouvelles qu'il en avait reçues il n'y avait pas de danger, mais c'est déjà la seconde fois que ce pauvre jeune homme a eu ce malheur; sa mère est en ville et très malade, Dépréradovitch était aussi inquiet pour elle. Le pauvre Anrep est venu dire adieu à sa soeur, je l'ai fait dîner chez moi. Pour la soirée tous les militaires et grands seigneurs m'ont quittée, il ne nous reste que Potemkin. J'ai oublié de vous nommer encore au nombre des personnes qui me sont arrivés Sabloukof et sa fille, Mitusof et Chakofskoi; vous voyez, mes bons amis, que nous étions grande

société, comme vous aimiez à la voir à Pawlowsk. Toute cette semaine sera consacrée aux adieux. Je ne sais si je vous ai déjà conté, mes enfants, qu'il ne reste pas un des vieux chasseurs de la garde en arrière, pas même celui qui était destiné au nombre des 12 que je veux prendre chez moi des invalides de la garde; il a dit à Bistrom qu'il voulait venir chez moi après la guerre, mais que présentement il fallait marcher; j'ai prié Sipiaguine de lui dire qu'alors il recevra la double paye chez moi. Tous les 39.000 hommes qui passent par mes terres recevront de moi pour les trois jours trois livres de viande et trois portions d'eau-de-vie: ils ont désiré le recevoir en argent, disant qu'alors au lieu de manger cela dans 3 jours ils en auraient pour six: j'ai rempli leurs désirs. Messieurs les officiers et généraux sont nourris et défrayés de même à mes frais; j'espère qu'ils seront bien et que tout sera en ordre, car j'ai prié le bon comte Tolstoi de faire les arrangements nécessaires pour cela. Votre cuisinier est retourné, mes chers enfants, je l'ai vu aujourd'hui, lui ai fait vos remerciements et lui ai fait mon présent en argent et j'ai ajouté en sus une montre. Nous avons passé l'après-dîner à examiner le beau monument persan de M-r Usley qui m'a beaucoup intéressée et qui est véritablement une belle chose par la finesse du dessin et son admirable exécution. Pour la soirée nous avons fait un tour en ligne, mais il faisait tant de poussière, que j'ai abrégé la promenade. Nous avons soupé au Pavillon des roses: mais, chers amis, que ce Pavillon des roses me paraît changé, il n'a plus l'agrément à mes yeux qui l'embellissait l'année passée, l'espoir d'y voir et d'y fêter notre cher Alexandre, de vous y voir, mes bons amis, partager mon bonheur de la fin de la guerre et de votre heureux retour à vous tous. Enfin les décrets de la Providence sont impénétrables, et nous pauvres faibles humains, nous ne devons pas nous permettre de les juger, mais nous soumettre à Sa sainte volonté: c'est la grâce que je demande journellement à l'Être suprême de m'accorder. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Ce Lundi, 31 Mai.

Je n'ai pas monté à cheval, mes chers enfants, parce que c'est jour de courrier, et qu'ainsi il faut avoir la plume à la main. J'ai été un instant au Pavillon des roses, la salle s'achemine à la fin; elle sera plus jolie et plus fraîche qu'elle ne l'était l'année passée, car tout sera bien placé, et tout est bien raccommoé et rafraîchi; mon jardin s'embellit par la verdure, mais je vous avoue que je suis tout étonnée de m'y trouver, d'en jouir sans pour ainsi dire m'en occuper, car mes pensées sont au bord du Rhin. Cher Nicoche, j'ai rêvé de vous cette nuit, un rêve qu'on me dit être de la plus heureuse augure pour vous: quoique je tâche de n'être pas superstitieuse, je veux croire à cette explication parce qu'on

vous prédit du bonheur! J'espère qu'il sera votre partage, Nicoche, tant comme le vôtre, cher Michel, car jamais mon coeur ne séparera ces deux chers êtres; mes sentiments pour vous sont si bien confondus, qu'en pensant à l'un, en m'occupant de l'un, je pense et m'occupe en même temps de l'autre. Adieu, mes chers enfants. Tous les habitués me chargent de mille choses pour vous. Remettez les incluses à papa Lamsdorf en l'embrassant en mon nom. Mes compliments à vos messieurs. Le g(énéral) Akverdof est des nôtres depuis avant-hier: il a dîné hier chez moi. Adieu, mes bons amis, toute à vous de coeur et d'âme. Je vous donne mille bénédictions.

Marie.

Воскресенье, 30-го мая 1815 г.

(Переводъ). Я имѣю многое сообщить вамъ сегодня вечеромъ, добрые и дорогіе друзья мои; но прежде всего дайте мнѣ обнять васъ и прижать къ моему сердцу. Я горячо молилась за васъ за обѣдней, мысленно была съ вами, и, признаюсь, при воспоминаніи о васъ, слезы не разъ навертывались у меня сегодня на глаза. Мое вчерашнее письмо отправлено по почтѣ. Вечеромъ не было ничего интереснаго. У насъ были гр. Литта и Вилліе (?), мы гуляли пѣшкомъ и ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Сегодня утромъ графиня, Аннета, Августъ и я отправились прежде всего въ Елисаветинскій павильонъ, гдѣ мы позавтракали и поболтали, думая о настоящемъ и о будущемъ.—У меня было много гостей за обѣдней и еще больше къ обѣду. Я видѣла князя Лопухина, г. Попова, Шишкова, Мордвинова, маркиза де-Траверсе; Уварова и его жену, Бетанкура съ его семействомъ, Тюфякиныхъ отца и сына, Адодурова, Донаурова, Демидова и его жену, князя Голицына, Оленина; изъ генераловъ: гг. Аракчеева, Потемкина, Храповицкаго, Бистрома, Княжнина, Рихтера, Чаликова, Депрерадовича, Розена, артиллерійскаго генерала Левенштерна, артиллериста Таубе.—Дѣти мои, какъ много я думала о васъ! Я передала ваши поклоны. Храповицкій беретъ съ собою жену; онъ здоровъ и имѣетъ прекрасный видъ; Таубе передалъ мнѣ прилагаемый при семъ пакетъ для васъ, дорогой Михаилъ, и много говорилъ о васъ. Я еще увижу этихъ господъ, но я простилась послѣ обѣда у себя въ комнатѣ съ Чаликовымъ, Бистромомъ, Рихтеромъ, Княжниннымъ; три первые были очень взволнованы, Бистромъ въ особенности. Такъ какъ меня самою очень огорчаетъ эта разлука, то, признаюсь, я была весьма тронута его волненіемъ. Кавалергардскій полкъ выступилъ изъ столицы и прибылъ на первый ночлегъ въ Царское Село. Завтра они будутъ въ Гатчино и проведутъ тамъ день.

Генераль Депрерадовичъ разсказаль мнѣ о прискорбномъ случаѣ съ однимъ изъ моихъ бывшихъ пажей, Ивашевымъ. Сегодня утромъ, во время молебствія, его лошадь испугалась въ то время, когда онъ обнажилъ саблю, сбросила его на землю, и онъ сломаль себѣ руку. Депрерадовичъ увѣряль меня однако, что опасности, какъ ему сообщили, нѣтъ; этого молодого человѣка второй разъ постигаетъ подобное несчастье; его мать въ городѣ опасно больна, Депрерадовичъ очень беспокоится и за нее. Бѣдный Анрепъ пріѣзжалъ проститься со своей сестрою; я оставила его обѣдать. Подъ вечеръ всѣ военные и придворные разъѣхались, съ нами остался только Потемкинъ. Я забыла назвать вамъ еще нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ у меня: Саблукова съ дочерью, Митусова и Шаховскаго. Какъ видите, добрые друзья мои, у меня собралось большое общество, какъ вы это любили въ Павловскѣ. Вся эта недѣля будетъ посвящена прощаньямъ. Не знаю, говорила ли я уже вамъ, дѣти мои, что вы одинъ изъ старыхъ егерей не остается тутъ, даже и тотъ, котораго я хотѣла взять къ себѣ въ числѣ 12 изъ инвалидовъ гвардіи. Онъ сказаль Бистрому, что хочеть поступить ко мнѣ послѣ войны, но что въ настоящее время онъ долженъ итти въ походъ. Я просила Сипягина сказать ему, что онъ получитъ тогда отъ меня двойное жалованье; всѣ 39.000 человѣкъ, которые пройдутъ по моимъ владѣніямъ, получатъ отъ меня на три дня по три фунта мяса и три чарки водки. Они пожелали получить это деньгами, говоря, что имъ хватить этого такимъ образомъ не на 3 дня, а на 6. Я исполнила ихъ желаніе. Господа офицеры и генералы будутъ также на моемъ иждивеніи; надѣюсь, что имъ будетъ хорошо и что во всемъ будетъ соблюденъ порядокъ, такъ какъ я просила добраго графа Толстаго сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія. Вашъ поваръ вернулся, дорогія дѣти мои. Я видѣла его сегодня, поблагодарила его и дала ему денегъ и сверхъ того подарила ему часы. Послѣ полудня мы осматривали прекрасный персидскій памятникъ г. Услея, который чрезвычайно заинтересоваль меня; по тонкости рисунка и великолѣпному выполненію, это по истинѣ превосходная вещь. Вечеромъ мы совершили прогулку въ ливейкѣ, но было дотога пыльно, что я сократила прогулку; мы ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Но, дорогіе друзья мои, какъ этотъ павильонъ измѣнился: въ моихъ глазахъ онъ не имѣеть уже того очарованія, какъ въ прошломъ году, когда ему придавала особую прелесть надежда видѣть въ немъ нашего дорогаго Александра и привѣтствовать его, надежда видѣть тамъ васъ, мои добрые друзья, раздѣлять вашу радость по случаю окончанія войны и благополучнаго всехъ васъ возвращенія. Но пути Господни неисповѣдны, и мы, слабые смертныя, не должны позволять себѣ судить о нихъ; мы должны только покоряться Его святой волѣ: и я молю ежедневно Создателя даровать мнѣ эту ми-

лость. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе.

31-го мая. Понедѣльникъ.

Я не каталась верхомъ, дорогія дѣти; такъ какъ сегодня отправляется курьеръ, поэтому нужно сидѣть съ перомъ въ рукахъ. Я была на минуту въ Розовомъ павильонѣ; отдѣлка зала наконецъ подвинулась впередъ; оно будетъ красивѣе и свѣжѣе прошлогодняго, такъ какъ все будетъ установлено какъ слѣдуетъ и все починено и обновлено. Мой садъ украсился зеленью, но, признаюсь вамъ, меня какъ-то удивляетъ сознаніе, что я нахожусь въ немъ и наслаждаюсь имъ, такъ сказать, совершенно имъ не занимаясь, ибо всѣ мои мысли на берегахъ Рейна. Дорогой Никошъ, я видѣла васъ сегодня во снѣ; я видѣла сонъ, который можно принять, какъ мнѣ сказали, за самое лучшее предзнаменованіе для васъ. Хотя я стараюсь не быть суевѣрной, но готова повѣрить этому объясненію, такъ какъ вамъ предвѣщаютъ счастье! Надѣюсь, что оно будетъ вашимъ удѣломъ, Никошъ, равно какъ и вашимъ, дорогой Михаилъ, ибо мое сердце никогда не разъединяетъ этихъ двухъ дорогихъ существъ; мои чувства къ вамъ такъ слились, что, думая и заботясь объ одномъ, я думаю вмѣстѣ съ тѣмъ и забочусь и о другомъ. Прощайте, дорогія дѣти мои. Всѣ наши завсегдатаи поручили мнѣ передать вамъ ихъ привѣтъ. Передайте прилагаемыя при семъ письма папашѣ Ламсдорфу и обнимите его за меня. Мой поклонъ вашимъ кавалерамъ. Генералъ Ахвердовъ пріѣхалъ сюда третьяго дня; онъ обѣдалъ вчера у меня. Прощайте, добрые друзья мои, ваша душою и сердцемъ; тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Num. 15 a.

Ce 1 Juin 1815. Pawlovsk.

Je vous écris, mes bons amis, après une promenade charmante que je viens de faire avec Annette et la comtesse Orlof; nous sommes sorties à cheval, quoique le temps fût des plus désagréables, car le vent et le froid étaient sensibles comme au mois de Septembre; mais ayant beaucoup trotté et le soleil paraissant, nous avons réussi à avoir chaud. J'ai regretté, mes amis, que vous ne fussiez pas des nôtres; cela vous aurait fait plaisir, et certainement vos chevaux auraient fait quelques bonnes lançades. La comtesse Orlof montait un cheval noir charmant; elle est à peindre à cheval, c'est une bien aimable personne sous tous les rapports, et je regrette beaucoup de la voir sur son départ. Elle est d'une société des plus agréables, je désirerais qu'elle puisse se fixer chez nous pour toujours. La soirée d'hier a été très

*

agréable, nous sommes rentrés de la promenade, le vent étant froid, nous avons fait une partie de macao, et Kurakin était de belle humeur. J'ai fait une fortune immense, cela excita notre bon «Такъ такъ», mais dès longtemps je ne l'ai vu si bien disposé. Aujourd'hui je donne mon dîner d'adieu à nos messieurs les officiers d'hussards qui ont tenu la garde ici; ils partent après-demain: que Dieu les conduise; il est impossible de tenir une meilleure discipline. Усенки кой черненки est un bon enfant, c'est dommage qu'il ait des manières singulières; il paraît au regret de partir. On me flatte de l'espoir de revoir le comte Miloradovitsch aujourd'hui, j'en suis charmée, car on n'est pas meilleur que lui. S'il nous arrive aujourd'hui, je le ferai monter à cheval demain avec nous: cela le rendra très heureux. La comtesse Orlof m'a dit aujourd'hui, qu'Alexei Orlof est parti pour le quartier général, l'empereur a daigné le lui permettre de la manière la plus gracieuse; elle en est bien contente.

Je me flatte, mes bons amis, de recevoir de vos nouvelles aujourd'hui, il y a 8 jours des dernières, cependant je n'ose y compter avec sécurité, car il se peut que vous soyez arrivés à Berlin et que la poste ne parte pas ces jours, mais enfin il se peut que l'hasard me favorise; et je veux y croire le plus longtemps possible. Adieu, chers et bons enfants, je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous aime bien tendrement. Que Dieu vous conserve et vous ramène dans mes bras, les mêmes comme vous étiez à votre départ sous le rapport des principes, de la conduite, des moeurs, mais plus dignes encore d'estime par votre manière de vous montrer à l'armée, et tous mes vœux seront comblés. Je vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf et bien des compliments à tous vos messieurs.

1-го іюня 1815 г. Павловскъ.

(Переводъ). Пишу вамъ, добрые друзья мои, послѣ очаровательной прогулки, которую я совершила съ Аннетой и графиней Орловой. Мы отправились верхомъ, хотя погода была пренеприятная; холодъ и вѣтеръ были совсѣмъ сентябрьскіе, но послѣ того какъ мы хорошо прокатились и когда показалось солнце, мы, наконецъ, согрѣлись. Я сожалѣла, друзья мои, что васъ не было съ нами; вамъ эта прогулка доставила бы удовольствіе, и ваши лошади хорошо бы погарцовали. Графиня Орлова ѣхала на прелестной вороной лошади. Эта особа очаровательная во всѣхъ отношеніяхъ, и я очень сожалѣю, что она скоро уѣзжаетъ. Ея общество въ высшей степени приятно, и я хотѣла бы, чтобы она навсегда посе-

лилась у насъ. Мы провели вчерашній вечеръ самымъ пріятнымъ образомъ: по возвращеніи съ прогулки поднялся сильный вѣтеръ, и мы съиграли партію въ макао. Куракивъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа, мнѣ страшно везло; это привело нашего добраго «Такъ такъ» въ возбужденное состояніе, и я уже давно не видала его въ такомъ прекрасномъ настроеніи духа. Сегодня я даю прощальный обѣдъ гусарскимъ офицерамъ, стоявшимъ здѣсь въ караулѣ, они уходятъ послѣ завтра: да хранить ихъ Господь; лучшей дисциплины, чѣмъ у нихъ, быть не можетъ. «Усенки кой черенки» добрый малый; жаль, что у него своеобразныя манеры; онъ уѣзжаетъ, кажется, съ большимъ сожалѣніемъ. Меня обнадежили, что мы увидимъ сегодня графа Милорадовича; я очень рада этому, ибо нѣтъ человѣка пріятнѣе его. Если онъ пріѣдетъ сегодня, то я приглашу его покататься съ нами завтра верхомъ, это будетъ ему очень пріятно. Графиня Орлова сказала мнѣ сегодня, что Алексѣй Орловъ уѣхалъ въ главную квартиру. Императоръ разрѣшилъ ему это самымъ милостивымъ образомъ; она очень этимъ довольна.

Я надѣюсь, добрые друзья мои, имѣть отъ васъ сегодня извѣстіе. Уже 8 дней прошло со времени полученія вашихъ послѣднихъ писемъ; впрочемъ, я не смѣю рассчитывать на это навѣрно, такъ какъ, можетъ быть, вы пріѣхали въ Берлинъ, а почта эти дни не отходитъ, но, можетъ быть, счастье благопріятствуетъ мнѣ; я буду какъ можно долѣе питать эту надежду. Прощайте, дорогія и добрыя дѣти мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и нѣжно люблю васъ. Да хранитъ васъ Господь и да вернетъ онъ васъ въ мои объятія такими же, какими вы были при отъѣздѣ, въ отношеніи поведенія и нравственности, но еще болѣе достойными уваженія за ваше поведеніе въ арміи; тогда всѣ мои желанія будутъ исполнены. Тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Мой теплый привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ всѣмъ вашимъ кавалерамъ.

Num. 16.

Ce 2 Juin 1815.

J'ai appris, mes bons amis, que M-r Alexei Orlof part ce soir pour l'armée; je le charge donc vite de ces lignes, car je suis à la recherche de chaque occasion par laquelle je puis vous assurer que vous êtes constamment présents au coeur et à la pensée de maman. J'ai eu le plaisir de voir hier notre bonne Adlerberg et M-r Édouard duquel j'ai pris congé. La bonne Adlerberg se porte bien, mais elle est triste; je lui ai prêché un courage que je n'ai pas moi-même, cependant il me il paraît qu'elle a droit d'espérer que son fils ne sera pas exposé, car il

me paraît impossible que les gardes passent la frontière, à moins que nos affaires aillent mal, et c'est ce que j'espère avec la bénédiction divine ce qui n'arrivera pas. Il me semble qu'une force réunie de 600.000 hommes doit suffire pour écraser Napoléon; si on ne réussit pas avec elle, une auxiliaire de 40.000 hommes ne sera pas une ressource décisive; c'est le premier début qui décidera de beaucoup; s'il est heureux pour nous, les bien intentionnés en France se déclareront pour le roi et son parti gagnera en force; si nous ne sommes pas heureux, Napoléon gagnera en force et dans l'opinion; espérons le mieux et remettons nous à la Providence. M-r de Храповицкий a chargé M-r de Paschkof de me parler de l'état du pauvre colonel Mordvinof, qui ne sait où laisser son fils de 4 ans, dont la mère, comme vous vous en rappelez, est morte cet hiver et qui était élève de la communauté. Je me suis occupée ce matin du moyen de lui trouver un bon asyle et de le bien placer: si j'y réussis, je vous le marquerai, cher Nicoche, car je m'intéresse doublement à obliger ce pauvre M-r de Mordvinof parce qu'il est dans votre régiment et que je sais que vous l'aimez et estimez. Notre garnison part demain et notre société diminue d'une manière sensible. Adieu toute conversation, car les civilistes ne sont pas parlants. Усенки коф черенки n'a pas paru à dîner, il se plaignait beaucoup de sa santé hier, et fait, je crois, ses adieux en ville.

L'escadron de réserve fait la garde depuis hier; c'est une belle troupe composée de tous les vieux braves qui sont trop cassés pour aller faire campagne et qui attendent leur retraite. Peut-être verrai-je partir demain les deux escadrons d'ici, si on m'y invite. Que Dieu bénisse ces braves gens et les ramène sains et saufs. J'ai donné hier mon dîner d'adieu aux officiers. Il fait un froid détestable, hier et aujourd'hui il a gelé, ce qui est fier pour le 2 Juin! Adieu, chers et bons enfants. Tous les nôtres vous disent mille choses; mes tendres amitiés à papa Lamsdorf et mes compliments à vos messieurs. Je vous embrasse bien tendrement et vous répondrai demain par le courrier à vos bonnes et aimables lettres de Landsberg qui m'ont rendue bien contente. Toute à vous pour la vie

Marie.

2-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Я слышала, добрые друзья мои, что Алексѣй Орловъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ въ армію; поэтому спѣшу поручить ему эти строки, такъ какъ я изыскиваю всякій случай, чтобы подтвердить вамъ, что сердце и думы вашей мамы всегда заняты вами. Я имѣла удовольствіе видѣть вчера нашу добрую Адлербергъ и г. Эдуарда, съ кото-

рымъ я простилась. Добрая Адлербергъ здорова, но очень груститъ. Я убѣждала ее имѣть мужество, котораго у меня самой нѣтъ, но я думаю, она можетъ надѣяться, что ея сынъ не подвергнется опасности, такъ какъ я считаю немислимымъ, чтобы гвардія перешла границу, если только наши дѣла не пойдутъ худо, а я надѣюсь, что этого, съ помощью Божіей, не случится. Мнѣ кажется, что соединенныхъ силъ 600.000 человекъ будетъ достаточно для того, чтобы раздавить Наполеона. Если этого окажется недостаточно, то 40.000-й вспомогательный корпусъ не можетъ оказать рѣшительной помощи. Первый ударъ будетъ имѣть рѣшающее значеніе; если онъ будетъ удаченъ для насъ, то во Франціи люди благонамѣренные примутъ сторону короля, и его партія усилится. Если счастье будетъ не на нашей сторонѣ, то Наполеонъ усилится матеріально и выиграетъ въ общественномъ мнѣніи. Будемъ надѣяться на лучшее и будемъ уповать на Провидѣніе. Храповицкій поручилъ Пашкову поговорить со мною о положеніи бѣднаго полковника Мордвинова, который не знаетъ, гдѣ оставить своего четырехлѣтняго сына, мать котораго умерла, если припомните, прошлую зиму я воспитывалась въ Смольномъ; я придумывала сегодня утромъ средство подыскать для него хорошій пріютъ и устроить его. Если это мнѣ удастся, то я увѣдомлю васъ, дорогой Николъ, такъ какъ мнѣ вдвойнѣ пріятно оказать услугу бѣдному Мордвинову, служащему въ вашемъ полку, и такъ какъ я знаю, что вы его любите и уважаете. Нашъ гарвизонъ уходитъ завтра, и наше общество замѣтно уменьшится; не съ кѣмъ будетъ поболтать, ибо штатскіе не разговорчивы. «Усенки кой черенки» не появился за обѣдомъ; вчера онъ сильно жаловался на нездоровье и, я думаю, дѣлаетъ въ городѣ прощальные визиты.

Резервный эскадронъ занимаетъ караулы со вчерашняго дня; это прекрасная часть, составленная изъ всѣхъ старыхъ храбрецовъ, которые слишкомъ искалѣчены, чтобы идти въ походъ, и дослуживаютъ въ ожиданіи отставки. Быть можетъ, я увижу завтра, какъ выступятъ оба здѣшніе эскадрона, если меня пригласятъ. Да благословитъ Господь этихъ храбрецовъ и да возвратитъ онъ ихъ здоровыми и невредимыми. Я давала вчера прощальный обѣдъ офицерамъ. Вчера и сегодня ужасно холодно; былъ небольшой морозъ; это уже слишкомъ для 2-го іюня! Прощайте, дорогія и добрыя дѣти; всѣ наши посылаютъ вамъ тысячу привѣтствій. Мой дружескій привѣтъ папашѣ Ламедорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Нѣжно цѣлую васъ и буду отвѣчать съ завтрашнимъ курьеромъ на ваши милыя и любезныя письма изъ Ландсберга, которыя доставили мнѣ большое удовольствіе. Навѣки ваша Марія.

Num. 16 a.

Ce Jeudi, 3 Juin 1815.

Je vous ai bien désirés ce matin, chers et bons enfants, car vous auriez été émus comme nous l'avons tous été et cependant vous auriez joui d'un sentiment de satisfaction. Les deux escadrons de nos beaux hussards sont partis ce matin. Le g(énéral) Lévaschef m'a demandé l'heure, je lui ai répondu naturellement que cela dépendait de lui, et que ce serait celle qui conviendrait à la troupe qui devait se rassembler à Czarsko Sello pour le Te Deum et le départ. Les neuf heures furent fixées, et nous voulions aller du côté de l'église pour les voir défilér; mais il a eu l'aimable attention de venir avec ses deux escadrons, lui à la tête, dans la cour du château pour me dire adieu et me témoigner leur reconnaissance. Nous en avons tous été émus: c'était véritablement une charmante parade. Après leur hurra ils sont partis, et nous nous sommes mis en ligne et avons été près de l'église pour les voir défilér: quelle belle et superbe troupe, quelle tenue, quels bonnes gens, et en vérité Lévaschef lui-même est un homme de mérite; ses ridicules sont des faiblesses de l'âge dont il se corrigera, mais il a du sentiment, de l'humeur et de l'esprit. Jusqu'à la comtesse de Lieven qui a été émue si bien que les larmes lui ont coulé des yeux. Que Dieu les conduise tous et nous les ramène. Notre général viendra encore dîner chez nous et nous dira adieu. La journée est belle. Après vous avoir rendu compte de la matinée, je vous dirai, mes enfants, que j'ai eu le bonheur de recevoir votre lettre de Landsberg du 22 Mai et que mon coeur vous en donne mille bénédictions de votre exactitude. Dites vous que ce sont mes jours de bonheur lorsque je reçois de vos nouvelles. Elles me prouvent votre tendresse, combien vous avez à coeur à me faire plaisir, et que vous vous rappelez de vos promesses. Vous en rappeler dans un point, c'est me donner l'assurance que vous vous en rappelez en tous, et que toujours et toujours j'aurai lieu de vous chérir, de vous bénir et de me dire la plus heureuse des mères. J'ai appris hier, chers enfants, que la belle-soeur de M-r de Lamsdorf est morte en couches, Mad. Bettinger, elle a été prise des crampes, qui lui ont coûté la vie. Je vous le conte pour que vous le disiez à Rühl; je crains l'impression de la nouvelle sur notre vieux digne papa, vous ferez bien de la lui laisser ignorer jusqu'à ce que des lettres d'ici ne lui arrivent; mais voilà pourquoi il faut en prévenir Rühl pour qu'alors il soit sur ses gardes et veille à la santé de notre respectable vieillard. Vous, lui direz dans le temps toute la peine que j'en ressens. Je vous ai écrit tous ces jours, mes chers enfants, voilà pourquoi ma lettre n'est que d'un seul jour; j'ai chargé hier M-r Alexei Orlof

d'une lettre pour vous: avant-hier je vous ai écrit par la poste: j'éprouve une grande douceur à m'occuper de vous. Adieu, mes chers et bons enfants, je vous embrasse bien tendrement et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments aux vôtres.

Je sais vos chevaux arrivés à Lübeck, ce qui me fait grand plaisir: ils y ont été le 19 Mai.

Четвергъ, 3-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Я очень сожалѣла о вашемъ отсутствіи сегодня утромъ, добрыя и дорогія дѣти мои, такъ какъ вы были бы такъ же растроганы, какъ и мы, и вмѣстѣ съ тѣмъ испытали бы большое удовольствіе. Сегодня по утру выступили два эскадрона нашихъ красавцевъ-гусаръ. Генераль Левашовъ просилъ меня назначить часъ; само собою разумѣется, я отвѣчала, что это зависитъ отъ него, и чтобы онъ назначилъ тотъ часъ, который всего удобнѣе для войска, которое должно было собраться въ Царскомъ Селѣ на молебень передъ уходомъ. Было назначено въ девять часовъ, мы хотѣли идти къ церкви, чтобы видѣть ихъ прохожденіе; но Левашовъ былъ такъ любезенъ, что явился во главѣ своихъ двухъ эскадроновъ на дворцовый дворъ проститься со мною и выразить мнѣ благодарность. Мы всѣ были этимъ очень тронуты; по истинѣ это былъ прелестный парадъ. Прокричавъ «ура!», они ушли, а мы сѣли въ линейки и отправились къ церкви смотрѣть за ихъ движеніемъ. Какое прекрасное войско, какъ они одѣты, что за молодцы! Самъ Левашовъ человекъ, по истинѣ, достойный. Его смѣшныя стороны не болѣе, какъ слабости, свойственныя его возрасту, отъ коихъ онъ исправится, но у него есть чувство, характеръ и умъ. Даже сама графиня Ливень была такъ тронута, что у нея полились слезы. Да хранитъ ихъ всѣхъ Господь и да приведетъ Онъ ихъ обратно. Нашъ генераль будетъ еще обѣдать у насъ и простится съ нами. День сегодня прекрасный.

Давъ вамъ отчетъ о проведенномъ утрѣ, скажу вамъ, дѣти мои, что я имѣла счастье получить ваше письмо изъ Ландсберга отъ 22-го мая и что я тысячу разъ благословляю васъ за вашу аккуратность. Помните. что тѣ дни, въ которые я получаю отъ васъ извѣстія, счастливые для меня дни. Они свидѣлствуютъ мнѣ о вашей любви, о томъ, что вы желаете доставить мнѣ удовольствіе и что вы держите свои общанія. Напоминаю вамъ одинъ пунктъ этихъ общаній, а именно, что вы будете помнить ихъ всѣ и что я всегда и всегда буду имѣть поводъ васъ лю-

бить и благословлять и считать себя счастливѣйшею изъ матерей. Я узнала вчера, дорогія дѣти мои, что невѣстка г. Ламсдорфа, г-жа Беттингеръ, скончалась въ родахъ; у нея сдѣлались судороги, отъ которыхъ она и умерла. Я сообщаю вамъ это извѣстіе, чтобы вы передали его Рюлю. Я боюсь, что оно произведетъ сильное впечатлѣніе на нашего достойнаго старика-папашу; лучше скройте это отъ него до тѣхъ поръ, пока его не увѣдомятъ объ этомъ отсюда письменно. Поэтому-то и надобно предупредить Рюля, чтобы онъ былъ насторожѣ и слѣдилъ за здоровьемъ нашего почтеннаго старика. Вы скажете ему со временемъ, какъ искренно я была этимъ огорчена. Я писала вамъ всѣ эти дни, дорогія дѣти мои, вотъ почему я сообщаю вамъ, въ этомъ письмѣ, новости только за одинъ день. Я дала вчера, для передачи вамъ, письмо Алексѣю Орлову; третьяго дня я писала вамъ по почтѣ; мнѣ очень пріятно заботиться о васъ. Прощайте, дорогія и милыя дѣти мои, нѣжно цѣлую васъ и тысячу разъ благословляю. Марія.

Мой поклонъ вашимъ. Я слышала, что ваши лошади прибыли въ Любекъ, что меня весьма радуетъ; онѣ были тамъ уже 19-го мая.

Num. 17.

Ce 4 Juin 1815.

Chers et bons enfants, M-r Alexei Orlof ne part que dans ce moment, ainsi vite je vous écris encore deux mots pour vous dire ce que vous savez déjà, mais ce que j'aime à vous répéter, que vous faites l'objet de ma prière, de mes vœux, de mes bénédictions et ma pensée constante. La poste arrive aujourd'hui et j'espère de vos nouvelles de Berlin.

Le bon Lévaschef est venu dîner encore hier chez nous et nous a dit adieu après la table; il était véritablement ému; il a certes du sentiment, de l'honneur et de la fierté dans l'âme; il a manifesté ses principes dans la conversation en plusieurs occasions d'une manière estimable, et malgré ses manières un peu ridicules, il a trouvé grâce aux yeux de la comtesse, qui lui veut du bien et en fait l'éloge. On est toujours charmé de rencontrer du comme il faut et surtout de l'honneur et des sentiments, et certes il en a. Son attention d'hier en venant avec ses deux escadrons dans la cour du château nous dire adieu était vraiment aimable; la troupe était émue, et nous l'étions tous. Aujourd'hui ils doivent quitter Krasno Sello. Nous avons monté ce matin à cheval avec la comtesse Orlof et le comte Miloradovitch, et nous avons fait une promenade charmante: le comte était de bien bonne humeur et très heureux, comme vous le pensez bien. Il nous quitte aujourd'hui, car demain de nouvelles troupes partent de la ville. On dit que celle-là est d'une tristesse extrême, et cela se comprend très bien. Le (général) Kutusof est arrivé, mais il ne

m'a pas apporté de lettres de l'empereur, car il a fait un détour à Radziwilof. Voilà toutes mes nouvelles, mes chers enfants; j'ai oublié de vous dire que le comte Besborodko est mort hier; il a été longtemps malade. Le prince Miriani a perdu sa femme, vous vous rappelez sa figure Géorgienne, quoiqu'elle fût princesse Chilkof. Mes amitiés tendres à papa Lamsdorf, bien des compliments à vos messieurs. Tout ce qui m'entoure se rappelle à votre souvenir. Adieu, mes bons, chers enfants, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

4-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Дорогія и добрыя дѣти мои, Алексѣй Орловъ уѣзжаетъ только сію минуту, потому пишу вамъ еще пару словъ, чтобы сказать вамъ то, что вамъ уже извѣстно, но что я люблю повторять вамъ, именно, что вы составляете предметъ всѣхъ моихъ молитвъ, всѣхъ моихъ желаній, всѣхъ моихъ думъ и что я посылаю вамъ свое благословеніе. Сегодня будетъ почта, и я жду отъ васъ извѣстій изъ Берлина.

Добрый Левашовъ еще вчера обѣдалъ у насъ и простился съ нами послѣ обѣда. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ взволнованъ; по истинѣ, это человекъ чувствительный, честный и съ благородной душою. Въ разговорѣ онъ неоднократно высказывалъ свои нравственныя убѣжденія, самымъ достойнымъ уваженія образомъ, и, несмотря на свои нѣсколько смѣшныя манеры, онъ понравился графинѣ, которая желаетъ ему добра и хвалитъ его. Всегда пріятно встрѣтить благородство и честность убѣжденій и чувствъ; онъ, безъ сомнѣнія, одаренъ этими качествами. Вниманіе, оказанное имъ вчера, когда онъ явился со своими двумя эскадронами ко дворцу проститься съ нами, было дѣйствительно большою любезностью; солдаты были растроганы такъ же, какъ и всѣ мы. Сегодня они уходятъ изъ Краснаго Села. Мы катались сегодня верхомъ съ графиней Орловой и гр. Милорадовичемъ, и сдѣлали прелестную прогулку. Графъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа и очень доволенъ, какъ вы можете думать. Онъ покидаетъ насъ сегодня, такъ какъ завтра изъ города опять выступаютъ войска. Говорятъ, что городъ погруженъ въ уныніе, что вполне понятно. Пріѣхалъ ген. Кутузовъ, но онъ не привезъ мнѣ писемъ отъ императора, такъ какъ онъ ѣхалъ кругомъ на Радзивилловъ. Вотъ и всѣ мои новости, дорогія дѣти мои. Я забыла вамъ сказать, что вчера скончался графъ Безбородко; онъ долго болѣлъ. Царевичъ Миріанъ (Грузинскій) потерялъ жену; вы по-

мните ея грузинское лицо, хотя она была рожденная княжна Хилкова. Мой сердечный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и большой поклонъ вашимъ кавалерамъ. Всѣ окружающіе просятъ напомнить вамъ о нихъ. Прощайте, мои добрыя, дорогія дѣти, цѣлую васъ отъ всего сердца и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Num. 18.

Ce 4 Juin 1815.

Je viens de terminer ma lettre, qui vous parviendra par M-r Alexei Orlof, et vous trace ces deux mots pour la poste de demain, mes bons amis; c'est vous prouver, je crois, que j'ai toujours et constamment quelque chose à vous dire. Mais, grand Dieu, comment cela serait-il autrement pour une mère! Vous voilà déjà absents depuis trois semaines, le temps passe, mais il enlève à sa suite le bonheur dont on aurait pu jouir sans l'apparition du scélérat perturbateur du repos public. Les nouvelles d'Italie sont des meilleures, Naples et le royaume sont au pouvoir des troupes alliées, mais on ignore ce qu'est devenu Murat; je suppose qu'il se sera renfermé dans une des trois forteresses qui ne sont pas encore au pouvoir des troupes alliées, peut-être voudra-t-il y périr. On me dit aussi que la Vendée est en pleine insurrection, que le drapeau blanc flotte sur la côte de l'ouest: voilà qui est d'une bonne et heureuse augure. Je vous suppose réunis aujourd'hui à notre cher empereur, mes bons enfants, et me dis votre joie et votre bonheur: il me vaudra j'en suis sûre un moment de souvenir de vous tous. Adieu, mes bons amis; le temps est beau aujourd'hui, et on se promène avec plaisir à midi, car il ne fait pas chaud, mais agréable. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille et mille bénédictions.

Marie.

Bien mes compliments à vos messieurs, mes mille et mille amitiés à papa Lamisdorf.

4-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Только-что окончила письмо, которое будетъ передано вамъ Алексѣемъ Орловымъ, и пишу вамъ, добрые друзья мои, нѣсколько словъ, которыя будутъ отправлены съ завтрашней почтою. Это доказываетъ, думается мнѣ, что я всегда имѣю что сказать вамъ. Но, Боже мой, можетъ ли и быть иначе у матери! Вотъ уже три недѣли, какъ вы уѣхали. время идетъ и уноситъ то счастье, которымъ можно было бы пользоваться, если бы не появился этотъ злодѣй, нарушившій всеобщее спо-

койствіе. Изъ Италіи получены самыя благопріятныя извѣстія: Неаполь и королевство во власти союзныхъ войскъ, но неизвѣстно, куда дѣвался Мюрать. Я полагаю, что онъ заперся въ одной изъ трехъ крѣпостей, которыми еще не овладѣли союзныя войска; быть можетъ, онъ захочетъ погибнуть въ нихъ. Я слышала также, что Вандея объята возстаніемъ и что бѣлый флагъ развѣвается на западномъ берегу. Это хорошее предзнаменованіе. Я полагаю, что вы увидѣлись сегодня съ императоромъ, добрыя дѣти мои, и представляю себѣ вашу радость и ваше счастье. При этомъ все вы, вѣроятно, хоть минутку вспомнили обо мнѣ. Прощайте, добрые друзья мои; погода сегодня прекрасная, въ полдень можно погулять съ удовольствіемъ, такъ какъ не жарко, а только пріятно. Цѣлую васъ отъ всей души и тысячу, тысячу разъ благословляю васъ. Марія. Поклонъ вашимъ кавалерамъ; тысячу, тысячу привѣтствій папашѣ Ламсдорфу.

Num. 19.

Ce 6 Juin 1815.

Je viens de terminer ma lettre par courrier et vous écris ces deux mots par le prince Lubomirsky qui voulait partir hier, mais qui ne part qu'aujourd'hui. En tout premier lieu j'embrasse mes chers petits amis et les assure de toute ma tendresse. Je n'ai rien de nouveau à vous mander d'ici, vous ayant écrit longuement tantôt. Nous avons eu aujourd'hui le comte Miloradovitch, les généraux Makarof et Kogen pour prendre congé, de même que le colonel Sasonof; M-r de Taube a aussi dîné chez moi, ainsi que le prince Lobanof. Tous les autres généraux sont chez Krapovitzki, qui fête celle de son régiment. Tous ces messieurs me paraissent très contents de la manière dont je les fais traiter à Gatschina et Krasno Sello. Que Dieu conduise ces bonnes, braves et fidèles troupes. Miloradovitch m'a fait le plus grand éloge de votre régiment qui a dû être superbe à sa parade. Je lui ai dit que je vous l'écrirai, Nicoche. Il m'a dit aussi que le bataillon des sapeurs avait été magnifique à sa sortie hier. Le général Kogen m'a témoigné tous ses regrets de ne vous avoir pas vus avant votre départ, mes chers amis, il est venu trop tard à Ieve où il s'était rendu pour vous rencontrer. Adieu, mes amis. Lubomirsky demande ma lettre. Mes amitiés à papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs, à l'élite de nos respectables militaires! Adieu, chers enfants, que Dieu vous conserve, vous bénisse et vous ramène dans mes bras vertueux et tels que vous étiez à votre départ. Прощайте, съ нами Богъ.

Marie.

6-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Только-что окончила письмо, посылаемое съ курьеромъ, а теперь пишу вамъ нѣсколько словъ съ кн. Любомирскимъ, который хотѣлъ уѣхать вчера, но ѣдетъ только сегодня. Прежде всего цѣлую моихъ дорогихъ друзей и прошу ихъ быть увѣренными въ моей искренней любви. Я не имѣю сообщить вамъ ничего новаго, такъ какъ я только-что писала вамъ пространно. У насъ были сегодня гр. Милорадовичъ, генералы Макаровъ и Когенъ (Кожинъ?) они пріѣзжали проститься, точно такъ же и полковникъ Сазоновъ. У меня обѣдали также г. Таубе и князь Лобановъ. Всѣ эти господа, повидимому, вполне довольны своимъ содержаніемъ въ Гатчино и Красномъ Селѣ. Да хранитъ Господь эти хорошія, храбрыя и преданныя войска. Милорадовичъ очень хвалилъ мнѣ вашъ полкъ, который былъ, вѣроятно, великолѣпенъ на парадѣ. Я сказала ему, что я напишу это вамъ, Никошъ. Онъ сказалъ мнѣ также, что саперный батальонъ былъ великолѣпенъ, вчера, во время выступленія; генералъ Когенъ (Кожинъ) выразилъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу того, что онъ не видѣлъ васъ передъ вашимъ отъѣздомъ, дорогие друзья мои: онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно въ Леве, куда онъ отправился вамъ навстрѣчу. Прощайте, друзья мои; Любомирскій требуетъ у меня письмо. Привѣтъ папашѣ Ламсдорфу, поклонъ вашимъ кавалерамъ, цвѣту нашего достопочтеннаго воинства! Прощайте, дорогія дѣти мои, да хранитъ и благословитъ васъ Господь и да возвратитъ Онъ васъ въ мои объятія такими же добродѣтельными, какими вы были, уѣзжая. Прощайте, съ нами Богъ. Марія.

Num. 20.

Ce 5 Juin 1815.

Chers, bons, bien aimés enfants. J'aurais désiré que vous fussiez témoins invisibles de toute la satisfaction que l'arrivée de vos lettres de Berlin m'a causé, car certainement vous en auriez joui, et la vue du bonheur de maman aurait été une récompense pour vous. Que tous les détails que vous me donnez, mes chers amis, sont intéressants, que je me sens heureuse de pouvoir oser espérer le bonheur de mon cher Nicolas; que je me sens heureuse encore, cher enfant, de voir que, malgré le sentiment que vous inspire l'aimable Alexandrine, vous lui préférez votre devoir, qui vous appelle au champ de la gloire: c'est vous rendre plus digne d'elle, cher enfant, c'est acquérir des titres à son estime, à sa confiance, et en possédant et l'un et l'autre, votre bonheur futur sera basé solidement. Je suis charmée du changement avantageux que vous

avez trouvé en elle, et certes l'éloge qu'en fait Michel ne peut que vous flatter, Nicoche; il me paraît, cher Michel, que les 18 ans de la princesse Frédérique enrayent seuls l'aveu de l'impression qu'elle a fait sur vous, mais, mon cher enfant, c'est à vous à vous sonder et à vous déterminer d'après votre conviction: elle doit être libre, et jamais je ne me permettrai de l'influencer. Je m'en remets à votre philosophie, ou, pour m'exprimer avec plus de précision, au sentiment de votre coeur et à vos réflexions. Je ne puis que vous conseiller de ne pas vous précipiter dans votre décision. Le procédé du roi pour vous, l'aimable et touchante attention de ma tante Ferdinand de faire la course à Charlottenbourg malgré son grand âge et sa mauvaise santé m'a fait grand plaisir. Enfin il me paraît, mes chers enfants, que tout a contribué à vous rendre le séjour de Berlin des plus agréables. Comment êtes-vous satisfaits, mes chers enfants, de Mad. de Krusemarck? Vous paraît-elle femme de mérite, et dans quel genre est-elle? Constantin Benckendorf m'écrivit dernièrement qu'il avait vu Alexandrine et l'avait trouvée extrêmement changée à son avantage par le maintien et la grâce. Qu'il me tarde de la voir, mon coeur lui est ouvert, et je me sens bien disposée à l'aimer tendrement, tout comme je vous aime, cher Nicoche. Bien loin de vous gronder de vous laisser aller au sentiment qui vous captive pour elle, cher enfant, je m'en réjouis: il sera constamment, j'ose l'espérer, votre sauvegarde et vous conduira au bonheur. Je remplirai incessamment vos commissions: je ferai rouler les deux tableaux que vous avez dans vos chambres des vues de Moscou, et les enverrai à l'adresse d'Alexandrine; cela me vaudra une lettre d'elle, et je vous laisse à juger l'usage que j'en ferai. Je soignerai de même, cher Nicoche, cher Michel, vos commissions pour vos caisses avec les instruments de musique. Je verrai encore Mrs de Храповицкіѣ et de Taube et leur demanderai s'ils désirent que j'envoie à leur suite les instruments ou s'il faut les laisser ici, pour leur retour. Toutes vos lettres ont été soignées, je vois avec peine que les miennes ne vous sont pas parvenues à Berlin, mais la grande promptitude de votre voyage en est cause, l'estafette n'a pu vous suivre. Je crois vous avoir fait plaisir, cher Nikoche, et suis persuadée que vous serez touché du procédé de la bonne Adlerberg et de Madame Baranof, lorsque je vous conterai le fait. M-r de Храповицкіѣ m'a informée de l'état de détresse dans lequel se trouva le colonel Mordvinof, qui au moment de partir, ayant perdu son dernier enfant, ne savait où laisser son fils de 4 ans, et me fit demander si je n'avais pas la possibilité de le placer. Après avoir pensé et repensé à la chose, il me vint à l'idée d'écrire à la bonne Adlerberg et lui dire que la mère avait été élevée à la communauté, que le mari servait dans votre régiment, que vous l'aimiez, que je me sentais donc le courage de la prier d'engager sa fille de prendre cet enfant chez elle, que j'acquit-

terai ses frais de l'entretien, et de le garder chez elle avec son enfant jusqu'au retour du père; que je lui demandais cette grande complaisance, parce que je connaissais ses sentiments pour vous et son désir de vous faire plaisir. La bonne femme m'a répondu aujourd'hui qu'elle et sa fille acquiescent volontiers à ma demande, étant charmées de vous témoigner leur attachement. Vous me direz, cher Nikoche, que c'est bien, bien aimable. J'en ai fait avertir M-r de Храповицкий pour qu'il le fasse savoir au colonel Mordvinof. J'ai encore à vous dire, mes chers enfants, que je vous ai fait participer aujourd'hui à une bonne oeuvre: un malheureux employé, d'une conduite exemplaire pendant 18 ans, a cédé à la misère et s'est rendu coupable de toucher à une somme à laquelle il n'aurait pas dû toucher, mais le besoin lui a fait commettre cette faute; en l'aidant la faute pouvait être réparée et son honneur être sauvé. Je vous ai donc associés au secours à lui faire, chers enfants, et lui ai fait donner quatre cents roubles de votre caisse à chacun, et par ce secours réuni de nous tous lui et sa famille sont sauvés. Je me dis que vous m'en remercirez, mes bons amis. Bonne nuit, mes chers enfants, je vous embrasse de tout mon coeur. Le reste à demain.

Ce Dimanche, 6 Juin.

Chers enfants, je voulais vous écrire longuement, mais la pentecôte, la prière et mes membres m'ont tenue si longtemps que je n'ai que l'instant de vous embrasser. Madame Храповицкая et M-r Taube sont ici. Voici, cher Michel, un cadeau pour vous. Je vous félicite, cher Nikoche, de la fête de votre régiment: elle fixe les militaires en ville. Mr de Sasonof est venu prendre congé de moi, de même que le g(énéral) Kiréew; tous les congés me font peine. Que Dieu conduise ces bonnes gens. Adieu mille fois, bons enfants. Toute à vous pour la vie. Mes compliments à vos messieurs.

Marie.

5-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Дорогія, добрыя, любезныя дѣти! Я желала бы, чтобы вы были незримыми свидѣтелями того удовольствія, какое доставило мнѣ полученіе вашихъ писемъ изъ Берлина; безъ сомнѣнія, это было бы вамъ пріятно: видѣть, какъ счастлива ваша мамаша, было бы для васъ наградою. Какъ интересны подробности, сообщаемыя вами, дорогіе друзья мои, какъ я рада, ибо это даетъ мнѣ надежду на счастье моего дорогаго Николая. Какъ я счастлива также, дорогое дитя мое, что, несмотря на чувства, внушенныя вамъ милой Александриной, вы ставите выше ихъ долгъ, который призываетъ васъ на поле славы. Вы будете такимъ образомъ

еще болѣе достойны ея, дорогое дитя мое, вы приобрѣтете этимъ право на ея уваженіе, на ея довѣріе, а обладая тѣмъ и другимъ, вы упрочите свое будущее счастье. Я въ восторгѣ отъ переменъ къ лучшему, которую вы нашли въ ней. Безъ сомнѣнія, похвала, высказанная о ней Михаиломъ, должна была быть пріятна Никошу. Мнѣ кажется, дорогой Михаилъ, что 18 лѣтъ принцессы Фридерики только и удерживаютъ васъ высказать впечатлѣніе, которое она произвела на васъ; но, дорогое дитя мое, вамъ надобно самому испытать себя и принять рѣшеніе согласно вашему собственному убѣжденію: оно должно быть свободно, и я никогда не позволю себѣ повліять на него. Я полагаюсь на вашу философію, или, лучше сказать, на ваше сердце и на вашу разсудительность. Я могу только посовѣтовать вамъ не слѣпить своимъ рѣшеніемъ. Отношеніе къ вамъ короля, любезное и трогательное вниманіе моей тетуски, сунруги принца Фердинанда, которая поѣхала въ Шарлоттенбургъ, несмотря на свои преклонныя лѣта и плохое здоровье, чрезвычайно порадовали меня. Словомъ, мнѣ кажется, дорогія дѣти мои, что все способствовало тому, чтобы ваше пребываніе въ Берлинѣ было для васъ какъ нельзя болѣе пріятно. Довольны ли вы, мои дорогія дѣти, г-жею Круземаркъ? Находите ли ее вы женщиной достойной и въ какомъ родѣ она? Константинъ Бенкендорфъ писалъ мнѣ недавно, что онъ видѣлъ Александрину и нашелъ, что она чрезвычайно измѣнилась къ лучшему въ отношеніи манеръ и граціи. Какъ мнѣ хотѣлось бы увидать ее поскорѣе; мое сердце открыто для нея, и я готова нѣжно полюбить ее точно такъ же, какъ я люблю васъ, дорогой Никошъ. Я не только не браню васъ за то, что вы отдались чувству, которое влечетъ васъ къ ней, я радуюсь этому, дорогое дитя мое. Надѣюсь, что это чувство будетъ вамъ всегда охраною и дастъ вамъ счастье. Я поспѣшу исполнить ваши порученія, прикажу свернуть въ трубку находящіяся у васъ въ комнатахъ двѣ картины видовъ Москвы и пошлю ихъ на имя Александрины. Она напишетъ мнѣ по этому случаю письмо; предоставляю вамъ рѣшить, какое я сдѣлаю изъ него употребленіе. Я исполню также, дорогой Никошъ и дорогой Михаилъ, ваше порученіе относительно ящиковъ для вашихъ музыкальныхъ инструментовъ; повидаю также гг. Храповицкаго и Таубе и спрошу ихъ, хотятъ ли они, чтобы я послала вслѣдъ за ними ихъ инструменты, или же ихъ слѣдуетъ оставить ихъ тутъ, до возвращенія. Всѣ ваши письма доставлены аккуратно, но я вижу съ грустью, что вами не получены мои письма, посланныя въ Берлинъ. Причина этого чрезвычайная скорость, съ какою вы путешествуете, эстафета не могла поспѣть за вами. Надѣюсь, что я доставила вамъ удовольствіе, дорогой Никошъ, и увѣрена, что вы будете тронуты поступкомъ доброй Адлербергъ и г-жи Барановой, когда я расскажу вамъ, въ чемъ дѣло. Г. Храповицкій сообщилъ мнѣ о бѣд-

ственномъ положеніи, въ какомъ находится полковникъ Мордвиновъ, который, потерявъ жену передъ самымъ отъѣздомъ, не зналъ, гдѣ оставить своего четырехлѣтняго сына, и просилъ спросить меня, не могу ли я куда-либо помѣстить его. Положавъ надъ этимъ вопросомъ голову, я придумала написать доброй Адлербергъ, сказавъ ей, что мать этого ребенка воспитывалась въ Смольномъ, что ея мужъ служить у васъ въ полку, что вы любите его, и что я рѣшаюсь поэтому просить ея дочь взять этого ребенка къ себѣ; что я буду платить за его содержаніе и прошу поддержать его вмѣстѣ съ ея ребенкомъ до возвращенія отца. Я прибавила, что прошу ее объ этомъ большомъ одолженіи потому, что я знаю ея чувства къ вамъ и ея желаніе сдѣлать вамъ приятное. Добрая женщина отвѣтила мнѣ сегодня, что она и ея дочь охотно исполнять мою просьбу, и что онѣ въ восторгѣ доказать вамъ свою преданность. Согласитесь, дорогой Никошъ, что это крайне любезно. Я велѣла сообщить это г. Храповицкому, чтобы онъ передалъ въ свою очередь полковнику Мордвинову. Я должна еще сказать вамъ, дорогія дѣти мои, что вы приняли сегодня, благодаря мнѣ, участіе въ добромъ дѣлѣ: несчастный чиновникъ, извѣстный въ теченіе 18 лѣтъ своимъ примѣрнымъ поведеніемъ, присвоилъ, подъ вліяніемъ нужды, нѣкоторую сумму денегъ, до которой онъ не долженъ былъ касаться, но его вынудила къ этому нужда; если бы ему пришли на помощь, то его вина могла быть исправлена и его честь могла быть спасена. Поэтому я приобщила васъ къ оказываемому ему пособію, дорогія дѣти, и приказала выдать ему по 400 руб. отъ каждаго изъ васъ изъ вашихъ личныхъ суммъ. Благодаря этой помощи, оказанной ему всѣми нами, онъ и его семейство спасены. Я думаю, вы поблагодарите меня, добрые друзья мои. Покойной ночи, дорогія дѣти мои, цѣлую васъ отъ всего сердца. Остальное завтра.

Воскресенье, 6-го іюня.

Дорогія дѣти, я хотѣла писать вамъ пространно, но говѣнье, молитва и мои сочлены отняли у меня такъ много времени, что я имѣю только минутку, чтобы обнять васъ. Здѣсь г-жа Храповицкая и г. Таубе; вотъ, дорогой Михайль, подарокъ для васъ. Поздравляю васъ, дорогой Никошъ, съ вашимъ полковымъ праздникомъ, изъ-за котораго всѣ военные въ городѣ. Сазоновъ пріѣзжалъ проститься со мною, также какъ и ген. Кирѣевъ. Всѣ эти разставанія наводятъ на меня грусть; да хранить Господь этихъ добрыхъ людей. Прощайте, тысячу разъ, добрыя дѣти; навѣки ваша. Мой поклонъ вашимъ кавалерамъ. Марія.

Сообщ. В. В. Щегловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Князь Бисмаркъ и его „Тираецъ“.

(Изъ моихъ воспоминаній).

то изъ современниковъ покойнаго князя Бисмарка не слышалъ объ его любимой и неразлучной съ нимъ собакѣ, которой берлинскіе остряки дали прозвище государственной собаки (der Reichshund) въ pendant къ носимому кн. Бисмаркомъ званію: (der Reichskanzler)? Не мало по ея поводу ходило всякихъ разсказовъ; кн. Бисмаркъ самъ любилъ при случаѣ что-нибудь разсказать о ней, разсказывалъ и мнѣ, въ бытность мою (осенью 1879 г.) въ Гастейнѣ, гдѣ я случайно познакомился съ нимъ ¹⁾.

Это было за обѣдомъ. Только-что проводивъ графа Андраши послѣ трехдневныхъ секретныхъ совѣщаній, результатомъ которыхъ было заключеніе извѣстнаго союза, кн. Бисмаркъ былъ въ настроеніи чело-вѣка, вполне довольнаго собой; разговоръ его былъ, можно сказать, блестящимъ фейерверкомъ остроумія, сарказмовъ, ловкихъ замѣчаній, иногда и ядовитыхъ, о дѣлахъ и людяхъ того времени. Зашла между прочимъ рѣчь о социаль-демократахъ, за которыми, какъ извѣстно, кн. Бисмаркъ одно время усердно ухаживалъ, но отъ которыхъ впоследствіи рѣшительно отшатнулся, вступивъ съ ними въ открытую борьбу. Говоря о нихъ, кн. Бисмаркъ не скупился на всякія остроты по ихъ адресу. Въ это время вошла въ столовую легендарная его собака. Невольно обративъ на нее вниманіе, я невольно же прервалъ и происшедшій разговоръ, замѣтивъ, по поводу внушительнаго ея вида, что встрѣча съ такимъ субъектомъ, гдѣ-нибудь въ безлюдномъ мѣстѣ, не всегда можетъ оказаться пріятною.

— Можете быть спокойны,—сказалъ кн. Бисмаркъ,—вась она не

¹⁾ Объ этомъ случайномъ знакомствѣ я уже разсказывалъ въ „Русской Старинѣ“, кажется, въ 1898 году.

*

тронеть; вы—консерваторъ; вотъ если бы вы были социаль-демократомъ, тогда дѣло другое; этихъ господъ она крѣпко не долюбиваетъ.

Я засмѣялся.

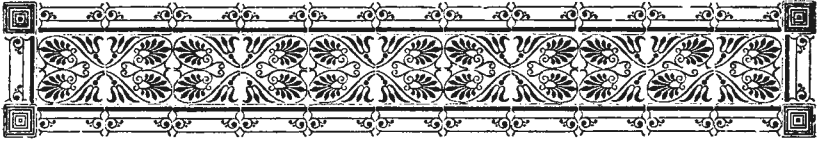
— Породистая собака,—улыбнувшись, продолжалъ кн. Бисмаркъ,—существо, съ понятіями и вкусами аристократическими; она терпѣть не можетъ безпорядочности, неряшества и какого бы то ни было безобразія и съ озлобленіемъ набрасывается на всякаго оборванца и на людей съ вѣщностью неприглядною и подозрительною. Когда у меня по субботамъ бывають парламентскіе вечера, на которыхъ собираются представители различныхъ фракцій Рейхстага, и я встрѣчаю ихъ при входѣ въ залъ,—«Тирасъ» (имя моеѣ собаки) всегда возлѣ меня: подходитъ кто-либо изъ членовъ консервативной партіи, «Тирасъ» смотритъ на него дружелюбно, даже къ нему ласкается; но какъ только подходитъ социаль-демократъ, онъ начинаетъ ворчать и ворчитъ такъ, что я долженъ крѣпко держать его за ошейникъ, чтобъ не послѣдовало какого-нибудь траги-комическаго приключенія....

Тутъ, сидѣвшая противъ меня, княгиня Бисмаркъ залилась громкимъ смѣхомъ; засмѣялся даже обѣдавшій съ нами молчаливый графъ Вильгельмъ (младшій сынъ канцлера).

— Но вотъ,—продолжалъ кн. Бисмаркъ,—случай, по винѣ «Тираса», съ вашимъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, случай, въ которомъ анти-демократическія чувства «Тираса» уже ни при чемъ. Вскорѣ послѣ закрытія Берлинскаго конгресса, заѣхалъ ко мнѣ кн. Горчаковъ, чтобы проститься. Видъ у него былъ крайне утомленный. Я усадилъ его въ покойное кресло. Въ продолженіе нашего разговора «Тирасъ» смиренно лежалъ въ углу, и кн. Горчаковъ, кажется, его и не замѣталъ. Когда разговоръ нашъ кончился и кн. Горчаковъ, прощаясь, хотѣлъ встать, онъ не могъ приподняться; я обхватилъ его обѣими руками, чтобъ помочь ему встать; въ этотъ моментъ «Тирасъ», вообразивъ, что между нами завязалась борьба, вдругъ бросился къ намъ изъ своего угла. «Тирасъ!»—грозно крикнулъ я на него. Кн. Горчаковъ, ничего не видя и ничего не понимая, не зная, что «Тирасомъ» зовутъ мою собаку, въ испугѣ отъ моего крика, упалъ обратно въ кресло. Съ нимъ сдѣлалось дурно. Жена побѣжала за стаканомъ воды. Придя въ себя, онъ спросилъ: Что такое вы мнѣ крикнули? и что это было за странное слово?—Не мало мы смѣялись, когда все объяснилось ¹⁾.

П. Д. Стрешоуховъ.

¹⁾ Анекдотъ этотъ кн. Бисмаркъ, вѣроятно, рассказывалъ не мнѣ одному, такъ какъ впоследствии мнѣ случалось слышать тотъ же рассказъ, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ,—я въ Петербургѣ; быть можетъ, и самъ кн. Горчаковъ кому-нибудь передавалъ о бывшемъ съ нимъ случаѣ.

Письма митрополита Филарета.

1.

Письмо Филарета М. М. Сперанскому.

6-го июня 1822.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Конференція Московской духовной академіи, желая украсить свое сословіе сопричисленіемъ къ нему мужей знаменитыхъ духовнымъ просвѣщеніемъ и любовію къ духовному просвѣщенію, основанною на христіанскомъ образѣ мыслей, въ засѣданіи своемъ 24-го дня маія сего 1822 года единогласно положила избрать васъ, милостивый государь, своимъ почетнымъ членомъ, побуждаясь къ сему между прочимъ признательностію къ дѣятельному участию, которое ваше превосходительство принимали въ благоустроеніи духовныхъ училищъ.

Согласно съ своимъ постановленіемъ конференція предоставила мнѣ предварительно посредствовать, дабы ваше превосходительство не отреклось даровать имя ваше сословію, которое имъ желаетъ себя украсить.

О чемъ убѣдительно ходатайствуя, долгъ имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга и богомолецъ Филаретъ, архіепископъ московскій.

Письмо М. М. Сперанскаго митрополиту Филарету.

1-го іюля 1822 г.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архіепастырь.

Почтеннѣйшее писаніе вашего высокопреосвященства отъ 6-го іюня я имѣлъ честь получить. Считаю особенною честію быть сопричислен-

нымъ къ сословію Московской духовной академіи, я приѣмлю выборъ конференціи съ истинною благодарностію. Всѣ права мои на сіе почтенное званіе состоятъ единственно въ искренней любви моей къ духовному просвѣщенію.

Принося въ особенности искреннюю мою благодарность вашему высокопреосвященству и поручая себя вашимъ молитвамъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію и пр.

2.

Письмо Филарета М. М. Сперанскому.

7-го октября 1822 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Представляя вашему превосходительству дипломъ, по препорученію Московской духовной академіи, пользуюсь симъ случаемъ, чтобы представить при семъ академическія сочиненія, о коихъ предварительно говорилъ.

Чтобы однимъ разомъ возвергнуть на васъ бесплодныя мои бремена, присокупаю еще книжку проповѣдей моихъ, отнюдь не съ домогательствомъ, чтобы она была читана, но только въ знакъ готовности моей съ довѣренностію предать суду вашему мои недостатки.

Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю долгъ быть вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ Филаретъ, архіепископъ московскій.

3.

Письмо Филарета М. Н. Загоскину.

17-го октября 1840 г.

Митрополитъ московскій, свидѣтельствуя свое почтеніе его превосходительству Михаилу Николаевичу, съ благодарностію возвращаетъ примѣчательную записку о необыкновенной болѣзни, не скрывая при томъ своего сожалѣнія, что это не дневная и не близкая къ современности записка, но рассказъ по памяти, записанный опять по памяти, который оставляетъ иное, что было бы полезно спросить, и представлять иное, на что надлежало бы возразить.

4.

Письмо Филарета графу А. А. Закревскому.

2-го марта 1855 г.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Вы на пути, чтобы предстать лицу благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича. Донесите его императорскому величеству, что я и вѣренное мнѣ московское духовенство у ногъ его императорскаго величества.

Вы идете воздать послѣдній долгъ въ Бозѣ почившему государю императору Николаю Павловичу. Мнѣ и примѣръ предшественниковъ предписываетъ лишиться сего утѣшенія, ибо и митрополитъ Платонъ, при его особенно признанномъ достоинствѣ и благоволеніи къ нему высочайшихъ особъ, не просилъ подобнаго; и моя ветхость не позволяетъ мнѣ помышлять о дальнемъ пути. Когда извѣстенъ будетъ день погребенія: долгъ мой и вѣреннаго мнѣ духовенства будетъ распорядиться такъ, чтобы древняя столица въ одно время съ новою молитвами сопровождала въ вѣчность благоговѣйною памятью чтимаго монарха.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ московскій.

5.

Письмо Филарета А. С. Норову ¹⁾.

4-го іюня 1862 г. Въ лаврѣ.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

Письмо ваше отъ 16 дня прошедшаго мѣсяца возвѣстило мнѣ вашу о мнѣ память и ваше ко мнѣ вниманіе.

Въ слѣдъ за тѣмъ получилъ я экземпляръ евангелія на греческомъ и славянскомъ языкахъ,—ваше благолѣпное и полезное изданіе ²⁾. Оно

¹⁾ Въ «Душеполезномъ Читаніи» 1880 года, іюль, стр. 379, было напечатано письмо митрополита Филарета къ А. С. Норову отъ 27-го декабря 1864 года.

²⁾ Въ этомъ изданіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1861 году, принималъ близкое участіе археографъ П. И. Савваитовъ.

даеть удобство и вразумляеться въ переводъ съ помощію подлинника, и изучать языкъ подлинника съ помощію перевода.

И за добрую память, и за благосклонный даръ примите искреннюю мою благодарность.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ московскій.

6.

Письмо Филарета А. С. Норову.

8-го февраля 1863 г. Москва.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

Съ благодарностію получилъ я вашу «Защиту Синайской рукописи Библии» ¹⁾:—съ благодарностію, во-первыхъ, за самую защиту, потомъ, за ваше о мнѣ воспоминаніе и за сообщеніе мнѣ вашего труда.

Вы предупредили насъ. Правда, изъ Москвы въ Петербургъ вкратцѣ писано подобное тому, что вами написано въ вашей защитѣ, но не напечатано ничего потому, что не скоро получено изданіе. Донынѣ въ Московской духовной академіи произведено всего текста евангелія и многихъ мѣстъ въ другихъ книгахъ сличеніе съ принятымъ и съ нѣкоторыми древнѣйшими текстами; и я на сихъ дняхъ надѣюсь получить мнѣніе, сходное съ вашимъ, пространнѣе подкрѣпленное дознаніемъ ²⁾.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Филаретъ, митрополитъ московскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

¹⁾ Брошюра А. С. Норова „Защита Синайской рукописи Библии отъ нападеній о. архимандрита Порфирія Успенскаго“, изданная въ 1863 году, была вызвана появившеюся въ концѣ 1862 г. брошюрою архимандрита Порфирія „Мнѣніе о Синайской рукописи, содержащей въ себѣ Ветхій Завѣтъ неполный и весь Новый Завѣтъ съ посланіемъ св. апостола Варнавы и книгою Ерма“. Архимандритъ Порфирій обвинялъ текстъ этой драгоценной рукописи IV вѣка (принадлежащей нынѣ Императорской Публичной Библиотекѣ) въ еретическихъ искаженіяхъ.

²⁾ Эта статья профессора Московской духовной академіи архимандрита (впослѣдствіи епископа) Михаила, подъ заглавіемъ „О текстѣ Синайской рукописи Библии“ напечатана въ прибавленіяхъ къ „Твореніямъ святыхъ отцевъ“, т. XII (Москва. 1863), стр. 167—239.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXIV ¹⁾.

Назначеніе П. П. Мельникова главноуправляющимъ путями сообщенія. — Отношенія къ нему В. А. Панаева. — Письмо его П. П. Мельникову. — Предложеніе Панаеву работать на Южной дорогѣ. — Вызовъ его въ Петербургъ. — Свиданіе съ П. П. Мельниковымъ. — Интрига, вслѣдствіе которой В. А. Панаевъ остался безъ назначенія на работы.

Съ уходомъ Чевкина изъ министерства, главноуправляющимъ путями сообщенія былъ назначенъ П. П. Мельниковъ. Онъ зналъ меня хорошо, такъ какъ я началъ у него службу и провелъ подъ его начальствомъ болѣе 10 лѣтъ. Несмотря на громадную разницу положеній, — онъ былъ министръ, а я подполковникъ — онъ не измѣнилъ своей простоты въ обращеніи и относился ко мнѣ съ видимымъ вниманіемъ.

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ, я часто бывалъ у него и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предположеніяхъ. Въ это время постройка дорогъ остановилась, и Мельниковъ сталъ приходить къ убѣжденію, что надо принятыя за постройку дорогъ правительствомъ, послѣ того, какъ англійская компанія не могла реализовать капиталъ, при гарантіи въ 100.000 руб. на версту.

При нашей бесѣдѣ, я нѣсколько разъ напоминалъ ему о моей брошюрѣ: «О бездѣйствующемъ избыткѣ производительныхъ силъ», которой онъ прежде сочувствовалъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, январь 1903 г.

— Идеи, изложенныя въ ней, я понимаю,—говорить онъ,—но министр финансовъ рѣшительно парализуетъ мои предположенія и мой взглядъ на дѣло.

Надо сказать, что министр финансовъ Рейтернъ держался строго современнымъ тогда экономическимъ и финансовымъ возрѣніемъ и думалъ о повышеніи курса. По совѣту управлявшаго въ то время государственнымъ банкомъ Ламанскаго, Рейтернъ попробовалъ открыть размѣнъ на золото, но кончилось тѣмъ, что недѣли въ двѣ золото выбрали и вывезли за границу.

Мельниковъ смотрѣлъ на экономическій и финансовый вопросы нѣсколько шире. Ожидать поднятія курса для устройства дорогъ онъ считалъ потерей времени. Дѣйствительно, при тогдашнемъ торговомъ балансѣ и при необходимости вывоза золота по уплатамъ процентовъ за государственные займы и за капиталы, привлеченные на разныя предпріятія, поднятіе курса какими то бы ни было операціями государственнаго банка было немислимо.

Хотя Мельниковъ былъ человѣкъ высокообразованный, быстро схватывалъ и понималъ все, и былъ бы замѣчательнымъ министромъ, краснорѣчивымъ ораторомъ въ конституціонномъ государствѣ. Но онъ былъ слабого характера, шаткихъ убѣжденій, не обладалъ административною способностью, боялся какъ огня борьбы. Вслѣдствіе моихъ бесѣдъ съ нимъ, я рѣшился написать ему письмо, которымъ старался двинуть его на борьбу.

Вотъ это письмо:

«Нѣтъ выхода Россіи,—писалъ я,—изъ настоящаго затруднительнаго ея положенія безъ желѣзныхъ дорогъ. Это сознаютъ всѣ здравомыслящіе люди и инстинктивно чувствуютъ почти всѣ.

«Вы встали во главѣ главнѣйшаго нынѣ министерства въ важную минуту русской жизни. Васъ вызвала судьба. Отъ васъ Россія ждетъ многого. Повсюду явилась надежда, что, съ вашимъ появленіемъ, насущная потребность Россіи будетъ удовлетворена. Вашъ долгъ отвѣтить этимъ ожиданіямъ—вы, конечно, это сознаете.

«Всѣ предпріятыя въ Россіи реформы относительно быта экономическаго, нравственнаго, юридическаго, относительно статей государственныхъ доходовъ, даже реформа касательно администраціи и хозяйства военныхъ—все останется пустой, мертвой фразой, безъ всякой практической пользы, пока не будетъ желѣзныхъ дорогъ. Телеграфъ конечно приноситъ пользу, онъ ускоряетъ распоряженія изъ центра, и тѣмъ тѣшитъ дѣтскіе умы, но сущность дѣла, безъ желѣзныхъ дорогъ, остается та же самая. Если всего этого не сознаютъ теоретики-реформаторы и другіе министры, вамъ предстоитъ одинъ путь: идти во-

преки мнѣніямъ остальныхъ министровъ, но въ согласіи съ общими насущными и вѣрными народными нуждами.

«Борьба неизбежна, т. е. борьба противъ рутинныхъ, узкихъ экономическихъ воззрѣній, не соответствующихъ ни обстоятельствамъ, ни народному быту, противъ воззрѣній, которыя, чего добраго, доведутъ Россію до бѣды.

«Борьба одного человѣка безсильна, кромѣ того, въ вашемъ положеніи борьба, во многихъ случаяхъ, даже невозможна. Орудія борьбы необходимы. Дайте возможность этимъ орудіямъ, т. е. людямъ, готовымъ встать за истину, вступить въ борьбу, вызвать слѣпоту и ложь на бѣлый свѣтъ и побить ихъ. Успѣхъ несомнѣненъ. Когда люди становятся за истину и становятся съ вѣрою, знаніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не отступать—вся узкость, малость и жалкое ничтожество противниковъ истины быстро обнаруживаются. Не только исторія, но и современные явленія доказываютъ это фактами какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ размѣрахъ.

«Вы не должны сойти со сцены, не исполнивъ своего назначенія. Нашъ долгъ не допускать такого исхода дѣла; мы должны принести всѣ свои знанія, силы и опытность на защиту правды и разума. Вамъ стоитъ только пожелать, за это я вамъ ручаюсь, и тогда вы пройдете вашъ путь со славою, приложивъ на практикѣ начало вѣрныхъ экономическихъ воззрѣній, облагодѣтельствовавъ Россію и давъ ей народу средства къ развитію его матеріальнаго благосостоянія, безъ котораго не мыслимы нравственное развитіе и всѣ предпринимаемыя къ тому реформы.

«Вы, конечно, сознаете, что сущность вашей силы, предъ лицомъ кого бы то ни было, будетъ зависѣть не отъ большаго или меньшаго согласенія съ воззрѣніями другихъ министровъ, но въ приведеніи въ исполненіе того, чего отъ васъ ждетъ Россія.

«Не пренебрегайте этими мелкими орудіями. Много ли нужно пороха, чтобы двинуть огромную глыбу, а чтобы воодушевить порохъ, нужно еще меньше—искра. Не пренебрегайте совѣтами людей, хотя не большихъ, но искренно преданныхъ истинѣ и, болѣе или менѣе, доказавшихъ на дѣлѣ и печатно справедливость своихъ взглядовъ, въ чемъ и убѣждаются уже нынѣ нѣкоторые умы, имѣвшіе прежде противныя мнѣнія.

«Если вы сознаете неизбежность борьбы и необходимость вызвать для того орудія, и если слова мои найдутъ въ васъ отголосокъ, тогда я сочту своимъ долгомъ высказать вамъ то, что по моему мнѣнію необходимо нужно дѣлать теперь же, чтобы систематически и навѣрно порицать фальшивые экономическіе взгляды.

«Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать слѣдующее: всего на свѣтѣ

труднѣ узнавать людей, тѣмъ болѣе изъ официальныхъ отношеній, а потому вы легко можете подумать, что все выше сказанное продиктовано побужденіями личныхъ интересовъ. Я не боюсь этого осужденія. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, я двигался отчасти личнымъ интересомъ, но, во всякомъ случаѣ, интересомъ не грязнымъ, не мелкимъ и не подлымъ. Желаніе принимать участіе и приносить пользу въ болѣе широкомъ примѣненіи, хотя бы даже и не гласно, есть самое естественное чувство всякаго порядочнаго человѣка. Я думаю даже, что отыскивать сферу полезной общественной дѣятельности въ соотвѣтствіи своимъ силамъ есть его долгъ, лишь бы путь былъ чистый.

«Вызывомъ своимъ, безъ приглашенія съ вашей стороны, я очищаю тоже свою совѣсть, чтобы, ни въ одну минуту моей жизни, я не могъ упрекнуть себя, что я не пошелъ кратчайшимъ путемъ на помощь истинѣ и важному дѣлу, изъ стыда компрометтировать себя откровеннымъ обращеніемъ къ вамъ.

«Если предложеніе мое покажется вамъ увлеченіемъ, самонадѣянностью, и вы почему-либо не найдете нужнымъ или возможнымъ воспользоваться моею готовностью и моимъ вызовомъ, то это только отдалить побѣду надъ фальшивой рутинной, ибо я буду предоставленъ одинымъ моимъ силамъ. А что не бѣда будетъ, въ этомъ я увѣренъ, потому что общественное мнѣніе въ настоящее время оправдало тотъ взглядъ, который мною первымъ былъ высказанъ».

Прочитавъ письмо, онъ искренно поблагодарилъ меня, какъ будто прослезился и сказалъ:

— Пожалуйста, выскажите мнѣ, что по вашему мнѣнію нужно дѣлать?

Вслѣдствіе этого, я написалъ записку о желѣзныхъ дорогахъ раздѣливъ ее на три небольшія записки, озаглавленныя такъ: 1, Кому строить желѣзныя дороги, правительству или компаниямъ?

2, Отчего у насъ мало желѣзныхъ дорогъ? и

3, Гдѣ заключаются вѣрныя и дешевыя средства для осуществленія желѣзныхъ дорогъ?—и принесъ ихъ Мельникову.

— Вы находите,—сказалъ я,—что министръ финансовъ препятствуетъ исполненію вашихъ предположеній. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ, вамъ слѣдовало бы дѣйствовать непосредственно на государя. Вотъ вамъ три записки. Прочтеніе каждой изъ нихъ не займетъ болѣе четверти часа времени, а потому, при вашихъ докладахъ государю, вы можете постепенно прочесть ему ихъ и такимъ образомъ ввести его въ ваши взгляды, послѣдствія которыхъ будутъ благодѣтельны для Россіи. Вамъ извѣстно, Павелъ Петровичъ, что Чевкинъ, послѣ того, какъ

государь утвердилъ мнѣніе Комитета министровъ о продажѣ Николаевской дороги, рѣшился прочесть государю записку, мною составленную, сказавъ ему: вотъ какъ думаютъ русскіе люди о продажѣ Николаевской дороги. Такъ какъ продажа дороги была высочайше утверждена, то Чевкинымъ было сдѣлано распоряженіе о сдачѣ дороги. Но послѣ сказанной записки, государь измѣнилъ свой взглядъ, и Чевкинъ поручилъ мнѣ составить такія условія продажи, вслѣдствіе которыхъ общество нашло бы ихъ затруднительными и само отказалось бы отъ пріобрѣтенія дороги; и вы знаете, что, такимъ путемъ, продажа дороги была остановлена. Почему вамъ не вступить въ борьбу со взглядами министра финансовъ, когда вы твердо убѣждены въ огромной пользѣ для государства въ проведеніи вашихъ идей.

Мельниковъ прочелъ мои записки, поблагодарилъ и сказалъ:

— Я думаю послать ихъ министру финансовъ.

— Такъ какъ, по моему мнѣнію, — сказалъ я, — изъ такого пути ничего не можетъ выйти, то позвольте мнѣ напечатать ихъ.

— Это вашъ трудъ, и я никакого препятствія не сдѣлаю, — сказалъ онъ.

И вотъ я и напечаталъ эти записки въ газетѣ «День» 1863 г.

Черезъ нѣсколько времени, при одномъ моемъ посѣщеніи Мельникова, у котораго находился, на этотъ разъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, П. А. Языковъ, Мельниковъ сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, состоится постройка Θεодосійской дороги отъ правительства, и что онъ сожалѣетъ, что я долженъ ѣхать въ Новочеркасскъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ бы предложить того содержанія, какое я получаю въ Волго-Донскомъ обществѣ и на постройкѣ Грушевской дороги, что составляло вмѣстѣ 19.000 руб.

Тогда я отвѣтилъ ему, что Грушевскую дорогу, я скоро кончаю и дѣятельность по эксплуатаціи меня мало интересуеетъ, а ежели представится случай заняться прямымъ моимъ дѣломъ постройки дорогъ, чѣмъ я до сихъ поръ занимался, то я буду согласенъ работать съ меньшимъ вознагражденіемъ.

— Такъ вы будете согласны въ могущемъ представиться случаѣ удовлетвориться меньшимъ содержаніемъ?

— Рѣшительно согласенъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось бы жить въ Царицынѣ, гдѣ я не могу давать должнаго образованія дѣтямъ.

— Вы слышите, Петръ Александровичъ, — сказалъ Мельниковъ, обращаясь къ Языкову, — мы его поймаемъ на словѣ.

Между тѣмъ Мельниковъ сообщилъ о томъ же Семичеву, служившему у него начальникомъ участка на Николаевской дорогѣ, и мы мечтали работать вмѣстѣ на болѣе широкомъ дѣлѣ.

Семичевъ по обыкновенію обратился ко мнѣ и просилъ сообщить ему высочайше утвержденную организацію Грушевской дороги, которую я уже построилъ, дабы, въ случаѣ порученія ему Мельниковымъ составить положеніе о будущей дорогѣ, имѣть эту организацію руководствомъ.

Я составилъ ему двѣ записки: одну, представляющую общій взглядъ, а другую, — съ подробнымъ изложеніемъ организаціи, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Полное довѣріе къ исполнителямъ.
2. Полная самостоятельность ихъ въ предѣлахъ назначенной сферы, которая должна быть какъ можно шире.
3. Свобода дѣйствій въ данной сферѣ, безъ испрашиванія разрѣшеній высшей инстанціи.
4. Строжайшая отвѣтственность личная, но отнюдь не коллективная.
5. Особенная бдительность высшей инстанціи въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное лицо испрашиваетъ разрѣшеніе тогда, когда дѣло относится до сферы предоставленной ему самостоятельности. Такія явленія равносильны стремленію этого лица снять съ себя отвѣтственность.
6. Возложеніе строгой обязанности на исполнителя: не выступать изъ общей смѣты данной операціи, допуская, однако, перенесеніе расходовъ изъ одной статьи въ другую, иначе руки у исполнителя часто будутъ связаны.
7. Допущеніе, по случайнымъ и мѣстнымъ, не терпящимъ отлагательства, причинамъ — измѣненій въ проектѣ.
8. Строжайшій контроль дѣйствій и фактовъ, а не предварительный контроль предложеній, снимающій отвѣтственность съ личности.
9. Возбужденіе энергии и поддержаніе духа во всѣхъ исполнителяхъ, спускаясь даже до рабочаго люда, который долженъ быть оплачиваемъ широко.

Здѣсь я долженъ прервать, на нѣсколько времени, послѣдовательность разсказа и обратиться нѣсколько назадъ.

Мой сослуживецъ по Николаевской дорогѣ Семичевъ, лѣтъ на десять старше меня, былъ со мною въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Когда я отправился на Донъ, Семичевъ строилъ въ это время Волго-Донскую желѣзную дорогу. Окончивъ ее, онъ отправился въ Петербургъ и вслѣдъ затѣмъ былъ приглашенъ въ частное общество на постройку Рязанской дороги, т. е. на продолженіе дороги отъ Коломны до Рязани. Когда я пріѣхалъ съ 1862 на 1863 г. въ Петербургъ, Семичевъ обратился ко мнѣ, между прочимъ, съ такою рѣчью:

— Вы вѣдь мастеръ по выбору линіи, а мнѣ придется дѣлать изысканія отъ Коломны къ Рязани. Я принесъ вамъ подробныя карты, пожалуйте, рассмотрите ихъ и начертите линію, какаѣ, по вашему

взгляду, представится лучшею. Да вотъ еще, что васъ попрошу. Вы теперь человѣкъ опытный въ устройствѣ администраціи; вы вели дѣло самостоятельно на совершенно особыхъ порядкахъ; сдѣлайте мнѣ одолженіе, набросайте мнѣ, коротенько, основные принципы этихъ порядковъ. Я не далъ еще окончательнаго отвѣта правленію, т. е. Дервизу, и подожду, пока не получу отъ васъ.

— Съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу,—отвѣтилъ я.

И принялся, по изученіи картъ, за начертаніе линіи и за составленіе записки, которую и послалъ ему.

Замѣчу здѣсь, что по начертанной мною линіи и построена дорога, обоедешаяся необыкновенно дешево.

Семичевъ, впрочемъ, не оставался долго на Рязанской дорогѣ. Онъ не сошелся съ директоромъ правленія Дервизомъ и ушелъ оттуда.

Въ маѣ 1864 года я получилъ слѣдующую телеграмму отъ главноуправляющаго Мельникова: «можете ли вы пріѣхать неотлагательно въ Петербургъ для принятія порученія по работамъ Южной дороги».

Я телеграфировалъ главномууправляющему: «не могу ли остаться недѣли на три, для закончанія дѣла въ Новочеркасскѣ».

На это получилъ телеграмму отъ брата Ипполита, который былъ инспекторомъ въ институтѣ путей сообщенія: «Мнѣ поручено отвѣтить, что если желаете воспользоваться дѣломъ по работамъ Московско-Орловской дороги, то ускорьте пріѣздомъ, потому что дѣло рѣшается теперь».

Раздумывать было нечего, и я черезъ три дня выѣхалъ, со всеѣмъ семействомъ, въ Петербургъ.

Мнѣ было извѣстно только, что Мельниковъ имѣетъ намѣреніе строить дорогу отъ Москвы до Орла.

По пріѣздѣ въ Москву, я встрѣтилъ на станціи человѣка Семичева, который сообщилъ мнѣ, что его баринъ здѣсь, въ Москвѣ, и что могу его увидать на станціи Николаевской дороги, въ чертежной.

Я заѣхалъ съ семействомъ въ гостиницу, подлѣ Николаевского вокзала, и сейчасъ отправился къ Семичеву. Изъ всего предыдущаго я, разумѣется, ожидалъ самой сердечной встрѣчи. Но каково было мое удивленіе, что, когда я вошелъ въ чертежную, Семичевъ, поднявъ голову отъ разсматриваемой имъ продольной профили, сказалъ:

— Ахъ, вы пріѣхали; Мельниковъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ и не дождется.

Эта встрѣча была совершенно ушатомъ ледяной воды, вылитой неожиданно на меня. Я почувствовалъ полное оскорбленіе всеѣхъ моихъ чувствъ и впалъ потому въ недоумѣніе.

— Гдѣ вы остановились здѣсь?—спросилъ Семичевъ.

— Въ гостиницѣ, подлѣ вокзала.

— Я приѣду къ вамъ часа черезъ два.

Когда приѣхалъ Семичевъ, Я хотѣлъ узнать о томъ, въ какомъ положеніи ходъ дѣла, такъ какъ я ничего не вѣдалъ.

— Узнаете все отъ Мельникова въ Петербургѣ. Вы когда ѣдете?

— Какъ ѣхать? Я хотѣлъ переговорить прежде обо всемъ съ вами.

— Я теперь ужасно занятъ. Поѣзжайте сегодня же въ Петербургъ. Мельниковъ только васъ и ждетъ, чтобы уѣхать въ объѣздъ.

Это былъ уже второй ушатъ воды. Мысли мои стали путаться, требовалось выяснитъ мое недоумѣніе, и я, несмотря на усталость семьи отъ семидневной непрерывной ѣзды, рѣшился ѣхать въ тотъ же день съ почтовымъ поѣздомъ.

Приѣхавъ въ Петербургъ, я на другой же день отправился къ Мельникову.

— Я очень, очень радъ, что успѣшили приѣхать, я торопилъ васъ, потому что дѣло въ самомъ горячемъ ходу. Теперь, я поручилъ Совѣту рассмотреть положеніе о постройкѣ Южной дороги. Это положеніе составлено на основаніи той вашей записки, которую передалъ мнѣ Семичевъ, съ порядками, которые были организованы вами при постройкѣ Грушевской дороги. Старичкамъ въ Совѣтѣ эти порядки кажутся немислямы. Вы, какъ приведшій въ исполненіе эти порядки, и разъясните имъ, что они освѣщены уже опытомъ. Завтра я уѣзжаю на нѣсколько дней въ объѣздъ; а вы пойдете въ Совѣтъ. Я сейчасъ дамъ вамъ отъ себя записку, что вы явились по моему порученію. На-дняхъ приѣдетъ Семичевъ, передайте ему, чтобы онъ пошелъ вмѣстѣ съ вами и помогъ вамъ въ разъясненіяхъ дѣла. Впрочемъ, вы получите объ этомъ официальное распоряженіе.

На другой день я отправился въ Совѣтъ. Въ Совѣтѣ предѣдательствовалъ товарищъ главноуправляющаго генераль-лейтенантъ Герсфельдъ; членами были: генераль-лейтенантъ Четверниковъ, Алексѣй Петровичъ Мельниковъ, братъ главноуправляющаго; Петръ Александровичъ Языковъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, другіе директора разныхъ департаментовъ и тайный совѣтникъ Баричевскій.

Всѣ эти господа, при чтеніи Положенія, приходили въ полное недоумѣніе, какъ можно вести казенное дѣло безъ рабочихъ журналовъ и рабочихъ книжекъ; какъ составлять смѣты безъ урочнаго положенія и справочныхъ цѣнъ; какъ допустить, чтобы исполнитель могъ измѣнять утвержденные проекты, сообразно обстоятельствамъ по экстренности дѣла; какъ, вслѣдствіе надобности, обходиться безъ форменныхъ торговъ и проч.

Со всѣхъ сторонъ на мои разъясненія, основанныя на опытѣ, я слышалъ возраженія, которыя могли вызывать только улыбку.

Между тѣмъ, подѣхалъ Семичевъ изъ Москвы, и я ему передалъ желаніе Мельникова, чтобы онъ явился, вмѣстѣ со мною, въ Совѣтъ.

— Какъ хотите, а я туда не пойду; положеніе составлено по вашей запискѣ и оправдалось вашимъ опытомъ, вы и защищайте.

Это былъ третій ушатъ воды, вылившійся на меня. Становилось очевиднымъ, что Семичевъ уклоняется отъ совмѣстнаго дружнаго веденія дѣла, долженствовавшего насъ сильно интересовать. Тѣмъ временемъ, я получилъ отъ правителя дѣлъ Совѣта, Васильева, слѣдующее извѣщеніе: «Имѣю честь увѣдомить Валеріана Александровича, что товарищъ главноуправляющаго приказать изволилъ просить васъ пожаловать въ засѣданіе Совѣта, имѣющее быть 25-го сего мѣсяца въ часъ по полудни».

Въ виду того, что Семичевъ наотрѣзъ отказался идти со мною въ Совѣтъ, и что поэтому — «однявъ въ полѣ не воинъ» — я не пошелъ въ Совѣтъ и написалъ правителю дѣлъ, Васильеву, слѣдующій отвѣтъ:

«Честь имѣю увѣдомить, что по случаю сильной зубной боли не могу присутствовать сегодня въ засѣданіи Совѣта».

Въ это время, ко мнѣ стала обращаться масса инженеровъ съ рекомендаціями отъ товарища главноуправляющаго и отъ разныхъ лицъ для поступленія на дорогу; я отвѣчалъ товарищу главноуправляющаго, что приказъ о моемъ назначеніи еще не вышелъ, и потому я не могу еще набирать личный составъ.

— Да это дѣло рѣшенное, — отвѣтилъ мнѣ Герсфельдъ.

Черезъ нѣсколько дней возвратился Мельниковъ, и я пошелъ къ нему, сказалъ ему, какъ было дѣло.

— Да это ничего не значить, — сказалъ Мельниковъ, — старичкамъ трудно разставаться съ прежними казенными порядками; пусть ихъ ворчатъ, а я доложу Положеніе безъ ихъ санкціи, непосредственно государю.

Тогда я поставилъ Мельникову слѣдующій вопросъ:

— Вы предполагаете, Павелъ Петровичъ, раздѣлить дорогу до Орла на два отдѣленія, изъ которыхъ одинъ поручаете Семичеву, а другой мнѣ. Кто же будетъ нашимъ начальникомъ?

— Я-съ, — отвѣтилъ порывисто Мельниковъ.

— Это вѣрно, что вы можете быть нашимъ непосредственнымъ начальникомъ только до поры до времени. Оба, избранныя вами, лица вамъ хорошо извѣстны во всѣхъ отношеніяхъ, и потому дѣло безъ хлопотъ пойдетъ гладко. Но вѣдь дорога не остановится въ Орлѣ; она пойдетъ до Курска, затѣмъ до Харькова, потомъ до Екатеринославля

и, наконецъ, до Севастополя. Тогда, по занимаемому вами положенію, вы будете не въ состояніи быть непосредственнымъ начальникомъ.

— Тогда будетъ вѣдать дорогой департаментъ желѣзныхъ дорогъ,— сказалъ Мельниковъ.

— Припомните, Павелъ Петровичъ, сколько горя, сколько неприятностей, сколько помѣхъ, сколько оскорбленій и обидъ доставлялъ вамъ департаментъ, не отвѣтственный въ живомъ дѣлѣ, и вы всего этого не скрывали отъ насъ.

— Да, это правда! Но какъ же обойтись безъ этого?

— Раздѣлите дорогу не по участкамъ, а по отраслямъ, и поставьте во главу каждой отрасли независимое самостоятельное лицо. Напримѣръ, вы оказываете довѣріе намъ. Положимъ, вы поручаете Семичеву отрасль постройки землянаго полотна и искусственныхъ сооружений, а я возьму на себя механическую часть, подвижной составъ, водоснабженіе, станціи и проч., т. е. ту отрасль, въ которой Семичевъ не компетентенъ; третья отрасль будетъ хозяйственная; для этого у васъ есть лицо, вамъ отлично извѣстное, пользовавшееся вашимъ особымъ довѣріемъ, Журавскій. Будетъ, значить, три лица, совершенно самостоятельныхъ, которыя и составятъ управленіе. Это будутъ не чиновники, а живые отвѣтственные исполнители.

— Да,— сказалъ Мельниковъ,— такая постановка организаціи мнѣ очень нравится. Изложите это на бумагѣ и принесите мнѣ какъ можно скорѣе. Дней черезъ пять я ѣду провожать государя въ Варшаву, и доложу ему объ этой организаціи.

Въ тотъ же день, я засѣлъ составлять записку. Пришлось переписать ее своей рукой, такъ какъ подобное дѣло надо было держать въ секретѣ. Я просидѣлъ три дня и три ночи, и на четвертый день принесъ Мельникову записку. Онъ очень благодарилъ меня и повторилъ, что дорогой доложить это дѣло государю.

На другой день послѣ отъѣзда Мельникова, т. е. 15-го іюня 1864 года, я получилъ отъ директора департамента Языкова письмо слѣдующаго содержанія:

«Препровождая при семъ, для прочтенія вашего, копію съ Положенія о производствѣ работъ по устройству Южной желѣзной дороги, искорнѣйше прошу васъ возвратить оное по возможности неотлагательно.

«Господинъ главноуправляющій прибудетъ въ С.-Петербургъ въ четвергъ утромъ, а потому—не будете ли имѣть возможность повидаться со мною до пріѣзда его превосходительства Павла Петровича».

Кромѣ того, Языковъ прислалъ мнѣ маленькую записку, которой просилъ пріѣхать къ нему обѣдать.

Языковъ былъ женатъ и жилъ въ это время на Большой Морской.

Жена и дочь его были на дачѣ въ Петергофѣ. Когда я пріѣхалъ къ обѣду, то увидаль столъ съ приготовленными лишь двумя кувертами. Обѣдъ былъ великолѣпный, превосходныя вина и въ заключеніе шампанское. Тутъ разговора о дѣлѣ Языковъ не подымалъ, разспрашивалъ меня о выстроенной мною дорогѣ и проч. Послѣ обѣда, онъ пригласилъ выйти на балконъ, приказалъ подать туда столикъ, разные ликеры, кофе, коньякъ и принесъ мнѣ большую сигару.

— А я,—сказалъ онъ,—по старой привычкѣ покуриваю трубочку Жукова изъ длиннаго чубука. Дѣйствительно, трубка съ чубукомъ ушралась на полъ. Мы засѣли на балконѣ, и, черезъ нѣсколько минутъ, Языковъ заговорилъ:

— Что это, Валеріанъ Александровичъ, вы хотите насъ похерить?

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— А записка, которую вы подали Павлу Петровичу?

— Да, я подаль записку Павлу Петровичу, составленную по его приказанію.

Языковъ нѣсколько отвернулся, сдѣлавъ презительную гримасу и, махнувъ рукою, сказалъ:

— Полноте говорить это. Я вѣдь знаю, что записка составлена по вашей инициативѣ; вы департаментъ ни въ грошъ не ставите; вы его просто уничтожаете; за что на насъ такая напасть?

Я перемѣнилъ тонъ и сказалъ: «Я исполнялъ только приказаніе главноуправляющаго».

— Что же это будетъ: три директора будутъ исполнять самостоятельно все дѣло, и департаментъ подступиться къ нимъ не можетъ.

— Я принялъ во вниманіе порядки, которые были при постройкѣ Николаевской дороги, и порядки при построенной мною дорогѣ, которые оправдались на опытѣ, и на этомъ основаніи, я и составилъ мою записку.

Затѣмъ Языковъ сталъ пытаться меня съ развѣхъ сторонъ; и я не перемѣнялъ принятаго официальнаго тона.

— А Семпчевъ-то, кажется, будетъ попокладливѣе васъ,—сказалъ Языковъ.

Разговоръ началъ принимать непріятный характеръ, и я поспѣшилъ поблагодарить и откланяться.

Черезъ нѣсколько дней вернулся Мельниковъ; ожидая быть вызваннымъ, я не пошелъ къ нему. Прошло дней десять. Мельниковъ не посылалъ за мной. Въ это время, Семичевъ непрерывно пріѣзжалъ изъ Москвы, потому, что его семейство жило въ Павловскѣ на дачѣ, у брата Инполита. Онъ ничего не сообщилъ мнѣ о ходѣ дѣла и только однажды спросилъ:

— Были вы у Мельникова?

✱

— Нѣтъ, не былъ, и жду, что онъ призоветъ меня; вѣдь онъ вызвалъ меня за 1.800 верстъ и оторвалъ отъ дѣла. Я не навязывался, и потому онъ обязанъ мнѣ.

— Я совѣтовалъ бы сходить,—сказалъ Семичевъ.

Наши отношенія съ нимъ измѣнились.

Такимъ образомъ прошло три недѣли слишкомъ, Мельниковъ не призывалъ, а я къ нему не шелъ.

Семичевъ опять пріѣхалъ изъ Москвы. Живя у брата въ Павловскѣ, я пошелъ къ нему утромъ. Онъ одѣвался, чтобы ѣхать въ Петербургъ. Разговоръ между нами не клеился. Я сидѣлъ съ боку письменнаго стола, на которомъ лежала кучка официальныхъ бумагъ, написанныхъ писарскимъ, прекраснымъ почеркомъ. Я невольно взглянулъ на эту кучку, и на первомъ листѣ увидалъ написанный рапортъ Мельникову о назначеніи офицеровъ на Курскую дорогу. Семичевъ мнѣ ни слова не сказалъ, что онъ принялъ уже на себя порученіе, не только до Орла, но отъ Москвы до Курска. Пораженный этимъ обстоятельствомъ, я смолчалъ; а Семичевъ, надѣвъ мундиръ и захвативъ въ портфель бумаги, сказалъ мнѣ:

— Извините, мнѣ нужно ѣхать къ Мельникову.

Я пожелалъ ему счастливаго пути и вышелъ. Съ той минуты безъ всякихъ объясненій мы разстались съ Семичевымъ навсегда.

Такимъ образомъ разыгралась интрига противъ меня, которой поощрялъ Семичевъ, мой закадычный другъ.

Я рассказалъ буквально факты и долженъ разъяснить ходъ интриги, направленной противъ меня, и назвать лицъ, принявшихъ въ ней то или другое участіе.

Дѣло совершилось скоро и неожиданно. Какъ сказано выше, я вручалъ Мельникову, передъ отъѣздомъ его въ Варшаву, мою записку о подраздѣленіи управленія дороги по отраслямъ, съ которой онъ хотѣлъ ознакомить государя.

Мельниковъ былъ человекъ слабого характера, нерѣшительный и шаткій во взглядахъ. Главнымъ его совѣтникомъ былъ его родной братъ Алексій Петровичъ, членъ Совѣта, который и жилъ съ своимъ семействомъ въ министерскомъ домѣ, наверху.

Этотъ человекъ былъ рѣшительный, смѣлый, съ опредѣленными взглядами, и потому имѣлъ огромное вліяніе на своего брата, который и слушался его во всемъ. Этимъ только и можно объяснить возвращеніе Уайненса, прогнаннаго Чевкинскимъ, опять въ контрагенты, на Николаевскую дорогу, съ контрактомъ еще худшимъ для казны противъ прежняго.

Когда главноуправляющій недоумѣвалъ, какъ организовать управленіе, то Алексій Петровичъ держалъ такую рѣчь:

— Что ты раздумываешь и возишься съ Панаевымъ. Это человекъ абсолютный, ты самъ это хорошо знаешь и видѣлъ его на дѣлѣ при Чевкинѣ, когда онъ зарѣзалъ Уайненса. Если организуешь управление съ Совѣтомъ, то, конечно, первую и главную роль будетъ играть Панаевъ, и весь успѣхъ дѣла припишется ему. Онъ не будетъ исполнителемъ твоей воли, а будетъ дѣйствовать самостоятельно, что видно уже изъ записки, которую онъ тебѣ представилъ. Семичевъ будетъ подходяще тебѣ; назначь его стронтедемъ всей дороги отъ Москвы до Курска.

— Я уже вызвалъ Панаева изъ Новочеркасска, — возразилъ ему Павелъ Петровичъ, — и заявлялъ всѣмъ, что я имѣлъ въ виду назначить его на Южную дорогу.

— Экая бѣда! — отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ. Семичевъ на 10 лѣтъ старше по службѣ Панаева, произведи его въ генералы, и тѣмъ, значитъ, въ глазахъ всѣхъ, ты и оправдаешь себя.

На этомъ и было рѣшено дѣло.

Хотя матеріальный ударъ былъ громадный: съ 19.000 руб. содержанія, я очутился на 800 руб. жалованья по чину, но во мнѣ горѣла энергія, я вѣрилъ въ свои собственныя силы и потому перенесъ этотъ ударъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстояло получить 10.000 руб. преміи, которая была высочайше назначена за устроенную мною Грушевскую дорогу.

У Мельникова заговорила совѣсть уже впоследствии, когда онъ оставилъ постъ министра и былъ зачисленъ въ члены Государственнаго Совѣта. Въ это время онъ приобрѣлъ домъ въ Фуришадтской, гдѣ и жилъ. Въ той же улицѣ, вблизи, я имѣлъ небольшой домъ, и мой кабинетъ помѣщался внизу.

Мельниковъ имѣлъ обыкновеніе, вставши утромъ, часовъ въ 6 или 7, немедленно дѣлать пѣшкомъ прогулку. Я видѣлъ его проходящимъ каждый день мимо моихъ оконъ, когда я занимался писаніемъ.

Нѣсколько разъ, проходя, онъ останавливался передъ окномъ и могъ видѣть меня. Спустя нѣкоторое время, я получилъ отъ него визитную карточку. Я не отвѣтилъ и не пошелъ къ нему. Черезъ недѣлю, я получилъ другую карточку и все-таки не пошелъ къ нему. Дня черезъ три Мельниковъ, проходя, остановился передъ окномъ, увидалъ меня, вернулся, и я немедленно услышалъ звонокъ.

— Я живу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ; гуляя, я часто вижу васъ въ окно занимающимся, и мнѣ захотѣлось повидать стараго сослуживца, — сказалъ Мельниковъ.

— Я очень радъ васъ видѣть, — отвѣтилъ я.

— Намъ надо бы возобновить знакомство по близкому сосѣдству.

— Я непременно явиться къ вамъ, — сказалъ я.

Зная слабый характеръ Мельникова, зная главныхъ дѣйствующихъ лицъ интриги, я не питалъ къ нему злобнаго чувства. Послѣ его настойчиваго желанія видѣть меня, я отправился къ нему. Ни онъ, ни я не вспоминали прошедшаго, и мы стали сходиться съ нимъ. Мельниковъ началъ ходить къ намъ часто.

Такъ я сблизился опять съ Мельниковымъ, при пословицѣ: «кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ».

XXXV.

Сдача Грушевской дороги.—Поѣздка Панаева за границу.—Конгрессъ въ Бернѣ.—Встрѣча съ А. И. Герценомъ.—Знакомство съ П. Г. Державиномъ.—Его прошлое.—Предположеніе о постройкѣ дороги отъ Козлова до Воронежа.—Новый концессионеръ Поляковъ.—Постройка дороги отъ Курска до Киева.—Два предложенія: Державина и Новосельскаго.—Полученіе концессіи Державиномъ.

Когда министръ Мельниковъ вызвалъ меня изъ Новочеркасска для работъ Южной дороги, Грушевская дорога была уже окончена и четыре мѣсяца находилась въ эксплуатаціи. Вызванный экстренно, я долженъ былъ сдать всѣ дѣла старшему офицеру и отправился въ Петербургъ со всею семьей, слѣдовательно, по экстренности отъѣзда, не могла быть форменная сдача дороги.

Ожидая официальнаго назначенія меня на Южную дорогу, я проживалъ въ Петербургѣ, и только въ ноябрѣ назначена была коммиссія для пріема отъ меня Грушевской дороги. Въ число членовъ этой коммиссіи былъ назначенъ отъ военнаго министерства военный инженеръ, подполковникъ Паукеръ, вполнѣдствіи министръ путей сообщенія.

Такъ какъ на дорогѣ было устроено много сооруженій, которыя не имѣли первоначально утвержденныхъ проектовъ, и мною измѣненныхъ сообразно обстоятельствамъ, то коммиссіи пришлось пребыть въ Новочеркасскѣ почти цѣлый мѣсяць, чтобы убѣдиться въ необходимости новыхъ сооруженій и основательности сдѣланныхъ измѣненій.

Свой огромный журналъ коммиссія заключила слѣдующими словами:

«Коммиссія, повѣривъ всѣ отступленія на мѣстѣ, вполнѣ признаетъ основательность соображеній, руководившихъ означенными отступленіями, вызванными или необходимостью или пользою дѣла.

«Всѣ сооруженія, какъ тѣ, по которымъ послѣдовало измѣненіе противъ первоначальнаго проекта, такъ и тѣ, на которыя не было утвержденныхъ проектовъ— не только вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію и мѣстнымъ условіямъ, но во всемъ виденъ расчетъ на будущее развитіе движенія, и въ особенности, по тѣмъ предметамъ, которые измѣнить послѣ было бы трудно.

«Въ отношеніи къ общему характеру постройки комиссія находить, что всѣ сооруженія и принадлежности дороги устроены и сдѣланы вполне прочно и употреблены матеріалы лучшаго качества».

Такимъ образомъ, я окончилъ успѣшно порученное мнѣ дѣло устройства дороги, и этотъ успѣхъ былъ слѣдствіемъ тѣхъ правъ, которыя были даны мнѣ, т. е. независимости, свободы въ распоряженіяхъ и исключительнаго довѣрія, мнѣ оказаннаго.

Въ началѣ лѣта 1865 года я взялъ отпускъ, чтобы ѣхать за границу. Мнѣ хотѣлось принять участіе въ конгрессѣ въ Берлинѣ по разнымъ научнымъ вопросамъ.

Между вопросами, назначенными для обсужденія, было два вопроса, которые интересовали меня и по которымъ я не мало писалъ: Это вопросъ объ организаціи общины и вопросъ о томъ—что выгоднѣе, строить ли и эксплуатировать дороги правительствомъ или частными компаніями?

Сначала я поѣхалъ на купанье въ Остенде и помѣстился тамъ въ отелѣ на самомъ берегу моря. Тогда въ Остенде было множество русскихъ, но я въ теченіе четырехъ недѣль, тамъ проведенныхъ, ни съ кѣмъ не познакомился.

Чтобы меня не узнали, что я русскій, я не говорилъ по-русски и тѣмъ избѣгалъ навязчивыхъ знакомыхъ. Можно сказать, что я вполне наслаждался, въ эти четыре недѣли, отдыхомъ. Два раза въ день я купался, а остальное время сидѣлъ на террасѣ вытянутой во всю длину отеля передъ моремъ, которое, во время прилива, хлестало на террасу, и подготавливалъ записки для ожидаемаго конгресса. Помню, что изъ моей комнаты выходило окно на стеклянную крышу, которая покрывала танцевальный залъ отеля. По вечерамъ я наблюдалъ за танцами. Между тѣмъ большое общество американскихъ путешественниковъ арендовало эту залу три раза въ недѣлю исключительно для себя. Танцевали постоянно котильонъ. Кавалеръ, избравшій даму, не мѣнялъ ее въ продолженіе всего вечера. Каждый кавалеръ приносилъ бутылку шампанскаго и ставилъ ее подъ стулъ, и если бутылка опорожнялась во время танцевъ, онъ сейчасъ приносилъ другую. Все дѣлалось весьма прилично, и общество проводило время очень весело.

Черезъ четыре недѣли, я отправился на конгрессъ и, заѣхавъ въ Брюссель, пригласилъ ѣхать со мною А. И. Герцена.

По пріѣздѣ въ Бернъ вмѣстѣ съ Герценомъ, мы пошли прогуляться въ садъ. Впереди насъ шли два господина, и одинъ изъ нихъ былъ хромой, и разговаривалъ по-русски. Я услыхалъ въ разговорѣ мою фамилію, и мы стали прислушиваться.

— Слышали ли вы,—сказалъ хромой,—что на конгрессъ пріѣхалъ

одинъ русскій офицеръ, присланный правительствомъ, и записался говорить по вопросамъ объ общинѣ и желѣзныхъ дорогахъ?

— Да, я мелькомъ что-то слышалъ.

— Надо его хорошенько пробрать.

— Постараемся,—отвѣтилъ другой.

Засѣданія, кажется, продолжались недѣлю. Я присутствовалъ на всѣхъ. Конгрессъ былъ раздѣленъ на 5-ть секцій. Утромъ, до 1 часу, секціи собирались въ федеральномъ дворцѣ, а въ два часа было всегда общее собраніе въ зданіи большой церкви, гдѣ собирались всѣ записавшіеся члены и постороннія лица. Было организовано такъ, что изъ каждой секціи выбирался одинъ болѣе интересный вопросъ изъ обсуждавшихся и дебатированныхъ уже въ секціяхъ, и вносился въ общее собраніе.

Я принялъ участіе въ 5-ой секціи, гдѣ обсуждались вопросы, меня интересовавшие: о желѣзныхъ дорогахъ и объ общинѣ. Къ вѣщему моему удивленію, обширный докладъ, составленный профессоромъ Бернскаго университета В о й томъ (Vout), пришелъ къ рѣшительному выводу, что желѣзныя дороги должны строиться правительствомъ, а не частными компаніями. Это не согласовалось съ господствовавшимъ мнѣніемъ среди экономистовъ Европы и Америки.

Вслѣдъ за тѣмъ, я обратился къ собранію и прочелъ мою записку, въ видѣ рѣчи, прежде изготовленную, которая приводила къ тому же заключенію ¹⁾).

Собраніе было поражено совпадениемъ такихъ необычныхъ и смѣлыхъ, по тогдашнему времени взглядовъ, идущихъ въ противоположность общесуществующимъ понятіямъ. Затѣмъ выступили ораторы, бормотавшіе разные пустяки въ защиту частныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, и засѣданіе быстро прекратилось.

Въ пятой секціи былъ назначенъ къ обсужденію вопросъ: Слѣдуетъ ли государству или общинѣ участвовать въ устройствѣ жилищъ для рабочаго люда.

По этому поводу я и внесъ мою записку объ организаціи русской общины, прочитавъ ее предварительно собранію секціи.

По означенному въ этой секціи вопросу не было представлено никакого доклада, а потому и не было возбуждено никакихъ дебатовъ.

Послѣ окончанія конгресса, былъ прощальный обѣдъ, на общій чепъ, на который явилось до 300 человекъ.

Изъерна я отправился опять въ Женеву, чтобы провести нѣсколько дней съ Герценомъ.

¹⁾ Записка эта помѣщена въ годовомъ отчетѣ международной ассоціаціи наукъ: *Annales de l'association internationale* (page 59).

Бесѣды съ Герценомъ были оживленныя, которыя не могли прерываться. Онъ имѣлъ обширную начитанность, всѣмъ живо интересовался, съ нимъ можно было заводить любой разговоръ. Онъ былъ близокъ къ политическому міру, очень вѣрно оцѣнивалъ его достоинства и недостатки; его сравненія были мѣтки и часто ѣдки, но въ нихъ не было злобы, а проявлялась иронія, и остроты лились безъ конца. День, проводимый у Герцена, пролеталъ незамѣтно. Однажды вечеромъ къ нему пришелъ какой-то незнакомый мнѣ господинъ, не русскій. Герцену хотѣлось познакомить его съ колоритомъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, онъ попросилъ меня спѣть. Дѣлать было нечего, надо было удовлетворить желанію, и я спѣлъ на террасѣ въ саду нѣсколько народныхъ пѣсенъ, заунывныхъ и залихватскихъ.

Этому господину въ особенности понравился мотивъ пѣсни: «Не одна во полѣ дороженька». Пробывъ дня три въ Женевѣ, я распростился съ Герценомъ, и съ той минуты я его уже не встрѣчалъ.

Въ самомъ концѣ 1865 года, послѣ возвращенія моего изъ-за границы, пріѣхалъ ко мнѣ Павелъ Григорьевичъ Дервизъ, съ которымъ я не былъ лично знакомъ. Въ это время, Дервизъ построилъ уже Коломенскую и Рязанскую дороги, и имѣлъ концессию на Козловскую дорогу, постройка которой приходила къ окончанію.

— Вы, Валеріанъ Александровичъ, — говорилъ Дервизъ, — строили Николаевскую дорогу и были при эксплуатаціи ея почти 10 лѣтъ. Затѣмъ, вы самостоятельно, на особыхъ предоставленныхъ вамъ правахъ, построили Грушевско-Донскую желѣзную дорогу крайне дешево и хорошо. Слѣдовательно, вы имѣете обширную опытность во всѣхъ отрасляхъ, до постройки желѣзныхъ дорогъ относящуюся. Въ настоящее время, я кончаю Козловскую дорогу, но не намѣренъ еще складывать оружія. Мнѣ хочется построить патріотическую дорогу, для соединенія центра Россіи съ Кіевомъ, чего горячо желаетъ государь. А потомъ, пожалуй, и брошу дѣла. Мнѣ хочется притянуть васъ къ дѣлу. Я предлагаю вамъ войти съ мною въ компанію, — и что вы на это мнѣ скажете?

Среди имѣвшихъ уже дѣло съ Дервизомъ господствовало мнѣніе, что хотя онъ человѣкъ и умный, но съ необыкновенно тяжелымъ характеромъ.

Я отвѣтилъ Дервизу, что прежде, нежели дать свое согласіе, мнѣ желательно познакомиться съ нимъ поближе.

— Пріѣзжайте пожалуйста ко мнѣ въ Москву, — сказалъ Дервизъ, — тамъ мы обстоятельно переговоримъ обо всемъ. Только прошу васъ ускорить пріѣздомъ; я намѣренъ, недѣли черезъ двѣ, подать мое предложеніе на Кіевскую дорогу и буду ожидать вашего пріѣзда и вашего рѣшенія.

Я обѣщалъ ему пріѣхать черезъ недѣлю, и на этомъ мы разстались на первый разъ.

Такъ какъ при дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется много говорить о Дервизѣ и о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то не безынтересно разсказать о томъ, какъ Дервизъ, не будучи совсѣмъ инженеромъ, такъ дѣятельно и практично вошелъ въ мѣръ желѣзнодорожныхъ построекъ.

Я разскажу то, что мнѣ передалъ генераль-лейтенантъ Поливановъ, одинъ изъ главныхъ учредителей Саратовской дороги, и о которомъ я упоминалъ выше.

Поливановъ былъ генераль-интендантомъ во время венгерской кампаніи. Передъ этимъ не задолго были уничтожены въ войскѣ кивера и замѣнены касками. Гвардейскій корпусъ былъ двинутъ въ Варшаву. Въ складахъ интендантства находилось много фальшивыхъ касокъ, сдѣланныхъ не изъ кожи, а изъ лакированного картона. При внезапной мобилизаціи гвардіи, генераль-интендантъ рѣшился выдать въ походъ эти картонныя каски. На парадахъ, конечно, эти каски могли фигурировать благополучно, но когда пошли въ походъ, и солдаты шли подъ дождями, то каски стали разваливаться. Генераль-интендантъ сопровождалъ гвардейскій корпусъ. Въ Вильнѣ войска встрѣтилъ Паскевичъ и увидаль развалившіяся каски. Онъ немедленно передалъ объ этомъ по существовавшему тогда телеграфу государю. Въ тотъ же день послѣдовало, по телеграфу, высочайшее повелѣніе: лишить генераль-интенданта всѣхъ чиновъ и орденовъ и разжаловать въ солдаты.

— На другой день,—какъ сказывалъ Поливановъ,—я стоялъ подъ ружьемъ на правомъ флангѣ, такъ какъ я былъ очень большаго роста.

Поливановъ, представилъ документы, что онъ доносилъ военному министру о фальшивыхъ каскахъ, представилъ тоже наряды подрядчикамъ о вывозѣ этихъ касокъ изъ складовъ интендантства, но они однако не были вывезены, и что онъ доносилъ военному министерству, что вынужденъ отправить часть гвардіи въ фальшивыхъ каскахъ.

Словомъ сказать, Поливановъ юридически и формально оправдался, и государь повелѣлъ возвратитъ ему чины, но не возвратилъ орденовъ.

— Я имѣлъ,—говорилъ Поливановъ,—три звѣзды и кучу крестовъ, но теперь не могъ даже носить традиціонной дворянской медали, доставшейся, по первородству, отъ моего отца. По вступленіи на престолъ императора Александра II, всѣ мои хорошіе знакомые совѣтовали подать мнѣ просьбу государю о возвращеніи мнѣ орденовъ. Въ канцеляріи военнаго министерства мнѣ сказали, чтобы я отправился къ какому-то Дервизу, у котораго золотое перо, и что онъ сдѣлаетъ написать просьбу на высочайшее имя. Этотъ-де Дервизъ, отличный юристъ, былъ секретаремъ у министра юстиціи, графа Панина, но съ нимъ поссорился и перешелъ въ секретаря къ нашему министру, и съ тѣмъ тоже поссорился, а теперь, безъ занятій, живетъ въ Гороховой въ четвертомъ

этажѣ. Я отправился къ этому Дервизу и засталъ его сидящимъ въ халатѣ и что-то пишущимъ. Я обратился къ нему и сказалъ, что мнѣ указали на него въ военномъ министерствѣ, «какъ на человѣка съ золотымъ перомъ, а мнѣ нужно составить прошеніе на высочайшее имя». — Въ чемъ дѣло?—спросилъ Дервизъ. Я рассказалъ ему, въ чемъ мое дѣло, и съ чѣмъ я желаю обратиться къ монарху. Дервизъ выслушалъ меня и сказалъ: «Такъ вамъ нужно по этому случаю написать прошеніе». Затѣмъ, онъ взялъ большой листъ почтовой бумаги и сѣлъ писать. Я всталъ сзади за стуломъ и сталъ смотрѣть, что пишетъ Дервизъ. Письмо кончалось на второй страницѣ. Я пришелъ въ восторгъ отъ редакціи и сказалъ Дервизу: «Не продолжайте». — Да съ чего вы взяли, что я буду продолжать? Дервизъ свернулъ письмо, вложилъ его въ конвертъ и подалъ мнѣ. Письмо было написано превосходнымъ почеркомъ, сразу и, разумѣется, безъ малѣйшихъ поправокъ. «Что, письмо вамъ нравится?» спросилъ меня Дервизъ. — Я отъ него въ восторгѣ — у васъ дѣйствительно золотое перо. Когда послѣдуетъ результатъ, то я васъ отблагодарю, какъ слѣдуетъ; и съ тѣмъ я ушелъ. Черезъ недѣлю послѣдовало высочайшее повелѣніе — возратить мнѣ всѣ ордена. Я тотчасъ же поѣхалъ къ Дервизу, захвативъ съ собою три тысячи рублей, которыя и вручилъ ему. Дервизъ поблагодарилъ и сказалъ, что деньги эти ему очень кстати. Тогда я сказалъ Дервизу, что я съ нимъ не расстаюсь, что я орудую теперь вмѣстѣ съ генераль-адъютантомъ Анненковымъ, какъ учредитель, для постройки Саратовской дороги, и если дѣло это выгоритъ, и намъ дадутъ концессию, то я употреблю всѣ старанія, чтобы привлечь его (т. е. Дервиза) къ этому дѣлу.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, дана была концессія на Саратовскую дорогу, учредителями которой были Анненковъ, Поливановъ, Де-Брауеръ и проч. Акціи были быстро разобраны, организованъ былъ Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Анненкова, и однимъ изъ членовъ былъ избранъ Поливановъ, какъ главный орудователь всего предпріятія; тогда Дервизъ былъ приглашенъ въ правители дѣлъ Совѣта. Вотъ первый шагъ вступленія его въ желѣзнодорожную дѣятельность.

Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, я сойдясь интимно и дружески съ Дервизомъ, считалъ однако не деликатнымъ спросить его объ эпизодѣ, сообщенномъ Поливановымъ; но Дервизъ самъ рассказалъ мнѣ этотъ эпизодъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Когда Дервизъ сидѣлъ уже во многихъ милліонахъ, онъ однажды сказалъ мнѣ:

— А знаете ли, Валеріанъ Александровичъ, чему я обязанъ своему богатству?

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣтилъ я.

— Моей любви къ музыкѣ; я, какъ вы знаете, играю недурно,

знакомъ даже съ композиціей. Въ черные дни, чрезъ которые мнѣ приходилось проходить, я находилъ поддержку въ музыкѣ. Моя игра была въ петербургскомъ свѣтѣ болѣе или менѣе извѣстна. Я приглашался на вечера въ аристократическіе дома, чтобы слушать мою игру. Такъ я существовалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды ко мнѣ явился одинъ генералъ Поливановъ, котораго вы знали, и обратился ко мнѣ съ просьбою написать ему прошеніе на высочайшее имя. Я выслушала его и сѣлъ писать. Поливановъ всталъ за моей спиной и чрезъ мое плечо смотрѣлъ на мое письмо. Когда я закончилъ письмо и поставилъ точку, то Поливановъ ладонью закрылъ письмо и крикнулъ: «довольно, больше ничего не нужно». Я отдалъ ему это письмо, и мы разстались. Черезъ недѣлю Поливановъ явился ко мнѣ и принесъ 3.000 рублей. Въ скоромъ времени, образовалось Саратовское общество, куда я былъ приглашенъ правителемъ дѣлъ Совѣта на жалованье 7.000 руб. О дальнѣйшихъ перипетіяхъ хода Саратовской дороги вы, кажется, вполне въ курсѣ.

Слѣдовательно, я въ правѣ передать вышеизложенное свидѣтельство Поливанова, подтвержденное самимъ Дервизомъ, какъ неопровержимый фактъ.

Я сказалъ уже выше, что Дервизъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ Москву. Я поѣхалъ и остался тамъ съ недѣлю. Въ это время, я успѣлъ высмотрѣть Дервиза и убѣдился, что это человѣкъ очень умный, энергическій, рѣшительный, съ опредѣленнымъ взглядомъ на всѣ вопросы жизни, безъ всякихъ колебаній, абсолютно честный и добрый; видимо, его опредѣленность во всемъ и абсолютность люди называли тяжелымъ характеромъ. Дервизъ понравился мнѣ вполне, и я объявилъ ему, что охотно войду съ нимъ въ компанію.

— Такъ вопросъ рѣшенъ, и я васъ включу въ число учредителей; насъ будетъ всего трое: я, Меккъ и вы.

Когда въ послѣдній вечеръ я прощался съ Дервизомъ, онъ остановилъ меня и сказалъ:

— Я вспомнилъ сейчасъ объ одномъ крайне нужномъ для меня дѣлѣ въ Петербургѣ. Я съ вами не прощаюсь и попрошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе заѣхать ко мнѣ завтра утромъ по дорогѣ на станцію.

Когда я заѣхалъ на другой день утромъ, Дервизъ сказалъ:

— Я попрошу васъ исполнить мое порученіе свезти деньги и передать ихъ моему брату Дмитрію Григорьевичу, который долженъ уплатить ихъ отъ меня лицу, о которомъ онъ знаетъ. Скажите ему, что надо исполнить это завтра до 12 часовъ. Я совсѣмъ забылъ объ этомъ, и если послать по почтѣ, то деньги дойдутъ на третій уже день.

Конечно, я не отказался исполнить это порученіе.

— Чтобы не задерживать васъ,—сказаль Дервизъ,—я уже пригото- вилъ деньги, потрудитесь сосчитать.

Дервизъ отворилъ столъ, и оттуда вывалились множество пачекъ, потому что было очень много мелкихъ кредитныхъ билетовъ.

— Тутъ,—сказаль Дервизъ,—45.000 руб.

Когда я сосчиталь деньги, то Дервизъ сталъ укладывать ихъ въ приготовленный имъ портфель, а я сѣлъ написать росписку.

— Никакой росписки не нужно,—сказаль онъ.—Я васъ прошу свезти эти деньги прямо съ желѣзной дороги къ брату, онъ живетъ на Загородномъ проспектѣ недалеко отъ Владимірской, и, прїѣхавши, прикажите его разбудить, такъ какъ онъ по утрамъ обыкновенно долго спитъ, а ему надо свезти эти деньги до 12 часовъ.

Затѣмъ Дервизъ подаль мнѣ портфель для укладки пачекъ.

— Нѣтъ,—сказаль я,—я портфель не возьму потому, что въ вагонѣ я всегда сплю, и портфель могутъ стащить; я лучше разложу пачки по карманамъ скюртука и шубы.

Итакъ, нагружившись деньгами, я отправился на станцію. Ночь я провелъ весьма непрятно, безпрестанно просыпался, опасаясь, что во время крѣпкаго сна могутъ выгащить пачки изъ кармановъ шубы.

Со станціи Николаевской дороги я, въ 9 часовъ, проѣхаль прямо къ брату Дервиза, Дмитрію Григорьевичу. Онъ спаль, я приказаль разбудить его и передалъ ему деньги.

— Ахъ, какъ я радъ,—сказаль онъ,—я ждалъ деньги и беспоко- нился, думая, что братъ забылъ срокъ.

Такимъ образомъ я свалилъ обузу съ плечъ.

Я привелъ этотъ фактъ, который характеризоваль Дервиза. Онъ, сходясь со мною, очевидно, хотѣлъ увидать, какъ я отнесусь къ обраще- нію съ деньгами. Онъ выдастъ значительный капиталъ и не беретъ отъ меня никакой росписки. Ему хотѣлось увидать, не щекотливый ли я формалистъ, тогда какъ въ общемъ широкомъ дѣлѣ все должно быть основано на личномъ довѣрїи. Отдавая деньги его брату, я не взялъ съ него росписки въ доказательство того, что всѣ деньги мною вруче- ны по принадлежности. И если бы я это сдѣлаль, то мы, конечно, разо- шлись бы тотчасъ же съ Дервизомъ, не сойдясь еще съ нимъ.

Объ этомъ, повидимому, не важномъ эпизодѣ никогда не возбуждалось и рѣчи, но я убѣжденъ, что этотъ эпизодъ главнымъ образомъ способ- ствоваль нашему интимному сближенію.

Въ скоромъ времени, Дервизъ прїѣхаль въ Петербургъ и подаль предложеніе о концессїи на постройку дороги отъ Курска до Кіева. Конкурентовъ въ то время не было, и онъ разсчитываль, что, въ виду удачной постройки имъ трехъ дорогъ,—Коломенской, Рязанской и

Козловской, и въ виду особаго желанія государя, чтобы дорога осуществилась скорѣе, концессія будетъ ему немедленно дана.

Въ это время былъ тотъ фазисъ концессій, когда ояѣ давались по направленіямъ сдѣланныхъ изысканій самимъ правительствомъ съ предварительнымъ проектомъ землянаго полотна и строгими техническими условіями для возведенія всѣхъ прочихъ сооружений, оцѣниваемыхъ общими цифрами; такимъ образомъ опредѣлялся строительный капиталъ, вводимый въ концессію. Опредѣленіе строительнаго капитала дѣлалось министерствомъ путей сообщенія. Затѣмъ, предложенія о концессіи поступали въ министерство финансовъ для обсужденія размѣра финансовой стороны операціи, — какъ то: выпуска акцій и облигацій, количества тѣхъ и другихъ, срока образованія общества и гарантіи, представляемой учредителями правительству и проч.

Казалось, что не должно было быть препятствій для полученія концессіи, ибо проектъ землянаго полотна и предварительная расцѣнка всѣхъ прочихъ сооружений были готовы. Прошло однако три мѣсяца, но предложеніе Дервиза не было внесено въ Комитетъ министровъ. Дервизъ въ это время былъ отвлеченъ окончаніемъ Козловской дороги; но, наконецъ, онъ взволновался и прикатилъ въ Петербургъ. Оказалось, что министерство путей сообщенія дѣластъ препятствія въ опредѣленіи строительнаго капитала. Явились разныя недоразумѣнія, которыя однако были разъяснены Дервизомъ, и онъ уѣхалъ, успокоившись.

Здѣсь я долженъ прервать нить дальнѣйшаго изложенія, дабы оно было понятно. Мнѣ придется обрисовать нѣсколько человекъ, съ которыми я и братъ мой Кронидъ имѣли серіозныя денежныя дѣла, прошедшія между нами безъ сучка и задоринки. Мнѣ приходится говорить о Меккѣ, соучастникѣ всѣхъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, исполненныхъ Дервизомъ, и высказать характеристику Мекка, въ главныхъ обстоятельствахъ общаго ихъ дѣла.

Передъ окончаніемъ постройки Козловской дороги, Дервизъ задумалъ продолженіе дороги отъ Козлова до Воронежа. Онъ, конечно, ясно понималъ, что дорога не можетъ остановиться въ Козловѣ, а будетъ продолжаться до Ростова, т. е. до Азовскаго моря. Но онъ любилъ дѣла, которыя исполнялись бы навѣрняка, и потому распорядился, чтобы произвели изысканія отъ Козлова до Воронежа. Это относилось къ области дѣлъ, возлагаемыхъ на Мекка. Меккъ поручилъ это дѣло и составленіе проектовъ своему интимному, опытному въ дѣлѣ изысканій инженеру Данилову.

Между тѣмъ Меккъ, составившій себѣ состояніе до пяти милліоновъ, задумалъ отдѣлаться отъ Дервиза. Къ этому представился слѣдующій случай. Братъ мой, Кронидъ, имѣлъ подрядъ постройки 70 верстѣ Козловской дороги. Къ нему явился содержатель почтовыхъ

станцій, нѣкій Поляковъ, и предложилъ поставить на эту часть дороги шпалы. Братъ сдалъ ему это дѣло, и Поляковъ исполнилъ поставку аккуратно. Меккъ, объѣзжая работы, нѣсколько разъ видѣлъ Полякова и познакомился съ нимъ. Поляковъ былъ разумный, энергическій, смѣлый и ловкій человекъ; онъ былъ прежде приказчикомъ на шоссе у одного товарища Мекка Кислаковскаго. Меккъ, оцѣнивъ качества Полякова, приблизилъ его къ себѣ и сталъ затягивать его въ желѣзнодорожное предпріятіе.

Въ это время Дервизъ съ Меккомъ представили уже въ министерство путей сообщенія произведенныя ими изысканія и проектъ землянаго полотна на продолженіе дороги отъ Козлова до Воронежа. Дервизъ былъ увѣренъ, какъ дважды два четыре, что едва онъ окончитъ дорогу до Козлова, какъ ему, безъ сомнѣнія, отгадутъ постройку до Воронежа, тѣмъ болѣе, что, повидимому, конкурентовъ не было.

Меккъ задумалъ иное и предложилъ Полякову, человекъ, никому и видѣ неизвѣстному, явиться конкурентомъ. Для чего надо было, чтобъ Поляковъ представилъ произведенныя будто бы имъ изысканія и проектъ землянаго полотна по другой линіи.

Неотлагательно изысканія Дервиза съ Меккомъ были перечерчены въ кабинетѣ съ ничтожными измѣненіями, и для приличія посланъ былъ техникъ, чтобы поставить, кое-гдѣ, вѣхи и колья, и такимъ образомъ Поляковъ могъ явиться конкурентомъ.

Въ скоромъ времени, я, придя однажды утромъ къ Дервизу, засталъ его въ крайне раздраженномъ состояніи. Онъ подаль мнѣ газету и сказалъ:

— Прочтите, пожалуйста.

Я прочелъ, что Комитетъ министровъ утвердилъ концессию на постройку дороги отъ Козлова до Воронежа за Поляковымъ.

— Вы говорили мнѣ, кажется, что вы представили изысканія и проекты на эту дорогу, и что у васъ конкурентовъ не было. Кто же это Поляковъ?

— Я столько же знаю, сколько и вы; знаю только, что какой-то Поляковъ былъ поставщикомъ на Козловской дорогѣ. Я сейчасъ иду къ министру финансовъ и узнаю объ этой метаморфозѣ; подождите меня.

Дервизъ вернулся отъ министра, который сказалъ ему, что Поляковымъ были представлены въ министерство путей сообщенія всѣ документы, нужныя на полученіе права на концессию, и что о предпочтеніи его Дервизу ходатайствовало предъ государемъ одно высокопоставленное лицо.

Дервизъ успокоился потому, что отдача концессіи Полякову совершилась по высочайшей волѣ, а не потому, чтобы министръ финансовъ былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ операціями Дервиза при исполненіи построекъ. Отношенія Дервиза къ министру финансовъ не измѣнились.

Между тѣмъ, дѣло по концессіи Курско-Кіевской дороги продолжало тянуться въ министерствѣ путей сообщенія. Меккъ не оставлялъ мысли отдѣлаться все-таки какимъ-нибудь образомъ отъ Дервиза.

Во время одного пріѣзда Дервиза въ Петербургъ, я сидѣлъ у него вмѣстѣ съ Меккомъ.

— Послушайте, Павелъ Григорьевичъ,—говорилъ послѣдній,—дѣло въ министерствѣ путей сообщенія все тянется; мнѣ кажется, потому, что учредителями являются трое: вы, я и Панаевъ. Не лучше ли оставить между нами прежнія отношенія, т. е. вы будете, какъ на Козловской дорогѣ, единственнымъ учредителемъ, а я съ Валеріаномъ Александровичемъ раздѣлимъ постройку дороги пополамъ и будемъ только подрядчиками.

Казалось, съ виду, что Меккъ отказывается отъ части учредительства въ пользу Дервиза, что, слѣдовательно, должно было быть выгодно послѣднему. Дервизъ смолчалъ тогда, но черезъ два мѣсяца, въ бытность мою въ Москвѣ, онъ отвѣтилъ Мекку, очень рельефно, на эту рѣчь. Въ Москвѣ, Дервизъ пригласилъ меня съѣздить вмѣстѣ съ нимъ къ Мекку на дачу. Когда Дервизъ былъ кѣмъ-нибудь сильно озабоченъ, онъ имѣлъ обыкновеніе ходить изъ угла въ уголь и молчать. Наконецъ, онъ остановился передъ Меккомъ и сказалъ:

— Знаете ли, Карлъ Ѳедоровичъ, что на ваше предложеніе, высказанное вами мѣсяца два тому назадъ, я, по здравому обсужденію, пришелъ къ убѣжденію, что дѣло затягивается потому, что мое имя стоитъ учредителемъ; я нахожу нужнымъ предоставить учредительство одному Панаеву, и тогда министерство не будетъ оказывать препятствія, ибо онъ опытомъ доказалъ свою компетентность въ дѣлѣ. Я повторяю вамъ, что это будетъ наилучшее рѣшеніе дѣла въ министерствѣ путей сообщенія, которое тянетъ болѣе года.

Тогда у Мекка задергало все лицо, ибо у него было нѣчто похожее на *tic douloureux* отъ нервнаго удара, съ нимъ случившагося, и Меккъ пробормоталъ что-то невнятное, и на этомъ кончился разговоръ.

Меккъ опасался, чтобы, сблизясь со мной, Дервизъ не вздумалъ бы, въ одинъ прекрасный день, порвать дѣло съ нимъ. Но Меккъ былъ нуженъ Дервизу для общаго дѣла, какъ великій мастеръ подыскивать подрядчиковъ, съ которыми умѣлъ ладить и вести дѣло и которые шли къ Мекку охотно, ибо онъ былъ аккуратенъ и честенъ въ расчетахъ.

Въ 1866 году, я проводилъ время въ Петергофѣ, гдѣ жилъ тоже мой давнишній знакомый, Новосельскій.

Новосельскій открылъ себѣ карьеру, затребованіемъ на биржѣ на 200.000 акцій пароходства по Волгѣ «Меркурій». Акціи эти были въ сильномъ упадкѣ и находились преимущественно въ рукахъ высшаго

круга. Акціи, вслѣдствіе запроса, сильно поднялись. Новосельскаго сочли благодѣтелемъ и великимъ финансистомъ, и онъ взялъ на себя управленіе этимъ дѣломъ. Почти въ то же время, онъ явился учредителемъ «Русскаго общества пароходства и торговли», выхлопотавъ большую субсидію отъ правительства. Словомъ сказать, въ 1860 году Новосельскій гремѣлъ въ Петербургѣ, и у него на вечерахъ, даваемыхъ разъ въ недѣлю, собиралось отъ 200 или 300 человекъ.

Однажды Новосельскій позвалъ меня прогуляться.

— Знаете, чтò вамъ скажу, — началъ онъ, — у насъ образовалась компанія на взятіе концессіи на постройку Курско-Кіевской дороги. Въ компанію входятъ: банкиръ Лампе, я и Похитоновъ, котораго вы звали на Николаевской дорогѣ. Я приглашаю васъ вступить въ нашу компанію. Ваше имя, какъ весьма опытнаго инженера, придастъ вѣсъ нашей компаніи, въ особенности въ глазахъ министра Мельникова.

Я былъ пораженъ такимъ сообщеніемъ и отвѣтилъ Новосельскому:

— Вы, вѣроятно, ошибаетесь въ участіи Мекка.

До сихъ поръ, я никому не сообщалъ о томъ, что я сошелся съ Дервизомъ, но тутъ, захваченный *à bout portant* словами Новосельскаго, я объявилъ ему, что я вошелъ уже въ компанію съ Дервизомъ, въ которой фигурируетъ и Меккъ; слѣдовательно, онъ ошибается на счетъ его участія съ ними.

— Я хорошо знаю, — сказала Новосельскій, — что Меккъ орудуетъ съ Дервизомъ, но на концессію Дервиза Мельниковъ ни за что не согласится, а съ Меккомъ — другое дѣло.

— Я не откажусь отъ своего слова, — отвѣтилъ я Новосельскому.

— Жаль, потому, что съ вашимъ именемъ дѣло было бы навѣрно обезпечено.

Вскорѣ мнѣ пришлось ѣхать въ Москву.

Тамъ Меккъ сообщилъ мнѣ, что явятся конкуренты на концессію Дервиза съ нимъ, Меккомъ, въ лицѣ Новосельскаго, Лампе и Похитонова, но что во всякомъ случаѣ дѣло останется въ его, Мекка, рукахъ.

Тотчасъ же послѣ того, Дервизъ скоро получилъ извѣстіе, что явились конкуренты, которые спустили два слишкомъ милліона противъ предложенія Дервиза, и онъ внезапно прилетѣлъ въ Петербургъ, и сейчасъ же вызвалъ меня изъ Петергофа.

Когда я пріѣхалъ, Дервизъ сказалъ:

— Я пріѣхалъ посоветоваться съ вами. Передъ самымъ концомъ дѣла явились какіе-то конкуренты. Дѣло тянется цѣлый годъ и можетъ еще затянуться. Мнѣ это все надоѣло. Я нездоровъ, мнѣ нужно ѣхать въ Ниццу и въ Лугано, гдѣ строятся мои виллы. Я бросилъ бы все, но считаю обязаннымъ себя передъ вами, тѣмъ болѣе, что у Мельникова,

знающаго, что вы сошлись со мною, вы потеряете всякое значеніе. Мнѣ пришло въ голову измѣнить диверсію, хотя это противно моимъ взглядамъ. Я намѣренъ обратиться къ князю Долгорукову и пригласить его въ учредители. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Дѣлайте, какъ вы находите лучше, и мнѣ кажется, что дѣло ваше, при означенныхъ условіяхъ, приобрететъ вѣскій шансъ.

— Такъ вы не прочь отъ этого,—сказалъ Дервизъ. Пообѣдаемъ теперь, а потомъ я отправлюсь. Я сейчасъ вернусь, подождите меня.

Дервизъ дѣйствительно вернулся очень скоро въ веселомъ расположеніи духа, и, потирая руками, объявилъ, что все улажено, что Долгоруковъ охотно принялъ предложеніе. Завтра же испросить соизволеніе государя выступить въ качествѣ учредителя Курско-Кіевской дороги, этой патріотической дороги, имѣющей большое политическое значеніе. Дервизъ просилъ князя поѣхать къ министру Мельникову и заявить ему, что, съ соизволенія государя, онъ вступилъ учредителемъ на означенную дорогу.

— Приѣзжайте, пожалуйста, ко мнѣ завтра къ этому времени,—сказалъ Дервизъ, — и мы узнаемъ результатъ.

Я приѣхалъ на другой день, и Долгоруковъ сообщилъ, что государь одобрилъ его намѣреніе, что затѣмъ онъ тотчасъ поѣхалъ къ Мельникову, и что Мельниковъ былъ рѣшительно пораженъ такимъ оборотомъ дѣла.

Дервизъ слушалъ и съ особымъ удовольствіемъ потиралъ руки.

— Такъ я поѣду сегодня же въ Москву и прошу васъ, князь, слѣдить за дѣломъ,—сказалъ Дервизъ.

Концессию рѣшено было отдать Дервизу.

Здѣсь кстати выразить мой взглядъ на Дервиза въ дѣлѣ желѣзнодорожныхъ построекъ. Безспорно, онъ принесъ огромную услугу нашему отечеству той системой, которую онъ впервые установилъ въ Россіи. Вѣрно то, что онъ приобрѣлъ многіе милліоны концессионной системой, но эта система практиковалась имъ честно и разумно. Его система не стоила казнѣ ни одного гроша; тогда какъ прочіе концессионеры обходились и по сейчасъ обходятся казнѣ милліоны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россія и папекій престолъ.

1580—1601 гг.

III ¹⁾.

Характеристика Иоанна Грознаго.—Отвѣтъ его Баторію.—Мирные переговоры.—Русскіе послы въ лагерѣ Баторія.—Посредничество Поссевина въ переговорахъ.—Отгѣздъ его въ Москву.—Торжественныя встрѣчи, ему дѣлаемыя.—Свиданіе его съ Иоанномъ Грознымъ.—Подарки.—Парадный обѣдъ.—Переговоры о перемиріи и мирѣ.—Отгѣздъ Поссевина въ лагерь Баторія.

Меремиріе, заключенное воюющими сторонами на мѣсяцъ, окончилось 26-го іюня (5-го іюля), а Иоаннъ все еще не далъ отвѣта на ультиматумъ Баторія; между тѣмъ русскіе возобновили непріязненные дѣйствія, и пронесся слухъ, будто старшій сынъ царя самъ идетъ на Смоленскъ, и что отрядъ войскъ посланъ въ Оршу. Все это свидѣтельствовало о томъ, что русскіе рѣшили дѣйствовать энергически, что плохо согласовалось съ начатыми переговорами о мирѣ и возбуждало въ полякахъ тревогу.

Тѣмъ временемъ Баторій отправился изъ Дисны въ Полоцкъ, куда прибылъ 6-го (15-го) іюля посланный имъ къ Иоанну для переговоровъ Держекъ, въ тотъ моментъ, когда Баторій бесѣдовалъ съ Поссевиномъ. Въ сосѣдней палаткѣ поджидалъ Поссевина отецъ Кампаньи, который, не желая прерывать аудіенцію задержалъ Держека и воспользовался случаемъ, чтобы получить отъ него кое-какія свѣдѣнія о Москвіи.

Большой знатокъ востока, человекъ много путешествовавшій, Держекъ сообщилъ не мало любопытныхъ свѣдѣній.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, январь 1903 г.

Онъ провелъ въ Москвѣ двѣнадцать дней и былъ все это время окруженъ шестьюдесятью тѣлохранителями, которые всюду слѣдили за нимъ, мѣшали ему видѣться съ людьми, мѣшали дѣлать покупки и проч. По его словамъ, легче было бы перенести двѣнадцать дней тюремнаго заключенія въ Польшѣ, чѣмъ прожить эти двѣнадцать дней на свободѣ въ Москвѣ. Но все же ему удалось собрать тамъ кое-какія свѣдѣнія: такъ, на примѣръ, онъ узналъ, что царь ходитъ три раза въ день въ церковь, что онъ велитъ называть себя «свѣтомъ» Россіи, но предается при этомъ распутному поведенію. Когда Держкежъ, допущенный къ царю, вошелъ къ нему, то Іоаннъ осѣнилъ себя большимъ крестнымъ знаменемъ, а когда посланный сдѣлалъ то же, то онъ перекрестился вторично, какъ бы желая перецеголять посла.

Они бесѣдовали далеко не въ особенно миролюбивомъ тонѣ; посланный Баторія даже хвасталъ тѣмъ, будто онъ укорялъ царя въ жестокости. Отецъ Кампаньи, передавая свой разговоръ съ Держкежомъ, заключаетъ свой рассказъ безпристрастнымъ замѣчаніемъ, что русскіе и поляки взваливаютъ другъ на друга всевозможныя обвиненія и, если послушать ихъ, то съ той и съ другой стороны существуютъ только одни чудовища.

Держкежъ привезъ Баторію отъ Іоанна длинное посланіе, расписанное на двадцати трехъ страницахъ. Увидавъ это объемистое письмо, Баторій улыбулся:

— Никогда еще,—воскликнулъ онъ,—я не получалъ отъ Іоанна такого пространнаго письма: оно начинается, вѣроятно, отъ Адама.

Это любопытное посланіе, помѣченное 29-мъ іюня 1581 г., представляло собою странное смѣшеніе текстовъ изъ священнаго писанія, перемѣшанныхъ съ бранью, остроумными замѣчаніями и софизмами, изложенными въ библейскомъ духѣ, но въ шутиливомъ тонѣ своеобразно и язвительно. У Іоанна на все нашелся отвѣтъ. Ультиматумъ, полученный царемъ отъ Баторія, заключалъ въ себѣ три пункта: Баторій требовалъ отъ него уступки всей Ливоніи, военной контрибуціи и снесенія нѣсколькихъ пограничныхъ крѣпостей.

Царь отвѣчалъ на это, что Ливонія никогда не составляла нераздѣльной части Литвы и что, слѣдовательно, Польша не имѣетъ никакихъ правъ на эту провинцію, между тѣмъ какъ Москва имѣетъ на нее издревле неотъемлемое право; далѣе въ письмѣ были приведены всѣ возраженія, какія могли быть на это сдѣланы, и всѣ они были опровергнуты самымъ блестящимъ образомъ. Вопросъ о католической вѣрѣ, исповѣдуемой поляками, не могъ, по словамъ царя, играть въ данномъ случаѣ никакой роли, такъ какъ римско-католическая и греческая вѣра были признаны одинаковыми на Флорентійскомъ соборѣ, на которомъ присутствовали императоръ Восточной римской имперіи, константинопольскій патріархъ

Іосифъ и Исидоръ, митрополитъ кievскій. Слѣдовательно, литовцы, среди которыхъ распространены къ тому же многія ереси, вполне могутъ быть подданными царя, исповѣдующаго греческую вѣру, тѣмъ болѣе, что католики пользуются въ Россіи полной вѣротерпимостью.

Іоаннъ ловко воспользовался этими дипломатическими тонкостями и заявлялъ, что всѣ требованія короля суть коварство и лицемеріе, и что Баторій измѣнилъ данному слову.

Что касалось вопроса о денежномъ вознагражденіи, то царь обошелъ его еще болѣе ловко. Притворясь глубоко изумленнымъ, онъ заявилъ, что требовать вознагражденія за военныя издержки, — обычай магометанскій, и что только одни татары предъявляютъ подобныя требованія. Платить другъ другу дань — вещь неслыханная между христіанскими монархами, — писалъ онъ, — сами мусульмане не облагаютъ данью своихъ единовѣрцевъ, а только однихъ христіанъ; «а ты, который именуешься королемъ христіанскимъ, требуешь дань съ христіанина, по мусульманскому обычаю! И за что мы должны тебя вознаградить? Ты воевалъ съ нами, ты разорилъ наши земли и намъ же за это нести издержки? Кто заставляетъ тебя напасть на насъ? Мы не просили тебя сдѣлать намъ эту милость».

Затѣмъ царь рѣшительно отказывался понять, почему онъ долженъ былъ сложить оружіе, и почему побѣдоносный врагъ требовалъ, чтобы были снесены крѣпости, сооруженныя имъ именно для защиты страны. Наконецъ, сказавъ, что онъ возлагаетъ надежду на Бога, назвавъ Баторія Амалекомъ, Сеннахерибомъ, Максенціемъ, жаждущимъ убійства и крови, приведя примѣры жестокости поляковъ, Іоаннъ заявлялъ, что онъ дастъ своимъ посламъ новыя инструкціи и что, если переговоры не окончатся къ взаимному удовольствію, то онъ не пошлетъ къ Баторію пословъ тридцать, сорокъ, даже пятьдесятъ лѣтъ и со своей стороны не приметъ польскихъ пословъ. Впрочемъ, царь и на этотъ разъ желалъ заключить не «вѣчный миръ», а только перемиріе. Какъ бы предугадывая будущее, онъ писалъ, что «между Польшей и Москвою никогда не можетъ быть мира» ¹⁾.

7-го (16-го) іюля, на другой день по приѣздѣ Держежа, содержаніе письма, присланнаго Іоанномъ, было сообщено Поссевиному; къ его великому неудовольствію, ему не показали подлиннаго текста этого письма. Всѣ надежды, которыя онъ имѣлъ на мирный исходъ переговоровъ, разсѣялись окончательно, когда, 18-го іюля, предложенныя царемъ условія мира были доведены до свѣдѣнія сенаторовъ и короля. Они были такъ отличны отъ его первоначальныхъ условій, что это было почти равносильно объявленію войны. Было совершенно ясно, что

¹⁾ См. книга посольская, т. II, стр. 140—157, № 68.

дѣйствія Іоанна клонились только къ тому, чтобы выиграть время, и теперь, когда онъ предполагалъ, что дѣла поляковъ принимаютъ дурной оборотъ, и когда можно было ожидать вмѣшательства въ дѣло папы, царь былъ готовъ снова взяться за оружіе, чтобы выговорить себѣ лучшія условія мира.

Баторій и его приближенные невольно были встревожены тѣмъ оборотомъ, какой принимало дѣло. Имъ предстояло снова провести зиму въ непріятельской странѣ, среди снѣговъ и льдовъ, среди всевозможныхъ лишеній и страданій. Солдаты требовали уплаты жалованія, сеймъ не давалъ согласія на новые налоги; все это не предвѣщало ничего добраго въ будущемъ и наводило уныніе на самыхъ храбрыхъ. Вслѣдствіе такого неожиданнаго оборота дѣлъ миссія Поссевина пріобрѣла чрезвычайно важное значеніе. Баторій, слишкомъ гордый для того, чтобы настаивать на заключеніи мира, былъ однако не прочь, чтобы за него замолвилъ слово кто-нибудь другой, и горячо желалъ, чтобы дѣло уладилось.

Онъ надѣялся, что Іоаннъ, обратившись къ посредничеству папы, не рѣшится оставить дѣло, не доведя его до конца.

Отъ Поссевина, взявшаго на себя роль посредника въ этомъ дѣлѣ, зависѣло примирить требованія, относительно которыхъ обѣ стороны никакъ не могли договориться, поэтому въ тотъ же день, 9-го (18-го) іюля вечеромъ, Замоискій предложилъ ему повидаться съ московскими посланниками: Пушкинымъ, Писемскимъ и дьякомъ Трифоновымъ. Когда ихъ предупредили о томъ, что въ польскомъ лагерѣ находится посланный папою по просьбѣ самого царя, то они отвѣчали:

— Дай Богъ, чтобы дѣло уладилось!

Чтобы задобрить пословъ, Поссевину было разрѣшено выдать имъ двухъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Велижѣ, не требуя за нихъ никакого выкупа. Король выразилъ желаніе, чтобы Поссевинъ повидался съ русскими какъ можно скорѣе, предоставивъ на его выборъ самому отправиться къ посламъ, которые расположились со своимъ конвоемъ, состоявшимъ изъ двухсотъ человѣкъ, за крѣпостными стѣнами, или же принять ихъ въ почетной палаткѣ, которая была бы раскинута нарочно для этой дѣли. Поссевинъ рѣшилъ отправиться къ нимъ самъ, попросивъ дать ему подробныя инструкціи и выразивъ желаніе, чтобы на свиданіи присутствовалъ представитель короля.

Во время свиданія съ московскими послами, Поссевинъ употребилъ всевозможное стараніе, чтобы добиться отъ нихъ какихъ-либо разъясненій. Но это оказалось напраснымъ: посланники были любезны, предупредительны, обѣщали ему милостивый пріемъ со стороны царя, обнажили годову, когда произносилось имя папы, но повторяли буквально все то, что они говорили наканунѣ, а когда Поссевинъ сталъ настаивать,

то они замѣтили, что не могутъ сказать болѣе того, что сами знаютъ. На вопросъ, почему предложенія, сдѣланныя въ Вильно, были измѣнены, и почему царь отказывался отъ обѣщанныхъ имъ уступокъ, они отвѣчали, что прежній договоръ уничтожается новымъ. Такъ какъ Баторій отвергъ предложенныя ему условія, то царь предлагаетъ новыя.

— Теперь царь уже не уступить, «ни настолько»,—сказалъ Пушкинъ, крутя въ рукахъ соломинку.

Поссевинъ повѣлъ, что онъ ничего не добьется отъ людей, не имѣвшихъ для этого достаточныхъ полномочій.

Когда Поссевинъ возвратился въ Полоцкъ и далъ королю отчетъ въ своей бесѣдѣ съ русскими посланцами, то Баторій заявилъ въ присутствіи сенаторовъ, что изъ уваженія къ папѣ онъ отказывается отъ своего требованія, чтобы Іоаннъ снесъ свои крѣпости, и отъ военной контрибуціи. Что же касалось Ливоніи, то его рѣшеніе было непоколебимо, и онъ скорѣе готовъ былъ пожертвовать жизнью, нежели этой провинціей. Чтобы получить къ ней ключъ, онъ рѣшилъ овладѣть какъ можно скорѣе Псковомъ или Новгородомъ, не теряя времени на осаду другихъ крѣпостей, и возлагалъ надежду на Бога, ожидая отъ Него побѣды. Въ этомъ смыслѣ и было рѣшено дать отвѣтъ московскимъ посланцамъ.

Они были приглашены въ польскій лагерь, гдѣ канцлеръ Воловичъ прочелъ имъ отвѣтъ Баторія на письмо царя. Въ этомъ отвѣтѣ говорилось, что предложенія, сдѣланныя Іоанномъ, не могутъ быть приняты королемъ, и что, предлагая ихъ, царь какъ будто хотѣлъ только выиграть время; канцлеръ закончилъ свою рѣчь угрозами по адресу царя.

— Отнынѣ,—сказалъ онъ,—вопросъ касается не одной Ливоніи, война будетъ вестись ожесточенная, немилосердная.

Такое заявленіе могло заставить пословъ призадуматься, но инструкціи, данныя имъ, не допускали колебаній; послы остались непреклонны и, поцѣловавъ королю руку, удалились, не пропавъ ни слова. Когда же, нѣсколько часовъ спустя, они хотѣли возобновить переговоры, то поляки не дали имъ никакого отвѣта.

Между тѣмъ Баторій, несмотря на свои горделивыя и воинственныя заявленія, предпочелъ бы выгодный миръ всѣмъ случайностямъ новой войны. Нѣкоторые магнаты раздѣляли его мнѣніе. Этотъ вопросъ обсуждался въ сенатѣ 20-го іюля, и Поссевина просили поговорить, какъ бы по своему собственному побужденію, еще разъ съ московскими посланцами, которые выражали желаніе повидаться съ нимъ. Это вторичное свиданіе продолжалось добрый часъ и также не привело ни къ чему.

Тогда Стефанъ Баторій, горячо желавшій скорѣйшаго заключенія мира, сталъ торопить Поссевина отъѣздомъ въ Москву, далъ ему надежный конвой и сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, но, вмѣстѣ съ

тѣмъ, понимая необходимость быть осторожнымъ, онъ продолжалъ военныя приготовленія и не скрылъ этого отъ Поссевина, съ которымъ онъ провелъ вечеръ 11-го (20-го) іюля въ дружеской бесѣдѣ. Баторій изложилъ ему свой планъ кампаніи и выразилъ между прочимъ весьма странное желаніе покончить споръ съ Іоанномъ поединкомъ.

Но прежде всего было необходимо отвѣтить на письмо Іоанна; это было поручено канцлеру Замойскому. Онъ употребилъ на этотъ трудъ недѣлю; на переводъ письма на русскій языкъ потребовалась также цѣлая недѣля. Отвѣтъ Баторія было рѣшено послать въ Римъ и распространить въ Германіи. Съ точки зрѣнія рѣзкости выраженій, упрековъ и эпитетовъ, отвѣтное письмо Баторія ничѣмъ не уступало письму Іоанна. Ихъ переписка свидѣтельствовала о взаимномъ озлобленіи обоихъ монарховъ и о томъ, какъ трудно было ихъ помирить.

Сдѣлавъ историческій обзоръ отношеній, существовавшихъ между Польшей и Москвою, опровергнувъ обвиненія, взведенныя на поляковъ и обсудивъ всесторонне вопросъ о Ливоніи, Замойскій называлъ въ этомъ письмѣ Іоанна Каиномъ, Нерономъ, Иродомъ и Антиохомъ, и, коснувшись его личной жизни, упомянулъ о его жестокости, всевозможныхъ излишествахъ, и уподоблялъ его сатанѣ, подобно которому онъ хотѣлъ завладѣть всѣмъ міромъ.

Въ заключеніе Баторій предлагалъ Іоанну прибѣгнуть къ Суду Божьему. Если царь считаетъ свое дѣло правымъ, говорилось въ письмѣ, пусть онъ возьметъ оружіе, сядетъ на коня, условится съ королемъ о мѣстѣ и часѣ ихъ встрѣчи и помѣрится съ нимъ силою, доказавъ этимъ свою увѣренность въ правотѣ своего дѣла; такимъ образомъ будетъ сохранено не мало христіанской крови. Отказавшійся дать королю это удовлетвореніе, царь произнесетъ самъ надъ собою приговоръ.

12-го (21-го) іюля 1581 г. въ польскомъ лагерѣ подъ Полоцкомъ царствовало большое оживленіе. Баторій собирався покинуть крѣпость, завоеванную имъ недавно у русскихъ и направиться со своей блестящей кавалеріей и своими храбрыми венгерскими пѣхотинцами ко Пскову. Поссевицъ, съ свей стороны, отъѣзжалъ въ Москву съ четырьмя іезуитами-переводчиками и съ отрядомъ польскихъ всадниковъ. Минувавъ Оршу, онъ прибылъ въ ночь съ 24-го на 25-го іюля (2-го на 3-ье августа) на границу литовскихъ и русскихъ земель.

Тутъ съ нимъ случилась маленькая неприятность: польскій конвой уѣхалъ, не дождавшійся прибытія русскаго конвоя, и Поссевину пришлось остаться безъ проводниковъ и безъ охраны, среди ночнаго мрака, подъ проливнымъ дождемъ, среди дремучаго лѣса, гдѣ можно было подвигаться, только прокладывая себѣ путь съ топоромъ въ рукѣ. Къ счастью, на разсвѣтѣ путешественники встрѣтили Федора Потемкина

съ шестидесятью всадниками, который привѣтствовалъ ихъ отъ имени царя и вручилъ имъ охранные листы.

Переступивъ русскую границу, папскій посоль очутился въ совершенно новомъ мірѣ. Въ Московскомъ государствѣ на посланниковъ смотрѣли, какъ на плѣнныхъ; къ нимъ приставлялись для надзора особыя пристава, которые подъ видомъ охраны неустанно слѣдили за ними; а многочисленныя часовые, стоявшіе возлѣ ихъ помѣщенія днемъ и ночью, отрѣзывали имъ сообщеніе съ вѣнскимъ міромъ.

Самъ царь относился къ иностранцамъ, какъ извѣстно, съ величайшимъ недоувѣріемъ. Посевинъ, пріѣхавъ въ Москву при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ особенно сильно почувствовать это. 18-го іюля, на другой день по возвращеніи Шавригина изъ Рима, съ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ Посевина, въ Кремлѣ былъ созванъ совѣтъ и всѣмъ лицамъ, кои могли имѣть какое-либо отношеніе къ папскому послу были даны самыя точныя и обстоятельныя указанія, какъ себя держать, и что говорить. Обсуждался также подробно вопросъ о томъ, какія ему должны быть оказаны почести, какія ему будутъ предложены пища и питія; всѣмъ вообще предписывалось соблюдать съ ними величайшую осторожность. Приставъ Волоховъ, посланный изъ Москвы навстрѣчу Посевину, и которому было приказано подробно допросить его, везъ съ собою цѣлый рядъ официальныхъ отвѣтовъ на вопросы, которые могли быть ему предложены относительно войны и мира, относительно царя, Баторія, Литвы, Ливоніи, Казани, Астрахани, ногайскихъ татаръ и «относительно большой рѣки Волги и ея семидесяти двухъ устій». Ему было указано, какъ отвѣчать на всѣ непредвидѣнные или щекотливыя вопросы, а на тотъ случай, если бы рѣчь зашла о религіи, пристава было приказано отвѣчать коротко и ясно, что онъ неграмотенъ, не вдаваться по этому поводу ни въ какія разсужденія.

По повелѣнію царя, не доѣзжая Смоленска, Посевина встрѣтила вторая еще болѣе блестящая и многочисленная депутація. Онъ былъ допущенъ въ крѣпость, гдѣ народъ привѣтствовалъ его громкими криками; по случаю его пріѣзда стрѣляли изъ пушекъ. Епископу смоленскому, Сильвестру, было приказано привѣтствовать пріѣзжаго. По этому поводу произошло маленькое недоразумѣніе.

Слушая привѣтствіе владыки, нунцій былъ введенъ въ заблужденіе созвучіемъ двухъ русскихъ словъ; онъ понялъ, что владыка пригласилъ его на обѣдъ, между тѣмъ какъ епископъ предложилъ ему отслушать обѣдню. Поэтому можно себѣ представить его удивленіе, когда его окружила неожиданно большая толпа и повела въ церковь, и на паперти, Сильвестръ, не давъ обычнаго благословенія, потребовалъ, чтобы посоль поцѣловалъ ему руку, ибо таково было повелѣніе царя!

Поссевинъ понялъ, что этимъ хотѣли заставить его выказать уваженіе или почтеніе къ православной церкви, онъ не согласился ни поцѣловать епископу руку, ни войти въ церковь; никакіе доводы не подѣйствовали; владыкѣ пришлось уступить.

Изъ Смоленска Поссевинъ отправился на Вязьму и 9-го (18-го) августа прибылъ въ Старицу, небольшую крѣпостцу на берегахъ Волги, гдѣ царь пребывалъ временно. Въѣздъ въ крѣпость совершился торжественно. За стѣнами города Поссевина ожидалъ многочисленный конвой; отъ имени Іоанна ему была подведена великолѣпная вороная лошадь, бѣжавшая иноходью и покрытая дорогой попоной.

Обычные вопросы, которые были предложены ему, касались здоровья папы и разныхъ подробностей его путешествія. Въ день пріѣзда Поссевина состоялся большой пиръ, въ которомъ роль хозяина игралъ стольникъ Иванъ Даниловичъ Бѣльскій. По окончаніи обѣда, пристава хотѣли, по обыкновенію, продолжать возліанія въ тѣсномъ кругу, но Поссевинъ далъ имъ понять, что подобнаго рода излишества не согласовались съ его духовнымъ званіемъ. Это заявленіе поразило ихъ, но вызвало одобреніе. На другой день бояре осматривали подарки, присланные папою и подносимые Поссевиномъ отъ себя лично. Имъ была составлена опись, и послу было обѣщано, что онъ скоро увидитъ «ясныя царевы очи».

Дѣйствительно, аудіенція была назначена на воскресенье 11-го (20-го) августа. Какъ лицо духовнаго званія, папскій нунцій хотѣлъ появиться при дворѣ безъ всякой пышности; но, по настоянію русскихъ, ему пришлось, волей неволей, подчиниться ихъ требованію. Въ назначенный день къ нему явилось нѣсколько бояръ, съ извѣстіемъ, что часъ торжественной аудіенціи приближается; подарки были уложены въ мѣшки, сдѣланные изъ золотой и серебряной парчи. Поссевинъ двинулся изъ дома, имѣя по обѣимъ сторонамъ своихъ спутниковъ и переводчиковъ; впереди и позади него слѣдовалъ отрядъ блестящей конницы; позади несли подарки. Процессія подвигалась медленно, между двумя рядами солдатъ, которые стояли шпалерами, вплоть до самаго дворца. У дворца всѣ сѣвшились. Пройдя нѣсколько покоевъ, наполненныхъ боярами въ богатыхъ одѣяніяхъ, Поссевинъ очутился передъ Іоанномъ Грознымъ. Контрастъ былъ поразительный: весь въ черномъ съ короткимъ испанскимъ плащемъ на плечахъ, іезуитъ предсталъ передъ царемъ, возсѣдавшимъ на престолѣ, въ парчевомъ одѣяніи, усыпанномъ драгоценными камнями, съ короною на головѣ и скипетромъ въ рукѣ.

Іоаннъ былъ въ то время еще въ цвѣтѣ лѣтъ, но казался утомленнымъ жизнью; взглядъ у него былъ потухшій, лицо носило слѣды могучихъ страстей, и въ его выраженіи было нѣчто зловѣщее.

Бояре провозгласили, по обычаю, что Поссевинъ бьетъ царю челомъ, послѣ чего Іоаннъ освѣдомился о здоровьѣ папы Григорія XIII.

— Нашъ святѣйшій отецъ, папа Григорій XIII, пастырь всемірной церкви, викарій Іисуса Христа на землѣ, намѣстникъ святаго Петра, владѣтель многихъ земель и провинцій, слуга слугъ Господнихъ, шлетъ поклонъ вашей свѣтлости (*Votre Sérénité*) и желаетъ вамъ всякаго благополучія,—торжественно отвѣчалъ Поссевинъ.

Царь, изъ уваженія къ папѣ, выслушалъ эти слова стоя; затѣмъ, сѣвъ, онъ предложилъ послу неизбежные вопросы объ его путешествіи, далъ ему поцѣловать руку и сталъ разсматривать подарки.

Григорій XIII прислалъ Іоанну распятіе изъ горнаго хрусталя, оправленное въ золото съ частицею животворящаго креста, экземпляръ постановленій Флорентійскаго собора на греческомъ языкѣ, въ роскошномъ переплетѣ, четки, оправленные въ золото и осыпанные драгоценными камнями, чашу изъ горнаго хрусталя, оправленную въ золото. Кромѣ того, были присланы подарки старшему сыну царя и царицѣ Анастасіи Романовнѣ, о смерти которой, послѣдовавшей въ 1560 году, въ Римѣ не было извѣстно.

Отъ себя Поссевинъ поднесъ царю *Agnus Dei*, оправленный въ серебро, украшенный миниатюрами и изреченіемъ, сдѣланнымъ русскими буквами. Всѣ эти подарки, несмотря на ихъ драгоценность, показались, вѣроятно, весьма скромными царю, сокровищница котораго была переполнена золотомъ и серебромъ, и у котораго была цѣлая коллекція рѣдчайшихъ драгоценностей Востока.

Тѣмъ не менѣе, они имѣли особое значеніе, какъ подарки папы; поэтому они были торжественно обнесены по заламъ и показаны всѣмъ. Іоаннъ придавалъ особенное значеніе частицѣ животворящаго креста:

— Это подарокъ по истинѣ достойный папы,—сказалъ онъ.

По окончаніи аудіенціи, Поссевинъ совѣщался съ боярами. Совѣщаніе монаха-италинца, прибывшаго къ московскому царю для того, чтобы обсудить отъ имени папы вопросъ о войнѣ и мирѣ, совместно съ его уполномоченными, было, разумѣется, событіемъ совершенно необыкновеннымъ. Въ тотъ же день въ честь пріѣзжаго былъ данъ парадный обѣдъ. Обиліе золотой посуды, разставленной въ пріемномъ покоѣ и въ обѣденномъ залѣ, поразило пріѣзжихъ.

Іоаннъ сѣдѣлъ съ сыномъ за почетнымъ столомъ, по обѣ стороны отъ нихъ заняли мѣста князья Мстиславскіе и бояринъ Никита Романовъ; надъ столомъ висѣлъ прекрасный образъ Богоматери. Когда вошли іезуиты, царь назвалъ каждого поименно и указалъ имъ ихъ мѣста. Для нихъ былъ накрытъ столъ, пониже царскаго, въ видѣ полумѣсяца. На столахъ былъ только хлѣбъ, солонки и графинъ; ножей и вилокъ

не было, ѣли по-восточному руками. Обѣдъ продолжался два часа. Іоаннъ, какъ гостепріимный хозяинъ, посылалъ гостямъ блюда, которыя ему подносили.

Подъ конецъ обѣда царь произнесъ подходящую къ случаю рѣчь, въ которой онъ отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о папѣ.

Въ продолженіе своего двадцати восьми дневнаго пребыванія въ Старицѣ Поссевинъ имѣлъ шесть аудіенцій у царя и нѣсколько продолжительныхъ и скучныхъ совѣщаній съ дьяками и боярами, среди которыхъ главную роль игралъ Никита Романовъ, родоначальникъ будущей династіи царей, и Богданъ Бѣльскій, игравшій видную роль въ смутное время. Аудіенція бывала обыкновенно непродолжительна. Ревниво оберегая свое царское достоинство, Іоаннъ ограничивался одними общими замѣчаніями, намѣчалъ общій ходъ переговоровъ, предоставляя боярамъ обсуждать подробности. По окончаніи аудіенціи, онъ умывалъ всякій разъ руки въ золотой чашѣ, какъ бы для того, чтобы очиститься отъ скверны, вслѣдствіе приѣма иностранца, и дѣлалъ это, не скрываясь. Это показалось Поссевину до того оскорбительно и такимъ варварствомъ, что онъ при первой возможности горько жаловался на это боярамъ.

На совѣщаніяхъ присутствовали, разумѣется, съ той и съ другой стороны переводчики, которые объяснялись между собою съ нѣкоторымъ трудомъ. Поссевинъ привезъ съ собой двухъ переводчиковъ-литовцевъ, которые не говорили ни по-русски, ни по-польски, и русскіе часто не понимали ихъ; тогда приходилось обращаться за помощью къ московскимъ дьякамъ и пользоваться ихъ услугами за деньги. Переговоры замедлялись тѣмъ, что за всякой малостью приходилось обращаться къ царю. Чуть только возникалъ какой-нибудь новый вопросъ, или какое-нибудь пустячное недоразумѣніе, бояре тотчасъ отправлялись къ Іоанну и возвращались отъ него съ длинными свитками, которые, тутъ же, прочитывались всѣми поочередно.

Въ тайнѣ души царь не хотѣлъ слѣшить рѣшеніемъ; онъ хотѣлъ добиться многого, одѣлавъ какъ можно менѣе уступокъ, и сохранить свободу дѣйствій на случай, еслибы Баторій потерпѣлъ пораженіе подъ Псковомъ. Для западнаго человѣка, въ особенности для человѣка энергичнаго, обладавшаго живымъ характеромъ, какимъ былъ Поссевинъ, въ жилахъ котораго текла италіанская кровь, эта медлительность была настоящей пыткой.

Совѣщавшіеся обсуждали вопросъ не только словесно, но обмѣнивались также записками. Все написанное нунціемъ, несмотря на отвратительный языкъ, коимъ переводились его записки, отличалось ясностью и точностью. Русскіе отвѣчали ему троекратно, предъявляли копии со старинныхъ актовъ, съ текущей переписки, вообще вдавались

во всевозможныя подробности; царь придавалъ большое значеніе своимъ архивамъ, и Поссевинь хвастаетъ тѣмъ, что онъ ихъ осматривалъ и любовался ими.

Русскіе сдѣлали, между прочимъ, попытку подкупить Поссевина. Однажды Бѣльскій, болѣе разговорчивый и любезный нежели обыкновенно, намекнулъ нунцію, что онъ могъ бы рассчитывать на великолѣпные подарки, еслибы захотѣлъ способствовать желаніямъ царя. Поссевинь вскочилъ, какъ ужаленный, и отвѣчалъ на это предложеніе такъ, что его не посмѣли повторить.

Главною цѣлью папскаго нунція было заключить миръ на такихъ условіяхъ, которыя могли быть приняты обѣими сторонами и которыя сдѣлались бы основою для будущаго союза. Желая заручиться какими-либо положительными обѣщаніями царя, Поссевинь подаль ему примѣръ откровенности. Онъ изложилъ подробно все, о чемъ онъ говорилъ съ Баторіемъ, и упомянулъ объ его жалобахъ на русскіхъ и объ его планахъ на будущее. Затѣмъ онъ очертилъ яркими красками положеніе дѣлъ: съ одной стороны, говорилъ онъ, король польскій готовъ скорѣе умереть, нежели отказаться отъ своихъ требованій, и ни за что не удовлетворится одной Ливоніей, съ другой стороны, царь угрожаетъ прекратить всякіе переговоры на пятьдесятъ лѣтъ; поэтому обоимъ слѣдовало бы сдѣлать уступки. Баторій, по словамъ Поссевина, далъ ему понять, что онъ готовъ принять совѣты папы; теперь очередь за Іоанномъ, если онъ уступить, то можетъ быть заключенъ миръ, коимъ Россія можетъ широко воспользоваться, устроивъ дѣла со Швеціей при участіи Баторія, установивъ торговыя сношенія съ Венеціей, ибо путь черезъ Литву, не доступный въ военное время, будетъ открытъ, и организовавъ походъ противъ турокъ. Тогда на развалинахъ Оттоманской имперіи воздвигнется новая христіанская держава, во главѣ которой станетъ монархъ, коронованный папою. Такова была картина, набросанная Поссевиномъ.

Отъ политики разговоръ переходилъ весьма естественно на религію. По словамъ Поссевина, единство вѣры есть лучшая основа политическаго и военнаго союза. Онъ развилъ пространно свою мысль и особенно настаивалъ на томъ, что различіе обрядовъ не мѣшаетъ единству вѣры, старался придать особенное значеніе вмѣшательству папы и вообще выказалъ себя въ этомъ случаѣ искуснымъ дипломатомъ.

Отвѣтъ Іоанна былъ весьма уклончивъ; онъ былъ не прочь сдѣлать уступки, отъ которыхъ могъ бы впослѣдствіи отказаться. На намекъ Поссевина относительно Швеціи, который не имѣлъ оффиціальнаго характера, онъ не отвѣчалъ ничего опредѣленнаго, къ тому же король шведскій считался въ Москвѣ королькомъ, недостойнымъ вести переговоры съ царемъ, и долженъ былъ бы, въ случаѣ переговоровъ, прибѣгнуть къ посредничеству намістника новгородскаго. Какъ разъ въ

это время войско шведскаго короля овладѣло побережьемъ Балтійскаго моря, и Иоаннъ помышлялъ о томъ, какъ бы овладѣть имъ обратно. Желая скрыть эти замыслы, онъ заявилъ Поссевину, что скандинавскій посолъ будетъ допущенъ въ Кремль, чтобы объяснить желанія своего монарха. Этимъ Иоаннъ достигалъ двойной цѣли: дѣлалъ видъ, что онъ не прочь заключить миръ со Швеціей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы оказывалъ почетъ и уваженіе папѣ; что касалось религіи, то царь либо умалчивалъ объ этомъ вопросѣ, либо откладывалъ обсужденіе его до заключенія мира. Но такъ какъ все же было необходимо сдѣлать кое-какія уступки, хотя бы для того, чтобы выказать свою готовность принять посредничество папы, о которомъ онъ самъ просилъ, то Иоаннъ разрѣшилъ всѣмъ папскимъ посланнымъ вѣзды въ Россію и даровалъ имъ право свободнаго проѣзда въ Персію; венеціанскимъ купцамъ онъ приказалъ дать патентъ, даровавшій имъ таковыя же права; имъ было разрѣшено привозить съ собою католическихъ священниковъ съ условіемъ, что русскимъ будутъ выданы таковыя же охранные листы для проѣзда въ Италію. Чтò касалось сооруженія въ Россіи костела, то на эту смѣлую просьбу царь отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Вообще, въ вопросахъ вѣры Иоаннъ не желалъ дѣлать ни малѣйшей уступки и, быть можетъ, льстилъ себя надеждою, что дѣла съ Польшею уладятся путемъ другихъ менѣе важныхъ уступокъ.

Въ противоположность Поссевину, который охотно вдавался въ разсужденія общаго характера, царь уклонялся отъ подобныхъ разговоровъ и обсуждалъ охотно только вопросъ о переміриі. Какъ только разговоръ касался этого предмета, языкъ бояръ развязывался, они повидимому обдумали этотъ вопросъ всесторонне, и онъ составлялъ единственный предметъ ихъ заботъ.

Само собою разумѣется, бояре во всемъ винили поляковъ. Посланники Баторія клялись, говорили они, что миръ не будетъ нарушенъ, а сами обсуждали тѣмъ временемъ вопросъ о войнѣ, да еще какой войнѣ? о войнѣ имѣвшей цѣлью вторженіе въ Россію и завоеваніе ея земель. Ливонія издавна принадлежала Московскому государству; еще великій князь Ярославъ основалъ Юрьевъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ, и литовцы постоянно платили дань русскимъ.

Царь не скрывалъ своего желанія имѣть свободный доступъ къ Балтійскому морю, по его словамъ, для того, чтобы поддержать сношенія съ папою и съ императоромъ; онъ склонялся также къ миру съ Баторіемъ, ибо иначе немислима была война съ Турціей. Эти слова показывали, что онъ отлично понялъ тайную мысль папы. Та же готовность воевать съ турками, та же симпатія къ Риму и императору были высказаны въ отвѣтъ царя на посланіе Григорія XIII.

Не будучи, иной разъ, въ состояніи скрыть своей тревоги, Иоаннъ

задавалъ Поссевиу вопросъ: «заключить ли Баторій миръ и какія онъ предложитъ условія?»; наконецъ царь рѣшился высказать «свое послѣднее слово». Онъ желалъ заключить перемиріе на семь и самое большее на десять или на двѣнадцать лѣтъ. Онъ не заплатитъ Баторію ни полушки, не снесетъ ни одной крѣпости, но отдастъ побѣдителя Полоцкъ и Великіе Луки съ окрестностями, Курляндію и до 60 городовъ въ Ливоніи; 35 другихъ городовъ, въ томъ числѣ Юрьевъ и Нарва, останутся за русскими. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Іоаннъ удовольствовался бы тремя или четырьмя городами; теперь онъ требовалъ ихъ 35. Кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы Баторій снялъ осаду Пскова, отказался бы отъ всѣхъ будущихъ завоеваній и прислалъ бы въ Москву пословъ. Въ виду побѣдъ, одержанныхъ поляками, эти требованія могли показаться довольно странными. Вѣроятно, Іоаннъ имѣлъ большія надежды на посредничество папы и на затруднительное положеніе, въ какомъ находился Баторій. Но онъ въ этомъ не сознавался, а говорилъ: «Баторій отвергъ условія, предложенныя ему въ Вильно; поэтому я имѣю право предложить ему новыя и, такъ какъ онъ не насытенъ, то чѣмъ болѣе онъ требуетъ, тѣмъ менѣе ему слѣдуетъ предлагать».

Подобнаго рода обмѣнъ мыслей не могъ, конечно, привести къ соглашенію. Къ тому же высказанная царемъ угроза не посылать болѣе въ польскій лагерь пословъ создавала новое препятствіе. Тогда Поссевиу предложилъ, что онъ самъ отправится къ Баторію и переговоритъ съ нимъ. Предложеніе было принято съ радостью: тѣмъ болѣе, что Іоанномъ было получено въ то время королевское письмо отъ 2-го августа. Рѣзкій тонъ этого письма показывалъ, что въ лицѣ Баторія Іоаннъ имѣлъ непримиримаго врага. Царь былъ смущенъ; онъ вовсе не желалъ драться съ Стефаномъ на дуели, а новая побѣда поляковъ могла еще болѣе ухудшить положеніе дѣлъ. Видя угрожающую опасность, Іоаннъ перемѣнилъ тактику: онъ поручилъ свое дѣло въ руки Божіи и отказался отъ оскорбительныхъ рѣчей. Отвѣтъ на требованія Баторія, врученный Поссевиу, былъ написанъ съ большимъ достоинствомъ.

3-го (12-го) сентября происходила прощальная аудіенція. Никогда еще царь не былъ такъ любезенъ и предупредителенъ. Было рѣшено, что Поссевиу побывавъ въ лагерьъ подъ Псковомъ возвратится оттуда въ Москву. Кампанія долженъ былъ ѣхать съ подарками и соболями въ Римъ, другіе два спутника нунція оставались въ Россіи; такимъ образомъ у Іоанна были бы въ рукахъ заложники. Эти мѣры, подсказанныя царемъ, были одобрены на аудіенціи самымъ торжественнымъ образомъ, въ присутствіи бояръ.

— Поѣзжай къ королю Стефану, — сказалъ царь Поссевиу, кланяясь ему отъ насъ и, переговоривъ съ нимъ о мирѣ по повелѣнію папы, возвращайся къ намъ. твое присутствіе всегда будетъ намъ пріятно, по

лицу того, кто тебя послалъ, и по твоей преданности нашему дѣлу.

Царь сказалъ нѣсколько словъ привѣтствія отцу Кампаньи. Что касается отца Дреницкаго, который оставался въ Россіи, то Іоаннь велѣлъ ему подойти и, положивъ ему на голову руку, сказалъ Поссеви-ну: «будь покоенъ, съ нимъ будутъ обращаться въ твоёмъ отсутствіи также хорошо, какъ при тебѣ».

Вернувшись къ себѣ, іезуиты увидѣли, что ихъ столъ былъ устав-ленъ по повелѣнію царя обильными яствами. Вскорѣ имъ принесли разныя холодныя закуски на дорогу и боченокъ вина,—вещь довольно рѣдкая въ Москвѣ. Вечеромъ они были снова приглашены во дворецъ и оснаны подарками: царь велѣлъ объявить имъ, что онъ принимаетъ на себя ихъ путевыя издержки и дарить имъ мѣха и одежду.

Часть этихъ подарковъ была употреблена Поссевинымъ на выкупъ плѣнныхъ, другая часть была роздана приставамъ, которые, не стѣ-няясь, требовали себѣ вознагражденія.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 5-е (14-е) сентября. Въ охранныхъ ли-стахъ, данныхъ путешественникамъ повелѣвалось, подъ страхомъ смерт-ной казни, не чинить имъ въ дорогѣ ни малѣйшаго препятствія. Въ устахъ Іоанна это не было пустою угрозою.

Приставу, который везъ Поссевина и исполнялъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность шпиона, было приказано тщательно записывать все, что бы ни сказалъ Поссевиный, имѣющее отношеніе къ политикѣ, и было стро-жайше наказано не вѣзжать съ нимъ въ Новгородъ. Баторій имѣлъ виды на этотъ городъ, и поэтому царь не желалъ, чтобы іезуитъ могъ сдѣлать какія-либо наблюденія.

Поссевиный, въ свою очередь, далъ отцу Дреницкому пространныя инструкціи, касавшіяся, впрочемъ, преимущественно богословскихъ во-просовъ, не подозрѣвая, что его злополучный спутникъ будетъ обре-ченъ на полное одиночество, и что съ нимъ будутъ обращаться въ Мо-сквѣ почти какъ съ военно-плѣннымъ.

Маршрутъ былъ составленъ самимъ царемъ; приблизительно двѣ недѣли путешественники ѣхали до озера Ильмена, переправа черезъ которое заняла около 8 часовъ; у воротъ Новгорода къ ихъ услугамъ явился конвой изъ двухсотъ всадниковъ. Недалеко отъ Пскова Поссе-вину пришлось выждать четыре дня отвѣта короля и прибытія польска-го конвоя. Во время этой вынужденной остановки іезуитъ привелъ въ порядокъ дневникъ, веденный имъ изо дня въ день въ Старицѣ, куда онъ заносилъ всѣ свои разговоры съ царемъ и боярами, и составилъ за-писку о Москвѣ, которая была обнаружена въ 1586 году.

IV.

Прибытіе Поссевина въ лагерь Баторія подъ Псковомъ.—Неудачный штурмъ города поляками.—Затруднительное положеніе Поссевина.—Письмо его Иоанну.—Весѣда Поссевина съ Баторіемъ.—Тяжелое положеніе польской арміи.—Отвѣтъ Иоанна Поссевину.—Притязанія поляковъ.—Прибытіе русскаго посла.— Назначеніе польскихъ уполномоченныхъ для переговоровъ въ Ямъ-Запольѣ.

Поссевинъ прибылъ въ лагерь подъ Псковомъ 26-го сентября (5-го октября). Его пріѣздъ чрезвычайно обрадовалъ осажденныхъ, положеніе которыхъ становилось со дня на день болѣе и болѣе критическимъ, и потому вмѣшательство папы было для нихъ весьма желательно.

Псковскимъ гарнизономъ командовали бояре князья Иванъ и Василій Шуйскіе. Всѣ солдаты этого гарнизона поклялись передъ образомъ Божіей Матери умереть, но не сдаться, и перебѣжчикъ Давидъ Бѣльскій, которому это было извѣстно, совѣтовалъ Баторію лучше оставить Псковъ и Новгородъ и осадить Смоленскъ, но король не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія.

Жители Пскова торжественно приготовились выдержать осаду; совершили крестный ходъ и обнесли вокругъ стѣнъ города чудотворныя иконы и мощи. 13-го (22-го августа) запылали предмѣстья, подоженные русскими, когда они заперлись въ городъ, и при ихъ зловѣщемъ пламени и звукахъ набата, на горизонтѣ появился непріятель. Первая ожесточенная схватка кончилась ничѣмъ, и поляки убѣдились, что для того, чтобы овладѣть городомъ, защищеннымъ обширными болотами, рѣками, толстыми стѣнами, оврагами, и въ которомъ засѣлъ храбрый гарнизонъ, имъ было необходимо повести правильную осаду. Они поспѣшно возводили траншеи и многочисленныя батареи.

29-го августа (7-го сентября) началась бомбардировка, а на слѣдующій день былъ произведенъ штурмъ города. Этотъ день будетъ на вѣки достопамятенъ въ лѣтописяхъ русской военной исторіи. Поляки осыпаемые градомъ пуль и ядеръ, идя по трупамъ, достигли стѣнъ укрѣпленія, проникли въ него черезъ сдѣланную ими брешь, овладѣли сперва одной башней, затѣмъ другой; королевское знамя уже развѣвалось на стѣнахъ Пскова, русскіе стали слабѣть и готовы были сдаться. Въ эту критическую минуту, Иванъ Шуйскій, покрытый пылью и забрызганный кровью, сошелъ съ лошади, которая была ранена подъ нимъ, задержалъ солдатъ, обратившихся въ бѣгство, ободрилъ сражающихся, указавъ имъ на приближавшійся крестный ходъ, какъ вдругъ раздался страшный трескъ, къ небу взвился столбъ дыма, и рвы наполнились обломками стѣны и трупами; это взлетѣла на воздухъ башня, бывшая уже

въ рукахъ поляковъ и подъ которую русскіе искусно подвели мину. Тогда осажденные воодушевленные надеждою на побѣду, рѣшили сдѣлать еще одну попытку, чтобы отразить непріятеля; произошла отчаянная схватка. Венгерская пѣхота оказала русскимъ энергическое сопротивление; отступивъ въ полномъ порядкѣ, она продолжала сражаться на равнинѣ. Кровь съ обѣихъ сторонъ лилась потоками; рѣзня прекратилась только съ наступленіемъ ночи, когда русскіе возвратились побѣдносно въ городъ, который остался въ ихъ рукахъ.

Баторій, слишкомъ привыкшій къ побѣдамъ, чтобы отступить послѣ первой неудачи, приказалъ дѣятельно продолжать осадныя работы, и бомбардировку города, которымъ онъ хотѣлъ овладѣть, во что бы то ни стало; между тѣмъ полякамъ приходилось преодолевать все большія и большія трудности. У нихъ ощущался недостатокъ въ боевыхъ и съѣстныхъ припасахъ, къ тому же приближалась зима съ ея лютыми морозами. Плохо одѣтые, плохо накормленные польскіе волонтеры, не получая своевременно обѣщаннаго имъ жалованія, угрожали оставить ряды, если имъ не будутъ выданы деньги. Баторій не зналъ, что дѣлать, но все не терялъ надежды, что сеймъ дастъ ему необходимыя средства, въ противномъ случаѣ онъ рѣшилъ употребить на уплату солдатамъ свое личное имущество.

Желѣзная рука Замойскаго худо ли хорошо поддерживала въ лагерь дисциплину, несмотря на ропотъ польской молодежи и на соперничество разныхъ національностей, входившихъ въ составъ польскаго войска; тѣмъ не менѣе все испытывали утомленіе и упадокъ духа.

Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ, посредничество въ видахъ заключенія мира было дѣломъ не труднымъ, но, на самомъ дѣлѣ, это было далеко не такъ, ибо обѣ стороны предъявляли несоразмѣрныя требованія, не хотѣли ничѣмъ поступиться и относились недовѣрчиво къ царскому послу.

Посевинъ возвратился изъ Старицы очень довольный оказаннымъ ему приѣмомъ и откровенностью, съ какою говорилъ съ нимъ Іоаннъ, благодаря чему онъ имѣлъ обо всемъ гораздо болѣе точныя свѣдѣнія, нежели дипломаты. Письма, данныя Іоанномъ къ царю, охранные листы, гостепрѣимство, оказанное отцу Дренацкому, обѣщаніе царя поднять оружіе противъ турокъ,—ибо Посевинъ толковалъ все сказанное Іоанномъ въ этомъ именно смыслѣ,—все эти уступки подавали въ будущемъ хорошія надежды. Но первымъ и необходимымъ условіемъ было заключеніе мира; для достиженія этого нужно было, по мнѣнію Посевина, пожертвовать, въ случаѣ надобности, нѣсколькими десятинами земли въ Ливоніи.

Баторій не раздѣлялъ этого взгляда; гордый своими побѣдами, желая воспользоваться ихъ плодами, недовѣрчивый отъ природы, онъ бо-

ялся, что Поссевиный, увлекаясь своими миссіонерскими цѣлями и прельстившись обманчивыми обѣщаніями, считалъ политической необходимостью то, что было въ сущности необходимо только для его дѣятельности.

Поссевиный, тотчасъ по пріѣздѣ, имѣлъ нѣсколько продолжительныхъ тайныхъ совѣщаній съ Баторіемъ и Замойскимъ, назначеннымъ 2-го (11-го августа) того же года великимъ гетманомъ польскихъ войскъ. Всѣ рѣшенія, принятія на этихъ совѣщаніяхъ были имъ изложены въ письмѣ, которое переводчикъ Андрей Полонскій повезъ царю. Поссевиный писалъ въ немъ, что король настаиваетъ на своихъ требованіяхъ, хотя согласенъ изъ уваженія къ папѣ отправить пословъ для веденія переговоровъ, но не въ Москву, какъ хотѣлъ царь, а въ какой-либо пограничный городъ. Поссевиный горячо совѣтовалъ Іоанну воспользоваться этимъ въ виду его собственныхъ интересовъ, ибо иначе походъ могъ затянуться на всю зиму. Поляки дѣлаютъ большія приготовленія, писалъ онъ, изъ Риги подвозятъ боевые запасы, ожидаются новыя подкрѣпленія, Псковъ находится въ жалкомъ состояніи; новгородцамъ не удалось проникнуть туда, Хвостовъ взятъ въ плѣнъ, осаждающіе горятъ желаніемъ идти еще разъ на приступъ, будущей весною военныя дѣйствія будутъ перевесены въ глубь страны, и тогда горе жителямъ! Въ концѣ письма іезуитъ взывалъ къ христіанскимъ чувствамъ царя, подавалъ надежду на то, что Баторіемъ будутъ сдѣланы нѣкоторыя денежныя уступки, и что онъ даже уступитъ нѣкоторыя земли.

Отвѣтъ изъ Москвы былъ полученъ, только черезъ мѣсяць. Поссевиный не потерялъ этого времени даромъ.

8-го (17-го октября) онъ имѣлъ съ Баторіемъ продолжительное совѣщаніе относительно Швеціи,—вопросъ крайне щекотливый, къ которому они не разъ возвращались впоследствии. Диверсія, произведенная въ это время шведами къ сѣверу, могла бы сослужить полякамъ хорошую службу; Баторій серьезно склонялся къ этому шведскаго короля, но тотъ не спѣшилъ посылать свои суда въ Бѣлое море и готовилъ Баторію сюрпризъ. Воспользовавшись охранной грамотой, выданной поляками съ другой цѣлью, шведы набрали въ Германіи двѣ тысячи войска, съ коими де Ла-Гарди, прозванный «чертомъ», одерживалъ побѣды на берегахъ Балтійскаго моря. Надъ нѣсколькими крѣпостями Ливоніи, въ томъ числѣ надъ Нарвою, уже развѣвался шведскій флагъ.—Это приводило Баторію въ негодованіе; онъ не имѣлъ въ виду завоевывать Ливонію для того, что бы наградить ея Швецію; взятіе Нарвы вселило въ немъ мысль совершенно устранить шведскаго короля отъ переговоровъ.

Поссевиный смотрѣлъ на дѣло хладнокровнѣе. Онъ былъ того мнѣнія, что полякамъ, у которыхъ было весьма мало пѣхоты, едва-ли удалось бы отстоять крѣпости, захваченныя шведами. Кромѣ того, Польша имѣла

*

по отношенію къ Швеціи тяжелыя денежныя обязательства, а такъ какъ ея денежныя дѣла были очень плохи, то ей лучше было не возстановлять противъ себя сосѣда, а покончить съ нимъ дѣло полюбовно. Стефанъ Баторій поддался совѣтамъ Поссевина и позволилъ ему написать Іоанну III и извѣстить его о событіяхъ, совершившихся въ послѣднее время. Получивъ это позволеніе, Поссевинъ чрезвычайно обрадовался, такъ какъ нѣкоторыя вещи, слышанныя имъ въ бытность въ Стокгольмѣ, внушили ему серьезныя опасенія: въ Стокгольмѣ былъ поднятъ вопросъ о союзѣ Литвы съ Польшей, и шведы находили, что шведскій королевскій принцъ Сигизмундъ, родной племянникъ послѣдняго изъ Ягеллоновъ, имѣлъ болѣе правъ на великое герцогство Литовское, нежели какой-то венгерскій воевода. Эти смѣлыя рѣчи показывали, что съ этой стороны Баторію могла угрожать опасность.

Подобныя дружественныя бесѣды между этими двумя лицами, столь различными по положенію, которыхъ свели въ этомъ отдаленномъ краю чрезвычайныя событія, повторялись довольно часто. Совѣты нунція принесли плоды; Баторій понялъ справедливость его замѣчаній, приказалъ возвратить свободу нѣкоторымъ изъ плѣнныхъ русскихъ, въ томъ числѣ родственнику дьяка Щелкалова, котораго считали въ Польшѣ канцлеромъ Іоанна.

Поссевинъ воспользовался случаемъ, чтобы развивать въ присутствіи короля свои излюбленныя идеи и все болѣе и болѣе заручиться его довѣріемъ; онъ доказывалъ Баторію, что побѣда зависитъ отъ Бога, который посылаетъ ее, по своему усмотрѣнію, тому, кому онъ пожелаетъ, и приводилъ въ доказательство неожиданныя побѣды, одержанныя шведами, и пораженіе, понесенное поляками подъ Псковомъ. Однажды разъ, онъ растрогалъ его до слезъ своей проповѣдью войску. Стараясь возбудить его храбрость и нарисовать яркую картину будущаго, онъ говорилъ, что три побѣдоносныя похода на Москву были только первымъ шагомъ къ завоеванію таинственной Азіи, колыбели человѣческаго рода, которой еще предстоитъ въ будущемъ играть великую роль въ исторіи человѣчества.

Однако, несмотря на то, что надежда на возобновленіе переговоровъ не была потеряна, и несмотря на частыя вылазки со стороны русскихъ, на ихъ мѣткую стрѣльбу и страшныя трудности осады, Баторій упорствовалъ продолжать ее; въ польскомъ войскѣ поговаривали даже о вторичномъ штурмѣ. 11-го (20-го) октября состоялся военный совѣтъ, который затянулся далеко за полночь, но положеніе дѣлъ отъ этого нисколько не улучшилось: у осаждающихъ не доставало пороха, и никакія усилія ума не могли помочь этому горю. Въ войскѣ, какъ бываетъ обыкновенно въ критическія минуты, начались раздоры. Литовцы, болѣе склонные къ миру и относившіеся къ русскимъ менѣе враждебно, не

хотѣли оставаться подѣ Псковомъ долѣе восемнадцати дней; они изнемогали отъ усталости, холода и голода. Они жестоко смѣялись надъ поляками, надъ ихъ великимъ гетманомъ, надъ его рѣчамп и манерами, коими онъ старался подражать древнему римлянину.

Уступая настояніямъ многихъ сенаторовъ, которые сильно опасались за исходъ штурма, Поссевинъ, послѣ продолжительныхъ и долгихъ совѣщаній съ Замоискимъ, рѣшилъ 12-го (21-го) октября, снова поговорить съ королемъ. Выказавъ прежде всего опасеніе, что въ случаѣ вторичнаго штурма будетъ пролито много крови, и что многіе перейдутъ въ вѣчность безъ покаянія и тѣмъ будутъ лишены спасенія, онъ указалъ также на то, что Іоаннъ можетъ счесть осаду Пскова, начатую послѣ переговоровъ, веденныхъ имъ въ Старицѣ, за вѣроломство, и что это можетъ чрезвычайно затруднить дальнѣйшіе переговоры о мирѣ. Рисковать этимъ было бы безуміемъ въ виду того, что войско терпѣло недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, деньгахъ, боевыхъ снарядахъ; холодъ дѣлался нестерпимымъ, и армія могла растаять на глазахъ у короля, безъ всякой пользы. Не лучше ли было бы — говорилъ Поссевинъ — избѣгать кровопролитія и позаботиться о снабженіи войска пищей? Приведа примѣры изъ исторіи, когда величайшіе полководцы отказывались отъ своихъ намѣреній, если имъ приходилось бороться съ непреодолимыми препятствіями, въ родѣ морозовъ, Поссевинъ умолялъ короля оставить мысль о штурмѣ и заблокировать Псковъ. Совѣтъ, самый подходящий для безпристрастнаго посредника.

Король уступилъ не сразу: блокада крѣпости была, по его мнѣнію, дѣломъ не подходящимъ, такъ какъ его противникъ безъ того старался только затянуть дѣло и удить рыбу въ мутной водѣ. При томъ поляки и венгерцы не боятся мороза, говорилъ онъ, отъ него страдаютъ только нѣмцы; къ тому же король надѣялся, что вскорѣ будутъ подвезены сѣстные припасы, и положеніе арміи улучшится. Впрочемъ, онъ обѣщалъ спросить мнѣніе сената, разрѣшилъ Поссевину вторично написать Іоанну, на что онъ до тѣхъ поръ упорно не соглашался, и штурмъ былъ отмѣненъ.

Въ тотъ же день, когда этотъ обмѣнъ мыслей происходилъ въ лагерѣ подѣ Псковомъ, Андрей Полонскій, посланный Баторіемъ къ Іоанну, совѣщался съ боярами въ Слободѣ. Человѣку, приставленному къ польскому послу, было, по обыкновенію, приказано держать его въ полномъ одиночествѣ, разспросить его обстоятельно о положеніи Пскова и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Баторія, но если бы Полонскій вздумалъ, въ свою очередь, коснуться вопросовъ политики, то приставу было приказано отвѣчать, что онъ «слишкомъ молодъ, чтобы говорить о столь серьезномъ предметѣ».

Когда письмо Поссевина, писанное 31-го сентября (9-го октября),

послѣ бесѣды съ королемъ, было передано боярамъ, то они поняли, что нельзя было терять времени, и этотъ разъ оставили свою обычную медлительность и безпечность.

13-го (22-го) октября состоялось ихъ совѣщаніе съ царемъ; за это время Іоаннъ сильно измѣнился, это былъ уже совсѣмъ иной человѣкъ; гордость его исчезла, онъ позабылъ свои угрозы, его занимала только мысль о скорѣйшемъ окончаніи войны; онъ былъ готовъ отдать полякамъ всѣ завоеванія, сдѣланныя русскими въ Ливоніи, лишь бы они отдали ему Великія Луки и нѣкоторыя другія крѣпости. Онъ рѣшилъ немедленно отправить пословъ въ какой-нибудь пограничный городъ, куда Баторій долженъ былъ, со своей стороны, прислать уполномоченныхъ и гдѣ, при участіи Поссевина, они могли бы вести переговоры о мирѣ,—на какихъ условіяхъ, объ этомъ Іоаннъ пока умалчивалъ.

Полонскій былъ немедленно отосланъ въ Псковъ, куда отправился одновременно русскій гонецъ, Захарій Болтинъ, везшій Поссевину письмо и охранныя грамоты.

Отвѣтъ царя былъ полученъ въ польскомъ лагерѣ только въ ноябрѣ. Баторій предполагалъ отправиться вскорѣ на сеймъ въ Варшаву, а Замойскій долженъ былъ остаться подъ Псковомъ. Между тѣмъ недовольство въ войскѣ росло. Случаи ослушанія повторялись все чаще и чаще, случалось даже, что литовцы отказывались нести аванпостную службу. Отрядъ, которому было приказано овладѣть Печерскимъ монастыремъ, встрѣтилъ нежданное сопротивленіе; горсть монаховъ, поддерживаемая мужиками, отразила нападеніе цѣлаго отряда храбрыхъ воиновъ.

28-го октября (7-го ноября), къ великой радости осажденных, траншеи были оставлены; но на военномъ совѣтѣ, состоявшемся въ тотъ же день, все же было рѣшено продолжать осаду.

Наконецъ, явился гонецъ, съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи пословъ.

Въ виду предстоявшихъ переговоровъ, Поссевину, разумѣется, было необходимо знать точно и опредѣленно рѣшительныя требованія поляковъ. Каково же было его удивленіе, когда Замойскій объявилъ ему, что поляки ставятъ непремѣннымъ условіемъ мира пріобрѣтеніе всей Ливоніи и не хотятъ уступить ни одной крѣпости, ни пяди земли, даже въ томъ случаѣ, если польская армія потерпитъ пораженіе. Таково было окончательное рѣшеніе сейма, которое самъ король не въ состояніи былъ измѣнить. Такимъ образомъ, исчезала всякая надежда на примиреніе, такъ какъ Іоаннъ со своей стороны не хотѣлъ ничѣмъ поступиться.

Поссевинъ заподозрилъ, что поляки обманывали его и преувеличи-

вали свои требованія, опасаясь, чтобы онъ не сдѣлалъ Іоанну слишкомъ большихъ уступокъ. Желая выяснитъ это, онъ явился 31-го октября (9-го ноября) къ Баторію и просилъ его дать ему точныя инструкціи, тѣмъ болѣе, что въ зимнее время года сообщеніе будетъ затруднительно, и письма легко могутъ быть перехвачены и прочитаны.

Позабывъ свое недовѣріе къ Поссевиному, Баторій отвѣчалъ ему откровенно, что, несмотря на все его желаніе не затягивать войны, онъ долженъ сообразоваться съ рѣшеніемъ сенаторовъ. Ливонія, сказалъ онъ, не можетъ принадлежать двумъ монархамъ, точно такъ же, какъ двѣ шпаги не могутъ быть вложены въ однѣ ножны: поляки одни имѣютъ право на страну, которая сама искала у нихъ покровительства, за которую они пролили не мало крови, и которая, согласно рѣшенію сейма, должна быть возвращена прежде, нежели поляки сложатъ оружіе.

Замѣчаніе Поссевина, что Польшѣ лучше поддерживать съ Швеціей добрососѣдскія отношенія, нежели скрытую вражду, и что Баторію выгоднѣе было бы дѣйствовать заодно съ Іоанномъ III и дать понять московскому царю, что ему придется отнынѣ имѣть дѣло не съ однимъ, а съ двумя врагами, произвело на Стефана большое впечатлѣніе.

5-го (14-го) ноября возвратился изъ слободы Полонскій, вмѣстѣ съ Болтинымъ, коего царь послалъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ какъ русскіе уполномоченные слѣшили въ Ямъ-Заполье, то пришлось, не теряя времени, обмѣняться охранными грамотами. При этомъ опасались, какъ бы на аудіенціи, данной съ этой цѣлью Болтину, не произошло какого-либо недоразумѣнія изъ-за требованій этикета. Хитрость Болтина пришла тутъ на выручку: подходя къ Баторію, чтобы поцѣловать ему руку, ловкій гонецъ снялъ съ себя шапку и остался въ одной скуфьѣ, что вызвало всеобщій смѣхъ поляковъ, которые признали себя побѣжденными.

7-го (16-го) ноября король имѣлъ еще одну конфиденціальную бесѣду съ Поссевинымъ. Баторій былъ избалованъ побѣдами и, теперь, когда счастье измѣнилось ему, и онъ былъ озлобленъ сопротивленіемъ, испытаннымъ его войсками подъ Псковомъ, и еще болѣе отпоромъ, оказаннымъ его отряду подъ Печерскимъ, онъ былъ чрезвычайно взволнованъ, и краснорѣчивому Поссевину было не трудно растрогать его до слезъ.

— Господь изрекъ свою волю, — сказалъ онъ; — надобно подчиниться Его повелѣнію. Если побѣда оставила польскія знамена, значитъ, настало время заключить почетный миръ, тѣмъ болѣе, что побѣды шведовъ въ Ливоніи готовятъ въ будущемъ новыя осложненія и внутреннее состояніе королевства таково, что оно требуетъ величайшаго вниманія и заботливости.

Результатомъ этой бесѣды было письмо, написанное Поссевиномъ

королю шведскому, въ которомъ онъ изложилъ ему ходъ переговоровъ и предлагалъ отъ имени короля польскаго послать въ Ямъ-Заполье своего уполномоченнаго, для участія въ переговорахъ. Разумѣется, времени оставалось слишкомъ мало для того, чтобы этотъ уполномоченный могъ своевременно прибыть въ Ямъ-Заполье, но, по крайней мѣрѣ, это устанавливало между сосѣдями дружелюбныя отношенія.

Гораздо важнѣе въ глазахъ Поссевина былъ выборъ королевскихъ уполномоченныхъ. Онъ умолялъ короля послать въ Ямъ-Заполье однихъ католиковъ и не смущать русскихъ зрѣлищемъ религіозныхъ распрей. Но это было затруднительно, такъ какъ и поляки и литовцы должны были имѣть тамъ своихъ представителей; между тѣмъ среди литовцевъ было не мало диссидентовъ, а Николай Радзивиллъ, рекомендованный Поссевиномъ, былъ старъ и глуховатъ. Выборъ Стефана палъ на двухъ католиковъ: Яна Збараскаго, воеводу брацлавскаго, и Альберта Радзивилла, маршала литовскаго. Въ секретари къ нимъ былъ назначенъ литовецъ—православный, Михаилъ Харабурда, извѣстный, какъ человѣкъ съ мягкимъ и покладистымъ характеромъ.

Посланнымъ въ Ямъ-Заполье полякамъ были даны весьма ограниченныя полномочія, такъ какъ они должны были сноситься во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ вопросахъ съ Замойскимъ, который оставался въ лагерѣ, и подчиняться его рѣшенію.

Вліяніе нунція выразилось въ посылкѣ въ Ямъ-Заполье Христофора Варжевицкаго, который явился тамъ по волѣ Баторія официальнымъ представителемъ шведскихъ интересовъ. У Варжевицкаго, ревностнаго католика, былъ братъ, который руководилъ въ Стокгольмѣ воспитаніемъ королевскаго принца. Это и было, вѣроятно, причиною даннаго ему назначенія.

Какъ только были совершены всѣ необходимыя формальности, Поссевинъ отправился, 20-го (29-го) ноября, въ Ямъ-Заполье, съ нимъ былъ только одинъ переводчикъ, Василій Замаскій. Андрей Полонскій, больной и утомленный, остался въ лагерѣ, гдѣ вскорѣ скончался.

Баторій опасался, чтобы Поссевинъ, который со времени своего пріѣзда изъ Старицы восхвалялъ Юанна, его искренность и любезность, и котораго онъ подозрѣвалъ въ пристрастіи къ царю, не увлекся желаніемъ достигнуть своихъ миссіонерскихъ цѣлей и не предложилъ царю слишкомъ легкихъ условій мира. Поэтому онъ написалъ ему въ день его отъѣзда письмо, въ которомъ умолялъ его служить Польшѣ съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онъ защищалъ интересы Россіи.

21-го ноября (1-го декабря) Баторій уѣхалъ въ Вильно, оставивъ, по словамъ одного современника, своихъ солдатъ осиротѣлыми и беззащитными среди непривѣтливыхъ равнинъ Московскаго государства.

В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александра къ полякамъ.

I.

Въ февралѣ 1817 г. скончался въ Варшавѣ президентъ Сената графъ Островскій, о чемъ сынъ его Антонъ-Янъ не замедлилъ письмомъ отъ 25-го февраля 1817 года довести до свѣдѣнія императора и просилъ сохранить имъ всеѣмъ покровительство и благосклонность, которыя государю угодно было оказывать ихъ родителю. На это письмо графъ Антонъ Островскій удостоился получить слѣдующій рескриптъ отъ императора Александра I-го отъ 6-го (18-го) марта 1817 года:

«Письмо ваше отъ 25-го февраля сего года дошло до меня. Я раздѣляю сожалѣнія, вызванныя кончиною вашего уважаемаго отца, точно такъ же, какъ раздѣлялъ чувства, внушаемыя его достоинствами; я уже приказалъ выразить мое глубокое сожалѣніе его семейству. Но присоединяя мою печаль къ семейному горю, я счелъ умѣстнымъ напомнить семейству объ источникѣ его утѣшеній и надеждъ. Ихъ даетъ вамъ религія; ея божественныя истины столь же могущественны, какъ и утѣшительны, когда идетъ рѣчь о человѣкѣ, окончившемъ свой вѣкъ, дѣлая добро. Принимаю все выражаемыя вами чувства и хочу вѣрить, что дѣти Оомы Островскаго унаслѣдовали его добродѣтели и ту преданность къ родинѣ, которая характеризовала его націю, и которую я съ увѣренностью отъ нея ожидаю. Прошу Всемогущаго, чтобы Онъ охранялъ васъ своею святою десницею».

II.

Командовавшій отрядомъ польскихъ войскъ князь Іосифъ Понятовскій, 52 лѣтъ, какъ извѣстно, погибъ въ водахъ рѣки Эльстеръ 19-го октября 1813 г., послѣ сраженія при Лейпцигѣ, и былъ погребенъ на общемъ кладбищѣ. Позднѣе, при возвращеніи польскихъ войскъ изъ-подъ стѣнъ Парижа на родину, генераль Рожнецкій, проходя мимо Лейпцига, соорудилъ небольшой памятникъ Понятовскому на берегу Эльстера.— Снисходя на желаніе поляковъ получить бранные останки своего вождя, императоръ Александръ I-й разрѣшилъ имъ перевезти ихъ въ царство Польское. Польскій генераль Соколыницкій вмѣстѣ съ 50 офицерами провожалъ съ почетомъ тѣло Понятовскаго отъ Лейпцига до Варшавы и 9-го сентября 1814 г. достигъ Варшавы. Фельдмаршалъ Барклай де Толли со всѣмъ штабомъ, а также генераль Домбровскій выѣхали навстрѣчу и пѣшкомъ сопровождали печальное шествіе по городу Варшавѣ до церкви св. Креста, гдѣ происходило торжественное отпѣваніе при громадномъ стеченіи народа, 10-го сентября 1814 г., послѣ чего тѣло Понятовскаго было перевезено далѣе въ Краковъ. Но обыватели Варшавы и другихъ городовъ царства пожелали соорудить Понятовскому памятникъ, на чтó императоръ Александръ благосклонно соизволилъ дать разрѣшеніе. Повидимому, распространились, однако, слухи, что его величеству не угодно, чтобы сооружаемый памятникъ былъ воздвигнутъ на видномъ мѣстѣ, и это побудило извѣстную графиню Потоцкую (рожденную Тышкевичъ) обратиться къ императору Александру I-му съ слѣдующимъ письмомъ отъ 15-го іюня 1817 года:

«Не дерзая надѣяться, что статуя Іосифа Понятовскаго будетъ находиться на общественной площади, мнѣ казалось бы возможнымъ поставить оную въ глубинѣ Саксонскаго сада, гдѣ находится бесполезный павильонъ, который правительство предполагаетъ сломать. Это скромное мѣсто, мало посѣщаемое любопытными, будетъ однако соответствовать памятнику, который навсегда будетъ свидѣтельствовать о великодушіи Александра I-го, о добродѣтеляхъ нашего героя и о выраженіи благоговѣнія къ нему признательнаго народа. Соблаговолите, всемилостивѣйшій государь, осуществить наши желанія и присоединить новую милость ко всѣмъ другимъ, которыми ваше величество ежедневно насъ надѣяете. Ваша самая вѣрнопопданная Потоцкая».

На это императоръ собственноручно отвѣтилъ изъ Царскаго Села 25-го августа (6-го сентября) 1817 г., слѣдующимъ письмомъ ¹⁾:

«Я получилъ, графиня, ваше письмо отъ 15-го іюня. Я никогда не

¹⁾ Арх. Госуд. Совѣта, дѣло 1817 г. № 169.

имѣлъ намѣренія дѣлать какое-либо затрудненіе тому, чтобы назначенный къ сооруженію памятникъ князю Понятовскому былъ бы воздвигнутъ на общественной площади въ городѣ Варшавѣ. Выразивъ уже равнѣе свое согласіе на представленныя мнѣ въ этомъ отношеніи желанія народа почтить память знаменитаго вождя и отдавъ должную справедливость чувствамъ, имъ проявленнымъ по этому поводу, я никакъ не могъ предположить, что мнѣ будутъ приписывать мысль скрыть подобный памятникъ отъ взоровъ общества. Узнавъ отъ моего брата, а также изъ вашего письма, что возникаютъ по этому поводу сомнѣнія, я предложилъ моему намѣстнику условиться съ лицами, на которыхъ возложенъ сборъ необходимыхъ для этого суммъ, о томъ мѣстѣ, на которомъ долженъ быть воздвигнутъ памятникъ—въ глубинѣ ли Саксонскаго сада или въ какой-либо другой части города, признанной всего болѣе соотвѣтствующею для такого назначенія. Мнѣ остается только выразить одно пожеланіе, которое осуществлять—въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь—чувства и вкусъ лицъ, участвующихъ въ этомъ народномъ дѣлѣ, именно чтобы этотъ памятникъ своимъ выполненіемъ былъ бы достоинъ воина, которому сооружается, и народа, который оный воздвигаетъ».

Изъ дальнѣйшей переписки объ этомъ памятникѣ видно, что главнымъ завѣдующимъ дѣломъ сооруженія памятника былъ избранъ графъ Леонъ Потоцкій. Онъ заключилъ на сооруженіе памятника контрактъ съ знаменитымъ скульпторомъ Торвальдсономъ, который, не приступая къ работамъ, пожелалъ имѣть точныя свѣдѣнія о самомъ мѣстѣ, на которомъ предполагается поставить памятникъ. Послѣ долгихъ обсужденій и совѣщаній остановились на томъ, что всего соотвѣтственнѣе поставить памятникъ на площади дворца Красинскаго. Императоръ Александръ изъявилъ на то согласіе.

Коснувшись фамиліи Понятовскихъ, упомянемъ также о ходатайствѣ Станислава Понятовскаго, свидѣтельствующемъ о томъ постоянномъ расположеніи императора Александра I-го къ полякамъ, въ силу котораго онъ не упускалъ оказывать имъ благодѣянія при всякомъ къ тому случаѣ. Графиня Браницкая пожизненно владѣла староствомъ Бѣльскимъ. Въ 1775 г. король польскій, Августъ III, дозволилъ ей уступить это владѣніе племяннику, князю Станиславу Понятовскому, также въ пожизненное владѣніе, что было утверждено постановленіемъ сейма. При послѣдовавшемъ раздѣлѣ Польши, Бѣлостокская область, въ которой находилось староство Бѣльское, досталась Пруссіи, при чемъ всѣ старостинскія имѣнія были отобраны отъ ихъ владѣльцевъ, которымъ были назначены такъ называемыя денежныя компетенціи, въ томъ числѣ и графинѣ Браницкой въ размѣрѣ 10.001 руб. 21¹/₂ коп. по ея кончину. Эти компетенціи назначались къ выдачѣ лицамъ, проживав-

шимъ въ Австріи, Пруссіи или Россіи. Кто желалъ жить въ другомъ мѣстѣ и получать компетенцію, тотъ долженъ былъ просить объ этомъ особо прусскаго короля и получить на то особый рескриптъ. Понятовскій, живя въ Римѣ, еще въ 1798 году просилъ объ утвержденіи за нимъ права получать компетенцію, назначенную Браницкой, но ему было отказано въ этомъ. Позднѣе, уже въ 1818 году, онъ обратился съ просьбой о томъ же къ императору Александру I-му, вслѣдствіе чего и состоялся указъ министру финансовъ Гурьеву отъ 11-го апрѣля 1819 г. слѣдующаго содержанія: «Князь Станиславъ Понятовскій, жительствующій въ Римѣ, просилъ меня о возобновленіи ему компетенціи, производившейся покойной теткѣ, графинѣ Браницкой, за пожизненное право на староство и лѣсничество Бѣльское, въ Бѣлостокской области лежащее, которое, однако же, по прусскимъ постановленіямъ, пребывающимъ внѣ Пруссіи, Россіи, Австріи производить не слѣдуетъ. Но снисходя на просьбу князя Станислава Понятовскаго и принимая въ уваженіе преклонность лѣтъ его и состояніе здоровья, всемилостивѣйше повелѣваю выдавать ему означенную компетенцію, составляющую 10.001 р. 21¹/₂ коп. сер. ежегодно съ начала сего 1819 года по смерть его, гдѣ бы онъ ни пожелалъ въ чужихъ краяхъ имѣть свое мѣстопробываніе, производи оную компетенцію изъ государственнаго казначейства, о чемъ и учините вы надлежащее распоряженіе».

Но получивъ такую монаршую милость, князь Станиславъ Понятовскій не удовольствовался ею: онъ ходатайствовалъ о новой, именно о выдачѣ ему компетенціи за все время, протекшее со дня кончины графини Браницкой (послѣдовавшей 2-го февраля 1808 года) и по 1819 г. По этому его ходатайству состоялся новый указъ на имя графа Гурьева 5-го мая 1820 года, какъ бы въ дополненіе прежняго о томъ что: «нынѣ же изъ всемилостивѣйшаго уваженія къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находится князь Понятовскій, повелѣваемъ удовлетворить его таковою компетенціею со дня кончины графини Браницкой съ 2-го февраля 1808 г. по 1 января 1819 года, за которое время причитается всего сто девять тысячъ сто двадцать четыре руб. сорокъ коп., расположивъ выдачу ему, князю Понятовскому, оной суммы изъ государственнаго казначейства въ теченіе десяти лѣтъ по десяти тысячъ по девятисотъ двѣнадцати руб. сорокъ коп. сер. ежегодно, безъ процентовъ на прочія части до окончанія выдачи».

III.

При дарованіи Костюшкѣ свободы, императоръ Павелъ I-й пожаловалъ ему 18-го ноября 1796 г. недвижимое имѣніе въ тысячу крестьянъ

въ вѣчное, потомственное владѣніе, но, по желанію г. Костюшки, 30-го ноября того же года, послѣдовалъ указъ графу Александру Николаевичу Самойлову объ отпускѣ, взамѣнъ имѣнія, шестидесяти тысячъ рублей изъ главнаго казначейства. Означенныя деньги и были назначены къ выдачѣ, но таковая не состоялась, потому что явившійся по довѣренности Костюшки за ихъ полученіемъ секундъ-маіоръ Удомъ отозвался, что означенныя деньги получены уже имъ нѣсколько дней предъ симъ отъ генераль-поручика Попова по Кабинету его величества, что послѣдній и подтвердилъ. Вслѣдствіе этого, 3-го декабря 1796 г. состоялся новый указъ о томъ, чтобы ассигнованныя изъ остаточнаго казначейства въ пользу Костюшки 60 т. руб. были бы отпущены изъ казначейства въ Кабинетъ его величества, взамѣнъ выданныхъ изъ онаго толкаго же числа денегъ ¹⁾.

Вскорѣ по заключеніи Парижскаго мира, Костюшко, проживавшій въ то время въ Швейцаріи, обратился къ императору Александру I-му письменно съ 3-мя просьбамъ, именно: 1) даровать всепрощеніе полякамъ, сражавшимся подъ знаменами Наполеона I-го; 2) дать Польшѣ конституцію по образу англійской и, провозгласивъ себя королемъ польскимъ, объявить свободу всѣмъ поселянамъ и учредить для нихъ школы и 3) опредѣлить на службу его пріятели Цельтнера. Императоръ Александръ отвѣчалъ на это Костюшкѣ слѣдующее:

«Ощущаю большое удовольствіе, генераль, отвѣчать на ваше письмо: ваши искреннія желанія будутъ исполнены. При содѣйствіи Всемогущаго, я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и достойной націи, къ которой вы принадлежите; я торжественно обязался это выполнить. Во всѣ времена благосостояніе ея занимало мои мысли. Политическія обстоятельства единственно воспрепятствовали осуществленію моихъ намѣреній. Два года страшной, но достославной борьбы устранили ихъ. Еще не много времени, и, при благоразумномъ образѣ дѣйствія, поляки возвратятъ себѣ родину и имя. Я буду имѣть наслажденіе ихъ убѣдить, предавъ забвенію прошедшее, въ томъ, что, кого они считали своимъ врагомъ, тотъ явится исполнителемъ ихъ завѣтныхъ желаній. Какъ будетъ мнѣ отрадно, генераль, увидѣть васъ моимъ пособникомъ въ этихъ плодотворныхъ трудахъ. Ваше имя, вашъ образъ мыслей, ваши дарованія будутъ лучшими моими опорами. Примите, генераль, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи».

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого письма, Костюшко умеръ 15-го октября 1817 года въ 10 часовъ вечера. Онъ, оставивъ по завѣщанію, составленному у нотариуса Ксавье Амье (Amieth), половину своего состоянія въ деньгахъ (50 т. фран.) своему пріятели, генералу Паш-

¹⁾ См. архивъ Государственнаго Совѣта, дѣла №№ 28 и 242, 1817 г.

ковскому, а другую половину—дочери Цельтнера Эмили. Кромѣ того, Костюшко оставилъ разныя мелкія суммы и вещи самому нотаріусу Амье, доктору Шюрфу, его пользовавшему, сестрѣ Цельтнера, ассигновалъ на свое погребеніе 3 т. франковъ и на раздачу бѣднымъ 2 т. фран. При этомъ онъ поручилъ нотаріусу всѣ оставшіяся у него бумаги на польскомъ языкѣ сжечь послѣ его смерти.

Получивъ отъ уполномоченнаго Швейцарской республики при французскомъ дворѣ Цельтнера извѣстіе о кончинѣ Костюшки, его соотечественники въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ царства Польскаго возымѣли мысль перевезти тѣло народнаго героя на родину и похоронить его въ Краковѣ или Варшавѣ, открывъ подписку для сбора необходимыхъ на то денегъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалось разрѣшеніе императора на приведеніе означенныхъ предположеній въ исполненіе. На это было получено 22-го ноября (4-го декабря) 1817 г. отъ графа Соболевскаго увѣдомленіе, что его императорскому величеству всегда пріятно было отдавать должную справедливость достоинству, великодушной преданности и характеру скромной простоты и величія, отличавшихъ этого храбраго и доблестнаго защитника Польши. Его величество въ настоящее время раздѣляетъ всеобщее горе (*deuil universel*), вызванное во всей странѣ извѣстіемъ о кончинѣ Костюшки. Государь императоръ не предполагаетъ стѣснять чѣмъ-либо выраженіе общественнаго желанія и разрѣшаетъ перевезти въ родную землю смертные останки этого храбраго и доблестнаго генерала.

Получивъ такой отвѣтъ, Заіончекъ немедленно просилъ Соболевскаго явиться предъ императоромъ выразителемъ безграничной признательности, которою проникнута польская нація за это новое свидѣтельство того живѣйшаго участія, которое монархъ не перестаетъ проявлять ко всему касающемуся народной славы и чести поляковъ.

Вскорѣ, при посредствѣ графа Каподистрія было сдѣлано сношеніе съ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Штакельбергомъ, чтобы по возможности облегчить доставку тѣла Костюшки. Вслѣдствіе переговоровъ своихъ съ княземъ Меттерникомъ, графъ Штакельбергъ сообщилъ, что со стороны австрійскаго правительства сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія къ тому, чтобы провозъ тѣла Костюшки не встрѣтилъ бы никакихъ затрудненій въ австрійскихъ владѣніяхъ.

IV.

Нѣкто, Игнатій Тилинскій, уроженецъ Сувалокъ, Августовскаго воеводства, въ молодыхъ лѣтахъ покинулъ родину, въ 1820 году пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ къ президенту Академіи художествъ

А. Н. Оленину и убѣдительно просилъ его помѣстить въ число учениковъ академіи, объясняя, что имѣеть большое желаніе заняться живописью. Оленинъ направилъ его къ извѣстному въ то время художнику Василию Шебуеву, который, принявъ Тилинскаго, помѣстилъ у себя и началъ обучать его рисованію.

Послѣ этого, Тилинскій обратился 27-го іюня 1820 г. къ императору со всеподданнѣйшей просьбою о пособіи и объ опредѣленіи его въ Академію художествъ.

Вслѣдствіе этого, было сдѣлано съ президентомъ Академіи художествъ сношеніе, и 14-го іюля Оленинъ подробно доносилъ императору Александру I-му, что во избѣжаніе нарушенія правилъ устава Академіи художествъ, онъ не могъ принять Тилинскаго въ число учениковъ Академіи, какъ не обладающаго требуемыми для этого познаніями. Если же его величеству угодно, чтобы проситель былъ непременно помѣщенъ въ Академію художествъ, то Оленинъ считаетъ долгомъ откровенно доложить, что такое помѣщеніе будетъ для самого Тилинскаго безплодною потерей времени; ему пока требуется не теорія искусства, а практическое онаго изученіе, которое онъ и можетъ получить, находясь при одномъ изъ профессоровъ Академіи. Расходъ же по вознагражденію профессора за содержаніе и обученіе Тилинскаго Оленинъ готовъ принять на себя, чтобы исполнить желаніе его величества. Устроить же Тилинскаго у одного изъ профессоровъ за извѣстную плату не затруднительно.

Вслѣдствіе этого, императоръ Александръ I 4-го (16-го) октября 1821 г. повелѣлъ отпускать на обученіе и содержаніе Тилинскаго по 1.200 злотыхъ въ годъ, производи этотъ расходъ изъ суммы, отпускаемой въ распоряженіе его величества по царству Польскому въ размѣрѣ 500 т. злотыхъ въ годъ.

Тилинскій продолжалъ жить на полномъ содержаніи у Шебуева, обучавшаго его живописи. Позднѣе, по представленію А. Н. Оленина, что изъ Тилинскаго выйдетъ достойный художникъ, который составитъ славу польской націи, императоръ Александръ пожаловалъ 25-го октября (6-го ноября) 1821 г. брилліантовый перстень Василию Шебуеву. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Тилинскомъ въ дѣлѣ не имѣется.

Сообщ. П. Майковъ.

П о п р а в к а.

Въ мартовской книгѣ «Русской Старины» за прошлый 1902 годъ, въ примѣчаніяхъ къ письму декабриста В. Ф. Раевского (на стр. 603, прим. 2), независимо отъ автора примѣчаній, благодаря ложно сообщенному ему свидѣнію, вкралась ошибка: дочь В. Ф. Раевского — Вѣра Владиміровна Ефимова, названная умершей, на самомъ дѣлѣ, здравствуетъ и понынѣ и проживаетъ въ г. Томскѣ.

Владиміръ Раевскій.

чтобъ не примѣтила мать моя моей горестной участи. Наконецъ, пріѣхали мы на первую станцію. Я выскочила изъ кареты, побѣжала смотрѣть, жива ли моя мать,—и нашла ее въ такой слабости, что она не только говорить—и руки не могла мнѣ подать. Я дала ей выпить вина и вытерла ее укусомъ, послѣ чего она сдѣлалась покрѣпче и спросила меня: «Здорова ли ты, мой другъ? У тебя блѣдность въ лицѣ необыкновенная?» — «Я здорова, но пугаетъ меня ваша болѣзнь». — «Чего жъ пугаться? Конечно, я чувствую сама, что скорымъ шагомъ приближаюсь къ вѣчности». Я видѣла, что нельзя ея везти, не давши отдохнуть, просила, чтобъ ночевать на станціи, но мужъ мой сказалъ мнѣ: «Ты не почувешь здѣсь, а поѣдешь со мной», сколько я ни упрашивала, чтобъ онъ не отнималъ у меня удовольствія быть при матери: «по крайней мѣрѣ, я увижу, какова она будетъ, и можно ли ее будетъ везти». Онъ отвѣчалъ: «И безъ тебя все здѣсь сдѣлають». Я пошла къ свекрови моей. Она, увидя мою блѣдность и опухшіе глаза, обняла меня и спросила: «Что тебѣ сдѣлалось?» Я отвѣчала, что мы сейчасъ ѣдемъ, а больная останется, то я боюсь, чтобъ она не кончила жизнь,—и упала къ ней на колѣни. «Сдѣлайте первую мнѣ милость: останьтесь при ней—я спокойнѣе буду!» Она заплакала и сказала, что ежели бы я и не просила ее, то она не оставитъ ее безъ себя и будетъ сохранять покой ея, сколько возможно. Няни моей съ нами не было: она отправлена была напередъ въ городъ для пріуготовленія тамъ нужнаго. И такъ мы, оставя нашу мать, поѣхали въ городъ. Мнѣ казалось, что я ее ужъ не увижу, и я почти не помнила, какъ эта дорога кончилась. Пріѣхали мы въ городъ къ ужину. Няня насъ встрѣтила и приготовила ужинъ. Я ничего не могла ѣсть, только плакала. И мои горькія слезы болѣе дѣлали смѣха въ его племянницѣ, нежели участія, которое бы она должна принять: мать моя была ея благодѣтельница.

Послѣ ужина мы пошли спать. Она стала съ дядей прощаться и заплакала. Онъ встревожился и сказалъ ей: «Отчего ты, моя милая, огорчаешься? Я знаю: твоя любовь ко мнѣ такъ велика, что тягостно для тебя и ночь проводить, не видавши меня. А жена моя съ радостію бы осталась бы при матери своей: вотъ какая разница между вами,—то я не допущу, чтобъ ты гдѣ-нибудь спала, кромѣ нашей спальни». Я молчала, а няня моя зарыдала и вышла вонъ, сказавши: «Вотъ участь моего ангела!» Мужъ мой чрезвычайно разсердился и сказалъ мнѣ: «Ты съ ней навсегда разстанешься и запрещаю тебѣ съ ней говорить, и чтобъ она при тебѣ никогда не была!» А племянница ему сказала «Я боюсь, чтобъ она не сказала вашей матушкѣ, то не лучше ли будетъ ее отправить въ деревню тотчасъ?» Я сказала, что сего сдѣлать нельзя—она одна остается, которая можетъ быть около больной: я вижу, что мнѣ быть—только тогда, когда позволять, то нельзя отнять послѣд-

няго спокойствія отъ умирающей.—«А въ разсужденіи того, что вы опасаетесь, чтобъ она не сказала, то, я васъ увѣрю,—будьте спокойны: она никогда и никому не будетъ говорить; но для меня мудрено, чего тутъ бояться, когда вы любите вашего дядю? Я и сама моихъ дядей люблю и не боюсь, ежели весь свѣтъ узнаеть о моей привязанности». И я сіе истинно и отъ добраго сердца говорила, не зная порочной любви. И такъ мы пошли спать. Няня моя хотѣла войти меня раздѣть, но ей сказали, что ни услугъ ея, ни совѣтовъ больше для меня не надо, и чтобъ она не осмѣливалась входить туда, куда ей было запрещено. Вотъ другая горестъ для моего ужъ угнетеннаго сердца! Я спросила: «Скажите, Бога ради, чѣмъ она васъ прогнѣвала, что вы такъ жестоко съ ней поступаете? Я льстила себя надеждою, что вы за меня будете ей благодарны, что она меня воспитала. Видно, я во всемъ обманута! Мнѣ сказали, что мужъ меня будетъ любить не меньше, какъ мать меня любила, и будетъ меня беречь, но я не знаю, что это за любовь мудреная? Скажите мнѣ, любите ли вы меня?» Онъ спросилъ у меня то-жъ. Я ему отвѣчала: «Я бы васъ любила, ежели бы вы не отнимали у меня того, что мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе, и не разлучали меня съ тѣми, кто мнѣ любезенъ. Я у васъ у самихъ спрашиваю: что-бъ вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, ежели бы съ вами было поступлено такъ жестоко, какъ со мной?» Говоривши, я горько плакала и бросилась обнимать его: «Не мучьте меня, вы мнѣ для того даны, чтобъ услаждали мою горестъ и любили меня, а отъ меня вы увидите любовь, почтеніе и повиновеніе». Онъ самъ тронулся и сказалъ: «Я тебя люблю».—«Ежели вы меня любите, то дайте мнѣ слово не запрещать мнѣ быть съ матерью и няней. Я ничего не буду съ ними говорить такого, которое вамъ не угодно. Вы сами мнѣ предпишете, что говорить и что не говорить. Я вамъ общаю никогда съ ними не быть наединѣ, а буду въ присутствіи вашей матери, которая будетъ слышать мои разговоры и видѣть мои поступки. Я теперь скорѣй откроюсь ей, нежели моей матери: мнѣ такъ сказано, что она заступила мѣсто моихъ друзей». Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и сказалъ: «Вы не должны говорить и моей матери все. Я не хочу, чтобъ она знала все то, что происходитъ въ твоёмъ сердцѣ и между нами». Я сдѣлалась точно деревянная и молчала нѣсколько времени; даже и слезы мои остановились, духъ у меня заняло и дыханіе становилось очень тяжело. Онъ испугался, побѣждалъ за водой, и няня его увидѣла встревоженнаго, спросила, что съ нимъ сдѣлалось (онъ только кричалъ: «Воды!») и сама побѣжала ко мнѣ, сказавши: «Теперь меня никто не удержитъ!» Пришедши ко мнѣ и увидя меня блѣдную и расплаканную, затряслась и дала пить воды. У меня и вода не проходила: я глотать не могла. Она бросилась на колѣни передъ мужа моего и просила, чтобъ онъ не

отсылалъ ее отъ меня: «Вы еще не знаете ея, каковы у ней чувства: она умреть!» Нечего ему было дѣлать! Онъ сказалъ: «Смотри за ней и помогай: я не могу быть съ ней — я и самъ не въ лучшемъ положеніи», — и ушелъ съ племянницей въ другую спальню, которая была приготовлена для матери моей. Она сѣла возлѣ меня и спрашивала, что со мной сдѣлалось? Я посмотрѣла на нее и сказала: «Вы меня учили быть искренней и ничего въ сердцѣ моемъ не скрывать. Вы же мнѣ сказали, чтобы мужа любить и повиноваться во всемъ и исполнять его волю,—то я спрошу у тебя теперь: точно ли это есть мой долгъ?» Она мнѣ сказала: «Безъ любви и повиновенія не можетъ быть человѣкъ счастливъ, а особливо къ мужу». — «Но о искренности чтѣ ты мнѣ скажешь?» — «И это необходимо, но надо дѣлать съ разсмотрѣніемъ, къ кому быть искренней,—а не ко всякому». — «Кого жъ вы мнѣ назначаете и съ кѣмъ я должна быть откровенна?» — «Къ мужу и болѣе ни къ кому, къ его матери, которая истинно васъ любитъ, и она вамъ подастъ совѣтъ добрый и полезный». — «Видно, я теперь совѣмъ въ другой школѣ: первое мое ученіе принесло сердцу моему радость и спокойствіе, а нынѣшнее—дѣлаетъ скорбь и уныніе. Еще вы меня научали терпѣть и молчать, то сіе послѣднее ученіе мнѣ полезнѣе теперь будетъ. Ты—мой другъ, и я тебя много люблю и почитаю, и болѣе у меня ничего не спрашивай». Она заплакала и просила меня лечь, но я сказала: «Я спать не хочу и не могу». Пошла я посмотрѣть, покоенъ ли мой мужъ, и нашла его покойно спящаго на одной кровати съ племянницей, обнявшись. Моя невинность и незнаніе такъ были велики, что меня это не тронуло, да я и не секретничала. Пришедши къ нянѣ, она у меня спросила: «Чтѣ, матушка, каковъ онъ?» Я сказала: «Слава Богу, онъ спитъ очень спокойно съ Вѣрой Алек., и она его дружески обняла». Няня посмотрѣла на меня очень пристально и, видя совершенное мое спокойствіе, замолчала, только очень тяжело вздохнула. Я, посидѣвши у окна, мыслила, чтѣ—сама не знала: думала и о матери моей, жива ли она, но утѣшалась тѣмъ, что она не одна.

Въ это время начинало восходить солнце, и я вспомнила мое спокойное время, въ которое я сиживала на берегу съ матерью моею или съ няней, и какое я чувствовала иногда спокойствіе, и сравнила съ теперешнимъ мучительнымъ моимъ состояніемъ. Слезы невольно полились, и я сказала: «Не знаю, лучше ли вы сдѣлали, давши мнѣ мужа, вывели меня изъ самаго счастливаго состоянія и дали мнѣ очень рано чувствовать горестъ». Она, смотря на меня, сказала: «Успокойся, моя неощенная, и вспомни: развѣ нѣтъ Бога, Который внимааетъ моленіямъ сердца чистаго и невиннаго? Поручай Ему всѣ твои скорби—Онъ утѣшитель твой; Онъ дастъ силы и крѣпость къ снесенію всего непріятнаго, только вѣрь и надѣйся и люби Его: Онъ любящихъ Его никогда

*

не оставляетъ. Кажется, довольно утѣшенія для сердца твоего,—не жалу́йся на насъ: мы никогда тебѣ не желали несчастія; а ежели бы возможно, то жизнью бы своею купили для тебя счастье. Сегодня къ вечеру будетъ ваша матушка; старайтесь себя, сколько можно, успокоить, чтобъ она не замѣтила горести вашей: вы ей можете ускорить и приблизить смерть». Въ это самое время вошелъ мой мужъ. Я подошла съ нимъ поздороваться и спросила, здоровъ ли онъ и какъ спалъ. Онъ у меня спросилъ: «А ты какова? Здорова? Пила ты чай?» — «Я не пью чаю, а мнѣ дадутъ молока». Няня пошла готовить чай, а онъ сѣлъ подлѣ меня. Я хотѣла ему показать, что я имъ интересовалась, и съ веселымъ лицомъ сказала: «Я ходила тебя смотрѣть, покойно-ль вы почиваете, и нашла васъ въ пріятномъ снѣ съ Вѣрой Алек.; и такъ я, чтобъ васъ не разбудить, ушла въ спальню». И вдругъ на него взглянула: онъ весь поблѣднѣлъ. Я спросила, что ему сдѣлалось? Онъ долго молчалъ и, наконецъ, спросилъ, одна я была у него или съ нянькой? Я сказала: «Одна»,—и онъ меня сталъ чрезвычайно ласкать и смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза. Я такъ стыдилась, что и глазъ моихъ на него не поднимала. И сказалъ: «Я не знаю, хитрость-ли это, или точно невинность». Я посмотрѣла на него и заплакала. «Почему жъ вы думаете обо мнѣ такъ? Какую я сдѣлала противъ васъ хитрость? Я, право, сему не учена, а что думаю, то и говорю». Я совсѣмъ не поняла, къ чему онъ говорилъ. Между тѣмъ, подали чай; я стала разливать и послала звать и племянницу. Она пришла, и я съ ней ласково поздоровалась. Напивши ихъ, пошла одѣться. Няня мнѣ сказала: «Не сказывайте вашему мужу, что вы были ночью у нихъ». Я съ удивленіемъ спросила: «Для чего? Я не могу отъ него ничего скрыть. Я ужъ и сказала ему». — «Да не сказали ли вы, что я знаю?» — «Нѣтъ!» — «Такъ я васъ прошу—не говорите, ежели вы меня любите». Я взглянула на нее и сказала: «Боже мой, какъ вы всѣ меня мучите! И я сама не знаю теперь, что мнѣ дѣлать; чему-нибудь надо быть такому, котораго вы мнѣ не хотите сказать, а я сама ничего не понимаю, да и вѣчно не пойму! Изволь,—я тебѣ обѣщаю и не скажу, что ты знаешь, а тебя прошу, какъ друга: научай меня теперешней мудреной и скучной для меня жизни. Вамъ бы должно прежде меня научить, какъ жить съ мужемъ, да потомъ выдавать. Вы до того меня довели въ короткое время, что я не знаю, что дѣлать!» Она заплакала и сказала: «На кого вы жалуетесь? На мать? Ту, которая васъ много любитъ и которая ничего не щадила для васъ? Можетъ-ли человѣкъ предвидѣть, что съ нимъ будетъ? О, ежели бы была извѣстна впередъ участь всякаго человѣка, то не было бы несчастныхъ! А всякій человѣкъ долженъ быть готовъ на всякіе кресты и все надо съ покор-

ностью сносить. Нельзя пользоваться все сладкимъ,—надо вкусить и горькаго. Будьте тверды—вась Богъ не оставитъ».

И такъ день прошелъ. Насталъ вечеръ, и мать мою привезли въ жестокой слабости, принесли въ комнату и положили на приготовленную для нея постель. Лѣкарь ужъ у меня ее дожидался, и, давши ей лѣкарства, она поободрилась нѣсколько, а мое сердце успокоилось, что я съ ней. И съ тѣхъ поръ время мое было въ заботахъ о больной. Я просила мою добрую свекровь, чтобъ она упростила моего мужа, чтобъ онъ позволилъ мнѣ быть при матери моей и не сердился бы на меня за мою любовь къ ней. Она спросила меня: «Развѣ онъ тебѣ запрещаетъ, мой другъ?» Я слезами отвѣчала. Она обняла меня и сказала: «Будь спокойна и люби меня, и будь со мной чистосердечна. Я тебѣ буду доставлять всевозможныя радости, какія я только могу».

Мать моя день-ото-дня становилась хуже и видимо приближалась къ смерти. Последнюю недѣлю ея жизни я не отходила отъ нея: и день, и ночь была возлѣ нея. Наканунѣ ея смерти, поутру рано, она посмотрѣла на меня и сказала: «Какъ ты, мой другъ, перемѣнилась. Непростительно тебѣ такъ себя убивать. Ты давно была приготовлена со мной къ вѣчной разлукѣ; я отъ тебя не скрывала, что жизнь моя не долга, и самое это и понудило меня, чтобъ отдать тебя замужъ. Я не знаю, какова твоя будетъ жизнь, но какова бъ она ни была—не сѣтуй, моя любезная, на меня!» Я бросилась ея руки цѣловать и только рыдала. «Мнѣ кажется, мужъ твой горячаго ндраву, да можетъ быть и еще есть что-нибудь въ немъ, котораго я прежде не замѣтила. Но дѣло сдѣлано. Одна моя надежда на моего друга—мать его; и я ее просила и увѣрена, что она одна можетъ тебя поддержать и слабую твою юность. Будь только добродѣтельна, кротка и терпѣлива, сноси все безъ роптанія на милосерднаго Отца нашего. Моя любовь къ тебѣ велика, а Его и сравниться не можетъ. Когда я, по любви своей, тебѣ ни въ чемъ не отказывала, то можетъ ли Онъ тебѣ отказать въ своемъ милосердіи,—только люби Его и будь во всемъ послушна. Ахъ, мой милый другъ! И мужа надо любить и сносить его слабости... Не могу больше говорить,—духъ занимается...» Я ей сказала: «Будьте спокойны,—я буду счастлива». Она, помолчавши, сказала: «Константиновна съ тобой не поѣдетъ, потому что мужъ твой не хочетъ ея имѣть, то ты волѣ его не противься». Я со вздохомъ сказала: «Боже мой! И послѣдняго друга отъ меня отнимаютъ! И такъ, я буду во всемъ мѣръ одна: безъ помощи, безъ совѣтовъ! О, мать моя! думали ли вы когда-нибудь, что я, будучи молода и неопытна, и буду оставлена сама себѣ? Но успокойся, милая матушка, я буду жить и одна по твоимъ наставленіямъ и не забуду тѣхъ правилъ, которыя вы мнѣ давали». Она такъ была слаба и горька, что и слезъ у нея ужъ не было. Входитъ моя свекровь, и мать

моя, меня взявши за руку, отдала ей и только сказала: «Вручаю Богу и тебѣ. Будь ей другомъ и наставникомъ юности ея!» Мужъ мой ходилъ рѣдко, отговариваясь дѣлами. Вечеромъ она сказала нянѣ, чтобъ послать поранѣе къ духовнику, чтобъ послѣ ранней обѣдни ее исповѣдать и приобщить. Она спросила: «Развѣ вы чувствуете что-нибудь?» Она отвѣчала: «Конечно, мой другъ; я очень скоро съ вами разстанусь». Няня заплакала. Мать моя посмотрѣла и сказала: «Не плачь! Ты будешь покойна за всѣ твои услуги, любовь и дружбу». Она отвѣчала: «Можно ли мнѣ быть покойной, потерявши ту, которая была мнѣ не госпожа, а мать, и цѣнила мои малыя услуги и почтила именемъ друга? Гдѣ жъ я найду это благо, которое у меня отнимается на-вѣки? И не будетъ душа моя покойна до гроба: хоть бы этимъ была утѣшена, чтобъ могла быть еще полезна оставшейся дочери твоей! на край бы свѣта за ней пошла, оставила бы мужа и дѣтей; но и этого лишаютъ меня!» Она отвѣчала: «Сего ужъ сдѣлать нельзя. Я бы сама этого хотѣла. Теперь поздно поправлять испорченное, а предоставить Богу: Онъ одинъ можетъ все поправить». Въ это самое время вошелъ мужъ мой и сказалъ нянѣ, чтобъ она вышла со своими глупыми слезами. Мать моя сказала: «Не тронь ея, мой другъ, и прости. Она разстается съ двумя друзьями: съ одной вѣчно, а съ другой—хоть и временно, но надолго. Въ ея горестъ никто не можетъ войти, кромѣ меня. Эти слезы не лъстивыя—я ее знаю и очень цѣню ея дружбу и услугу. Оставьте ее при мнѣ, пока я жива. Прошу васъ и послѣ меня ей дѣлать всевозможное успокоеніе и заклинаю васъ не огорчать ее и дать ей хоть сколько-нибудь пожить съ оставшеюся юностью. Это самое ее облегчатъ, и мой прахъ успокоится!» Мужъ мой очень былъ недоволенъ симъ, но обѣщалъ исполнить ея волю и вышелъ вонъ. Вечеромъ меня позвали ужинать именемъ мужа. Я пошла и сѣла за столъ, но ѣсть я ничего не могла. Отуживавши, подошла проститься съ мужемъ, который мнѣ сказалъ: «Скоро ты потеряешь мать: она худа, но ужъ кончатся скорѣе слезы твои, которыя мнѣ становятся несносны». Я пришла къ больной и сѣла. Свекровь моя не отходила отъ нея. И цѣлую ночь она мало очень говорила и какъ будто спала, только по временамъ читала молитвы. Настало утро, и въ шесть часовъ пришелъ духовникъ, исповѣдалъ и приобщилъ, и соборовалъ. Послѣ сего мать моя была покойна, но просила, чтобъ духовникъ къ ней поскорѣе пришелъ. И какъ онъ вошелъ, то она просила, чтобъ ей прочиталъ отходную, и велѣла себя посадить и поставить передъ себя Распятіе и просила свекровь мою, чтобъ она меня отвела и поставила такъ, чтобъ меня ей было не видно. Кончивши все, подозвала меня и брата, поцѣловала насъ и благословила; свекровь мою поцѣловала и няню, и всѣхъ людей призвала, и всѣхъ благодарила за вѣрность и послушаніе. Послѣ

всего сего она легла и начала молиться и ужъ болѣе никуда не смотрѣла, какъ на Распятіе. Тогда было іюля 21-е число [1772 г.], десять часовъ утра. Перекрестилась три раза и что-то сказала невнятно, вздохнула,— и этотъ вздохъ былъ послѣдній; но на лицѣ не было никакого при- скорбія. Я смотрѣла на нее и не воображала, чтобъ я такъ скоро ее потеряла, но свекровь моя подошла ко мнѣ, обняла, взяла за руку и сказала: «Ну, мой другъ, все кончилось: ея ужъ нѣтъ!» Я вырва- лась и бросилась на тѣло, обливала лицо и руки ея слезами, кликала ее... И меня насилу оторвали отъ тѣла и унесли въ другую комнату. Я не знала, что я, и гдѣ я. Слезы остановились, лихорадка жестокая сдѣлалась, а къ ночи жаръ и бредъ. Поутру, на другой день, опомнилась, и первое слово было: «Гдѣ мой оставшійся другъ?» Свекровь моя сказала, что она тотчасъ будетъ. И въ самомъ дѣлѣ, она пришла. Такая у ней на лицѣ горестъ была, что я смотрѣть на нее не могла. И, подавши ей руку, только сказала: «Она насъ оставила, все кончилось!» И тутъ по- шли у меня слезы и облегчили стѣсненное мое сердце, и я просила свекровь мою, чтобъ позволили мнѣ сходить къ тѣлу. Мужъ мой вошелъ и сказалъ, чтобъ меня не пускать, но мать его сказала ему: «Эго не- возможно, чтобъ она не была у тѣла своей матери! Войди въ ея го- рестъ: она въ ней все потеряла; у ней рѣдкая была мать,—пусть она у тѣла облегчить горестъ свою; оставь, мой другъ, на мое попеченіе,— я, конечно, ее сохраню; и будь увѣренъ, что она мнѣ очень дорога: это залогъ, вѣреннѣйшій мнѣ дружбой, и теперь моя жизнь соединена съ ея жизнью, и ея спокойствіе—собственное мое спокойствіе; и по- койная—мой другъ и благодѣтельница—для меня еще живетъ въ до- чери ся и сынѣ, который мнѣ также дорогъ». Тутъ привели и брата ко мнѣ; онъ бросился меня обнимать и съ горькими слезами сказалъ: «Ты больна? И ты такъ же меня оставишь, какъ маменька?» Я встала для него, хотя и насилу на ногахъ держалась, и сказала: «Не плачь, мой другъ, я здорова; это не болѣзнь, но горестъ принудила меня лечь въ постель». Мужъ мой смотрѣлъ на все это очень неприятно и, по- шедши, сказалъ своей матери: «Дѣлайте, что вамъ угодно, а я займусь приуготовленіемъ лошадей и всего нужнаго—везти тѣло въ де- ревью». Вторая моя мать не отходила отъ меня. Принудя меня вы- пить чашку чаю, пошла со мной къ тѣлу и съ братомъ. Вошедши, я зарыдала, увидя ее бездыханну, цѣловала руки ея и сѣла подлѣ стола, на которомъ она лежала. И вся моя будущая жизнь представи- лась въ самомъ неприятномъ видѣ, и я себя видѣла съ сиротой братомъ моимъ—однихъ въ цѣломъ мірѣ безпомощныхъ. Кто насъ утѣшитъ, кто дастъ совѣты, къ кому я прибѣгну? И съ этими горестными мыслями цѣлый день сидѣла на одномъ мѣстѣ, сколько меня ни уговаривали отойти.

Къ вечеру собрались нищіе и бѣдные, ею облагодѣтельствованные, и такое было стеченіе, что въ комнатѣ мѣста не было; и такой былъ стонъ, что ужасъ наводило! Подъ окнами всѣ ночевали, узная [sic], что поутру повезутъ тѣло. Поутру, на другой день, приносятъ мнѣ записку изъ тюрьмы, въ которой просятъ, чтобъ я испросила у начальника послѣдней милости для нихъ: чтобъ позволено было тѣлу ихъ матери поклониться. Я поѣхала сама къ начальнику, человѣку доброму и любящему насъ. Какъ скоро я вошла къ нему въ комнату, онъ горько заплакалъ и удивился моему пріѣзду въ такое время и, какъ скоро узналъ причину, сказала: «Я сдѣлаю вывозъ тѣла общей матери и благодѣтельницы великолѣпнымъ: я самъ буду съ несчастными у васъ, которые неутѣшны по потерѣ своей благодѣтельницы». Какъ скоро я пріѣхала домой, то ужъ начали готовить лошадей, и черезъ два часа все было готово. Отпѣли мою мать и стали выносить, ставить на респуски. И только-что отворили ворота, то сдѣлался страшный шумъ и стонъ и брякъ цѣпей, и всѣ бросились къ гробу и упали на землю и закричали: «Прости, наша питательница и мать! Оставила ты насъ, осиротѣвшихъ бѣдныхъ! Боже, прими наше сердечное моленіе и упокой душу ея!» Во дворѣ не было и мѣста отъ бѣдныхъ и нищихъ, и насилу могли вывезти тѣло за тѣснотой. И сія церемонія и брякъ цѣпей продолжались пять вереть. И какъ начальникъ остановилъ гробъ и велѣлъ имъ послѣдній разъ проститься,—то я не могу изобразить этого ужаснаго стона и крика, который они произнесли въ одинъ голосъ; многіе не могли стоять—и упали. Самъ начальникъ не въ силахъ былъ ничего выговорить. Мужъ мой выскочилъ изъ кареты и, подошедши къ начальнику, просилъ его, чтобъ кончить поскорѣе. Онъ ему сказала: «Не удивляйтесь сему и не спѣшите ихъ, несчастныхъ, оторвать отъ гроба той, которая ихъ называла друзьями: они все потеряли, что ихъ несчастную жизнь услаждало! Дайте имъ опомниться, я уведу ихъ и дамъ вамъ покой. Вы его найдете, а они—нѣтъ!» Я сидѣла или, лучше сказать, лежала въ коляскѣ. Они бросились ко мнѣ, цѣловали мои руки и ноги и кричали: «Дочь нашей благодѣтельницы, не оставь насъ, несчастныхъ, пока здѣсь! Но я тебя отъ насъ отнимаютъ, и не останется никого, кто бъ облегчилъ нашу участь!» Я насилу могла приподняться и сказала: «Вы, мои друзья, не будете оставлены. Это будетъ приказано приказнику, и мать моя, умиравши, обѣ васъ пеклась. Константиновна будетъ все то дѣлать, что для васъ надо». Мать моя за два дня до своей смерти дала мнѣ 500 рублей на собственные мои расходы. И они были со мной. Я вынула 300 и отдала имъ. Они отдали начальнику и сказали: «Береги ты, нашъ отецъ, на наши вужды».—«Дайте же намъ послѣдній разъ проститься!» Свекровь моя имъ сказала: «Поберегите, друзья, оставшую дочь ея,

которая послѣднія силы потеряла!» И такъ мы поѣхали, и они вслѣдъ кричали: «Поберегите оставшуюся дочь матери нашей! Да будетъ съ нею благословеніе Божіе!»

За сорокъ верстъ встрѣтили тѣло крестьяне, которые остановили лошадей и несли гробъ на рукахъ до самой деревни. Съ какииъ уныніемъ и горестію я смотрѣла на всю эту церемонію! Что за отчаяніе на лицахъ крестьянъ я видѣла: кто рыдалъ, кто и плакать не могъ, а глухіе стоны слышны только были! Наконецъ погребли тѣло, и весь этотъ день вся деревня была какъ точно пустая: никто не показывался на улицѣ, только ходили въ церковь на гробъ дѣлать поминовеніе. На третій день пришелъ приказчикъ къ мужу моему съ крестьянами, гдѣ мать его и я были. Онъ бросился въ ноги, зарыдалъ и сказалъ: «Тебѣ вручаемъ нашей матери право надъ собой! Сдѣлай распоряженіе и наставь насъ, что намъ дѣлать? У насъ остались господа, но малолѣтніе; одного здѣсь нѣтъ, а другой тебѣ врученъ, котораго будетъ воспит[ыв]ать наша добрая барышня,—и она, конечно, намъ дастъ добраго господина: какъ ее воспитали, такъ и она его будетъ воспитывать». Мужъ мой сказалъ, что все останется на томъ основаніи, какъ и прежде было. «Я оставлю послѣ себя опекуна, къ которому вы должны относиться обо всемъ». И пошли вонъ.

Мы жили въ деревнѣ двѣ недѣли, и мнѣ хотѣлось прожить шесть недѣль, но мужъ мой сказалъ, что «И безъ тебя отправятъ поминовеніе дядя и тетка» (которые тутъ жили). И такъ, велѣли приготовить лошадей, чтобъ на другой день выѣхать ¹⁾. Я пошла проститься съ дядей. Они, увидя меня всю въ слезахъ, узнали, что завтра мы рано ѣдемъ. Тетка горько заплакала и сказала: «Ну, мой милый другъ, поѣзжай, Господь съ тобою! Это для тебя еще первый разъ, что прекрасное время не будешь жить въ тихомъ нашемъ убѣжищѣ, а будешь пользоваться городскими весельями, къ которымъ ты еще не привыкла. Но надо, моя милая, ко всему привыкать и не надо огорчаться. Мужъ твой самъ больше любить общество, нежели уединеніе, то и тебѣ тоже надо любить и такъ жить, какъ ему угодно. Не привыкай дѣлать частые отказы мужу, а скорѣе—соглашайся съ нимъ: никакой мужъ не будетъ требовать того, чего бъ ты сдѣлать не могла. Еще тебѣ скажу: мужъ твой приходилъ вчерась ко мнѣ и просилъ, чтобъ подъ какимъ-нибудь видомъ оставить здѣсь твоего друга—Константиновну. Я ей ужъ и сказала; она, хотя и съ горестію, но согласилась. И тебя прошу—будь благоразумна и не проси, чтобъ она ѣхала съ тобой. Надо непременно съ покорностію подвергнуть себя всѣмъ опытамъ, которые на тебя налагаетъ мужъ. Самымъ твоимъ послушаніемъ и повиновеніемъ ты выиграешь любовь

¹⁾ Августъ 1772 г.

его къ себѣ. Лучше тебѣ скажу: онъ и намъ далъ знать, чтобъ мы остались лучше здѣсь. Это видно, что онъ хочетъ тебя ото всего отдалить, что можетъ напомнить о матери твоей. Вижу, что тебѣ горько, и участвую въ твоей горести, но, другъ мой, ты ужъ должна жить подъ его законами. Мы сами такъ дѣлали для мужей; ты ужъ знаешь, сколь долгъ твой великъ и священъ къ мужу, то ты, исполняя его, будешь исполнять и законъ Божій. Главная твоя должность будетъ состоять въ томъ, чтобъ безъ воли его ничего не предпринимать. Вторая твоя должность—любить и почитать мать его и во всемъ требовать отъ нея совѣтовъ и быть къ ней искренней; она добра и умна и будетъ тебѣ давать правила тѣ, которыя и мать твоя, покойница, давала. Старайся, какъ можно, время свое не убивать и не быть въ праздности. Ежели тебѣ будутъ предлагать книги какія-нибудь для прочтенія, то не читай, пока не просмотритъ мать твоя. И когда ужъ она посовѣтуетъ, тогда безопасно можешь пользоваться. Не будь дружна съ племянницей его и не открывай своего сердца ей; и что она будетъ съ тобой говорить, и ежели тебѣ покажется сумнительно или неприятно, то сказывай тихонько матери. Ко всѣмъ его роднымъ старайся быть ласкова и учтива, хотя бъ они къ тебѣ и не таковы были хороши. Не требуй отъ мужа насильно любви къ твоимъ роднымъ: довольно для насъ твоей любви; и не огорчайся, ежели ты увидишь или услышишь, что онъ будетъ отзыватья объ насъ при тебѣ невыгодно: оставь это и не защищай; повѣрь, мой другъ, что я это опытомъ все знаю, что теперь тебѣ говорю. Поступай по симъ правиламъ и веди себя такъ, чтобъ совѣсть твоя ничѣмъ тебя не укорила,—то ты будешь Богу любезна, который тебя во всемъ защититъ и не оставитъ. Ежели захочешь узнать объ насъ, то спросись у мужа, велитъ ли онъ тебѣ къ намъ писать, и, написавши письмо, показывай ему или свекрови, чтобъ и въ этомъ ты себя оправдала. Но ежели, по какимъ-нибудь причинамъ, нельзя тебѣ будетъ писать, то не тревожься: мы всегда будемъ увѣрены въ твоей любви къ намъ, и мы о тебѣ всегда будемъ знать; но ты не предпринимай тихонько къ намъ писать, не дѣлай никакой отъ мужа тайны, а лучше проси свекровь твою,—она можетъ лучше придумать, какъ сдѣлать».

Я все слушала и, наконецъ, сказала: «Какую вы мнѣ сказываете тяжкую должность! Для чего вы прежде моего замужества все это не сказывали? Что за законъ, вышедши замужъ,—и лишиться всего любезнаго? И какъ будто я и не должна ужъ удѣлять любви моей къ моимъ роднымъ! Для чего жъ я ему не запрещаю любить? Ежели бъ онъ не любилъ своихъ ближнихъ, я бъ худыхъ объ немъ была мыслей. Вотъ что вы со мной сдѣлали: сами меня съ собой раздѣлили! Ужъ мнѣ бы гораздо было легче уѣхать скорѣе отъ васъ: пусть бы насъ раздѣляла отдаленность и необходимость [не] видѣться съ вами! Но я всѣ ваши на-

ставленія исполню; но тягость съ сердца моего вы снять не можете,— это не въ моей и не въ вашей власти!» Тетка моя встала, обняла меня и сказала: «Теперь пора ужъ намъ съ тобой проститься, мой кроткій ангель! Да благословить тебя Господь своею милостью и терпѣніемъ!» Дядя ничего не могъ говорить и сидѣлъ все это время, опустя голову. Я поглядѣла на него и увидѣла текущія слезы по щекамъ, бросилась къ нему: «Не плачьте обо мнѣ: я буду счастлива, только молитесь за меня!» Онъ только что прижималъ меня къ себѣ и обливалъ слезами. Тетка меня насилу оторвала отъ него и сказала: «Лучше благословляй ее, а не дѣлай ей горькою разлуку». И такъ я ушла домой.

Вмѣсто того, что положено было ѣхать поутру, мы поѣхали въ ночь, какъ всѣ спали, и никто нашего отъѣзда не видалъ, кромѣ моей бѣдной и горькой няни, которая, прощавшись со мной, была больше мертва, нежели жива, на лицѣ страшная была блѣдность. Она и плакать не могла, и я видѣла, что она шаталась и насилу держалась на ногахъ; глаза были мутные и дикіе, и я жестоко боялась самыхъ дурныхъ послѣдствій. Мужъ ея подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Прости, наша милая и кроткая душа! Дай Богъ, чтобъ ты была столько счастлива, сколько мы тебѣ желаемъ! Пойдемъ, жена, и не будемъ ее больше тревожить!» Прибѣжалъ мальчикъ-пастухъ съ крикомъ: «Дайте мнѣ съ ней проститься! Ежели не дадите, то я уйру!» Мужъ мой не хотѣлъ-было, но свекровь сказала: «Это стыдно отнимать отъ нея послѣднее удовольствіе. Мнѣ больно видѣть твою нечувствительность къ ея страданію!» Я въ это время оглянулась и увидѣла мою бѣдную няню, лежащую безъ памяти середь двора. Я закричала: «Пустите меня, Бога ради, послѣдній разъ ее обнять! Я самымъ этимъ возвращу ей жизнь!» Свекровь моя подошла со мной къ ней и привела ее въ чувство, но она говорить не могла. Я ее поцѣловала и сказала: «Береги себя для меня» и подклікала пастуха и просила его, чтобъ онъ пошелъ къ дядѣ и дождался, какъ проснется тетка, и сказалъ бы ей, чтобъ она взяла большую къ себѣ и утѣшила бъ ее, и сохранила бъ: это сдѣлаютъ не ей, а мнѣ и тѣмъ докажутъ мнѣ свою любовь; и чтобъ непременно уведомили меня черезъ нарочнаго, въ какомъ она будетъ состояніи. И такъ отправилась я изъ мирнаго моего убѣжища съ полнымъ сердцемъ горести и больше ужъ не была.

Приѣхали въ городъ, начались веселья у насъ въ домѣ, въ которыхъ я не могла участвовать. Племянницу свою взялъ къ себѣ жить. День всѣ вмѣстѣ, а когда расходились спать, то ночью приходила къ намъ его племянница и ложилась съ нами спать. А ежели ей покажется тѣсно, или для другихъ какихъ причинъ, которыхъ я тогда не понимала, меня отправляли спать на канапе. Я же, такъ какъ не могла еще опомниться отъ потери моей, рада была, что я одна и могу на

свободѣ мыслить и рано вставать по привычкѣ моей, чего мнѣ мужъ не позволялъ и велѣлъ не ранѣе съ постели вставать, какъ въ одиннадцатомъ часу. И для меня это была пытка и тоска смертельная—не видѣть восхода солнца и лежать, хотя бѣ я и не спала. И эта жизнь меня довела до такого озлобленія, что я точно потеряла сонъ и аппетитъ, и ни въ чемъ вкусу не имѣла, сдѣлалась худа и желта; и въ такомъ положеніи была недѣли четыре. Свекровь моя сокрушалась обо мнѣ и сама сонъ потеряла, и въ одну ночь захотѣлось ей посмотрѣть, сплю ли я. Вошедши очень тихо, нашла меня лежащую на канане, а мужа моего съ племянницей; она, увидя, задрожала и вышла вонъ. На другой день пришла ко мнѣ, потому что я ужъ и встать не могла отъ боли головной. И какъ осталась со мной наединѣ, то спросила у меня, почему я сплю на канане. Я отвѣчала: «Мнѣ сказано, что тѣсно Вѣрѣ Алек. и безпокойно, то я и оставляю ей быть покойной, не думая о себѣ». Она заплакала и укоряла меня неискренностью моею, что я ей до сихъ поръ ничего не говорила. Я ей отвѣчала, что я сочла сіе лишнимъ. «Да я бы васъ просила, какъ мать и благодѣтельницу мою, чтобъ вы оставили меня здѣсь, когда поѣдете въ Петербургъ. Я ни на что вамъ не надобна, а для другихъ я могу еще быть полезна; и увѣряю васъ, что не буду и жаловаться на вашего сына, а буду винить себя, что я не умѣю ни любить, ни угождать мужу. Какая вамъ будетъ радость видѣть въ мученѣ ту, которую вы любите и которая никакого худа вамъ не сдѣлала и могла бы любить сына вашего, ежели бы онъ захотѣлъ? Сдѣлайте милость,—отвезите меня въ деревню, чтобъ я тамъ умерла въ глазахъ друзей моихъ! И вы, конечно, не откажете въ послѣдней милости побыть со мной; мнѣ очень пріятно васъ всегда видѣть, и я васъ не меньше люблю моей матери. Вспомните, что при смерти матери моей я вамъ вручена, и, кромѣ васъ, въ мірѣ никого у меня нѣтъ: родные мои и друзья всѣ отъ меня отдалены и разлучены со мной!» Она горько плакала и сказала: «Что жъ ты, мой другъ, такъ себя убиваешь? Богъ милостивъ, все можетъ поправить! Будемъ молиться и надѣяться. Мнѣ кажется, мужъ тебя любить; иначе,—на что жъ бы ему и жениться? Его никто не принуждалъ!» — «Мудреная для меня эта любовь! Не всѣ ли такъ любятъ тамъ, куда онъ меня везти хочетъ, и не это ли воспитаніе, которое называютъ лучшимъ и просвѣщеннымъ? На что вы меня вывели изъ моего блаженнаго состоянія и дали такъ рано чувствовать горести сердечныя? Вы знали меня коротко, и знали, что я жила среди друзей и ихъ любовью возростала и веселилась. Что жъ теперь со мной будетъ? Ахъ, какъ бы я желала съединиться съ моей почтенной матерью! Одно еще есть, которое заставляеть биться сердце мое—любовь къ брату, который во мнѣ все видитъ. Посмотрите за нимъ, милая матушка, и не давайте хоть

ему чувствовать потерю всего!» Она обняла меня и сказала: «Успокойся же, моя неоцѣненная дочь и другъ! Ты во мнѣ все найдешь: я все буду съ тобой раздѣлять!» И тотъ день она отъ меня не отходила.

Къ вечеру сдѣлался у меня жаръ и бредъ и, говорятъ, ничѣмъ больше не бредила, какъ звала мать мою и всѣхъ моихъ друзей, чтобъ они меня взяли къ себѣ. Свекровь моя сидѣла цѣлую ночь въ страхѣ и даже въ отчаяніи возлѣ меня, а мужъ мой уѣхалъ на рудники. Поутру позвали штабъ-лѣкаря, который сказалъ, что у меня жестокая и опасная горячка, и онъ сумнѣвается, перенесу ли я. Свекровь бросилась на колѣни передъ нимъ: «Спасите, Бога ради, и употребите всѣ способы къ выздоровленію ея! Вы—другъ ея матери, и надо вамъ знать причину болѣзни ея: сильное потрясеніе во всей, сдѣланное потерей матери ея, и отлученіе друзей сдѣлали эту болѣзнь». И я была двадцать дней безъ надежды! Свекровь моя послала въ деревню, чтобъ привезли няню и чтобъ дядя съ теткой пріѣхали. И я была окружена моими друзьями и не чувствовала, сколько я имъ дѣлала горести! Исповѣдывали меня и пріобщили Святыхъ Таинъ. Въ двадцать первый день я пришла въ память, и первое, чтò представилось мнѣ,—это была няня и я подумала, что это сонъ, вздохнула и закрыла глаза. На другой день я слышать стала и понимать, чтò говорятъ. Лѣкарь сказалъ, что теперь есть надежда къ жизни. И, признаться, мнѣ очень непріятно было сіе слышать: я съ радостью бы тогда оставила сей свѣтъ. Увидѣла я и мужа моего, сидящаго въ ногахъ и плачущаго горько. Меня такъ это тронуло, что я силсилась поднять руку и подать ему. Онъ примѣтилъ мое движеніе, подошелъ ко мнѣ. Я посмотрѣла на него, взяла его руку и прижала къ сердцу. Онъ упалъ на колѣни и зарыдалъ. Мать моя и родные его уговорили, чтобъ онъ не возобновилъ моею болѣзнию своей скорбью. И такъ ужъ я узнала, что всѣ любезные сердцу моему со мной. Спросила о братѣ¹⁾, котораго ко мнѣ тотчасъ и привели. Онъ обнялъ меня и спросилъ: «Теперь ужъ ты не умрешь, и Саша твой не будетъ сирота?»

И такъ, выздоровленіе мое было очень медленно: два мѣсяца я не могла сама ходить; худоба была страшная, и желчь по всей разлилась, и кашель былъ сильный. Лѣкарь опасался чахотки, однако, время-отъ-времени становилось лучше, и въ декабрѣ [1772 г.] я была ужъ совсѣмъ здорова. Мужъ мой во все это время очень мало отлучался отъ меня, и меня его заботы обо мнѣ много успокоивали, и я, сколько могла, старалась ему показать мои чувства: съ какой я радостью принимала его услуги и сколько я благодарна ему. Свекровь и всѣ мои родные радовались моему спокойствію и совершенному выздоровленію.

¹⁾ Александръ Евдокимовичъ Яковлевъ.

Дядя съ теткой уѣхали въ деревню, а няню свекровь моя не пустила; и такъ она съ радостью осталась при мнѣ. Въ одинъ день я спросила у свекрови: «Гдѣ Вѣра Але.?» Она мнѣ сказала: «Не говорите объ ней мнѣ: я не хочу ее видѣть!»

Но не долго продолжалось мое спокойствіе. Вечеромъ я сидѣла въ своей комнатѣ, читала. Мужъ мой пришелъ ко мнѣ и очень ласкалъ меня и спросилъ: «За что ты сердилъ на бѣдную Вѣру Але.?» Я ему сказала: напрасно онъ думаетъ, чтобъ я на нее сердилась. «Я даже [у] вашей матушки спрашивала объ ней: она приказала мнѣ замолчать и не поминать объ ней, сказавши, что ее и видѣть не хочу; то вы спросите у ней причину, чѣмъ ее Вѣра Але. прогнѣвала, а я даже не знаю, давно ли она у насъ не была, и почему». Мужъ мой сказалъ. «Съ самаго начала твоей болѣзни она была пририта и выгнана ни за что моей матерью». Меня чрезвычайно удивило сіе. «Зная кротость и добрый нравъ моей свекрови, удивляетъ меня очень сказанное вами, и безъ причины матушка напустила бѣ съ ней такъ жестоко, а болѣе тѣмъ, что она любимая была ея внучка. Вы бѣ постарались узнать причину и заставить у матушки просить прощенія». Онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я это сдѣлала и просила бѣ за нее, чтобъ позволено было ей жить у насъ до нашего отъѣзда. Я сказала, что мнѣ запрещено объ ней говорить, то я и не смѣю. Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердитымъ видомъ и сказалъ: «Я требую, чтобъ это было исполнено, иначе не получишь отъ меня ни любви, ни ласки, и опять все будетъ отъ тебя отнято. Я сейчасъ ѣду къ ней и ночь тамъ проведу пріятнѣе, нежели здѣсь. Ты думаешь, я не знаю, что это твои затѣи?». Я, заплакавши, отвѣчала, что въ мысляхъ моихъ не было, объ чемъ онъ мнѣ говорилъ: «И вы сами же мнѣ сказываете, что въ мою болѣзнь она выгнана, то могла ли я тутъ участвовать?» Онъ, ни слова не говоря, уѣхалъ. Свекровь моя дождалась насъ долго и, не дождавшись, вошла ко мнѣ, и, увидя меня одну и расплакану, стала спрашивать. Я ей все рассказала. Она было разгорячилась, но я сказала: «Что жъ вы со мной сдѣлаете, и опять отнимете спокойствіе. Вѣдь онъ будетъ же къ ней ѣздить; онъ и сегодня хотѣлъ тамъ ночевать,—то я не знаю, лучше ли вы сдѣлаете? Люди могутъ разгласить о его поведеніи, то вамъ же непріятно будетъ. Ахъ, любезная матушка, на что вы торопились меня сдѣлать несчастной, не узнавши прежде его характера? Къ несчастью моему я вижу, что у него нѣтъ ничего святаго. Я боюсь, чтобъ онъ и къ вамъ не потерялъ уваженія; тогда что вы будете дѣлать? Находите теперь средства спасать меня, сколько можно». И я ужъ не знаю, какъ и что было, но черезъ нѣсколько дней явилась Вѣра Але. и совсѣмъ жить до нашего отъѣзда, а моя жизнь была вся въ страданіяхъ. Мужъ мой приставилъ за мной смотрительницей свою племянницу, чтобъ безъ нея нигдѣ не

была и ни съ кѣмъ ничего не говорила, думая, что я буду жаловаться. Но у меня и въ намѣреніи не было сего. Свекровь моя ей велѣла, чтобъ она только день съ нами была, а послѣ ужина тотчасъ приходила бѣ въ ея комнату. Но и въ день, гдѣ мы сиживали одни, бывали такія мерзости, на которыя невозможно было смотрѣть. Но я принуждена была все выносить, потому, что меня не выпускали. Я отъ стыда, смотря на все это, глаза закрывала и плакала. Наконецъ, и плакать перестала. Я твердое предприняла намѣреніе не жить съ моимъ мужемъ, а остаться въ Сибири, но я молчала до тѣхъ поръ, пока не собиравались.

Наступилъ Великій постъ, и я, по обыкновенію моему, велѣла готовить рыбу, а для мужа мясо, но онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я непременно ѣла то же, что и онъ ѣстъ. Я его упрашивала и говорила, что я никакъ ѣсть не могу,—совѣсть запрещаетъ, и я считаю за грѣхъ. Онъ началъ смѣяться и говорилъ, что глупо думать, чтобъ былъ въ чемъ-нибудь грѣхъ. «И пора тебѣ все глупости оставлять, и я тебѣ приказываю, чтобъ ты ѣла!» И налилъ супу и подалъ. Я нѣсколько разъ приносила ложку ко рту,—и бѣненіе сердца и дрожаніе руки не позволяло донести до рта; наконецъ, стала ѣсть, но не супъ ѣла, а слезы, и получила отъ мужа моего за это ласки и одобреніе; но я весь Великій постъ была въ безпокойствѣ и въ мученіи совѣсти. Настало время приготавливаться къ дорогѣ, и положено было по послѣднему пути доѣхать 600 верстъ, гдѣ жили его сестра и зять, и чтобъ тутъ встрѣтить праздникъ и прожить до просухи. Племянница съ нами же просилась и со слезами его упрашивала, и говорила, что она безъ него умретъ. И онъ ей далъ слово, что съ ней не разстанется. Родные мои съѣхались, узнавъ [sic] скорый нашъ отъѣздъ.

Въ одинъ вечеръ мужа моего не было дома. Я пришла къ свекрови и сказала, чтобъ она ничего моего не укладывала. «Я съ ними не поѣду, хотя мнѣ и не легко сіе сдѣлать. Но божусь вамъ, что силъ моихъ не достанетъ къ перенесенію всехъ мерзостей! Я столько молода, что боюсь себя, чтобъ не увѣриться, что нѣтъ ни въ чемъ грѣха и ни въ чемъ себѣ не отказывать. Что жъ тогда со мной будетъ? И каково вамъ будетъ смотрѣть на стыдъ вашей дочери и сына? Это васъ можетъ убить. Я вижу, что онъ будетъ показывать обо мнѣ сожалѣніе, но не вѣрете. Пусть онъ наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ! Увѣряю васъ, что не буду никому жаловаться, и все будутъ думать больше обо мнѣ и винить меня по молодости моей. Я же знаю, что вы достатку не имѣете и жалованье малое, то я вамъ дамъ вѣрующее письмо къ Демидову, отъ котораго вы получите изъ шестнадцати тысячъ половину. Болѣе я ничего для васъ сдѣлать не могу, а вы мнѣ сдѣлаете вѣчное спокойствіе и докажете, сколько вы милостивы ко мнѣ, что безъ

прекословія и безъ огорченія оставите ту, которая васъ никогда не перестанетъ любить и почитать и называть своей доброй матерью. Теперь онъ можетъ исполнить свое обѣщаніе, данное Вѣрѣ Ал., чтобъ никогда съ ней не разлучаться. За что же вы хотите меня мучить? Я, кромѣ моей любви и почтенія, вамъ ничего не сдѣлала, но прошу васъ ему за меня не выговаривать, чѣмъ докажете мнѣ послѣднюю вашу любовь. Пусть онъ думаетъ, что я его не люблю, въ чемъ я признаюся вамъ. Не вините меня, что я столь чистосердечно съ вами говорю. Вы сами меня оправдаете, что такого мужа любить невозможно. Вы мнѣ скажете, что я могу себя принудить любить? Этого невозможно. Я вамъ и лстать не хочу такимъ манеромъ: никого нельзя заставить любить. Вотъ, моя почтенная мать, я вамъ все сказала, что было въ сердцѣ моемъ и нарочно говорю при моихъ родныхъ, чтобъ рѣшеніе мое и имъ было извѣстно». Они всѣ стояли, какъ деревянные, а свекровь моя сѣла и молчала, только плакала. Первый дядя мой началъ говорить, что онъ не одобряетъ моего поступка, и чтобъ я вспомнила данное матери моею слово при концѣ жизни ея, «что все будешь выносить и терпѣть». «И ты знаешь ли, мой другъ, противъ кого ты идешь?—противъ Бога. И можешь ли ты разорвать тѣ узы священныя, которыми ты соединена на вѣки? И кто тебѣ далъ сіе право располагать твоею участію? Тебя всегда учили предаваться въ волю Спасителя нашего и въ Немъ одномъ искать своего утѣшенія и крѣпости силъ твоихъ. И почему ты знаешь, оставя мужа твоего, будешь ли ты спокойна и счастлива, и не станетъ ли совѣсть твоя тебя укорять? И чему ты подвергаешь свою молодость?—стыду и нареканію. И твои родные будутъ слышать и страдать. И ты безпокоишь прахъ родителей твоихъ. Думаешь ли ты, что они не будутъ страдать, видя тебя нарушающею всѣ должности брака? Это одно должно быть для тебя ужасно, и правосудіе Божіе постигнетъ тебя. Развѣ ты думаешь, что ты одна въ свѣтѣ терпишь такъ много? Повѣрь, моя любезная, гораздо несчастнѣе и хуже есть супружества, и есть такія жены, которыя оставлены самимъ себѣ, безъ друзей, безъ подпоры, а къ тебѣ еще милосердъ Создатель нашъ—далъ тебѣ друга истиннаго въ свекрови твоей,—и ты еще жалуешься!» Мать моя вдругъ бросилась передъ меня на колѣни: «Умоляю тебя прахомъ матери твоей и моею горестію: не веди старость мою во гробъ съ мученіемъ! Я тебя увѣряю, что не поѣдетъ съ нами Вѣра Але. Ежели онъ будетъ усиливаться и я не буду въ силахъ что сдѣлать, то обѣщаю тебѣ не ѣхать съ нимъ, и съ тобой остаться здѣсь». И я сама бросилась къ ней и съ горькими слезами обѣщала ее не оставлять. Дядя и тетка меня обнимали и благословляли за доброе намѣреніе. И такъ, всѣ успокоились, кромѣ меня.

Осталась одна недѣля до нашего отъѣзда, и мужъ мой пришелъ къ

матери, поцѣловаль у ней руку и сказалъ: «Я васъ хочу просить объ одной вещи, въ которой не откажите мнѣ». Она сказала: «Въ возможномъ никогда не откажу». Онъ началъ просить, чтобъ Вѣру Але. взять съ собой, которая столько къ намъ привязана. Она отвѣчала, что этого сдѣлать нельзя, и не годится ее везти отъ матери, которая стара и слаба. «И думаю, она и сама не согласится оставить мать». Онъ сказалъ: «Вы позвольте, а у матери ужъ я выпрошу». Свекровь моя сказала, что она не позволяетъ. Онъ сказалъ: «Ежели вы не соглашаетесь, то я самъ рѣшусь взять: она можетъ тамъ найти свое счастье и за хорошаго человѣка выйти замужъ». Мать моя сказала: «Я тебѣ не могу запретить; ежели ужъ ты прямо говоришь, что безъ нея не поѣдешь, то и я тебѣ объявляю, что я остаюсь здѣсь и жену твою съ тобою не пушу: она безъ меня нигдѣ не можетъ жить. Вотъ тебѣ мое рѣшеніе, и знай, что оно твердо!» Мужъ мой вышелъ очень разсердившись, и что-то они говорили съ племянницей очень долго, и она вышла расплакавши. Мать моя послала за ея матерью и спросила у ней, развѣ она соглашается отпустить дочь свою съ дядей? Она отвѣчала, что ни подъ какимъ видомъ не отпустить. «И съ какой стати ей ѣздить вездѣ съ дядей, оставя мать въ старости!» Позвали племянницу, и, увидя, что она расплакана, спросили, отчего она такъ горька, и мать ей сказала, чтобъ она и не думала о своихъ пустыхъ затѣяхъ и сейчасъ чтобъ собиралась ѣхать съ ней домой. И такъ ее увели. Вечеромъ мой мужъ у меня спрашивалъ, знаю ли я рѣшеніе матушки? Я сказала: «Знаю». — «И ты съ ней останешься?» — «Я вамъ не хочу лгать, что я безъ нея никуда не поѣду, иначе какъ развѣ крайность меня заставитьъ». Онъ усмѣхнулся и сказалъ: «Я знаю, для чего ты здѣсь съ удовольствіемъ остаешься: у тебя былъ женихъ прежде меня, за котораго тебѣ хотѣлось и тебя не отдали, а ты и до сихъ поръ его любишь; то, конечно, тебѣ и пріятнѣе здѣсь остаться». — «Я васъ увѣряю моею искренностью, что я сего не знаю жениха, а кто вамъ сказалъ—тотъ солгалъ, и какъ вы могли повѣрить и утвердиться на этой жи! Вы спросите у матушки вашей обо мнѣ: она лучше меня знаетъ, нежели другая кто. Я знаю, кто вамъ сказалъ: она судить и говорить по своимъ чувствамъ, но я ничего не боюсь—совѣсть моя чиста предъ Богомъ и передъ вами. Въ томъ только я буду всегда виновата, что не отступлю отъ правилъ вашей матушки и буду поступать такъ, какъ она прикажетъ, бывши увѣрена, что она не пожелаетъ зла сыну и дочери». Онъ, разсердившись, ушелъ со двора.

Какъ бы то ни было, но мы собрались и отправились въ путь ¹⁾, и я не помню, какъ рассталась съ моими друзьями. Бѣдная моя

¹⁾ Мартъ—апрѣль 1773 г.

няня и ходить не могла — такъ ее горестъ ослабила. Наконецъ, мы пріѣхали къ его зятю и сестрѣ, которые насъ приняли очень хорошо, и я ихъ любви и ласки никогда не забуду, особливо зятя, который, видя мою молодость и простоту, старался всю ласку мнѣ показать и мужу моему говорилъ: «Люби ее и береги: она тебѣ будетъ жена добрая и послушная». И точно, мужъ мой началъ дѣлаться время отъ времени лучше и ко мнѣ ласковѣе, и я его начала любить. Въ четыре мѣсяца, которые мы тутъ прожили, я отъ него косого вида не видала, и любовь моя часъ-отъ-часу къ нему умножалась, и онъ это видѣлъ; и добрая моя свекровь радовалась, видя начинающуюся нашу жизнь счастливую. Я столько радовалась своему спокойствію, что и родныхъ своихъ и друга моего ужъ не съ такой горестью вспоминала, а иногда жалѣла только о томъ, что они не видятъ моего благополучія. Братъ мой ¹⁾ меня чрезвычайно утѣшалъ своей привязанностью, и всѣ его чрезвычайно любили, и мужъ мой столько его любилъ, что болѣе и требовать было нельзя, а о матушкѣ и говорить нечего. И его къ ней привязанность была велика.

Оттуда мы поѣхали въ Олонецъ. Пріѣхавши, мужа моего откомандировали на Медвѣжій островъ ²⁾, и я отъ него не отстала. Ъхали моремъ, заѣзжали къ Солове[цкимъ] чудотво[рцамъ]. Пріѣхавши на островъ, я—женщина одна и безъ дѣвки, но любовь моя къ мужу всѣ препятствія и скуки превозмогала. И дорога была очень безпокойна: шлп въ одномъ мѣстѣ пѣшкомъ 12 верстъ, лодки люди на себѣ тащили; по мхамъ, называемымъ «тундра» (сверху мохъ, а внизу вода), то по колѣно ноги уходили въ воду; и я съ радостью всѣ трудности дѣлала съ нимъ! А сей трудный вояжъ былъ по причинѣ большихъ пороговъ, черезъ которые никакъ нельзя было ѣхать въ лодкахъ. И я чрезвычайно утѣшалась, видя мужа моего обо мнѣ заботившагося; и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ ужъ очень было дурно идти, онъ самъ меня на рукахъ несъ. И жили мы на островѣ девять мѣсяцевъ ³⁾, и я ни разу не поскучала, ѣвши гнилой хлѣбъ, пивши соленую воду, стиравши сама бѣлье, и варила на всѣхъ рыбу. Учитель мой былъ одинъ старикъ изъ работниковъ, который оставался со мной, пока выучилъ меня всему. И какъ я ужъ умѣла сама все дѣлать, то и онъ уходилъ на работу, отъ землянки нашей верстахъ въ полтора. Я и одна была весела, сиживала въ хорошее время на берегу моря съ книжкой или съ ра-

¹⁾ Александръ Евдокимовичъ; онъ имѣлъ въ это время званіе унтеръ-инхтмейстера и, вмѣстѣ съ двумя другими: Андреемъ Дерябинымъ и Григоріемъ Петровымъ, былъ прикомандированъ къ Карамышеву (Архивъ Горнаго Департамента).

²⁾ Октябрь 1773 г.

³⁾ До іюня 1774 г.

ботой и дожидалась объѣдать. Увидя ихъ, шедшихъ домой, я съ радостью на встрѣчу бѣжала и обнимала мужа моего, который отвѣчалъ на мои ласки самымъ дружескимъ привѣтствіемъ, что меня болѣе всего занимало и утѣшало. По вечерамъ-то это сѣверное сіяніе; я этакого величества никогда не видѣла: являются на небѣ разные ландшафты—строенія, колонны, дерева разныхъ цвѣтовъ, и въ тихомъ морѣ все это, какъ въ зеркалѣ, видно. И я часто, смотря, вспоминала: «Ахъ, ежели-бы теперь со мной были друзья мои: какъ бы они представили мнѣ величество Божіе, и я бы больше чувствовала радостей»; иногда эта мысль заставляла меня плакать. Одинъ разъ примѣтилъ мой мужъ, что у меня красные глаза и спросилъ, объ чемъ я плакала? Я тотчасъ ему сказала мои мысли: не были онѣ никогда скрыты во внутренности моей отъ него.

Наконецъ, пришло время намъ ѣхать съ острова. Привели намъ оленей; и иначе нельзя было ѣхать, какъ одинъ человекъ въ саняхъ долженъ сидѣть и править оленями. И я одна сѣла, но не умѣла править, часто опрокидывалась, однако, скоро научилась управлять. И такъ мы пріѣхали въ Петрозаводскъ¹⁾, нашли матушку и брата²⁾ здоровыхъ. По пріѣздѣ нашемъ мужъ мой отъ дороги хотѣлъ отдохнуть, и начальникъ³⁾, бывши ему другъ, самъ къ нему пришелъ и вмѣстѣ разсматривали планы, которые сняты были съ рудника, и отчеты, какъ шло дѣло, какія были машины для стливки воды; и не могли ни въ чемъ успѣть, потому что вода натекала изъ моря, и работа была только лѣтомъ, когда солнце не закатывается, а всегда на горизонтѣ, только на четверть часа лучи теряетъ и тогда, значитъ, ночь. Но осенью и зимой не видно солнца, а тѣма ужасная, и четверть часа продолжается день, но и то, какъ темныя сумерки. Это время очень скучно, особливо въ землянкѣ, которая почти вся размокла; и спали вмокрѣ, но я была во все это время такъ здорова, какъ лучше желать нельзя. Людей никого не видали, кромѣ тѣхъ, которые были съ нами лѣтомъ. Пріѣзжалъ къ намъ священникъ, живущій за 60 верстъ, а какъ сдѣлались бури, то и тотъ не ѣздилъ; во всю бытность видѣли одного лопаря, и тому я такъ обрадовалась, какъ будто онъ мой ближній былъ.

По пріѣздѣ, сдѣлалась съ начальникомъ ссора, и мужъ мой грубо съ нимъ говорилъ и ослушался,—то и хотѣли его взять и арестовать, но онъ взялъ пистолеты и сказалъ: «Кто притронется—перваго за-

¹⁾ Въ іюнѣ 1774 г.

²⁾ Александра Евдокимовича Яковлева и Авдотью Карамышеву.

³⁾ Начальникомъ Олоонецкихъ Петровскихъ заводовъ въ это время былъ оберъ-бергмейстеръ Анникита Сергѣевичъ Ярцовъ; онъ умеръ въ 1819 г. въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника.

стрѣлю!» И на другой день онъ былъ въ гостяхъ и оттуда его взяли и свели на гауптвахту. Я за нимъ же пошла и сидѣла съ нимъ недѣлю. Между тѣмъ, рапортовалъ начальникъ въ Петербургъ, и прислано, чтобъ мужа моего отправить самого къ главнымъ начальникамъ и отдать ему шпагу. Стали мужу моему отдавать шпагу и объявили, чтобъ онъ ѣхалъ въ Петербургъ и чтобъ въ 24 часа выѣхалъ и сдалъ бы команду и находящагося при немъ унтеръ-офицера Деря[бина]¹⁾. Онъ отвѣчалъ: «У меня его нѣтъ, а онъ отправленъ въ Петербургъ съ планами», а они были увѣрены, что онъ у насъ. И такъ его спрятали въ шкафъ, подъ платье. Пришли обыскивать и искали, гдѣ только можно, и мужъ мой не запрещалъ, но нигдѣ не нашли и поставили караулъ, чтобъ смотрѣть, какъ будемъ укладываться. Это было лѣтомъ; и уложили все въ коляску и въ кибитку. Солдаты тутъ стояли и смотрѣли. Последнее осталось нести постель, въ которую и завернули Деря[бина] и благополучно положили въ коляску и уѣхали. Свекровь моя осталась съ братомъ въ заводѣ.

Приѣхали въ Петербургъ²⁾ прямо въ домъ Миханла Матвѣевича³⁾, который былъ вице-президентомъ Бергъ-Коллегии. За ссору мужу моему дальняго ничего не было и за увозъ унтеръ-офицера. Начальники обоихъ любили и видѣли, что оба неправы, и унтеръ-офицера опредѣлили при Александрѣ Матвѣевичѣ, который назначенъ былъ⁴⁾ въ Горный Корпусъ по химической части.

И такъ, началась для меня совсѣмъ новая жизнь, и мои благодѣтели, увидя мою молодость, взяли меня, какъ дочь и начали воспитывать. Начались мои упражненія, и мнѣ совѣтовали, чтобъ все мое время было въ занятіи, да и назначили мнѣ, когда вставать и когда приниматься за работу. Раннее вставанье было ужъ для меня сначала тяжело, потому что мужъ мой приучилъ ужъ поздно вставать и, не умывшись, въ постели пить чай. Даже я отучена была и Богу молиться,—считывали это ненужнымъ; въ церковь мало ходила; данныя мнѣ правила матери моей совершенно стала забывать; о бѣдныхъ и несчастныхъ ниже когда вспомнила, да мнѣ и не представлялись даже случаи къ тому. Живши у моихъ почтенныхъ благодѣтелей,

¹⁾ См. выше; не былъ ли это Андрей Фѣдоровичъ Дерябинъ, впоследствии известный горновѣдъ, директоръ Департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, а потомъ—Горнаго Корпуса, д. с. с.; умеръ 26-го іюня 1820 г. въ г. Гомелѣ, гдѣ управлялъ фабриками канцлера гр. Н. П. Румянцева.

²⁾ 30-го іюня 1774 г.

³⁾ Хераскова, (род. 1733, ум. 1807 г.). О частной жизни его см. любопытныя подробности въ „Москвитянинъ“ 1850 г. (перепечатаны въ Русск. Архивѣ 1879 г.).

⁴⁾ 26-го іюля 1774 г.

все было возобновлено. Приучили рано вставать, молиться Богу, утро заниматься хорошей книгой, которыя мнѣ давали, а не сама выбирала. Къ счастью, я еще не имѣла случая читать романовъ, да и не слыживала имени сего. Случилось, разъ начали говорить о вышедшихъ вновь книгахъ и помянули романъ, и я ужъ нѣсколько разъ слышала. Наконецъ, спросила у Елизаветы Васильевны¹⁾, о какомъ она все говорить Романъ, а я его у нихъ никогда не вижу. Тутъ мнѣ ужъ было сказано, что не о человѣкѣ говорили, а о книгахъ, которыя такъ называются; «но тебѣ ихъ читать рано и не хорошо». И они, увидя мою дѣтскую невинность и во всемъ большое незнаніе, особливо, что принадлежитъ къ свѣтскому обхожденію, начали меня удалять; когда у нихъ бывало много гостей,—и я сиживала у моего благодѣтеля и отца, хотя мнѣ сначала и грустно было. Въ гости никуда не брали, ни въ театры, ни на гулянья. Мужъ мой тогда никакой власти надо мной не имѣлъ, и онъ былъ цѣлый день въ Корпусѣ; такъ какъ онъ заводился вновь, то и дѣла было много.

Для меня сіе воспитаніе было совсѣмъ новое: говорили, что не все надо говорить, что думаешь; не вѣрять слишкомъ тѣмъ, которые ласкаютъ много; не слушать тѣхъ мужчинъ, которые будутъ хвалить, и ни съ какимъ мужчиной не быть въ тѣсной дружбѣ; не выбирать знакомства по своему вкусу; любить больше тѣхъ, которые будутъ открывать твои пороки, и благодарить. «И эти-то прямые твои друзья. Ты теперь здѣсь, кромѣ насъ, никого не имѣешь — и мы твои друзья. И я, видя тебя, что ты воспитана въ благонавіи,—идравъ твой, кажется, кроткій и мягкій,—то я увѣренъ, что ты меня будешь любить и открывать мысли свои, намѣренія и даже самыя малѣйшія движенія сердца твоего. разговоры твои съ кѣмъ бы то ни было, особливо съ мужчинами. Не страшись моей строгости: ты найдешь во мнѣ нѣжнаго отца и друга, который что и будетъ тебѣ дѣлать неприятное, то это все для твоего же блага и будущаго счастья. О учтивости и ласкѣ ко всѣмъ я тебѣ не говорю, потому что въ тебѣ это есть». Спросилъ у меня, какъ я воспитана и какія даны мнѣ правила, чѣмъ я занималась и какъ мое время было распределено. Я ему все рассказала. Онъ обнялъ меня и сказалъ: «Благовари твоихъ добрыхъ и почтенныхъ наставницъ и молись за нихъ и не забывай никогда ихъ наставленіевъ; старайся непременно всякое утро молиться, испрашивая Его милосердія; и вечеромъ приноси благодарность за проведенный день; начинай всякое дѣло, испрося у Создателя своего помощи. Твое шестіе въ мірѣ теперь только начинается, и путь, по ко-

¹⁾ Хераскова, супруга Михаила Матвѣевича, рожд. Неронова (род. 1737 † 1809 г.), писательница.

тому ты пойдешь, очень скользко; безъ путеводителя упадешь, мой другъ. Теперь—я твой путеводитель, данный тебѣ Богомъ. Счастливы тотъ человекъ, который въ молодости не самъ идетъ, а есть проводникъ! Избираешь-ли ты меня въ свои друзья и вѣришь ли этому, что я тебѣ буду нѣжнымъ отцомъ?» Я заплакала и взяла его руку, которую прижала крѣпко къ сердцу моему: «Пока оно будетъ биться, не перестанетъ васъ любить и называть милымъ отцомъ и наставникомъ юности моей!»

Тогда мнѣ былъ пятнадцатый годъ, и съ самаго того дня я была въ полной его власти. И сказано мнѣ было, что отъ меня будутъ требовать непосредственнаго и неограниченнаго повиновенія, покорности, смиренія, кротости и терпѣнія, и чтобъ я не дѣлала никакихъ разсужденій, а только бѣ слушала, молчала и повиновалась. Я все обѣщала...

Тогда, какъ мы пріѣхали, они жили на дачѣ; семейство ихъ было превеликое, но согласіе между ими такое, какого я не только видѣть,—но не слыхала. Старшій въ семействѣ былъ тотъ, котораго я называла отцомъ¹⁾. На дачѣ мнѣ было весело; еще со мною работы настоящей не начинали, а знакомили со всѣми родными и друзьями. Сіе продолжалось три мѣсяца, и я всѣмъ сдѣлалась любимицей; меня не могли больше родные любить, и я, кромѣ радостей, ничего не видѣла. Отписала къ моей свекрови, гдѣ я и что со мною происходитъ,—и все подробно было ей описано. Она была чрезвычайно рада и писала къ моимъ благодѣтелямъ самое чувствительное письмо и вручала меня ихъ покровительству. «Я теперь спокойна», говорила она: «обстоятельства мои, можетъ быть, и на долго меня съ ней разлучать, но я знаю, что она въ добрыхъ рукахъ». Наконецъ, мы переѣхали въ городъ, гдѣ ужъ прямо началось мое воспитаніе, и было для меня чрезвычайно тяжело, такъ что я—хоть бы и оставить ихъ. Это и видѣлъ мой благодѣтель, но не терялъ надежды и не оставлялъ меня исправлять. У нихъ же часто очень бывали гости и было очень весело, но меня тутъ не было никогда, а только я ихъ и видѣла, какъ за обѣдомъ и за ужиномъ. Развѣ, когда были чьи именины или званый балъ,—тогда мнѣ позволялось быть, но не далѣе, какъ до двѣнадцати часовъ. И это ужъ было очень поздно для меня; и какъ я начинала прощаться со всѣми, то они жалѣли обо мнѣ, и я съ огорченіемъ скорѣе уходила. Бывали такіа времена и я такъ была зла, что желала смерти моему благодѣтелю. Любить его я долго не могла, а страхъ заставлялъ меня и стыдъ дѣлать ему угодное. Онъ часто меня стыдилъ при всѣхъ, рассказывая мои глупости, но черезъ семь или восемь мѣсяцевъ я начинала чувствовать

¹⁾ М. М. Херасковъ.

къ нему любовь,—и дель-ото-дня—возрастала моя привязанность и чистосердечіе. Наконецъ, я ужъ и говорить стала, что мнѣ хотѣлось бы выйти туда, гдѣ гости. Онъ съ кротостью мнѣ говорилъ: «Для чего ты, мой другъ, этого хочешь? Ежели бы это было для тебя полезно,—я самъ бы тебѣ предложилъ. Будетъ время, въ которое дадутся тебѣ всѣ удовольствія, которыя ужъ тебя не развлекутъ, и ты будешь ими наслаждаться. Кто рано начинаетъ жить въ вихрѣ, тотъ скоро закружится. Не препятствуй мнѣ дѣлать то, что я лучше знаю и далѣе тебя вижу!» Я съ удовольствіемъ ужъ соглашалась на все и безъ огорченія, и, наконецъ, такъ привыкла, что меня ужъ и не прельщало то, что я видѣла. И очень долго ужъ я была въ этомъ опытѣ, и онъ увѣрился совершенно въ моей любви и искренности, и первый разъ самъ меня вывезъ въ театръ, гдѣ все меня удивляло и веселило. Приѣхавши домой, у меня все живо было, и наполнена голова моя была тѣмъ, что я видѣла и слышала. Тогда играли «Честнаго преступника»¹⁾, а игралъ Дмитревской²⁾,—и надолго у меня это веселье осталось. И опять долго очень никуда не возили, однако, ужъ я чаще бывала съ людьми и сживала съ работой тамъ, гдѣ и всѣ, и пріучалась къ обхожденію, разговаривала съ мужчинами и должна была все пересказать, что съ кѣмъ говорила и при томъ получала самыя полезныя для меня замѣчанія и наставленія. И такъ время мое протекало въ самыхъ наипрїятнѣйшихъ занятіяхъ.

Я ужъ жила около двухъ лѣтъ, какъ сдѣлалось турецкое замѣрненіе³⁾, — и возвратилось много родныхъ изъ похода, которые и жили въ одномъ домѣ съ нами. Благодѣтели мои меня рекомендовали, какъ дочь,—такъ они меня называли, и я была счастлива во всѣхъ.

¹⁾ „Честной преступникъ, или дѣтская къ родителямъ любовь, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненная Фальберомъ Фалбриджемъ“, переведена съ французскаго языка И. А. Дмитревскимъ и издана въ Петербургѣ въ 1772 году. „Сколь она почтенна на російскихъ театрахъ, каждой охотникъ извѣстенъ, паче же славной нашъ придворной російской актеры г. Дмитревской, къ пущей красотѣ піесы изобразилъ первой характеръ въ чрезвычайности; представлена была въ первый разъ на Московскомъ театрѣ 1771 г. въ сентябрѣ“ „Драматическій Словарь“, изд. СПб. 1880, стр. 155—156).

²⁾ Иванъ Аванасевичъ Дмитревскій, извѣстный актеръ, писатель и переводчикъ (род. въ 1736 г., ум. 27-го октября 1821 г.).

³⁾ Анна Евдокимовна немного ошибается: не „около двухъ лѣтъ“, а съ небольшимъ годъ прошелъ къ этому времени: она повѣствуетъ про 1775 г.; а „турецкое замѣрненіе“, т. е. Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ, состоялось еще 10-го іюля 1774 г.; такъ какъ это было тотчасъ по приѣздѣ ея въ Петербургъ, то здѣсь слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть торжества, бывшія въ Москвѣ и Петербургѣ 10-го іюля 1775 года по случаю ратификаціи договора султаномъ 13-го января 1775 года.

Всѣ меня сердечно полюбили; мужъ мой не меньше былъ любимъ всѣмъ семействомъ. И тогда, могу сказать, что я была слишкомъ счастлива,— и желать мнѣ ничего не оставалось. Я тогда только была печальна, когда кто-либо изъ моихъ благодѣтелей нездоровъ, а особливо мой отецъ. Тогда, какія бъ веселости ни были, я никакъ не хотѣла ѣхать, чтобъ онъ не одинъ дома былъ. И мнѣ гораздо пріятнѣе было съ нимъ болынымъ быть, нежели въ большой компаніи. И я видѣла его сердечное удовольствіе, какъ онъ радовался и утѣшался моею привязанностью къ себѣ и оказывалъ мнѣ самыя отеческія ласки и любовь. Когда же я бывала больна, то его безпокойство ни съ чѣмъ нельзя сравнить было тогда, и, лучше сказать, всего семейства, хотя я никогда не бывала опасно больна, живши у нихъ. Но по любви ко мнѣ имъ ужъ казалось, что всякая болѣзнь моя къ смерти, и я, видя ихъ безпокойство, ужъ часто и не сказывала, когда у меня болитъ голова или желудокъ. Но и тутъ не могла имъ доставить спокойствія: или на лицѣ примѣтять блѣдность, или жаръ и томность въ глазахъ, то и начнутъ спрашивать: «Ты вѣрно больна и намъ не сказываешь?» Мужъ мой часто смѣивался ихъ безпокойству и говорилъ: «Вы ее у меня такъ избалуете, что мнѣ послѣ съ ней не сладить». И благодѣтель мой всегда на него разсердится и скажетъ: «Ты глупъ и не знаешь цѣны этому ангелу!» И часто у меня спрашивалъ: «Любитъ ли тебя мужъ?» Я ему говорила: «За что жъ ему меня не любить? Я сама его очень люблю»— и я говорила правду: тогда онъ велъ себя очень хорошо и меня любилъ. Знакомство его было только съ тѣми, кто къ нимъ ѣздилъ.

Случилось въ одинъ день, поутру, мнѣ сидѣть въ гостиной съ работою. Входитъ одинъ изъ племянниковъ¹⁾ и, подошедши ко мнѣ, поздоровался и, не помню, что-то сказалъ на ухо, не хотя говорить при лакеѣ. Я ему сказала, чтобъ впередъ этого не дѣлалъ—батюшка не любить, чтобъ шептали. «Да, вѣдь, его здѣсь нѣтъ!»—«Мнѣ все равно, здѣсь ли онъ, или нѣтъ, я и безъ него не хочу дѣлать ему неугоднаго!»

Онъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ.

«Ваше повиновеніе и осторожность меня удивляютъ».—«Кажется, дивиться нечему. Вамъ тому только можно бъ было удивляться, ежели бы я не вела себя такъ, какъ должно, и не поступала по тѣмъ правиламъ, какія я въ здѣшнемъ домѣ получила». Входитъ Елисавета Васильевна и тутъ же садится. Племянникъ ея что-то съ ней началъ говорить очень тихо, а я, примѣтя, что могу помѣшать, вышла вонъ и

¹⁾ Или старшій сынъ его брата Петра Матвѣевича Хераскова Романъ Петровичъ (род. 18-го окт. 1760, ум. 5-го дек. 1826 г., погребенъ въ Черемнецкомъ монастырѣ, въ Лужскомъ уѣздѣ), арміи маіоръ, затѣмъ коллежскій ассесоръ, депутатъ Лужскаго уѣзда (1816 г.), женатый на Авд. Степ. Рыкачевой; или мужъ одной изъ племянницъ, которыхъ у М. М. Хераскова было много.

через нѣсколько времени опять пришла и сѣла за работу. Елисавета Васильевна подошла ко мнѣ и, ни слова не говоря, начала меня обнимать и цѣловать и называла меня неоцѣненной своей дитятей; и я, отвѣчавши на ея материнскія ласки, со слезами сказала: «И вы—моя неоцѣненная мать и благодѣтельница!» Наступилъ часъ обѣда, и сѣли за столъ. Я примѣтила, что мой благодѣтель на меня непріятными глазами смотритъ. Я тотчасъ догадалась, что вѣрно онъ какъ-нибудь видѣлъ, какъ мнѣ на ухо говорили. Отобѣдавши, я обыкновенно ходила къ нему въ кабинетъ. Вошедши за нимъ, я спросила: «Здоровы ли вы?» — «Я здоровъ. Что вы мнѣ скажете, какъ утро провели: весело ли?» Я сказала: «По обыкновенію—очень хорошо». Онъ очень пристально посмотрѣлъ на меня и спросилъ: «Больше вы мнѣ ничего не скажете?» — «Нѣтъ, батюшка, нечего сказать. Мнѣ кажется, вы мной недовольны. то сдѣлайте милость,—скажите мнѣ!» — «А вы сами не знаете ничего?» И у меня какъ будто какая тягость на языкѣ сдѣлалась, что я, зная свою вину, не хотѣла признаться и повторила прежній отвѣтъ. «Такъ мнѣ и спрашивать нечего! Извольте идти и приниматься за работу! Намъ съ вами сегодня говорить нечего!» И такъ, я ушла и сама себя внутренно бранила, для чего я не сказала и рѣшилась вечеромъ сказать. Пришелъ и вечеръ. Я пошла съ нимъ проститься и испросить благословенія, что я и всегда дѣлала. Онъ очень сухо со мной простился и не благословилъ, а мое упорство продолжалось и, опять ничего не сказавши, ушла и легла спать, но цѣлую ночь не могла спать, такъ меня мучила неискренность моя! Вставши, по утру, рано, не заходя ни къ кому, прямо въ кабинетъ пришла и со слезами бросилась къ нему: «Отецъ мой, я васъ огорчила, и знаю—чѣмъ, но я не виновата» — и рассказала все ему и увѣряла его, что всю правду открыла. «Я не выйду отъ васъ! Спросите у него, какъ было, и точно ли такъ, какъ я вамъ сказала!» Онъ обнялъ меня и сказалъ: «Я вѣрю тебѣ, другъ мой, и хвалю тебя за благоразуміе твое. Но для чего ты не хотѣла мнѣ сказать?» — «Я сама не знаю; простите меня, я довольно наказана мученіемъ, которое мнѣ спать не дало всю ночь». — «Вотъ, мой другъ, ты и это испытала, какъ дурно скрывать отъ тѣхъ, которыми ты дорожишь. И я не меньше тебя безпокоился, но теперь все кончилось, и я увѣренъ, что это послѣдній разъ». Я спросила у него: «Кто вамъ это сказалъ?» — «Никто. Я самъ видѣлъ, стоя у дверей. Знай, моя любезная: мои глаза и уши всегда тамъ, гдѣ ты».

Съ того времени я ничего не скрывала происходящаго въ сердцѣ моемъ и видѣла къ себѣ привязанность племянника моей благодѣтельницы, и чѣмъ больше его узнавала, тѣмъ больше его любила. И, наконецъ, онъ сдѣлался моимъ и мужа моего другомъ, что онъ и послѣ во многихъ случаяхъ намъ показывалъ. Наконецъ, ему было

надо на нѣсколько мѣсяцевъ съѣздить видѣться съ матерью, и я очень грустила, съ нимъ разставаясь. Пришелъ тотъ день, въ который ему должно было ѣхать. Всѣ его жалѣли и всѣ грустили тетка плакала. Стали прощаться; онъ подошелъ и обнялъ меня, назвавши мной сестрой, и уѣхалъ. Мнѣ такъ сдѣлалось скучно, что невольнымъ образомъ полились слезы, и я ихъ не скрывала. Благодарѣть; мой, примѣтя, позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, и я съ радостью пошла за нимъ. Онъ спросилъ у меня: «Объ чемъ ты, мой другъ, плачешь?»— «Объ уѣхавшемъ другѣ, который столько меня любитъ».— «Для чего же другіе объ немъ не плачутъ?»— «Видно, они не умѣютъ такъ любить и чувствовать».— «Я знаю, что онъ слишкомъ много всеми нами любимъ и достоинъ этого. Остались здѣсь другіе племянники, которые также тебя любятъ и могутъ тебѣ быть друзьями».— «Нѣтъ, отецъ мой, они, конечно, меня любятъ, но я ихъ такъ много не могу любить, и они мнѣ не замѣняютъ его».— «Вѣдь, онъ уѣхалъ не на долго».— «Знаю; это только меня и утѣшаетъ, и меня будетъ очень веселить то время, въ которое мы его ожидать будемъ».— «Не можетъ ли, мой милый другъ, выйти изъ этой дружбы что-нибудь непріятнаго (sic) для тебя же самой? Какъ ты думаешь?»— «Я, кромѣ сердечнаго удовольствія, ничего не представляю и не знаю, какимъ тутъ быть непріятностямъ».— «А я такъ предвижу.— Скажи мнѣ, по любви ли ты шла замужъ и съ удовольствіемъ ли?»— «Я не ненавиѣла и не была привязана, а исполняла волю матери моей и вышла за него».— «А ежели бы онъ, [не] взявши тебя, куда-нибудь уѣхалъ,—жалѣла либъ ты объ немъ и стала ли бы плакать?»— «Нѣтъ, и тосковать бы не стала».— «Почему жъ такъ?»— «Потому, что я привязанности сильной не имѣла, да и онъ со мной неласково обходился».— «Стало, ты еще прямо никого не любила и не знаешь, какъ любить».— «Ахъ, знаю и очень; да я васъ люблю,—вы сами знаете».— «Это другая любовь, мой другъ: ты меня любишь, какъ отца и друга».— «А какъ же еще надо любить и какая другая есть любовь?»— «Скажи мнѣ: покойно ли ты любишь уѣхавшаго друга? Когда его нѣтъ,—что ты чувствуешь?»— «Скуку».— «А когда онъ съ тобой?»— «Какое-то пріятное чувство, но, правда, и безпокойствіе; мудреное—я вамъ не могу пересказать».— «Ты сказала, что ты и меня очень любишь, чему я вѣрю; но, сидя со мной, чтò ты чувствуешь?»— «Истинное удовольствіе быть съ вами!»— «Покойна ли ты тогда?»— «Очень!»— «Ежели меня нѣтъ дома,—тогда чтò?»— «Я тогда сижу съ благодарѣльницей моей».— «И не грустишь?»— «Нѣтъ, зная, что вы здоровы и покойны!»— «Почему жъ къ другу твоему любовь такъ тебя безпокоитъ? Ты его люби такъ же, какъ и меня любишь. Мнѣ кажется, по твоимъ словамъ—между той и другой любовью великая есть разница. Подумай и скажи мнѣ, какъ тебѣ кажется?» Я долго молчала, наконецъ, сказала:

«Это правда. Но, что жъ это значить? Не то ли, что я недавно слышала, говорили, — а кто — не знаю, — что онъ въ нее влюбленъ и она также, но говорили такъ, что эту любовь какъ будто не одобряли; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось». — «Я только тебѣ скажу, что ежели бы ты не была за-мужемъ, то я бь старался тотчасъ отдать за друга твоего, а какъ ты ужъ имѣешь мужа и мужа достойнаго, то вся твоя любовь должна къ нему быть. А эта любовь, которую ты чувствуешь къ другому, можетъ разорвать союзъ столь священный, какимъ ты ужъ соединена. И сколько-бъ она принесла горести и стыда мужу твоему, а тебѣ самой — вѣчный стыдъ и укореніе совѣсти! Я тебя прошу, моя милая, остерегаться допускать въ сердце твое, мягкое и невинное, ничего не позволеннаго. Старайся друга твоего любить любовью тихой и непостыдной; старайся не быть съ нимъ никогда на-единѣ». Я, слушая его, такъ испугалась, что цвѣтъ лица тотчасъ перемѣнился, и я молчала. Онъ спросилъ, что я въ такой горести: «Не больно ли тебѣ, что ты не можешь такъ любить?» — «Нѣтъ, отецъ мой, увѣряю васъ, что теперь очень буду остерегаться, чтобъ не довести себя до посрамленія и не потерять вашей любви. Вы мнѣ открыли глаза, и я, разобравши все это, очень испугалась, увидя, что безъ помощи вашей я бь этого не увидѣла и была бь несчастна и мужа бы моего сдѣлала, можетъ быть, несчастнымъ. Для чего вы мнѣ давно не сказали? Вѣдь, вы видѣли; я не скрывала моей привязанности къ другу нашему!» — «Я не воображалъ, мой другъ, чтобъ мои замѣчанія были справедливы, и не смѣлъ тебѣ говорить, чтобъ не оскорбить чувствительность твою, а отъѣздъ его мнѣ больше открылъ въ тебѣ, — что происходитъ въ твоемъ сердцѣ. Не сокрушайся только, будь тверда и добродѣтельна и убѣгай ото всего того, что можетъ возмутить твое спокойствіе».

Тогда мнѣ былъ ужъ восемнадцатый годъ и я чувствовала очень милости Божіи посланіемъ мнѣ такого благодѣтеля и наставника, который умѣлъ видѣть въ глубину моего сердца и который умѣлъ мнѣ всѣ пороки показать ужасными и утвердить въ добродѣтели. Что бъ я была безъ него? Онъ меня сохранялъ, какъ слабый цвѣтокъ отъ вѣтру. Я даже и отъ того сохранена была, что мнѣ никто никогда не говаривалъ и не льстилъ, какъ обыкновенно водится — говорятъ молодымъ женщинамъ и выхваляютъ хорошее лицо. къ лицу уборку, — а только я слышала, что всѣ меня называли: «милая наша, кроткая наша», и не было во всемъ ихъ семействѣ чловѣка, кто бъ меня истинно не любилъ; всѣ меня охраняли и предостерегали.

Наступало время пріѣзда племянника ихъ, но я была спокойна. Наконецъ, онъ пріѣхалъ въ такое время, когда я была больна и лежала въ постели. Мужа моего дома не было: онъ былъ въ посылкѣ не на

долго и не далеко ¹⁾). Пришелъ ко мнѣ мой благодѣтель и сказалъ о прїѣздѣ и спросилъ, хочу ли я видѣть? Я сказала: какъ онъ за лучшее найдетъ, такъ и будетъ сдѣлано. «Но не опасайтесь: я истинно говорю, что я очень спокойна!» Однако, я не видала его, пока ужъ стало мнѣ лучше, и я стала въ другую комнату выходить,—тогда онъ пришелъ со мной увидѣться. Радъ очень былъ, что я выздоровѣла, и сказалъ: «Грустно мнѣ очень было слушать, что другъ мой боленъ, и мнѣ нельзя видѣть». Я сказала: «Очень увѣрена, что вы, любя моего мужа и считая его другомъ, конечно и въ женѣ его возьмете участіе, за чтѣ я и онъ много вамъ благодарны». И съ тѣхъ поръ я, какъ только можно, съ благопристойностію отдавала всѣ случаи быть съ нимъ. Онъ очень замѣтилъ сіе, но почтеніе его ко мнѣ никогда не терялось. Прїѣхала и свекровь моя, которая, увидя все семейство, не знала, какъ благодарить. Брата моего отдали въ корпусъ.

Благополучіе мое приходило къ концу; благодѣтели мои начали собираться въ Москву, но не такъ скоро еще ²⁾, но у меня упало сердце и куда веселость моя пропала? Тоска и замираніе сердца мучили меня, и я вспомнить не могла, какъ останусь и что со мной будетъ? Съ приближеніемъ времени разлуки начала я очень увядать, потеряла сонъ и аппетитъ, пропалъ румянецъ, такъ что всѣ обо мнѣ страдали и увѣряли меня, что всѣ ихъ оставшіеся родные меня не оставляютъ, въ чемъ и я была увѣрена. Но замѣнять ли они мнѣ ихъ? Оставалось ужъ самое короткое время, въ которое я еще съ ними могла быть. Мужъ мой и квартиру нанялъ, но я не хотѣла въѣхать въ нее, пока не уѣдутъ мои благодѣтели. Наканунѣ ихъ отъѣзда я спать не пошла, и благодѣтель мой далъ мнѣ послѣднее наставленіе, какъ мнѣ жить. Знакомство мое ограничилъ тѣми, съ которыми ужъ я была знакома; мужу моему сказалъ, чтобъ не заводитъ новаго знакомства, особливо неизвѣстнаго, а мнѣ сказалъ: «Ты, мой другъ, столько благоразумна, что, не спросясь и не посовѣтовавшись съ твоей матерью, ничего не будешь дѣлать. Она—добрая, умная и тебя любитъ»; выслалъ всѣхъ вонъ, оставилъ меня одну: «Я съ горестью расстаюсь, дочь моя, съ тобой; успокойся и послушай меня. Ты теперь только начинаешь жить съ мужемъ, и я вижу, что неизвѣстенъ тебѣ его и здравъ и склонности,—то я тебѣ скажу. Онъ любитъ большія и шумныя общества; карты—его страсть и другой порокъ—не дучше картъ,—то безъ насъ его некому

¹⁾ А. М. Карамышевъ, по приказанію Бергъ-Коллегіи, съ января по октябрь 1776 года находился въ командировкѣ въ Москву (Архивъ Горнаго Департамента).

²⁾ Еще 10-го іюля 1775 г. Херасковъ былъ уволенъ отъ должности вице-президента Бергъ-Коллегіи, но въ Москву переѣхалъ нѣсколько позже.

удерживать: онъ тотчасъ найдетъ компанію, которая по его склонностямъ, и ты его отвести отъ сего не можешь, но, какъ невозможно, удаляйся отъ сихъ обществъ! Часто будутъ собранія и у васъ—я это предвижу, но ты удаляйся въ свой уголокъ и занимайся работой или чтеніемъ. Говори ему дружески и съ кротостью, чтобъ онъ оставлялъ пороки. Но, ежели ты примѣтишь, что ему непріятно—оставь и проси Бога, чтобъ Онъ его спасъ. Нельзя тебѣ и этого не сказать, что еще можетъ быть, хотя я и огорчу твое кроткое и невинное сердце: онъ, можетъ быть, будетъ имѣть любовницъ и тебѣ будутъ сказывать его же сообщники нарочно, чтобъ разстроить тебя съ нимъ,—не вѣрь, а ежели и увѣришься, то имъ не показывай и мужу никакъ не говори объ этомъ порокѣ, хотя тебѣ и горько будетъ. Оставляй его въ тѣхъ мысляхъ, что будто ты и не подозрѣваешь его. Онъ самъ не будетъ смѣть обнаружить и будетъ таиться отъ тебя и почитать тебя будетъ. Это только и можетъ одно избавить васъ обоихъ отъ явныхъ ссоръ; но какъ скоро ты дашь ему чувствовать, что ты знаешь, то сама поможешь ему снять маску, и онъ будетъ развязанъ и дома имѣть не постыдится эту для тебя непріятность; но тебя прошу, моя неоцѣненная дочь, будь добродѣтельна и веди себя такъ, чтобъ онъ тебя ничѣмъ укорить не могъ и чтобъ ты могла составить его славу и честь. Онъ тебѣ не сдѣлаетъ своимъ поведеніемъ стыдъ и не отниметъ твоей чести, а возвыситъ твою добродѣтель и сдѣлаетъ тебя у всѣхъ почтенной и любезной. Но ежели ты споткнешься и войдешь въ порокъ, то обезчестишь его и себя и у всѣхъ будешь въ презрѣніи. Не жалуйся на него никому: помочь тебѣ никто не можетъ. Защищай его всегда, ежели при тебѣ кто объ немъ будетъ дурно говорить; послѣ сего никто не будетъ смѣть ничего тебѣ говорить. Скуку твою провождай не разсѣяніемъ, но трудами и чтеніемъ полезныхъ книгъ. Опасайся читать романы: они тебѣ не принесутъ пользы, а вредъ сдѣлать могутъ. Книги ты можешь получать у моего брата ¹⁾, который знаетъ, какія тебѣ давать. Свекровь почитай и люби и совѣтуйся съ ней, а чего нельзя съ ней говорить и захочешь ее пощадить въ разсужденіи сына ея, то молчи, ежели можно. Да хотя ты и не будешь ей сказывать, она сама будетъ видѣть. Родныхъ моихъ не оставляй, ѣзди къ нимъ,—они всѣ тебя очень любятъ; у брата моего бывай чаще, который тебя не меньше меня любитъ и который не отречется и совѣтъ тебѣ подать. [На] деньги, которыя за тобой есть, старайся кунить домъ; по крайней мѣрѣ, будетъ

¹⁾ У Хераскова было два брата: Александръ Матвѣевичъ, умершій въ чинѣ генераль-поручика и бывший президентомъ Ревизіонъ-Коллегіи (въ Москвѣ), и Петръ Матвѣевичъ, служившій въ Банковой С.-Петербургской Конторѣ для дворянства.

свой уголокъ. Я боюсь, чтобъ не поставлены были деньги на карту. Теперь же онъ любимъ Потемкинымъ²⁾ и будетъ часто съ нимъ и у него, и я увѣренъ, что и тебя будетъ возить, особливо въ Царское Село, въ Петергофъ и въ увеселительные Потемкина загородные дома; самъ заниматься будетъ, что ему пріятно, а тебя будетъ оставлять самой себѣ, и ты будешь безпрестанно съ мужчинами молодыми придворными, которые тебѣ будутъ льстить и услуживать. Самъ Потемкинъ не оставитъ, чтобъ тебя ласкать, то смотри, мой другъ, ты будешь на самомъ величайшемъ опытѣ, какой можетъ въ жизни твоей случиться. Скользокъ путь очень для твоей добродѣтели, а въ путеводители тутъ я никого тебѣ не могу представить, кромѣ Бога и твоего благоразумія; не теряй, мой милый другъ, данныхъ тебѣ правилъ: отъ твоего поведенія зависитъ вся твоя будущая жизнь; старайся заслужить себѣ уваженіе и отъ высокыхъ особъ. Не будь горда, но и не унижай себя; не слушай отъ мужчинъ того, что благопристойность запрещаетъ, и не давай ни малѣйшаго повода, чтобъ они смѣли безъ почтенія и уваженія съ тобой обходиться. Не прельщайся ни величествомъ, ни богатствомъ, ни подарками, а будь довольна тѣмъ, что тебѣ Господь далъ и впредь дастъ. Ежели бы у тебя и отнялось бы временное твое богатство, то останется у тебя самое драгоценное—твоя добродѣтель, и не будешь ты оставлена Спасителемъ нашимъ безъ награжденія. Онъ тебѣ дастъ силу и крѣпость, только ты Его не оставляй и всегда проси Его помощи. Вотъ тебѣ даетъ послѣднее наставленіе твой другъ и отецъ, и ты, конечно, его исполнишь! Мнѣ будутъ о тебѣ писать мои родные, и я знаю, что кромѣ радости сердечной я ничего не буду чувствовать, слыша о тебѣ и о твоёмъ поведеніи». Я обливала руки его слезами. «Буду все исполнять и помнить ваши наставленія. Молитесь за меня, отецъ мой, чтобъ Богъ меня спасъ!» Онъ самъ обнималъ меня и плакалъ...

Итакъ, настала для меня самая горестная минута. Они поѣхали, и я упросила, чтобъ мнѣ ѣхать за городъ проводить; и мужъ мой поѣхалъ. Проводивши до назначеннаго мѣста, разсталась я, не помню какъ; привезли меня домой, и я думала, что я теперь-то осталась одна во всемъ мірѣ сиротой безъ путеводителя. Свекровь меня утѣшала и плакала со мной. «Будемъ вмѣстѣ жить, мой милый другъ, и молиться за твоего благодѣтеля, и будемъ все то исполнять, что онъ предписалъ, и такъ будемъ думать, какъ будто онъ съ нами. Богъ намъ поможетъ!»

Очень долго я была неутѣшна о потерѣ моихъ милыхъ благодѣтелей, и я занемогла. Родные ихъ меня навѣщали, и это меня очень утѣшало. Наконецъ, я стала выѣзжать и болѣе всѣхъ бывала у брата моего благодѣтеля; мы же близко его жили. И я находила въ немъ большую

¹⁾ Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій.

отраду. Мужъ мой началъ заводить свои знакомства. Съ первымъ познакомился съ Нар[товымъ] ¹⁾, который началъ вводить его во всѣ пороки, и, не въ долгомъ времени, сдѣлалось у нихъ общество довольно велико. Пошли карточныя игры, пьянство; распутныя дѣвки были ихъ собесѣдницы... Я съ горестью увидѣла предсказаніе моего благодѣтеля совершившимся, и, кромѣ слезъ, никакой отрады не было. Мать моя видѣла все, но нечего было дѣлать. Она всѣ свои ласки употребляла для услажденія моей горести и дѣлила все со мной; старалась меня занять книгами, работой; упросила одного знакомаго учителя, чтобъ ходилъ ко мнѣ и училъ меня рисовать, я же имѣла склонность; въ хорошее время ходила со мной прогуливаться, и я, видя ея любовь къ себѣ, старалась скрывать отъ нея горестъ мою, зная, что и такъ довольно велико было ея страданіе. Брата отдали въ корпусъ. Наконецъ, и у насъ въ домѣ началась карточная игра, и цѣлые дни и ночи просиживали. И можно себѣ представить, чтѣ я слышала: шумъ, крикъ, брань, питье, сквернословіе; даже драки бывали!.. Ворота и двери запирали, и, кто бы ни пришелъ, особливо отъ начальника, — велѣно сказывать, что боленъ и никого не принимаетъ. Я въ это время сиживала въ самой отдаленной комнатѣ съ матушкой и только плакала и вспоминала мою счастливую и спокойную жизнь. Когда они расходились, то на мужа моего взглянуть было ужасно: весь опухши, волосы дыбомъ, весь въ грязи отъ денегъ, манжеты отъ рукавовъ оторваны; словомъ—самый развратный видъ, какой только можно видѣть! Сердце мое кровью обливалось при взглядѣ на него. Ложился тотчасъ спать, и сія тишина давала и мнѣ въкоторое успокоеніе. Когда онъ просыпался отъ этого чаду, тогда входила матушка и говорила ему все то, что могла и чѣмъ думала сколько-нибудь его остановить. И онъ всегда общалъ ей исправиться... Но что она могла сдѣлать? Онъ сталъ передъ ней скрытенъ и лгалъ ей безпрестанно и сказывалъ, что у него частыя пробы, которыя присылаемы были отъ Потемкина, для которыхъ и ночи должно быть въ корпусѣ. Только та была выгода, что къ намъ не такъ часто стали ходить.

¹⁾ Андрей Андреевъ Нартовъ (род. въ 1737, ум. въ 1813 г.), писатель-стихотворецъ, драматургъ и переводчикъ, воспитанникъ Академической гимназій и Шляхетнаго корпуса, съ 1755 г. служилъ въ военной, а съ 1765 г. въ статской службѣ, въ 1772—1774 г., онъ вмѣстѣ съ кн. М. М. Щербатовымъ и М. М. Харасковымъ, былъ членомъ учрежденныхъ Екатериною II комитетовъ «для составленія медалической со временъ государя императора Петра Великаго исторіи». 27-го февраля 1770 г. произведенный въ статскіе совѣтники, онъ служилъ въ Бергъ-Коллегіи, гдѣ въ 1772—1779 г. состоялъ въ «особливомъ департаментѣ по монетнымъ дѣламъ», съ 1777—1784 г. вице-президентомъ и членомъ Монетнаго Департамента, а съ 1796 г.—президентомъ Коллегіи. Нартовъ умеръ въ чинѣ дѣйствит. тайн. совѣтника и въ званіи президента Императорской Россійской Академіи и Вольно-Экономическаго Общества.

Деньги, которыя были за мной даны, въ два года были прожиты на карты и на дѣвокъ. Вещи, которыя были, — въ ту же дорогу пошли.. И такъ, мы остались безо всего и бывали въ такомъ положеніи, что за квартиру нечего было заплатить.

Къ счастью нашему, былъ у насъ человекъ, собственный мой, который смотрѣлъ за всѣмъ домою. Онъ насъ въ нуждахъ не оставлялъ и, — можно сказать, — кормилъ и пекся объ насъ и, сколько можно, старался охранять и мужа моего. Онъ узнавалъ всѣ тѣ мѣста, въ которыя ѣздилъ мой мужъ, и онъ вѣрно зналъ всякій день, гдѣ онъ. И часто случалось, пріѣзжали отъ Потемкина за моимъ мужемъ, и этотъ человекъ рѣдко сказывалъ, что нѣтъ дома, а всегда отвѣчалъ, что будетъ, — и тотчасъ бралъ верховую лошадь и сыскивалъ его и привозилъ домой. И сколько можно было рабу говорить госпсдину, — то онъ со слезами умаливалъ его не погублять себя и несчастныхъ жену и мать. «Вы можете очень скоро потерять честь, здоровье; даже и жизнь ваша подвержена опасности! Что тогда съ нами будетъ? Мнѣ стыдно вамъ говорить, но я принужденъ.. Неужто вы не знаете, что у вашей матери и жены нѣтъ ужъ имѣнія, чѣмъ бы они могли содержать домъ и себя? Я пока имѣю, то все отдаю для нихъ, но и у меня скоро ничего не будетъ, — тогда пойду работать, а ихъ не оставлю: хоть хлѣбъ одинъ, да будутъ имѣть!» И, говоривши, горько плакалъ.. Мужъ мой все слушалъ спокойно и сказалъ: «Я тебя никогда не забуду и буду тебя считать другомъ, только не оставь жену и мать. Я не обѣщаю тебѣ такъ скоро оставить это знакомство — нельзя: въ этомъ обществѣ мой начальникъ, который требуетъ этого. Онъ можетъ мнѣ всякое дурно сдѣлать!» — «Нѣтъ, батюшко, не можетъ тебя начальникъ ни къ чему дурному принудить, и вы не должны опасаться, чтобъ онъ могъ вамъ что сдѣлать, только были бъ вы исправны въ своей должности. Да у васъ есть и другой старшій начальникъ, — для чего вы къ тому рѣдко ходите? Стало, вамъ пріятнѣе быть у перваго, который васъ разоряетъ, а болѣе всего — разлучилъ васъ съ женой, которая день и ночь въ страданіи. Еще милосердъ къ ней Господь, что далъ ей добрую свекровь, которая сколько-нибудь услаждаетъ и облегчаетъ горестное ея сердце. Но иногда она и сама не лучше ея!» И бросился къ нему въ ноги.. «Ахъ, добрый мой господинъ, не сведите старости матери вашей во гробъ и не лишите бѣдную мою юную госпожу послѣдней подпоры! Не разгнѣвайтесь на вашего раба, который васъ любитъ и почитаетъ и осмѣливается вамъ давать совѣты! Отецъ мой, ты самъ себя лишаешь спокойной жизни и счастливой!..» Мужъ мой поднялъ его, самъ заплакалъ.. «Я знаю, что ты правъ, и я тебя прошу: докажи мнѣ свою любовь и не оставь мать и жену!» — «Чѣмъ, батюшко, я могу ихъ не оставить? У меня скоро не будетъ, чѣмъ имъ помогать, — я вамъ уже сказалъ. Вы сегодня вы-

потомъ къ Bongouët, потомъ опять къ Лепре, потомъ на бильярдъ.

Ни ресторана Лепре, ни Bongouët, ни любимого ресторана Фальконе, на площади Пантеона, куда Гоголь ходилъ съ Данилевскимъ объѣдать и гдѣ онъ угощался своимъ любимымъ блюдомъ sarretto, которое поспорить, безъ сомнѣнія, съ кавказскими баранами, а какая-то «crostata» съ вишнями способна произвести на три дня слюнотеченіе у самого отчаяннаго «объѣдалы»,—больше не существуетъ, но кафе Греко, въ улицѣ Condotti, продолжаетъ существовать и своимъ вишнимъ видомъ мало чѣмъ разнится отъ того, какимъ оно было въ Гоголевское время.

Для насъ, русскихъ, кафе Греко дорого своими воспоминаніями о Н. В. Гоголѣ. Чтобы попасть изъ его дома въ кафе Греко, нужно пройти по улицѣ Sistina на Monte Pincio и затѣмъ спуститься по лѣстницѣ Trinità dei Monti на веселую площадь piazza di Spagna. Когда вы спускаетесь по этой великолѣпной лѣстницѣ, залитой ослѣпительнымъ солнцемъ, гдѣ даже зимой бываетъ жарко,—предъ вами прямою линіей вплоть до Корсо протягивается узкая улица Condotti съ нарядными магазинами. Лѣстница Trinità dei Monti съ ея картинными группами разныхъ «моделей» въ пестрыхъ живописныхъ костюмахъ, тоже рассчитанныхъ для прижанки форестьеровъ, любителей итальянскаго жарра, хотя бы и поддѣльнаго,—была описана и срисована множествомъ художниковъ пера и кисти. Съ нею тоже связано воспоминаніе о Николаѣ Васильевичѣ, такъ какъ здѣсь именно произошла та оригинальная встрѣча съ итальянскимъ патеромъ, которую онъ съ такимъ юморомъ описываетъ въ письмѣ къ М. П. Балабиной.

Въ самомъ началѣ улицы Condotti, съ правой стороны и находится историческое кафе Греко. При входѣ, еще на улицѣ, подъ регистромъ блюда и цѣнь, красуется длинный списокъ знаменитыхъ именъ, какъ Байронъ, Гёте, Мицкевичъ, Теккерей, Каюва, Торвальдсенъ, Гуно, Мендельсонъ, Бизе и много другихъ, увѣковѣчившихъ своимъ посѣщеніемъ это, болѣе чѣмъ скромное, кафе.

На стѣнѣ, въ одномъ изъ медальоновъ, предназначенныхъ для изображеній знаменитыхъ посѣтителей, красуется портретъ Гоголя, недавно сдѣланный русскимъ художникомъ Свѣдомскимъ ¹⁾.

Кафе Греко было основано въ 1760 году вѣнскимъ Nikolo di Maddaleno, грекомъ-левантинцемъ. Еще съ 1700 года почти всѣ кафе принадлежали грекамъ, отчего и это кафе въ улицѣ Condotti сохранило свое названіе «Antico cafe Greco». Домъ, въ которомъ оно помѣщалось, принадлежалъ знаменитой фа-

¹⁾ Портретъ этотъ, съ подписью Gogol, воспроизведенъ въ книгѣ.

милін Корсини еще до недавнихъ временъ. Въ виду того, что одинъ изъ членовъ этой тосканской фамилии былъ избранъ папою въ 1730 г., подъ именемъ Климента XII, —весьма возможно,—заключаетъ авторъ,—что домъ этотъ былъ построенъ нѣкоторое время спустя.

Кафе Греко и находившіяся тутъ же недалеко рестораны Лепре во время Гоголя были мѣстомъ собранія художниковъ, главнымъ образомъ нѣмцевъ. Наши русскіе нѣмцы тамъ свою отдѣльную комнату. Кафе было ихъ клубомъ, куда получались письма и денежные пакеты, выставившіеся обыкновенно тутъ же въ ящикахъ, откуда каждый могъ брать свою корреспонденцію. Сюда приходили покурить и вынуть кофе послѣ объѣда у Лепре, встрѣтиться со знакомыми и поболтать о городскихъ новостяхъ.

Мендельсонъ - Бартольдн, заходившій сюда изрѣдка, чрезвычайно интересо описываетъ это кафе въ 1830 г. и тотъ элементъ, который преобладалъ въ немъ въ это время. «Въ кафе Греко,—пишетъ онъ,—можно видѣть ужасныя лица. Я почти никогда не хожу туда, такъ какъ они производятъ на меня непріятное впечатлѣніе, такъ же, какъ и самое мѣсто, гдѣ они сидятъ, представляющее маленькую и темную комнату, быть можетъ не болѣе 8 шаговъ въ ширину. Курить можно только по одной сторонѣ, и тутъ сидятъ всѣ эти нѣмцы съ огромными шляпами на головахъ и жирными псами у ногъ.»

...Было бы невѣроятною вещью, если бы кто-нибудь изъ нихъ надѣлъ фракъ или галстукъ... Такъ сидятъ они за чашкой кофе, толкуя о Тицианѣ и Порденонѣ, какъ если бы послѣдніе сидѣли возлѣ нихъ и были бы такими же бородастыми и обезображенными огромными шляпками»...

Такъ какъ нѣмецкіе художники выбрали своимъ клубомъ кафе Греко и элементъ ихъ, очевидно, былъ преобладающимъ, то они и выбрали себѣ первую, самую просторную комнату, а оставшая публика помѣщалась въ заднихъ, при чемъ послѣдняя, гдѣ теперь находится портретъ Гоголя,—въ то время получила прозвище «вагона». Она тоже воспроизведена въ книгѣ.

Н. В. Гоголь, разочарованный своими литературными дрязгами при постановкѣ «Ревизора», утомленный тою спертю атмосферою, которая царяла тогда въ Петербургѣ, задыхаясь подъ вѣчно сумрачнымъ небомъ нашей столицы,—пріѣхалъ въ Римъ и сразу подпалъ подъ обаяніе невѣдомого для него міра и нашелъ здѣсь все то, къ чему рвалась его художественная, воспримчивая натура.

«Римъ, нашъ чудесный Римъ,—воскликаетъ онъ въ одномъ пѣвѣ нсоемъ къ Данилевскому,—рай, въ которомъ и ты живешь мысленно въ лучшія минуты твоихъ мыслей,—этотъ Римъ увлекъ и околдовалъ меня». Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

 Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя.—Переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

 Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

МАРТЪ.

1903 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Царство Польское послѣ вѣнскаго конгресса. Варшавскій сеймъ 1818 года. П. М. Майкова. 419—436
- II. Попытка въ борьбѣ съ Наполеономъ при помощи періодической печати. Сообщилъ Н. Д. 437—443
- III. Изъ прошлаго. Затихше. П. Д. Паренсова. 445—457
- IV. Записки Э. И. Стогова. 459—476
- V. Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова. Сообщилъ П. А. Бычковъ. 477—496
- VI. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина 499—514
- VII. Изъ біографіи Василя Львовича Пушкина 515—517
- VIII. Споръ губернатора съ городомъ. П. Л. Юдина. 519—528
- IX. Изъ писемъ Н. М. Языкова къ брату его Александру Михайловичу. Сообщ. В. П. Шенрокъ. 529—537
- X. Изъ жизни одного декабриста. С. Н. Брайловскаго. 541—565
- XI. Рѣчь В. А. Панаева на юбилейномъ обѣдѣ въ честь Д. В. Григоровича. 567—570
- XII. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. 571—591
- XIII. Россія и папскій престоль. 1580—1601 гг. Извлечение изъ сочиненія П. Парлингга. В. В. Тимощукъ. 593—614
- XIV. Записная книжка „Русской Старины“: Письмо М. М. Сперанскаго — С. С. Уварову, по поводу избранія его почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. 17-го сентября 1819 г. Сообщ. П. М. Майковъ (стр. 444). — Постановленіе для перенесенія тѣла императора Павла Петровича изъ почивальни въ тронную. 1801 г. (458). — Письмо В. А. Жуковскаго императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ. 11-го мая 1826 г. Сообщилъ Н. Д. (497—498). — О дозволеніи Н. М. Карамзину пользоваться рукописями, хранящимися въ монастырскихъ архивахъ. 18-го декабря 1803 г. (518). — Взысканія за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія. 10-го августа 1827 г. (538). — Объявленіе кн. П. Шаликова объ изданіи имъ «Московского Зрителя» (566). — Поощреніе кораблестроенія частными лицами. 21-го октября 1828 года. Сообщилъ Г. Б. Рѣпинскій (592).
- XV. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Сообщ. В. Модзалевскій.
2) Портретъ Александра Федоровича Лабзина.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“
Большая Подъячская, № 32
1903.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1903 года.

Библиографическій листокъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломина. Томъ 3-й С.-Петербургъ. 1902 г.

Третій томъ разсматриваемаго нами капитальнаго труда Н. А. Кислинскаго посвященъ обзорѣю хода нашей желѣзнодорожной политики за время царствованія императора Александра III. Политика предшествующаго царствованія не была отраженіемъ какого-либо развѣ навсегда установившагося взгляда на желѣзнодорожное дѣло и на его значеніе въ общей системѣ государственнаго управленія; въ началѣ царствованія императора Александра II, правительство, стремясь вообще къ развитію самодѣтельности въ различныхъ классахъ населенія, всѣми мѣрами поощряло частную инициативу въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Вскорѣ, однако, въ виду обнаружившихся случаевъ злоупотребленія довѣріемъ правительства со стороны частныхъ предпринимателей, государство само выступаетъ въ роли строителя рельсовыхъ сообщеній, причѣмъ, на-ряду съ этимъ, продолжаютъ, тѣмъ не менѣе, возникать и частныя желѣзнодорожныя общества. Такая смѣшанная система вскорѣ уступаетъ мѣсто другой, на этотъ разъ покоящейся на непреложномъ убѣжденіи не только въ допустимости, но и въ безспорной предпочтительности частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства. Въ исходѣ семидесятихъ годовъ, подъ влияніемъ все болѣе выяснившихся финансовыхъ тягостей, налагаемыхъ на государство его политикой полнаго невмѣшательства въ дѣла желѣзнодорожныхъ обществъ, въ правительственныхъ кругахъ постепенно стало назрѣвать убѣжденіе въ несостоятельности поощрявшейся до той поры концессионной системы.

Съ 1881 г. наступать новая эра въ исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Коренной принципъ желѣзнодорожной политики въ Бозѣ почившаго Царя-Миротворца оставался неизмѣннымъ со дня вступленія его на престолъ вплоть до самой кончины. «Верховное руководство въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ должно принадлежать исключительно правительству» — такова формула, въ которой можно суммировать воззрѣнія покойнаго Государя на сущность желѣзнодорожнаго вопроса и которая была положена въ основу всѣхъ мѣропріятій правительства по этой части за періодъ времени съ 1881 по 1894 г. включительно. Императоръ Александръ III, поставивъ себя задачей создать обширную сеть базисныхъ желѣзныхъ дорогъ — посредствомъ сооруженія новыхъ рельсовыхъ путей непосредственнымъ распоряженіемъ правительства и путемъ выкупа въ казну въ некоторыхъ

частныхъ желѣзнодорожныхъ линій, — выстѣ съ тѣмъ нисколько не измѣнилъ своему руководящему взгляду. Не отказывая въ поощреніи и частной предпримчивости, такъ какъ поддержка этой послѣдней разрѣшалась имъ лишь подъ тѣмъ непрѣннымъ условіемъ, чтобы желѣзнодорожныя компании являлись въ рукахъ правительства такими же орудіями для удовлетворенія общегосударственныхъ интересовъ, какими были правительственные органы, завѣдывавшіе казенными рельсовыми сообщеніями.

Въ первой главѣ своего труда г. Кислинскій подробно разбираетъ главнѣйшія законодательныя и административныя мѣры по желѣзнодорожной части, введенныя въ дѣйствіе за время царствованія императора Александра III. Одною изъ наиболее видныхъ реформъ была реформа тарифнаго дѣла; она была проведена въ законодательномъ порядкѣ, но подготовительныя мѣры къ ней не разъ обсуждались въ Комитетѣ Министровъ, которому и послѣ ея осуществленія перѣдко приходилось разсматривать отдѣльные случаи примѣненія на практикѣ новаго закона. Степень напряженности торговой дѣятельности каждой страны находится въ зависимости отъ того или другаго состоянія цѣны на мѣстные и привозные товары; стоимость же товаровъ складается изъ цѣны ихъ на мѣстахъ производства и стоимости ихъ перевозки къ мѣсту назначенія. Эта послѣдняя въ сухопутномъ передвиженіи грузовъ устанавливается желѣзными дорогами, регулируемыми въ тѣхъ районахъ, гдѣ вѣтъ водныхъ путей, все движеніе товаровъ между отдаленными однимъ отъ другаго пунктами. Отсюда понятно, — говоритъ авторъ, — какое влияніе на ходъ торговли, на развитіе или застой разныхъ отраслей промышленности, на процвѣтаніе или упадокъ отдѣльныхъ городовъ, портовъ, даже цѣлыхъ районовъ, должны имѣть тарифы, опредѣляющіе цѣну провоза и тѣмъ обуславливающіе самую стоимость товаровъ въ мѣстахъ сбыта. Сознавая всю важность правильной системы тарификаціи грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, русское правительство, въ періодъ усиленной постройки у насъ рельсовыхъ сообщеній распоряженіемъ частныхъ обществъ, не оставило этого вопроса безъ должнаго вниманія; при этомъ оно поставило себя главною цѣлью — ио возможности парализовать неблагоприятные результаты той естественной монополіи въ перевозкѣ грузовъ, которая по самому существу дѣла создается для каждаго рельсоваго пути со времени открытія по немъ движенія.

Высочайше утвержденнымъ 8-го марта 1889 г. временнымъ Положеніемъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ и объ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ (дѣйствующимъ до настоящаго времени), въ составѣ министерства финансовъ были образованы: 1) Совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, соотвѣтствующій Совѣту по желѣзнодорожнымъ дѣламъ при министерствѣ путей сообщенія;

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СМБ.. 24 февраля. 1903 г.

ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“, В. ПОДЪЯЧ, 39.

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ
ЛАБЗИНЪ.

Царство Польское послѣ вѣнскаго конгресса.

Сеймъ въ Варшавѣ 1818 года.

Предварительныя распоряженія императора Александра I по созванію сейма. — Великій князь Константинъ Павловичъ, какъ депутатъ отъ предѣстья Новой Праги. Порядокъ открытія сейма.—Рѣчь императора.—Отвѣтная рѣчь г. Потоцкаго и Красинскаго. — Рѣчь гр. Мостовскаго. — Закрытіе сейма.—Рѣчь Александра I.—Замѣчанія, представленныя сеймомъ.—Взгляды императора объ этихъ замѣчаніяхъ.

Съ установленной конституціею 15-го ноября 1815 г. сеймъ не могъ быть созванъ въ скоромъ времени. Для этого требовалось не мало предварительныхъ распоряженій, но императоръ Александръ, желавшій по возможности скорѣе созвать сеймъ, выразилъ свою волю, чтобы таковой былъ созванъ непременно въ Варшавѣ въ началѣ 1818 года. Пришлось дѣлать отступленія отъ установленныхъ конституціею правилъ, и намѣстникъ царства былъ уполномоченъ немедленно, по составленіи списковъ избирателей, созвать сеймики по округамъ для выборовъ нунціевъ и депутатовъ. 30-го октября 1817 г. сеймики были созваны и продолжались не болѣе 3-хъ дней, а затѣмъ права лицъ, избранныхъ къ присутствованію на сеймѣ, повѣрялись въ сенатѣ, при чемъ оказалось, что многія лица избраны были неправильно, не надлежащимъ большинствомъ голосовъ, верѣдко безъ надлежащей баллотировки и т. д. О всѣхъ этихъ отступленіяхъ отъ правилъ было доложено императору, но Александръ 16-го (28-го) декабря 1817 г., изъ Москвы, писалъ Заіончеку, что хотя онъ и не намѣренъ отступать отъ установленныхъ для выборовъ пра-

вилъ, но тѣмъ не менѣе полагаетъ возможнымъ насей разъ не обращать вниманія на допущенныя неправильности.

Необходимо замѣтить, что въ числѣ избранныхъ въ депутаты отъ предмѣстья города Варшавы «Новая Прага» былъ и вел. кн. Константинъ Павловичъ, при чемъ обыватели просили государя не отказать имъ въ утверженіи избраннаго ими депутата.

«Императоръ,—писалъ графъ Соболевскій¹⁾,—всемилоствѣйше соизволяетъ совмѣстному желанію его высочества и обывателей Новой Праги, если только этотъ выборъ не противорѣчитъ началамъ хартіи. Его величество дозволяетъ августѣйшему брату своему быть депутатомъ предмѣстья Новой Праги. Довѣріе столь трогательное, оказанное его высочеству, готовность, имъ выраженная, принять на себя такую обязанность, дружественность отношеній, устанавливаемая этимъ счастливымъ обстоятельствомъ между народомъ и ея властителями, радостныя надежды, вселяемая подобнымъ выборомъ, и печальныя воспоминанія, имъ сглаживаемыя,—все это обязываетъ поляковъ къ новому чувству признательности къ вашему высочеству, и я счастливъ, что первымъ могу выразить вамъ отъ имени отечества чувства искренняго и почтительнаго уваженія».

«Я получилъ,—отвѣчалъ великій князь Константинъ Павловичъ Соболевскому отъ 29-го декабря 1817 (10-го января 1818 г.),—съ признательностью ваше увѣдомленіе о лестномъ для меня согласіи, изъявленномъ его императорскимъ и королевскимъ величествомъ на мою готовность осуществить желаніе обывателей Новой Праги, исполненіемъ обязанностей депутата отъ ихъ предмѣстья на собраніяхъ предстоящаго сейма. Чувствительно тронуть выраженіемъ этого довѣрія, мнѣ тѣмъ болѣе драгоценнаго, что оно одобрено его величествомъ; вижу въ этомъ самую лестную для меня награду за мою преданность и искреннее рвеніе къ соблюденію интересовъ августѣйшаго повелителя. Я просилъ также намѣстника края сообщить мнѣ, по исполненіи всѣхъ установленныхъ его величествомъ обрядностей, о томъ, когда могу вступить къ исполненію новыхъ обязанностей, на меня возлагаемыхъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ возобновляю вамъ, графъ, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности».

Императоръ Александръ въ предписаніи намѣстнику отъ 25-го декабря 1817 г. (6-го января 1818 г.) поручилъ ему составить очеркъ современнаго состоянія края и изложить его такъ, чтобы онъ произвелъ наилучшее впечатлѣніе, показалъ, насколько улучшилось положеніе страны и не былъ въ противорѣчій съ тѣмъ, что предполагаетъ высказать императоръ. Поэтому очеркъ этотъ долженъ былъ быть изгото-

¹⁾ Великому князю Константину Павловичу 16-го (28-го) декабря 1817 г.

вленъ къ прїѣзду императора въ Варшаву, чтобы онъ могъ просмотрѣть и исправить его, если встрѣтится къ тому надобность. 5-го (17-го) февраля 1818 года послѣдовалъ манифестъ о созваніи сейма въ Варшавѣ на время съ 15-го (27-го) марта по 15 (27-го) апрѣля ¹⁾.

«Сенаторы, нунціи и депутаты!—писалъ Александръ.—Продолжительныя бѣдствія угнетали Польшу, большія несчастья опечалили вашу родину. Но ваше единеніе съ братскимъ народомъ,—единеніе, являющееся отнынѣ обезпеченіемъ вашего существованія,—прекратило для васъ теченіе различныхъ превратностей, и хартія вполнѣ народная, учрежденія благотворныя, свобода умѣренная изгладятъ, наконецъ, слѣды продолжительныхъ невзгодъ. Мудрости вашихъ обсужденій хартія передаетъ попечительную объ этомъ заботу и вручаетъ благотворную власть. Пусть одна только любовь общественнаго блага руководитъ вамъ при пользованіи этою властью. Пусть она одна оживляетъ ваши разсужденія; пусть она отгонитъ отъ васъ раздоры столь пагубныя народамъ и государствамъ. Эти слова заключаютъ въ себѣ желаніе вамъ счастья; ваша любовь къ отечеству внушила оное и безъ сомнѣнія осуществитъ его.

«Истолкователи законовъ, конституціонные хранители свободы вашей страны! Важность обязанностей, налагаемыхъ на васъ этимъ званіемъ, вы оправдаете вашимъ уваженіемъ къ учрежденіямъ, ввѣреннымъ вашей охранѣ, и вашимъ рвеніемъ утвердите и упрочите ихъ.

«Представители общественнаго мнѣнія, хранители довѣрія вашего народа! Вы оправдаете его ожиданія, проникнувшись его дѣйствительными нуждами, прислушиваясь исключительно только голосу его истинныхъ потребностей.

«Возобновляю увѣреніе въ нашей къ вамъ королевской благосклонности и молю Бога, да хранитъ Онъ васъ своею святою десницею».

Выѣхавъ изъ Москвы 20-го февраля съ большою свитою ²⁾, императоръ 1-го (13-го) марта прибылъ въ Варшаву и на другой же день издалъ указъ о томъ, что намѣстникъ Заіончекъ будетъ продолжать пользоваться всею предоставленною ему властію и отправлять всѣ возложенныя на него обязанности. Затѣмъ 14-го (26-го) марта утвержденъ былъ порядокъ засѣданій въ сенатѣ и палатѣ нунціевъ.

Члены сейма, которые должны были собраться въ Варшавѣ за семь дней до его открытія, занимались повѣркою правъ лицъ, назначенныхъ къ присутствованію на сеймѣ, а также установленіемъ порядка засѣда-

¹⁾ Арх. Государств. Совѣта, дѣло № 254 отъ 1818 года.

²⁾ Императора сопровождали: князь П. М. Волконскій, графъ Каподистрія, князь Меншиковъ, графъ Ожаровскій, ген.-майоръ Орловъ, докторъ Вилліе, графъ Остерманъ-Толстой, князь Трубецкой, Чернышевъ, Уваровъ и г. Марченко.

ній, преній, разсмотрѣнія докладовъ, опредѣленіемъ порядка открытія и закрытія самаго сейма и проч.

15-го (27-го) марта послѣдовало открытіе сейма.

Въ этотъ день въ 8 часовъ утра сенаторы, министры, члены государственнаго совѣта, нунціи и депутаты собрались въ главномъ соборѣ. Послѣ богослуженія и соотвѣтствующей проповѣди епископъ пропѣлъ съ хоромъ гимнъ: «Veni Creator».

По окончаніи богослуженія всѣ отправились въ залу, избранное для собранія сейма, и заняли назначенныя имъ мѣста.

Когда, послѣ производства нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, было доложено императору Александру, что сеймъ собрался и ожидаетъ его прибытія, государь вошелъ въ залу, занялъ мѣсто на тронѣ и обратился къ собравшимся со слѣдующею рѣчью ¹⁾:

«Представители царства Польскаго!

«Надежды ваши и мои желанія совершаются. Народъ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконецъ, собственнымъ бытіемъ, обеспеченнымъ созрѣвшими уже и временемъ освященными установленіями.

«Одно забвеніе прошедшаго могло произвести ваше возрожденіе.— Оно непреложно постановлено было въ мысляхъ моихъ съ того времени, когда я могъ надѣяться на средства къ приведенію онаго въ исполненіе.

«Ревнуя ко славѣ моего отечества, я хотѣлъ, чтобы оно приобрѣло еще новую.

«И дѣйствительно Россія, послѣ бѣдственной войны, воздавъ по правиламъ христіанской нравственности добро за зло, простерла къ вамъ братскія объятія, и изъ всѣхъ преимуществъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно за честь возстановить храбрый и достойный народъ.

«Содѣйствуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убѣжденію, коему въ значительной степени вспомошествовали событія. Я исполнилъ долгъ, начертанный симъ однимъ вчушеніемъ—тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ моему сердцу.

«Образованіе, существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволило мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ

¹⁾ Означенная рѣчь, а также и слѣдующая при закрытіи сейма произнесены были императоромъ на французскомъ языкѣ и въ то же время переведены на русскій и польскій языки и отпечатаны. Съ этого перевода, сохранившагося въ дѣлахъ сейма 1818 года, приведены нами буквально объ рѣчи Александра I. Онѣ были также напечатаны въ «Духѣ Журналовъ» за 1818 г. ч. I, стр. 95 и 105.

помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя.

«Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему приготавливаю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнуть надлежащей зрѣлости.

«Поляки! Освободясь отъ гибельныхъ предубѣжденій, причинившихъ вамъ толикія бѣдствія,—отъ васъ нынѣ самихъ зависитъ дать прочное основаніе вашему возрожденію.

«Существованіе ваше неразрывно соединено съ жребіемъ Россіи: къ укрѣпленію сего спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною хартіею. Ненарушимость сихъ внѣшнихъ обязательствъ и сего кореннаго закона назначаютъ отнынѣ Польшѣ достойное мѣсто между народами Европы,—благо драгоцѣнное, котораго она долгое время вотще искала, среди самыхъ жестокихъ испытаній.

«Поприще для трудовъ вашихъ открывается. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложить вамъ нынѣшнее положеніе управленія царства. Вы увидите проекты законовъ, долженствующіе быть предметомъ вашихъ разсужденій. Они имѣютъ цѣлю постепенное усовершенствованіе.— Учрежденія финансовъ государства требуютъ еще свѣдѣній, которыя время и точное измѣреніе вашихъ средствъ могутъ только правительству доставить. Законоположительное управленіе постепенно примѣняется ко всѣмъ частямъ правительства. Судная часть образуется. Проекты гражданскаго и уголовнаго законодательства будутъ вамъ предложены. Я утѣшаюсь увѣреніемъ, что вы, разсмотрѣвъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, предупѣете постановить законы, которые будутъ служить къ огражденію драгоцѣннѣйшихъ благъ: безопасности лицъ вашихъ, собственности и свободы вашихъ мнѣній.

«Не имѣя возможности посреди васъ всегда находиться, я оставилъ вамъ брата—искренняго моего друга—неразлучнаго сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Зная мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ предводительствуетъ, тѣмъ навыкомъ къ порядку и устройству, который только въ мирное время пріобрѣтается и приготавливаетъ война къ истинному его предназначенію.

«Одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ вашихъ представляетъ лицо мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя

постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ не преставаеь доказывать преданность свою къ отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ выборъ мой.

«Не взирая на усилія моя, быть можетъ, что слѣды бѣдствій, угнетавшихъ васъ, не все еще заглажены. Таковъ законъ природы. Благотворится медленно; совершенство же недоступно слабости человѣческой.

«Представители царства Польскаго! потщитесь достигнуть высоты вашего предназначенія. Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры.

«Докажите своимъ современникамъ, что законно-свободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся во исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли; то совершенно согласуются съ порядкомъ и общимъ содѣйствіемъ, утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ.

«Вамъ предлежитъ нынѣ явить на опытѣ сію великую и спасительную истину. Да будетъ взаимное согласіе душою вашего собранія; а достоинство, хладнокровіе и умѣренность да ознаменуютъ ваши пренія.

«Руководствуясь единственно любовію къ отечеству, очищайте мнѣнія ваши отъ всехъ предубѣжденій; освобождайте ихъ отъ зависимости частныхъ или исключительныхъ выгодъ и, выражая ихъ съ простотою и прямотою, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую даръ слова.

«Наконецъ, да не покинетъ васъ никогда чувство братской любви, намъ всеѣмъ предписанной Божественнымъ Законодателемъ.

«Такимъ образомъ ваше собраніе пріобрѣтетъ одобреніе и признательность отечества, и то общее уваженіе, которое подобное сословіе заставляеь къ себѣ ощущать, когда представители народа свободнаго не обезображиваютъ священнаго званія, на нихъ возложеннаго.

«Первѣйшіе чиновники государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснилъ вамъ свою мысль,—я показалъ вамъ ваши обязанности.

«Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ; покажутъ мнѣ, могу ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено.

«Вознесемъ благодареніе къ Тому, Который единый просвѣщаетъ

царей, связуеть народы братскими узами и ниспосылаетъ на нихъ дары любви и мира.

«Призовемъ Его: да благословитъ Онъ и да усовершенствуетъ начинаніе наше».

Послѣ этой рѣчи Станиславъ Потоцкій, исполнявшій обязанности президента сената, произнесъ отъ имени обѣихъ палатъ сейма отвѣтную рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой главнѣйшимъ образомъ высказалъ слѣдующее:

«Для Польши дни траура обратились въ дни веселья и радости. Ваше величество соединили королевство Польское съ обширными вашими владѣніями, собрали подъ одинъ скипетръ два братскіе народа и, тѣмъ укрѣпивъ наше народное существованіе на незыблемомъ основаніи, даровали намъ конституціонную хартію и явили удивленному свѣту небывалое зрѣлище. Ваше величество, обезпечивъ навсегда счастье Польши, желаете, чтобъ поляки и представители Польскаго королевства оказались достойными всего, для нихъ сдѣланнаго, чтобъ они показали картину удачнаго примѣненія началъ либеральныхъ, освященныхъ хартією, данною намъ величіемъ души вашей; вы желаете въ глазахъ Европы оправдать этимъ вашу великодушную къ намъ благосклонность. Кто изъ поляковъ не оцѣнитъ и не почувствуетъ всего вами сдѣланнаго? Ваше величество осуществили для королевства все, что подсказывала великая ваша мудрость. Можемъ ли мы не оправдать такое къ намъ довѣріе? Будьте увѣрены, что поляки докажутъ всему свѣту, что великодушіе и нравственность (*la générosité et la morale*) являются истиннымъ основаніемъ поступковъ государей. Пусть міръ убѣдится въ томъ, что это счастливое сочетаніе началъ, осуществленное по желанію вашему, которому мы являемъ собою примѣръ, будетъ величайшимъ урокомъ, когда-либо даннымъ міру монархомъ, высочайшая власть котораго не вѣдаетъ другихъ границъ, какъ внушаемыхъ ему его гениемъ возстановителемъ (*genie réparateur*), столь же обширнымъ и могущественнымъ, какъ и его необъятная Имперія».

Послѣ этого графъ Викентій Красинскій, въ качествѣ маршала палаты депутатовъ, въ немногихъ словахъ выразилъ преданность и признательность его величеству какъ отъ себя, такъ и отъ лица палаты.

Болѣе пространную рѣчь произнесъ графъ Мостовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи.

Упомянувъ, что миръ смѣнилъ бѣдствія продолжительныхъ волненій, что государь старается улучшить положеніе обывателей, Мостовскій приходилъ необходимымъ благодарить Провидѣніе за то, что оно даровало Польшѣ покровительство и поддержку въ лицѣ монарха, благодаря милости котораго поляки снова снискали себѣ родину, законы и независимость.

По словамъ графа Мостовскаго, герцогство Варшавское, по удаленіи центральнаго его правленія, находилось вполне въ бѣдственномъ положеніи, которое увеличивалось страхомъ отъ приближающихся русскихъ войскъ, страхомъ, внушаемымъ характеромъ войны. Его величество, желая успокоить умы и увѣрить ихъ въ безопасности личной и имущественной, приказалъ князю Кутузову издать 8-го января 1813 г. воззваніе къ народу, которое обезпечивало имущество и личность всѣмъ жителямъ герцогства Варшавскаго, а также служившимъ при прежнемъ правительствѣ. Сими послѣднимъ предлагалось продолжать отправленіе служебныхъ обязанностей, а военно-начальникамъ различныхъ русскихъ отрядовъ предписано было уважать мѣстныя власти и оказывать имъ должное содѣйствіе при надобности.

Порядокъ былъ возстановленъ по областямъ, и жители могли замѣтить, какъ осторожно съ ними обходились; какія принимались мѣры, чтобы русскія войска долго не пребывали въ герцогствѣ вообще и возможно менѣе проходили черезъ Варшаву, потому что она потерѣла болѣе всѣхъ. Образцовое поведеніе этихъ войскъ и строгая дисциплина всѣмъ извѣстна. Но мѣстныя власти не дѣйствовали съ должнымъ единствомъ и единообразіемъ, потому что отсутствовала власть центральная. Это побудило устроить временное правительство, т. е. верховный Совѣтъ. Поляки, извѣстные патріотическими взглядами и привязанностію къ родинѣ, были призваны къ этому правленію и получили особыя инструкціи. При этомъ сохранили всѣхъ должностныхъ лицъ, и никого не преслѣдовали. Положеніе страны было отчаянное; бесполезно говорить о разореніи, истощеніи и бѣдности страны, вызванныхъ усиліями, понесенными въ войнахъ Наполеона. Отъ Польши чрезмѣрно много требовалось для потребностей французской арміи, размѣры которыхъ не соответствовали средствамъ страны. Затѣмъ большая смертность развилась въ городахъ и селеніяхъ вслѣдствіе болѣзней въ войскахъ и неосторожнаго перемѣщенія госпиталей. Для облегченія всего этого была учреждена особая центральная коммиссія. Она снабдила страну солью, дозволила ввозъ товаровъ, оживила торговлю, отменила выдачу войскамъ говядины и водки отъ обывателей; строго было запрещено прибѣгать къ реквизиціямъ; взысканіе недоимокъ, состоявшихъ по 1-е іюня 1813 г., было отменено, и, наконецъ, Александръ I въ Труа издалъ 1-го февраля 1814 г. указъ объ отменѣ налога на напитки по деревнямъ, сбора съ патентовъ, а также личныхъ податей, дававшіе около 6-ти милліоновъ флор. въ годъ. Проѣздомъ чрезъ Пулавы императоръ приказалъ возвратитъ обывателямъ подымную подать въ двойномъ размѣрѣ. Желая поднять сельское хозяйство, разоренное поставками выюковъ для транспортовъ, онъ приказалъ раздать земледѣльцамъ до 5.000 лошадей, оставшихся излишними для военнаго вѣдом-

ства за расформированіемъ арміи. Польская армія была въ жалкомъ положеніи; большая часть ея находилась въ плѣну. По распоряженію императора, плѣнные были освобождены и получили позволеніе возвратиться на родину. Видимо оказывалось уваженіе этимъ храбымъ воинамъ. Прежде нежели рѣшена была участь герцогства Варшавскаго, этой арміи сохранили все ея содержаніе, чины, знаки отличія. Она скоро явилась предметомъ особой заботливости августѣйшаго брата императора; онъ сдѣлался главнымъ ея начальникомъ. Благодаря настойчивости Александра I въ продолженіе длинныхъ и сложныхъ переговоровъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ, интересы Польши не были упущены, и его благосклонныя намѣренія получили осуществленіе.

Когда судьба вновь принудила взяться за оружіе, императоръ Александръ I былъ дотого благосклоненъ къ Польшѣ, что освободилъ ее отъ участія во вновь возникшей войнѣ. Онъ учредилъ временное правительство, начерталъ основныя начала конституціи, а затѣмъ даровалъ странѣ 15-го ноября 1815 года конституціонную хартію.

Сообщивъ содержаніе этой хартіи, важность значенія ея для Польши, а также коснувшись различныхъ другихъ государственныхъ учрежденій, графъ Мостовскій окончилъ этотъ очеркъ словами: «Мы съумѣемъ оцѣнить всѣ эти благодѣянія, и первыя обсужденія нашего сейма докажутъ правителямъ государствъ, что предоставленная намъ форма правленія является самою прочною гарантіею ихъ могущества, а народу,— что порядки, установленныя хартіею, послужатъ къ его развитію, будутъ имѣть послѣдствіемъ общественный миръ безъ томленія, послушаніе—безъ униженія и свободу—безъ крайностей. Мы оцѣнимъ, что просвѣщенная власть сама основала или возстановила царство разума, законовъ и свободы».

Переходя затѣмъ къ подробному обозрѣнію правительственной и законодательной дѣятельности по различнымъ отраслямъ управленія за послѣдніе два съ половиною года, графъ Мостовскій указалъ, что населеніе царства, уменьшенное ¹⁾ войнами, стало увеличиваться, благодаря новымъ правиламъ о наборѣ войскъ и вызову различныхъ колонистовъ изъ другихъ странъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано многое для образованія народа, какъ-то: увеличено значительно число сельскихъ первоначальныхъ школъ; устроено очень много народныхъ библиотекъ, введенъ ланкастерскій методъ обученія, и для ближайшаго ознакомленія съ нимъ посланы даровитые преподаватели въ Англію. Помимо этого учрежденъ въ Варшавѣ университетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано не мало

¹⁾ Населеніе земель, вошедшихъ въ составъ Польскаго королевства, доходившее въ 1811 году до 3.300.000 жителей, въ 1815 году составляло только 2.600.000 жит.

по обезпеченію католическаго духовенства, отмѣнены десятины въ пользу церквей, и начаты переговоры съ римскимъ дворомъ объ организаціи духовенства, согласно мѣстнымъ потребностямъ, объ учрежденіи архіепископства въ Варшавѣ, объ уменьшеніи числа монастырей и т. д.

Для подъема сельскаго хозяйства, этого главнаго источника богатства края, учреждены различныя сельскохозяйственныя училища, установлены преміи и награды за введеніе улучшенныхъ системъ хозяйства, выписаны породистыя лошади и племянной скотъ. При этомъ обращено вниманіе на улучшеніе дорогъ, на обращеніе многихъ рѣкъ въ судоходныя; возстановлены каналы, соединяющіе нѣкоторыя рѣки и проч. Для развитія торговли учреждены новыя ярмарки; для возстановленія и исправленія различныхъ построекъ въ селеніяхъ и городахъ, пострадавшихъ отъ военныхъ дѣйствій, отпущено не мало денегъ; мѣстами упразднены бывшія укрѣпленія, и раздаются земли на постройку общепользныхъ зданій.

Доходы по городамъ особенно въ Варшавѣ увеличились и даютъ средства къ улучшенію городовъ, при чемъ во многихъ изъ нихъ введено освѣщеніе улицъ, различныя санитарныя правила и страховыя отъ пожаровъ общества. Улучшена значительно почтовая часть, которая, не будучи ранѣе въ состояніи сама покрывать свои расходы, въ настоящее время приноситъ ежегодно не мало чистаго дохода (до 150.000 флор. въ годъ). Разработка горныхъ промысловъ и ископаемыхъ богатствъ края усилилась. Точно также замѣтно увеличилась мануфактурная промышленность. Въ высшей степени полезныя преобразованія совершены по военной части: упразднена національная гвардія и замѣнена линейными войсками; квартирная повинность, столь тягостная обывателямъ, значительно облегчена помѣщеніемъ многихъ частей войскъ въ разныхъ зданіяхъ, стоявшихъ пустыми и купленными—казною, а также тѣмъ, что нестроевымъ офицерамъ вмѣсто квартиръ въ натурѣ производятся квартирныя деньги. Многія старыя казармы замѣнены новыми, болѣе обширными, въ которыхъ помѣщается большее число солдатъ; построено не мало конюшенъ для кавалеріи и артиллеріи. Всякаго рода реквизиціи отмѣнены, а также военно-подводная повинность; во многихъ воинскихъ частяхъ заведены подъемныя лошади. Введенъ лучшій порядокъ продовольствія арміи; натуральныя поставки припасовъ замѣнены денежнымъ сборомъ; сдѣлано большее сбереженіе въ расходѣ по обмундированію войскъ. Жители охранены отъ всякихъ насилій и безчинствъ со стороны военныхъ командъ. Сбереженіе по различнымъ частямъ военнаго управленія дало возможность производить не малое число пенсій ветеранамъ. По финансовому вѣдомству было уплачено много долговъ, перешедшихъ по трактатамъ на царство Польское; приняты мѣры къ облегченію плательщиковъ раз-

ныхъ сборовъ, къ болѣе равномерному распредѣленію податей и сборовъ. Новый финансовый планъ не могъ быть еще установленъ, за неимѣніемъ всѣхъ необходимыхъ къ тому свѣдѣній, но будетъ введенъ съ будущаго сейма. При этомъ графъ Мостовскій обратилъ вниманіе сейма на то, что государь вовсе не пользовался для себя суммами, ассигнуемыми на его содержаніе, и, не отдѣляя доходовъ, обращалъ ассигнуемыя ему суммы на общепользные расходы по королевству, на благотворенія, постройки и украшеніе городовъ.

«Все это, вмѣстѣ взятое,—говорилъ Мостовскій,—даетъ основаніе къ блестящимъ надеждамъ въ будущемъ. Надо соблюдать спокойствіе, сохранять союзъ и согласіе, отстранивъ всѣ личныя выгоды; имѣть въ виду только одно общее благо и любовь къ отечеству; не слушать наветовъ, клеветъ и злобы, направленныхъ на великихъ людей, усилить свое рвеніе въ совѣщаніяхъ, помня, что время не ждетъ, что оно постоянно разрушаетъ, коль скоро не созидаетъ, а, къ несчастью міра, дни добрыхъ монарховъ также сочтены. Личныя качества императора являются залогомъ блестящей будущности Польши. Онъ привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца. Онъ желаетъ, чтобъ либеральныя учрежденія нашей страны укрѣпились и расцвѣли настолько, чтобы могли служить образцомъ для прочихъ его областей, дать ему поводъ, подкрѣпленный опытомъ, къ тому, чтобы расширить столь благотворныя учрежденія.

«Братъ монарха имѣетъ постоянное пребываніе въ нашей столицѣ, чтобы болѣе скрѣпить взаимныя узы двухъ народовъ; онъ отказался на время отъ своего мѣста въ сенатѣ и засѣдаетъ по желанію народа въ палатѣ, какъ представитель части города, всего болѣе пострадавшей во время войны. Онъ хочетъ на опытѣ проникнуться духомъ нашихъ учрежденій, изучить ихъ вліяніе на ходъ управленія. Заботы правительства распространяются не только на настоящее, но и на будущее, которое, конечно, явится блестящимъ.

«Ваше величество!—сказалъ Мостовскій, заканчивая свою рѣчь,—народъ нашъ умѣетъ цѣнить подобныя благодѣянія. Лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что если и бывали шумныя и дурныя движенія нашего народа, то онъ самъ оставался безупреченъ и отличался кроткимъ нравомъ. Общій энтузіазмъ являлся всегда его руководителемъ и двигателемъ, при чемъ онъ не зналъ узкихъ расчетовъ благоразумія.

«Народъ нашъ никогда не задумывался жертвовать настоящимъ будущему въ несчастіяхъ. Неосмотрительность привела его къ гибели. Но, среди всѣхъ невгодъ, никогда онъ не покидалъ уваженія и преданности къ своимъ королямъ. Въ этомъ ваше величество, конечно, не сомнѣваетесь. Подъ сѣнью вашего покровительства, мы можемъ надѣяться, что будемъ подвигаться вѣрнымъ и спокойнымъ шагомъ среди

темныхъ путей неизвѣстнаго будущаго. Ваша возвышенная душа возвращаетъ намъ свободныя учрежденія, возстановляетъ обломки нашей арміи, устроняетъ прочную связь между двумя народами, укрѣпляетъ братство и единеніе двухъ народовъ, издавна разлученныхъ. Все это вселяетъ намъ основаніе надѣяться еще лучшаго въ будущемъ. Любовь, внушаемая такимъ монархомъ, является потребностью, наградою всего его народа. Пусть грядущее потомство исполнитъ желаніе нашихъ сердець, и, причисливъ васъ къ числу царей благодѣтелей челоувѣчества, скажетъ, что Небо дозволило намъ подъ вашимъ отеческимъ управленіемъ наслаждаться милосердіемъ Траяна, и вмѣстѣ благополучіемъ Августа. Но ваше величество лучше Траяна и счастливѣе Августа.

Этими словами закончили графъ Мостовокій свою блистательную рѣчь.

По окончаніи ея палаты разошлись по своимъ заламъ и приступили къ разсмотрѣнію различныхъ законо-проектовъ, внесенныхъ въ сеймъ. По принятіи проекта одной изъ палатъ онъ поступалъ на разсмотрѣніе другой и, получивъ одобреніе обѣихъ, подносился на утвержденіе государя и затѣмъ публиковался по установленной формѣ.

Случалось, что при обсужденіи подобныхъ проектовъ, одна изъ палатъ дѣлала свои замѣчанія и предлагала какія-либо измѣненія. Въ такомъ случаѣ намѣстникъ сообщалъ эти замѣчанія и предположенія палатъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который нерѣдко соглашался принять оныя, и за тѣмъ, по сообщеніи этого опять палатамъ, проектъ подносился на утвержденіе императора.

15-го (27-го) апрѣля сеймъ былъ закрытъ; при чемъ императоръ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Представители царства Польскаго! Вы удовлетворили моему ожиданію. Пренія сего перваго собранія, духъ, имъ управляемый, и самыя послѣдствія свидѣтельствуютъ о единодушной правотѣ вашихъ намѣреній и склоняютъ меня къ изъявленію моего одобренія.

«Плодами трудовъ вашихъ царство Польское пріобрѣтаетъ, наконецъ, единообразное и истинно польское уголовное уложеніе. Постановивъ, чтобы уложеніе объ уголовномъ судопроизводствѣ было вамъ предложено въ слѣдующемъ собраніи вашемъ, я предупредилъ желаніе, внушаемое вамъ прямою любовью къ общему благу и порядку.

«Но необходимо было опредѣлить законы, составляющіе умозрѣніе уголовного законодательства, прежде нежели приступить къ постановленію тѣхъ, которыми руководствоваться должно при примѣненіи оныхъ. Дабы показать путь къ развитію сихъ послѣднихъ, нужно было ваше согласіе на первые.

«Новыя постановленія дополняли часть вашего гражданскаго уложенія, коего несовершенство было всѣми признано.

«Нѣкоторыя изъ постановленій сего уложенія не достаточны были къ обезпеченію въ полной мѣрѣ довѣрія владѣтелей недвижимыхъ имуществъ; вы ихъ замѣнили законами, опытностью и полезными измѣненіями, сугубо усовершенствованными.

«Оставалось вамъ еще устроить дѣло, нетерпящее отлагательства. Вы должны были изъявить мнѣніе свое о мѣрѣ, вынужденной обстоятельствами и неизбѣжными послѣдствіями бѣдственныхъ временъ, о мѣрѣ, отсрочивавшей должникамъ удовлетвореніе ихъ заимодавцевъ. Положивъ на вѣсы справедливости уваженіе къ продолжительнымъ бѣдствіямъ однихъ и вознагражденіе, слѣдующее по справедливости другимъ, вы сами поставили послѣдній предѣлъ вашимъ давнимъ бѣдствіямъ и означили начало и степени успѣховъ будущаго счастливѣйшаго времени.

«Изъ проектовъ законовъ, предложенныхъ вамъ, одинъ только не получилъ одобренія большинства голосовъ обѣихъ палатъ. Внутреннее убѣжденіе и праводушіе руководствовали симъ рѣшеніемъ. Мнѣ оно пріятно было, ибо знаменовало независимость вашихъ мнѣній. Свободно избранные, должны были и разсуждать свободно. На сей сугубой неприкосновенности всегда будетъ основано истинное свойство народного представительства здѣсь созданнаго мною, чтобы чрезъ его посредство услышать искреннее и полное выраженіе общественнаго мнѣнія. Только собраніе, такимъ образомъ составленное, можетъ служить правительству залогомъ, что издаваемые законы основаны на существенныхъ потребностяхъ народа. Впрочемъ, сей трудъ не мало важенъ. Время одно можетъ его увѣнчать совершеннымъ успѣхомъ: ибо время очищаетъ мнѣнія и образуетъ совѣщателей въ училищѣ опытности.

«Я тронутъ изъявленными вами ко мнѣ чувствованіями. Въ довѣренности вашей—все мое желаніе, въ привязанности—вся моя награда. Я взвѣшу со вниманіемъ ваши прошенія и надѣюсь, что на будущемъ вашемъ засѣданіи вы узнаете объ удовлетвореніи оныхъ, сообразно возможности и обстоятельствамъ.

«Попеченіе, коимъ я обязанъ отечеству моему, отзываетъ меня отъ васъ. Но жребій вашъ пребудетъ всегда въ моихъ помышленіяхъ. Я возвращусь къ вамъ, чтобы насладиться успѣхами вашими на благородномъ поприщѣ, вамъ отверзтомъ, и чтобы дать вамъ собрать новые плоды моего попеченія.

«Поляки! я дорожу исполненіемъ моихъ намѣреній. Они вамъ извѣстны.

«Возвращаясь въ свои дома, наслаждайтесь увѣреніемъ, что вы содѣйствовали счастью вашихъ согражданъ и благоденствію отечества вашего.

«Помните, что сіе самое отечество, возведенное на степень госу-

дарства свободнаго и независимаго, надзираетъ за вами прилежнымъ окомъ въ кругѣ отношеній вашихъ частныхъ и домашнихъ.

«Тутъ болѣе, чѣмъ въ сіяніи народныхъ собраний, заповѣдуетъ оно вамъ быть гражданами просвѣщенными, любить братьевъ своихъ, какъ самихъ себя, и неизмѣнно распространять на всѣ званія и наипаче на то, которое поддерживаетъ зданіе государства, выгоды нераздѣльныя съ законоположительнымъ образованіемъ, коимъ пользуется Польша.

«Но сіе образованіе будетъ для васъ прочнымъ благодѣніемъ только тогда, когда власть законовъ, прежде нежели руководствовать будетъ вашими поступками, уже въ сердцахъ вашихъ утвердитъ свое владычество. Такова высота, къ которой должно стремиться просвѣщеніе и до которой оно достигаетъ, когда оно истинно, то есть основано на непорочности нравовъ.

«Тогда частное благосостояніе, счастливою взаимностью, сливается съ благосостояніемъ общественнымъ, а законы тверды общею волею, ибо основаны на необходимомъ внутреннемъ всѣхъ убѣжденіи.

«Увѣрьтесь въ истинѣ, что ваши постановленія токмо тогда процвѣтатъ могутъ, когда вы ихъ охраните сими правилами, почерпнутыми въ источникахъ христіанской нравственности, и когда вы въ жизни вашей, общественной и частной, послѣдуете ея Божественнымъ поученіямъ.

«Вамъ, служители алтарей, вамъ предоставлено наставленіями вашими, но болѣе еще вашимъ примѣромъ явить торжество спасительнаго ученія.

«Представители царства Польскаго! Мѣры усердія, съ коимъ приведете вы въ исполненіе мои желанія и надежды, будутъ для меня залогомъ успѣховъ отечественнаго управленія до созванія будущаго сейма.

«Обогащенное плодами вашихъ трудовъ, да приблизится сіе собраніе скорыми шагами до благородной цѣли, привлекающей столько взоровъ и да приготовить оно грядущимъ поколѣніямъ обильную жатву спокойствія, счастья и славы».

Послѣ рѣчи императора говорилъ отъ имени сената графъ Потоцкій. Выразивъ глубокую признательность его величеству за все сдѣланное имъ для Польши, за постоянное стремленіе сдѣлать поляковъ счастливыми, Потоцкій высказалъ, что полякамъ остается только слѣдовать родительскимъ указаніямъ и намѣреніямъ его величества, и сожалѣть, что государь можетъ лишь очень краткое время пребывать среди нихъ и не можетъ имѣть свѣдѣній о положеніи страны и ея управленіи, иначе какъ только посредствомъ органовъ польскаго правительства.

«Ваше величество, — говорилъ Потоцкій, — пожелали слышать истину изъ устъ самихъ представителей народа, облеченныхъ къ тому вашимъ довѣріемъ. Во исполненіе этого желанія повергаемъ къ стопамъ вашего

величества замѣчанія сената на представленный ему отчетъ по управленію Польши со времени введенія конституціи и пожеланія наши относительно дальнѣйшаго хода этого управления въ будущемъ ¹⁾. Высказанное нами внушено признательностью къ монарху, является мѣриломъ нашей безграничной преданности къ нему и полнымъ дока-

¹⁾ Пожеланія заключались въ слѣдующемъ. Никто не долженъ поступать вопреки конституціонной хартіи, а между тѣмъ изъ отчета видно, что издано много указовъ порядкомъ, несогласнымъ съ хартіею, и не мало отдѣльных распоряженій по различнымъ вѣдомствамъ прямо въ нарушение правилъ хартіи. Поэтому представители народа просили, чтобы столь милостиво дарованная его величествомъ хартія тщательно соблюдалась во всемъ ея объемѣ на будущее время. Кромѣ того, не всѣ указы короля скрѣплялись подлежащимъ министромъ, какъ это требуетъ хартія, и не всѣ мѣры правительства, указанные въ отчетѣ, получили уже полное осуществленіе. Отчетъ о положеніи края блестящъ, но не таково это положеніе на самомъ дѣлѣ. Выражая признательность за учрежденіе университета въ Варшавѣ, сенатъ и депутаты заявляли, что было бы полезно присоединить къ университету главную духовную семинарію, въ которой преподавали бы высшія богословскія науки и готовили бы достойныхъ пастырей церкви; что не желательно назначать въ университетъ на мѣсто профессоровъ различныхъ посредственностей; что необходимо обратить вниманіе какъ можно скорѣе на устройство духовной части въ королевствѣ; на болѣе прочное обученіе закону Божьему во всѣхъ школахъ; что число школъ элементарныхъ слишкомъ мало, что недостаточно обращается вниманіе на нравственное образованіе юношества и надзоръ за нимъ очень слабъ; что содержаніе учителей слишкомъ недостаточно, что необходимо упрочить и увеличить учебный фондъ и т. д.

Отдавая должную справедливость стремленіямъ правительства какъ можно скорѣе улучшить положеніе края, исцѣлить раны отъ минувшихъ войнъ, представители народа замѣчали, что управленіе краемъ дѣйствовало нерѣдко слишкомъ поспѣшно, а потому не обращало вниманія на предметы, требовавшіе заботливости правительства по преимуществу. Такъ, не обращено вниманіе: 1) на положеніе евреевъ въ странѣ (они составляютъ одну седьмую часть всего населенія), и въ этомъ важномъ вопросѣ, а также въ отношеніи раввиновъ ихъ, ничего не сдѣлано; 2) на положеніе монастырей, изъ коихъ многіе, по совершенной незначительности въ нихъ монашествующихъ, могутъ быть упразднены и обращены въ различныя богоугодныя и исправительныя заведенія; 3) на фондъ, необходимый для содержанія духовенства. Кромѣ того, обученіе и воспитаніе лицъ женскаго пола (составляющихъ половину населенія), не достаточно обращаетъ на себя вниманіе правительства; пансіоны частныя крайне неудовлетворительны; необходимо усилить за ними надзоръ, раздѣлить пансіоны на разряды и т. д. Не соблюдается подлежащее соотвѣстствіе между числомъ высшихъ и низшихъ школъ вообще. По судебному вѣдомству не образованы суды согласно хартіи; судопроизводство гражданское и уголовное крайне неудовлетворительно и даетъ просторъ безконечнымъ тяжбамъ. Отдавая должное необычайной заботливости управленія объ улучшеніи почтъ, дорогъ и различныхъ средствъ сообщеній, высказывалось замѣчаніе, что необходимо составить общій планъ для работъ

зательствомъ нашего къ нему довѣрія. Мы счастливы преимуществами, дарованными намъ хартією; мы надѣемся, что она намъ доставитъ ихъ еще въ болѣшемъ размѣрѣ, но развитіе это не можетъ пока состояться какъ по краткости времени ея существованія, такъ и по мудрости государя, ожидающаго время болѣе къ тому благоприятныхъ.

по облегченію судоходства по рѣкамъ и каналамъ и принять мѣры противъ разлитія р. Вислы.

По военному управленію высказывалось желаніе, чтобы указъ о наборѣ войскъ былъ обращенъ въ постоянный законъ, при чемъ едва-ли правильно допущенное освобожденіе евреевъ отъ воинской повинности и обложеніе ихъ за это освобожденіе извѣстною платою. Желательно составить военно-уголовный уставъ, а также увеличить еще болѣе казарменное помѣщеніе войскъ и упразднить квартирную повинность.

По вѣдомству финансовъ, установленная монополія казны на соль является очень тяжелою для населенія, особенно для лицъ бѣдныхъ; необходимо изыскать другіе налоги, которые замѣнили бы собою налогъ на соль. Кромѣ того, положеніе финансовъ требуетъ болѣе заботливости со стороны правительства. Не малая часть доходовъ поглощается расходами на содержаніе короля и его дома. Много имѣется недомокъ по разнымъ поступленіямъ и надо бы это отвратить. Города, особенно не большіе, по неимѣнію средствъ, очень медленно поправляются и представляютъ собою скорѣе обширныя деревни; желательно обратить преимущественное вниманіе на нихъ, а не на украшеніе города Варшавы различными зданіями и памятниками. Надо произвести изслѣдованіе о доходахъ и расходахъ городовъ. Кромѣ того, слишкомъ мало обращено вниманія на доходность государственныхъ имуществъ и казенныхъ лѣсовъ, завѣдываніе которыми поглощаетъ всѣ получаемыя съ нихъ доходы. Желательно очень многія изъ этихъ имуществъ отдать въ аренду или продать.

Горная часть также требуетъ развитія, хотя нельзя не выразить признательности правительству за сдѣланное уже въ этомъ отношеніи. Требуется принять мѣры къ улучшенію полиціи, къ уменьшенію числа нищихъ, къ уменьшенію таксы на письма и посылки и размѣры прогонныхъ денегъ за почтовыхъ лошадей, а также необходимо вступить въ соглашеніе съ сосѣдними государствами о взаимныхъ почтовыхъ сношеніяхъ.

Всѣ положенныя замѣчанія подробно разсматривались уже послѣ закрытія сейма, сперва по отдѣльнымъ управленіямъ царства, а затѣмъ въ административномъ совѣтѣ, послѣ чего по всѣмъ замѣчаніямъ была заготовлена подробная объяснительная записка, которая должна была быть представлена на уваженіе будущаго сейма. До представленія ея сейму эта записка была повергнута Заіончекомъ усмотрѣнію его величества чрезъ статсъ-секретаря царства, графа Соболевскаго.

Императоръ Александръ I, одобрявъ оную, счелъ необходимымъ добавить нѣсколько своихъ мыслей, въ которыхъ, съ одной стороны, указываются положительно обязанности сейма по разсмотрѣнію представляемаго ему отчета, а съ другой—проявляется какъ бы неудовольствіе императора на характеръ сдѣланныхъ сеймомъ замѣчаній. Эти мысли предварительно были изложены вчернѣ на отдѣльномъ листкѣ въ видѣ вставки къ обширному объясненію и удостоились письменнаго одобренія государя. Вотъ главное содержаніе этого

«Эту надежду мы основываемъ на великодушнн императора Александра I, которому суждено было осуществить нашу мечту и явить тѣмъ великій примѣръ Европѣ, обязанной ему возстановленіемъ мира и спокойствія.

«Вашему величеству,—продолжалъ Потоцкій,—предстоитъ доказать

добавленія къ тому мѣсту объясненія, гдѣ говорилось с сеймѣ, какъ источникъ свѣдѣній, необходимыхъ правительству по дѣламъ управленія королевствомъ. „Чтобы не нарушать чистоту этого источника свѣдѣній, чтобы не давать этимъ лучамъ свѣта теряться въ идеальномъ пространствѣ необходимо, чтобы палаты строго держались статьи 154 о представительствѣ. Эта статья не уполномочиваетъ палаты дѣлать критическій разборъ хода управленія или дѣлать правительству какіе-либо упреки; она уполномочиваетъ палаты единственно выражать свои мнѣнія по поводу сообщеній, сдѣланныхъ сейму. Подобное мнѣніе, чтобы имѣть возможность доставить какому-либо дѣйствительную пользу, должно заключать въ себѣ выраженіе какого-либо положительнаго желанія или заявленіе какой-либо настоятельной потребности. Но это мнѣніе не должно касаться общихъ началъ или теоретическихъ отвлеченностей, ложное примѣненіе которыхъ нерѣдко причиняло пагубныя послѣдствія; оно не должно состоять изъ упрековъ, дѣлаемыхъ правительству неопредѣленно, какъ, напр., что оно дѣйствовало слишкомъ послѣдно, начало одновременно слишкомъ много дѣлъ, не всегда обращало свое вниманіе на предметы, требовавшіе по преимуществу его первой заботливости и т. д. Это все такіе упреки, которые также легко отважиться сдѣлать, какъ трудно доказать ихъ правильность, полезность и цѣлесообразность. Польза этого мнѣнія будетъ несомнѣнна, когда оно будетъ ограничиваться выраженіемъ пожеланій, указаніемъ потребностей, вызываемыхъ непосредственно сообщеніями, сдѣланными сейму; когда это мнѣніе будетъ выражено со всею умѣренностью и со всемъ уваженіемъ, съ которымъ всѣ общественныя власти должны относиться другъ къ другу. При такомъ условіи мнѣніе палатъ можетъ не только доставить правительству полезныя указанія, могущія способствовать увеличенію общественнаго благосостоянія—общей цѣли усилій правленія и желаній управляемыхъ,—но также содѣйствовать установленію между тѣмъ и другими полного соглашенія въ стремленіяхъ и взглядахъ и поддержанію той гармоніи, той правильности каждаго движенія государственнаго механизма, безъ которыхъ нарушается равновѣсіе, балансъ, обязательный уравнивать движенія механизма, чтобы сдѣлать ихъ спокойными, плавными.

Только руководствуясь любовью къ отечеству, очищая мнѣнія отъ всѣхъ предрасудковъ, освобождая ихъ отъ зависимости частныхъ или исключительныхъ выгодъ, выражая ихъ съ простотою и прямодушіемъ, отвергая обманчивую прелесть, столь часто заражающую даръ слова, отъ которой не всегда оберегаетъ и наибольшая чистота намѣреній, если только самое неусыпное зоркое разсужденіе не будетъ постоянно указывать опасности онаго—только при этихъ условіяхъ единственно палаты, исполняя всѣ лежащія на нихъ обязанности, могутъ содѣйствовать осуществленію самыхъ завѣтныхъ желаній родительскаго сердца его величества и опытомъ счастливаго успѣха на дѣлѣ доставить торжество учрежденіямъ, которыми Польша обязана монарху, желающему распространить благотворное ихъ вліяніе и рас-

той же Европѣ, что, обезпечивая наше счастье, вы нисколько не подвергали опасности поколебать благоденствіе вашей Имперіи; что самый полный порядокъ является другомъ, союзникомъ свободныхъ учреждений; что подчиненіе, обдуманное и вызванное убѣжденіемъ и чувствомъ, основательнѣе и плодотворнѣе подчиненія, вынужденнаго силою оружія; что чувство признательности въ сущности есть чувство счастья, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всего этого является ненарушимая привязанность, беззавѣтная вѣрность, безграничная преданность, — достоинства и добродѣтели, во всѣ времена составлявшія славу польскаго народа».

Увѣреніями въ чувствахъ признательности императору, выраженіями благодарности за все сдѣланное Польшѣ, готовностію пожертвовать послѣднюю каплю крови для поддержанія существованія родины и страны была наполнена рѣчь представителя палаты депутатовъ.

Послѣ этихъ рѣчей послѣдовало закрытіе сейма того же числа.

П. М. Майковъ.

положить, наконецъ, правительство идти навстрѣчу полезныхъ желаній, выраженныхъ общественнымъ мнѣніемъ. Но его величество придаетъ слишкомъ важное значеніе тому, чтобы эти учрежденія, при первомъ ихъ развитіи, не переродились бы, чтобы установленныя власти сообразовались въ дѣйствіяхъ своихъ съ установленными для нихъ правилами, чтобы они слѣдовали безъ малѣйшаго уклоненія по пути, ими начертанному и отъ котораго они не могутъ отдалиться, не ввергнувъ себя въ пропасть. Поэтому его величество и предлагаетъ государственному совѣту указать палатамъ тѣ уклоненія, которыя они допустили себѣ въ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей, и тѣ несоотвѣтствующія выраженія, которыя они себѣ дозволили въ своихъ замѣчаніяхъ.

Послѣ этого излагались объясненія по замѣчаніямъ сейма, заканчивавшіяся слѣдующими словами: „Палаты, при первомъ опытѣ осуществленія на дѣлѣ самой главнѣйшей ихъ прерогативы, могли иногда преступить предѣлы, предписанныя имъ положеніемъ о народномъ представительствѣ, но государственный совѣтъ не можетъ сомнѣваться въ значеніи, которое его величество придаетъ осуществленію этого столь въ высшей степени полезнаго права. Онъ, конечно, знаетъ, насколько существенно важно правительству учрежденіе, которое доставляетъ ему возможность узнать общественное мнѣніе страны о прошломъ и указываетъ ему желанія оной относительно будущаго. „Я взвѣщу со вниманіемъ ваши прошенія—сказалъ его величество представителямъ королевства,—и надѣюсь, что на будущемъ засѣданіи вашемъ вы узнаете объ удовлетвореніи оныхъ сообразно возможности и обстоятельствамъ“. Эти слова императора и короля являются самымъ точнымъ и въ то же время самымъ общимъ выраженіемъ его воли.

Попытка къ борьбѣ съ Наполеономъ при помощи періодической печати.

ь сентябрь (4-го) 1805 года былъ высочайше утвержденъ докладъ князя А. Чарторыйскаго, въ которомъ онъ писалъ:

«Поверхность, какую прибрѣтаетъ французское правительство надъ общенароднымъ мнѣніемъ, употребляя газеты и разные періодическія сочиненія къ распространенію зловредныхъ правилъ своихъ, побуждаетъ меня представить вашему императорскому величеству о необходимости учредить секретную цензуру, посредствомъ которой, съ одной стороны, таковыя сочиненія не могли бы свободно проникать внутрь Россіи, а съ другой—здѣсь выходящія и даже нѣкоторыя издаваемыя въ чужихъ краяхъ могли бы способствовать, дабы представить въ настоящемъ видѣ и нынѣшнее положеніе Европы и благотворныя намѣренія вашего величества по благу общественному.

«Цензура таковая, по мнѣнію моему, должна состоять подъ вѣдомствомъ министра управляющаго иностраннымъ департаментомъ и все, что по части журналовъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, подлежитъ ей, имѣеть быть возложено на чиновника, который и будетъ тѣмъ заниматься подъ руководствомъ самого министра.

«Упражненія его состоятъ должны:

1) Въ надзираніи надъ журналами, печатаемыми въ Россіи, и надъ официальными извѣстіями, которыя будутъ помѣщаться въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

2) Въ надзираніи надъ журналами и газетами, выписываемыми изъ чужихъ краевъ, и

3) Въ прибрѣтеніи нужнаго вліянія надъ журналами и газетами, въ чужихъ краяхъ издаваемыми, такъ и вообще надъ мнѣніемъ обще-

*

ственнымъ, посредствомъ припечатанія разныхъ статей, соответствующихъ видамъ и намѣреніямъ Россіи, и изданія разныхъ политическихъ сочиненій, имѣющихъ въ виду благо общественное.

«Относительно перваго пункта: министръ подпишется на одинъ экземпляръ всѣхъ періодическихъ сочиненій, по политическимъ предметамъ въ Россіи издаваемыхъ, и экземпляръ сей будетъ доставляемъ прямо къ чиновнику, упражняющемуся по газетной части. Такъ какъ сочиненія сего рода прежде, нежели отдаются здѣсь въ печать, бывають просматриваемы университетскою цензурою, то хотя и съ вѣроятностью полагать можно, что ничего несомнѣннаго достоинству вашего величества и ничего могущаго ввести въ заблужденіе мнѣніе народное, помѣщено въ нихъ не будетъ; но тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ чиновникъ, занимающійся сею частью, имѣлъ свѣдѣніе о содержаніи ихъ, и чтобъ онъ могъ, буде сверхъ всякаго чаянія могло въ нихъ вкрасться что-либо противное видамъ и настоящей пользѣ Имперіи, сдѣлавъ изъ того выписку, представить министру, замѣтя приличнѣйшія средства, какъ исправить вредное впечатлѣніе, какое таковая статья произвести можетъ, и предупредить, чтобы издатель не сдѣлалъ впредь подобной погрѣшности. Самое же сочиненіе должно быть сохранено у него съ отмѣткою въ ономъ какъ примѣчанія, имъ сдѣланнаго, такъ рѣшенія, вслѣдствіе того даннаго министромъ.

«Кромѣ того, что чиновникъ, занимающійся по части газетной, долженъ устремить все свое вниманіе на замѣчаніе статей, вредныя впечатлѣнія произвести могущихъ, онъ имѣетъ также выписывать со тщаніемъ помѣщенныя въ тѣхъ сочиненіяхъ историческія происшествія, служація ко славѣ Россіи или упоминающія о разныхъ учрежденіяхъ, вашимъ величествомъ сдѣланныхъ, и которыя послужать къ утвержденію всеобщаго мнѣнія о челоувѣколюбіи вашемъ и о попеченіи касательно пользы вашихъ подданныхъ.—Выписки таковыя имѣютъ быть переведены на разные языки и доставлены къ издателямъ періодическихъ сочиненій внѣ Россіи для помѣщенія въ оныхъ.

«Чиновникъ, занимающійся по газетной части, имѣетъ также составлять разныя статьи относительно политическихъ предметовъ, какія министръ признаетъ за нужное помѣстить въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и оныя будутъ припечатываемы подъ статью: «Изъ С.-Петербурга». Въ тѣхъ же вѣдомостяхъ можно помѣщать и другія извѣстія, но оныя не будутъ уже подъ статью «Изъ Петербурга» и, слѣдовательно, не должны почитаться официальными.

«Относительно втораго пункта. Кромѣ журналовъ и газетъ, которыя министръ получать будетъ для собственнаго своего употребленія, будетъ онъ выписывать также извѣстнѣйшія періодическія сочиненія, въ Европѣ издаваемыя. Экземпляръ сихъ сочиненій, безъ всякой пере-

мѣны (исключенія?) въ оныхъ, присылаться будетъ съ почты, тотчасъ по полученіи, прямо къ чиновнику, управляющему по газетной части. Онъ имѣеть заняться прочтеніемъ оныхъ и составленіемъ изъ нихъ двухъ выписокъ, изъ коихъ первая заключать должна извѣстія, заслуживающія вниманія, и все, что особливо примѣчательнаго найдется въ нихъ въ пользу или противъ Россіи, а во второй входитъ имѣють статьи, которыя по содержанію ихъ должны быть уничтожены или требующія возраженія прямо ли именемъ Россіи или постороннимъ образомъ. Чиновникъ, занимающійся по части газетъ, получа приказаніе отъ министра касательно отвѣта на таковыя сочиненія, имѣеть заняться составленіемъ онаго, дабы представить его съ выпискою изъ газетъ слѣдующей почты.

«Если министръ признаетъ нужнымъ уничтоженіе какой-либо статьи изъ газетъ, онъ сообщитъ немедленно С.-Петербургскому почтамту объ удержаніи той газеты.

«Относительно третьей статьи. Чиновникъ, употребленный по газетной части, имѣеть попеченіе открывать находящихся въ Петербургѣ корреспондентовъ издателя «Гамбургской газеты» и посредствомъ ихъ употреблять стараніе о помѣщеніи въ сію газету разныхъ статей, могущихъ споспѣшествовать къ славлъ Россіи. Онъ имѣеть пещись равнымъ образомъ о снясканіи здѣсь связей съ людьми, упражняющимися въ словесности, дабы черезъ посредство ихъ упражненій снабжать писателей въ нѣмецкой землѣ политическими извѣстіями, могущими способствовать видамъ Россіи. Онъ имѣеть представлять также министру замѣчанія свои, какимъ образомъ министры наши въ чужихъ краяхъ могутъ содѣйствовать къ склоненію тамошнихъ писателей наполнять сочиненія ихъ правилами здѣшней системы.

«Чиновникъ, по сей части занимающійся, долженъ вести точныя журналы своихъ упражненій, какъ-то: примѣчаній, къ которымъ разныя періодическія сочиненія служили поводомъ; рѣшеній, по тому послѣдовавшихъ отъ министра, и съ какимъ успѣхомъ разныя сочиненія съ нашей стороны помѣщаемы были въ иностранныхъ вѣдомостяхъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, чтобъ размноженіемъ таковыхъ сочиненій, въ добромъ намѣреніи и въ хорошихъ правилахъ составленныхъ, не располагалось мнѣніе общественное.

«Прилично, чтобъ сочинители иностранные были награждены по мѣрѣ услугъ, ими оказанныхъ. Тѣмъ, которые могутъ быть награждены публично, можно пожаловать медали съ изображеніемъ вашего величества, другихъ же награждать втайнѣ.

«Когда чиновникъ, занимающійся по газетной части, получитъ достаточныя удостовѣренія о приверженности нѣкоторыхъ писателей къ Россіи, онъ имѣеть стараться привлечь также нѣкоторыхъ типографщи-

ковъ, которымъ бы, смотря по обстоятельствамъ, надежнымъ образомъ можно было ввѣрить напечатаніе статей или и цѣлыхъ сочиненій противу правительствъ, которыми бы Россія имѣла причину быть недовольною.

«Для облегченія чиновника, упражняющагося по газетной части въ трудахъ его, даны ему будутъ помощники, которые имѣютъ быть выбраны изъ чиновниковъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, знающихъ какъ російскій, такъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки.

«Представляя о семъ вашему императорскому величеству, приѣмлю смѣлость испрашивать по оному предмету высочайшаго повелѣнія».

Императоръ Александръ I повелѣлъ поручить это дѣло Павлу Гавриловичу Дивову, завѣдывавшему въ то время секретнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

«Препровождая при семъ къ вашему превосходительству,—писалъ ему кн. А. Чарторыйскій ¹⁾),—записку, высочайше апробованную государемъ императоромъ объ учрежденіи здѣсь секретной цензуры, честь имѣю сообщить вамъ, что приведеніе въ дѣйствіе разныхъ предположеній, въ оной предначертанныхъ, по волѣ его величества, возлагается на попеченіе ваше до дальнѣйшаго впредь распоряженія.

«И потому рекомендую вамъ приступить немедленно къ соображенію всѣхъ средствъ, какія могутъ способствовать къ исполненію сего полезнаго и важнаго учрежденія и дать оному первоначальное движеніе,—увѣренъ я, что вы не упустите сего случая дѣятельнымъ исполненіемъ возлагаемаго на васъ порученія заслужить монаршее благоволеніе и содѣйствовать пользѣ общественной.

«Пребываю, впрочемъ, съ истиннымъ почтеніемъ» и проч.

П. Г. Дивовъ принялся дѣятельно за порученную ему работу: составлялъ выписки изъ иностранныхъ газетъ и представлялъ ихъ князю Чарторыйскому. Послѣдній поручилъ ему «безъ потери времени заняться составленіемъ возраженій на разныя статьи касательно Россіи, во французскихъ газетахъ помѣщаемыя, особенно же тѣ, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ ложныя показанія, какъ въ разсужденіи видовъ нашихъ на Турцію, Персію и проч., но по изъясненнымъ вамъ причинамъ въ публику выпускаются». Князь Чарторыйскій просилъ Дивова «поставить себя въ сношенія съ иностранными издателями газетъ и періодическихъ сочиненій».

Исполнить скоро послѣднее желаніе князя было трудно, а возраженія, печатаемыя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», конечно, не достигали цѣли, такъ какъ читались только въ Россіи. Тогда пришли къ мысли о необходимости издавать въ С.-Петербургѣ журналъ на фран-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 9-го сентября 1805 г.

цузскомъ языкѣ; но въ столицѣ не было ни порядочной типографіи, ни достаточнаго числа рабочихъ для набора французскаго текста. Это заставило князя Чарторыйскаго приобрести одну изъ заграничныхъ типографій, и дѣло это скоро устроилось.

«Поручивъ вамъ,—писалъ онъ П. Г. Дивову ¹⁾,—дѣло относительно покупки типографіи въ Брауншвейгѣ отъ типографщика Александра Плюшара, равно и попеченіе о выписаніи самаго типографщика Плюшара съ шестью работниками, на который конецъ ваше превосходительство получили уже изъ государственнаго казначейства для остаточныхъ суммъ 4.600 рублей ассигнаціями и 900 голландскихъ червонныхъ. Долженъ вамъ еще объявить, что, на основаніи предложенія онаго типографщика, государю императору всемилостивѣйше угодно, чтобы вы, съ вашей стороны объявили, что сей типографщикъ Плюшаръ, со дня подписанія условій ѣхать сюда, имѣеть получать по 2.000 руб. годоваго жалованья, доколѣ учрежденіе онаго не будетъ достаточно для пристойнаго содержанія, а потомъ будетъ получать токмо по тысячѣ рублей и пользоваться всѣми выгодами заведенія сего, вновь учреждаемаго».

Пока Плюшаръ ѣхать въ Россію, князь Чарторыйскій ушелъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и управляющимъ министерствомъ былъ назначенъ баронъ А. Будбергъ. Продолжая начатое дѣло, онъ писалъ П. Г. Дивову ²⁾:

«Его императорскому величеству всемилостивѣйше угодно было указать учредить особую экспедицію для сочиненія и издаванія французскаго журнала подъ названіемъ «Journal du Nord» и поручить какъ оную (экспедицію), такъ и принадлежащую къ сему предмету типографію въ надзоръ вашего превосходительства. Приложенный при семъ штатъ ³⁾ экспедиціи сей служить вамъ будетъ руководствомъ для заплаты окладовъ всѣмъ и каждому, равномѣрно и для другихъ статей, въ ономъ содержащихся.

«Но какъ разсуждено за благо, чтобы сіе новое заведеніе не имѣло явнаго вида, яко бы управляется правительствомъ, того ради именнымъ секретнымъ указомъ отъ 20-го сентября къ г. министру внутреннихъ дѣлъ высочайше повелѣно, чтобы потребная сумма 13.000 руб. на содержаніе сего заведенія ежегодно отпускаема была изъ общихъ доходовъ по почтовому правленію по моимъ предложеніямъ. На семъ основаніи обязаны вы, по востребованію надобностей, входить ко мнѣ съ представленіями для полученія надобныхъ суммъ и удовлетворять ежемѣсячно какъ гг. редакторовъ и чиновниковъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, такъ и типографщиковъ и другихъ служителей типографій

¹⁾ Въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1806 г.

²⁾ Въ письмѣ отъ 25-го сентября 1806 г.

³⁾ Штата при письмѣ не оказалось.

сообразно суммамъ, означеннымъ въ штатѣ на всѣ предметы. На который конецъ завести слѣдуетъ вамъ книги для росписокъ и общаго отчета вашего, а ко мнѣ будете представлять рапортами объ издержкахъ.

«Относительно чиновниковъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ увѣдомляю ваше превосходительство, что по настоящему назначенію слѣдуетъ вамъ выдавать по 300 рублей въ годъ гг. ассессорамъ Блудову и Ланскому ¹⁾, также и переводчикамъ Коху и Страндману. Впредь же еслибъ который изъ вышепомянутыхъ чиновниковъ особымъ какимъ-либо порученіемъ удалился отъ упражненій по сей экспедиціи, въ такомъ случаѣ изъ прочихъ сотрудниковъ опредѣлены будутъ на ихъ мѣста по моему выбору.

«Для приведенія въ надлежащее устройство типографіи сообразно съ общими учрежденіями цензуры и съ другими мѣрами осторожности, согласенъ я на то, чтобъ представленный вашимъ превосходительствомъ проектъ инструкціи для типографщика Плюшара былъ приведенъ въ дѣйство и вами врученъ ему».

Первые шаги редакціи газеты не вполне удовлетворяли Будберга, и 14-го октября 1806 г. онъ писалъ П. Г. Дявову ²⁾:

«Всѣ, присланные вами до сихъ поръ, пробные нумера газеты содержать почти исключительно только одни извлеченія, касающіяся главнѣйшихъ событій, сообщаемыхъ прочими газетами. Изложеніе ихъ не даетъ мнѣ возможности судить о талантливости тѣхъ лицъ, кои намѣчены въ редакторы означенной газеты. Я надѣюсь, однако, что эти господа поймутъ въ скоромъ времени, въ какомъ именно смыслѣ я хотѣлъ бы, чтобы они работали, и что вамъ, послѣ нѣсколькихъ пробъ, удастся доставить намъ упомянутую газету въ томъ видѣ, каковой она должна имѣть, чтобы заслужить одобреніе императора и соотвѣтствовать намѣченной цѣли. Было бы излишне останавливаться долѣе на томъ, что говорилось въ различныхъ французскихъ газетахъ, по поводу ратификаціи мира 8-го (20-го) іюля, ибо касательно этого вопроса, который подвергался столько разъ обсужденію, я имѣю записку, заключающую всѣ тѣ замѣчанія и поправки, какія намъ нужны. Вслѣдствіе этого предлагаю вамъ, внимательно просмотрѣть французскія газеты: «*Moniteur*», «*Publiciste*» и другіе журналы, появившіеся позднѣе той злостной статьи, о которой идетъ рѣчь, и поручить г. маркизу де Мемнону и двумъ другимъ редакторамъ, чтобы они, каждый отдѣльно, написали опроверженіе на статью, появившіяся позднѣе, съ цѣлью представить событія въ ложномъ свѣтѣ и повредить правому дѣлу. Придерживаясь въ этомъ случаѣ правилъ, намѣченныхъ вамъ разъ навсегда, передайте гг. редакторамъ,

¹⁾ Впоследствии оба были министрами.

²⁾ Письмо на французскомъ языкѣ, и здѣсь предлагается его переводъ.

что они должны обращать вниманіе не только на то, что содержится въ означенныхъ газетахъ оскорбительнаго для Россіи, но и на все то, что по ихъ понятію противно системѣ, принятой нашимъ дворомъ. Статья Брюссельской газеты по поводу такъ называемыхъ совѣтниковъ, имѣющихъ вліяніе на Потсдамскій кабинетъ, и другія тому подобныя статьи принадлежатъ къ числу тѣхъ, коихъ не слѣдуетъ обходить молчаніемъ.

«Надѣюсь, что редакторы не упустятъ настоящаго случая доказать, что они во всѣхъ отношеніяхъ подходятъ къ возложенной на нихъ задачѣ и что, руководствуясь вашими указаніями, они справятся съ нею удовлетворительнымъ образомъ».

О дальнѣйшемъ ходѣ изданія «Journal du Nord» мы не имѣемъ свѣдѣній, но несомнѣнно, что таковыя находятся въ одномъ изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Сообщилъ Н. Д.

Письмо М. М. Сперанскаго—С. С. Уварову, по поводу избранія его почетнымъ членомъ Академіи Наукъ.

17-го сентября 1819 г. Иркутскъ.

При письмѣ вашего превосходительства отъ 23-го іюня я имѣлъ честь получить дипломъ, коимъ угодно было императорской академіи наукъ почтить меня. Любовь къ наукамъ и искреннее уваженіе къ сему знаменитому сословію составляетъ всю мою заслугу; но академія взирала не на дѣла и поставила высокую цѣну самымъ побужденіямъ.

И въ Сибири побужденія сіи сохранили свою силу. Здѣсь все напоминаетъ труды членовъ академіи. Натуральная и политическая исторія, географія, древности Сибири, все есть ихъ произведенія. Путешествія ихъ въ сихъ странахъ, тогда еще не приступныхъ, всегда будутъ памятниками ихъ славы, эмблемой усилій разума человѣческаго въ путяхъ истины. Въ заключеніе позвольте мнѣ здѣсь принести вашему превосходительству, какъ президенту сего сословія, особенную благодарность. Чувство уваженія, въ семъ званіи вамъ изъясляемое, имѣетъ нѣчто столь отличное отъ обыкновенныхъ увѣреній, столь устраненное отъ подозрѣній лести, что и изъяслять его безъ оскорбленія скромности и принимать безъ тщеславія можно. Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и искреннею преданностію честь имѣю быть вашего превосходительства покорнымъ слугою М. Сперанскій.

Сообщ. П. М. Майновъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминанія офицера генеральнаго штаба.

З а т и ш ь е.

Память—одно изъ самыхъ благодатныхъ даровъ неба. Для меня нѣтъ высшаго наслажденія, какъ погружаться въ прошедшее. Воспоминаніе, какъ лучъ луннаго свѣта, имѣетъ свойство озарять прошедшее какъ разъ настолькоъ, что худое не замѣчаешь, все хорошее кажется еще лучше.

Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II
Выпускъ XII, стр. 364.

I.

Нѣчто о смертельной блѣдности.—Служба и жизнь въ батареѣ.—Командиры батарей: Яновъ, Осиповъ, Гильдебрандъ.—Высшее начальство: Леманъ, Шейдеманъ.—Фейерверкеръ Рядинскихъ.—Д. С. Нагловскій.—Генералъ Добровольскій.

Въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» ¹⁾, описывая мой послѣдній разговоръ съ генераломъ Добровольскимъ, я выразился такъ: «Когда я взглянулъ на него, то былъ пораженъ его необычайной блѣдностью; это была уже не блѣдность, а какой-то сѣрый, землистый цвѣтъ лица».—И далѣе: «Не выходила у меня изъ головы эта смертельная блѣдность Добровольскаго».

¹⁾ См. стр. 455.

Не знаю, допустимо ли по наукѣ, чтобы на лицѣ челоуѣка, вполнѣ, повидимому, здороваго, могла отпечатлѣться печать смерти, къ нему грядущей, къ нему близкой; думаю, что это возможно и что это бываетъ, и если по наукѣ, въ теперешнемъ ея развитіи, этого не должно быть, то, вѣроятно, потому, что это еще тайна.

Какъ бы то ни было, но по поводу этого случая, этой особой какой-то блѣдности Добровольскаго, я припоминаю еще два случая въ моей жизни, когда я видѣлъ такую же смертельную блѣдность и съ такимъ же концомъ—смертью, послѣдовавшей почти вслѣдъ за симъ. Долженъ прибавить, что хотя во всѣхъ трехъ случаяхъ необычайная блѣдность эта обращала на себя, противъ воли, особое мое вниманіе, притягивала меня къ себѣ, неотступно преслѣдовала и даже беспокоила, но въ ту минуту я не сознавалъ, что это было преддверіе къ смерти. Я былъ ею пораженъ, она врѣзывалась мнѣ въ память, но объясненіе этой блѣдности и подтвержденіе того, что она особенная, что она бросилась мнѣ въ глаза и запечатлѣлась во мнѣ не съ проста, я получалъ уже послѣ, но во всѣхъ трехъ случаяхъ очень скоро.

Для поясненія того, что я хочу рассказать, мнѣ приходится вернуться къ давно прошедшимъ временамъ и далеко ушедшей моей молодости, къ началу 60-хъ годовъ и службѣ моей въ полевой конной артиллеріи, воспоминанію о которой я и отношу вышеприведенный эпиграфъ.

Я вышелъ изъ Пажескаго корпуса въ 1860 году настолько юнымъ, что мнѣ пришлось, въ силу существовавшихъ тогда правилъ, по производствѣ въ офицеры, поступить въ одну изъ академій: артиллерійскую или инженерную. Увлекаясь лекціями талантливаго профессора фортификаціи генерала Квиста, я выбралъ инженерную академію и долженъ былъ, уже произведеннымъ 16-го іюня въ офицеры, держать дополнительный экзаменъ въ августѣ изъ разныхъ высшихъ наукъ. Мечталъ я выйти въ гродненскіе гусары, но кто-то, добрый челоуѣкъ, посоветовалъ этого не дѣлать, такъ какъ, по его словамъ, достаточно было бы знаменитому ученому, тогдашнему профессору и академику Остроградскому, увидѣть передъ собой гусара, чтобы, не долго думая, поставить ему нуль. Я послушался совѣта, подумавъ, что дѣйствительно гусарь и интегралы какъ-то несовмѣстимы, и вышелъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, который тогда назывался лейбъ-гвардіи Гатчинскимъ.

Поступные экзамены въ академію сошли блистательно, и даже самый страшный Остроградскій поставилъ мнѣ 12. Какъ теперь помню, изъ дифференціаловъ рѣшалъ я Тайлорову и Маклоренову теорему, а интегральную задачу рѣшалъ «по способу нашего знаменитаго математика

Остроградскаго»,—фразу мною съ разбѣга сказанную и вызвавшую благосклонную улыбку огромнаго, одноглазаго Остроградскаго ¹⁾).

Въ академіи пришлось пробыть недолго, и въ январѣ 1861 года я перешелъ въ строй, а осенью 1861 былъ переведенъ, по собственному желанію, въ полевую конную артиллерію.

Въ батарею ѣхать я не думалъ, рассчитывая поступить, по истеченіи установленнаго срока, въ артиллерійскую академію, но, на мою бѣду, тогдашній главный распорядитель моей службы, вѣроятно очень почтенный, но относительно меня весьма строгій генераль Якимахъ, приказалъ мнѣ, безъ разсужденій, ѣхать въ городъ Зміевъ, гдѣ стояла 11-я батареинная батарея 6-й конной артиллерійской бригады, въ которую я былъ переведенъ.

Хотя въ корпусѣ мы учились географіи у очень хорошаго преподавателя, всѣмъ пажамъ того времени весьма памятнаго Порфирія Никитича Бѣлохи, но о городѣ Зміевѣ я узналъ впервые отъ генерала Якимаха; я бросился справляться, что такое Зміевъ, и узналъ, что это уѣздный городъ Харьковской губерніи, а приѣхавъ на мѣсто, увидѣлъ что къ Зміеву вполне можно примѣнить стихи Лермонтова:

Зміевъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда ²⁾).

И дѣйствительно, Зміевъ въ то время былъ такимъ захолустьемъ что даже почта, приходившая къ намъ два раза въ недѣлю изъ Харькова, давъ корреспонденцію, возвращалась обратно, такъ какъ дальше «шляху» не было ³⁾.—Теперь черезъ Зміевъ проходитъ желѣзная дорога, а тогда было по извѣстному опредѣленію прежнихъ уѣздныхъ городовъ: соборъ, гостинный дворъ, острогъ и заборъ.—Заборовъ было много, а еще болѣе пустырей.

По первому впечатлѣнію было совсѣмъ плохо, но мнѣ было тогда 18 лѣтъ, а въ эти годы и Зміевъ терпимъ.

Командовалъ батареей почтеннѣйшій и добрѣйшій полковникъ Николай Алексѣевичъ Яновъ, совсѣмъ глухой, совершенно по-отечески относившійся къ молодымъ офицерамъ; благодаря ему мы, молодежь, скоро познакомились съ окрестными помѣщиками, ѣздили къ нимъ въ гости, пропадали по нѣсколько недѣль изъ Зміева, конечно, всѣ влюбля-

¹⁾ У Остроградскаго одинъ глазъ вытекъ, болѣлъ и всегда слезился, велѣдствіе чего передъ нимъ на каеэдру ставили стаканъ съ водой, въ который онъ опускалъ пальцы и протиралъ глазъ, но такъ какъ онъ въ то же время нюхалъ табакъ и очень усердно, то въ стаканѣ скоро оказывалась какая-то муть.

²⁾ Казначейша. У Лермонтова: „Тамбовъ“.

³⁾ Почтовой или вообще большой дороги.

лись въ дочекъ или молодыхъ женъ сосѣдей и даже рѣшились отблагодарить нашихъ радушныхъ хозяевъ, пригласивъ ихъ на балъ въ Зміевъ. Общими усиліями всѣхъ чиновъ батареи балъ устроили въ классахъ уѣзднаго училища, за отсутствіемъ полотеровъ сами натирая полъ стеариновыми огарками. Молодость скрашивала все, и мы веселились до упада.

Тѣ давно прошедшія времена, начало 60-хъ годовъ, были въ Россіи временемъ большаго расцвѣта мысли. Въ Петербургѣ уже гремѣли своими знаменитыми публичными лекціями въ залахъ Пассажа и Городской думы: Лавровъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Костомаровъ, Павловъ; романъ Чернышевскаго «Что дѣлать» былъ уже всѣми прочитанъ, жизнь кипѣла, явились разныя вѣянія и теченія, а у насъ въ батареѣ была тишь и благодать, не возмущаемая никакими ни вѣяніями, ни теченіями. Хозяйственные вопросы, особенно фуражный, сбереженіе лошадей и ихъ тѣла составляли главную заботу высшихъ чиновъ и ихъ ближайшихъ помощниковъ, молодые же офицеры были отъ этихъ заботъ отстранены и имъ предоставлялась большая свобода жизни.

Главными дѣятелями и помощниками командировъ естественно были: вахмистръ, каптенармусъ, фуражиръ, старшій писарь—эти дѣйствительные столбы батареи, которые играли гораздо бѣльшую роль, чѣмъ офицеры, особенно молодые; послѣдніе представляли изъ себя только неизбѣжную принадлежность батареи, состояли по штату.

Ниже я приведу довольно яркій примѣръ этой оригинальной службы.

Старшіе офицеры, выдавшіе Дунай и Силистрію 1854-го года, а также Севастополь, уже сѣдые штабъ-капитаны и поручики: Николай Гавриловичъ Анучинъ, Станиславъ Клементьевичъ Гуца и Александръ Николаевичъ Писаревъ, были большими знатоками службы, отличными офицерами, но имъ разрѣшалось вмѣшиваться только въ строевую подготовку батареи, администрація же и въ особенности хозяйственная часть до нихъ не касалась. По службѣ особенно выдѣлялся А. Н. Писаревъ, еще не старый, хотя совсѣмъ сѣдой поручикъ, энергичный, живой, отличный ѣздокъ, богато одаренный отъ природы и образованный человекъ, но въ служебномъ отношеніи заглохшій среди Зміевской тишины и черепашняго чинопроизводства, при неимѣніи даже случаевъ себя заявить. Писаревъ взялъ меня подъ особое свое покровительство; я былъ прилежнымъ его ученикомъ—онъ требовательнымъ, но добрымъ, опытнымъ учителемъ и скоро товарищи стали меня дразнить, говоря: лихой конно-артиллеристъ Паренсовъ, ученикъ знаменитаго конно-артиллериста Писарева.

Съ тѣхъ поръ прошло 40 лѣтъ, но я былъ бы счастливъ, если бы А. Н. Писаревъ прочиталъ эти, хотя и запоздалыя, но все же горячія слова моей любви и благодарности, къ нему обращенныя.

Батарейный командиръ Яновъ, какъ я уже сказалъ, былъ прекрасный человекъ, хорошій хозяинъ, мягкій, даже слабый. Главными его помощниками по управленію батареей были: вахмистръ Евдокимъ Ежковъ, котораго солдаты, какъ водится, почтительно величали по имени и отчеству: Евдокимъ Филипповичъ, знаменитый тѣмъ, что, будучи сылачемъ, очень строго (говоря по-кавалерійски) ѣздилъ, больно дрался и сильно пилъ, но никогда не былъ пьянъ. Другой дѣятель батареи былъ капитанармусъ Костырко—шевронистъ, какъ тогда выражались: «на вторительной службѣ» ¹⁾. Поименованныя мною лица были безусловно столбами батареи; она на нихъ покоилась, они вели ея жизнь и ее оберегали. Но эти два лица были все же представителями грубой силы, а былъ еще столбъ, но уже другой формациі, интеллигентъ, старшій писарь тоже шевронистъ—Демченко. Выдающагося ума и способностей, вслѣдствіе чего мы иногда называли его министромъ, съ массой нашивокъ на лѣвомъ рукавѣ, горьчайшій пьяница, Демченко былъ дорогъ для батареи и славился особенно тѣмъ, что умѣлъ отписываться. Адъютанта въ батареѣ не полагалось и канцеляріей завѣдывалъ обыкновенно одинъ изъ младшихъ офицеровъ, совершенно неопытный, и вотъ бывало приплуть сверху запросъ: почему, да отчего, да на какомъ основаніи? Конечно, мы, неопытные юнцы, не знаемъ, что дѣлать и что отвѣтить.

Зоветь Яновъ Демченку, показываетъ бумагу, и начинается цѣлый діалогъ: «Демченко, читалъ ты эту бумагу?»—«Точно такъ, ваше в-іе, читалъ»,—тоненькимъ дискантомъ отвѣчаетъ Демченко.—«Ну, такъ какъ же намъ быть?»—«Не могу знать, ваше в-іе».—«Надо отвѣтить».—«Точно такъ, ваше в-іе; надо отвѣтить; нельзя не отвѣтить» и затѣмъ, послѣ паузы, какъ будто раздумывая, Яновъ, съ добрымъ лицомъ и мягко спроситъ: «а можно отвѣтить?» Демченко, очевидно сознавъ, что онъ властвуетъ надъ положеніемъ, весьма рѣшительно отвѣчаетъ: «Можно, ваше в-іе» и затѣмъ пишетъ, да такъ, что какъ будто бы и хорошо выходитъ.

Да какой степени царствовали разные Ежковы и Демченки, видно изъ слѣдующаго.

Батареею нашу перевели въ 1864 году въ м. Тарговицы, Кіевской губерніи, Уманьскаго уѣзда. Жизнь наша стала куда хуже, въ жидовскомъ мѣстечкѣ, въ еврейскихъ квартирахъ, вдали даже отъ Умани, съ помѣщиками поляками, да еще сейчасъ послѣ 1863 года. Къ тому же Яновъ вышелъ въ отставку, и батареей командовалъ полковникъ Осиповъ, тоже добрѣйшій человекъ, но очень старый холостякъ, чрезвычайно богатый и до невозможности скупой. Будучи однимъ, Осиповъ кормилъ всѣхъ офицеровъ батареи—5 человекъ, но, Боже мой, что

¹⁾ По-теперешнему—на сверхсрочной службѣ.

это были за обѣды. Ходили, потому что нельзя было не ходить. Я, кажется, никогда не забуду знаменитый Осиповскій хересъ: темно-коричневый, густой, невозможный даже для нашихъ тогдашнихъ молодыхъ и нетребовательныхъ вкусовъ и желудковъ. Послѣ этихъ обѣдовъ, отъ которыхъ Лукуллъ, конечно, съ ужасомъ отвернулся бы, да и мы ѣли ихъ скрѣпя сердце, молодая компанія отправлялась довольно часто въ сосѣднюю винную лавку, конечно, еврейскую, пить портеръ; а иногда заказывали даже что-нибудь поѣсть. За прилавкомъ царила дочь хозяина, строгая красавица Гита, служившая, между прочимъ, не малой приманкой для посѣтителей, конно-артиллеристовъ.

Лошадей берегли такъ, что онѣ сдѣлались какъ боровы. Не было уже «горячихъ» конно-артиллерійскихъ ученій, которыя хотя и не часто, но все же бывали при Яновѣ. Осиповъ, у котораго болѣли ноги, выѣзжалъ передъ батареею, если было мокро, въ глубокихъ галошахъ. Ученью предпосылалось поученіе съ стереотипной фразой: «Конная артиллерія должна учиться на карьерѣ; но»—и тутъ бралась высокая нота—«для того, чтобы учиться на карьерѣ, надо прежде выучиться шагомъ». И мы ползали шагомъ, никогда не доходя до карьера.

При Осиповѣ всѣ столбы батарей Ежковъ, Демченко и проч. сдѣлались еще сильнѣе, и вотъ примѣръ. Вслѣдствіе перемѣщенія нашей бригады изъ Харьковской губерніи въ унылыя мѣстечки Кіевской—Тарговицу и Бабанку, нѣсколько старшихъ офицеровъ, по семейному и имущественному положенію, вышли въ отставку и я, несмотря на молодость, оказавшись по старшинству вторымъ офицеромъ въ батарееѣ, командовалъ вторымъ дивизиономъ, который, вслѣдствіе тѣсноты размѣщенія въ Тарговицѣ, вывели въ деревню. По вечерамъ обыкновенно являлся ко мнѣ съ рапортомъ старшій фейерверкеръ Гончаренко, носившій очень странное имя: Сазонъ. Такого имени въ дѣйствительности и нѣтъ; есть св. Сасоній, и, вѣроятно, это была передѣлка: Сасонъ въ Сазонъ.

Огромнаго роста, съ огненнорыжими волосами, выстриженными подъ гребенку, рябой Гончаренко становился у притолки и, докладывая о благополучіи, обыкновенно говорилъ: «все благополучно, лошади всѣ здоровы», прибавляя иногда: «и люди тоже»; когда же онъ о людяхъ умалчивалъ, то я, принадлежавшій къ молодому поколѣнію 60-хъ годовъ, конечно, спрашивалъ: «а люди?» на что Гончаренко хотя и отвѣчалъ: «ничего, ваше благородіе, люди тоже не болѣютъ», но такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: стоитъ о такихъ пустякахъ спрашивать; если кто заболѣетъ, то въ околѣдокъ пошлемъ, а за лошадь деньги заплачены, да и начальство взыщеть.

Однажды этотъ Гончаренко явился ко мнѣ довольно поздно вечеромъ, уже послѣ вечерняго рапорта и доложилъ, что завтра намъ надо

идти въ Тарговицу на батарейное ученье. Когда же я спросилъ, получень ли о томъ приказъ, то Гончаренко, конфузясь, отвѣчалъ, что приказа нѣтъ, но что онъ получилъ письмо и вынулъ изъ-за лѣваго обшлага шинели записку, буквально слѣдующаго содержанія: «Любезный кумъ Сазонъ Кирилловичъ. Приходите съ дивизиономъ завтра къ 10-ти часамъ на ученье въ Тарговицу. Доложите поручику Паренсову. Любящій васъ Евдокимъ Ежковъ». Сначала я было разсердился, хотѣлъ остаться и не пойти на ученье, но потомъ раздумалъ и пошелъ.

Разказавъ про малую подвижность батареи при Осиповѣ, я долженъ сказать, что не всѣ батарейные командиры того времени были ему подобны. Были и замѣчательно лихіе, извѣстные всей конной артиллеріи. Такимъ былъ, напримѣръ, нашей же бригады, командиръ 12-й облегченной батареи Платонъ Ивановичъ Гильдебрандъ. По недостатку офицеровъ въ 12-й батареѣ, меня къ ней прикомандировали, и я пробылъ въ ней около года. Живя одинокимъ съ батареей въ деревнѣ Бабанкѣ, Гильдебрандъ тоже кормилъ всѣхъ офицеровъ, былъ весьма радушнымъ хозяиномъ и, не прибѣгая къ роскоши, устраивалъ такъ, что идти къ нему на обѣдъ было просто праздникомъ въ глухой деревнѣ, гдѣ единственнымъ интеллигентнымъ лицомъ, внѣ офицерской среды, былъ священникъ. Прибавить надо, что, напримѣръ, я жилъ съ товарищемъ Н. Н. Мартыновымъ ¹⁾ въ одной половинѣ хаты, т. е. въ одной комнатѣ съ землянымъ поломъ, двумя крошечными окошечками безъ двойныхъ рамъ и выходомъ прямо въ сѣни. Понятно, что при такой обстановкѣ ходить обѣдать къ Гильдебранду жившему въ благоустроенномъ домѣ священника, съ крашеннымъ, блестящимъ поломъ, составляло развлеченіе и удовольствіе, оживлявшееся радушіемъ и любезностью хозяина, простымъ, но вкуснымъ обѣдомъ.

И у Гильдебранда были свои Ежковы и Демченки, но всѣ они, какъ и вся батарея, были въ желѣзной рукѣ командира. Я считался въ своей 11-й батареѣ бойкимъ офицеромъ, но на первомъ же ученьи въ 12-й батареѣ, ко мнѣ карьеромъ подскакалъ Гильдебрандъ, разнесъ въ пухъ за медленность въ командованіи и объявилъ: «такъ служить въ конной артиллеріи нельзя». На мое счастье, я нашелъ и въ этой батареѣ покровителя и учителя въ лицѣ уже пожилаго, но весьма энергичнаго капитана Куборскаго, который такъ живо и фундаментально меня отшлифовалъ, что я замѣчательнѣе не получалъ. Любимой штучкой Гильдебранда, которою онъ всегда угощалъ на смотрахъ, въ видѣ апопоеоза, пріѣзжее начальство, было построить 8-ю орудійную батарею въ колонну изъ середины въ два орудія по 4-му и 5-му орудіямъ на рысяхъ, повернуть ее назадъ въ отступной порядокъ и затѣмъ, скомандовавъ

¹⁾ Командовавшій впоследствии гвардейской конной батареей въ Варшавѣ.

«4-е и 5-е орудія налѣво кругомъ», подать послѣдовательно, но весьма быстро, одинъ за другимъ, сигналы: «Строить фронтъ» и «карьеръ». По этимъ командамъ и сигналамъ, всѣ орудія заѣзжали налѣво и направо «кругомъ и вѣромъ» неслись для построения фронта въ первоначальномъ направленіи. Не давъ еще подойти 1-му и 8-му орудіямъ на линію фронта, Гильдебрандъ подавалъ сигналъ «огонь», орудія снова дѣлали заѣздъ, снимались съ передковъ и открывали стрѣльбу.

Все это дѣлалось на карьерѣ, и картина выходила замѣчательная, а со стороны глядя—страшная; только и слышно было: топотъ копытъ, свистъ срывающихся подковъ и щелканье нагаекъ ѣзовыхъ. Случалось что орудіе перевортывалось вверхъ колесами при крутомъ заѣздѣ на карьерѣ. Тутъ офицерамъ надо было скакать во всю: иначе сейчасъ попадешь въ постромки.

Особенной лихостью и ловкостью отличались ящичные ѣзовые; ящички тогда были оглобелные и запрягались тройкой въ рядъ, при чемъ ѣдовой сидѣлъ верхомъ на лѣвой, коренной, имѣя двухъ подручныхъ, пристяжныхъ справа. Были такіе молодцы, что при этомъ неудобномъ управленіи ухитрялись продѣлывать, идя въ карьеръ, на-короткѣ, букву S.

На моихъ глазахъ, во время одного изъ ученій 6-й кавалерійской дивизіи подъ Чугуевымъ ⁴⁾, ученьи, которое производилъ лихой старикъ, начальникъ дивизіи генераль Мютонъ, батарея нашей приказано было проскакать назадъ въ карьеръ въ интервалы кавалеріи; въ одномъ изъ орудій упалъ съ лошади номеръ, и слѣдовавшій сзади ящичный ѣдовой 1-го орудія Бѣлянскій, скакавшій почти на хвостѣ орудія, успѣлъ продѣлать эту букву S, не задѣвъ лежащаго.

Лихость Гильдебранда помогла ему по службѣ. Я былъ уже въ академіи генеральнаго штаба, но мнѣ писали товарищи изъ батареи, что Гильдебрандъ отличился на маневрахъ подъ Кіевомъ. Тогдашній командующій войсками генераль Безакъ, тоже старый конно-артиллеристъ, хотѣлъ пустить въ атаку Рижскій драгунскій полкъ; передъ фронтомъ атаки былъ оврагъ съ пнями отъ срубленныхъ деревьевъ по дну, и командиръ полка доложилъ, что по пнямъ полкъ идти въ атаку не можетъ; тогда Безакъ обратился къ Гильдебранду и спросилъ, можетъ ли батарея выѣхать на ту сторону оврага, для обстрѣла противника, на что Гильдебрандъ, отвѣтивъ, что можетъ, пустился въ карьеръ. Три орудія остались съ сломанными колесами и дышлами въ оврагѣ, но

⁴⁾ По старой организаціи дивизіи состояла изъ 6 полковъ: Стародубовскаго и Рижскаго драгунскихъ, Бѣлгородскаго и Чугуевскаго уланскихъ, Изюмскаго, Ахтырскаго гусарскихъ полковъ и нашихъ двухъ батарей: 11-ой и 12-ой.

пять выскочили на тотъ берегъ и открыли огонь къ великому удовольствію Безака и къ славѣ батареи.

Въ скоромъ времени Гильбрандъ получилъ этотъ же Рижскій драгунскій полкъ, а въ 1877 году, въ іюнь, я встрѣтилъ его въ Журжевѣ, бригаднымъ командиромъ, когда я былъ въ роли Paul Paulson'a и въ соответственномъ костюмѣ, моемъ сѣромъ пальмерстонѣ ¹⁾).

Высшее начальство, пріѣзжавшее насъ смотрѣть, всегда относилось къ намъ очень любезно, даже ласково. Бригаднаго командира, генерала Овсянникова, мы считали своимъ человѣкомъ, но обязаны были внимательно и съ интересомъ, въ сотый разъ, слушать его рассказъ о томъ, какъ онъ, служа еще въ гвардейской конной артиллеріи, во время царскаго смотра, на глазахъ у государя упалъ, при чемъ сломалъ себѣ ногу, что вызвало вниманіе къ нему и заботу государя. Довольно часто пріѣзжалъ къ намъ любимецъ нашъ, генераль Николай Александровичъ Леманъ, который пѣшкомъ хромалъ или скорѣе волочилъ правую ногу, но верхомъ ѣздилъ такъ, что мы имъ всегда любовались. У Янова былъ верховый жеребецъ, весьма непокорный; тихій Николай Алексѣевичъ относился къ нему съ почтеніемъ: рѣдко на него садился. На одинъ изъ смотровъ нашей батареи этого жеребца осѣдлали для Лемана, и строптивый конь вздумалъ отнестись и къ Леману такъ же революціонно, какъ онъ съ успѣхомъ относился къ Янову. Стоя во фронтѣ, мы, конечно, не смѣли, но въ душѣ аплодировали Леману, который всадилъ упряму такія шпоры, что тотъ сдѣлалъ было скачекъ, но сейчасъ же и смирился. Не одни мы, офицеры, любовались Леманомъ; во время описаннаго сейчасъ эпизода, я, командуя 1-мъ взводомъ, стоялъ на своемъ мѣстѣ, въ головѣ перваго орудія, и когда усмиранный жеребецъ пошелъ, красиво переступая ногами, немножко траверсомъ, вдоль фронта, то услышалъ сзади себя голосъ ѣздоваго: «палишь братъ; это тебѣ не Яновъ!». Понастоящему слѣдовало бы водворить тишину и даже сдѣлать внушеніе за ея нарушеніе во фронтѣ, но это восклицаніе было такое сердечное и такъ соответствовало моему личному впечатлѣнію, что я предпочелъ не оборачиваться и промолчать. Пріѣзжали къ намъ, тоже довольно часто, очень добрый, любезный генераль Петерсъ и даже генераль Шейдеманъ, севастополецъ, георгіевскій кавалеръ и гроза артиллеріи Харьковскаго округа. Онъ былъ съ нами добръ, только все допекалъ, что мы мало знакомы съ «зелененькой книжкой генерала Безака». На мнѣ, на первомъ отозвалось незнаніе этой книжки. Шейдеманъ приказалъ мнѣ приготовить орудіе къ бою, и я началъ командовать заряданіе, но Шейдеманъ сейчасъ же остановилъ меня,

¹⁾ Изъ прошлаго. На войнѣ. Часть 1-я, стр. 44.

сказавъ, что я и начинаю—то не такъ, что прежде всего надо спросить у ефрейтора ключъ, отпереть и открыть зарядный ящикъ; при этомъ онъ наставительно прибавилъ: «а все оттого, что вы не знаете зелененькой книжки Безака».

Изрѣдка пріѣзжалъ очень большой начальникъ, генераль-адъютантъ Кнорингъ, отличавшійся большими странностями, но, должно быть, тоже очень добрый. Онъ ни за что не соглашался останавливаться у командира батареи, въ единственномъ хорошемъ домѣ нашего Зміова, а потому, за неимѣніемъ гостиницы, жилъ на постояломъ дворѣ, обѣдъ же у командира принималъ только по окончаніи смотра, продолжавшагося дня три. Онъ однажды распекъ нашего юнкера Богдановича за то, что тотъ недостаточно молодецкато шелъ по улицѣ, прибавивъ въ концѣ своей рѣчи: «Когда конно-артиллерійскій юнкеръ выходитъ на крыльцо своего дома, то вся улица должна это знать!»

Вотъ какія были времена!

Одинъ только разъ за всѣ 4—5 лѣтъ моей службы въ полевой конной артиллеріи насъ огорчилъ инспектирующій генералъ, начальникъ артиллеріи Кіевского округа, баронъ Майдель, но это было уже въ Тарговицѣ. Мы приготовились представиться ему на смотръ въ конномъ строю, и каково же было наше изумленіе и огорченіе, когда онъ объявилъ, что «смотръ» будетъ въ пѣшемъ строю, а въ конномъ будетъ не «смотръ», а «батареиное ученье». У нижнихъ чиновъ тогда были длинные до шпоръ рейтузы съ деями¹⁾; отъ ѣзды кожа выгибалась и всѣ ноги выглядывали кривыми, колесомъ, да и ходили мы очень плохо, за что и получили строгій выговоръ отъ Майделя, который на докладъ Осипова, что намъ ходить пѣшкомъ не приходится—весьма негодующе отвѣтилъ: «помилуйте, а церковный парадъ» и прочиталъ намъ длинное наставленіе о важности пѣшаго строя и о томъ значеніи, которое онъ имѣлъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, у котораго Майдель когда-то служилъ.

Непріятныя для насъ стороны Майделя, въ особенности его сухость, вполне сглаживались добротой, вѣжливостью и любезностью его помощника, генерала Олохова.

Меня могутъ спросить: а что же стрѣльба? Долженъ сознаться, что эта главная наша служба обрѣталась у насъ не въ авантажѣ. На практическую стрѣльбу конечно ходили, но ходили, такъ сказать, только чтобы «отбыть» практику и представить журналъ. Да и пушечки были гладкія: полупудовые единороги и 12-ти фунтовые облегченныя пушки. Въ тѣ времена конная артиллерія задачу свою въ бою рисовала себѣ такъ: подскочить поближе, несмотря ни на что—и картечь. Очень въ

¹⁾ Поверхъ сукна рейтузъ, съ внутренней стороны ноги, сверху до нгуа нашивалась черная кожа, которая отъ сырости садилась болѣе сукна.

ходу были у насъ и рассказы о подобныхъ примѣрахъ; упоминались имена: Арнольди (1812 г.) и Деконскаго (1849 г.).

Теперь, конечно, и въ конной артиллеріи многое иначе; другія времена—другіе нравы. Лишь бы оставался въ ней нашъ старый конно-артиллерійскій духъ.

Увлечшись воспоминаніями о дорогой для меня конной артиллеріи, этой колыбели моей службы, я отошелъ отъ главной нити моего рассказа.

По существовавшимъ тогда правиламъ, батареи должны были посылать, кажется ежегодно, по одному, во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойному, рядовому въ Образцовую конную батарею ¹⁾ на годъ, для усовершенствованія во всѣхъ порядкахъ службы. Эта повинность, въ тѣ времена, была для насъ весьма тягостна: пошлешь добросовѣстно, дѣйствительно хорошаго солдата, его произведутъ въ фейерверкеры и оставлять въ кадрахъ, въ постоянномъ составѣ Образцовой батареи, а мы лишимся отличнаго рядоваго, котораго и сами бы произвели въ фейерверкеры, оставивъ у себя въ батареѣ; пошлемъ плохаго—вернуть назадъ, да еще выговоръ сдѣлаютъ. Вотъ мы и посылали такого, что съ виду какъ будто и ничего, а на дѣлѣ неважный, но на всякій случай, если бы онъ въ образцовой батареѣ оказался плохъ, напримѣръ, лѣнивъ, или пьющій, то наши столбы и мудрецы—Ежковы, Демченки и комп., уже готовили отвѣтъ: не знаемъ, что это съ нимъ случилось: у насъ былъ всегда исправнымъ солдатомъ.

Прислали къ намъ изъ образцовой батареи, произведя въ фейерверкеры, нашего же солдата, по фамиліи Рядинскихъ; очень высокій, стройный, даже красивый, но горькій пьяница и лодырѣ непомѣрный.

Однажды Яновъ, въ Змievѣ, обходилъ зимою стоги батарейнаго сѣна. Его, какъ всегда, сопровождали неизмѣнные спутники: Ежковъ, Костырко и Демченко, но на этотъ разъ были офицеры, въ томъ числѣ и я. Обходя стоги, я увидѣлъ Рядинскихъ, выглядывавшаго изъ за-стога сѣна и какъ будто прятавшагося; заподозривъ, что онъ пьянъ, а потому и прячется, я обошелъ стогъ и, подойдя къ нему, былъ пораженъ удивительной, сѣрой блѣдностью его, довольно красиваго, правильнаго лица; но онъ былъ трезвъ и на мой вопросъ, не боленъ ли, отвѣтилъ, что совсѣмъ здоровъ. Я былъ тогда очень молодъ, жилъ беззаботно и весело, вѣроятно, никакой наблюдательностью не обладалъ и, конечно, никакой прозорливостью не отличался, но все же, особая блѣдность Рядинскихъ меня поразила и при томъ настолько, что и вечеромъ того дня я о ней вспоминалъ.

Рано утромъ меня разбудили; пришелъ министр—Демченко. Входить ко мнѣ, несмотря на ранній часъ, уже красный, носъ блеститъ, глаза тоже успѣли помутнѣть, и начинается, какъ всегда, тоненькимъ го-

¹⁾ Переименованную впоследствии въ Учебную конную батарею.

лоскомъ: «ваше благородіе, полковникъ приказали вамъ быть сегодня на вскрытіи»...—«Какое вскрытіе, кто умеръ?».—«Рядинскихъ въ кабакѣ ночью умеръ».

Тутъ я вспомнилъ эту поразившую меня наканунѣ блѣдноту бѣднаго Рядинскихъ.

Въ то, давно прошедшее время, дознанія производились довольно поверхностно; очень часто употреблялась фраза: «волею Божіею» или: «по неосторожности» и по «неизвѣстной причинѣ». Такъ и тутъ: по дознанію вышло, что Рядинскихъ, выходя пьяный изъ кабака, поскользнулся на обледѣнелыхъ ступенькахъ крыльца, упалъ и расшибъ себѣ черепъ; говорили же промежь себя, что убить въ кабакѣ, въ дракѣ и мертвымъ вынесенъ на крыльцо.

Какъ бы то ни было, но, припоминая этотъ случай,—сѣрую блѣдность Рядинскихъ, я вижу и теперь.

Въ третій разъ меня поразила особенная какая-то блѣдность Д. С. Нагловскаго, за часъ—много полтора часа до его смерти ¹⁾.

Въ штабѣ Варшавскаго военнаго округа шла военная игра, которая затягивалась иногда до втораго часа ночи. Игрой руководилъ Нагловскій и очень ею увлекался.

12-го января 1900 года, былъ только 12-й часъ ночи, игра была въ полномъ ходу, какъ подошелъ ко мнѣ Нагловскій, присѣлъ и началъ говорить, что очень усталъ, что игра слишкомъ затягивается и что надо принять мѣры къ болѣе раннему ея окончанію. Мы сидѣли у стола, сильно освѣщеннаго висячей лампой, и я, взглянувъ на Нагловскаго, былъ пораженъ его особенной какой-то блѣдностью и изъ ряду вонъ большими темными кругами около глазъ. Я спросилъ, не боленъ ли онъ, но получилъ отвѣтъ, что вполнѣ здоровъ, а только очень утомленъ; между тѣмъ, живя почти вмѣстѣ и выдаясь часто въ теченіе дня, мнѣ было извѣстно, что особой причины къ большому утомленію въ этотъ день не было. Прекратила игру и разошлись.

Моя квартира примыкала къ штабнымъ комнатамъ, въ которыхъ велась игра, съ одной стороны, а Нагловскаго—съ другой, такъ что мы во всякое время приходили другъ къ другу, черезъ отдѣлявшія насъ четыре комнаты штаба. Не успѣлъ я, придя домой, совсѣмъ раздѣться, какъ ко мнѣ постучали со стороны штаба и закричали, что генералу Нагловскому дурно. Накинувъ халатъ, перебѣжалъ я черезъ комнаты штаба и, взойдя въ кабинетъ Дмитрія Станиславовича, нашелъ его на полу мертвымъ.

Невольно пришло въ голову: такъ вотъ отчего онъ былъ сейчасъ такой блѣдный.

¹⁾ Изъ прошлаго. Часть I. На войнѣ, стр. 377—393.

Припоминая потомъ эти три случая поразившей меня предсмертной блѣдности здоровыхъ на видъ людей и трагическій исходъ, я невольно думаль, что это не съ проста.

Три человекъ, полные силъ и здоровья, Добровольскій, Нагловскій— служили и дѣйствовали, Рядинскихъ бутиль... не сознавая, что смерть уже подошла къ нимъ, стала около нихъ и черезъ нѣсколько мгновений скажетъ свое послѣднее слово.

Добровольскій, за какихъ-нибудь полчаса до смерти, просилъ капитана Куропаткина ¹⁾ передать Скобелеву нѣсколько словъ, казавшихся ему очень важными и крайне необходимыми въ его личномъ существованіи и дальнѣйшей службѣ. Нагловскій безпокоился и заботился о томъ, чтобы на слѣдующій разъ военная игра не затягивалась, а черезъ нѣсколько мгновений исчезли у нихъ всѣ заботы и мысли, столь важныя и необходимыя.

Всему наступилъ конецъ: заботамъ Нагловскаго, дальнѣйшей службѣ Добровольскаго, разгулу Рядинскихъ...

Казалось мнѣ тогда, кажется и теперь, что въ тѣ предшествовавшія мгновенья смерть уже наложила свою блѣдную печать на ихъ лица, что я тогда же эту печать видѣлъ, хотя и созналъ все позже.

П. Паренсовъ.

¹⁾ Ншиѣ военнаго министра.

Постановленіе для перенесенія тѣла императора Павла Петровича изъ почивальни въ тронную.

1801 г.

Въ назначенный по высочайшему повелѣнію день, по учиненной на-
канунѣ повѣсткѣ, соберутся въ кавалерскую комнату придворныя обоего
пола особы и первыхъ трехъ классовъ. Знатное духовенство соберется
въ облаченіи въ тронную комнату.

По прибытіи ихъ императорскихъ величествъ и ихъ императорскихъ
высочествъ, изъ почивальни, при обыкновенной духовной церемоніи, пе-
реложится тѣло на парадную кровать. Поднимаютъ изъ свиты покой-
наго императора генералъ и флигель-адъютанты и перенесутъ на па-
радной кровати въ тронную комнату, гдѣ и поставится она на тронъ.
Его императорское величество возложитъ корону на голову усопшаго
императора. Въ головахъ поставлены будутъ на часахъ л.-гв. два ка-
питана, а также и у ногъ, имѣя какъ на еспантонахъ, знакахъ, шпа-
гахъ, шляпахъ такъ и на рукахъ черныя флеры. Нѣсколько шаговъ
отступя, по обѣ стороны, вдоль около кровати стоять должны шесть
кавалергардовъ; у обѣихъ дверей, у каждой по два кавалергардскихъ
часовыхъ внутри комнаты; у ногъ стоять въ недалекомъ разстояніи
четыремъ пажамъ.

Со дня перенесенія въ тронную будутъ дежурить денно и ночью
по 8 кавалеровъ первыхъ 4-хъ классовъ и по 2 императорскихъ камер-
гера. Въ ногахъ поставлены будутъ два наложія: одинъ для образа, а
другой—для Евангелія и оба покрыты будутъ малиновымъ бархатомъ,
обложенные золотымъ позументомъ. При тѣлѣ отправляться будетъ по-
вседневная церковная служба.

О допущеніи къ поклоненію тѣлу учинятся заблаговременно черезъ
полицію и черезъ герольдовъ въ городѣ извѣщенія. Приѣздъ позволится
отъ 9 часовъ утра до перваго часа пополудни, а послѣ обѣда отъ 3-хъ
часовъ до 8-ми часовъ вечера.

Записки Э. И. Стогова¹⁾.

IV¹⁾.

Отъездъ Стогова въ Якутскъ, а потомъ въ Охотскъ. — Назначеніе командиромъ судна «Миханль». — Плаваніе въ Камчатку.—Пожаръ на суднѣ. — Характеристика каторжныхъ и ихъ жизнь.—Докторъ Беневскій.—Помѣщикъ и его камердинеръ въ одномъ острогѣ.—Петропавловскій портъ.—Жизнь въ Камчаткѣ.—Волканы.—Бытъ мѣстныхъ жителей.

Наступила зима, и мы отправились въ Якутскъ, гдѣ областнымъ начальникомъ былъ Минацкій, бывшій морякъ. Онъ былъ сначала начальникомъ въ Охотскѣ и, бывши въ Иркутскѣ, женился на старшей дочери Трескина и получилъ въ Якутскѣ въ приданое. Минацкій былъ уже очень пожилой человѣкъ, довольно умный и способный дѣлецъ; его любили въ Якутскѣ. Жена его была очень недурна, но наклонностями — вся въ маменьку.

Мы легко сошлись съ нею, но Минацкій, видѣвшій наши отношенія, на страстной недѣлѣ объявилъ намъ, что начальникъ въ Охотскѣ проситъ какъ можно скорѣе отправить къ нему двухъ лейтенантовъ—Стогова и Повалишина.

Изъ Якутска въ Охотскъ—около 1.300 верстъ. Обыкновенно, всѣ отправляются лѣтомъ на нанятыхъ лошадяхъ въ Якутскъ верхомъ; можно ѣхать и зимою, но тогда на почтовыхъ, путь очень трудный: сначала верстъ 120 въ повозкахъ, потомъ верстъ 300 верхомъ на лошадяхъ, потомъ верстъ 650 верхомъ на оленяхъ, остальной путь на

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1903 г.

собакахъ. Не взирая на трудность пути, я уговорилъ Повалишина ѣхать немедленно. Послѣ оказалось, что Миницкій все выдумалъ: никакого требованія отъ охотскаго начальника не было, но Миницкому хотѣлось избавиться отъ насъ.

Мы, молодежь, не подумали, что на предстоящемъ пути нѣтъ ни одного жилья, и о запасахъ на дорогу не позаботились. Миницкій даже со злобы не предупредилъ насъ, а распорядился отпустить съ нами пудовъ пять сухарей, два фунта чая и голову сахара, да на первые дни жаренаго мяса. Морозы были еще очень сильны, домовъ на станціяхъ нѣтъ, тѣснились въ бѣдныхъ тунгузскихъ юртахъ и находили тамъ самую скудную пищу. Помню, ѣхавши на оленяхъ, остановились кормить ихъ и отпустили на волю; олени разгребаютъ въ 2 — 3 аршина снѣгъ, находятъ подъ нимъ мохъ и наѣдаются. Мы встали передъ свѣтомъ, взяли тунгузскій котелокъ, положили сухарей и снѣга, и сами вскипятили на разведенномъ огнѣ. Это былъ день Христова воскресенья; мы похристовались и принялись разговляться сухарями съ снѣжной водой; ѣли съ аппетитомъ и находили наше кушанье очень вкуснымъ и отъ души смѣялись надъ своимъ положеніемъ. Молодость, здоровье—это истинное богатство.

Въ Охотскѣ былъ злой начальникъ Ушинскій, онъ былъ капитанъ 1-го ранга. Ушинскій крайне былъ удивленъ нашимъ прїѣздомъ; тутъ мы узнали, что онъ и не думалъ насъ требовать. Квартиру намъ отвели у лазаретнаго комиссара Окулкова. Это былъ старикъ, выслужившійся матросъ, его звали Алексѣй Михайловичъ, жена его, Анна Ивановна—была за нимъ за третьимъ мужемъ, у нихъ былъ одинъ сынъ — лѣтъ 12-ти. Старики были рѣдкой доброты; я всѣ 12 лѣтъ жилъ на одной этой квартирѣ.

Охотскъ стоитъ на самомъ берегу Охотскаго моря, отдѣляется отъ него грядою Курильскихъ острововъ. Океанъ страшными своими волнами накидалъ низенькій мысъ—можетъ быть, сажени двѣ отъ горизонта моря; грунтъ изъ мелкаго круглаго камня, земли и песку нѣтъ. Этотъ низенькій мысъ шириною версты двѣ и уже. На этомъ мыскѣ: портъ, верфь, казармы и домики отставныхъ матросовъ. Жителей въ городѣ съ командами до двухъ тысячъ. Вотъ куда закинула меня судьба, но на другой день я, къ удивленію своему, приглашенъ былъ въ театръ. Театръ былъ въ пустой казармѣ, играли какую-то комедію и не дурно. Послѣ первой пьесы, подѣлъ ко мнѣ щегольски одѣтый молодой мужчина красавецъ, почти мнѣ ровесникъ. Это былъ одинъ изъ служащихъ въ Американской компаніи, Анастасій Изотовичъ Ленже; онъ воспитывался въ коммерческомъ училищѣ и очень хорошо былъ образованъ, служилъ бухгалтеромъ и былъ душою затѣи—театра. Тутъ же въ театрѣ, мы съ нимъ сошлись и до конца его жизни были

друзьями. Этотъ превосходный человѣкъ, послѣ сдѣлавшись правителемъ факторіи, проживалъ до 40 тысячъ руб. въ годъ, но потомъ спился и умеръ въ крайней бѣдности.

Въ Охотскѣ строился корабль «Михаиль», я былъ назначенъ командиромъ его и получилъ приказаніе отправиться на немъ въ Камчатку, въ Петропавловскую гавань. Походъ былъ весьма благополучный, но случилось одно важное происшествіе: какъ помощника у меня не было, то раздѣваться и выспаться не приходилось—спалъ на палубѣ и урывками. Какъ-то выдался прекрасный тихій день. Барометръ стоялъ высоко, мнѣ захотѣлось понѣжиться, я раздѣлся и легъ спать въ каютѣ, это было въ 10-мъ часу утра. Вдругъ показался дымъ изъ трюма. Боцманъ Шкулевъ пришелъ разбудить меня, будиль, поднималъ, а я спалъ, какъ въ летаргическомъ снѣ. Дымъ становился гуще, и почти вся команда пришла будить меня; очнулся и удивился, увидавъ полную каюту людей. Мнѣ доложили, что пожаръ на кораблѣ.

— Такъ что же вы не тушите?

— Не знаемъ какъ.

Я отдалъ первоначальныя распоряженія и сталъ одѣваться, но, разумѣется, обдумывалъ, что мнѣ дѣлать. Приходитъ Шкулевъ и говорить, что дымъ сильнѣе.

— Пожалуйте наверхъ.

— Не идти же мнѣ въ одномъ сапогѣ, — отвѣчалъ я хладнокровно, вотъ надѣну другой сапогъ и выйду.

Помпы были поставлены за бортъ, гребныя суда были готовы къ спуску. Дымъ дѣйствительно былъ густъ, и люди не выдерживали. Я приказалъ намочить полотенца, обвязать рты матросамъ, и они долѣе выдерживали. Вынимая грузъ наверхъ, пробирались къ тому мѣсту, откуда шель дымъ, при чемъ оказалось, что плита въ кухнѣ лопнула, прогорѣлъ войлокъ, протаялъ свинецъ и загорѣлись запасныя матроскія койки. потушили. Долго послѣ того, если двое заспорятъ, и одинъ разгорячится, то ему говорили: да ты надѣнь сапогъ.

Подойдя къ Курильскимъ островамъ, я осмотрѣлъ третій островъ— это огромная и голая скала безъ пристани. Курильскіе острова и берега Камчатки — это громадный хребетъ горъ, уставленный высочайшими волканами, океанъ—полонъ морскими звѣрями: киты, касатки, дельфины, морскіе львы, а близко берега — множество разнообразныхъ тюленей. Морскихъ птицъ множество. Все это было ново для меня и очень занимало. На горизонтѣ я увидѣлъ какую-то массу и много птицъ; я пошелъ туда, оказалось, это былъ мертвый китъ, и миллионы птицъ дѣлили добычу и дрались между собою, какъ собаки. Все было ново, любопытно, и этотъ походъ вознаграждалъ меня за лишенія въ далекой сторонѣ. Власть командира и торжество науки надъ препят-

ствіями и опасностями окончательно пристрастили меня къ морской службѣ. Петропавловская гавань, какъ гавань—не имѣть ничего себѣ подобнаго въ мірѣ. Вхоть не шире $\frac{3}{4}$ мили, длиною, какъ каналъ, около 7 миль. Большая гавань можетъ помѣстить флоты всего міра; изъ этой гавани выходятъ три небольшія гавани, въ которыхъ, ни въ какую бурю не возмущается вода. Въ одной изъ этихъ маленькихъ гаваней, на скатѣ двухъ горъ—пріютились строенія и церковь. Все бѣдно, все мелко, но это Камчатка—12 тысячъ верстъ отъ Москвы.

Еще въ Охотскѣ, я сдѣланъ былъ презусомъ военнаго суда. Тамъ ни уѣзднаго и никакого не было, и я былъ слѣдователемъ по всѣмъ проишествіямъ. Въ 20 верстахъ отъ Охотска, по берегу моря, стоитъ саловаренный заводъ, на которомъ работаютъ каторжные, но какіе каторжные,—неподавшіеся исправленію ни отъ какихъ наказаній. Всѣ они вытерпѣли нѣсколько наказаній кнутомъ и, какъ послѣдняя мѣра, сосланы въ Охотскъ. Это отпѣтые люди, учинившіе не одно убійство, презирающіе всякое наказаніе и какъ бы ищущіе сдѣлать преступленіе. Это люди, которыхъ всѣ боялись, и по заведенному порядку — каторжный не имѣлъ права подходить къ чиновнику ближе 6-ти аршинъ.

Стоитъ того, чтобы я поговорилъ объ этомъ народѣ.

Въ первую весну, какое-то слѣдствіе привело меня на заводы. Я уже много слышалъ о характерѣ этихъ молодцовъ и составилъ себѣ идею о нихъ. Я еще засталъ тамъ знаменитаго Карцова, бывшаго поручика гвардіи; это былъ человекъ саженнаго роста, съ нѣкоторымъ образованіемъ и поэтическимъ понятіемъ о чести и благородствѣ; онъ былъ атаманъ небольшой шайки разбойниковъ человекъ 5—6 не болѣе. Всякую весну онъ убѣгалъ и командировалъ на дорогѣ, между Якутскомъ и Охотскомъ; зимой являлся, судился, наказывался плетями, а весной опять уходилъ. Старикъ при мнѣ уже не бѣгалъ. Подобные ему отверженцы, лишеныя всѣхъ человѣческихъ правъ, дорожили болѣе жизни—свободою. Какою же свободою, когда всю жизнь проводили въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ? а все-таки и у нихъ была свобода по своему понятію. Каторжныхъ было человекъ болѣе 300, изъ нихъ женатые имѣли особые домики, а всѣ холостые жили въ общей казармѣ посреди площади за желѣзными рѣшетками и за строгимъ карауломъ. Холостымъ дозволялось послѣ работы ходить въ гости къ женатымъ, вотъ тутъ-то и были ихъ клубы, тутъ происходила азартная игра въ какія-нибудь 15—20 картъ, на капиталъ 30 коп., но азартъ былъ совершенно такой же, какъ въ игрѣ на 100 тыс. руб. Тутъ влюблялись въ чужихъ женъ, тутъ смертельно ревновали, бывали и убійства; тутъ же составлялись стоворы на побѣги, — однимъ словомъ, хотя это былъ и грязный міръ падшаго человека, но человекъ и въ этотъ міръ перенесъ съ собою страсти, да еще въ крайней степени. Каторжный,

если не имѣлъ на себя жалобы, вмѣшательство начальника считалъ нарушеніемъ своей свободы, и тогда начальникъ берегись. Если же бывала жалоба, тогда виновнаго можно наказать жестоко, и начальникъ не виноватъ, онъ исполнилъ законъ, а закону должны повиноваться всѣ.

Приѣхавъ въ заводъ, я увидѣлъ удивительную охоту на безчисленныхъ озерахъ. Я былъ молодъ, а молодость просилась на подвигъ. Я выбралъ трехъ каторжныхъ изъ самыхъ отчаянныхъ, приказалъ раскопать, посадилъ въ лодку, и мы отправились на охоту. Присталъ я къ острову, приказалъ каторжнымъ развести огонь, жарить и ѣсть птицу, а самъ завернулся въ шинель и будто бы заснулъ. Одинъ изъ нихъ, Андрюшка, сказалъ, что я долженъ быть честный человѣкъ. Другой подтвердилъ и прибавилъ: «да, онъ честный и храбрый, потому что подлець не довѣрился бы намъ, варнакамъ, а онъ спитъ, какъ ангелъ». Третій сказалъ: «вотъ на такого человѣка не поднимается и рука». Они наѣлись, а я будто проснулся, и мы поѣхали домой. Дорогой я спросилъ:

— Можетъ быть, изъ васъ кто-нибудь намѣренъ бѣжать?

Молчать.

— Я спрашиваю васъ не по службѣ, а по секрету,—продолжалъ я. Андрюшка, глядя исподлобья, сказалъ вполголоса, что онъ убѣжитъ.

— Когда?

— Завтра.

— А кандалы?

— Да это царское, я повѣшу на деревѣ.

— А что ты будешь ѣсть?

— Да я зимой спряталъ въ дуплѣ сухарей и крупы, а тамъ, что Богъ пошлетъ.

— Ребята, я ничего не слышалъ, секретъ.

— Слушаемъ-съ,—отвѣчали они.

Приѣхали; я приказалъ заковать по положенію и очень былъ доволенъ своимъ днемъ. Остановить Андрюшку — бесполезно, онъ бѣжитъ въ другое время, а я только озлоблю его и другихъ. По утру получаю рапортъ, что изъ числа ходившихъ на рубку дровъ Андрюшка бѣжалъ. Сдѣлано было законное распоряженіе о поимкѣ, но Андрюшки и слѣды простыли. Въ тотъ же день, каторжные шептали: «съ этимъ баринкомъ можно жить, онъ честный и благородно держитъ слово». Съ первымъ снѣгомъ Андрюшка явился на гаупвахту, гдѣ я случился на то время. Онъ повалился мнѣ въ ноги и цѣловалъ ихъ, благодарилъ за то, что я не помѣшалъ ему бѣжать.

— Дуракъ, вѣдь тебя накажутъ плетью?

— Что же, батюшка, это не твое дѣло, не ты, а законъ наказываетъ, а ты выше закона не будешь.

Но вотъ еще замѣчательный разсказъ объ Иванѣ Мѣдянцевѣ. Онъ только-что убилъ въ казармѣ одного каторжнаго кандалами по головѣ. Его наказали кнутомъ, и онъ успокоился.

Мѣдянецъ изъ ярославскихъ мѣщанъ, лѣтъ 32-хъ, вершковъ 10-ти роста, хорошо сложенъ, гибокъ, силенъ, грамотенъ. Послѣ каждого убійства онъ усердно читалъ Библию—это была его потребность.

Съ устройства завода, никто и никогда не входилъ въ холостую казарму каторжныхъ, а обыкновенно выкликали поименно. Я первый рѣшился пойти, за мной вошли караульные съ ружьями, но что могутъ сдѣлать караульные тамъ, гдѣ достаточно одного удара кандалами по головѣ? Я караульнымъ приказалъ выйти вонъ. Я былъ въ форменномъ сюртукѣ, въ эполетахъ, но безъ сабли. Вошелъ и поздоровался. Болѣе 200 человекъ на нарахъ, въ два этажа, загремѣли цѣпами, всѣ поднялись и здоровались. Боже мой, что за искаженныя физиономіи и въ такой массѣ предстали предъ меня! Но это люди, и я держалъ себя, какъ съ людьми, хотя другіе и считали ихъ хуже звѣрей. Какъ водится, хозяева просили меня садится, но я не рѣшался, видя много ползающихъ насѣкомыхъ. Догадались, нашли доску, вытерли. Я началъ съ участія къ ихъ быту, спрашивалъ, нѣтъ ли обидъ, каково кормятъ и проч. Дошелъ я и до нравственнаго отвѣта въ будущей жизни.

— Отнимать жизнь,—сказалъ я,—дѣло неоправимое,—великъ отвѣтъ передъ Богомъ, и обратился съ увѣщаніемъ къ Мѣдянцеву.

Онъ искренно признался, что онъ самъ мерзокъ себѣ, послѣ убійства.

— Такъ зачѣмъ же ты убиваешь?

— А вы думаете, я радъ тому: бываетъ такое время, не знаетъ человекъ покоя, сна нѣтъ, все красно въ глазахъ, куда бы нибудь спрятался, а на эту пору, какой-нибудь дрянной человекъ досаждаешь, ну, и не помнишь, какъ хватишь его чѣмъ попало и почему попало. Тогда опомнишься, когда убьешь, да уже поздно. Явится новая неприятность за убійство (наказаніе), да уже не поправишь, вотъ такъ и живешь.

Подобный разсказъ о какомъ-то болѣзненномъ пароксизмѣ я слышалъ отъ многихъ и въ разныхъ мѣстахъ, и полагаю едва-ли это не истерическій припадокъ отъ сильныхъ потрясеній при наказаніи кнутомъ. Это физиологическое состояніе организма стоило бы разъясненія.

Поговоривши съ каторжными по-человѣчески часа два, я простился съ ними; они напутствовали меня молитвами, пожеланіями и, видимо, имъ понравилось мое посѣщеніе. Смотрителемъ завода былъ чиновникъ Мелехинъ, онъ оскорбилъ Мѣдянцева, нарушилъ свободу. Оскорбленный

не вынесъ, разругалъ смотрителя на весь заводъ. Мелехинъ взялъ его съ прижнутыми штыками и приковалъ къ стѣнѣ на цѣпь. Мѣдянцевъ объявилъ, что хочетъ открыть важный секретъ, Мелехинъ подошелъ, Мѣдянцевъ рванулся на цѣпи, но ошибся, только разрѣзалъ платье и легко ранилъ Мелехина; Мѣдянцева наказали, признали неисправимымъ и сослали въ Камчатку. Тамъ снимали кандалы и давали свободу—только живи смирно. Мѣра эта, по большою части, удавалась, каторжный смирялся и доживалъ вѣкъ въ Камчаткѣ.

Заговаривъ о каторжныхъ, буду продолжать. Я не умѣлъ бы сказать, какихъ національностей не было между каторжными саловареннаго завода. Разъ, проѣзжаетъ чрезъ Охотскъ въ Америку докторъ Беневскій. Среди разговора онъ сказалъ, что знаетъ всѣ языки Европы и почти всѣ—Азіи. Я промолчалъ, но уговорилъ его посмотреть саловаренный заводъ, на чтò онъ охотно согласился. На заводѣ приказано было отобрать людей разныхъ націй, и Беневскому былъ представленъ длинный рядъ: турокъ, персіанъ, армянъ и почти всѣ племена Европы. Я предложилъ Беневскому поговорить съ каждымъ изъ нихъ. Но кавово же было мое удивленіе, когда онъ спросилъ персіяннина: изъ какой онъ провинціи, и началъ говорить поговорками его родины, пропѣлъ даже пѣсню. Такъ прошелъ онъ весь фронтъ и каждому сказалъ нѣсколько родныхъ имъ прибаутокъ, пѣлъ ихъ народныя пѣсни и каждого дразнилъ, какъ дразнятъ на его родинѣ. Беневскій уѣхалъ на службу Американской компаніи—въ Ситху. Года чрезъ три, мнѣ сказали, что Беневскій цѣлый годъ жаловался болью головы, наконецъ, сошелъ съ ума и заговорилъ на всѣхъ языкахъ, такъ что никто не понималъ его.

Узнали мы, что въ заводъ ссылается тамбовскій помѣщикъ Алмазовъ, гдѣ находился бывший его камердинеръ. Исторія такая: Алмазовъ дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи, конечно, тайно, въ глуши сада, въ бесѣдкѣ. Какъ-то пронюхалъ онъ, что его работу подглядѣлъ камердинеръ. Алмазовъ взвелъ какъ-то убійство на камердинера и, посредствомъ денегъ, достигъ того, что невиннаго камердинера сослали въ каторжную работу. Любыпытно намъ было поглядѣть, какъ встрѣтятся они. Алмазовъ былъ еще довольно молодъ, тщедушный, съ плохимъ здоровьемъ. Камердинеръ встрѣтилъ бывшаго своего барина дружелюбно, даже съ оттѣнкомъ почтенія. Алмазовъ не могъ исполнять даннаго урока на работѣ, камердинеръ помогалъ и много дѣлалъ за барина, чинилъ ему обувь, платье. Всѣхъ насъ тронула честная доброта камердинера, и мы назначили его въ неспособные и выпустили на вольное пропитаніе, а Алмазова, какъ бывшаго дворянина, взяли въ городъ и числили мастеровымъ при портѣ, т. е. Алмазовъ жилъ въ городѣ на волѣ. Камердинеръ, получившій свободу, поселился съ бариномъ и можно сказать трудами своими пропитывалъ его. Алмазовъ надѣлалъ

разныхъ куколъ, сочинялъ разныя комедіи и, дѣйствуя куклами и разными голосами, весьма искусно представлялъ «Петрушку», ходя по домамъ. Мы всё охотно платили ему за труды, и онъ тѣмъ и существовалъ при казенномъ пайкѣ. Было въ заводѣ человекъ шесть такъ-называемыхъ «фальшивыхъ монетчиковъ». Это были всё самые кроткіе люди, хорошіе рисовальщики и рѣзчики. Каждый годъ, лѣтомъ изъ завода бѣжало нѣсколько человекъ, иногда составляли шайки, и тогда на дорогѣ между Охотскомъ и Якутскомъ они были властителями. Бѣгле одиночки существовали воровствомъ, но бывали шайки бѣглыхъ,—тогда они были дерзкими хозяевами. Послѣ смерти Карцева, долго не составлялись шайки, да и послѣ не каждый годъ; ловить ихъ на огромномъ и безлюдномъ пространствѣ не было никакой возможности; зимой же, бѣгле сами являлись въ Охотскъ. Эти шайки всегда имѣли атамана, есаула, поручика и два, три рядовыхъ. Они знали всё пути транспортовъ, казеннаго не трогали, но купецъ рѣдко проходилъ, не заплатя пошлины. При купеческихъ транспортахъ обыкновенно ѣхалъ приказчикъ; бѣгле останавливали транспортъ, и атаманъ спрашивалъ накладную. Если приказчикъ не покорялся, то его раздѣвали, на мягкія мѣста клали зажженный труть и выжидали покорности. Если накладной при транспортѣ не было, то разбивали всё сумы и ящики и выбирали, что имъ нужно, а если накладная была, то назначали по номерамъ тѣ ящики, которые должны быть отданы имъ, брали, что имъ нужно, и отпускали. Разумѣется, главную статью составляла французская водка и одежда, напримѣръ: круглая шляпа, хорошіе сапоги и проч. Чай, сахаръ—само-по-себѣ. Купцы переносили бѣду, какъ неизбежное зло.

Но вернемся къ своему разсказу. Въ Петропавловскую гавань каждый годъ приходили американцы съ товарами, и намъ, морякамъ, государь дозволилъ запасаться всёмъ беспошлинно, но пользовались этимъ правомъ всё, потому что въ тѣхъ мѣстахъ томоженныхъ нѣтъ. Камчатка нетерпѣливо ждетъ корабль изъ Охотска: тутъ и запасы, и продовольствіе, и прихоти привозятъ купцы, тутъ же и почта—эта единственная ниточка, которою Камчатка привязана къ цивилизованному міру. Въ Иркутскъ приходитъ почта каждую недѣлю, въ Якутскъ—каждая двѣ недѣли, въ Охотскъ—каждый мѣсяцъ, въ Камчатку—одинъ разъ лѣтомъ, да не всегда, другой разъ доходитъ зимой.

Въ Петропавловской гавани домъ для капитана корабля, прехорошенькій, стоитъ на полгорѣ, венеціанское свѣтлое окно, три комнаты и кухня. По горѣ, во многихъ мѣстахъ бѣгутъ родники, а потому въ каждый домъ проведена струя воды на кухню. Для команды не далеко казарма. Осенью, пришелъ американскій корабль съ товаромъ, корабль почему-то былъ подъ испанскимъ флагомъ, а потому на кораблѣ, для наружности, былъ молоденькій испанецъ Маркезо, уроженецъ Мексики.

Въ послѣднее время, онъ игралъ весьма важную роль генерала въ Мексикѣ, но тогда былъ еще юношей, игралъ на гитарѣ и пѣлъ романсы. Корабль запоздалъ, ночью выпалъ первый снѣгъ. Маркезо, не имѣвшій понятія о снѣгѣ, вздумалъ сдѣлать выгодную спекуляцію: всѣ свои бутылки съ виномъ, съ прованскимъ масломъ—вылилъ прямо въ море и давай набивать бутылки снѣгомъ и все это секретно. Но какова же была его печаль, когда къ полдню, въ его бутылкахъ оказалось по нѣскольку ложекъ мутной воды—бѣдный Маркезо плакалъ. Вблизи домовъ гавани, есть великолѣпное озеро, оно замерзло, и Маркезо, увѣряя, что нигдѣ не видалъ такихъ большихъ зеркалъ, какъ цѣлое озеро. Наступила зима и начались вечеринки—эти маленькіе балы. Жена начальника Рикорда, Людмила Ивановна, очень милая особа; не имѣя дѣтей, она собрала къ себѣ пять хорошенькихъ дѣвочекъ, дочерей дьячковъ и мѣщанъ, прилично одѣла ихъ, выучила грамотѣ и танцамъ.

Жившій со мною путешественникъ, англичанинъ Кокранъ, часто проводилъ время у Рикорда. Разъ я спросилъ Кокрана:

— Отъ чего вы не женаты?

— Не хотѣлъ быть дуракомъ перваго ранга,—отвѣчалъ онъ.

Но однажды зимой Кокранъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ нравится Оксинька, я хочу жениться на ней.

— Такъ ты хочешь быть дуракомъ перваго ранга?

— Да, и ты будешь дуракомъ перваго ранга,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Оксинька—Ксенія Ивановна—дѣвочка прехорошенькая, лѣтъ 17-ти, была въ числѣ пяти воспитывающихся у Людмилы Ивановны. Она была дочь дьячка при церкви въ Большерѣцкѣ. Ихъ было пять сестеръ, и всѣ были красавицы: старшая вышла замужъ за коммисіонера американской компаніи, вторая за купца, третья за попа, а Оксинька за Кокрана. Свадьба Кокрана устроилась скоро. Когда ихъ обручали, Оксинька страшно плакала и кричала: «не хочу за Кокрана, хочу за Повалишина». Сколько возможно, свадьба была обставлена парадно. Отъ дома Рикорда до церкви дорога выстлана была сукномъ (которое шло на обмундировку командъ), по бокамъ дороги—горѣли фалшфейеры. Я и лейтенантъ Саполовичъ были шаферами Кокрана. Онъ былъ уже въ церкви, а мы, шафера, должны были проводить въ церковь Оксиньку. Какъ мы ни уговаривали ее, она молчитъ и не идетъ; я шепнулъ Саполовичу: «понесемъ ее». Взяли ее подъ локти и снесли въ церковь. Я научилъ Кокрана отвѣчать попу: «согласенъ». Попъ Иванъ, уроженецъ Камчатки, при вѣнчаніи, имѣлъ обыкновеніе говорить рѣчь. Вѣнчая камчадалъ, онъ говорилъ:

— Если ты не будешь любить своей жены, то первый медвѣдь разделетъ тебя, а неvěстѣ: «если ты не будешь любить мужа, то онъ будетъ

несчастливъ на охотѣ, а ты не увидишь ни шелковаго платка, ни шелковой тѣлогрѣйки.

Когда попъ Иванъ спросилъ Кокрана: «согласенъ ли поять въ жены юже предъ собою видѣши?» Кокранъ отвѣчалъ: «Здравствуй, благодарствуй». Послѣ рѣчи о медвѣдѣ свадьба считалась совершенною.

Былъ въ гавани старичекъ англичанинъ Бутлеръ, онъ давно уже попался въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, наказанъ по-русски кнутомъ, вырваны ноздри и поставлены на лицѣ знаки. Это былъ образованный старикъ, жилъ, ничего не дѣлая, кой-какъ рисовалъ портреты, картинки, образа—и тѣмъ существовалъ безъ нужды. Бутлеръ рисовалъ замысловатый транспарантъ съ сердцами, стрѣлами, амурами и вензелями. Транспарантъ горѣлъ надъ воротами дома Рикорда — было все въ порядкѣ, но всякій изъ насъ зналъ, что эта свадьба, какъ карикатура, сочинена была Рикордомъ, для потѣхи.

Послѣ веселаго ужина, молодыхъ проводили въ домъ капитана Калмыкова, уложили спать и заперли двери. Поутру, я еще бытъ въ постели, какъ является ко мнѣ Кокранъ, безъ сапогъ, въ одной фланелевой одеждѣ. Я, конечно, былъ изумленъ. Кокранъ объяснилъ, что, проснувшись и вспомня, что онъ не сказалъ мнѣ наканунѣ, что не будетъ къ чаю, предположилъ, что, вѣроятно, я ожидаю его, искалъ платье и сапоги, но не нашелъ, потому что дверь была заперта. Не бытъ у меня къ чаю онъ считалъ нечестнымъ и потому вылѣзъ въ форточку и прибѣжалъ въ чемъ спалъ.

— А что же Оксинька?—спросилъ я.

— Она спитъ.

Мы пили чай и завтракали вмѣстѣ, какъ обыкновенно. Вотъ типъ англичанина! Воображаю, какъ была удивлена Оксинька, проснувшись и не найдя мужа.

Кокранъ никогда не говорилъ, но я догадывался, что онъ былъ нанятъ богатою англійскою компаніею собрать свѣдѣнія о чукчахъ и корякахъ и дойти до устья рѣки Анадыра, собрать свѣдѣнія о ихъ промыслахъ и о возможности завести торговлю около Берингова пролива. Но Кокранъ изъ Колымы не рѣшился пробраться къ чукчамъ, хотѣлъ попробовать, нельзя ли достигнуть того же изъ Камчатки, оказалось—тоже невозможно. Не имѣя возможности сдержать даннаго слова, онъ, какъ англичанинъ, рѣшился выкинуть штуку—жениться на камчадалкѣ. Это надѣлало шуму въ его отечествѣ, и Кокранъ сдѣлался львомъ въ Англїи, это все, чего онъ хотѣлъ достигнуть.

Я поѣхалъ по рѣкѣ Камчаткѣ. Не доѣжая селенія Ганалы, есть острожекъ Малка, тутъ горячія минеральныя воды и при нихъ больница. Эти воды почти 80° R: въ семь минутъ варится мясо, въ 4 минуты рыба, а яйцо, не успѣешь прочитать «Отче нашъ»—и готово. Видѣлъ я, грыз-

лись собаки, и одна ступила ногою въ родникъ, и вынула ногу голую— слѣзла шерсть. Около обильнаго горячаго родника близко течетъ родникъ холодный въ 4° тепла; воду мѣшаютъ и лѣчатся отъ многихъ болѣзней. Камчадалъ тонокъ, сухошавъ, безъ бороды и усовъ, съ густыми и длинными волосами на головѣ, заплетенными въ косы; вообще, камчадала отъ камчадалки отличить трудно. Въѣзжая въ село Ключи, повсюду встрѣчаешь мужчинъ съ густыми русыми бородами и усами, народъ широко-костный, бѣлоглазый, тогда какъ камчадалъ бронетъ съ мѣднымъ отливомъ. Жители Ключей поражаютъ неволью, но это объясняется тѣмъ, что еще Екатерина II, желая обрусить этотъ край, приказала набрать нѣсколько русскихъ семействъ и поселить ихъ въ Камчаткѣ. Съ тѣхъ поръ, русаки обжились, размножились, но не мѣшаются съ камчадалами, и живутъ и говорятъ чисто по-русски. Въ селѣ двѣ церкви. Живутъ богато, занимаются огородничествомъ, но пашни не имѣютъ, о хлѣбѣ забыли, питаются рыбою и звѣроловствомъ, имѣютъ довольно скота и благословляютъ свою судьбу. Я остановился у попа Михаила и всю ночь не спалъ, любуясь volcanoмъ. Въ Камчаткѣ имъ много. Меня изумлялъ громадный столпъ пламени, полный искръ. Со мною была зрительная труба, въ которую я хорошо видѣлъ, что кажущіяся огненные пскры есть огромные камни, которые, падая на сопку, долго катились по бокамъ ея и пропадали въ пропастьяхъ. При взрывахъ сопки, не было землетрясенія, но стучали рамы и двери въ домѣ. Картина величественная и страшная, но народъ привыкъ и всѣ спали спокойно. Иногда громъ сопки разбудить отца Михаила и онъ сквозь сонъ промываетъ: «вишь какъ вздымаетъ». По утру пришелъ ко мнѣ другой попъ, Іоаннъ, и разсказалъ съ особымъ удовольствіемъ, что у него, въ эту ночь, сдѣлалось угодье: около самаго скотнаго двора образовалась большая яма.

— Мы съ работникомъ, говорилъ онъ, связали два шеста и не достали дна; я собралъ возжи и всѣ, какія были отъ неводовъ веревки, связалъ, привязалъ камень и не досталъ дна, а приложишь къ ямѣ ухо—слышенъ только шумъ. Право угодье, мы съ работникомъ порадовались, что теперь не нужно вывозить навоза, вали въ яму—небось, не завалишь.

Такъ радостно разсказывалъ попъ Іоаннъ, и ему въ голову не приходило, что этотъ провалъ могъ случиться подъ самымъ его домомъ. Привычка; освоились съ volcanoмъ, какъ мы съ становымъ. Я, признаюсь, во все время, не могъ привыкнуть къ этому потрясающему явленію. Смотря на эту необъятную массу огня, постоянно извергаемую изъ вершины гигантской горы, этотъ снопъ пламени, стремящійся высоко въ пространство, снопъ, полный громадныхъ камней, накаленныхъ добѣла, соображая эту подземную силу и величину невидимаго горна,

*

воображеніе уничтожаетъ самого человѣка до нуля, и онъ чувствуетъ себя не господиномъ міра, а ничтожною пылинкою.

Изъ села Ключи, по льду рѣки Камчатки, пройдя острожекъ Камакъ (что значить по-камчадалски «дьяволь») верстѣ 15, дорогу мнѣ перегородилъ сплошной хребетъ горъ до 2.000 футъ высоты. Рѣка Камчатка, уходя въ хребетъ, такъ замаскировывается, что не видать ея русла. Ясно видно, что эта огромная рѣка прорвала этотъ хребетъ и между оборванныхъ боковъ горъ, какъ въ коридорѣ или ущельи—течетъ 15 верстѣ. Подъѣхавъ къ подножію горъ, я невольно остановился и увидѣлъ разомъ пять вулкановъ и всѣ извергающія пламя и дымъ. Это единственный пунктъ въ Камчаткѣ, съ котораго видно разомъ столько сопокъ. Прежде бывший городъ, а теперь селеніе Нижне-Камчатскъ, стоитъ на рѣкѣ Камчаткѣ. Я остановился у благочиннаго отца Никифора, которому было подѣ 90 лѣтъ. Онъ родился въ Камчаткѣ, отецъ его былъ тоже благочиннымъ, заѣхавшимъ изъ Россіи, и жилъ слишкомъ 100 лѣтъ. Никифоръ былъ строгой нравственности, глубоко религіозный, но добрый; это былъ мой духовный отецъ. Никифоръ былъ ширококостный, толстый, средняго роста, волоса русые и ни одного волоса сѣдаго, но что удивительно, у него не было и признака бороды и усовъ, онъ былъ вдовъ, дѣтей не было. Старика любила и почитала вся Камчатка.

При мнѣ, въ Нижне-Камчатскѣ было сильное землетрясеніе. Шла заутреня, діаконъ стоялъ на амвонѣ и получилъ такой толчекъ, что съ амвона перекинуло его подѣ престолъ, народъ попадалъ въ церкви, доски потолка въ алтарѣ вышли изъ стѣны и повисли. Съ о. Никифоромъ я ѣздилъ на устье рѣки Камчатки.

Около Нижне-Камчатска есть гора, называемая «Осыпь», она замѣчательна тѣмъ, что очень похожа на сотъ воска у пчелъ, только въ большемъ видѣ. Въ каждой ячейкѣ крѣпко втиснутъ круглый камень болѣе кулака; разбивши камень, въ каждомъ находится окаменѣлая раковина. Захотѣлось мнѣ перевалить чрезъ Среднекамчатскій хребетъ, отъ Ключей, верстахъ въ 35, на рѣкѣ Еловкѣ. Подѣ хребтомъ есть острожекъ Еловка, отсюда и начинается подъемъ на хребетъ. Погода стояла превосходная, но хребетъ покрытъ былъ облаками. Камчадалы говорили о невозможности перебраться чрезъ горы, такъ какъ тамъ величайшая пурга. Прожилъ я недѣлю, хребетъ не показывался, соскучился и рѣшился ѣхать. Набралось попутчиковъ человѣкъ 15, я взялъ лучшаго провожатаго Кирилу и поѣхалъ. На половинѣ подъема хребта шелъ густой свѣгъ, хотя внизу было ясно. Камчадалы уговаривали вернуться, но я не послушалъ. Еще до свѣта мы проѣхали опасное мѣсто, называемое «Столбовая тундра» — это вершина гребня, шириною мѣстами нѣсколько сажень; по обѣ стороны тундры—пропасти, а куда ни взглянешь: гора на

горѣ—хаосъ невообразимый. Поднявшись на самый хребетъ, мы нашли не пургу, а тучи снѣжныя, такъ-что на аршинъ нельзя видѣть предмета. Уже было три часа по полудни, а мы не знали, гдѣ мы. Всѣ санки были привязаны другъ за дружку, чтобы не разлучаться. Вдругъ Кирило закричалъ: ко, ко, ко,—значить, опасность; оказалось, что двѣ передовыя его собаки упали въ пропасть и повисли на ошейникахъ—мы находились на краю неизвѣстной пропасти. Рѣшили тутъ ночевать. Я собралъ всѣхъ около себя и, чтобы насъ не занесло снѣгомъ, то мы безпрестанно вставали и отряхались, а чтобы не уснуть, проговорили всю ночь. Не помню какъ, но передъ снѣгомъ, я на полчаса сдремнулъ, оказалось, что меня по поясъ засыпало снѣгомъ. Двѣ нарты камчадалскія, въ каждой по 6-ти собакъ, такъ занесло, что не могли найти слѣдовъ, такъ и отступились. Долго мы бились, но около полдня перевалили черезъ хребетъ на западную сторону и только начали спускаться, какъ передъ нами открылось безоблачное небо и повѣяло тепломъ. Описывая этотъ переваль и говоря о хребтѣ я выразился:

Ничто здѣсь не растеть,
Ничто не зеленѣеть,
Комаръ здѣсь не поеть,
Червякъ ползти не смѣеть.

Спустясь съ хребта, я видѣлъ диво дивное: отроги горъ образовали узкую долину, всю тѣсно наполненную дикими оленями. Мы едва могли удержать собакъ, кричали на оленей, бросали въ нихъ камнями, но олени бросятся отъ насъ и, встрѣтя плотно сплоченную массу и не имѣя выхода—возвращались назадъ. Ружей съ нами не было, мы стояли около двухъ часовъ, пока дальніе олени стали расходиться и ближайшіе могли дать намъ дорогу. Камчадалы говорили, что необыкновенная пурга согнала всѣхъ оленей съ хребтовъ. Но сколько ихъ тутъ было? и счета нѣтъ. Тутъ вершина рѣки Тигиля и тутъ выстроена юрта, въ которой мы ночевали. До Тигиля верстъ 60—70, мы проѣхали быстро. Тигиль была крѣпость во времена перваго занятія Камчатки русскими, но теперь крѣпости и знака нѣтъ, хотя тамъ существуетъ комендантъ изъ флотскихъ офицеровъ. Въ Тигилѣ есть церковь, больница безъ доктора, которой управляетъ фельдшеръ Дунаевъ, есть 12 штатныхъ казаковъ и купецъ 2-ой гильдіи Ворошиловъ. Казаки—это потомки первыхъ завоевателей Камчатки. Бѣлыхъ патріотовъ, какъ эти казаки, я не видалъ во всю мою жизнь. Сынъ казака, достигнувъ 18—20 лѣтъ, зачисляется на службу, присягаетъ и служить вѣрою и правдою 25—30 лѣтъ, получаетъ солдатскій паекъ хлѣба и то не всегда полный—болѣе ничего. Одежды, жалованья казакъ не получаетъ. Обязанности его службы неограниченны—онъ въ полномъ и безотчетномъ повиновеніи ближайшаго начальника. Казаки отапливаютъ всѣ казенныя зданія, обя-

заны имѣть собакъ, для гоньбы и для командировокъ. Лѣтомъ, казаки ловятъ рыбу для начальника и обрабатываютъ его огороды, словомъ, казакъ на службѣ — рабъ. Такихъ усердныхъ и ретивыхъ служивыхъ рѣдко можно видѣть, поведенія — всѣ отличнаго, даже званіемъ своимъ гордятся. Я всегда удивлялся патріотизму казаковъ и любовался ихъ прекраснымъ характеромъ. Казакъ вѣжливъ, гостеприименъ, усерденъ, честенъ и совершенно преданъ начальнику и все за одинъ ничтожный паекъ. Онъ носитъ форменную куклянку съ краснымъ воротникомъ и обязанъ имѣть собственную саблю и винтовку. Только старость увольняетъ его на покой. Чувство повиновенія, дисциплина, уваженіе къ старшему казаку — врожденно у этихъ людей.

Версть 300 отъ Тигиля, по берегу Охотскаго моря стоитъ острожекъ Ича, тутъ церковь, священникъ, при чемъ обыкновенно сынъ наследуетъ отцу. Въ Камчаткѣ всѣмъ священникамъ разрѣшена охота на звѣрей, и попы всѣ охотники. Въ Ичѣ отецъ Іоаннъ побывалъ въ лапахъ медвѣдя, но кончилось счастливо; медвѣдь, помявъ попа, переломилъ ему лѣвую руку наполовины между локтемъ и плечомъ; кость не срослась, и я видѣлъ удивительное явленіе. По просьбѣ моей, Іоаннъ снялъ перевязку съ руки, и вдругъ рука вытянулась почти до полу. Въ переломленномъ мѣстѣ образовалась не толстая веревка изъ жилъ и кожи. Попъ собралъ кожу къ плечу, приставилъ кость къ кости, связалъ въ лубки, и стала рука, какъ рука, но онъ не можетъ свободно ею дѣйствовать. Старикъ лѣтъ за 80, онъ служить заутрени и ѣздитъ для исполненія требъ по селеніямъ. Изъ Ичи я добѣхалъ до Большерѣцка и нашелъ его небольшимъ селомъ, остановился у общаго любимца попа Алексѣя. Онъ извѣстенъ былъ подъ общимъ названіемъ: чача. Это былъ добрякъ, весельчакъ, гостеприименъ и любилъ выпить. Къ приходу чачи принадлежали и Курильскіе острова, куда онъ на байдарѣ отправлялся разъ въ два — три года для исполненія требъ. Изъ Большерѣцка я возвратился въ Петропавловскій портъ.

Переведенный въ Петербургъ адмиралъ Рикордъ просилъ меня отвезти его и Кокрана съ семействами въ Охотскъ. Я приготовилъ корабль къ походу. Кромѣ Рикорда и Кокрана со мной отправились человекъ 40 пассажировъ. Капитанскую каюту занялъ Рикордъ съ женою, каюту для моего помощника я отдалъ Кокрану съ женою, а самъ помѣстился въ общей второй палубѣ, гдѣ и устроилъ временныя каютки и общую залу. Такъ какъ у меня не было помощника, то я бѣольшую часть сутокъ проводилъ на верхней палубѣ. Кокранъ выпьетъ 3—4 стакана пуншу и, уложившись на мою койку спать, оставляетъ Оксиньку одну. Желая уснуть хотя передъ свѣтомъ и не добудившись Кокрана, я, не раздѣваясь, ложусь спать въ ногахъ Оксиньки; каково же удавленіе молодой жен-

щины, когда она, проснувшись, видит у ногъ своихъ мужчину. Людмила Ивановна (Рикордъ) не разъ заставляла меня спать и хохотала.

Благополучно подошли мы къ Курильскимъ островамъ и уже были во входѣ въ проливъ, какъ подулъ противный вѣтеръ; судя по облакамъ, я ожидалъ крѣпкаго вѣтра, барометръ сильно падалъ, былъ уже вечеръ. На кораблѣ былъ пассажиръ, американецъ Толманъ, онъ подошелъ ко мнѣ и весело сказалъ:

— Вотъ завтра пройдемъ Курильскіе острова.

— Можетъ быть, и нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Толманъ предложилъ пари: когда пройдемъ проливъ, я долженъ былъ дать ему четыре соболя, а пока не пройдемъ, онъ будетъ платить мнѣ по соболю въ сутки. Я согласился. По утру буря съ противнымъ вѣтромъ, туманъ, потомъ штормъ, двѣ недѣли сильный противный вѣтеръ унесъ насъ на параллель Парижа. Толманъ заплатилъ мнѣ сверхъ данныхъ мною 4 соболей, своихъ 10 соболей. Наконецъ, вѣтеръ сталъ тише, и мы, хотя и съ трудомъ, вошли въ гавань.

Около Рождества я поѣхалъ прокатиться по Камчаткѣ, отѣхалъ уже 400 верстъ, встрѣтилъ почту изъ Охотска и вернулся, такъ интересна тамъ почта. Перечитавъ почту, я отправился вновь, у меня уже вездѣ были знакомые, да я и самъ ознакомился съ нравами камчадаловъ. Что такое камчадалъ? Я убѣжденъ, что этотъ народъ, не урожденный Азій. Складъ его, фізіономія, ничто не походитъ на коренныя азійскія племена. Языкъ — чрезвычайно мягкій, нравы, обычаи — кротки. Азіатецъ — темнокожъ, камчадалъ болѣе желтоватъ, какъ бы съ мѣднымъ отливомъ. Бороды, усы вѣтъ у всего племени, волоса на головѣ какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ—черные, очень густые и необыкновенно длинные; мужчины носятъ длинныя косы, заплетая по-женски, два раза обматываютъ ихъ около головы. Голосъ у мужчинъ—мягкій теноръ, у женщинъ—необыкновенно высокій сопрано. Пѣсни ихъ заунывны, протяжны и очень трудны для подражанія. Екатерина II, собирая всѣ народы въ Комиссію Уложенія, удивлялась голосамъ камчадаловъ, но камчадалъ и камчадалка не могутъ жить внѣ Камчатки, они умираютъ скоро, какъ швейцарцы—тоскою по родинѣ. Камчадалы всѣ христіане и христіане—душою и тѣломъ. За 300, 400 верстъ, камчадалъ съ женою ежегодно ѣдутъ говѣть. Это честнѣйшій народъ на земномъ шарѣ—въ этомъ я увѣренъ. Столѣтній протопопъ родился въ Камчаткѣ и знаетъ всякаго камчадала и предковъ до 3-го колѣна. На вопросъ мой случалось ли ему видать драку между камчадалами, онъ мнѣ отвѣчалъ, что никогда не слышалъ грубаго слова между ими, супруги живутъ какъ любовники до старости. Воровство между ими совершенно неизвѣстно. Я не могъ растолковать имъ, что такое нищій въ Россіи, они

слушали и не вѣрили. Когда я представилъ имъ, какъ нищій просить Христа ради, они спросили: чего же онъ просить?

— Ъсть.

— Да пусть бы пришелъ и ѣлъ, на что же просить.

Камчадалы и камчадалки, всѣ говорятъ по-русски, не совсѣмъ правильно, но говорятъ, напримѣръ: мой жена, я тебѣ корову-то принесъ и проч.; для домашняго обихода употребляютъ свой языкъ. Камчадалъ чрезвычайно опрятенъ, изба его съ русской печкою и съ трубою. Камчадалка готовитъ кушать въ шелковомъ платкѣ съ золотыми цвѣтами, часто въ шелковой тѣлогрѣйкѣ; печку каждый день бѣлить, полы, лавки, стулья и столы каждый день моетъ, стѣны и потолокъ моетъ каждую недѣлю, домовъ безъ досчатаго пола—нѣтъ. Камчадалъ безъ чая—не живетъ, у каждаго есть тарелки, стаканы, чайныя чашки, ножи и вилки; не покрывши стола, кушанья не поставятъ. Больше всего любятъ чай и хорошій, водку пьютъ, но нечасто, пьяные—тихи, ласковы. Во всѣхъ случаяхъ жизни руководствуются своими преданіями, которыя хранятся въ памяти стариковъ, старость—чрезвычайно уважается. Родительская власть мягка и ласкова, дѣти послушны. Я смотрѣлъ на этотъ народъ, какъ на отомокъ какого-то великаго и высшей цивилизаціи народа. Кто скажетъ, откуда пришелъ этотъ народъ? А кто скажетъ, откуда взялся народъ на Сандвичевыхъ островахъ и островахъ Дружества?

Остановившись разъ у камчадала, остановиться у другаго хозяина нельзя, первый хозяинъ счелъ бы себя глубоко оскорбленнымъ. Подъѣзжая къ дому камчадала, хозяинъ и хозяйка съ сіяющими лицами и радостію встрѣчаютъ гостя.

— Здравствуй, чача, здоровъ ли? спрашиваютъ они. — А мы тебя ждали, ждали, думали, не случилось ли чего.

Хозяинъ распрягаетъ собакъ и убираетъ санки, хозяйка раздѣваетъ, и будьте увѣрены: одежда, обувь ваша внимательно осмотрѣны и все починено, если нужно. Входя въ чистый домъ, видишь, что печка уже топится и готовится кушанье, самоваръ кипитъ и для хозяйки лучшее удовольствіе разливать чай. Камчадалы очень словоохотливы, съ ними не скучно. Послѣ обѣда, хозяинъ всегда даритъ соболя, либо лисицу—это за сдѣланное ему пощещеніе. Разумѣется, не принять нельзя, но я всегда отдаривалъ равноцѣнно, и хозяинъ не отказывался. Прогости два, три дня, хозяинъ въ восторгѣ, похвали его собаку, онъ непременно запряжетъ ее тебѣ. Если случалось мнѣ поднести старикамъ по рюмочкѣ водки, то они непременно устроятъ вечеринку, соберутъ молодежь и откроютъ балъ. Какъ-то капитанъ-лейтенантъ Захаровъ ѣхалъ на перемѣнныхъ собакахъ; ему показалось, что камчадалъ тихо запрягаетъ

собаку, и Захаровъ ударилъ камчадала. Онъ съ доброй улыбкой и тихо сказалъ:

— Ты, чача, видно гнѣваешься, можетъ, я не умѣлъ сдѣлать, такъ ты скажи, какъ я долженъ сдѣлать, я сдѣлаю, только бы не разсердить тебя; ты скажи, а я, право, все сдѣлаю.

Подобное доброе хладнокровіе хотъ кого обезоружить.

Камчатка и всѣ родившіеся въ Камчаткѣ оставили во мнѣ навсегда воспоминаніе, что это люди святые. Такой спокойной, безпечной, съ отрицаніемъ чувства объ опасности, съ совершеннымъ отсутствіемъ идеи о могущей быть неприятности—другой страны и народа, нѣтъ на земномъ шарѣ. Вспоминая о людяхъ, родившихся въ Камчаткѣ, я не могу себѣ иначе представить, что тамъ рождаются съ улыбкою, живутъ смѣючись и умираютъ въ тихомъ спокойствіи. Объ убійствахъ, грабежахъ, воровствахъ—тамъ никто не подумаетъ, потому что нѣтъ ссоръ, нѣтъ зависти—всякій имѣетъ все, что ему нужно безъ тяжкаго труда; желанія ограничены, а кто желаетъ имѣть болѣе, тому стоитъ поболѣе трудиться, и приобрѣтеніе никого не тревожитъ, потому, что приобрѣтая, никого не лишаетъ. Тамъ совѣсть человѣка не возмущается, тамъ человѣкъ засыпаетъ безъ мысли о прошедшемъ днѣ и просыпается безъ мысли о могущей быть неприятности. Всѣ довольны, всѣ счастливы, всѣ добры. Лицемерію—нѣтъ мѣста. Гдѣ не родилась жадная зависть, тамъ не родилось и притворство, честное сердце—всегда искренно, встрѣчая человѣка съ привѣтливымъ поклономъ, слыша слова любви и дружбы, вѣръ, ни въ чемъ нѣтъ задней мысли, скрытаго замысла, все это простое побужденіе добраго сердца. Въ такой странѣ, поживши, самъ дѣлаешься добрѣе, честнѣе; довѣрчивость дѣлается господствующимъ чувствомъ. Мужъ—любовникъ своей жены до смерти, жена—любящій другъ и помощница своего мужа. Жизнь семейная—тихая, трудъ раздѣленъ и исполняется свято въ повиновеніи древнимъ преданіямъ, старость уважается, старики нѣжны и снисходительны къ юности. Юноша гордится, дѣлаясь помощникомъ своимъ родителямъ. Слава молодаго человѣка состоятъ въ любви и преданности къ отцу и матери. Спрашиваю, можно ли безъ теплаго чувства любви и удивленія вспоминать о такой странѣ, живя въ нашей средѣ—полной пороковъ, коварства, зависти и лицемерія.

Живя такъ долго въ Камчаткѣ, я не припомню ни одного неприятнаго слова, ни одного часа, который бы напомнилъ мнѣ неприятное чувство, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Вотъ почему писать воспоминанія о Камчаткѣ—для меня наслажденіе, жизнь моя въ Камчаткѣ повториться не можетъ ни въ какой странѣ. Живя тамъ, я сознавалъ всю цѣнну счастливой жизни, уѣзжая въ Россію, на родину, въ страну цивилизаціи—я горько и неутѣшно плакалъ. Я сознавалъ, что, оставляя ее, погружаюсь въ омутъ коварства, зависти и ежеминутной

злойной хитрости. Я зналъ, что я теряю и что найду, и нашёл борьбу съ жизнью.

Скажу нѣсколько словъ о курильцахъ. Основная ихъ пища морскія птицы, а какъ прилагательная — морскія звѣри и рыба. — Религія курильцевъ, есть смѣсь: шаманства съ идолопоклонствомъ. — Всѣ народы Азіи — бѣдны волосами, у многихъ — нѣтъ и признака волосъ на лицѣ. Курильцы, напротивъ, имѣютъ такое обиліе волосъ, что я другаго племени волосатого и не знаю на земномъ шарѣ. Курильцевъ и по языку и по наружности нельзя не признать — особымъ племенемъ, можетъ быть, тоже какой-нибудь остатокъ большаго народа, спасшійся на островахъ при древнихъ переворотахъ на земномъ шарѣ.

При этомъ случаѣ, я расскажу извѣстный и любопытный случай. — Сандвичевы острова и островъ Дружества существовали, не зная другъ о другѣ. Одинъ англійскій лейтенантъ оказалъ какія-то услуги королю Сандвичевыхъ острововъ, король предложилъ англичанину — дать орденъ, для чего надобно было подвернуться татуированію колѣна. — Лейтенантъ, для странности, согласился на эту операцію — Старый жрецъ накололъ ему какой-то рисунокъ на тѣлѣ колѣна и затеръ краскою. — Это, конечно, служило шуткою для англичанина, онъ переѣхалъ на острова Дружества — кажется, болѣе 600 миль, тамъ вздумалъ купаться, при этомъ случился жрецъ, который, увидавъ рисунокъ на колѣнѣ — повергся въ прахъ и объявилъ, что лейтенантъ — Т а б у, т. е. неприкосновененъ, какъ особа священная. — Курильцевъ — очень мало, стоило бы сохранить ихъ типъ. — Продолженіе Курильскихъ острововъ — есть Японія, но это опять отдѣльное, маловолосатое племя. — Растительность Курильскихъ острововъ — бѣднѣ Камчатки. — Морскіе бури, то съ запада, то съ востока, не даютъ развиваться растительности, однако, кой-что есть одинаковое съ Камчаткою. Если растительность бѣдна, то зато море обильно снабжаетъ разную пищу. — Далѣе втораго острова я не захотѣлъ ѣхать и пошелъ въ Охотскъ. — Прощаясь съ Тигилемъ, я слушалъ пѣсню, сочиненную одной прехорошенькою дѣвочкою, дочерью казака:

На Тагильскомъ на мыску,
Погружаюсь въ грусть, тоску,
Лишь караблѣкъ за мысокъ,
А я млада въ голосокъ, — и проч. и проч.

Изъ этого можно заключить, что и у камчатскихъ дѣвушекъ есть сердца, умѣющія тосковать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова.

I. Записки, въ стихахъ, Н. М. Языкова къ А. С. Дириной ¹⁾.

1.

Милостивая государыня Анна Сергѣевна.

Обѣдать я у васъ готовъ—
Да дѣло въ томъ, что нездоровъ:
Я боленъ болью головной,
Сижу, хожу, какъ самъ не свой,
И дома скученъ, какъ монахъ,
И увѣряю, что въ гостяхъ
Я буду вчетверо скучнѣй:
Теперь мой разумъ—безъ мыслей,
Глаза все на землю глядятъ,
Языкъ молчить, хотъ и не радъ,
И даже громкія слова
Разслышать я могу едва.
Причина этому ясна
И для меня весьма важна:
Теперь я тѣломъ и душой

¹⁾ Помѣщаемыя здѣсь записки Языкова писаны къ Аннѣ Сергѣевнѣ Дириной, матери той Маріи Николаевны Дириной, которой имъ посвящено нѣсколько стихотвореній и которая впоследствии (въ 1827 году) вышла замужъ за профессора русскаго права въ Дерптскомъ университетѣ, Александра фонъ Рейтца († 1862). По поводу свадьбы М. Н. Дириной вотъ что писалъ Языковъ своему другу А. Н. Вульффу, въ письмѣ отъ 1-го мая 1827 года, изъ Дерпта: „Сей день—г. е. 1 мая 1827 — достопамятенъ въ исторіи и твоего, и моего знакомства,—по случаю высокоторжественной и возжелѣнной свадьбы Маріи Дириной. Тютчева, Хриикова [пріятелей Языкова по

Неинтересный и плохой.
 Итакъ меня простите вы,
 Что по причинѣ головы
 Я не могу васъ посѣтить.
 Васъ слушать, съ вами говорить
 Мнѣ очень весело всегда —
 Да не гожуся никуда,
 А въ состояніи такомъ
 Кто ходитъ въ вашъ пріятный домъ?
 И не подумайте, что лгу:
 Я точно доказать могу
 Всю справедливость этихъ словъ.
 Притомъ вамъ скажетъ Киселевъ ¹⁾
 (Онъ будетъ къ вамъ—такъ быть должно,—
 Я это угадалъ давно),
 Что видѣлъ самъ, какъ у меня
 Ужъ голова болить три дня;
 Но если скажетъ Киселевъ,
 Что я сегодня ужъ здоровъ,
 Вы не повѣрьте—это ложь:
 Я и сегодня, право, тожь,
 Что былъ вчера. И такъ... и такъ—
 Я не могу никакъ, никакъ
 Быть сотоварищемъ ему.
 Мнѣ это больно самому,
 Но что же дѣлать? У судьбы
 Нѣтъ либераловъ: всѣ рабы.

Вашъ покорнѣйшій Н. Языковъ.

1823, сентября 9.

Дерптскому университету] и меня грѣшнаго звали туда на празднованіе. Ни первый, ни второй, ни третій не поѣхали—по разнымъ причинамъ, преимущественно же ради отдаленности мѣста, трудности пути неизвѣстнаго—а я сверхъ того имѣлъ причину самую причинную!⁴

Анна Сергѣевна Дирина, вдова полковника, умершаго въ Данцигѣ въ 1812 году, пользовалась большимъ уваженіемъ лицъ, ее знавшихъ (см. о ней въ статьѣ ея сына Петра Николаевича Дирина „Нападеніе военныхъ поселенъ на село Петровское“ (Демьянскаго уѣзда, Новгородск. губ.) въ 1831 г., помѣщенной въ изданной „Русскою Стариною“ книгѣ: „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. 1809—1831“ (Спб. 1871), стр. 45—50). Объ этихъ стихотворныхъ запискахъ Языкова упоминается въ замѣткѣ г. Ювельсона, помѣщенной въ № 9148 „Новаго Времени“ 1901 г. (перепечатанной и въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., т. 86, стр. 363—365).

¹⁾ Николай Дмитріевичъ (р. 1801 † 1869), воспитанникъ Дерптскаго университета, впоследствии бывший нашимъ посланникомъ во Флоренціи; ему посвящено Языковымъ нѣсколько посланій.

2.

Милостивая государыня Анна Сергѣевна.

Вы извините, что я васъ
 Своєю просьбой безпокою.
 И признаюсь: на этотъ разъ
 Я недоволенъ самъ собою.
 Но дѣлать нечего: судьбою
 Теперь мнѣ данъ такой указъ.
 Притомъ я самъ обезпокоенъ:
 Во мнѣ восторгъ почти погасъ,
 Мой умъ чувствительно разстроенъ,
 И задичился мой Пегасъ,
 Я ничего не сочиняю,
 Я даже писемъ не пишу—
 И потому-то васъ прошу,
 Могу сказать, васъ умоляю
 Поэта искренность простить
 И сострадательной рукою
 Мои финансы оживить,
 Давно разсѣянные мною ⁴⁾.
 Я знаю: деньги—суета;
 И для неложнаго монаха
 Онѣ едва ль дороже праха,
 Душа не ими занята;
 Но человѣку въ здѣшнемъ мірѣ
 Онѣ такъ нужны, какъ въ трактирѣ,
 Гдѣ въ долгъ не любятъ никого.
 Я жъ человѣкъ—и такъ желаю,
 Но вы ужъ знаете чего,—
 И, уповая, умолкаю.

Вашъ покорнѣйшій слуга Н. Языковъ.

1823, ноября 2.

3.

Милостивая государыня Анна Сергѣевна.

Благословенному царю
 Не такъ за ленту благодаренъ

⁴⁾ Какъ извѣстно, студенческая жизнь Языкова въ Дерптѣ проходила шумно и радостно, въ удаломъ разгульѣ, и поэтъ-студентъ, вслѣдствіе того, часто нуждался въ деньгахъ. Въ 1829 году, въ концѣ пребыванія Языкова въ Дерптѣ, сумма его долговъ превышала 28 тысячъ (см. биографическій очеркъ В. И. Шенрока „Николай Михайловичъ Языковъ“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1897 года, ноябрь, стр. 173).

Ея не стоящій бояринъ:
 Я васъ душой благодарю.
 Вы мнѣ веселость оживили,
 Моей мечты прогнали мракъ
 И вновь поэту возвратили
 Свободу, музу и табакъ.
 Была пора—я помню живо:
 Свѣча задумчиво горитъ,
 Сижу съ тоскою молчаливой,
 Гляжу къ землѣ, перо лежитъ,
 Лишь изрѣдка возьму бумагу,
 Означу мѣсяць, день;—но вдругъ
 Я вспомню денежный недугъ,
 И на ладонь главою лягу,
 И томно очи затворю...
 Не вы ли мнѣ возможность дали
 Укоротить мои печали?
 Благодарю, благодарю!

Н. Я.

1823, 11 ноября.

4.

Еще элегія.

Какъ скучно мнѣ: съ утра до ночи
 Лежу и думаю: когда
 Моя окончится бѣда,
 Мои ясныѣ будутъ очи.
 Бывало: пылкая мечта
 Ко мнѣ веселая летала,
 И жизни тихой красота
 Мою надежду чаровала.
 Бывало: позднею порой
 Прекрасный ангелъ гѣснопѣннй
 Въ тиши бесѣдовалъ со мной
 И ободрялъ мой юный геній.
 Но быстро, быстро пропеслось
 Мое веселье золотое:
 Теперь что вздумаю—пустое,
 Теперь стихи мои—хоть брось!
 Но все пройдетъ, какъ сновидѣнье:
 Я буду счастливъ и здоровъ,
 И вновь святое вдохновенье
 Проснется для моихъ стиховъ.

Такія чувствуетъ печали
 Богачъ, котораго казну:
 Его завистники украли:
 Онъ грустно помнитъ старину;
 Но мысль надежная сверкаетъ

Въ его печальной головѣ,
И онъ—въ управу посылаетъ
Сказать о важномъ воровствѣ:
Его сокровища найдутся,
Тоска исчезнетъ, какъ мечта—
И благовидно улыбнутся
Уже спокойныя уста.

Записку вашу я тогда же разобралъ: вамъ сказали неправду. Не нужно ли еще «Зима пришла» ¹⁾, или довольно?

5 января 1824.

5.

Les vers sont en effet la musique de l'âme! ²⁾
Voltaire.

Когда въ моемъ уединеніи
Не существуетъ ни гроша,
Грустить мое воображеніе
И то же дѣлаетъ душа;
Когда у Господа—финансовъ
Я умиительно прошу
И ни студенческихъ романсовъ,
Ни важныхъ пѣсень не пишу,
Син минуты роковыя,
Въ ихъ безотрадной тишинѣ,
Напоминаютъ часто мнѣ
Кармана радости былыя,
И вдохновеніе, и васъ;
Я не забылъ, какъ мой Пегасъ,
Слуга живой и неизмѣнной,
Необходимости служилъ
И мнѣ отраду приносилъ
Отъ доброты незаслуженной!
О! сильно чувствуетъ поэтъ!
Въ душѣ, лишь гению послушной,
Притворства нѣтъ, и лести нѣтъ,
И нѣтъ надежды малодушной.
Неблагодарность всѣ вѣка
Открыто славилася въ мірѣ
И въ одѣяніи бѣдняка,
И въ императорской порфирѣ,—
И свѣтъ таковъ, каковъ онъ былъ.

¹⁾ Стихотвореніе Языкова.

²⁾ Т. е. Стихи въ дѣйствительности суть музыка души.

Но въ длинныхъ лѣтописяхъ свѣта
 Снажите: кто же находилъ
 Неблагодарнаго поэта?

Одинъ, съ поникшей головой,
 Въ моемъ пріютѣ одинокомъ,
 Сижу въ молчаніи глубокомъ
 И въ свѣтлый часъ, и въ часъ ночной—
 Мечты чуть живы, не играютъ,
 И часто съ утра до утра
 По Дерпту цѣлому летаютъ
 Искать бумажнаго добра—
 И ничего не обрѣтаютъ!
 Безъ денегъ съ нѣмцами—бѣда:
 Они пріятны для досуговъ,
 Но ихъ пріятность никогда
 Не лѣчитъ денежныхъ недуговъ!
 Но вы, которыя ко мнѣ—
 За что? не знаю—благодарны...
 У васъ мой духъ неугомонный,
 Какъ на родимой сторонѣ,
 Отраду чистую находятъ;
 Не къ вамъ ли, скучная порой,
 Съ непринужденною тоской
 Моя поэзія приходитъ?
 О, будьте духу моему
 Благодетелемъ, какъ былъ—
 И то, и то, и то ему
 Простите—если не простили!

Н. Языковъ.

3 апрѣля 1824.

6.

Какъ цвѣтъ небеснаго аэира,
 Какъ безмятежная луна,
 Моя поэзія ясна.
 Но суетъ земнаго міра
 Порой покорна и она.
 Пускай божественнаго свѣта
 Восторги сладостны уму
 Самолюбиваго поэта:
 Онъ все не Богъ, и все ему
 Нужна поддунная монета—
 Удѣлъ не славный, не святой!
 Но такъ судьба опредѣлила,
 И всѣ мы ходимъ подъ судьбой.
 Вы понимаете въ чемъ сила!
 Благодарю—и Богъ со мной.

Н. Языковъ.

15 мая 1825. Дерптъ.

7.

Въ послѣдній разъ въ семестрѣ этомъ—
 Пускай за деньги—такъ и быть—
 Я притворяюсь поэтомъ
 И васъ могу благодарить:
 Не разъ, не два, вы прогоняли
 Мои карманныя печали
 И тайнымъ подвигомъ добра
 И духъ и здравіе пера
 Пѣвцу-студенту оживляли.
 Все слава Богу—мнѣ пора
 Скакать дорогой къ Петрограду
 Найду тамъ братскую отраду,
 Найду поэтовъ и друзей;—
 Но, вѣрьте богу вдохновенья,
 Я не забуду здѣшнихъ дней
 И вашего благотворенья
 И благодарности моей!

Н. Языковъ.

9 іюня 1825.

III. Письмо Н. М. Языкова къ А. С. Пушкину.

Дерптъ. 19-го августа 1826.

О ты, чья дружба мнѣ дороже
 Привѣтовъ ласковой молвы,
¹⁾

Таково, съ моей стороны, начало нашей переписки! Ради Бога, въ васъ живущаго, поддержите ее; а я, вѣрно, буду постоянно ревностенъ въ дѣлѣ, которымъ могу гордиться. У меня есть еще другая къ вамъ просьба; вотъ она: одинъ мой пріятель, увлеченный духомъ времени, собирается издать на будущій годъ альманахъ; вслѣдствіе сего намѣренія челоуѣка добросовѣстнаго и литератора и вслѣдствіе надежды на вашу ко мнѣ благосклонность — и прошу, и молю васъ не отказаться способствовать и сему богоугодному предпріятію. Апологъ:

¹⁾ Въ началѣ письма помѣщенъ полный текстъ этого посланія Языкова къ Пушкину (см. Стихотворенія Языкова, Спб. 1898, т. I, стр. 111 — 112). Къ стихамъ:

Съ челомъ возвышеннымъ стою
 Передъ скрижалю вдохновеній

сдѣлано примѣчаніе: „Аспидная доска, на которой стихи пишу“.

Удѣлъ генія.

Змѣя увидѣла подснежникъ, ранній цвѣтъ,
И ядомъ облила прелестное растенье.
Такъ геній—наглости завистника предметъ—
Страдаетъ безъ вины и терпитъ угнетенье ¹⁾.

Хорошъ ли? Прощайте покуда.—Засвидѣтельствуйте мои почтенія и поклоны Прасковѣ Александровнѣ ²⁾ и всему міру, въ которомъ я былъ вполне счастливъ.

Prope et longe tuus Н. Языковъ.

III. Письмо Н. М. Языкова къ А. Н. Очкину ³⁾.

Дерптъ. 20-го апрѣля 1829.

Христосъ воскресъ! любезнѣйшій Амплій, обнимаю тебя и цѣлую троекратно! Мнѣ теперь здѣсь такъ скучно, такъ грустно, что я бѣжалъ бы отсюда, куда глаза глядятъ, если бѣ долги не держали меня за полы— все жду, жду, жду возможности покинуть Дерптъ ⁴⁾, и все еще не могу понять, почему это ожиданіе тянется да тянется. Возверзи печаль твою на Господа!... Я и это пробовалъ—постился семь недѣль, говѣлъ, исповѣдался, приобщился Святыхъ Таинъ—и все еще здѣсь!! Сложивъ руки, сижу, сумраченъ и тихъ,—и не знаю, имѣю ли право хоть мало-мальски надѣяться на перемѣну судьбы моей. Сама природа, кажется, мнѣ досаждаеть: всякой день снѣгъ, дождь и чревобѣсіе воздуха: улицы непроходимы, удовольствій ровно никакихъ; все одно и то же—и Богъ вѣсть, когда кончится! Что ты думаешь о «Выжигивѣ» ⁵⁾: здѣсь его всѣ хва-

¹⁾ Это четверостишіе напечатано въ „Отчетѣ Императорской Публичной Библиотеки“ за 1889 г., стр. 43—44.

²⁾ Осиповой, владѣлицѣ села Тригорскаго, гдѣ Языковъ провелъ лѣто 1826 г. и почти ежедневно видѣлся съ Пушкинымъ.

³⁾ Амплій Николаевичъ Очкинъ (р. 1802 † 1865), старинный пріятель и другъ Языкова (такъ же, какъ и онъ, воспитанникъ горнаго кадетскаго корпуса), занимался литературою, особенно переводами, и съ 1839 по 1863 г. былъ редакторомъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Между стихотвореніями Языкова имѣются и посланія его къ А. Н. Очкину.

⁴⁾ Языковъ пріѣхалъ въ Москву въ маѣ 1829 г. (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, Спб. 1889, стр. 306).

⁵⁾ Романъ Булгарина „Иванъ Выжигинъ“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1829 г.

лять, и никто еще не прочелъ—не такъ ли у васъ въ Питерѣ? Судя по объявленію Греча, это произведеніе единственное въ нашей литературѣ (не забылъ ли Гречъ о романахъ Нарѣжнаго, особенно о «Русскомъ Жилбазѣ»?); но я держусь правила: не всякому слуху вѣруйте: есть бо духъ Божій и духъ льстечъ! «Полтаву» Пушкина здѣсь уже прочли; мнѣнія различны: одни читатели безъ ума превозносятъ, другіе такожде хулятъ. Мнѣ кажется, что Пушкинъ не успѣлъ (вѣрно торопился) вполне воспользоваться своимъ предметомъ; есть мѣста восхитительныя—когда есть духъ русской (вотъ главное! сказала Карамзинъ). Еще мнѣ кажется, что въ сей же поэмѣ слишкомъ видное стремленіе Пушкина описывать и выражаться какъ можно проще часто вредитъ поэзии и вводитъ его въ прозу! Характеры вообще подгуляли.

Здѣсь теперь весь городъ — подобно мнѣ грѣшному — полонъ ожиданій: ждуть государя ¹⁾, государыню, наслѣдника, ждуть Жуковского ²⁾, ждуть Булгарина, Сомова ³⁾ и проч. Дай Богъ совершенія этимъ сердечнымъ прихотямъ—особенно моей поѣздкѣ. Прощай покуда.

Весь твой Н. Языковъ.

IV. Письма Н. М. Языкова къ А. Н. Вульфъ ⁴⁾,

1.

Дертъ. 14-го марта 1828.

Ты давно не писалъ ко мнѣ, вѣроятно, за то или потому, что не получалъ моихъ писемъ, которыя, какъ открылось назадъ тому съ недѣлю, предательски задерживались въ карманѣ раба неблагодарнаго.

Вотъ въ чемъ дѣло: у тебя находится Манфредъ, пер(еводъ) Врон-

¹⁾ Императоръ Николай отправлялся на коронацію въ Варшаву.

²⁾ Жуковский пробылъ въ Дертѣ до 30-го апрѣля и потомъ также уѣхалъ въ Варшаву (см. „Дневники В. А. Жуковского“, стр. 206).

³⁾ Ореста Михайловича, литератора.

⁴⁾ Выдержки изъ многихъ писемъ Н. М. Языкова къ его пріятелю Алексію Николаевичу Вульфъ (р. 1805 † 1881) приведены М. И. Семевскимъ въ его статьяхъ „Прогулка въ Тригорское“ (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1866 года, №№ 163, 168 и 175) и „Н. М. Языковъ“ (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года). Здѣсь помѣщаются только тѣ письма Языкова къ А. Н. Вульфъ, которыя совсѣмъ не использованы М. И. Семевскимъ.—А. Н. Вульфъ, по окончаніи въ 1826 г. курса въ Дертскомъ университетѣ, отправился сначала въ свое имѣніе (Старикаго уѣзда, Тверской губерніи), а потомъ въ Петербургъ.

*

ченки ¹⁾, который развѣхался съ моимъ братомъ. Ты потрудишься, и какъ можно скорѣе, доставить его Вронченкѣ, живущему теперь у васъ въ Питерѣ, въ Сергіевской улицѣ, въ домѣ Калачевой, въ квартирѣ гвардейской артиллеріи поручика Ортенберга. А вотъ въ чемъ штука: скажи Вронченкѣ, что ты имѣлъ отъ брата порученіе взять теперь изъ его рукописохранилища оный переводъ и вручить, кому слѣдуетъ. Иначе нарушилась бы литературная тайна. Солги, сдѣлай по сему писанному—и если боишься грѣха, то я беру его на себя передъ Судомъ Страшнымъ.

Кланяйся Пушкину; ты увидишь и Ортенберга, нашего общаго другаго пріятеля, узнай и напиши мнѣ, куда ихъ шлютъ, зачѣмъ и скоро ли? Пора на почту, прощай. Твой Н. Языковъ.

2.

Дерптъ. 4-го августа 1828.

Я довольно давно не писалъ къ тебѣ, мой почтеннѣйшій: вина не моя, что почта не отправляетъ писемъ въ долгъ; но вотъ въ чемъ дѣло: здѣсь носится молва—всѣмъ твоимъ знакомымъ и слѣдовательно мнѣ *κατ' εἰσοχὴν* ²⁾ любопытная: говорятъ, что ты препоясываешь мечъ ³⁾ по бедрѣ твоей, ополчаешься за Русь православную и царя православнаго, что ты вовсе готовъ сѣсть на перекладную колесницу и мчаться къ знаменамъ, развѣвающимся уже на Балканѣ! Желаю тебѣ всевозможнаго счастья на полѣ чести и славы, да сокрушитъ рука твоя тьмы турокъ, да украсится грудь твоя знаками побѣдъ блистательныхъ и сердце воспоминаніями великими! Прошу у тебя обѣщанія писать ко мнѣ, хоть изрѣдка, съ поприща твоихъ подвиговъ, да извѣщаюсь объ нихъ самимъ героемъ!—и посланія лирическія польются, звонкія и торжественныя!

О здѣшнихъ новостяхъ теперь было бы не кстати: самая важная—твое отправленіе.

Мои дѣла учебныя идутъ—и слава Богу Тютчевъ ⁴⁾ готовится со мною

¹⁾ Михаилъ Павловичъ Вронченко (р. 1801 † 1855), офицеръ генеральнаго штаба и литераторъ, переводчикъ „Манфреда“ Байрона, „Гамлета“ и „Макбета“ Шекспира и „Фауста“ Гёте, былъ знакомъ Языкову и Вульфу,—такъ же, какъ и упоминаемый въ этомъ письмѣ офицеръ Ортенбергъ,—по Дерпту, гдѣ онъ слушалъ лекціи астрономіи Струве (см. „Русскій Архивъ“ 1867 г., столб. 714). Переводъ «Манфреда», исполненный Вронченкомъ, вышелъ въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1823 году.

²⁾ Т. е. по преимуществу.

³⁾ А. Н. Вульфъ поступилъ въ гусарскій принца Оранскаго полкъ (см. „Русскій Архивъ“ 1867 г., столб. 744).

⁴⁾ Андрей Николаевичъ Тютчевъ (р. 1805 † 1831, въ Москвѣ, отъ скоротечной чахотки), которому также посвящено нѣсколько стихотвореній Языкова.

вмѣстѣ предстать къ Иисусу: пожелай намъ успѣха. Кланяйся своимъ. Писать некогда: тороплюсь на почту. Весь твой Н. Языковъ.

3.

28-го марта 1836.

Наконецъ я узналъ, гдѣ ты живешь и блаженствуешь, мой любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ! Братъ мой встрѣтилъ тебя въ Москвѣ и увѣдомилъ твоего пѣснопѣвца, что онъ можетъ писать къ тебѣ въ Старицу. Ты вовсе забылъ меня! Что же ты дѣлаешь? Или ты такъ сильно препогрузился въ агрономію, что тебѣ все, кромѣ хлѣба, трывъ-трава!

Странна судьба! Привлекла тебя въ Москву именно въ то время, когда я домовничаю на родинѣ! Но да не смущается сердце ваше! Мы съѣдемся, мы должны это сдѣлать! Надобно только списаться — и дѣло будетъ въ шляпѣ! Не такъ ли? Я извѣщу тебя, когда кончатся мои труды, печатать которые поѣду въ Бѣлокаменную—это прежде зимы никакъ невозможно—труды большіе, драматическіе ¹⁾!!!

Читаешь ли ты хотя стихи мои? Замѣтилъ ли, что я сталъ объективнѣе—это къ лучшему—не всё одно и то же! Пушкинъ, слышно, принимаетъ журналъ: Современникъ. Какъ-то онъ сладитъ съ трудомъ, требующимъ постояннаго сдѣнія за мелочами?

Поздравляю Шепелева ²⁾ съ гусарскими эполетами. Неужели онъ втянется въ службу надолго? Желаю ему во всемъ благого поспѣшенія.

Нѣтъ ли у тебя сношеній съ Дерптомъ? Вотъ въ чемъ дѣло: я, еще въ ноябрѣ прошлаго 1835 года, писалъ къ Хрипкову ³⁾ и просилъ его отыскать нѣмца—дядьку для дѣтей моего брата. Хрипковъ не далъ отвѣта. Такъ не знаешь ли, не уѣхалъ ли нашъ любезный запоздалый пейзажистъ куда-нибудь въ сторону? Справься, если можешь: это мнѣ очень нужно.

Прощай покуда. Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мой поклонъ и почтеніе; я еще въ долгу у Евпр(аксіи) Ник(олаевны) ⁴⁾: теперь есть надежда, что расплачусь: — вѣдь уплата стараго долга почти находка въ наше несостоятельное время!

Адресуй письма ко мнѣ: въ Карсунъ Симбирской губерніи.

¹⁾ Драматическая сказка „Жарь-птица“, семь главъ изъ которой появились во II томѣ „Современника“ 1836 года.

²⁾ Петра Николаевича Шепелева (р. 1806), также бывшего студента Дерптскаго университета.

³⁾ Александръ Дмитріевичъ Хрипковъ (р. 1799), также бывший студентъ Дерптскаго университета, занимался живописью.

⁴⁾ Сестра А. Н. Вульфа Евпраксія Николаевна (р. 1810 † 1833), бывшая, съ 1831 года, замужемъ за барономъ Борисомъ Александровичемъ Вревскимъ.

4.

25-го апрѣля 1836 года.

Вскорѣ послѣ отправки моего письма къ тебѣ, мой любезнѣйшій Аякъсъ, получилъ я твое письмо изъ Старицы—честь и слава тебѣ, что помнишь меня грѣшнаго. Давай же опять вести переписку по прежнему: намъ не подобаетъ и во вѣки вѣковъ, если можно, забывать другъ друга.

Ты справедливо замѣтилъ, что я дѣятельно участвую въ «Московскомъ Наблюдателѣ»: да, я опять расписался и теперь уже, кажется, надолго. Принимаюсь и за большіе труды. Полно мнѣ, такъ сказать, мелочничать. Впрочемъ, да не смущается сердце твое—посланія у меня всегда будутъ писаться, только что они будутъ уже не главнымъ—вотъ главное! Теперь жизнь моя чрезвычайно благоприятна стихописанію: уединенная какъ нельзя больше, тихая, привольная и сельская, и—хвала за то Провидѣвію!—хозяйство мое такъ хорошо устроено и такъ долго шло хорошо, что я совершенно независимо могу предаваться любви своей ¹⁾. Какъ-то ты ты дѣйствуешь по этой части? Гдѣ ты находишься преимущественно—на берегахъ ли Сороти ²⁾ и въ виду двухъ озеръ? Это мнѣ нужно знать—пригодится, можетъ быть. Напиши мнѣ подробно обо всемъ, что ты дѣлаешь, куда стремишься и проч. Прощай куда. Твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мой поклонъ и почтеніе.

5.

12-го іюля 1837.

Не хочу, потому что никакъ не могу, оправдываться передъ тобою; ты имѣешь все право, ты долженъ сердиться на меня за мое молчаніе; и что ты думалъ обо мнѣ, не получая отъ меня ни строки такъ долго, послѣ моего обѣщанія писать къ тебѣ изъ Москвы, куда я тогда ѣхалъ? Вина моя передъ тобою непростительна, несносна. Но если можно въ насъ раскаянье живое... и проч.

Много утекло воды съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ тебѣ. Что же дѣлалъ ты въ это время? Хозяйничалъ ли, или женился ³⁾, подражая твоему соратнику Хомякову ⁴⁾? У меня же весь почти этотъ годъ про-

¹⁾ Небольшая выписка изъ этого письма, притомъ не вполне точная, напечатана въ біографическомъ очеркѣ Языкова, помѣщенномъ въ изданіи его „Стихотвореній“ 1858 года, часть первая, стр. VIII.

²⁾ Г. е. въ Тригорскомъ.

³⁾ А. Н. Вульфъ умеръ холостымъ.

⁴⁾ Извѣстный писатель - славянофилъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ

шелъ въ разѣздахъ (это не извиненіе!). Я былъ и въ Москвѣ довольно долго,—просидѣлъ ровно 6 мѣсяцевъ, именно просидѣлъ—по слабости здоровья моего! Стиховъ не писалъ почти вовсе, какъ ты видишь въ журналахъ,—за то собираюсь опять приняться за что-нибудь большое.

Гдѣ ты теперь находишься? Тамъ, гдѣ мы нѣкогда гуляли вмѣстѣ съ нашимъ безсмертнымъ Пушкинымъ? Горько и досадно, что онъ погибъ такъ безвременно и отъ руки какого-то пришлеца! Исторія причинъ дуели его—чрезвычайно темна и, вѣроятно, останется таковою на вѣки вѣковъ. И какъ мало отдѣланнаго нашлось въ его бумагахъ. Его губилъ и погубилъ большой свѣтъ—въ которомъ не житье поэтамъ! Поклонись за меня его праху, когда будешь въ Святогорскомъ монастырѣ. Пиши ко мнѣ.

Прощай куда. Твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мое почтеніе.

Адресъ мой: въ Карсунъ Симбирской губерніи.

6.

(Помѣта о полученіи письма: 22-го октября 1837 г.).

Я получилъ письмо твое и не знаю, какъ благодарить тебя за то, что ты на меня не сердиться: ты почти прощаешь мнѣ всѣ мои великіе грѣхи передъ тобою и бесѣдуешь со мною по прежнему.

Ты спрашиваешь: каково мое здоровье? Плохо, плохо! Я продолжаю лечиться, а поправляться еще и не начиналъ. Въ концѣ будущаго ноября поѣду въ Москву или въ Питеръ: надобно же мнѣ—и пора—чѣмъ-нибудь покончить мое томительное положеніе! Прошлага 1836 года въ Москвѣ прожилъ я ровно 7 мѣсяцевъ по пустякамъ. Повѣришь ли, что все это время я собирался день за день ѣхать домой, лечиться порядочно; а пріѣхавъ сюда, началъ собираться ѣхать въ Москву,—здѣсь уже догадавшись, что мнѣ было бы лучше тамъ остаться! *So geht es in der Welt* ¹⁾!!

Ты смотришь на причины дуели Пушкина совсѣмъ не такъ, какъ ихъ намъ показываютъ. Въ распространеніи слуховъ объ этой кровавой трагедіи вмѣшалось такъ много относительнаго и духа партій, что нашему брату, удаленному отъ большаго свѣта и неопытному въ распутываніи столичныхъ сплетней—вовсе ничего разобрать нельзя. Отъ тебя надѣюсь узнать правду и истину.

Если жена Пушкина своею вѣтренностію или неосторожностію дѣй-

участвовалъ, какъ и Вульфъ, въ Турецкой войнѣ 1828—29 гг. Онъ женился на сестрѣ Н. М. Языкова, Прасковѣ Михайловнѣ.

¹⁾ Т. е. Такъ все идетъ на этомъ свѣтѣ!

ствительно навела на него ударъ, его поразившій, то слѣдуетъ ли изъ этого, что стихотворцамъ и вообще всѣмъ холостымъ жениться не слѣдуетъ. Нѣтъ, мой почтеннѣйшій, ты ошибаешься! Хомяковъ своимъ примѣромъ доказываетъ и очень убѣдительно совѣтуетъ и мнѣ приступить, разумѣется со страхомъ Божиимъ и вѣрою, — къ сочетанію своего сердца съ сердцемъ существа ему любезнаго! Онъ говоритъ даже, что и ты женишься!.....

Когда моя поѣздка обозначится яснѣе теперешняго—а это будетъ на дняхъ,—то я напишу къ тебѣ, какъ и что. Надобно же намъ увидѣть другъ друга! Мнѣ бы хотѣлось на это время быть здоровымъ—Богъ милостивъ и благъ,—но и въ противномъ случаѣ все-таки надобно.

Прощай куда. Весь твой Н. Языковъ.

Нѣтъ ли у тебя стиховъ изъ «Мѣднаго Всадника», которые не напечатаны?

7.

Октября 17-го дня 1838 года, Ганау.

Прошлаго 1837 года, осенью, писалъ я къ тебѣ изъ Симбирска, что собираюсь ѣхать въ Москву лечиться, что оттуда извѣщу тебя, долго ли тамъ пробуду и проч.: я въ самомъ дѣлѣ собрался было и тогда же въ Москву именно, но за день до дня отъѣзда простудился и такъ сильно, что пролежалъ на одрѣ болѣзни до мая 1838; тогда былъ перевезенъ въ Москву, гдѣ медики предписали мнѣ путешествіе въ Мариенбадъ и около двухъ мѣсяцевъ приготавливали меня къ этому подвигу—т. е. къ возможности быть везому на далекія цѣлебныя воды, въ безызвѣстную! Въ Мариенбадѣ пробылъ я почти два мѣсяца, пилъ бруннъ, купался въ водѣ и грязяхъ, и по окончаніи курса, отъ котораго пользы еще не вижу, отправился въ Ганау къ знаменитому Копу ¹⁾, гдѣ и емъ. Коппъ обѣщается поставить меня на ноги и сдѣлать вообще молодцемъ къ осени 1839: въ Ганау продержитъ меня до лѣта, а лѣтомъ пошлетъ купаться въ Гастейнъ. Вотъ какъ скоро судьба бросаетъ меня нынѣ черезъ горы и доли, изъ страны въ страну! Меня, который такъ любилъ и такъ привыкъ пребывать на одномъ мѣстѣ и сидѣть сиднемъ! И какъ быстро перемѣнился я, можно сказать, съ головы до ногъ. Теперь еще не могу порядочно пройти по комнатѣ, взойти на лѣстницу безъ провожатаго; мѣсяцъ

¹⁾ Иоганнъ-Георихъ Коппъ (р. 1777 † 1858), докторъ и авторъ нѣсколькихъ трудовъ по медицинѣ, пользовавшійся большою извѣстностью у русскихъ, ѣздившихъ за границу.

тому назадъ не могъ прочесть страницы, написать пяти строкъ, не почувствовавъ одышки!

Какъ ты поживаешь, гдѣ ты? Дай мнѣ отвѣтъ на эти вопросы— я здѣсь еще успѣю получить письмо твое. Не сердись на мое молчаніе; прости мнѣ его больному, какъ прежде прощай здоровому.

Меня везъ въ чужіе края и здѣсь еще со мною находится — мнѣ въ утѣшеніе—П. В. Кирѣевскій, занимающійся собираніемъ русскихъ пѣсенъ и стиховъ: если у тебя много порожняго времени—то примись-ка записывать съ голоса народа русскія пѣсни и стихи. Послѣдніе чрезвычайно важны во многихъ отношеніяхъ: это легенды, поемыя нищими, въ нихъ столько поэзіи, что мы можемъ гордиться ими передъ Европою—и въ нихъ-то истинная, наша, самобытная словесность. Я увѣренъ, что ты не откажешься отъ этого благаго дѣла.

Прощай куда. Весь твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мой поклонъ.

8.

Іюля 8-го дня 1839. Ганау.

Пишу къ тебѣ еще разъ изъ Ганау. Я недавно возвратился сюда изъ Крейцнаха, гдѣ купался въ соленой водѣ и пилъ ее, какъ бывало вино. Теперь переношу ея дѣйствіе на мое тѣло и переживаю жары, мнѣ вредоносные. Когда все это помирится, отправлюсь въ Гастейнъ, гдѣ, по словамъ Кюна, найду мое исцѣленіе. Изъ Гастейна въ Вевѣ—лечиться виноградомъ,—а потомъ зимовать въ Римъ: такъ мнѣ предписано! Послѣднюю статью этого регламента постараюсь не исполнить: лучше, кажется, будетъ просидѣть зиму въ Фернѣ, чѣмъ въ столицѣ каеволицизма, гдѣ, хотя и теплѣе, но не въ домахъ, а на улицѣ, потому что нѣтъ хорошихъ печей,—а въ Швейцаріи эта важная часть бытія человѣческаго стоитъ на высшей точкѣ совершенства, нежели въ Нѣметчинѣ и въ Италіи. Не велика бѣда, что я не перейду черезъ Сенъ-Бернардъ или Сенъ-Готардъ: чтó мнѣ теперь до славы? чтó я за Наполеонъ, чтó я за Суворовъ? Здоровье краше всѣхъ румянъ! И что папы не увижу—тоже не бѣда. Мнѣ теперь ничего такъ не хочется, — мнѣ никогда ничего такъ сильно не хотѣлось, — какъ поскорѣе во свояси. Эта жизнь подъ перстомъ медицины, эта таскатня отъ одного мѣста леченія къ другому, это всегдашнее пребываніе въ комнатахъ въ закупокѣ, эти несносно-тягостные переѣзды, и пережданія, и отдыхи отъ одного лекарства до другого,—этотъ чужой языкъ и людъ, другой законъ, другіе нравы—и, наконецъ, вся эта микстура, вмѣстѣ взятая и приправленная нѣмецкимъ духомъ, какъ нѣмецкій супъ мушкатнымъ орѣхомъ, эта микстура наскучила мнѣ, какъ всѣ прочія микстуры, и

мази, и пластыри—слабительные, свербительные и томительные! Что-то скажу я послѣ купанія моего въ электрической водѣ гастейнской? Копь сильно на нее надѣется. Я имъ очень доволенъ. Онъ поправилъ меня, сколько можно было: это была, дискать, только подготовка для Гастейна,—а главное, а все въ немъ!

На зимовкѣ начну писать стихи. Я такъ намерзся моимъ бездѣйствіемъ духовнымъ, что, вѣроятно, разражусь сильно и множественно—ежели... разумѣется, мое здоровье этому не воспротивится, какъ было до сегодня. Прощай покуда. Напиши ко мнѣ въ Гастейнъ. Твой Н. Языковъ.

Всѣмъ твоимъ мои почтенія и поклоны. Не женился ли ты? У меня есть слухи, что это должно быть: такъ требуй же отъ меня поздравительныхъ стиховъ!

9.

Сентября 6-го дня 1844. Москва.

Спасибо тебѣ, мой любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ, что ты вспомнилъ меня, твоего стараго одноклассника и воспѣвателя! Правда, что я уже возвратился изъ нѣмецкихъ краевъ: я теперь нахожусь въ Бѣлокаменной—на Арбатѣ, у Спаса на Пескахъ, въ домѣ Безсмѣнова. Приѣзжай взглянуть на меня. Я въ Москвѣ еще съ августа прошлаго 1843 года и пробуду здѣсь, вѣроятно, еще долго: мой врачъ не позволяетъ мнѣ удалиться изъ-подъ его личнаго надзора! Приѣзжай: покажи мнѣ себя, превратившагося изъ воинственнаго гусара въ мирнаго помѣщика,—и посмотри меня, который когда-то пѣлъ бойко и гулялъ молодецки, а теперь съежился въ болѣзненнаго домосѣда! Я еще въ долгу у Евпраксіи Николаевны¹⁾: если у ней есть еще альбомъ, то привези его мнѣ, я исполню свое обѣщаніе. Всѣмъ твоимъ мои поклоны и почтенія. Твой Н. Языковъ.

10.

Октября 14-го дня 1844.

Правда, что я прожилъ въ Москвѣ почти годъ, не извѣстивъ тебя о моемъ возвращеніи на Русь православную; но правда и то, что я имѣлъ желаніе сдѣлать это и справлялся, въ свое время, о тебѣ у кого слѣдуетъ: справлялся я у А. Д. Хрипкова²⁾. Онъ не далъ мнѣ удовле-

¹⁾ См. выше, стр. 487, прим. 4-е.

²⁾ См. выше, стр. 487, прим. 3-е.

творительнаго отвѣта ни на одинъ изъ многихъ моихъ о тебѣ вопросовъ: и такъ поблагодари отъ меня Евпраксію Николаевну за сообщеніе тебѣ извѣстія о моемъ пребываніи въ Москвѣ.

Хотя я самъ не большой хозяинъ,—или, лучше сказать, я хозяинъ ни большой, ни малой, т. е. я вовсе не хозяинъ, но я умѣю уважать обязанности всякаго хозяина — такъ думаю, что ты освободишься отъ водъ и твоихъ дѣлъ хозяйственныхъ не прежде перваго пути: тогда, братъ, и Москва будетъ веселѣе и явится тебѣ въ полномъ блескѣ своей зимы. Здѣсь ты найдешь и твоего однополчанина Ал(ексѣя) Степ(ановича) Хомякова. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

11.

Августа 23-го дня 1845. Башкилова.

Наконецъ дождался я письма отъ тебя, мой Алексѣй Николаевичъ! Я уже начиналъ думать, не предался ли ты заманчивому и завлекательному вихрю питерскихъ суетъ и соблазновъ и не носишься ли ты по прихоти волнъ тревоженной столичной жизни? Теперь вижу, что все это время прошло у тебя не въ мишурныхъ забавахъ и наслажденіяхъ, а въ горькихъ хлопотахъ и заботахъ; сердечно сострадаю тебѣ въ твоей семейной потерѣ: покойнаго Валерьяна ¹⁾ я живо помню, какъ помню все, что, во время оно, было въ незабвенномъ Тригорскомъ. Сердечно сострадаю и несчастію ²⁾, постигшему вашу губернію: оно нимало не удивило меня: хотя я, своею особою, и никогда не принадлежалъ и не принадлежу къ несмѣтному числу пружинъ, движущихъ ту огромную, тяжелую и скрышчую махину, которую мы называемъ русскимъ правительствомъ, но всетаки и я уже довольно приглядѣлся къ ея дѣйствіямъ — и почитаю всѣ ихъ истиннымъ посланіемъ Божиимъ, на которое и смотрю съ этой точки зрѣнія....

Засвидѣтельствуй мою искреннюю благодарность всѣмъ помнящимъ меня въ Тригорскомъ за несказанную ихъ пріязнь ко мнѣ многогрѣшному. На дняхъ посылаю тебѣ подобающее число экземпляровъ моихъ новыхъ стихотвореній ³⁾. Если ты вздумаешь писать ко мнѣ, то надписывай письма: въ Москву, на Пречистенку, у Троицы въ Зубовѣ, въ домъ Наумовой. Къ 1-му сентября я переѣду туда съ дачи, гдѣ теперь еще пребываю, дрожа и ежась отъ холода. Прощай куда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

¹⁾ Братъ А. Н. Вульфа, Валеріанъ Николаевичъ (р. 1812) умеръ 13-го марта 1844 года.

²⁾ Голодъ.

³⁾ „Новыя стихотворенія“ Языкова вышли въ свѣтъ въ 1845 году.

Въ Москвѣ примусь и за альбомъ баронессы Вревской ¹⁾, которой кланяюсь всеусерднѣйше.

12.

Февраля 14-го дня 1846.

Вотъ тебѣ альбомъ Евпраксіи Николаевны и мои стихи для него: доставь все это по принадлежности съ приложеніемъ моего почтенія и просьбы принять благосклонно мои каракульки! Не знаю, разберетъ ли ихъ Евпраксія Николаевна, разберешь ли ихъ даже ты? Но мнѣ хотѣлось переписать ихъ собственноручно, хотя они и писаны не для печати. Въ самомъ альбомѣ моя рука вышла бы еще неразборчивѣе—почему и рѣшился пустить ихъ на особомъ листѣ.

Посылаю тебѣ новое мое стихотвореніе, только что отпечатанное: прими и его радушно.

Я продолжаю сидѣть въ Москвѣ по-прежнему, т. е. въ такомъ же видѣ и положеніи, какъ ты меня видѣлъ здѣсь прошлаго года; будущимъ лѣтомъ будутъ меня пользоваться водолеченіемъ: не знаю почему, а мнѣ кажется, что оно мнѣ поможетъ или хотя прибодритъ меня болѣе, нежели всѣ вмѣстѣ прежнія ванны, мази, микстуры, декокты, эссенціи, укрѣпляющія, возбуждающія, восстанавлиющія и разводящія!! Прощай покуда. Всѣмъ твоимъ мои поклоны и почитанія. Твой Н. Языковъ.

Адресъ мой: На Пречистенкѣ, у Троицы въ Зубовѣ, въ домѣ г-жи Наумовой.

13.

Марта 19-го дня 1846.

Виновать я передъ тобою, мой любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ: я послалъ къ тебѣ альбомъ Евпраксіи Николаевны, да не написалъ къ тебѣ ни слова при сей важной оказіи. Я только теперь и вспомнилъ объ этомъ важномъ, такъ сказать, промахѣ. Прости мнѣ его великодушно.

Къ альбому присоединилъ я и мои стихи на открытіе памятника Карамзину. Они собственно принадлежатъ къ литературному сборнику, у насъ составляющемуся и имѣющему выйти въ свѣтъ на Фоминой недѣлѣ ²⁾. Нашъ сборникъ будетъ лучше всѣхъ петербургскихъ изданій подобнаго рода.

¹⁾ Евпраксіи Николаевны, рожд. Вульфъ (см. выше, стр. 487, прим. 4-е).

²⁾ Стихи Языкова на открытіе памятника Карамзину въ Симбирскѣ были напечатаны въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1846 года.

Разобрала ли Евпраксія Николаевна мои каракули? Послать ихъ къ ней переписанными не собственною моею рукою—было бы неловко; а написалъ я ихъ на особомъ листкѣ бумаги, потому что альбомъ слишкомъ малъ для стиховъ такого размѣра, да и бумага эта не такъ шероховата и на ней моя рука менѣ спотыкается.

Будь здоровъ. Кланяйся отъ меня всѣмъ твоимъ, меня помнящимъ. Твой Н. Языковъ.

Адресъ мой теперь вотъ какъ: на Пречистенкѣ, у Троицы въ Зубовѣ, въ домѣ Наумовой

14.

Апрѣля 22-го дня 1846.

Жаль мнѣ, что моя посылочка, можетъ быть, пропадетъ безъ вѣсти, особенно жаль потому, что альбомъ, въ которомъ заключаются стихи Пушкина—есть драгоценность и онъ же долженъ быть сохраненъ, какъ памятникъ того золотого времени, когда у русскихъ дѣвицъ были альбомы. Теперь время другое, прозаическое, пошлое и проч.

Справлюсь въ здѣшнемъ почтамтѣ: и если мнѣ возвратятъ мою посылку, то я снова пошлю ее къ тебѣ; но какъ же мнѣ сдѣлать, чтобы съ нею не повторилась та же исторія: напиши мнѣ, когда именно прислать ее къ тебѣ въ Старицу? Тригорскому мой поклонъ и его владѣтельницамъ и всѣмъ моимъ тамошнимъ знакомымъ мои почтенія и желанія всякаго добра и блага!.....

На лѣто переѣду я въ Сокольниковы, т. е. на дачу, гдѣ буду лечиться холодною водою по методѣ знаменитаго Присница ¹⁾, лучше сказать, Присница,—и надѣюсь, что она освѣжитъ и прибодритъ мое бременное тѣло.

Если вздумаешь писать ко мнѣ, то адресуй письма: на Кузнецкой мостъ, въ домъ Хомякова. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

15.

Мая 17-го дня 1846.

Трудно было мнѣ выручить изъ Московскаго почтамта альбомъ, возвратившійся изъ Старицы,—но, слава Богу, онъ опять въ вѣрныхъ рукахъ и сегодня же ѣдетъ снова къ тебѣ; смотри же, не упусти его: въ другой разъ едвали и отдадутъ его мнѣ назадъ... Спасибо тебѣ за намѣреніе навѣстить меня: пріѣзжай будущею зимою—буду ждать тебя. Да, мой любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ! ровно двадцать лѣтъ про-

¹⁾ Извѣстнаго доктора въ Грегфенбергѣ.

шло уже съ того времени, какъ мы отправлялись изъ Дерпта въ Тригорское: много съ тѣхъ поръ воды утекло, многого нѣтъ, многихъ нѣтъ! мы постарѣли! Но честь и слава намъ, что мы не измѣнили ни самимъ себѣ, ни другъ другу!

Вези мои поклоны и почтенія въ Тригорское, всѣмъ и каждому, кто меня помнить, и всѣмъ мѣстамъ, кои я помню о сю пору и никогда не забуду.

Я все еще только что собираюсь переѣхать на дачу: погода не пускаетъ—холодно, сыро, вѣтрено!

1846 годъ, кажется, обойдется безъ весны, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ея не видно.

Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

Письмо В. А. Жуковскаго императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

(С.-Петербургъ, 11-го мая 1826 г.)

Честь имѣю представить вашему императорскому величеству эту маленькую книжечку, въ которой собраны самыя необходимыя фразы ¹⁾: вы легко можете дополнить ихъ другими, болѣе общими. Черезъ нѣсколько часовъ я уѣзжаю ²⁾. Примите, всемилостивѣйшая государыня, изъявленіе моей глубочайшей признательности за трогательную доброту, съ какою вы простились со мною; сердце мое преисполнено такой же признательности и къ особѣ государя императора ³⁾. Это узы, связующія на вѣки: ваше величество повѣрите мнѣ на слово. Отнынѣ вся моя жизнь посвящена исполненію моей священной обязанности ⁴⁾. Молю Господа даровать мнѣ здоровье и въ особенности способность исполнять ее достойнымъ образомъ. У меня теперь одна цѣль: она заставляетъ меня смотрѣть съ уваженіемъ на мою жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ она преисполняетъ меня боязнію, такъ какъ я не надѣюсь на свои силы. Быть можетъ, Провидѣніе благословитъ мое усердіе и приметъ его во вниманіе. Прощайте, всемилостивѣйшая государыня. Да хранитъ васъ Господь! Возлагая вѣнецъ на главу вашего супруга ⁵⁾, да сплететъ Онъ ему вѣнецъ славы и вѣнецъ счастья для его народа. Внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что наше послѣднее несчастье,—столь трогательная кончина ангела Елисаветы ⁶⁾,—было послѣднимъ испытаніемъ для вашей семьи и для Рос-

¹⁾ На русскомъ языкѣ, для разговоровъ съ разными лицами на предстоявшей коронаціи въ Москвѣ.

²⁾ Жуковскій выѣхалъ изъ Петербурга въ заграничное путешествіе 11-го мая 1826 г. (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 178).

³⁾ Съ государемъ и императрицею Жуковскій простился 10-го мая (тамъ же).

⁴⁾ Быть наставникомъ великаго князя Александра Николаевича.

⁵⁾ Въ 1826 году совершилась коронація императора Николая.

⁶⁾ Императрицы Елисаветы Алексѣевны († 4 мая 1826 г.).

си. Начнется новый порядокъ вещей. Государь благородно началъ свое поприще. Небо, въ награду за чистоту его намѣреній, испоплетъ ему силу и необходимыя познанія для того, чтобы продолжать такъ, какъ онъ началъ. Да царствуетъ онъ непрерывно, долго, чтобы оставить своему сыну Россію счастливую, установленія прочныя, безъ коихъ нѣтъ счастья народнаго, и людей, достойныхъ упрочить то, что имъ будетъ учреждено. Тѣмъ временемъ нашъ ангелъ будетъ развиваться спокойно подъ охраною энергичнаго и отеческаго правленія. А вы будете наслаждаться счастьемъ обоихъ. Это предсказаніе. Оно исходитъ изъ сердца. Примите его, всемилостивѣйшая государыня, какъ залогъ безграничной преданности и да хранитъ васъ Провадѣніе ¹⁾).

Жуковскій.

¹⁾ Подлинное письмо писано по-французски:

J'ai l'honneur de présenter à Votre Majesté Impériale ce petit livret, rempli de phrases les plus essentielles vous: les complèterez facilement par d'autres plus générales. Dans quelques heures je serai parti. Madame, recevez ici les expressions de ma profonde reconnaissance pour la bonté touchante avec laquelle vous m'avez fait vos adieux, la même reconnaissance remplit mon coeur pour la personne de l'Empereur. Ce sont des liens qui attachent éternellement: Votre Majesté me croira sur parole. Toute ma vie est maintenant dévouée à mon devoir sacré. Que Dieu me donne la santé et surtout la capacité pour le remplir dignement. Je n'ai à présent qu'un seul but: il me fait respecter ma vie, mais aussi il me remplit de crainte, car je me défie de mes forces. Peut-être la Providence voudra bénir ma bonne volonté et m'en tenir compte. Adieu, Madame! Que Dieu vous garde! et qu'en mettant la couronne sur la tête de Votre époux, Il en fasse une de gloire pour lui et de bonheur pour son peuple. Un sentiment intérieur me dit, que notre dernier malheur, que cette mort si touchante de l'ange Elisabeth a été la dernière épreuve pour Votre famille et pour la Russie. Un nouvel ordre de choses va commencer. L'Empereur a ouvert grandement sa carrière. Le ciel en récompense de ses intentions pures lui enverra et la force et les lumières nécessaires pour continuer comme il a commencé. Qu'il règne toujours, longtemps, pour laisser à son fils une Russie heureuse, des institutions stables, sans lesquelles il n'y a pas de bonheur public, et des hommes dignes de soutenir ce qu'il aura fondé. En attendant notre ange se développera tranquillement sous la sauvegarde d'un règne énergique et paternel. Et vous jouirez du bonheur de tous les deux. Ce sont des prédictions. Elles partent du coeur. Recevez les, Madame, comme un gage d'un dévouement sans bornes et que la Providence veille sur Vous.

Joukoffsky.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

—
XI¹⁾.

Мѣры къ облегченію и обезпеченію быта крестьянъ.—Высочайшее повелѣніе 19-го февраля 1864 года объ устройствѣ крестьянъ въ царствѣ Польскомъ.—Литовско-русская азбука.—Командированіе Никотина въ Варшаву.—Свиданіе его съ Н. А. Милютинымъ.—Засѣданіе учредительнаго комитета по крестьянскому вопросу.—Характеристика графа Берга.—Положеніе крестьянъ въ Августовской губерніи.—М. П. Погодинъ въ Вильнѣ.—Я. П. Баклановъ и его дѣятельность.—Я. А. Соловьевъ.

—
Въ виду разныхъ злоупотребленій помѣщичьей власти, которыми были окружены крестьяне царства Польскаго, императоръ Николай Павловичъ, рядомъ законодательныхъ мѣръ, старался облегчить и обезпечить ихъ бытъ. Начало положено было съ имѣній казенныхъ и маіоратныхъ, пожалованныхъ русскимъ помѣщикамъ, въ которыхъ крестьяне постепенно освобождались отъ барщины, и земли, имъ предоставленныя, облагались умѣреннымъ чиншемъ, соразмѣрно ихъ качеству и стоимости. Это благотворное дѣло не замедлило принять вскорѣ благодѣтельныя послѣдствія; благосостояніе сказанныхъ поселянъ стало возрастать очень быстро. Въ виду этого, указомъ 26-го мая (7-го іюня) 1846 года предоставлены были разныя льготы и тѣмъ крестьянамъ, которые населяли имѣнія, принадлежавшія польскимъ панамъ и разнымъ учрежденіямъ; сюда отно-

¹⁾ См. «Русскую Старину», февраль 1903 года.

сится отъѣна, такъ называемыхъ даремщинъ и принужденныхъ наймовъ, обезпеченіе спокойнаго владѣнія усадьбами и сервитутами тѣмъ крестьянамъ, которые исправно отбывали законныя повинности, запрещеніе повышать повинности и присоединять находившіяся въ пользованіи крестьянъ земли къ землямъ дворовымъ (фольварочнымъ). Начавшіяся вскорѣ затѣмъ смуты въ Галиціи, венгерская война и, наконецъ, турецкая 1853 года лишили возможности государя упрочить это важное дѣло. Но вотъ занялась, наконецъ, надъ Россією новая заря народной жизни. По слову незабвеннаго Монарха-Освободителя мгновенно спали оковы рабства съ многомилліоннаго русскаго народа и великое дѣло освобожденія крестьянъ, по свидѣтельству самого Вѣнецносца-Мученика, «при благословеніи Всевышняго, увѣнчалось быстрымъ успѣхомъ, благодаря дѣятельной помощи, оказанной въ семь дѣлъ русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ, и жертвамъ, имъ принесеннымъ, во имя общей пользы и истиннаго человѣколюбія». Этихъ-то сильныхъ двигателей и не оказалось налицо у польскихъ пановъ. Три указа и постановленія отъ 16-го (28-го) декабря 1858 года, о добровольномъ очиншеваніи крестьянъ, отъ 4-го (16-го) мая 1861 года, о замѣнѣ барщины законнымъ окупомъ, и, наконецъ, отъ 24-мая (5-го іюня) 1862 г., объ обязательномъ очиншеваніи, не только «не встрѣтило, къ глубокому прискорбію нашему,—слова государя,—со стороны помѣстнаго сословія того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ предпринятыхъ мѣръ былъ, очевидно, невозможенъ», но и повели сначала къ политическимъ смутамъ, а за тѣмъ и къ вооруженному мятежу. Само собою разумѣется, что, послѣ всего этого, крестьянская реформа въ царствѣ Польскомъ должна была неминуемо осуществиться усиліями русскаго правительства, и вотъ, спустя три года, послѣ незабвеннаго 19-го февраля 1861 года, наступило 19-ое февраля (2-го марта) 1864 года, день, который останется вѣчно памятнымъ крестьянамъ царства Польскаго, какъ день вновь возникающаго благосостоянія польскаго народа, о небывалыхъ притѣсненіяхъ котораго русскимъ правительствомъ распѣвали на всѣ лады наши недоброжелатели.

За нѣсколько дней до этого великаго событія, доставлены были къ главному начальнику Сѣверо-Западнаго края, при прокламаціи намѣстника царства Польскаго графа Берга, высочайшіе указы отъ 19-го февраля (2-го марта) 1864 года, объ устройствѣ крестьянъ, о гминномъ устройствѣ, о ликвидационной комиссіи, и о приведеніи ихъ въ дѣйствіе, которые вскорѣ были разосланы, съ особыми курьерами, по Августовской губерніи, съ приказаніемъ обнародовать ихъ самымъ торжественнымъ образомъ, въ знаменитый для цѣлой Россіи день 19-го февраля. Нужно было видѣть ту оживленную работу, которая совершалась тогда въ особенной канцеляріи нашего неутомимаго начальника. Подъ

непосредственнымъ его руководствомъ, просиживались цѣлые дни и ночи надъ великимъ трудомъ, который никому изъ насъ не казался тогда тяжелымъ. Тотчасъ по полученіи указовъ, графъ М. Н. Муравьевъ сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ присланной прокламаціи намѣстника къ крестьянамъ царства Польскаго на литовскій языкъ для литовцевъ, обитавшихъ въ четырехъ уѣздахъ Августовской губерніи. Дѣло это было поручено православному протоіерею Петкевичу и переводчику Арамовичу. На третій день, переведенная и напечатанная въ десяткахъ тысячъ прокламація была уже разслана и роздана вмѣстѣ съ указами 19-го февраля.

Вслѣдъ за этимъ, графъ М. Н. Муравьевъ сообщилъ Н. А. Милютину свое предположеніе перевести на литовскій языкъ и высочайшіе указы, съ тѣмъ, чтобы они были напечатаны не латинскою, а русскою азбукою. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 16-го (27-го) апрѣля, за № 161, Николай Алексѣевичъ выразилъ по этому поводу слѣдующее: «Въ заключеніе не могу не повторить мысли, которая была уже выражена въ одной изъ записокъ, посланныхъ отсюда, по предмету введенія русской азбуки для литовскаго языка. Предпріятіе безспорно важное и способное вести къ плодотворнымъ политическимъ результатамъ, минута самая благоприятная; но, чтобы дѣло удалось, оно, по моему мнѣнію, не можетъ быть ограничено предѣлами Августовской губерніи. Неблаговиднo было бы предлагать литвинамъ въ Польшѣ русскія буквы и оставлять ихъ въ Россіи при польскихъ; это слишкомъ явно показалось бы политическою мѣрою, направленною противъ царства Польскаго. Необходимо обобщить ее такъ, чтобы распоряженіе по Августовской губерніи было лишь частію дѣла, распространяемаго одновременно на весь край, населенный литовскимъ племенемъ. Я думаю, что нужно было бы, въ то же время, когда печататься будутъ указы, для Августовской губерніи, издать точно такую же литовско-русскою азбукою извлеченіе изъ постановленій для крестьянъ Ковенской и Виленской губерній — объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, о льготахъ, имъ въ послѣдніе годы дарованныхъ и т. п.»

Когда я прочелъ М. Н. Муравьеву полученное мною письмо отъ Николая Алексѣевича, то онъ, разсмѣявшись, сказалъ мнѣ:

— До сихъ поръ еще въ Петербургѣ не могутъ опомниться отъ дипломатическаго похода на Россію! Европа потерпѣла уже окончательно пораженіе, а все-таки, по ихъ мнѣнію, неблаговидно русскому правительству открыто заявить, что оно намѣрено дѣйствовать, при разрѣшеніи внутреннихъ государственныхъ вопросовъ, сообразно съ нашими русскими интересами. Задняя мысль, а что скажетъ намъ на это Европа, не даетъ имъ покоя! Вотъ если бы мы поменьше обращали вниманія на ея возгласы по внутреннимъ нашимъ дѣламъ, да посерьезнѣе бы зани-

*

мались ими, тогда Европа не совала бы поминутно свой носъ къ намъ. Взглядъ Николая Алексѣевича совершенно вѣренъ самъ по себѣ, но неужели онъ не замѣчаетъ разницы въ этомъ дѣлѣ. Положеніе 19-го февраля 1861 года обнародовано на русскомъ государственномъ языкѣ, который обязательенъ для всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ русскаго царя; указы же 19-го февраля (2-го марта) 1864 года напечатаны по-русски и по-польски, и будутъ обнародованы въ царствѣ Польскомъ de facto на польскомъ языкѣ, который, будучи непонятенъ литовцамъ, какъ и русскій языкъ, станетъ, такимъ образомъ, болѣе русскаго обязательнымъ для нихъ. Пускай покажется наше распоряженіе политическою мѣрою, направленною противъ царства Польскаго, а что за дѣло до того Европѣ. По моему, неблаговидно для сильной правительственной власти прикрывать свои распоряженія какими-то выходками, съ цѣлію замаскировать отъ Европы мѣру, которую самъ Николай Алексѣевичъ признаетъ способною повести къ плодотворнымъ политическимъ результатамъ. Въ Виленской и Ковенской губерніяхъ для литовцевъ введется литовская азбука русскими буквами посредствомъ школы. Займитесь-ка теперь съ Микуцкимъ этимъ дѣломъ, а завтра въ 11 часовъ представьте его мнѣ.

Г. Микуцкій, состоявшій на службѣ при главной библіотекѣ, въ Варшавѣ, составилъ, по желанію главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, подробный проектъ литовско-русской азбуки, основанный на законахъ сравнительной филологіи и въ то же время весьма, повидимому практической въ томъ отношеніи, что по этому проекту не требовалось никакихъ существенныхъ измѣненій или дополненій въ нашей обыкновенной азбукѣ для присособленія ея къ литовскимъ звукамъ. Вотъ что писалъ мнѣ Н. А. Милютинъ объ этомъ человѣкѣ, прося принять его подъ особенное покровительство: «онъ тѣмъ болѣе будетъ нуждаться въ поддержкѣ вашей, что, какъ человѣкъ, нѣкогда пахавшій землю своими руками, потомъ служившій въ солдатахъ и за тѣмъ, по особенному влеченію, посвятившій себя славянскому и литовскому корнесловію, изученію санскритскаго и т. п. языковъ, онъ своею оригинальностію способенъ, при первой встрѣчѣ, если можно такъ выразиться, шокировать тѣхъ, кто не знаетъ этихъ обстоятельствъ. Если Михаилу Николаевичу угодно будетъ призвать его къ себѣ, для личнаго объясненія, то я просилъ бы васъ предупредить его высокопревосходительство обо всемъ этомъ».

Желаніе Николая Алексѣевича было въ точности исполнено, г. Микуцкій получилъ триста рублей за свой трудъ, и шестьсотъ рублей серебромъ было ассигновано на печатаніе литовско-русской азбуки, по его методѣ, которая вскорѣ и была издана въ

значительномъ числѣ экземпляровъ,—для народнаго употребленія, по литовскимъ школамъ сѣверо-западныхъ губерній.

Такъ какъ крестьянское дѣло въ Августовской губерніи, благодаря предварительнымъ распоряженіямъ графа М. Н. Муравьева, ушло далеко впередъ, въ сравненіи съ прочими губерніями царства Польскаго, то, для соглашенія дѣйствій и для передачи всѣхъ подробностей сенатору Н. А. Милютину, я былъ посланъ 14-го марта въ Варшаву. Прибывши въ этотъ мятежный омутъ, поздно вечеромъ, я велѣлъ извозчику отвезти себя, вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, чиновникомъ Турцевичемъ, въ «Европейскую гостиницу», въ которой останавливался въ 1860 г., по возвращеніи изъ-за границы. Къ ужасу моему, я узналъ тамъ, что нѣсколько дней тому назадъ, за совершенное убійство доктора, гостиница эта была секвестрована; беспорядокъ и пустота замѣнили прежнее изящество отеля. Насилу могли добиться мы, чтобы намъ указали номеръ для ночлега, и затѣмъ, безъ чаю и ужина, легли спать, забаррикадивавши двери и завязавъ ихъ крѣпко-на-крѣпко веревкою, сверхъ замочки на ключъ. «Береженаго Богъ бережетъ», говоритъ пословица, а мнѣ, какъ посланному отъ главнаго начальника края, могло бы очень не поздоровиться, если бы мятежники пронюхали мой пріѣздъ. Такъ или иначе, но ночь прошла благополучно, и затѣмъ, напившись чаю, въ десятомъ часу утра, я послалъ городского въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ квартировалъ Н. А. Милютинъ, заявить о своемъ пріѣздѣ и узнать, когда я могу съ нимъ видѣться. Не прошло и полчаса со времени отправки посланца, какъ къ моимъ услугамъ были присланы два конвойныхъ черкеса, съ приглашеніемъ во дворецъ. При свиданіи съ Николаемъ Алексѣвичемъ, я встрѣтился у него съ княземъ В. А. Черкасскимъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ, и который былъ старше меня тремя курсами по Московскому университету. Служебная бесѣда наша длилась часа три; по окончаніи занятій, я получилъ на тотъ вечеръ приглашеніе присутствовать въ засѣданіи учредительнаго комитета во дворцѣ, у намѣстника графа Берга, чтобы передать графу М. Н. Муравьеву о принятомъ тамъ рѣшеніи насчетъ образованія крестьянскихъ комиссій и другихъ по крестьянскому дѣлу вопросовъ. Передъ моимъ уходомъ, Николай Алексѣвичъ спросилъ меня: не пожелаю ли я перейти на службу въ царство Польское, и предложилъ мнѣ мѣсто въ правительственной комиссіи въ Варшавѣ.

— Что вы на это скажете намъ, Иванъ Акимовичъ? — спросилъ меня князь В. А. Черкасскій.

— Позвольте поблагодарить васъ за лестное для меня ваше предложеніе, но я не считаю себя въ правѣ имъ воспользоваться, такъ какъ мое пребываніе въ Вильнѣ главный начальникъ края находить полез-

нымъ для дѣла, и бѣжать отъ него въ такое горячее время было бы крайне неприлично.

Оба мои собесѣдника единогласно подтвердили, что и они то же самое сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ. На томъ мы и распрощались.

Съ послѣднимъ боемъ восьми часовъ вечера, какъ мнѣ было назначено, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, поднимался я по роскошной лѣстницѣ недавно отдѣланнаго заново королевскаго замка, который поразилъ меня, своимъ роскошнымъ убранствомъ. Минуть черезъ десять ожиданія, меня пригласили въ кабинетъ намѣстника графа Берга, гдѣ, подъ его предсѣдательствомъ, и было открыто засѣданіе учредительнаго комитета, на которомъ тогда присутствовали: Н. А. Милютинъ, князь В. А. Черкасскій, тайный совѣтникъ Арцимовичъ, генералъ-полицеймейстеръ царства Польскаго Э. Э. Треповъ и я. Не стану описывать занятія комитета, продолжавшіяся около двухъ часовъ, такъ какъ всѣ засѣданія его печатались; скажу одно, что меня поразила фигура намѣстника. Сухой, высокій, съ черными нафабранными усами, молча, сидѣлъ онъ за столомъ, покручивая попеременно то тотъ, то другой усъ, и по временамъ закрывалъ глаза. Вотъ, вотъ думалось мнѣ невольно, заснетъ нашъ предсѣдатель, но какъ только дѣло коснулось расходовъ, онъ мгновенно одушевился и заявилъ, что въ распоряженіи его нѣтъ свободныхъ суммъ на это.

— Мы попросимъ денегъ у Михаила Николаевича,—отвѣтилъ ему шутя Н. А. Милютинъ,—у него найдутся свободныя суммы.

Намѣстникъ улыбнулся, и средства нашлись.

По окончаніи засѣданія, графъ Бергъ, узнавши, что я тотчасъ уѣзжаю въ Вильну, очень любезно обошелся со мною. Послѣ нѣсколькихъ минутъ продолжавшагося разговора о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ краѣ, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, правда ли, что Михаилъ Николаевичъ хочетъ оставить свой постъ?

— Не имѣю ничего сказать вамъ на это, ваше сіятельство, отвѣчалъ я ему.

— Какъ его здоровье?

— Довольно плохо, а усидчивая работа окончательно подрываетъ его силы.

— Надобно беречь себя. Кланяйтесь душевно ему отъ меня, пусть онъ и не думаетъ оставлять край. Онъ намъ нуженъ; слѣдуя его примѣру, можно сильно ручаться за успѣхъ дѣла...

Откланявшись затѣмъ намѣстнику и бывшимъ у него посѣтителямъ, я отправился въ сопровожденіи конвойныхъ въ гостиницу и затѣмъ поѣхалъ съ ними же на желѣзную дорогу, гдѣ подошелъ ко мнѣ жандармскій офицеръ и попросилъ показать видъ. Когда я раскрылъ мою

дорожную сумку, изъ которой выглянули два карманныхъ револьвера, недоумѣнне выразилось у ожидавшаго паспортъ офицера; въ это время конвойные поднесли ко мнѣ мой чемоданъ, и меня больше не тревожили. На другой день благополучно прибылъ я съ моимъ спутникомъ въ Вильну. Да, тогдашнія поѣздки по желѣзной дорогѣ были довольно рискованны. Впереди каждаго пассажирскаго поѣзда, минутъ за 10—15 до его отхода, отправлялся паровозъ съ нѣсколькими конвойными солдатами, для осмотра пути, такъ какъ мятежники портили рельсы и стрѣляли по поѣздамъ, но объ этомъ какъ-то и не думалось. Обаятельная сила имени нашего неутомимаго начальника устраняла всякую мысль о возможности какой-либо бѣды отъ польскихъ лиходѣевъ.

Не лишнимъ здѣсь будетъ очертить въ нѣсколькихъ словахъ то положеніе крестьянъ въ Августовской губерніи, въ которомъ застала ихъ великая реформа. Прошедши, при отрядѣ войскъ, отъ Гродны на Липскъ, Ястржембну, Августовъ и Сувалки, я имѣлъ случай лично убѣдиться въ нерасположенности крестьянъ къ тамошнимъ помѣщикамъ; то же самое слышалъ я и отъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ, проходившихъ Маріампольскій, Кальварійскій и Сейникскій уѣзды, для очищенія ихъ отъ мятежниковъ, которые навели на крестьянъ паническій страхъ своими звѣрствами надъ ними. Особенно ужасъ этотъ былъ замѣтенъ въ тѣхъ деревняхъ лѣсистой мѣстности, гдѣ кочевала шайка Вавра. Заходя по пути въ каждую деревню, я получилъ полное убѣжденіе, что сельское населеніе въ Августовской губерніи лишено было положительно всѣхъ средствъ къ безбѣдному своему существованію. При колонизаціи, ихъ сгоняли съ усадебъ и усадебныя земли присоединяли къ фольварковымъ, вмѣсто хорошей и удобренной ими пашни, отводилась имъ земля самага дурного качества, не давалось пастбищъ, выгоновъ, сѣнокосовъ, иногда даже и водооя. Этимъ объясняется безчисленное множество жалобъ, которыя лились рѣкою ко всѣмъ русскимъ въ томъ краѣ властямъ. Всюду слышался одинъ вопль: дайте намъ землю и помогите поскорѣ выдти изъ безвыходнаго нашего положенія. Платимый крестьянами окупъ былъ непомерно высокъ, тяжелая барщина, данины, принужденный наемъ по 15 к. въ сутки, на своихъ харчахъ, существовали, несмотря на запрещеніе, до послѣдняго времени и, только благодаря энергическимъ мѣрамъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, крестьяне вздохнули свободнѣе со времени подчиненія ему Августовской губерніи. Революціонная партія, предчувствуя свое пораженіе, пыталась распространять между крестьянами нелѣпыя слухи, что ихъ хотять обратить въ русскую вѣру, общаціемъ разныхъ льготъ, которыя они на самомъ дѣлѣ никогда не получаютъ, но цѣль не была достигнута; здравый смыслъ польскаго крестьянина восторжествовалъ надъ замыслами крамолы. Введеніе сельскаго самоуправленія принесло

огромную пользу дѣлу умиротворенія и пресѣкло окончательно панамъ путь въ крамолѣ. Вообще крестьяне питали ненависть къ польскимъ судамъ, которые страшно разоряли ихъ. Обхожденіе пановъ съ крестьянами, особенно съ русскими уніатами, было самое грубое, отталкивающее.... Бѣдняки неоднократно простосердечно сознавались, что, видя ласковое обхожденіе съ ними русскихъ гвардейскихъ офицеровъ и присланныхъ изъ Вильны чиновниковъ, сами, наконецъ, почувствовали «что и они люди». Напрасно утверждали польскія мѣстныя власти, что тамошніе крестьяне дикари. Чистая неправда! Литовцы не понимаютъ польскаго языка, вообще же крестьяне сосредоточены, такъ сказать, въ себѣ, нужда научила ихъ быть скрытными, благодаря іезуитизму пановъ и ксендзовъ; женщины кажутся развитѣе, но это происходитъ отъ того, что женщины смѣлѣе въ обращеніи. Безчисленное множество крестьянскихъ жалобъ на лишеніе ихъ земли относились къ 1846 году; по справкамъ оказалось, что всѣ почти онѣ оставлены были безъ удовлетворенія. Вообще легальнымъ путемъ, при тогдашнемъ состояніи дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, обиженнымъ крестьянамъ нельзя было добиться правды: концы были очень искусно спрятаны, а рука вѣдь руку моетъ. Доискиваясь, однако же, причины всеобщаго почти указанія крестьянъ на учиненную имъ земельную обиду въ 1846 году, т. е. тогда, когда правительство приняло мѣры къ улучшенію ихъ быта, можно, не безъ основанія, предположить, что, въ промежутокъ времени отъ 26-го мая до сентября, когда высочайшій указъ былъ обнародованъ, благодѣтельные павы согнали крестьянъ съ земли и показали ихъ безземельными, съ которыми были заключены договоры по обоюдному будто бы согласію, на самомъ же дѣлѣ по панскому усмотрѣнію и произволу. Можно сказать, почти съ достовѣрностью, что въ это время и образовалась масса безземельниковъ, которые стонали въ царствѣ Польскомъ, до самаго позднѣйшаго времени, подъ благотворнымъ панскимъ игомъ. А такъ какъ межеванія въ царствѣ Польскомъ не было, то нельзя было даже сказать, владѣли ли крестьяне и тѣмъ количествомъ земли, которое за ними показано и съ котораго они платили повинности (окупъ). Много предстояло труда русскимъ дѣятелямъ по проведенію въ народную жизнь крестьянской реформы, но она осуществилась вполне благодаря ихъ честнымъ усиліямъ.

Почти вслѣдъ за возвращеніемъ моимъ изъ Варшавы въ Вильну, образовано было при главномъ начальникѣ Сѣверо-Западнаго края временное отдѣленіе по крестьянскимъ дѣламъ Августовской губерніи, управленіе которымъ графъ М. Н. Муравьевъ поручилъ мнѣ. Должность эта учредительнымъ комитетомъ отнесена была къ IV классу. Отдѣленіе это служило для установленія постоянныхъ взаимныхъ сообщеній между учредительнымъ комитетомъ и Августовскою комиссією, кото-

рая была одновременно съ нимъ открыта; вмѣстѣ съ тѣмъ назначены были во всѣ уѣзды комиссары по крестьянскимъ дѣламъ, избраніе которыхъ Михаилъ Николаевичъ предоставилъ всецѣло на мое усмотрѣніе. Съ своей стороны, Н. А. Милютинъ, встрѣтивъ затрудненіе въ присканіи въ комиссіи секретарей или даже простыхъ письмоводителей, письмомъ отъ 30-го марта (11-го апрѣля) № 61, просилъ моего содѣйствія пригласить туда пять или шесть семинаристовъ, знающихъ хорошо польскій языкъ, которые, преимущественно по нравственнымъ качествамъ своимъ, соответствовали бы требуемымъ условіямъ въ нашемъ дѣлѣ, а затѣмъ, по моему сообщенію, о встрѣченныхъ затрудненіяхъ со стороны духовнаго начальства, которое не схотно освобождало своихъ хорошихъ воспитанниковъ изъ духовнаго званія, прислалъ въ Вильну съ письмомъ ко мнѣ, отъ 16-го (28-го) апрѣля, состоявшаго въ распоряженіи учредительнаго комитета г. Каширина для передачи подробностей объ условіяхъ относительно приглашенія русскихъ на службу въ царство Польское. Дѣло это и было такимъ образомъ улажено.

При назначеніи членовъ въ комиссію по крестьянскимъ дѣламъ Августовской губерніи, встрѣтилось неожиданное затрудненіе въ присканіи туда дѣльнаго предсѣдателя. Въ это время, состоявшій въ распоряженіи графа М. Н. Муравьева, князь Урусовъ подалъ ему докладную записку о предоставленіи ему этой должности. Михаилъ Николаевичъ отказалъ ему на-отрѣзъ и, передавая мнѣ при докладѣ записку, добавилъ:

— Куда ему захотѣлось! Вѣдь онъ старъ и не годится для этого.

Между тѣмъ способнаго занять мѣсто предсѣдателя не находилось, а князь неотступно притавалъ ко мнѣ со своимъ ходатайствомъ. Дня черезъ два, когда Михаилъ Николаевичъ спросилъ меня: отыскалъ ли я достойнаго кандидата въ Сувалки, то получилъ въ отвѣтъ:

— Положительно не имѣю никого въ виду, ваше высокопревосходительство. Вѣдь 12 человекъ выбрано въ Августовскую губернію. Придется помириться съ назначеніемъ туда князя Урусова.

— Какую же пользу онъ можетъ принести крестьянскому дѣлу?

— Онъ представителемъ—князь и камергеръ. Портишь дѣла, по своему характеру, не будетъ; при томъ туда назначенъ очень дѣльный товарищъ, г. Наркевичъ. Августовская губернія вскорѣ снова возвратится въ царство Польское; если онъ не будетъ годиться, его тамъ держать на службѣ не станутъ.

Графъ М. Н. Муравьевъ разсмѣялся такому изъясненію и приказалъ заготовить назначеніе. Интересенъ былъ докладъ при опредѣленіи комиссаромъ въ Маріампольскій уѣздъ бывшего переводчика генералъ-губернаторской канцеляріи г. Зубовича. Недоброжелатели Михаила Николаевича обвиняли его въ поголовномъ будто бы изгнаніи со службы

лицъ польскаго происхожденія. Насколько эти толки лишены были правды, можетъ каждый убѣдиться изъ печатныхъ его циркуляровъ къ губернаторамъ, въ которыхъ ясно указывалось имъ—не держать на службѣ, по закону 7-го апрѣля 1863 года, только такихъ, которые окажутся неблаговажными въ политическомъ отношеніи. Что же было иначе дѣлать? Еще при его предмѣстникѣ, повинаясь приказаніямъ подпольнаго правительства, многіе изъ служащихъ—предводители дворянства, мировые посредники и т. п.,—подали прошенія объ отставкѣ. Слѣдственные дѣла обнаружили ясно прикосновенность къ мятежу многихъ изъ оставшихся еще на службѣ чиновниковъ польскаго происхожденія; неужели же съ ними должно было перемоваться по-прежнему, когда предсѣдатель Ковенской уголовной палаты Хмѣлевскій, бывшій чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ В. И. Назимовѣ, носилъ въ присутствіи чамарку? Подобныя ему личности и были не только отрѣшены отъ должностей, но и преданы суду. Въ одну Августовскую губернію, по моему докладу, назначено было на службу болѣе двадцати человекъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Случай съ Зубовичемъ подтверждаетъ нагляднымъ образомъ правило графа М. Н. Муравьева, что полякъ, честно исполняющій свои обязанности передъ Россією, достоинъ двойной награды, потому что имѣеть гражданское мужество устоять въ политическомъ водоворотѣ разыгравшихся страстей. Когда я предложилъ Зубовича на мѣсто комиссара въ Маріампольскій уѣздъ, главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края спросилъ меня:

— Какой это Зубовичъ?

— Бывшій переводчикъ вашей канцеляріи.

— Да развѣ вы не знаете, что онъ содержался въ политической тюрьмѣ и судился за пропажу бланка заграничнаго паспорта, найденнаго на груди начальника шайки Нарбута? Какъ же можно рекомендовать такихъ людей и при томъ на должность, требующую полного къ намъ довѣрія?

— По рѣшенію военнаго суда, подтвержденному вами, онъ признаетъ невиннымъ. У него жена и дѣти. Я его знаю съ отличной стороны около 8 лѣтъ,—рѣшился я отвѣтить на сдѣланное замѣчаніе.

— Напишите приказъ о назначеніи его на должность комиссара, и благодарю васъ за доставленную мнѣ возможность заглядить ошибку, въ которой онъ былъ самъ виноватъ, вѣдь онъ былъ и начальникомъ паспортнаго стола.

Случай съ комиссаромъ Маковецкимъ служилъ также нагляднымъ подтвержденіемъ того правила, котораго постоянно держался графъ М. Н. Муравьевъ въ отношеніи благомыслящихъ поляковъ. Во время выбора гмианныхъ войтовъ, которые производились въ Августовской гу-

берніи въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1863 года, комиссаръ Маковецкій, рекомендованный мнѣ моголевскимъ губернаторомъ Беклемишевымъ, вовлеченный въ обманъ мятежными польскими чиновниками, сдѣлалъ ошибку, устранивъ отъ выборовъ вполне достойнаго кандидата изъ крестьянъ, что вскорѣ имъ же самимъ было замѣчено и исправлено, въ чемъ удостоверялся командированный по этому случаю на мѣсто происшествія камеръ-юнкеръ П. А. Мясоѣдовъ, такъ что комиссаръ Маковецкій за сдѣланное упущеніе получилъ только приглашеніе быть впередъ болѣе осмотрительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и внимательнѣе повѣрять тѣ данныя, на которыхъ онъ будетъ основывать свои распоряженія. Вѣда довольно оживленную переписку съ Н. А. Милютинымъ, я написалъ ему и про ошибку комиссара Маковецкаго. Вотъ, что онъ мнѣ отвѣтилъ на это: «Увидавъ изъ письма вашего, что крестьянское дѣло въ Августовской губерніи идетъ быстро впередъ, я очень порадовался этому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу скрыть отъ васъ, какъ прискорбно мнѣ было узнать, что на первыхъ же порахъ обнаружилась неблагонадежность одного изъ комиссаровъ.

«Неужели Михаилъ Николаевичъ оставилъ его при занятіяхъ, требующихъ полнаго довѣрія? При настоящихъ обстоятельствахъ, въ крестьянскомъ дѣлѣ необходимо, чтобы комиссары безусловно и горячо сочувствовали видамъ правительства. Безъ этого никакой контроль не обезпечитъ успѣха въ столь коренной реформѣ. Въ семъ убѣжденіи, мы приняты за непремѣнное правило составить пока комиссію исключительно изъ русскихъ, проникнутыхъ не только чувствомъ долга, но и искреннею любовію къ предпринятому дѣлу». А вѣдь были же люди, да найдутся и впредь, которые обвиняли графа М. Н. Муравьева въ поголовномъ изгнаніи поляковъ со службы, но отъ этихъ клеветъ слава нашего знаменитаго государственнаго дѣятеля нисколько не пострадала.

Послѣднее письмо, которымъ почтилъ меня Николай Алексѣевичъ, было писано имъ отъ 10-го іюня, изъ С.-Петербурга, и доставлено мнѣ М. П. Погодинымъ. Такъ какъ оно имѣетъ связь съ рассказомъ, то и помѣщаю изъ него выписку: «На будущей недѣлѣ»,—писалъ онъ мнѣ, — «я долженъ ѣхать въ Варшаву, и принужденъ очень торопиться, такъ что въ Вильнѣ остановиться будетъ невозможно. На обратномъ пути, въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца, постараюсь повидаться съ Михаиломъ Николаевичемъ. Между тѣмъ, прошу васъ доложить его высокопревосходительству, что къ 20-му числу выписываются въ Варшаву, для соглашеній съ нами, всѣ предсѣдатели комиссій. Къ этому времени пріѣдутъ новые члены учредительнаго комитета, Як. Ал. Соловьевъ и Ал. Ив. Кошелевъ. Въ виду возникшихъ (и могущихъ вновь возникнуть) недоумѣній, общія наши совѣщанія, какъ я надѣюсь, будутъ очень плодотворны, а мнѣ дадутъ возможность, по возвращеніи

сюда, устроить досужіе толки и разглагольствованія, возбуждаемыя поляками. Если Михаилъ Николаевичъ найдетъ полезнымъ командировать кого-нибудь изъ Августовской комиссіи, особенно изъ числа лицъ, подробно изучившихъ мѣстность, то, полагаю, это принесло бы обоюдную пользу. Пожалуйста, доложите обо всемъ этомъ его высокопревосходительству. Выѣхать я полагаю во вторникъ или среду. Это письмо беретъ для доставленія Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Онъ васъ помнитъ и очень желалъ бы васъ видѣть».

Свиданіе съ М. П. Погодинымъ крайне меня обрадовало. Восемнадцать лѣтъ спустя, вдали отъ матушки-Москвы бѣлокаменной, съ именемъ которой связаны у меня самыя дорогія и свѣтлыя воспоминанія моей молодости, нежданно, негаданно судьба привела меня свидѣться снова съ уважаемымъ профессоромъ русской исторіи, которую онъ читалъ юристамъ на второмъ курсѣ. При взглядѣ на него, дорогое и невозвратное прошлое живо воскресло въ моей памяти. Наша alma mater, въ ореолѣ своего величія, какъ бы предстала предо мною съ плеядою замѣчательнѣйшихъ профессоровъ тогдашняго времени. Пріѣхавши на короткое время въ Вильну, Михаилъ Петровичъ прислалъ мнѣ письмо еще утромъ, но только въ 12 часовъ дня успѣлъ я найти возможность повидаться съ нимъ. Встрѣтилъ я его около Николаевской церкви, которую онъ тогда осматривалъ, въ сопровожденіи попечителя Виленскаго учебнаго округа, во истину съ русскою душою человѣка, Ив. Петровича Корнилова, и нѣсколькихъ другихъ знакомыхъ ему лицъ. Разумѣется, и я пошелъ вмѣстѣ съ ними по русскимъ православнымъ святынямъ, которыя, благодаря благочестивой заботливости о нихъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, облекались тогда въ подобающее имъ благолѣпіе. Въ этотъ день, въ честь пріѣхавшаго дорогаго гостя, достойнѣйшій Иванъ Петровичъ давалъ обѣдъ, на который былъ приглашенъ и я. Гостепримный и радушный хозяинъ, отличавшійся необыкновенною разсѣянностью, и въ этотъ разъ доставилъ поводъ къ оживленію и безъ того уже оживленной бесѣды, имѣвшей предметомъ русскую историческую основу того края. Въ половинѣ обѣда, Иванъ Петровичъ, желая показать Михаилу Петровичу какой-то интересный историческій документъ, всталъ изъ-за стола и отправился за нимъ въ свой кабинетъ. Сидимъ, и ждемъ его возврата; прошло минутъ десять—хозяинъ не является. Пошли посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ? Оказалось, что Иванъ Петровичъ, войдя въ кабинетъ, надѣлъ халатъ, закурилъ сигару и сѣлъ читать газету, что обыкновенно дѣлывалъ ежедневно послѣ обѣда въ домашнемъ кругу своей жизни.

Крестыанское дѣло въ Августовской губерніи шло быстрыми шагами впередъ. Надобно было удивляться тому, что польскіе паны не

успѣли убить смѣтливости въ простомъ народѣ, на который обыкновенно смотрѣли они, какъ на доходную рабочую силу. По принятому у насъ порядку, тотчасъ за выборами гминныхъ войтовъ, избирались лавники и открывались суды. Коммиссаръ обыкновенно оставался сутки въ той мѣстности, гдѣ производились выборы, и училъ выбранныхъ приемамъ судоговоренія.

Въ Ломжинскомъ уѣздѣ, въ первомъ засѣданіи суда, разбирался споръ двухъ крестьянъ: одинъ изъ нихъ утверждалъ, что продалъ другому землю, но не получилъ отъ него денегъ, другой отрицалъ послѣдній фактъ. Судьи—неграмотные, выслушавъ истца и отвѣтника, потребовали отъ перваго, какія онъ имѣетъ доказательства въ подтвержденіе своего иска? Тотъ отвѣчалъ: свидѣтелей и документъ. Судьи приступили къ допросу свидѣтелей по одиночкѣ, и изъ показаній ихъ пришли къ убѣжденію, что доказательства не достаточны, а потому потребовали предъявить документъ, который и былъ представленъ истцомъ. Любопытно было узнать, какъ безграмотные судьи обсудятъ письменный документъ? Сначала войтъ повертѣлъ его въ рукахъ, потомъ ставники и затѣмъ, какъ бы сговорясь, единогласно объявили, что и документъ не имѣетъ силы! Какъ, почему? — невольно родился въ моей головѣ вопросъ. Вотъ здѣсь-то и открывается глубокій смыслъ. На представленномъ документѣ оказалась одна только подпись. Смѣтливый глазъ крестьянъ-судей тотчасъ замѣтилъ, что свидѣтели на немъ не подписались. Судьи спросили истца: кто подписалъ документъ? и, получивъ въ отвѣтъ, что самъ истецъ, признали и документъ не имѣющимъ силы. Истецъ тотчасъ же отказался отъ своего иска. Этотъ случай до того привязываетъ къ крестьянамъ и возвеличиваетъ того, по чьей волѣ эти несчастные труженики призваны къ новой самостоятельной жизни, что благоговѣешь предъ ними и благодарись Провидѣніе за то, что оно дозволило участвовать въ осуществленіи этого великаго дѣла. Описать тогдашнее воодушевленіе крестьянъ не хватаетъ у меня ни умѣнья, ни силъ. Скажу одно—это былъ цѣлый рядъ трогательныхъ сценъ, невольно хватавшихъ за сердце и вызывавшихъ невольно слезы на глазахъ очевидцевъ великаго дѣя освобожденія польскихъ крестьянъ.

Когда я доложилъ привезенное М. П. Погодинымъ письмо Милюткина М. И. Муравьеву, онъ, поручивши мнѣ готовиться къ поѣздкѣ въ Варшаву, командировалъ меня 16-го іюня въ г. Сувалки, для распоряженій на мѣстѣ по предоставленію крестьянамъ всѣхъ средствъ скорѣе воспользоваться дарованными имъ государемъ милостями и для подготовленія губерніи къ обратной передачѣ въ царство Польское, такъ какъ она была окончательно умиротворена и дальнѣйшее ея отдѣленіе могло бы замедлить единообразное проведеніе крестьянской реформы.

Когда узнали въ Сувалкахъ о предположенной передачѣ, крестьяне-уніаты, и въ особенности старообрядцы, сильно попризадумались, такъ какъ послѣднимъ было предоставлено много льготъ поземельныхъ и въ отношеніи ихъ вѣры: имъ дозволено было починять молельни и повѣсить на нихъ колокола. По поводу послѣднихъ распоряженій возбуждена была варшавскимъ архіепископомъ переписка, но главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края отвѣчалъ, что это необходимо для окончательнаго умиротворенія губерніи.

— Пускай ихъ потрезвоняютъ во славу Божію,—прибавилъ онъ мнѣ,—и молятся усердно за русскаго православнаго царя.

Чѣмъ кончилось это дѣло впослѣдствіи, не знаю, такъ какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ совершилась обратная передача Августовской губерніи подѣ власть намѣстника. Интересенъ тотъ фактъ, что во время полнаго разгара мятежа старо-обрядцевъ принудили мятежники подписать адресъ къ Наполеону III о возстановленіи Польши! Въ Сувалкахъ пришлось мнѣ пробыть около шести дней. При свиданіи съ Я. Н. Баклановымъ онъ разсказалъ мнѣ два курьеза про себя.

— Ну, братецъ, Иванъ Акимовичъ, опростоволосился я совсѣмъ...— обратился ко мнѣ кавказскій герой, едва я переступилъ порогъ его кабинета.

— Что такое случилось съ вами, Яковъ Петровичъ?

— Совсѣмъ одолѣли польки; ни минуты не было мнѣ отъ нихъ покоя. Самъ, впрочемъ, я виновать... Видишь, хотѣлъ быть съ ними любезнымъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Каждый день я принималъ просителей или, вѣрнѣе, просительницъ... Вотъ онѣ и повадились ко мнѣ таскаться: та просить разрѣшить свиданія ей съ мужемъ-повстанцемъ, та съ братомъ, та съ родственникомъ... Прости, освободи, помилуй; сидитъ онъ безвинно... Что имъ ни толкую, ничего и слушать не хотятъ! Убѣждалъ я ихъ, говорилъ, что освобожденіе арестантовъ зависитъ отъ суда, а не отъ меня, вѣтъ, освободи, да и только. Крѣпко мнѣ все это надоѣло... Просилъ ихъ не разъ оставить меня въ покоѣ; грозилъ даже, говоря имъ: до сихъ поръ вы видѣли Бакланова любезникомъ; будете приставать, узнаете Бакланова—звѣря... И въ усъ не дуютъ... шатаются съ просьбами цѣлый день и отвлекаютъ отъ работы. Вотъ на прошлой недѣлѣ и пришло ко мнѣ около дюжины просительницъ, да и давай приставать, прося освободить арестанта, приговореннаго судомъ въ каторжную работу. Какъ ни просилъ я ихъ оставить меня въ покоѣ, онѣ и слушать не хотятъ... Нѣтъ, нане, енерале, ты не хочешь сдѣлать намъ этой милости просто изъ капризу... Сознаюсь откровенно, надоѣли онѣ мнѣ крѣпко. Послушайте, сударыня, отвѣтилъ я имъ, въ послѣдній разъ говорю вамъ, оставьте

меня въ покоѣ и уходите скорѣе отсюда по-добру по-здорову, не бѣсите меня—увидите чорта. Нѣтъ, такъ шутить еще начали... Ну, вотъ я ихъ и пугнулъ по-своему... Удрали, подобравши хвосты... А все, каналья, письмоводитель виноватъ; онъ завелъ съ ними разныя шуры да муры... И его прогналъ; будетъ и онъ помнить казакіе проводы, а вѣдь два мѣсяца былъ словно красная дѣвушка. Нѣтъ, видно какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ.

25-го іюня, отправился я въ Варшаву на съѣздъ председателей комиссій и тамъ познакомился я вновь съ прибывшими членами учредительнаго комитета Я. А. Соловьевымъ и А. И. Кошелевымъ. Первый показался мнѣ очень желчнымъ человѣкомъ, крайне не любивавшимъ М. Н. Муравьева. Часа полтора длилась уже наша общая служебная бесѣда, а онъ не давалъ мнѣ возможности передать съѣхавшимся лицамъ порученіе моего начальника, о чемъ просилъ меня Н. А. Милютинъ, бывший тогда у намѣстника. Въ этотъ день я былъ вызванъ по телеграфу въ Вильну и долженъ былъ ѣхать туда ночью, часа черезъ четыре. Въ виду краткости срока, остававшагося для моего пребыванія въ Варшавѣ, я обратился къ своему сосѣду, съ правой стороны, и заявилъ ему, что буду просить позволенія—сообщить съѣзду результаты крестьянской реформы. Въ ту самую минуту, когда я сообщалъ сосѣду о своемъ намѣреніи, вдругъ услышалъ голосъ Я. А. Соловьева, который приглашалъ меня быть внимательнымъ къ словамъ его... Меня эта выходка передернула.

— Извините меня, ваше превосходительство, что я не могу исполнить вашего желанія... Полученная мною телеграмма отъ Михаила Николаевича вызываетъ меня немедленно въ Вильну. Я присланъ его высокопревосходительствомъ сюда сообщить Николаю Алексѣевичу о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Августовской губерніи и о предполагаемомъ возвратѣ ея подъ власть намѣстника, что уже и исполнилъ. Мнѣ остается, по желанію Николая Алексѣевича, повторить мои сообщенія здѣсь, и вотъ уже полтора часа ожидаю я безуспѣшно исполненія сего порученія, о чемъ и заявлялъ въ началѣ засѣданія. Въ виду спѣшности моего отъѣзда, не благоугодно ли будетъ выслушать прежде меня, въ противномъ случаѣ я долженъ буду оставить собраніе, чтобы поспѣть собраться въ путь.

Просьба моя, поставленная ребромъ, волей-неволей тотчасъ же была уважена; вскорѣ затѣмъ прибылъ Н. А. Милютинъ. Когда дѣло дошло до судебной реформы, я передалъ съѣзду, что вмѣсто 15 р. предоставлено было въ Августовской губерніи крестьянамъ право суда до 100 р. иска.

— Это невозможно,—возразилъ Я. А. Соловьевъ.

— Напротивъ, ваше превосходительство, возможность и практич-

ность этой мѣры доказывается полугодичной практикой въ крестьянскихъ судахъ Августовской губерніи. Смѣю васъ увѣрить, что крестьяне очень довольны предоставленнымъ имъ главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края правомъ, такъ какъ этотъ размѣръ вполне обезпечиваетъ ихъ отъ бывшаго произвола и безправія гражданскихъ судовъ, направленнаго всецѣло въ пользу пановъ.

Вскорѣ послѣ доклада я откланялся собранію.

Эта служебная поѣздка въ Варшаву была послѣдняя, въ которую я видѣлъ Н. А. Милютина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи Василя Львовича Пушкина.

1.

Письмо В. Л. Пушкина—князю А. Н. Голицыну.

8-го февраля 1806 г. Москва.

Не лишите меня покровительства вашего. На васъ единственно полагаю я всю мою надежду. Жена моя, Капитолина Михайловна, желая выйти замужъ за другаго, разными происками, черезъ усердствующихъ ей посредниковъ, вынудила у меня письмо, которое, будучи въ безпамятствѣ, я написалъ, но потомъ въ неоднократныхъ просьбахъ моихъ, поданныхъ его преосвященству Августину, викарію московскому, я опровергнулъ, и просилъ его преосвященство, какъ архипастыря, возвратить мнѣ жену мою, съ которою я никакъ разводится не желаю, а напротивъ того, по долгу христіанскому хочу жить неразлучно, и никакихъ къ тому съ моей стороны препятствій нѣтъ. Теперь, духовная консисторія не знаю почему требуетъ меня къ формальному суду, то мнѣ судиться съ женою, которую я люблю и съ которой я хочу жить, не для чего. Я исполню долгъ христіанина и мужа, и потому имѣю право просить помощи вашей. Мнѣ также извѣстно, что главное удовольствіе ваше есть помогать несчастнымъ и невиннымъ. Прошу ваше сіятельство, сдѣлать милость, описать преосвященному Августину, чтобъ мнѣ позволено было пріѣхать въ С.-Петербургъ и объяснить вамъ самимъ все мое дѣло. Я надѣюсь, что вы, по великодушію своему, не откажете мнѣ въ сей моей просьбѣ и будете увѣрены о не лестномъ почитаніи, съ которымъ имѣю честь пребыть, и проч.

2.

Письмо князя А. Н. Голицына—преосвященному Августину.

16-го февраля 1806 г.

Василій Львовичъ Пушкинъ пишетъ ко мнѣ, что супруга его Капитолина Михайловна, желая выйдти замужъ за другаго, разными происками выманила у него письмо въ безпамятствѣ и теперъ въ московской консисторіи завела судъ по формѣ о разводѣ.

Не зная о подлинности дѣла сего, но судя, что если другихъ законныхъ доказательствъ къ разводу, кромѣ вынужденнаго у него въ безпамятствѣ письма нѣтъ, то казалось бы по одному сему и тогда, когда онъ съ нею желаетъ неразлучно жить, начинать судъ по формѣ невмѣстно; и для того я покорнѣйше прошу ваше преосвященство оказать ему архипастырское покровительство. А какъ г. Пушкинъ изясняетъ еще и то, что онъ имѣетъ надобность быть въ С.-Петербургѣ, но его принуждая стать къ суду, не позволяють отлучиться, то и въ семъ случаѣ прошу доставить ему ваше пособіе, ибо если уже столь необходимо, и дѣлу сему обойтись безъ формальнаго суда не можно, то онъ вмѣсто себя представить можетъ повѣреннаго. Меня жъ прошу увѣдомить о существѣ дѣла сего, пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ, и проч.

3.

Письмо преосвященнаго Августина—князю Голицыну.

7-го марта 1806 г. Москва.

Сіятедьнѣйшій князь, милостивѣйшій благодѣтель мой!

Почтеннѣйшимъ писаніемъ отъ 16-го прошедшаго мѣсяца ваше сіятельство изволите требовать отъ меня увѣдомленія по дѣлу коллежской ассесорши Капитолины Пушкиной о разводѣ съ мужемъ ея. По учиненіи справки, спѣшу донести вашему сіятельству, что дѣло сіе началось по формальному прошенію оной Пушкиной, обвиняющей мужа своего въ нарушеніи къ ней вѣрности, и свидѣтельствующей то, какъ другими доказательствами, такъ собственноручнымъ письмомъ его, въ которомъ г. Пушкинъ ясно и прямо признаетъ себя нарушителемъ

святости брачнаго союза, и что онъ привязанъ къ одной женщинѣ, отъ которой никогда отстать не можетъ.

Мы по долгу пастырскому всячески старались примирить жену съ мужемъ. Прежде ни мужъ, ни жена не склонялись къ примиренію, но послѣ мужъ склонился, а жена осталась совсѣмъ непреклонною. Почему чрезъ восемь мѣсяцевъ послѣ того, какъ жена г. Пушкина подала на него просьбу по необходимости, законами поставляемой, предписаніемъ преосвященнѣйшаго митрополита велѣно начать судъ; и до рѣшенія дѣла г. Пушкину отъ Москвы не отлучаться.

Получивъ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, я отнесся къ его высокопреосвященству, ходатайствуя за Василія Львовича. Но въ отвѣтъ получилъ отъ него, «что дѣло производится по законному учрежденію, и потому же рѣшится. А потому г. Пушкину до рѣшенія дѣла отлучаться изъ Москвы не слѣдуетъ, а повѣренныхъ въ брачныхъ разводахъ принимать указами запрещено, а велѣно ихъ судить лично». О семъ донося вашему сіятельству, смѣю увѣрить, что я съ моей стороны Василью Львовичу готовъ сдѣлать всякое пособіе и тѣмъ доказать, что ничего нѣтъ для меня пріятнѣе, какъ исполнять волю вашу и чрезъ то заслужить милости и покровительство ваше.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.

**О дозволеніи Н. М. Карамзину пользоваться рукописями, хранящимися
въ монастырскихъ архивахъ.**

Письмо М. Муравьева—князю Александру Николаевичу Голицыну.

18-го декабря 1803 года.

Снисходя на просьбу Московскаго императорскаго университета почетнаго члена и исторіографа Николая Карамзина, государь императоръ высочайше указать соизволилъ отнестись къ вашему сіятельству, съ тѣмъ, дабы вы, милостивый государь, предложить изволили Святѣйшему Правительствующему Синоду о невозбранномъ позволеніи просителю читать сохраняющіеся, какъ въ монастыряхъ, такъ и въ другихъ бібліотекахъ, отъ Святѣйшаго Синода зависящихъ, древнія рукописи, до російскихъ древностей касающіяся.

Объявляя сіе высочайшее повелѣніе, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Михайло Муравьевъ.

Споръ губернатора съ городомъ.

(Изъ провинціальныхъ нравовъ XVIII столѣтія).

21-го января 1798 года генераль-прокуроръ, князь А. Б. Куракинъ, сообщилъ астраханскому губернатору Николаю Яковлевичу Аршеневскому высочайшее повелѣніе «съ приложеніемъ примѣрнаго положенія издержкамъ на полковыя надобности» и просилъ его, «соразмѣрно числу войскъ на непремѣнныхъ квартирахъ, въ той губерніи расположенныхъ», собрать эти деньги «со всѣхъ обывателей, обитающихъ въ городахъ сей губерніи», и съ тѣмъ, чтобы, «сообразно оному, ко удовлетворенію требованій воинскихъ командъ», онъ, губернаторъ, «не упукая времени, учинилъ расчисленіе».

По раскладкѣ, на долю русскихъ жителей г. Астрахани причиталось вылатить 49.106 р. 2 к. и на долю незаписавшихся по городовому положенію азіатцевъ, большею частію армянъ, 12.320 р. 11 коп. Объ этомъ (5-го апрѣля) было дано знать какъ астраханскому городовому магистрату, такъ и общему азіатскому суду, съ непремѣннымъ требованіемъ собрать эти суммы обязательно въ двѣ недѣли, для чего «о понужденіи ихъ къ тому» было предписано мѣстному коменданту генераль-маіору Геденову.

Но въ такой короткій срокъ, конечно, немислимо было выполнить предложенное требованіе. Тогда по просьбѣ горожанъ, съ разрѣшенія князя Куракина, сборъ денегъ «былъ расположенъ» на 11 мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы слѣдующія суммы вносились въ казначейство «безъ упущенія» ежемѣсячно.

Однако и послѣ этого деньги поступали туго. Городовой магистратъ не произвелъ никакого сбора, лишь армяне къ 1-му мая собрали 2. т. р. Сами мѣстныя власти точно потворствовали этому и дѣлали довольно странныя распоряженія. Напримѣръ, сообщая 1-го іюня армянамъ свѣ-

дѣнія, сколько имъ причитается платить каждый мѣсяцъ, Аршеневскій позволилъ имъ внести слѣдующую съ 1-го апрѣля сумму 4.440 р. 4 к. къ 1-му августа. А между тѣмъ коменданту предписывалъ употребить всевозможное стараніе на полученіе этихъ денегъ.

19-го мая комендантомъ былъ назначенъ генераль-лейтенантъ Ртищевъ. Принимая (5-го іюня) отъ Геденова дѣла, онъ усмотрѣлъ, что, «за истеченіемъ срока», никакого въ томъ сборѣ нѣтъ успѣха и такимъ образомъ «высочайшая его императорскаго величества воля остается неисполненною». Ртищевъ «почелъ должностію выполнить повелѣніе въ точности», Призвавъ къ себѣ членовъ магистрата и азіатскаго суда, онъ потребовалъ отъ нихъ неуклоннаго взноса денегъ. Но оба общества, не имѣя въ сборѣ назначенныхъ суммъ, просили отсрочки. Комендантъ заявилъ имъ рѣшительно:

— Мой долгъ взыскивать, а ваша платить. Даю вамъ сроку недѣлю. Ежели послѣ сего времени исполненія не увижу, то донесу государю императору.

Прошла недѣля, а уплаты все-таки произведено не было. Тогда, 15-го іюня, Ртищевъ явился въ магистратъ и велѣлъ «записать свое требованіе въ журналъ», затѣмъ поѣхалъ въ азіатскій судъ и тамъ сдѣлалъ то же.

— Желаете или нѣтъ платить деньги?—рѣзко спросилъ онъ членовъ суда.

— Всеусердножелаемъ,—отвѣчали они,—и имѣемъ въ наличности 2 т. р.

— Этого не достаточно! Чтобы до четырехъ часовъ была собрана вся сумма!—сказалъ комендантъ.

Армяне стали возражать, что въ такой короткій срокъ невозможно собрать всѣхъ денегъ, что, молъ, предложеніемъ губернатора отъ 25-го мая, согласно разрѣшенія генераль-прокурора, платежи разсрочены помѣсячно, и что къ 1-му августа они обязуются представить слѣдующее съ нихъ по раскладкѣ 4.440 руб.

— Это до меня не касается!—заявилъ комендантъ, повернулся и уѣхалъ.

Спустя нѣсколько часовъ, Ртищевъ прислалъ сказать армянамъ, чтобы собранныя 2 т. р. принесли немедленно ему. Однако, когда судьи азіатскіе доставили деньги, онъ велѣлъ ихъ отнести къ губернатору. Послѣдній тоже не принялъ ихъ и отослалъ обратно въ судъ, предложивъ депутатамъ внести деньги въ казначейство.

Все это было исполнено, деньги куда слѣдуетъ внесены, и дѣло, казалось, тѣмъ и кончилось, такъ какъ комендантъ больше не настаивалъ на своемъ требованіи.

Проходить мѣсяцъ, спокойно живутъ горожане: никто ихъ не тревожить. Но это временное затишье предвѣщало большую бурю. Ртищевъ,

не получивши отъ городскихъ обществъ сполна назначенныхъ денегъ, того же числа донесъ рапортомъ императору обо всемъ происшествіи въ подробности. Павелъ сильно разгнѣвался и собственноручно написалъ: «расположить въ дома ослушниковъ пѣхотный полкъ».

Получивъ 18-го іюля высочайшій рескриптъ и не давая никому знать о полученномъ повелѣніи, комендантъ немедленно распорядился нарядить въ дома горожанъ воинскій постой съ тѣмъ, чтобы офицеры и солдаты находились въ тѣхъ, именно, «покояхъ», гдѣ проживали сами хозяева.

Въ 4 час. утра 19-го числа, когда многіе жители еще спали, по городу съ шумомъ, боемъ литавръ, трубными звуками и трескомъ барабановъ разсыпались солдаты, «все наполняя ужасомъ». Съ остервенѣніемъ ломались они въ дома, разбивали ворота тамъ, гдѣ ихъ долго задерживали. Разбуженные жители въ недоумѣніи вскакивали съ своихъ постелей, спрашивая солдатъ: «Что случилось? зачѣмъ такая напасть?»

Очевидецъ протоіерей Скопинъ ¹⁾ рассказываетъ: «Астрахань въ это время представляла видъ плѣннаго города. Воины своимъ поведеніемъ и озорничествомъ по хорошо меблированнымъ комнатамъ производили ужасъ и содроганіе». Хозяину не позволяли даже того, чтобы онъ перешелъ въ другой покой, а заставляли жить вмѣстѣ.

Не пощадили и самыхъ почетныхъ и именитыхъ гражданъ. Съ ними обошлась, напротивъ, грубѣе. Къ одному, напримѣръ, богатому армянскому купцу Никитѣ Калустову, производившему миллионную торговлю съ Петербургомъ, Москвой, Амстердамомъ, въ Англии, «по всей Европѣ», Индіи и во многихъ Персидскихъ и Бухарскихъ городахъ ²⁾, который дѣлалъ городу и бѣднымъ много пожертвованій, пользовался всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ, имѣлъ большое вліяніе на дѣла въ магистратѣ и азіатскомъ судѣ,—привели во дворъ цѣлую роту вооруженныхъ солдатъ, подъ начальствомъ маіора Булыгина. Ворота были заперты; солдаты подняли на улицѣ такой гвалтъ и шумъ, что всѣ спавшіе въ домѣ «пришли въ робость», дѣти «перепугались почти до полусмерти», а лежавшая три мѣсяца въ постели больная сноха Калустова «пришла въ отчаяніе жизни» ³⁾. Солдаты неистово стучали

¹⁾ См. его дневники въ «Саратов. сборникѣ» 1891 г., стр. 161.

²⁾ Насколько были значительны у него торговые обороты, можно судить по тому, что «когда была заперта китайская дорога», то за выписанный имъ изъ Китая чрезъ Бухару чай онъ уплатилъ только въ Россіи таможенной пошлины около милліона рублей ассигнаціями. Разъ фирма потерпѣла въ Персіи убытку на 160 т. р., и отъ этого не пошатнулась, за перевозъ товаровъ платила она однимъ извозчикамъ до 30 т. р. ежегодно, не считая расходовъ на судовую перевозку.

³⁾ Дѣло астрах. губерн. прокурора 1798 г. № 216.

прикладами въ ворота, маіоръ кричалъ что есть силы: «Отворяй двери!»

Не чувствуя за собой вины, чтобы въ такую рань беспокоили его, семейнаго человѣка, и думая, что солдаты зашли къ нему по ошибкѣ, Калустовъ черезъ окно спросилъ маіора, что ему нужно.

— Такъ приказано комендантомъ!—грубо отвѣтилъ Булыгинъ.

Калустовъ сталъ было объяснять, что, если солдаты назначены къ нему для постоя, то онъ имѣеть три большихъ каменныхъ постоянныхъ дома и одну казарму, пусть ведутъ ихъ туда, но маіоръ одно твердилъ: «отворяй ворота», не давая времени хозяину одѣться.

Наконецъ, наружная дверь была отперта, и вся рота ввалилась въ домъ.

— Гдѣ у тебя лучшіе покои?—спросилъ маіоръ.

Хозяинъ указалъ «большое зало, которое все мебельми было убрано на немалую сумму».

Булыгинъ ввелъ туда 39 человѣкъ «съ ружьями» и приказалъ имъ тутъ располагаться. Напрасно Калустовъ увѣрялъ, что онъ ни въ чемъ неповиненъ, никому не долженъ и угрожалъ судомъ за такое насиліе.

— Ваше армянское общество не уплатило казнѣ 12.320 р.,—сказалъ маіоръ.—Внеси эти деньги, тогда постой снимемъ.

— Я свою часть заплатилъ, только квитанціи не получилъ, но сегодня могу доставить.

— Ну, вотъ, когда квитанцію принесешь, тогда видно будетъ.

Булыгинъ повернулся и съ остальными 30-ю солдатами направился въ противоположный домъ брата Калустова, который былъ боленъ. Увидя входящихъ къ нему въ такую раннюю пору солдатъ, послѣдній до того перепугался, что съ нимъ сдѣлался жаръ и бредъ, и онъ три дня находился между жизнью и смертью.

Послѣ «такого несноснаго притѣсненія», азіатскій судъ на другой же день собралъ 3.500 р., потомъ «съ немалой трудностью» были собраны черезъ пять дней и остальные деньги и внесены все сполна въ казначейство. Однако воинскій постой не былъ снятъ, такъ какъ въ рескриптѣ государя не было указано, на какой срокъ оставить постой. Обращались было жители съ просьбой къ новому губернатору Ивану Семеновичу Захарову (прибывшему въ Астрахань 27-го іюля), но тотъ тоже не облегчилъ ихъ участи, хотя къ этому времени и городской магистратъ доставилъ слѣдующія съ русскихъ купцовъ деньги.

Тогда члены азіатскаго суда и купецъ Калустовъ принесли генераль-прокурору жалобу, гдѣ говорили, что высочайшимъ повелѣніемъ 1-го марта 1797 г. армяне вообще избавлены отъ воинскихъ постоевъ, «дабы въ домашнемъ ихъ быту тягости имъ не было, собирая за сіе деньгами и навимая особливые для сего дворы». «А вмѣсто сего облег-

ченія или покою», жаловались армяне, находится въ нашихъ домахъ болѣе постоевъ, нежели надлежитъ... Семьи хозяевъ до чрезвычайности стѣснены, комнаты загажены и «приведены въ безобразность». Солдаты моются «на полахъ», иные, куря трубку, горѣлый табакъ на полъ высыпаютъ, другіе сѣмена и корки дынь и арбузовъ бросаютъ, гдѣ хотятъ, и разными неприличностями поступаютъ, и несносное притѣсненіе чинятъ, что всего въ подробности и описать не смѣемъ, а натура человѣческая не можетъ такого притѣсненія и непристойности видѣть и терпѣть»¹⁾.

Въ это время въ Петербургѣ произошли большія перемѣны. вмѣсто князя Куракина генераль-прокуроромъ былъ П. В. Лопухинъ, который незамедлил потребовать отъ губернатора объясненій. Но Захаровъ почему-то началъ оправдываться и увѣрялъ Лопухина, что, какъ только деньги жителями были внесены, «экзакуція немедленно была снята, и каждый гражданинъ остался спокоенъ, кромѣ обыкновенныхъ солдатскихъ постоевъ, которые, по неизмѣннѣ здѣсь казармъ, и до нынѣ въ домахъ ихъ, по распоряженію коменданта, остаются»²⁾.

Такъ продолжалось до 1799 года, когда въ Астрахань пріѣхалъ новый комендантъ Николай Юрьевичъ Урусовъ, заботливый, мягкосердечный и дѣятельный начальникъ.

Такъ какъ воинскій постой тяжелымъ бременемъ ложился на горожанъ, то дума, тотчасъ же по его пріѣздѣ, обратилась къ нему съ слезной просьбой избавить городъ отъ такой тягости.

— Единственный исходъ, — посоветовалъ Урусовъ, — построить казармы.

Гласные вошли съ ходатайствомъ къ губернатору, но послѣдній медлил разрѣшеніемъ, а главное — не указывалъ мѣста, гдѣ бы «съ удобностію могли помѣститься тѣ казармы». Тогда горожане опять обратились съ просьбой къ коменданту. Тотъ своей властью позволилъ имъ пріобрѣсти для войскъ подходящій домъ. Съ услугами явился Никита Калустовъ, который согласился продать городу за 65 т. р. два дома: одинъ каменный «гостинный, Милліонщиковымъ называемый» и подлѣ него деревянный, бывший купца Волковоинова. 23-го марта гласные составили приговоръ, чтобы половину денегъ отдать изъ вырученной по откупу рыбныхъ промысловъ и ассигнованной на постройку казармъ суммы, а другую половину «расписать въ два срока» и уплатить взысканными съ купцовъ и мѣщанъ по прежнему «откупу» недоимками въ числѣ 49 т. р., а если и этихъ денегъ не хватить, то сдѣлать раскладку. Подъ приговоромъ подписалось 58 гражданъ.

¹⁾ Изъ жалобы Калустова, 27-го іюля 1798 г.

²⁾ Изъ письма Захарова Лопухину 26-го октября 1798 г.

Конечно, объ этомъ узналъ Захаровъ и сильно возмущился, признавъ приговоръ составленнымъ «въ противность стт. 36—38 и 154 Городоваго положенія». Особенно вызвало сильный гнѣвъ его то обстоятельство, что городской голова, «не давъ ему ни малѣйшаго свѣдѣнія о началѣ и движеніяхъ сего дѣла», заключилъ съ Калустовымъ торгъ и отдалъ ему въ задатокъ 5 т. р. Онъ потребовалъ думскій приговоръ къ себѣ и, «увидѣвъ изъ онаго нѣкоторыя черты, заключающія причину сей таинственности», «пожелалъ вѣдать, все ли общество согласно на покушку дома», и съ этой цѣлью, 4-го апрѣля, заставилъ «учинить новое собраніе», на которое пріѣхалъ самъ, съ прокуроромъ и совѣтникомъ губернскаго правленія. Всѣ гласные вновь выразили желаніе на покушку дома у Калустова. Захаровъ не нашелся ничего больше сказать имъ токмо то, что «въ собраніи общества и въ самой покупкѣ дома не соблюденъ законный порядокъ», и требовалъ пересоставить приговоръ. Но такъ какъ въ дѣйствительности никакого нарушенія закона сдѣлано не было, то общественники и остались при прежнемъ своемъ приговорѣ. Это еще больше взбудоражило губернатора. Признавая главнымъ виновникомъ «сего преступнаго дѣянія» городского голову Сергѣя Сѣдова, онъ нѣсколько разъ призывалъ его вмѣстѣ съ нѣкоторыми гласными къ себѣ, «представляя ему незаконность поступка, склонялъ къ поправленію онаго и убѣждалъ къ тому правилами закона» ¹⁾. Голова остался непреклоненъ, отзываясь, что «такъ обществу угодно».

Почитая «въ семь дѣлъ чей-либо интересъ, или упрямство противостоять начальству», Захаровъ написалъ князю Лопухину письмо.

«Имѣя данное мнѣ законное право, могъ бы я,—писалъ онъ,—отослать виновныхъ къ суду; но, дабы не явить свѣту, что въ личной моей обидѣ учиняюсь истцомъ и судіею, признаю за приличнѣйшее предать себя защитѣ высшей власти, а поступокъ общества, наипаче же городского головы Сѣдова, правосудному разсмотрѣнію оной» ²⁾.

¹⁾ Изъ письма Захарова ген.-прокурору 12-го апрѣля 1799 г.

²⁾ На самомъ же дѣлѣ, какъ говорить въ своихъ дневникахъ протоір. Скопинъ (стр. 183) „губернаторъ потому воспылялъ гнѣвомъ на купеческое сословіе, что, благодаря этому случаю, хотѣлъ взять съ него себѣ въ даръ 10 т. р“.

„О немъ должно замѣтить, что онъ изъ низкихъ людей, однако, имѣвши случай научиться приказнымъ дѣламъ (въ городѣ его называютъ „старымъ подьячимъ“), а также и другимъ свѣдѣніямъ, обратилъ сіе въ худую сторону. Одна корысть есть предметъ всѣхъ его начинаній и дѣлъ. Имѣя покровителемъ свояка графа Кутайсова, любимца государя, онъ, не боясь (ничего), все предприиметь и дѣлаетъ“.

Судя по архивнымъ даннымъ, это былъ человекъ честолюбивый и высокомерный, слишкомъ много о себѣ мечталъ. Въ Астраханскомъ губернскомъ

Слѣдомъ за тѣмъ, по его же наущенію, должно быть, для большей убѣдительности, написалъ Лопухину письмо и астраханскій прокуроръ Тарасовъ. Но князь не нашель нужнымъ мирить губернатора съ городомъ:

«Буде вы, — отвѣчалъ онъ ему (10-го іюня),—усматриваете, что городская дума не повинуется законной власти и выходитъ изъ предѣловъ, ей законами предначертанныхъ, въ такомъ случаѣ имѣете власть отослать присутствующихъ въ оной къ суду по законамъ».

Захаровъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и сталъ дѣйствовать инымъ путемъ—черезъ своего свояка графа Кутайсова, увѣряя, что «городской голова Сѣдовъ возмущаетъ общество». Путь оказался удачнымъ. По высочайшему повелѣнію, въ концѣ того же года «бунтовщика» потребовали въ Петербургъ, гдѣ цѣлый мѣсяць выдержали на хлѣбѣ и водѣ въ крѣпости, а потомъ, въ прекращеніе ссоръ съ губернаторомъ, немедленно смѣнили съ должности. Захаровъ торжествовалъ; мѣсяца черезъ два послѣ этого (25-го мая 1800 г.), пожаловали ему орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, хотя неизвѣстно за какія заслуги...

Однако, не смотря на все это, городъ не отказался отъ своего намѣренія: оба дома подъ казармы были куплены и, по указаніямъ князя Урусова, приспособлены для помѣщенія Астраханскаго гарнизоннаго его имени полка. Сердобольный комендантъ, послѣ того, самъ снялъ воинскій постой съ жителей.

Конечно, это еще болѣе взбудоражило Ивана Семеновича. Въ Петербургъ полетѣли новые доносы. Губернаторъ добился того, что въ концѣ марта слѣдующаго (1800) года въ Астрахань нагрянула коммиссія въ составѣ генераль-маіора Глазова и генерала-отъ-инфантеріи Сергѣя Лаврентьевича Львова, «для изслѣдованія коменданта Урусова въ какихъ-то по полку непорядкахъ»¹⁾; а слѣдомъ за ними для той же цѣли, 1-го апрѣля, прибылъ и командующій войсками на Кавказской линіи, генераль-лейтенантъ Карлъ Ѳедоровичъ Кноррингъ. Всю страстную недѣлю (2-го—7-го апрѣля) были «разныя изслѣдованія о поведеніи бушцовъ, губернатора и коменданта; но все сіе такъ производилось тихо, что никто объ этомъ ничего не зналъ»²⁾. Въ то время въ городѣ

архивѣ сохранилась его сочиненія рукопись „О поощреніи мануфактуръ“, которую онъ посылалъ и кв. Куракину и Лопухину, „ревнуя о благѣ отечества“; но не получилъ „ей одобренія“. Изъ дѣла 1798 г. № 258 видно еще, что 28-го сентября того же года онъ представлялъ „самому императору“ проектъ „Третейскаго суда для разбора торговыхъ споровъ“. Но что сдѣлалось съ этой рукописью,—неизвѣстно.

¹⁾ Дневники протоіерея Скопина, стр. 198 и 206.—Слѣдуетъ пояснить, что астраханскій комендантъ числился шефомъ мѣстнаго гарнизоннаго полка.

²⁾ Дневн. Скопина, стр. 207.

говорили, что «Кноррингъ писалъ къ государю съ великою похвалою о гражданахъ астраханскихъ, и будто много пенялъ губернатору, что онъ такъ худо и неосторожно поступилъ, понося ихъ». Урусова все-таки смѣнили.

Понятно, это было очень пріятно Захарову; за то въ городѣ всѣ были возмущены такой несправедливостью: горожане озлобились противъ губернатора. Чтобы, видимо, произвести нѣкоторое впечатлѣніе на жителей и успокоить общественное мнѣніе, онъ придумалъ такой курьезъ.

Въ день царскихъ именинъ 29-го іюня, когда къ нему пріѣхали съ поздравленіемъ дворяне и чиновники, туда же явилась депутація армянъ, которая отъ лица всего армянскаго общества поднесла ему портретъ государя при особомъ письмѣ (адресѣ), «въ коемъ изображалось попенченіе губернатора о нихъ, армявахъ, и что они, не зная, чѣмъ возблагодарить его въ сей торжественный день, подносятъ ему образъ того, чью онъ волю исполняетъ».

Никто, однако, въ то время не сомнѣвался, что это было «учинено по наущенію самого Захарова». — «О хитрости! — восклицаетъ протоіерей Скопинъ ¹⁾, — сдѣлавши довольно бѣды гражданамъ, все вымышляетъ способы, какъ это загладить. Но едва-ли данной раны боль чувствительнѣйшую утишить можетъ».

И послѣ этого Иванъ Семеновичъ не сдерживалъ свой необузданный нравъ и подъяческое сутяжничество. По своей привычкѣ вездѣ первенствовать и соваться въ дѣла, даже не подлежащія его вѣдѣнію, онъ не могъ ужиться и съ вышепоказаннымъ генераломъ Львовымъ, смѣнившимъ князя Урусова. Изъ-за чего они поссорились, къ сожалѣнію, неизвѣстно, но ссора эта такъ ихъ вооружила одного противъ другаго, что они и видѣться не хотѣли, не только въ партикулярныхъ домахъ, а даже въ публичныхъ собраніяхъ». Чтобы избѣжать взаимной встрѣчи, не посѣщали и церковныя богослуженія въ торжественные дни ²⁾.

Добраго ничего нельзя было ожидать отъ ихъ ссоры. Всѣ думали, что и на этотъ разъ комендантъ не усидитъ. Но дѣло приняло другой оборотъ.

13-го августа въ Астрахань прибыла «эстафета отъ государя на кошигъ губернатора», по представленію генералъ Львова о томъ, будто бы, «что долго не выстроены ордонансъ-гаузъ, гдѣ жить плацъ-маіору и быть военной (судной) комиссіи».

Захаровъ струхнулъ не на шутку; пробовалъ было отписаться.

— Не бойтесь ничего, — сообщили ему изъ Петербурга благопріа-

¹⁾ Тамъ же, стр. 213.

²⁾ Тамъ же, 215, 217.

тели.—Все будетъ доложено государю въ вашу пользу, а слѣдовательно передъ Львовымъ вы выиграете ¹⁾).

Но, вдругъ, неожиданно-негаданно для горожанъ, а особенно для самого Захарова, всего черезъ какихъ-нибудь два-три дня послѣ полученія успокоительнаго письма, 1-го сентября (1800 г.) въ Астрахань пріѣхалъ новый губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Андрей Васильевичъ Повалишинъ, переименованный въ тайные совѣтники. Павелъ велѣлъ ему собраться «въ четыре часа», чтобы отправиться немедленно смѣнить Захарова ²⁾). А дня три спустя былъ полученъ именной высочайшей указъ, данный Сенату, о преданіи послѣдняго съ прочими чиновниками суду «за непоселеніе крестьянъ въ надлежащихъ мѣстахъ».

Оказалось, что Львовъ жаловался государю не только на препятствія ему со стороны губернатора въ дѣлахъ военныхъ, но коснулся въ своихъ доносахъ и дѣлъ общественныхъ. Главнымъ образомъ онъ выставилъ бездѣятельность Захарова по отношенію къ устройству государственныхъ крестьянъ, которые, по высочайшему повелѣнію, были переселены въ Астраханскую губернію, съ тѣмъ, чтобы ихъ основать на пусто-порожныхъ казенныхъ участкахъ, но губернаторъ медлил отводить имъ земли. Крестьяне тысячами шатались по Астрахани безъ дѣла, увеличивая городской пролетаріатъ и способствуя «разнымъ пропшествованіямъ». Болѣе десяти обществъ, въ каждомъ не менѣе 600 душъ крестьянскихъ, оставались безъ земли, безъ пристанищъ и какого-либо хозяйства. Положеніе ихъ было самое печальное! Люди чуть не умирали съ голода, а между тѣмъ губернаторъ интриговалъ, изощрялся въ доносахъ, выдумывалъ разные проекты, ничего общаго не имѣвшіе съ благоустройствомъ губерніи, беззаботно проводилъ время, веселился, устраивалъ часто балы, вечера, пикники. Само собою разумѣется, что пылкому и болѣвшему за народъ императору Павлу все это очень не понравилось. Можно судить объ его гнѣвѣ, когда онъ получилъ отъ Львова о томъ донесеніе.

Въ Астрахань были снова посланы сенаторы Неплюевъ и Фонвизинъ, которые только-что передъ тѣмъ, съ 5-го марта по 17-е апрѣля, производили ревизію Астраханской губерніи, но ничего предосудительнаго не нашли. «Можно сказать, что они на все смотрѣли мимоходомъ и во внутренность дѣлъ не вникали». «Да и я слышалъ,—говорить протоіерей Скопичъ,—что ихъ представленія чернилъ самъ губернаторъ ³⁾).

¹⁾ Тамъ же, 218.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, 208.

Сенаторамъ было поручено произвести разслѣдованіе поступковъ губернатора. Но какъ надо было думать, они, во избѣжаніе царской опалы, постарались прежде всего обѣлить самихъ себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ вытащили изъ бѣды и Ивана Семеновича, представивъ доносъ Львова ложнымъ, что-де только 400 крестьянъ не поселены на казенныхъ земляхъ, да и то потому, что они имѣютъ въ Астрахани свои дома ¹⁾. Благодаря этому, результатъ, конечно, оказался печальный: на мѣсто Львова, отставленнаго безъ мундира, 23-го октября прибылъ шефомъ Астраханскаго полка генераль-маіоръ Ливень 3-й (которому было въ то время 22 года отъ роду). А Захаровъ незадолго до кончины императора Павла (въ январѣ 1801 г.) судомъ былъ оправданъ и опредѣленъ въ 4-й департаментъ сенаторомъ ²⁾.

Избавившись отъ ненавистнаго правителя, жители вздохнули свободнѣе. Позднѣе, по представленію Повалишина, императоръ Александръ (въ августѣ 1801 г.) освободилъ г. Астрахань отъ сбора денегъ на полковыя надобности, карантинны вельѣлъ уменьшить, манежи на линіи, заведенныя покойнымъ государемъ на счетъ крестьянъ, уничтожилъ. «Словомъ, на всѣ пункты, отъ губернатора представленные, далъ мило-стивое и облегчительное для народа рѣшеніе» ³⁾.

Въ слѣдующемъ году, нѣкоторыя стоявшія въ Кремлѣ безъ призора, казенныя зданія, «во облегченіе жителей отъ воинскаго постоя», приспособили подъ солдатскія казармы ⁴⁾.

П. Л. Юдинъ.

¹⁾ Тамъ же, 221.

²⁾ Тамъ же, 223 и 234.

³⁾ Тамъ же, 261.

⁴⁾ Дѣло Астрах. губер. архива, 1871 г., № 40, т. I.

Изъ писемъ Н. М. Языкова къ брату его Александру Михайловичу ¹⁾.

28-го января 1831. «Денница» выйдетъ въ половинѣ февраля; она будетъ несравненно гуще прошлогодней: обзорѣніе русской словесности до 1830 года пишетъ самъ Максимовичъ. Уже мѣсяць, какъ онъ носится съ нимъ по знакомымъ домамъ, собирая кое-какія мнѣнія и изреченія о предметахъ, которыхъ самъ ничуть не понимаетъ, и изъ этого выходитъ такая сумятица, такая гиль, что не дай Богъ злому татарину быть ея авторомъ! Я далъ ему нѣсколько стихковъ. У Надежки ²⁾ много подписчиковъ. Загоскину даютъ 40 тысячъ за четвертое изданіе его новаго романа ³⁾, Булгарину 32 тысячи за его «Выжигина».

5-го марта. Максимовичъ, не разумѣющій ни одного языка кромѣ русскаго, собирается издавать журналъ по естественнымъ наукамъ; его отговариваютъ, но едва-ли успѣютъ: такъ велика охота мѣшаться не въ свое дѣло.

11-го марта. Погодянъ покупаетъ деревню за 49 верстъ отъ Москвы, гдѣ будетъ жить въ трудахъ литературныхъ. Онъ, кажется, влюбленъ: это легко замѣтить изъ его повѣсти «Адель», не смотря на ея нелѣпность.

18-го марта. Въ «Денницѣ», въ мною переложенномъ псалмѣ ⁴⁾ напе-

¹⁾ Въ общемъ по содержанію своему письма Н. М. Языкова къ брату представляютъ мало интереса, и редакция печатаетъ изъ нихъ наиболѣе любопытныя мѣста въ хронологическомъ порядкѣ.

²⁾ Надеждина.

³⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о „Рославлевѣ“, вышедшемъ въ 1830 г.

⁴⁾ Рѣчь идетъ объ извѣстномъ „Подражаніи псалму XIV“ („Кому, о Господи, доступны...“)

530 изъ писемъ языка къ брату его Александру Михайловичу.

чтано вмѣсто: «свободѣ»—«природѣ»,—галиматья, родившаяся отъ глупой трусости Максимовича.

25-го марта. Погодинъ удаляется отъ свѣтскаго шума и суеты мірскихъ въ деревню, гдѣ примется писать, писать и писать; ему, кажется, наскучило званіе профессора исторіи при университетѣ. Видно, чувствуетъ себя способнѣйшимъ къ сочиненію трагедій, повѣстей, романовъ, нежели къ исторической критикѣ. Читаль ли ты его примѣчанія ко 2-му тому «Исторіи русскаго народа»? Въ нихъ много дѣла; жаль только, что изложеніе нехорошо.

28-го апрѣля. Максимовичъ отложилъ попеченіе объ изданіи журнала и хочетъ заняться сочиненіемъ повѣстей. Погодинъ уѣхалъ въ деревню писать стихи, вѣроятно, какой-нибудь вздоръ вроде «Марфы», «Адели» и тому подобныхъ произведеній сего человѣка, обманувшаго ожиданія всѣхъ людей благомыслящихъ, теперь мечущагося, какъ угорѣлая кошка, и отстраняющаго вѣрную надежду, что онъ снова возвратится на путь истинный.

29-го апрѣля. Погодинъ оставляетъ университетъ и поселяется въ деревнѣ, гдѣ займется сочиненіемъ всеобщей исторіи, которая была бы хороша, если бы онъ намѣревался рассказать путно и чистенько, не по-своему одни факты, а онъ собирается парить, чтó ему вовсе неблагопристойно. Читаль ли ты его статьи въ № 7 «Телескопа»? У него есть особенная способность говорить много и жарко и ничего не сказать, и умѣніе представить предметъ такъ, что его вовсе не видно, и излагать мысли свои какой-то сумятицей, безъ всякой послѣдовательности, связи, такъ что прочитаешь и рѣшительно не знаешь, чтó авторъ хотѣлъ выразить. Таковы всѣ его произведенія, даже историческія разысканія, напр. о Дмитріи царевичѣ: собрано много дѣльнаго, а перемято (sic) и представлено такъ нехорошо, что читатель затрудняется и не знаетъ, въ чемъ дѣло. Университетъ теряетъ въ немъ очень мало: онъ читаль лекціи мерзко и почти вовсе не занимался своей каедрой.

13-го мая. Погодинъ продолжаетъ святотатствовать въ нашей литературѣ: пишетъ трагедію «Алексѣй Михайловичъ»; первое дѣйствіе готово, она растеть у него не по днямъ, а по часамъ.

4-го октября. «Вечера на хуторѣ»—славная вещь!

11-го ноября. Погодинъ все еще въ Питерѣ; возится съ своимъ «Петромъ». Вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ такимъ образомъ прогуливаетъ университетскія лекціи и, какъ замѣчаютъ его критики, «крадетъ у слушателей золото, чтобы читателямъ дать навозъ».

18-го ноября. Погодинъ возвратился изъ Петербурга съ шишомъ: ни да, ни нѣтъ; неизвестно, чтó еще будетъ съ его «Петромъ», который пойдетъ подъ высочайшую волю.

22-го декабря. «Вечера на Диканькѣ» (sic) сочинилъ Гоголь-

Яновскій; мнѣ они по нраву. Если не ошибаюсь, то Гоголь пойдетъ големъ въ нашей литературѣ: въ немъ очень много поэзи, смысла, юмора.

22-го декабря. Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ свою «Марю»; о Петрѣ ничего не слышно.

29-го декабря. «Петра», трагедію Погодина, не позволили печатать, а «Марю» собираются здѣсь поставить на театрѣ въ бенефисъ Щепкина.

6-го января 1832 г. Вотъ и «Вечера на Диканькѣ» — слава Богу ¹⁾.

13-го января. Погодинъ написалъ еще нѣсколько повѣстей, а теперь готовится сочинять оперу, и я ему помогать буду. Завтра начнутся наши труды, или мои, зане ²⁾ Погодинъ пишетъ стихи чрезмѣрно скоро, а мнѣ мои достаются недаромъ.

20-го января. Полевой рѣзко зацѣпываетъ повѣсти Бѣлкина: онъ вообще свирѣпѣетъ не по днямъ, а по часамъ, дѣлается все важнѣе прѣшительнѣе въ приговорахъ и все выше и выше поднимаетъ лобъ.

3-го февраля. Пушкинъ, кажется, примирился съ Булгаринымъ: *sic transit gloria mundi*.

11-го февраля. Пушкинъ печатаетъ свою «Сказку о царѣ Салтанѣ, царевичѣ Гвидонѣ и царевнѣ Лебедѣ».

18-го іюля. Свербеевъ познакомился съ двумя петербургскими литераторами, проѣзжавшими черезъ Москву: съ княземъ Одоевскимъ и съ Гоголемъ.—Прозаическая часть «Новоселья» гораздо лучше стихотворной; въ послѣдней кромѣ сказки Жуковского, басень Крылова и «На смерть Гёте» ³⁾, все вздоръ.

28-го іюля. Пушкинъ хочетъ издавать политическую газету. Говорятъ, что государь велѣлъ Нессельроде доставлять ему извѣстія.

1-го января 1833 г. 12-го января Максимовичъ будетъ говорить рѣчь въ здѣшней гимназіи ⁴⁾: онъ выкралъ въ нее мысли изъ статьи Кирѣевскаго: «Девятнадцатый вѣкъ», потому что самъ подобныхъ имѣть не можетъ, не имѣя ни одного ключа къ Европѣ.

16-го іюня. Погодинъ женится: его невѣста — какая-то дѣвица Вагнеръ, очень образованная и хорошенькая дѣвушка.

¹⁾ Эти слова, вѣроятно, сказаны по поводу слуховъ о выходѣ въ свѣтъ 2-й части «Вечеровъ на хуторѣ», которая была тогда впрочемъ еще въ цензурѣ.

²⁾ „Зане“—по-славянски значитъ: потому что.

³⁾ „Новоселье“—извѣстный альманахъ Смирдина; „На смерть Гёте“—стихотвореніе Баратынскаго 1832 г.

⁴⁾ Явная ошибка по разсѣянности:—въ университетѣ, а не въ гимназіи 12-го января—день основанія Московскаго университета.

10-го января 1845 г. У издателей «Москвитянина» большой избытокъ статей дѣльныхъ и важныхъ, а недостаетъ ему произведеній чисто литературныхъ. Изящная проза у насъ теперь едва-ли существуетъ: въ Москвѣ Павловъ ¹⁾, а въ Питерѣ кн. Одоевскій и гр. Соллогубъ— вотъ и все! Петръ Васильевичъ ²⁾ явился въ «Москвитянинѣ» сотруди-никомъ брату; исторія о стихахъ и еще болѣе о пѣсняхъ, кажется, снова пойдетъ въ долгій ящикъ.

17-го января. Первый нумеръ «Москвитянина» все еще не вышелъ, и когда выйдетъ, неизвѣстно. Цензоръ (Флеровъ) не путемъ угнетаетъ Кирѣвскаго: придирается ко всякимъ мелочамъ, вымарываетъ все, что ему угодно. Отказавшись цензуровать въ рукописи, онъ крайне много проводитъ времени. Статья набирается и перебирается въ типографіи нѣсколько разъ: сегодня одно пропустится, а завтра похеритъ другое. Изволь ты угодить на этакого невѣжу! Ты напрасно считаешь насъ грѣшными въ томъ, что статья А. А. Столыпина не была напечатана еще въ прошломъ году въ «Москвитянинѣ». Ты, видно, не знаешь, какъ трудно добиться толку отъ Погодина въ чемъ бы то ни было. Вотъ уже полтора года, какъ отдалъ ему статью о Суворовѣ, сочиненную Ивашевымъ ³⁾, и все еще не знаю, будетъ ли она напечатана, гдѣ она и куда дѣвалась. Погодинъ на-дняхъ былъ у меня для переговоровъ объ альбомѣ Карамзина. Погодинъ желаетъ, чтобы комитетъ отнесся къ нему съ этимъ предложеніемъ письменно! Я, дескать, не могу взяться за это дѣло, потому что это не моя личная мысль, и я не могу ею воспользоваться, не будучи, такъ сказать, уполномоченнымъ комитетомъ. Это, мнѣ кажется, правда. Разумѣется, дѣло будетъ имѣть болѣе силы и должной извѣстности, потому что предложить Погодинъ отъ тѣхъ лицъ, которыя завѣдуютъ (сооруженіемъ?) памятника. Тогда Погодинъ явится не какъ спекуляторъ, не какъ выскочка, но какъ пристальный ⁴⁾ ... Съ моими стихами на объявленіе (?) памятника Карамзину вышла исторія. Гр. Строгановъ разгорячился на петербургскую цензуру, написалъ письмо къ Уварову, что какъ-де это можно, а самъ говорилъ, что пусть пошлютъ ихъ въ Питеръ. У него семь пятницъ на одной недѣлѣ.

27-го января. Вышелъ первый нумеръ «Москвитянина». Жаль, что И. Кирѣвскій то и дѣло боленъ и не можетъ постоянно заниматься сочиненіемъ на срокъ; естественно, что этими его неустойками затрудняется и замѣшкивается надлежащій своевременный выходъ нумеровъ. Но этому положится предѣлъ: послѣ трехъ первыхъ мѣсяцевъ 1845 г., если ока-

¹⁾ Николай Филипповичъ, извѣстный авторъ „Трехъ повѣстей“.

²⁾ Кирѣвскій.

³⁾ Рождественникъ жены втораго брата Языкова.

⁴⁾ Т. е. приставшій со стороны.

жется, что число подписчиковъ важно умножается, т. е. когда Кирѣвскій будетъ полновластнымъ хозяиномъ «Москвитянина», тогда онъ возьметъ себѣ сотрудниковъ и будетъ завѣдывать всей матеріальной частью журнала. Теперь же куда почти все время у Кирѣвскаго проходить въ толкованіяхъ съ сочинителями, въ сношеніяхъ съ цензурой, съ типографіей и даже въ держаніи корректуры. Онъ привужденъ работать ночью, отгоняя чаепитіемъ сонъ, приходящій къ нему въ свое время: такое бессонное напряженіе производитъ истому и крайне вредитъ его здоровью, которое и безъ того слабо и ненадежно.

10-го февраля. У Кирѣвскаго останавливается типографія — потому, замѣчаетъ критика, что Погодинъ скупится давать на водку наборщикамъ, стараясь дѣйствовать на нихъ черезъ начальство: вѣдь типографія университетская, казенная!.. О сю пору не могу добиться толку отъ Погодина, т. е. не могу узнать, берется ли онъ за Карамзинскій альбомъ. Повторяю тебѣ мое замѣчаніе, что этотъ альбомъ можетъ явиться въ свѣтъ и не ко дню объявленія.

24-го февраля. Ты не знаешь, какъ скучно имѣть дѣло съ Погодинымъ. Я ужъ и самъ не радъ, что обращался къ нему съ предложеніемъ о Карамзинскомъ альбомѣ и что онъ тогда же не отказался. Пошлешь къ нему записку—отвѣтитъ, что отвѣтъ пришлетъ онъ сегодня же или самъ заѣдетъ,—и ни отвѣта, ни самого не дождешься.

4-го марта. Каковы всѣ статьи И. Кирѣвскаго! Вотъ человекъ, такъ человекъ! Я уже два раза прочелъ его статью и чувствую, что прочту и еще нѣсколько разъ: какая вѣрность, какая глубина, простота, ясность и сила! Въ Питерѣ рѣшительно нѣтъ никого не только равнаго, но и подобнаго этому доблему ¹⁾ и побѣдному подвижнику православія.

Гоголю выпросилъ Уваровъ по 1.000 р. ежегодно: честь и слава! Этакъ Гоголь освободится навѣрное отъ множества заботъ самыхъ прозаическихъ.

18-го апрѣля. Вчера былъ у меня Погодинъ. Онъ проситъ меня узнать навѣрное, когда именно назначается объявленіе памятника Карамзину. Ему необходимо знать это теперь же, потому что ему необходимо сообразиться своей поѣздкой за границу на воды, чтобы не проѣздить этого открытія, на которомъ онъ хочетъ присутствовать лично. Онъ уже сочиняетъ похвальное слово Карамзину. Разумѣется, что его пріѣздъ по сему случаю въ Симбирскъ и оное его слово дадутъ такую торжественность открытію, какая у насъ возможна: вѣдь у насъ, на Святой Руси, не поскачутъ же со всѣхъ краевъ старцы и юноши, дамы и дѣвы наслаждаться воздаваніемъ славы мужу безсмертному ²⁾!

¹⁾ Любимый славянизмъ Языкова.

²⁾ Памятникъ Карамзину былъ открытъ 21-го сентября 1845 года.

21-го апрѣля. Жуковскій былъ боленъ, по словамъ Гоголя, но уже поправился и принялся за «Одиссею». Онъ собирается черезъ годъ кончить этотъ трудъ, великій подвигъ, геройскій, — и тогда, т. е. въ 1846 году, онъ переселится въ Москву на житье.

31-го мая. Заминки и передраги «Москвитянина» еще продолжаются: И. Кирѣевскій вѣдь брался участвовать въ немъ примѣрно на три мѣсяца, и потомъ, если число подписчиковъ умножится до возможности хорошо платить за статьи и за редакторство. Число подписчиковъ увеличилось незначительно, и теперь идутъ совѣты и сѣзды, какъ поддержать оный журналъ въ бодромъ видѣ безъ участія Ив. Вас.; Ив. Вас. только и сдѣлалъ, что крайне разстроилъ свое здоровье. Погодинъ не рѣшается передать «Москвитянинъ» въ руки такъ называемаго юнаго поколѣнія: оно-де слишкомъ заносчиво, опрометчиво, бойко, не грамотно, односторонне.

31-го мая¹⁾. «Москвитянинъ» возвращается въ полныя объятія Погодина. Самаринъ точно взялся было обсудить «Тараятасъ», но теперь, когда Кирѣевскій отъ «Москвитянина» отступается, вѣроятно, и тотъ доблій юноша отложить перо свое. Самаринъ человекъ дѣльный и могущій сильно дѣйствовать. Жаль, что родитель не пускаетъ его на профессорскую кафедру, а гонитъ на паркетъ большаго свѣта и на служеніе Ваалу²⁾.

12-го іюня. Объ альбомѣ Погодинъ что-то примолкъ: онъ, какъ слышно, собирается осенью нынѣшняго года исполнить свой давнишній планъ путешествія къ Святымъ мѣстамъ. Онъ ѣдетъ къ зимѣ въ Римъ и оттуда водой въ Іерусалимъ, а изъ Іерусалима водою же въ Одессу и такимъ образомъ во-своисл. Само собою разумѣется, что при сей вѣрной оказіи Погодинъ напишетъ путешествіе къ Святымъ мѣстамъ и его раскупать и что паломнику сочинителю выгода будетъ большая.

25-го іюня. Ты, вѣрно, замѣтилъ въ письмѣ Гоголя похвалы, восплауемые имъ г-жѣ Смирновой. Эти похвалы всѣхъ здѣшнихъ удивляютъ. Хомяковъ, нѣкогда воспѣвавшій еѣ подъ именемъ «Иностранки» и «Дѣвы розы», считаетъ еѣ вовсе неспособной къ тому, что видитъ въ ней Гоголь, и по воѣмъ слухамъ, до меня доходящимъ, она просто сирена, плавающая въ прозрачныхъ волнахъ соблазна. Она и Самарина къ себѣ влечетъ; соблазнительница она славная — и только!

29-го іюня. Гоголь, какъ онъ самъ пишетъ, очень и очень разстроился здоровьемъ, впалъ въ жесточайшую хандру, отчаивается въ выздоровленіи, думаетъ, что скоро умереть. Не забудьте, когда его увидите, написать мнѣ подробно, какимъ вы его найдете. Хандра всегда крайне мнительна и вводитъ на своего пациента такія болѣзни, какихъ

¹⁾ Изъ того же письма (въ концѣ его).

²⁾ См. письма Самарина къ Гоголю въ „Русской Старинѣ“ 1889, VII.

въ немъ вовсе нѣтъ, и доводитъ несчастнаго до отчаянія. Вы утѣшайте, ободряйте и развеселяйте Гоголя: онъ съ вами какъ-то проще, мягче, обходительнѣе, нежели вообще!

6-го іюля. Погодинъ не робѣетъ, а юное поколѣніе, которому онъ никакъ не захотѣлъ повѣрить «Москвитянинъ», собирается издавать альманахъ, коимъ завѣдывать будетъ Пановъ.

21-го іюля. Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ на отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ не можетъ откомандировать Погодина въ Симбирскъ, потому что Погодинъ уже не въ службѣ. Какъ бы не вышелъ пшикъ изъ этой торжественной поѣздки почтительнѣйшаго читателя памяти Карамзина.

Слѣдовало бы и не хлопотать о прогонахъ въ такомъ дѣлѣ, но едва ли Погодинъ способенъ упустить изъ виду и малѣйшую трату денегъ когда бы то ни было и во что бы то ни было.

27-го іюля. Вчера былъ у меня Погодинъ и прочелъ мнѣ начало похвальнаго слова Карамзину: прекрасно, дѣльно, горячо и сильно. Оно, конечно, подѣйствуетъ на почтѣннѣйшихъ слушателей и придастъ много торжественности торжеству.

30-го іюля. Письмо ваше къ Надеждѣ Николаевнѣ ¹⁾ отослано по почтѣ въ Рузу. Надежда Николаевна сильно беспокоится о Гоголѣ, котораго здоровье, по ея словамъ, крайне плохо: вчера получилъ я письмо отъ него. Вообразите, что онъ не поѣхалъ въ Гаштейнъ, а находится теперь въ Карлсбадѣ. Не знаю, зачѣмъ заѣзжалъ онъ въ Дрезденъ, совѣтовался съ Карусомъ. Карусъ сказалъ ему, что вся его болѣзнь отъ разстройства печени, что ему должно пользоваться карлсбадскими водами. Гоголь ими и пользуется: пишетъ, что пользы послѣ двухнедѣльнаго ихъ употребленія онъ еще не видитъ и ослабъ еще болѣе. Жаль, что онъ не переговорилъ съ нашимъ любезнѣйшимъ Аммономъ. Каруса я не люблю, и старикъ Коппъ говоритъ про него, что онъ большой анатомистъ и физиологъ, а врачъ плохой.

Когда будете въ Дрезденѣ, не забудьте узнать у Каруса о Гоголѣ, какъ и чтò онъ. Можетъ быть, вы и съѣдетесь тамъ съ Николаемъ Васильевичемъ самимъ: сведете его съ Аммономъ и напишите мнѣ, чтò онъ вамъ объ его болѣзни скажетъ. Тому же, чтò самъ Гоголь говорить о своемъ здоровьи, вѣрить не должно.

4-го августа. Я и самъ не знаю, чего хочется Погодину ѣхать въ Симбирскъ? Впрочемъ кто же, ежели не онъ, могъ бы сказать похвальное слово Карамзину? Погодинъ уже едва-ли не лучше всѣхъ современниковъ и читателей памяти исторіографа и знаетъ и чувствуетъ заслуги его и, конечно, скажетъ о немъ много дѣльнаго и горячо ²⁾.

¹⁾ Шереметевой. См. о ней статью въ „Русск. Стар.“ 1892 г., X. В. Ш.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

Ты читалъ ли его рѣчь, которую Гизо назвалъ лучшимъ историческимъ сочиненіемъ этого года? Не стыдно ли Академіи Наукъ, такъ называемому русскому ея отдѣленію, не послать отъ себя депутата на открытіе! У насъ ничего не умѣютъ дѣлать по-людски! Карамзинъ, конечно, не нѣмецъ, но Академіи все-таки не неприлично было бы отдать честь и русскому человѣку, котораго сочиненія, несомнѣнно, принесли больше пользы просвѣщенію Россіи, нежели всѣ возможныя изданія Академіи и всѣ академики, коихъ уже болѣе полустолѣтія Россія кормить, поить, обуваеъ и одѣваеъ, въ ожиданіи отъ нихъ будущихъ благъ.

8-го августа. Прилагаю записочку Погодина. Мнѣ кажется, онъ правъ: онъ теперь поѣдетъ къ Шевыреву, который на дѣто нанялъ въ селѣ Астафевѣ тотъ самый домъ, гдѣ Карамзинъ писалъ «Исторію Государства Россійскаго», поѣхаль, конечно, на совѣтъ, какъ ему быть. Я, впрочемъ, увѣренъ, что дѣло сдѣлано хорошо съ нашей, по крайней мѣрѣ, стороны. Кого же бы думала коммиссія Арх. послать на открытіе памятника Карамзину? Погодинъ лучше всѣхъ теперешнихъ знаетъ русскую исторію, лучше всей этой коммиссіи, которая не любитъ его за то, что онъ былъ недоволенъ ея изданіемъ русскихъ лѣтописей, находя его недобросовѣстнымъ въ ученomъ отношеніи! Онъ любитъ и уважаетъ Карамзина больше всѣхъ, больше, нежели самъ министръ.

10-го августа. На кафедрѣ русской исторіи поступилъ въ Москву Соловьевъ, юноша доблій и талантливый, на зло Погодину. Погодинъ написалъ и переписалъ «Похвальное слово Карамзину». Онъ произнесъ его хорошо и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Онъ сердечно любитъ Карамзина, знаетъ ему цѣну и сильно чувствуетъ его заслугу русскому просвѣщенію. Я помню, какъ Погодинъ въ университетѣ говорилъ рѣчь объ исторіи и тамъ слова его о Ломоносовѣ и Карамзинѣ растрогали и умилили слушателей. Погодинъ собирается выѣхать 16-го августа въ ночь, слѣдовательно, 20 или 21 будетъ въ Симбирскѣ.

8-го сентября. На-дняхъ будетъ промовировать ¹⁾ Соловьевъ, заступившій мѣсто Погодина въ здѣшнемъ университетѣ. Я пришло тебѣ его диссертацию. Юноша доблій, какъ мнѣ кажется. Онъ же и хорошо пишетъ по-русски—явленіе рѣдкое между профессорами новѣйшаго развитія. Графъ Строгановъ, прослушавъ первую лекцію Соловьева, сказалъ: «очень, очень хорошо! теперь намъ не надо Погодина!»

16-го декабря. Погодинъ послалъ въ петербургскую цензуру свое «Похвальное слово Карамзину». Съ здѣшней рѣшительно нѣтъ никакого способа ладить: такіе трусы, варвары и невѣжи! — Погодинъ занялся теперь разборкой бумагъ покойнаго А. И. Тургенева ²⁾.

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

²⁾ Онъ умеръ 3-го декабря 1845 года.

19-го января 1846 г. Сказку Жуковского о «Жарь-Птицѣ и сѣромъ волкѣ» я читалъ въ «Современникѣ»: хороша и очень хороша, хотя и не соблюдено въ ней уваженіе къ русскимъ сказкамъ: въ нее ввелъ Жуковский и Бабу-Ягу и гусли-самогуды и кое-что прибавилъ. Это, по-моему, не годится въ нѣкоторомъ смыслѣ.

6-го февраля. Вышелъ первый нумеръ «Москвитянина» 1846 г. Погодинъ сердится на Хомякова и на меня: мы-де потворствуемъ молодому поколѣнію, которое дышетъ гордостью и ни мало не уважаетъ прежнихъ дѣятелей и ничего потому не даетъ въ журналъ его, единственный въ Москвѣ. Станный человекъ этотъ Погодинъ: онъ даже свои статьи, которыя подѣлывае, помѣщаетъ не въ «Москвитянинѣ», а въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», гдѣ за нихъ хорошо платятъ. «Похвальное слово Карамзину» не идетъ въ этотъ счетъ: за него онъ уже получилъ деньги.

20-го февраля. На-дняхъ я читалъ письмо живописца Иванова о пребываніи нашего государя въ Римѣ. Государь обласкалъ художниковъ и ваятелей и проч. Это меня крайне радуетъ, потому что Ивановъ освѣжился и пободрилъ, а то было его заклевали щельперы, партизаны Брюлова и Бруни. — Самаринъ не погибъ: онъ не измѣняетъ своему принципу въ Вавилонѣ и въ блескѣ и въ шумѣ свѣтской жизни. Само собою разумѣется, что Конст. Аксаковъ не проститъ ему камеръ-юнкерство.

27-го марта. Увидишь Панова, такъ скажи ему, что кн. Вяземскій прислалъ три стихотворенія въ «Московский Сборникъ» и что мы совѣтуемъ издателямъ онаго раздѣлить его на двѣ части и выпустить въ публику обѣ части вдругъ. Это будетъ эффектно: не правда ли? «Пановскій Сборникъ» ¹⁾, вѣроятно, такъ многолиственъ, что надобно будетъ раздѣлить его на двѣ части. Онъ явится въ свѣтъ не прежде, конечно, Оминой недѣли и явится со славой. Въ Питерѣ такой же сборникъ ²⁾ издаетъ Бѣлинскій, отставшій отъ Краевскаго. Нынче мода на сборники такая, какъ въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія была на альманахи. Теперь духъ времени сталъ, очевидно, серьезнѣе. Я приказалъ тебѣ выслать «Брынскій Лѣсъ» и «Чтенія въ Общ. Исторіи». Бодянский расшевелилъ это общество, такъ долго и такъ много дремавшее въ объятіяхъ прежняго своего редактора. Прочти статью Чижова «Овербекъ» въ «Современникѣ». Объ ней много писали въ «Москвитянинѣ». «Водоемъ» К. Аксакова былъ представленъ, но, ка-

¹⁾ „Московский Сборникъ“, издаваемый Пановымъ.

²⁾ Языковъ здѣсь, вѣроятно, говоритъ о „Петербургскомъ Сборникѣ“, который былъ изданъ Некрасовымъ при участіи Бѣлинскаго въ началѣ 1846 года, но также, можетъ быть, и о «Левіаѳанѣ», сборникѣ, задуманномъ Бѣлинскимъ около этого же времени, но не осуществившемся.

жется, не произвелъ ожиданнаго дѣйствія. Публики было много, потому что дескать цѣны были самыя незначительныя. Куплеты о Питерѣ ¹⁾ были сказаны хорошо, а о Москвѣ очень плохо: вяло и невыразительно. Хлопали и вызывали только свои, наши.

Чиновъ уѣхалъ въ Малороссію. Осенью поѣдетъ онъ въ Италію заготовлять статьи для будущаго журнала.

10-го апрѣля. Поздравляю тебя и всѣхъ васъ съ свѣтлымъ праздникомъ. Я тебѣ вмѣсто краснаго яичка посылаю мою повѣсть «Липа», которую тебѣ посвящаю или надписываю, какъ велить писать Погодинъ. Эту повѣсть отдаю въ «Москвитянинъ»: надобно же мнѣ утѣшить Погодина, крайне на меня ожесточившагося за то, что стихотвореніе на памятникъ Карамзину не ему досталось. «Москвитянинъ» вовсе не хуже своихъ прежнихъ лѣтъ. Погодинъ передаетъ оный Студитекому и уже послалъ объ этомъ просьбу къ министру.

21-го апрѣля. Московская цензура не только-что не пропустила моихъ «Липъ», но и сказала, что сочиненій подобнаго духа не должно и представлять въ нее. Погодинъ обратился въ Питеръ. Погодинъ на дняхъ показывалъ мнѣ бумаги, добытыя имъ послѣ покойнаго ***, вещь драгоцѣнная: письма собственноручныя Петра, Блюментроста, Лейбница, Якова Долгорукова, Суворова, также собственноручныя Ивана Лукича Долгорукова, писанныя въ Митавѣ условія императрицы Анны.

25-го мая. Я писалъ тебѣ, помнится, о томъ, какъ обласкалъ государь въ бытность свою въ Римѣ, зимой текущаго года, нашего художника Иванова. Теперь оказалось, что эта ласка не принесла ему ни на грошъ пользы. Ему отказали въ вспоможеніи и ему просто нечего ѣсть. Такой неожиданный «примѣръ будущаго» ²⁾ есть самое краснорѣчивое свидѣтельство въ пользу Иванова, и какъ живописца, и какъ человѣка. Его не любятъ Брюловъ, Бруни, Григоровичъ и проч.; его не любили прежніе художники въ Римѣ за то, что онъ не пьянствовалъ ³⁾ съ ними, а нынѣшніе за то, что онъ съ ними не пьянствуетъ ⁴⁾. Ему-то и собирались помочь наши. Я пожертвовалъ 100 р. серебромъ: дѣло патріотическое!

25-го мая. «Московскій Сборникъ» прекраснѣйшій; его всѣ хвалятъ. Даже Чаадаевъ хочетъ дать статью въ него, и Погодинъ тоже. Честь и слава Панову, и тѣмъ болѣе чести и славы, что, вѣроятно, будетъ въ убыткѣ. «Петербургскій Сборникъ», который нашему въ подметки не годится. Разошлось 1.860 экз., а у насъ нѣтъ кричальщиковъ. Нѣтъ въ Москвѣ журнала, которому бы вѣрила публика.

¹⁾ Петербургъ тамъ названъ, „городомъ съ именемъ чужимъ“.

²⁾ Выраженіе, заимствованное изъ предисловія къ „Исторіи государства Россійскаго“.

³⁾ Т. е. прежде.

⁴⁾ Т. е. теперь.

31-го іюня. Студитскій, коему Погодинъ поручилъ издавать «Москвитянинъ», говоритъ: «Я не знаю, какъ мнѣ быть съ «Москвитяниномъ»? Михайлъ Петровичъ денегъ мнѣ не оставилъ, а типографія въ долгъ не работаетъ. Хорошъ Михайлъ Петровичъ! 1)

3-го іюля. О Гоголѣ вотъ, чтѣ я знаю отъ Мельгунова, писавшаго мнѣ изъ Крейцнаха. Итальянская, т. е. римская зима ему крайне вредна. Изъ Грефенберга онъ поѣдетъ въ Остенде на морское купанье, лѣто проведетъ въ Бельгii, осень въ Сициліи, зимою пустится въ Палестину.

16-го іюля. Мнѣ помнится, что въ прошломъ 1845 году послалъ я тебѣ письмо Гоголя, въ которомъ онъ говоритъ о моемъ стихотвореніи «Землетрясеніе». Это письмо проситъ Гоголь прислать ему: оно необходимо ему для какихъ-то соображеній. Такъ потрудись, почтеннѣйшій, отыскать оное въ твоихъ бумагахъ и переслать мнѣ. Гоголь прислалъ статью о переводѣ «Одиссеи». Эта статья будетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

19-го іюля. Жуковскій перевелъ 12 пѣсень «Одиссеи»: зимою 1846 г. онъ былъ очень боленъ, и Коппъ возстановилъ его, и онъ расцвѣлъ и пошелъ заново, свѣжъ и бодръ. Онъ просилъ продолжить ему отпускъ еще на годъ. Позволили на полтора года.

6-го августа. Гоголь издаетъ вторымъ тисненіемъ первую часть «Мертвыхъ Душъ» безъ всякихъ дополненій и безъ политипажей. Она выйдетъ осенью.

21-го сентября. Гоголь ѣдетъ въ Римъ на зиму; обѣщалъ написать мнѣ, чтѣ ему сдѣлаетъ водолѣченіе.

9-го октября. Въ Москвѣ теперь Чижовъ, ѣдущій въ чужіе края. Онъ занимается вербовкой въ помощники новыхъ сотрудниковъ для будущаго журнала, которому начало въ 1846 г. Нѣтъ сомнѣній, что журналъ будетъ хорошъ и пойдетъ въ ходъ и не будетъ, слѣдовательно, въ убытокъ и направленіемъ будетъ православный, русскій. Къ іюню будущаго 1847 года пріѣдетъ въ Москву, водворится въ ней осѣло.

3-го ноября. Получаешь ли ты «Чтенія Московскаго Общества Исторіи», издаваемыя Бодянскимъ? Книги чрезвычайно питательныя и важныя для всякаго русскаго.

Сообщилъ В. И. Шенрокъ.

1) Костя пишетъ, что Студитскому позволено издавать „Москвитянинъ“. Немного утѣшенія! („Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ своихъ письмахъ“. 1, 369).

Взысканія за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія.

Отношеніе статсъ-секретаря Муравьева—министру юстиціи.

10-го августа 1827 г.

Государь императоръ, разсмотрѣвъ отзывъ министра народнаго просвѣщенія о причинѣ двухмѣсячнаго замедленія въ исполненіи по объявленному статсъ-секретаремъ Муравьевымъ, ему, министру народнаго просвѣщенія, повелѣнію его величества о училищныхъ строеніяхъ въ Ораніенбаумѣ и Кронштадтѣ, и находя въ томъ виновными попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, за неисполненіе высочайшаго повелѣнія и директора департамента народнаго просвѣщенія, за не своевременный докладъ министру народнаго просвѣщенія, о неисполненіи высочайшей воли,—высочайше повелѣтъ соизвоилъ: попечителю сдѣлать строжайшій за то выговоръ, съ внесеніемъ въ его формуляръ; а директора департамента посадить подъ арестъ на сутки при сенатской гауптвахтѣ, равномѣрно со внесеніемъ въ его формуляръ. Его величество повелѣваетъ, чтобъ министр народнаго просвѣщенія, по принадлежности, о семъ сдѣлалъ надлежащее исполненіе и донесъ его величеству.

Изъ жизни одного декабриста.

Вторъ довольно обширной монографіи о декабристахъ, г. Дмитріевъ-Мамоновъ, такъ заканчиваетъ первую главу ея: «изъ числа 39-ти государственныхъ преступниковъ, бывшихъ на поселеніи и на жительствѣ въ Западной Сибири, 15-ть похоронены въ ея предѣлахъ, и могилы ихъ разбросаны на огромномъ ея пространствѣ... Многія могилы... еще нынѣ существуютъ, — нѣкоторыя же хотя и утрачены, но память объ усопшихъ и нынѣ жива: такъ высоко нравственна и благодѣтельна была дѣятельность въ Сибири большинства декабристовъ на пользу мѣстнаго населенія» ¹⁾).

Къ числу декабристовъ, которые найдолѣе и наиболѣе поработали на пользу мѣстнаго населенія Западной Сибири, принадлежитъ Александръ Ѳедоровичъ фонъ-дербъ-Бриггенъ. Имя этого декабриста увѣковѣчено прекраснымъ отзывомъ Ник. Ив. Тургенева въ книгѣ «Россія и русскіе» и не чуждо литературѣ, которую онъ обогатилъ переводомъ сочиненій Юлія Цезаря. Ему отведена особая XII-я глава въ выше-названномъ сочиненіи г. Дмитріева-Мамонова; но эта глава бѣдна и фактическими данными и совсѣмъ не затрогиваетъ внутренняго міра этого замѣчательнаго человѣка.

Пользуясь перепискою А. Ѳ. Бриггена съ дочерью Марією, съ женою Софією, урожденною Миклашевскою, родителями и друзьями, перепискою, отчасти только опубликованною, и нѣкоторыми литературными данными,

¹⁾ „Декабристы въ Западной Сибири“, отт. изъ IV кн. „Чтеній въ имп. общ. ист. и др. рос“. за 1895 г., стр. 34.

мы постараемся возможно обстоятельно очертить виѣшнюю и внутреннюю жизнь его въ Сибири.

I.

Александръ Ѳеодоровичъ фонъ-деръ-Бриггенъ первоначальное образованіе получилъ въ Петровскомъ училищѣ, когда тамъ директоромъ былъ Вейсъ ¹⁾. Будучи на четыре года моложе декабриста С. П. Трубецкаго ²⁾, Бриггенъ былъ школьнымъ товарищемъ послѣдняго и надолго сохранилъ дружескія съ нимъ связи. «Слово камарадъ, которое ты употребилъ», — пишетъ Бриггену Трубецкой изъ Оёка 31-го декабря 1842 г., — «заставило меня вспомнить круглый столъ, за которымъ мы сидѣли вмѣстѣ съ тобою у старичка Германа... Время давно прошедшее. Теперь также провожу по нѣскольку часовъ въ день въ головѣ стола, по сторонамъ котораго сидятъ мои дѣвочки съ книжками и тетрадками, и вспоминаю свои ребяческія лѣта».

Поступивъ на службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, онъ пріобрѣлъ товарищемъ по ротѣ декабриста Фонъ-Визина ³⁾. Въ 1812 году Александръ Ѳеодоровичъ участвовалъ въ битвѣ Бородинской; а въ 1813 — 14, перейдя вмѣстѣ съ русскими войсками границу, принялъ участіе въ сраженіяхъ при Кульмѣ и Лейпцигѣ. Свидѣтельство объ этихъ подвигахъ Бриггена находимъ въ письмѣ къ нему декабриста Н. И. Лорера съ Кавказа отъ 20-го ноября 1837. Коснувшись вопроса, почему Александръ Ѳеодоровичъ не включенъ въ число освобожденныхъ отъ ссылки въ Сибирь переводомъ на Кавказъ ⁴⁾, онъ пишетъ: «всѣ мы при воспоминаніи о тебѣ утѣшали себя тѣмъ, что ты желалъ этого самъ, а служить тебѣ, въ твои лѣта и отслужи жестокія и достопамятныя три кампаніи, тебѣ будетъ невозможно перенести всѣ предстоящія трудности войны, которая только и сотворена для молодыхъ людей и юношей и для молодыхъ ногъ. Но тѣмъ, которые топтали поля Бородинскія, Кульмскія и Лейпцигскія, тѣмъ пора успокоеніе».

Дослужившись до чина полковника, Бриггенъ вышелъ въ отставку.

¹⁾ См. письмо къ А. Е. Розену въ „Рус. Стар.“ 1900 г., № 1.

²⁾ Бриггенъ род. въ 1794 г., Трубецкой — въ 1790 г.

³⁾ См. „Рус. Стар.“ 1901, № 2, стр. 440—441.

⁴⁾ Это обстоятельство смущало сперва и А. Е. Розена, который говоритъ въ своихъ „Запискахъ декабриста“: „До сего дня непостижимо для меня, почему фонъ-деръ-Бриггенъ не былъ включенъ въ число освобожденныхъ отъ изгнанія ходатайствомъ цесаревича, когда Кавелинъ могъ всѣхъ болѣе къ тому содѣйствовать“. „Зап. дек.“. Лейпцигъ. 1870, стр. 315.

Всеобщее возбужденіе умовъ въ русскомъ обществѣ послѣ Отечественной войны, выразившееся въ явныхъ и тайныхъ обществахъ, тѣмъ легче захватило въ свой водоворотъ Александра Ѳедоровича, что онъ всегда отличался расположеніемъ къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Любовь его къ историко-философскимъ занятіямъ свидѣтельствуеъ гр. Куселевъ-Безбородко, упоминая въ своемъ письмѣ о «философическомъ» диванѣ въ квартирѣ Бриггена, на которомъ послѣдній съ сочиненіемъ Мабли, Смита или какою-нибудь «сверхъестественною философіею», забывалъ весь свѣтъ. Не даромъ въ деревнѣ Бриггена Пануровкѣ (Черн. губ.) имѣлась цѣнная бібліотека на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; изъ этой бібліотеки, расположеніе книгъ на полкахъ которой онъ отлично зналъ, ему не разъ, по его просьбѣ къ дочери Маріи, высылались книги въ Сибирь для чтенія и справокъ при литературныхъ работахъ.

Если, по свидѣтельству барона Розена, послѣ 1814 года каждый мыслящій русскій принадлежалъ къ какому-нибудь тайному обществу, то «философъ», «русскій Миллеръ» — Бриггенъ, очень много мыслившій, другъ «одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи» Н. И. Тургенева, не могъ не принимать участія въ одномъ изъ нихъ.

То было «Сѣверное» общество, сформировавшееся въ исходѣ 1822 г. въ Петербургѣ вмѣсто уничтоженнаго «Союза Благоденствія».

По словамъ бар. Розена ¹⁾, въ Сѣверное общество ввелъ Бриггена Кавелинъ, встрѣтившійся впоследствии съ нимъ въ Курганѣ, въ церкви, куда пришли декабристы по желанію проѣзжавшаго по Сибири въ 1837 г. наслѣдника цесаревича. Впрочемъ, Бриггенъ въ началѣ 1820 г. присутствовалъ вмѣстѣ съ другими членами въ собраніи Коренной думы (или управы) Союза Благоденствія. На этомъ засѣданіи Пестель исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго, при чемъ Бриггенъ и полковникъ Глинка не высказали своего мнѣнія о выгодахъ того или другаго правленія ²⁾.

Находясь уже въ отставкѣ, Александръ Ѳедоровичъ встрѣтился въ 1825 году въ Кіевѣ съ своимъ другомъ и школьнымъ товарищемъ кн. С. П. Трубецкимъ, которому сообщилъ, между прочимъ, о желаніи капитана Якубовича, пріѣхавшаго изъ Грузіи, покуситься на жизнь императора Александра I-го.

Въ событіяхъ 14-го декабря 1825 г. Бриггенъ, по свидѣтельству бар. Розена ³⁾, не принималъ никакого участія. Въ 1825 г. онъ собирался ѣхать за границу, имѣлъ уже паспортъ и перевелъ деньги въ Гамбургъ

¹⁾ Зап. декабр., стр. 815.

²⁾ См. Донесеніе слѣдственной комиссіи. С.-Петербургъ, 1826 г., стр. 19.

³⁾ „Дневн. декабриста“, 300 стр. То же самое повторяетъ не разъ Н. И. Тургеневъ въ письмахъ къ братьямъ. См. „Рус. Стар.“ 1901 г., май.

на имя банкира Ливіо. Болѣзнъ жены удержала его въ Россіи еще на зиму, которая принесла много несчастья: неявка въ срокъ кредитива и внезапное банкротство Ливіо лишили Бриггена капитала, а за то, что онъ слышалъ о самохвальствѣ Якубовича и сообщилъ о томъ кн. Трубецкому, его арестовали, осудили и сослали.

Во время слѣдствія по поводу событій 14-го декабря 1825 года, Бриггену была устроена очная ставка съ Пестелемъ ¹⁾. Въ это время онъ держалъ себя безукоризненно, ничѣмъ не нарушилъ узъ дружбы и показалъ то величіе души, какимъ всегда отличался. Такъ, онъ взялъ смѣлость защищать отсутствовавшего Николая Ивановича Тургенева, на котораго другіе декабристы наговаривали много лишняго. По этому поводу Н. И. Тургеневъ писалъ 25-го октября 1826 г. къ брату Александру ²⁾: «Онъ (т. е. Бриггенъ) меня всѣхъ болѣе интересуеъ, какъ по пріязни, такъ и по его отзыву о показаніи, о моей фразѣ. Этотъ отзывъ меня тронулъ до глубины души ³⁾. Я вижу тутъ доказательство дружбы. Глупая болтовня Муравьева и Орлова, особливо сего послѣдняго, жалка и презрительна».

Верховный уголовный судъ призналъ Бриггена виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на царевубійство и въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго. Указомъ Правительствующаго Сената отъ 13-го іюля 1826 г. онъ отнесенъ былъ къ седьмому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ временной ссылке въ каторжныя работы на 4 года, а потомъ на вѣчное поселеніе.

Указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 22-го августа 1826 г., оставленъ въ каторжныхъ работахъ на одинъ годъ, а затѣмъ на вѣчномъ поселеніи въ Сибири ⁴⁾.

Въ началѣ мая 1827 г. Бриггенъ вмѣстѣ съ Ентальцевымъ, Черкасовымъ и Абрамовымъ 2-мъ прибылъ въ Читу, откуда направленъ въ Петровскій заводъ. Здѣсь ему привелось отбывать каторгу вмѣстѣ съ барономъ Розеномъ, поэтомъ Одоевскимъ и многими другими декабристами. Здѣсь-то Одоевскій написалъ товарищу по каторгѣ Бриггену извѣстный «Экспромптъ», начинающійся словами:

„Звучитъ вся жизньъ, какъ звонкій смѣхъ;
Отъ жара чувствъ душа не вянетъ“ ⁵⁾.

¹⁾ Донесеніе слѣд. ком., 20 стр., прим. I.

²⁾ Рус. Стар. 1901, май, стр. 25б.

³⁾ По словамъ донесенія, въ собраніи Коренной думы всѣ одобрили республиканское правленіе, при чемъ Н. И. Тургеневъ сказалъ: „un president sans phrases“. Бриггенъ заявилъ, что Тургеневъ вмѣсто приписываемыхъ ему словъ сказалъ просто: „Республиканское правленіе съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи“.

⁴⁾ См. соч. Дмитріева-Мамонова, стр. 88.

⁵⁾ См. VII томъ приложеній къ „Сѣверу“ за 1893 г.

Александръ Ѳедоровичъ удивлялся сильному воображенію, проявленному въ этомъ стихотвореніи поэтомъ, который превратилъ въ вино и пиво острожную воду и артельный квасъ.

Отбывъ годъ въ каторжныхъ работахъ, Бриггенъ одновременно съ Черкасовымъ доставленъ былъ изъ Иркутска въ Тобольскъ въ половинѣ іюня 1828 г. Согласно послѣдовавшей высочайшей волѣ, 20-го того же мѣсяца изъ Тобольска его отправили, подъ надзоромъ урядника Баеднаго и одного жандарма, на поселеніе въ Пелымъ.

Въ концѣ іюня онъ прибылъ на мѣсто поселенія и прожилъ здѣсь до начала марта 1836 г.

II.

Не особенно радушно встрѣтилъ Пелымъ своего новаго обитателя. Не успѣлъ Александръ Ѳедоровичъ, какъ говорится, выйти изъ экипажа и ступить на почву Пелыма, какъ пелымскій отдѣльный засѣдатель отобралъ отъ него оружіе, порохъ и дробь, о чемъ и донесъ тобольскому губернатору Нагибину ¹⁾.

Вообще и природа Пелыма, селенія Туринскаго округа, Тобольской губерніи, не могла благотворно подѣйствовать на невольнаго поселенца. Расположенное въ мѣстности безлюдной, гдѣ полгода сряду не показывается солнце, гдѣ вѣчно холодная земля оттаиваетъ только на полфута въ глубину, гдѣ люди питаются рыбою и дичью, гдѣ не было огородовъ, не было посѣвовъ ²⁾, это селеніе дышало угрюмостью и печалью.

Не могъ составить для Бриггена пріятнаго общества сосланный сюда декабристъ Враницкій, человѣкъ больной и совершенно упавшій духомъ. Александру Ѳедоровичу пришлось потратить много тщетныхъ усилій на то, чтобы развлекать и поддерживать несчастнаго.

Жена Бриггена, урожденная Миклашевская, не могла слѣдовать за нимъ въ Сибирь или пріѣхать къ нему: сначала тому мѣшало малолѣтство дѣтей, а потомъ нездоровье ея самой.

Въ тяжеломъ одиночествѣ, которое Бриггенъ, по словамъ Розена, переносилъ съ необыкновенною твердостью, нѣкоторою отрадою служила переписка съ женою и дочерью Марією, съ нѣкоторыми друзьями по ссылкѣ и умственные занятія.

Согласно первому пункту правилъ, сообщенныхъ генераль-губерна-

¹⁾ См. назв. соч. г. Дмитріева-Мамонова, 23 стр.

²⁾ Такъ описываетъ Пелымъ Розенъ въ своихъ „Зап. декабр.“, 278 стр.

тору Западной Сибири П. М. Капцевичу начальникомъ штаба его императорскаго величества генераль-адъютантомъ Дибичемъ 26-го сентября 1826 года, жена Александра Фодоровича высылала ему по одной тысячѣ рублей ассигнаціями ежегодно на содержаніе и особо на первоначальное обзаведеніе и покупку дома.

Благодаря такой матеріальной обеспеченности, Бриггенъ въ первый же годъ своего пребыванія въ Пелымѣ выстроилъ себѣ, съ разрѣшенія главной администраціи края, деревянный домъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ съ необходимыми для хозяйства и небольшого скотоводства постройками.

Жизнь его въ Пелымѣ протекала весьма однообразно и уединенно. «Я много хожу,—пишетъ онъ Розену изъ Пелыма 15-го ноября 1833 г.,—большую часть дня провожу въ поляхъ, вечеръ же съ двумя свѣчами сижу за моими книгами: признаюсь, что сіи вечера составляютъ пріятнѣйшее время моего пребыванія въ Пелымѣ» ¹⁾. Кромѣ книгъ, свою любознательность русскій «Миллеръ» направлялъ на историческія преданія, которыя связали Пелымъ съ русскою исторіею XVIII столѣтія. Это незначительное селеніе, благодаря различнымъ переворотамъ, сдѣлалось мѣстомъ продолжительнаго, хотя и невольнаго пребыванія двухъ иностранцевъ, занимающихъ видное мѣсто на страницахъ нашей исторіи упомянутого столѣтія.

Такъ Бриггенъ въ названномъ письмѣ къ Розену пишетъ о мѣстѣ гдѣ двадцать лѣтъ прожилъ Минихъ, знаменитый покоритель Данцига и Очакова. Онъ собираетъ отъ очевидцевъ и свидѣтелей жизни этого знаменитаго изгнанника въ Пелымѣ подробныя и весьма интересныя свѣдѣнія, которыми дѣлится съ другомъ декабристомъ, проживавшимъ въ Курганѣ. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія и о другомъ иностранцѣ, регентѣ и герцогѣ Биронѣ, пробывшемъ въ пелымской тюрьмѣ четыре мѣсяца.

Переписка съ друзьями, возможность хоть изрѣдка побесѣдовать съ людьми одинаковаго образа мыслей, несомнѣнно, составляла для Александра Фодоровича величайшее наслажденіе.

Съ барономъ Андреемъ Евгеніевичемъ Розеномъ у Бриггена завязалась тѣсная дружба, и велась оживленная переписка до переѣзда послѣдняго въ Курганъ, равно и послѣ отъѣзда семьи барона на Кавказъ. Розень питалъ къ Александру Фодоровичу чувства глубокаго уваженія за его высокія нравственныя качества. «Онъ (т. е. Бриггенъ) былъ отлично образованъ, имѣлъ самыя честныя правила и добрѣйшее сердце. Прочтите, что о немъ говоритъ Н. И. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1900 г., № 1, 225 стр.

«Россія и русскіе», напечатанномъ на французскомъ языкѣ въ 1847 г.,— читаемъ мы въ «Запискахъ декабриста»¹⁾.

Розень прибылъ на поселеніе въ Курганъ 19-го сентября 1832 г. Съ того же времени или нѣсколько позднѣе у него съ Бриггеномъ началась переписка.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется письмо Розена изъ Кургана отъ 11-го мая 1834 г., въ которомъ онъ пишетъ слѣдующее:

«Въ нѣсколькихъ словахъ опишу вамъ переселеніе наше изъ Читы въ обѣтованный Петровскій заводъ или Балякенскъ. Всѣ были раздѣлены на двѣ партіи; первая выступила 7-го августа 1830 года, при ней находился безотлучно плацмайоръ съ тремя офицерами и съ отрядомъ, состоящимъ изъ казаковъ и 70 человекъ пѣхоты. Вторая партія выступила 9-го августа подъ личнымъ начальствомъ коменданта и съ такимъ же конвоемъ. Въ день шли мы отъ 25 до 32 верстъ съ дневками; раненые и слабые здоровьемъ могли имѣть подводы, на коихъ складывали чемоданы, а книги и прочее добро было отправлено заранее на наемныхъ подводахъ. Въ Бурятской степи чочевали мы въ юртахъ, расположенныхъ по лагерному порядку съ пикетами, по пяти человекъ въ юртѣ, а за Верхнеудинскомъ имѣли квартиры въ большихъ старообрядческихъ деревняхъ, также по пяти человекъ на домъ съ безотлучными часовыми.—Въ первые девять дней нашего похода лилъ непрестанный дождь, потомъ погода была самая пріятная, особенно когда мы шли по прекрасному и величественному берегу Селенги, доставлявшей намъ живыхъ осетровъ на каждый ужинъ. 21-го сентября [прибыла первая партія]²⁾, 23-го—вторая партія въ Петровскую тюрьму. Вы можете себѣ представить, какъ пріятенъ былъ походъ послѣ тюремной жизни, и каково было опять вступать въ темную тюрьму, послѣ того какъ нѣсколько недѣль проводили на просторѣ въ перемѣнныхъ мѣстахъ—вопреки поговоркѣ: «худая стоянка лучше хорошаго похода». Вашему воображенію предоставляю пополнить все мною сказанное о нашемъ переселеніи: виды дикой, но величественной природы Забайкальской страны, кочующіе буряты, богатые старообрядцы или такъ называемые тамъ семейскіе (потому что за расколъ были сосланы тому 80 лѣтъ назадъ цѣлыми семействами), бѣдные старожилы съ своимъ кирпичнымъ чаемъ—все это вамъ знакомо.—Можете также представить себѣ огни для караульныхъ и огни въ юртахъ,—разказы Н. Бестужева, Якубовича и другихъ, остроги Давыдова, пѣсни Одоевскаго и пр. и пр.

¹⁾ Слова, взятая въ скобки, въ оригиналѣ вырваны; мы ихъ подставили по смыслу.

²⁾ Лейпциг. изд. 1870 г. 300 стр. Отзывъ Н. Ив. Тургенева о Бриггенѣ см. указанное Розеномъ изданіе, стр. 234, 333 и 342.

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ, отвѣты на всѣ ваши вопросы, кромѣ тѣхъ, кои относятся до меня и моего семейства, и дабы исполнѣе удовлетворить вашему желанію, то скажу вамъ, что жена моя пріѣхала ко мнѣ въ 1830 году и послѣ 4-хъ-лѣтней разлуки увидѣлись 27-го августа на большой дорогѣ во время похода изъ Читы въ Петровскій заводъ; свиданіе наше безъ старшаго сына ¹⁾ было трогательно и вообще доставило мнѣ случай убѣдиться въ любви и участіи ко мнѣ добрыхъ моихъ товарищей, бывшихъ свидѣтелями нашего свиданія; многіе изъ нихъ плакали въ первый разъ въ зрѣломъ возрастѣ ²⁾. Второй сынъ мой родился въ Петровскомъ заводѣ, я далъ ему имя Кондратій, въ память Кондр(атія) Ѳед(оровича), ³⁾ ему отъ роду 2 года 9 мѣсяцевъ, а третій сынъ мой Василій родился въ Тобольской губерніи, въ бѣдной деревушкѣ, во время переѣзда въ Курганъ, ему отъ роду годъ и 9 мѣсяцевъ. [Имя старшаго сына] ⁴⁾ моего Евгенийъ; теперь въ маломъ ихъ возрастѣ называю ихъ по отголоску (эхо) ихъ имени: Эни; Атіи, Иліи ⁵⁾, добрая жена моя и Елизавета Петровна ⁶⁾ благодарятъ васъ за память о нихъ и кланяются вамъ»...

Хотя Бригенъ въ письмахъ къ Розену увѣрялъ, что здоровье его удовлетворительно, однако, климатическія условія Пельма не могли благоприятно отразиться на организмѣ его. Вотъ почему, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Пельмѣ, онъ чрезъ предсѣдателя Тобольскаго губернскаго правленія Корнилова ходатайствовалъ предъ генераль-губернаторомъ Н. А. Вельяминовымъ о переводѣ въ другую мѣстность губерніи съ болѣе мягкимъ климатомъ. 29-го іюня 1831 года, гр. Бенкендорфъ увѣдомилъ Вельяминова, что императоръ собственноручно написалъ на

¹⁾ Анна Васильевна Розенъ, урожденная Машиновская, оставила своего первенца Евгенія на попеченіе сестры Марьи Васильевны Вальховской. Последняя замѣняла Евгенію мать до тѣхъ поръ, пока онъ увидѣлся съ родителями на Кавказѣ 10-го ноября 1833 года. Заботы Марьи Васильевны и судьба старшаго сына Розена трогательно изображены поэтомъ Одоевскимъ въ словахъ пѣсни, начинающейся словами:

„Я разлучился въ колыбели

Съ отцомъ и матерью моею“ (См. стихотвор. кн. Одоевского, стр. 61—62.)

²⁾ Подробности этого свиданія и участія товарищей рассказаны Розеномъ въ „Запискахъ декабриста“.

³⁾ Рылѣва.

⁴⁾ Въ скобкахъ поставлены по догадкѣ вырванные слова.

⁵⁾ Въ колыбельной пѣснѣ, написанной кн. Одоевскимъ въ 1832 году въ Петровскомъ заводѣ, встрѣчается имя Атіи.

⁶⁾ Нарышкина, жена декабриста Михаила Михайловича Нарышкина, была дочерью графа Коновницина. Съ 14-го марта 1833 года она поселилась вмѣстѣ съ мужемъ въ Курганѣ.

докладной запискѣ о Бриггенѣ: «Начали всё проситься, надобно быть осторожнѣе въ согласіи на это, въ особенности нынѣ».

Въ 1834 году возобновлено было управлявшимъ Tobольскою губерніею А. Н. Муравьевымъ ходатайство о переводѣ Бриггена въ другой городъ, такъ какъ всё лѣкарства, при сыромъ климатѣ, торфяной водѣ и недостаткѣ доброкачественной пищи, оказывались безсильными противъ болѣзни. Но и это ходатайство не имѣло успѣха. Только представленіе начальника VII округа корпуса жандармовъ, полковника Маслова, донесшаго графу Бенкендорфу, что Бриггенъ, находясь въ Пелымѣ, совершенно потерялъ свое здоровье, что, по отзывамъ, онъ отличается наилучшимъ поведеніемъ и исполненъ чувства искренняго раскаянія, повлекло за собою высочайшее соизволеніе на переводъ Александра Федоровича въ одну изъ южныхъ мѣстностей Tobольской губерніи. О такомъ высочайшемъ соизволеніи гр. Бенкендорфъ увѣдомилъ генераль-губернатора Западной Сибири Сулему 30-го ноября 1835 года. Бриггенъ выбралъ мѣстомъ новаго поселенія Курганъ, куда и прибылъ въ началѣ марта 1836 года. Выборъ его остановился на Курганѣ, конечно, не потому, что этотъ городъ представлялъ особенныя удобства для жизни, а потому, главнымъ образомъ, что тамъ жили Розены, Нарышкины, Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ и Фохтъ, составившіе дружественный кружокъ и снискавшіе расположеніе курганскаго чиновничьяго и гражданскаго общества. Впрочемъ, и въ смыслѣ удобствъ жизни, Курганъ нельзя было сравнивать ни съ какимъ другимъ доступнымъ для поселенія декабристовъ пунктомъ Tobольской губерніи.

III.

Изъ 28-ми лѣтъ, проведенныхъ Бриггеномъ на поселеніи въ Сибири около 15-ти приходится на Курганъ. Здѣсь же, въ Курганѣ, среди колоніи декабристовъ, онъ провелъ лучшіе дни своего изгнанія; здѣсь же началась его служба на пользу мѣстнаго населенія; здѣсь онъ трудился надъ переводомъ сочиненій Юлія Цезаря и задумалъ другія литературныя работы; здѣсь же, наконецъ, пережито имъ такъ много счастливыхъ и еще болѣе горестныхъ минутъ, что Курганъ занимаетъ въ судьбѣ его видное мѣсто.

Баронъ Розенъ въ «Запискахъ декабриста» далъ не особенно лестную характеристику Кургана. Городъ, по его описанію, непривлекательный; дома все деревянные (только два каменныхъ); лѣтомъ зелени

*

мало, а пыли много, въ немъ до двухъ тысячъ жителей, одна трехпрестольная церковь и училище съ 50-ю учениками. Интеллигенція города, чиновники, относилась къ декабристамъ очень сочувственно, но послѣдніе не всегда находили наслажденіе въ общеніи съ нею. Розень съ нескрываемою проніей говоритъ о пристрастіи курганскихъ чиновниковъ къ разнаго рода увеселеніямъ, напр., къ празднованію именинъ, не замѣчая, что эти праздники были единственнымъ средствомъ разнообразить скучную и сонливую будничность провинціального сибирскаго городка. Разъ въ году Курганъ оживлялся ярмаркою, которая продолжалась три дня и во время которой запасались на цѣлый годъ различными, особенно колониальными товарами ¹⁾. Къ тому же Курганъ имѣетъ не особенно теплый климатъ, здѣсь дуютъ холодные вѣтры; но для Бриггена, постоянно жаловавшагося въ письмахъ къ дочери Маріи на головныя боли и на болѣзнь глазъ, подверженнаго простудѣ и лихорадкамъ, климатъ этого города былъ благопріятнѣе, чѣмъ климатъ Пелыма. Онъ часто болѣлъ въ Курганѣ и писалъ отсюда Маріи 5-го марта 1837 года: «Здѣшній климатъ немного лихорадоченъ по причинѣ вѣтровъ, которые постоянно дуютъ въ теченіе 7-ми и 8-ми мѣсяцевъ въ году, особенно осенью и весною». Если такъ писалъ онъ изъ Кургана, то что же было въ суровомъ Пелымѣ? Вотъ почему въ письмѣ отъ 7-го ноября 1841 г. къ той же дочери онъ говоритъ: «Свистуновъ ²⁾ тотчасъ послѣ своей свадьбы, которая должна быть въ январѣ, уѣдетъ въ Тобольскъ... Если онъ выигрываетъ съ одной стороны ³⁾, то съ другой, въ отношеніи климата, проигрываетъ, потому что климатъ въ Тобольскѣ несравненно хуже, чѣмъ въ Курганѣ. Городъ, расположенный у подошвы горы на болотѣ, имѣетъ климатъ сырой и нездоровый; туманы тамъ постоянны и смертность больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Больные пріѣзжаютъ изъ Тобольска въ Курганъ, чтобы возстановить свое здоровье и подышать свѣжимъ воздухомъ».

Ограниченный тысячерублевымъ годовымъ окладомъ, Александръ Федоровичъ жилъ въ Курганѣ очень скромно. Домъ, въ которомъ квартировалъ, находился въ одной изъ отдаленныхъ улицъ; а его письма къ женѣ, дочери и родителямъ свидѣтельствуютъ, что онъ часто нуж-

¹⁾ „Зап. дек.“ Лейпц., стр. 291 и сл.

²⁾ Петръ Николаевичъ — декабристъ, прибылъ въ Курганъ на поселеніе въ 1837 году, а въ 1841 переведенъ въ Тобольскъ на службу въ губернскаго управленіе. Онъ женился на Талыянѣ Александровнѣ Дуриновой, дочери курганскаго окружнаго начальника. Домъ Свистуновыхъ, благодаря матеріальной обеспеченности, образованію и общительности Петра Николаевича, служилъ мѣстомъ объединенія обширной тобольской семьи декабристовъ.

³⁾ Свистуновъ удалялся изъ Кургана, желая избѣжать неприятой женщиной родни.

дался въ самомъ необходимомъ и дѣлалъ долги, сильно тяготившіе его. «Я безъ гроша, — пишетъ онъ дочери, — говорю безъ преувеличиванія; пропустилъ ярмарку и кругомъ въ долгу. Если бы не бѣдное жалованье ¹⁾, которое я получаю, то привелось бы голодать. Я тебѣ писалъ объ этомъ въ письмѣ отъ 7-го февр., которое ты теперь, вѣроятно, получила. Маменька твоя писала мнѣ, что 15-го декаб. непременно вышлетъ мнѣ денегъ, но по сей день ни денегъ, ни письма нѣтъ. Это, право, тяжело; а тутъ, по несчастью, еще съ меня вычесть, болѣе 30 р. с. за чинъ ²⁾, который получилъ 30-го декаб., да 13 р. с. взысканія за нарочнаго, который былъ посланъ, по извѣстному тебѣ дѣлу, два года тому назадъ, такъ что у меня будутъ вычитать изъ жалованья 45 р. с., Богъ вѣсть за что, и тогда какъ мнѣ каждая копейка дорога!»

«Я теперь во всемъ нуждаюсь, — читаемъ мы въ другомъ письмѣ къ дочери отъ 9-го февр. 1841 г., — какъ въ деньгахъ, такъ и въ домашней провизіи, которая немного не дотянула до Ирбитской ярмарки, должествующей начаться въ гынѣшнемъ мѣсяцѣ; невзирая на мою, уже не скажу, бережливость, а просто скупость, не могу выдти изъ роковаго двухсотъ пятидесяти рублеваго долгу».

Въ томъ же году, 7-го ноября, онъ снова говоритъ о своей нуждѣ дочери Маріи: «Не забудьте, моя дорогая Марія, прислать мнѣ, если представится случай, еще одну пару жакетовъ, подобныхъ тѣмъ, которые вы мнѣ прислали и изъ которыхъ одинъ, сдѣланный изъ платья, вами ношеннаго, почти совсѣмъ износился, — я его ношу каждый день, — между тѣмъ другой еще совершенно новый. Но что меня приводитъ въ отчаяніе, такъ это моя шуба, знаменитая шуба, столько путешествовавшая и видѣвшая столько переменъ! Она обветшала, а провести зиму въ Сибири въ шубѣ, доступной холоду, неприятно. Дѣлавшимъ мнѣ замѣчанія я отвѣчалъ съ важнымъ видомъ, какъ лиса въ баснѣ «Лисица и зеленый виноградъ», что я незябкій, что мѣха заставляють меня страдать отъ теплоты».

Кстати здѣсь будетъ замѣтить, что эта нужда побуждала его искать службы и придумывать различные источники для добыванія денегъ: то онъ поручаетъ дочери Маріи продать изъ библіотеки коллекцію картинъ, то переводить сочиненія Юлія Цезаря, за каковой переводъ получилъ отъ В. А. Жуковскаго 714 р. 26 коп.

Слѣдуетъ, однако, оговориться, что до 1837 г., до времени выѣзда изъ Кургана Нарышкиныхъ и Розеновъ, Бриггенъ не могъ испытывать

¹⁾ Бриггенъ съ марта 1838 г. служилъ въ Курганскомъ окружномъ судѣ.

²⁾ Онъ былъ произведенъ приказомъ отъ 24-го марта 1848 г. въ коллежскіе регистраторы.

стѣсненія въ деньгахъ: искренно расположенные къ нему друзья всегда снабдили бы его имп.

Изъ его рѣчей о шубѣ можно заключить, что онъ не обнаруживалъ передъ знакомыми и друзьями своихъ лишеній и связанныхъ съ ними страданій. Дѣйствительно, передъ курганскими жителями онъ всегда являлся довольнымъ и спокойнымъ; только въ письмахъ къ любимой дочери онъ раскрывалъ свою душу. Вообще Александръ Ѳедоровичъ причелъ былъ къ большой сдержанности и выдержкѣ. «Онъ переносилъ свое несчастье съ необыкновенною твердостью, — говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ Розенъ: пріятная наружность его, румянецъ во всю щеку, изысканность въ одеждѣ показывали довольство и спокойствіе, даже въ минуты, когда при чтеніи или объявленіи глупаго приказа и безтолковой правительственной мѣры случалось ему твердить: «c'est атгосе», то за этимъ тотчасъ появлялась спокойная улыбка» ¹⁾).

Среди друзей-декабристовъ Александръ Ѳедоровичъ чувствовалъ себя необыкновенно хорошо: онъ то читалъ, то гулялъ ²⁾, то посѣщалъ друзей и бесѣдовалъ съ ними о своихъ близкихъ ³⁾. Принималъ онъ участіе и въ праздникахъ, которые весело справлялись декабристами. Такъ, 8-го ноября торжественно праздновались курганскою колоніею именины Михаила Михайловича Нарышкина. «Помнишь, другъ мой (пишетъ Бриггену Лореръ 5-го дек. 1841 г. изъ Керчи), восьмое ноября въ Курганѣ, когда мы собирались къ хорошему обѣду, гдѣ тихо, въ кругу своихъ, мы празднуемъ этого милаго человѣка именины: ты надѣваешь свой черный праздничный сюртукъ; нашъ длинный методистъ Розенъ валитъ на своихъ длинныхъ дрожкахъ; какъ все тогда было хорошо, дружно, и все это, мой другъ, судьба одной рукой разметала»...

Часто въ домѣ Нарышкиныхъ устраивались музыкально-вокальные вечера. Объ одномъ изъ нихъ, бывшемъ на масляницѣ 1837 г., Бриггенъ пишетъ дочери въ письмѣ отъ 5-го марта: «Въ субботу на масляницѣ м-ме Нарышкина устроила для насъ прекрасный музыкальный вечеръ; у нея большой талантъ къ пѣнію: подъ аккомпаниментъ своего мужа, игравшаго на піанино, она превосходно исполнила «Обѣдню» Бетховена, нѣкоторыя аріи Россіни и различныя итальянскія музыкальныя піесы. Курганъ пользуется репутаціею сибирской Италіи, но этотъ вечеръ справедливо заслуживаетъ ему это имя».

¹⁾ Зап. декабр. 300 стр.

²⁾ „Единственное мое занятіе чтеніе, время отъ времени прогулка и посѣщенія, которыми я обмѣниваюсь съ моими товарищами“ (письмо къ дочери 9-го окт. 1836 г.).

³⁾ „Я разговариваю здѣсь очень часто о васъ съ м-ме Нарышкиной, которая родственница вашей подругѣ и другу м-ме Столыпной“ (письмо къ ней же 3-го іюля 1836 г.).

Въ 1837 г. наслѣдникъ цесаревичъ, путешествуя по Сибири, проѣзжалъ черезъ Курганъ, видѣлъ въ церкви декабристовъ, просилъ за нихъ у государя,—и вотъ Розень, Лореръ, Назимовъ, Лихаревъ, Нарышкинъ, люди наиболѣе близкіе Бриггену, уѣзжали, по высочайшему повелѣнію, на Кавказъ.

Чего лишился въ лицѣ уѣзжающихъ Александръ Ѳедоровичъ, можно догадаться изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ къ дочери отъ 5-го марта 1837 г. Говоря о жизни своей въ Курганѣ, онъ выразился: «Впрочемъ, пребываніе здѣсь пошло, и безъ общества моихъ товарищей и книгъ оно мнѣ скоро прискучило бы».

Теперь друзья-товарищи уѣзжали. Всегда сдержанный, Бриггенъ старался скрыть горестныя чувства, вызываемыя разлукою съ сердечно близкими людьми. «Не забуду, любезный другъ (читаемъ въ письмѣ Лорера къ нему отъ 20-го ноября 1837 г.), дружбу твою ко мнѣ, которая была постоянна и такъ пріятна для человѣка, который вполне умѣеть цѣнить; ты насъ проводилъ, какъ родныхъ своихъ, и потому съ удовольствіемъ скажу тебѣ слова добрѣйшей нашей Елизаветы Петровны и знаю, что этимъ сдѣлаю тебѣ пріятное: «Я благодарна доброму Александру Ѳедоровичу за дружеское участіе его къ намъ; онъ старался скрыть, но я видѣла, какъ больно ему было разставаться съ нами; онъ старался скрыть, но я видѣла, что ему больно, и (онъ) чувствовалъ, что намъ предстоятъ новыя испытанія».

Уѣзжавшіе изъ Кургана на Кавказъ также огорчены были разлукою съ товарищемъ, котораго любили и уважали за возвышенный умъ и прекрасныя добрыя чувства. При томъ же они сильно смущались непонятнымъ для нихъ обстоятельствомъ, почему Бриггенъ не переведенъ вмѣстѣ съ ними на Кавказъ. «Не узнали ли причины почему васъ оставили въ Курганѣ,—спрашиваетъ Розень Бриггена въ письмѣ отъ 20-го марта 1839 г.—Можетъ быть, на Бородинскихъ маневрахъ васъ вспомнятъ и облегчатъ еще болѣе вашу участь». Даже не только декабристы-товарищи озадачены были этимъ обстоятельствомъ, но и другія, лица знавшія Александра Ѳедоровича. «Въ Казани,—пишетъ Лореръ Бриггену (вышеупомянутое письмо),—Степанъ Степановичъ Стрекаловъ очень интересовался о тебѣ и удивлялся и сожалѣлъ, что тебя нѣтъ съ нами; онъ ожидалъ тебя увидѣть и былъ увѣренъ, что онъ тебя обвинитъ, но не могъ придумать, почему тебя одного оставили».—На самомъ дѣлѣ тутъ не было никакой загадки: самъ Бриггенъ не задолго передъ проѣздомъ наслѣдника цесаревича черезъ Курганъ просился въ гражданскую службу и получилъ назначеніе въ земскій судъ; но не зналъ о своемъ назначеніи во время отъѣзда на Кавказъ друзей.

Для оставшагося въ Курганѣ декабриста нѣкоторымъ утѣшеніемъ были: служба, нѣкоторые товарищи, наприм., Свистуновъ, человѣкъ про-

свѣщенный, выписывавшій русскіе и иностранныя журналы и газеты, интересовавшійся развитіемъ литературы и политической жизни, и переписка съ уѣхавшими друзьями. Но переписка не могла дать того, что давало живое общеніе, служба скоро открыла Бриггену беспросвѣтную тьму произвола, взятокъ и невѣжества, а оставшіеся товарищи не подходили къ нему по своему настроенію.

Въ тяжелую минуту сознанія своего умственного и нравственного одиночества Александръ Федоровичъ писалъ дочери (7-го ноября 1841 г.): «Если бы для меня возможно было завидовать вамъ, моя дорогая и добрая Марія, то, конечно, я завидовалъ бы не тому, что вы видѣли покой Зимняго дворца, Петергофъ и другія прекрасныя достопримѣчательности столицы, о которыхъ вы мнѣ пишете въ письмѣ отъ 27-го августа. Нѣтъ, я завидовалъ бы тому, что вы имѣли случай слышать чудную музыку, о которой я знаю только по газетамъ... Вотъ лишеніе, дающее себя особенно чувствовать, несмотря на всѣ другія, болѣе важныя, причиняемыя мопмъ положеніемъ. Курганъ, хотя и лучшее мѣсто въ Сибири, но не такое, которое можетъ вознаградить за указанное лишеніе: нѣтъ общества, нѣтъ ни одного человѣка, съ которымъ я могъ бы обмѣниваться мыслями».

IV.

Много можно подыскать причинъ, побудившихъ Бриггена искать службы. Вопіющую нужду въ деньгахъ, вслѣдствіе неаккуратной высылки ихъ женою, мы уже знаемъ. И это причина—главная. Не малую роль играло и желаніе путемъ службы возратить себѣ хотя часть преимуществъ, отнятыхъ ссылкой, а равно и тайная надежда такимъ образомъ ускорить свое возвращеніе на далекую родину, въ кругъ семьи.

Въ началѣ 1838 г. послѣдовало высочайшее соизволеніе на опредѣленіе Бриггена на службу въ Курганскій окружный судъ канцеляристомъ. Какъ только 29-го марта 1838 г. состоялся приказъ объ опредѣленіи его въ штатъ суда, тотчасъ же возникъ рядъ вопросовъ—о присягѣ, о разрядѣ на выслугу чина, о недвижимомъ имѣніи и перепискѣ съ семьею и друзьями. Многіе изъ этихъ вопросовъ рѣшены въ пользу Бриггена, другіе—нѣтъ. Такъ, его причислили по вопросу о разрядѣ на выслугу чина къ 4-му разряду канцелярскихъ служителей (черезъ 12 лѣтъ онъ могъ получить офицерскій чинъ), позволили получать большія денежныя суммы и свободно располагать ими; но переписка его подчинялась прежнимъ правиламъ надзора, равно не признано за нимъ права владѣть недвижимымъ имѣніемъ.

Хотя Бриггенъ въ службѣ видѣлъ возможность увеличить средства своего существованія, однако, онъ отнюдь не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ вся суть службы заключается въ окладѣ. Служба давала ему возможность проявить свои знанія и способности, равно удовлетворяла потребность въ полезномъ общественномъ трудѣ. Весьма характерными въ этомъ отношеніи являются слѣдующія строки письма его къ дочери (писано въ 1846 г.): «Нѣтъ ничего легче говорить: «почему не дѣлаете вы этого? Почему не дѣлаете вы такъ?» Единственный отвѣтъ на всѣ эти вопросы будетъ: «я не дѣлаю этого потому, что нѣтъ возможности это дѣлать. Если теперь мнѣ предложить отправиться жить въ Петербургъ съ стотысячрублевымъ жалованьемъ въ годъ, но съ условіемъ проводить всѣ вечера на балахъ, танцуя французскій кадриль, то, конечно, я не могу принять это предложеніе, которое можетъ осчастливить молодого человѣка. И почему бы не принять подобное счастье? По самой простой причинѣ: мнѣ 52 года, и мои ноги такъ слабы, что часто я хожу только при помощи трости»...

При такомъ взглядѣ на выборъ службы, нельзя сомнѣваться въ добросовѣстномъ исполненіи Бриггеномъ взятыхъ на себя обязанностей. О его ревностной и полезной службѣ можно отчасти судить потому, что черезъ восемь почти лѣтъ (31-го января 1846 г.) его перечислили изъ 4-го въ 3-й разрядъ и обѣщали уже въ 1845 г. ему чинъ.

Полученіе послѣдняго открывало Александру Ѳедоровичу возможность занять болѣе обеспеченное и важное служебное положеніе. Свои надежды, связанныя съ полученіемъ перваго чина, онъ излагалъ и въ письмахъ къ дочери: «Я все ожидаю чина,—пишетъ онъ Маріи 21-го февраля 1848 г.,—который мнѣ обѣщанъ съ 1845 г., но, навѣрное, эта исторія ничѣмъ не окончится, и я умру, какъ Моисей до прибытія въ землю обѣтованную. По полученіи чина, я поступилъ бы на службу, чтобы улучшить свое положеніе, и думаю, что Петръ Горчаковъ ¹⁾, столь любезный въ Петербургѣ, не откажется походатайствовать за меня, сообразно съ моими желаніями; но въ такомъ положеніи, въ какомъ я теперь, ничего нельзя сдѣлать инаго, какъ покориться злему року, ведущему къ голодной смерти, и продолжать страдать въ одномъ и томъ же положеніи», Къ счастью, мрачныя предположенія Александра Ѳедоровича не оправдались: 24-го марта 1848 г. онъ былъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы и, такимъ образомъ, достигъ обѣтованной земли.

Въ томъ же году, согласно своимъ предположеніямъ, онъ усиленно

¹⁾ Генераль-губернаторъ Западной Сибири, старшій сынъ кн. Д. Горчакова, извѣстнаго сатирика конца XVIII и начала XIX ст., автора оперъ: «Калифъ на часъ», «Баба-Яга» и повѣсти «Памиръ и Райда». Петръ Дмитриевичъ родился въ 1789 г., а умеръ въ мартѣ 1863 г. Онъ также занимался литературой, и въ печати имѣются два томика его стихотвореній.

хлопочеть о мѣстѣ, которое улучшило бы его матеріальное положеніе. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ въ Омскъ къ кн. П. Д. Горчакову, что видно изъ слѣдующихъ строкъ къ Маріи: «Я не буду говорить вамъ о моемъ путешествіи въ Омскъ, потому что объ этомъ говорилъ уже въ письмѣ отъ 3-го сентября (письмо къ Маріи писано 7-го октября 1848 г.) къ вашей мамашѣ. Скажу только вамъ, что князь былъ любезенъ со мною, и мы говорили о васъ и вашей сестрѣ. Онъ обѣщаль мнѣ дать соотвѣтствующее мѣсто, — обѣщаніе, исполненія котораго я жду еще и до сихъ поръ. Объясняю себѣ эту медленность необходимостью писать въ Петербургъ. Жду съ нетерпѣніемъ результата всѣхъ этихъ хлопотъ».

Обѣщаніе не исполнилось, и Александръ Ѳедоровичъ рѣшился напомнить князю о себѣ. «Результаты попытки получить мѣсто черезъ Петра Горчакова (письмо къ дочери 3-го декабря 1848 г.) еще не выяснились, и я, утомившись оставаться въ неизвѣстности касательно этого предмета, рѣшился обратиться къ нему съ письмомъ... попросить его окончить какъ-нибудь это въ высшей степени неопредѣленное дѣло».

Но князь Горчаковъ не забылъ своего обѣщанія: по его предложенію, въ томъ же 1848 г. Бриггенъ опредѣленъ былъ на классную должность засѣдателя окружнаго суда въ Курганѣ.

Около 2-хъ лѣтъ онъ исполнялъ названную должность благополучно. Но, окруженный подуграмотными продажными и нетрезвыми представителями юстиціи, Бриггенъ, по словамъ г. Дмитріева-Мамонова, «не избѣгнулъ несчастной участи большинства сибирскихъ чиновниковъ, которымъ ввѣрялось правосудіе, быть преданнымъ суду по постановленіямъ главнаго управленія Западной Сибири, утвержденнымъ кн. Горчаковымъ 23-го марта и 15-го мая 1850 г.».

Александръ Ѳедоровичъ вмѣстѣ съ другими членами Курганскаго окружнаго суда преданъ былъ суду за разныя противозаконныя дѣйствія по дѣламъ, во-1-хъ, объ убійствѣ крестьянина Курганскаго округа Михаила Власова и, во-2-хъ, о дѣлателяхъ фальшивыхъ монетъ въ Курганскомъ округѣ. Въ письмахъ Бриггена къ дочери имѣются очень интересные строки о «власовскомъ дѣлѣ», но о фальшивыхъ монетчикахъ ни слова. «Власовское дѣло», оказывается, поссорило Бриггена съ кн. Горчаковымъ, доставившимъ ему должность въ Курганскомъ судѣ. Оно тянулось болѣе 2-хъ лѣтъ и доставило нашему декабристу много хлопотъ и терзаній. «Я все ожидаю власовскаго дѣла (пишетъ онъ Маріи 21-го апрѣля 1851 г.), которое въ сенатѣ, но не знаю гдѣ, въ Москвѣ ли, или Петербургѣ. Когда оно кончится, то я буду просить тебя попросить Д. В., чтобы онъ, въ свою очередь, попросилъ министра финансовъ (нѣкогда хорошо мнѣ знакомаго) дать мнѣ мѣсто въ Петропавловской таможнѣ, куда я думаю перейти изъ министерства юстиціи, въ коемъ служба мнѣ совершенно опротивѣла, потому что это

такая гадость, что ни на что не похоже. По таможенной части служба легка, жалованье значительнѣе, и чиновники порядочные люди».

Но «власовское дѣло» тянулось и въ 1852 г. Иногда неудачныя хлопоты приводили Бриггена въ отчаяніе, о которомъ свидѣлствуютъ, напр., такія строки въ письмѣ къ дочери (2-го мая 1852 г.): «ожиданія моя неосуществимы, и я ошибся въ тѣхъ людяхъ, на коихъ надѣялся. Испытанная мною не разъ истина словъ св. писанія: «всякъ человекъ есть ложь, не надѣйтесь на сына человѣческаго» — подтвердилась и въ этотъ разъ»... Наконецъ, 19-го октября 1852 г. Бриггенъ писалъ дочери: «извѣстное тебѣ власовское дѣло кончено въ Сенатѣ. Указа объ этомъ я не читалъ и до сего времени не могъ его достать; а знаю только, что Сенатъ согласился со мною, его оправдалъ и велѣлъ выпустить изъ острога, въ который кн. Г(орчаковъ) его противозаконно засадилъ. Слѣдовательно, сдѣлалось по-моему, да иначе и быть не могло. Я теперь жду съ нетерпѣніемъ этого указа изъ Тобольска и тогда, а, можетъ быть, если продлится долго, то и не дождавшись его, обращусь къ новому ген.-губ. ¹⁾ съ просьбою о скорѣйшемъ окончаніи моей подсудимости».

У него въ это время созрѣвалъ новый планъ относительно своей службы: «Перовскій, нынѣшній ген.-губ. оренбургскій, былъ мнѣ нѣкогда товарищъ по службѣ и большой пріятель. Онъ меня очень любилъ, и я увѣренъ въ его готовности сдѣлать мнѣ, по возможности, добро. Этимъ обстоятельствомъ намѣренъ воспользоваться я, чтобы просить его объ исходатайствованіи мнѣ перевода на службу въ Оренбургскую губернію. Если что можно сдѣлать, то одинъ онъ это можетъ сдѣлать, а для меня это былъ бы большой шагъ... Но чтобы выбраться отсюда, нужно, в о п е р в ы хъ, кончить эти глупыя дразги, которыя Г[орчаковъ], въ ослѣпленіи своемъ и ко вреду своему, со мною затѣялъ, и въ коихъ онъ теперь, конечно, самъ раскаявается; и, в о в т о р ы хъ, а это самое главное, для такого перемѣщенія нужны деньги, которыхъ у меня нѣтъ. Отсюда до Оренбурга болѣе 1.500 верстъ, а для такого подъема нуженъ хорошій гарантасъ. Для сопровожденія моей клади (книгъ, платья и пр.), для чего потребно будетъ 3-хъ или 4-хъ лошадей, нуженъ чело-вѣкъ, въѣдъ эти вещи мнѣ не бросить, а съ собою я ихъ забрать не могу. Къ тому еще у меня до 200-хъ рублей долгу, который надобно будетъ уплатить, такъ что, какъ ни считай, а понадобится 500 р. с. Прошу тебя, милая моя Машенька, объ этомъ сообщить твоей маменькѣ и переговорить съ нею, дабы узнать, могу ли, въ случаѣ, если это предположеніе состоится, я надѣяться, что маменька мнѣ пособить — или лучше — будетъ ли она въ силахъ пособить.

¹⁾ Гасфордъ, назначенному вмѣсто кн. Горчакова.

«Очень быть можетъ, что П(еровскій), узнавъ изъ письма моего моп обстоятельства, самъ предупредить мою нужду, что даже и вѣроятно, но это—авось. Очень быть можетъ и то, что при всемъ благорасположеніи П., коего доброту и благородство знаю, моя просьба не будетъ имѣть успѣха; но попытка не бѣда».

Еще до разрѣшенія «власовскаго дѣла», почти при самомъ началѣ его, Бриггену пришлось пострадать.

Можно сказать, что на него посыпались бѣды со всѣхъ сторонъ. Во-1-хъ, преданный суду, онъ былъ весьма дурно аттестованъ тобольскою администраціею въ вѣдомостяхъ, представлявшихъ его императорскому величеству. Такъ, въ началѣ 1850 г. тобольскій губернаторъ Энгельке доносилъ, что Бриггенъ «склоненъ къ интригамъ и имѣетъ знакомство съ людьми нетрезваго поведенія». Во-2-хъ, эта неодобрительная въ поведеніи аттестація повела къ тому, что 24-го іюня 1850 г., по Высочайшему повелѣнію, онъ перемѣщенъ былъ изъ Кургана въ Туринскъ засѣдателемъ въ окружный судъ—«за неумѣстныя его званію сужденія и заносчивое поведеніе»¹⁾.

Послѣ очень продолжительнаго и скучнаго путешествія, онъ прибылъ въ Туринскъ 20-го іюля 1850 г. Хотя здѣсь онъ нашелъ нѣсколько добрыхъ людей и сошелся съ ними²⁾, но Туринскъ по климату былъ хуже Кургана, да и въ другихъ отношеніяхъ представлялъ глушь, какъ Камчатка въ наше время³⁾. Правда, служба здѣсь была спокойнѣе, чѣмъ въ Курганѣ, но жалованье малое. Поэтому нисколько неудивительно, что Александръ Ѳедоровичъ вскорѣ послѣ пріѣзда сюда началъ хлопотать о перемѣнѣ службы, а съ нею и Туринска на другое мѣсто.

Мы видѣли, что въ началѣ 1851 г. онъ мечталъ о переходѣ на службу въ Петропавловскую таможену; потомъ, вслѣдствіе назначенія Перовскаго генераль-губернаторомъ въ Оренбургъ, у него мгновенно явилась мысль перебраться туда.

Всѣ эти мечтанія ясно показываютъ, насколько Бриггену надоѣла служба въ генераль-губернаторствѣ Западной Сибири. Дѣйствительно, по его словамъ, въ 16-ти лѣтнее управленіе краемъ Горчакова, дѣла пришли къ такое разстройство, что новый генераль-губернаторъ Гасфордъ и назначенный для ревизіи Западной Сибири генераль-адъютантъ Анненковъ совершенно не знали, какъ все привести въ порядокъ. «Говорятъ,—пишетъ Бриггенъ въ томъ же письмѣ къ дочери,—будто для этого назначается особая коммисія. Но гдѣ вдругъ взять людей, если

¹⁾ См. кн. г. Дм.-Мамонова, стр. 92.

²⁾ См. письма Бриггена къ Оболенскому въ „Рус. Стар.“ 1901 г., № 2-й, стр. 437—438.

³⁾ См. тамъ же, стр. 439.

прогнать всѣхъ старыхъ негодяевъ? Оставить же ихъ значить на старыхъ дрожжахъ заварить плохое пиво» ¹⁾).

Ни одно изъ предположеній относительно переменъ службы не осуществилось. Перовскій ничего не могъ сдѣлать для Александра Федоровича, потому что самъ находился въ извѣстныхъ условіяхъ, не позволявшихъ предпринять такое щекотливое дѣло. (Письмо Бриггена къ дочери 12-го декабря 1852 г.). Тогда у него возникла новая мысль, которую онъ сообщилъ дочери: «вотъ въ чемъ дѣло. Я служу уже 4 года засѣдателемъ и желалъ бы очень поступить въ окружные судьи. Окружной судья, который теперь здѣсь служить уже 12 лѣтъ, коллежскій совѣтникъ и желаетъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, перемѣщенія въ Тобол[ьскъ] на высшую должность совѣтника. Все это совершенно зависитъ отъ нашего генераль-губернатора, но ни онъ меня, ни я его, мы другъ друга не знаемъ, да, вѣроятно, никогда и не познакомимся, потому что едва-ли онъ когда пріѣдетъ въ мое захолустье. При этомъ онъ человѣкъ такой странный и отталкивающий отъ себя, что я никогда не рѣшился бы просить его о себѣ; но я увѣренъ, что нѣсколько строкъ Демьяна Васильевича къ нему уладили бы это дѣло, которое для генераль-губернатора сущій вздоръ».

Онъ просить дочь писать Демьяну Васильевичу и подчеркнуть, что онъ желаетъ быть судьей «здѣсь, въ Туринскѣ], а не въ другомъ мѣстѣ, потому что этотъ судъ, гдѣ небольшое дѣлопроизводство», при его слабомъ здоровьѣ, ему по силамъ. При томъ мѣсто окружного судьи давало ему 1.200 р. жалованья.

Но и этотъ планъ не удался Бриггену, хотя послѣдній и самъ писалъ къ Гасфорду. Скоро Гасфорда смѣнилъ другой генераль-губернаторъ, слѣдовательно, тотъ и не могъ ничего предпринять въ пользу просителя.

Потерпѣвъ неудачи и немного раздосадованный ими, Бриггенъ рѣшилъ проситься снова въ Курганъ. Съ этою цѣлью онъ 21-го января 1855 г. написалъ губернатору Арцымовичу и просилъ его сдѣлать представленіе о переводѣ своемъ на прежнее мѣсто. «На первомъ планѣ (пишетъ онъ 11-го февраля 1855 г. дочери), я поставилъ причину климатъ Туринска, не подходящій къ моему здоровью, и то, что по этой же причинѣ меня перевели въ 1836 г., по Высочайшему повелѣнію, изъ Пелыма, находящагося въ томъ же округѣ, что и Туринскъ, въ Курганъ. Теперь ожидаю результата моего письма. Мнѣ сообщали, что начальники губерніи очень благосклонны ко мнѣ»...

Въ это время судьба снова благосклоннѣе взглянула на нашего фило-

¹⁾ Ср. то же выраженіе въ письмѣ его къ Оболенскому отъ 1-го іюня 1851 г. „Рус. Стар.“ 1901 г., № 2-й, стр. 439.

софа-идеалиста. По словамъ г. Дмитріева-Мамонова ¹⁾, преслѣдованіе Бриггена за дѣятельность его по должности засѣдателя курганскаго окружнаго суда окончено было административнымъ взысканіемъ. Да и аттестація о его поведеніи была прекрасная.

Поэтому представленіе Арцымовича имѣло успѣхъ, и 22-го апрѣля 1855 г. Бриггенъ готовился къ отъѣзду изъ Туринска въ Курганъ.

Еще во время хлопотъ о переселеніи въ Курганъ, Александръ Ѳедоровичъ писалъ дочери (11-го февраля 1855 г.): «Первое, чего я желаю, это переѣзда въ Курганъ; потомъ, если будетъ возможно, — покинуть поскорѣе службу. Двѣсти восемьдесятъ рублей ничтожнаго жалованья, мною получаемаго, — вознагражденіе, очень незначительное за труды и неприятности, которымъ приходится подвергаться на этомъ поприщѣ. Кромѣ того, мои силы слабѣютъ и покидаютъ меня, ихъ не хватаетъ болѣе для работы»...

Дѣйствительно, Бриггенъ, вскорѣ по переѣздѣ въ Курганъ, началъ хлопотать объ увольненіи отъ службы. 29-го іюля 1856 г. онъ написалъ письмо кн. Орлову, на которое получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаю препроводить при семъ къ вамъ копію съ письма ко мнѣ шефа жандармовъ генераль-адъютанта князя Долгорукова о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на производство вамъ, въ случаѣ оставленія вами службы, ежегоднаго пожизненнаго пособія въ 285 р. сер.». Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ предполагалъ подать въ отставку ¹⁾.

Въ началѣ сентября того же 1856 г. Бриггенъ узналъ о всемилостивѣйшемъ манифестѣ 26-го августа, коимъ возстановлялись права и свобода всѣхъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ.

«Манифестъ для тебя собственно, — писалъ Бриггенъ 16-го сентября 1856 г. Е. П. Оболенскому, — равно какъ и для меня довольно незначителенъ; но для родителей, имѣющихъ дѣтей, онъ благодѣтеленъ. Возвращеніе потомственнаго дворянства для меня бесполезно, потому что службою въ Сибири я заслужилъ себѣ дворянство личное».

V.

Не довольствуясь чтеніемъ текущихъ журналовъ и другихъ книгъ, не удовлетворяясь службою по необходимости, Александръ Ѳедоровичъ

¹⁾ См. цитир. соч. его, стр. 93.

²⁾ См. письмо Бриггена къ Оболенскому. „Русская Стар.“ 1901 г., № 2, стр. 442.

нуждался въ такомъ трудѣ, который бы,—по словамъ Жуковскаго ¹⁾),—былъ властителемъ настоящаго, заговаривалъ бы его печали, давалъ значительность и прочность его летучимъ радостямъ.

Такого рода захватывающій трудъ онъ нашелъ, занявшись переводомъ сочиненій Юлія Цезаря на русскій языкъ.

Началъ онъ переводъ 17-го января 1844 г., какъ самъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ дочери Маріи отъ 27-го января того же года. Я принялся за работу,---пишетъ онъ,—которая всецѣло меня заняла. Это переводъ Цезаря на русскій языкъ. Я началъ его 17-го января и уже дошелъ до 35 главы первой книги галльской войны, которая начинается слѣдующими словами: «*His responsis ad Caesarem relatis*».

Онъ обѣщаетъ дочери давать отчетъ въ письмахъ о ходѣ своей работы, потому что та, находясь въ деревнѣ, могла слѣдить по сочиненіямъ Цезаря на латинскомъ языкѣ, находившимся въ библиотекѣ Бриггена.

Въ томъ же письмѣ находимъ нѣкоторыя интересныя предположенія касательно перевода. «Переводъ,—пишетъ онъ,—который, по всей вѣроятности, закончатся въ январѣ будущаго года, я намѣреваюсь посвятить Жуковскому, котораго вы любите, какъ поэта, а я, восхищаясь его геніемъ, люблю еще болѣе, какъ человѣка. Этотъ достойный человѣкъ дружбу оказывалъ мнѣ всегда, а участіе—въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ его въ Курганѣ сопровождающаго наслѣдника. Моя работа, насколько могу судить о ней, какъ лицо заинтересованное, заслужить вниманіе. Я къ ней присоединю поясненія, что увеличить достоинство перевода. Чудный геній Цезаря, благородный пылъ варваровъ дѣлаютъ эту работу столь привлекательной, что часто, во время перевода, глаза мои, противъ моей воли, увлажняются слезами. Часто мнѣ приходится преодолевать большія затрудненія не въ пониманіи латинскаго языка, на которомъ я пишу, какъ на французскомъ, а при передачѣ на русскій языкъ разсказа Цезаря безъ значительнаго уклоненія отъ подлинника».

Бриггенъ предавался работѣ надъ Цезаремъ съ увлеченіемъ въ ущербъ своему здоровью. Неудивительно поэтому, что переводъ подвигался быстро.

«Прошу васъ,—пишетъ онъ 11-го февраля того же 1844 г. дочерямъ Маріи и Анастасіи,—открыть вашего Цезаря вторую книгу въ концѣ и отмѣнить 33 главу, начинающуюся словами: «*Sub vesperum Caesar portas*», это пунктъ, до котораго я дошелъ».

Вмѣстѣ съ письмомъ къ дочерямъ онъ отправилъ письмо въ Петербургъ съ цѣлью узнать адресъ Жуковскаго, къ которому онъ намѣревался отослать для просмотра первую книгу перевода.

¹⁾ Сочиненія Жуковскаго. Изд. 7 е, т. VI, стр. 616.

«Я боюсь,—прибавляет Бриггенъ,—«что мой *Minime* ¹⁾ не въ Петербургѣ, а путешествуетъ, посѣщаетъ иноземцевъ. Я вамъ серьезно признаюсь, что его отсутствіе меня сильно огорчить»...

Нуждаясь въ пособіяхъ для своей работы, онъ просилъ Марію прислать изъ его бібліотеки въ Словутѣ слѣдующія книги: Цезарь, переведенный на французскій языкъ Тулонженомъ, въ двухъ небольшихъ томикахъ, и Кіевскій патерикъ или житіе кіевопечерскихъ угодниковъ, славянское сочиненіе, небольшой томъ.

Но просьба эта очень долго не исполнялась. Извѣщая 5-го мая 1844 г. своихъ дочерей объ окончаніи перевода первого тома Цезаря,—онъ писалъ:

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю Тулонжена, котораго прошу у васъ три мѣсяца, между тѣмъ, онъ мнѣ необходимъ для военныхъ замѣтокъ и для сравненія... Ожидаю Тулонжена и прошу васъ, дорогая Марія, послать его мнѣ какъ можно скорѣе... Извѣстія ваши о Патерикѣ моемъ не особенно пріятны. Я привязанъ къ своимъ книгамъ и не желалъ бы видѣть ихъ похищенными, даже если бы кража совершена была изъ привязанности къ нимъ»...

Оставалось къ первому тому сдѣлать примѣчанія, но неожиданная тяжкая болѣзнь прервала работу почти на мѣсяцъ. Лѣтомъ 1844 г. въ Курганѣ свирѣпетствовала лихорадка. Бриггенъ вмѣстѣ со многими жителями перенесъ ее, но оправлялся медленно. Только въ концѣ августа онъ могъ приняться за продолженіе своего перевода.

«Освободившись, наконецъ, отъ болѣзни,—пишетъ онъ 25-го августа 1844 года,—я хочу начать свою работу, надолго прерванную противъ моего желанія. Теперь я занятъ приведеніемъ въ порядокъ примѣчаній къ первому тому. Около половины работы уже окончено; остальное надѣюсь докончить въ двѣ недѣли, чтобы начать переводъ второго тома, который желаю окончить къ февралю. Длинные зимніе вечера будутъ кстати и помогутъ подвинуть впередъ мою работу... Бывшій дворянинъ, офицеръ польской арміи, очень почтенный человекъ, здѣсь находящійся, былъ настолько любезенъ, что сдѣлалъ для меня копію съ карты Галліи, равно нѣсколько необходимыхъ плановъ, чтобы сдѣлать болѣе доступными описанія Цезаря. Отъ этого переводъ будетъ болѣе цѣннымъ»...

Къ тому же времени онъ уже получилъ отъ одного изъ родственниковъ Тулонжена и, сравнивъ свой переводъ съ французскимъ, остался доволенъ своею работою.

«Я болѣе чѣмъ въ одномъ мѣстѣ,—пишетъ онъ 10-го августа 1844 г.

¹⁾ Слово написано неразборчиво, но съ большой буквы. Я читаю *minime*, т. е. французсканскій монахъ.

дочери Маріи, восклицая:—«Какъ великіе умы сходятся!» Къ счастью, меня никто не слышитъ».

27-го января 1845 г. Александръ Оедоровичъ окончилъ первый томъ Цезаря, начатый 17-го января предыдущаго года. Если вычесть три мѣсяца задержки, происшедшей по болѣзни, то Бриггенъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ исписалъ болѣе тысячи листовъ своею рукою. Переписать набѣло онъ уже не могъ самъ, потому что и почеркъ имѣлъ несовсѣмъ красивый, и здоровье не позволяло заняться такимъ малоприятельнымъ трудомъ. Онъ нашелъ одного молодаго человѣка, который переписывалъ переводъ при немъ, что давало возможность просматривать и исправлять рукопись.

По поводу окончанія перевода перваго тома, Бриггенъ писалъ дочери Маріи 15-го марта 1845 г. слѣдующее:

«Черезъ пятнадцать дней я отправлю письмо вашему любимому поэту (т. е. Жуковскому), хотя имѣлъ намѣреніе сдѣлать это 1-го марта. Двѣ трети перваго тома уже переписаны набѣло, и я доволенъ молодымъ человѣкомъ, взявшимъ на себя эту работу: онъ исполнилъ ее хорошо. Я прошу васъ, моя дорогая Марія, по этому случаю напомнить вашей мамашѣ просьбу, съ которой я къ ней обращался,—послать мнѣ четыре аршина хорошаго голубаго сукна и 50 рублей, чтобы предложить ихъ, какъ доказательство моей признательности, моему сотруднику».

Дѣйствительно, 6-го апрѣля 1845 г. А. О. Бриггенъ написалъ письмо В. А. Жуковскому, на которое послѣдній отвѣчалъ 18-го іюня того же года ¹⁾.

Поэтъ благодарилъ за посвященіе перевода Цезаря ему, одобрялъ мысль Бриггена переводить писателей древности на русскій языкъ и не предполагалъ, чтобы къ напечатанію перевода встрѣтились какія-либо препятствія. Въ этомъ же письмѣ Жуковскій увѣдомилъ Бриггена, что одинъ изъ его короткихъ пріятелей рѣшилъ издавать классическія сочиненія, что за переводъ Цезаря предлагаетъ ему 2.500 руб. ассигнаціями. Мало того, онъ намѣчалъ для Бриггена новые переводы: или переводъ одного изъ классическихъ историковъ древности, или составленіе избранной бібліотеки изъ древнихъ историковъ.

Переводъ Бриггена, по высочайшему соизволенію, дозволено было печатать, но безъ означенія его имени и съ условіемъ прислать рукопись перевода въ III отдѣленіе Канцеляріи его императорскаго величества для пересылки ея къ Жуковскому.

Выразивъ въ письмѣ къ дочери Маріи отъ 7-го сентября 1845 года свое удовольствіе по поводу отвѣта Жуковскаго, Бриггенъ пишетъ: «Я получилъ отъ императора позволеніе напечатать моего Цезаря, но съ

¹⁾ См. сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 614—618.

условіемъ, чтобы мое имя не стояло на заглавномъ листѣ сочиненія. Это предписаніе доставило мнѣ удовольствіе, потому что я чувствую себя столь ничтожнымъ рядомъ съ этимъ колоссомъ древности, что съ поспѣшностью ухватился за это предписаніе, которое вычеркиваетъ мое имя». Что позволеніе печатать переводъ Цезаря и письмо Жуковскаго сильно обрадовали Александра Федоровича, это видно изъ приписки къ вышеназванному письму его, въ которой онъ говоритъ слѣдующее о своихъ литературныхъ способностяхъ: «Если бы состояніе моего здоровья было немного лучше, и я имѣлъ руки немного свободнѣе, то перо мое могло бы меня прославить; но, къ несчастью, эти два если бы разрушаютъ все. При моемъ независимомъ характерѣ я предпочту работу самую трудную жизни праздной, которая ставитъ меня, въ смыслѣ средствъ къ существованію, въ зависимость отъ другихъ, будь это самыя любимыя лица, за недостатокъ деликатности со стороны которыхъ я не могу опасаться»...

По полученіи перваго тома перевода Бриггена, Василій Андреевичъ Жуковскій написалъ переводчику длинное полное похвальное письмо 1-го іюня 1846 ¹⁾.

Получивъ его, Александръ Федоровичъ писалъ дочери Маріи 19-го іюля 1846 года: «Его (Жуковскаго) письмо, самое любезное, самое очаровательное, состоитъ изъ семи страницъ... Я ему предложилъ перевести Гиббона или Саллюстія; онъ предпочелъ Саллюстія, потому что Гиббонъ многомоменъ ²⁾, да онъ и не любитъ его за его направленіе, какъ говорить, анти-религіозное, а по-моему, анти-іерархическое. Я принимаюсь за переводъ Саллюстія, а потому прошу васъ, дорогая Марія, поскорѣ побывать въ моей библіотекѣ, передать ей мой привѣтъ и попросить у нея позволенія взять два тома Саллюстія: 1 томъ изъ коллекціи Лемера и 1 томъ Саллюстія, переведеннаго на французскій языкъ Дюро-де-Самалю. Присоедините къ этимъ двумъ томамъ Кіевскій патерикъ, такъ что съ 4-мя тонкими томами Давозати (если вы его еще не отравили) будетъ посылка незначительная».

Слѣдуетъ нѣсколько вернуться назадъ и сказать, что 29-го января 1846 года Бриггенъ отослалъ Жуковскому и второй томъ Цезаря.

Второй томъ былъ оконченъ къ 30-го ноября 1845 года; въ январѣ 1846 г. онъ привелъ его въ порядокъ и отослалъ въ Петербургъ.

Но печатаніе перевода Бриггена затянулось. Дѣло въ томъ, что еще въ письмѣ отъ 18-го іюня 1845 года В. А. Жуковскій сообщилъ Александру Федоровичу, что къ печатанію его перевода возможно будетъ приступить только тогда, когда Жуковскій возвратится изъ-за границы

¹⁾ См. сочиненія Жуковскаго, изд. 7-ое, т. VI стр., 618—622.

²⁾ 14 томовъ in 8°.

въ Петербургъ, Но поѣздка эта откладывалась изъ года въ годъ, и Жуковскому не удалось увидѣть уже при жизни русскую столицу. Тѣмъ не менѣе, въ письмахъ своихъ къ А. О. Бриггену онъ не переставалъ побуждать его къ новымъ переводамъ. Такъ, въ письмѣ отъ 6-го мая 1847 года онъ указываетъ письма I. Миллера къ Бонстеттену. По поводу этого письма Бриггенъ пишетъ дочери 20-го іюня 1847 года: «Василій Андреевичъ разсчитываетъ прибыть въ Петербургъ къ концу іюля; но онъ прїѣдетъ для того, чтобы снова вскорѣ уѣхать за границу вслѣдствіе болѣзни жены. Я просилъ его прислать мнѣ нѣкоторыя книги для моей работы и васъ также прошу, мое дорогое дитя, порыться въ моей библіотекѣ, чтобы достать оттуда: во-1-хъ, четвертый томъ собранія сочиненій Иммануила Канта [три первые съ давнихъ поръ лежатъ на моемъ столикѣ въ Курганѣ]; во-2-хъ, маленькую брошюру въ голубой бумагѣ, подъ заглавіемъ: «Іоаннъ Мюллеръ, историкъ героевъ»; въ-3-хъ, другую маленькую книжку въ голубой бумагѣ «Eginhardi Vita Caroli Magni»; въ-4-хъ, I. Мюллера письма къ Бонстеттену, два тома изъ 27 томовъ сочиненій I. Мюллера. Жуковский предложилъ мнѣ перевести эти письма (они очаровательны), и я принялъ его предложеніе, но отложилъ его до тѣхъ поръ, пока будутъ присланы всѣ 27 томовъ. Перечень значительный, но не бойтесь, моя дорогая Машенька, посылка не будетъ тяжеле 4—5 фунтовъ. Не присылайте мнѣ всѣ 27 томовъ Мюллера: мнѣ нужны только два вышеупомянутые тома».

Окончилъ ли Бриггенъ переводы Саллюстія и писемъ Миллера къ Бонстеттену, не можемъ сказать, потому что въ письмахъ его послѣ 1847 года нѣтъ ни малѣйшаго намека на литературныя занятія.

Весьма возможно, что неприятели по службѣ и переѣздъ въ Туринскъ—все это по неволѣ отвлекло Бриггена отъ литературныхъ работъ, а когда невзгоды окончились, то не было въ живыхъ того, кому нашъ декабристъ посвятилъ свой первый литературный трудъ. Желательно было бы знать отъ людей, занимавшихся изученіемъ нашей переводной литературы 40—50-хъ годовъ, появился ли въ печати въ 1849 году. безымянный переводъ сочиненій Юлія Цезаря, посвященный имени того поэта, пятидесятилѣтіе со дня кончины котораго Россія праздновала 12-го апрѣля истекшаго года ¹⁾).

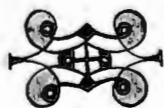
Мы окончили свою задачу. По высочайшему манифесту государя Александра II-го Бриггенъ получилъ прощеніе и возвратился на родину, хотя старикомъ, но сохранившимъ «дней молодыхъ прекрасныя мечты».

С. Н. Брайловскій.

¹⁾ Переводъ этотъ хранится въ рукописи въ Императорской Публичной библіотекѣ.—См. «Русскую Старину» 1902 г., № 4, стр. 119. Ред.

Объявленіе князя П. Шаликова объ изданіи имъ «Московского Зрителя» ¹⁾).

Съ января мѣсяца 1806 года я буду издавать журналъ подь названіемъ: «Московскій Зритель». Въ семъ журналѣ будетъ словесность русская и иностранная, отрывки, повѣсти, анекдоты, басни, стихи. Хорошій вкусъ и чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ и нѣжное чувство женщины будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ моего вниманія. Будетъ статья и для критики. Не брань, но критика здравая и безпристрастная должна быть въ журналѣ такого рода непременно. Она служитъ свѣтильникомъ въ путяхъ искусства, занимаетъ читателя, еще болѣе артиста, и научаетъ самого критика: польза важная и неоспоримая! Иногда журналъ будетъ заключаться смѣлою.

¹⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1806 г. № 1, стр. 11.

**Рѣчь В. А. Панаева на юбилейномъ обѣдѣ въ честь
Д. В. Григоровича.**

31-го октября 1893 года.

Господа! я нахожу нужнымъ обратить ваше вниманіе на нѣкоторую неопредѣленность взглядовъ, которая существуетъ въ извѣстномъ кругѣ общества относительно той роли, какая выпала на долю Дмитрія Васильевича въ исторіи освобожденія крестьянъ.

Я знаю Дмитрія Васильевича 47 лѣтъ, и въ моей памяти совершенно свѣжи тѣ впечатлѣнія, которыя производили въ обществѣ его произведенія изъ крестьянскаго быта.

Тогда всѣ поразились небывалымъ до сихъ поръ родомъ литературы, имъ избраннымъ.

Одни—и это было большинство—относились къ произведеніямъ Дмитрія Васильевича чрезвычайно симпатично.

Другіе,—составлявшіе меньшинство,—среди которыхъ встрѣчались и литераторы,—находили, что общество не можетъ интересоваться литературой, рисующей жизнь простолюдиновъ.

Но Дмитрій Васильевичъ упорно шелъ по пути, имъ начертанному и имъ первымъ проложенному.

Общество пристально читало его произведенія, и надо замѣтить, что они особенно нравились женщинамъ.

А кто же, господа! можетъ сомнѣваться въ томъ, что женщина, вообще, играетъ большую роль въ умственномъ нашемъ развитіи.

— *Tiens, tiens! Mais c'est beau; nous ne savions pas du tout, que ces pauvres gens-la éprouvent les mêmes sentiments que nous autres.*

Такіе-то, или имъ подобные, отзывы мы постоянно слышали отъ дамъ.

И вотъ, мы, строгіе судьи, удивились, что произведенія Д. В. могутъ нравиться женщинамъ, и стали глядѣть на эти произведенія болѣе внимательно.

Конечно, интеллигентный классъ общества имѣлъ нѣкоторыя смутныя понятія о бытѣ простаго народа, но о психической сторонѣ ихъ жизни рѣшительно никто не имѣлъ никакого представленія.

И вотъ, Дмитрій Васильевичъ рисуеъ передъ нами не маленькіе эпизодическіе пейзажи, а огромныя картины, въ которыхъ мы увидали, что между простолюдинами совершаются романы и драмы, совершенно подобныя тѣмъ, какіе совершаются и въ образованной средѣ.

Коротко говоря, общество знакомилоь тогда, впервые, съ бытомъ крестьянъ, не только съ матеріальной стороны, но, главнымъ образомъ, съ духовной ихъ жизнью.

Я упираю именно на этотъ характеръ произведеній Д. В. Конечно, каждый, болѣе или менѣе, внимательный наблюдатель могъ бы рисовать картины матеріальныхъ условій быта крестьянъ; но Григоровичъ не остановился на этомъ: онъ пошелъ въ глубь; онъ крѣпко полюбилъ простолюдина и развернулъ передъ нами его душу. Честъ ему за это и слава!

Произведенія его стали читаться съ жадностью, и едва-ли находился, въ то время, хотя одинъ мало-мальски образованный человекъ, который не знакомился съ ними.

Здѣсь я нѣсколько приостановлюсь и обращу вниманіе присутствующихъ на иную сферу.

Теперь никто не можетъ уже сомнѣваться въ томъ, что императоръ Николай Павловичъ постоянно мыслилъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія.

Въ виду этого, онъ учреждаетъ новое министерство государственныхъ имуществъ, которому ввѣряетъ участь 22-хъ-милліоннаго населенія, и ставитъ во главѣ наумнѣйшаго и наибобразованнѣйшаго человека, душою преданнаго идеѣ уничтоженія крѣпостнаго помѣщичьяго права, и, въ то же время, истинно-государственнаго мужа—графа Киселева.

Первымъ дѣломъ графа Киселева было—организовать, среди 22-хъ-милліоннаго населенія, самоуправленіе.

Здѣсь, конечно, есть современники этой эпохи, но я не знаю, были ли они знакомы съ порядками тогдашняго самоуправления въ средѣ крестьянъ государственныхъ имуществъ. Между тѣмъ, старички-крестьяне и до сихъ поръ вспоминаютъ объ этомъ времени.

По моей дѣятельности, мнѣ постоянно приходилось бывать въ сношеніяхъ съ массами крестьянскаго люда и непрерывно сталкиваться съ тогдашнимъ самоуправленіемъ. По совѣсти могу сказать, что есть чему позавидовать нынѣ, если сравнить теперешній порядокъ само-

управленія съ тѣмъ, какой былъ введенъ графомъ Киселевымъ между государственными крестьянами, на что онъ и обращалъ главное свое вниманіе.

Затѣмъ, графъ Киселевъ, направляя все къ реформѣ крестьянскаго быта, предпринялъ гигантскій трудъ кадастра, который, къ великому сожалѣнію, прекратился съ его уходомъ изъ министерства.

Я сдѣлалъ отступленіе для того, чтобы пояснить, что правительство бдительно подготовляло почву для уничтоженія крѣпостной зависимости, и если медлило и высматривало, то потому, что не имѣло еще наглядныхъ указаній на то, какъ отнесется общество къ гигантской мѣрѣ освобожденія крестьянъ?

Вотъ, въ это-то время, и стали появляться романы и повѣсти Д. В. Григоровича изъ крестьянскаго быта, и впечатлѣнія, ими производимыя на общество, сильно и серьезно содѣйствовали уясненію даннаго вопроса правительству.

Для характеристики подготовленія означенной почвы, здѣсь будетъ у мѣста упомянуть объ одномъ знаменательномъ фактѣ, быть можетъ, многими забытомъ, или многимъ вовсе неизвѣстномъ.

Въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ, былъ извѣстный литераторъ, графъ Сологубъ, человѣкъ очень талантливый и очень образованный. Служа при дворѣ, онъ, какъ извѣстный литераторъ и превосходный чтецъ, приглашался къ покойной императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, для чтенія литературныхъ произведеній.

Вотъ, что передавалъ графъ Сологубъ всюду въ обществѣ,—и я слыхалъ это отъ него, лично, нѣсколько разъ—а именно,—«что, при чтеніи имъ романовъ и повѣстей Д. В. императрицѣ, она нерѣдко проливала слезы».

Понятно, сегодня графъ Сологубъ прочтетъ императрицѣ что-либо, изъ произведеній Григоровича, а завтра знаетъ объ этомъ весь высшій кругъ, и знаетъ тоже, какъ именно отнеслась императрица къ этому чтенію.

Поэтому, если кто-нибудь, почему-либо, не читалъ твореній Д. В., то, конечно, слѣшилъ немедленно прочесть ихъ.

Такимъ-то путемъ, а равно и разными другими путями распространялись, во вліятельномъ обществѣ, вѣрныя понятія о крестьянскомъ бытѣ.

Въ настоящее время, болѣе или менѣе, тоже не секретъ, что покойный императоръ Николай Павловичъ завѣщалъ своему державному преемнику исполнить то, что, по разнымъ обстоятельствамъ, онъ не успѣлъ исполнить самъ при жизни, т. е. свершить освобожденіе крестьянъ, о житѣ-бытѣ которыхъ проливала слезы его царственная супруга.

При всемъ моемъ глубокомъ уваженіи въ величайшему нашему художнику, покойному Ивану Сергѣевичу Тургеневу, чувство справедливости требуетъ признать за Дмитріемъ Васильевичемъ первенство, — какъ въ зарожденіи въ немъ идеи, такъ и въ серьезномъ выполненіи задачи ознакомленія общества съ духовнымъ и матеріальнымъ бытомъ крестьянъ, путемъ вѣрныхъ и сердечно-прочувствованныхъ беллетристическихъ твореній.

Пусть безпристрастный наблюдатель прослѣдитъ ходъ и характеръ литературы тогдашнихъ временъ, и онъ не будетъ въ состояніи отвергнуть факты и выведеннаго изъ нихъ мною опредѣленнаго взгляда.

И такъ, пью за здоровье смѣлаго и упornaго піонера въ раскрытіи обществу психической жизни нашего простолюдина.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

VI ¹⁾.

Назначеніе графа Уварова сначала управляющимъ, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія.—Его циркуляръ и отношенія къ печати. — Викторъ Гюго и его Лукреція Боржіа.—Просьба Смирдина о разрѣшеніи ему издавать журналъ „Библіотеку для чтенія“. — Отношенія графа Уварова къ журналистивъ вообще. — Неблаговоленіе къ Н. Полевому. — Запрещеніе журнала „Московскій Телеграфъ“. — Появленіе философическихъ писемъ Чаадаева.— Запрещеніе „Телескопа“.—Просьба о разрѣшеніи новыхъ газетъ и журналовъ.

Князь Ливенъ былъ уволенъ въ отставку по разстроенному здоровью, и мѣсто его занялъ тайный совѣтникъ Уваровъ.

Еще во время управленія министерствомъ князя Ливена, Уваровъ началъ заявлять о себѣ понужденіями цензурѣ, шедшими въ уровень съ тѣмъ настроеніемъ, которое было возбуждено политическими событіями во Франціи, Бельгіи и Польшѣ. Въ маѣ 1831 года онъ предложилъ главному управленію цензуры (котораго былъ членомъ въ качествѣ товарища министра народнаго просвѣщенія) усилить надзоръ за журналами, «при нынѣшнихъ», какъ онъ говорилъ, обстоятельствахъ въ Европѣ и Россіи.

Въ слѣдующемъ году, въ засѣданіи 27-го іюня, Уваровъ указывалъ главному управленію цензуры на объявляемые, во множествѣ, въ поврежденныхъ изданіяхъ, переводы новѣйшихъ французскихъ романовъ. «Попытность, съ какою стараются, — писалъ онъ, — издавать на русскомъ языкѣ эти произведенія, служитъ признакомъ пробуждающейся наклон-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1903 г.

ности къ чтенію этого рода сочиненій, которыя, по господствующему въ нихъ духу и по ложнымъ нравственнымъ понятіямъ бѣльшей части новѣйшихъ французскихъ романистовъ, не могутъ доставлять полезнаго общенароднаго чтенія. Содержа въ себѣ предпочтительно изображенія слабой стороны человѣческой натуры, нравственнаго безобразія, необузданности страстей, сильныхъ пороковъ и преступленій, эти романы не иначе должны дѣйствовать на читателей, какъ ко вреду моральнаго чувства и религіозныхъ понятій». Вслѣдствіе того Уваровъ признавалъ необходимымъ «принять мѣры къ положенію преградъ распространенію между народомъ вкуса къ чтенію этого рода».

Главное управленіе опредѣлило подтвердить цензурнымъ комитетамъ о точнѣйшемъ исполненіи возлагаемой § 80-мъ цензурнаго устава обязанности разсматривать романы съ бѣльшею противъ иныхъ книгъ строгостью въ отношеніи къ нравственности ихъ содержанія, и обращая, въ силу § 6-го, особенное вниманіе на господствующій духъ и на намѣренія авторовъ, не одобрять къ напечатанію переводы тѣхъ изъ новѣйшихъ французскихъ романовъ, которые производятъ вредное общее впечатлѣніе на читателей.

Вслѣдъ за тѣмъ Уваровъ, въ бытность свою, по высочайшему повелѣнію, въ Москвѣ, въ декабрѣ 1832 г., строго предписалъ Московскому цензурному комитету, чтобы въ критикѣ не допускались никакія личности; вслѣдствіе чего тутъ же запрещена была полемическая статья Надеждина противъ романовъ Свиньина и Полеваго. Тщетно Надеждинъ старался доказать, что статья его не заключаетъ въ себѣ ничего личнаго, никакого оскорбленія чьей бы то ни было чести, и что его, въ послѣднее время, до того стѣсняють, что цензура не только останавливаетъ всѣ разборы и замѣчанія объ изданіяхъ и сочиненіяхъ Полеваго, издателя «Телеграфа», но даже не одобряетъ къ напечатанію въ «Телескопѣ» (журналъ, издававшимся имъ, Надеждинымъ) даже имени Полеваго.

22-го марта 1833 года, т. е. спустя нѣсколько дней послѣ занятія должности министра народнаго просвѣщенія, Уваровъ обратился къ цензурнымъ комитетамъ съ слѣдующимъ циркуляромъ: «Вступивъ, по высочайшему государя императора соизволенію, въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, нахожу нужнымъ поставить цензурнымъ комитетамъ на видъ, чтобы въ дѣйствіяхъ своихъ они неуклонно слѣдовали какъ высочайше утвержденному уставу о цензурѣ, такъ и всѣмъ предписаніямъ и распоряженіямъ, которыя даны послѣ обнародованія устава. На издаваемые у насъ книги, и преимущественно на поврежденные сочиненія, буду я обращать постоянное вниманіе. Я желаю, чтобы не только по содержанію и духу своему сіи изданія не заключали въ себѣ ничего несообразнаго съ цензурными правлами, но чтобы тонъ

онихъ и изложеніе соотвѣтствовали, по возможности, требованіямъ приличія и благопристойности, дабы возвысить и облагородить сію отрасль нашей словесности.

«Для сего предлагаю гг. цензорамъ сообразоваться, при разсмотрѣваніи журналовъ, съ тѣми наставленіями, какія даны имъ мною въ личныхъ моихъ объясненіяхъ. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ представляется цензорамъ право испрашивать надлежащихъ разрѣшеній отъ главнаго управленія цензуры». При этомъ, въ циркулярѣ на имя Петербургскаго цензурнаго комитета было еще прибавлено: «А въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, испрашивать разрѣшенія непосредственно отъ меня».

Второе дѣло, на которое обратилъ вниманіе Уваровъ, была драма Виктора Гюгò, «Lucrèce Borgia», производившая въ то время очень много шума въ Европѣ. Эта драма появилась въ 5-й книжкѣ «Revue étrangère» за 1833 г. (пропущенной въ печать цензоромъ Сенковскимъ), и Уваровъ, узнавъ о томъ частнымъ образомъ, еще прежде выпуска нумера изъ типографіи, 22-го марта писалъ графу Бенкендорфу ¹⁾:

«Книгопродавецъ Дюфуръ, издатель журнала «Revue étrangère», объявилъ мнѣ, что послѣдній № онаго, заключающій театральную пьесу «Lucrèce Borgia», былъ разсмотрѣнъ цензурою III-го отдѣленія и ею одобренъ. Благоволите, милостивый государь, увѣдомить меня, есть ли сіе показаніе Дюфура основательно, ибо я нахожу нѣсколько затрудненія въ изданіи сей пьесы, по крайней мѣрѣ безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, и желалъ бы въ семъ случаѣ руководствоваться мнѣніемъ вашего сіятельства».

Графъ Бенкендорфъ отвѣчалъ, что «цензура III-го отдѣленія не разсматривала и не одобряла упомянутой театральной пьесы, имѣя обязанность разсматривать тѣ только, которыя назначаются къ представленію на сценѣ, а что онъ самъ, прочтя пьесу «нашелъ все содержаніе оной предосудительнымъ». Послѣ такого отзыва, Уваровъ, велѣвъ отобрать изъ типографіи и уничтожить весь № 5 «Revue étrangère», предоставилъ Дюфуру взыскивать убытки съ цензора Сенковского, а цензурнымъ комитетамъ предписалъ не дозволить ни перепечатанія означенной пьесы на французскомъ языкѣ, ни помѣщенія отрывковъ и выписокъ изъ нея въ переводѣ.

Но гоненіе на Виктора Гюгò этимъ со стороны Уварова не ограничилось. Онъ прочиталъ въ книгопродавческихъ объявленіяхъ, что въ Одессѣ готовится къ изданію переводъ романа того же автора: «Бюгъ-Жаргалъ» и, не удовольствуясь тѣмъ, что объ этомъ романѣ уже

¹⁾ Черновое письмо все писано рукою гр. Уварова.

было общее предписаніе еще въ сентябрѣ 1831 года, поспѣшилъ послать 24-го марта 1833 г. новое подтвержденіе Одесскому цензурному комитету. Тотъ отвѣчалъ, что романъ до сихъ поръ вовсе и не вносился въ комитетъ, объявленіе же въ вѣдомостяхъ о поступленіи его въ печать произошло, вѣроятно, отъ поспѣшности переводчиковъ, которые, часто имѣя одно только намѣреніе перевести какое-нибудь сочиненіе, объявляютъ, что переводъ уже оконченъ и поступилъ въ печать; впрочемъ же комитетъ, руководствуясь духомъ предписанія главнаго управленія цензуры отъ 11-го іюля 1831 г. (объ усиленіи строгости къ переводнымъ романамъ) и самъ бы не одобрилъ «Бюгъ-Жаргала» въ переводѣ, по предосудительному его содержанію.

Въ это время книгопродавецъ Смирдинъ вошелъ съ просьбою разрѣшить ему изданіе новаго журнала: «Библіотека для чтенія».

Въ прошеніи о томъ, поданномъ на имя Петербургскаго цензурнаго комитета и содержащемъ въ себѣ критическую характеристику и оцѣнку существовавшихъ дотолѣ русскихъ журналовъ, Смирдинъ говорилъ: «Долговременное наблюденіе и торговый опытъ удостовѣрили меня, что главную причину какъ посредственности отечественныхъ литературныхъ повременныхъ изданій, такъ и непрочности ихъ существованія, слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что, до сихъ поръ, они обыкновенно предпринимались отдѣльными лицами, основывавшими расчеты свои въ успѣхъ болѣе на собственномъ своемъ трудолюбіи, чѣмъ на правильномъ содѣйствіи достаточнаго числа постоянныхъ и извѣстныхъ въ ученomъ свѣтѣ сотрудниковъ, и предпринимались безъ нужныхъ денежныхъ средствъ къ упроченію своего быта и къ приобрѣтенію важныхъ матеріаловъ и къ приличному вознагражденію хорошихъ писателей за труды, коими сіи послѣдніе могли бы украшать подобныя изданія и поддерживать ихъ славу. Посему многіе журналы, тѣ даже, коимъ сначала удавалось быстро возвыситься на степень нѣкоторой извѣстности посредствомъ своего слога или счастливаго выбора предметовъ, скоро потомъ столь же быстро клонились къ упадку и, наконецъ, находились въ невозможности удовлетворить обязанностямъ подписки, что равномѣрно вредило и словесности, и пользамъ читателей, и оборотамъ книжной торговли. Въ такомъ случаѣ, чтобъ оживить свое существованіе и разбудить любопытство публики, они болѣею частью принуждены бывали прибѣгать къ самому крайнему средству заслуженія извѣстности: къ рѣзкости сужденій, къ наступательной войнѣ съ цѣлымъ литературнымъ міромъ и къ бранчивой полемикѣ. Но однимъ изъ ощутительнѣйшихъ и истинно прискорбныхъ послѣдствій сего порядка вещей было то, что, несмотря на довольно значительное число весьма хорошихъ литераторовъ и на щедрость, съ какою наша публика всегда готова была

платить за ихъ произведенія, до сихъ поръ ни одинъ изъ русскихъ литературныхъ журналовъ не могъ выдержать сравненія даже со второстепенными сего рода изданіями за границей.

«Проникнутый сими уваженіями и побуждаясь чувствомъ усердія къ ученой славѣ нашего любезнаго отечества, я рѣшился употребить весьма значительный капиталъ на соединеніе, въ одной книгѣ, самаго большаго числа талантовъ, пользующихся лестною извѣстностью на поприщѣ словесности, наукъ и художествъ, съ тѣмъ, чтобы при ихъ содѣйствіи основать такое повременное сочиненіе, которое, по содержанию и внутреннему своему достоинству, по своей важности и благородству духа отнюдь не уступало бы лучшимъ въ томъ же родѣ иностраннымъ журналамъ, и при томъ осталось бы на будущее время памятникомъ настоящаго періода русской литературы и того блистательнаго покровительства, котораго высочайшій изъ монарховъ столь благосклонно ее удостоиваетъ. Имена знаменитыхъ писателей, соглашающихся дѣятельно въ немъ участвовать, представляютъ, кажется, достаточное обезпеченіе сему предначертанію пламеннаго моего желанія быть полезнымъ просвѣщенію. Я желаю дать ему названіе моего литературнаго заведенія, существующаго въ Петербургѣ, подъ именемъ «Библіотеки для чтенія», при которомъ оно будетъ издаваться».

Болѣе полугодомъ цензурное управленіе оставляло эту просьбу безъ окончательнаго разрѣшенія, но въ поднесенномъ, наконецъ, всеподданнѣйшемъ докладѣ выразилось въ пользу предпріятія Смирдина въ такомъ смыслѣ, что имена лучшихъ писателей, соглашающихся принимать участіе въ составленіи помянутаго журнала, и извѣстность полезными изданіями книгопродавца Смирдина служатъ достаточнымъ удостовѣреніемъ въ благонадежности предполагаемаго имъ періодическаго сочиненія. Это ходатайство оказалось столь сильнымъ, и программа Смирдина столь удовлетворительною, что, несмотря на трудность, съ которою императоръ Николай разрѣшалъ открытіе новыхъ журналовъ, 10-го іюля послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: «Согласенъ; вообще желательно, чтобы обѣщаніе не подражать другимъ журналамъ подлою бранью было сдержано».

Послѣднія слова относились, безъ сомнѣнія, къ слѣдующимъ словамъ программы: «Библіотека для чтенія», какъ журналъ, имѣющій въ виду одну лишь общую пользу читателей, остается совершенно чуждымъ всякаго духа партій и не принадлежитъ ни къ какому исключительному ученію литературному. Всѣ благонамѣренныя и прилично изложенныя мнѣнія найдутъ въ ней открытое для себя поприще. Для сохраненія важности, приличной изданію, поочередно украшаемому всѣми знаменитыми въ словесности именамъ, «Библіотека для чтенія»

не входитъ ни въ какіе журнальные споры, не принимаетъ никакихъ антикритикъ и не отвѣчаетъ ни на какія выходки и брани».

Извѣстно, впрочемъ, что въ послѣдствіи журналъ Смирдина не сдержалъ большинство высказанныхъ обѣщаній, и хотя, дѣйствительно, не печаталъ антикритикъ, но за то былъ обуреваемъ еще больше другихъ духомъ партій и полонъ бравныхъ и позорящихъ выходокъ.

Между тѣмъ, получивъ упомянутую высочайшую резолюцію, Уваровъ предписалъ Петербургскому цензурному комитету (12-го іюля 1833 г.) поставить на видъ цензору, назначенному разсматривать «Библіотеку для чтенія», всю лежащую на немъ обязанность наблюдать за сохраненіемъ приличій и благороднаго тона, особливо въ критическихъ статьяхъ новаго журнала. «При семъ случаѣ,—говорилъ министр,—почитаю нужнымъ возобновить комитету прежде сдѣланное уже мною предписаніе о недозволеніи въ періодическихъ изданіяхъ никакихъ полемическихъ статей, которыя подають поводъ къ критикамъ и антикритикамъ и возбуждають литературныя ненависти, столь для самой литературы вредныя».

Вслѣдъ за тѣмъ, чтобы предотвратить всѣ возможныя случайности, неблагопріятныя для цензурнаго дѣла, главное управленіе опредѣлило (27-го марта 1833 г.) предписать цензурнымъ комитетамъ, чтобы каждый изъ нихъ давалъ знать прочимъ о запрещаемыхъ имъ рукописяхъ, дабы таковыя, бывъ перенесены сочинителемъ или издателемъ изъ одного комитета въ другой, не могли быть одобрены къ печатанію. Московскому цензурному комитету, въ его усердной ревности, показалось и этого мало: ему представлялось, что все-таки остаются еще незамѣнутыя двери, полезныя для сочинителей и издателей, въ лицѣ отдѣльныхъ цензоровъ, и онъ вслѣдствіе того просилъ (въ сентябрѣ 1833 г.) предписанія, чтобы цензурные комитеты сообщали о своихъ запрещеніяхъ не только одинъ другому, но еще и всѣмъ отдѣльнымъ цензорамъ. Главное управленіе 9-го октября 1833 г. утвердило его представленіе.

Не ограничиваясь исключительно только журналами обѣихъ столицъ, гр. Уваровъ обращалъ свое вниманіе и на провинціальныя и, такимъ образомъ, вспомнивъ объ одномъ журналѣ, «Радуга», издававшемся въ Ревелѣ, 31-го марта 1833 г. спросилъ дерптскаго попечителя: въ состояніи ли ревельская цензура съ надлежащею внимательностью производить предварительный просмотръ издаваемаго на русскомъ языкѣ журнала «Радуга», требующаго, по содержанію своему, внимательнаго разбора? Попечитель (баронъ Паленъ) отвѣчалъ, что по закону періодическія изданія должны цензуроваться тамъ, гдѣ издаются, и что въ Ревелѣ русскій цензоръ всегда исполнялъ свою должность очень удовлетворительно. Впрочемъ, онъ, баронъ Паленъ, внушилъ нынѣ этому цензору обратить особое вниманіе на «Радугу». Издатель этого журнала извѣ-

стенъ ему, попечителю, съ очень хорошей стороны, такъ что нельзя ожидать отъ него сочиненій, противныхъ цензурнымъ правиламъ. Но если всего этого мало, то онъ, Паленъ, просить министра именно обозначить тѣ мѣста журнала, на коихъ можетъ основываться взведенный на него упрекъ.

Главное управленіе цензуры приняло это письмо Палена къ свѣдѣнію, но лѣтомъ того же года Уваровъ, будучи проѣздомъ въ Дерптъ, подтвердилъ (1-го іюля) барону Палену о томъ, чтобъ другой журналъ, «Evangelische Blätter» былъ просматриваемъ, какъ о томъ предписано еще при князѣ Ливенѣ, не одною свѣтскою цензурою, но также и духовною, и тогда же нашелъ приличнымъ возобновить свою просьбу объ обращеніи особаго вниманія на издаваемый въ Ревелѣ русскій журналъ «Радуга», въ который входитъ также много разсужденій о духовныхъ предметахъ.

Въ отношеніи графа Уварова къ журналамъ надобно различить четыре категоріи: 1) журналы, существовавшіе уже прежде, но при новомъ министрѣ запрещенные; 2) тѣ, на появленіе которыхъ испрашивается было разрѣшеніе, но его не послѣдовало; 3) журналы, вновь разрѣшенные и, наконецъ, 4) тѣ прежняго времени, которые хотя и продолжали существовать при Уваровѣ, но подвергались его внушеніямъ и взысканіямъ.

Изъ журналовъ прежняго времени два было самыхъ вліятельныхъ и самыхъ распространенныхъ въ публикѣ: «Телеграфъ» Полеваго и «Телескопъ» Надеждина. Оба они были запрещены. Уварову и вообще высшему управленію цензуры былъ невыносимъ тотъ духъ критики и самостоятельнаго разсмотрѣнія, съ которымъ эти журналы старались относиться ко всѣмъ явленіямъ не только литературнымъ и научнымъ, но и жизненнымъ. «Телеграфъ» еще и при князѣ Ливенѣ, пользовался невыгодною репутаціею въ административной и цензурной сферѣ, и тогда уже Уваровъ относился къ нему весьма непріязненно. Теперь же онъ началъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе. 24-го сентября 1833 г. графъ Уваровъ представилъ всеподданнѣйшую записку, слѣдующаго содержанія: «Въ бытность мою, въ прошломъ году, въ Москвѣ, какъ извѣстно вашему императорскому величеству, я обращалъ особенное вниманіе на издаваемые тамъ журналы, въ коихъ появлялись иногда статьи, не только чуждыя вкуса и благопристойности, но и касавшіяся до предметовъ политическихъ, съ сужденіями превратными и вредными.

«Поставивъ Московскому цензурному комитету пространно на видъ обязанности его, я дѣлалъ самыя подробныя внушенія и самимъ редакторамъ журналовъ, и получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить ложную и дерзкую наклонность ихъ повременныхъ изданій.

Сіе, повидимому, имѣло нѣкоторый успѣхъ, ибо съ этого времени тонъ сихъ журналовъ смягчился, и доселѣ не замѣчалось вообще въ нихъ ничего явно предосудительнаго, какъ вдругъ съ удивленіемъ я прочелъ въ недавно вышедшей IX-й книжкѣ «Московского Телеграфа», статью подъ заглавіемъ: «Взглядъ на исторію Наполеона», въ коей о происшествіи столь важномъ и столь къ намъ близкомъ заключаются самыя неосновательныя и для чести русскихъ и нашего правительства оскорбительныя толки, и злонамѣренныя ироническія намеки, какъ ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ представляемой здѣсь въ подлинникъ статьи съ моими отмѣтками. Цензоръ сей книжки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Двигубскій, за неосмотрительность свою, долженствовалъ бы подвергнуться отрѣшенію, еслибъ не былъ, уже вовсе уволенъ отъ службы. Что касается до издателя «Телеграфа», то я осмѣливаюсь думать, что Полевой утратилъ, наконецъ, всякое право на дальнѣйшее довѣріе и снисхожденіе правительства, не сдержавъ даннаго слова и не повиновавшись неоднократно наставленію министерства, и, слѣдовательно, что, по всей справедливости, журналъ «Телеграфъ» подлежитъ запрещенію. Представляя вашему императорскому величеству о мѣрѣ, которую я въ нынѣшнемъ положеніи умовъ осмѣливаюсь считать необходимою, для нѣкотораго обузданія, такъ называемаго, духа времени, имѣю счастье всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго вашего разрѣшенія».

Императоръ Николай, какъ мы уже видѣли выше, мало сочувствовалъ духу и направленію «Телеграфа», но и онъ нашелъ мнѣніе Уварова преувеличеннымъ. Дѣйствительно, критика Полеваго на сочиненіе Вальтеръ-Скотта о Наполеонѣ была вообще самая благонамѣренная, патріотическая, отстаивавшая русскихъ и Россію противъ странныхъ нападокъ Вальтеръ-Скотта, который видѣлъ въ нашемъ народѣ только «скиевъ» и «варваровъ». Правда, Полевой былъ проникнутъ энтузіазмомъ и удивленіемъ къ генію и великости Наполеона, котораго признавалъ человѣкомъ Провидѣнія, но въ то же время ясно видѣлъ и его заблужденія, безмѣрное самолюбіе и властолюбіе. «Тѣмъ злонамѣреннымъ ироническимъ намекомъ», о которомъ писалъ Уваровъ, могла показаться развѣ только много разъ повторенная мысль, что нельзя идти противъ духа своего вѣка, иначе непременно падешь; но и эти слова не прогнѣвали императора Николая I-го; онъ ограничился слѣдующею на докладъ министра резолюціею: «Я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною; виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, и, вѣроятно, самъ себя не разумя; потому бывшему цензору строжайше замѣтить, а По-

левому объявить, чтобъ вздору не писалъ, иначе запретится журналъ его».

Но Уваровъ, постоянно слѣдя за Полевымъ, 4-го апрѣля 1834 г. писалъ Московскому цензурному комитету: «Усмотрѣвъ изъ IV-й книжки журнала «Библиотека для чтенія», извѣстіе объ издаваемыхъ Полевымъ новыхъ сочиненіяхъ своихъ, считаю нужнымъ предложить Московскому цензурному комитету поставить цензору, который будетъ разсматривать вышеозначенныя книги, въ обязанность обращать особенное вниманіе на оныя». Спустя полгода, и именно 9-го апрѣля 1834 года, онъ объявилъ главному управленію цензуры высочайшее повелѣніе: прекратить изданіе журнала «Московскій Телеграфъ». На чемъ основывались новые его на этотъ разъ доводы, изъ дѣлъ не видно, и можно предполагать, что докладъ его былъ словесный. Вслѣдъ за тѣмъ, 16-го марта 1835 года, онъ секретно писалъ дерптскому попечителю (вмѣстѣ лифляндскому, эстляндскому и курляндскому генералъ-губернатору) барону Палену: «Въ № 3 журнала «*Dorpatser Jahrbücher*», издаваемого на сей годъ, нѣкоторыми профессорами Дерптскаго университета, въ статьѣ подъ названіемъ «*Russische schöne Literatur*», гдѣ разбирается сочиненіе г. Полеваго: «Клятва при гробѣ Господнемъ», помѣщены, между прочимъ, слѣдующія выраженія: «Полевой стоитъ выше своего времени и своего народа: онъ очень хорошо умѣетъ отличать политическую важность Россіи отъ ея умственной образованности и не выводитъ сей послѣдней изъ того, что первая неоспорима. По сей причинѣ онъ, можетъ быть, предпочтительно предъ другими, имѣетъ призваніе возвысить свой народъ до себя и не только возбуждать къ успѣхамъ истинной цивилизаціи — это дѣлали уже и другіе, — но и подвинуть оную впередъ». Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство увѣдомить меня: не состоитъ ли сочинитель сей статьи на службѣ по учебному вѣдомству во вѣренномъ вамъ округѣ, и если не состоитъ, то къ какому онъ вѣдомству принадлежитъ, и гдѣ учился русскому языку? Между тѣмъ, не угодно ли будетъ поставить на видъ редакціи упомянутаго журнала, что отнюдь не слѣдовало помѣщать въ ономъ подобныхъ дерзкихъ неглѣпостей, которыя странно было бы найти вообще во всякомъ періодическомъ сочиненіи, и тѣмъ болѣе въ журналѣ, который въ чужихъ краяхъ распространяетъ свѣдѣнія о Россіи».

Баронъ Паленъ отвѣчалъ, секретно же, что авторъ статьи фонъ Бракель, и къ учебному вѣдомству не принадлежитъ, а служитъ кассиромъ въ Рижской конторѣ государственнаго коммерческаго банка; учился русскому языку въ С.-Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ; впрочемъ, благонадеженъ и пользуется въ краѣ общою любовью. Что же касается самой статьи, то баронъ Паленъ замѣчалъ, что въ ней не

заключается ничего противнаго § 3-му цензурнаго Устава, а именно клонящагося къ поколебанію ученія православной церкви или вообще христіанской вѣры, или нарушающаго неприкосновенность верховной самодержавной власти, императорскаго дома, или противнаго кореннымъ государственнымъ постановленіямъ, или оскорбляющаго добрыя нравы, или честь какого-либо частнаго лица; поэтому цензоръ не могъ сомнѣваться въ дозволеніи печатать ту статью. Но какъ министр народнаго просвѣщенія не одобряетъ содержанія приведенныхъ имъ выраженій, то онъ, баронъ Паленъ, поставилъ дерптскому цензору въ обязанность не принимать впредь подобныхъ выраженій въ періодическія изданія. Тогда Уваровъ счелъ необходимымъ передать эту переписку на усмотрѣніе главнаго управленія цензуры, которое 29-го апрѣля 1835 г. признало, что замѣченныя въ «*Dorptser Jahrbücher*» выраженія во всякомъ случаѣ неприличны, поставляя цѣлый русскій народъ въ столь невыгодное отношеніе къ одному частному писателю, и не могутъ быть извинены приводимымъ барономъ Паленомъ параграфомъ Устава. А такъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ цензура специально подчинена тамошнему генераль-губернатору, то главное управленіе положило: довести все это дѣло до высочайшаго свѣдѣнія и просить подтвержденія, чтобъ и цензура періодическихъ изданій въ пограничныхъ губерніяхъ въ точности сообразовалась съ тѣмъ направленіемъ, которое дается вообще цензурѣ отъ вышшаго правительства, для избѣжанія противорѣчій съ мѣрами, принимаемыми по общему цензурному вѣдомству. Государь ограничился только однимъ лаконическимъ словомъ на докладѣ: «Разумѣется», вслѣдствіе чего ни генераль-губернаторъ, ни Бракель не подверглись никакому замѣчанію.

Вскорѣ затѣмъ, Уваровъ обратился, въ отношеніи къ журналу «Телескопъ», къ мѣрамъ, подобнымъ тѣмъ, какія употребилъ прежде противъ «Телеграфа». Въ октябрѣ 1836-го года состоялось опредѣленіе главнаго управленія цензуры относительно пресловутыхъ въ исторіи русской литературы «философическихъ писемъ» Чаадаева ¹⁾. Авторъ ихъ, человекъ образованный, но приверженный къ католицизму, въ немъ одномъ видѣлъ главную причину образованности Европы, и въ отсутствіи его у насъ—источникъ малаго интеллектуальнаго и историческаго развитія русскаго народа. Задавшись этою мыслью, впрочемъ высказанною (въ отношеніи къ религіи) лишь въ осторожныхъ выраженіяхъ и не прямыхъ намекахъ, Чаадаевъ говорилъ въ своей статьѣ: «Первоначальные народы Европы, пельты, скандинавы, германцы, имѣли друидовъ, скальдовъ, бардовъ; это были сильные мыслители, разумѣется, въ своемъ родѣ. Посмотрите на народы Сѣверной Америки,

¹⁾ Напечатано было всего только одно письмо.

истребленіемъ которыхъ такъ ревностно занимается матеріальное просвѣщеніе Соединенныхъ Штатовъ: между ними есть люди дивнаго глупокомыслія. Теперь спрашиваю васъ: гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время? По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданскомъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не приобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія, мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почвѣ; ни одной великой истины не возникло изъ среды насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь. Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ. Если-бъ орды варваровъ, возмутившихъ міръ, не прошли, прежде чѣмъ наводнили Западъ, страны, нами обитаемой, мы не доставили бы и одной главы для всемірной исторіи. Чтобы обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать и, чтобъ заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантию цивилизація: мы подняли мантию, но не коснулись просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь приобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта и что же принесли домой? Одни дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ назадъ еще на полстолѣтія. Не знаю, въ крови у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію. Повторяю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомковъ, которые воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени, чтобы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія...

«Свергнувъ иго чужеземное (татарь), мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развились, между тѣмъ, у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства.. Уединившись въ своихъ пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не

*

вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія, и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами, такъ же, какъ эти послѣдніе возвышаются надъ готтентотами и лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Несмотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, и мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества, не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства»...

«Но вы возразите: развѣ мы не христіане, развѣ образованіе возможно только по образцу европейскому? Безъ сомнѣнія, мы христіане: но развѣ абиссинцы не христіане же? Разумѣется, можно образоваться отлично отъ Европы: развѣ японцы не образованы, и, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже болѣе насъ? Но неужели вы думаете, что христіанство абиссинцевъ и образованность японцевъ могутъ воссоздать тотъ порядокъ, который составляетъ конечное предназначеніе человѣчества? Неужели вы думаете, что эти жалкія отклоненія отъ божественныхъ и человѣческихъ истинъ низведутъ небо на землю?»

Эти отрывки даютъ нѣкоторое понятіе какъ о талантахъ Чаадаева, такъ и о его печальныхъ заблужденіяхъ. Но главное управленіе цензуры не желало или не могло отдѣлять первыхъ отъ послѣднихъ и, вполне сочувствуя доносу Вигеля на статью Чаадаева, постановило опредѣленіе, которое обязано своимъ происхожденіемъ, повидимому, инициативѣ Уварова, или по крайней мѣрѣ сильно его интересовало, если судить потому, что черновой проектъ этого опредѣленія весь исправленъ и добавленъ рукою самого министра. Содержаніе его было слѣдующее: «главное управленіе цензуры, въ засѣданіи 19-го октября, рассмотрѣвъ статью, напечатанную въ № 15-мъ журнала «Телескопъ», подъ заглавіемъ «Философическія письма», нашло, что сія статья дышетъ вѣдѣпою ненавистью къ отечеству, наполнена ложными и оскорбительными понятіями, какъ на счетъ прошедшаго, такъ и на счетъ настоящаго и будущаго существованія государства; признаетъ, что сія статья равво предосудительна въ религіозномъ, какъ и въ политическомъ отношеніи. Съ другой стороны, главное управленіе цензуры, усматривая, что издатель журнала нарушилъ данную подписку объ общей съ цензурою обязанности пещись о духѣ и направленіи періодическихъ изданій; также что, не взирая на смыслъ цензурнаго устава и непрестанно

взыскательное наблюденіе правительства, цензоръ поступилъ въ семь случаевъ если не злоумышленно, то, по крайней мѣрѣ, съ непростительнымъ небреженіемъ должности и легкомысліемъ, опредѣлило: 1) изданіе журнала «Телескопъ» прекратить съ 1-го января наступающаго года; 2) цензора Болдырева, пропустившаго эту статью, немедленно удалить отъ должности».

Это опредѣленіе было представлено на высочайшее воззрѣніе, и государь, на всеподданнѣйшемъ докладѣ 22-го октября положилъ слѣдующую резолюцію: «Прочитавъ статью, нахожу, что содержаніе оной смѣсь дерзостной безсмыслицы, достойной умалишеннаго: это мы узнаемъ непременно, но не извинительны ни редакторъ журнала, ни цензоръ. Велите сейчасъ журналъ запретить, обонхъ виновныхъ отрѣшить отъ должности и вытребовать сюда къ отвѣту».

Еще раньше этого повелѣнія, Уваровъ самъ собой послалъ (20-го октября) циркуляры ко всѣмъ предсѣдателямъ цензурныхъ комитетовъ, гдѣ предписывалъ имъ не позволять въ періодическихъ изданіяхъ ничего, относящагося къ напечатанной въ № 15-мъ «Телескопа» статьѣ: «Философическія письма», ни въ опроверженіе, ни въ похвалу ея. Теперь же, онъ предписалъ немедленно прекратить изданіе «Телескопа» и отрѣшить цензора Болдырева отъ должности, сдѣлать подтвержденіе цензорамъ объ избѣжаніи случаевъ, подобныхъ настоящему, подѣ страхомъ наказанія, подобнаго тому, которое постигло Болдырева, и сообщилъ графу Бенкендорфу о принятіи мѣръ противъ издателя Надеждина, какъ человѣка, не состоящаго на службѣ. Производство возникшаго отсюда дѣла заняло болѣе мѣсяца, и лишь 4-го декабря графъ Бенкендорфъ сообщилъ Уварову слѣдующіе результаты: «Государь императоръ, рассмотрѣвъ представленный мною его величеству всеподданнѣйшій докладъ комиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія дѣла по статьѣ, помѣщенной въ № 15 «Телескопа» подѣ названіемъ: «Философическія письма», высочайше повелѣтъ соизволилъ: сочинителя сей статьи, Чадаева, продолжать считать умалишеннымъ и, какъ за таковымъ, имѣть медико-полицейскій надзоръ; Надеждина выслать на жительство въ Усть-Сысольскъ подѣ присмотръ полиціи, а Болдырева отставить за нерадѣніе отъ службы; графу же Строганову ¹⁾ велѣтъ, на его строгой

¹⁾ Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, московскій попечитель и предсѣдатель Московскаго цензурнаго комитета. Исполняя означенное высочайшее повелѣніе, онъ представилъ вмѣсто Болдырева двухъ кандидатовъ на цензорскую должность: Булыгина и Флерова, какъ людей надежныхъ. «Но, прибавляя графъ Строгановъ въ своемъ отношеніи къ Уварову отъ 19-го января 1837 г., раздѣлять съ ними отвѣтственность за проступокъ, надающій по законамъ на ихъ отвѣтственность, или быть ручателемъ за неумышленное отступленіе, я не беру на себя смѣлости, и въ подобныхъ случаяхъ буду всегда искать въ законахъ средства оправдать себя».

отвѣтственности, избрать надежнаго цензора. вмѣстѣ съ симъ его величество высочайше соизволяя утвердить заключеніе коммиссіи, чтобы московскому военному генераль-губернатору потребовать отъ содержателя типографіи Селивановскаго объясненіе, почему онъ выпустилъ въ свѣтъ и разослалъ 15-й № «Телескопа» до полученія билета изъ цензурнаго комитета и, буде не представитъ достаточнаго оправданія, предоставитъ военному генераль-губернатору поступить съ содержателемъ типографіи на основаніи свода законовъ Устава Благочинія, прилож. къ IV части, статьи: 141, 143 и 145 ¹⁾).

Третьимъ запрещеннымъ журналомъ была рижская газета «Provinzialblatt». Всю исторію ея запрещенія мы находимъ въ слѣдующемъ докладѣ Уварова отъ 12-го декабря 1838 г.: «Въ бытность мою въ Ригѣ, директоръ тамошней гимназіи и отдѣльный цензоръ Напирскій словесно представилъ мнѣ о необходимости прекратить выходящую тамъ газету: «Provinzialblatt» по причинѣ вреднаго духа, въ которомъ она составляется, изъясняя при томъ, что онъ неоднократно уже объявлялъ объ этомъ тамошнему главному мѣстному начальству, въ вѣдѣніи коего, по § 22-му устава о цензурѣ, находится цензура періодическихъ изданій въ Остзейскихъ губерніяхъ. Вслѣдствіе того, я обратилъ вниманіе главнаго управленія цензуры на дурное направленіе газеты «Provinzialblatt», и для окончательнаго заключенія о семъ предметѣ, по опредѣленію управленія, вытребовано отъ цензора подробнѣйшее указаніе неблагонамѣренныхъ статей, которыя издатель старался помѣщать въ своей газетѣ или даже успѣлъ включить въ оную, также мнѣніе о ней попечителя Дерптскаго учебнаго округа. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, къ сему предмету относящихся, главное управленіе цензуры не могло не убѣдиться въ неблагонамѣренности того направленія, которое издатель старается дать своему періодическому сочиненію. Безпрерывное представленіе на одобреніе цензуры извѣстій неосновательныхъ и даже выдуманныхъ съ дурнымъ намѣреніемъ обнаруживаетъ стремленіе издателя вводить читателей въ заблужденіе, разсѣвать ложныя понятія и поселять въ публикѣ сомнѣнія и недовѣрчивость. Подъ видомъ разсказовъ о случаяхъ, бывшихъ будто бы въ отдаленныя времена и въ чужихъ государствахъ, или о дѣйствіяхъ чужеземныхъ правительствъ,—разсказовъ, излагаемыхъ такимъ образомъ, что читатели сами наводятъ на желаемое издателемъ вредное примѣненіе и на настоящую его цѣль,—не только описываются съ невыгодной и смѣшной стороны поступки частныхъ людей, но даже дѣйствія начальственныхъ лицъ, и мѣры правительства выставляются въ такомъ искаженіи на судъ и насмѣшливость

¹⁾ На основаніи вышеприведенныхъ статей, содержатель типографіи, въ случаѣ виновности, подлежалъ предавію суду.

публики. Сими вымыслами издатель старается особенно посягать несогласія между религіозными партіями въ Остзейскихъ губерніяхъ и вооружать университетское юношество противъ мѣръ, которыя принимаются къ водворенію между онымъ благочинія. Затрудненія цензуры увеличиваются еще тѣмъ, что газета «Provinzialblatt», начатая до изданія устава о цензурѣ, бывшимъ генераль-суперинтендентомъ Зонтагомъ, издается безъ предварительнаго одобреннаго правительствомъ плана: пользуясь тѣмъ, издатель старается включать въ нее все, что только можетъ. Мѣстное начальство не только не приняло въ уваженіе представленій цензора о необходимости прекратить сію газету, но даже въ началѣ нынѣшняго года позволило издателю расширить кругъ его дѣйствій прибавленіемъ особыхъ листковъ, подъ названіемъ «Supplement zum Provinzialblatt», безъ всякаго предварительнаго сношенія съ высшимъ цензурнымъ вѣдомствомъ. Безпрерывное стремленіе издателя къ цѣли, явно не совмѣстной съ существующимъ порядкомъ; откровенное признаніе цензора, что, не взирая на всѣ старанія и мѣры предусмотрительности съ его стороны, издатель успѣваетъ помѣщать въ свои листки статьи, которыхъ злоумышленность, незамѣтная, когда они разсматриваются въ отдѣльности, сбнаруживается только при ихъ сближеніи; опасенія цензора, уловками издателя, быть увлеченнымъ въ неосмотрительность болѣе важную и вредную, мнѣніе попечителя Дерптскаго округа, признающаго, что изданіе «Provinzialblatt» надлежитъ прекратить, наконецъ, упорство въ дурныхъ намѣреніяхъ издателя, который, не смотря на всѣ замѣчанія и подтвержденія, нисколько не перемѣняетъ образа дѣйствій своихъ,—все это убѣдило главное управленіе цензуры, что къ обузданію злонамѣренности не остается никакого другаго средства, какъ прекращеніе газеты «Provinzialblatt» съ наступающаго 1839 года».

Государь утвердилъ мнѣніе главнаго управленія 12-го декабря 1838 г.

Рѣшенія на открытіе новыхъ журналовъ давались рѣдко. — Причинами для отказа было высказанное императоромъ Николаемъ желаніе, чтобы не увеличивалось число повременныхъ изданій. Въ мартѣ 1834 года Уваровъ представилъ государю докладъ слѣдующаго содержанія: «Съ нѣкотораго времени начали поступать отъ многихъ лицъ прошенія о позволеніи имъ періодическихъ изданій въ родѣ выходящихъ въ чужихъ краяхъ, подъ названіемъ «Penny Magazine», «Heller Magazin» и проч. Обративъ на это обстоятельство вниманіе главнаго управленія цензуры, я предлагалъ на разсужденіе онаго вопросъ: «полезно ли допускать введеніе и укорененіе у насъ сего рода дешевой литературы, которой цѣль и непосредственное слѣдствіе есть дѣйствованіе на низшій классъ читающей публики?» Главное управленіе, сообразивъ всѣ стороны сего вопроса, полагало, что приводитъ низшіе

классы общества нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать оныя какъ бы въ состояніи напряженности не только бесполезно, но даже вредно. Потому управленіе признало, что литературныя предпріятія, которыя клонятся къ приобрѣтенію вліянія на вышеозначеннаго рода читателей, вовсе несомвѣстны съ существующимъ у насъ порядкомъ. Дешевыя повременныя изданія тѣмъ неумѣствѣ нынѣ, что вкусъ къ чтенію и вообще литературная дѣятельность, которые прежде заключались въ границахъ сословіи высшихъ, именно въ настоящее время перешли въ средніе классы и предѣлы свои распространяють даже далѣе. Впрочемъ, независимо отъ этой политической несомвѣстности дешевой литературы для народа, она не только не приноситъ существенной пользы истиннымъ успѣхамъ ума и просвѣщенія, но, напротивъ того, скорѣе служить препятствіемъ онымъ; во вредѣ этой литературы сознаются благомыслящіе люди даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ она возникла и утвердилась; ибо легкое приобрѣтеніе неполныхъ свѣдѣній о многихъ предметахъ отклоняетъ отъ изученій основательныхъ и распространяетъ поверхностныя познанія, а слѣдовательно, и весь вредъ оныхъ. По сямъ соображеніямъ, главное управленіе цензуры было убѣждено и выгодами государственными, и выгодами самого просвѣщенія въ необходимости отклонить введеніе у насъ дешевыхъ престонародныхъ журналовъ».

На этомъ докладѣ 10-го марта 1834 послѣдовала высочайшая резолюція: «Совершенная истина, отнюдь не дозволять».

Въ концѣ 1835 года, кievскій военный, подольскій и волинскій генераль-губернаторъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ ежедневный журналъ подъ названіемъ «Кіевская газета». Министръ внутреннихъ дѣлъ, Блудовъ, котораго мнѣніе испрашивалось по этому предмету, отозвался, что онъ не видитъ препятствія къ его осуществленію, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время министерство внутреннихъ дѣлъ сзавочено введеніемъ, по всей Имперіи, губернскихъ вѣдомостей, и предварительный планъ ихъ одобренъ Комитетомъ министровъ. Но при этомъ статсъ-секретарь Блудовъ предлагалъ принять, въ отношеніи къ «Кіевской газетѣ», нѣкоторыя особыя мѣры предосторожности. Газета эта должна способствовать «просвѣщенію истинно русскому» и находится подъ ближайшимъ надзоромъ генераль-губернатора; свѣдѣнія о замѣчательныхъ происшествіяхъ по другимъ губерніямъ должны быть печатаемы только послѣ «нашихъ русскихъ газетъ», и о происшествіяхъ по западнымъ губерніямъ, когда они достовѣрно извѣстны самому военному губернатору, или сообщены мѣстнымъ начальствомъ, и т. д. Что же касается статей о древностяхъ края, то онѣ должны избѣгать всего могущаго возбуждать неумѣстныя сожалѣнія о старой Польшѣ и Литвѣ, или надежды на возстановленіе прежняго времени: напротивъ, онѣ должны доказывать, что этотъ край былъ издревле русскій и вторая колыбель

нашей монархіи. Но Уваровъ не удовольствовался такимъ отзывомъ и, по порученію главнаго управленія, спросилъ мнѣніе графа Бенкендорфа, такъ какъ управленію не столь извѣстны обстоятельства и причины, которыя могутъ содѣлать изданіе той газеты въ Кіевѣ необходимымъ, либо побудить отложить сіе предпріятіе, какъ еще не своевременное». На это былъ полученъ отвѣтъ, что «изданіе журнала въ Кіевѣ, для губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, съ помѣщеніемъ извѣстій политическихъ и правительственныхъ, требуетъ самаго бдительнаго вниманія со стороны мѣстнаго начальства. Конечно, при управленіи генераль-губернатора графа Гурьева, газета, состоя подъ непосредственнымъ наблюденіемъ, будетъ издаваться съ должною осмотрительностью и сообразно видамъ правительства, но увѣренность эта основывается единственно на личныхъ достоинствахъ и прозорливости генераль-губернатора, а затѣмъ представляется опасеніе, что, при назначеніи новаго начальника, можетъ быть менѣ къ сему предмету внимательнаго, предполагаемая газета можетъ сдѣлаться орудіемъ людей неблагонамѣренныхъ». По такому соображенію, графъ Бенкендорфъ находилъ неудобнымъ изданіе этой газеты, и таковая не была разрѣшена.

Въ ноябрѣ 1843 г. книгопродавецъ Ольхинъ просилъ позволенія издавать журналъ «Законовѣдецъ». Министръ юстиціи, графъ Панинъ, отозвался, что «предположенная этимъ журналомъ цѣль распространенія теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній по части законовѣдѣнія и судопроизводства, ежели она относится собственно къ отечественнымъ постановленіямъ и соблюдаемому на основаніи оныхъ порядку судебного производства дѣлъ и канцелярскаго обряда, достигнута вполнѣ быть не можетъ, ибо обстоятельства тяжёбныхъ и даже уголовныхъ дѣлъ, служившія основаніемъ къ судебнымъ рѣшеніямъ, по негласности оныхъ, не могутъ быть извѣстны во всей подробности не только редакторамъ, но и кому-либо другому изъ частныхъ лицъ; слѣдовательно, и сообщаемыя по сей части свѣдѣнія, не имѣя надлежащей полноты, будутъ, по необходимости, неясны и сбивчивы, а такимъ образомъ едва-ли частныя лица въ состояніи распространить о русскомъ производствѣ правильныя понятія въ настоящее время. Если же цѣль издаваемаго періодическаго сочиненія состоитъ въ распространеніи свѣдѣній о судопроизводствѣ иностранномъ, то также должно замѣтить, что публичность судопроизводства нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ представляетъ сіе судопроизводство, съ перваго взгляда, имѣющимъ нѣкоторыя преимущества предъ судопроизводствомъ негласнымъ, которыя могутъ распространить ложныя понятія о пользѣ существующихъ у насъ постановленій, требующихъ развитія, соотвѣтственнаго началамъ отечественнаго законодательства. Сверхъ того, министерство юстиціи имѣетъ въ виду изданіе, современемъ, по примѣру другихъ министерствъ, особаго

журнала для распространенія тѣхъ свѣдѣній, кои могутъ служить къ правильному изученію правовѣдѣнія въ нашемъ отечествѣ». За такимъ отзывомъ министра юстиціи, главное управленіе цензуры нашло невозможнымъ дозволить изданіе журнала «Законовѣдецъ».

Въ февралѣ 1846 года министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, ходатайствовалъ о дозволеніи члену ученаго комитета его министерства, статскому совѣтнику Заблоцкому, издавать журналъ «Россия», съ цѣлью споспѣшествовать развитію въ нашемъ отечествѣ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Главное управленіе цензуры 27-го февраля постановило, что оно не затруднилось бы ходатайствовать о высочайшемъ разрѣшеніи этого журнала, если бы прямою его цѣлью было сообщеніе читающей публикѣ статей и извѣстій по предмету сельскаго хозяйства и промышленности. Но, при готовности содѣйствовать съ своей стороны предпріятію такого рода, оно встрѣчаетъ затрудненіе входить съ представленіемъ государю императору о новой газетѣ политическо-литературной (какъ было видно по программѣ), имѣя въ виду уже неоднократно изъясненную высочайшую волю въ разсужденіи неразмноженія числа періодическихъ изданій.

Въ февралѣ 1848 г. жена чиновника 12-го класса Сафонова просила о позволеніи издавать два журнала: «Дамская энциклопедія» и «Мужской портной»; но главное управленіе признало эти изданія (10-го марта 1848 года) излишними, на томъ основаніи, что Сафонова уже получила дозволеніе на подобнаго рода изданіе (журналъ «Ваза»).

Въ іюлѣ 1834 года Уваровъ вошелъ съ докладомъ о дозволеніи Харьковскому университету, вслѣдствіе ходатайства его попечителя, издавать «Журналъ Императорскаго Харьковскаго университета», который (по словамъ министра) долженъ былъ заключать въ себѣ умственные произведенія, оригинальныя и переводныя, по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, въ ихъ теоретическомъ и практическомъ назначеніяхъ. Въ программѣ, утвержденной Уваровымъ, университетъ говорилъ, что желаетъ основать этотъ журналъ, дабы «по возможности содѣйствовать расширенію круга общепользныхъ свѣдѣній въ области отечественной любознательности». На это послѣдовала 6-го іюля высочайшая резолюція: «П о в р е м е н и т ь».

Въ другомъ докладѣ, отъ 10-го сентября 1836 года, Уваровъ представлялъ, что камергеръ князь Одоевскій, 8-го класса Враскій и титулярный совѣтникъ Краевскій просятъ о дозволеніи издавать, съ 1837 года, повременное сочиненіе, подъ названіемъ «Русскій сборникъ», съ принадлежащимъ къ нему «литературнымъ лѣгописцемъ», и что главное управленіе цензуры не нашло препятствія къ позволенію этого журнала, тѣмъ болѣе, что принимающіе на себя обязанность главныхъ редакторовъ, будучи извѣстны съ весьма хорошей стороны

по образу мыслей и способностямъ, подаютъ надежду, что предпринимаемый ими журналъ будетъ имѣть хорошее направленіе. На этомъ представленіи государь (13-го сентября) написалъ: «И безъ того много».

Получивъ такую резолюцію, главное управленіе цензуры разослало попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ циркуляръ, которымъ предписывалось «не дѣлать на нѣкоторое время представленій о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій».

Въ 1844 году Уваровъ представлялъ докладъ о разрѣшеніи преподавателю Московскаго университета, Грановскому, издавать съ 1845 года въ Москвѣ журналъ: «Московское обозрѣніе», въ составъ котораго должны входить: науки и искусства, критика, произведенія изящной словесности и смѣсь, и при этомъ Уваровъ ссылался на отзывъ московскаго попечителя, графа Строганова, свидѣтельствовавшаго о способностяхъ и благонадежности Грановскаго. На это послѣдовала 13-го декабря 1844 года высочайшая резолюція: «И безъ новаго дозволено».

Въ 1847 году, предсѣдательствующая въ Совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ, графиня Строганова, просила Уварова (въ то время уже графа) исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на изданіе коллежскимъ ассесоромъ Поповымъ, еженедѣльнаго листка для дѣтскаго чтенія, подъ названіемъ: «Отдохновеніе, газета для юнаго возраста». Цѣль изданія состояла въ томъ, чтобы, кромѣ доставленія питомцамъ Дѣтскихъ пріютовъ занимательнаго для ихъ возраста чтенія, жертвовать этимъ заведеніямъ половину суммы, какая очистится по подпискѣ за расходами на изданіе. Содержаніе же должно было состоять изъ трехъ отдѣловъ: въ 1-й назначались статьи, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о перемѣнахъ, происшедшихъ въ Дѣтскихъ пріютахъ, о ходѣ и развитіи ихъ, и т. д.; во 2-й—повѣсти, рассказы, описанія, стихи (на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ), драматическія пьески и т. д.; въ 3-й—объясненія праздниковъ и замѣчательныхъ дней, анекдоты, разборъ дѣтскихъ книгъ, загадки, шарады и т. д. Главное управленіе цензуры одобрило это изданіе, и Уваровъ поднесъ о немъ докладъ 30-го марта 1847 года; но на слѣдующій день онъ возвратился съ высочайшею резолюціею: «Нахожу, что программа не дѣтскаго журнала, а и безъ того много вздору печатается».

Въ противоположность журналамъ, которые съ 1833 по 1848 годъ были запрещены или не дозволены, любопытно перечислить тѣ, которые возникли въ сказанный періодъ времени и были дозволены.

Въ 1834 году, извѣстному композитору русскихъ романсовъ и помощнику капельмейстера Московскаго опернаго театра, Варламову, высочайше разрѣшено издавать музыкальный журналъ «Эолова арфа».

При представленіи объ этомъ дѣлѣ главному управленію цензуры приложено было свидѣтельство Московской театральной конторы, гдѣ говорилось, что «Варламовъ поведенія хорошаго и познаніями по музыкальной части заслуживалъ всегда отъ начальства похвалы».

Въ томъ же году Уваровъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи состоящему при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, титулярному совѣтнику Андросову, издавать съ 1835 года журналъ «Московскій наблюдатель». Основаніемъ для настоящаго представленія министръ народнаго просвѣщенія выставлялъ то соображеніе главнаго управленія цензуры, что въ Москвѣ есть только одинъ, частнымъ лицомъ издаваемый журналъ, и чувствуется потребность въ повременномъ изданіи, которое могло бы служить нѣкоторымъ противодѣйствіемъ петербургскимъ періодическимъ сочиненіямъ, которыя, находясь почти въ однихъ рукахъ, сдѣлались чрезъ то какъ бы монополіею немногихъ лицъ. Сверхъ того, главное управленіе принимало во вниманіе засвидѣтельствованіе московскаго генералъ-губернатора, что Андросовъ, сколько по благороднымъ своимъ качествамъ и отличной нравственности, столько же по трудолюбію и познаніямъ, совершенно способенъ къ выполненію предпринимаемаго имъ изданія, а также и то, что цѣль его журнала — единственно литературная, безъ примѣси чего-либо политическаго. Это ходатайство, 9-го декабря 1834 года, высочайше утверждено безъ всякихъ замѣчаній и ограниченій; но главное управленіе, приводя его въ исполненіе, почло своимъ долгомъ предписать, чтобъ изъ программы журнала было исключено имя И. Кирѣевскаго, издателя запрещеннаго журнала «Европеецъ».

14-го января 1836 года графъ Бенкендорфъ сообщилъ Уварову, что, вслѣдствіе просьбы поэта Пушкина, ему высочайше разрѣшено издать въ 1836 году, четыре тома статей чисто литературныхъ, историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехтысячныхъ «Reviews». Это изданіе осуществилось подъ именемъ «Современника».

25-го декабря 1837 года Уваровъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи профессорамъ Московскаго университета, Погодину и Шевыреву, издавать журналъ «Москвитянинъ». Въ Москвѣ, говорилъ при этомъ Уваровъ, издается теперь одинъ только литературный журналъ, и тотъ, выходя въ свѣтъ очень медленно и неисправно, по всей вѣроятности, какъ открывается изъ полученныхъ изъ Москвы свѣдѣній, долженъ будетъ прекратиться съ будущаго года. Изданіе же въ Москвѣ литературнаго повременнаго сочиненія полезно по многимъ отношеніямъ, и особенно въ томъ соображеніи, что Шевыревъ и Погодинъ могутъ содѣйствовать къ распространенію свѣдѣній по части словесности и наукъ». На это воспослѣдовала 26-го декабря высочайшая

резолүція: «Согласенъ, но съ строгимъ должнымъ надзоромъ».

Несмотря на это разрѣшеніе, «Москвитянинъ» не выходилъ въ свѣтъ цѣлыхъ три года, и лишь въ концѣ 1840 г. Погодинъ заявилъ, что желаетъ со слѣдующаго, 1841 года, издавать свой журналъ, на что и проситъ разрѣшеніе. Главное управленіе обыкновенно отказывало въ просьбѣ разрѣшать продолженіе журнала, не издававшася нѣсколько лѣтъ, считая необходимымъ испрашивать новое, какъ бы для новаго журнала высочайшее разрѣшеніе. Но на этотъ разъ, въ пользу Погодина, сочтено было почему-то умѣстнымъ сдѣлать исключеніе, и просимое разрѣшеніе дано ему отъ главнаго управленія цензуры, 23-го октября 1840 года, собственною его властью, безъ доведенія о томъ до высочайшаго свѣдѣнія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поощреніе кораблестроенія частными лицами.

Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Сенату.

21-го октября 1828 г. № 13111.

Г. министръ финансовъ сообщилъ мнѣ, что по всеподданнѣйшему докладу его о томъ, что архангельскій 1-й гильдія купецъ Аммосовъ строить на собственной своей верфи по заказу иностраннаго гостя Кларка корабль на подобіе военнаго, воспослѣдовало въ 13-й день сего октября высочайшее его императорскаго величества повелѣніе слѣдующаго содержанія: «на основаніи существующихъ узаконеній, не токмо не слѣдуетъ препятствовать, но надлежитъ даже поощрять у насъ постройку частными людьми военныхъ кораблей по заказу иностранцевъ, и сего правила держаться въ послѣдствіи въ подобныхъ случаяхъ».

О такомъ высочайшемъ повелѣніи, я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Россія и папекій престолъ.

1580—1601 гг.

V¹⁾.

Переговоры въ Ямъ-Запольѣ.—Заключеніе перемирія.

Ямъ-Запольскій, куда съѣхались уполномоченные для веденія переговоровъ, былъ небольшою деревушкою, на пути въ Новгородъ, между Порховомъ и Заволочьемъ. Неудобство этого выбора дало себя почувствовать очень скоро; вся окрестная мѣстность была разорена; среди пустынной равнины видѣлись однѣ развалины; поляки со своей свитою едва нашли себѣ помѣщеніе. Русскіе размѣстились, худо ли хорошо, неподалеку оттуда въ селеніи Киверовой Горѣ, гдѣ устроился также Поссевинъ, и это захолустное, мало кому извѣстное до тѣхъ поръ мѣстечко неожиданно оживилось; вокругъ жалкихъ хижинъ, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома, появились палатки, предназначенныя для многочисленной свиты русскихъ пословъ и для торговцевъ, которые ихъ сопровождали. Кремлевскіе послы, не получая готоваго содержанія отъ царя, покрывали свои текущіе расходы торговлею, удѣляя для этого время отъ своихъ дипломатическихъ занятій. Такимъ образомъ можно было подумать, что въ Киверовой Горѣ происходила ярмарка, а не съѣздъ уполномоченныхъ.

Помѣщеніе пословъ оставляло желать весьма многого. Поссевинъ, въ домѣ котораго происходили засѣданія, жилъ въ простой избѣ, состоявшей изъ одной комнаты, въ глубинѣ которой былъ наскоро сооруженъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1902 г.

алтарь. Такъ какъ изба была курная, то ему приходилось выходить на улицу, пока топилась печь, а по утру онъ вставалъ весь черный отъ сажи, которая покрывала потолокъ толстымъ блестящимъ слоемъ и падала на его постель. Поссевинъ говорилъ шутя, что онъ принималъ себя иной разъ за угольщика или трубочиста. Что касалось ѣды, то въ деревушкѣ можно было рассчитывать только на провизію, привезенную съ собою. Въ этомъ отношеніи русскіе оказались чрезвычайно предусмотрительны; и въ то время, какъ поляки нерѣдко терпѣли во всемъ недостатокъ, у нихъ было всего вдоволь, и они, по приказанію царя, снабжали Поссевина въ изобиліи всемъ необходимымъ. Казалось, что этихъ мелочей, хотя онѣ были чисто матеріальнаго свойства, было достаточно для того, чтобы спѣшить съ переговорами, а между тѣмъ они тянулись болѣе мѣсяца, ибо съ той и съ другой стороны были затронуты слишкомъ важные вопросы, которые заставляли пренебрегать всемъ остальнымъ.

Русскимъ уполномоченнымъ удалось, по желанію царя, имѣть предварительное свиданіе съ папскимъ посломъ, которому они заявили, подъ величайшей тайною, что Іоаннъ согласится на уступку еще одной или двухъ крѣпостей. Какъ только они упомянули о Ливоніи, Поссевинъ заявилъ, что права Баторія на эту провинцію неоспоримы и что это должно лечь въ основу переговоровъ. Такое заявленіе крайне взволновало русскихъ уполномоченныхъ. Перейдя отъ изумленія къ негодованію, они утверждали, что Ливонія «принадлежала царю съ сотворенія міра» и что онъ особенно дорожилъ ею въ виду торговли съ Западомъ и своихъ сношеній съ папою.

4-го (13-го) декабря происходило первое совѣщаніе уполномоченныхъ подъ предѣдательствомъ Поссевина; по правую руку отъ него сидѣли поляки, по лѣвую москвитяне; переводчикъ Замаскій стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Поляками было рѣшено заранѣе, что имя Григорія XIII должно произноситься съ особымъ почтеніемъ и что всѣ уступки будутъ сдѣланы изъ уваженія къ святому отцу, который пріобрѣтаетъ такимъ образомъ огромное значеніе.

Совѣщанія едва не прекратились на первыхъ же порахъ вслѣдствіе того, что поляки нашли недостаточными полномочія русскихъ, въ особенности по сравненію съ ихъ собственными полномочіями. Русскіе ссылались только на письма царя, на его словесныя указанія и на искони принятый у нихъ способъ веденія дѣлъ. Обмѣвъ мыслей, вызванный этимъ обстоятельствомъ, осложнился тѣмъ, что русскіе требовали, чтобы на засѣданіи не былъ допущенъ Варжевницкій, коего имя не было упомянуто въ официальныхъ документахъ. Долго не могли ни до чего договориться и едва не разошлись, прервавъ засѣданіе. Но утро вечера мудренѣе. На другой день русскіе изъявили готовность при-

сягнуть въ томъ, что ихъ полномочія будутъ достаточны для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, какіе могли возникнуть; поляки объявили себя удовлетворенными, и было рѣшено приступить къ дѣлу, не смотря на присутствіе Варжевицкаго.

Уполномоченнымъ Баторія, какъ побѣдителя, надлежало первымъ высказать свои требованія. Выразивъ благодарность папѣ за то, что онъ согласился взять на себя посредничество, и поблагодаривъ его представителя, воевода Брацлавскій сказалъ, что король желаетъ получить всю Ливонію, военную контрибуцію, требуетъ заключенія мира со Швеціей и взаимнѣя этого обѣщаетъ Іоанну четыре крѣпости на западной границѣ.

Это привело русскихъ въ величайшее негодованіе, и они высказали свои условія, тождественныя съ тѣми, которыя были предложены въ Старяцѣ, съ тою разницею, что Іоаннъ соглашался уступить Баторію еще одну крѣпость. Условія русскихъ были довольно странныя: царь великодушно уступалъ королю польскому Курляндію, никогда ему не принадлежавшую, и предлагалъ отдать полякамъ на побережьѣ Балтійскаго моря шестьдесятъ пять городовъ, оставляя за собою тридцать пять, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на завоеванія, сдѣланныя въ послѣднее время шведами, и на ихъ права на эти земли.

Предлагая столь странныя условія, русскіе понимали, конечно, что они неудобноисполнимы, и были увѣрены, что ихъ придется измѣнить, но они держались этой тактики, желая вывѣдать мысли поляковъ, такъ какъ не имѣли права ни прервать переговоровъ безъ особаго разрѣшенія царя, ни преступить своихъ полномочій. А поляки, со своей стороны, желая произвести на русскихъ давленіе, утверждали, что имъ велѣно окончить переговоры въ три дня, и торопили отвѣтомъ.

Послѣ самыхъ торжественныхъ увѣреній, что они не пойдутъ ни на какія уступки, поляки отказались прежде всего отъ контрибуціи, которая имѣла для нихъ однако большое значеніе, такъ какъ денежныя средства ихъ быстро истощались, подати, ассигнованныя сеймомъ на военныя издержки поступали съ трудомъ, а солдаты требовали уплаты жалованья; но Баторій придавалъ главное значеніе приобрѣтенію провинцій и поэтому заявилъ Поссевину, что онъ готовъ отказаться отъ денегъ, лишь бы получить Ливонію.

Вторая уступка со стороны поляковъ была сдѣлана относительно Швеціи. Царь замышлялъ вести войну съ Іоанномъ III и поэтому не хотѣлъ связывать себя никакими обѣщаніями; его уполномоченнымъ было строго-на-строго приказано не касаться шведскихъ дѣлъ.

— Мы не имѣемъ полномочій на этотъ счетъ, — говорили они; — къ чему же говорить объ этомъ? да и съ кѣмъ мы будемъ говорить о шведскихъ дѣлахъ, коли здѣсь нѣтъ представителя Швеціи?

Поляки признали законность этого возраженія, и вопросъ объ отношеніяхъ съ Швеціей не обсуждался вовсе; такимъ образомъ дѣло значительно упростилось, поляки требовали только уступки Ливоніи, оставалось рѣшить, что потребуютъ за это русскіе.

По окончаніи официальныхъ засѣданій, уполномоченные царя проводили съ Поссевинымъ въ бесѣдѣ цѣлыя ночи, толкуя объ общественныхъ и о своихъ личныхъ дѣлахъ.

6-го (15-го) декабря, они заявили, что царь согласится уступить Ливонію не иначе, какъ получивъ за это долину р. Великой съ Великими Луками. Высказавъ это, они испугались своего слишкомъ смѣлаго требованія и для успокоенія своей совѣсти стали энергично настаивать на желаніи царя сохранить нѣсколько крѣпостей въ Ливоніи и титулъ князя Ливонскаго.

Это сразу ободрило Поссевина; у него зародилась надежда на то, что дѣло скоро уладится, и онъ поспѣшилъ сообщить всѣ подробности Замойскому и совѣтовалъ ему быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ.

— Если мы будемъ требовать слишкомъ много,—говорилъ Поссевинъ,—то мы рискуемъ ничего не получить.

То же самое онъ старался внушить и русскимъ, и если бы поляки болѣе довѣряли Поссевину, то переговоры могли бы быть окончены гораздо скорѣе, но Замойскій поступалъ относительно его не вполне чистосердечно. Такъ, напр., 11-го (20-го) декабря, въ Ямъ-Запольскій явился Станиславъ Жолкіевскій съ словесными приказаніями отъ польскаго канцлера, который поручилъ сообщить уполномоченнымъ троякаго рода условія, которыя до поры до времени должны были составлять для Поссевина тайну, и которыя велѣно было сообщать ему только по мѣрѣ надобности. Первое изъ этихъ условій, которое могло бы значительно облегчить переговоры и привести къ заключенію мира, привело пословъ въ большое недоумѣніе: Замойскій выражалъ готовность уступить царю восемь крѣпостей, три въ Ливоніи и пять на Западѣ, лишь бы миръ былъ заключенъ немедленно.

Измученные этой перемѣною и боясь, что ихъ хотятъ одурачить, уполномоченные просили Замойскаго прислать имъ письменныя приказанія, и когда ихъ просьба была удовлетворена, то они сослались на то, что имъ необходимо имѣть приказаніе самого Баторія. Положеніе Поссевина было еще затруднительнѣе, ибо въ тотъ же день, когда Жолкіевскій сообщилъ уполномоченнымъ вышеупомянутое предложеніе, папскій посолъ получилъ отъ Замойскаго письмо, отъ 13-го (22-го) декабря, съ самымъ гордымъ и рѣшительнымъ отказомъ уступать Ливонію. Какъ было объяснить это противорѣчіе? Была ли эта только ловушка со стороны Замойскаго или перемѣна политики? Въ такомъ случаѣ, что

слѣдовало думать о неизмѣнномъ рѣшеніи сейма, о клятвѣ, данной Баторіемъ, о заявленіи Замойскаго, только-что присланномъ письменно?

Поссевинъ не зналъ, что думать; его пылокое воображеніе уже рисовало самыя мрачныя картины. Тѣмъ не менѣе предложеніе Замойскаго обсуждалось въ засѣданіи уполномоченныхъ 14-го (23-го) декабря и вызвало оживленные споры; многіе выражали опасенія, что переговоры будутъ прерваны, какъ вдругъ изъ польскаго лагеря были получены новыя и, какъ говорили, окончательныя условія.

Это было очень кстати: всѣми уже начинали овладѣвать утомленіе и скука; русскіе жаловались на то, что имъ приходилось терпѣть всевозможныя непріятности: ихъ гонцовъ задерживали по пути, ихъ письма перехватывали. Радзивиллъ, озабоченный своими семейными дѣлами, только и думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе уѣхать. Въ своемъ «ультиматумѣ» Замоискій предлагалъ снова промѣнять Ливонію на долину р. Великой съ болѣе или менѣе обширнымъ округомъ, смотря по требованію русскихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умолялъ панскаго посредника «именемъ Христа» не дѣлать уступокъ даромъ и выговорить на западной границѣ возможно большее число крѣпостей. Одновременно съ этимъ, Замоискій писалъ Стефану Баторію, въ самыхъ колкихъ и язвительныхъ выраженіяхъ, о «великодушномъ ходатаѣ русскихъ» и совѣтовалъ не посвящать его въ тайны политики, а Поссевинъ не подозрѣвалъ такого коварства и неутомимо старался уладить дѣло.

Невесело встрѣтили въ Киверовой Горѣ праздникъ Рождества Христова. Всѣ были взволнованы, опасаясь неблагопріятнаго исхода переговоровъ. Русскіе, примирившись съ мыслию, что имъ придется отказаться отъ Ливоніи, хотѣли выторговать за нее какъ можно болѣе, требовали то тотъ, то другой городъ и выказывали большую нерѣшительность. Не смотря на это, поляки имѣли надежду, что имъ удастся добиться всего, что они хотѣли, и дѣйствительно, послѣднія условія, предъявленныя обѣими сторонами, расходились только въ весьма несущественныхъ пунктахъ.

Когда Поссевинъ жаловался на неуступчивость поляковъ Замоискому, то послѣдній отвѣчалъ: «Сенаторы отвѣтственны передъ сеймомъ, при томъ русскіе требуютъ слишкомъ многого». Когда же посредникъ, выбившись изъ силъ, обратился снова къ русскимъ уполномоченнымъ, то они говорили ему:

— Если бы у насъ было десять головъ, то онѣ всѣ пали бы, если бы приказаніе царя не было исполнено буквально.

Засѣданіе 16-го (25-го) декабря также не привело ни къ чему, а на другой день поляки вздумали разыграть слѣдующую сцену.

Было необходимо рѣшить вопросъ, кому достанутся двѣ западныя крѣпости: Велижъ и Себежъ; поляки настанвали на томъ, чтобы онѣ

*

были уступлены имъ, и, повторяя свои обычные угрозы, заявили, что если ихъ требованіе не будетъ исполнено, то они уѣдутъ, не обращая вниманія на то, будетъ ли миръ заключенъ или нѣтъ.

Русскіе были поставлены этимъ въ самое затруднительное положеніе. Велижъ, расположенный на правомъ берегу Двины, входилъ въ число городовъ, которые предполагалось уступить Баторію; Іоаннъ соглашался принести эту жертву; но русскіе послы хотѣли сдѣлать ему пріятное, отстоявъ этотъ городъ; однако всѣ ихъ старанія разбились о настойчивость поляковъ, и они были вынуждены отказаться отъ Велижа.

Оставалось рѣшить вопросъ о Себежѣ. Этотъ стратегическій пунктъ имѣлъ для русскихъ огромное значеніе, онъ защищалъ долину рѣки Великой, былъ какъ бы аванпостомъ Московскаго государства и поѣтому долженъ былъ принадлежать русскимъ. Царь настоятельно требовалъ этого. Когда поляки хотѣли обойти этотъ вопросъ молчаніемъ или отложить его рѣшеніе на нѣкоторое время, то русскіе уполномоченные протестовали такъ энергично, что поляки поняли, что ихъ рѣшеніе неизмѣнно, и Себежъ былъ уступленъ.

Вскорѣ нашелся еще одинъ пунктъ, который могъ вызвать большія недоразумѣнія. Во время переговоровъ неоднократно упоминалось о Ливоніи, и это не вызывало никакихъ споровъ, но малу-по-малу выяснилось, что русскіе соглашались уступить только тѣ лифляндскія крѣпости, которыя они уже завоевали, совершенно умалчивая о земляхъ, принадлежавшихъ шведамъ, и которыя они еще могли завоевать. Поляки, движимые жаждою новыхъ пріобрѣтеній, хотѣли обезпечить себя отъ опаснаго соперничества. Но русскіе возражали обыкновенно на всѣ ихъ замѣчанія:

— Какъ же вы хотите, чтобы мы уступили вамъ то, что уже не въ нашей власти. Обратитесь къ шведамъ, это зависитъ отъ нихъ.

Благодаря Поссевину, принято рѣшеніе, удовлетворившее обѣ стороны: было оговорено, что какія бы недоразумѣнія ни возникли между поляками и шведами, они не должны служить для русскихъ предлогомъ начать войну, а во избѣжаніе дальнѣйшихъ споровъ, было рѣшено переименовать въ мирномъ договорѣ подробно всѣ крѣпости, уступленныя русскимъ.

Но на самомъ дѣлѣ этотъ послѣдній пунктъ, относительно котораго всѣ были согласны въ принципѣ, вызвалъ нескончаемые споры, такъ какъ шведы не прекращали военныхъ дѣйствій и обѣ стороны, въ своихъ собственныхъ интересахъ, приписывали имъ разныя вымышленныя завоеванія. Дальность разстоянія не позволяла провѣрить точность получаемыхъ свѣдѣній, приходилось оспаривать другъ друга и возражать наугадъ. Впрочемъ, обѣ стороны такъ жаждали покончить

споръ какъ можно скорѣе, что для обмѣна городовъ были, наконецъ, назначены уполномоченные.

Съ рѣшеніемъ вопроса о земельныхъ уступкахъ исчезло главное препятствіе къ заключенію мира; немало способствовала этому также побѣда, одержанная въ это время Замойскимъ. Разказы дезертировъ о печальномъ состояніи польскаго войска придали смѣлость псковитянамъ; они начали дѣлать вылазки и подходили довольно близко къ неприятельскому лагерю. Осаждающіе, желая обмануть ихъ, долго не оказывали никакого сопротивленія, но 26-го декабря (4-го января), воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, они отбили смѣлыхъ псковитянъ и взяли въ плѣнъ триста человекъ. Извѣстіе объ этой побѣдѣ поляковъ имѣло самое благопріятное вліяніе на ходъ переговоровъ.

Нельзя не упомянуть и объ одномъ фактѣ, не столь славномъ для поляковъ. Нѣкто Остромецкій изобрѣлъ что-то въ родѣ адской машины: это была коробка, наполненная порохомъ и какимъ-то веществомъ, которое взрывалось при малѣйшей попыткѣ открыть коробку, причиняя смерть тому, кто вздумалъ бы открыть ее. Изобрѣтатель снаряда предложилъ пронести его въ осажденный городъ, чтобы произвести взрывъ. Лица, командовавшія польской арміей, одобрили эту мысль, находя подобную хитрость исполнѣ позволительной и даже законной, а Замойскій, хотя въ душѣ и не одобрялъ этого, но, будучи раздраженъ противъ псковитянъ за то, что они стрѣляли въ парламентаровъ, промолчалъ. Снарядъ былъ отвезенъ въ Псковъ однимъ плѣннымъ. Поляки полагали, что вымышленная исторія, которую онъ долженъ былъ рассказать, побудитъ русскихъ вскрыть коробку, и что при этомъ, быть можетъ, полатится жизнью самъ Шуйскій, который былъ душою обороны.

Поляки съ тревогою слѣдили за происходившимъ съ высоты своихъ батарей. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ надъ той частью города, гдѣ помѣщались бояре, показался дымокъ, и взвилось пламя.

Послѣ этого, по приказанію Шуйскаго, въ польскій лагерь было брошено письмо, въ которомъ онъ жестоко укорялъ поляковъ за этотъ поступокъ. Въ отвѣтъ на это, Замойскій послалъ ему вызовъ на поединокъ, который, разумѣется, не былъ принятъ.

Между тѣмъ, какъ подъ Псковомъ все еще лилась кровь и гибли жертвы, въ Киверовой Горѣ, подъ новый 1582 годъ русскіе уполномоченные заявили Поссевину о новомъ желаніи своего царя быть названнымъ въ договорной грамотѣ царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ, государемъ Смоленскимъ и Лифляндскимъ. При этомъ они заявили торжественно, что римскіе императоры Аркадій и Гонорій дали еще великому князю Владиміру императорскій титулъ, который

былъ признанъ папами, а потому и Иоаннъ хотѣлъ сохранить его. Тщетно пытался Поссевинъ, хорошо знавшій исторію, возразить на это, что сыновья Θεодосія Великаго жили приблизительно за пятьсотъ лѣтъ до Владиміра, но это не смутило русскихъ дипломатовъ, которые утверждали, что въ десятомъ вѣкѣ жили два другіе императора того же названія.

Впрочемъ, относительно вопроса о титулѣ, уполномоченнымъ была предоставлена полная свобода. Предвидя отказъ со стороны поляковъ, Иоаннъ рѣшилъ быть философомъ: «Мои титулы, — писалъ онъ въ наказѣ полномоченнымъ, — дарованы мнѣ Богомъ и унаслѣдованы мною отъ предковъ, я пользуюсь властью издавна, пусть меня зовутъ, какъ хотятъ, я останусь тѣмъ же».

Но уполномоченные, желая угодить царю, хотѣли настоять на своемъ и угрожали прервать переговоры, если царскіе титулы не будутъ упомянуты въ договорѣ. Поляки негодовали.

— Никогда гордые сыны республики не склоняютъ главу передъ московскимъ царемъ, — говорили они, — и никогда не назовутъ Иоанна царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ,

Тогда московскіе послы попытались, съ своей обычной беззащитностью, доказать полякамъ, что и предшественникъ Баторія, Сигизмундъ II, давалъ Иоанну царскій титулъ, и ссылались въ доказательство на акты, которые они будто бы по разсѣянности позабыли захватить. Но на этотъ разъ ихъ смѣлость не послужила ни къ чему: поляки выложили передъ ними цѣлое собраніе договоровъ, заключенныхъ между Москвою и Польшею, въ которыхъ не было ничего подобнаго. Однако русскіе не сдавались, и на слѣдующій день, 30-го декабря (8-го января), вопросъ о царскомъ титулѣ возбудилъ снова горячій споръ. Наконецъ, чтобы какъ-нибудь покончить дѣло, было рѣшено, что русскіе перечислятъ въ своей договорной граматѣ всѣ титулы царя, которые въ польской граматѣ упомянуты не будутъ.

Побѣда, одержанная русскими уполномоченными, походила скорѣе на пораженіе, но имъ представился на слѣдующій же день случай отплатить за это полякамъ. Во время переговоровъ неоднократно упоминалось имя папы, и поляки, желая придать его посредничеству особое значеніе, хотѣли, чтобы Поссевинъ также подписалъ договорную грамату, въ которой было бы оговорено, что всѣ совѣщанія происходили въ его присутствіи и при его личномъ участіи. Русскіе возстали противъ этого, ссылаясь на то, что въ ихъ наказѣ ничего подобнаго не говорилось.

Поссевинъ очень скоро рѣшилъ этотъ вопросъ, отказавшись отъ подписи договора.

Казалось, всѣ препятствія были, наконецъ, устранены, но уполномоченные Иоанна создали новое затрудненіе, заявивъ желаніе, чтобы въ

договорѣ было сказано, что Іоаннъ уступаетъ Баторію Курляндію и Ригу. По ихъ словамъ, это не означало, что Курляндія когда-либо принадлежала Московскому государству; но тотъ фактъ, что царь уступалъ ее Баторію, могъ, въ случаѣ надобности, послужить доказательствомъ его правъ на владѣніе этой землею... Чувствуя ловушку, поляки упорно не соглашались на это. Ихъ поддерживалъ Поссевинъ, неудовольствіе котораго противъ русскихъ еще болѣе усилилось, когда онъ узналъ, что они упоминали о немъ въ договорѣ, какъ о послѣ папы Григорія XIII. Услыхавъ это выраженіе, Поссевинъ закричалъ съ сердцемъ:

— Государь вашъ называетъ папу, какъ простаго попа, а цесарь и всѣ государи христіанскіе пишутъ папу намѣстникомъ Христа и учителемъ всего христіанства.

Русскіе возразили на это, что папскій титулъ кажется имъ слишкомъ напыщеннымъ.

Подмѣтивъ неудовольствіе, возникшее между Поссевинымъ и русскими, польскіе уполномоченные, очень обрадовались и писали Замойскому:

«Самъ Богъ возстановилъ Поссевина противъ русскихъ, текстъ договора служить для нихъ яблокомъ раздора».

Дѣйствительно, папскій посолъ былъ чрезвычайно озлобленъ и укорялъ русскихъ за ихъ упорство.

— Вы оскорбляете папу и его посланнаго,—говорилъ онъ,—вы хотите отдать Баторію то, что принадлежитъ ему, а не вамъ; оставьте свои хитрости, бросьте всѣ эти глупости.

Эти упреки кончились болѣе или менѣе бурными сценами.

2-го (11-го) января, во время засѣданія, Поссевинъ окончательно потерялъ терпѣніе и закричалъ:

— Вы не хотите слушать меня, вы кругомъ виноваты, я не буду болѣе хлопотать о васъ.

Сказавъ это, онъ всталъ и ушелъ.

Поляки были также въ страшномъ гнѣвѣ и собрались уходить говоря:

— Это послѣднее засѣданіе, вотъ уже двадцатый разъ, какъ мы собираемся и не можемъ ничего рѣшить, мы не станемъ болѣе совѣщаться.

Въ это время вернулся въ избу Поссевинъ (засѣданія происходили, какъ извѣстно, у него) и осыпалъ русскихъ бранью.

— Вы пришли сюда воровать, а не посольствовать!—кричалъ онъ.

Увидавъ у Алферьева въ рукахъ черновикъ договора, онъ выхватилъ его и кинулъ за двери, а самого Алферьева схватилъ за воротъ, сталь трясти его, оборвалъ пуговицы его кафтана и вытолкалъ самого за дверь вмѣстѣ съ его товарищами, крича, что было мочи:

— Убирайтесь отъ меня изъ избы вонъ, я съ вами не стану ничего говорить.

Русскіе, по ихъ словамъ, «кроткіе какъ агнцы», вышли, пробормотавъ нѣсколько словъ въ свое оправданіе и сылаясь на наказъ. Они не успѣли еще успокоиться, какъ къ нимъ явился посланный отъ поляковъ съ увѣдомленіемъ, что переговоры кончились, чтобы они собирались домой.

«Видя, что поляки хотятъ прекратить переговоры,—писалъ князь Елецкій въ своемъ донесеніи царю,—и что Поссевицъ явно держитъ ихъ сторону, доведенные до крайности, мы должны были согласиться на ихъ требованія».

Оставалось выяснитъ лишь нѣкоторыя второстепенныя подробности и, между прочимъ, вопросъ о плѣнныхъ.

У поляковъ было много плѣнныхъ, и, разумѣется, они хотѣли этимъ воспользоваться; русскіе же, у которыхъ было несравненно меньше, только и твердили, что «грѣхъ торговать человѣческой кровью».

Уполномоченнымъ такъ и не удалось столковаться объ этомъ. Зато когда русскіе потребовали, чтобы имъ было позволено увезти изъ Ливоніи ихъ владыку и церковную утварь, то Поссевицъ сразу на это согласился, очень довольный тѣмъ, что Ливонія отдѣляется такимъ образомъ отъ ереси и ея представителей.

Теперь, казалось бы, оставалось только подписать договоръ. Замойскій настоятельно просилъ уполномоченныхъ поспѣшить съ этимъ. 4-го (13-го) января онъ писалъ имъ, шутя, что въ честь ихъ уже зарѣзана индѣйка—намекъ на пиръшества, которыми должно было ознаменоваться заключеніе мира. По странному совпаденію, въ тотъ самый день въ Кивпровой Горѣ случилось одно маленькое обстоятельство, едва не испортившее снова всего дѣла. Поводомъ къ этому послужила опять-таки Ливонія. Уже было рѣшено окончательно, что она переходитъ къ Баторію. Іоаннъ отказался даже отъ титула царя Лифляндскаго, слѣдовательно, уступка была полная и, казалось бы, не могла вызвать никакихъ недоразумѣній, какъ вдругъ, въ послѣдній моментъ, князь Елецкій сдѣлалъ попытку включить въ мирный договоръ оговорку, что означенная земля все-таки остается вотчиною Ивана Васильевича ¹⁾. Услыхавъ это, поляки заявили, что ихъ просто-на-просто обманываютъ, и уѣхали въ Ямъ-Запольскій. Когда, по настоятельной просьбѣ русскихъ уполномоченныхъ, они пріѣхали еще разъ въ Киверову Гору, то между ними снова произошла крутая ссора, и этотъ разъ поляки уѣхали, поклявшись, что они никогда болѣе не вернутся.

¹⁾ Еще въ Старицѣ, изъясняя Поссевицу свои права на Ливонію, Іоаннъ говорилъ, что Ливонія была его прикладною вотчиною точно такъ же, какъ у Стефана короля Пруссіи: «пишется онъ Прусскимъ, а въ Пруссіи свой князь», говорилъ царь.

Достаточно было одного слова, пустой формальности, чтобы между уполномоченными произошла ссора. Поссевинъ тщетно выбивался изъ силъ, чтобы примирить ихъ; но ему удалось, наконецъ, убѣдить князя Елецкаго въ томъ, что Ливонія никогда, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ названа вотчиною Іоанна, и что настаивать на этомъ значить отказаться отъ всякой надежды на заключеніе мира. Убѣдясь въ томъ, что это говорилось серьезно, русскіе отказались отъ своего требованія.

Въ тотъ же день, 6-го (15-го), января произошелъ обмѣнъ договорныхъ грамотъ. Последнія формальности были обставлены весьма торжественно. Всѣ уполномоченные собрались передъ походнымъ алтаремъ, воздвигнутымъ въ избѣ Поссевина. Когда была прочитана договорная грамота, сдѣланы надлежащія подписи и приложены печати, русскіе поцѣловали крестъ, данный имъ, по повелѣнію царя, владыкою новгородскимъ. Поляки постѣдовали ихъ примѣру, поцѣловавъ распятіе и такимъ образомъ окончились эти томительные переговоры, и десятилѣтнее перемиріе было, наконецъ, заключено.

Въ лагерѣ подъ Псковомъ это извѣстіе произвело живѣйшій восторгъ. Всѣ знали, что польское войско, не имѣя стѣстныхъ принасовъ, не могло продержаться подъ Псковомъ долѣе восьми дней; пришлось бы снять осаду и итти въ другое мѣсто, чтобы заpastись провіантомъ. Единственнымъ средствомъ избѣжать этого позора было какъ можно скорѣе заключить перемиріе.

Чрезмѣрное утомленіе, скудная пища, суровая погода до такой степени истощили солдатъ, что въ войскѣ развились эпидеміи, чуть не въ каждой палаткѣ былъ больной, почти у каждаго солдата были отморожены руки или ноги. Это сильно повліяло на духъ арміи, дисциплина упала, началось дезертирство, солдаты то и дѣло грозили покинуть ряды и разойтись по домамъ; начались ссоры и драки; Замоискій все это зналъ и поэтому былъ несказанно радъ перемирію.

Судя по радости, выказанной по этому поводу поляками, можно было думать, что заключеніе перемирія вызоветъ совсѣмъ иныя чувства въ русскихъ. Но напротивъ, какъ только договоръ былъ подписанъ, русскіе уполномоченные не стѣсняясь стали выказывать свое удовольствіе и свою радость, ибо имъ удалось не только добиться главнѣйшихъ уступокъ, на которыхъ настаивалъ царь, но даже нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктовъ. Послѣ долгой боязни за участь, которая ихъ ожидала по возвращеніи въ Москву, Елецкій и его товарищи успокоились на счетъ того, что у нихъ удѣлеть голова на плечахъ.

Письмо, которое они получили въ это время отъ царя, еще болѣе обнадежило ихъ. Не зная еще о заключеніи перемирія, Іоаннъ послалъ уполномоченнымъ дополнителныя инструкціи, которыя были написаны въ самомъ миролюбивомъ духѣ. Не сматра на довольно успокоитель-

ныя вѣсти, привезенныя изъ Пскова гонцомъ Болтиннымъ, въ Кремлѣ, точно такъ же, какъ и польскомъ лагерѣ, преобладало желаніе ускорить заключеніе мира.

Но нигдѣ радость, вызванная этимъ событіемъ, не была такъ велика, какъ въ осажденномъ городѣ, для котораго насталъ конецъ его тяжелыхъ испытаній. Не памятуя зла и гордясь по справедливости своей побѣдой, пековитяне привѣтствовали съ высоты своихъ неприступныхъ стѣнъ польскую армію, которая уходила на родину, неся передъ собою развѣвающіяся знамена.

Поссевиный раздѣлялъ всеобщую радость, но по другой причинѣ. Его радовала мысль, что все совершилось благодаря авторитету папы и его именемъ; это было запечатлѣно въ договорныхъ грамотахъ, которыя будутъ свидѣтельствовать объ этомъ потомству. Въ этомъ и заключалась, въ сущности, та цѣль, къ которой онъ стремился, принимая на себя роль посредника. Заключить миръ благодаря авторитету папы—такова была его мечта, она вдохновляла его и руководила всѣми его дѣйствіями. Сочувствуя болѣе Баторію, католику, дѣло котораго было, по его мнѣнію, правое, Поссевиный ревностно заботился объ его интересахъ, но при этомъ никогда не терялъ изъ вида своей главной и единственной цѣли—добиться заключенія мира. Поэтому какъ только онъ видѣлъ, что русскіе рѣшительно настаивали на какомъ-нибудь требованіи и не намѣревались уступать, онъ тотчасъ уговаривалъ поляковъ уступить и вырывалъ у нихъ уступки, можно сказать, силою.

Не особенно дальновидный въ своихъ личныхъ дѣлахъ, Поссевиный не подозрѣвалъ враждебнаго къ нему отношенія Замойскаго и, что еще удивительнѣе, не смотря на свои довольно непріязненные отношенія къ Елецкому, онъ рассчитывалъ на благосклонный приемъ въ Кремлѣ, куда, по уговору съ царемъ, онъ долженъ былъ отправиться тотчасъ по заключеніи перемирія для того, чтобы продолжать переговоры, начатыя въ Старицѣ.

14-го (23-го) января Поссевиный отправился по санному пути въ Москву.

VI.

Впечатлѣнія, вынесенныя Поссевинымъ о Московскомъ государствѣ.—Невѣжество русскихъ.—Сношенія съ Римомъ.—Планы Поссевина.—Пріѣздъ въ Москву.—Аудіенція у царя.—Споръ о вѣрѣ.—Рѣчь Поссевина.—Гнѣвъ Іоанна.—Обвиненія противъ папы.—Вторичныя пренія царя съ Поссевинымъ.—Письмо царя къ монахамъ.—Предложеніе осмотрѣть церковь.—Отказъ Поссевина.—Совѣщаніе съ боярами.—Прощальная аудіенція.—Отгѣздъ въ Ригу.

Въ нѣсколько недѣль, проведенныхъ Поссевинымъ въ Московскомъ государствѣ до его поѣздки въ польскій лагерь, онъ успѣлъ составить

себѣ довольно вѣрное представленіе о таинственной сѣверной державѣ, которую въ то время весьма мало знали въ Европѣ, и выработать известную программу дѣйствій съ цѣлью сблизить Москву съ Римомъ и создать связь между католическимъ и православнымъ міромъ.

Его особенно поразила личность самого царя, главы государства и церкви, который являлся какъ бы воплощеніемъ всѣхъ умственныхъ и духовныхъ силъ страны. Іоаннъ, одежда котораго походила на стихарь, а корона напоминала собою митру, который появлялся съ посохомъ въ рукахъ вмѣсто скипетра, усердно крестился передъ образами, которыми онъ любилъ окружать себя, произвелъ на Поссевина свою вѣщностью впечатлѣніе епископа, случайно возсѣвшаго на престолѣ.

Характеризуя, въ составленной имъ запискѣ о Московіи, ея умственную и религиозную жизнь и систему правленія, Поссевинъ изумлялся раболѣпству русскихъ, которые безропотно подчинялись волѣ царя и для которыхъ на свѣтѣ не существовало ничего выше его желаній. Предъ царемъ, полновластнымъ главою государства и церкви, все должно было склоняться, тотъ, кто хотѣлъ сохранить свою независимость, долженъ былъ оставить Москву. Первый примѣръ тому подалъ известный Курбскій; вокругъ престола были только безмолвные исполнители царской воли. Царь былъ для народа источникомъ знанія, милости, олицетвореніемъ закона, считался умнѣе и образованнѣе всѣхъ, располагалъ по своему усмотрѣнію имуществомъ и жизнью своихъ подданныхъ; все, что онъ дѣлалъ, считалось правильнымъ; его царская воля была для всѣхъ закономъ.

Народъ былъ невѣжественъ, училищъ и школъ не существовало, во всемъ Московскомъ государствѣ была только одна ничтожная типографія, которая вполнѣ удовлетворяла личнымъ надобностямъ царя. Новымъ идеямъ, которыя могли бы проникнуть въ святую Русь съ Запада, были поставлены непреодолимые преграды. Даже религія не имѣла просвѣтительнаго вліянія на народъ, который болѣе придерживался вѣщныхъ обрядовъ, не проникаясь духомъ христіанскаго ученія. Никто не старался разъяснить ему истинъ христіанской вѣры; нравственные правила замѣнялись предрасудками и суевѣріемъ; несчастному мужику предоставлялось въ Московскомъ государствѣ только работать и страдать; о томъ, чтобы поднять его нравственно и умственно, никто не заботился.

Совокупность всѣхъ этихъ условій не могла подать большихъ надеждъ челоуѣку, пріѣхавшему съ Запада, тѣмъ болѣе, что русскіе относились съ явной враждебностью къ католикамъ, которыхъ они знали только по имени и смѣшивали съ еретиками. Что касалось царей, то Поссевинъ былъ убѣжденъ, что, поддерживая сношенія съ Римомъ, они имѣли въ виду единственно матеріальныя выгоды и нисколько не заботи-

лись о единеніи церквей; таковъ былъ характеръ отношеній Василя III къ Льву X и Клементію VII; Іоаннъ IV шелъ въ этомъ случаѣ по стопамъ отца.

Папскій посолъ не падалъ однако духомъ: онъ находилъ, что способъ, избранный папами для сближенія съ Москвою, былъ не вполнѣ удаченъ и что, дѣйствуя инымъ путемъ, можно будетъ достигнуть со временемъ многого. До тѣхъ поръ, папы посылали въ Москву время отъ времени своихъ пословъ или сносились съ нею письменно, но никогда еще не дѣлали попытки оказать на умы православныхъ сколько-нибудь серьезнаго и прочнаго воздѣйствія.

По мнѣнію Поссевина, связывающимъ звеномъ между православнымъ и католическимъ міромъ могли служить жители тѣхъ русскихъ областей, которыя перешли подъ владычество Польши; родственное москвитянамъ по крови, населеніе этихъ земель, исповѣдывавшее съ ними одну вѣру, говорившее на одномъ языкѣ, могло быть со временемъ проводникомъ католичества въ Россіи, если бы среди него удалось насадить католическую вѣру.

Поссевинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять, что его цѣль не могла быть достигнута однимъ появленіемъ въ Кремлѣ, на короткое время, папскаго нунція или италіанскаго посла, мало знакомаго съ славянскимъ міромъ и спѣшившаго возвратиться на родину. Для этого было необходимо распространять книги, подготовить людей, которые могли бы выполнить его программу, надобно было дѣйствовать на умы чрезъ духовенство. Съ этой цѣлью Поссевинъ находилъ желательнымъ послать изъ Москвы въ Ольмюць или Прагу нѣсколько человекъ русскихъ, которые выразили бы желаніе учиться и основать для русскихъ подданныхъ короля польскаго духовную семинарію въ Вильно или въ Полоцкѣ, откуда лучшіе ученики посылались бы для усовершенствованія въ Римъ; кромѣ того, онъ мечталъ объ основаніи типографіи для печатанія славянскихъ книгъ и хотѣлъ добиться для католическихъ священниковъ разрѣшенія пріѣхать въ Москву вмѣстѣ съ венеціанскими и римскими купцами.

Таковы были мысли, занимавшія папскаго посла, когда онъ подъѣзжалъ къ Москвѣ.

Въ то время, она едва-ли заслуживала названіе Бѣлокаменной и производила на иностранца скорѣе впечатлѣніе огромной деревни, среди которой скрывался маленькій городокъ. Дома бояръ, окруженные обширными огородами, терялись въ длинныхъ и пустынныхъ улицахъ. Все оживленіе и вся жизнь сосредоточивались въ торговомъ кварталѣ, гдѣ драгоценные азіатскіе товары были нагромождены въ самыхъ невзрачныхъ на видъ и жалкихъ лавченкахъ. Немногіе каменные дома находились въ Кремлѣ, гдѣ въ концѣ пятнадцатаго вѣка было соору-

жено нѣсколько прекрасныхъ зданій италіанскими мастерами, выписанными для этой цѣли въ Москву.

Пріѣхавъ 5-го (14-го) февраля 1582 г., Поссевинъ остановился въ Китай-городѣ и прежде всего поспѣшилъ повидаться съ о. Дренацкимъ, который былъ имъ оставленъ въ Москвѣ. Продолжительное пребываніе Дренацкаго среди русскихъ не оправдало ожиданій папскаго посла. Ему не только не удалось войти въ сношеніе съ мѣстными жителями, сдѣлать какія-либо наблюденія и распространить свои идеи, но его держали все время въ совершенномъ одиночествѣ и даже пристава едва рѣшались сказать съ нимъ нѣсколько словъ. Іоаннъ смотрѣлъ на него какъ на заложника и сообразно съ этимъ обращался съ нимъ. Къ Поссевину въ Москвѣ отнеслись совершенно иначе. По смыслу возложеннаго на него порученія, ему часто приходилось имѣть дѣло съ боярами и съ самимъ царемъ; впрочемъ, не смотря на это къ нему также старались никого не допускать, въ особенности изъ иностранцевъ, бывшихъ въ то время въ Москвѣ.

Черезъ день по пріѣздѣ, 7-го (16-го) февраля, Поссевинъ получилъ аудіенцію у царя; Іоаннъ принялъ его ласково, далъ ему поцѣловать руку; послѣ чего онъ былъ приглашенъ отобѣдать въ Кремлѣ. На слѣдующій день бояре подали іезуиту пространную записку о войнѣ съ Польшей. Поссевинъ, въ свою очередь, представилъ имъ записку, состоявшую изъ шестнадцати пунктовъ, на которую онъ получилъ отвѣтъ черезъ три дня.

Вторичный пріѣздъ папскаго посла ко двору Іоанна имѣлъ тройкую цѣль: во-первыхъ, онъ долженъ былъ дать царю объясненія по поводу заключеннаго перемирія; во-вторыхъ, долженъ былъ обсудить съ нимъ основы союза европейскихъ державъ противъ Турціи и, наконецъ, вызвать обмѣнъ мыслей по вопросамъ религіи и подготовить сближеніе Москвы съ папскимъ престоломъ.

Хотя царь въ общемъ былъ доволенъ заключеннымъ перемиріемъ, но выполненіе нѣкоторыхъ его статей подало съ той и съ другой стороны поводъ къ безконечнымъ спорамъ. Въ Москвѣ іезуита ожидало письмо отъ Замойскаго, въ которомъ онъ сильно жаловался на русскихъ по поводу обмѣна крѣпостей, который не былъ произведенъ ни въ установленный срокъ, ни съ соблюденіемъ назначенныхъ условій. На жалобы Замойскаго Іоаннъ отвѣчалъ жалобами на поляковъ. Поссевинъ, вѣрный принятой имъ на себя роли посредника, старался примирить обѣ стороны и добился того, что царь строго приказалъ соблюдать въ точности всѣ статьи договора и, во избѣжаніе недоразумѣній, послалъ даже въ надлежащіе пункты особаго уполномоченнаго, предложивъ Замойскому сдѣлать, со своей стороны, то же.

Въ вопросѣ о плѣнныхъ, конхъ участь не была рѣшена въ Киверо-

вой Горѣ, Поссевинъ надѣялся подѣйствовать на великодушіе Іоанна и совѣтывалъ ему немедленно освободить поляковъ, не требуя за это, со своей стороны, ничего, но это не входило въ расчетъ царя, и рѣшеніе этого вопроса пришлось снова отложить. Впрочемъ, царь согласился возвратить свободу тридцати литовскимъ купцамъ, которые были застигнуты войною въ Россіи, отпустить гонца Проворскаго, который привезъ письмо Баторія, и четырнадцать италіанскихъ и испанскихъ плѣнныхъ, которымъ удалось ускользнуть изъ рукъ турокъ и которые попали въ плѣнъ въ Москву.

Не добившись ничего относительно плѣнныхъ, Поссевинъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся сговориться съ царемъ относительно похода противъ турокъ, но тутъ вполне выказалась двоедушная политика Іоанна; какъ только перемиріе было заключено, его рвеніе угасло, всѣ его планы о походѣ противъ Турціи разсѣялись, какъ дымъ, онъ не думалъ болѣе объ Іерусалимѣ.

Какъ только Поссевинъ заикнулся о союзѣ противъ общаго врага, бояре поспѣшили отвѣтить, что ими только-что начаты переговоры о перемиріи съ крымскимъ ханомъ. Баторій самъ вынудилъ ихъ къ этому, разсѣявъ русскія войска; это дѣло его рукъ, говорили они. Впрочемъ, царь ничего не имѣетъ противъ того, если бы поляки объявили войну татарамъ, но онъ рѣшительно отказывался принять участіе въ походѣ; что касалось турокъ, то Іоаннъ ставилъ себѣ въ заслугу, что онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи первый шагъ, подыавъ вопросъ о походѣ противъ невѣрныхъ. Папѣ оставалось войти въ сношеніе съ священной Римской имперіей, съ Франціей, Испаніей, Венеціей, Англіей, Даніей и Швеціей и обсудить вмѣстѣ съ ними условія лишь, а затѣмъ державы могли послать въ Москву своихъ пословъ, чтобы обсудить сообца окончательныя мѣры. Если же западные монархи не придутъ къ соглашенію, то царь будетъ считать себя въ правѣ дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію.

Отказываясь принять участіе въ походѣ, Іоаннъ все-таки желалъ сохранить дружественныя сношенія съ Западомъ, поэтому, по совѣту Поссевина, согласился послать въ Римъ своего посла, подтвердивъ свое обѣщаніе дать охранныя грамоты папскимъ посламъ, которые будутъ посланы въ Россію, венеціанскимъ купцамъ и ихъ священникамъ, подъ условіемъ, что они откажутся отъ религіозной пропаганды и отъ сооруженія въ Москвѣ своей церкви.

Когда Поссевинъ высказалъ царю свою завѣтную мысль, чтобы изъ Москвы было послано въ Римъ нѣсколько молодыхъ людей для воспитанія ихъ, какъ онъ выразился, «въ правилахъ древней греческой вѣры», которые впоследствии съ успѣхомъ могли бы замѣнить переводчиковъ, кои не всегда справлялись какъ слѣдуетъ со своими обязанно-

стями, то царь отвѣчалъ на это добродушно, что онъ прикажетъ поискать пригодныхъ для этого дѣтей и «когда таковыя найдутся», онъ пошлетъ ихъ въ Римъ. Нельзя было высказать отказъ въ болѣе вѣжливой формѣ.

Поссевину хотѣлось приступить какъ можно скорѣе къ обсужденію догматическихъ вопросовъ, что было обѣщано ему царемъ еще въ Старицѣ. Иоаннъ любилъ бесѣдовать о вѣрѣ, былъ довольно начитанъ въ Священномъ Писаніи и, благодаря этому и своимъ постояннымъ сношеніямъ съ чернецами, имѣлъ довольно обширныя, хотя нѣсколько смутныя и не особенно точныя свѣдѣнія по части религіи и исторіи; онъ любилъ пересыпать свой разговоръ текстами изъ Священнаго Писанія и вообще былъ охотникъ до споровъ, но этотъ разъ боясь чѣмъ-нибудь задѣтъ своего противника, царь довольно долго уклонялся отъ обѣщаннаго спора и, только по настоятельной просьбѣ Поссевина, назначилъ, наконецъ, для этого день 12-го (21-го) февраля.

Между тѣмъ англійскіе купцы, недовольные пропагандою католиковъ, успѣли тайно подать царю записку, въ которой сравнивали Римъ съ Вавилономъ, а папу—съ антихристомъ. Узнавъ объ этомъ, Поссевинъ представилъ, со своей стороны, Иоанну записку, въ которой опровергалъ ихъ доводы и восхвалялъ папу, но во время своего спора съ царемъ онъ могъ убѣдиться, что записка англичанъ произвела на Иоанна сильное впечатлѣніе, чѣмъ одинъ приближенный къ нему врачъ анабаптистъ сумѣлъ ловко воспользоваться, чтобы очернить въ его умѣ католиковъ.

Въ назначенный день, 12-го (21-го) февраля, залъ засѣданія наполнился боярами, которые, по желанію царя, должны были присутствовать при его спорѣ съ іезуитомъ.

Иоаннъ заговорилъ первый и заявилъ, что, въ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, онъ не намѣренъ перемѣнять вѣру своихъ отцовъ, исповѣдуюмую имъ съ малыхъ лѣтъ, но что онъ признаетъ законнымъ желаніе папскаго нунція высказаться въ защиту своей вѣры и поэтому предоставлялъ ему право говорить.

Получивъ такимъ образомъ возможность высказать свои мысли въ присутствіи царя и бояръ, въ столицѣ православной державы, Поссевинъ торжествовалъ.

— Греческая церковь,—сказалъ онъ,—связана съ римскою церковью неразрывными узами, слѣдовательно, русскимъ не пришлось бы порвать съ древней и всѣми уважаемой Византіей, напротивъ того, папа желаетъ, чтобы они не порывали связи съ древними традиціями Востока, имъ пришлось бы только отказаться отъ позднѣйшихъ нововведеній и искаженій.

Перейдя затѣмъ къ политической сторонѣ вопроса, Поссевинъ дока-

зываетъ, что единство вѣры есть лучшая гарантія союза противъ турокъ, первый шагъ къ созданію на Востокѣ христіанской державы, во главѣ которой могъ бы стоять царь. Развивая свою мысль, Поссевинъ упомянулъ о Флорентійскомъ соборѣ, который былъ созванъ по собственному желанію царя, и о призывѣ къ походу противъ турокъ.

Отвѣтъ царя на его блестящую рѣчь очень удивилъ Поссевина. Обойдя молчаніемъ всѣ щекотливые вопросы, Іоаннъ заявилъ рѣшительно, что его вѣра не есть греческая вѣра, что онъ исповѣдуетъ Христову вѣру и что ему нѣтъ дѣла до Византіи.

— Греческая вѣра называется такъ, — сказалъ онъ, — потому, что пророкъ Давидъ предсказалъ, задолго до Рождества Христова, что Эіопія будетъ первою страной, которой коснется Божественная благодать; а Эіопія есть Византія; Византія была первою христіанскою державою. Мы же исповѣдуемъ истинную христіанскую вѣру, которая во многомъ не согласуется съ римской вѣрой.

Относительно будущихъ завоеваній, коими Поссевинъ хотѣлъ прельстить царя, Іоаннъ возразилъ скромно, что онъ не помышлялъ о расширеніи своихъ владѣній, обширность которыхъ зависитъ только отъ Бога.

Когда былъ затронутъ вопросъ о главенствѣ папы, что составляло самый спорный пунктъ восточной и западной церквей, то Іоаннъ не отрицалъ того факта, что папы, жившіе въ первые вѣка христіанства, почитались православной церковью святыми. Онъ даже упомянулъ о Клементѣ, Сильвестрѣ, Агафонѣ, Вигилии, Львѣ и Григоріи. Но говорилъ, что ихъ преемники утратили свое достоинство, вслѣдствіе своего предосудительнаго поведенія.

— Папы то же самое, что цари, — сказалъ на это Поссевинъ; — права и преимущества царскаго сана остаются неизмѣнны, какъ бы недостойны ни были цари, носящіе этотъ титулъ.

Дѣлая это сравненіе, которое напрашивалось само собою, Поссевинъ, конечно, не хотѣлъ сказать царю ничего обиднаго, но Іоаннъ воспользовался случаемъ, чтобы поразить присутствующихъ своимъ властнымъ словомъ. Его лицо вдругъ омрачилось; приподнявшись на своемъ тронѣ и устремивъ на Поссевина зловѣщій взоръ, онъ воскликнулъ:

— Такъ знай же, что римскій первосвятитель не пастырь духовный, а волкъ.

— Такъ почему же ты обратился къ волку? — возразилъ іезуитъ. — Ты прибѣгнулъ къ посредничеству того, кого ты самъ и твои предки всегда называли съ почтеніемъ архипастыремъ.

При этихъ словахъ Іоаннъ всталъ, на лицѣ его изобразилась гнѣвъ, онъ потрясалъ со злобою своимъ посохомъ; всѣ ожидали съ трепетомъ,

что къ его ногамъ падеть новая жертва, а онъ воскликнулъ среди наступившаго гробоваго молчанія:

— Ты вѣрно на площади отъ мужиковъ научился говорить со мною, какъ съ мужикомъ?

Поссевинъ не смутился; не потерявъ присутствія духа, онъ успокоилъ гнѣвъ царя нѣсколькими почтительными словами, напомнивъ ему, что они вели споръ во имя Христа, исполнѣ свободно.

Бесѣда продолжалась. Іоаннъ сталъ припоминать слышанное имъ отъ Шавригина, который разсказалъ ему много любопытнаго о Римѣ и папѣ; онъ видѣлъ папу, окруженнаго блестящими дворомъ, видѣлъ его, несомато на плечахъ во время церковной процессіи, окруженнаго кардиналами и епископами. Разсказъ о носилкахъ, на которыхъ папа появлялся въ торжественные дни, поразилъ царя.

— вмѣсто того, чтобы ходить пѣшкомъ, какъ простой смертный,— говорилъ онъ,— Григорій XIII велитъ носить себя на стулѣ; и онъ еще говоритъ, что онъ раздѣляетъ престоль св. Петра! а черезъ св. Петра престоль Христа!... Да вѣдь папа не Христось, его носилки не облако, а тѣ, которые ихъ носятъ, не ангельскіе лики, нѣтъ, нѣтъ, и самого святаго Петра нельзя сравнивать съ Христомъ; наставникъ апостоловъ ходилъ по землѣ босыми ногами, такъ же, какъ всѣ Его ученики.

Не придавая значенія этимъ насмѣшкамъ, Поссевинъ возразилъ, что папа не пренебрегаетъ хожденіемъ пѣшкомъ, что онъ даже ходитъ пѣшкомъ на богомолье, а его носятъ время отъ времени на плечахъ только для того, чтобы ему было удобнѣе благословлять народъ.

Шавригинъ разсказывалъ также, что у папы цѣлуютъ ногу, что у него на туфлѣ изображенъ крестъ съ распятіемъ.

— Это большая разница,—сказалъ царь;— между нашей православной и римской вѣрой. У насъ крестъ Спасителя есть знакъ побѣды надъ врагами; мы почитаемъ его по преданію и никогда не носимъ ниже пояса такъ же, какъ образа; что касается обычая римскаго папы носить крестъ на сапогѣ, то это происходитъ только отъ гордыни и противно правиламъ церкви и постановленіямъ первыхъ соборовъ.

Поссевинъ старался, какъ только могъ, опровергнуть слова царя; онъ напомнилъ ему, что во времена апостольскія существовалъ обычай цѣловать у нихъ ноги; таковой же знакъ почтенія оказывался ихъ преемникамъ, но для того, чтобы показать, что почтеніе, оказываемое челоуѣку, относится къ Богу, папская туфля украшается крестомъ.

— О гордости не можетъ быть и рѣчи,—сказалъ онъ;— такъ какъ папа смиренно оmyваетъ ноги нищимъ въ страстной четвертокъ.

Такъ какъ царь любилъ приводить тексты изъ Священнаго Писанія, то Поссевинъ, въ свою очередь, напомнилъ ему слова пророка

Исаи, предсказавшаго величіе церкви, передъ которой склонятся народы и монархи.

На обвиненіе, высказанное Іоанномъ противъ папы, что онъ бреетъ себѣ голову и бороду, Поссевинъ отвѣчалъ торжественно, что у Григорія XIII прекрасная, длинная борода.

Іоаннъ высказалъ противъ папы еще одно обвиненіе: вмѣсто того, чтобы быть образцомъ кротости и смиренія, папа велитъ воздавать себѣ божескія почести, сказалъ онъ, и привелъ рядъ текстовъ, восхвалявшихъ добродѣтели, которымъ слѣдовали ученики Христа и которыя забыты въ Римѣ. Доводы Поссевина, какъ видно, не убѣдили царя, который былъ доволенъ случаю публично унижить папу, и былъ увѣренъ, что послѣ этого бояре не повѣрятъ тому, что Москва обязана папѣ заключеніемъ перемирія. Поссевинъ, убѣжденный въ томъ, что онъ остался побѣдителемъ, не желая оставить въ царѣ неблагопріятнаго впечатлѣнія, попросилъ, подъ конецъ аудіенціи, позволенія поцѣловать ему руку, на что Іоаннъ охотно согласился и даже дважды обнялъ Поссевина, какъ бы желая этимъ смягчить свой рѣзкій отзывъ о папѣ.

Вечеромъ къ папскому послу явились отъ царя посланные съ кушаньями и напитками, присланными ему съ царскаго стола. Вмѣстѣ съ тѣмъ Іоаннъ просилъ прислать текстъ пророчества Исаи, о которомъ онъ упоминалъ во время бесѣды; іезуитъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы послать въ Кремль вмѣстѣ съ этимъ комментарій на сочиненія святыхъ отцовъ и пять главъ изъ сочиненій патріарха Геннадія о главенствѣ папы, въ переводѣ на русскій языкъ.

Два дня спустя послѣ этого, 14-го (23-го) февраля, Поссевинъ былъ снова приглашенъ во дворецъ. Его спутники выразили по этому поводу большія опасенія и ожидали всего худшаго; рано утромъ всѣ они приобщились Св. Тайнъ и возложили на себя частицы святыхъ мощей. Но ихъ страхъ оказался напраснымъ. Когда Поссевинъ вошелъ, царь пригласилъ его сѣсть и въ присутствіи бояръ извинился за то, что онъ отозвался быть можетъ не достаточно почтительно о папѣ.

— Чтобы не портить добрыхъ отношеній между Москвою и Римомъ, лучше умолчать объ этомъ,—сказалъ онъ.

Затѣмъ Іоаннъ велѣлъ Поссевину продолжать начатыя переговоры и къ политическимъ вопросамъ присоединился вопросъ религіозный. Бояре просили папскаго посла представить записку о различіи догматовъ православной и католической церквей, ибо въ Москвѣ, по чистосердечному ихъ признанію, не было никого, кто могъ бы понять греческій текстъ постановленій Флорентійскаго собора, присланный Іоанну папою.

Объщавъ составить записку черезъ нѣсколько дней, Поссевинъ послалъ царю латинскій экземпляръ сочиненія Геннадія, желая вызвать этимъ съ его стороны просьбу перевести это сочиненіе на русскій языкъ.

Тѣмъ временемъ насталь великій постъ, и царь, по принятому обычаю, говѣлъ и провелъ всю первую недѣлю въ молитвѣ.

23-го февраля (4-го марта). Поссевицъ былъ снова приглашенъ на аудіенцію. По улицамъ, по которымъ онъ проходилъ, стояла сплошная толпа народа, во всѣхъ окнахъ были зрители, и двери Успенскаго собора были открыты настежь, какъ бы для того, чтобы можно было видѣть епископовъ и священниковъ, окружавшихъ престоль. Изумленіе нунція достигло высшей степени, когда царь сказалъ ему:

— Мы слышали, Антоній, отъ нашихъ бояръ, что ты хочешь посѣтить наши храмы, поэтому мы хотимъ дать тебѣ знакъ нашего благоволенія и уже распорядились провести тебя въ церкви,—ты увидишь, какъ мы преклоняемся передъ Святою Троицею, какъ мы чтимъ Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ, какъ мы почитаемъ иконы; тебѣ покажутъ образъ Пресвятой Богородицы, писанный евангелистомъ Лукою.

Но Поссевицъ не только не выразилъ желанія посѣтить православныя церкви, но твердо рѣшилъ не входить въ нихъ, ибо его присутствіе на богослуженіи могло быть истолковано, какъ безмолвное одобреніе обрядовъ православной вѣры; царь навѣрно не преминулъ бы такъ именно объяснить это.

Поэтому Поссевицъ рѣшительно отказался идти въ церковь, что вызвало между нимъ и боярами довольно бурное объясненіе. Послѣ того какъ онъ подалъ составленную имъ записку о разногласіи въ обрядахъ двухъ вѣроисповѣданій, царь отдалъ тайно приказаніе вести его въ Успенскій соборъ и когда Поссевицъ вышелъ изъ дворца, то бояре окружили его, какъ бы желая проводить его, и рѣшительно направились къ церкви.

По словамъ Поссевина, какъ только онъ понялъ ихъ хитрость, онъ протѣснился сквозь толпу и направился къ себѣ; тщетно старались бояре удержать его, тщетно угрожали они ему царскимъ гнѣвомъ, ничто не помогло. Объ этомъ донесли Иоанну, который уже шелъ въ церковь; онъ остановился въ нерѣшительности, но, подумавъ немного, приказалъ сказать послу, что онъ можетъ отправиться въ залу засѣданій, если онъ не хочетъ присутствовать на богослуженіи.

Поссевицъ со своей свитой, состоявшей изъ пятнадцати человекъ, поспѣшилъ во дворецъ. Къ величайшему изумленію русскихъ, они преклонили колѣна передъ распятіемъ, принесеннымъ съ собою, и пропѣли благодарственную молитву.

На вопросъ русскихъ, что это означало, они отвѣчали, что они благодарятъ Бога за то, что они не попали въ разставленную имъ ловушку.

Послѣ этого совѣщанія Поссевицъ убѣдился, что всѣ вопросы, под-

лежавшіе обсужденію, истощились, и рѣшилъ, что ему лучше уѣхать до наступленія весны, чтобы не быть застигнутымъ распутицей, о чемъ онъ и заявилъ русскимъ.

2-го (11-го) марта происходила прощальная аудіенція, по окончаніи которой въ Кремлѣ состоялось пиршество въ честь папскаго посла. Царь былъ съ нимъ еще любезнѣе обыкновеннаго и подтвердилъ свое обѣщаніе, что посламъ папы и дожа будетъ оказанъ хорошій пріемъ. Посевинъ получилъ отъ царя богатые подарки. Въ доказательство своей доброжелательности, Іоаннъ обѣщаль ему послать въ Венецію и Римъ новаго посла, котораго Посевинъ взялся сопровождать. Въ письмѣ къ Григорію XIII Іоаннъ выразилъ свое полнѣйшее удовольствіе по поводу посольства Посевина.

5-го (14-го марта), простившись съ Москвою, папскій посолъ направился въ Ригу, гдѣ его поджидалъ король польскій.

В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1903 г.
ТОМЪ СТО ТРИНАДЦАТЫЙ.
ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Изъ прошлаго. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба). Ужасные дни. П. Д. Паренсова	95—121
II. Записки Э. И. Строгова. 131—148, 271—284, 459—476	
III. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева	149—164, 363—388
IV. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина. 285—300, 499—514	
V. Изъ моихъ воспоминаній о жизни въ Варшавѣ въ 60-хъ годахъ. (По поводу записокъ Паткуль). С. фонъ-Дерфельдена	329—334
VI. Князь Бисмаркъ и его «Тирась». П. С. Стремоухова	357—358
VII. Изъ прошлаго. Затишье. П. Д. Паренсова. 445—457	

Ислѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и зашѣтки.

I. Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго (Изъ бумагъ академика А. Θ. Бычкова). Сообш. И. А. Бычковъ	5—36, 211—234
II. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина	37—65

	СТРАН.
III. Послѣдствія ухаживанія на Невскомъ проспектѣ въ ноябрѣ 1829 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.	66
IV. Разрытие могилы кн. А. Д. Меншикова, спустя сто лѣтъ послѣ его кончины	67—72
V. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Н. Гутъяра.	73—93
VI. Болѣзнь князя Г. Г. Орлова и назначеніе надъ нимъ опеки. Рескриптъ импер. Екатерины II братьямъ Орловымъ 31-го дек. 1782 г. Сообщ. Д. П. Струковъ	94
VII. Оригинальная подписка. Сообщ. Б. А дам ов и ч ѣ . О считаніи оберъ-церемоніймейстера во второмъ классѣ. Высочайшее повелѣніе 16-го ноября 1827 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	122
VIII. Характерная ошибка (по дѣлу всеподданнѣйшаго представленія намѣстника графа Берга о дополнительныхъ суммахъ вѣдомству просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ на 1865 г. Профессора Дм. В. Цвѣтаева	123—129
IX. О сохраненіи нашивокъ нижними воинскими чинами въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	130
X. Россія и папскій престоль. 1580—1601 г.г. Извлеченіе В. В. Тимошукъ. 165—185, 389—410,	593—614
XI. Просьба француза Висто 22-го марта 1829 г. именоваться Безсоновымъ. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	186
XII. Княгиня Д. Х. Ливень и ея переписка съ разными лицами	187—200
XIII. Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина. (Окончаніе)	201—210
XIV. Марина Мвишекъ послѣ майскаго погрома. П. Пирлига	235—258
XV. Николай Алексѣевичъ Полевой. Его сторонники и противники по «Московскому Телеграфу». Сообщ. Н. Д.	259—270
XVI. Гоголь въ Оптиной пустыни. П. Матвѣева	301—304
XVII. Цензура въ царствованіе императора Николая I.	305—328, 571—591
XVIII. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ.	335—356
XIX. Письма митрополита Филарета. Сообщ. И. А. Бычковъ.	359—362
XX. Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александръ къ полякамъ. Сообщ. П. М. Майковъ.	411—417
XXI. Поправка. Къ мартовской книгѣ «Русской Старины» за прошлый 1902 годъ. Влад. Раевского.	418
XXII. Царство Польское послѣ вѣнскаго конгресса. Сообщ. П. М. Майковъ	419—436

XXIII.	Попытка къ борбѣ съ Наполеономъ при помощи периодической печати. Сообщ. Н. Д.	437—443
XXIV.	Письмо М. М. Сперанскаго—С. С. Уварову, по поводу избранія его почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. 17-го сент. 1819 г.	444
XXV.	Постановленіе для перенесенія тѣла императора Павла Петровича изъ почивальни въ тронную. 1801 г.	458
XXVI.	Изъ неизданныхъ стихотвореній и писемъ Н. М. Языкова. Сообщ. И. А. Бычковъ.	477—496
XXVII.	Письмо В. А. Жуковскаго императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. (С.-Петербургъ, 11-го мая 1826 г.)	497—498
XXVIII.	Къ біографіи Василя Львовича Пушкина.	515—517
XXIX.	О дозволеніи Н. М. Карамзину пользоваться рукописями, хранящимися съ монастырскихъ архивахъ. Письмо М. Муравьева—князю Александру Николаевичу Голицыну. 18-го дек. 1803 г.	518
XXX.	Споръ губернатора съ городомъ. (Изъ провинціальныхъ нравовъ XVIII столѣтія). П. Л. Юдина.	519—528
XXXI.	Изъ писемъ Н. М. Языкова къ брату его Александру Михайловичу. Сообщ. В. И. Шенрокъ.	529—539
XXXII.	Взысканія за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія. Отношеніе статсъ-секретаря Муравьева—министру юстиціи. 10-го августа 1827 г.	540
XXXIII.	Изъ жизни одного декабриста. С. Н. Браиловскаго	541—565
XXXIV.	Объявленіе князя П. Шаликова объ изданіи имъ «Московскаго Зрителя».	566
XXXV.	Рѣчь В. А. Панаева на юбилейномъ обѣдѣ въ честь Д. В. Григоровича.	567—570
XXXVI.	Поощреніе кораблестроенія частными лицами. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	592

Портреты.

I. Портретъ Валеріана Александровича Панаева.
Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 1-ой книгѣ).

II. Портретъ Анны Евдокимовны Лабзиной.
Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 2-ой книгѣ).

III. Портретъ Александра Федоровича Лабзина.
Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 3-ей книгѣ).

П р и л о ж е н і я.

1. Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Сообщ. Б. Моздалевскій. :—102

Библиографическій листокъ.

1. В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. Профессора Н. Θ. Сумцова. Харьковъ. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ январской книги).
2. Aventino. По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. Съ 5 фотографическими снимками (къ пятидесятилѣтію по кончинѣ Гоголя). Москва 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ февральской книги).
3. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902 г.). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Томъ 3-й. Спб. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ мартовской книги).

играли, я знаю, —то дайте мнѣ на содержаніе дома, жены и матери!» Онъ подалъ ему кошелекъ съ пятью стами, и человекъ взялъ четыреста, а сто оставилъ ему. Хотя и очень было ему не хотѣлось разставаться съ такой суммой, но онъ только сказалъ: «Кажется, ты много взялъ». — «Нѣтъ, батюшко, немного: мы всё въ долгу. Платить долгъ и закупить многое надо; еще не достанетъ! Ахъ, бѣдная моя госпожа! Думала ли, мать твоя, отдавши тебя, что твое пропитаніе будетъ зависѣть отъ раба, и что ты будешь мужемъ своимъ оставлена!» Мужъ мой торопился очень уѣхать со двора; пришелъ со мной проститься... Я только, заплакавши, спросила: «Надолго ли съ тобой прощаюсь?» Онъ, не говоря ни слова, ушелъ; а я, одѣвшись, поѣхала къ доброму моему сосѣду, который спросилъ у меня: «Что ты, мой другъ, какъ уныла и похудѣла? Неужто ты еще скорбишь объ отъѣздѣ моего брата?» Я только отвѣчала слезами, и онъ вздохнулъ и пересталъ говорить. Ѣздила и къ президенту ¹⁾ нашему, гдѣ меня очень полюбили и, наконецъ, часто за мной присылали. И я цѣлые дни у нихъ просиживала. У него была племянница моихъ лѣтъ, дѣвушка любезная, кроткая, умная, и мы съ ней сдѣлались друзьями. Въ одинъ день я пріѣзжаю къ нимъ и вижу ее очень не веселу; спрашиваю у ней причину. Она мнѣ отвѣчаетъ, что за нее сватается женихъ выгодный, и мать ее принуждаетъ сказать дядѣ, что она согласна. У меня сердце замерло, вспомя мою жизнь и замужество... Я ей совѣтовала дядѣ открыться, но она не рѣшилась по кротости своей, чтобъ не огорчить мать. Я, найдя случай говорить съ ея дядею, сказала ему весь мой разговоръ съ ней. Онъ меня много благодарилъ за довѣренность, которую я ему сдѣлала, и отказалъ жениху, сказавши сестрѣ своей ²⁾, что ему женихъ не нравится, и, хотя бы его племянница хотѣла, но онъ такъ, какъ отецъ, ей запрещаетъ, — и тѣмъ кончилось. Послѣ сего болѣе еще меня начали любить, все семейство, особливо дядя и племянница.

Одинъ разъ я у нихъ была: они за мной присылали—нельзя было не ѣхать, да и свекровь меня прислала, видя мое уныніе отъ того, что мужа моего не видала три дня, хотя и знали отъ моего человека, что онъ живъ и здоровъ. И такъ, я пріѣхала очень съ грустнымъ и горькимъ лицомъ. Сколько ни старалась себя принуждать, но все было видно мое уныніе. Начальникъ у меня спросилъ: «Гдѣ твой мужъ?» Я отвѣчала: «Думаю, что у должности», — и невольный вздохъ вырвался у меня. Онъ посмотрѣлъ очень пристально на меня.

¹⁾ Михаилъ Ѳеодоровичъ Соймоновъ съ 1771 г., послѣ смерти гр. А. Е. Мусина-Пушкина, состоялъ до 1779 г. президентомъ Бергъ-Коллегіи; онъ умеръ въ 1804 г. въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника.

²⁾ У М. Ѳ. Соймонова была одна замужняя сестра—Марія Ѳеодоровна Прокофьева (кн. Лобановъ-Ростовскій. Родословная книга, т. II, С. 116. 1895, стр. 237).

«Ты, мой другъ, что-нибудь скрываешь отъ друзей твоихъ, и въ сердцѣ твоёмъ есть какая-то горестъ, которую ты сказать не хочешь. Я съ тобой послѣ наединѣ поговорю. Однако, цѣлый день были гости, и я была рада, что не удалось ему со мной говорить. Я бы не рѣшилась безъ позволенія свекрови ничего сказать. Приѣхавши домой, я сказала весь мой разговоръ. Она подумала и сказала: «Кажется, ты можешь сказать, только прося его, чтобъ онъ не сдѣлалъ мужа твоего несчастнымъ, и чтобъ онъ не узналъ, что ты говорила; а то,—можетъ выйти бѣда!» На другой день я занемогла лихорадкой, и болѣзнь моя продолжалась мѣсяць. Мужъ мой всякій день приходилъ домой ночевать и, какъ кажется, заботился обо мнѣ... Въ болѣзнь мою начали меня посѣщать его пріятели, и одинъ, смотря на меня, сказалъ: «Ахъ, какъ мнѣ васъ жаль!» Я спросила: «Почему вы меня жалѣете? Я, кажется, довольно счастлива и спокойна: мужъ меня любитъ»...—«Того-то и нѣтъ, хотя вы и говорите. Ежели бы онъ васъ любилъ, такъ бы не удалялся отъ васъ на нѣсколько дней; и можетъ ли мужъ оставить жену, которая не заслуживаетъ этого, и развѣ вы не знаете, что онъ расточилъ все имѣніе на дѣвокъ, да и здоровье его подвержено опасности? И вы все это сноситѣ великодушно! Другая бы жена на вашемъ мѣстѣ ему отплатила тѣмъ же и не стала сокрушаться о безпутномъ мужѣ!»—«Меня удивляетъ очень, какъ вы смѣли мнѣ говорить о моемъ мужѣ такія мерзости, о которыхъ я и помыслить стыжусь, не только, что вамъ вѣрить. И какіе вы смѣли мнѣ давать совѣты, постыдные для меня? Али вы думаете, что я молода и не буду видѣть вашего коварства и мерзкой лжи,—то вы ошиблись! И можете ли вы назваться послѣ этого пріятелями мужа моего? Я теперь объ немъ жалѣю, что онъ ошибается въ васъ, считая честными и добрыми!»—«Такъ вы намъ не вѣрите?»—«Стыдно бѣ было мнѣ вамъ повѣрить!»—«Мы васъ увѣряемъ, что все сіе правда, и ежели бы мы васъ не почитали и не любили, то бѣ никогда не сказали». — «Очень худое ваше почтеніе и любовь, когда вы вздумали меня соорить съ моимъ мужемъ! Но я васъ увѣряю, что вамъ не удастся сего произвести, на это вамъ скажу: ежели бы вы истинно меня любили и почитали, то бы вы меня поберегли и не сказали-бъ мнѣ, ежели бы и правда была, что вы мнѣ рассказываете объ моемъ мужѣ. Но опять-таки вамъ подтверждаю, что я не вѣрю и никогда не повѣрю, а знаю, что мужъ меня любитъ, и я его люблю и не требую отъ него, чтобъ онъ безпрестанно былъ со мной. II прошу васъ не имѣть обо мнѣ напраснаго сожалѣнія. Увѣряю васъ, что я скучна никогда не бываю и время мое провождаю очень весело и хорошо. Занятіевъ у меня довольно, и для меня время всегда кажется коротко. И такъ, прошу васъ, чтобъ вы пзбавили меня вашихъ посѣщеній; мнѣ нѣтъ времени васъ принимать!» Одинъ изъ нихъ пожалъ плечами. «Я удивляюсь вамъ, что вы всему сему не

вѣрите. Я даже вамъ мѣсто скажу, гдѣ съ дѣвками бываетъ собраніе и тамъ наняты бѣни на цѣлое лѣто, гдѣ всѣ вмѣстѣ веселятся!» «Стало, и вы въ этой же компаніи, то что жъ вы себя не пощадите, ежели не щадите другихъ? Но увѣряю васъ, что вы меня не можете поколебать въ томъ мнѣніи, которое я привыкла имѣть объ моемъ мужѣ. Еще вамъ повторю мою просьбу оставить меня, и будьте увѣрены, что васъ больше не примутъ здѣсь». Встала и вышла вонъ, а они отправились и болѣе ко мнѣ не приходили, а хотя и прихаживали, но имъ велѣно было отказывать. Я весь мой разговоръ рассказала моей свекрови. Она одобрила мои отвѣты и сказала: «Надо, мой другъ, терпѣть и молиться за него. А тебя прошу, какъ другъ и мать, веди себя такъ, чтобъ совѣсть твоя тебя не укоряла и мужъ твой ничѣмъ бы не могъ тебя укорить. Будетъ время, что онъ во всемъ раскается и тебя будетъ почитать. Я много виновата передъ тобою, мой милый другъ,—не зная сына моего, заставляла тебя очень молодую чувствовать горести. Безъ меня была бъ ты счастлива, но не сѣтуй на меня—довольно я наказана за тебя: сердце мое никогда не бываетъ спокойно и всегда въ мученіи за тебя!» Я заплакала. «Не беспокойтесь, милая матушка, я никогда на васъ не сѣтую. Вы, конечно, любя меня хотѣли составить мнѣ счастье, но Богу было угодно, чтобы я не была таковой—я повинуюсь Его опредѣленіямъ и буду терпѣть. Онъ не вовсе меня оставилъ, давши васъ мнѣ. Будто это мало, что я въ васъ имѣю друга и мать, и наставницу!»

Въ самое это время пріѣзжаетъ племянникъ моихъ благодѣтелей и узнаетъ обо всемъ,—отъ кого, не знаю; спрашиваетъ у меня, но я отговариваюсь незнаніемъ; и такъ какъ онъ всякій день у насъ бывалъ, то и утвердился въ слухахъ, не видя мужа моего никогда дома. И это его чрезвычайно огорчило. Онъ сталъ ему говорить и, наконецъ, сказалъ: «Я все расскажу князю Григорію Александровичу [Потемкину] и ничего не утаю. Вы бѣ старались больше быть у него и у вашего добраго начальника! И вы ихъ обманываете, скрывая, что вы всегда у вашей должности! Я вѣдъ вижу несчастное положеніе ваше, которое все разстроено и нѣтъ надежды поправить! Что вы думаете о бѣдной женѣ вашей и матери, которыхъ вы заставляете страдать и всѣ ваши дурныя поведенія вытерпливать? Думаете ли вы, что терпѣнье жены вашей, наконецъ, кончится? Тутъ что будетъ? А кромѣ васъ никто причину не будетъ. И вы ее можете потерять безвозвратно, да и мы всѣ, ее любящіе, потеряемъ. Вы имѣете всѣ случаи ей доставить невинныя удовольствія: она можетъ съ вами, особливо лѣтомъ, вездѣ бывать; князь васъ любить, и вы можете вездѣ тамъ быть, гдѣ онъ, и жена ваша тоже. Не осердитесь на меня, ежели я все это выведу: это для вашего блага и спасенія!»

И съ этого времени сталъ лучше; начали ѣздить всюду, и намъ всегда были даваны комнаты, куда мы пріѣзжали. Меня очень и князь полю-

билъ, и вся его свита старалась мнѣ угождать. И я очень была весела: молодость все веселитъ.

Одинъ разъ въ Сар[скомъ] Се[лѣ] я гуляла съ мужемъ, поутру, въ саду и встрѣтили императрицу, которая остановилась и спросила: «Это, князь, твои гости? Потчивай же ихъ и вели, чтобъ столъ и фрукты имъ были!» Онъ далъ мнѣ знать, чтобъ я подошла, и она пожаловала руку. И ей было сказано, кто я. Съ тѣхъ поръ я очень часто ее видѣла. И какъ все сіе питало мою гордость и самолюбіе, видя, что всѣ мнѣ служатъ и смотрятъ въ глаза,—что надо. Но во всѣхъ я видѣла самое благородное обхожденіе и почтительное противъ меня. Тогда я ни въ чемъ не стала терпѣть нужды: мнѣ всего присылали отъ князя.

У него въ домѣ я познакомилась съ однимъ откупщикомъ, котораго мужъ же мой князю рекомендовалъ; и онъ ужъ имѣлъ чинъ капитана и записанъ былъ въ полкъ. Онъ, узнавая меня короче, сталъ къ намъ ѣздить, и, увидя и узнавъ наше состояніе, сталъ мужу моему говорить, чтобъ купилъ онъ домъ. И нашли. И онъ далъ денегъ, но въ тотъ же вечеръ деньги были проиграны... Я узнала объ этомъ,—но дѣлать было нечего. Приѣхалъ нашъ благодѣтель и спросилъ, купленъ ли домъ. Мать моя сказала: «Не только что не купленъ, но и деньги проиграны. Я надѣюсь на вашу дружбу, что это далѣе не пойдетъ». Онъ, не говоря ни слова, поѣхалъ и домъ купилъ на мое имя и началъ его отдѣлывать. И намъ онъ ни копѣйки не стоилъ. Мебели, столярная работа и все, что надо было для дома, получили отъ столяровъ, которыхъ дѣти были въ корпусѣ; и вся мебель изъ краснаго дерева и штофомъ обита, зеркала, люстры и прочіе уборы—всѣ получены отъ заводчиковъ въ подарокъ. И такъ мы перешли въ свой домъ, гдѣ даже и запасъ весь нашли и погребъ, наполненъ винами и всѣмъ. И такъ, нашъ благодѣтель насъ въ домѣ принялъ и все показалъ и сдалъ нашему человѣку. Даже не забылъ и корову, и птицъ домашнихъ купить. И звавши, что я охотница до пѣвчихъ птицъ и цвѣтовъ, и того нашли въ домѣ довольно. И такъ, мы начали жить въ своемъ домѣ, и мы съ матушкой очень веселились и успокоились; и мужъ мой былъ очень веселъ. Поживши съ недѣлю, я, сидя подъ окошкомъ, сказала мужу: «Одного только недостаетъ—сада; желала бы я имѣть». Онъ сказалъ: «Будетъ и садъ». И такъ, не прошло еще и мѣсяца, какъ въ одно утро меня разбудилъ мой мужъ, и сѣли подъ окошко пить чай. Я взглянула нечаянно и, увидя, что подъ окошкомъ садъ большой, съ деревьями и цвѣтами и дорожки подѣланы,—я не знала, что подумать. И какимъ волшебствомъ въ одну ночь явился садъ и въ такомъ порядкѣ? Люди, которые шли мимо, всѣ останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли. Я стала благодарить моего мужа и такъ была обра-

дована сею нечаянностью, что сама себѣ не вѣрила: не сплю ли еще я? Мужъ мой очень веселился моимъ изумленіемъ, наконецъ, разсказалъ мнѣ, что давно было все заготовлено и, такъ какъ садовники были всѣ ему пріятеля, то всѣ деревья, цвѣты и работники были привезены изъ Петергофа, и самъ садовникъ съ ними былъ, котораго сынъ былъ въ командѣ у моего мужа. И такъ, садъ намъ ничего не стоилъ.

Устроившись въ своемъ новомъ жилищѣ, начали жить спокойнѣе. Я говорила моему мужу: «Теперь главное мое желаніе, чтобъ ты былъ почаще дома и мы бь вмѣстѣ веселились, а то, какъ ни весело, но одной неприятно. Все одна: не съ кѣмъ дѣлать моихъ радостей. Я не прошу тебя, чтобъ ты дѣлилъ со мной скорби мои: я одна ихъ перенесу. Ты знаешь, что у меня теперь и брата нѣтъ (который былъ уже отданъ въ полкъ или записанъ и оставался пока еще въ корпусѣ)!» Онъ обнялъ меня и сказалъ: «Ты увидишь, что я буду съ тобой чаще. Я все знаю, сколько ты терпишь, за то я тебѣ доставлю всѣ удовольствія, какія могу. Веселись и утѣшайся: ты всѣми любима, и кто только тебя узнаетъ—всякій полюбитъ». — «Но могу ли я имѣть совершенное удовольствіе? Безъ тебя же не называются удовольствія радостями, когда раздѣлять не могу съ милымъ человѣкомъ. Ты давно отъ меня отнять злодѣемъ твоимъ Нарто[вымъ], и не знаю, будешь ли когда мнѣ возвращень!» Слезы мои мѣшали мнѣ говорить. «Я бы охотно промѣняла теперешнія радости на возвращеніе тебя. Я не знаю, любишь ли ты меня?»—«А какъ ты думаешь?»—«Я думаю, что нѣтъ: ежели бы ты меня любилъ, могъ ли бы ты не видать меня по три и по четыре дни? Стало, ты ни мало не печешься о моемъ спокойствіи. Что жъ я должна дѣлать? Еслибъ не мать твоя и данныя мнѣ правила моимъ благодѣтелемъ, то я не знаю, что бь изъ меня вышло». «А что жъ бы изъ тебя вышло? Только то, что бь ты себѣ нашла по сердцу друга, съ которымъ бы ты могла дѣлать время. Я самъ тебѣ позволяю и, ежели хочешь, то я самъ тебѣ выберу. Выкинь, мой милый другъ, изъ головы предразсудки глупыя, которые тебѣ вкоренены глупыми твоими наставниками въ дѣтствѣ твоёмъ! Нѣтъ грѣха и стыда въ томъ, чтобъ въ жизни нашей веселиться! Ты все будешь—моя милая жена, и я увѣренъ, что ты вѣчно меня любить будешь. А это временное удовольствіе!»

Я, слушая, окаменѣла и даже перебить его предложенія не могла. И долго я не могла говорить; наконецъ, сказала: «Только этого и недоставало къ моимъ горестямъ, чтобъ выслушать предложенія самыя мерзкія и постыдныя отъ того, который бы долженъ меня утверждать въ тѣхъ правилахъ, которыя мнѣ даны! А ты самъ хочешь, чтобъ я потеряла все то почтеніе, которое теперь ко мнѣ имѣютъ! И съ какими я глазами покажусь тѣмъ людямъ, которые

меня и любить за мое поведеніе? Ахъ, какъ ты безсовѣстенъ: хочешь послѣднее у меня отнять! Но знай, что я твоимъ совѣтамъ не послѣдую и добродѣтели мои ни за что въ мірѣ не потеряю! Ты ошибаешься, говоря, что, выбравши себѣ друга, я все тебѣ буду любезна и ты мнѣ также. Я для тебя буду такъ же любезна, какъ теперь,—это правда, я очень этому вѣрю, потому что ты ко мнѣ истинной любви никогда не имѣлъ,—но я, ежели бы рѣшилась на твое безбожное предложеніе, то знай, что я тебя перестала навсегда любить! Я не знаю скотской любви, и Боже меня спаси и знать ее!—а я хочу любить чистой и непостыдной любовью. Вотъ одно благо для меня! Или ты хочешь для того меня видѣть безпутной, чтобъ я тебя не укоряла,—то и безъ этого я ни слова тебѣ не говорю и общаюсь тебѣ никогда не говорить. Ежели бы я и захотѣла говорить,—то пользы не будетъ, пока знакомство твое не прервется съ начальникомъ зла. Объ одной милости тебя прошу,—чтобъ не учащала эта постыдная компанія моего дому, отъ которой, кромѣ наглости и буянства, ожидать нечего, и предупреди предводителя вашего во всѣхъ распутствахъ, чтобъ онъ не осмѣливался мнѣ виду какого-нибудь неблагопристойнаго сдѣлать. Я напередъ вамъ сказываю, что я не вытерплю отъ него ничего и не посмотрю, что онъ твой командиръ! Я знаю, что есть у тебя начальникъ добрый и честный, къ которому ты не ходишь иначе, какъ по должности, а меня они любить,—то не заставьте меня все ему высказать; сами себя сохраняйте отъ стыда, а обо мнѣ не печитесь: у меня есть Попечитель, которому я отъ рожденія моего препоручена и который меня до сихъ поръ хранить. Мнѣ и это прискорбно—видѣть тебя безо всякаго закона и безъ правилъ. Я за тобой девятый годъ и не видала, когда бъ ты хоть перекрестился; въ церковь не ходишь, не исповѣдываешься и не причащаешься. Чего жъ я могу ожидать лучшаго? Нѣтъ мнѣ, несчастной, никакой надежды къ возвращенію моего потеряннаго спокойствія! Не сердись на меня: ты самъ меня заставилъ вести съ тобой такой неприятный для тебя разговоръ!» Кончилось тѣмъ же, что онъ, отобѣдавши, ушелъ и два дни я его не видала. Да я и не грустила, потому что спокойнѣе и пріятнѣе время проводила безъ него съ моей милой и почтенной матерью, которой любовь ко мнѣ была безпредѣльна.

Въ одинъ день онъ сказалъ, что не пойдетъ со двора, а хочетъ со мной провести время и велѣлъ всѣмъ отказывать. И онъ отпѣнно былъ спокоенъ и веселъ. Послѣ обѣда мы сѣли въ спальню, и я занялась работою, а онъ сѣлъ читать. Приходятъ отъ Нар[това] за нимъ, и сказано, что нѣтъ дома. Наконецъ, онъ самъ пришелъ съ Дмитре[вскимъ?] и прямо къ спальней, отодвинулъ задвижки и растворилъ спальню. Я такъ разсердилась, что забыла всю благопристойность я, сидя на моемъ мѣстѣ, спросила: «Не забыли-ль вы, куда пришли, по вашей привычкѣ,

ходя по спальнямъ, гдѣ вамъ не запрещаютъ. И какъ вы смѣли это сдѣлать—войти туда, куда, кромѣ меня и мужа моего, никто не ходитъ! Я чрезвычайно жалѣю, что мужа моего пріятели такъ дерзки и наглы! Я ни отъ кого въ свѣтѣ ни малѣйшей наглости не перенесу, и я буду жаловаться тамъ, гдѣ должно; и не думайте, чтобъ за меня не заступились! Вы довольно сдѣлали, что отняли у меня мужа и ввели его во всякія распутства! А со мной вы не можете безъ уваженія обходиться!» Онъ такъ былъ сраженъ, что не помѣшалъ мнѣ все высказать. Послѣ сказалъ мужу моему: «Что вы ея не уймете? И какъ она можетъ съ начальникомъ мужа своего такъ говорить!» Я отвѣчала: «Мужъ мой не можетъ мнѣ запретить говорить. Я сама знаю, съ кѣмъ я говорю. У насъ есть еще главный начальникъ, къ которому я могу отнестись, который и вамъ начальникъ! У меня домъ—не трактиръ, ко мнѣ лучше васъ ѣздить съ почтеніемъ и въ гостиную не смѣютъ войти, ежели она затворена. Я прошу васъ меня избавить такихъ дерзкихъ посѣщеній; я къ нимъ не привыкла, и ни отъ кого еще въ жизни моей не видала такой обиды, какъ отъ васъ!». Онъ такъ озлился, что сказалъ: «Я брата вашего не выпущу и не аттестую въ офицеры! Вы не знаете, съ кѣмъ говорите,—который можетъ сдѣлать добро и худо вамъ!»—«Ошибаетесь вы, ежели думаете, что я угрозы вашихъ испугаюсь. Братъ мой будетъ и безъ васъ офицеромъ. Добра отъ васъ ожидать нельзя, а худа вы мнѣ ужъ успѣли много сдѣлать. Пожалуйте, не беспокойте себя, а меня ничто не устрашить. Я знаю себя, кто я, и знаю васъ, кто вы, и болѣе съ вами и говорить не стану, а только скажу: ежели вы осмѣлитесь еще сдѣлать такую наглость и какъ разбойникъ ввалиться въ спальню, то, будьте увѣрены, я далѣе буду просить, нежели у своего начальства, и увѣрена, что получу полную сатисфакцію. Я съ собой не дамъ никому шутить!» Свекровь моя весь этотъ разговоръ слышала. Я пришла къ ней и молча сѣла. Мужъ мой пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Что ты сдѣлала! Пойди помирись и извинись!».—«Стыдись мнѣ сіе говорить, чтобъ я была такъ подла и пошла у этого подлаго челоуѣка просить прощенія? Онъ долженъ у меня просить! Я вамъ сказываю, что я буду искать защищенія и жаловаться буду за эти наглости князю Григорію Александровичу [Потемкину] и скажу, что это сдѣлано въ присутствіи мужа моего, который за меня не вступился, то не стыдно ли тебѣ будетъ? И что ты его трусишь, этого подлеца и безбожника!» И такъ, они ушли, и мужъ мой пришелъ рано вечеромъ домой. Я удивилась, и онъ очень ласкался ко мнѣ. На другой день онъ сталъ мнѣ говорить, что я очень обидѣла Нар[това]. «Опять за то же! Да онъ-то что жъ, развѣ не обидѣлъ меня? И съ какой онъ гордостью со мной говорилъ, думая, что я такъ же струшу, какъ и ты! Онъ очень ошибся!»—«Онъ теперь не хочетъ брата твоего атте-

ствовать—вотъ, что ты сдѣлала!»—«Я и не прошу его».—«Онъ можетъ по должности моей много мнѣ худа сдѣлать!»—«И это вздоръ: ничего не можетъ; зная нашу связь съ Поте[мкинѣмъ], онъ, трусь, не осмѣлится. Да, пожалуй, не безпокойся о братѣ: я безъ него и безъ тебя сдѣлаю». Мужъ мой сказалъ: «Надо позвать его отобѣдать и ласковѣе его принять!»—«Дѣлай обѣдъ, ежели тебѣ угодно, но я дома не буду». «Что тебѣ угодно со мной дѣлать? Черезъ недѣлю ты можешь его позвать, а не ранѣе. Тогда и я своихъ друзей попрошу».

На другой день я послала за двумя друзьями, которые были близки къ князю Григорію Александровичу, и просила ихъ, чтобъ они сдѣлали мнѣ милость и довели князю, чтобъ онъ потребовалъ моего брата и далъ бы ему офицерскій чинъ. И причину сказала ту, что я не хочу просить Нар[това]: онъ по гордости своей можетъ быть не такъ скоро сдѣлаетъ. Они меня увѣрили, что это будетъ на сей же недѣлѣ сдѣлано. И точно, такъ и было: на третій день его потребовали въ канцелярію и велѣли выключить изъ корпуса, не спрашивая и аттестата. И самъ князь поздравилъ его поручикомъ и опредѣлилъ въ пикирный полкъ. Братъ мой пришелъ съ радостію. Мужъ мой, узнавъ, очень былъ радъ и на другой день поѣхалъ благодарить князя; и, какъ пріѣхалъ домой, я ему сказала, что теперь, ежели онъ хочетъ звать своего друга, то пусть зоветъ, да и тѣхъ непременно позвать, которые старались о братѣ. И такъ, черезъ нѣсколько дней, всѣ у насъ обѣдали, и я благодарила друзей моихъ за стараніе ихъ. Нар[товъ] такъ былъ учтивъ и тихъ, что я его никогда таковымъ не видала. Черезъ недѣлю отправился братъ мой въ Полтаву, съ которымъ я прощалась съ великою горестію. И онъ, зная мою жизнь, больше грустилъ обо мнѣ.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда пріѣхали два племянника моего благодѣтеля ⁴⁾, которые меня любили, какъ сестру, и были у меня всякій день, видя, что я всегда одна. И часто заставляли меня въ слезахъ, брали великое участіе въ моей горестной жизни. Одинъ изъ нихъ больше былъ къ намъ привязанъ, который всегда меня уговаривалъ, чтобъ я терпѣла и не сѣтовала на свою участь. «Есть еще тебя несчастіе. У тебя есть мать, въ которой ты друга имѣешь и которая съ тобой дѣлитъ все и утѣшаетъ тебя. Есть и другіе друзья, которые тебя не меньше любятъ и желаютъ тебѣ всякаго добра. Увѣрена ли ты, мой другъ, во мнѣ, что я тебя искренно люблю и почитаю и не могъ бы больше любить, какъ сестру милую,—то прими совѣтъ отъ твоего друга. не принимай много къ себѣ мужчинъ, не наведи на себя нареканія, хотя съ твоей стороны и невиннаго. Бога ради не потеряй своего добраго имени! Ѣзди чаще къ нашимъ роднымъ, которые тебя много

⁴⁾ Хераскова.

любить. Помни наставленіе дяди моего: люби всегда добродѣтель. Ты нынче часто бываешь у князя, то берегись ласкательства и не довѣрай многимъ; будь всегда осторожна. Я слышалъ о тебѣ великія похвалы отъ самого князя и отъ всѣхъ окружающихъ его. Сердце мое радовалось, слыша, какъ выхваляли твое поведеніе, осторожность и добродѣтельную скромность. Даже князь любопытствовалъ у меня, зная нашу дружескую связь, какъ ты съ мужемъ живешь и любить ли онъ тебя. Я отвѣчалъ, что жизнь твоя очень хороша и ты счастлива,—то и ты берегись открывать участь твою для многихъ причинъ: главная причина—узная ваше разстройство и видя тебя въ такой цвѣтущей молодости, будутъ многіе разставлять сѣти для твоей добродѣтели. Послушайся друга твоего, который тебя привыкъ любить и который, кромѣ добра, ничего тебѣ не желаетъ. Всѣ наши родные гордятся твоимъ поведеніемъ и скромностью, то не потеряй и поддержи ихъ мысли о тебѣ. Не переменяя своего поведенія, ты будешь всѣмъ уважаема. Жизнь твоя несчастная всѣмъ нашимъ роднымъ извѣстна, и они тебя уважаютъ за то, что ты не жалуешься; и я тебя увѣряю, что твое терпѣніе и добродѣтель все, наконецъ, превозможетъ—и нельзя [иначе]. Долго или коротко это продолжится, но ты, наконецъ, будешь счастлива и восторжествуешь надъ мужемъ, который ничѣмъ тебя укорить не можетъ. Вотъ въ чемъ ты должна полагать все свое счастье и славу! А намъ какую ты принесешь радость, всѣмъ любящимъ тебя, а болѣе всего дядѣ моему, который и до сихъ поръ о тебѣ сокрушается и молится за тебя, чтобъ спасъ тебя Господь отъ всѣхъ преткновеній. Ежели ты такъ себя всегда будешь вести, то самый дерзкій мужчина не будетъ смѣть безъ уваженія смотрѣть на тебя! Добродѣтель далеко отгоняетъ порокъ!»

Какъ живо я чувствовала цѣну его дружескихъ совѣтовъ и видѣла великую его любовь къ себѣ и съ чувствомъ сердца наполненнымъ благодарила его и общала слѣдовать его совѣтамъ. Вы молитесь, мои милые друзья, за меня, чтобъ Богъ утвердилъ сердце мое въ добродѣтеляхъ! Послѣ сего разговора я стала гораздо осторожнѣе и съ неизвѣстными мужчинами остерегалась короткаго обхожденія. Въ это лѣто я жила въ Са[рскомъ] Се[длѣ] три недѣли, гдѣ и другъ мой былъ по своимъ дѣламъ. И онъ всякій день былъ съ нами вмѣстѣ и радовался, смотря на почтительное обхожденіе со мной всѣхъ и даже самого князя. Бывала тамъ часто и княгиня Вяземская, которая всякій день меня видѣла, даже въ мою квартиру хаживала ко мнѣ. И, видя всѣ ея со мной обхожденіе и любовь ко мнѣ, болѣе стали еще меня уважать; и я гордилась симъ преимуществомъ противъ прочихъ. И одинъ разъ она сказала мужу моему: «Чувствуешь ли свое счастье, имѣя такую жену, и знаешь ли ты ей цѣну?» Онъ очень смѣшался и не зналъ, что отвѣчать,

и она тотчасъ сама прервала разговоръ сей, для него неприятный. Онъ очень скучалъ жизнью въ Са[рскомъ] Се[длѣ], и ему очень хотѣлось въ городъ, но я просила окружающихъ князя, чтобъ они сдѣлали мнѣ милость,—ежели можно, чтобъ князь удержалъ его подолѣ. Я просила подъ видомъ тѣмъ, что мнѣ здѣсь очень весело, и для воздуха, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ отвести его отъ ненавистной мнѣ и вредной для него компаніи.

Наконецъ, должно было ѣхать въ городъ, и тотчасъ, какъ скоро пріѣхали, то онъ и ушелъ къ Нар[тову] и побывалъ въ Корпусѣ. И опять началась точно такая же жизнь, какова и прежде была... И къ себѣ сталъ водить; и очень часто игра карточная продолжалась сутки по трое, и я ужъ рѣшилась ничего не говорить. Онъ же ужъ и сердиться на меня начиналъ. И я иной разъ съ игроками принуждена была сидѣть цѣлую ночь, видѣла и драки, слышала и всякую мерзость отъ пьяныхъ, но выйти не смѣла,—развѣ кто изъ игроковъ сжалится и уприситъ мужа, чтобъ отпустилъ. Вышедши, бросалась въ постелью и слезами обливала подушку: вотъ вся моя отрада была!

Въ одинъ день я узнала, что они съ дѣвками поѣхали на Ка[менный?] ¹⁾ въ бани, гдѣ и президента племянникъ былъ. Я поѣхала къ нимъ обѣдать и рѣшилась сказать президенту, который, отобѣдавши, поѣхалъ гулять и намъ предложилъ. Только-что мы переѣхали черезъ мостъ по берегу,—и увидѣли всю компанію, послѣ бани прогуливающихся, и съ дѣвками. Онъ велѣлъ тотчасъ остановиться и подозвалъ своего племянника и моего мужа и велѣлъ имъ къ намъ сѣсть въ карету. И поѣхали назадъ. Онъ первое спросилъ, что за дамы съ ними были? Они ничего не отвѣчали, но, пріѣхавши домой, племянника посадилъ подъ караулъ и не велѣлъ со двора больше ходить, а мужа моего въ Корпусъ на двѣ недѣли—дѣлать разныя пробы, куда самъ ѣздилъ всякій день, но не въ назначенное время—иногда по утру, иногда вечеромъ,—то мужъ мой и не смѣлъ отлучиться. И послѣ этого немного сдѣлался получше и больше сталъ опасаться, а на меня очень долго сердился: двѣ недѣли не говорилъ со мной ни слова; но я терпѣла, видя, что онъ подозрѣвалъ меня и поставлялъ причиною ѣзды президента на рѣчку къ банямъ.

Пришелъ Петровъ день и въ Пете[ргофѣ] былъ обыкновенный праздникъ. Я сколько съ нимъ ни просилась, но онъ меня не взялъ и уѣхалъ одинъ, поутру, рано. Я осталась вся въ слезахъ и въ горести большой. Послѣ обѣда пріѣзжаетъ къ намъ старикъ шамбелянъ Голынской ²⁾ и удив-

¹⁾ На Каменный Островъ?

²⁾ Въ 1780 году шамбелянъ Иванъ Осиповичъ Голыпскій жилъ около Могилева, гдѣ у него было имѣніе на рѣкѣ Пронѣ (Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. IX, М. 1901, стр. 4, 6,

ляется, что я до сихъ поръ не одѣта. Я ему сказала, что мнѣ съ мужемъ ѣхать было нельзя: онъ очень рано поѣхалъ къ князю [Потемкину], а мнѣ велѣлъ кого-нибудь искать знакомыхъ, съ кѣмъ бы я могла ѣхать, но всѣ мои знакомые разѣхались прежде, нежели я успѣла къ нимъ послать. Онъ предложилъ мнѣ съ нимъ ѣхать. Я очень обрадовалась, побѣжала къ матушкѣ и сказала ей. Она, прежде посмотря на меня, сказала: «Что ты хочешь дѣлать? Вѣдь ты его разсердишь,—онъ и такъ на тебя сердитъ!» Я стала у ней цѣловать руки. Она сказала: «Поѣзжай и скажи, что я тебя прислала!» И тотчасъ одѣлась и поѣхала и всю дорогу была весела и спокойна, но, какъ скоро стала подъѣзжать къ Пете[ргофу], то сердце замерло: какъ я покажусь,—а не показаться—нельзя. Наконецъ, я сказала: «Я очень боюсь, господинъ Голынской!»—«А чего вы боитесь? Неужто меня, старика, будутъ подозрѣвать?»—«Нѣтъ, я не того боюсь!»—«Такъ чего жъ?»—«Меня мужъ оставилъ дома и не хотѣлъ, чтобъ я ѣхала; я, вѣдь, васъ обманула».—«А на что же вы ѣхали? Мужъ вашъ будетъ имѣть все право еще больше сердиться за непослушаніе ваше къ нему, и меня, старика, вы ввели въ хлопоты. Ежели бы я узналъ сіе хоть на половинѣ дороги, то бъ вернулся и отвезъ васъ домой. Что теперь дѣлать?»—«Вы скажите, что я не хотѣла ѣхать съ вами, но меня сильно прослала свекровь!»—«Ну, добре; я на старости и лгать стану по вашей милости, панья! Быть такъ! Не пугайся; не дѣлать бы того, отъ чего совѣсть бываетъ нечиста и безпокойна!» Приѣхали и пошли въ садъ, но я упрашивала, чтобъ скорѣе идти во дворецъ и показаться моему мужу, а то, чтобъ кто не сказалъ прежде, нежели онъ самъ не увидитъ. И такъ, мы пошли и нашли мужа моего, играющаго въ карты. Онъ, увидя меня, чрезвычайно удивился и только сказалъ: «А, и вы здѣсь? Съ кѣмъ изволили приѣхать?» Я отвѣчала, что съ паномъ Голынскимъ. Онъ и съ нимъ поклонился очень сухо и сказалъ: «Извольте идти гулять! Чего здѣсь душиться?» Но лицо его было такъ сердито, что у меня сердце замерло, и я не рада была, что и поѣхала. Пошли мы въ садъ, и кто со мной изъ знакомыхъ ни встрѣчается, всякій спроситъ: «Здоровы ли? Лицо ваше доказываетъ, что вы очень нездоровы». И самъ мой сопутникъ сказалъ: «Вы такъ

32—33). Въ 1781 году, 25-го іюля, Голынской, съ двумя депутатами, представлялся императрицѣ Екатеринѣ II въ качествѣ губернскаго предводителя дворянства Могилевской губервіи и говорилъ ей привѣтственную рѣчь на польскомъ языкѣ (Камеръ-Фурьерскій журналъ 1781 г., стр. 447); въ этомъ званіи онъ состоялъ до 1788 года, при чемъ неоднократно представлялся императрицѣ и даже былъ приглашаемъ къ ея столу (см. Камеръ-Фурьерскіе журналы 1784, 1787, 1789, 1791 гг.); съ 1790 г. могилевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства значится уже полковникъ войскъ польскихъ Михаилъ Осиповичъ Голынской.

блѣдны, что иначе почестъ нельзя, какъ, что вы очень больны. Вотъ вашъ обманъ и самое непріятное гулянье! Вы сами себя наказали, но надо думать, какъ дѣло поправить». Я ему сказала: «Сдѣлайте милость,— какъ отсюда поѣдемъ, упросите его, чтобъ онъ сѣлъ въ вашу карету, и вы поѣдете къ намъ ночевать и упросите его, чтобъ онъ не сердился. Онъ васъ любитъ и послушаетъ!» Въ третьемъ часу мы увидѣли его идущаго и пошли къ нему на встрѣчу. Онъ, не смотря на меня, сказалъ, что «Я сейчасъ ѣду. Ежели вамъ угодно остаться, то можете». Я сказала, что я не хочу оставаться, а ѣду съ нимъ. И такъ, пошли изъ сада, а людямъ велѣли искать экипажи. Голынской сталъ просить его сѣсть лучше въ его карету, чтобъ веселѣе ѣхать. Мужъ мой посмотрѣлъ на него и сказалъ: «Я знаю, что это значить: она тебя просила». И онъ насилу могъ его упросить; и такъ мы сѣли въ его карету, и тутъ-то мужъ мой далъ волю сердцу своему. И мы оба молчали; наконецъ, Голынской сказалъ: «Ужъ довольно вы наговорили колкаго и жесткаго вашей женѣ, позвольте же и мнѣ, старику, теперь сказать. Конечно, она неправа, что поѣхала сверхъ воли вашей, но, увѣряю васъ, что она съ воли вашей матери ѣхала, и она, подѣзжая сюда, была ужъ очень безпокойна. И какъ можно молодую женщину наказывать тѣмъ, что ее лишаютъ удовольствія такого, которое бываетъ только въ годъ разъ! Прошу васъ, какъ другъ, сказать мнѣ: какъ велика ея вина, чтобъ я могъ знать,—можно ли за нее ходатайствовать, или нѣтъ, и всегда ли она вамъ не повинуется?» Мужъ мой долго молчалъ, наконецъ сказалъ: «Вины ея нѣтъ, а я хотѣлъ только попробовать, будетъ ли она послушна и въ этомъ мнѣ, какъ во всемъ; и это непослушаніе еще первый разъ ею сдѣлано, тѣмъ-то мнѣ и больнѣ!»—«А вы ея слушаетесь ли? Вѣдь, это должно быть взаимно? Но я по дружбѣ вашей у васъ бываю очень часто, то я еще не видалъ, чтобъ вы ее въ чемъ-нибудь послушались. А она во всемъ вамъ покорна и послушна. За что жъ вы ее безвинно хотѣли наказать? Теперь вамъ самимъ отдаю на судъ: правы ли вы? Конечно, ей бы надо выдержать и этотъ опытъ, но молодость ея не устояла и живой ея характеръ,—то я васъ прошу ее простить. Уважьте лѣта мои!» И сталъ на колѣни. Мужъ мой его поднялъ; старикъ заплакалъ. «Ежели бы я къ ней не пріѣхалъ, то она, конечно бы, не была виновата, а съ другимъ, я увѣренъ, она бъ не поѣхала. Но она повѣрила себя моимъ лѣтамъ и дружеству, которое я къ вамъ имѣю!» И такъ, мой мужъ простилъ меня и обнялъ. И я, видя, что онъ пересталъ сердиться и спросилъ у меня: «Ты впредь этого не сдѣлаешь?»—я отвѣчала: «Нѣтъ, потому что ты меня впредь не станешь оставлять и уѣзжать одинъ на праздникъ?» Онъ засмѣялся и сказалъ: «Видишь ли, Голынской? Давно ли плакала и боялась моего гнѣва, а теперь что говорить?» Однако, сіе было сказано безо всякаго

сердца. «Ты знаешь, что я искренна и не даю тебѣ въ томъ слова, чего сдержать не могу, а ты меня можешь предостеречь самъ отъ того, что тебѣ непріятно». И такъ, мы пріѣхали домой, и Голынской у насъ ночевалъ. Матушка вышла насъ встрѣтить и выговорила Александру Матвѣвичу [Карамышеву] за то, что онъ не взялъ меня. «А я ее послала, чтобъ она ѣхала,—и знай, что и впредь сіе будетъ! И сама съ ней поѣду: она и такъ довольно видитъ непріятностей, а еще и это невинное удовольствіе отнять отъ нея хочешь!»

Наконецъ, онъ, по дѣламъ, препорученнымъ отъ начальника, принужденъ былъ чаще быть дома, но всегда былъ скученъ. Сколько я ему ни говорила, что неужто я не могу усладить его жизни, и развѣ ему пріятнѣе быть съ чужими,—онъ отвѣчалъ: «Развѣ ты думаешь, что я могу тебя промѣнять на тѣхъ дѣвокъ, о которыхъ ты говоришь? Ты всегда моя жена и другъ, а это—только для препровожденія времени и для удовольствія».—«Да что жъ это такое? Я не могу понять, какъ безъ любви можно имѣть любовницъ? Ежели бы со мной сіе случилось, то я бы перестала тебя любить, но это выходитъ—скотство и грѣхъ передъ Богомъ и нарушеніе тѣхъ клятвъ, которыя ты давалъ мнѣ передъ Евангеліемъ! Остерегайся, мой другъ, чтобъ правосудіе Божіе не постигло тебя!» Онъ засмѣялся и сказалъ: «Какъ ты мила тогда, когда начнешь филозофствовать! Я тебя увѣряю, что ты называешь грѣхомъ то, что только есть наслажденіе натуральное, и я не подверженъ никакому отвѣту!» Я заплакала и замолчала, внутренно прося у Бога ему прощенія. И онъ нѣсколько разъ меня уговаривалъ, чтобъ я согласилась имѣть любовника и выкинула бы изъ головы глупые предрассудки. Я просила его, чтобъ онъ оставилъ меня въ глупыхъ моихъ мнѣніяхъ и не говорилъ мнѣ больше о такомъ постыдномъ дѣлѣ для меня. «Ты властенъ былъ отнять у меня имѣніе и спокойствіе, но совѣсти моей и добраго имени отнять не можешь. Меня сохранить тотъ Богъ, который сохраняетъ отъ чрева матери моей до сихъ поръ. Тебѣ какъ угодно, такъ и мысли, а меня оставь въ моихъ правилахъ. И я тебя увѣряю: пока хранить меня рука Божія, то я не сойду съ пути добродѣтели и не приму твоихъ совѣтовъ: они вредны душѣ моей и тѣлу! Боже милосердый! Тотъ, въ которомъ думала найти путеводаителя и наставника,—тотъ хочетъ меня свести съ истиннаго пути и поставить на распутьѣ! Но Ты меня не оставишь и будешь хранителемъ! На Тебя одинаго моя надежда и упованіе, и я увѣрена твердо, что пока не отступлю отъ Тебя,—не буду Тобой оставлена!» Я весь разговоръ сказала матушкѣ, которая горько заплакала и просила меня не говорить съ нимъ больше на этотъ счетъ и какъ можно избѣгать сего разговора.

Итакъ, жизнь моя вся текла въ горести, но молодость и веселый

характеръ дѣлали то, что я забывала часто о своемъ горестномъ положеніи. Меня всякая бездѣлица утѣшала. Два моихъ друга, одинъ—племянникъ моихъ благодѣтелей, а другой—который домъ купилъ намъ, любили меня оба и, зная, что я люблю цвѣты и всякія бездѣлицы, то и утѣшали меня, и сдѣлали мнѣ маленькую оранжерею, чтобъ я зимой я пользовалась зеленью и цвѣтами,—словомъ, они старались мысли мои узнавать, только чтобъ я была утѣшена. Я же по простотѣ моей не иначе ихъ считала, какъ братьями,—то, когда они пріѣзжали ко мнѣ, я съ радостью бросалась къ нимъ, обнимала и цѣловала, называла самыми пріятными именами, друзьями и утѣшителями. Они сами меня ласкали и часто, смотря на невинное мое обхожденіе съ ними, плакали. Я же свои ласки не остерегалась имъ дѣлать при свекрови и мужѣ, когда онъ былъ дома, потому что они были самыя чистыя. Я тогда не знала другой любви, и была съ этой стороны счастлива и спокойна, и,—признаться,—что я была гораздо спокойнѣе, когда не было моего мужа дома, даже и веселѣе, и я не скрывала этихъ чувствъ отъ матери моей.

Итакъ мы жили до самаго того времени, пока не поѣхали въ Сибирь. И на это было собственное его желаніе. Онъ просилъ у к[нязя] П[отемкина], какъ милости какой-нибудь, чтобъ его опредѣлить въ Иркутскій банкъ директоромъ ¹⁾: онъ больше ничего не хочетъ; а причина главная была та, что его не сдѣлали членомъ Бергъ-Коллеги, а посадили на это мѣсто другого. Сколько я его ни упрашивала, чтобъ онъ не ѣхалъ въ такое отдаленное мѣсто, гдѣ я не буду имѣть ни друзей, ни благодѣтелей, и, ежели онъ не перемѣнится, то что я буду дѣлать и некому будетъ открыть сердца моего и сложить тягости? Я буду имѣть одного друга—мать мою, которую надо мнѣ беречь и даже скрывать отъ нея многое то, которое меня огорчаетъ. Она и такъ мало видитъ радостей, и здоровье ея становится слабо. «Недоставало только этого несчастія, которое ты не упустилъ сдѣлать, лишивши меня послѣдняго удовольствія и блага!» И я съ горестью разставалась съ домомъ, съ друзьями и благодѣтелями. Братъ же мой былъ ужъ въ полку, съ которымъ и уѣхалъ въ Полтаву, и я была лишена удовольствія и проститься съ нимъ! Друзья мои его уговаривали, чтобъ онъ оставилъ свое предпріятіе, но ничто не помогло. Самъ к[нязь] П[отемкинъ] предлагалъ другое ему мѣсто у себя и хотѣлъ сдѣлать счастливымъ, обѣщалъ все то, что только онъ потребуетъ, но онъ просилъ его сдѣлать ту милость, о которой онъ просить. Итакъ, к[нязь] доложилъ императрицѣ,—и въ тотъ же день сдѣлано было; и не въ примѣръ другимъ опредѣлено двойное жалованье, какъ ему, такъ и всѣмъ подчиненнымъ, по его просьбѣ. И мы все продали, что имѣли, и торопились, какъ будто насъ кто гналъ; и все продали за бездѣнокъ.

¹⁾ Это назначеніе состоялось 23-го мая 1778 г.

Въ это время съ грустью въ сердцѣ и рано поутру, я вышла въ садъ и увидѣла любимую мою вишню, которая была вся въ цвѣту, увявшую и сронившую всѣ цвѣты, и листочки всѣ пожелтѣли. Я долго стояла и смотрѣла, наконецъ сказала: «Неужто ты, милое деревцо, обо мнѣ грустишь до того, что потеряло всю свою красоту, и жизнь твоя исчезаетъ? Я бы хотѣла, чтобъ ты и безъ меня цвѣло, тебя такъ же будетъ любить новый твой хозяинъ и будетъ ходить за тобой! Нельзя тебя не любить: ты прекрасна и плоды твои вкусны!» И слезы мои полились... Я, пришедши въ комнату, сказала тому молодому человѣку, который изъ дружбы смотрѣлъ за садомъ. Онъ, не повѣря мнѣ, самъ пошелъ, сказавши, что «я вчера самъ его поливалъ и любовался имъ». Вошедши въ садъ и увидя самъ то, чему не вѣрилъ, чрезвычайно удивился и съ горестью сказалъ: «Не знаю, будете ли вы счастливы и спокойны тамъ, куда вы ѣдете. Я боюсь за васъ, добрая моя и почтенная А[нна] Е[вдокимовна]; я слыхалъ отъ батюшки, который слишкомъ сорокъ лѣтъ садовникомъ при дворѣ, что и у деревцовъ есть чувство, когда оно лишается добраго хозяина, и, ежели еще и несчастье въ жизни какое-нибудь будетъ,—то оно засыхаетъ и умираетъ. Онъ утверждалъ, что имъ замѣчено это нѣсколько разъ въ жизни его,—то и я за васъ боюсь; однако, посмотрю, нѣтъ ли въ корнѣ червя, который портитъ дерево?» И тотчасъ отрылъ его и осмотрѣлъ весь корень. Ничего не нашель, и корень довольно здоровъ. Мы еще послѣ сего мѣсяцъ жили, и деревцо совсѣмъ умерло, сколько онъ ни прилагалъ къ нему трудовъ и знанія, хотя его имѣть у себя; но не могъ спасти...

Итакъ, я, простившись съ моими друзьями и благодѣтелями, отправилась въ дальнюю дорогу. Заѣхали въ деревню къ моему милому и почтенному отцу и благодѣтелю ¹⁾ и прожили двѣ недѣли, а барка дожидалась насъ въ городѣ Яро[славлѣ]. Прощанье мое было самое горестное; они меня такъ оплакивали и проводили, какъ-бы я умерла. И я выѣхала отъ нихъ съ растерзаннымъ сердцемъ, и духъ мой такъ упалъ, что я ѣхала до самаго Ярославля, почти ни слова не говоря, и не ѣла, а все лежала. И меня привезли больную на барку, гдѣ я двѣ недѣли лежала. Мужъ мой показывалъ все свое вниманіе и уваженіе ко мнѣ и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ нерѣдко и плакалъ, говоря: «Видно, я сотворенъ для твоего несчастія! Ты, кромѣ огорченія, еще ничего отъ меня не видѣла: я умѣлъ у тебя все любезное отнять, а дать ничего не могу. Но вѣришь ли ты, что я тебя люблю, и что ты для меня драгоценна?» Я вздохнула и сказала: «До сихъ поръ еще я не видѣла, мой другъ, этого, а что будетъ впредь,—не знаю. Только прошу тебя вспо-

¹⁾ Деревня Хераскова, въ которой онъ жилъ каждое лѣто, называлась Очаково и находилась недалеко отъ Москвы, по Можайской дорогѣ.

мнить, что я теперь безъ благодѣтелей, безъ брата, безъ друзей,—то дай самъ мнѣ все найти въ тебѣ! Вотъ мое благо;—тогда я бы все въ мірѣ забыла и жила бы для одного тебя!» Онъ заплакалъ и сказалъ: «Будетъ, мой милый другъ, это ты увидишь, только не грусти! Твое спокойствіе мнѣ дорого становится, и я тебя истинно люблю!»—«Дай Богъ, чтобъ все это совершилось, и я бы была счастливое твореніе!» Наконецъ, я выздоровѣла. Ъхавшіе съ нами камериръ и кассиръ съ женами, которые меня сердечно полюбили, старались меня всячески утѣшать.... Наконецъ, грусть моя стала проходить. Мужъ мой сталъ очень ласковъ ко мнѣ и дѣлалъ мнѣ все удобное, что только отъ него зависѣло. И я такъ обнадѣялась на свое благополучіе, что ни объ чемъ больше не думала, какъ дѣлать моему мужу удобное, и старалась не поминать ни объ чемъ непріятномъ и прошедшемъ.

Итакъ, вся наша дорога кончилась въ совершенномъ спокойствіи. Наконецъ, мы пріѣхали въ Иркутскъ ¹⁾; отвели намъ квартиру довольно порядочную. На третій день нашего пріѣзда, сдѣлалъ мнѣ визитъ губернаторъ ²⁾, вице-губернаторъ ³⁾ съ женою и обласкали меня чрезвычайно; и всѣ тамошніе дамы и кавалеры начали пріѣзжать. Побывавши у меня, на другой день губернаторъ прислалъ карету съ лошадьми, пока мы не заведемъ своихъ; кучество прислало все нужное для дома, повѣренныя—водки и винъ, двѣ коровы и даже сѣна и разныхъ домашнихъ птицъ; и я ничего не покупала. Наконецъ, я поѣхала съ визитами, и меня вездѣ принимали какъ-бы принцессу какую, и очень меня всѣ полюбили, особливо домъ губернатора и вице-губернатора,—и самолюбію моему очень было пріятно. Мужа моего чрезвычайно полюбилъ губернаторъ, и я, казалось, начала блаженствовать... Но не долго продолжалось мое спокойствіе...

Живши мѣсяца четыре, я занемогла, и мужъ мой легъ спать на канале. Ночь, такъ какъ отъ болѣзни сна у меня не было, и я лежала молча, опасаясь обезпокоить мужа моего,—вижу, что онъ встаетъ очень тихо и подходитъ ко мнѣ, спрашиваетъ, сплю ли я? Но я не отвѣчала ему, и онъ, увѣрившись, что я сплю, пошелъ въ другую комнату, гдѣ спала

¹⁾ Августъ-сентябрь 1779 года.

²⁾ Это былъ генераль-маіоръ Францъ Николаевичъ Кличка, занимавшій должность иркутскаго губернатора съ 24-го сентября 1778 до 1783 г., когда былъ назначенъ генераль-губернаторомъ калужскимъ и орловскимъ; умеръ онъ въ Орлѣ 28-го октября 1786 года въ чинѣ генераль-поручика. О немъ см. „Русскій Біографическій Словарь“, С.-Пб. 1897, стр. 742.

³⁾ Съ 22-го сентября 1778 по 1783 г. иркутскимъ вице-губернаторомъ былъ бригадиръ (съ 24-го ноября 1780 г. генераль-маіоръ) Александръ Юрьевичъ фонъ-Цедельмацъ (род. въ 1723, ум. 5-го октября 1793 г.), съ 1787 года пропавшій въ пожалованномъ ему имѣніи въ Эстляндской губерніи („Русскій Біографическій Словарь“ С.-Пб. 1901, стр. 466).

дѣвка, — и я увидѣла всѣ мерзости, которыя онъ съ ней дѣлалъ! Сердце у меня кровью облилось, и я увидѣла свое несчастіе и считала худшимъ, нежели было, потому что дома онъ никогда не имѣлъ дѣвкл. Поутру подали мнѣ чай, а мужъ мой услуживалъ мнѣ очень, но, видя, что я очень невесела и насилу удерживаю слезы, началъ спрашивать, кто меня огорчилъ и что со мною сдѣлалось? Я отвѣчала, что у меня сильная боль въ головѣ, но, кажется, онъ догадывался и примѣчалъ, не знаю ли я чего. Матери моей я сказать боялась—не знала, вынесетъ ли она по слабости своей. Итакъ, рѣшилась терпѣть и молчать... Лѣкаръ, пріѣхавши, удивился, нашедши меня хуже, нежели я наканунѣ была, и сказалъ: «Что съ нею сдѣлалось? У ней кровь въ сильномъ волненіи, и ей сію минуту надо пустить кровь!» Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ губернаторъ, и, увидя меня, сказалъ: «Не отъ духа ли ваша болѣзнь происходитъ? Нѣтъ ли горести въ сердцѣ вашемъ? Я на лицѣ вижу не болѣзнь, а скорбь. Отверженности отъ васъ требовать не смѣю, потому что вы меня еще коротко не знаете, но желалъ бы я доказать вамъ, сколько я васъ люблю и почитаю, и сколько я беру участія во всемъ, касающемся до васъ! Узнайте меня короче и будьте искренны; требуйте отъ меня всего того, что вамъ угодно!»—«Я ни въ чемъ не имѣю нужды, кромѣ совѣтовъ добрыхъ, и чтобъ вы были моимъ наставникомъ и благодѣтелемъ; не откажите мнѣ въ семъ моемъ покорномъ прошеніи: я до сихъ поръ не жпла безъ друга и путевода, —но я теперь съ вами говорить не могу»... Въ самое это время пришелъ мужъ мой изъ Банка, —и такъ разговоръ кончился. Послѣ я думала: «Какъ я открою стыдъ мужа моего, и помогутъ ли мнѣ въ томъ несчастіи, которое я должна сносить? Нѣтъ помощника, кромѣ Создателя моего! буду Его просить, Онъ меня не оставитъ!» И мнѣ гораздо сдѣлалось отраднѣе. На третій день я встала съ постели, и мужъ мой былъ, повидимому, очень радъ и просилъ нашихъ камерира и кассира, чтобъ ихъ жены меня посѣщали. Они меня очень любили и никогда меня не оставляли; ихъ любви я никогда не забуду. Нельзя было отъ нихъ укрыться, хотя я имъ и не говорила никогда ничего, но, бывши всякій день вмѣстѣ, сами примѣчали. Одинъ разъ были мы на покосѣ, гдѣ недѣлю пробыли. Тутъ они многое увидѣли, какъ онъ ходилъ къ дѣвкамъ и всякія мерзости дѣлалъ и никому не спускалъ—ни бабамъ, ни дѣвкамъ, которыя его часто толкали и называли самыми непріятными именами; но ему не стыдно было; только всегда запрещалъ имъ мнѣ сказывать и грозилъ ихъ высѣчь плетьюми. Вся моя была отрада въ слезахъ... Матушка потеряла зрѣніе и сдѣлалась очень слаба, то я и не могла съ ней дѣлить мои горести.

Въ самое это время губернаторъ отправилъ насъ въ Нерчинскъ ¹⁾

¹⁾ Въ началѣ 1780 года.

въ разсужденіе смерти тамошняго начальника ¹⁾), чтобъ не остановилась плавка серебра. Мужъ мой хотѣлъ меня оставить, но я не захотѣла и поѣхала съ нимъ, оставивши матушку и весь домъ, и препоручили нашему благодѣтельному губернатору.

Пріѣхавши туды, вступилъ онъ въ должность, а я стала заниматься хозяйствомъ. И съ самага моего пріѣзда я увидѣла всѣхъ служащихъ при домѣ безъ воздрей и съ клеймами. Сердце у меня замерло, и я въ великомъ была страхѣ; особливо я одного очень боялась, называемаго Феклистомъ, у котораго звѣрское лицо и видъ ужасный, а онъ всякій день входилъ въ комнаты топить печки. Въ одно утро я лежала еще на постели и слышу, что кто-то вошелъ въ комнату. Я тихонько встала и посмотрѣла черезъ ширмы, которыми была заставлена кровать наша, и, увидя этого страшнаго Феклиста, не помню, какъ упала въ постель и дожидалась, когда онъ придетъ меня убить, но вошла моя женщина и сказала, что поданъ самоваръ. Я встала и послала за полицеймейстеромъ и просила его избавить меня сего страшнаго человѣка. Онъ меня увѣрялъ, что это самый лучший человѣкъ изъ несчастныхъ. «Узнаете его короче,—вы его полюбите, а у меня нѣтъ лучше его и къ такой должности не могу никого, кромѣ его опредѣлить. Будьте покойны: я за него вамъ отвѣчаю!» Я послѣ этого сдѣлалась поспокойнѣе, но не могла все-таки безъ страха на него смотрѣть. Узнала я многихъ несчастныхъ и изъ благородныхъ, которымъ старалась всевозможныя показывать ласки. Тутъ во мнѣ снова родились чувства и наставленія моей матери, и живо представились всѣ ея добрыя дѣла и дружеское обхожденіе съ несчастными, въ которыхъ и меня дѣлала участницей,—и съ радостнымъ сердцемъ предприняла, сколько возможно, облегчать ихъ участь: помогать имъ и стараться ихъ любить. Съ сими мыслями я вышла въ сѣни, которыя вели во дворъ, гдѣ встрѣтила Феклиста и опять испугалась. Онъ меня остановилъ и съ робостью просилъ выслушать. Я остановилась и спросила: «Что тебѣ надобно?» Онъ упалъ мнѣ въ ноги. «Я вижу, что вы меня боитесь; иначе—нельзя: печать злодѣйствъ моихъ осталась на страшномъ моемъ лицѣ, но меня убиваетъ то, что вы меня не любите. Знаю, что нельзя любить, но хоть терпите меня и не бойтесь. Меня Христосъ Спаситель простилъ; я смѣю потому думать, что дано мнѣ сердце новое, а не то звѣрское, которое я прежде имѣлъ». Я

¹⁾ Иона Вендигетовичъ Аршеневскій (род. въ 1727 г.), начавшій службу въ 1742 г. лакеемъ высоч. двора, въ 1748 г. получившій чинъ поручика, а въ 1773—бригадира, 27-го января 1777 г. былъ назначенъ командиромъ Нерчинскихъ заводовъ; умеръ 19-го декабря 1779 года. (Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская Родословная книга, т. I, С.-Пб. 1895, стр. 26—27).

обняла его и сказала: «Я тебѣ даю мое слово, что буду стараться не только терпѣть, но и любить тебя»,—и опредѣлила его смотрѣть за птицами, чтобъ мнѣ съ нимъ чаще быть. И вскорѣ послѣ этого вдругъ приходятъ и сказываютъ, что Феклисть умираетъ у насъ на дворѣ. Я пошла и увидѣла его безо всякихъ чувствъ; велѣла его внести къ себѣ въ комнату, послали за лѣкаремъ и пустили кровь. И какъ онъ пришелъ въ чувство, то осмотрѣлся вокругъ себя, и, увидя, что лежитъ у меня въ комнатѣ, сказалъ: «Теперь я вижу, что вы меня начинаете любить». Я спросила, что ему сдѣлалось?—«Вы не знаете еще моихъ злодѣяніевъ. Я былъ разбойникъ и ходилъ по Волгѣ 17 лѣтъ. Первое было мое удовольствіе—рѣзать себѣ подобныхъ и оставлять имъ нѣсколько жизни,—и ихъ мучительное трепетаніе дѣлало мнѣ радость. Сегодня я отдалъ повару цыплятъ для стола, и, идя по двору, нечаянно взглянулъ на крыльцо у кухни и увидѣлъ заколотыхъ цыплятъ,—и они трепещутъ. Я, вспомня свое злодѣйство, вся кровь во мнѣ остановилась, и я больше ничего не помню. Вотъ, моя благодѣтельница, теперь тебѣ извѣстны мои злодѣйства и причина моей болѣзни!» И я запретила, чтобъ остерегаться дѣлать все то, что можетъ ему привести на память первую его жизнь, и съ тѣхъ самыхъ поръ онъ былъ моимъ любимцемъ,—да и стоилъ того: весь домъ порученъ былъ ему, и когда мы уѣзжали куда, то и комнаты ему же поручались. Онъ часто доставлялъ мнѣ случай дѣлать добро несчастнымъ, ходатайствуя за нихъ и объявляя ихъ нужды, и я была счастлива, что исполняла опять волю матери моей: посѣщала больныхъ, чѣмъ могла награждала бѣдныхъ, несчастныхъ посѣщала въ ихъ жилищахъ ¹⁾).

Тамъ нѣтъ тюрьмы и все ходятъ по волѣ, живутъ другіе своими домами. Одинъ разъ я ходила гулять съ двумя моими пріятельницами и очень устала и зашла къ несчастному, который былъ изъ благородныхъ, Жилинъ. Пришедши къ нему, сказала: «Я пришла къ вамъ отдохнуть и напиться чаю»... Онъ такъ былъ симъ моимъ посѣщеніемъ тронутъ, что зашатался и упалъ. Я ничего не понимала, отчего съ нимъ сіе сдѣлалось; бросились все ему помогать; наконецъ, онъ опомнился, и мы его посадили. Я спросила, что онъ чувствуетъ, и не надо ли послать за лѣкаремъ, и отчего сдѣлалась такая дурнота? Онъ отвѣчалъ: «Отъ радости сильной и чувства благодарности. Могъ ли я ожидать въ моемъ несчастномъ положеніи такого милостиваго посѣщенія? Ты—ангелъ, принесшій мнѣ радость и миръ въ сердце мое, въ шестнадцать лѣтъ

¹⁾ Разказу объ этомъ Феклиствѣ, который былъ взятъ А. Е. Карамышевой въ Иркутскѣ и жилъ у нея въ качествѣ садовника, она посвятила (въ 1817 г.) особый очеркъ, предназначавшійся для печати и находящійся въ настоящее время у насъ; ему предпослана замѣтка „Взглядъ на Сибирь“, писанная, вѣроятно, А. О. Лазиннымъ.

*

въ первый разъ! Я вижу посѣщеніе жены начальника моего и вижу, что и онъ меня не презираетъ. Да наградить васъ Творецъ всѣми дарамъ!» Я стыдилась слушать такую благодарность и сказала: «Вы говорите, что рады моему приходу, а чаю мнѣ не даете, а я очень пить хочу!» Онъ сидѣлъ весь въ слезахъ... Итакъ, мы напились чаю. Я, прощавшись съ нимъ, пригласила его на другой день къ себѣ отобѣдать, и съ тѣхъ поръ онъ очень часто бывалъ у меня и хаживалъ гулять со мной. И я радовалась, что доставляла ему спокойствіе хоть на нѣсколько времени. Вотъ какъ мало стоитъ въ тѣхъ мѣстахъ начальнику дѣлать несчастныхъ счастливыми! Одинъ разъ онъ, сидя у меня, сказалъ: «Вы столько добры и милостивы, что я осмѣливаюсь васъ просить: не можете ли вы увеличить еще вашего благодѣянія и спросить у супруга вашего? Есть одинъ несчастный мой товарищъ, за триста верстъ живущій, сосланный по одному дѣлу со мной, котораго я съ самаго несчастья не видалъ,—то не позволено ли мнѣ будетъ съ нимъ увидѣться на нѣсколько времени? Пусть бы онъ узналъ моихъ милостивыхъ благодѣтелей и увидѣлъ, что и въ несчастіи человѣкъ можетъ наслаждаться счастьемъ!» Я не могла ему сего обѣщать, а только взялась поговорить съ моимъ мужемъ, можно ли сіе сдѣлать? И нашедши случай, когда онъ былъ хорошо расположенъ, просила его; и онъ подъ видомъ осмотра заводовъ поѣхалъ въ городъ Нерчинскъ, и я съ нимъ, и Жалина онъ взялъ съ собою. Приѣхавши въ городъ, Александръ Матвѣевичъ послалъ за Озеровымъ, который тотчасъ и явился. И какое было свиданіе горестное сихъ двухъ несчастныхъ! Сколько слезъ было пролито! И они оба упали въ ноги къ мужу моему и мнѣ, называли отцемъ и благодѣтелемъ... Итакъ мы цѣлую недѣлю прожили. И Озеровъ воспитанъ очень хорошо: на разныхъ инструментахъ игралъ, пѣлъ, въ обхожденіи любезенъ. Поѣхавши, мы Озерова взяли съ собой подъ видомъ излѣченія болѣзни: у насъ въ городѣ лѣкарь былъ очень хорошій. Итакъ онъ жилъ семь мѣсяцевъ съ намъ, и уѣхалъ тогда, когда намъ ужъ надо было выѣхать.

Узнавши они все о нашемъ отъѣздѣ¹⁾, въ такое пришли уныніе, что я видѣть ихъ не могла безъ сердечнаго чувства скорбнаго. Я же скажу: сколько я тамъ была нелестно всѣми любима, это доказали они все мнѣ. При моемъ отъѣздѣ цѣлыя двѣ недѣли безвыходно все у меня были, особливо несчастные, руки мои обмывали слезами, и я искренно съ ними плакала и жалѣла ихъ. Я точно ихъ считала самыми ближайшими къ сердцу моему, и эти полтора года, проведенные мною въ Нерчинскѣ, никогда не возвратятся. Всякій день Богъ подавалъ мнѣ случай дѣлать добро для ближнихъ; я все

1) Въ первой половинѣ 1781 г.

приказанія матери моей тутъ выполнила: страждущихъ и больныхъ посѣщала всякій день, лѣчила. Даже мнѣ были случаи въ отдаленности дѣлать добро: узнававши черезъ несчастныхъ, ѣзжала и по деревнямъ дѣлать вспоможеніе. Ахъ, какъ сердце мое тогда было спокойно! Совѣсть моя ничѣмъ меня не упрекала, мыслей даже дурныхъ никогда не имѣла, и меня меньше трогали поступки мужа моего постыдные, дѣланные противъ меня. Я веселилась тѣмъ, что онъ меня ничѣмъ упрекнуть не можетъ, и я противъ него не была виновата, даже не обличала его въ порокахъ. Я въ Нерчинскѣ тѣмъ была спокойнѣе, что дома не было у меня такихъ женщинъ, къ которымъ бы онъ могъ идти, и я этого не боялась, чтобъ онъ могъ пристраститься къ одной: ему все равно, была красавица ли, или безобразная, лишь бы была женщина.

Наконецъ, мы собрались ѣхать обратно въ Иркутскъ, и въ который день поѣхали мы изъ Нерчинска, тотъ день для меня будетъ памятенъ по смерти моею. Всѣ несчастные собрались къ нашему дому, а многіе и ночевали у насъ, а благородные и не спали, и я цѣлую ночь съ ними просидѣла. Разговоровъ было очень мало, но стоны только были слышны. Въ пять часовъ поутру привели лошадей, и какъ начали закладывать, то сдѣлался глухой шумъ и стонъ. Заложили лошадей, и мы стали прощаться. Тутъ ужъ они не могли удержать своего рыданія, бросились всѣ въ ноги и закричали: «Простите, наши благодѣтели, осиротѣли мы, несчастные, и участь наша опять станетъ насъ тяготить и облегчить нашей горести будетъ некому! Богъ да наградитъ васъ и благословитъ за насъ, несчастныхъ!» И такъ, распрошавшись, поѣхали; они всѣ за нами бѣжали съ воемъ и крикомъ, въ отчаяніи. Полицеймейстеръ хотѣлъ ихъ гнать,—они всѣ закричали: «На этотъ разъ убей насъ, но мы не послушаемся! Знаешь, что мы теряемъ и чего лишаемся? Отца и матери!» Мы остановились, и Александръ Матвѣевичъ сталъ ихъ уговаривать: «Друзья мои, вы такъ же будете счастливы и спокойны, какъ и при мнѣ. Начальникъ у васъ добрый: онъ васъ будетъ беречь. Я его просилъ объ васъ, только будьте таковы, каковы были при мнѣ!»—«Мы давно таковы, но намъ все было худо! Мы до тебя были голодны, наги и босы и многіе умирали отъ стужи! Ты насъ одѣлъ, обулъ, даже работы наши облегчалъ по силамъ нашимъ, больныхъ лѣчилъ, завелъ для насъ огороды, заготовлялъ годовую для насъ пищу, и мы не хуже ѣли другихъ. И мы знаемъ, что ты много твоего издерживалъ для насъ и выѣзжаешь не съ богатствомъ, а съ долгами,—но Богъ тебя не оставитъ! Ты это въ долгъ давалъ и тебѣ въдесятеро возвратитъ Отецъ Небесный! То какъ же хотѣтъ, чтобы мы не рыдали? Позвольте намъ проводить себя до горы!» (разстояніемъ 18 верстъ). И никто не могъ остановить, и Александръ Матвѣевичъ выпросилъ для нихъ это удовольствіе, и мы ѣхали шагомъ, а они всѣ, повѣся голову, шли пѣшкомъ.

Какъ доѣхали до горы, тутъ остановились, и я не могу описать того отчаянія и горести, которое я въ нихъ видѣла. И съ страшнымъ стономъ пошли назадъ, и эхо повторяло ихъ стоны... Я истинно не помню, какъ я съ ними разставалась ужъ въ послѣднюю минуту, и мужъ мой горько плакалъ. Въ немъ много было добраго, и эта добродѣтель въ немъ велика была, чтобъ дѣлиться съ бѣдными. Случалось такъ, что и у себя не оставитъ, а послѣднее отдастъ! Ему, конечно, вмѣнится сія добродѣтель во что-нибудь и покроетъ другія его дѣла...

Бѣжавши дорогой, было время самое пріятное,—весной ¹⁾; мѣстополюженія были живописныя: горы, наполненныя цвѣтами душистыми и персиками, яблонями; изъ горъ били ключи и между цвѣтовъ протекали по долинамъ. Я, смотря, воспоминала тѣ виды, подобныя симъ, въ самомъ Нерчинскѣ, гдѣ съ пріятностью сиживала на горахъ, при восходѣ солнца, когда оно бросало лучи свои на блестящія капли росы, и всѣ цвѣты, подымая свои головки, испускали благовоніе. Сердце мое въ тишинѣ радовалось, нерѣдко и слезы лились, хотя я и не знала еще тогда познанія природы и не находила, или не умѣла находить и видѣть Творца въ твореніи, но внутренняя радость и тогда меня улаждала и усмиряла чувства мои; и я въ такомъ мирѣ приходила домой, что, кажется, никакая досада тогда не могла меня растрогать; всѣ тогда матери моей наставленія и слова живо возродились въ моей памяти, и я часто говаривала такъ, какъ будто бѣ она слышала меня: «Вотъ, почтенная родительница моя, дочь твоя исполняетъ теперь твои завѣщанія! Ты, конечно, слышишь и видишь; ежели это возможно,—то ты радуешься. Долго твои наставленія во мнѣ были погребены и недѣйствительны, и, ежели выѣду отсюда, можетъ быть опять то же будетъ. Я здѣсь совсѣмъ безъ путеводителя, но пусть духъ твой будетъ моимъ хранителемъ!»

И такъ, мы пріѣхали въ Иркутскъ. Губернаторъ ²⁾ былъ очень радъ нашему пріѣзду, и, смотря на меня, сказалъ:

— «Мнѣ кажется, тамошній воздухъ болѣе на васъ имѣлъ благотворное свое дѣйствіе, нежели здѣсь. Вы совсѣмъ перемѣнились: я вижу спокойствіе на лицѣ вашемъ. Я этого ожидалъ,—меня увѣдомляли о вашей тамошней жизни; я все знаю, какъ вы жили и чѣмъ вы занимались».

Я сказала: — «Ежели вы все знаете, — то кто жъ мнѣ доставилъ тамошнюю мирную жизнь, какъ не вы, то я и отношу всю мою перемѣну къ вамъ, моему почтенному благодѣтелю. Одно только жалѣю, что я не могла жить тамъ до конца дней моихъ: я бѣ могла всякій день видѣть новыя радости!»

¹⁾ 1781 г.

²⁾ Ф. Н. Кличка.

— Не скорбите: вы и здѣсь можете быть счастливы и наслаждаться пріятностями жизни. Примите меня въ друзья ваши и не откажите въ семь для меня пріятномъ названіи!

— Я должна сего испрашивать у васъ, а не вы у меня!

— И такъ, дайте руку, что ваше сердце будетъ открыто вашему другу, и ваши тайны будутъ заключены въ моему сердцу!

Я заплакала и сказала: «Будьте не только другомъ, но и отцомъ; мнѣ нужны ваши совѣты и наставленія!»

И такъ, мы начали опять нашу жизнь по-прежнему; мать оставалась въ Иркутскѣ и была очень рада нашему пріѣзду. «Спокойно ли ты, мой другъ, тамъ жила?» Я ей все рассказала, и она благодарила Бога, что хоть это короткое время я нашла для сердца своего пищу и удовольствіе. «Но я предвижу, что здѣсь опять твои страданія начнутся; но прошу тебя, какъ другъ: тебѣ ужъ двадцать второй годъ, и я могу съ тобой говорить. Скрывай, моя любезная, что ты знаешь худое поведеніе мужа твоего,—это одно только можетъ его остановить, чтобъ все дѣлать явно, и по поведенію твоему будетъ бояться обнаружить свои дѣла. Знаю, что тебѣ горько и несносно, но молись Ходатаю нашему Іисусу Христу, чтобъ Онъ послалъ тебѣ свою помощь и терпѣніе. Онъ тебя не оставитъ и наградитъ тебя за твое терпѣніе великими дарами!»

Мужъ мой принялся опять за свои старые дѣла, и такъ какъ у насъ была квартира очень тѣсна,—двѣ комнаты и на другой половинѣ у матушки двѣ комнаты,—то ему много мѣшало исполнять свои похоти, и въ разсужденіи сего, онъ меня часто посылалъ со двора подъ видомъ, чтобъ не пріѣхали ко мнѣ гости и ему не помѣшали въ его упражненія. И я всегда ему повиновалась, а ежели не послушаюсь его, то чрезвычайно былъ сердитъ; то, избѣгая всего, я уѣзжала, и всѣ мои выѣзды были больше къ губернатору, а ужъ ежели мнѣ бывало очень горько, то я уѣзжала къ нашей секретаршѣ, которая жила за городомъ. И тамъ, сидя на берегу, давала вольное теченіе слезамъ, и они со мной плакали, зная всю мою жизнь, не отъ меня, но отъ людей. И опять черезъ нѣсколько времени духъ мой пришелъ въ уныніе, и ничто меня не веселило, хотя я и показывала наружно, что я весела. Но иной разъ, забывши, вздохи мои открывали состояніе души моей.

Одинъ разъ, бывши я у губернатора, онъ сказалъ мнѣ: «Я жалѣю, что вы тѣсно живете; вамъ бы надо свой домъ имѣть; отъ меня недалеко продаютъ домъ за триста рублей; онъ ветхъ очень, но мѣсто хороше и велико, то вы могли бы выстроить».

— Конечно бѣ, это было хорошо, но мы не въ состояніи сего сдѣлать.

На другой день былъ домъ купленъ на мое имя и приказано было ломать и возить бревна, и планъ былъ сдѣланъ. Я столько была симъ

тронута, что не было словъ, но слезы мои изъявляли мою благодарность. На закладѣхъ самъ былъ нашъ благодѣтель и велѣлъ и садъ развести, и это все шло вмѣстѣ—и строеніе дому, и саду; и всякій день самъ ходилъ, надсматривалъ надъ работой. И такъ, я зимой была съ домою, и что было надо въ домъ,—все нашла, и благодѣтель нашъ у насъ обѣдалъ на новосельѣ; и въ домѣ были для меня двѣ комнаты: одна—диванная, а другая—самая уединенная, и убраны съ самымъ лучшимъ вкусомъ: не богато, но просто и чисто. Онъ привелъ меня въ эти комнаты и сказалъ:

— Вотъ, мой другъ, собственно для тебя. Ежели могутъ сіи комнаты тебѣ въ смутные часы твоей жизни хоть сколько-нибудь дать спокойствія, то я ужъ заплаченъ отъ тебя буду. Вотъ и распятый Іисусъ, котораго проси помощи и успокоенія. Онъ тебя не оставитъ, только ты Его не оставляй!

И я, оставшись одна, первое было мое чувство—идти въ мои комнаты и упасть передъ распятіемъ—благодарить, что Онъ опять мнѣ далъ отца и друга, въ которомъ я найду моего путеводителя и наставника. Мужъ мой, увидя меня въ слезахъ, спросилъ: «Что тебѣ сдѣлалось?»—«Не оскорбляйся, мой другъ: ты видишь слезы благодарности къ Спасителю моему и къ нашему благодѣтелю!» Онъ самъ заплакалъ и сказалъ: «Чѣмъ мы заплотимъ за толикія милости?»—«Другъ мой! Богъ не требуетъ отъ насъ больше ничего, какъ чистоты сердецъ нашихъ и преданія себя въ волю Его, и чтобъ мы жили въ чистой супружеской любви и прославляли бѣ Его милосердіе жизнью нашею и поведеніемъ и чистою любовью къ Нему: Онъ не требуетъ словъ, но смотреть на дѣла наши; а благодѣтелю нашему будемъ стараться всячески показывать дѣтскую любовь и благодарность, и будемъ къ нему искренны. Особенно мнѣ надо хвалить Господа моего: у меня опять есть отецъ, которому я могу открывать всѣ чувства мои, и, конечно, мое сердце будетъ ему открыто!» Мужъ мой, все сидя, плакалъ; вставши, очень тяжело вздохнулъ и сказалъ: «Твое сердце можетъ открыто быть,—оно чисто, а я не могу: мнѣ надо скрывать, чтò въ немъ происходитъ!» Обнялъ меня и ушелъ спать.

Потру мы пошли оба къ нашему благодѣтелю благодарить его. Я, вошедши къ нему въ кабинетъ, хотѣла благодарить, но рыданіе прервало слова мои. Онъ всталъ, обнялъ меня и назвалъ самымъ пріятнымъ именованіемъ: «Дочь моя и другъ мой! Сколько мое сердце желаетъ тебѣ добра и спокойствія, это видитъ мой Спаситель. Твое спокойствіе тѣсно сопряжено съ собственнымъ моимъ спокойствіемъ; сердце мое открыто для тебя, пусть и твое будетъ таково! Ежели я буду столько счастливъ, что ты будешь во мнѣ видѣть друга и отца и будешь открывать мнѣ твое сердце, — я буду сколько можно об-

легчать грусть твою и раздѣлять съ тобою; и совѣты мои будутъ тебѣ, можетъ быть, полезны!» Оборотаясь къ мужу моему, сказала: «Ты, мой другъ, также для меня дорогъ, и я увѣренъ, что ты меня любишь. Отъ тебя требую, чтобъ ты со мной былъ всякій день. Я не думаю, чтобъ жена твоя была недовольна тѣмъ, что ты часто будешь ее оставлять одну. Я въ ней увѣренъ, что она не будетъ въ скукѣ, потому что у ней есть занятія. А ежели ей будетъ когда скучно, то и она можетъ съ нами дѣлать время. Ее же ваши подчиненные очень любятъ,—это я знаю,—то она одна не будетъ,—они ея не оставятъ. Да, она столько счастлива, что всѣ ей радуются и хотятъ съ ней быть, только бѣ она захотѣла».

И такъ, мы начали жить въ новомъ своемъ жилищѣ, но не было у меня спокойствія. Мужъ мой, часъ-отъ-часу, дѣлался хуже въ своемъ поведеніи, но я ему ничего никогда не говорила. Мать моя была ужъ слѣпа, то я старалась и отъ нея скрыть, но она часто слыхала, что я плачу, и спрашивала меня: «Что тебѣ, мой другъ, сдѣлалось, что ты всегда плачешь; хоть я не вижу, но слышу и по ночамъ слезы твои; скорбитъ сердце мое, но помочь тебѣ не могу. Бывши съ глазами, я могла тебя спасать отъ многого, но теперь сама насилу таскаюсь. Молись Господу и не отчаивайся: Онъ тебя не оставитъ. Ты, можетъ быть сими жестокими опытами приготавлиешься къ чему-нибудь важному, только умѣй все сіе вытерпѣть съ покорностью!» И послѣ сего разговора скоро очень сдѣлался съ ней ударъ, и въ сутки скончалась ¹⁾). И я съ ней потеряла послѣднюю мою отраду и спокойствіе. Мужъ мой чрезвычайно плакалъ, а я о себѣ ужъ и говорить не могу: я только была, какъ помѣшанная. Всѣ шесть недѣль мужъ мой грустилъ очевь, послѣ началъ забывать и отъ скуки, въ немъ еще остававшейся, препровождалъ время съ дѣвками, сказывавшися благодѣтелю своему больнымъ. А я часто ухаживала къ моему доброму отцу, но не могла всего того сказать, что онъ дѣлалъ,—стыдъ мнѣ запрещалъ, но онъ зналъ отъ постороннихъ людей еще больше, нежели я думала. Сколько разъ говаривалъ ему, но онъ отвѣчалъ, что: «Я ее очень люблю, и она жаловаться на меня не можетъ», и мнѣ очень много доставалось самыхъ грубыхъ выговоровъ. Сколько я ни увѣряла его, что я никогда и никому объ немъ здѣсь не говорю, но онъ не вѣрилъ, и, наконецъ, всѣ знали мою жизнь и, кромѣ сожалѣнія, ничѣмъ мнѣ помочь не могли. Но я истинно никогда не жаловалась никому, потому что помочь мнѣ никто не могъ, а старалась еще скрыть и быть сколько можно веселѣе, зная, что горестная физіономія не можетъ никому быть пріятна, и я боялась, чтобъ мной скучать не стали; только изливала мою горечь отцу моему и благодѣтелю, и то

¹⁾ 1781—1782 г.

рѣдко, когда не могу ужъ и лицо показать веселое, невольно вырываются вздохи и слезы выступаютъ на глаза,—тогда только складывала съ сердца моего тягость гнетущей меня горести. Но, что онъ могъ мнѣ сдѣлать, какую подать помощь страждущей, кромѣ сожалѣнія обо мнѣ? и часто плакалъ со мной, уговаривалъ терпѣть и повиноваться волѣ Божіей: «Не мудрено, мой другъ, любить добраго мужа, но умѣй любить и уважать такого, каковъ у тебя. Терпѣніе твое не останется безъ награжденія,—молись Иисусу распятому, чтобъ онъ сохранилъ тебя отъ всѣхъ искушеній. Не повѣрай тайны сердца твоего мужчинѣ, который можетъ симъ случаемъ воспользоваться. Ежели кто осмѣлится при тебѣ говорить дурно о твоёмъ мужѣ, то запрети и вступи за него, и покажи, что ты ничему не вѣришь, что объ немъ говорятъ; самымъ этимъ ты заслужишь къ себѣ уваженіе и остановишь самаго дерзкаго мужчину сдѣлать тебѣ малѣйшій видъ неблагопристойности». Мужъ мой не могъ меня ничѣмъ укорить,—мое поведеніе и невинность защищали меня. Наконецъ, онъ сталъ со мной гораздо ласковѣе обходиться, и продолжалось сіе довольно долго. Сдѣлался онъ нездоровъ; я одна сидѣла съ нимъ вечеромъ; онъ очень показался мнѣ горекъ, я спросила у него: «Что тебя беспокоитъ: болѣзнь твоя или что-нибудь другое?»

— «Я становлюсь слабъ; дѣтей у насъ нѣтъ; деревнишки, которыя у меня есть ¹⁾),—мои родные у тебя возьмутъ,—съ чѣмъ ты останешься? Меня это чрезвычайно огорчаетъ!»

— «Поздно, мой другъ, началъ ты объ этомъ мыслить; помочь теперь нечѣмъ. Не беспокойся, я останусь богата и ничуть не бѣдна; совѣсть моя чиста предъ Богомъ и ничѣмъ меня не укоряетъ; противъ тебя—тоже невиновна; любима всѣми не по заслугамъ моимъ,—и это все по милости Даятеля всѣхъ благъ. Имѣю сіи сокровища, чего жъ мнѣ болѣе желать? Онъ меня сохранялъ и защищалъ до самой сей минуты, за что же Онъ меня и впредь не помилуетъ? Только бъ я Его не оставила, а Онъ никогда не оставляетъ тѣхъ, которые къ Нему прибѣгаютъ, и у меня, кромѣ Его—другого помощника нѣтъ!»

Онъ посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой и спросилъ: «Неужто ты считаешь грѣхомъ имѣть, кромѣ меня, другого мужчину, который бы замѣнилъ меня и отъ котораго бъ ты могла имѣть дѣтей? Они бы были для меня любезны, потому-что твои, и это бы самое меня успокоило. Я бъ самъ тебѣ представилъ того человѣка, въ которомъ я могу быть увѣренъ, что онъ сохранить сію тайну и твою честь. А о комъ я говорю, я знаю, что онъ тебя любитъ. Неужто ты мнѣ въ этомъ откажешь?»

Я долго молчала, потому-что окаменѣла, услышавши, до чего меня

¹⁾ См. предисловіе.

хочетъ довести тотъ, который долженъ быть моимъ путеводителемъ и наставникомъ! Наконецъ, я спросила: не шутка ли это, которая меня чрезвычайно огорчаетъ? Онъ отвѣчалъ:

«Нѣтъ, мой другъ, это истинное мое желаніе, въ которомъ заключается мое спокойствіе, и ты не должна мнѣ отказывать, а должна повиноваться!»

«Во всемъ, кромѣ этого! Здѣсь граница моего къ тебѣ повиновенія и почтенія! Все, что ты ни дѣлала противъ меня—я прощала, но этого простить нельзя! Чѣмъ ты и кѣмъ меня хочешь сдѣлать? Я знаю, что тебѣ больно, для чего ты ничѣмъ меня укорить не можешь,—будь увѣренъ, что я научена до тебя еще быть добродѣтельной, и никакія твои угрозы меня довести до безчестныхъ и мерзкихъ дѣлъ не могутъ! Все можешь мнѣ приказывать, кромѣ сего для тебя же постыднаго предложенія! Я удивляюсь, какъ ты могъ мнѣ говорить о такомъ дѣлѣ, въ которомъ ты, конечно, увѣренъ, что я тебя не послушаю!» Слезы текуція и рыданія прервали голосъ мой...

Онъ сказалъ: «Какъ ты дурачишься! Я думалъ, что ты нынче умнѣе стала. Тебѣ теперь двадцать-два года ¹⁾, то пора бы перестать называть то грѣхомъ и порокомъ, что служить къ удовольствію человѣка,—и я увѣренъ, что ежели ты размыслишь хорошенько и узнаешь того человѣка, который тебя страстно любить, то, наконецъ, съ удовольствіемъ согласишься!»

«Мнѣ не объ чемъ размыслить: тебѣ отвѣтъ сдѣланъ, а знать того человѣка, о которомъ ты говоришь, не хочу! Удивляетъ меня то, почему ты знаешь о страстной его любви ко мнѣ; ежели онъ самъ тебѣ сказывалъ, то какъ онъ смѣлъ тебѣ говорить о безчестіи той, которая составляетъ часть самого тебя? Но ежели ты самъ далъ поводъ къ сему открытію, то не безчестно ли съ твоей стороны? И за какую ты меня выдаешь? Не думай, чтобъ меня могло сіе замарать; я теперь буду обходиться со всякимъ мужчиной еще осторожнѣе, нежели прежде, и увѣрена, что моимъ поведеніемъ самаго дерзкаго мужчину удержу въ границахъ благопристойности. Ты заставилъ меня сказать тебѣ правду, что я въ тебѣ никогда не имѣла и не надѣялась имѣть ни путеводителя, ни наставника; видно, Господу угодно было, чтобъ мной управляли совсѣмъ посторонніе люди и научали быть добродѣтельной, а отъ тебя, кромѣ разврата, я еще ничего не видала! Ты самъ въ этомъ признаешься! Меня и здѣсь Господь не оставилъ сиротой и далъ мнѣ отца и благодѣтеля, которому все сердце мое открыто, и ежели вы мнѣ еще будете говорить о семъ, то я рѣшусь про васъ сказать все и просить наставленія у бла-

¹⁾ 1781—1782 г.

годѣтеля моего, что мнѣ дѣлать въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ!»

Онъ такъ разсердился, что началъ меня ругать и сказалъ:

«Я то съ тобой сдѣлаю, чего ты никогда не ожидала!»

— Буду все терпѣть, доколѣ будетъ угодно Господу повелѣть, но тѣмъ буду утѣшаться, что я невинна!

Онъ сказалъ: «Вотъ тебѣ срокъ на три дня рѣшить,—или приготовляйся видѣть то, чего еще ты не видала!»

— Какой вамъ угодно положить срокъ,—великъ или малъ,—отвѣтъ будетъ одинъ, и я готова на все, что вы мнѣ обѣщаете, и меня ничто не устрашитъ: я буду знать, за что я терплю, и сіе терпѣніе будетъ еще мнѣ доставлять нѣкоторое удовольствіе,—но я жалѣю объ васъ,—будете ли вы спокойны, и не будетъ ли совѣсть васъ укорять, что вы мучите ту, которая хочетъ васъ одного любить, но вы стараетесь сами меня съ собой раздѣлить!

Разговоръ нашъ прерванъ былъ приходомъ его племянника, который пріѣзжалъ закупать для полку сукна и долго у насъ жилъ и съ женою. Всѣ его родные меня очень любили, и я имъ тѣмъ же платила, а особливо этотъ племянникъ старался всячески мнѣ угодить. Я старалась быть всегда не одна, чтобъ опять не возобновилась у меня съ мужемъ непріятная матерія.

Прошло недѣли двѣ, какъ племянникъ жену свою отправилъ напередъ въ крѣпость, въ которой ихъ полкъ стоялъ, а самъ на нѣсколько времени остался у насъ. Въ одинъ день мужа моего не было дома, и я сидѣла одна въ своей комнатѣ и въ самыхъ горькихъ размышленіяхъ о моей скорбной жизни, молила Иисуса, Господа моего, чтобъ Онъ подалъ мнѣ силы и крѣпость къ перенесенію всего того, что еще мнѣ предстоитъ. Вдругъ отворяются двери и входитъ его племянникъ и, увидя меня въ слезахъ, сказалъ: «Долго ли вамъ, милая тетюшка, плакать? Будьте веселы; я знаю вашу жизнь и ваше терпѣніе. Пусть онъ васъ не любитъ,—есть такіе люди, которые васъ обожаютъ и лучше умѣютъ цѣнить, но вы не примѣчаете или не хотите примѣчать. Вамъ только стоитъ сказать слово, то все будетъ исполнено!» Я никакъ не могла понять, что онъ хочетъ сказать, и просила его, чтобъ онъ яснѣе говорилъ. Онъ началъ прямо изъясняться въ своей страсти. Я горько заплакала и сказала: «Господи мой и Боже! Всѣ на меня возстали,—защити меня! Могла ли я ожидать такого безчестнаго предложенія и отъ кого—отъ того, который видитъ мое поведеніе и знаетъ, сколь мнѣ дорога чистота души моей? Почему вы вздумали и осмѣлились мнѣ сказать, что мужъ мой меня не любитъ? Кто вамъ это сказалъ? Ежели вы скажете, что изъ обхожденія его со мной это примѣтили,—то вы солжете: его со мной обхожденіе самое лучшее, котораго по наружности

больше я и требовать не могу, а во внутренности вы видѣть не можете. Но, ежели бы и справедлива была ваша догадка, то вамъ бы осталось только жалѣть меня, а не дѣлать мнѣ мерзкихъ предложеніевъ, которыя меня чрезвычайно огорчаютъ, а васъ дѣлаютъ въ глазахъ моихъ самымъ подлымъ и презрительнымъ человѣкомъ, и вы не заслуживаете, чтобъ я съ вами могла больше говорить. Для меня низко быть съ такимъ человѣкомъ, каковъ ты! Прошу васъ мой домъ оставить навсегда и сегодня же, а ежели вы не сдѣлаете сего, я объявлю мужу моему и буду жаловаться на васъ губернатору, который какъ мнѣ отецъ, то онъ за дочь свою вступится!»

И я насилу могла говорить; рыданія меня задушали, и хотѣла выйдти, но онъ упалъ къ ногамъ моимъ, испрашивая прощенія, и сказалъ:

— Я думать никогда не смѣлъ объ этомъ, въ чемъ теперь сдѣлался виновнымъ! Меня къ этому подвигнулъ мужъ твой, увѣряя меня, что вы сами этого желаете и онъ согласенъ на это. Потому-то я и сказалъ, что онъ васъ не любитъ!

Я вся затрепетала и не могла даже произнести ни одного слова; наконецъ, насилу собралась съ силами и сказала: «Не думаете ли, что я вамъ повѣрю? Это вы говорите въ свое оправданіе и хотите замарать другого въ семь мерзкомъ дѣлѣ! Мнѣ нечего съ вами долго оставаться, я и такъ много для васъ сдѣлала, что могла слушать васъ. Прошу васъ непременно сегодняшній день отправиться въ путь вашъ; я теперь иду обѣдать къ моему благодѣтелю и не войду въ мой домъ иначе, какъ узнаю, что вы уѣхали но ежели не сдѣлаете сего,—я все обнаружу!»

Сказавши сіе, я вышла вонъ и ту минуту пошла къ моему отцу и благодѣтелю. Пришедши, нашла и мужа моего тутъ. Увидѣвши его, всѣ члены мои затрепетали, и я насилу могла держаться на ногахъ. Губернаторъ, увидя меня блѣдную, вскочилъ, посадилъ, кликнулъ жену свою, которая мнѣ дала нюхать что-то. Я сказала: «Не беспокойтесь: я была очень далеко и устала, а больше отъ жару. Теперь прошло, и мнѣ лучше!» И пошли съ губернаторшей въ ея кабинетъ, гдѣ неволью полились слезы и облегчили сердце стѣсненное. И губернаторша сочла, что у меня истерика, и мужа моего увѣряла, который догадался, что это значитъ. Немного погодя, входитъ мой благодѣтель и съ горестнымъ лицомъ спрашиваетъ: «Какова ты, мой другъ? Я вижу, что чему-нибудь надо быть чрезвычайному, но теперь спрашивать не хочу». Я только просила, чтобъ онъ удержалъ мужа моего цѣлый день у себя. И такъ, мы пробыли до двѣнадцати часовъ; племянникъ его приходилъ къ губернатору прощаться, и мужъ мой очень удивился, что онъ такъ скоро вздумалъ ѣхать. Губернаторъ сказалъ на это ему: «Ужъ давно бы пора было отправляться и, кажется, здѣсь жить незначѣмъ!» Пришедши мы

домой, мужъ мой чрезвычайно былъ сердитъ и ни слова со мной не говорилъ. Я, помолившись Богу и препоручая себя въ Его покровительство, легла спать. Вставши поутру, пошла поздороваться съ мужемъ моимъ. Только я вошла, то онъ спросилъ:

— Что это значить—скорый отъѣздъ моего племянника, котораго я столько много люблю, и онъ совершенный другъ?

— Ты ошибаешься въ его дружбѣ: онъ ничуть тебѣ не другъ, а больше врагъ, и не стоить объ немъ и говорить!

Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердито, и спросилъ: «Почему, сударыня, вы это изволите говорить и смѣете обижать того, въ которомъ я увѣренъ, что онъ ничего не сдѣлаетъ того, что бѣ служило къ его стыду. Чѣмъ онъ тебѣ не угодилъ?»

— Я отъ него никогда не требовала угожденія, а старалась сама всей твоей роднѣ угождать и дѣлать все то, что только отъ меня зависѣло. Правда, есть еще у тебя племянникъ, К. Ф. И., котораго я не только люблю, но и почитаю, и который входитъ въ мое скорбное положеніе и совѣтами своими много улаживаетъ горести мои, но онъ не помыслить дѣлать мнѣ никакихъ предложеній, которыя бы меня могли оскорбить; хотя онъ молодъ и холостъ, но правила его честныя не допустить ни до чего такого, которое бы могло укорять совѣсть его. Онъ не отыметъ у другихъ спокойствія!

— Да кто жъ у тебя отнимаетъ спокойствіе и кто тебѣ дѣлаетъ постыдныя предложенія?

И, говоря, пристально очень смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я замолчала, но онъ требовалъ самымъ сердитымъ голосомъ, чтобъ я говорила, почему я возненавидѣла уѣхавшаго племянника, котораго онъ хочетъ звать сюда жить.

— Когда ты заставляешь меня говорить, то знай же, что я его выгнала и запретила никогда не въѣзжать ко мнѣ въ домъ! Онъ-то самый и дѣлалъ мнѣ безчестныя предложенія и смѣлъ еще лгать на тебя, что будто ты его заставилъ говорить и увѣрилъ его о моей къ нему непозволенной любви: только стыдъ будто меня удерживалъ самой ему это открыть,—то, послѣ всего этого, я васъ спрошу: честенъ ли онъ и другъ ли вамъ?

Онъ сказалъ: «Что ты такъ много о себѣ думаешь? И принцессамъ объявляютъ любовь, которые смѣютъ; объявить кто любовь непозволенную,—и такого выслушаетъ!».

— То именемъ только принцесса, то я выше себя считаю таковой и не позволю никому себѣ говорить, что касается до чести моей, а паче твоей!

— Не безпокойся, сударыня, о моей чести: я самъ умѣю ее сохранить, а это пустые предрасудки, которые ты называешь честью. Не

мѣшаетъ любить другого тебѣ, только умнымъ и скромнымъ образомъ, и я тебѣ всегда позволяю и позволяю, зная и увѣренъ, что въ этомъ нѣтъ грѣха. Тебѣ натолковано глупыми твоими наставниками, и всякимъ вздоромъ голова твоя набита; и я ничѣмъ не могу сего изъ тебя истребить и заставить тебя жить, какъ я хочу. Знай, что племянникъ мой опять здѣсь будетъ и возобновитъ свои исканія!

Я отвѣчала: «Племянникъ твой не въ твоей командѣ и ты не можешь приказывать ему и назначать, гдѣ жить, и я буду просить моего благодѣтеля, чтобъ онъ его далѣе удалилъ отъ насъ, и буду принуждена ему все рассказать, для чего я сіе дѣлаю!»

Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Тѣмъ-то ты плотнишь за любовь мою къ тебѣ и за дружеское позволеніе наслаждаться жизнью и и всѣми утѣхами?»

— Много васъ благодарю за любовь и за позволеніе на самыя лучшія дѣла, по-вашему, но я сама себѣ не позволяю, и ничто въ свѣтѣ меня принудить не можетъ! Ты говоришь, что глупыя мои наставницы меня сей глупости научили,—пусть такъ! Да поможетъ мнѣ Господь всё ихъ наставленія исполнить!

Онъ вскочилъ въ превеликомъ сердцѣ и бросился ко мнѣ. Я думала, онъ хочетъ ударить меня, но я съ мѣста не тронулась, и онъ только сказалъ самымъ звѣрскимъ голосомъ: «Я теперь знаю, что съ тобой дѣлать! Будешь жалѣть, но поздно!»

Я горько заплакала и сказала: «Я вся во власти твоей,—что тебѣ угодно, то и дѣлай; ты властенъ надъ тѣломъ моимъ, но не надъ душой! Богъ мой ее соблюдетъ отъ нечистоты!»

Онъ ушелъ, хлопнувши дверью, и уѣхалъ въ банкъ. Я пошла въ свою комнату, упала передъ распятымъ Иисусомъ, молила Его о помилованіи мужа моего, а меня чтобъ сохранилъ отъ паденія и далъ мнѣ силы и крѣпость къ перенесенію всего того, что противъ меня мужъ мой будетъ предпринимать. Въ самое это время приходитъ мой благодѣтель и находитъ меня въ жестокомъ волненіи и слезахъ: «Что тебѣ, милая дочь, сдѣлалось? Какая скорбь тебя угнетаетъ? Открой сердце твое любящему тебя отцу. Ты сама меня назвала симъ для меня пріятнымъ именемъ».

Я зарыдала. «Что я тебѣ скажу, отецъ мой? Я гибну; научи меня, что мнѣ дѣлать въ моихъ горестныхъ и тѣсныхъ обстоятельствахъ!» И все ему рассказала; онъ ужаснулся и долго молчалъ; наконецъ, со слезами, сказалъ:

— Принимай отъ Господа твоего все сіе за опыты, на тебя посланные, будь тверда и постоянна. Съ помощію Божіею все преодолѣешь. Ты не согрѣшишь, ежели не будешь повповаться волѣ мужа твоего въ такихъ случаяхъ, а племянника его никогда здѣсь не будетъ,—въ этомъ

я тебя увѣряю. Вотъ тебѣ мой самый дружескій совѣтъ: молись и проси Отца Небеснаго! Онъ ужъ найдетъ способы, какъ тебя избавить, а я только могу сдѣлать, чтобъ мужъ твой чаще былъ у меня, и, можетъ быть, что-нибудь успѣю изъ него сдѣлать. А тебя прошу, моя любезная, быть противъ него какъ можно кротче и показывать ему, сколько ты его любишь и стараешься ему угодить. Но не наружно, а внутренно старайся любить его. Немудрено любить добраго мужа, но ты старайся исполнить законъ Христовъ—люби и твоего мужа и помни, что и онъ тебѣ данъ отъ руки Создателя твоего. Судьбы Его неисповѣдимы, и не намъ ихъ испытывать, а наше дѣло—повиноваться Его велѣніямъ и не роптать на Него. Ежели ты скажешь, что жить съ нимъ не можно, то подумай, будетъ ли твоя участь лучше и будетъ ли твоя душа спокойнѣе, ежели ты его оставишь? Одни будутъ винить его, а другіе—тебя, да еще и болѣе тебя обвинять, нежели его. Ты же такъ молода, да и будешь ли спасена отъ преткновенія? Можетъ, самая жестокость мужа твоего дѣлаетъ тебя сильной и добродѣтельной. Терпи, мой другъ, и ежели ты все это превозможешь, то какая тебѣ будетъ радость при воспоминаніи прошедшихъ твоихъ бѣдствіевъ, и какую любовь и благодарность ты будешь чувствовать къ Спасителю твоему, Который спасалъ тебя, подкрѣплялъ, услаждалъ, давалъ тебѣ друзей? Не даръ ли драгоценный и теперь Онъ тебѣ далъ—кротость и терпѣніе и что ты всѣми любима искренно? Нѣтъ человѣка, который бы о тебѣ не говорилъ добраго! Но ты не возгордись этимъ: это не твои достоинства, а посланныя тебѣ отъ Господа, то ты и обращай къ Нему безпрестанно съ наполненнымъ сердцемъ любви и благодарности къ Нему единому. Не грусти же, моя неоцѣненная и добрая, не разрывай сердца, любящаго тебя, какъ самую наилучезнѣйшую дочь! Я бы былъ совершенно счастливъ и спокоенъ, если бъ твоя жизнь была спокойна. Твое счастье тѣсно связано съ собственнымъ моимъ счастьемъ и спокойствіемъ. Будь, мой милый другъ, спокойна, сколько возможно, а я поговорю съ твоимъ мужемъ; онъ не дуракъ и, какъ кажется, и сердце должно-быть хорошо, но не дано ему направленія къ добру. Увидимъ, что будетъ, и не станемъ отчаяваться, а ты за него молись и проси ему милости Божіей!»

Я съ горькими слезами сказала ему: «Всѣ буду твои совѣты и приказанія исполнять, неоцѣненный мой отецъ и благодѣтель! Молитесь за вашу несчастную дочь, чтобъ она не ослабѣла въ терпѣніи!»

Онъ обнялъ меня и горько заплакалъ, и ушелъ, но я осталась гораздо спокойнѣе. Мужъ мой тотчасъ пришелъ послѣ его и узналъ, что былъ у насъ губернаторъ. Вошедши, спросилъ:

— Зачѣмъ былъ у тебя губернаторъ, или ты за нимъ послала?

— Я за нимъ никогда не посылаю, а онъ самъ, привыкну насъ видѣть часто, пришелъ посмотрѣть и узнать, здоровы ли мы.

— Въ какомъ положеніи онъ тебя засталъ? Сказывай и не лги!

— Я никогда тебѣ не лгала и не намѣрена лгать. Онъ меня засталъ въ слезахъ и въ жестокой горести!

— Спрашивалъ ли онъ у тебя, отчего ты въ слезахъ?

— Спрашивалъ!

— Что ты ему на это отвѣчала?

— Что я несчастлива въ моей жизни и желала бы, чтобъ скорѣе прекратилась жизнь моя, нежели жить и мучиться, да и мужа моего мучить, которому бы я хотѣла доставлять однѣ радости, а не мученія!

— Что жъ онъ тебѣ на это сказалъ?

— Велѣлъ терпѣть и за тебя молиться!

— И ты правду говоришь?

— Я тебѣ ужъ сказала, что ни изъ чего во мѣрѣ лгать не буду;— остается въ твоей волѣ—вѣрить, или не вѣрить!

— Берегись, ежели ты мнѣ не то сказала. Я узнаю отъ самого твоего благодѣтеля, на котораго ты надѣешься. Я сегодня же къ нему пойду!

— Изволь идти и спрашивай обо всемъ!

Онъ посмотрѣлъ на меня и, помолчавши, сказалъ: «Я еще тебѣ повторяю, что ты должна рѣшиться на мои требованія, а иначе твоя жизнь не будетъ спокойна!»

Я отвѣчала, что я рѣшилась: сказала—и не перемѣню своего слова, что «въ этомъ случаѣ не могу тебѣ повиноваться, хотя бъ ты меня всеми муками хотѣлъ принуждать,—но не принудишь». Онъ посмотрѣлъ на меня, и сказалъ:

— Посмотримъ! Я тебѣ запрещаю ходить къ твоему благодѣтелю. Сказывайся больной и его къ себѣ не принимай, ни жены его!

— Первому я повинуюсь, но послѣднее не знаю, можно ли будетъ сдѣлать, чтобъ не принимать къ себѣ тѣхъ, которые намъ благодѣтельствуютъ. И онъ твой начальникъ!

— Это не твое дѣло мнѣ давать наставленія!—И ушелъ обѣдать къ губернатору и тамъ сказалъ, что я больна.

Что ужъ тамъ было и что ему говорилъ губернаторъ—я не знаю, но я въ самомъ дѣлѣ занемогла очень, и женщина моя, испугавшись, послала тотчасъ за лѣкаремъ, который ту минуту пустилъ кровь мнѣ, и я ничего не помнила; что со мной было. Лѣкарь поѣхалъ отъ меня къ губернатору и сказалъ ему, что я больна очень, и жизнь моя была въ опасности; ежели бы онъ не пустилъ мнѣ крови, то были бы слѣдствія очень дурныя. Мужъ мой испугался, прибѣжалъ домой и нашелъ меня въ великой слабости, и смертная блѣдность на лицѣ. За нимъ вслѣдъ и благодѣтели мои оба пришли, сѣли возлѣ меня. Отецъ мой взялъ руку

мою и нашелъ, что пульсъ очень скоръ и внутренній жаръ великъ, посмотрѣлъ на мужа моего и сказалъ:

— Что теперь вы думаете? Она можетъ и умереть, и кто будетъ ея убійца?

Онъ зарыдалъ и сказалъ: «Я безъ нея самъ жить не могу! Она—ангелъ кротости и терпѣнія!» Упалъ на колѣни передъ кроватью: «Живи для того, чтобъ простить меня во всѣхъ моихъ несправедливостяхъ противъ тебя!»

Я сказала, что я прощаю его и никогда не помню его досадъ. «Одно твое доброе поведеніе можетъ навсегда истребить изъ памяти моей всѣ тѣ горести, которыя ты мнѣ причинялъ!»

Онъ сказалъ: «Я тебѣ обещаю при благодѣтелѣ твоемъ, что буду другомъ твоимъ и никогда не оскорблю тебя съ намѣреніемъ!»

Благодѣтели мои оба плакали и, обнявши его, сказали: «Исполни свое обѣщаніе и будь добрымъ мужемъ; улади ея жизнь скорбную и дай ей чувствовать то добро, котораго ты лишилъ ее!»

И такъ какъ я была очень слаба, то они не хотѣли много при мнѣ говорить, а ушли съ нимъ въ другую комнату, а я, оставшись, благодарила Господа моего за болѣзнь посланную, чрезъ которую я примирилась съ мужемъ моимъ и увидѣла, что онъ меня еще любитъ.

Но сія моя радость недолго продолжалась... Съ мѣсяцъ я жила счастливо и спокойно, но опять мужъ мой началъ жить по-прежнему, и занятія съ дѣвками составляли все его удовольствіе, а я опять начала страдать, но ничего не говорила ему. Прибѣжище мое было одно—къ Создателю моему, чтобъ Онъ далъ мнѣ крѣпость и силы. Въ одинъ день онъ опять возобновилъ свои предложенія, чтобъ я выбрала непременно себѣ любовника.

— Я этого не хочу—я ему отвѣчала.—Гдѣ твои клятвы и обѣщанія, которыя ты давалъ—сдѣлать меня спокойной и счастливой? И что ты мнѣ говоришь о томъ, на что я никогда не рѣшусь и не сдѣлаю? Я тебѣ ужъ сказала и прежде, и нынѣ подтверждаю: не допущу себя никогда до того, чтобъ совѣсть моя меня укоряла, и не сдѣлаю стыда тѣмъ, которые меня воспитывали и давали мнѣ наставленія, чтобъ я была добродѣтельна,—чрезъ что я буду пріятна Создателю моему и любезна людямъ. Болѣе помню наставленія послѣдняго моего благодѣтеля и отца—Михайла Матвѣевича ¹⁾! И горько заплакала, сказавши: «Отецъ мой! Чувствуетъ ли твое сердце, что дочь твоя погибаетъ? Ты обѣщалъ молиться обо мнѣ,—да услышитъ Господь твою молитву о несчастной твоей сиротѣ!» А болѣе ничего не могла говорить...

Онъ чрезвычайно разсердился и сказалъ: «Я дойду до моихъ намѣ-

¹⁾ Хераскова.

реній и укрошу твое жестокое и упрямое сердце! Съ сихъ поръ ты увидишь, что съ тобой будетъ!»

— Я на все готова: мнѣ нельзя ожидать отъ тебя лучшаго, но Богъ мой защититъ меня отъ всякаго зла, тобою мнѣ приготовленнаго!

Онъ затопалъ ногами и сказалъ: «Молчи и не говори ни слова!»

Я замолчала, и сердце мое окаменѣло такъ, что слезы остановились, и я какъ деревянная сидѣла, и никакихъ чувствъ не было. Онъ уѣхалъ со двора, а я насилу могла опомниться: что я и гдѣ я, и что со мной будетъ? Слезы облегчили мое страданіе. Я пошла къ обѣднѣ и съ великимъ усердіемъ молилась Спасителю моему, ежели возможно, чтобъ Онъ отвратилъ отъ меня то зло, которымъ меня угрожаетъ мужъ мой. «Но ежели угодно тебѣ, Боже мой, попустить сему злу, то подкрѣпи меня силою Твоею и буди моимъ хранителемъ!» И послѣ сего пришла домой очень спокойна. Передъ обѣдомъ онъ прислалъ сказать, что дома не обѣдаетъ. Итакъ, я отобѣдала и сѣла за работу. Пришелъ вечеръ, я напилась чаю; со двора не поѣхала для того, что сильный былъ морозъ. И у меня тотъ день никого не было, что очень рѣдко случалось. Въ ожиданіи мужа моего, сѣла я почитать Арнта ¹⁾, но вдругъ сердце мое забилося, какъ-бы испугалось чего, и страхъ столько овладѣлъ всѣми моими чувствами, что я начала дрожать и духъ мой сталъ заниматься, такъ что я водою отпивалась и навѣрно знала, что будетъ со мной что-нибудь очень непріятное. Наконецъ, я начала со слезами молиться Спасителю моему, чтобъ Онъ не оставилъ меня и послалъ помощь свою.

Въ первомъ часу пріѣхалъ мужъ мой пьянъ и чрезвычайно сердитъ, раздѣлся и легъ; я уже была въ постелѣ. Первое—началъ меня бранить и называть непокорною женою и не любящею мужа своего и что онъ несчастливъ мною очень. Я молчала. Онъ сказалъ: «Что ты молчишь?» Вскочилъ, согналъ меня съ постели, ругалъ, сколько ему было угодно и вытолкнулъ меня на крыльцо въ одной юбкѣ и безъ чулокъ и сѣни заперъ. Сколько отъ горести, а болѣе отъ морозу, духъ у меня занимало. Вдругъ, вижу—идетъ кто-то къ крыльцу на стонъ мой, и я узнала, что это Феклисть, но я ужъ говорить не могла. Онъ взялъ меня на руки и снесъ въ баню, которая наканунѣ была топлена, надѣлъ на меня свою шубу, затопилъ печь, согрѣлъ воды съ шалфеемъ и напоилъ меня и горько плакалъ.

— Ты, мать наша, всѣхъ насъ несчастіе! Намъ доставляешь покой, а сама не имѣешь!

Я сказала: «Помолись, мой другъ, обо мнѣ, чтобъ Господь помило-

¹⁾ Юганвъ Арндтъ (р. 1555, ум. 1621 г.), авторъ многихъ мистическихъ и аскетическихъ сочиненій, изъ которыхъ одно — „Das wahre Christenthum“ было переведено на русскій языкъ И. П. Тургеневымъ въ 1784 г.

валь меня!» И у меня сдѣлалась сильная лихорадка; слезъ не было и тягость въ груди была неносная. Въ пятомъ часу прибѣжала дѣвка, хватаясь меня, гдѣ я; ранѣ не могла выйти: мужъ мой не спалъ и не выпускалъ изъ комнаты и прибилъ ее. Она бросилась ко мнѣ, зарыдала и закричала: «Жива ли она?» Упросила меня надѣть капоть теплый, обула меня, и, взявъ меня добрый Феклисть на руки, принесъ въ комнаты, въ антресоли; и опасались, чтобъ не услышалъ мужъ мой. Тутъ я легла на канапе и дѣвка меня напоила чаемъ, который я насилу глотала; и, кромѣ сихъ двухъ людей, никто не зналъ моего изгнанія, и я имъ запретила говорить.

Полутру, въ девятомъ часу, я велѣла заложить карету. Мужъ мой, услыша, вошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Куда ты ѣдешь такъ рано?» И, увидя страшную блѣдность и слабость, съ робостью спросилъ: «Что тебѣ сдѣлалось, матушка?» Я залилась слезами и сказала: «Безсовѣстный ты человѣкъ! Еще можешь ты спрашивать у меня, что мнѣ сдѣлалось? Ты бы спросилъ: еще ты жива послѣ того, что съ тобой произошло? И за что? За то, что я тебѣ не повинуюсь и мерзкимъ твоимъ желаніямъ? Знай, что я ѣду къ отцу моему и все расскажу, и ничто меня отъ сего удержать не можетъ! Нѣтъ болѣе моего терпѣнія, и послѣ этого я съ тобой жить не могу: избавлю тебя такой жены, которая тебѣ ненавистна, и ничего отъ тебя не потребую, въ одной рубашкѣ останусь, но съ спокойнымъ сердцемъ и чистою совѣстью. Я бѣдна не буду: у меня есть руки и глаза, а Богъ—мой помощникъ! Буду просить моего благодѣтеля, чтобъ онъ отправилъ меня въ Москву къ отцу моему ¹⁾, гдѣ буду жить счастливо и спокойно. Они знаютъ меня, знаютъ и тебя, то не думай, чтобъ они меня повинили; винить будутъ тѣ, которые не знаютъ, да мнѣ до тѣхъ и дѣла нѣтъ, а ты меня ни въ чемъ не можешь упрекнуть!»

Онъ сталъ упрашивать меня и говорить, что онъ ничего не помнитъ. Я только это знаю, что сіе не въ первый и не въ послѣдній разъ будетъ и не вѣрю, чтобъ ты не помнилъ: ты не такъ былъ пьянъ, чтобъ можно было сказать, что ты безъ памяти былъ! Да что говорить! Я ѣду и исполню то, что предприняла, и ты не можешь меня остановить. Ты же самъ вѣчоръ сказалъ, что ты несчастливъ мною, и хотѣлъ избавиться отъ меня смертію моею, но я и безъ этого избавлю тебя,—и ты не будешь никогда видѣть ту, которая столько дѣлала жизнь твою несчастной; и жаловаться на тебя не буду, а буду молиться за тебя: да проститъ тебя Господь и дастъ тебѣ миръ и спокойствіе и счастье сего міра и будущаго! Пусть совершается надо мной его опредѣленіе: я съ покорностію все снесу!»

¹⁾ М. М. Хераскову; онъ въ это время былъ кураторомъ Московскаго Университета.

Пріѣхала я къ моему благодѣтелю рано. Блѣдность лица моего сказала ему о моемъ душевномъ положеніи. Я упала передъ нимъ и съ рыданіемъ сказала: «Дочь твоя несчастная лежитъ у ногъ твоихъ: научи ее, что дѣлать и что предпринять!» И рассказала ему все случившееся со мной. Онъ залился самъ слезами, кликнулъ свою супругу и велѣлъ меня напоить горячимъ, потому что у меня сильная лихорадка сдѣлалась. Между тѣмъ, послалъ за моимъ мужемъ, который и пріѣхалъ. Онъ ввелъ его въ ту комнату, въ которой я лежала, и заплакалъ. Благодѣтель мой спросилъ у него: «Правда ли то, что я слышалъ отъ жены твоей, и какъ ты съ ней поступилъ тирански и подло! Развѣ она заслужила отъ тебя? Вы можете мнѣ прямо сказать, что она противъ васъ сдѣлала. Вамъ лучше съ ней разстаться, ежели она не стоитъ вашей любви и уваженія!»

Онъ зарыдалъ и сказалъ: «Благодѣтель мой! Она права, и я ее ни въ чемъ винить не могу, но помоги мнѣ испросить у ней прощенія! Я не могу безъ нея быть счастливымъ! Ежели она меня оставитъ, то не будетъ въ мірѣ челоуѣка несчастнѣе меня!» Подошедши ко мнѣ, говорилъ: «Неужто ты захочешь отнять отъ меня жизнь, честь и спокойствіе? Кротость твоя и терпѣніе не допустятъ тебя сіе сдѣлать! Прости меня,—у ногъ твоихъ лежу! Благодѣтель мой, будь поручителемъ, соедини свои просьбы къ моимъ и дай мнѣ новую жизнь!»

Благодѣтель мой и отецъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, а супруга его, сидя возлѣ меня, заливалась слезами,—и оба начали говорить: «Мужъ твой раскаивается, кажется, чистосердечно и общается не огорчать тебя: согласись, мой другъ, моя неоцѣненная дочь, послушайся отца твоего!»

Я залилась слезами, прижала его руку къ томному моему сердцу и сказала: «Ты—мой отецъ и благодѣтель, единая отрада скорбнаго моего сердца! Я все для тебя сдѣлаю: остаюсь съ нимъ жить, хотя и не думаю, чтобы я была счастлива! Только одной у него прошу милости—не говорить мнѣ никогда о любовникѣ и никого не предлагать; другое,—чтобъ избавилъ меня видѣть то, что заставлялъ меня видѣть: я сего снести не могу, и оставилъ бы меня жить спокойно. Я ему никогда не говорила и не упрекала его, а старалась дѣлать ему угодное, думая, что моя кротость и терпѣніе все превозможетъ, но очень обманулась: ничто несчастной моей жизни перемѣнить не могло! Онъ самъ здѣсь пусть скажетъ,—слышалъ ли онъ когда жалобы мои, видѣлъ ли когда скорбь мою? Я и это стараюсь запереть внутри. Вина моя главная въ томъ, что я все переносила; и, вышедши за него, не видала радостныхъ и покойныхъ дней, а которые и имѣла, то онъ всячески старался отнять ихъ. И послѣ всего говорить, что онъ меня любитъ! Для меня не понятна сія любовь, по крайней мѣрѣ,—я не умѣю такъ любить!»

Скажи мнѣ теперь, при отцѣ моемъ, что я тебѣ сдѣлала? Ежели я тебѣ и говаривала когда, но не для себя: это Богъ видитъ, а боялась, чтобъ ты не потерялъ своего добраго имени. Вспомни почтенную мать твою, которая со слезами тебѣ говорила: «За что ты оскорбляешь жену твою и истиннаго твоего друга и дѣлаешь жизнь ея несчастною? Да и на меня наложишь страшную тягость и скорбь, которая скоро меня сведетъ во гробъ! Я другу моему,—ся матери, клятву дала предъ Спасителемъ, чтобъ сдѣлать ея жизнь спокойной, и за тебя ручалась, что будешь ей добрый мужъ и другъ,—но то ли я теперь вижу: ты сдѣлался ея тираномъ! Пока я еще жива, то она во мнѣ имѣетъ мать и вѣжнаго друга, но ежели я умру,—что съ ней, бѣдной и сирой, будетъ? Кому она откроетъ сердце свое и кто съ ней раздѣлитъ ея несчастіе? Молю Господа моего, чтобъ Онъ сохранилъ жизнь мою, хотя и скорбна она для меня, но я нужна ей для успокоенія ея. Ежели ты не перемѣнишься, то не будетъ тебѣ счастья и совѣсти твоей спокойствія ни на минуту. Я вижу, что ты плачешь: дай Богъ, чтобъ эти слезы были слезы раскаянія и признанія! Прошу тебя со слезами: пожалѣй хоть старость матери твоей, которая хочетъ только жить для васъ, не сдѣлай смерть мою горькою!»—И ты вспомни, въ который день сдѣлался ей ударъ, каковъ ты былъ наканунѣ? Не это ли ей и смерть причинило? Лѣта ея не могли ужъ перенести видѣннаго ею несчастія моего! Вспомнить и теперь не могу о ея потерѣ; я съ ней все мое счастье потеряла невозвратно. Она одна была: мать, другъ и наставница,—и ту Господь отнял отъ меня! Да будетъ Его воля! Судьбы Его неисповѣдимы. Она меня учила всему покоряться и терпѣть и еще—благодарить Спасителя моего за тѣ страданія, которыя Онъ на меня щедро посылаетъ. Можетъ ли быть что мучительнѣе въ жизни, какъ имѣть мужа такого, который, вмѣсто дружескаго успокоенія, старается сдѣлать мою жизнь самую несчастною. Я еще никогда не была отъ тебя успокоена, но Господь мнѣ посылалъ такихъ благодѣтелей, которые любовію своею и дружескими соболѣзнованіями и совѣтами улаждали сколько-нибудь мою горестную жизнь. Я часто завидовала»...

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

И С Т О Р І Я
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», СПБ. Большая

Подъяческая, № 39.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1903 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Княгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

2) Тарифный Комитетъ, состоящій изъ представителей министерствъ: путей сообщения и финансовъ и государственнаго контроля и 3) Департаментъ железнодорожныхъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточивается дѣлопроизводство по всемъ тарифнымъ дѣламъ и разработка послѣднихъ. Тѣмъ же закономъ были созданы спеціальныя сѣзды представителей желѣзныхъ дорогъ для обсужденія тарифныхъ вопросовъ; они собираются по распоряженію или съ разрѣшенія министра финансовъ и подчиняются правиламъ, составляемымъ для нихъ Совѣтомъ по тарифнымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ была создана система правительственнаго руководства желѣзнодорожными тарифами, при чемъ во главѣ Департамента железнодорожныхъ дѣлъ поставленъ былъ нынѣ занимающій постъ министра финансовъ, С. Ю. Витте ⁴⁾. Новые тарифныя учрежденія принялись за дѣятельную работу по усовершенствованію, упрощенію и объединенію принятыхъ на различныхъ линіяхъ провозныхъ платъ; при этомъ было признано целесообразнымъ избѣгать крутой ломки прежнихъ порядковъ, могущей вызвать потрясенія или замѣшательства въ торговопромышленной жизни страны. Работа шла въ извѣстной постепенности и примѣнительно къ нуждамъ торговли и промышленности. Прежде всего были выработаны тарифы на перевозку нашего главнаго груза — хлеба; затѣмъ послѣдовалъ пересмотръ тарифовъ международнаго сообщенія; далѣе были установлены тарифы на перевозку главнѣйшихъ массовыхъ грузовъ (чугуна, желѣза, каменнаго угля, соли и т. п.). Въ основаніи всѣхъ вновь выработанныхъ тарифныхъ ставокъ положено начало дифференціаціи тарифовъ, т. е. принципъ постепеннаго пониженія единичной ставки съ пуда и версты при увеличеніи разстоянія пробѣга груза. Совокупностью этихъ правительственныхъ мѣропріятій былъ положенъ предѣлъ произвольнымъ дѣйствіямъ желѣзнодорожныхъ компаній, столь обычнымъ во время процвѣтанія концессионной системы и безусловно несомнѣннымъ ни съ видами правительства, ни съ интересами частныхъ лицъ, которыми нуждались въ услугахъ желѣзныхъ дорогъ. Этимъ путемъ правительство подготовило себѣ почву для выполненія другой части предстоявшей ему задачи по упорядоченію нашего желѣзнодорожнаго дѣла, — выкупа дорогъ въ казну.

Разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ произ-

⁴⁾ Трудъ С. Ю. Витте «Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ», изданный въ началѣ восьмидесятихъ годовъ и явившійся первымъ опитомъ систематическаго изложенія, на русскомъ языкѣ, главнѣйшихъ началъ желѣзнодорожнаго тарифнаго дѣла, упрочилъ за его авторомъ репутацію одного изъ наиболѣе выдающихся знатоковъ этого дѣла въ Россіи.

водства выкупныхъ операцій посвящена в той же главѣ разсматриваемой нами книги, раздѣленная на двѣ главныя части: а) выкупъ въ казну частныхъ желѣзнодорожныхъ линій до наступленія сроковъ, предусмотрѣнныхъ для производства этой операціи уставами желѣзнодорожныхъ обществъ и б) переходъ въ вѣдѣніе правительства частныхъ желѣзныхъ дорогъ, на выкупъ которыхъ казна уже имѣла формальное право. Существенная составная часть этой операціи заключалась въ обмѣнѣ акцій прекращавшихъ свое существованіе желѣзнодорожныхъ обществъ на правительственныя бумаги, выдававшіяся бывшимъ акціонерамъ въ вознагражденіе за передачу данной линіи въ завѣдываніе казны до истеченія выговореннаго своевременно обществомъ концессионнаго срока. По сдѣланнымъ государственному контролю, правительству, на основаніи заключенныхъ имъ условій съ обществами, прекратившими свое существованіе за время царствованія императора Александра III, предстояло выдустить такихъ бумагъ на общую нарицательную сумму 183.759.068 руб. метал. и 114.749.900 руб. кред.

Третья, заключительная, глава стведена обзорнѣю казеннаго и частнаго желѣзнодорожнаго строительства за время съ 1881 по 1894 г. г. Правительство, введя въ наше желѣзнодорожное дѣло новый элементъ въ видѣ обширнаго и правильно организованнаго казеннаго хозяйства, не устранило и прежняго главнаго фактора въ этомъ дѣлѣ — частной предприимчивости, но поставило эту послѣднюю въ строго регламентированное положеніе исполнительницы правительственныхъ предначертаній.

Состояніе нашей желѣзнодорожной сѣти въ Европейской Россіи (не считая Финляндіи) представлялось къ моменту безвременной кончины Царя-Миротворца въ слѣдующемъ видѣ: всего было открыто для общаго пользованія 31.219 верстъ рельсовыхъ путей; изъ нихъ въ казенномъ управленіи состояло 16.920 в.: остальные 14.299 в. содержались частными компаніями. Такимъ образомъ численный перевѣсъ оставался все-таки на сторонѣ казенныхъ дорогъ. Сравнительно съ числомъ желѣзнодорожныхъ путей, существовавшихъ къ началу 1881 г. (21.228 в.), наша рельсовая сѣть, за время царствованія Императора Александра Александровича, увеличилась на 9.991 в., или на 47%. Протяженіе же дорогъ, эксплуатируемыхъ казною ⁵⁾, возросло въ двѣсти девяносто семь разъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, дѣятельность правительства по желѣзнодорожному дѣлу въ царствованіе Императора Александра III. Приложенія къ книгѣ двѣ карты желѣзныхъ дорогъ: въ 1881 г. и 1894 г. наглядно иллюстрируютъ итоги этой дѣятельности.

Н. К-шъ.

⁵⁾ Въ 1881 г. къ этому разряду принадлежала лишь 57-ми-верстная Ливенская дорога.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей. **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и намѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

